

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

А. К. Аликберов

**ЧЕЛОВЕК И ИСТОРИЯ
В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ
Многомерный подход**

Москва
Наука
2023

УДК 930
ББК 63.2
А50

Рекомендовано
Ученым советом Института востоковедения РАН

Ответственный редактор
И. В. Следзевский, д-р ист. наук, профессор

Рецензенты
Л. И. Бородин, д-р ист. наук, член-корреспондент РАН
В. А. Лекторский, д-р филос. наук, академик РАН
А. И. Яковлев, д-р ист. наук, профессор

Аликберов А. К.
А50 **Человек и история в цифровую эпоху: Многомерный подход.** – М.:
Наука, 2023. – 734 с.

ISBN 978-5-02-041040-4

В ответ на актуальный запрос востоковедения на интегративные научные методы и злободневные дискуссии о научности и объективности исторического и шире – гуманитарного – знания автор вводит в научный оборот *многомерный системно-коммуникационный подход*, предлагающий методологический синтез пространственного, цифрового (коммуникативного и информационного), антропологического, социокультурного и других важнейших эпистемологических «поворотов» истории и других «наук о культуре» в цифровую эпоху. Переход от упрощенных линейных или осевых представлений о прошлом к его N-мерной репрезентации позволяет достичь более объемного и многостороннего (то есть более объективного) взгляда на исторические события. В центре внимания исследования находятся фундаментальные измерения истории и культуры – общественное, политическое, этническое и религиозное, которые в основном и делают человека многомерным, определяя индивидуальные и коллективные формы его идентичности. Новый подход включает в себя комплексный набор собственных исследовательских инструментов: метод системно-коммуникационного анализа, метод моделирования коммуникативных систем, метод системно-логической верификации, метод универсальных языковых эквивалентов и интерактивный метод включенного наблюдения.

Монография адресована широкому кругу специалистов, аспирантов и студентов социогуманитарного профиля, прежде всего историкам, востоковедам, социологам, культурологам, политологам, этнологам, религиоведам, представителям смежных и прикладных областей знания.

УДК 930
ББК 63.2

ISBN 978-5-02-041040-4

© Аликберов А.К., 2023
© ФГБУН ИВ РАН, 2023
© ФГУП Издательство «Наука»,
редакционно-издательское
оформление, 2023

INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

A.K. Alikberov

**HUMAN AND HISTORY
IN THE DIGITAL AGE
A Multidimensional Approach**

Moscow
Nauka
2023

Edited by
Igor V. Sledzevsky, Prof., D.Sc. in Historical Sciences

Reviewers
Leonid I. Borodkin, Corr. Member of the RAS, D.Sc. in Historical Sciences
Vladislav A. Lectorsky, Acad. of the RAS, D.Sc. in Philosophy
Alexander I. Yakovlev, Prof., D.Sc. in Historical Sciences

Alikberov, A. K.

Human and History in the Digital Age: A Multidimensional Approach. –
Moscow: Nauka, 2023. – 734 p.

This book is written in response to the increasingly apparent need for more integrative methods in the field of Oriental studies and to today's rapidly evolving discourse on the nature of 'objectivity' in historical and, more broadly, humanitarian knowledge. The author proposes a new concept for scholarly research: a *multidimensional system communications approach*, a synthesis of spatial, digital (communicational and informational), anthropological, sociocultural and other epistemological 'turns' in history and other 'cultural sciences' in the digital age. The proposed transition from simplified linear or axial projections of the past to an N-dimensional representation would make it possible to obtain a more comprehensive and multifaceted (hence, more objective) view of historical events. This study focuses on fundamental social dimensions of history and culture. Societal, political, ethnic and religious factors together create the multidimensionality human beings, determining both individual and collective forms of identity. The approach introduced here offers scholars a correspondingly broad toolbox that includes methods for system-communications analysis, modeling communications systems, systems-logical verification, universal language equivalents and interactive participant observation.

This monograph is addressed to a wide range of specialists, graduate students and students of socio-humanitarian disciplines, primarily historians, orientalists, sociologists, culturologists, political scientists, ethnologists, scholars of religion, experts in related and applied areas of knowledge.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	12
ВВЕДЕНИЕ	15
Глава первая. МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ В КОНЦЕ XX в. ЗАРОЖДЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ ПОДХОДОВ	44
1.1. Кризис «больших нарративов» и проблема методологического выбора	46
1.1.1. Формационная теория марксизма и развитие коммуникативной теории в рамках неомарксизма (критической теории)	49
1.1.2. Цивилизационная теория и коммуникативные концепции цивилизации. Проблема культурного релятивизма.....	61
1.1.3. От теории модернизации к постмодернизму и неомодернизму. Цифровой модернизм, метамодернизм и коммуникация	71
1.1.4. Принципиальная несочетаемость «больших теорий» в единой многомерной модели данных.....	81
1.1.5. Дискуссия об объективности истории: к вопросу о допустимых пределах рефлексии в историческом исследовании	89
1.1.6. «Новый историзм» в исторической науке: между классическим историзмом и историцизмом (сцентизмом).....	97
1.2. Эпистемологические «повороты» исторической науки.....	105
1.2.1. Лингвистический и когнитивный «повороты»	107
1.2.2. Социальный «поворот», история социального и социальная история	111
1.2.3. Культурный «поворот», культуральная история и социокультурный «поворот» в истории	115
1.2.4. Антропологический «поворот» и историческая антропология.....	117
1.2.5. Коммуникативный, цифровой и информационный «повороты»	119
1.2.6. От прагматического и пространственного «поворотов» – к многомерности	122
1.3. Проблема согласования парадигмальных оснований исторического исследования.....	126
1.3.1. Способы преодоления парадигмальных противоречий в историческом исследовании	127
1.3.2. Внепарадигмальная модель научной рациональности.....	130
1.3.3. Неоклассическая модель исторического исследования.....	132
1.3.4. Рефлексивный коммуникативный рационализм как идеал неоклассической науки и основа многомерного подхода	138

1.4. Условия, пределы и перспективы междисциплинарного и трансдисциплинарного синтеза методологий.....	141
1.4.1. О продолжающейся фрагментации исторической науки	142
1.4.2. Междисциплинарное поле исторического знания и особое место истории в системе социогуманитарных наук	147
1.4.3. От междисциплинарных стратегий к трансдисциплинарной перспективе	152
1.4.4. Комплексность и цифровые перспективы востоковедения	156
1.4.5. Формирование коммуникативного метадискурса и практики метаисследований	165
 Глава вторая. ИСТОЧНИКИ МНОГОМЕРНОГО СИСТЕМНО-КОММУНИКАЦИОННОГО ПОДХОДА	178
2.1. Системный подход, его классические и новейшие методы. Теории социальных систем.....	179
2.1.1. Унификация системных методов исторического исследования	181
2.1.2. Мир-системная теория	190
2.1.3. Синергетика, ее направления и некоторые неоклассические перспективы	194
2.1.4. Системные основания социальных теорий.....	200
2.1.5. Социетальные системы Парсонса и самореферентные системы Лумана.....	203
2.1.6. Базовые концептуальные схемы теории системы Лумана	208
2.2. От социологизма как классического метода истории к многомерному культуральному анализу и социокультурному подходу	211
2.2.1. Социологизм Дюркгейма и основные направления «понимающей» социологии	212
2.2.2. Акторно-сетевая теория Латура и «пересборка социального»	217
2.2.3. Интерпретативная социологическая антропология Гирца	218
2.2.4. Многомерная культуральная социология Александра.....	220
2.2.5. Социокультурный подход	222
2.3. Коммуникативные теории и «коммуникативная история».....	226
2.3.1. Коммуникация как источник информации.....	227
2.3.2. Коммуникация как диалог: диалогические концепции Бубера, Бахтина, Библера	229
2.3.3. Коммуникация как действие: теория коммуникативного действия Хабермаса.....	232
2.3.4. Коммуникация в теориях Парсонса и Лумана	234
2.3.5. Системно-коммуникативный подход Лумана к изучению истории.....	240
2.3.6. Попытки использования системно-коммуникативной теории Лумана для сравнительного изучения цивилизаций Запада и Востока, Европы и Азии.....	245
2.3.7. «Коммуникативная история» и история коммуникаций	250
2.3.8. Общие и специальные методы коммуникативного анализа.....	252

2.4. Информационные теории и «информационная история»	257
2.4.1. От информационной теории Шеннона и социальной кибернетики Винера к теориям информационного общества	258
2.4.2. Прикладные версии информационных теорий	264
2.4.3. «Информационная история» и цифровая история	267
2.4.4. Интегративные и прикладные информационно-коммуникативные подходы	272
2.4.5. Методы многомерной статистики и их возможности в историческом исследовании	276
2.4.6. Инструменты многомерного моделирования	279
Глава третья. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВОПОЛОЖЕНИЯ МНОГОМЕРНОГО ПОДХОДА	283
3.1. Коммуникативные связи и отношения вместо диалектических	284
3.1.1. Предметное отделение теории и методологии истории от философии истории как проблема исторической эпистемологии	285
3.1.2. Неизмеримость философских понятий диалектической связи и диалектических отношений, их неverifiedируемость для многомерного системно-коммуникационного анализа	292
3.1.3. Трансцендентализм или диалогичность вместо диалектики?	296
3.1.4. Понятие коммуникативной связи	298
3.1.5. Понятие коммуникативного отношения	300
3.2. Перекрестный анализ как дополнение к сравнительному изучению	303
3.2.1. Перекрестный анализ и методология перекрестной истории	304
3.2.2. Перекрестный характер трансдисциплинарных стратегий и реляционных методов	309
3.2.3. Цифровая адаптация «перекрестной истории»	312
3.3. Принцип транссубъектности в историческом познании как дополнение к принципу intersubjectности	314
3.3.1. Герменевтика субъекта познания и субъекта коммуникативного действия в истории	315
3.3.2. Интерсубъективность и intersubjectность	320
3.3.3. Интеробъективность и коммуникация человека с материальным миром	323
3.3.4. Интрасубъективность коммуникации	324
3.3.5. Понятия транссубъективности и транссубъектности	324
3.3.6. Различение субъективности и транссубъективности исторического познания	328
Глава четвертая. КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ МНОГОМЕРНОСТИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ	334
4.1. Интерпретация многомерности системных проявлений социального целого	336
4.1.1. Разделение социального целого на измеряемые части (измерения) для системного многомерного анализа	337
4.1.2. Равенство системных проявлений социального целого в научном познании	342

4.1.3. Коммуникация как источник социальности и культуры.....	349
4.1.4. Системные измерения коммуникации.....	352
4.1.5. Системные измерения социального порядка.....	358
4.1.6. Измерения системы социальной организации.....	364
4.2. Интерпретация социальных измерений системы культуры	379
4.2.1. Многомерность системы культуры и внутренняя взаимосвязь ее стадийных проявлений	380
4.2.2. Система общественной (социальной) культуры	386
4.2.3. Система политической культуры.....	388
4.2.4. Система этнической (народной) культуры.....	392
4.2.5. Система религиозной культуры	394
4.3. Интерпретация социальной многомерности истории	403
4.3.1. Общественное измерение истории	406
4.3.2. Политическое измерение истории.....	411
4.3.3. Этническое измерение истории.....	417
4.3.4. Религиозное измерение истории.....	426
4.4. Интерпретация социальной многомерности человека и его идентичностей	437
4.4.1. Социальные измерения человека.....	439
4.4.2. Многомерность социальной идентичности человека	443
4.4.3. Внутренние механизмы и подвижные приоритеты множественной идентичности	454
4.4.4. Конфликт идентичностей в многомерной проекции	455
4.4.5. О многомерном характере коммуникации «Я» и «Другого», «Своих» и «Чужих».....	459
Глава пятая. МЕТОДЫ МНОГОМЕРНОГО ПОДХОДА.....	463
5.1. Метод многомерного системно-коммуникационного анализа.....	464
5.1.1. Системно-коммуникационный анализ как основной инструмент методологии многомерного подхода	465
5.1.2. Акт коммуникации как мерный (исчисляемый) элемент коммуникативного действия и единица системно-коммуникационного анализа	468
5.1.3. Масштабируемость и множественность фокусов системно-коммуникационного анализа, их одновременная Его-центричность и социоцентричность.....	470
5.2. Метод многомерного моделирования коммуникативных систем.....	474
5.2.1. Методологический конструктивизм: использование идеально-типических и реально-типических конструктов (моделей).....	475
5.2.2. Фокус персональной истории (биографика): модель «жизненного мира» субъекта истории как система его личных коммуникаций.....	479
5.2.3. Фокус микроистории: модель коммуникативной общины.....	482
5.2.4. Фокус «микроистории глобального» в модели «системы систем».....	486

5.2.5. Фокус макроистории: цифровая модель реального общества вместо гипотетической модели «идеального общества».....	489
5.2.6. Интеграция фокусов персональной истории, микроистории и макроистории.....	493
5.3. Метод системно-логической верификации (системная логика)	497
5.3.1. Системная логика и ее источники	498
5.3.2. Основные принципы метода	504
5.3.3. Возможности межлинейной верификации многомерной истории.....	510
5.4. Кросскультурный метод универсальных языковых эквивалентов.....	513
5.4.1. Цель метода	514
5.4.2. Источники метода	516
5.4.3. Сущность метода	517
5.4.4. Основные принципы	522
5.5. Интерактивный метод включенного наблюдения	529
5.5.1. Источники, основания и сущность интерактивного метода	530
5.5.2. Понимание, предпонимание и символизм в коммуникативной интеракции	532
5.5.3. Транссубъективные возможности интерактивного метода включенного наблюдения.....	534
Глава шестая. ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ МНОГОМЕРНОГО ПОДХОДА	539
6.1. Новая пространственная метрика изучения истории и культуры	540
6.1.1. Многомерная аналитическая платформа для использования цифровых инструментов в историческом познании	541
6.1.2. Условия для расширения возможностей многомерного подхода. Проблемы датафикации на основе коммуникации	543
6.1.3. От «больших данных» к цифровым анналам истории (многомерной модели данных).....	548
6.1.4. Изучение сложных социокультурных явлений с помощью многомерного моделирования	552
6.2. Использование методов многомерного подхода в нецифровой истории.....	562
6.2.1. Системно-коммуникативный анализ социальных связей и отношений в истории Востока	563
6.2.2. Примеры использования системной логики в истории, востоковедении и источниковедении	567
6.2.3. Области применения метода универсальных языковых эквивалентов	575
6.3. Опыт изучения общественного, политического, этнического и религиозного измерений истории.....	581
6.3.1. Общественное измерение истории: к проблеме изучения общины	581
6.3.2. Политическое измерение истории: системно-коммуникационный анализ ранних форм государственных образований.....	587

6.3.3. Этническое измерение истории: к вопросу о «различении “наций”» и многомерности категории «народа».....	598
6.3.4. Религиозное измерение истории: конструирование российской модели ислама.....	608
6.4. Повышение степени объективности и верифицируемости исторического исследования в рамках «нового историзма».....	614
6.4.1. О понимании «нового историзма» в неоклассической науке	615
6.4.2. Исторические типы знаний о прошлом: мифологический – идеологический – научный.....	619
6.4.3. Историческая правда и историческая истина в многомерной проекции «нового историзма».....	626
6.4.4. Введение коэффициента объективности исторического исследования. Определение соотношения между объективностью и интерпретативностью	631
6.4.5. Культурный релятивизм в системной логике многомерного подхода.....	635
6.5. Периодизация истории на основе информационно-коммуникативных критериев.....	638
6.5.1. Устная и письменная стадии развития культуры как основание для периодизации истории.....	639
6.5.2. Период устной истории [исторический фольклор / история первобытного общества].....	644
6.5.3. Период монументального письма [пиктография, эпиграфика]	647
6.5.4. Период рукописной истории [нарративные источники / источниковедение].....	649
6.5.5. Период книгопечатной истории [историческая наука / историография истории].....	651
6.5.6. Период цифровой истории [история информационного общества].....	653
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	656
БИБЛИОГРАФИЯ.....	661
ОБ АВТОРЕ	733

Светлой памяти моего отца
Аликберова Калабека Алиметовича
посвящаю

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мне посчастливилось учиться в аспирантуре на рубеже 80–90-х гг. прошлого века в Ленинграде, сначала на Восточном факультете ЛГУ (ныне СПбГУ) у А. Д. Желтякова, а затем в Арабском кабинете Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (ныне Институт восточных рукописей РАН) под руководством С. М. Прозорова. Это было время разлома эпох, когда рушился привычный мир, но открывались невиданные перспективы и горизонты невероятных возможностей. Многие историки и обществоведы поспешили отказаться от марксизма, по крайней мере в его позднесоветской интерпретации, которая была не просто единственной, а «единственно верной» объяснительной теорией. Начало «девяностых» было переполнено событиями и переменами, которые вселяли надежду и веру в свои силы и требовали поиска новых идей и смыслов. Никто еще не осознал, что на смену старому аналоговому миру приходит новая – цифровая – эпоха. Именно в те годы я заразился духом свободы и независимости научного творчества, критической неудовлетворенностью существующими теориями, не дающей покоя методологической рефлексией и вдохновляющими идеями цифровой революции, без которых не было бы этой книги.

Именно в эти годы в России вновь возродились сомнения в научности и объективности истории, а вместе с ней и других гуманитарных наук. В последние годы в рамках нынешнего «прагматического поворота» с новой силой разгорелись дискуссии между «физиками» и «лириками». Очевидно, вопрос о том, нужны ли обществу история и гуманитарные науки и какая от них практическая польза, будет перманентно возникать в головах у людей, нацеленных исключительно на технологический прогресс. То, что технологическое развитие требует определенного уровня развития культуры, частью которой являются и сами технологии, совершенно игнорируется.

Мощный импульс для проведения теоретических изысканий на стыке истории, социологии, антропологии, культурологии и политологии мне дала координация исследовательских проектов «Общество и власть на Северном Кавказе» и «Культурно-сложные общества на Кавказе и в Центральной Азии» в рамках двух программ фундаментальных исследований Президиума РАН: «Общество и власть в истории» (подпрограмма «Человек, власть и общество в России», рук. А. О. Чубарьян, А. А. Фурсенко и А. Н. Сахаров, 2008–2011 гг.) и «Культурно-сложные общества: понимание и управление» (рук. В. А. Тишков, 2018–2020 гг.). Раскрытие потенциала цифрового, антропологического, социокультурного и других познавательных «поворотов» в исторической науке, а также новейших социальных теорий стимулировало поиск более надежных междисциплинарных инструментов научного позна-

ния истории и культуры. Наиболее интересной мне показалась идея универсальности человеческой коммуникации (П. Сорокин, Т. Парсонс, Н. Луман, Ю. Хабермас), порождающей саму социальность, а также идея многомерности социальности, которая логически приводит к пространственному пониманию человека и истории. С этими идеями перекликались и исследования моего отца К. А. Аликберова, занимавшегося в последние годы своей жизни проблемами русско-дагестанского билингвизма: двуязычие и многоязычие существенно расширяют возможности социальной коммуникации, поэтому представляют интерес как для коммуникативных теорий, так и для теории социальной идентичности.

С большим удовольствием выражаю глубокую признательность моему научному консультанту и ответственному редактору этой книги И. В. Следзевскому (ИАФР РАН) за его принципиально важные предложения по структуре, неоценимые правки на разных этапах исследования, а также продолжительные научные дискуссии, особенно в части признания идентификационного знания. Искренне благодарю также блистательных рецензентов этой книги: лидера исторической информатики в нашей стране Л. И. Бородкина, выдающегося специалиста по теории познания В. А. Лекторского, известного востоковеда и культуролога А. И. Яковлева.

Результаты исследования, которое проводилось в Институте востоковедения РАН, обсуждались в Центре изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья с участием специалистов из других научных подразделений института, а также на различных научных конференциях. В процессе исследования я не раз обращался за консультациями к Л. Б. Алаеву и С. А. Панарину. Благодарю также В. Я. Белокрыцкого, Е. Ю. Ванину, А. И. Кобзева, В. А. Кузнецова, В. М. Немчинова, Л. С. Перепелкина, И. С. Савина, наблюдения и дружеские подсказки которых улучшили эту работу. Ряд теоретических положений книги перекликается со специальными исследованиями моих аспирантов Н. И. Быстрицкого и А. В. Владимировой по цифровой истории и востоковедению.

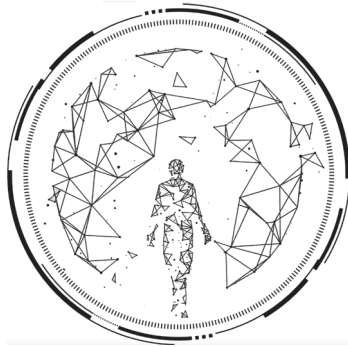
На рукопись книги было получено много важных замечаний и предложений из различных российских и зарубежных научных центров, преимущественно академических. Они существенно расширили горизонты исследования и способствовали его заметному прогрессу. А. Ю. Антоновский (ИФ РАН) обратил мое внимание на некоторые положения исторической методологии системно-коммуникативной теории Н. Лумана, с которой перекликается многомерный подход, особенно в части системно-коммуникационного анализа. Глубокие наблюдения В. Л. Васюкова (ИФ РАН) помогли усилить обоснование системной логики. А. Ю. Володин (МГУ) конкретизировал ряд предположений по перспективам цифровой истории. И. В. Кудряшова (МГИМО) предложила поясняющие уточнения, связанные с понятийным аппаратом исследования. Самая жесткая, обширная и конструктивная реакция на рукопись работы была получена от И. Н. Ионова (ИВИ РАН), которую на самом деле трудно переоценить. Принимая его справедливый упрек в том, что я подхожу к истории как востоковед, через историю Востока, а не как историк-всеобщник, считаю отстраненный взгляд, опирающийся на конкретную эмпирику, не в меньшей степени продуктивным, чем взгляд изнутри: они взаимодополняемы и нуждаются друг в друге для полноты дискурса. Отечественные востоко-

веды традиционно занимались проблемами теории истории: достаточно вспомнить продолжительную дискуссию об Азиатском способе производства, получившую всемирное признание.

Детальные отзывы на результаты диссертационного этапа исследования были получены от А. В. Гордона (ИНИОН РАН), И. В. Зайцева (ГМВ), Л. П. Репиной и З. А. Чеканцевой (ИВИ РАН). Весьма ценные уточнения и предложения по отдельным вопросам исследования поступили от Н. Н. Крадина (ДО РАН), А. В. Коротаева (ИАФР РАН), В. Д. Лаза (РАНХиГС), Ш. М. Мустафаева (Институт востоковедения НАНА), М. М. Мchedловой (РУДН), М. А. Рахимова (Институт истории АН РУз), председателя Диссовета РГГУ А. П. Логунова, членов экспертных комиссий РГГУ Е. В. Барышевой, Н. В. Иллерицкой, Г. Г. Косача, Е. С. Мелкумян, К. А. Соловьева, А. С. Усачева и др. Не могу не упомянуть здесь В. С. Мирзеханова и А. А. Новикова, любезно оказавших организационную помощь на этом важном этапе исследования.

Пользуясь случаем, выражаю свое глубокое уважение досточтимым учителям и духовным наставникам А. А. Гусейнову, В. В. Наумкину, М. Б. Пиотровскому, С. М. Прозорову за их интеллектуальный вклад и познавательные идеи, которые во многом предопределили мои академические интересы в области теории истории.

Наконец, выражаю восхищение и признательность супруге Елене, которая своей любовью и поддержкой сделала возможным появление этой книги.

ВВЕДЕНИЕ

Est modus in rebus, sunt certi dēnique fines
«Есть мера в вещах, всему есть предел»

Гораций (*Hor. Sat. I. 1. 106–107*)

В качестве эпиграфа к своей статье «Человек и история» немецкий философ истории Карл Левит привел слова древнеримского историка Тацита: «Чем больше я размышляю о прошлых и настоящих событиях, тем больше я осознаю иллюзорность и неопределенность всего человеческого» (*Tacitus. Annales III. 18*). Поэтому в названии работы, намекающем на живую связь человека с его прошлым, он считает наиболее проблемной безобидную частицу «и», на которую и возлагается непомерное требование и ожидания весьма непростого объяснения¹. Цифровая трансформация науки, открывающая путь к переходу от плоских аналоговых репрезентаций прошлого к его многомерным динамическим проекциям, геоинформационным системам, цифровым реконструкциям и визуализации, с одной стороны, уменьшает меру иллюзорности, поскольку позволяет исследователю надежно фиксировать «меру вещей» со всеми необходимыми пространственно-временными характеристиками, чтобы получить гораздо более точные и верифицируемые результаты анализа «больших данных» (*Big Data*) в историческом исследовании. С другой стороны, цифровизация также усиливает меру неопределенности человеческого подсознательным и часто иррациональным страхом перед стремительно набирающим силу искусственным интеллектом, который в ближайшие десятилетия начнет не только вытеснять представителей многих профессий с рынка труда, но и развивать науку и человеческую культуру – если не вместо человека, то определенно вместе с ним.

¹ Löwith, Karl. *The Human and History* / transl. by J. Goesser Assaiante, S. Montgomery Ewegen // *Journal of Continental Philosophy. The Meanings of History*. 2021. Vol. 2. No. 1. P. 33.

Современный мир меняется на глазах благодаря цифровой революции и связанному с ней беспрецедентному технологическому прогрессу в самых различных областях науки, техники и повседневной жизни. Широкое распространение персональных компьютеров, мобильных средств связи, Интернета, разнообразных ботов – программ с искусственным интеллектом, больших языковых моделей (LLM), понимающих языки, разработка генетических и клеточных биокомпьютеров, работающих на основе трёхмерных культур клеток человеческого мозга, формирование экосистем виртуальной и дополненной реальности, растущая автоматизация и роботизация важнейших отраслей мировой экономики сопровождаются кардинальной трансформацией не только обществ, но и культуры. Дэниэль Бурстин связывает наиболее важные изменения человеческого сознания в начале цифровой эпохи с «размножением средств и форм того, что мы называем «коммуникацией»»². С ростом социального измерения цифровых форм коммуникации возникают «захватывающие формы коллективного мышления»³. Дэвид Берри говорит об «обещании коллективного интеллекта» в рамках вычислительного «поворота» науки, возможности «критически мыслить вместе, опосредованно с помощью технологий»⁴, очевидно, имея в виду новаторские модели искусственного интеллекта, способные обучаться через социальное взаимодействие (по типу Google DeepMind). В связи с интенсивным развитием Азии, кризисом европоцентристских концепций истории, а также стратегическим поворотом России на Восток проблемы кросс-культурной коммуникации на различных уровнях общественных отношений, основанные на адекватном понимании прошлого, выходят на передний план.

Актуальность исследования

Появление этой книги обусловлено многими причинами. Во-первых, в период работы с комплексом данных по средневековой, а затем и древней истории Кавказа, мне, как и любому другому историку, приходилось сталкиваться с необходимостью теоретического осмысления разноречивой эмпирики, чтобы добиться более адекватных интерпретаций, отвечающих принципам научности, объективности и достоверности. В конечном счете долгие творческие поиски привели меня к **многомерному пониманию социокультурной реальности, учитывающему все возможные факторы не только прошлого, но и настоящего**, – исследовательской оптике, существенно расширяющей горизонты познавательной деятельности историка, но в значительной степени востребованной и в востоковедении как комплексной науке.

Вторая причина заключается в том, что трансформация самого характера социальных взаимодействий и образа жизни конкретного человека, связанная с поразительным расширением средств коммуникации, требует переосмысления теоретических проблем истории и востоковедения на новейшем цифровом этапе развития

² Boorstin, Daniel J. *Democracy and its Discontents: Reflections on Everyday America*. N.Y.: Random House, 1974. P. 7.

³ Berry, David M. *The Computational Turn: Thinking about the Digital Humanities* // *Culture Machine*. 2011. Vol. 12. P. 9.

⁴ Ibid.

информационных, системных и коммуникативных подходов. Потребности в получении более точной информации актуализируют не только ситуацию тотальной цифровизации и датафикации (фиксирования массовых наблюдений в разных форматах данных)⁵, но и **человеко-машинную коммуникацию в гуманитарных науках**, в том числе на теоретическом уровне. Она заключается в **повороте к информационным принципам** работы с массивом исторических данных, к переходу от линейных, осевых, спиральных и других концепций прошлого к **машиночитаемым формам репрезентации многообразного практического опыта человека**.

Третью причину еще в первой половине XX в. обозначил в своей книге «Одномерный человек» Герберт Маркузе, который утверждал, что современный человек в эпоху массового потребления упрощается до одномерного потребителя, и развитое индустриальное общество также становится одномерным обществом потребления с одномерной философией потребления⁶, со слабыми шансами альтернативы⁷. С появлением Интернета люди, особенно молодые, упрощаются еще больше, превращаясь в **зависимых потребителей цифрового контента** бесчисленных информационных ресурсов, социальных сетей, видеохостингов, музыкальных и других развлекательных платформ. Психологи признают интернет-зависимость формой расстройства психики, сравнимой с пристрастием к алкоголю. Такого одномерного человека можно кормить любой информацией, благо объемы ее нарастают в геометрической прогрессии. Но как отличить правдивую информацию о важных событиях от фейков, когда одно информационное сообщение быстро обрастает множеством других, создающих разновекторные наложения информационного поля?

Четвертая причина, ставшая неожиданно актуальной, связана с усилением **глобального противостояния по линиям Запад – не-Запад, Запад – Восток**. Люди и общества испытывают на себе с самых разных сторон сильное давление самых разных факторов, которые приобретают форму идеологической, экономической и политической конфронтации, порождающей ситуацию выбора. В условиях борьбы за смыслы, символы, образы будущего, развернувшейся в информационном пространстве, усиливаются **противоречия по линии культурных разломов** в гражданской сфере и даже в структуре многосоставной идентичности личности, которые приводят к депрессиям и внутреннему кризису. В свою очередь, это предельно актуализирует **идентификационное знание**, помогающее человеку определить свое место на современном этапе исторического развития. Основным источником информации о прошлом, которая служит фундаментом идентификационного знания, является история, но полнота этого знания определяется социальными актуальными практиками и используемыми нормами культуры – от простых повседневных до высоких интеллектуальных, духовных, этических и эстетических.

За указанными видимыми причинами скрываются куда более важные фундаментальные проблемы, которые не могут не оказывать влияния на развитие теоре-

⁵ Подробнее об этом см.: Володин А. Ю. Между *data* и *capta*: проблемы датафикации исторических исследований // Вестник Пермск. ун-та. Сер. История. 2019. Вып. 3 (46). С. 137.

⁶ Маркузе Г. М. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества / пер. с англ. М.: REFL-book, 1994. С. 223.

⁷ Там же. С. 267–323.

тической мысли в социогуманитарных науках. Это проблема консолидации общества в условиях культурно-сложных и разделенных обществ, проблема выбора стратегии развития для развивающихся стран – догоняющей или опережающей; проблема определения пределов возможностей социального инжиниринга, осуществляемого в интересах обеспечения устойчивого развития общества. История – это опыт поколений во всех сферах жизни, а не только в политической, поэтому в своем особом предназначении она имеет отношение ко всем социальным процессам.

В информационной парадигме историческое познание может быть представлено как **особая форма коммуникации историка с прошлым**, в процессе которой он познает прошлое. Целью такой коммуникации, собственно, и является научная информация о прошлом. Множественность переменных, определяющих реконструкцию прошлого, отчасти также его искажающих, порождает вопрос: в какой степени объективна писаная история, если она субъективна по своей природе? Эта проблема, которая не решалась в рамках классической науки, представляет собой особый вызов для современной гуманитарной науки, порождая сомнения в ее объективности, соответственно и научности в строгом смысле этого слова. Ведь познание культуры, частью которой является история, также субъективно! Но могут ли человек и общество существовать без культуры, пусть и субъективно понимаемой каждым из нас? Ответ на этот вопрос очевиден – не могут.

Никуда не делись и **«вечные вопросы философии»**, не имеющие общего и окончательного решения. Каждая историческая эпоха дает на них свои ответы, поэтому они также требуют некоторой методологической рефлексии в свете нарастающей цифровой трансформации обществ. Может ли в этих новых условиях история выступать «свидетелем прошлого, светом истины, живой памятью, наставницей жизни, вестницей старины», как говорил Цицерон (Cicero. De Oratore II. 9. 36), коль скоро люди редко учатся на чужих ошибках и не всегда способны учиться на своих? Существуют ли законы или хотя бы закономерности в истории, чтобы мы могли их учитывать в реальной жизни или политике? Как объяснять различия в культурах народов одной страны или региона – многоукладностью, ценностными или историческими различиями, с какого момента настоящее становится прошедшим, а прошедшее, прожитое – историческим?⁸ Понимание этих различий укажет самый короткий путь к их принятию и в конечном счете к формированию толерантных установок отношения к «Другим», «Чужим». А разве не отношением к «Другому» определяется степень гуманистичности культуры? И какие идеи скрываются за постгуманизмом?

Список таких вопросов можно продолжить. В какой степени история формирует самосознание человека и насколько изучение отечественной истории является актом самопознания? И может ли история претендовать на статус объективной науки, т. е. способна ли она генерировать достоверное научное знание, на которое общество может положиться, или ее основная задача – обслуживать политические интересы страны, в которой она развивается, руководствуясь особыми соображениями, которые должны перевесить все остальные? Что из этих двух вариантов

⁸ Подробнее об этом см.: Stone, Lawrence. The Past and Present. Oxford: Oxford Univ. Press, 1981.

понимания роли истории в большей степени служит реальным, долговременным, а не конъюнктурным интересам общества? Данное исследование не претендует на поиск ответов на эти масштабные философские вопросы, но в плоскости теории истории оно ставит ряд задач, решение которых может в дальнейшем открыть путь к более верифицируемому, а значит, практическому знанию.

В связи с развитием информационных технологий новое звучание и познавательную глубину получают интерпретации теоретических проблем истории, связанных с объяснением, пониманием и оценкой собственного и внешнего социального опыта. Каждый индивид, получивший информацию о прошлом, может трактовать ее на свой лад, в зависимости от своего восприятия. В свою очередь, это позволяет совмещать горизонты частного понимания с сущностным, общим, для чего, вероятно, нужно отойти на некоторое расстояние от объяснения отдельных фактов и событий, одновременно стремясь к осмыслению более крупных факторов, которые их обусловили. Проблема объективности истории, ключевая для данной книги, связана как раз с особенностями человеческого восприятия реальности и самого себя, рефлексией не только исторического, но и собственного опыта. Ее изучение рано или поздно выводит исследователя на трансдисциплинарную тематику, поскольку различные аспекты деятельности человека исследуются разными гуманитарными науками.

Указанная проблема со всей очевидностью обнажает потребность в интеграции теоретических подходов гуманитарных наук, которая необходима для получения целостного представления о человеке в истории. Решение задачи осложняется тем, что история занимается прошлым, а востоковедение, составной частью которого является история Востока, еще и современными проблемами развития восточных обществ. Здесь также не обойтись без приемов «интеграции интеграций», некоторой универсализации подходов смежных наук, но без присущих «большим теориям» метанарративов, справедливо критикуемых постнеклассической наукой за их необоснованные претензии на абсолютную универсальность и всеобщность. Постановка подобного рода теоретических проблем вряд ли возможна без взгляда на историю через холистический – и в то же время системно-сложный – образ прошлого, реконструируемый исследователями на основе критически осмысленных исторических источников и с помощью надежных научных методов. Но насколько надежны имеющиеся в арсенале историков методы для объективно возросших требований прагматической цифровой эпохи, в которой бал правят цифры?

С точки зрения «образцовых» точных наук, в исторической науке очень мало проверяемых методов, не считая методов статистического и коммуникативного анализа. Именно поэтому «сциентисты», как их называют оппоненты, пытаются превратить историю в строгую науку, что в принципе невозможно, учитывая двойную субъективность, которую историк вынужден преодолевать в процессе исторического познания – субъекта истории, которого он изучает, и свою собственную. И только развитие новейших IT-технологий, интерактивных и измеряемых методов дает надежду на некоторое продвижение в этом верном по сути направлении, дающем сравнительно гораздо больше возможностей для верификации полученного знания. Предлагаемый многомерный подход, основанный на системно-ком-

муникационном анализе, уже **в самом своем названии содержит понятие меры и возможность измерения**, не только логического, но и социального, через **системный анализ коммуникации**. Социальные феномены культуры могут быть измерены и поняты в своем историческом контексте. Так с ними легче работать.

В условиях *глокализации*, по мере развития информационно-коммуникативных технологий, упрощающих человеческое общение и взаимодействие на всех уровнях социальной жизни, познавательный потенциал собственно коммуникативных (диалогических), личностно-ориентированных подходов с неувимой неизбежностью будет усиливаться. Такие подходы особенно актуальны для изучения кросскультурных коммуникаций как в исторической перспективе, так и на современном этапе. Наиболее важными из них в наше время являются типы взаимодействий Запад – не-Запад (the West and the Rest), включающих историческую роль и значение России как крупнейшей в мире евразийской державы, занимающей особое место между глобальным Западом, с одной стороны, и глобальным Востоком и Югом, с другой стороны. Такое уникальное положение выдвигает отечественное востоковедение на передний край гуманитарной науки.

К современному востоковедению как европейской по происхождению науке, изучающей Восток, выдвигаются особые требования. Одна из важнейших его задач – объективное осмысление различных аспектов сложных и многоуровневых коммуникаций, в том числе межкультурных, в условиях глобализации, исходя из принципов равноправия и взаимного уважения сторон коммуникации. Если объективность как принцип научности не является всеобъемлющей и универсальной категорией, а зависит от идеологии или политической конъюнктуры, то это вряд ли можно назвать объективностью. Поиск всеобщей научной истины, а не «своей» правды, требует совмещения различных проекций, моделирования объемной картины, что подразумевает преодоление строгих дисциплинарных ограничений, идеологических барьеров, обеспечение плюрализма интерпретаций и возможности проверки их истинности. Безусловно, «своя правда» тоже необходима, особенно в сфере политики, но она должна опираться на надежный научный фундамент.

Появление принципиально новых методологических установок в полной мере затронуло и востоковедение, в котором сегодня тестируются различные цифровые методы и программные инструменты для проведения комплексных исследований. Оцифровка письменных источников, не только переводов, но и на языках их оригиналов, исторических артефактов, разработка все новых программных инструментов для извлечения «больших данных» в Интернете, формирование баз данных, связанных с жизнедеятельностью человека в широком смысле, создают условия для моделирования социальных систем, реконструкции событий, визуализации образов прошлого, в том числе на основе пространственного анализа. Появляются недоступные прежде возможности оценивать, моделировать и анализировать поведение социальных систем, включающих в себя сотни и даже тысячи взаимосвязанных переменных⁹. На основе мультиспектральных и других цифровых технологий восстанавливаются, казалось бы, навсегда утраченные письмен-

⁹ Zadeh, Lotfi A. Fuzzy Sets, Fuzzy Logic, and Fuzzy Systems: Selected Papers / ed. by George J. Klir & Bo Yuan. Singapore – New Jersey – L. – Hong Kong: World Scientific, 1996. P. 464.

ные источники: полустертые тексты древних свитков и палимпсестов, истлевшие страницы средневековых арабграфических рукописей и документов, сбитые рельефы эпиграфических памятников и др.

В условиях заметного расширения коммуникаций и заметного сужения физического пространства мира социальное взаимодействие между людьми и институтами общества становится информационным и транспарентным, оно все больше преодолевает не только культурные, но и – благодаря технологиям машинного перевода – языковые барьеры, критически важные в востоковедении. Глобализация свалила культуры в одну кучу, существенно ускорив интенсивность коммуникации, породив этим не только достаточно глубокое взаимопроникновение культур, их конвергенцию¹⁰, но и проблемы понимания «Другого», бытовые и локальные конфликты на национальной, расовой или религиозной почве. При этом ясно, что восточные общества на Ближнем и Дальнем Востоке, в Юго-Восточной Азии и Северной Африке обладают своей собственной спецификой и для их адекватного понимания европоцентрические концепции истории не всегда достаточны, та же как и эксклюзивистские восточные концепции (исламоцентрические и др.). Это хорошо видно на опыте болезненной и конфликтной общественной трансформации на Кавказе и в Центральной Азии¹¹. Интенсификация мировых процессов культурного взаимодействия, столкновение западноцентрических и восточноцентрических концепций истории, их конфронтация из-за нарастающих противоречий полицентрического мира побуждают востоковедов пересматривать и переопределять подходы, цели и задачи в областях своей научной специализации.

Важным признаком цифровой эпохи стали динамические процессы усиления международной интеграции, интернационализации и информатизации мировой науки, которые, с одной стороны, сближают национальные научные школы Запада и Востока, а с другой стороны, порождают противоположные тенденции обособления и переосмысления, в том числе в рамках стратегий суверенизации/деколониализации. Интегративные процессы в науке, подготовленные расширением технологических возможностей научной коммуникации, заставляли одних исследователей отказаться от «методологического национализма» в пользу «методологического космополитизма» и мультиметодных подходов транснациональной науки¹², а других исследователей, напротив, смещать фокус внимания с международной истории, общемировых процессов и коммуникаций в сторону отдельных народов, национальных государств и цивилизаций как основных объектов исследования.

Представители **международной истории** убеждены в том, что для достижения поставленных научных целей необходимо отвергать любые познавательные ограничения, накладываемые на нее идеологическими установками. Джозеф Майоло считает, что она должна отличаться от глобальной и транснациональной

¹⁰ Яковлев А. И. Очерки модернизации стран Востока и Запада в XIX–XX веках. М.: Леланд, 2010.

¹¹ Трансформация и конфликты в Центральной Азии и на Кавказе / под ред. А. Аликберова, И. Звягельской. М.: ИВ РАН, 2013.

¹² Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма / пер. с нем. М.: Прогресс-традиция, 2007. С. 50. Подробнее об этом см.: Кастельс М. Власть коммуникации / пер. с англ. И. М. Тылевич; под науч. ред. А. И. Черных. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2016. С. 34.

истории, проводя четкие, но открытые дисциплинарные границы¹³. Ученые-практики, занимающиеся прикладными исследованиями, настаивают на том, что любая научная идея или теория нуждается не только в глобализации, широком контексте, но и в одновременной регионализации, привязке к конкретным обществам и народам. Социогуманитарное знание действительно имеет национальную специфику, но отстаивание интеллектуального суверенитета отечественной науки не означает отказа от лучших достижений мировой науки, а предполагает нацеленность на решение первостепенных проблем, стоящих перед отечественной наукой, в нашем случае – перед историей и востоковедением. Поэтому в первую очередь нас интересует решение методологических проблем, связанных с рефлексией глобальных технологических процессов в мире, которые являются драйверами экономического развития в конкретных странах.

Удивительно, что до сих пор цифровые методы и программные инструменты не имели под собой общей аналитической основы, единых теоретико-методологических принципов, в достаточной мере согласованных с теорией и методологией истории, в первую очередь истории Востока¹⁴. Мы предлагаем востоковедную точку зрения на исторический процесс изнутри и одновременно снаружи пространства Востока, поэтому этот опыт может быть распространен также на историю невосточных обществ. При этом необходимо признать, что разработка интегративного подхода к гуманитарному знанию, объединяющего в себе достоинства новейших теорий, является задачей, неподъемной для одного человека, несмотря на десятилетия работы над исследованием. Этим обусловлены предварительный характер некоторых теоретических положений данной работы, которые нуждаются в дальнейшей проработке и доработке на основе более широкого круга исторических фактов и обобщений, а также недостаточность эмпирического материала, проясняющего контекст теоретических положений.

Использование верифицируемых логических инструментов, коммуникативных моделей и схем может существенно усилить содержательную сторону информационного и пространственного «поворотов» в науке, способствуя повышению степени объективности и достоверности исторических и востоковедческих исследований, преодолению идеологических реинтерпретаций, мифологизации, конъюнктурной политизации, наконец, фальсификации истории. Именно эти проблемы призван решить многомерный системно-коммуникационный подход в рамках фундаментальных научных исследований¹⁵.

¹³ *Maiolo, Joseph A.* Systems and Boundaries in International History // *The International History Review*. 2018. Vol. 40. No. 3. P. 576.

¹⁴ Об удачных отечественных разработках в этом направлении исследований, предпринятых в рамках исторической информатики, см.: *Гарскова И. М.* Информационные технологии и информационный подход в исторической науке // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России*. 2011. № 4. С. 110–124; *Гарскова И. М.* Историческая информатика: методологические и историографические аспекты развития: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М. [МГУ], 2018.

¹⁵ *Аликберов А. К.* Об интегративных подходах к гуманитарному знанию в востоковедении // *Труды Отделения историко-филологических наук РАН*. 2018 / отв. ред. В. А. Тишков; [сост. Н. В. Тарасова]. М.: Наука, 2019. С. 152–164.

Суммируя сказанное, актуальность темы исследования для изучения теории и методологии истории и культуры можно объяснить следующими причинами:

- 1) возрастанием роли коммуникации и коммуникативных подходов в социогуманитарных областях знания (в рамках новейшего «коммуникативного поворота»), в том числе в изучении неоднозначных социальных процессов в культурно-сложных восточных обществах, особенно тех, которые испытали на себе сильное влияние Запада и потому стали разделенными;
- 2) существующим в социогуманитарных науках, и прежде всего в востоковедении, запросом на трансдисциплинарные и мультиметодологические подходы¹⁶: одним из немногих оснований для трансдисциплинарного и интегративного подхода в истории и востоковедении может выступать коммуникация;
- 3) дискуссиями об относительности исторического знания и реакцией на них, сформировавшей актуальный запрос на повышение объективности научных исследований в гуманитарных областях знания;
- 4) «неоклассическим» (в рамках прагматического и технологического «поворотом») движением исторической науки в сторону прагматизма и рационализации, обусловленным растущей информатизацией гуманитарного знания и требованием большей верификации полученных результатов;
- 5) реакцией стран Востока на процессы глобализации и глокализации по западным моделям развития, усилением динамичности и мобильности восточных обществ, распространением влияния деструктивной исламистской идеологии на мусульманскую молодежь и ее радикализацией, возникновением исследовательских задач, направленных на нейтрализацию и профилактику религиозно мотивированного экстремизма;
- 6) ускорением научно-технического прогресса, появлением новых типов исторических источников – как первичных, изначально рожденных в цифровой форме (*Born-Digital*), фиксирующих коммуникативную деятельность людей в информационном пространстве, так и вторичных, связанных с цифровизацией письменных источников и материальных следов прошлого;
- 7) ростом внимания историков и востоковедов к сфере повседневной жизни «простого» человека на Востоке и связанных с ней социальных практик;
- 8) потребностью в надежном инструментарии для исследования глобальных процессов через локальные, на уровне микроистории, в масштабе коммуникационного «мира» конкретного индивида как субъекта истории. Теперь с высокой степенью достоверности можно описывать не только «исторического героя», но и «обычных людей», прежде представлявших «безмолвствующее большинство» и получивших возможность быть услышанными;
- 9) потребностью в более широком и комплексном использовании современного информационно-коммуникационного инструментария в исторических и востоковедческих исследованиях;

¹⁶ Цифровые гуманитарные науки с самого начала развивались на основе методологической междисциплинарности, см.: *Thompson, Klein J. Interdisciplining Digital Humanities: Boundary Work in an Emerging Field. Ann Arbor, MI: Univ. of Michigan Press, 2014.*

- 10) дальнейшим развитием теории и методологии «коммуникативной», «цифровой» и «информационной» истории на основе принципа научной рациональности, который выступает как формальный и логический критерий научной истины¹⁷.

Отдельного внимания заслуживает актуальность темы исследования для междисциплинарного и трансдисциплинарного синтеза истории и других наук, прежде всего социальных, который обсуждается в научных дискуссиях¹⁸, для изучения истории и современного состояния восточных обществ. Здесь на первый план выходит проблема обеспечения системной целостности методологии и знания, разработка единого методологического базиса междисциплинарности, но с сохранением приоритета методологии исторической науки (поскольку история пронизывает все социогуманитарные науки), а не просто с историзацией других наук по П. Бурдьё, стимулирование дискуссии в направлении дальнейшего развития теории и методологии истории и междисциплинарных исследований¹⁹.

Степень изученности темы

С середины XX в. по мере развития кибернетики²⁰ и особенно после начала цифровой (информационно-коммуникационной) революции во второй половине XX в. в гуманитарных науках обозначились различные познавательные сдвиги, или подвижки, получившие название «поворотов наук о культуре», или «культурных поворотов»²¹. Наиболее важными из них для настоящего исследования являются такие «культурные повороты», как коммуникативный (*Communicative turn*)²² и цифровой (*Digital turn*)²³, которые исследователи все чаще объединяют в рамках «информационного поворота» (*Information turn*)²⁴. В свою очередь, появление этих сдвигов «наук о культуре», а также цифровых технологий, таких, как геоинформационные системы (ГИС), наполнило пространственный «поворот» (*Spatial*

¹⁷ Карр Э. Что такое история? Рассуждения о теории истории и роли историка. Алматы: Жеті жарғы, 1997. С. 188.

¹⁸ См.: Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы / под ред. Б. Г. Могильницкого, И. Ю. Николаевой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002; Методологический синтез в истории и социальные науки: теория, историография и практика конкретных исследований / под ред. Б. Г. Могильницкого, Л. П. Репиной, И. Ю. Новиковой. М.: Наука, 2004.

¹⁹ Чубарьян А. О. Историческая наука в России к началу XXI века / А. О. Чубарьян // Новая и новейшая история. 2003. № 3. С. 12–16.

²⁰ Сам этот термин в 1948 г. ввел в научный оборот Норберт Винер, один из основоположников кибернетики и искусственного интеллекта, который исследовал проблемы управления и связи между обучающимися и самовоспроизводящимися машинами и человеком. См.: Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. М.: Советское радио, 1968.

²¹ Бахманн-Медик Д. Культурные повороты: новые ориентиры в науках о культуре / пер. с нем. С. Ташкенова. М.: Нов. лит. обзор., 2017.

²² Morris, Martin. Rethinking the Communicative Turn: Adorno, Habermas, and the Problem of Communicative Freedom. N.Y.: State Univ. of New York Press, 2001. P. 3.

²³ Бородин Л. И. «Цифровой поворот» в исторических исследованиях: новая информационная среда или новая парадигма? // Профессия – историк (к юбилею Л. П. Репиной) / отв. ред. О. В. Воробьева. М.: Аквилон, 2017. С. 120.

²⁴ Adams, Frederick. The Informational Turn in Philosophy // Minds and Machines. 2003. No. 13. P. 471.

turn), заложенный еще Эрнстом Кассирером в 1920-х гг., цифровым содержанием, позволившим воплотить самые смелые теоретические идеи в исследовательскую практику. В этом своем цифровом облики пространственный «поворот» дал новый мощный импульс интеллектуальной истории и квантативным исследованиям с использованием методов многомерной статистики.

Изначально понятие коммуникации, которое лежит в основе нашего многомерного понимания истории, использовалось прежде всего для обозначения социального взаимодействия *Ego* и *Alter*. После публикации в журнале «Bell Systems» в 1948 г. новаторской статьи американского инженера-электрика Клода Шеннона под названием «Математическая теория коммуникации» это понятие переместилось в центр философских дискуссий. Некоторые исследователи убеждены, что именно эту публикацию Шеннона, а не изобретение компьютера, нужно считать отправной точкой цифровой революции, хотя по этому вопросу нет единого мнения²⁵. Теорию коммуникации (связи) Шеннона также принято называть «теорией информации», хотя речь идет о «теории передачи информации» с помощью телефонных сигналов – особой логики, пытающейся проанализировать и математически количественно оценить передачу данных через провод или радиоволну²⁶.

С началом второго этапа цифровой революции, вызванного массовым распространением персональных компьютеров (1960–1970-е гг.), связаны процессы нарастающей цифровизации истории и социогуманитарных наук, а также обновление методов системного подхода и их адаптация к изучению различных проявлений социальности и культуры (Р. Мюнх, Дж. Александер и др.).

В историческую науку и востоковедение понятие коммуникации проникло через труды Эрнста Кассирера, который не только разглядел пространственную перспективу в изучении прошлого, но и совместил изучение эпистемологических аспектов философии математики, «наук о природе» (*Naturwissenschaften*) и «наук о культуре» (*Geisteswissenschaften*) – с одной стороны, логического позитивизма (М. Шлик) и «экзистенциально-герменевтической» версии феноменологии Эдмунда Гуссерля (М. Хайдеггер) – с другой. Опираясь на новую трактовку идей Канта, в «философии символических форм» Э. Кассирер предпринял попытку преодоления эпистемологической пропасти между природой и сознанием (духом), поскольку природа отчасти выступает как продукт познающего сознания. Представляя собой символическую форму, организующую в том числе познание человеком природы, язык выступает в роли медиума, посредника между природой и сознанием. В философии языка он выступил против марксистской теории отражения, настаивая на теории конструирования²⁷.

После Кассирера с теорией форм работал прежде всего Георг Зиммель, с именем которого связано, по всей видимости, понятие формы у Никласа Лумана.

²⁵ См.: Aftab O., Cheung P., Kim A., Thakkar S., Yeddanapudi N. Information Theory & The Digital Revolution. Project History. Massachusetts Institute of Technology. [Electronic resource]. URL: <http://web.mit.edu/6.933/www/Fall2001/Shannon2.pdf>. Retrieved 27.01.2019.

²⁶ Ibid.

²⁷ См.: Кассирер Э. Философия символических форм / пер. с нем. С. А. Ромашко. В 3 т. Т. 1: Язык. М. – СПб.: Университетская книга, 2001.

Однако ключевую роль в развитии дихотомии *форма/содержание* сыграл, как нам представляется, Э. Гуссерль. Именно он впервые как теоретик сознания ввел в научный оборот понятия *ноэматическое* и *ноэтическое*: *ноэма* как мысль и *ноэзис* как реальное содержание переживания сознания. И хотя он применил их к теории сознания, а не к теории коммуникации, тем не менее первенство остается за ним: коммуникация невозможна без сознания, тем более что Гуссерль опирался на центральные в теории коммуникации понятия *Ego* и *Alter*. Впоследствии эти идеи были подхвачены К. Гирцем при обосновании им своей интерпретации «нового историзма», а также переосмыслены Н. Луманом в виде концепций самореферентности (аналог *ноэмы*) и инореферентности (аналог *ноэзиса*). Из философов особое внимание значению коммуникации уделил Ж.-П. Сартр.

Родоначальником коммуникативных подходов к историческому познанию по праву считается представитель Франкфуртской школы критической теории Юрген Хабермас, создавший теорию общественной коммуникации как главного фактора социальной эволюции²⁸. Попытки вывести многомерность из коммуникации больше всего характерны именно для представителей критической теории, обращающей особое внимание на природу капитализма и социальные классы, к числу которых относится и Г. Маркузе. Исследования в этом направлении продолжают и в наше время²⁹.

Коммуникативные походы к истории невозможно рассматривать в отрыве от диалогической концепции М. М. Бахтина и его идеи хронотопа как «существенной взаимосвязи временных и пространственных отношений»³⁰. Рефлексивная модель исторического исследования, пересекающая дисциплинарные границы, предлагается в теории перекрестной истории (*Histoire croisée*) М. Вернера и Б. Циммерман, основанной на диалогизме и предполагающей «зависимость процесса коммуникации от внешней среды, учет разных модификаций культур, степени их податливости и «проницаемости», но также инерции и сопротивления»³¹. Идея рациональной рефлексии раскрывается в трудах Ю. Хабермаса и Н. Лумана.

В рамках темы исследования особенно актуальна интеграция коммуникативных подходов с общенаучной системной теорией (П. Сорокин, К. Бейли, Т. Парсонс, Э. Гидденс, У. Бакли и др.). Огромного признания на этом поприще добился Толкотт Парсонс, который ввел в научный оборот понятие социального порядка. Большое влияние на него оказали Э. Дюркгейм, М. Вебер, В. Парето, А. Маршалл, Г. Зиммель, но особенно Питирим Сорокин, которого исследователь сменил на нефор-

²⁸ *Habermas, Jürgen*. The Theory of Communicative Action. Vol. 1. Reason and the Rationalization of Society. Boston: Beacon Press, 1984; Vol. 2. Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason. Boston: Beacon Press, 1987. См. также: *Губман Б. Л.* Ю. Хабермас: история и коммуникация // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2019. 3 (49). С. 171–183.

²⁹ *Piketty, Thomas*. Capital in the Twenty-First Century: A Multidimensional Approach to the History of Capital and Social Classes // British Journal of Sociology. December 2014. Vol. 65. No. 4. P. 736–747.

³⁰ *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Худ. лит., 1975. С. 234–407.

³¹ *Werner, Michael; Zimmermann, Bénédicte*. Beyond Comparison. Histoire Croisée and the Challenge of Reflexivity // History and Theory. 2006. Bd 45. S. 30–50. См. также: *Ионов И. Н.* Мировая история в глобальный век: Новое историческое сознание. М.: Аквилон, 2015. С. 315.

мальном посту лидера американской социологии. Поразительно, насколько мало-понятно писал Парсонс, почти таким же эзоповым языком, что и Гегель: их мысли, образующие неприступные теоретические конструкции, были настолько глубокими, что по большей части оставались не до конца понятыми самими философами и социологами. Переводы на другие языки еще больше запутывают читателя. Но при этом каждый находил в пространных рассуждениях что-то свое, созвучное своим мыслям. Отсюда и такое многообразие научных школ и концепций, связанных с собственным пониманием научного наследия Парсонса. Так, его концепция социального порядка стала фундаментом большого числа других влиятельных теорий и концепций современности, таких как концепция устойчивого развития, теория гражданской сферы и др.

Не менее впечатляющих, но существенно более определенных успехов добились ученики и последователи Парсонса в лице Р. Мертон, К. Гирца, Дж. Александера и особенно Н. Лумана. Это не единая научная школа – скорее, общее направление социологического неозолюционизма, представляющее собой совокупность различных теоретических школ, восходящих к Парсонсу, но по-разному его интерпретирующих и развивающих, в том числе и в жесткой полемике с парсонсовскими идеями «нового синтеза». Один из авторов теории гражданской сферы Джеффри Александер признался в том, что «Гирц стал “Гирцем”, сражаясь против двух авторитетов, которые казались интеллектуальными гигантами своего времени, – Клода Леви-Стросса и Толкотта Парсонса»³². Это в полной мере можно отнести и к самому Александеру и, конечно же, к Луману.

В теории самореферентных систем Никлас Луман значительно продвинул как коммуникативные, так и системные подходы к изучению общества. Проблеме истории как процесса посвящена книга Лумана «Дифференциация», которая содержит прямые отсылки к периодизации истории, ее этапам с точки зрения коммуникативного подхода³³. Историю как дисциплину Луман рассматривает в «Самоописаниях», представляя ее как системные самоописания общества, причем для каждой системы может существовать множество самоописаний³⁴.

Решающее значение для нашего исследования имеет лумановская концепция времени, момента, событийности, временного измерения коммуникации. Время как условие возможности действия являлось ключевым измерением еще у Т. Парсонса³⁵. Во «Введении в системную теорию» Н. Луман посвятил понятию времени специальный раздел³⁶, отличая мировое время от системного³⁷ и рассматривая

³² Alexander, Jeffrey C. Clifford Geertz and the Strong Program: The Human Sciences and Cultural Sociology // Interpreting Clifford Geertz: Cultural Investigation in the Social Sciences. Palgrave Macmillan, 2011. P. 56.

³³ Луман Н. Дифференциация / пер. с нем. Б. Скуратова. М.: Логос, 2006. С. 27–28.

³⁴ Луман Н. Самоописания / пер. с нем. А. Антоновского, Б. Скуратова, К. Тимофеева. М.: Логос / Гносис, 2009. С. 32.

³⁵ Антоновский А. Аналитика времени: к трансформации «староевропейской семантики» в самоописаниях социальных систем // Луман Н. Самоописания / пер. с нем. А. Антоновского, Б. Скуратова, К. Тимофеева. М.: Логос / Гносис, 2009. С. 304.

³⁶ Луман Н. Введение в системную теорию / пер. с нем. К. Тимофеева; под ред. Дирка Беккера. М.: Логос, 2007. С. 203–228.

³⁷ Там же. С. 204.

его как измерение смысла³⁸. В «Эволюции» Луман специально выявляет в рамках специального концепта социальной эволюции три эволюционных механизма исторического процесса – варьирование (социальные мутации в структуре коммуникаций), селекция (отбор наиболее удачных коммуникаций), стабилизация (закрепление удачных коммуникаций в рамках квази-популяций, т. е. обособившихся функциональных систем)³⁹. Социально-эпистемологическую методологию Лумана, предлагающую междисциплинарный синтез научного знания на основе теории системы и ставшую одним из источников данного исследования, последовательно раскрывают в своих работах А. Ю. Антоновский⁴⁰, А. В. Назарчук⁴¹ и др.

Луман вслед за Парсонсом развивал не только коммуникативные, но и системные аспекты социальной теории. Одним из основоположников общей теории систем небезосновательно считается Людвиг фон Берталанфи⁴², а ее мир-системной модификации (*World-Systems Theory*) – Иммануил Валлерстайн⁴³. С 1970-х гг. принципы, сведенные воедино фон Берталанфи, из кибернетики и теории управления пришли в философию⁴⁴, а затем и в гуманитарные науки (Р. Кавалло и др.)⁴⁵. Почти в то же самое время они получают признание и в отечественной науке⁴⁶, в том числе и применительно к исторической науке. Адаптируя к системному историческому познанию количественные (квантитативные) подходы, статистические методы и математические модели, заимствованные из точных наук, И. Д. Ковальченко во второй половине XX в. в значительной степени добился подлинной комплексности исторических исследований⁴⁷. В настоящее время разработку квантитативных методов успешно продолжают Л. И. Бородкин, ученик И. Д. Ковальченко, один из основоположников клиодинамики и признанный лидер отечественной школы исторической информатики, а также его научная школа (И. М. Гарскова, Ю. Ю. Юмашева и др.).

Идею междисциплинарного методологического синтеза на основе системной теории для решения актуальных социальных проблем «реального мира» одним

³⁸ Луман Н. Введение в системную теорию. С. 228.

³⁹ Луман Н. Эволюция / пер. с нем. А. Антоновского. М.: Логос, 2005. С. 27–50.

⁴⁰ Антоновский А. Ю. Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем. М.: ИФ РАН, 2007.

⁴¹ Назарчук А. В. Учение Никласа Лумана о коммуникации. М.: Весь Мир, 2012.

⁴² Bertalanffy L. von. General System Theory: Foundations, Development, Applications. N.Y.: George Braziller, 1969.

⁴³ Wallerstein, Immanuel. The Modern World-System. Vol. I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. N.Y. – L.: Academic Press, 1974; Vol. II: Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750. N.Y.: Academic Press, 1980; Vol. III: The Second Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730–1840's. San Diego: Academic Press, 1989; Vol. IV: Centrist Liberalism Triumphant, 1789–1914. Berkeley: Univ. of California Press, 2011.

⁴⁴ Ракитов А. И. Философские проблемы науки: системный подход. М.: Мысль, 1977.

⁴⁵ См., например: Cavallo R. E. The Role of Systems Methodology for Social Science Research. Boston – The Hague – L.: Martinus Nijhoff Publishing, 1979.

⁴⁶ Садовский З. Н. Основа общей теории систем. М.: Наука, 1974; Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. М.: Наука, 1978.

⁴⁷ См.: Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987.

из первых выдвинул и обосновал Питер Чекленд в 1970-х гг.⁴⁸ В наиболее завершенном виде эта идея реализована в «объясняющих» теориях социальных систем Т. Парсонса и Н. Лумана. Уолтер Бакли предложил взгляд на общество как на сложную адаптивную систему⁴⁹. Лумановская интерпретация логических исчислений Дж. Спенсера-Брауна стала одним из источников метода системно-логической верификации⁵⁰.

Системная интерпретация коммуникации Т. Парсонса позволила Дж. Александру создать четырехтомный труд по «многомерной культурсоциологии»⁵¹. Значение этой работы, а также развитие методологии многомерного статистического анализа в трудах И. Д. Ковальченко⁵² и Л. И. Бородинки⁵³ трудно переоценить: потенциальные инструментальные возможности и потребности многомерного анализа обеспечили надежный фундамент для выявления социальных измерений истории и культуры.

Как уже говорилось, ориенталистика совмещает изучение и теоретическое осмысление истории с анализом проблем современного развития Востока. В силу специфики предмета дискуссия об азиатском способе производства, отражавшем в марксистской теории формаций специфику истории и культуры восточных обществ, развернулась преимущественно в востоковедческой среде. Эта дискуссия в значительной степени повлияла на теоретические подходы к изучению истории Востока в нашей стране и за рубежом. С 1990-х гг. отечественные востоковеды и африканисты занялись освоением альтернативных теорий, включившись в процесс переосмысления глобальных проблем человечества, роли и места культуры и цивилизации в современных восточных и африканских обществах (А. В. Акимов, Л. Б. Алаев, Д. М. Бондаренко, И. М. Дьяконов, Б. С. Ерасов, Ю. М. Кобищанов, А. В. Коротаев, Н. Н. Крадин, В. В. Наумкин, А. Д. Саватеев, И. В. Следзевский, А. И. Яковлев и др.).

«Коммуникативный поворот» в науках о культуре во многом был подготовлен «лингвистическим поворотом». Существенный вклад в разработку теории коммуникации со стороны представителей семиотики, или философии языка, внесли представители структурно-лингвистического (Ф. де Соссюр) и логико-философского (Л. Витгенштейн, Ч. Пирс) направлений коммуникационных иссле-

⁴⁸ См.: Checkland, Peter B. Towards a System-Based Methodology for Real-World Problem Solving // Journal of Systems Engineering. 1972. Vol. 3(2). P. 87–116.

⁴⁹ Buckley, Walter F. Society – a Complex Adaptive System: Essays in Social Theory. Amsterdam: Gordon and Breach, 1998.

⁵⁰ Аликберов А. К. Системная логика как инструмент системного подхода к истории // Вопросы философии. 2018. № 2. С. 15–25.

⁵¹ Alexander, Jeffrey C. Theoretical Logic in Sociology. In 4 Vols. Vol. I: Positivism, presuppositions, and current controversies. Vol. II: The antinomies of classical thought: Marx and Durkheim. Vol. III: The classical attempt at theoretical synthesis: Max Weber. Vol. IV: The modern reconstruction of classical thought: Talcott Parsons. Berkeley: Univ. of California Press, 1982–1984.

⁵² Ковальченко И. Д. Многомерность исторического развития // Свободная мысль. 1995. № 10. С. 77–86.

⁵³ Бородин Л. И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М.: МГУ, 1986.

дований. Семиологические идеи коммуникации, исследующие природу смысла, интенциональность и референцию, нашли свое отражение в «лингвистическом повороте» и были продолжены как в истории (Р. Барт), так и в социальных науках (Н. Луман). Развитие идей философско-лингвистического направления коммуникации, в том числе опосредованно – через антропосемиотику и особенно семиотику культуры (Г. С. Кнабе, Ю. А. Лотман, Б. А. Успенский, Д. О. Добровольский, С. Ю. Неклюдов и др.), позволило сформулировать кросскультурный метод универсальных языковых эквивалентов, который может быть востребован в научных дисциплинах, в которых язык одной культуры используется для изучения другой культуры, в том числе в востоковедении.

В связи со спецификой темы исследования нельзя также обойти вниманием историю и богатое содержание самого «коммуникативного поворота» в гуманитарных науках. Сущность коммуникации как важнейшего условия культуры раскрыл Дж. Кэри⁵⁴. Критический анализ теории коммуникации на фоне истории развития коммуникативных идей предпринял Д. Шиллер⁵⁵. Рефлексивная историзация понятия «коммуникация» в рамках «нового историзма» началась в наше время, она связана с диссертациями З. Дарнтон (2000 г.) и особенно Э. Энштейн (2005 г.), работавшей с архивным материалом⁵⁶. В 2007 г. Роберт Крейг и Хайди Мюллер инициировали создание коммуникативной метатеории, включающей в себя риторические, семиотические, феноменологические, кибернетические, философские, социокультурные и критические традиции коммуникативной теории⁵⁷. Через год Р. Крейг уточнил, что имел в виду не метатеорию, а всего лишь метадискурс⁵⁸. В 2013 г. в рамках коммуникативных исследований было объявлено о зарождении отдельного научного направления, которое Р. Крейг и его последователи назвали «коммуникативной историей» (*Communicative History*); это направление характеризуется пониманием коммуникативной истории как всеобщей⁵⁹. Э. Кульчицки, ученик Р. Крейга, разделил «коммуникативную историю» на неявную и явную, связанную с появлением концепции коммуникации как интерпретирующей основы для понимания мира⁶⁰.

Анализируя географию коммуникативных исследований, связанных с гуманитарными науками, Дж. Пули и Д. Парк установили, что 60% всех релевантных

⁵⁴ Carey, James W. *Communication as Culture: Essays on Media and Society*. N.Y. – L.: Routledge, 1992 (first published: Unwin Hyman, 1989). P. 109–132.

⁵⁵ Schiller, Dan. *Theorizing Communication: A History*. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1996.

⁵⁶ Kulczycki, Emanuel. *Dwa aspekty komunikacji. Założenia komunikologii historycznej*. Poznań: Wydawnictwo naukowe, 2015. P. 122.

⁵⁷ *Theorizing Communication: Readings Across Traditions* / ed. by Robert T. Craig and Heidi L. Muller. Los Angeles: Sage, 2007.

⁵⁸ Craig, Robert T. *Meta-Discourse* // *The International Encyclopedia of Communication*. Vol. II / ed. by W. Donsbach. Blackwell Publishing, 2008. P. 3707.

⁵⁹ Pooley, Jefferson D.; Park, David W. *Communication Research* // *The Handbook of Communication History* / ed. by Peter Simonson, Janice Peck, Robert T. Craig, John P. Jackson. N.Y.: Routledge, 2013. P. 76–92.

⁶⁰ Kulczycki, Emanuel. *Communication History and Its Research Subject* // *Annals of the Univ. of Craiova. Philosophy Series*. 2014. Vol. 33 (1). P. 132.

историографических ссылок в этой области приходится на англоязычные страны, а во всех вместе взятых развивающихся странах этот показатель не больше 4%⁶¹. Социологический подход Ю. Хабермаса и понятие «типов общественности», введенное им для исследования исторических этапов изменения содержания и форм коммуникации, получили известность в отечественной историографии лишь в начале 2010-х гг.⁶² К началу 2020 г. на Россию приходилось около 1% исследований в этой области знания.

Ориенталисты, как правило, имеют дело с реальным опытом изучения Востока, поэтому они редко разделяют метанарративы⁶³. Сегодня важнейшим источником знаний об обычных людях, представляющих афроазиатские (в том числе ближневосточные и североафриканские) общества, стал Интернет. Это обстоятельство актуализирует анализ общественно-политических, социально-экономических, этнических, религиозных и иных коммуникаций не только в масс-медиа, но и в социальных сетях.

Неомарксистские мир-системные и синергетические подходы, получившие в отечественном востоковедении наряду с классическим марксизмом и цивилизационной теорией широкое признание, сегодня все чаще уступают первенство методологическому плюрализму и мультиметодным подходам, в том числе методам коммуникативного и статистического многомерного анализа. Фундаментальная научная проблема, связанная с использованием Мир-системы, заключается в том, что при описании деятельности конкретного человека и его социальных практик использование больших статистических данных не всегда оправдано, если эти данные 1) недостаточно верифицированы; 2) не воспроизводимы в тех же пропорциях другими исследователями; 3) вынужденно избирательны; 4) в силу объективных причин не репрезентативны и асимметричны.

Эта проблема еще более усложняется, когда возникает потребность не только в изучении социальной практики, но также в ее описании и объяснении. Э. Кульчицки подчеркивает, что коммуникация не только сама является одной из социальных практик, она также позволяет понимать другие практики⁶⁴. Однако и мир-системная теория не стоит на месте: для изучения процессов макроэволюции и ранних типов государственных образований на Востоке представители мир-системной теории – такие, как Д. М. Бондаренко, Л. Е. Гринина, А. В. Коротаева, Н. Н. Крадина и другие – начали применять некоторые концептуальные схемы коммуникативной теории Н. Лумана, в частности его категории сегментарных и стратификационных дифференциаций, пусть и опосредованно через А. Саут-

⁶¹ См.: *Pooley, Jefferson D.; Park, David W.* Communication Research. P. 80.

⁶² *Рядинская М. В.* Ю. Хабермас и коммуникативный подход как новая методология исторического познания // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: «История. Регионоведение. Международные отношения». 2010. № 2. С. 159–165; *Берберих М. В.* Коммуникативный подход и историческая концепция Юргена Хабермаса: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования / Берберих Марина Владимировна [науч. рук. С. П. Рамазанов]; [ВолГУ]. Волгоград, 2011.

⁶³ Исключение составляет Центр мегаистории ИВ РАН и его исследования (Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, А. А. Назаретян).

⁶⁴ *Kulczycki, Emanuel.* Dwa aspekty komunikacji. Założenia komunikologii historycznej. S. 18.

холла⁶⁵. Для изучения социальной структуры обществ стратификационные дифференциации используются и в социальной истории, рассматриваемой как мета-история⁶⁶.

Новаторские результаты дают сетевые методики анализа текстовых и аудиовизуальных материалов в кибер-исламской среде (*Cyber-Islamic Environments*). Как показывает многолетний опыт работы Г. Банта в этой области, сетевой анализ является важнейшим инструментом для изучения кибер-исламской среды, а также террористических организаций на Ближнем Востоке и их деятельности по всему миру, которые активно развивают цифровые медиа для расширения и оправдания своего влияния и привлечения молодежи. Цифровые источники позволяют определять отношение обычного, рядового человека к политической власти и духовным авторитетам⁶⁷. В киберпространстве он находит ответы на интересующие его религиозные вопросы. Интернет-коммуникации размывают авторитет традиционных моделей власти и религиозных организаций.

Современный ислам осваивает новые социальные практики: чат-инициации в суфийские братства, присяги главарям террористических организаций по Skype, получение электронных фетв (исламских правовых решений по конкретному вопросу) из других стран, совместные суфийские рецитации (поминание Бога) по Zoom и т. д.⁶⁸ Р. Розенталь показал информационно-коммуникативные взаимодействия суфиев в сети⁶⁹. А. Д. Кныш проанализировал риторику последователей террористической организации «Кавказский имарат», запрещенной в России⁷⁰. Не менее актуальны исследования исламских экстремистских структур и движений, организованных по сетевому принципу (Дж. Эспозито, Б. Робертсон, С. Штерн и др.).

Опыт сетевого анализа внешней торговли в странах Востока представлен в исследованиях А. В. Владимировой, в ее работе о роли Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) торговые сети и договора о преференциальной торговле проанализированы с использованием однодольных и двудольных графов. Сетевой анализ позволил исследователю вычислить показатели центральности стран региона и сравнить их между собой⁷¹. Метод особенно хорошо работает с международными торговыми сетями, помогая

⁶⁵ См.: Southall, Aidan. The Segmentary State in Africa and Asia // *Comparative Studies in Society and History*. XXX, 1, January 1988.

⁶⁶ Мионов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х тт. 3-е изд. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 82–128.

⁶⁷ Bunt, Gary R. Hashtag Islam: How Cyber-Islamic Environments are Transforming Religious Authority (Islamic Civilization and Muslim Networks). The Univ. of North Carolina Press, 2018. См. также: Rozehnal, Robert. *Cyber-Sufis*. L.: Oneworld Pub., 2019.

⁶⁸ Bunt, Gary R. *Islam in the Digital Age: E-Jihad, Online Fatwas and Cyber Islamic Environments*. L. and Sterling, VA: Pluto Press, 2003.

⁶⁹ Rozehnal, Robert. *Cyber-Sufis*.

⁷⁰ Knysh, Alexander. Islam and Arabic as the Rhetoric of Insurgency: The Case of the Caucasus Emirate // *Studies in Conflict & Terrorism*. 2012. 35:4. P. 315–337.

⁷¹ Владимирова А. В. Измерения «асеаноцентричности»: сетевой анализ внешнеторговых связей Азиатско-Тихоокеанского региона // *Теоретическая и прикладная экономика*. 2017. № 2. С. 1–9.

выявить историческую динамику развития международных экспортных и импортных операций⁷². В рамках обеспечения условий для верификации данных особое внимание уделяется вопросам подготовки данных и оценке их качества, в частности пропускам и асимметрии, которые важно учитывать при построении сетевых моделей⁷³. Использование сетевого анализа выходит за пределы изучения внешней торговли, позволяя оценивать эффективность международного сотрудничества, применения политики «мягкой силы» или санкционной политики в тех или иных странах или регионах.

Революционизирует социогуманитарные исследования использование искусственного интеллекта. Междисциплинарный анализ обширной макрзоны афразийской нестабильности, состоящей из зоны Центральной Азии, зоны Ближнего Востока и «зоны Сахеля» (Северная Африка), с использованием машинного обучения для ранжирования факторов глобальной и региональной дестабилизации предприняла группа российских исследователей во главе с А. В. Коротаевым⁷⁴. Было отмечено, что для изучения социальных процессов алгоритмы машинного обучения используются довольно давно, особенно для более глубокого изучения типов взаимосвязей и криволинейных отношений между переменными. Однако «использование машинных методов направлено на качество прогнозирования, тогда как механизм взаимодействия между переменными иногда представляет собой черный ящик»⁷⁵. Это ключевая проблема в данной области знаний. Она связана не только с необходимостью изучения причинно-следственных связей, которые, как правило, скрыты от наблюдателя, но и с отсутствием измерительных инструментов для коммуникативных связей и отношений. Собственно, эту проблему как раз и пытается решить многомерный подход с помощью своего системно-коммуникационного анализа, наряду с некоторыми другими, не менее важными проблемами.

В настоящее время в отечественной науке рефлексированы целые классы теорий и концепций истории, относящихся к разным по своей природе познавательным установкам и моделям (типам) научного знания: науке классической, неклассической (возникла на рубеже XIX–XX вв.), постнеклассической (появилась в 1960–1970-х гг. на волне информационно-коммуникационной революции) и новейшей неоклассической как варианта постнеклассической науки. Эти модели, раскрытые в работах В. П. Визгина, П. К. Гречко, И. Н. Ионова, В. А. Лекторского, А. В. Лубского, Л. А. Микешиной, В. В. Наумкина, И. В. Побережникова,

⁷² Vladimirova A. V. Exploring Evolution of International Trade Networks: Overview of Data Preprocessing Issues // Исторические исследования в контексте науки о данных: информационные ресурсы, аналитические методы и цифровые технологии. Материалы международной конференции. Москва, 4–6 декабря 2020 г. М.: МАКС Пресс, 2020. С. 209–217.

⁷³ Владимирова А. В. Сетевой анализ и верификация данных: асимметрия в показателях статистики внешней торговли стран Азиатско-Тихоокеанского региона // Альманах «Казачество». 2018. № 36. С. 35–47.

⁷⁴ Medvedev, Ilya; Ustyuzhanin, Vadim; Zinkina, Julia; Korotayev, Andrey. Machine Learning for Ranking Factors of Global and Regional Protest Destabilization with a Special Focus on Afrasian Instability Macrozone // Comparative Sociology. 2022. 21. P. 604–645.

⁷⁵ Ibid. P. 609.

Л. П. Репиной, И. В. Следзевского, В. С. Стёпина, В. А. Тишкова, других российских и зарубежных исследователей, используются в данной работе в качестве важных ориентиров в области теории истории.

Н. Луман, скончавшийся в 1998 г., создавал свою теорию в прошлом столетии, поэтому он не мог по достоинству оценить весь познавательный потенциал информационно-коммуникационных технологий, появившихся в XXI в. В свое время в развитии подобных технологий он видел лишь возможности повышения значения информационных компонентов коммуникации, не затрагивающие значение компонентов сообщения и соответственно смысла⁷⁶. Глубокое и объемное понимание истории, основанное на формах человеческой коммуникации, отчасти восполняет этот пробел, сближая горизонты теоретико-методологического и эмпирического знания о прошлом на основе новых концептуальных схем и объяснительных моделей, появление которых обусловлено цифровой революцией.

Что касается моего собственного опыта теоретических исследований, то результаты исследования методологических аспектов конфессиональных процессов на средневековом Кавказе в 2003 г. составили отдельный раздел монографии⁷⁷. Влияние религии на процессы трансформации в странах Центральной Азии и Южного Кавказа было отражено в аналитическом докладе, написанном совместно с Арне Зайфертом в 2014 г.⁷⁸ Промежуточные результаты по теме исследования с отдельным рассмотрением общественного и религиозного аспектов истории в условиях цифровизации науки были опубликованы в 2018 г. в виде отдельной монографии⁷⁹, а также специальной публикации в проекте по проблемам теории и методологии новейшей истории Центральной Азии⁸⁰. Наконец, в 2019 г. мною была защищена докторская диссертация «Системно-коммуникационный подход к изучению истории Востока», которая и легла в основу настоящей книги. Отдельные положения темы апробированы в нашей коллективной монографии «Центральная Евразия: Территория межкультурных коммуникаций» (2020 г.)⁸¹, а также на международных конференциях и более чем в 20 статьях в рецензируемых научных журналах. Настоящая книга существенно расширяет проблематику темы по сравнению с диссертационной работой, ставит на первый план многомерность как главную цель метода, а системно-коммуникационный анализ – как основной аналитический инструмент, тем самым завершая теоретическую часть исследований. Поэтому в определенном смысле она является итоговой.

⁷⁶ Луман Н. Самоописание. С. 241.

⁷⁷ Аликберов А. К. Эпоха классического ислама на Кавказе. Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI–XII вв.). М.: Вост. лит. РАН, 2003. С. 413–440.

⁷⁸ Alikberov, Alikber; Seifert, Arne C. Religion und Transformation in Zentralasien und Südkaukasus. RLS–Papers. Berlin, 2014. [Electronic resource]. URL: https://www.rosalux.de/fileadmin/rls_uploads/pdfs/rls_papers/RLS–Papers_Religion_Kaukasus.pdf. Retrieved 27.07.2017.

⁷⁹ Аликберов А. К. Общество и религия в фокусе истории. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018.

⁸⁰ Аликберов А. К. Об актуальных проблемах методологии новейшей истории // Новейшая история Центральной Азии: проблемы теории и методологии / под ред. А. К. Аликберова, М. А. Рахимова. М.: ИВ РАН, 2018. С. 3–9.

⁸¹ Центральная Евразия: Территория межкультурных коммуникаций: колл. монография / отв. ред. и сост. А. К. Аликберов. М.: ИВ РАН, 2020.

Методология исследования

В академической работе принято обозначать методологические рамки исследования для прояснения его системы координат. Это тем более необходимо для теоретико-методологической работы. В данном случае эти рамки определяют основополагающие общенаучные принципы науки, представленные общей теорией систем, которым подчинены наиболее влиятельные социальные теории современности, ставшие опорными точками настоящего исследования: не столько теоретическое наследие Т. Парсонса, сколько продвинутые разработки его учеников в рамках социологического неозолюционизма и теории коммуникации: «теория системы» Н. Лумана, системная методология К. Гирца и многомерная культуральная социология Дж. Александера. Наше исследование продолжает методологические традиции этого теоретического направления как наиболее релевантной к цифровой трансформации науки, адаптируя их к неоклассической (прежде всего, неокантианской) модели научной рациональности.

Изучение теоретико-методологических проблем истории опирается также на основные принципы исследований, выработанные самой исторической наукой, – историзма, объективности, достоверности и научности. Разумеется, они также подчинены общим принципам науки: системности, информационности и комплексности. Проблема в том, что в рамках исторического познания сегодня все эти принципы подвергаются критике с разных сторон. В отечественной науке под историзмом по умолчанию понимается марксистская трактовка этого принципа. Мы опираемся на принципиально иное, прагматическое понимание историзма, получившее название «нового историзма», которое было доработано К. Гирцем.

Принципы объективности и достоверности, тесно связанные друг с другом (без достоверности не может быть объективности и наоборот), стоят в центре настоящего исследования. В нашем понимании только неукоснительное соблюдение общих, проверенных принципов науки, имеющее целью установить новое знание, а не какие-то особые требования, условия, идеологические установки или декларации, делает исследовательскую работу научной и, следовательно, объективной. Критерии объективности и научности, которых мы придерживаемся, приводятся в тексте исследования.

Для каждой самостоятельной науки принципиально важно, чтобы ее теория и методология базировались прежде всего на ее собственном фундаменте, предмете. Теория и методология истории также должны вырастать из теоретического осмысления самой истории, а не основываться целиком на постулатах какой бы то ни было внешней по отношению к ней глобальной (универсальной) мировоззренческой теории. Для достижения этой цели необходимо, очевидно, отказаться от высокого мировоззренческого (философского) статуса теории истории и продвигаться по пути теоретического осмысления истории, не отрываясь от объективно-предметных оснований самой исторической науки. Это позволяет теории и методологии истории решить еще одну важную проблему – окончательно отделиться как от философии истории, которая является частью другой науки (философии), так и от ультимативных, диктующих свои правила «больших нарративов», устанавливающих идеологические рамки. Такой «инструментальный» подход,

отделяющий друг от друга философские, научные, идеологические и лингвистические аспекты истории, продвигают, в частности, индийские историки К. Н. Читнис и Э. Шридхаран⁸².

Теоретические модели и концептуальные схемы предлагаемого в этой книге научного подхода к изучению истории, в свою очередь, расширяют области приложения методологии многомерного статистического анализа И. Д. Ковальченко и Л. И. Бородкина, поскольку они изначально строились, в том числе, исходя из их потенциальных возможностей.

Последовательная системность, информационность, комплексность и пространственная всеохватность многомерного подхода требуют подчинить принципам общенаучной теории систем все другие системные методы исторического исследования, чтобы они работали в общей системе координат. Для этого их пришлось обновить и вставить в общий ряд с системно-коммуникационным анализом, который стал базовым методом многомерного подхода. Историко-системный метод преобразован в системно-исторический, историко-типологический – в системно-типологический, историко-генетический – в системно-генетический, историко-динамический – в системно-динамический и т. д. Совокупность известных методов гуманитарной науки, разработанных тем же Т. Парсонсом (структурно-функциональный, структуралистский и др.) и Дж. Александером (неофункционализм), используется в качестве системно-структурного и системно-функционального методов, переподчинив их общенаучной системной теории.

Объект, предмет и цели исследования

Объектом исследования являются фундаментальные социальные измерения истории и культуры – общественное, политическое, этническое и религиозное, которые анализируются на эмпирическом материале восточных обществ, а его предметом – изложение сущности многомерного подхода к изучению истории и человека, репрезентация его источников, теоретико-методологических оснований и принципов, методологии и методов исследования.

Основная цель исследования – введение в научный оборот теории и методологии многомерного подхода к изучению истории, вписывающегося в рамки «нового историзма» и неоклассической модели научной рациональности, требующей возврата к классическим основам науки, но на современном, цифровом этапе развития истории и гуманитаристики. Разработка нового подхода, помимо его теоретического обоснования, подразумевает также его инструментализацию и проверку на выборочном эмпирическом материале.

Инструменты верификации

Первичная проверка релевантности теоретических выводов и заключений многомерного подхода осуществлялась с помощью логики и его собственного метода системно-логической верификации путем сопоставления фактических

⁸² См.: Chitnis, Krishnaji N. *Research Methodology in History*. New Delhi: Atlantic Publishers & Dist, 2006; Sreedharan, Elattuvalapil. *A Manual of Historical Research Methodology*. Kerala: SBPress, 2007.

данных и их критического анализа, которые приводятся соперничающими теориями по отношению друг к другу. Понятно, что в структуре научного знания не может быть эмпирических утверждений, свободных от какой бы то ни было теоретической интерпретации, поэтому более предметная верификация осуществлялась на двух уровнях: непосредственном (эмпирическом), заключающемся в прямой проверке фактических данных на основе письменных источников и/или материальных свидетельств, и опосредованном (теоретическом), на котором устанавливались и семантические эквиваленты исследуемых понятий в разных культурах и языках, а также логические отношения между непосредственно верифицируемыми и косвенно верифицируемыми утверждениями.

Понятийный аппарат исследования

«Новый историзм» уделяет особое внимание конкретизации и уточнению языка социального описания науки для большей семантической однозначности терминов и определений, поэтому старается обходить стороной излишне абстрактные, узкотеретические или теоретически несостоявшиеся обозначения, которые являются пустыми по содержанию и декларативными по сути. Идеал открытости научного знания, выдвигаемый коммуникативными теориями, предполагает использование особого, сложившегося на стыке специальных и междисциплинарных исследований, образно-понятийного аппарата, но для работы на трансдисциплинарном уровне совсем необязательно отвергать существующий, пусть и фрагментированный отдельными дисциплинами и потому содержащий внутренние противоречия, неоднозначный понятийный аппарат науки и создавать новый, синтетический. Достаточно того, чтобы каждый раз конкретизировались основное и второстепенные значения понятия. Семантические противоречия используемой нами терминологии большей частью преодолены в «теории системы» Н. Лумана, а базовые принципы использования терминологического категориального аппарата, уменьшающие степень неопределенности и полисемии, сформулированы в обосновании метода универсальных языковых эквивалентов.

Понятийный аппарат исследования включает в себя перечень научных категорий и понятий, подразумевающих операционализацию ключевых теоретических понятий и проясняющих научный контекст, в котором проводилось исследование. Во избежание конфликта основных гетерогенных понятий, взятых из совершенно разных теорий, их значение специально оговаривается.

Многомерность – ключевое для данного исследования понятие, имеющее в науке множество интерпретаций: это и разноуровневость социокультурного анализа (Дж. Александер), и вариативность статистического анализа, и различение реального и сверхреального (иллюзорного, виртуального, дополненного, сверхчувственного и даже потустороннего)⁸³ и многое другое. В многомерном подходе речь идет о разделении социального целого на общественное, политическое,

⁸³ Ziewe, Jurgen. Multidimensional Man. Lulu, 2008. [Electronic resource]. URL: www.multidimensional-man.com. Retrieved 17.06.2022.

этническое, религиозное и другие измерения истории и культуры, рассматриваемые одновременно и отдельно друг от друга, и в их единстве и целостности.

Если марксизм редуцировал человека до представителя отдельного класса (рабочего класса или буржуазии, эксплуатируемых и эксплуататоров), то неомарксизм в лице Г. Маркузе показал, как в развитых индустриальных обществах политика и СМИ насаждают человеку одномерное мышление вместо многомерного, объявляя свободными только институты западного капиталистического, т. н. Свободного Мира: «остальные трансцендирующие формы свободы по определению записываются в разряд анархизма, коммунизма или пропаганды»⁸⁴. Отталкиваясь от такого целостного социокультурного понимания этого понятия, мы раскрываем структуру многомерности в системно-коммуникационном анализе, связывая между собой различные аспекты истории и фундаментальные социальные измерения системы культуры, определяющие идентичность человека. Ключевым понятием для понимания социальной многомерности является коммуникация, собственно и порождающая феномен социальности, который, в свою очередь, порождает культуру, частью которой является история.

Коммуникация – многозначное понятие, имеющее в разных теориях различные трактовки, которые этимологически восходят к латинскому слову *communis* со значением «общий». Подразумевается, что **историю создает коммуникация людей, в том числе опосредованная через предметы и явления материального мира; именно такая коммуникация порождает все формы социальной общности**. А. Тойнби так объяснял термин *communio* («общность, соучастие»), восходящий к тому же лат. *communis* («общий») и обозначающий в христианской религии «причастие»: «В своей первичной греческой форме (*koinonia*) и латинском переводе (*communio*) это слово означало участие в каком-либо совместном деле, но преимущественно и в наибольшей степени – в каком-то политическом союзе»⁸⁵. Лумановское понимание коммуникации чрезмерно универсализировано и нацелено исключительно на социальные интеракции⁸⁶. Специфические формы понимания истории как социального взаимодействия людей рефлексировались и в «Новой исторической науке»⁸⁷.

Многомерный подход опирается на все основные исходные значения понятия. В информационном значении – это способ обмена информации между людьми, другими живыми организмами и даже машинами (компьютерами), но с обязательным участием человека. В социальном значении коммуникация подразумевает не только сам процесс передачи информации и его результаты (от лат. *communicatio* – «сообщение», «передача»), но и, как выразился У. Матурана, «сверхкоординацию координации организмов»⁸⁸. В более широком значении, апеллиру-

⁸⁴ Маркузе Г. М. Одномерный человек. С. 19.

⁸⁵ Тойнби А. Постигание истории. М.: Айрис-Пресс, 2004. С. 240.

⁸⁶ Подробнее об этом см.: Луман Н. Что такое коммуникация? / пер. с нем. Д. В. Озирченко // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 114–125; Назарчук А. В. Учение Никласа Лумана о коммуникации. С. 7.

⁸⁷ Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. 2-е изд., испр. и доп. М.: УРСС, 2009. С. 13.

⁸⁸ См.: Луман Н. Введение в системную теорию. С. 300.

ющем к общности (от лат. *commūnīco* – «делать общим», «связывать», «соединять», «иметь дело», «иметь связи»), коммуникация затрагивает базовые основания социальности, обеспечивающие общность различных индивидов как друг с другом, так и с окружающей их природой.

Системно-коммуникационный анализ в рамках пространственного взгляда на историю и человека акцентирует внимание на системообразующих понятиях нового подхода – системности и **коммуникации** в самом широком смысле этого слова, а не на ее свойстве – **коммуникативности**. Это принципиальное отличие системно-коммуникационного анализа от системно-коммуникативного анализа (например, сетевого анализа), а также от системно-коммуникативной теории Н. Лумана.

Информация – это не новое сообщение, по Н. Луману – «распадающийся продукт», который «исчезает при актуализации»⁸⁹, а содержание акта коммуникации, ее смысл. В цифровой истории это единица формализованного исторического знания. Каждая отдельная единица научно-исторической информации связана с другими единицами в единую сеть «больших данных» (БД) с возможностью ее программной (машинной) обработки и визуализации.

Акт коммуникации – понятие, введенное Т. Парсонсом и Н. Луманом вместо понятия социального акта Г. Блумера⁹⁰, в данной работе обозначает не только любое исчислимое действие, но и символическое бездействие (например, «красноречивое молчание») сторон коммуникации, представляющее информационную ценность в системе исторического знания.

Социальное и общественное – ключевые для данного исследования понятия, которые в русском языке не тождественны друг другу. Вслед за Л. Уайтом мы отличаем **социальную организацию** человека в широком смысле от его **общественной организации** в узком, специальном, значении как одну из форм социальной организации⁹¹. Определение «общественный» в таком контексте можно отождествлять с определением «**социетальный**», предложенным Т. Парсонсом.

Имея бинарную оппозицию в понятии «биологический», определение «социальный» в широком смысле подразумевает органично присущее человеку свойство, или качество, принимать, осмысливать и развивать новые социальные отношения с себе подобными без особых обстоятельств, по своей природной потребности, иначе говоря – способность «жить сообща», перефразируя удачное заимствование Б. Латура⁹², вписываться в сообщество и эффективно работать с другими людьми. Широкое понимание Латуром «социального» включает в себя признание изменчивости форматов социальных взаимодействий в периоды обществен-

⁸⁹ Луман Н. Самоописания. С. 241.

⁹⁰ Blumer, Herbert. Symbolic Interactionism. Perspective and Method. Berkeley – Los Angeles – L.: Univ. of California Press, 1969. P. 90.

⁹¹ Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры / пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. С. 108–120.

⁹² Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: ИД ВШЭ, 2014. С. 12.

ных трансформаций⁹³. Поскольку в основе понятия «социальность» (букв. «общительность», ср. с неолатинским *sociabilis*, «подходящий для общения») лежит способность к коммуникации, **можно говорить о различных типах коммуникации в истории** – общественном, политическом, этническом, религиозном и др.

Социокультурная система – условное системное обозначение всего человеческого социокультурного опыта в широком смысле этого слова как единства культуры и социальности, порождаемого коммуникативной деятельностью людей. Включение в эту систему самого человека отражено в концепте антропосоциокультуры, хотя часто эти два понятия взаимозаменяемы, поскольку по умолчанию мы говорим о человеческой социальности и культуре. Т. Парсонс различал социетальную систему и систему культуры, социокультурная система представляет их вместе, в совокупности, как они в действительности и существуют.

Система социальной организации – общее обозначение систем общественной, экономической, политической, этнической, религиозной, правовой, этической и других форм организации. Понятие «системы социальной организации» близко к марксистскому определению социально-производственного организма как самоорганизующейся и саморегулирующейся системы, суть которого – в органическом характере системы.

Парсонс рассматривал политику, науку, хозяйство, религию и т. д. как коммуникативные системы. В узком смысле, применительно к обществу, используется понятие *социетальная система*. Мы также различаем систему социальной организации, с выделением подсистем общественной, политической, этнической и др. организации: здесь система понимается как результат системной самоорганизации и саморегуляции, а не просто как социальный институт с формальными правилами членства, как у Т. Парсонса. Разделяя основы парсонсовской концепции восходящих уровней коммуникационного взаимодействия в обществе (у него их три: *интеракции, организация и коммуникативные системы*), *интеракции* рассматриваются не только как межличностное общение, но и как всякое взаимодействие, в процессе которого человек получает информацию.

Измерение истории – относительно самостоятельный аспект (общественный, политический, экономический, этнический, религиозный, правовой, этический и др.) истории, соответственно и культуры, относительно замкнутая система, сфера или составная часть социокультурной системы как социального целого. Отсюда вытекает более точное, предметное понимание **многомерности истории**. Измерения истории являются частным случаем более широкого понятия **измерений социальности** (ср. с «типами/сферами общественности/социальности» у Ю. Хабермаса) и **измерений системы культуры**.

Системное проявление социальности – мы отделяем системные проявления социальности в историческом познании от несистемных, случайных, рассматривая каузальные (от лат. *causa* – «причина») и казуальные (от лат. *casus* – «случай, случайность») факторы в их тесном взаимодействии. Социальные измерения

⁹³ Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. С. 12.

истории и культуры (политическое, религиозное и др.), как и их сочетания (социально-экономическое, этнополитическое и др.) представляют особый тип системных образований.

Актор – термин Т. Парсонса, обозначающий сторону коммуникативного взаимодействия; то же самое, что и *интерактор* Н. Лумана. Используется в акторно-сетевой теории Б. Латура наряду с *актантом*, заимствованным им из семиотики А. Греймаса⁹⁴. В рамках настоящего исследования используется для различения актов коммуникации от коммуникативных действий (по Хабермасу), поскольку бездействие также может быть актом (ср.: «красноречивое молчание»). Такое различение позволяет уйти от агент-структурной зависимости теории социального действия Ю. Хабермаса, а также подчеркнуть субъектность актора как источника коммуникации наряду с интересубъектностью сторон коммуникации (интеракторов) в теории Лумана.

Ego и Alter – трансперсональные образы Я и Другого («Своего» или «Чужого»), введенные Э. Гуссерлем и развитые Н. Н. Бахтиным, другими философами и теоретиками. Это основные акторы феноменологической традиции, стороны (субъекты действия) интересубъектного коммуникативного процесса в прошлом и настоящем. Другой – это Ты, Он, Она, Оно, т. е. все, что не Я, при этом подобный Мне, такой же, как Я, субъект коммуникативного действия⁹⁵. В многомерной системе координат, предлагающей трансперсональность и безличность, Я становится субъектом только в момент коммуникативных отношений, в остальное время это объект системного исторического познания.

Трансубъектность – эпистемологический принцип, подразумевающий взгляд на внешний исторический опыт через субъекта коммуникации в истории. Максимально широкое практическое применение принципа требует особых информационных (в том числе интерактивных) условий, без которых принцип может выступать лишь в качестве концептуального, или конструктивного (ср. историческое время, историческое мышление).

Коммуникативный «мир» – система коммуникативных связей и отношений Ego как субъекта истории и субъекта социального действия. Это понятие, которое содержательно близко к значению коммуникативной общины (ср. *миръ* для обозначения сельской общины в дореформенной России), вводится как системная альтернатива «жизненного мира» Ю. Хабермаса – микромира, в котором люди живут, работают и общаются. Однако значения этих двух понятий не тождественны. Хабермас утверждает, что «обе парадигмы – жизненный мир и система – верны;

⁹⁴ Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / пер. с фр. Д. Я. Калугина; науч. ред. О. В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. С. 41.

⁹⁵ В рамках исследовательской стратегии деконцептуализации здесь и далее используется прямое словарное значение термина *Ego*, а не его концептуальное значение, приписываемое З. Фрейду. Исследователи указывают, что латинские термины *Ego* и *Super-Ego* на самом деле появились в результате переводов работ З. Фрейда на английский язык, сам он «никогда не употреблял этих слов, а говорил "Ich" или "selbst", что означает "Я" или "сам", а также "Über-Ich" и "das Es", то есть "Сверх-Я" и "Оно", взяв это от Гроддека». См.: George, Frankl. The Unknown Self. L.: Open Gate Press, 1990. P. 36.

проблему представляет их взаимосвязь»⁹⁶. Эту проблему, помимо самого Хабермаса, решают Шюц, Парсонс и Луман через определение функций различных подсистем социума (адаптация, целедостижение, интеграция, поддержание образца). Х. Вермеер оценивает категории «система» и «социум» в теории Лумана как теоретические, а не онтологические понятия. «Реальный мир», представляя собой целостную систему, содержит в себе различные системы и отношения⁹⁷.

Коммуникативная община – система персональных коммуникативных связей и отношений *Его*, которые с помощью самонаблюдения и самоописания «дигитализируются» в информационных (идеальных) моделях различных уровней – от уровня персональных коммуникативных связей и «жизненного мира» конкретного человека до уровня всего общества. В центре коммуникативной общины, которая, в отличие от коммуникативного сообщества К.-О. Апеля, представляет собой исследовательский конструкт, объясняющую модель персонифицированной коммуникативной системы, находится каждый *Его*, субъект и объект истории. Понятие коммуникативной общины впервые введено автором настоящего исследования⁹⁸.

Различение – то же, что и *дистинкция*, но совсем необязательно противопоставление и сравнение (на уровне теории такое понимание является существенным упрощением). Анализируя объект исследования и собственную рефлекссию, наблюдатель отличает системы и их компоненты (подсистемы) друг от друга по содержанию, форме, динамике, функциям, внутренним процессам, влиянию и другим параметрам, которые задаются самим наблюдателем исходя из целей и задач исследования.

Референция, системная референция и самореференция – понятия, введенные Н. Луманом в теории самореферентных систем. Референция выражает отношение к системе. В самореференции «система обозначает саму себя в отличие от своего окружающего мира»⁹⁹. Обычно это происходит в форме рефлексии, базирующейся на различении системы и окружающего мира. В форме рефлексии самореференция проявляет себя как системная референция, которая, в свою очередь, является названием «операции, обозначающей систему»¹⁰⁰.

Дискурс (от позднелат. *discursus* – «рассуждение», «довод») – многозначный термин, по-разному понимаемый в различных научных школах. Н. Луман опирался на лингвистическую теорию дискурса, частью которой является теория референции. Мы также признаем дискурс особой формой коммуникативного действия,

⁹⁶ Хабермас Ю. Проблема легитимизации позднего капитализма / пер. с нем. Л. В. Воропай; под общ. ред. и вступ. ст. О. В. Кильдошова; примеч. и указ. Т. А. Дмитриева. М.: Праксис, 2010. С. 14.

⁹⁷ Vermeer, Hans J. Luhmann's "Social Systems" Theory: Preliminary Fragments for a Theory of Translation. Berlin: Frank & Timme, 2006. P. 5.

⁹⁸ Аликберов А. К. Общество и религия в фокусе истории. С. 76–89.

⁹⁹ Луман Н. Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновского. М.: Логос, 2004. С. 574.

¹⁰⁰ Луман Н. Социальные системы: Очерк общей теории / пер. с нем. И. Д. Газиева; под ред. Н. А. Головина. СПб.: Наука, 2007. С. 572.

направленной на достижение языкового консенсуса между субъектами коммуникации (Ю. Хабермас). Дискурс может выступать и в качестве формы подачи информации, формы идеологической ориентации, выраженной в тексте или выявляемой на основе изучения контекста. Наконец, это и результат, прямое следствие направленного коммуникативного действия¹⁰¹.

Структура исследования

Будучи теоретическим исследованием, структура книги во многом повторяет структуру первой (теоретической) части классического труда М. А. Барга о категориях и методах истории¹⁰², но на новом, неоклассическом этапе развития исторической науки. Сначала анализируются предпосылки, проблемы и перспективы нового интегративного подхода, затем раскрываются источники и только после этого приводятся его важнейшие теоретико-методологические основоположения, которые впервые вводятся в научный оборот. В свою очередь, эти основоположения позволили сформулировать концепцию фундаментальных социальных измерений истории и культуры, а также методы многомерного подхода. Опыт практической имплементации теоретических положений к обширному эмпирическому материалу по истории и культуре, преимущественно Востока, вынесен в последнюю главу исследования; он также отражен во многих научных публикациях автора по данной теме.

¹⁰¹ О смысле и познавательном значении этого результата см.: *Ван Дейк, Теун А. Язык. Познание. Коммуникация* / пер. с англ.; сост. В. В. Петрова; под ред. В. И. Герасимова; вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. Подробный анализ дискурса в различных моделях научного познания см.: *Лубский А. В. Неоклассическая модель исторического исследования в культурно-эпистемологическом контексте XXI века* // *Общественные науки и современность*. 2009. № 3. С. 223–224.

¹⁰² *Барг М. А. Категории и методы исторической науки*. М.: Наука, 1984.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ В КОНЦЕ XX в.

ЗАРОЖДЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАТИВНЫХ ПОДХОДОВ

Почему мы выделяем конец XX в. как особую веху в развитии исторической науки вообще и истории Востока в частности? Во-первых, потому, что рухнул существовавший долгое время биполярный миропорядок, определявший содержание и характер теоретических поисков по разные стороны разделительных линий, а вместе с ним закончилась история социализма в Восточной Европе и Северной Евразии. Во-вторых, с 80-х гг. XX в. начался повсеместный и продолжающийся до сих пор переход человечества от старых механических и аналоговых технологий к цифровым. Именно этот переход, подготовленный развитием кибернетики и средств коммуникации с середины XX в., и называют цифровой (или информационно-коммуникационной) революцией, открывшей цифровую эпоху. Создание и массовое распространение средств коммуникации и Интернета, внедрение в исследовательскую практику алгоритмов, цифровых методов, различных информационно-коммуникационных технологий стали, с одной стороны, приметами цифровой эпохи, а с другой – предвестниками информационной революции. Этот период заложил начало процесса цифровой трансформации всего комплекса социо-гуманитарных наук.

Цифровую революцию, которую также называют Третьей промышленной революцией, ставят в один ряд с неолитической аграрной революцией, а также Первой промышленной революцией в XVIII–XIX вв., когда состоялся массовый переход от ручного труда к машинному, что было связано с изобретением паро-

вого двигателя и, соответственно, паровых машин. Вторая промышленная революция – технологическая – связана с освоением электричества, химикатов, внедрением научных инноваций, созданием поточных производств, индустриализацией Европы, Северной Америки, Японии и России во второй половине XIX – начале XX вв. За Третьей промышленной революцией, постиндустриальной, цифровой, использующей информационно-коммуникативные технологии, по мнению К. Шваба, последует Четвертая, собственно информационная, которая является прямым следствием и продолжением цифровой¹.

Цифровую эпоху нередко используют как синоним информационной эры, что во многом объяснимо, поскольку первая является необходимым этапом второй, условием ее появления. Цифровая эпоха является частью информационной эры. Трудно определить, на каком этапе формирования информационного общества мы находимся: одни теоретики относят его начало к рубежу XIX–XX вв., связывая его с изобретением телеграфа и телефона, другие – к середине XX в., когда появляются большие ЭВМ, одна из первых компьютерных сетей ARPANET и др. Маршалл Маклюэн в своей книге «Понимание медиа: внешние расширения человека» определил идею информационного общества в **поиске коммуникации во всех взаимодействиях человека с миром**².

Наше расширенное понимание коммуникации восходит как раз к идеям Маршалла Маклюэна, который еще в 1964 г. показал, что развитие коммуникативных возможностей человека расширяет его способность менять мир вокруг себя и себя в этом мире. Человек выходит за пределы своей физической природы. В электрическом веке происходит виртуализация энергии человека, которую можно транспортировать на любые расстояния, куда дотягивается электрический провод. Электрическая революция породила революцию самих коммуникационных средств и связанных с ними индустрий – фотоиндустрии, радиоиндустрии, киноиндустрии, телеиндустрии и др. Появление Интернета и IT-индустрии с ее информационно-коммуникационными технологиями еще больше меняет наш социальный мир.

В отличие от информационной эры, контуры цифровой эпохи нам более или менее понятны. Для цифровой эпохи характерны качественные сдвиги в развитии сети Интернет (особенно индустриального интернета и интернета вещей), создание цифровых экосистем, а также интеграция таких технологий, как искусственный интеллект, геномная инженерия, цифровая логика, встроенные средства коммуникации, автоматические системы сбора и обработки информации, с передовой робототехникой. В свою очередь, это порождает т. н. НБИКС технологии, которые воедино объединяют нано-, био-, инфо-, когнитивные и социогуманитарные подходы, размывая границы между физическим, цифровым и биологическим мирами и создавая *расширенную социальную реальность*.

В одноименной книге, посвященной Четвертой промышленной революции, К. Шваб упоминает как важнейшие для этого этапа развития технологии, возник-

¹ Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016.

² McLuhan, Marshall H. Understanding Media: The Extensions of Man. L.: Routledge, 1964.

шие после цифровой революции, в том числе аналитику больших данных, искусственный интеллект, облачные вычисления, трёхмерные моделирование и печать, интернет вещей, блокчейн-технологии, дополненную, виртуальную реальность и метавселенные, и др. Имеется в виду, очевидно, что эти технологии, так же как автономные роботы и машины, должны взять на себя основную нагрузку в жизнеобеспечении экосистем будущего, это и будет означать переход от цифровой эпохи к собственно информационной.

Принципиально новым явлением информационной эры из всего того, о чем мы сегодня имеем хотя бы самое общее представление, могут быть только квантовые вычисления. Очевидно, цифровая и информационная реальности будут различаться между собой примерно так же, как наш обычный цифровой компьютер и пока еще гипотетический квантовый, действующий на основе совершенно других физических законов, механики и логики.

В условиях трансформации гуманитарных наук, связанной с цифровизацией всех аспектов жизнедеятельности человека, возрастанием скорости социальных изменений в обществах, историческая наука и востоковедение, как и другие гуманитарные науки, очевидным образом нуждаются в некотором переопределении своих задач и подходов, адаптации теории и методологии к реалиям наступающей цифровой эры, в которой основной ценностью становится не товар или услуги, а уже сама информация.

Именно поэтому нам уже сегодня необходимо задумываться над решением стремительно актуализирующихся проблем, связанных с накоплением информации, ее качеством, полнотой и совместимостью данных, организацией доступа к «большим данным», созданием надежного инструментария для поиска, хранения, обработки, формализации и использования научной информации в исследовательских практиках. Мы говорим о двух типах совершенно разных по своему содержанию и точности практик: о совершенных цифровых, в которых коммуникативные подходы обеспечат наиболее адекватный и объективный результат, и переходных цифровых-аналоговых, работающих по традиционным шаблонам, в рамках неоклассической модели исторического познания, где они предложат лучшие условия для реконструкции событий и фактов доцифрового периода истории человечества, который постепенно уходит в прошлое.

1.1. КРИЗИС «БОЛЬШИХ НАРРАТИВОВ» И ПРОБЛЕМА МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ВЫБОРА

Распад СССР привел к резкому падению авторитета безраздельно господствовавшей на заметной части земного шара марксистской парадигмы исторического процесса, включая формационную теорию истории. Провал коммунистического социального эксперимента в Восточной Европе и Северной Евразии научный мир в целом воспринял как доказательство теоретической несостоятельно-

сти марксизма. А. А. Зиновьев даже заявил о крахе марксизма и гибели марксистской утопии, охарактеризовав события начала 1990-х гг. как русскую трагедию³, а А. М. Хазанов сравнил марксизм с «мертвой лошадкой», которую он не желает «хлестать»⁴. Философы и теоретики науки во всем мире в очередной раз заговорили о кризисе философии⁵.

Потеряв точку опоры, в сложном положении оказались и основные идеологические оппоненты марксизма. В. С. Соловьев писал о кризисе западной философии, прежде всего позитивизма⁶. Дискуссии на эту тему охватили европейскую мысль от философии марксизма до философских постулатов постмодернизма⁷, включая феноменологию, эмпирицизм, холизм, герменевтику, психологизм, эпистемологию и даже трансцендентальный идеализм⁸. Участники дискуссий сходились только в одном – в требовании вернуться к логике и критическому реализму. В российском обществе возникли сомнения в научном статусе ряда дисциплин, в том числе истории. О. М. Медушевская заявила о методологическом кризисе исторической науки⁹, косвенно признав тем самым несовершенство существующих методов исторического исследования.

Появление мультиметодологических подходов сместило фокус внимания исследователей от методологии на сам предмет исследования, от метанарративов – на отдельные дискурсы. Существует мнение, что в гуманитарных и общественных науках постсоциалистических и особенно постсоветских стран до сих пор сохраняется острый и не до конца удовлетворенный запрос на теорию¹⁰. Это обусловлено дальнейшим развитием этих наук, «глобализацией» науки, выразившейся во взаимопроникновении идеологических нарративов Запада и Востока, обострившейся конкуренцией «больших теорий», которые не дают четких и общепризнанных критериев, в одинаковой мере применимых ко всем фактам, событиям и явлениям. Историкам вместе приходится либо поневоле участвовать в разработке новых теоретико-методологических подходов, либо с некоторыми оговорками использовать те или иные модификации известных теорий. В любом случае теорией и методологией истории в той или иной степени сегодня приходится заниматься каждому историку – если не в теоретическом, то хотя бы в практиче-

³ Зиновьев А. А. Русская трагедия. М.: Алгоритм, 2007.

⁴ Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. С. 18.

⁵ McCarthy, Michael H. The Crisis of Philosophy: Emerson in the Twenty-first Century. Albany, N.Y.: State Univ. of New York Press, 1990.

⁶ См.: Соловьев В. С. Кризис западной философии. По поводу «Философии бессознательного» Гартмана (Статья первая). М.: Ред. Православного обозрения, 1874; см. также: Solovyov V. The Crisis of Western Philosophy: Against the Positivists / transl. and ed. by Boris Jakim. N.Y.: Lindisfarne Press, 1996.

⁷ Crises in Continental Philosophy / ed. by A. B. Dallery, Ch. E. Scott, P. H. Roberts. Albany, N.Y.: State Univ. of N. Y. Press, 1990.

⁸ Подробнее об этом см.: Мегилл А. Историческая эпистемология / пер. с англ. М. Кукарцевой, В. Кашаева, В. Тимонина. М., 2007.

⁹ Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. С. 6–7.

¹⁰ Пути России. Новые языки социального описания: Сборник статей. Т. XIX / под ред. М. Г. Пугачева, В. П. Жаркова. М.: Нов. лит. обозр., 2014.

ском смысле. Именно поэтому эта сфера исторического знания наиболее дискурсивна, именно здесь чаще всего сталкиваются наиболее непримиримые научные позиции и точки зрения.

Самостоятельно отбирая наиболее значимые, актуальные и перспективные для себя принципы известных теорий и добиваясь их систематического единства, начинающий историк, не имеющий достаточного опыта практических исследований, незаметно для себя попадает в методологическую ловушку. С одной стороны, выбор методов должен быть осознанным, эвристичным и в достаточной степени обоснованным; с другой стороны, принципы и подходы разных теорий имеют в своей основе совершенно различные критерии, а цельность любой методологии, как известно, обеспечивается единством принципов, критериев и понятийного аппарата.

Возвращение к методологической ситуации в гуманитарных науках на переломном этапе истории, совпавшем с экспоненциальным ростом разнообразных технологий коммуникации, позволяет глубже оценить предпосылки и проблемное поле многомерного системно-коммуникационного подхода. Для этого нам не обойтись без хотя бы самого общего, мозаичного взгляда на наиболее влиятельные т. н. «большие нарративы», которые и сегодня продолжают развиваться и будоражить умы, порождая познавательные форматы теоретического осмысления истории и современных проблем развития обществ, в том числе восточных.

«Большие нарративы» созданы в основном европейцами в период технологического доминирования европейской цивилизации, поэтому они представляют собой специфически европейские подходы не только к западной, но и к всемирной истории. По этой объективной причине не-Запад, который наряду с Востоком включает в себя и Тропическую, или Черную Африку, и Латинскую Америку, остается на задворках истории. Мету оценки, которую Запад изобрел для себя, он начал применять и по отношению к не-Западу, не вполне учитывая, точнее игнорируя, огромную глубину его истории и культуры.

Пересказ, обсуждение и тем более критика «больших теорий» и связанных с ними концепций истории не являются ни предметом, ни целью настоящего исследования. Однако вопрос, который ставится в рамках информационного и пространственного «поворотов» гуманитарной науки, не теряет своей актуальности – в какой степени универсальные мировоззренческие парадигмы, имеющие свою определенную идеологию, отвечают потребностям цифровой эпохи с ее неизмеримо возросшими требованиями к точности и объективности фактических данных? Смогут ли в этих условиях они продолжать успешно конкурировать с общенаучными и мультиметодными парадигмами, заточенными исключительно на научное познание, или их значение будет постепенно снижаться в пользу других инструментов научного познания? Для этого нам придется вернуться к фундаментальным основам классических теорий и их новейших версий, имеющих ценность в рамках многомерного подхода.

1.1.1. Формационная теория марксизма и развитие коммуникативной теории в рамках неомарксизма (критической теории)

Формационная теория оставалась наиболее влиятельной объяснительной схемой истории на протяжении почти всего XX в., по крайней мере для существенной части человечества, что было связано прежде всего с идеологическим и геополитическим противостоянием капиталистической системы с социалистической. Однако свести все к такому противостоянию было бы явным упрощением, учитывая марксистские и особенно неомарксистские подходы многих западных исследователей, как, например, Ф. Броделя, основоположника школы «Анналов» и одного из основателей неомарксистской мир-системной теории, а также Л. Альтюссера, А. Грамши, Д. Лукача, Э. Блоха, А. Лефевра и Ж.-П. Сартра. В частности, Жан-Поль Сартр писал, что «марксизм – это не только грандиозная попытка создания истории, предпринятая в XIX в.: это и попытка овладеть историей, практически и теоретически, придав единство рабочему движению»¹¹. Наиболее трезвые оценки марксизма содержатся в работах, авторы которых руководствовались прагматическими соображениями, пытаясь выявить наиболее уязвимые места экономической теории К. Маркса, чтобы учитывать их в реальной экономике¹². Кроме того, особого внимания заслуживает «критическая теория», в недрах которой, собственно, и зародились коммуникативные подходы.

Теорию формаций также можно отнести к числу конструктивистских в том смысле, что именно на основе этой теории, «руководствуясь учением марксизма-ленинизма» (избитое клише советской идеологии), СССР строил, с большим или меньшим успехом, общество равных возможностей, создавал новую историческую общность людей – советский народ. Большевицкая теория превратилась в теоретическую программу модернизации собственной страны, в том числе ее восточных окраин (она была достаточно эффективна в советской индустриализации, другой вопрос, что породила тоталитаризм и массовые репрессии во второй половине 1930-х гг.), а также модернизации развивающихся стран Азии, Африки, Латинской Америки, где появились страны «социалистической ориентации». Кроме того, марксизм, наряду с поддержкой со стороны СССР, сыграл историческую роль в китайской революции и в антиколониальных национально-освободительных движениях по всему миру. В полной мере оценивать марксизм в его большевицком понимании, очевидно, еще слишком рано, однако один недостаток совершенно очевиден: близкий к религиозному догматизму (отсюда и обвинения марксизма его оппонентами в квазирелигиозности) и нетерпимость к критике.

К моменту своего распада СССР принимал отчаянные попытки освободиться от догматизма в марксистской теории. В 1980-х гг. появился ряд интересных толкований не только теории формаций (В. П. Илюшечкин, Ю. М. Кобищанов, Ю. К. Плетников, Л. И. Рейснер, Ю. И. Семенов и др.), но и материалистической

¹¹ Сартр Ж.-П. Проблемы метода / пер. с фр. М.: Прогресс, 1993. С. 109.

¹² См., например, публикации в двухтомном издании: Karl Marx's Economics: Critical Assessments / ed. by J. C. Wood. Vol. 1–2. L. – N.Y.: Routledge, 1991.

диалектики, семиотики, периодизации истории (Г. П. Щедровицкий, Э. В. Ильенков, В. С. Стёпин и др.). Это был не первый опыт рационалистического осмысления наследия К. Маркса, в России дискуссии о марксизме как «большой теории» оставались полемическими до середины 1930-х гг., когда материалистическая концепция истории только начинала формироваться. Квинтэссенцией теоретических обсуждений того периода стало признание того, что «Маркс дал методологию истории, но Маркс не изучал специально русскую историю»¹³.

С конца 1930-х гг. с укреплением тоталитарного режима И. В. Сталина догматические подходы в марксизме-ленинизме окончательно возобладали над критическими. Высказывание В. И. Ленина «учение Маркса **всесильно, потому что оно верно**»¹⁴ стало краеугольным камнем принципа партийности науки. Ссылаясь на приоритетное значение интересов рабочего класса, обновленное «учение Маркса» обосновало свои претензии на полную универсальность и всеобщность, исчерпывающее объяснение всех фактов мировой истории, а также на абсолютную научную объективность, которая является одним из критериев истины. Объективность исторической науки стала пониматься исключительно через принцип партийности: в истории объективными признавались только те интерпретации истории, которые соответствовали партийной идеологии.

После распада СССР марксизм-ленинизм перестал выполнять функции государственной идеологии на всем постсоветском пространстве и в бывших социалистических странах Восточной Европы, его стало модно критиковать. Под влиянием постколониальных штудий местные историки как бы отмежевываются от прежней довлеющей и тяготящей их методологии «имперской истории», создавая предпосылки для переосмысления своей национальной историографии.

Однако слухи о безвременной кончине марксизма как научной теории оказались сильно преувеличенными. Во-первых, потому что он по-прежнему активно применяется исследователями во всем мире, нередко без опознавательных маркеров (особенно в большинстве постсоветских стран): схемы определяющего базиса и определяемой им надстройки, и бытия, определяющего сознание (диалектический материализм), глубоко укоренились в исследовательских практиках. Во-вторых, западный неомарксизм, оппонируя марксизму, породил собственные теории, две из которых стали очень влиятельными: мир-системная и критическая. Наконец, адаптированная к местным условиям и лишенная советского догматизма версия марксизма привела Китай к экономическому чуду, начавшемуся в 1980-х гг.

Теория формаций

Теория формаций строилась на прочном фундаменте **материалистического понимания истории**: все социальные изменения имеют материальную, ресурсную, а не духовную природу, они обусловлены классовой борьбой, столкновением эко-

¹³ Спорные вопросы методологии истории (дискуссия об общественных формациях) / под ред. Г. Зайделя [и др.]. Харьков: Пролетарий, 1930. С. 158.

¹⁴ Ленин В. И. Три источника и три составные части марксизма // Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1973. С. 43. В качестве аргументов в пользу верности этого учения Ленин называл его полноту и стройность, обеспечиваемую им цельность мирозерцания, а также непримиримость к суевериям, реакционности и оправданию буржуазного гнета.

номических интересов антагонистических классов. Каждая новая общественно-экономическая формация, которая является развивающимся социально-производственным организмом, существующим по своим внутренним законам развития, рассматривается как более сложная, соответственно более прогрессивная по сравнению со старым социально-производственным организмом. Каждый из этих социально-производственных организмов, порождаемых формациями, отличается своим, присущим только ему способом производства, особым типом производственных отношений и характером общественной организации труда.

Сущность формационной теории К. Маркс изложил в предисловии к написанной совместно с Ф. Энгельсом работе «К критике политической экономии». Для своего жизнеобеспечения люди вынуждены вступать в определенные **производственные отношения**, которые «соответствуют определенной ступени развития их материальных **производительных сил**»¹⁵, включающие в себя средства производства и рабочую силу. «Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный **базис**, на котором возвышается юридическая и политическая **надстройка** и которому соответствуют определенные формы общественного сознания»¹⁶. На определенном этапе развития «материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями» (в т. ч. с отношениями собственности), тогда «из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы»¹⁷. В результате классовой борьбы свершаются революции, которые приводят к смене **общественно-экономических формаций**.

В числе «прогрессивных эпох экономической общественной формации» К. Маркс назвал **«азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства»**¹⁸. Однако в других работах они логически сводились к трем формациям: **докапиталистической, капиталистической и коммунистической**. Формации рассматривались как закономерные исторические стадии, выражающие путь человечества к прогрессу и обновлению. Каждая последующая формация признавалась более прогрессивной по отношению к предыдущей, но самой прогрессивной считалась коммунистическая формация, поскольку в ней преодолевалось отчуждение человека от результатов его труда. Таким образом, буржуазная/капиталистическая формация рассматривалась Марксом как окончание предыстории человечества, поскольку ее производственным отношениям также присущ внутренний антагонизм. С коммунистической формации, в которой этот антагонизм впервые преодолевается, начинается история подлинно свободных людей (свободных от эксплуатации).

Формационная теория в том виде, в каком мы ее знаем, является продуктом советской школы марксизма. Группа историков-востоковедов, обществоведов и этнологов, в том числе из Института востоковедения, которым была поставлена

¹⁵ Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 13. М.: Госполитиздат, 1959. С. 7–9.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

задача развить марксистскую концепцию истории в соответствии с конечной целью строителя коммунизма, предложила пятичленную схему формаций, которую затем советская школа марксизма выдавала за классическую. В некоторых исследованиях авторство теории ошибочно приписывают В. В. Струве, возглавлявшему Институт востоковедения сначала в 1937–1938 гг., а затем в 1940–1950 гг. В окончательном виде теория, сложившаяся не без организационной поддержки И. В. Сталина, имеет пять последовательно сменявших друг друга общественно-экономических формаций: **первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую** (с ее первой фазой – социалистической).

Попытки кардинального пересмотра и обновления теории формаций в начале 1990-х гг. широкого признания не получили, хотя и стали заметными явлениями для своего времени. Чтобы совместить социально-экономический подход марксизма и ценностно-институциональный подход цивилизационной теории, Л. И. Рейснер пришлось отойти от теории пяти формаций и вернуться к марксовому же делению истории на две формации: первичную и вторичную¹⁹. Н. Я. Бромлей отмечала, что «формация и цивилизация <...> разные “срезы” в развитии общества как целостной системы. Формация – это социо-экономическая категория, цивилизация – социо-культурная. И только изучение их в неразрывной взаимосвязи и взаимообусловленности может дать и научно обоснованные теоретические концепции, и ценностные практические выводы»²⁰. Но были и отдельные теоретические прорывы, заслуживающие особого внимания, хотя бы в рамках известной формационной теории. Ю. М. Кобищанов пришел к выводу, что «так называемого рабовладельческого способа производства <...> никогда и нигде не существовало» и предложил объединить рабовладельческую и феодальную формации в «большую феодальную формацию»²¹.

Вот некоторые из основных претензий, которые предъявляются к теории формаций в рамках постклассической философии:

1. Формации должны рассматриваться как исследовательские конструкты, призванные облегчить процесс изучения и понимания качественных социальных изменений, имеющих всеобщий и системный характер, а не реальные стадии общественно-экономического (исторического) развития.
2. В марксистской теории формации определяются как «общественно-экономические»²². Тем самым политический, этнический, религиозный, правовой, культурный и другие аспекты (измерения) социальности в историческом процессе исключаются из характеристик стадийальных градаций. В системной логике многомерности все аспекты социальности связаны друг с другом. С этой позиции, вероятно, было бы корректнее говорить не об общественной или общественно-экономической форма-

¹⁹ Рейснер Л. И. Историческое общество как единство формационного и цивилизационного начал // Цивилизации. Вып. 1. М.: Наука, 1993. С. 59–60.

²⁰ Бромлей Н. Я. К вопросу о соотношении понятий «цивилизация» и «формация» (Пolemические записки) // Цивилизации. Вып. 1. М.: Наука, 1993. С. 225.

²¹ Кобищанов Ю. М. Теория большой феодальной формации // Вопросы истории. 1992. № 4–5. С. 57–72.

²² См.: Терияев Г. В. Общественно-экономическая формация. М.: ВПШ, 1963.

ции в узком смысле, а о социальной формации в ее широком значении (*social formation*), как это и было изначально у Маркса. Это хорошо показал Чж. Дуань²³. На русский язык слово *social* одинаково переводится и как социальный, и как общественный, но Т. Парсонс выделял для последнего значения слово социетальный (*societal*).

3. К. Поппер заметил, что аксиоматичный тезис теории формаций о том, что капитализм неизбежно сменится коммунизмом, основан на ничем не доказанном мнении об отсутствии у человечества иных альтернатив развития. В наше время доминирующую форму экономики, которая идет на смену капитализму, принято называть **посткапитализмом**.
4. В истории человечества ни одна формация не существовала в чистом виде, даже в тех обществах, которые были взяты в качестве моделей. Тем более что связь социальной организации общества и способа производства, являющегося важнейшей характеристикой материального типа общества²⁴, далеко не абсолютна: это доказывается хотя бы тем, что в индустриальных обществах в определенных условиях возникают рецидивы «феодалного» и даже «рабовладельческого строя».
5. Отношения феодала и его вассалов отражают в большей степени политические, внеэкономические отношения в обществе, которые являются лишь производными от общественных отношений, а не наоборот.
6. Теорию формаций также критикуют за проекцию прошлого на современность, попытки объяснить настоящее на основе исторического опыта.
7. Концепция об «азиатском способе производства» – не единственное исключение из стадияльной схемы теории формаций. Классическая марксистская теория изначально строилась по моделям европейской истории, поэтому она лучше всего соответствует исторической хронологии европейских народов. Чтобы вписать остальные народы в единую канву всемирной истории, советские ученые в дополнение к разрабатываемой ими формационной теории предложили ряд концепций, в различной мере объясняющих исключения из нее. Так, особые условия прописывались для отсталых с точки зрения марксизма обществ. Для обоснования возможности их ускоренного общественного развития была разработана теория о переходе от одного строя к другому, более развитому, минуя промежуточные стадии.

«Азиатский способ производства»: к вопросу о коренной специфике Востока

Концепция «азиатского способа производства» (АСП), которую также называют теорией²⁵, была разработана как дополнение к пятичленной схеме формаций. Термин «азиатский способ производства» использовался и К. Марксом,

²³ См.: Duan, Zhongqiao. Marx's Theory of the Social Formation. Aldershot: Avebury, 1995.

²⁴ Маркс К. К критике политической экономии. С. 6–8.

²⁵ Нуреев Р. М. Азиатский способ производства и социализм // Вопросы экономики. 1990. №3. С. 47–55; Васильев Л. С. Что такое «азиатский» способ производства? // Народы Азии и Африки. 1988. №3. С. 65–75.

и В. И. Лениным, причем Маркс назвал его первым в списке «прогрессивных эпох» (см. выше). Ю. И. Семенов называл этот способ «политарным»²⁶, а А. М. Румянцев – первобытным²⁷.

«Азиатский способ производства» акцентирует внимание, с одной стороны, на сильной централизованной власти на Востоке, имеющей деспотический характер, поэтому сама власть выступает в качестве эксплуататорского класса. Могущество этого класса основано на необходимости орошения безводных земель, выживания в условиях сложных климатических условий – отсюда и отсутствие частной собственности на землю. С другой стороны, подчеркивается наличие сельской общины как основной производительной единицы общества, с выраженной субъектностью рода. АСП акцентирует существование различий в восточных обществах, прежде всего в Индии, Китае, арабских странах.

Для нашей темы концепция АСП является немаловажной, поскольку она выходит на следующую проблему: в какой степени Восток является уникальным, насколько он отличается от Запада. Могут ли общества без частной собственности считаться феодальными? Если нет (поскольку в западном понимании ее на Востоке действительно не было), то восточные общества выбиваются из схемы формаций, а из этого следует, что они обладают коренной спецификой (В. В. Бартольд, К. А. Виттгофель, Н. В. Кюнери и др.). Если да (поскольку частная собственность существовала как право владения и распоряжения землей), то на Древнем Востоке господствовал феодализм (Э. Мейер, Г. Масперо, Б. А. Тураев, ранний В. В. Струве и др.).

Сама постановка проблемы об АСП является признанием исключительности Востока и восточных обществ, из которой вытекает, что пути Востока и Запада принципиально различны. В этой теории можно разглядеть также стремление советских теоретиков не отходить от учения К. Маркса, который упоминал об азиатской формации в своих работах, подчеркивая отличительные черты восточных обществ. АСП, который содержит в своем названии географический маркер, никак не вписывался в пятичленку, поскольку эта схема имеет совершенно другие системообразующие основания – название каждой формации указывает именно на способ производства, которому соответствует особый исторический тип производительных сил и способ распределения прибавочной стоимости. Как отметил В. П. Илюшечкин, АСП ничем от феодализма не отличался²⁸.

Ответ на вопрос о специфике Востока востоковеды дали уже после своего освобождения от обязывавших и сковывавших их рамок догматических интерпретаций в рамках мир-системной теории. Г. К. Широков показал, что по мере иерархизации мировой системы капитализма Восток оказался втянутым в орбиту экономических интересов Запада – индустриального центра Мир-системы. Это обусловило заметные различия в развитии Востока и Запада. Если в последнем «сохранялась автономная эволюция отношений собственности», то «в колониально-

²⁶ Семенов Ю. И. Политарный («Азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России: философско-исторические очерки. М.: УРСС, 2014.

²⁷ Румянцев А. М. Возникновение и развитие первобытного способа производства. М.: Наука, 1981.

²⁸ Илюшечкин В. П. Теория стадийного развития общества: история и проблемы. М.: Вост. лит., 1996.

зависимых странах автономная эволюция сменилась синтезированной: на них стали воздействовать как внутренние, так и внешние факторы (экономические и внеэкономические)»²⁹.

Неомарксизм и постмарксизм

Неомарксизм можно рассматривать по-разному: как попытку преодоления догматизма и апологетики «ортодоксального марксизма», выступавшего в роли официальной идеологии в ряде стран, и как творческое его развитие через критику, уточнение, обновление, ревизию (отсюда – обвинения советских идеологов в адрес западных традиций марксизма в буржуазном ревизионизме). Первая крупная неомарксистская школа – критическая теория – зародилась на родине Маркса накануне образования СССР, вторая – мир-системная теория – получила новый импульс для своего развития и широкую известность в мире уже после распада СССР. Ю. Хабермас еще шире раскрывает горизонты западного неомарксизма, утверждая, что внутри него «выделились две традиционные линии, которые определялись, с одной стороны, рецепцией Макса Вебера, а с другой – рецепциями Гуссерля и Хайдеггера»³⁰.

Однако не всякая критика неомарксистов классического марксизма или его советских интерпретаций может быть принята во внимание, тем более, что большая часть критических замечаний была отвергнута в ходе дискуссий. Например, представитель критической теории Г. Маркузе указывал, что после короткого «героического периода» большевистской революции в советской системе производства трудящиеся также были «отделены организацией производства от контроля над средствами производства», что способствовало «классовым различиям в самом базисе системы»³¹. Отчасти это так, но только если рассматривать контроль в его капиталистическом понимании как контроль владельца производства. Но в СССР средства производства, заводы и фабрики находились в собственности у государства.

Неомарксистская критика марксизма актуализирует проблему проверки истинности формационной теории, особенно учитывая тот факт, что важнейшим критерием проверки истинности теории в неомарксизме, как и в марксизме, является практика. Отсюда, собственно, и развилась югославская **школа праксиса** – еще одно направление неомарксизма, которое преувеличивало (еще больше, чем в классическом марксизме) значение практики³².

Для современной верификации марксизма существуют два пути. Первый путь, связанный с применением **критерия фальсифицируемости** научной теории, введенного Карлом Поппером, последовательным антимарксистом, основопо-

²⁹ Широков Г. К. Запад-Восток: эволюция форм собственности в XX веке // Россия и совр. мир. 2002. № 2 (35). С. 170.

³⁰ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций / пер. с нем.; науч. ред. и автор послесловия Е. Л. Петренко. М.: Весь мир, 2008. С. 49.

³¹ Маркузе Г. М. Одномерный человек. С. 56.

³² Школу праксиса вместе с критической теорией обычно относят к неомарксизму. С ослаблением международного влияния советской модели марксизма после распада СССР и последующего распада самой Югославии школа праксиса растеряла свои позиции.

ложником критического рационализма – возможно, не самый надежный, потому что нам не от чего отталкиваться. По крайней мере, нельзя утверждать, что теория формаций отвечает критерию фальсифицируемости, поскольку не было доказано, что коммунизм является единственной альтернативой экономической системы капитализма.

Второй путь – посмотреть на экономическую систему современного капитализма с точки зрения классического марксизма, т. е. использовать его же инструментарий для его собственной проверки: с момента публикации «Манифеста коммунистической партии» в 1848 г. прошло достаточно времени, а время как раз и является мерилем истины. Если после промышленной революции XIX в. пролетариат действительно выступал в качестве основного производящего класса, то после начала цифровой революции появились технологии, которые во времена Маркса и Энгельса нельзя было и представить. Современные высокотехнологичные товары выпускаются при все более увеличивающейся доле автоматического труда (промышленных роботов).

Согласно исследованиям Банка Америки, в начале 1970-х гг., когда в глобальной индустрии началось активное внедрение промышленных роботов, в производственном секторе экономики США было занято около 19 млн рабочих мест. На рубеже 2002–2003 гг. доля промышленных роботов в мире сравнялась с долей ручного труда в Соединенных Штатах, крупнейшей экономике мира, с соотношением не в пользу пролетариата: 750 тыс. роботов производило продукцию, эквивалентную трудозатратам 15 млн рабочих. К 2014 г. в глобальной индустрии использовалось почти 2 млн роботов при двукратном сокращении рабочих мест в промышленном секторе США с начала 1970-х гг. (рис. 1.1)³³.

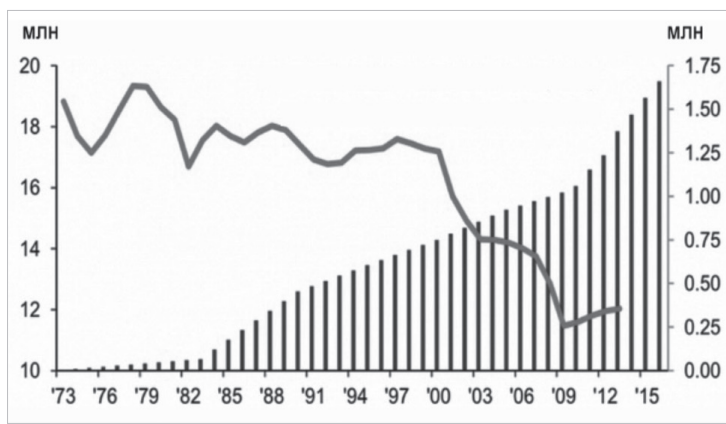

Рис. 1.1. Увеличение численности промышленных роботов в глобальной индустрии (вертикальные линии) и уменьшение доли ручного труда (горизонтальная кривая) в промышленном секторе США в 1973–2016 гг.

³³ Boesler, Matthew. Bank of America: 'Long Robots, Short Human Beings'. Jan. 16, 2014. [Electronic resource]. URL: <http://www.businessinsider.com/bofa-long-robots-short-human-beings-2014-1>. Retrieved 20.02.2017.

Дальнейшее технологическое развитие Китая может еще больше изменить баланс производительных сил в пользу роботов, оказав значительное влияние на мировую экономику: по данным Международной федерации робототехники, в 2018 г. поставки роботов в Китай выросли на 27%, что составило почти треть всего мирового объема, а в 2019 г. они почти удвоились³⁴. С появления первого чат-бота ELIZA в 1960-х гг., внедрения в чат-боты искусственного интеллекта в 2022 г. и их массовой адаптации к выполнению различных задач опасения по поводу неизбежности у человечества проблем занятости из-за «технологической безработицы» постепенно усиливаются, хотя цифровая революция и сама порождает новые профессии. Сегодня машины используются не только в промышленных секторах экономики для выполнения сверхточных повторяющихся операций, но также в образовании, медицине, в домашнем хозяйстве, в сфере развлечений, для майнинга, охраны объектов, выполнения оборонных и военных задач, сельскохозяйственных работ, использования в опасных или удаленных зонах, например, в подводной археологии, и т. д. По оценке Глобального института Маккинзи (MGI), к 2030 г. роботы заменят от 400 до 800 млн трудоспособных работников в мире в разных сферах экономики.

В этих условиях тезис о гегемонии рабочего класса для большинства развитых стран совершенно не актуален: в наше время *по крайней мере в этих странах* пролетариат больше не является ведущим субъектом истории. Это также означает, что один из наиболее важных, основополагающих тезисов марксизма не может считаться истинным для всех стран мира. Да и современный Марксу пролетариат, как показал Э. Томпсон, выглядел в значительной мере не совсем так, как его изобразил Энгельс в «Положении рабочего класса в Англии»³⁵. Исследователи отмечают и другие слабые точки марксизма, которые снижают его практическую значимость. Например, трудовая теория стоимости Маркса, фактически полностью исключившая фактор колебаний по разным причинам спроса – и причины этих колебаний – также оказалась в сущности неполной, т. е. неверной³⁶.

Мир-системная теория отмечает, что не существует «идеального типа» классов (пролетариат и буржуазия), но существуют процессы пролетаризации и обуржуазивания; таким образом, нужен более тонкий инструмент анализа, чем тот, который исходит из простых противопоставлений. Неомарксист И. Валлерстайн критиковал марксистскую теорию формаций и ее стадийные градации за «овеществление частей целостности», таких, например, как способы распределения сельскохозяйственной продукции, и последующее сравнение с помощью синхронистического описания «этих овеществленных структур»³⁷.

³⁴ См.: China's Robot Revolution May Affect the Global Economy. [Electronic resource]. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-08-22/china-s-robot-revolution-may-weigh-on-global-rebalancing?utm_source=yahoo&utm_medium=bd&utm_campaign=headline&cmpid=yahoo.headline&yptr=yahoo. Retrieved 22.02.2017.

³⁵ Thompson E. P. The Making of the English Working Class. L.: Penguin Classics, 2013. P. 468.

³⁶ Подробнее об этом см.: Александров Ю. Г. Синтетическая концепция стоимости. М.: Сам Полиграфист, 2011.

³⁷ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. П. М. Кудюкина; под общ. ред. Б. Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001. С. 11.

Отказ ряда теоретиков-марксистов от ключевых элементов марксистской теории, прежде всего положений о ведущей роли рабочего класса, неизбежности мировой революции и необходимости строительства коммунизма, привел к появлению новой версии марксизма – **постмарксизма**, ставшей знаменем как для «Новых левых» в Европе, так и для интеллектуалов по всему миру, осмысляющих глобализацию; видным постмарксистом является автор теории «сетевого общества» М. Кастельс (см. ниже). Для характеристики этого течения важно понимать, что у неомарксистов, как и у марксистов, методологическая позиция часто практически совпадает с идеологической³⁸. Иначе говоря, исследователь занимает определенную моральную позицию, которая позволяет ему оправдывать одни явления и осуждать другие в зависимости от того, кто их совершает.

Марксизм-ленинизм с китайской спецификой

Динамично развивающийся Китай использует свою версию марксизма-ленинизма, с китайской спецификой, представляющую собой синтез глубокой рациональности китайского общества с экономическим учением Маркса и уточнениями Ленина, связанными с практическими потребностями «новой экономической политики» в СССР, и такой синтез дает фантастические результаты.

А. В. Виноградов сдвигает точку отсчета отхода КНР от поздних советских интерпретаций марксизма-ленинизма к 1960-м гг., когда Мао Цзедун устроил себе символическое «свидание с Марксом» и объявил о своем отказе от догматизма; при этом Китай определенно предпочитал придерживаться прагматизма и прежде, когда пытался адаптировать внешний опыт к потребностям собственного развития³⁹. В 1976 г. после смерти Мао Цзедунa КПК возглавил Дэн Сяопин, который в самый разгар «новой экономической политики» в 1926–1927 гг. почти год провел в СССР, изучая труды Н. И. Бухарина, которые оказали на него большое влияние. В 1979 г. в Китае был создан «Институт марксизма-ленинизма и идей Мао», который начал внимательно изучать опыт НЭП и творческое наследие Н. И. Бухарина. По этой причине следует, очевидно, проводить различие между маоизмом и «теорией построения социализма с китайской спецификой», на принципах которой и была построена реформаторская программа Дэн Сяопина.

16–22 октября 2022 г. в Пекине состоялся XX съезд КПК, обновивший Устав партии. В Уставе и других документах партии в очередной раз была подтверждена неизменность курса на марксизм-ленинизм как опору китайской модернизации; также еще раз была подчеркнута идея строительства социализма с китайской спецификой.

³⁸ Подробнее об этом см.: Терборн Й. От марксизма к постмарксизму? М.: Изд. дом ВШЭ, 2021.

³⁹ Виноградов А. В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности / изд. второе, испр. и доп. М.: НОФМО, 2008. С. 199.

Развитие коммуникативной теории в рамках неомарксизма (критической теории)

Коммуникативные подходы обязаны своим происхождением **Франфурктской школе критической теории**, в условных рамках которой трудились такие блестящие теоретики, как Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе, Э. Фромм, Ф. Нейман, Ф. Поллок и др.⁴⁰. В начале 1920-х гг. для критического изучения марксизма при Франфуркском университете был открыт Институт социальных исследований. После прихода к власти Гитлера в 1933 г. сотрудники института были вынуждены переехать в Нью-Йорк, где работали в Колумбийском университете, но название научной школы сохранилось⁴¹. Наиболее известным из ныне живущих представителей школы, обновивших критическую теорию и тем самым давших философское обоснование левым движениям (особенно «Новым левым») в Западной Европе, является Юрген Хабермас⁴².

В определении критической теории М. Хоркхаймер делал упор на социальную критику, направленную на разоблачение господствующей в капиталистическом обществе идеологии (как доминирующей формы понимания реальности), сознательно искажающей реальность ради оправдания существующего социального неравенства – основы капиталистической системы. Теория также преследует цель достижения социальных изменений в обществах и освобождение сознания с помощью такой формы просвещения, которая лишена догматизма⁴³. Широкую известность получила ее критика капитализма через критику общества потребления и массовой культуры.

Источниками критической теории стали не только труды Канта, Гегеля и Маркса, но и работы З. Фрейда, М. Вебера, Г. Зиммеля, Г. Лукача и др. Неомарксисты в рамках этой теории *де факто* использовали историко-материалистический подход Маркса к социальному анализу и развили коммуникативные подходы, которые продолжают традиции макросоциологической теории. Развитием критической теории является акторно-сетевая теория Б. Латура.

Из разносторонней критики критической теории нам ближе всего замечания, высказанные К. Поппером и Н. Луманом:

1. Поппер осуждал критическую теорию за отсутствие позитивной повестки, критику ради критики без альтернативных идей, которые приведут к лучшему будущему: «Осуждение нашего общества самим Марксом имеет смысл. Для теории Маркса содержится обещание лучшего будущего»⁴⁴.

⁴⁰ *Morris, Martin*. Rethinking the Communicative Turn. P. 3.

⁴¹ *Ibid.* P. 4.

⁴² *Held, David*. Introduction to Critical Theory: Horkheimer to Habermas. Berkeley and Los Angeles: Univ. of California Press, 1980.

⁴³ *Geuss, Raymond*. The Idea of a Critical Theory: Habermas and the Frankfurt school. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1981. P. 58.

⁴⁴ *Popper, Karl R.* The Myth of the Framework: In Defence of Science and Rationality. L. – N.Y.: Routledge, 1994. P. 80.

2. Что касается критики критической теории с позиций теории систем, то она нашла отражение в чрезвычайно продуктивной дискуссии Ю. Хабермаса и Н. Лумана. Оба представляют коммуникативные подходы, но один – в виде коммуникативного действия, а второй в виде объединения коммуникации с системой. В этом споре, в котором становится очевидным, что коммуникация без системы не существует, так же, как и система без коммуникации, мы занимаем сторону Лумана.

Критическая теория не устраивает нас еще в силу двух важных обстоятельств, имеющих принципиальное значение:

1. Критикуя господствующую в капиталистических обществах идеологию, критическая теория сама в свою очередь выступает в роли идеологии. Хоркхаймер и сам признавал практико-политическую «ангажированность» критической теории⁴⁵. Это существенно снижает доверие к этой теории как объективной и независимой от идеологии.
2. Вместо одного системообразующего основания – классовой борьбы как движущей силы истории – критическая теория выбрала другую – коммуникацию. Соответственно, формировавшаяся на критике классического марксизма, эта теория унаследовала его недостатки, а именно: абсолютизацию своего основания – коммуникации, хотя и без претензий на универсальность абсолютной истины.

Как и критическая теория, многомерный подход учитывает формационные характеристики общества, но понимает их во всей их системной сложности, не только в синхронической, но и в диахронной логике. Формация – не столько ступень в развитии общества, сколько состояние сложных социальных систем, находящихся в разных измерениях, каждая со своим укладом. Их сложность познается через анализ отдельных измерений и потом отдельно – в комплексе всех доступных для анализа измерений. Иными словами:

1. Новый подход не останавливается только на анализе общественно-экономического аспекта развития обществ, напротив, он рассматривает формацию как взаимосвязь и взаимообусловленность всех измерений социальной жизни как в прошлом, так и в настоящем.
2. Все социальные группы, а не только общества в целом, рассматриваются в качестве систем, в том числе входящих друг в друга. Это позволяет рассматривать культурно-сложные общества и как целое, и как части в отдельности и целостности одновременно. Например, российское общество (целостность) состоит из отдельных обществ, различающихся большей (республики, автономные края) или меньшей (остальные субъекты Федерации) коммуникативной спецификой. Они, в свою очередь, состоят из локальных обществ, которые могут совпадать с этническими, религиозными (в т. ч. этноконфессиональными) сообществами. Такой дифференцированный подход позволяет эффективно решать практические проблемы, обусловленные многоукладностью страны и ее неравномерным развитием.

⁴⁵ Фурс В. Н. Социальная философия в непопулярном изложении. Вильнюс: ЕГУ, 2006. С. 11.

1.1.2. Цивилизационная теория и коммуникативные концепции цивилизации. Проблема культурного релятивизма

Резкое падение интереса к марксизму-ленинизму в конце XX в. привело к широкому распространению альтернативных теоретических подходов, среди которых на первом месте оказались цивилизационные и модернизационные теории. Теория цивилизаций не случайно пришлась по вкусу востоковедам: она в большей степени, чем другие теории (не считая теорию азиатского способа воспроизводства), показывает особую роль и значение Востока в истории и мировой культуре. Кроме того, востоковедение изучает историю, язык и культуру других цивилизаций, используя язык собственной культуры и цивилизации.

При всей теоретической неопределенности и противоречивости понятия «цивилизация» (*Civilization*) у него есть одно несомненное основание, определенный базис, на котором оно, собственно, и зиждется. Этот базис мы найдем, только если используем этимологический принцип метода универсальных языковых эквивалентов многомерного подхода. Точную семантику понятия фиксируют два латинских термина, от которых оно и происходит: сначала *civitas*, затем *civil*. Оба они обозначают особые типы связей, которые по своему характеру являются внебиологическими, т. е. апеллируют к социальной общности людей как вида.

Термин *civitas* характеризует неродовой, соседский тип общины, превратившийся в городской. Этот тип общины обозначает социальную общность, целиком или частично основанную на соседских отношениях, в противоположность отношениям биологического родства. Термин *civil* представляет следующий этап в развитии соседской общины, который характеризуется возникновением государства с внутренней иерархией, а в последующем и гражданства как правовой формы внебиологической, т. е. социальной общности. *Civitas* первоначально подразумевал также «гражданство» или «член сообщества» и в итоге стал соответствовать словам *city* и *urbs*, означающим «город» в более физическом смысле (ср. англ. *citizenship* «гражданство» и *civil* «гражданский», русск. *град* и *город* как «огражденное поселение», отсюда «горожане» и «граждане»).

Теория цивилизаций

Классическая теория цивилизаций (на самом деле – множество различных теорий), как правило, оценивала социальные процессы и культуру, противопоставляя «цивилизованные» народы «варварским». Поэтому эти теории в большинстве своем рассматривали Европу как начало (нулевую точку, точку пересечений) системы координат теории цивилизаций. Основоположниками цивилизационной теории Питирим Сорокин считал Н. Данилевского, О. Шпенглера и А. Тойнби. Самого Сорокина также можно отнести к их числу – во всяком случае его интегральная теория общества разворачивается в пространстве цивилизации⁴⁶.

⁴⁶ Сорокин П. Человек, цивилизация, общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Союмонов; пер. с англ. С. А. Сидоренко. М.: Политиздат, 1992.

На самом деле список авторов, внесших свой вклад в разработку цивилизационной проблематики, весьма внушительный (Д. Вилкинсон, Т. Жуффруа, М. Краузе, А. Кребер, Ф. Нортроп, Х. Ортега, А. Швейцер и др.). Российское востоковедение отметилось серией блестящих теоретических работ (М. А. Барг, Б. С. Ерасов, И. В. Следзевский, Л. Б. Алаев, А. И. Яковлев и др.). Систематизацию восточных цивилизаций и различных цивилизационных подходов в отечественной историографии применительно осуществил Б. С. Ерасов⁴⁷. Чтобы прояснить контекст исследования в следующих главах, нам придется очень кратко остановиться на реперных точках теории, которые важны для многомерного подхода.

Адам Фергюсон, который впервые ввел в научный оборот понятие цивилизации, выделил в нем в качестве основных признаков наличие общественных классов, городов и письменности⁴⁸. Речь идет о трех процессах, которые стали наиболее важными с точки зрения эволюции социальной организации. Они обусловили:

- 1) зарождение нового типа общественных отношений, основанных не на кровном родстве, а на отношениях соседства; этот новый тип отношений привел к образованию государств и развитию различных социальных институтов: как известно, в эпоху бронзы и раннего железа большинство государственных образований представляли собой города-государства;
- 2) появление городской культуры, более широкой, открытой, новаторской, которая противопоставляется сельской, замкнутой, традиционной; этот процесс привел к дальнейшему разделению труда, углублению специализации по отраслям хозяйства, урбанизации населения;
- 3) распространение письменности среди населения и масштабное ее использование для сохранения, развития и передачи достижений культуры следующим поколениям; в свою очередь, это привело к развитию технологий, наук и культуры, в конечном счете – к общественному прогрессу.

Наличие указанных признаков, считал Фергюсон, позволяет отделить цивилизацию от варварства. В периодизации философа дикость относится к первобытному обществу (самая продолжительная первая стадия), варварство – к родовым и племенным обществам (вторая и третья стадии). Цивилизация, по Фергюсону, начинается с четвертой стадии по нашей градации, когда появляются ремесленные (цеховые) общины городов, разделение труда, обусловившее образование классов и появление классовых отношений, письменность перестает быть уделом высшей власти и жречества, а получает распространение в народе.

Города первыми принимали новую религию, а затем становились центрами ее распространения в своей округе. Города также становились центрами образования. Процесс распространения образования тесно связан также и с распространением религий. Далее именно города первыми становятся очагами светской культуры, а затем и центрами ее распространения. Города также первыми становятся не только центрами ремесленного, а затем и мануфактурного производства,

⁴⁷ Ерасов Б. Культура, религия и цивилизация на Востоке. М.: Наука – Гл. ред. вост. лит-ры, 1990; его же. Цивилизации: Универсалии и самобытность. М.: Наука – Гл. ред. вост. лит-ры, 2002.

⁴⁸ Ferguson, Adam. An Essay on the History of Civil Society (1747) / ed. by Fania Oz-Saltberger. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995.

но и центрами потребления. Макс Вебер разделяет эти две сущности города – производственную и потребительскую, когда описывает процесс зарождения капитализма и связанной с ним этики отношений⁴⁹.

У Н. Я. Данилевского цивилизации уже локализованы – в своей работе «Россия и Европа» он пытается понять, почему Европа враждебна России, и приходит к выводу о том, что это чужие друг для друга цивилизации. Он также вводит понятие социального возраста цивилизации: европейская – старая цивилизация, а славянская – молодая. В биологической модели Освальда Шпенглера, изложенной в «Закате Европы», цивилизации рождаются, растут, проходят через определенные этапы развития и умирают, выполнив свою историческую миссию, ровно через 1000 лет (ср. с Тысячелетним царствием Иисуса Христа).

Используя классический метод сравнительного изучения и противопоставляя цивилизации примитивным обществам, Арнольд Тойнби на страницах своего 12-томного исследования «Постижение истории» выделяет в истории человечества 21 локальную цивилизацию, показав их в генезисе и развитии, с противоречиями, которые привели к их распаду. Большая часть (12) из этих цивилизаций развивалась на Востоке, в том числе древние: **древнекитайская, древнеиндийская, хеттская, шумерская, вавилонская** (Ассирия, Вавилон, Элам), **древнеегипетская, восточно-христианская сирийская** цивилизации. До сих пор существуют (большинство появились в средние века) следующие: **арабо-исламская, дальневосточно-китайская, дальневосточно-японская и корейская, индуистская, иранская** цивилизации.

Запад, по Тойнби, включает в себя Западную Европу и Северную Америку и представляет собой единую **западную** цивилизацию. Ее предшественниками были **минойская** (крито-микенская), **греко-римская**, православная **византийская**. Преемницей православной византийской цивилизации является православная **русская** цивилизация, но она не входит ни в состав западной, ни в состав восточных цивилизаций.

Еще четыре цивилизации развивались в Латинской Америке: возникшая в каменном веке **майяская** цивилизация, которая в VII в. распалась на **юкатанскую** (позднюю цивилизацию майя) и **мексиканскую** (тольтеки и ацтеки), а также **андская** цивилизация (инки). Остальные цивилизации объявлены либо «неродившимися» (кельтская, несторианская в Западной и Средней Азии, скандинавская (викинги), сирийская «эпохи гиксосов» – середины II тысячелетия до н. э.), либо заторможенными (эскимосская, цивилизация кочевников Великой степи, османская, спартанская, полинезийская (остров Пасхи))⁵⁰.

Цивилизационная схема А. Тойнби, многократно обсуждавшаяся в научной литературе, оказалась настоящим прорывом для своего времени. По крайней мере, она провозгласила отказ от линейности мировой истории, хотя все происходящее в мире объяснялось божьим провидением. С высоты сегодняшнего уровня развития науки, даже со скидкой на религиозный детерминизм, объясняемый атмосферой эпохи, в этой схеме легко заметить много слабых мест, пропусков и про-

⁴⁹ Wood, Ellen M. Democracy against Capitalism: Renewing Historical Materialism. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995. P. 158–160.

⁵⁰ Тойнби А. Постижение истории. С. 611.

извольных допущений. Например, буддийская, тибетская, иудейская цивилизации не вошли в схему, хотя индуистская и исламская цивилизации выделены отдельно, а христианские цивилизации разобраны достаточно подробно: восточно-христианская, несторианская, православная византийская, православная русская, западная и др. В логике различения Н. Лумана православная византийская и православная русская цивилизации гораздо ближе друг к другу, чем буддийская и тибетская цивилизации по отношению ко всем остальным.

В отличие от марксизма, методологические подходы цивилизационной теории могут иметь разные основания (эволюционизм, функционализм, этноцентризм, национализм, религиозный эксклузивизм и др.). Например, А. Тойнби выделял цивилизации на основе критерия этничности. Не менее популярны критерии географические, континентальные и региональные (европейская цивилизация, евразийская, евразийские, восточноазиатская, кавказская и др.). В одной из версий все цивилизации делятся на континентальные и морские. Это означает, что *де факто* существует не одна, а множество цивилизационных теорий.

Отдельного внимания заслуживают **конфронтационные версии теории цивилизаций**, возможность появления которых была заложена ее основателями. Развивая концепцию локальных культур, Н. Я. Данилевский и К. Н. Леонтьев видели в Европе чуждую России цивилизацию, исторически ей противостоящую. А. Тойнби же считал, что движущей силой противостояния Запада и Востока является схема «Вызов-и-Ответ», а также «контакты во времени и пространстве»⁵¹.

Категории «Свои» и «Чужие» используются не только в коммуникативных диалогических концепциях, но и в политически ангажированных цивилизационных подходах (ср. Б. Льюис о противостоянии ислама Западу, С. Хантингтон и его концепция столкновения цивилизаций⁵² и др.), где они, как правило, эмоционально окрашены, что позволяет успешно применять теорию в качестве идеологии. Конфронтационная форма коммуникации здесь неправомерно абсолютизируется, отсюда она рассматривается как единственно возможная и доминантная, на этом основании ей подчиняются все другие формы коммуникации.

Теория цивилизаций, как и любая другая, имеет свои недостатки. Основные из них – проблема культурного релятивизма, а также невозможность четкого обозначения границ между цивилизованностью и нецивилизованностью, которые очень относительны и зависят от системы координат. Границы «своей» и «чужих» культур также всегда условны: судя по значительным языковым заимствованиям, которые необходимо рассматривать в широкой исторической динамике, с глубокой древности до наших дней все культуры смешивались в гораздо большей степени, чем это представляется в обыденном сознании.

Вопрос о соотношении категорий культуры и цивилизации остается важным и все еще дискуссионным. Как отмечал Фернан Бродель, цивилизации как внешние по отношению к людям социальные миры рассматриваются как основы культур⁵³.

⁵¹ Тойнби А. Постигание истории. С. 611.

⁵² Huntington, Samuel P. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. No. 3. P. 22–49.

⁵³ Braudel, Fernand. On History / transl. by Sarah Matthews. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980. P. 215.

Однако, как в классической немецкой традиции, в России и Японии эти два понятия отделяются друг от друга⁵⁴. В качестве «самой серьезной ошибки этих теорий» Питирим Сорокин приводит в первую очередь смешение «культурных систем с социальными системами (группами)» – это действительно разные системы, и во вторую очередь – обозначение под цивилизацией как совершенно различных социальных групп, так и общих культур, присущих «то этническому, то религиозному, то государственному, то территориальному, то различным многофакторным группам, а то даже конгломерату различных обществ с присущими им совокупными культурами»⁵⁵.

Существуют и технические причины, ограничивающие сферу применения цивилизационной теории:

1. Теория так и не выработала собственные инструменты верификации и надежные критерии, позволяющие отсекаать идеологическую информацию от научной, фактическое знание от знания предпосылочного, аподиктического. В связи с этим Л. Б. Алаев не так давно даже задавался вопросом, станет ли цивилизационный подход научным методом⁵⁶. Такая намеренно ригористическая постановка вопроса заставляет задуматься о дальнейшем развитии теории и способах ее инструментализации.
2. Если культура, или культурное наследие, является основой цивилизации, как считают сторонники данной теории, то относительно самостоятельных, самобытных и высокоразвитых культур только в истории Востока насчитывается гораздо больше (следовательно, в мировой истории еще больше), чем выделяется в рамках цивилизационной теории.
3. В цивилизационной теории невозможно выдерживать единый масштаб анализа: общества, которые создавали культуры цивилизационного уровня, были разновеликими, и влияние их на другие общества (соответственно и культуры) также не было одинаковым. Попытки выработать «единый масштаб анализа» предпринимаются в социологической версии неклассической теории цивилизаций: цивилизация как особый тип социокультурной общности, основанной на всеобщей социокультурной связи индивидов и групп (прежде всего в форме мировых религий) и достигающей крупномасштабного единства в пространстве и времени, что позволяет цивилизации преодолевать в процессе своего развития разного рода партикуляризмы, а также решать проблему соотношения между прошлым, настоящим и будущим (Ш. Эйзенштадт, Б. С. Ерасов).

В новейших разработках цивилизационной теории особое значение придается ее непротиворечивому сопряжению с теорией модернизации⁵⁷ и неомарк-

⁵⁴ Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования / отв. ред. Ю. Г. Волков. М.: Социально-гуманитарные знания, 2005. С. 327.

⁵⁵ Сорокин П. Общие принципы цивилизационной теории и ее критика // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / сост. Б. С. Ерасов. М.: Аспект пресс, 1999. С. 51.

⁵⁶ Алаев Л. Б. Станет ли цивилизационный подход научным методом? // Восток (Oriens). 2013. № 3. С. 5–14.

⁵⁷ См., например: Акимов А. В., Яковлев А. И. Цивилизации в XXI веке: проблемы и перспективы развития. М.: ИВ РАН, 2012.

систской мир-системной теорией (через концепцию цивилизации как сети отношений), а также наличию в ней пласта маркирующего идентификационного знания (П. Стросон, Р. Брубейкер). Этот пласт открывает широкие перспективы для использования коммуникативных подходов в рамках диалогических конструкций Ego – Alter, «Свой» – «Иной»/«Чужой», а также для изучения феноменов инаковости через исторически и культурно обусловленную идентичность и модели коммуникации.

Коммуникативные концепции цивилизации

В сфере коммуникативных интерпретаций теории цивилизаций научных работ написано также достаточно. В этом направлении следует отметить три школы. Первая школа, которая восходит к «Школе Анналов», описывает цивилизации как децентрализованные и неравномерные сети отношений между элементами и сферами социокультурной системы (Д. Уилкинсон, Б. С. Ерасов⁵⁸) или допускает рассмотрение локальных цивилизаций как коммуникативных сетей, опираясь на концепт лингвокультуры (И. В. Следзевский). Эти многообещающие идеи представляются плодотворными, но требуют своего развития, в том числе в рамках теории сетевого общества, а также акторно-сетевой теории Б. Латура, к которым мы еще вернемся в главе об источниках.

Еще более известна школа западной социологии, развивающая концепцию «параллельных обществ» (У. Хискотт, А. Шварц, М. Эгге, Р. Солхелл и др.); она имеет своих последователей и в России (Л. А. Андреева, С. А. Горохов, Р. В. Дмитриев, Н. Горчакова, Т. С. Пронина и др.)⁵⁹. Речь идет, как правило, о коммуникативных сообществах мусульманских мигрантов с Востока, живущих в странах Западной Европы в условиях сегрегации в разных цивилизационных измерениях. Вероятно, что некоторую параллельность и гибридность можно найти и в рамках отдельных цивилизаций, причудливо сочетающих в себе традицию и новацию. Например, в японском обществе выделяются черты как традиционной культуры Востока, так и постиндустриальной культуры, которая прочно ассоциируется с Западом, но, очевидно, в каком-то смысле являющейся универсальной.

Третья школа усматривает системообразующие основания локальных цивилизаций в сфере коммуникаций, представляющие глубинные символические структуры⁶⁰. Однако не все попытки теоретического синтеза, предпринятые в этом направлении, следует считать удачными. Так, одной из целей своей кандидатской диссертации М. З. Архестова называет «реконструктивный анализ кавказской цивилизации и ее особенностей на основе информационно-коммуникатив-

⁵⁸ Ерасов Б. С. Цивилизация как сеть отношений // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / сост. Б. С. Ерасов. М.: Аспект пресс, 1999. С. 115–117.

⁵⁹ См.: Андреева Л. А., Горохов С. А., Дмитриев Р. В. и др. Трансформации глобального конфессионального геопространства: феномен «параллельных» обществ в системе международно-политических отношений: коллективная монография / науч. ред. Л. А. Андреева, И. В. Следзевский, М. Ю. Смирнов. СПб.: Владимир Даль, 2021.

⁶⁰ Найдыш В. М. Проблема цивилизации в научной мысли Нового времени // Человек. 1998. № 2. С. 21–22; Лубский А. В. Цивилизационный дискурс в условиях глокализации // Философия права. 2016. № 2 (75). С. 67.

ной модели локальной цивилизации»⁶¹, попутно объясняя, что кавказские этносы, помимо других черт, объединяет общность коммуникативной культуры⁶². Однако если мы создадим информационную модель этнических сообществ, то обнаружим различное качество коммуникаций между ними или даже разрывы коммуникации. Например, между обществами Азербайджана и Армении произошел серьезный разрыв коммуникаций, обусловленный конфликтом вокруг Нагорного Карабаха. Даже если какие-то коммуникации остались, то они, как правило, являются конфронтационными, враждебными, что уже ставит под сомнение саму постановку вопроса об их коммуникативной общности в рамках одной «кавказской» цивилизации.

Еще более показательный пример – Индия и Пакистан. Общества в этих странах представляют собой культурную, историческую и даже языковую общности, но не коммуникативную общность, поскольку из-за политических и геостратегических противоречий реальные человеческие коммуникации разрушены. Иначе говоря, коммуникативные подходы исходят из реальности коммуникации, а не из общности культуры, и это весьма существенно: сама коммуникация создает культуру и культурную общность, и только затем культуры влияют на коммуникацию.

Проблема культурного релятивизма

Карл Поппер называл интеллектуальный и моральный релятивизм «главной болезнью философии нашего времени»⁶³. Сегодня к ним прибавилась и проблема культурного релятивизма, которая остается одним из самых заметных недостатков цивилизационной теории. Существует несколько подходов, рефлексирующих издержки культурного релятивизма и стремящихся к их преодолению:

- 1) ценностный подход в классических исторических исследованиях – исследование мыслей и действий людей прошлого с позиций ценностей их времени (В. Виндельбанд, Г. Риккерт);
- 2) отказ от ценностных оценок в «новой научной истории»;
- 3) разделение цивилизаций на «первичные» – «до-осевые» (локальные) и универсалистские – «осевые» в неклассической цивилизационной компаративистике (К. Ясперс, Ш. Эйзенштадт, Б. С. Ерасов).

С одной стороны, методология истории не может содержать оценки, сравнения и противопоставления, особенно в сфере культур разных народов, искажающие природу и значение сравниваемых явлений, их качественные характеристики. Сравнительные оценки в категориях культурное/дикое, прогресс/регресс, культура и варварство (более или менее культурные, или прогрессивные) не бессмысленны только в рамках цивилизационного сознания, поскольку выражают универсальный, идентификационный идеал определенной цивилизации, воспринимае-

⁶¹ Архестова М. З. Информационно-коммуникативная концепция локальной цивилизации: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Нальчик, 2011. 156 с.: ил. РГБ ОД, 61 12–9/49.

⁶² См. также: Тхагалсоев Х. Г., Идрисова М. З. Концепция локальной цивилизации в методологии этнической историографии // Научная мысль Кавказа. 2008. № 1. С. 9.

⁶³ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. М.: Феникс, 1992. С. 441.

мый как цель исторического процесса. Они не имеют смысла во всех остальных случаях, если: 1) не обозначены координаты, в которых происходит оценка; 2) оцениваемое явление многозначно и состоит из множества различных компонентов. Возникает вопрос: можно ли вообще использовать метод сравнительного изучения, если культура, по замечанию «отца культурологии» Лесли Уайта, представляет собой одновременно и единый феномен, и класс феноменов?⁶⁴

С другой стороны, культура – живой организм, она многогранна, как и человек в своей деятельности. С точки зрения индивидуальных творческих интенций человека, проявления культуры и вовсе неисчерпаемы. Еще сложнее обстоит дело с общественными процессами: они и едины, и многослойны, многозначны и многоаспектны одновременно, отчасти гармонизированы, отчасти противоречивы, представляя собой единство и борьбу противоположностей. Оценочный релятивизм – один из немногих недостатков, присущих сравнительным классификациям истории, таким как, например, европоцентричное разделение истории на эпоху дикости, варварства и цивилизации, предложенное в 1768 г. «отцом современной социологии» Адамом Фергюсоном⁶⁵, если не учитывать немаловажный аспект идентификационного знания.

Культуры не статичны, они подвержены динамическим изменениям, происходящим под воздействием самых разных факторов. Современные версии сравнительного подхода не ставят целью сравнение одной культуры с другой на предмет выявления более или менее развитого, противопоставляя «дикие племена» «цивилизованным» обществам, а в рамках реляционных подходов, исследующих отношения людей, невозможна даже подобная постановка вопроса. Как отмечал Пьер Бурдьё, «то, что мы называем “примитивной”, “дологической” или “дикой” мыслью, есть не что иное, как практическая логика, одновременно удобная и ориентированная на действия, к которой мы прибегаем каждый день в наших действиях и наших практиках»⁶⁶.

Оценки в категориях положительного – отрицательного, прогрессивного – регрессивного, добра – зла, имеющие ценность внутри конкретной культуры, в частности ее этических учений, в широком философском контексте весьма условны и относительно, а с точки зрения классической теории истории, в контексте неклассической теории – это проблематика цивилизационной самоидентификации. Безусловно, сказанное не означает, что культуры не подлежат сравнительным оценкам вообще. Лесли Уайт настаивал на том, что «культуры можно оценивать», но «делать это нужно по объективным критериям»⁶⁷.

В гуманитарных исследованиях наиболее продуктивным представляется тезис о **самодостаточности и самооценности (самобытности)** любой культуры и религии, независимо от того, является ли культура, например, светской или религиозной, «традиционной» или «современной», городской или сельской. Такой

⁶⁴ Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры. С. 592.

⁶⁵ Ferguson, Adam. An Essay on the History of Civil Society. P. XXVIII.

⁶⁶ Bourdieu, Pierre. Le Sens pratique. Paris: Ed. de Minuit, 1980. P. 37.

⁶⁷ Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры. С. 586.

подход не только позволяет учитывать все типы и аспекты социальных отношений, в том числе и те, которые прежде выпадали из поля зрения, но и переводит усилия исследователя в плоскость конструктивного научного анализа. Идея **равноправия культур** является основанием и важнейшим условием для признания равноправия носителей этих культур, а это – базовое основание прав человека и конституционный принцип подавляющего большинства стран мира⁶⁸.

С другой стороны, решая проблему дискриминации и иерархизации культур, принципы **культурного, культурологического или когнитивного релятивизма** создают ряд новых проблем, которые каждая культура использует по-своему. Так, идея равноправия культур выработана одной культурой, которая через эту идею фактически претендует на универсальность свойственных ей ценностей. В местных историографиях принцип культурного релятивизма слишком часто используется для оправдания таких бесчеловечных феноменов культуры, как сожжение вдов, женское обрезание, ритуальные убийства, каннибализм. Описывая действия коренных жителей острова Бали в трансэ, К. Гирц зафиксировал откусывание в религиозном экстазе голов живых цыплят, прокалывание себя кинжалами, дикие исступленные движения на грани равновесия, имитирующие половой акт, поедание фекалий⁶⁹. Эти примеры, оправдываемые религиозными традициями, также свидетельствуют о ненаучности ряда идентификационных конструкторов этой теории: претендуя на всеобщую объясняющую силу, она либо должна признать их легитимность, либо согласиться, что существует неравенство культур и право более «прогрессивных» культур, в большей степени «заточенных» под безопасность человека, «корректировать» обычаи и традиции других культур. И то, и другое невозможно. Какой же из этой ситуации может быть выход?

Противопоставление культуры и бескультурия чаще всего исходит из вполне определенных критериев важнейших архетипов культуры. Более универсальная категория цивилизованности приобретает признаки семантической определенности лишь при ее противопоставлении нецивилизованности, иначе говоря, дикости и варварству. В познавательном (но не в идентификационном) плане такое противопоставление малопродуктивно, если не рассматривать логику взаимодействия этих двух начал в процессе продолжительной исторической эволюции.

Дикость и одичание – категории живой природы, характеризующие не только животных, но и человека на определенной стадии его развития. Как способ поведения, передающийся через научение, а не генетически, культура возникла в животном мире задолго до появления первобытной человеческой общины. Другое дело, что культурный способ адаптации к среде, т. е. через воспитание и обучение, стал доминирующим именно в человеческом сообществе⁷⁰. В реальной действительности дикость как агрессивное проявление бескультурия и культура как бла-

⁶⁸ Renteln, Alison. Relativism and the Search for Human Rights // American Anthropologist. Vol. 90 (1): 1988. P. 56–72.

⁶⁹ Geertz, Clifford. The Impact of the Concept of Culture on the Concept of Man // Bulletin of the Atomic Scientists. 1966. Vol. 22. No. 4. P. 3.

⁷⁰ См.: Lechner, Frank J.; Boli, John. World Culture Origins and Consequences. Malden, UK: Blackwell Publishing, 2005.

гоприобретенный набор опыта, навыков и правил взаимно дополняют друг друга, они сосуществуют в сложном синтезе, поскольку человек остается частью живой природы.

Культура требует возделывания так же, как и культурные растения. Сравнительно-исторический контекст проблемы еще более усложняет наши представления о таком сложном синтезе, демонстрируя поразительное сочетание парадоксов, частичного взаимоотталкивания и совпадения культурных архетипов различных культур сначала при их соприкосновении друг с другом, а затем при их взаимодействии на расстоянии или в «плавильном котле».

Проявления агрессии, животной жестокости и одичания до сих пор наблюдаются в различных обществах и культурах, где в большей, где в меньшей степени, хотя совсем дикие обычаи и обряды уходят в прошлое. Вопрос о том, являются ли они реликтовыми проявлениями архаичных форм социальности или нет, мы оставляем за рамками данного исследования, но определенно не все архаичные социокультурные практики можно отнести к разряду реликтовой дикости, если они давно и прочно вошли в культуру. К примеру, в балийской культуре еще в 1960-е гг. существовал ритуал, во время которого родственники и знакомые разрывали зубами разлагающееся тело особо уважаемого покойника⁷¹. Обрезание девочек в Судане включает в себя и такую процедуру, как зашивание больших губ; нередко несовершеннолетний муж, чтобы лишить новобрачную (тоже часто несовершеннолетнюю) девственности, хватается за нож или бритву – с соответствующими травматическими, а то и смертельными последствиями. И здесь возникает вопрос, который в цивилизационной парадигме требует определенного ответа: нужно ли и такие практики признавать равноценными практикам в иных культурах, обходящихся без обычаев, чреватых отравлением трупным ядом или калечением женских гениталий? Это проблема предпосылочного знания, но не знания фактического.

Невозможность однозначного, одинаково истинного для всех культур решения подобных вопросов в значительной степени снижает методологическую ценность категории цивилизации, но не межкультурного, кросскультурного по содержанию диалога, естественным образом представленного в коммуникационных версиях современной теории цивилизаций. Методы коммуникативного и статистического многомерного анализа, будучи слишком инструментальными, даже не пытаются ранжировать культуры по различным шкалам. Учитывая социальный возраст и многоукладность (единство многообразия) культуры, они просто анализируют и фиксируют различные явления культуры «как есть», связывая их со всеми другими аспектами жизни конкретного общества, и объясняют особенности одного аспекта социальности с учетом особенностей других или совокупности всех остальных аспектов.

Решая проблемы дискриминации и иерархизации культур, принцип культурного, культурологического или когнитивного релятивизма создает ряд новых проблем, которые каждая культура использует по-своему. Например, идея равно-

⁷¹ См.: Geertz, Clifford. *Negara. The Theatre State in Nineteenth-Century Bali*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1980.

правия культур, выработанная одной культурой – западной, через эту идею фактически претендует на универсальность свойственных ей ценностей, а через нее – на роль лидера культурной глобализации всего мира.

1.1.3. От теории модернизации к постмодернизму и неомодернизму.

Цифровой модернизм, метамодернизм и коммуникация

Наряду с развитием, трансформацией и эволюцией, модернизация (букв. «обновление», «осовременивание») выступает в качестве парадигмы социальных изменений. В теории она подразумевает преобразование традиционных, досовременных, преимущественно сельских, аграрных обществ в светские, городские, индустриальные общества, пройдя через определенные и последовательные этапы промышленного развития. Теория модернизации исходит из идеи общности одних и тех же «стадий роста» для всех обществ, которая утверждает универсальность западного капитализма для всех народов. Согласно идее социального прогресса, модернизация любого традиционного общества приведет его к промышленному развитию и экономическому процветанию.

По сравнению с цивилизационной теорией, транслирующей приоритеты развития культуры, теория модернизации постулирует приоритеты общественно-экономического развития. В этом смысле она ближе к марксизму, хотя именно марксисты ее больше всего критиковали. Поэтому модернизационную теорию не всегда можно противопоставлять формационной, поскольку она использует положения, сформулированные К. Марксом и его последователями, но переработанные ее основоположниками, как, впрочем, и идеи М. Вебера. Сближает эти две теории также логика растущего от одного этапа развития к другому уровня общественного прогресса.

Модерн и теория модернизации (модернизм)

В обширном предисловии к изданию избранных трудов Т. Парсонса об институтах и социальной эволюции в известной серии «Наследие социологии» Леон Х. Мэйхью объясняет, что теория модернизации формировалась в 1950–1960 гг. на основе классической эволюционной теории, социального функционализма, но преимущественно на парсонсовском понимании идей Макса Вебера, формировавшихся, в свою очередь, в заочной полемике с К. Марксом, о переходе от традиционного общества к современному⁷². В 1930-х гг. Т. Парсонс перевел работы Вебера на английский язык, снабдив их своей собственной интерпретацией, в которой появляются как системные, так и коммуникативные аспекты. Самым ценным для нашего подхода являются формулировки Парсонса о **многомерности социальных систем**, которые органично распространяются и на историю.

⁷² Talcott Parsons on Institutions and Social Evolution: Selected Writings (Heritage of Sociology Series) / ed. by Leon H. Mayhew. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1985. P. 3–4.

В развитии теории модернизации принимала участие и критическая теория, в которой модернизация обществ связывается с их рационализацией; имеется в виду коммуникативная рациональность, что еще больше усиливает коммуникативные аспекты теории. Ю. Хабермас описывает **модерн** как «сознание времени и самообоснование», указывая на то, что еще Вебер ставил «универсально-историческую проблему» – почему во всем мире только Европа идет по пути рационального развития?⁷³ Сегодня мы видим, что это не совсем так, учитывая бурное развитие Азии. «Универсально-историческая проблема» рассосалась сама собой, а вместе с ней и европоцентризм этой теории и связанной с ней теории либерализма, основанного на рационализме «свободного рынка». Европоцентризм отчасти преодолевается неолиберализмом, но путем негласной замены его западно-центризмом, прикрытым благообразной идеей глобализации.

Понимание сущности модерна раскрывают следующие три рассуждения Хабермаса:

1. **Новое время** в истории, пришедшее на смену древности (античности) и средневековью – это и есть **время модерна**. В европейской историографии Новое время начинается в 1500 г., в отечественной периодизации истории это еще позднее средневековье. Но такое понимание было осмыслено теоретической мыслью существенно позже. Хабермас как представитель Франкфуртской школы критической теории связывает начало модерна с эпохой Просвещения, другие исследователи указывают на множество проектов будущего, которые породили эту эпоху: Реформация, Контрреформация, барокко, идея эмансипации в немецкой философской классике и марксизме⁷⁴. К этому списку также можно добавить и европейские открытия других континентов, расширивших пространство «современности» того времени.
2. Одним из первых мыслителей, поставивших в самом конце XVIII в. вопрос о модерне в центр своей философии, был Гегель, но он опирался на философию Канта. Но **«только ретроспективно Гегель смог понять философию Канта как решающее самоистолкование модерна»**⁷⁵.
3. Процессы становления и самообоснования модерна шли рука об руку с его освобождением от нормативных цепей прошлого. При этом **отдельные измерения модернизации могут не совпадать с другими**, например, общественная модернизация – с культурными импульсами модерна.

Модернизационная теория и связанные с ней концепции (модернизма, пост-модернизма и др.) выделяют в истории общества периоды модернизации, приспособления к новым условиям. При этом либеральные и последующие неолиберальные теории модернизации (по крайней мере до начала 70-х гг.) игнорируют множественные моменты адаптации, когда отдельные новации сами становятся традицией: одни – более устойчивой, меняющей характер культуры, другие – мимо-

⁷³ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. С. 8.

⁷⁴ См. послесловие Е. Л. Петренко к «Философскому дискурсу о модерне» Ю. Хабермаса (Там же. С. 233).

⁷⁵ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. С. 15.

летней, дискретной, имеющей определенные временные рамки и оставляющей свой более или менее заметный след в отдельных аспектах культуры.

Среди известных исследователей, работавших над теорией модернизации, в том числе на историческом материале, были Г. Алмонд, С. Блэк, К. Дойч, С. Липсет, У. Ростоу, Ф. Фукуяма. В своем специальном исследовании по динамике модернизации Сирил Блэк сопоставляет с этой теорией сравнительный метод, с помощью которого можно изучать общества, находящиеся на различных этапах своего развития. Это, в свою очередь, приводит его к **компаративной истории**⁷⁶.

К числу основных исторических моделей экономического развития в рамках теории модернизации можно отнести, пожалуй, либеральную концепцию **этапов роста Ростоу**. В своем «Некоммунистическом манифесте» Уолт Ростоу еще в 1960 г. выделил пять основных этапов экономического роста, имеющих различную продолжительность:

1. Традиционное общество. Это исходная точка, откуда начинается рост. Характеризуется натуральным хозяйством, ремеслами, отношениями обмена.
2. Предпосылки для взлета. Без создания предпосылок никакой экономический рост невозможен. Этот этап начинается с процессов урбанизации как необходимого и предварительного условия для взлета.
3. Взлет. Он неизбежен при усилении процессов урбанизации, расширении товаропроизводящих секторов, развитии прорывных областей экономики.
4. Движение к зрелости. В ходе дальнейшего экономического развития промышленное производство диверсифицируется. Этот этап завершается переходом к внутреннему потреблению, развитием транспортной инфраструктуры и инвестициями в социальную сферу.
5. Эпоха высокого массового потребления. В структуре экономики индустриальный сектор доминирует над всеми прочими, большинство населения живет в городах и городских агломерациях. Рост доходов позволяет человеку удовлетворять не только его базовые потребности, но и покупать дорогостоящие потребительские товары⁷⁷.

Не менее известны **циклы**, или **волны Кондратьева**, названные именем теоретика «новой экономической политики» в СССР Н. Д. Кондратьева. Циклы объясняют периодическую смену подъемов и спадов в развитии экономики раз в 50 лет с коэффициентом отклонения 10 лет⁷⁸.

Сторонники модернизационной теории рассматривают модернизацию как инструмент постоянного обновления общества, сложный глобальный процесс, протекающий во всех ключевых сферах его жизнедеятельности и характеризующийся структурно-функциональной дифференциацией и образованием соот-

⁷⁶ Black, Cyril. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y.: Harper & Row, 1966. P. 35–55.

⁷⁷ Rostow, Walt W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. 3d edition. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991.

⁷⁸ Кондратьев Н. Д. Большие циклы экономической конъюнктуры: доклад // Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989. С. 172–226.

ветствующих форм интеграции. В системе координат верифицируемой науки простое противопоставление традиции и новации, традиционализма и модернизма, примитивных (архаичных) и развитых обществ действительно не выглядит корректным, поскольку границы между ними слишком субъективны. Новация плавно переходит в разряд традиции, причем в разных слоях и сегментах общества по-разному, и здесь без многомерной оптики не разглядеть все коммуникативные связи.

Как показал И. В. Побережников, при изучении теоретико-методологических проблем модернизации исследуют в первую очередь переход от традиционного к индустриальному обществу⁷⁹. В этом направлении ведутся поиски лучших моделей этого перехода, сопровождающиеся измерениями культур. Измерения культуры стали возможны после появления фундаментальных трудов Т. Парсонса, К. Гирца, особенно его «Интерпретации культур», а также Дж. Александера, в которых была обозначена многомерная перспектива культур. Хотя до создания практических инструментов дело не дошло, они подготовили теоретический фундамент под все последующие теории и методы культурных измерений.

Теоретические достижения Парсонса и его научной школы нашли свое развитие в прикладной теории культурных измерений Герта Хофстеде (*Hofstede's cultural dimensions*), в которой используются данные, полученные с помощью факторного анализа, одного из методов многомерной статистики. Определяя культуру как «коллективное программирование разума, которое отличает членов одной группы или категории людей от других»⁸⁰, исследователь выделяет шесть измерений, по которым могут быть распределены ценности культуры, определяющие коммуникативные действия человека. Главная проблема при выборе критериев индексации и определения измеряемых элементов социокультурных феноменов заключается в том, что эти сущности являются нечеткими, «ускользающими». Теория имеет серьезные ограничения, поскольку, как признал сам Г. Хофстеде, «культуру <...> было трудно определить и еще труднее измерить»⁸¹.

Наибольшее распространение среди инструментов по измерению культуры приобрела диаграмма Инглхарта, на основе которой до сих пор проводятся социологические исследования в рамках международного проекта «Всемирный обзор ценностей» (*World Values Survey – WVS*). Рональд Инглхарт сам возглавил исследования по измерению ценностей культуры, которые в общей сложности охватили до 80% населения мира, начавшись в индустриально развитых странах⁸².

Опираясь на концепты не только модернизма, но и постмодернизма, Р. Инглхарт делает основной упор на культурных изменениях в современных обществах⁸³.

⁷⁹ Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации / отв. ред. В. В. Алексеев. М.: РОССПЭН, 2006.

⁸⁰ Hofstede, Geert. *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills, CA: Sage, 1984. P. 21.

⁸¹ Ibid.

⁸² Inglehart, Ronald. *Culture Shift in Advanced Industrial Society*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1990.

⁸³ Inglehart, Ronald. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton: Princeton Univ. Press, 1997.

Очень важно, что эти изменения прослеживаются одновременно в разных измерениях: не только в собственно культурных, но и экономических, и политических. Поэтому изменения в обществах рассматриваются через трансформацию духовных ценностей, которые анализируются как отдельная система⁸⁴. В фокусе внимания оказывается, как правило, многообразная система ценностей индустриально развитых стран, которая изучается в разрезе не только религиозных, но и социальных, персональных и других предпочтений⁸⁵.

Представляя свою многофакторную теорию эволюционной модернизации как развитие классической теории модернизации, Инглхарт дополнил когнитивные факторы эмоциональными и эмпирическими факторами для объяснения культурных изменений, обусловленных социально-экономическим развитием. Эволюционная модернизация рассматривается им как поступательное движение от одного уровня экзистенциальной безопасности человека к другому, более высокому и всеобъемлющему: чувство безопасности оценивается в самом широком смысле, от базовых экономической и физической безопасности до свободы выбора и гендерного равенства. Здесь ключевым для нас является признание того, что «ценности общества формируются всем его историческим наследием, а не только уровнем экзистенциальной безопасности»⁸⁶. Вторая важная мысль о последовательности человеческого развития от традиции к модернизации раскрывается Р. Инглхартом и К. Вельцелем⁸⁷.

Опираясь на критерии, предложенные Т. Парсонсом, и обратившись к опыту Герта Хофстеде по факторному анализу культурных измерений в деловой сфере, в которой коммуникации особенно актуальны, Фонс Тромпенаарс и Чарльз Хэмпден-Тернер разработали собственную модель, в которой различаются семь культурных измерений. Эта модель управления и коммуникации, которая призвана обеспечить большее понимание различных национальных традиций и основанных на них деловых кросскультурных взаимодействий, называется «Культурные измерения Тромпенаарса». По признанию Фонса Тромпенаарса и Чарльза Хэмпден-Тернера, в качестве отправной точки культурных измерений для их учета в деловой среде они взяли пять реляционных ориентаций Парсонса⁸⁸.

Определение традиционного общества во многом условно: категория традиционности актуализируется лишь при сопоставлении ее со сравнительно большей нетрадиционностью («модернизмом», новациями, обновлением и др.); степень традиционности того или иного общества выражает лишь определенный этап в эволюции конгломерата местных общин, совокупность которых в каждом обществе имела собственную специфику. То, что в новинку одному человеку, для дру-

⁸⁴ Ibid. P. 3–50.

⁸⁵ Inglehart, Ronald. Culture Shift in Advanced Industrial Society. P. 457.

⁸⁶ Inglehart, Ronald. Cultural Evolution: People's Motivations Are Changing, and Reshaping the World. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2018. P. 8–24.

⁸⁷ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.

⁸⁸ Trompenaars, Fons, Hampden-Turner, Charles. Riding the Waves Culture: Understanding Cultural Diversity in Business. L.: N. Breal Publ., 1993. P. 8.

ного человека может представлять давно уже укоренившуюся традицию. В новейших версиях этой теории, в частности, **неомодернизм**, дихотомия традиционности и современности считается по меньшей мере упрощением.

Неклассические концепции модернизации – **множественности модернит** (*Modernities*) – исходят из наличия разных вариантов взаимодействия современности и самобытности, от их противостояния до синтеза. Учитывается и самостоятельная роль в обновлении общества религиозного фактора – подъем в современном мире новых – обновленческих – религиозных движений. Религия играет активную социальную роль в той степени, в какой она обусловлена объективными потребностями самого общества. И в этом сложном процессе постоянного обновления общества и религии не всегда можно четко выделить причинно-следственные связи.

Постмодерн, постмодернизм и пост-постмодернизм

Постмодерн как новая, постсовременная историческая эпоха, конечно, связан с постмодернизмом как интеллектуальным течением этой эпохи, но весьма опосредованно. Общим местом у них является внимание к личности, способам ее самовыражения, личной точке зрения. Внимание и уважение к отдельной личности нередко абсолютизируется. Новейшие тренды в развитых странах получили название **постмодернизации** – термин этот перекликается не только с постмодерном, но и с концепциями **постиндустриального, информационного и технотронного** обществ, которые многомерный подход, будучи информационным, игнорировать не может. Если отойти от классификации В. С. Стёпина⁸⁹, это иная парадигма, постнеклассическая (как логическое продолжение – переосмысление неклассической) – она существует параллельно с неоклассической традицией, развитием классической.

Постмодернизм, представленный в теоретическом наследии большого числа влиятельных философов нашего времени (Х. Уайт, Р. Барт, М. Хайдеггер, Ж. Делёз, Ж. Деррида, М. Фуко, Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийар, Ф. Джеймсон, Д. Келлнер и др.), – это интеллектуально продвинутая теория, к концепциям которой мы будем часто обращаться. Работы в этом направлении написаны, как правило, чрезвычайно сложным для непосвященных языком. Тем самым постмодернисты успешно решают – хотя бы в рамках своей теории – задачу создания нового языка социального описания, но он одновременно является и барьером для других исследователей, фрагментируя пространство теоретических поисков.

Постнеклассическая наука в лице постмодернистов позиционирует себя как бескомпромиссный (радикальный) и ироничный способ критики познавательных заблуждений, обусловленных метафизической и идеологической нагруженностью «больших» теорий. Философско-аллегорический язык постмодернизма дает начинающим исследователям, работающим в этой парадигме, полную свободу. Проблема понимания, присущая постмодернизму, нередко играет с ним

⁸⁹ См.: Стёпин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура: коллективная монография / отв. ред. Л. П. Киященко и В. С. Стёпин. СПб.: ИД «Мир», 2009. С. 249–295.

злую шутку. Нередко сами основатели направления жалуются на то, что их не так поняли. Понимая каждый по-своему, последователи постмодернизма могут создавать свои собственные дискурсы, благо, этим как раз он и отличается. Поэтому нередко среди дискурсов можно встретить словесную эквилибристику, лишенную если не логики, то последовательной аргументации, основанной на фактах или здравом смысле, или вполне определенную идеологическую позицию, не имеющую с наукой ничего общего (например, дискурс радикального феминизма, рассматривающий науку как инструмент господства мужчин над женщинами). Оппоненты указывают на спекулятивный характер и чрезмерную концептуализацию постмодернизма, который «характеризуется более или менее развернутым отказом от рационалистической традиции Просвещения, установлением независимых от любой эмпирической проверки теорий, когнитивным и культурологическим релятивизмом»⁹⁰. Науки рассматриваются в нем «как “наррации” или социальные конструкты среди прочих»⁹¹.

Философский постмодернизм не применим с научной точки зрения к теории истории по меньшей мере по двум причинам: во-первых, потому что это не историческая, основанная на эмпирике, теория. Во-вторых, как и в случае с цивилизационной теорией, достаточно того, что абсолютная истина не может быть выражена в нечетких понятиях и категориях, к которым относится и само понятие постмодернизма, имеющее множество разных интерпретаций.

Если в середине XX в., после Второй мировой войны, постмодернизм стал вытеснять модернизм, появившийся в начале столетия, то к концу века и он сам стал «выходить из моды»⁹², поскольку в обществах вновь назрела потребность в критическом реализме, пусть и модифицированном (рефлексивном). Опираясь на герменевтику и феноменологию, использующие общенаучный системный подход и потому рассматривающие исторические явления (феномены) как системы, «цифровой поворот» открывает путь к новым трансдисциплинарным областям исторического знания, опирающимся на информационно-коммуникативные достижения цифровой эпохи. Эти новые подходы нашли свое отражение в дискуссии на круглом столе «Событие и время в исторических перспективах», организованном Л. П. Репиной в рамках XXII Международного конгресса исторических наук⁹³. Совокупность некоторых новейших альтернативных подходов получила название **пост-постмодернизма** (*Post-postmodernism*, или *After-postmodernism*) – это общее название формирующегося течения теоретической мысли, затрагивающего философию, историю, литературу, искусство, другие сферы научного и творческого поиска в условиях современного постиндустриального капита-

⁹⁰ Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика философии постмодерна / пер. с англ. Анны Костиковой и Дмитрия Кралечкина; предисл. С. П. Капицы. М.: Дом интеллектуальной книги, 2002. С. 31.

⁹¹ Там же.

⁹² *After Postmodernism: An Introduction to Critical Realism* / ed. by Garry Potter and Jose Lopez. L.: The Athlone Press, 2001. P. 4.

⁹³ Леонтьева О. Б., Репина Л. П., Чеканцева З. А. История и теория на XXII конгрессе МКИН: Круглый стол «Событие и время в исторических перспективах» / вступ. ст., сост. и общ. ред. Л. П. Репиной // Диалог со временем. 2015. № 52. С. 8–32.

лизма⁹⁴. Подходы пост-постмодернизма принимают критику больших нарративов вслед за философией постмодерна, но, опираясь на плодотворную дискуссию в постпозитивизме на эту тему (Кун – Поппер), учитывают и их серьезные достижения. Основные концепции пост-постмодернизма – неомодернизм, цифромодерн и метамодернизм.

Неомодернизм как альтернатива постмодернизму

В связи с критикой постмодернизма со стороны Ю. Хабермаса интересна складывающаяся в наше время теория **неомодернизма**, или **неомодерна**, рассматривающаяся в качестве прагматической альтернативы постмодернизму (А. Хеллер, В. Грауэр, К. Эскуде, Г. Омовей и др.). Эта теория вписывается в прагматический «поворот» гуманитарной науки, продолжая дискуссию с формирующимися неоклассическими традициями (неопозитивизм, неомарксизм и др.). Выступающий за рационалистический историзм П. Бурдьё предлагает исключить противостояние с постмодернистами, которые занимаются «постмодерном, чтобы уклониться от исторической работы» для решения вопросов о самом исследователе и его объекте, используя «средства и требовательность самых точных, “позитивных” наук, чтобы достичь большей научности, а не уничтожить науку в фейерверочных огнях нигилизма»⁹⁵. Далее поясняется, что в рамках своих дискурсов «постмодернисты занимаются **точечным позитивизмом**, чтобы уйти от вопросов, которые им ставит порой сам постмодерн»⁹⁶.

В некоторых своих положениях, особенно в критике Хабермасом постмодернизма, неомодернизм идет рука об руку с критической теорией. Наряду с авторами системных социальных теорий именно неомодернизм ставит перед цивилизационной теорией вопрос о «взаимной противоречивости» равенства и релятивизма. Так же, как и в коммуникативных теориях, неомодернисты возвращаются к человекообразному масштабу социальных процессов, в которых человек остается на переднем плане.

Не менее важным является поиск универсалий, который и делает неомодернизм альтернативой постмодернизма, отрицающим самые его основы. С одной стороны, нескрываемое желание выступать в качестве прагматичной концепции будущего несколько противоречит идеалистическим устремлениям, которых в неомодернизме предостаточно. Так, Алан Гарфут связывает будущее человечества с расцветом неомодерна, который будет формировать новые критерии гуманизма⁹⁷.

С другой стороны, с легкой руки Р. Докинза, яркого противника постмодернизма, который в своей ставшей бестселлером книге «Эгоистичный ген» ввел в научный оборот представление об эволюции генов, а не популяций, в неомодер-

⁹⁴ Nealon, Jeffrey T. Post-Postmodernism, or, The Logic of Just-in-Time Capitalism. Stanford, CA: Stanford Univ. Press, 2012.

⁹⁵ Бурдьё П. За рационалистический историзм // Социо-Логос постмодернизма⁹⁷. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии РАН. М.: Ин-т экспериментальной социологии, 1997. С. 26.

⁹⁶ Там же. С. 10–11, 26.

⁹⁷ Garfoot, Alan Peter. The Dawn of Neo-Modern: Art, Humanism & the Meme. Lulu.com, 2010. P. 10.

низм проникла методология меметики, которая переносит концепции из популяционной генетики на человеческую культуру. Меметическая эволюция подразумевает, что идеи, появляющиеся в человеческом мозге, имеют свойство самовоспроизведения, как и ДНК. Наследственность, изменчивость и воспроизводство, которые являются ключевыми для теории Дарвина, влияют также на распространение, адаптивность и живучесть мемов – единиц культурной информации⁹⁸. Чтобы избежать искажений (=мутаций в популяционной генетике) в процессе коммуникации, единица информации должна максимально кратко и максимально точно передаваться, при этом как можно шире и как можно дольше распространяться⁹⁹.

Цифровой модернизм, метамодернизм и коммуникация

Модернизация тесно связана с коммуникацией, поскольку развитие и обновление обществ обеспечивается развитием технологий и средств коммуникации, которые, в свою очередь, усиливают потенциал и возможности социального взаимодействия. В различных учениях и школах теории модернизации эта связь хорошо рефлексирована. Так, **цифромоде́рн** (*Digimodern*), или **цифровой модернизм** (*Digital modernism*) репрезентуется в качестве лучшей концепции для описания наступающей цифровой эпохи. Речь идет о создании новой коммуникативной среды, в котором происходит множество трансформаций: «от покупок к информации, от социализации к банковскому делу, от образования к коммуникации»¹⁰⁰.

Синонимом цифрового модерна считают **цифромоде́рнизм** (*Digimodernism*), однако это вряд ли корректно прежде всего потому, что А. Кирби, который впервые ввел этот термин в научный оборот, считал его формой **псевдомодернизма**, который разрушает концепции постмодерна с помощью цифровых технологий, а не развивает их¹⁰¹.

А. Кирби относится к процессам цифровизации реальной жизни, нарастающим как в социальной жизни, так и в науке, с явным сожалением и сарказмом. Констатируя «смерть постмодернизма» из-за появления новой парадигмы власти и знаний, сформированной под давлением информационно-коммуникационных технологий и современных социальных сил, он назвал «цифромоде́рнизм» псевдомодернизмом: «В псевдомодернизме одни телефоны, клики, прессы, серфики, выбор, перемещение, загрузка»¹⁰².

Пессимистически оценивая перспективы развития культуры и текстологии в эпоху цифромоде́рнизма, А. Кирби сетует на «внезапно и навсегда» появившуюся пропасть непонимания между своим поколением и поколением цифровой

⁹⁸ Ibid. P. 27.

⁹⁹ Blackmore, Susan. The Meme Machine. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000. P. 11–36.

¹⁰⁰ Kalaman, Sefer; Süslü, Bilal. Media and Digital Modernism: New Communication Environments. Lang: Peter GmbH, 2018. P. 3.

¹⁰¹ Kirby, Alan. Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure our Culture. N.Y. – L.: Continuum, 2009.

¹⁰² Kirby, Alan. The Death of Postmodernism and Beyond // Philosophy Now: A Magazine of Ideas. No. 58. [Electronic resource]. URL: https://philosophynow.org/issues/58/The_Death_of_Postmodernism_And_Beyond. Retrieved 11.05.2019.

эпохи. Если постмодернизм, как и модернизм до него, был обращен к личности автора как создателя текста, то для цифровой культуры важнее получатель текста, который становится как бы соавтором, соучастником процесса созидания культурного продукта – благодаря своим комментариям к тексту автора или другим образом. Псевдомодернизм «делает действия человека необходимым условием культурного продукта»¹⁰³. Но эта интерактивность не является полноценной – цифромодернизм помещает человека в контекст, где он изобретает культурный контент, но в строго ограниченных, заранее определенных пределах.

Хотя различные коммуникативные подходы не были чужды и постмодернизму, в котором они рассматривались в качестве плодотворных дискурсов, претензия коммуникации на статус метадискурса вступила в серьезное противоречие с постмодернистским императивом отказа от метанарративов. В логически завершенной форме эта претензия представлена в **метамодернизме** (*Metamodernism*) и практике метаисследований.

В западной науке метамодернизм становится основной концепцией постпостмодернизма. К. Брукс вводит понятие «**постсовременности**» (*Postcontemporary*)¹⁰⁴, а К. Эйзингер пытается определить дефиницию «**глобального модернизма**» (*Global Modernism*)¹⁰⁵.

В научный оборот термин «метамодернизм» ввели Т. Вермелен и Р. ван ден Аккер в «Заметках о метамодернизме» в 2010 г., обозначив его как неоромантический поворот после долгих лет засилья постмодерна¹⁰⁶. В 2017 г. увидел свет сборник статей под редакцией Ван ден Аккера, А. Гиббонса и Т. Вермелена, посвященный метамодернизму и его историчности, который закрепил в историографии название метамодернизма как серьезной зарождающейся альтернативы постмодернизму¹⁰⁷. Обозначая когнитивный маршрут современного метамодернистского культурного ландшафта, коллективное исследование опирается на аргументы Ф. Джеймсона об уменьшении историчности, о влиянии и глубине в постмодернистской культуре западных обществ в XX в. и пересматривает эти понятия в контексте XXI в. При этом оно доказывает, что сегодня мы находимся в переходной стадии от постмодерна к метамодернистскому пониманию истории и культуры.

«Манифест метамодернизма» Л. Тернера, опубликованный в 2011 г., противопоставляет «инерцию, возникшую в результате века модернистской идеологической наивности», его антиподу – постмодернизму, отличающемуся ироничностью

¹⁰³ Kirby, Alan. The Death of Postmodernism and Beyond.

¹⁰⁴ Brooks, Christopher K. Defining the Postcontemporary Moment // *Beyond Postmodernism: Onto the Postcontemporary* / ed. by Christopher K. Brooks. Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 134–151.

¹⁰⁵ Eisinger, Clara. To Be Born Is to Die: A Critical Overview of The Satanic Verses and Global Modernism // *Beyond Postmodernism: Onto the Postcontemporary* / ed. by Christopher K. Brooks. Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 1–17.

¹⁰⁶ Vermeulen, Timotheus, Robin van den Akker. Notes on metamodernism // *Journal of Aesthetics & Culture*. 2010. Vol. 2. No. 1. [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.3402/jac.v2i0.5677>. Retrieved 21.09.2018.

¹⁰⁷ Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism / ed. by Robin van den Akker, Alison Gibbons and Timotheus Vermeulen. L. – N.Y.: Rowman & Littlefield International, 2017.

и «циничной неискренностью», и предлагает освободиться от обеих крайностей. Согласование парадигмальных оснований теорий «должно быть разрешено путем колебания между позициями, с диаметрально противоположными идеями»¹⁰⁸. Метамодернизм признает «существенную незавершенность системы» и связанные с этим ограничения, присущие познанию и опыту. Настоящее содержит в себе одновременно и миг непосредственного, и миг ускользающего. При этом метамодернизм допускает «принятие событий из множества позиций», это «способствует демократизации истории, освещает пути разветвления, вдоль которых ее великие рассказы могут перемещаться здесь и сейчас <...> Вся информация является основанием для знания»¹⁰⁹.

Разделяя эту позицию, мы соглашаемся с тем, что научное знание должно быть отделено от других форм знания. Манифест предлагает «прагматичную романтику, не мешающую идеологической привязанности». Метамодернизм определяется как «условие между иронией и искренностью, наивностью и познанием, релятивизмом и правдой, оптимизмом и сомнением в стремлении к множеству разрозненных и неуловимых горизонтов»¹¹⁰.

1.1.4. Принципиальная несочетаемость «больших теорий» в единой многомерной модели данных

Графическое описание простейшей многомерной модели истории легко поместится на плоскости, например, на листке бумаги, которая сразу же ограничит нас двумя измерениями, или осями координат. Это простейшая модель многомерности. Одна из осей – горизонтальная или вертикальная – обычно используется для обозначения хронологии истории. Все исторические схемы и таблицы на второй оси, оставшейся для анализа всеобщей истории как истории социального или социокультурного целого, получаются линейными, «осевыми», создающими динамические образы социальных изменений, но при этом одномерными в том смысле, в котором это определение использовал Герберт Маркузе. Иначе говоря, в изучении системно-сложных социальных процессов одному измерению социальности, которое выбирается как основное, стержневое, определяющее, подчиняются все остальные, тем самым не только упрощая, но и искажая, структурно деформируя объективно многоаспектную реальность событий прошлого.

Для построения единой информационной системы исторического знания, организованной в виде многомерной модели данных, с автоматически обновляемыми фактическими данными из цифровых и/или оцифрованных источников, перекрестными ссылками, отражающих системную сложность социокультурной реальности с достаточной степенью подробности, необходимы огромные вычислительные мощности, которые историческая наука не скоро получит в свое рас-

¹⁰⁸ Turner, Luke. The Metamodernist Manifesto. 2011. [Electronic resource]. URL: <https://www.metamodernism.org>. Retrieved 21.01.2019.

¹⁰⁹ Ibid.

¹¹⁰ Ibid.

поряжение, чтобы полноценно реализовать трансдисциплинарные программы со специалистами из других областей знания. Тем не менее, мы уже можем заниматься этой проблемой на теоретическом уровне. Сама оптика многомерности позволяет выявлять противоречивость и несогласованность «больших нарративов», их условную одномерность, идеологичность, несовершенство понятийного аппарата, ряд других проблем.

Принципиальная несочетаемость «больших нарративов» в многомерной системе координат обнаруживается уже на этапе описания структуры знания в информационной системе исторического знания (по хронологии, локусам, типу информации и др.), определения принципов хранения информации, взаимной совместимости единиц информации как по типам, так и с точки зрения формальной онтологии и логики. Выясняется, что одно понятие может быть связано со многими другими, а некоторые понятия из-за своей многозначности просто выпадают из системы описания. Казалось бы, можно добиться сочетаемости различных теорий, просто создавая для каждой из них свою плоскость анализа, но такая многомерность нежизнеспособна из-за отсутствия общих базовых критериев, понятийного аппарата.

Информационная система исторического знания изначально использует принципы неиерархического релятивизма, поэтому она не может допустить абсолютизации какого-то одного или нескольких проявлений социальности в ущерб остальным. Иерархию и отношения между единицами информации задают те или иные параметры, которые меняются в зависимости от потребностей анализа.

Имплементация базовых информационных принципов к отдельным теоретическим положениям «больших нарративов» показывает, что **научные теории и концепции истории, чтобы вписаться в машинную логику, по своему определению не должны иметь** в своих основоположениях догмы, предположения и гипотезы, требующие доказательств. Более того, любое теоретическое положение, если оно не подтверждается конкретными эмпирическими данными и, тем более, явно противоречит им, не может стать не только частью ее фундамента, но даже элементом надстройки конструкции, поскольку будет многократно множить искажающие эффекты при увеличении или уменьшении масштабирования фокуса исследования.

Вместе с тем, критическое отношение к существующим концепциям истории и «большим теориям» не должно создавать ложных представлений в их недостаточности, ущербности или ошибочности, тем более что в рамках классических и даже большинства постклассических моделей научной рациональности они в целом вполне успешно применяются, каждая в своей области знания, постоянно развиваясь и обновляясь. Так, для исследований в области социальной истории лучше работает формационная теория, в культуральной истории – цивилизационная теория, а теория модернизации и мир-системный подход более применимы к анализу современной истории, политической истории, мировой экономики, международных отношений. В экономической истории хорошо себя зарекомендовали количественные методы. Использование методов и инструментов определяется той задачей, которую ставит перед собой исследователь.

Различные инструменты позволяют в разной степени приблизиться к истине, о которой писал Карл Поппер¹¹¹. Наука движется вперед от одного уровня понимания к другому, более высокому, объемному, многостороннему, и по мере накопления фактического материала естественным образом переосмысливаются старые и нарабатываются новые методы исследования, более адекватные современному состоянию науки и возможностям исследовательского поля. И эти проекции – классические, неклассические, постклассические и неоклассические – мы будем все время сопоставлять для их лучшего понимания. Инструменты науки, необходимые для генерации, уточнения и коррекции относительного знания, отражают уровень развития науки своего времени и нуждаются в обновлении так же, как и наше представление о научном знании и истине.

Несмотря на очевидные недостатки, «большие нарративы» продолжают оставаться наиболее влиятельными и популярными теориями в исторической науке – особенно в тех научных школах, которых не затронула методологическая рефлексия рубежа XX–XXI вв. Более того, наблюдается даже некоторая конвергенция этих нарративов, в том числе в рамках интегративных подходов. Так, например, модернизационные процессы изучаются в различных цивилизационно-культурных контекстах (И. В. Побережников, И. В. Следзевский и др.). Говоря о современной цифровой революции, некоторые исследователи предлагают признать информационное общество, которое они рассматривают как общество постиндустриальное и общество знания (*Knowledge society*), в качестве новой цивилизации¹¹². Интегративная реактуализация «больших теорий» привлекает внимание к некоторым их аспектам, которые специалисты в области цифровых технологий называли бы уязвимостями. Эти уязвимости несовместимы с базовыми принципами информационной системы исторического знания.

Абсолютизация одного из проявлений социальности в ущерб остальным

В гуманитарных науках проблема объективного, сбалансированного изучения всех проявлений социальности до сих пор исчерпывающе не решена, поскольку система взаимосвязей и взаимозависимости между основными аспектами истории в достаточной мере не определена. Историк вынужден выбирать между теориями, в которых одно из проявлений социальности предлагается в качестве основной и ведущей доминанты, а все остальные подчинены именно этой доминанте. И. Н. Ионов предложил иную ситуацию, создающую условия наращивания нового знания, – это ситуация недоопределенности исследования догмами и утопиями предпосылочного знания¹¹³. Однако в любом случае даже самое обоснованное преувеличение какого-либо одного аспекта социальности остается гиперболизацией,

¹¹¹ Поппер К. Открытое общество и его враги. С. 450.

¹¹² Bell, Daniel. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y.: Harper Colophon Books, 1974.

¹¹³ Подробнее об этом см.: Ионов И. Н. Цивилизационное сознание и историческое знание. Проблемы взаимодействия. М.: Наука, 2007.

заставляющей теорию выпячивать выбранную доминанту во всех остальных своих аспектах. Соответственно, практическое использование таких теорий приводит к перекосам в ту или иную сторону, к серьезным искажениям результатов исследований – как в структурном, так и функциональном отношении.

В формационной теории абсолютизация одного из проявлений социальности выражается в экономическом детерминизме и редукционизме марксизма. Экономический детерминизм проявляется в отрицании множественности причин, обусловленности всех многообразных социальных процессов исключительно экономическими интересами. Тезис о том, что материализм (т.е. реальное бытие) определяет сознание, стал аксиомой, из которой следовало, что сознание не может определять бытие. В западной теоретической мысли одно время было модно противопоставлять экономическому детерминизму Маркса подходы Вебера о множественности причин, позволявшие ему отделять политику от идеологии¹¹⁴. Однако Маркс не только евроцентричен, но еще и телеологичен – он был искренне убежден в том, что все в мире целесообразно, имеет конечные, целевые причины (целевая детерминация). Кроме того, марксистской теории присуща некоторая фетишизация труда, товаров и денег. Как раз эта философски обоснованная убежденность, практически недоказуемая посредством общенаучных методов, отчасти помогала марксистской идеологии вытеснять религию на обочину общественного сознания в СССР (конечно, не только это), поскольку сама содержала в себе элементы веры.

Редукционизм Маркса выражается в том, что он сводил все проявления сложнейших культурных и исторических процессов не только к одной причине (экономической), но и к одной единственной линии исторического процесса. Марксизм практически игнорировал всё многообразие противоречий – политические, межэтнические, религиозные (меж- и внутриконфессиональные), культурные, правовые и другие, предлагая вместо них в качестве определяющей доминанты одну из форм социальных противоречий – классовые. Понятно, в условиях крайней социальной поляризации разделенных обществ, которые наблюдаются в периоды революций, классовая идентичность становится одной из важнейших. Однако в обычное время она практически растворена в множественной идентичности человека, проявляясь совсем в других, неклассовых формах (социальный статус, имущественное положение и др.).

Точно такая же проблема присуща всем другим «большим теориям». Так, для цивилизационной теории наиболее важным является цивилизация, или, в узком значении, культура. Все остальное, в том числе экономика, подчинено парадигме культуры и цивилизации как всеобщей идее. Для модернизационной теории такой идеей является парадигма социального прогресса, последовательного развития технологий и инноваций.

Чрезмерное преувеличение одного из проявлений социальности в ущерб другим является основной проблемой «больших теорий», которую они не в состоянии разрешить самостоятельно. Если вынуть краеугольное основоположение из фундамента теории, то обрушится вся теория, поскольку она лишится своего

¹¹⁴ Wood, Ellen M. *Democracy against Capitalism: Renewing Historical Materialism*. P. 146.

системообразующего основания. У постмодернизма, который принципиально и бескомпромиссно борется с большими нарративами, в качестве такой метаидеи выступает сам дискурс, иначе говоря, абсолютизируется не одно из проявлений социальности, а именно способ изучения социальности через дискурс.

Претензии на всеобщность,
универсальность и абсолютную истину

Все большие объясняющие теории и концепции истории кардинально меняли метадискурс восприятия и понимания природы социального и потому оказывались для своего времени прорывными; здесь сложно спорить с Т. Куном, раскрывшим скачкообразный характер научных революций. Формационные подходы предоставляют фундаментальную основу для изучения классовых отношений в обществах, цивилизационные подходы специально заточены для исследования многообразных проблем универсализма и самобытности социокультурного развития человечества. Вопросы технологического развития обществ плодотворнее решать, на наш взгляд, средствами модернизационной теории, а проблемы взаимодействия в современном мире – в парадигме мир-системной теории. Однако если суммировать высказывания критиков всех влиятельных теорий, то они сходятся в том, что претензии на абсолютную универсальность и исключительность формационной, цивилизационной или любой другой теории совершенно необоснованны.

Свои универсалии есть у теории формаций, теории модернизации и теории цивилизации¹¹⁵. Однако абсолютизация какого-то одного проявления социальности делает его универсалией только в рамках одной теории, где оно выступает как системообразующее основание. Для всех других теорий, у которых другие системные основания, универсалия этой теории не имеет такого же значения, более того, часто она воспринимается в качестве серьезного заблуждения.

Очевидно, историкам вряд ли стоит рассчитывать на появление совершенной универсальной теории и методологии, с помощью которых можно объяснять все сложные проблемы исторической науки. Как справедливо отметил Ханс Вермеер, «только Бог может написать абсолютно общую теорию»¹¹⁶. Самые общие подходы на максимально высоком уровне обобщения может дать философия истории. В нашем понимании основной задачей макротеоретического подхода к изучению истории является обеспечение историка надежным исследовательским инструментарием в виде познавательных концептуальных схем, объяснительных моделей, конкретных методов исторического исследования.

Чрезмерная идеологизация теории:
между крайностями европоцентризма и ориентализма

Единая информационная система знания не может быть основана на какой-либо другой идеологии, кроме своей собственной. Это значит, что, с одной стороны, она вынуждена оставаться равноудаленной и толерантной ко всем идеоло-

¹¹⁵ Подробнее об этом см.: Ерасов Б. С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. 2002.

¹¹⁶ Vermeer, Hans J. Luhmann's "social Systems" Theory. P. 51.

гиям, поскольку фиксирует их во всей полноте, а с другой стороны, не может позволить допускать искажения базовой информации по идеологическим причинам.

Все большие теории, как правило, одновременно выступают и в роли идеологии, поскольку фактически представляют определенный угол зрения. Формационная теория марксизма основана на европейской истории, исключение из нее представляет теория азиатского способа производства. Теория цивилизаций также европоцентрична – например, по Тойнби, образцовой цивилизацией является западная, либеральная, капиталистическая. Правда, в то же время, противопоставляя мир и Запад, Тойнби представил его (Запад) в качестве «архиагрессора современной эпохи» и соответственно объекта порицания со стороны «общемирового незападного большинства человечества»¹¹⁷. Теория модернизации противопоставляет традиционные общества индустриальным и постиндустриальным, хотя в современных гуманитарных науках прямое противопоставление традиционности и модерности считается упрощением или даже искажением исторической реальности и по факту в историческом анализе это противопоставление Запада и не-Запада, прежде всего Востока. Исследователи считают идеологией и постмодернизм, направленный на критику «больших нарративов» (Дж. Ритцер).

Наиболее серьезную проблему представляют такие культуроцентричные концепты истории, как европоцентризм и ориентализм. Европоцентризм, который в западной литературе называют евроцентризмом, не случайно называют одной из «родовых травм» современных социогуманитарных наук¹¹⁸. Н. Луман предпочитает говорить о староевропейской традиции, которую он обозначает как греко-римско-христианское идейное наследие¹¹⁹. Европоцентризм как дискурс, который в той или иной степени отразился на всех политических концепциях западной, а вслед за ней, учитывая ее доминирующее положение, и всей мировой науки, успешно преодолевался в мир-системной теории. И. Валлерстайну, А. Г. Франку, Э. Вульффу удалось убедительно показать, что «отсталость» стран Востока и Юга нельзя трактовать только с точки зрения анализа их национальных или цивилизационных особенностей. Это системная характеристика мира Нового времени», связанная с соотношением *центр/периферия*: например, положение Азии в центре Мир-Системы в XIII–XVIII вв. привело к ускорению ее развития¹²⁰.

Евроцентрический дискурс неотделим от самого развития гуманитарной науки. Дж. Хобсон справедливо предположил, что не только практически все западные теории являются евроцентрическим конструктом, но и сама постановка проблем в них, и даже их логика¹²¹. Но одно дело – объективная ориентационная релевантность культуры, которая у европейских народов связана прежде всего с греко-римско-христианским наследием, и совсем другое – преувеличение

¹¹⁷ См.: Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М.: Neoclassic, АСТ, Астрель, 1995.

¹¹⁸ Конрад С. Что такое глобальная история? / пер. с англ. А. Степанова; науч. ред. и предисл. А. Семенова. М.: Новое литер. обозр., 2018. С. 18.

¹¹⁹ Луман Н. Самоописания. С. 36.

¹²⁰ Ионов И. Н. Мировая история в глобальный век: Новое историческое сознание. С. 52–53.

¹²¹ Hobson, John M. The Eurocentric Conception of World Politics: Western International Theory, 1760–2010. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2012. P. 1–30.

одних культур в ущерб другим. Так, Дж. Хобсон утверждает, что 1760–1914 гг. характеризуются научным расизмом с делением народов на примитивные и развитые¹²². С 1830 по 1914 г. развивались такие формы евроцентрического империализма и антиимпериализма, как либерализм и марксизм¹²³; в последующем советском полиморфизме европоцентризм сохранился в полной мере¹²⁴. С целью преодоления европоцентризма в постнеклассической традиции появилось множество теоретических подходов, от релятивистских до глобальных, как, например, концепция глобальной истории С. Конрада¹²⁵.

Европоцентрическими по своей сути были как расистский империализм, либеральный антиимпериализм и культурный реализм, так и появившийся после краха фашизма «прогрессивный» либерализм (фабианизм). Грамшианизм и мир-системная теория, по мнению Хобсона, представляют критический евроцентризм¹²⁶. Наконец, утверждает исследователь, цивилизационные конструкты, педалирующие столкновение цивилизаций, глобальную иерархию стран и культур, градацию суверенитетов и глобализацию, также построены вокруг Запада и для Запада¹²⁷. Для преодоления европоцентризма необязательно в равной степени поддерживать все существующие в мире эпистемологии, в том числе маргинальные и локальные, вроде «историй угнетения»¹²⁸, – научная объективность не всегда достигается сопряжением противоречивых дискурсов. Зато ее можно достичь, равноправно учитывая разные дискурсы в сводной информационной системе знания.

Зеркальным отражением европоцентризма является восточная критика ориентализма, предпринятая Э. Саидом¹²⁹, которая сама является не менее политически ангажированной концепцией. Конечно, и Запад, и Восток имеют основания считаться центрами мирового развития: в разные исторические периоды они ими были, сначала Восток (Передняя Азия, Индия, Китай), потом Запад (Древняя Греция, Рим), потом снова Восток (Арабский халифат), потом снова Запад, который и поныне во многом остается источником новых технологий и веяний, которые впоследствии становятся если не всеобщими, то определяющими. При этом Япония, представляя Восток, по своему развитию является частью коллективного Запада, входит в число развитых стран. Китай и «четыре азиатских тигра» уже с 1960-х гг. демонстрируют высокие темпы экономического развития.

Изучая историю через коммуникативные связи и отношения, многомерный подход не может противопоставлять различные моноцентрические перспективы, поэтому он исходит из полицентризма и мультиперспективизма, а также диало-

¹²² Ibid. P. 31–32.

¹²³ Ibid. P. 33–58.

¹²⁴ Ibid. P. 333–334.

¹²⁵ Конрад С. Что такое глобальная история? С. 19.

¹²⁶ Hobson, John M. The Eurocentric Conception of World Politics. P. 255–256.

¹²⁷ Ibid. P. 313–344.

¹²⁸ Конрад С. Что такое глобальная история? С. 246.

¹²⁹ Said, Edward W. Orientalism. N.Y.: Vintage Books, 1979.

гизма перекрестной истории (концепция М. Вернера и Б. Циммерман). Первейшей задачей обеспечения объективности исследования выступает преодоление как европоцентризма и ориентализма, так и их критики, а также других подобных им подходов, диктующих свои системы координат и оценок.

Несовершенство понятийного аппарата

В информационной системе исторического знания не может быть языковых барьеров, когда проблема формализации информации будет успешно решена: язык является формой сохранения и передачи информации, но смысл и содержание информации должны быть доступны на всех письменных языках, особенно если для них разработаны системы машинного перевода. Это актуализирует проблему несовершенства понятийного аппарата науки, с которой связана проблема адекватного перевода терминов с одного языка на другой, а также понимания терминов внутри отдельных культур.

Например, дискуссия об онтологических основаниях «русской идеи», состоявшаяся в рамках Философского собора в конце 2022 г., показала существенные различия в подходах к теме. Большинство выступающих настаивали на этническом содержании «русской идеи» как идеи русского народа. Однако ни западные, ни восточные языки не делают различий между понятиями «русский» и «российский», несмотря на то, что внутри России они очень значимы, особенно в дискурсе этноцентризма. Внешнее восприятие России апеллирует к русскому/российскому обществу как гражданской общности, стране, а не только к крупнейшему этносу, хотя и этнизирует национальную идентичность через концепт этнической нации. Тем не менее, все же это постэтническая, национальная идея. Исходя из признания множественности онтологий, у национальной идеи, как и у этнической, есть своя онтология, которая выводит нас за пределы узкого этнического понимания на уровень общенациональный, гражданский, страновой. Национальная онтология, апеллирующая к гражданскому сообществу, не менее важна для «многонационального» (=полиэтнического) российского народа, как и этническая. Как видим, русский язык имеет больший диапазон возможностей для фиксации семантических различий, чем многие другие, как мы это уже видели на примере понятий «социального», связанного с социальностью как феноменом, и «общественного», связанного с обществом.

Помимо общего языка социального описания, у каждой науки существует свой особый язык, который называется понятийным аппаратом; чем он совершенней, тем точнее научный результат и тем надежнее полученные данные. Самым точным понятийным аппаратом обладает математика, «царица всех наук» (К. Гаусс), которая поэтому и называется точной наукой. Понятно, что в исторической науке математическая точность возможна прежде всего в датах, статистике и даже в конкретных описаниях¹³⁰, но в широких исторических обобщениях она достижима только на основе формальной (математической) логики и в преде-

¹³⁰ Точность в истории связана и с ее масштабом – для глубокой древности и год является точной датой, а для современной истории важен не только день, но иногда и конкретный час.

лах допустимых значений. Эти пределы должны быть достаточно узкими, чтобы исключить противоречия в результатах исторических или востоковедческих исследований по одной и той же теме.

Специалисты, занимающиеся терминологией исторической науки, сопоставляют ее с историописанием¹³¹. Л. Н. Мазур, напротив, видит в остенсивности, т. е. описательном характере большинства исторических понятий, существенный недостаток: по ее мнению, почти каждое понятие истории в отдельности тесно связано с определенным историческим контекстом, а за пределами этого контекста оно перестает быть в достаточной степени релевантным другой исторической реальности¹³².

Для того, чтобы обеспечить историческому описанию и объяснению необходимую степень точности, понятийный аппарат истории должен отвечать ряду требований: иметь корректную, четкую и однозначно понимаемую семантику, основанную на исходном значении термина, но при этом тесно привязанную к общей теории истории, которая фиксирует исторические изменения реального содержания этих понятий и терминов. Такую задачу невозможно выполнить без критического переосмысления существующего понятийного аппарата, в первую очередь – терминологии, оставшейся историкам в наследство со времен методологической диктатуры «больших теорий».

По мнению ряда теоретиков, язык отдельных дисциплин, или «очищенный» условный метаязык, уже не может функционировать в качестве теоретического, поэтому нужно говорить об объективной потребности гуманитарных наук в разработке нового языка социального описания, адекватного реальности. Этот язык должен быть общим не только для исторического, но и для всякого социального описания, современного и будущего, соответствовать необходимым критериям терминологической четкости и семантической точности. Однако возможно ли в принципе создание такого отдельного метаязыка? В этом направлении в науке велась и ведется активная дискуссия, в которой наиболее заметны Ф. де Соссюр, Ф. Витгенштейн, К.-О. Апель, Р. Карнап, Г. П. Щедровицкий, Г. П. Мельников и др.

Большие надежды на преодоление несовершенства понятийного аппарата возлагаются на все еще формирующийся трансдисциплинарный подход, но подробнее об этом мы расскажем позже, в специальном разделе.

1.1.5. Дискуссия об объективности истории: к вопросу о допустимых пределах рефлексии в историческом исследовании

Вопрос об объективности истории, содержащий в себе сомнения в возможности объективного исторического познания, представляет собой ключевую проблему исторической науки, от решения которой зависит существование истории как науки, ее научный статус. Для решения этого вопроса следовало бы сначала

¹³¹ Бобкова М. С., Мереминский С. Г. Терминология исторической науки. Историописание. М., 2010.

¹³² Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пос. Екатеринбург: Изд. Урал. ун-та, 2010.

определить, что такое история, но ее практически невозможно свести к общему знаменателю. Сегодня история может быть представлена как просто «прошлое», «актуальное прошлое», «история как прошлое», а также «реалии и мифы» истории¹³³. Это также память о прошлом, которая может быть исторической – тогда это, согласно Патрику Хаттону, «искусство памяти», связанное с «изменяющимися формами коммуникации»¹³⁴. Историческая память может быть коллективной, культурной, социальной, коммуникативной. Проблему культурной памяти раскрыла Л. П. Репина¹³⁵. Как показала Ю. А. Арнаутова, Морис Хальбвакс выделяет «коллективную память» как отдельный социальный феномен, в то время как Аби Варбург предпочитает говорить о «социальной памяти», а египтолог Ян Ассманн – о культурной и коммуникативной памяти, а также «истории памяти»¹³⁶. В. В. Шлыков рассматривает память прошлых «Других» как форму трансцендентальной экспликации историчности¹³⁷ – это один из способов изучения темпоральности истории, близкий к принципу транссубъективности многомерного подхода.

Дж. Расен предлагает анализировать историческое мышление через нарратив (контекст), интерпретацию и ориентацию. Нарративные компетенции, считает он, включают в себя онтогенез исторического и этического сознания¹³⁸. Об ориентациях мышления писал еще Якоб Буркхардт¹³⁹. Различия между историей и памятью обозначил Робин Коллингвуд, отделив память как «мысль, протекающая в настоящем, объектом которой является прошлый опыт как таковой», от исторического знания как особого случая памяти, когда «объектом мысли настоящего является мысль прошлого, а пропасть между настоящим и прошедшим заполняется не только способностью мысли настоящего думать о прошлом, но и способностью мысли прошлого возрождаться в настоящем»¹⁴⁰.

Все теории истории – от метанарративных до дискурсивных – предлагают свое решение вопроса об объективности истории, а рецепция решения становится стержневым элементом конструкции самой теории. Схематически все рецепции укладываются в одну классификационную шкалу, имеющую три типологических значения: реализм – номинативизм – концептуальность. Мерой измерения служит рациональная рефлексия. Реализм представлен классической наукой в лице Леопольда фон Ранке, требовавшего изучать факты «как они есть»,

¹³³ Козлов В. П. От преодоления мифов истории к поискам реалий прошлого // Новая и новейшая история. 2009. № 1. С. 3.

¹³⁴ Хаттон П. Х. История как искусство памяти. М.: Владимир Даль, 2004. С. 55–61.

¹³⁵ Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки): Препринт WP6/2003/07. М.: ГУ ВШЭ, 2003.

¹³⁶ Арнаутова Ю. А. Культура воспоминания и история памяти // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. С. 47–49.

¹³⁷ Шлыков В. Память прошлых других как трансцендентальная экспликация историчности: к онтологии исторического сознания. Севастополь: СевНТУ, 2005.

¹³⁸ Rüsen, Jörn. History: Narration – Interpretation – Orientation. N.Y. – Oxford: Berhahn Books, 2005. P. 21–40.

¹³⁹ Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. М.: Юрист, 1996.

¹⁴⁰ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография / пер. и коммент. Ю. А. Асеева. М.: Наука, 1980. С. 280.

только тогда они предстают в своем объективном свете¹⁴¹. Рефлексия здесь сведена к минимуму.

Номинативизм фиксирует фундаментальную проблему объективности, связанную с несовершенством языка и невозможностью с помощью него абсолютно объективно отражать реальную действительность. Его хорошо обозначила семиотика и связанный с ней «лингвистический поворот». Язык и текст, по Соссюру, – всего лишь лингвистическая структура, а не отражение реальности: эта структура по-разному проявляет себя в различиях между означающим словом и означаемым объектом¹⁴². Отрицание объективной природы связи между «означающим» и «означаемым» ставит под сомнение понятийный аппарат любой гуманитарной науки.

Наконец, все новейшие теории гуманитарной науки, даже те, что выступают за реализм, находясь на современном этапе развития, не могут не учитывать специфику познающего сознания, поэтому они демонстрируют концептуализм, в котором рефлексия исследователя учитывается в гораздо большей степени. Таким образом, значения классификационной шкалы «реализм – номинативизм – концептуальность» указывают на постепенное усложнение системы теории от простого к сложному, с неизменным повышением роли наблюдателя, что, очевидно, является важнейшим условием для большего понимания сложности социальных систем, внутри которых находится и сам наблюдатель, и наблюдаемые им процессы.

Объективный исторический факт и его интерпретация

Есть разные понимания исторического факта – классическое и постклассическое. В классической науке факты истории дискретны, в постклассической науке они связаны друг с другом настолько, что являются частью друг друга, вписаны в переплетенную сеть процессов. Если рассматривать исторический факт как конкретное событие, имевшее место в действительности и обладающее характеристиками времени (когда произошло) и пространства (где произошло), то обнаружится, что на самом деле любой исторический факт делим, состоит из массы других, более мелких фактов, подобно тому, как система состоит из подсистем. При этом исторический факт и сам является частью более общего события или явления, которое также можно рассматривать как исторический факт.

Проблема объективности истории имеет два аспекта: эндогенный, связанный с достоверностью исторического факта, и экзогенный, связанный с его исследованием и интерпретацией. С течением времени событие, особенно исторически значимое, обрастает множеством интерпретаций, в том числе противоречивых. Искусство интерпретации, учитывающее контексты и интенции, Никлас Луман называет герменевтикой – поэтому это понимающий, интерпретативный, а не объясняющий метод¹⁴³.

¹⁴¹ Krieger, Leonard. Ranke: The Meaning of History. Chicago, Il.: Univ. of Chicago Press, 1977; Iggers, George G.; Powell, James M. Leopold von Ranke and the Shaping of the Historical Discipline. Syracuse, 1990.

¹⁴² Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / пер. с англ. М.: Весь мир, 2000. С. 170.

¹⁴³ Луман Н. Самоописания. С. 29.

Историческое знание представляет собой не столько определенным образом упорядоченный набор исторических фактов, сколько их трактовку, объяснение, а также, безусловно, оценку. В объяснении важнейшее значение имеет парадигма интерпретации¹⁴⁴ – разные парадигмы приводят к различным научным результатам, одни из которых более достоверны, чем другие. В коммуникативных теориях объективное и субъективное часто переходят друг в друга: так, М. М. Бахтин говорил о переходе от субъективного процесса познания к объективному смысловому содержанию¹⁴⁵.

С объяснением связана другая сторона коммуникационного действия, которую можно обозначить как понимание. М. Вебер доказывал, что понимание и объяснение в истории и общественных науках особым образом связаны, поэтому ввел понятие «объясняющего понимания»¹⁴⁶. Теория действия Вебера действительно сводит на нет эту проблему, однако лишь при определенных условиях. Для объясняющего понимания факты должны говорить сами за себя, т. е. одни факты объясняются другими фактами, без особого вмешательства мнений и представлений самого исследователя. Заключение основывается на логике фактов, а не на мнениях, опирающихся на собственное понимание фактов¹⁴⁷.

Как правило, момент совершения действия, породившего факт, и момент выявления факта и последующей его интерпретации сильно разнесены по времени и пространству, что в значительной степени расширяет горизонты для различных толкований и оценок одной и той же сущности. Именно то обстоятельство, что «прошлое не может восприниматься и осваиваться» исторической наукой непосредственно, и порождает сомнения в объективности исторического исследования¹⁴⁸. Но ведь можно оказаться непосредственным участником важного события и не понимать, что происходит, если ты изначально не вовлечен в процесс. Это как начинать смотреть фильм с середины, не зная сюжета.

В результате своей жизнедеятельности человек оставляет материальные следы, памятники, документальные свидетельства прошлого, которые для историков служат основными источниками. Самоописания осуществлялись и в дописьменный период: в обществе слагались устные истории об обществе. Но «лишь вместе с письменностью возникает потребность в понятийно разрабатываемых самоописаниях, в которых осуществляются попытки зафиксировать то, что обсуждается в коммуникациях»¹⁴⁹. Именно поэтому письменные источники имеют для исторического исследования важнейшее значение.

¹⁴⁴ Rüsen, Jörn. History: Narration – Interpretation – Orientation. P. 93.

¹⁴⁵ Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984–1985. М.: Наука, 1986. С. 96.

¹⁴⁶ Вебер М. Основные социологические понятия («Хозяйство и общество», гл. 1) [1921] // Теоретическая социология. Антология: в 2-х ч. / ред. С. П. Баньковская. М.: Университет, 2002. Ч. 1. С. 78.

¹⁴⁷ См.: Dray, William H. Laws and Explanation in History. 3d ed. Oxford: Oxford Univ. Press, 1964.

¹⁴⁸ Иллерицкая Н. В. Что нас ждет за «поворотами» историографии? // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2012. № 4. С. 276.

¹⁴⁹ Луман Н. Самоописания. С. 25.

Материальные следы прошлого сами по себе реальны в том виде, в каком они существуют: их фиксируют технические средства и они датируются с помощью технических методов (радиоуглеродного и др.). Палеография текстов, если отсутствует датировка памятника, отражая стиль своей эпохи, выступает в качестве датирующего материала. Добывание новых знаний на основе изучения первоисточников – исторических текстов и артефактов, или работа с вторичными источниками (в том числе источниковедческими аспектами) – является первейшей задачей историка; реинтерпретация известных фактов также важна, она добавляет новые смыслы к основным (первичным) интерпретациям, которых также может быть много.

В арабо-мусульманской культуре существует жанр супракомментариев, известный как *шарх аш-шарх*, т. е. комментарии к комментариям; обычно это комментарии к известным *тафсирам* – толкованиям Корана, в которых интерпретируются трудные для понимания *айаты*, нуждающиеся в дополнительных пояснениях. Начиная с книги «Ас-Сира расул Аллах» Ибн Исхака (ум. в 768 г.)¹⁵⁰ и его более поздних обработок, в мусульманском мире написано такое число комментариев к Корану, что они не поддаются даже приблизительному подсчету – вплоть до того, что чуть ли не в каждом селе имам местной мечети делал пояснительные глоссы для себя на полях рукописей. Однако в каждой такой трактовке Коран остается в центре внимания – автор, комментируя толкования коранического текста другим автором, периодически к нему возвращается.

С историографией дело нередко обстоит с точностью до наоборот. Исторiku важен не только текст, но и интерпретация, которую дал источниковед. Поэтому он часто берет факт вместе с его источниковедческой интерпретацией. При этом источниковед может быть не только историком, но и, например, филологом. Но когда один историк привлекает факт не самостоятельно, учитывая все возможные перспективы, а с готовой интерпретацией, в определенном, заданном «контексте», контекст часто оказывается важнее самого факта. Иными словами, используется один из многих возможных контекстов факта (необязательно в наибольшей степени соответствующий видению исследователя или выбранному им дискурсу, скорее, не всегда самый удачный), другие даже не рассматриваются.

Отпочкование источниковедения от исторической науки имело и свои негативные последствия. Понятно, что углубление предметной специализации в источниковедении требует от исследователя более основательного вхождения в специфику древнего состояния языка письменного источника, его кодикологии, текстологии и палеографии, т. е. всего того, что исторiku общего профиля не всегда доступно. Однако в результате такого разделения момент выявления аутентичного смысла, возникающий при непосредственном соприкосновении источниковеда с текстом источника, оказывается отчужден, оторван от историка, работающего только с опубликованным материалом. При серьезной источниковедческой ошибке историк вынужден иметь дело с несуществующим фактом, который тем не менее требует от него адекватной оценки или какого-то внимания как письменно зафиксированное свидетельство.

¹⁵⁰ The Life of Muhammad. A Translation of Ishāq's "Sirat Rasul Allah", with introduction and notes by Alfred Guillaume. Oxford: Oxford Univ. Press, 1955.

От минимизации рефлексии в классической науке до ее абсолютизации в постмодернизме. «Научные войны»

Я сознательно взял две крайности, чтобы показать, с чего начинались подходы историков к объективности исторического исследования и к чему они привели. Любую идею можно довести до абсурда. Леопольд фон Ранке впервые сформулировал кредо историка в классической науке, определяющее объективность историописания: «показать, как все происходило на самом деле (*wie es eigentlich gewesen*)»¹⁵¹. Принципы классической науки всем хорошо известны, поэтому достаточно наблюдения, что ремесло историка делало его ремесленником: в задачу исследователя входила добросовестная фиксация фактов в определенном порядке и в том виде, в каком он обнаружил их в историческом источнике. Здесь практически не оставалось места рефлексии, собственному видению историка, его сомнениям и переживаниям. Впоследствии к образу историка как ремесленника вернулся и Марк Блок, который намеренно «заземлял» теории истории, дабы подчеркнуть высокий статус философии истории, имея утилитарную цель отделить их друг от друга.

Другую крайность представляют постмодернисты. Взяв за основу признание Томаса Куна научных теорий как номинативных социальных конструктов, а также идею Пола Фейерабенда о большей ценности нереалистичных форм производства знаний, некоторые из них доходят до полного отрицания объективности как основополагающего принципа науки. В своей не так давно вышедшей работе П. Галисон и Л. Дастон доказывают, что объективность является лишь «эпистемической добродетелью» ученого, воспитывающей его самого, а вовсе не непременным атрибутом научных высказываний, поскольку само понятие объективности, ставшей синонимом научности, исторично: наука существовала задолго до рождения объективности¹⁵². Наверное, ничто так не подрывает основы науки, как отрицание ее объективности. Поэтому остановимся на этом вопросе более подробно.

Начало системной критики крайних проявлений постмодернизма, защищающих право на любой дискурс, и потому не приемлющих принципы объективности и достоверности научного исследования, положили Н. Левитт, П. Гросс, А. Сокал, Ж. Брикмон. Книга математика Н. Левитта и биолога П. Гросса «Высшее суеверие», в которой они выступили одновременно против социальных конструктивистов, деконструктивистов и постмодернистов¹⁵³, вдохновила физика Алена Сокала предпринять научный эксперимент, который бы выявил пределы и возможности верификации дискурсивных подходов. В 1996 г. он отправил в редакцию культурологического журнала «Social text» университета Дьюка крайне бессодержательную, но наукообразную по форме статью «Преступая границы: к вопросу о транс-

¹⁵¹ Ranke, Leopold. *Geschichten der romanischen und germanischen von 1494 bis 1535*. Leipzig – Berlin: Reimer, 1924. P. VI.

¹⁵² Галисон П., Дастон Л. Объективность. М.: Нов. лит. обозр., 2018.

¹⁵³ Gross, Paul R.; Levitt, Norman. *Higher Superstition: The Academic Left and Its Quarrels with Science*. New Delhi: JHU Press, 1997.

формативной герменевтике квантовой гравитации», в которой использовал произвольный набор «модных» понятий, никак не связанных друг с другом, и изложил абсурдные с точки зрения науки выводы, но при этом дал обильные ссылки на основоположников постмодернизма¹⁵⁴. Статья успешно прошла все стадии рецензирования и была опубликована. После этого случая безграничный релятивизм, где все относительно и нет ничего абсолютного, в том числе истина, оказался под пристальным вниманием научной общественности, а сами гуманитарные науки, в который уже раз, – под огнем критики недалеких скептиков, уверенных в бесполезности неverifiedируемой «лирики» в условиях нового технологического прорыва прагматичной цифровой эпохи.

А. Сокал и Ж. Брикмон указывают на спекулятивный характер и чрезмерную концептуализацию постмодернизма, который «характеризуется более или менее развернутым отказом от рационалистической традиции Просвещения, установлением независимых от любой эмпирической проверки теорий, когнитивным и культурологическим релятивизмом»¹⁵⁵. Р. Докинз в авторитетном журнале «Nature» поддержал коллег в их критике сверхсложных по форме, но содержательно пустых и даже ошибочных конструкторов постмодернизма¹⁵⁶.

В 2018 г. поучительный опыт А. Сокала повторили Х. Плакроуз, Дж. Линдси и П. Богосян, подав заведомо абсурдные по содержанию тексты в 20 журналов; 7 статей были приняты к публикации, а 4 из них опубликованы, прежде чем замысел эксперимента был раскрыт.

Опыты с мистификациями в области гуманитарного знания оживили так называемые научные войны (*Science Wars*) и привели к новой серии ожесточенных дебатов о проблемах научного знания, его требованиях к объективности и беспристрастности, научной ценности социальных и философских исследований, спорах о будущем науки, которые восходят к методологическому кризису начала 1990-х гг.¹⁵⁷ В рамках «Инициативы пост-правды» (*Post-Truth Initiative*) Х. Плакроуз пытается понять, на каком уровне осмысления реальности происходит подмена понятий и когда проверка истинности фактов перестает быть важной¹⁵⁸.

На сегодняшний день ясно одно – в некоторых областях гуманитарного знания ученые-теоретики не только оторвались от ученых-практиков, но и даже перестали в полной мере понимать друг друга. С точки зрения задачи достижения

¹⁵⁴ Мысль о том, что «существует мир, внешний по отношению к нашему сознанию, причем свойства этого мира не зависят от любого индивида и даже от всего человечества», в самом начале статьи названа догмой, с которой науке необходимо бороться. См.: Socal, Alan D. *Transgressing the Boundaries: Toward a Transformative Hermeneutics of Quantum Gravity* // *Social Text* 46/47 (Spring/Summer 1996). P. 217–218.

¹⁵⁵ Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика философии постмодерна. С. 31.

¹⁵⁶ Dawkins, Richard. *Postmodernism Disrobed* // *Nature*. 1998. Vol. 394 (9 July 1998). P. 141–143.

¹⁵⁷ *The Science Wars: Debating Scientific Knowledge and Technology* / ed. by Keith Parsons. Prometheus Books, 2003.

¹⁵⁸ Pluckrose, Helen. *The Problem with Truth and Reason in a Post-Truth Society* // *Post-Truth Initiative*. [Electronic resource]. URL: <https://posttruthinitiative.org/truth-and-reason-helen-pluckrose>. Retrived 17.10.2018.

практических научных результатов такое положение дел совершенно неприемлемо: основной ценностью всех коммуникативных подходов является сама информация, практика через дискурс, а не практика ради дискурса или, еще хуже, дискурс ради дискурса.

Консенсус между объективностью и рефлексией

Последователи метамодерна предлагают свои рецепты принятия «очищенного» и переосмысленного конструктивного опыта постмодернизма, отказываясь от крайних воззрений культурного релятивизма. Если Сокал, Брикмон и другие ограничивались критикой постмодернизма, обвиняя его в нелогичности, многочисленных ошибках и спекуляциях, то метамодернисты и неомодернисты берут от него все позитивное и полезное, которого в постнеклассических теориях, в том числе постмодернизме, предостаточно. В этом смысле показательно признание постмодерниста Бруно Латура о введенных им в научный оборот социальных конструктах, которые, по его собственному признанию, неверно истолковывают те, кто «не так понял». Пример адекватного понимания этих конструктов представляет учение Питера Бергера и Томаса Лукмана о социальном конструировании реальности, в котором речь идет о непосредственном участии людей в формировании социальных феноменов¹⁵⁹.

В рамках «социального поворота» в когнитивной лингвистике Питер Хардер выступил против подходов постмодернизма и даже его «концептуальных рамок». Различным дискурсам аналитической практики он противопоставил единство социокогнитивного мира в научном познании¹⁶⁰, а концептуальным моделям и схемам – нейтральные модели¹⁶¹. Согласиться с этими подходами можно лишь выборочно: с одной стороны, нейтральные модели информационного типа действительно гораздо объективнее идеологически «нагруженных» концептуальных моделей и схем, с другой стороны, научное познание невозможно без анализа, а анализ предполагает разделение целого на части – конечно, не упуская из виду единство целостности этих частей. Однако отказ от дискурсивного анализа из-за многочисленных злоупотреблений в его использовании лишь обедняет познавательные возможности современной исторической науки на пути к возрастающему усложнению ее теоретических инструментов. Другой вопрос заключается в том, что эта сложность должна быть понятной и обоснованной эмпирическими фактами, в том числе в их трансдисциплинарном понимании. Таким образом, подходы метамодерна/неомодерна оказываются сравнительно более конструктивными, сбалансированными и реалистичными, а значит – и более объективными.

Объясняя природу различия взаимодействием между частями разума, Г. Бейтсон выходит на исследования проблемы объективности науки через понимание психических аспектов коммуникации, отвечающих за рефлекссию познающего

¹⁵⁹ Бергер Питер, Лукман Томас. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Academia-Центр, Медиум, 1995.

¹⁶⁰ Harder, Peter. Meaning in Mind and Society: A Functional Contribution to the Social Turn in Cognitive Linguistics. Berlin – N.Y.: Walter de Gruyter, 2010. P. 9.

¹⁶¹ Ibid. P. 29–34.

сознания. В мыслительном процессе «результаты различия должны рассматриваться как преобразования (кодированные выражения) предшествующих различий»¹⁶². Тем самым устанавливается некоторая иерархия логических типов.

Многомерному анализу гораздо ближе методология «перекрестной истории» (*histoire croisée*) М. Вернера и Б. Циммерман, предлагающая свой консенсус между объективностью и рефлексией, поскольку она изначально адаптирована к теории систем Н. Лумана (особенно в части «понимания дифференцированного функционирования обществ и культур»¹⁶³), одного из основных источников этого подхода. Развивая методы сравнительного изучения и трансфертных исследований на пересечении общей истории и социальных наук, «перекрестная история» опирается на принципы прагматической и рефлексивной индукции и предлагает объединить эмпирические и рефлексивные проблемы в динамичный и гибкий подход. Исследователи признают, что «изменения, произошедшие с 1989 года, в сочетании с расширением и распространением пространств ссылок и действий <...> оставили свой след в исследовательских парадигмах, придавая новый смысл этому вопросу о рефлексивности». Вслед за Н. Луманом «перекрестная история» делает акцент на «том, **что** в процессе саморефлексии может порождать значение»¹⁶⁴. Кроме того, как утверждает Луман, «само историческое исследование можно понимать как объективирующий механизм нейтрализации в той мере, в какой оно не просто живописует, героизирует, адаптирует актуальную в настоящем системную историю, а актуализирует прошедшие настоящие»¹⁶⁵.

1.1.6. «Новый историзм» в исторической науке: между классическим историзмом и историцизмом (сцентизмом)

Настоящая книга написана в рамках «нового историзма» (*New Historicism*) в его философской, прежде всего прагматической интерпретации, которая ввела в научный оборот представление об универсальности коммуникаций¹⁶⁶. Это первая попытка подобного рода не только в отечественной, но и в мировой ориенталистике, в том числе в истории Востока. Отражая методологическую рефлексия уже наступившей цифровой эпохи, «новый историзм» занимает промежуточную позицию между классическим историзмом (*Historismus*), получившим свое развитие и в марксизме¹⁶⁷, и так называемым «историцизмом» (*Historicismus*), выступа-

¹⁶² Bateson, Gregory. *Mind and Nature: A Necessary Unity* (Advances in Systems Theory, Complexity, and the Human Sciences). Hampton Press, 1979. P. 105.

¹⁶³ Werner, Michael; Zimmermann, Bénédicte. *Beyond Comparison*. P. 30.

¹⁶⁴ Ibid. P. 31.

¹⁶⁵ Луман Н. Мировое время и история систем. Об отношениях между временными горизонтами и социальными структурами общественных систем // *Логос*. № 5 (44). 2004. С. 154.

¹⁶⁶ Подробнее о различных направлениях внутри этой методологической школы см.: Анисимова А. Э. «Новый историзм»: Науковедческий анализ / отв. ред. А. И. Ракитов. М.: Директ-Медиа, 2010.

¹⁶⁷ Подробнее об этом см.: Лекторский В. А. *Субъект. Объект. Познание*. М.: Наука, 1980.

ющим за прогностический подход к истории и социальным наукам путем обнаружения «ритмов» или «моделей», «законов» или «тенденций», лежащих в основе макроэволюции обществ.

Известными представителями классического историзма были немецкие историки и теоретики Л. фон Ранке, И. Дройзен, Ф. Майнеке, В. Дильтей, М. Вебер, Г. Зиммель, Г. Риккерт, итальянский философ и историк Б. Кроче, британский историк Р. Коллингвуд и др. Историцизм – термин негативный, критический, он отражает неприятие со стороны большинства историков представлений о закономерном характере исторического развития и соответственно возможностей научного предвидения будущего¹⁶⁸. Главными «историцистами» называют О. Конта и Дж. С. Милля, причем Милль представляет позитивный историцизм, указывающий на необходимость связывать все исторические обобщения с законами человеческой природы¹⁶⁹.

Исследования, которые можно отнести к историцизму, есть и в отечественной историографии¹⁷⁰. Метафизический историцизм содержится в трудах Арнольда Тойнби, который, хотя и не заявлял о цели исследовать историю человеческих идей, часто подменял ею историю человеческих действий¹⁷¹. Экономическое учение К. Маркса, раскрытое в его «Капитале», Карл Поппер назвал моральной теорией историцизма: отвергая утопические подходы, Маркс в своих теоретических построениях исходит из морального осуждения олигархической сущности капитализма за его стяжательский, бесчеловечный характер, порабащающий рабочих и превращающий их в класс бесправных людей¹⁷². Недостатки «историцизма», которые подверглись обоснованной и бескомпромиссной критике в «Ницете историцизма» Поппера¹⁷³, отчасти преодолены современными версиями синергетики, клиометрики и клиодинамики.

«Новый историзм», «Школа Анналов»
и «Новая историческая наука»

«Новый историзм» зародился в недрах американской филологии, литературоведения и теории культуры (С. Гринблатт, К. Галлахер¹⁷⁴), отчасти на границе исторического и филологического знания. Объектом его исследования Дж. Брэнниган считает циркуляцию «репрезентаций литературных и нелитературных, текстуальных, визуальных, архитектурных и т. д. (изучаемых в качестве провод-

¹⁶⁸ Beiser, Frederick C. The German Historicist Tradition. Oxford – N.Y.: Oxford Univ. Press, 2011.

¹⁶⁹ Snooks, Graeme D. The Laws of History. L. – N.Y.: Routledge. Taylor & Francis Group, 1998. P. 85, 101.

¹⁷⁰ Коротаев А. В., Комарова Н. Л., Халтурина Д. А. Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны. 2-е изд. М.: УРСС, 2007; Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Малков А. С., Зинькина Ю. В. Законы истории: Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития. Изд. 3, сущ. перераб. и доп. М.: URSS, 2010.

¹⁷¹ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. С. 7–246.

¹⁷² Поппер К. Открытое общество и его враги. С. 229.

¹⁷³ Поппер К. Ницета историцизма / пер. с англ. М.: Прогресс, 1993.

¹⁷⁴ Gallagher, Catherine; Greenblatt, Stephen. Practicing New Historicism. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2000.

ника)»¹⁷⁵, при этом важно, что для познания истории значение имеют все виды текстов, памятников, образов, следов прошлого, зафиксированных в мифах и преданиях, а не только письменные источники. Концептуальное изучение новых форм репрезентации исторического знания в цифровой среде в контексте их взаимосвязи с принципами нового историзма предложила Д. Ю. Соловьева¹⁷⁶.

Сам подход «нового историзма», предполагающий внимание ко всем аспектам источников, перекликается с идеями последователей «Школы Анналов» (фр. *École des Annales*). Речь идет о журнале «Анналы экономической и социальной истории» (*Annales d'histoire économique et sociale*), основанном Марком Блоком и Люсьеном Февром, который одним из первых начал выступать за **тотальную историю**¹⁷⁷. Вокруг этого журнала, во многом благодаря Фернану Броделю, представителю второго поколения «Анналов», и его последователям во Франции в 1960–1970-е гг. начало формироваться одно из ведущих направлений в исторической науке на рубеже XX–XXI вв. Благодаря названию книги под редакцией Жака Ле Гоффа, в которой собраны все разделы нового направления (история как длительный процесс, история структур, историческая антропология, история ментальностей, история материальной культуры, непосредственная история (*L'Histoire immédiate*), история маргиналов, история воображения) это направление получило название «Новой исторической науки»¹⁷⁸.

В одном из разделов данной книги прямо обсуждается вопрос о влиянии марксизма на обновление методологии «Школы Анналов» и «Новой исторической науки»¹⁷⁹, это видно из признаний ведущих представителей школы. Л. Февр «внимательно читал» Маркса и Макса Вебера, «но в особенности Маркса», ради которого он бы «отказался с легкостью почти от всего на свете»¹⁸⁰. Ф. Бродель, один из основоположников теории Мир-системы, но с упором на изучение «структур повседневности», по его собственному признанию, тоже «искренне восхищался трудами Карла Маркса»¹⁸¹. Называя Маркса «экономистом, обладавшим острым историческим чутьем», Ф. Бродель прямо указывает на него как на источник своей концепции исторического времени «длительной продолжительности» (*longue durée*)¹⁸², наряду с коротким временем смены событий и средним циклическим временем: «то, что мне нравится у Маркса, это то, что у него уже есть восприятие “времени большой длительности”»¹⁸³.

¹⁷⁵ Brannigan, John. *New Historicism and Cultural Materialism*. N.Y.: St. Martin's Press, 1998. P. 62.

¹⁷⁶ Соловьева Д. Ю. Новый историзм и репрезентации истории в цифровой среде // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2018. № 4. С. 26–54.

¹⁷⁷ Febvre, Lucien. *A New Kind of History: from the Writings of Febvre* / ed. by Peter Burke; transl. by K. Folca. Routledge and Kegan Paul, 1973.

¹⁷⁸ La Nouvelle Histoire. Sous le direction de Jaques Le Goff. Paris: Editions Complexe, 1988.

¹⁷⁹ Ibid. P. 259–264.

¹⁸⁰ Агирре Рохас, К.А. «Анналы» и марксизм / пер. с исп. И. Л. Замойской // Французский ежегодник. Левые во Франции. М., 2009. С. 368.

¹⁸¹ Там же. С. 369.

¹⁸² Braudel, Fernand. *Histoire et science sociale: La longue durée* // Annales. 1958. 13/4. P. 725–753.

¹⁸³ Агирре Рохас, К.А. «Анналы» и марксизм. С. 371.

Придерживаясь броделевского понимания истории как длительного процесса, «Новая историческая наука» переосмысливает идеи Л. Февра и М. Блока. В центре исследования в ней оказались человек и его повседневная жизнь – личная (интересы, потребности, мировосприятие, чувства), в совокупности социальных связей. Более того, важно, что «Новая историческая наука» выступила за использование историками методов социальных наук.

В рамках первых поколений «Анналов», особенно в броделевской версии мир-системного подхода и в «Новой исторической науке», зародилась не только экономическая, но и квантитивная история, использующая математические (количественные) методы в исторических исследованиях. В 1993 г. за исследования в области экономической истории и клиометрики с использованием более точных подходов Л. Фогель и Д. Норт получили Нобелевскую премию по экономике. Последующие поколения «Школы Анналов» во многом дистанцировались от наследия предшественников и ушли в сторону культурно-лингвистических исследований с упором на анализ социальной истории культурных практик¹⁸⁴.

П. Ю. Уваров в своем интервью Л. Р. Хут находит много точек соприкосновения первых трех поколений «Школы Анналов» именно с классическим марксизмом, а не его советской трактовкой¹⁸⁵. По этой причине советские историки были вынуждены писать об этой французской историографической традиции в критическом ключе, поскольку западные трактовки марксизма воспринимались исключительно как его буржуазные фальсификации¹⁸⁶.

Тем не менее в отечественной науке сходные с «Анналами» идеи талантливо развивал А. Я. Гуревич, не признававший их непосредственной связи с «буржуазной наукой», поскольку он творчески синтезировал их со своими идеями и идеями критической школы, также развивавшейся в русле неомарксизма. Это позволило А. Я. Гуревичу одним из первых в отечественной историографии представить теорию истории как теорию **коммуникации с прошлым**, стратегию задавания вопросов прошлому, в котором «книжная, письменная культура существовала в виде своего рода островков в море систем устной коммуникации»¹⁸⁷.

Во многом благодаря А. Я. Гуревичу и в меньшей степени Ю. Н. Афанасьеву это направление исторических исследований получило широкое признание и в отечественной историографии, в частности в интеллектуальной истории (Л. П. Репина, З. А. Чеканцева, И. Н. Ионов, С. Н. Зенкин), истории ментальностей, исторической антропологии. Квантитативная история в России представлена экономической историей (Н. М. Арсентьев, С. Г. Кашенко, И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов, Б. Н. Миронов, И. В. Побережников и др.), клиометрикой, клио-

¹⁸⁴ Подробнее о различных направлениях «Школы Анналов» см.: Уваров П. Ю. Между «Ежами» и «Лисами». Заметки об историках. М.: Нов. лит. обозр., 2015.

¹⁸⁵ Хут Л. Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. М.: Прометей, 2010. С. 469–496.

¹⁸⁶ См.: Афанасьев Ю. Н. Французская историческая школа «Анналов» в современной буржуазной историографии. 1929–1979: критический анализ эволюции теоретико-методологических основ: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. М., 1980. 378 с.

¹⁸⁷ Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. С. 160.

динамикой и исторической информатикой (Л. В. Милов, Л. И. Бородин, В. Н. Владимиров, И. М. Гарскова, А. В. Коротаев и др.). Фундаментальные исследования, использующие методологию экономической истории, появились и в востоковедении, в том числе для изучения средневековой истории. В частности, труд О. Г. Большакова о средневековом городе Ближнего Востока в период раннего ислама, построенный на фактических данных, собранных автором из средневековых арабских источников, является образцовым исследованием в этом направлении¹⁸⁸.

Крайности историцизма

и их постмодернистская альтернатива: Б. Латур

Крайностью метафизического историцизма является строгий (механистический) сциентизм, призывающий строить историю по образцу точных наук, прежде всего математики и физики, которые сциентисты признают «образцовыми»¹⁸⁹. Однако далеко не всем нравится стремление усилить познавательные возможности исторической науки за счет количественных методов, особенно когда такое стремление становится самоцелью, как в случае со строгим сциентизмом. Постмодернист Бруно Латур, саркастически назвав историю подражания общественных наук естественным наукам «комедией ошибок», указал на крайность, на которую идут обществоведы, парализованные «завистью физике»: они желают полного контроля над объектами, которые будут изучать на основе строгих причинно-следственных связей. Их оппоненты говорят о научности совершенно другого типа, имеющей герменевтическую, интерпретативную природу. Поэтому у обществоведов, согласно Латуру, выбор небольшой: «либо полностью копировать естественные науки, либо стать их полной противоположностью»¹⁹⁰.

Имея опыт работы в междисциплинарной программе STS (*Science, Technology and Society Studies*), организованной на базе Масачусетского технологического института, Латур предложил решить проблему объективности научного познания и достижения методологического синтеза совершенно по-другому, в специально созданных лабораторных условиях, смешивая природное и социокультурное, а точнее – замещая социальным объяснением объекты материального мира. Ключевым в симбиозе общественных наук с точными должно стать понятие технологии. Социальные факторы и технологии тесно переплетаются и зависят друг от друга – осознание этого факта называют «материальным поворотом», или «поворотом к технологии» (*Turn to technology*)¹⁹¹. Однако из этого не следует, что искусственный интеллект (ИИ) обладает сознанием. Совсем наоборот.

¹⁸⁸ Большаков О. Г. Средневековый город Ближнего Востока. VII – середина XIII в. Социально-экономические отношения. М.: Наука – Глав ред. вост. лит-ры, 1984.

¹⁸⁹ См.: Медушевская О. М. Методология истории как строгой науки // Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты. М.: РГГУ, 1999. С. 27–46.

¹⁹⁰ Latour, Bruno. When Things Strike Back: a Possible Contribution of Science Studies to the Social Sciences // *British Journal of Sociology*. Vol. 51, No. 1. January/March, 2000. P. 107–123.

¹⁹¹ Woolgar, Steve. The Turn to Technology in Social Studies of Science // *Science, Technology, & Human Values*. 1991. Vol. 16. No. 1. P. 20–50.

Ратун за «Великое смешение» социального и природного/естественнонаучного, сам Латур предлагает постмодернистскую альтернативу «новому историзму». Однако, решая с помощью символических методов одни проблемы, с которыми гораздо успешнее справляется тот же трансдисциплинарный подход, предлагаемая ими альтернатива порождает другие, существенно большие. Так, социализация неживой природы как предмета естественных наук размывает рамки социальности, уничтожает сам предмет социальных наук, что в логике различения и социальной дифференциации, которая не может выходить за рамки социальности, контрпродуктивно. Здесь метод конструктивиста Латура вступает в прямое противоречие с аналитическим подходом другого конструктивиста – Лумана, для которого любая технология рассматривается не сама по себе, а с точки зрения расширения возможностей человека и человеческой коммуникации.

Механистического сциентизма можно избежать, если распространять методы точных наук не на всю историю, а только на те области исторического знания, которые требуют точности: датировки, описания фактов, событий и процессов, построения моделей и их визуализации. В исторических процессах, в отличие от природных, действуют социокультурные факторы, связанные с осмысленными коммуникативными действиями человека как главного субъекта и объекта истории¹⁹².

Прагматическая интерпретация «нового историзма»: К. Гирц

Новую интерпретативную рецепцию «нового историзма» на широком востоковедческом материале обосновал К. Гирц, расширивший **представление об истории как коммуникации**: «То, что мы записываем, есть *ноэма* («мысль», «содержание», «суть») речения. Это смысл акта речи, но не сам акт речи»¹⁹³. Впервые в исследовательскую практику понятия *ноэмы* и *ноэзиса* ввел Э. Гуссерль, к феноменологии которого и обращается Гирц. *Ноэма* по Гуссерлю – это то, что мы мысленно представляем, когда говорим о предмете, при этом предметное содержание мысли отделимо, отчуждаемо от самого предмета¹⁹⁴.

Изучая новые ориентиры в науках о культуре, Д. Бахманн-Медик пришла к выводу о том, что К. Гирц писал о «поэтике культуры» в смысле «нового историзма», которая «ведет к децентрации текста и интерпретации»¹⁹⁵. Исследователь также обратила внимание, что интерпретативные подходы Гирца и «нового историзма» в традиционном понимании коммуникации далеко не тождественны:

¹⁹² За пределами коммуникативных подходов деятельностная теория в 1970–1980-х гг. развивалась в трудах В. А. Лекторского, М. К. Мамардашвили, В. С. Швырева, Г. П. Щедровицкого, Э. Г. Юдина, подробнее об этом см.: Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. С. 12. См. также: Проблемы субъектов в постнеклассической науке / препринт под ред. В. И. Аршинова и В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2007. С. 84–85.

¹⁹³ Geertz, Clifford. Thick Description: Towards an Interpretive Theory of Culture. N.Y.: Basic Books, 1973. P. 3–30.

¹⁹⁴ См.: Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академ. проект, 2009.

¹⁹⁵ Бахманн-Медик Д. Культурные повороты: Новые ориентиры в науках о культуре. С. 102, 104.

«Если центристская интерпретация Гирца, ищущая смысловые центры, пытается через ключевые тексты добраться до “внутренней сущности” культуры, то новый историзм подчеркивает маргинальность и противоречивость текстов. Особое внимание здесь уделяется отношениям обмена, смешениям и переговорам», т. е. коммуникации¹⁹⁶.

Таким образом, «новый историзм» в трактовке Гирца, которого мы придерживаемся в настоящем исследовании, через **смысл коммуникации и ее противоречия** пытается постигать объективную реальность событий прошлого во всем их многообразии, сложности и взаимосвязанности, сущностные характеристики и системные закономерности культуры, не ограничиваясь сравнительным описанием культурных обменов, трансферов, коммуникативных сетей. Иными словами, недостаточно зафиксировать сам факт обменов, гораздо важнее их содержательная, смысловая составляющая, особенно в свете коммуникативного рационализма.

Основная конструктивная идея Гирца, которая позволяет нам уйти от относительности сравнительных методов к точности системного анализа, заключается в том, что **надо искать не существенную идентичность между аналогичными явлениями, а систематические отношения между ними**. Этого можно добиться заменой «стратиграфической» концепции отношений между различными аспектами человеческого существования на синтетическую, в которой **«биологические, психологические, социологические и культурные факторы могут рассматриваться как переменные в единой системе анализа»**¹⁹⁷. В конечном счете «речь идет об интеграции различных типов теорий и концепций таким образом, чтобы можно было сформулировать значимые предложения, воплощающие выводы, которые теперь изолированы в отдельных областях исследования»¹⁹⁸.

«Новый историзм» как возвращение к реальному во всем его многообразии

Изучение публикаций известного теоретико-методологического журнала “History and Theory” за 2010–2017 гг. привело И. М. Савельеву к выводу о том, что объявленный новым редактором журнала Э. Клейнбергом курс на **«возвращение к реальному»** (*return to the real*) – это, «возможно, самое главное в происходящем с исторической наукой и не только на передовых рубежах»¹⁹⁹. В свою очередь, этот курс требует не только адаптации, но и существенного уточнения задач самого «нового историзма».

В настоящем исследовании принципы «нового историзма» применительно к истории и источниковедению находят свое дальнейшее развитие. Противоречия в текстах источников и следов прошлого (памятников, артефактов), а также в различных измерениях истории, изучаются с помощью системной логики. Актуальный призыв «назад, к источникам!», вместе с курсом на «возвращение к реальному»,

¹⁹⁶ Там же. С. 104.

¹⁹⁷ Geertz, Clifford. The Impact of the Concept of Culture on the Concept of Man. P. 5–6.

¹⁹⁸ Ibid.

¹⁹⁹ Савельева И. М. История и теория: “Return to the Real” // Диалог со временем. 2018. № 63. С. 12.

требует от нас более бережного отношения к нестыковкам и кажущимся противоречиям в текстах исторических источников, заставляет доискиваться до реальной подоплеки каждого подобного случая, обращая особое внимание на участвовавшие случаи противоречий второго порядка: между первоисточником и его позднейшим интерпретатором (историком). Ясно, что в подобных случаях «новый историзм» следует за первоисточником, особенно, если интерпретатор отстаивает конъюнктурно выгодную для себя позицию. Нам представляется, что «новый историзм» в прагматических интерпретациях К. Гирца и «Новой исторической науки» явно обнаруживает общее с рациональным историзмом П. Бурдьё. Считая постановку вопроса о несовместимости историзма и рационализма искусственной из-за того, что социальный факт или лингвистический знак имеют произвольный характер, он обращается к радикальному историзму Б. Паскаля, согласно которому любое право также представляет собой в некотором смысле произвол, «правда узурпации». Закон объясняет сам себя, «закон есть закон», однако при этом любой закон всегда историчен²⁰⁰.

Масштабные личности, изменившие ход истории, исторические герои, запомнившиеся на переломных этапах истории своих народов, а также люди безвестные и безымянные, которые, по разным определениям, составляют народные массы (Маркс), «безмолвное», «молчаливое большинство» (Бодрийяр, Гуревич), но тем не менее сопричастные не только к истории повседневности, но и к великим событиям истории (например, неизвестный солдат), – последователей «нового историзма» интересуется любой человек в контексте истории, включая тех, кто создает собственно исторический нарратив. Репрезентация обобщенного образа совокупности индивидов с их жизненным опытом и представлениями, привычками и предрасположенностями, которые социолог и востоковед-антрополог П. Бурдьё назвал *габитусом* (лат. *Habitus*), с относительно самостоятельными системами, имеющими свой собственный *габитус* (политика, экономика, религия и др.), позволяет изучать разные социальные роли человека и его «жизненные миры» в единстве с формирующимися посредством коммуникации типами социальных общностей и институтов.

В познании истории важны не только объяснение фактов, событий, духовных ценностей и ориентиров, воссоздание целостной картины прошлого и атмосферы эпохи, но и их адекватное восприятие, понимание, осмысление, оценка и рефлексия. Именно в поисках правильной интерпретации и понимания минувших событий историки обращаются к различным исследовательским конструктам. П. Бурдьё считал *габитус* системой приобретённых схем, действующих на практике как категории восприятия и оценивания²⁰¹. Он также является порождающим принципом социальных практик и поведенческих стратегий *Ego* – различительных и различающих, и одновременно принципом классификации этих практик. У Лумана различия в форме бинарных оппозиций составляют важнейший инстру-

²⁰⁰ См.: Бурдьё П. За рационалистический историзм. С. 13–14, 17–19.

²⁰¹ Bourdieu, Pierre. *Habitus and Field: General Sociology*. Vol. 2. Lectures at the Collège de France, 1982–1983 / ed. by Patrick Champagne, Julien Duval, transl. Peter Collier. Polity Press, 2020.

мент анализа. На различиях цифровых значений 0 и 1 построена вся архитектура цифрового мира. Без определения различий, которые *габитус* проводит между новым и старым, человеческим и бесчеловечным, хорошим и плохим, правильным и неправильным, многомерное изучение обществ и культур невозможно. Кроме того, фокусирование внимания исследователя на индивидах в истории обеспечивает исторической науке столь необходимое для нее гуманитарное, человеческое измерение.

1.2. ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ «ПОВОРОТЫ» ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Развитие различного рода многомерных и коммуникативных подходов стало возможным не только благодаря уникальной методологической ситуации, сложившейся в мире к концу XX в., но и ввиду познавательных «поворотов» научного знания, которые во многом определили развитие современной исторической науки и востоковедения (см. *Regional Studies*, *Postcolonial Studies*, *Subaltern Studies* и др.). Эти «повороты» являются предметом дискуссий в классической и постклассической науке. Некоторые порожденные ими направления исследований, как, например, *Subaltern Studies*, изучающее **«историю снизу»** и уделяющее особое внимание тому, что происходит в народных массах, на базовых уровнях общества, зародились на Востоке, в данном конкретном случае в Южной Азии, для изучения постколониальных и постимперских обществ в местной, неевропейской перспективе.

«Поворот» (*Turn*) – ключевое понятие постклассической философии, обозначающее смещение исследовательского внимания и акцентов от классической тематики истории к темам и проблемам, связанным с человеческим знанием о прошлом; само понятие такого «поворота» восходит к Декарту с его абстрактной субъективностью (*cogito ergo sum*)²⁰² и Канту, которого Ю. Хабермас называет создателем теории познания²⁰³. Д. Бахманн-Медик блестяще раскрыла сущность познавательных «поворотов» науки, назвав их культурными (в том смысле, что история также является частью культуры) и обозначив как «новые ориентиры в науках о культуре»²⁰⁴.

Методологические «повороты» исторической науки можно рассматривать как качественно новые способы репрезентации исторической реальности в виде отдельных нарративов историописания. Для изучения истории и культуры принципиально важное значение имеют **социальный и культурный «повороты»**, нашедшие свое логическое развитие в социокультурном подходе – одном

²⁰² См.: Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. С. 18.

²⁰³ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. СПб.: Наука, 2001. С. 8.

²⁰⁴ Бахманн-Медик Д. Культурные повороты: Новые ориентиры в науках о культуре.

из источников многомерного подхода. Сами способы репрезентации рефлексиируются в **перформативном «повороте»** (*Performative Turn*)²⁰⁵.

Можно выделить и другие направления исторического познания, так или иначе коррелирующие с многообразием проявлений социальности. Например, духовный «поворот» (в терминах постнекклассики) существовал с самого начала формирования истории как академической науки, поскольку ее религиозная версия существовала параллельно с описательной и аналитической. Идеалистический взгляд на историю представил, в частности, Вильгельм Дильтей, «великий историк философии» (Г.-Г. Гадамер), автор «Построения исторического метода в науках о духе»²⁰⁶. Во «Введении в науки о духе» Дильтей впервые высказался в пользу того, что исторический метод должен учитывать психологию человека, а также человеческий опыт, но не абстрактный, а конкретный, который необходимо изучать в рамках замкнутых в себе «культурных систем» индивидуальной структуры, только такой опыт является основным источником смысла как для субъекта действия, так и для субъекта исследования²⁰⁷.

Если познавательный «поворот» не связан с конкретным аспектом или феноменом социальности, то его достаточно сложно отнести к определенному нарративу. Особенно это касается интегративного **«лингвистического поворота»**, пронизывающего все остальные, и **«когнитивного поворота»**, выступающего против нарративов как таковых, но при этом предлагающего свою версию междисциплинарного макротеоретического подхода к гуманитарным наукам. Достижения лингвистического и когнитивного «поворотов», породившие семиотику культуры, в трудах Ю. Хабермаса и Н. Лумана включаются в более широкие рамки коммуникационных теорий. В многомерном подходе они учитываются при обосновании кросскультурного метода универсальных языковых эквивалентов. Философско-лингвистическое направление коммуникационной теории подняло вопрос об адекватности языка социального описания, а когнитивно-психологическое направление обусловило движение теории в сторону антропоцентризма и рефлексивной рациональности.

Наиболее важным для темы данного исследования являются **коммуникативный «поворот»** (*Communicative Turn*), ставший плодом развития информационно-коммуникативных технологий и их проникновения в различные области гуманитарного знания, и **цифровой «поворот»** (*Digital Turn*), неразрывно связанный с коммуникативным и породивший **цифровую историю**. Исследователи даже определили его этапы: **«первый цифровой поворот»** наступил после цифровой революции, а **«второй цифровой поворот»** – после революции микрокомпьютеров²⁰⁸. Ф. Адамс предложил объединить их в рамках **информационного «поворота»**

²⁰⁵ Schechner R., Brady S. Performance Studies: An Introduction, L. – N.Y.: Taylor & Francis Ltd, 2006.

²⁰⁶ См.: Diltthey, Wilhelm. Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften. Vandenhoeck & Ruprecht, 1992.

²⁰⁷ См.: Дильтей В. Введение в науки о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории / пер. с нем. под ред. В. С. Малахова // Дильтей В. Собрание сочинений в 6 т. / под ред. А. В. Михайлова и Н. С. Плотникова. Т. 1. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 270–730.

²⁰⁸ См.: Carpo, Mario. The Second Digital Turn: Design beyond Intelligence. Cambridge, MA–L.: The MIT Press, 2017.

(*Informational Turn*), справедливо рассудив, что информационный век и компьютерный век развивались согласованно²⁰⁹.

Поскольку в центре любых коммуникативных, информационных и прагматических подходов неизменно находится человек, то они усиливают содержание **антропологического «поворота»**. В цифровой век становится актуальной работа с большими данными, не только сохраняющая фокус на человека, но и удовлетворяющая его растущие потребности, в том числе и в области генерации нового знания. Эта задача успешно решается в рамках **прагматического и пространственного «поворотов»**, которые обеспечивают объемность и перекрестность анализа, иначе говоря, **многомерную метрику познания**, раскрывающую все возможности новейших цифровых технологий в историческом познании. Важно, что в рамках пространственного «поворота» научное познание как надежный способ генерации нового знания об объективной реальности отделяет себя от наукообразных манипулятивных идеологов, работающих на иные, отличные от научных интересы.

Поскольку целью данного раздела является не анализ «поворотов» современной исторической науки, которому посвящена значительная масса специальной литературы, а лишь определение пределов познавательного маршрута настоящего исследования, предваряющее его репрезентацию в последующих разделах, ограничимся наиболее важными для темы методологическими «ориентирами».

1.2.1. Лингвистический и когнитивный «повороты»

Поскольку важнейшим средством коммуникации людей является язык, обеспечивающий передачу информации и ее понимание/осмысливание, он в необходимой степени включает в себя богатое содержание лингвистического «поворота» и насыщенных философско-лингвистических дискуссий. Появление лингвистического «поворота», сделавшего возможным осознание значения языка как необходимого условия производства исторического знания, стало триггером развития гуманитарных наук, оно во многом обеспечило бурное развитие неклассических и постнеклассических подходов. Особое влияние на коммуникативный подход Хабермаса оказал К.-О. Апель. Изучение источников исследований Апеля приводит сначала к Л. Витгенштейну, а от него и даже через него – к Августину. Отношению Л. Витгенштейна к Августину²¹⁰, а также связи Витгенштейна с «лингвистическим поворотом» посвящены специальные исследования²¹¹. В специальном исследовании Женевской лингвистической школы, представители которой считаются основоположниками «лингвистического поворота»²¹², отмечается ряд проблем интерпретации, связанных с языком: дихотомия речи и языка (А. Сеше), мотивирован-

²⁰⁹ Adams, Frederick. The Informational Turn in Philosophy. P. 471.

²¹⁰ Luntley, Michael. What's doing? Activity, naming and Wittgenstein's response to Augustine // Wittgenstein's Philosophical Investigations: A Critical Guide / ed. Arif Ahmed. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010. P. 30–48.

²¹¹ Rorty, Richard. Wittgenstein and the Linguistic Turn // Wittgenstein's Philosophical Investigations: A Critical Guide / ed. by Arif Ahmed. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010. P. 129–144.

²¹² Кузнецов В. Г. Научное наследие Женевской лингвистической школы. М.: Знак, 2010. С. 115.

ность языкового знака (Ш. Балли, С. Карцевский), связь языка с мышлением и культурой, соотношение в языке интеллектуального и аффективного и т. д.²¹³

Логическим итогом этого «поворота» стало возникновение семиотики – науки о знаковых, по Ю. Лотману, коммуникативных системах²¹⁴, которая зародилась от изучения отношения имени (языкового обозначения), значения (семантики) и символа в трудах Платона и Аристотеля, а также в дискуссиях номиналистов и реалистов. Понятийный аппарат семиотики используется и в философии истории, и в теории истории, в том числе и в данном исследовании. «Лингвистический поворот» и семиотика сделали возможным появление кросскультурных методов, в том числе предлагаемого в данном исследовании метода универсальных языковых эквивалентов.

В рамках семиотики Ч. Пирс определял отношения знака и значения, Г. Фреге – значения и смысла знака, Ф. де Соссюр – означающего и означаемого, Ч. Моррис – знаков, языка и социального поведения. Теорию знака в рамках феноменологии развивал Э. Гуссерль. Большой вклад в разработку проблематики семиотических исследований внесли Р. Барт, Э. Бенвенист, К. Леви-Стросс и особенно А. Ж. Греймас, который, свою очередь, опирался на исследования В. Я. Проппа, представлявшего русский формализм. Актантная схема Греймаса, в которой система взаимосвязанных актантных ролей (субъект/объект, отправитель/получатель, помощник/оппонент) учитывает все возможные формы коммуникации²¹⁵, заимствована Б. Латуром; более детально на этой схеме мы остановимся при обсуждении метода универсальных языковых эквивалентов (см. ниже).

«Лингвистический поворот» в истории исходит из того, что в интерпретации исторического факта большую роль играют символизм языка интерпретации, логические структуры языка²¹⁶, иерархия и определенность представленных в нем значений, а также избранные исследователем в рамках своей методологической парадигмы стратегии интерпретации²¹⁷. Из трактовки исторического факта необходимо исключить все мотивации исследователя, кроме тех, которые обеспечивают достоверный научный результат, а также компромиссы, связанные с необходимостью согласования значений и смыслов. Существует также проблема того, в какой степени обозначение соответствует обозначаемому им явлению, поскольку, как отметил Фердинанд де Соссюр, язык – это форма, а не субстанция²¹⁸.

Однако язык и не должен в точности воспроизводить субстанцию (означающее и означаемое не тождественны друг другу), он своими символами лишь обозначает ее. Вопрос лишь в том, с какой степенью точности он это делает. Понятно, что человек выражает с помощью языка то, что видит, слышит, чувствует, ощущает, познает,

²¹³ Кузнецов В. Г. Научное наследие Женевской лингвистической школы. С. 69–223.

²¹⁴ Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2010. С. 6.

²¹⁵ Греймас А. Структурная семантика. Поиск метода / пер. Л. Зиминной. М.: Академ. проект, 2004.

²¹⁶ Todorov, Tzvetan. Symbolism and Interpretation / transl. by Catherine Porter. Ithaca – N.Y.: Cornell Univ. Press, 1986. P. 27–96.

²¹⁷ Ibid. P. 97–130.

²¹⁸ Де Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С 145.

и на каждом из этих этапов возможны искажения. Указанную дилемму отчасти разрешил Э. Бенвенист, который пришел к убедительному заключению: связь между означающим и означаемым является «необходимой», а не произвольной²¹⁹.

Для максимального сокращения расстояния между реальным историческим событием и его трактовкой необходим новый язык социального описания, в котором были бы удовлетворительно решены все неопределенности абстрактных категорий. В аналитической форме эта идея представлена в доктрине логического атомизма Л. Витгенштейна, предлагавшего программу построения «идеального» метанаучного языка через проекцию структуры знания на структуру мира²²⁰. После того, как выяснилось, что атом также имеет сложную структуру, поэтому он также не может считаться первоэлементом системы материального мира, реализация этой идеи несколько осложнилась, но не в системной парадигме: в подвижных системах усложнение первоэлемента превращает его самого в систему, что позволяет использовать его и дальше, не опровергая основы теории.

Поскольку коммуникативная интеракция в истории обусловлена не только пониманием, но и предпониманием, аподиктическим, предпосылочным знанием, оно реализуется с помощью языка как символической системы, письменных знаков или других культурных символов. Источником герменевтического толкования предпонимания по Гадамеру являются труды Хайдеггера, раскрывшего «предструктуру понимания в онтологической перспективе»²²¹, а также символический интеракционизм, базовый принцип которого Герберт Блумер сформулировал еще в 1937 г.: особенность символической интеракции заключается в том, что 1) люди вкладывают в вещи тот смысл и значение, которые эти вещи имеют для них; 2) реальный смысл вещей познается в социальном взаимодействии людей; 3) люди определяют и оценивают действия друг друга в процессе их собственного осмысления и интерпретации, а не просто механически на них реагируют²²².

В отечественной историографии исследование по данной теме представила Е. Н. Шульга, рассмотревшая проблему предпонимания в связи с обоснованием концепции смысла в интерактивной герменевтике и проблемой интерпретации в интерактивном дискурсе (концепция самого себя, концепция роли, рациональность диалога и проблема социального порядка), а само предпонимание – как трансцендентальную основу коммуникации²²³. Более того, особо подчеркивается, что современная наука движется от феноменологического понимания коммуникативной интеракции к интерактивной герменевтике²²⁴.

Человеческую коммуникацию невозможно отделить от человеческого сознания и мышления: речь является вербальным выражением мысли. Появившись

²¹⁹ Benveniste, Emile. Problèmes de linguistique générale. Paris: Gallimard, 1974. P. 94.

²²⁰ См.: Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / сост. И. С. Добронравов, Д. Г. Лахути и В. Н. Садовский; пер. И. С. Добронравова и Д. Г. Лахути. М.: КАНОН+, 2008.

²²¹ Griffin, Em. A First Look at Communication Theory. 8th ed. N.Y.: McGraw-Hill Education, 2012. P. 317.

²²² Blumer, Herbert. Symbolic Interactionism. P. 2–5.

²²³ Шульга Е. Н. Проблематика предпонимания в герменевтике, феноменологии и социологии. М.: ИФРАН, 2004. С. 48–56.

²²⁴ Там же. С. 110.

после лингвистического «поворота» и во многом его продолжив, когнитивный «поворот» породил множество теорий и концепций, от психологии до истории. Более того, он также обозначился и в лингвистике, и в психологии, и в социологии, и в истории. Сетуя на «долгую холодную зиму объективизма»²²⁵, когнитивные установки сделали попытку вернуть мысль (*mind*) в науки о человеке и даже добились немалых успехов на этом пути – прежде всего существенного расширения диапазона возможных интерпретаций событий прошлого. В «когнитивном повороте» особое значение придается такой важной стороне феномена человека, как его способности к информационному обмену путем создания интеллектуального продукта: это также результат коммуникации – либо человека с человеком, либо человека с природой.

В наиболее концентрированном виде когнитивный «поворот» в истории выражен в **когнитивной истории** (*Cognitive History*), которую исследователи характеризуют как «симбиоз методов и инструментов исторического исследования и теорий когнитивной науки для объяснения и понимания человеческого поведения, коммуникации и мышления в истории»²²⁶. Когнитивный подход к изучению истории обращает особое внимание на тип мышления субъекта истории, его ментальность, ресурсные возможности и способность взаимодействовать с окружающим его миром – как физическим, материальным, так и социокультурным. Видя в когнитивной истории мост между биологической эволюцией и эволюцией культуры в историческом процессе, Г. Сонессон рассуждает о возможности создания жанра **глубинной истории** (*Deep History*), объясняя ее как синтез семиотического подхода с когнитивным.

В отечественной историографии когнитивный «поворот» проявился в научном наследии О. М. Медушевской, которая в условиях методологического кризиса конца XX в. предложила сциентистское понимание проблемы объективности истории как строгой науки. История была отнесена к «наукам наблюдения», поскольку объектом наблюдения являются письменные и вещественные источники: с одной стороны, они представляют собой реальные осколки прошлого, а с другой – материализованное выражение мысли²²⁷. Такой подход близок к историцизму, против крайностей которого выступает «новый историцизм». Информационный подход в лице К. Поппера, известного критика историцизма, меняет дихотомию «мир физических объектов или физических состояний» – «мир объективного содержания мышления» на триаду, третьим элементом которой выступает «мир состояний сознания, мыслительных состояний», представляющий собой познающий субъект²²⁸.

Строгий историцизм противоречит также и постнеклассическим коммуникативным подходам к изучению социальных систем, которые допускают включе-

²²⁵ Bruner, Jerome S. *Acts of Meaning*. Cambridge, MA – L.: Harvard Univ. Press, 1990. P. 1.

²²⁶ *Cognitive History: Mind, Space, and Time* / ed. by David Dunér, Christer Ahlberger. Oldenbourg: De Gruyter, 2019. P. vii.

²²⁷ Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. С. 296.

²²⁸ Popper Karl R. *Epistemology without a Knowing Subject* // Popper Karl R. *Objective Knowledge. An Evolutionary Approach*. Oxford, Clarendon Press, 1979. P. 106–107.

ние аксиологических и семантических факторов в состав объясняющих положений, выявление и утверждение принадлежности самого исследователя к определенной культурной традиции, противопоставление сциентистскому «фанатизму» научной объективности идеала субъектности (интерсубъектности и транссубъектности) исторического познания.

В содержании лингвистического и когнитивного «поворотов» неоклассический подход не устраивает чрезмерное преувеличение роли двух важных факторов: в первом случае – языка, во втором – мышления. Конечно же, игнорирование особенностей языка и мышления самого историка как познающего субъекта также неприемлемо, вопрос лишь в том, в какой степени они влияют друг на друга и на результаты исследования. Согласно современной биологии, утверждения о неразрывной связи мысли и языка верны лишь отчасти, в той же мере они и самостоятельны. Изначально в сознании человека возникают мыслеформы, которые можно выразить с помощью слов, т.е. их вербальных символов, а можно и невербально, с помощью знаков (мимики, жестов, взгляда). В условиях амбилингвизма, естественного и даже аддитивного (приобретенного) многоязычия, в одинаковой степени обеспечивающего потребности коммуникации, семантические значения, их смысловые эквиваленты, существующие в сознании, первичны, а языковые формы этих значений вторичны. К.-О. Апель продемонстрировал эту идею, сравнив восточные языки с западными, которые передают одни и те же идеи «в практически эквивалентной по своему значению языковой форме»²²⁹.

1.2.2. Социальный «поворот», история социального и социальная история

Поскольку гуманитария в наибольшей степени интересует социальная коммуникация, то направления коммуникативных исследований не могут игнорировать богатое содержание социального «поворота». В «социальном повороте» гуманитарных наук, который стал набирать силу с начала 1990-х гг., история человечества на самом высоком уровне генерализации представляется как история социальности. Р. Зидер определяет предмет этой социальной дисциплины как историю социального и возводит ее начало к концу XVIII в., когда государство, хозяйство и общество в условиях «бюргерско-индустриальной» реальности перестали рассматриваться в качестве единого целого, как того требовала аристотелевская традиция²³⁰. Ю. Кокка различает различные типы социальной истории: в самом узком (строгом) смысле она включает в себя историю социальных структур, процессов и действий, развитие классов, слоев и групп, их движений, конфликтов и сотрудничества, поэтому тесно связана с экономической историей²³¹,

²²⁹ Апель К.-О. Трансформация философии / пер. с нем. В. Куренной, Б. Скуратов. М.: Логос, 2001. С. 255.

²³⁰ Зидер Р. Что такое социальная история? Разрывы и преемственность в основании социального // THESIS. 1993. Вып. 1. С. 164.

²³¹ Kocka, Jürgen. Sozialgeschichte. Begriff – Entwicklung – Probleme // Kleine Vandenhoeck-Reihe. No. 1434. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht Verlag, 1977. S. 82.

в более широком – «историю целых обществ»²³². В самом широком смысле – это «историческое обществознание», или «историческая социальная наука» (*historische Sozialwissenschaft*)²³³, ориентированная на изучение «совокупности исторического процесса», которая определяется как «социально-исторически ориентированная общая история»²³⁴. Б. Н. Миронов предлагает формулировку «новая социальная история», представляя ее как обозначение универсального подхода, примененного к изучению всех социальных объектов в истории²³⁵. Этот подход опирается на близкое нам понимание социальной истории как мега-истории.

Анализируя прошлое в терминах социальности, многомерный подход опирается на «Новую историческую науку», центральным предметом которой стало не общество само по себе, и не создающие общества коммуникации, как у Н. Лумана, а «человек в обществе»²³⁶. Поскольку в самом широком смысле история человечества по определению является историей социального, под социальной историей можно понимать формирующуюся на стыке истории и исторической социологии дисциплину – **историю социальности**, которую Т. Зелдин обозначил как всеобъемлющую²³⁷. Благодаря трудам Ю. Хабермаса, Т. Парсонса и Н. Лумана ключевыми терминами «социального поворота» стали **коммуникация, сообщество, образ «Другого»**²³⁸.

Согласно Луману, «социальная история в качестве научной дисциплины будет заниматься познанием социальных структур и процессов прошлого»²³⁹. Это широкое понимание социальной истории как всеобъемлющей истории всего социального, которое можно также рассматривать как **историю коммуникативного, или социального взаимодействия людей**²⁴⁰. Поскольку любой акт человеческой коммуникации является прежде всего актом социальным, социальную историю действительно можно было бы считать всеобъемлющей. Некоторые исследователи считают, что характеристика социальной истории как истории всеобъемлющей не зависит от научного подхода, т. е. является объективной²⁴¹. Однако для этого сначала надо выяснить, что же имеется в виду – социальная история или история социальности?

²³² Kocka, Jürgen. Sozialgeschichte. Begriff – Entwicklung – Probleme. S. 97.

²³³ Ibid. S. 51.

²³⁴ Ibid. S. 82.

²³⁵ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства; см. также: Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. С. 123.

²³⁶ Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. С. 17–18.

²³⁷ Зелдин Т. Социальная история как история всеобъемлющая [1976] // THESIS. 1993. Вып. 1. С. 154–162.

²³⁸ Kester, Grant. Conversation Pieces: Communication and Community in Modern Art. Berkeley, CA: Univ. of California Press, 2004.

²³⁹ Луман Н. Мировое время и история систем. С. 131.

²⁴⁰ Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. С. 13.

²⁴¹ Зелдин Т. Социальная история как история всеобъемлющая. С. 157.

В различных интерпретациях социальная история, в частности, представляется как:

- 1) история, сохраняющая свою социальную злободневность, прежде всего это новейшая история (*Modern History*) и т. н. «современная история» (*Contemporary History*), сохранившаяся в памяти живущих людей;
- 2) нечто противоположащее политической и экономической истории²⁴², изучение общества как целостности. В этом узком смысле социальную историю можно выделить во всех аспектах социальности, например экономической или политической теориях²⁴³;
- 3) наука, которая вместе с политической и культурной историями представляет все аспекты общей истории²⁴⁴, аналитическая междисциплинарная история;
- 4) собирательный образ всего, что в исторической науке считается нужным и прогрессивным²⁴⁵;
- 5) изучение человека «в ретроспективном контексте его общественных связей и отношений»²⁴⁶ или, по М. Блоку, «человека во времени»;
- 6) «история снизу», т. е. изучение повседневной жизни людей, включая повседневную «устную историю», имеющее значение для небольшого круга связанных друг с другом людей (семьи, родственников, друзей)²⁴⁷;
- 7) история социальных общностей (классов, групп и т. д.), согласно Ю. Кокке²⁴⁸;
- 8) «исторический анализ с акцентом скорее на изменениях всеобщих моделей социальной жизни в обществах, чем просто на политических событиях»²⁴⁹.

Социальная история в узком смысле как одно из направлений истории социального тесно связана с «историей повседневности» (нем. *Alltagsgeschichte*) – сравнительно новым направлением исторических исследований, у которого вслед за Ф. Броделем и Л. Февром появляются последователи и в других областях гуманитарного знания, например в антропологии благодаря ее «человекоразмерности» и вниманию к деталям человеческого существования, присущему «антропологическому повороту».

²⁴² Подробнее об этом см.: Кареев Н. И. Общие основы социологии. М.: URSS, 2010.

²⁴³ Wood, Ellen M. Citizens to Lords: A Social History of Western Political Thought from Antiquity to the Late Middle Ages. L. – N.Y.: Verso, 2011. P. 1–27.

²⁴⁴ Blackledge, Paul. Reflections on the Marxist Theory of History. Manchester – N.Y.: Manchester Univ. Press, 2006. P. 1.

²⁴⁵ Зидер Р. Что такое социальная история? С. 163.

²⁴⁶ Социальная история // Фонд знаний «Ломоносов». Энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:01412: article>. Дата обращения: 02.11.2017.

²⁴⁷ Джерри Д., Джерри Дж. Хистори Уоркшоп Джорнал // Большой толковый социологический словарь. М.: АСТ–Вече, 1999.

²⁴⁸ Кокка Ю. Социальная история между структурной и эмпирической историей // THESIS. Весна 1993. Т. 1. Вып. 1. С. 174–189.

²⁴⁹ Джерри Д., Джерри Дж. Социальная история // Большой толковый социологический словарь. М.: АСТ–Вече, 1999.

По Хайдеггеру, 'субъектом' повседневности является человек²⁵⁰. Ссылаясь на А. Шюца, К. Гирц утверждал, что «повседневный мир объектов здравого смысла и практических действий» и есть «высшая реальность человеческого опыта – перво-степенная в том смысле, что это мир, в котором мы наиболее прочно укоренены, чью присущую действительность мы едва ли можем подвергнуть сомнению»²⁵¹.

Опираясь на броделевское понимание социальной истории в узком смысле, отечественные исследователи развивают направление «антропологии повседневности»²⁵². Речь идет прежде всего о локальных коммуникациях, целостной совокупности отдельных индивидов с их личностными особенностями и интересами, а не о народных массах («мирянах», «земледельцах», «трудящихся») как обезличенной абстрактной целостности. А. Я. Гуревич называл обобщенный образ этой целостности «безмолвствующим большинством» – в том смысле, что «простолудины» в Средневековье, как правило, не владели грамотой и потому не смогли оставить о себе никакой полезной информации, по которой можно было бы реконструировать их историю²⁵³.

Ф. Бродель провел тщательное исследование «структур повседневности», собрав из исторических источников массу статистического материала. В результате получился вертикальный разрез повседневной жизни всего общества, а не только его верхушки, т. е. малоприметной реальности обычного существования, на изучение которой в том числе нацелен многомерный подход: здесь и урожай зерновых²⁵⁴, еда и напитки²⁵⁵, жилища, одежда, быт²⁵⁶, хозяйство, климатические условия, болезни, условия жизни, торговля и города²⁵⁷. Источниковедческую базу истории повседневности составляют не только различные местные источники – эпиграфические тексты, церковные метрические записи, но и государственная статистика (документы переписей, налоговые документы и т. д.).

Распространение системы народного образования, имеющей всеобщий и обязательный характер, в корне изменило возможности изучения социальной истории. Интернет создал условия для документирования мнений громадного числа пользователей, первоначально анонимных, но все более открывающих свою личность виртуальной общности, которую описал Г. Рейнгольд²⁵⁸. Социальные сети сужают пространство безличной и виртуальной повседневности, создавая новые типы коммуникативных связей между людьми, отличающиеся доста-

²⁵⁰ Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. С. 137.

²⁵¹ Geertz, Clifford. The Interpretation of Cultures. Selected Essays. N.Y.: Basic Books, 1977. P. 119.

²⁵² См.: Губогло М. Н. Антропология повседневности. М.: Языки славянской культуры, 2013.

²⁵³ Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. С. 15.

²⁵⁴ Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. Т. 1 / пер. с фр. Л. Е. Кубеля; вступ. ст. и ред. Ю. Н. Афанасьева. М.: Прогресс, 1986. С. 122–159.

²⁵⁵ Там же. С. 199–267.

²⁵⁶ Там же. С. 286–355.

²⁵⁷ Там же. С. 464–590.

²⁵⁸ Rheingold, Howard. The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier. Reading, MA: Addison-Wesley, 1993.

точной устойчивостью. По мере того, как Интернет становится и транспарентной информационной средой, и самым доступным средством коммуникации, повседневность конкретного индивида перестает оставаться изолированной и закрытой для наблюдения. Историк максимально приближается к первоисточнику социальных связей не выборочно, селективно, а на несравненно более широкой основе. И обычный человек, который раньше остался бы в истории «безымянным» и «молчаливым», теперь входит в нее через информационную среду со своим именем или ником, биографическими данными, мыслями и высказываниями, хроникой жизни, реальными коммуникативными связями и отношениями, наработанными знаниями, убеждениями и культурными представлениями.

В изучении истории на первичном уровне социальной консолидации большое значение имеют такие дисциплины исторической науки, как **микроистория** и **персональная история**. Нередко микроисторию вместе с **историей повседневности** определяют в рамках **краеведения**²⁵⁹, хотя история повседневности может и выходить за пределы одного региона или даже страны. Исследователи пришли к согласию в вопросе о том, что их нельзя отождествлять ни с социальной историей, ни с историей повседневности²⁶⁰.

1.2.3. Культурный «поворот», культуральная история и социокультурный «поворот» в истории

Культуру порождает именно социальная коммуникация, поэтому не в меньшей мере для нас важен культурный «поворот», порождающий новые многообещающие направления в изучении истории и культуры²⁶¹. В классической науке изучение культуры (предмета культурологии) и цивилизации (в качестве понятия, взаимозаменяемого с понятием «культура») восходит к XVIII в., когда демаркируется специальная область знаний – *Kulturgeschichte*. В современной науке «культурный поворот» включает в себя множество конфигураций различных познавательных дискурсов, среди которых она выделила интерпретативный, перформативный, рефлексивный (литературный), постколониальный, переводческий, пространственный, иконический и другие «повороты»²⁶². Из концепций, зародившихся на благодатной почве «культурного поворота», особого внимания заслуживает концепция культуральной истории (*Cultural History*) П. Бёрка, а также интерпретативно-системный подход к культуре К. Гирца, ученика Т. Парсонса.

²⁵⁹ См.: Топычканов А. В. История повседневности в немецкоязычной историографической традиции // Краеведение в России: история, современное состояние, перспективы развития: Материалы II Всероссийского семинара краеведов «Любовь к малой родине основа патриотизма» (Воронеж, 31 января – Москва, 1 февраля 2005 г.) / гл. ред. С. О. Шмидт. М.: Ключ-С, 2006. С. 309–321.

²⁶⁰ Schulze, Winfried. Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikro-Historie: eine Diskussion. Göttingen: Erscheinungsjahr, 1994; Репина Л. П. Персональная история: биография как средство исторического познания // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 2 (1999) / под ред. Ю. Л. Бессмертного, М. А. Бойцова. М.: РГГУ, 1999. С. 76–100.

²⁶¹ Beyond the Cultural Turn: New Directions in the Study of Society and. Culture / ed. by Victoria E. Bonnell and Lynn Hunt. Berkeley: Univ. of California Press, 1999.

²⁶² См.: Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. С. 8–145.

Опираясь на классические подходы к изучению культуры (Я. Букхард, Й. Хейзинга, Ф. Антал, Э. Томпсон и др.), Питер Бёрк попытался погрузить культуральную историю в ее собственный культурный контекст, как это понимается в постнеклассической науке. Для данного исследования важно понимание культуры, во-первых, в ее коммуникативном понимании, во-вторых, в ее повседневном преломлении, перенесенном в историческое время. Для А. Куна культура представляется в форме «выученных коммуникативных паттернов», т. е. образцов²⁶³. По мнению П. Бёрка, «культуральный поворот – сам по себе часть культурной истории последнего поколения», поскольку он связан со сдвигом в восприятии культуры и включением в повседневный обиход понятий «культура бедности», «культура страха», «подростковая культура», «корпоративная культура»²⁶⁴.

С точки зрения информационного подхода культура – это совокупность как накопленной, так и передающейся из поколения в поколение информации, определяющей общественное развитие во всех его социальных проявлениях. В этом смысле большую ценность представляют системные и интерпретативные характеристики культуры, данные в трудах К. Гирца. Исходя из публичности культуры – «потому что публичны коммуникация и значение»²⁶⁵ – он разделил ее на системы (подсистемы общей системы) культуры, выделив отдельно «религию как культурную систему»²⁶⁶, «идеологию как культурную систему»²⁶⁷, «искусство как культурную систему»²⁶⁸ и даже «здоровый смысл как культурную систему»²⁶⁹. Следуя за пониманием систем культуры Гирца, можно сопоставить обозначенные в теме важнейшие аспекты истории с соответствующими системами культуры (общественной, политической, этнической и религиозной), имея в виду, что они рассматриваются в продолжительной динамике своего исторического развития (*longue durée* в броделевском понимании).

Вопрос о соотношении истории, социальности и культуры (включая социальные и культурные феномены), их изучение в контекстах друг друга – то, что называется «рефреймингом», – ставился не раз, не только через призму коммуникации²⁷⁰. Взаимодействуя между собой, социальные явления и институты отражаются в таком важнейшем феномене социальности, как культура. Указывая на механизмы взаимосвязи между социальными (в узком смысле) и культурными системами, включая религиозный компонент, Т. Парсонс отмечал, что в процессе легитимации нормативного порядка общества непосредственную связь между ними обеспечивают культурные ценностные образцы. И далее: «Способ легитимации, в свою оче-

²⁶³ Kuhn A. The Logic of Social Systems: A Unified, Deductive, System-Based Approach to Social Science. San-Francisco, 1974. P. 1954.

²⁶⁴ Бёрк П. Культуральная история / пер. с англ. И. Полонской. М.: Изд-во ВШЭ, 2015. С. 12.

²⁶⁵ Гирц К. Интерпретация культуры / пер. с англ. М.: РОСПЭН, 2004. С. 18.

²⁶⁶ Там же. С. 88–124.

²⁶⁷ Там же. С. 187–221.

²⁶⁸ Geertz, Clifford. Art as a Cultural System // MLN. 1976. Vol. 91. No. 6. Comparative. P. 1473–1499.

²⁶⁹ Geertz, Clifford. Common Sense as a Cultural System // The Antioch Review. 1975. Vol. 33. No. 1. P. 5–26.

²⁷⁰ См.: Межуев В. М. Культура и история. М.: Политиздат, 1977.

редь, основывается на религиозных ориентациях. Однако по мере того как культурные системы становятся все более дифференцированными, возрастает самостоятельная ценность и других культурных структур»²⁷¹. Речь идет об искусстве и эмпирическом когнитивном знании, на основе которого развивается наука.

В других исторических условиях эта взаимосвязь будет иметь несколько иной вид. Как отмечает Л. П. Репина, в связи с потребностью изучения многообразия культуры в рамках различных проявлений социальности, «возникли новые формы изучения “социального”, быть может, менее амбициозные, но более гибкие и обладающие значительным эвристическим потенциалом»²⁷².

Будучи частью культуры, история познает не только социальные аспекты человеческой деятельности в прошлом, но в не меньшей мере и культурные. Эти два предмета нашли свое отражение в разных направлениях и даже эпохах в развитии исторического знания, а также в противостоящих друг другу концепциях: концепции социальной истории как «всеобъемлющей» Т. Зелдина, которая выражает социоцентризм в наиболее концентрированном виде, и концепции культуральной истории (новой культурной истории) П. Бёрка, выражающей культурицизм. Но можно ли рассматривать социальные аспекты истории как социокультурные или нельзя, учитывая то обстоятельство, что социальные системы совершенно не совпадают с системами культуры?

Чтобы не усложнять познавательную стратегию данного исследования, а также из-за вынужденного морфологического редуccionизма (не столь, однако, радикального, как в марксизме и мир-системной теории), оговоримся, что в некоторых случаях понятия социального и социокультурного используются как синонимы, особенно когда говорится об аспектах истории, хотя эти понятия, конечно же, не тождественны. Тем самым акценты сознательно смещаются от социологических подходов в истории, используемых для изучения социальных процессов в прошлом, к социокультурным, т. е. к изучению следов деятельности человека, которые сохранились в памятниках материальной и духовной культуры. Исторический процесс остается в фокусе исторического познания, но вместе с историческими источниками, которые появились в ходе исторического развития. По этой причине социокультурный подход к истории может быть признан как обладающий более глубоким эвристическим потенциалом, чем социологизм в чистом виде.

1.2.4. Антропологический «поворот» и историческая антропология

В анализе темы «Человек и история» антропологический «поворот» в исторической науке представляется одним из принципиально важных, причем настолько, что можно обозначить это научное направление как историческую антропологию. В ряде западных научных школ «антропология» иногда используется в самом

²⁷¹ Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / пер. Н. Л. Поляковой // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 103.

²⁷² Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С. 550.

широком смысле в качестве синонима гуманитарных наук, объединяя под этим обозначением гуманитарные (*Humanities*) и социальные науки (*Social Sciences*). В основе определений «антропологический» и «гуманитарный» лежит один термин, на разных языках: греч. *ἄνθρωπος* (*антропос*) «человек» и лат. *Ното* «человек» (ср. *hūmānus* «человеческий»). Более того, такая связь сохраняется и в восточных языках – например, в арабском языке гуманитарные науки называются *ал-‘улум ал-инсанийа* (букв.: «человеческие науки»).

Появившийся в философии более века тому назад, а ныне наметившийся в разных гуманитарных дисциплинах, в том числе и в нашей стране (истории, этнологии, социологии и семиотике)²⁷³, антропологический «поворот» усиливает роль человека в истории, возвращает историка к истокам, когда в фокусе внимания находился «исторически действительный» человек – эллин или скиф, грек или варвар²⁷⁴. Л. П. Репина сводит сущность антропологического подхода к изучению «человека в обществе», а это интегральный объект, сближающий друг с другом разные общественные науки²⁷⁵. Изучение восточных обществ через коммуникации людей в принципе представляет собой антропологический подход.

Предваряя специальную статью Н. В. Поселягина по данной теме и дискуссию об «антропологическом повороте», О. В. Тимофеева обращает внимание на то, что «мы имеем дело не с антропологией, а, скорее, с антропологиями – с культурной, с социальной, но также и с философской, ставящей своей целью концептуализацию “человека” и “человеческого”, “своего” и “другого”»²⁷⁶. Такое разностороннее изучение предмета, интегрирующее различные дисциплинарные подходы, как нам представляется, могло бы стать одним из интегративных принципов, который позволит сбалансировать предмет и аспекты исторического исследования, будь то конкретные общества, их повседневные, культурные и дискурсивные практики, или сам человек, претерпевающий трансформации вместе с этими практиками.

На новом эволюционном витке истории внимание заслуживает каждая личность, а не только отдельные «исторические герои»; такой подход открывает путь к **глубинной истории** (*Deep History*) и **истории ментальностей** (*History of Mentalities*), включающей в себя и учет психологии. В системе координат К.-О. Апеля «все существа, способные к языковой коммуникации, должны быть признаны личностями»²⁷⁷. Как стороны коммуникации, по отношению друг к другу эти личности выступают как Я, Мы (Свои), Он/Она, Они (Другие, Чужие). Антропологизация истории включает человека в систему взаимосвязей социальности и культуры, характеризуя его как особый феномен, сочетающий в себе как биологическое, так и социокультурное начала.

²⁷³ Поселягин Н. Антропологический поворот в российских гуманитарных науках // Новое литературное обозрение. 2012. № 113. 1. С. 27–36.

²⁷⁴ Thomas, Nicholas. *Out of Time: History and Evolution in Anthropological Discourse*. 2nd edition. Ann Arbor: The Univ. of Michigan Press, 1996.

²⁷⁵ Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. С. 44.

²⁷⁶ Тимофеева О. Дискуссия об антропологическом повороте в российских гуманитарных науках. От редактора // Нов. лит. обозр. 2012. № 113. 1. С. 4.

²⁷⁷ Апель К.-О. Трансформация философии. С. 302.

По мнению З. А. Чеканцевой, эпистемологическую основу антропологического подхода, в котором доминируют установки на открытость мышления и рефлексии, составляет проблематизация социокультурных практик²⁷⁸. Считая наиболее убедительным понимание К. Вульфом исторической антропологии как дисциплины, формирующейся на пересечении разных дисциплин и философии, З. А. Чеканцева также разделяет и предложенный им «антропологический способ рассмотрения», который указывает на зависимость человеческих взаимодействий и познания от языка, конституирующей роли воображаемого для культуры, а также на форму и структуру человеческого действия²⁷⁹.

До самых крайних пределов в использовании антропологизма дошел, кажется, постмодернизм с его бесчисленными дискурсами.

В информационной среде социальные действия и высказывания человека документально фиксируются в виде «цифровых следов», что позволяет поднять понимание «антропологического поворота» на качественно новый уровень. Необходимость включения *Ego* в систему культуры и систему социальной организации (поскольку без самого человека не может быть ни социальной, ни социокультурной коммуникации), позволяет представить антропосоциокультуру как систему высшего порядка, включающую в себя все остальные системы, прежде всего социальные системы, системы культуры и систему личности в ее парсонсовском понимании²⁸⁰.

1.2.5. Коммуникативный, цифровой и информационный «повороты»

Выступая в качестве метадискурса²⁸¹, **коммуникативный «поворот»** интегрирует различные познавательные «повороты» исторической науки на основе коммуникации. Мартин Моррис, посвятивший специальное исследование этому «повороту», считал, что в социальных науках он был заложен Адорно и особенно его учеником Хабермасом, представлявшими Франкфуртскую школу критической теории²⁸². Содержание коммуникативных теорий раскрывается ниже в источниковедческой главе исследования, поскольку коммуникативный подход Хабермаса, наряду с теорией Лумана, стал одним из основных источников нового подхода. Хабермасу принадлежит первый серьезный опыт адаптации коммуникатив-

²⁷⁸ Чеканцева З. А. Антропологизация историографии и идентичность историка в XXI веке // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 8 (72). С. 8. [Электронный ресурс]. URL: <http://history.jes.su/s207987840002438-0-1>. Дата обращения: 13.12.2018.

²⁷⁹ Вульф К. Антропология: история, культура, философия. СПб.: ГУ, 2007. С. 152; Чеканцева З. А. Антропологизация историографии и идентичность историка в XXI веке. С. 8.

²⁸⁰ В понимании Т. Парсонса *система личности* представляет мотивационную структуру индивида, которая вместе с организмом (физическим телом) образует «базисную структуру», т. е. самого человека как подсистему социального (коммуникативного) действия. Как таковая, *система личности* определяет границы собственного Я (*Ego*) человека и является источником изучения исторического сознания, исторического мышления и исторической психологии.

²⁸¹ Craig, Robert T. Meta-Discourse. P. 3707.

²⁸² Morris, Martin. Rethinking the Communicative Turn. P. 3.

ной теории к истории, Луману – второй, связавший коммуникационную теорию с «теорией системы» (как он называл общую теорию систем).

Цифровой «поворот», как считается, в наибольшей степени выражает технические, технологические изменения в развитии новейших тенденций исторической науки, чем внутренние содержательные, которые сильнее выражены в «коммуникативном повороте». Это две стороны единого технологического процесса. Поэтому неслучайно **цифровой и коммуникативный «повороты» считаются проявлениями информационного «поворота»**²⁸³. Тем не менее еще до конца не ясно, что представляет собой «цифровой поворот» в истории, получивший официальное признание на XXII Международном конгрессе исторических наук (Китай, 2015 г.) – новую информационную среду или новую парадигму²⁸⁴? В любом случае в настоящем исследовании речь идет об исторической науке в эпоху цифровых технологий.

Сущность цифрового «поворота» в гуманитарных науках А. Павловский видит «в признании того, что цифровая реальность стала синонимом социальной. **Цифровое теперь производит социальное, а социальное – цифровое**: это вечный двигатель, чьим топливом служит “новая нефть” человеческих отношений, а выхлопными газами – *big data*, на основе которой киберисторики напишут самую подробную летопись наших запросов и тайных желаний»²⁸⁵.

За последние десятилетия появились принципиально новые источники информации, способы и методы ее фиксации и передачи. В условиях беспрецедентного и экспоненциально растущего доступа к «большим данным» историк получает возможность работать не только с «материальными следами» прошлого, но и с «цифровыми следами» недавнего времени, фиксируемыми приборами круглосуточно²⁸⁶. Цифровизация не обошла стороной и традиционные источники, которые теперь становятся достоянием всего человечества: на цифру переводятся рукописные тексты, изданные письменные источники, разнообразные музейные коллекции, миллионы томов научной литературы, хранящихся в библиотеках, на очереди – массовый архивный материал²⁸⁷. Использование компьютера, расширение доступа к историческим источникам и литературе, ускорение обработки информации с помощью ИКТ значительно повышают научную производительность историка. Публикации *digital-first* ускоряют распространение научных идей и их апро-

²⁸³ Adams, Frederick. The Informational Turn in Philosophy. P. 471.

²⁸⁴ Бородин Л. И. «Цифровой поворот» в исторических исследованиях. С. 114.

²⁸⁵ Павловский А. Цифровые рамки коллективной памяти: куда ведет цифровой поворот в memory studies? // Память в сети: цифровой поворот в memory studies / под ред. Алексея Миллера, Алексея Павловского. Европ. гум. ун-т, 2003. С. 7.

²⁸⁶ Прямой и косвенный сбор личной информации с помощью алгоритмов осуществляется на основе доступных данных прокси-серверов, метаданных браузеров, мессенджеров и других программ, а также иной цифровой статистики.

²⁸⁷ Oberhauser, Otto. Digitale Langzeitarchivierung als Thema internationaler Institutionen und Organisationen: Ein bibliotheks orientierter Überblick // Zeitschrift für Bibliothekswesen und Bibliographie. Frankfurt / M.: Verein Dt. Bibliothekare, 2003. No. 6. S. 303–314. См. также: Гарскова И. М. Источник в цифровом формате: концепции исторической информатики // Идеи академика И. Д. Ковальченко в XXI веке. Материалы IV научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова. 10 декабря 2008 г. / отв. ред. С. П. Карпов. М.: МГУ, 2009. С. 140–153.

бацию²⁸⁸. В свою очередь, это усиливает потенциал сравнительно-исторических и кросскультурных исследований, широких обобщений событий и явлений прошлого, в том числе в области теории и методологии.

Один из основоположников информационной истории Т. Веллер представляет «цифровой поворот» как «историю информации в самом широком смысле»²⁸⁹. Такой подход к научной информации ставит историю в центр гуманитарных наук, связанных с историческим познанием.

Неизвестно, насколько раздвинуты границы «цифрового поворота» в гуманитарных науках, но уже понятно, что достаточно широко: М. Дуэи в своей книге «Цифровые культуры» предложил концепцию цифрового гуманизма на основе обновления принципов классического гуманизма для лучшего понимания процессов трансформации²⁹⁰. Дискуссии на тему перспектив «цифровых гуманитарных наук» приводятся в специальном исследовании под редакцией М. Голда²⁹¹.

Информационный «поворот» не связан с каким-либо определенным типом проявления социальности, а представляет социокультурную систему во всем ее многообразии. Поэтому он может стать универсальной формой репрезентации системы гуманитарного знания, в том числе исторического. А. Блэк считает, что наилучшая форма интеграции различных форм исторических дисциплин в будущем возможна на базе информационной истории²⁹². В новейших исследованиях «информационного поворота»:

- 1) обсуждаются возможности выхода истории за пределы ее традиционных источников, максимальный учет вторичных источников, исторического и историографического контекста²⁹³, а также возможности установления историей диалога с другими науками, в том числе с психологией, генетикой, нейронауками, наукой развития так называемой «нейроистории» и др.;
- 2) пересматриваются старые дебаты в истории, которые до сих пор остаются крайне важными;
- 3) исследуется вопрос о том, как историческая наука реагирует на вызовы в обществе – такие как цифровизация, глобализация, «глокализация», а также на новые направления развития гуманитарных и социальных наук, выраженные в различных познавательных «поворотах» («материальном», «визуальном» и др.)²⁹⁴.

²⁸⁸ Wolff, Robert S. *The Historian's Craft, Popular Memory, and Wikipedia* // *Writing History in the Digital Age* / ed. by Jack Dougherty, Kristen Nawrotzki. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 2013. P. 64–74.

²⁸⁹ Weller, Toni. *Information History – An Introduction: Exploring an Emergent Field*. Oxford, UK: Chandos Pub., 2008. P. XIV.

²⁹⁰ Doueihy, Milad. *Digital Cultures*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 2011. P. 11.

²⁹¹ *Debates in the Digital Humanities* / ed. by Matthew K. Gold. Minneapolis – L.: Univ. of Minnesota Press, 2012.

²⁹² Black, Alistair. *Information History* // *Annual Review of Information Science and Technology*. 2006. No. 40. P. 445.

²⁹³ Galgano, Michael J.; Arndt, J. Chris; Hyser, Raymond M. *Doing History: Research and Writing in the Digital Age*. 2nd ed. Boston, MA: Wadsworth Cengage Learning, 2013. P. 40–42.

²⁹⁴ Tamm, Marek; Burke, Peter. *Debating New Approaches to History*. L. – N.Y. – Sydney – Delhi: Bloomsbury Publishing, 2018.

Меняется и восприятие «поворотов» в различных научных школах, смещаются акценты, они отчасти локализуются: методология перекрестной истории М. Вернера и Б. Циммерман – один из примеров удачной локализации²⁹⁵. Д. Бахманн-Медик говорит о разветвлении дискурсивного спектра, не ориентированного на познавательные «повороты», тенденции к интеграции «наук о культуре с социальными науками в *sciences humaines*» (точнее, в *sciences humaines et sociales*) в общем движении к плюрализму «в развитии науки и общества»²⁹⁶.

1.2.6. От прагматического и пространственного «поворотов» – к многомерности

Коммуникационный, цифровой и информационный «повороты» актуализовали связь культуры, знания и практики, которая рефлексивируется в **прагматическом «повороте»**. В исторической науке в рамках прагматического переосмысления исследовательских практик ведутся **поиски синтетической исследовательской модели, основанной на принципе взаимодополнительности микро- и макроисторического подходов**²⁹⁷. В этом плане примечательно выделение К. Гирцем здравого смысла как основы такой модели: здравый смысл (или, по Хабермасу, коммуникативная рациональность) не только управляет коммуникативным действием исторического *Ego*, но и является источником действий субъекта исторического познания – не сам по себе, а в рамках правил, выработанных культурой (прежде всего, этикой).

В нашей стране прагматический «поворот» иногда понимается весьма упрощенно: почти полностью игнорируются аспекты нематериальной культуры, изучение и поддержка которых некоторым современным реформаторам кажутся неоправданно затратными и потому избыточными. С большим сожалением приходится констатировать очевидную и далеко не безобидную реверсию, игнорирующую исторический опыт: любые научные инновации и технологические прорывы требуют высокого уровня развития не только технологической, но и гуманитарной культуры, которые теснейшим образом связаны между собой: только развитые культуры порождают передовые технологии. Здесь также проявляется системная логика культуры, демонстрирующая цельность и взаимосвязанность всех составляющих ее элементов. Кроме того, существует масса технологий, реализованных на основе исключительно гуманитарных идей, что заставляет современную гуманитарную науку усиливать свои практические возможности в сфере технологического развития.

Эти соображения заставляют выделять в прагматическом, материальном «повороте» особым образом артикулированный **«поворот к технологиям»** (*Turn to technology*)²⁹⁸. Общество, политика и культура влияют на науку и технологические

²⁹⁵ Werner, Michael; Zimmermann, Bénédicte. Beyond Comparison. P. 30–50.

²⁹⁶ Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. С. 43–44.

²⁹⁷ Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. С. 168.

²⁹⁸ Woolgar, Steve. The Turn to Technology in Social Studies of Science. P. 20–50.

инновации, технологии, в свою очередь, оказывают обратное влияние на общество, политику и культуру, поскольку развитие информационно-коммуникационных технологий неизбежно ведет к становлению информационного общества. В этом контексте прагматический «поворот», требующий всестороннего учета взаимовлияний информационных технологий и новаций, прежде всего искусственного интеллекта, на человека, является предтечей многомерного «поворота», который обозначает многомерный подход. Это перспективная область не только цифровой истории и исторической информатики, но и **цифровой социологии**, которую называют **социологией цифровых технологий**.

С появлением коммуникативного, цифрового и информационного «поворотов» наук о культурах свое новое наполнение получил **пространственный «поворот»**, фактически являющийся более общим обозначением собственно многомерного «поворота», который представляет эта книга. Именно развитие цифровых технологий позволило историкам и востоковедам выйти за пределы визуально плоских таблиц и схем исторических реконструкций. Можно сказать, что пространственный «поворот» углубляет информационный и приближает исследователя к объективной реальности, создавая для него релевантную среду для работы. Ведь историческое пространство многомерно: оно включает в себя по меньшей мере три собственно пространственных измерения и одно, четвертое – измерение времени, которое делится на различные эпохи. Согласно Эрнсту Кассиреру, в форме пространства представлен момент «рядоположности», а в форме времени – момент последовательности, это «связь определений бытия, представленная так, что в одном случае она понимается как “вещь”, в другом – как “свойство”, или (для следующих друг за другом событий) так, что одно является причиной другого – все это разные виды изначальных способов связи»²⁹⁹.

Чувственное восприятие пространства позволяет нам создавать пространственные конструкции и созерцать их, «соединяя в единое представление группы чувственных восприятий, сменяющие друг друга в непосредственном чувственном переживании»³⁰⁰. Одновременно с этим наше сознание разделяет это единство на части. Представление о пространстве создается в момент чередования синтеза и анализа: «Здесь образ является в такой же мере потенциальным движением, в какой движение – потенциальным образом»³⁰¹.

Информатизация исторических коммуникаций, привлечение для их исследования методов многомерной статистики, новейших цифровых технологий и программных инструментов создали идеальные условия для содержательного наполнения измерений пространства и времени фундаментальными социальными измерениями системы культуры. Базовыми здесь являются важнейшие теоретические положения, заложенные Фернаном Броделем:

1. Историческое пространство едино: его фрагментация по странам, народам, культурам, благодаря которой появились во многом противореча-

²⁹⁹ Кассирер Э. Философия символических форм. С. 29.

³⁰⁰ Там же. С. 34–35.

³⁰¹ Там же. С. 35.

щие друг другу нарративы национальных историографий, имеет искусственный и во многом вынужденный характер. Даже нынешняя конфронтация глобального Запада с глобальным Востоком, в эпицентре которой оказались территории бывшей Российской империи и СССР, где проходит воображаемая линия географического центра Европы (Литва – Белоруссия – Украина), не должна уводить нас в сторону от понимания целостности всемирной истории.

2. Исторические процессы во всех регионах прямо или опосредованно взаимосвязаны, и их общие закономерности можно отслеживать только на длительных промежутках времени. Это хорошо видно на примере изучения событий в Афганистане, Ираке, Сирии, Ливии, на Украине, в которые так или иначе вовлечен практически весь остальной мир.

Помимо абстрактного понимания пространства, в пространственном «повороте» особое внимание уделяется и геопространству. **Исторические события тесно связаны с локусами, ландшафтом, средой обитания, географическими условиями, и задача исследователя – в полной мере учитывать и воспроизводить их в реконструкциях прошлого.** Физический мир, как и «жизненный мир» индивида – это не только люди, окружающие его, но и определенное **жизненное пространство** со всем его материальным, физическим и вещественным содержанием, природным и созданным руками человека.

Жизненное пространство само задает ориентиры и координаты «своего» понимания многомерности. У северных народов России нет абстрактного определения снега, зато имеется множество терминов для обозначения различных состояний снега. Для индейцев, обитавших на побережье океана и ориентировавшихся в соответствии с направлением береговой линии и рек, было очень важно в точности фиксировать «формы суши и воды и опасности моря», имея в языке «бесчисленное множество терминов для островов»³⁰². У кочевых народов очень развита лексика, связанная с животноводством и его продуктами, а у оседлых народов одни и те же сельскохозяйственные культуры, домашняя птица и животные на разных этапах роста имеют разные названия. **Пространство предопределяет не только жизнь, но и язык народа, его культуру, а также восприятие реальности.**

Пытаясь обозначить пространственный «поворот» в истории, антропологии, религии, психологии, литературе, архитектуре, истории искусства, Дж. Гульди показала новые возможности «пространственных гуманитарных наук» на примерах конкретных проектов: *HyperCities* (дает возможность исследовать исторические слои городских пространств в интерактивной гипермедийной среде; в России исследования подобного рода проводятся в МГУ под руководством Л. И. Бородкина); *AfricaMap* (проект для исследования пространственных данных на отдельном континенте построен на базе *WorldMap* с помощью специальной легко настраиваемой программы с открытым исходным кодом; включает в себя программные

³⁰² *Guldi, Jo.* What is the Spatial Turn? // *Spatial Humanities: A Project of the Institute for Enabling Geospatial Scholarship. Scholars Lab – University of Virginia Library*, 2011. [Electronic resource]. URL: <https://spatial.scholarslab.org/spatial-turn/what-is-the-spatial-turn>. Retrieved 09.02.2016.

возможности OpenLayers, ExtJS, TileCache, MapServer, GeoServer и PostGIS); NGDA (представляет собой национальный геопространственный цифровой архив, который репрезентуется как «сеть сбора для архивирования геопространственных изображений и данных»); лаборатория пространственных историй Стэнфордского университета (цифровая платформа для визуальных исследований в области истории); NYPL Map Rectifier (цифровой инструмент для «выпрямления» исторических карт в соответствии с современными точными картами) и др.³⁰³

Многомерный «поворот», основные контуры которого обозначены в этой книге, является формой конкретизации пространственного «поворота», его донастройки для изучения культурно-сложных проблем прошлого и настоящего. Он исходит из многомерности человека, соответственно истории и культуры. В многомерной системе координат в пространстве социального времени друг на друга схематично наслаиваются, не смешиваясь, но взаимодействуя, параллельные жизненные миры конкретных *Ego*, рассматривающиеся в их совокупности, континууме и дискретности (в каждый момент времени или определенном временном промежутке), а также исторические события и традиции культуры.

В концептуальных схемах многомерность истории и культуры (соответственно и человека) представляется как совокупность отдельных измерений различного рода, не только социальных и культурных, но и физических (в т. ч. географических) и других, в том числе теоретико-методологических. В этом смысле проекция многомерности является естественным интегратором эпистемологических «поворотов» исторической науки, пусть и в своей особой форме, которая применима только в особых случаях, при необходимости. В конечном счете линейная логика и методики, которые используются для решения простых задач, переносятся также и на случаи гораздо более сложных исследовательских задач, в которых используется системная логика (см. ниже) и многомерные методологии.

Точно так же линейная алгебра является основой многомерной статистики, которая используется для выделения взаимосвязей между различными параметрами в определенных наборах данных. Линейная алгебра имеет множество приложений не только в математике, но и в самых разных науках, в том числе социологии, экономической истории и политологии. Чаще всего эти задачи могут быть адекватно восприняты именно в геометрических терминах, графиках, диаграммах и схемах визуализации. Результаты визуализации больших данных часто выглядят как некоторое достаточно большое количество локализованных или распределенных точек в пространстве какой-то конечной размерности.

Информация в многомерных базах данных также представляет собой наслаивание и взаимовложенность перекрестной иерархии фактических данных, которые позволяют исследователю получить мгновенную картину показателей по определенным выборкам на основе различных динамических моделей.

³⁰³ Galdi, Jo. What is the Spatial Turn?

1.3. ПРОБЛЕМА СОГЛАСОВАНИЯ ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Необходимым условием концептуальной полноты и эвристической значимости исследования является репрезентация не только ее эпистемиологических, но и парадигмальных оснований, общенаучных принципов и положений, а также конкретной модели исследования (познания) как признанного образца когнитивной стратегии и стандарта познавательной деятельности. Разработка конкретных моделей исторического познания важна еще и потому, что в этом случае вырисовывается более понятная познавательная карта объекта и предмета исследования, позволяющая в упрощенном виде представить когнитивный маршрут исследования, его отправные точки, цели и результаты. При этом парадигмальные основания исследования не должны противоречить друг другу, порождая противоречивость в самом исследовании.

Различают парадигмы общенаучного познания (системная и др.) и парадигмы больших мировоззренческих макроисторических нарративов, «больших теорий» (формационная, цивилизационная, модернизационная). Системная парадигма была революционной для своего времени³⁰⁴, но в своем классическом виде – слишком замкнутой сама на себя; поэтому сегодня она сосуществует с другими парадигмами научного познания, более эвристическими по сравнению с системной, порождающими новые гипотезы и теории. Тем не менее системная парадигма позволяет историку работать со всеми объясняющими теориями и концепциями истории, но с разной степенью эффективности. Обычно опора на системный подход ведет к повышению познавательного потенциала этих теорий. Проблема в том, что системная парадигма не устраняет парадигмальные противоречия, а лишь систематизирует их определенным образом.

В своей теории научных революций Томас Кун утверждал, что научное знание развивается скачкообразно, от одного уровня к более высокому, от одной парадигмы, в рамках которой уже невозможно объяснять все явления, к другой. Для Куна научная революция подразумевает эпистемиологическую смену парадигмы, под которой он понимал общепризнанный образец, определенный способ постановки задач исследования: в парадигме «научное знание воплощается в теории и правилах; проблемы ставятся таким образом, чтобы обеспечить легкость в применении этих правил»³⁰⁵.

По мнению акад. В. С. Стёпина, глобальные научные революции, влекущие за собой парадигмальные сдвиги, можно характеризовать как стадии историчес-

³⁰⁴ Под системной парадигмой в данной работе понимается совокупность общенаучных системных методов, применяемых для проектирования систем, которые также основаны на общей теории систем, а под общенаучными методами науки – принципы, средства и формы научного познания, которые соотносятся, хотя бы потенциально, не с какой-то конкретной наукой, а практически со всеми.

³⁰⁵ Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ., сост. В. Ю. Кузнецов. М.: АСТ, 2003. С. 241.

кого развития науки, которые на практике исследований выражаются в смене моделей исторического познания. «Цифровая революция» нашего времени, безусловно, представляет собой как раз тот самый случай. Известный философ науки выделяет три типа моделей исторического познания: классический, неклассический и постнеклассический, с особыми критериями различения по отношению к объекту научного исследования. Классическая модель имеет дело с простыми системами (сложные системы в ней также представлены как совокупность простых), неклассическая – со сложными саморегулирующимися системами, постнеклассические – со сложными открытыми, саморазвивающимися и «человеко-размерными» системами³⁰⁶.

Призывая науку к диалогу и альянсу с открытым миром, И. Пригожин и И. Стенгерс еще в конце XX в. предсказывали ее метаморфозу³⁰⁷. В. С. Стёпин отметил изменение большой парадигмы научного познания: в современной социальной науке исследователь перестает быть зрителем, посторонним наблюдателем, потому что сегодня этого уже недостаточно. Для лучшего понимания социальной реальности, «вчувствования» (нем. *Einfühlung*) он должен вступать с ним в **живой диалог, коммуникацию**³⁰⁸, что неизбежно скажется на выборе когнитивной стратегии и методов научного исследования: не случайно Парсонс называл науку «избирательной системой когнитивных ориентаций в реальном мире»³⁰⁹.

1.3.1. Способы преодоления парадигмальных противоречий в историческом исследовании

По мнению М. Морриса, одной из важнейших задач Франкфуртской школы критической теории было преодоление конфликта парадигмальных оснований социальных теорий³¹⁰. Как выяснилось, простым синтезом существующих теорий эту проблему не решить, особенно в современных условиях, судя по сохраняющейся тенденции к фрагментации теории и методологии наук, прежде всего исторической. Нужен был универсальный для всех социальных наук критерий. Таким критерием стала коммуникация, которая дала исследователям большой простор для теоретических размышлений³¹¹.

³⁰⁶ Стёпин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения.

³⁰⁷ Prigogine, Ilya; Stengers, Isabelle. La nouvelle alliance: Metamorphose de la science. Paris: Gallimard, 1979.

³⁰⁸ Стёпин В. С. Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006. С. 360.

³⁰⁹ Towards a General Theory of Action / ed. by T. Parsons, E. Shils. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1951. P. 167. См. также: Kapp Э. Что такое история? С. 16–17.

³¹⁰ Morris, Martin. Rethinking the Communicative Turn. P. 10.

³¹¹ Хабермас и его школа с самого начала поставили перед собой задачу уменьшить влияние идеологии на критическую теорию, придерживаясь срединного, «третьего» пути, оказавшегося между двумя идеологическими полюсами – коммунизмом и неолиберализмом. В 1980–1990-х гг. это был социал-демократический путь. См.: Morris, Martin. Rethinking the Communicative Turn. P. 18–19.

Противоречащие друг другу по базовым основаниям мировоззренческие парадигмы не могут быть сведены воедино; взаимодействие парадигм в их классической и даже постнеклассической интерпретации невозможно по определению, ибо парадигма – это законченный образ и образец исследования (по словам Томаса Куна, «либо кролик, либо утка»). О проблеме аддитивности знания, связанной с невозможностью наращивания исторического знания в условиях использования историками соперничающих теорий, убедительно высказались историки П. Вен и Л. Лаудан, а также философ истории А. Данто³¹². В этих условиях могут быть востребованы подходы теории информации, формализующие информацию по важнейшим критериям – научности и объективности.

Постпозитивизм, яркими представителями которого, помимо Куна, считаются К. Поппер, И. Лакатос, П. Фейерабенд, М. Полани, Дж. Холтон, Р. Арре, сделал попытку применить критерии научного метода к самой социальной науке, научным идеям, моделям, научным мировоззрениям, образам мира, на примере исторического материала социального познания, который игнорировался традиционным социологическим позитивизмом. В результате было выявлено расхождение между методологией социального познания и реальным развитием идей и положений социальной науки (критический рационализм, философская герменевтика, экзистенциализм и т. д.), что, по мнению постпозитивистов, свидетельствует об отсутствии в обществоведении полностью формализованного и достоверного метода, приводящего к надежно верифицируемому знанию.

Какой выход может быть из этой ситуации, если такой метод еще не создан? Самостоятельное применение теоретико-методологических принципов, взятых из разных парадигм, порождает **стихийный теоретический и методологический эклектизм**: этот путь самый распространенный и, к сожалению, наихудший из всех возможных, не считая, конечно, случаев полного игнорирования какой-либо методологии исследования.

Игнорирование методологии вообще как излишней рефлексии или освобождение от «диктатуры метода», к которому призывал П. Фейерабенд, пусть даже с благородной целью достижения большей свободы творчества³¹³, совершенно бесперспективны: подчинение содержания работы общим теоретико-методологическим принципам является немаловажным признаком академического труда. Идея «науки без метода» оправдывается целью абсолютной свободы научного творчества, в первую очередь от диктатуры методологии, взамен которой предлагаются ничем не ограниченный научный реализм (в т. ч. материализм как сверхреализм) и инструментализм, теоретический плюрализм, релятивизм, структурализм и критический рационализм, основанный на духовных ценностях. Тем не менее Фейерабенд имел в виду не нигилистическое отрицание метода как такового, а свободную конкуренцию методов и идей.

³¹² Данто А. Аналитическая философия истории / пер. с англ. А. Л. Никифорова, О. В. Гавришиной под ред. Л. Б. Макиевой. М.: Идея-Пресс, 2002.

³¹³ Feyerabend, Paul K. *Against Method: Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge*. L.: New Left Books, 1975; Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986; Preston, John. *Feyerabend: Philosophy, Science and Society*. Cambridge: Polity Press, 1997.

Второй путь также предложили постпозитивисты: **мультиперспективизм** Имре Лакатоса подразумевает изменение парадигмы в интересах исследования. Как и Фейерабенд, Лакатос не отрицал значение теорий, а предлагал стратегию сочетания многих теорий, каждый раз оговаривая смену парадигмы³¹⁴.

Исследователи, прибегающие к подобному теоретическому и методологическому плюрализму, вынуждены применять методы и принципы соперничающих теорий, использующих собственный понятийный аппарат. В условиях отсутствия общего языка научного описания такой подход также может породить противоречия в результатах исследований, снижая тем самым их фактическую научную ценность³¹⁵.

Третий путь представлен методологией **перекрестной истории (Histoire croisée)** Циммерман и Вернера, которая ближе всего к многомерному подходу, включающему метод универсальных языковых эквивалентов. Михаэль Вернер и Бенедикт Циммерман представили модель мультиспектральной историографии транснациональной истории, которая ставит целью преодоление как парадигмальных, так и национальных барьеров во всеобщей истории человечества. Единство истории достигается перекрестными связями, фокусировкой взаимосвязи и взаимозависимости двух или более объектов сравнения, включая народы и страны, многолинейностью критического анализа различных перспектив с учетом «динамической разницы» между ними, а также преодолением субъективизма исследователя, который в гуманитарных науках неизбежен, путем использования множества точек наблюдения³¹⁶.

Существуют и другие, гораздо менее убедительные попытки преодоления парадигмальных противоречий гуманитарного исследования, большинство из которых так и не заслужили признания. Из их числа несколько выделяется **интегральная теория** К. Уилбера, которая в рамках систематической холистической философии пытается совместить различные подходы к человеку, обществу и науке. Заявленная цель теории – «объединить уже существующее количество отдельных парадигм во взаимосвязанную сеть подходов» (герменевтику Гадамера, бихевиоризм Б. Ф. Скиннера, экономическую теорию Маркса, психоанализ Фрейда, религиозные подходы и др.) через систему личности, точнее, его внутренние и внешние, персональные и коллективные перспективы. Достоинства и недостатки теории анализируются в научной литературе³¹⁷.

Помимо указанных путей преодоления парадигмальных противоречий, исследователь может использовать любой из мультиметодных подходов, в которых парадигмальные основания различных теорий уже согласованы. Одним из них является многомерный подход, который соединяет в себе достоинства различных методов, кроме того, он имеет все признаки внепарадигмальности, поскольку опирается на модель открытой научной рациональности.

³¹⁴ Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медум, 1995.

³¹⁵ Spinner, Helmut F. Theoretischer Pluralismus // Sozialtheorie und soziale Praxis. Festschrift für Eduard Baumgarten / hrsg. v. Hans Albert. Meisenheim am Glan, 1971.

³¹⁶ Werner, Michael; Zimmermann, Bénédicte. Beyond Comparison. P. 30–50.

³¹⁷ Paulson, Daryl S. Wilber's Integral Philosophy: A Summary and Critique // Journal of Humanistic Psychology. August 23, 2007. URL: <https://doi.org/10.1177/0022167807309748>

1.3.2. Внепарадигмальная модель научной рациональности

Современная наука предлагает новое понимание научной рациональности, предусматривающей выход из «узкого каркаса парадигмальности». Карл Поппер считал требование парадигмального согласования Т. Куна «мифом концептуального каркаса», называя его логической и философской ошибкой³¹⁸. Считая ошибочным предположение Куна, что «в норме» в науке всегда присутствует одна доминирующая «парадигма», он указал на то, что между теориями всегда существовала конкуренция, которая вела к плодотворным дискуссиям. Поэтому **научное знание «может рассматриваться как бессубъектное, <...> как система теорий**, над построением которой мы работаем, как каменщики, строящие собор. Цель состоит в том, чтобы найти такие теории, которые в свете критического обсуждения оказываются ближе к истине»³¹⁹. Таким образом, считает Поппер, «цель состоит в росте истинного содержания в наших теориях», который «может быть достигнут только путем наращивания их [эмпирического] содержания»³²⁰.

Внепарадигмальность информационных и коммуникативных подходов достигается **формализацией исторического знания как верифицируемой информации, обладающей научной ценностью**. Факт и его интерпретация, эмпирика и его теоретическое осмысление **рассматриваются в общей системе**, допускающей плюрализм, в том числе парадигмальный. Система знания о конкретном факте становится от этого более сложной, но противоречивой лишь отчасти: по линии «факт – интерпретация» каждая парадигма представляет непротиворечивую картину исторической реальности.

Заостряя внимание на отдельных аспектах или феноменах социальности, мировоззренческие парадигмы не только предлагают свои совершенно определенные исследовательские стратегии изучения предмета, но и ценные содержательные выводы в конкретных областях знания. Формационный подход марксистской теории предоставляет фундаментальную основу для изучения классовых отношений в обществах, цивилизационный подход специально заточен для исследования многообразных проблем культурного развития человечества. Вопросы технологического развития обществ весьма успешно решаются средствами модернизационной теории.

Проблемы начинаются с того момента, когда теория начинает претендовать на универсальность и всеобщность своих принципов и положений. Перефразируя Марка Блока, можно сравнить большие теории с прожекторами, освещающими поле исторического знания, каждая со своего определенного места. Практически речь идет о теоретическом расчленении социального целого, но в рамках разных парадигм. Постмодернистские дискурсы делают то же самое, но по крайней мере в рамках общей парадигмы. Тем не менее, в соответствии с метафорой

³¹⁸ Popper K. Normal Science and its Dangers // Criticism and the Growth of Knowledge. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1970. P. 55.

³¹⁹ Ibid. P. 56.

³²⁰ Ibid.

М. Блока, плюрализм теорий позволяет нам **рассматривать историческую действительность с разных сторон**, «благодаря перекрестным огням, лучи которых непрестанно сходятся и расходятся. Опасность начинается с того момента, когда каждый прожектор начинает претендовать на то, что видит всё»³²¹. Эту мысль подтверждает объемная критическая литература, посвященная большим теориям. Если суммировать все перекрестные критические замечания этих теорий в адрес друг друга, то они сходятся в одном, а именно: **претензии на абсолютную универсальность и исключительность любой «большой» мировоззренческой теории совершенно беспочвенны**.

По этой причине мы придерживаемся **парадигмы равноправия проявлений единой социальной природы человека** в системном историческом познании, понятного и в классических моделях познания. Эта общая парадигма может быть обозначена как **неиерархический релятивизм**, а за рамками классических подходов – **модель открытой научной рациональности**, которая в постнеклассической науке не является релятивистской и к которой при обсуждении вопроса об относительной или абсолютной объективности истории мы еще вернемся (см. ниже).

Для прояснения ключевых для данного исследования синонимических понятий «социальности» и «социального» отметим, что вслед за Л. Уайтом мы отличаем **социальную организацию** человека в широком смысле от его **общественной организации** в узком, специальном значении, как одну из форм социальной организации³²². В русском языке определения «социальный» и «общественный» не тождественны друг другу. «Общественный» является производным от общества, социума, а «социальный» подразумевает органично присущее человеку свойство, или качество, принимать, осмысливать и развивать новые социальные отношения с себе подобными без особых обстоятельств, по своей природной потребности, иначе говоря – способность вписываться в сообщество и эффективно работать с другими людьми. Поскольку в основе понятия «социальность» (букв. «общительность», ср. с неолатинским *sociabilis*, «подходящий для общения») лежит способность к коммуникации, **мы можем говорить о различных типах коммуникации – общественном, политическом, этническом, религиозном и др.**

Из-за большого эвристического потенциала для решения задач настоящего исследования мы также используем **когнитивные стратегии субъект-объектного подхода**, согласованные в рамках **познавательных «поворотов» постнеклассической науки и общенаучной системной парадигмы** в ее новейших интерпретациях, но на основе **общих и прикладных версий информационной и коммуникационной теорий**. Прежде всего речь идет о тех «поворотах» современной науки, в которых социальное объединено с культурным как различные аспекты единой социокультурной системы (**социокультурный подход**), а также о теории социальных систем, о мир-системных и синергетических концепциях, в которых саморегулирующиеся и саморазвивающиеся системы общества включают в себя и систему личности.

³²¹ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / пер. Е. М. Лысенко; примеч. А. Я. Гуревича. М.: Наука, 1973. С. 82.

³²² Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры. С. 108–120.

1.3.3. Неоклассическая модель исторического исследования

Благодаря коммуникативному, цифровому и информационному «поворотам» гуманитарных наук параллельно с неомодернизмом формируются варианты **неоклассической модели исторического познания, ставящие в центр внимания задачу синтеза различных когнитивных практик**³²³. Сближая неоклассический и постнеклассический подходы, Л. П. Репина при этом недвусмысленно противопоставляет друг другу постмодернизм и постнеклассику: «Постнеклассическая ситуация в научном познании стимулировала развитие универсального, или глобального, эволюционизма, а также новой концепции универсальной истории человечества, которая в целом отражает отчетливо наметившуюся тенденцию к синтезу социально-гуманитарного и естественнонаучного знания – альтернативу мнимой универсальности постмодернизма»³²⁴. Постнеклассический подход для Л. П. Репиной определяется в терминах Л. А. Микешиной, менее физикалистских, чем у В. С. Стёпина, который связывал с ним прежде всего возвращение от релятивизма к объективизму в физике. Для Л. А. Микешиной и В. И. Аршинова это прежде всего человекоразмерность и ценностная нагруженность физического знания, определяющая меру его объективизма, а также поиск путей осмысления когнитивной роли этой нагруженности. Кроме того, постнеклассическая парадигма хорошо сочетается со стратегиями «перекрестной истории», которые могут использоваться в кросскультурных исторических исследованиях.

Схожей позиции придерживается А. В. Лубский. По его мнению, «неоклассическая модель социально-гуманитарных исследований формируется в русле постнеклассических научно-исследовательских практик, основу которых составляет постнеклассическая рациональность»³²⁵. Эта модель предлагает методологию нового универсализма, базирующуюся на теории «культурного плюрализма» и теории глокализации, представляя себя в качестве реакции на вызовы постмодернизма («покушение» на общественный статус социальной и исторической науки)³²⁶. Начавшиеся в конце XX в. дискуссии между постмодернистами и «критическими реалистами», в том числе представителями коммуникативного подхода к истории, вышедшими из недр Франкфуртской школы критической теории, создали условия для формирования неоклассической модели исторического исследования³²⁷.

В дискуссиях на обозначенную тему особое значение имеет отношение постнеклассики и неоклассики как одной из ее новейших версий с постмодерном.

³²³ См.: Панарин С. А. О некоторых возможностях междисциплинарного синтеза в востоковедении // Народы Азии и Африки. 1989. № 3. С. 78–86.

³²⁴ Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. С. 213.

³²⁵ Лубский А. В. Постнеклассическая рациональность и неоклассическая модель социально-гуманитарных исследований // Научная мысль Кавказа. 2015. № 1. С. 21.

³²⁶ См.: Лубский А. В. Неоклассическая модель исторического исследования в культурно-эпистемологическом контексте XXI века. С. 90–100.

³²⁷ Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. С. 19.

Неоклассические модели коммуникативных подходов к истории зарождаются на фоне усиления различных дискурсивных практик, которые Л. П. Репина назвала «вызовом постмодернизма»³²⁸. В связи с этим А. И. Фильюшкин задается вопросом, означает ли этот вызов конец исторической науки или мы являемся свидетелями родовых мук, результатом которых может стать новое понимание истории как науки³²⁹. Может ли неоклассическая модель исторического исследования, развиваемая в трудах П. К. Гречко, А. В. Лубского и других исследователей, наряду с «новой историей» Л. П. Репиной, стать одним из таких результатов?

Обосновывая свою версию неоклассической науки, А. В. Лубский пишет о том, что движение в сторону информационного общества, которое, по его мнению, порождает «ситуацию постмодерна», сопровождается коммуникативно-информационным кризисом: человек перестает воспринимать всю полноту доступной ему информации. Это объективно ведет к плюрализму информационного поля и выборочному потреблению информации. «В результате утрачивается представление о “целостности” мира, приходит ощущение его “разорванности”, самодостаточности отдельных частей и эпизодов. Мир из системы (механизма, организма) превратился в “зрелище”, “калейдоскоп знаков”»³³⁰.

Большинство исследователей полагают, что коммуникационные подходы, представляющие неклассические и постнеклассические традиции (в лице соответственно Ю. Хабермаса и Н. Лумана), вступают в некоторое противоречие с постмодернизмом: локальные дискурсы должны уйти на второй план, в разряд дополнительных характеристик, не заменяя собой сами исторические факты и события³³¹. Хорошо известна критика Хабермасом постмодернизма в его работе «Современность против постсовременности», которую он в своем позднем творчестве заметно смягчил.

Разделяя критику больших нарративов, неоклассическая модель в версии А. В. Лубского предлагает себя в качестве сбалансированной версии многообразной постнеклассической науки, наряду с философией постмодерна. Именно поэтому он и говорит о двояких проявлениях постнеклассического подхода, из которых постмодернизм опирается на антропологизм, а неоклассический подход – на диалог социологизма и антропологизма: «Так, в рамках постнеклассической рациональности в нем [социально-гуманитарном познании] следует различать постмодернистскую рациональность, определяющую специфику постмодернистской модели познания, и неоклассическую рациональность, обуславливающую особенности неоклассической модели социально-гуманитарных исследований»³³².

³²⁸ Репина Л. П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей. Человек в истории. Альманах. М.: URSS, 1996. С. 25–38.

³²⁹ Фильюшкин А. И. Смертельные судороги или родовые муки? Споры о конце исторической науки в начале XXI века // Россия XXI. 2002. № 4. С. 64.

³³⁰ Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. С. 205–206.

³³¹ Mumby, Dennis K. Modernism, Postmodernism, and Communication Studies: A Rereading of an Ongoing Debate // Communication Theory. 1997. No. 7. P. 1–28.

³³² Лубский А. В. Постнеклассическая рациональность и неоклассическая модель социально-гуманитарных исследований. С. 22.

Мнение А. В. Лубского разделяет и Л. Г. Судас, которая проводит параллели «между постнеклассической наукой с ее неопределенностью, неполнотой, неверифицируемостью и принципиальными методологическими установками постмодернизма»³³³. Принципы и установки постмодернизма и постнеклассики во многих принципиальных вопросах прямо противоположны, поэтому точка зрения Л. П. Репиной представляется более обоснованной. Теоретики не случайно говорят о вызовах постмодернизма и сбалансированных ответах на них, которые дают представители неоклассики и неомодернизма.

В российской науке 1990-х гг. постнеклассика поначалу стала **отрицанием отрицания классики и отрицанием постмодернистской неклассики**³³⁴. Если большинство историков сходятся в том, что неоклассика, преодолевающая крайности социологизма и антропологизма, является новейшей версией постнеклассики, то в качестве постнеклассической альтернативы постмодернизму логично было бы выделить неомодернизм.

Однако на эту же роль претендует и метамодернизм, также преодолевающий крайности, пусть и в рамках другой эпистемологической традиции³³⁵. Заявленная метамодернистами позиция «между двумя модернами» открывает им возможность маркировать **альтернативное смысловое поле** и вместе с претензиями на междисциплинарность помогает им исключить претензии к использованию терминов, понимание которых не совпадает с общепринятым. Иными словами, в рамках неклассической истории метамодернизм более радикально, чем неомодернизм, пытается играть ту же роль, которую в классической традиции развивает неоклассицизм.

К числу неоклассических подходов Дж. С. Александер относит современный культурный анализ в его веберианской, дюркгеймианской и марксистской формах, т. е. неопозитивизм, неозволюционизм, неовеберианство, неомарксизм: они отличаются «от классической ортодоксальной версии именно тем, что работа в рамках каждого из этих направлений испытала воздействие того нового, постклассического акцентирования культуры»³³⁶. Г. Е. Зборовский добавляет в этот список структурный функционализм, неофункционализм, радикально-критические теории, теории конфликта, но не неомодернизм³³⁷, что совершенно справедливо. Познавательные идеи неоклассической модели исследования также дали мощный импульс развитию синергетики и клиометрии, изучающей экономическую историю с помощью новейших статистических методов.

³³³ Судас Г. Л. Постмодернизм и постнеклассическая наука. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chem.msu.ru/rus/teaching/sociology/7.html>. Дата обращения: 07.08.2019.

³³⁴ Подробнее о теоретических поисках того времени см.: Ионов И. Н. Теория цивилизаций и эволюция научного знания // Общественные науки и современность. 1997. № 6. С. 118–135.

³³⁵ Лубский А. В. Постнеклассическая рациональность и неоклассическая модель социально-гуманитарных исследований. С. 26.

³³⁶ Александер Дж. С. Аналитические дебаты: Понимание относительной автономии культуры // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 1. С. 28.

³³⁷ Зборовский Г. Е. Метапарадигмальная модель теоретической социологии // Социологические исследования. 2008. № 4. С. 6–8.

У всех классических и неклассических подходов есть свой абсолют. Есть он и у постмодернизма, выступающего против метанарративов. По мнению Р. Тарнаса, «единственным постмодернистским абсолютom является критическое сознание, которое, разложив все и вся на части, по-видимому, следуя своей же логике, неудержимо стремится совершить подобную деструкцию и с самим собой»³³⁸. Отвергая претензии теорий и концепций истории на абсолютную универсальность своих идей, многомерный подход придерживается **принципа равноправия проявлений единой социальной природы человека в системном историческом познании**, понятного и в классических моделях познания. Этот подход также является релятивистским, однако здесь релятивизм не абсолютизируется, как и во всем современном культурном анализе.

Вопрос о принципах неоклассической модели научной рациональности требует уточнений, поскольку я, разделяя неоклассическое понимание системных и коммуникативных концепций Дж. С. Александера, не во всех своих фундаментальных положениях придерживаюсь версии, предложенной А. В. Лубским. Ограничусь несколькими примерами, которые, вероятно, являются достаточно показательными:

1. А. В. Лубский противопоставляет неоклассику теории самореферентных систем (аутопойезису) Н. Лумана, считая последнего радикальным конструктивистом: «Неоклассики критикуют представителей радикального конструктивизма за то, что последние, отрицая возможность получения объективно истинного знания, рассматривают социальную реальность только в качестве продукта аутопоэтического сознания познающего субъекта»³³⁹. Однако Н. Луман им никогда не был и демонстративно дистанцировался от т. н. «радикального конструктивизма», упрекая его в тривиальности. Свою методологию он называл «операциональным конструктивизмом»: все конструируется наблюдателем из «операций»: коммуникаций в системах общества и переживаний в системах сознания. Эта позиция близка концепции социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана³⁴⁰. Что касается теории аутопойезиса У. Матураны и Ф. Варелы, на которую опирался Луман, в ней «аутопойезис» означает лишь самовоспроизводство живых существ, в том числе человека, это просто единый критерий разграничения между живыми организмами и неживой материей. Более того, для универсализации коммуникации Луман выступал против субъекта как такового.

2. А. В. Лубский рассматривает холизм как один из основных принципов неоклассической модели исторического исследования. При этом он признал, что не все представители неоклассической традиции разделяют этот принцип³⁴¹. Так, П. К. Гречко убежден, что преувеличение целого в ущерб частному может служить лишь предметом спекулятивных философских размышлений³⁴². Вопрос в том, что

³³⁸ Тарнас Р. История западного мышления. М.: Крон-Пресс, 1995. С. 336–338.

³³⁹ Лубский А. В. Постнеклассическая рациональность и неоклассическая модель социально-гуманитарных исследований. С. 26.

³⁴⁰ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания.

³⁴¹ Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. С. 290.

³⁴² Гречко П. К. Концептуальные модели истории. М.: Логос, 1995. С. 23.

неоклассика необязательно должна быть противопоставлена постмодернизму, который «начинается там, где кончается целое»³⁴³. Отрицательное отношение к метанарративам П. К. Гречко объясняет неприятием постмодерном «тотализирующего, властного заряда целого, единого», который в них содержится³⁴⁴.

Неоднородное понимание истории поддерживает холизм до тех пор, пока соблюдается **равенство взгляда на целое со взглядом на частные проявления целого**. Конечно же, историка не могут не интересовать социальные целостности, потому что только они имеют прагматический смысл, поскольку проявляются в реальной действительности в тех или иных формах. Но если не расщеплять социальное сложное на составляющие его элементы и не уделять им такое же внимание, как социальному целому, то появляется опасность преувеличения целого в ущерб частным проявлениям целого; в этих условиях довольно трудно выделить логику внутренних связей и взаимодействий социальной системы.

3. Совершенно очевидно, что не совсем правомерно рассматривать нарастающий в формирующихся информационных обществах процесс индивидуализации человека в условиях цифровой коммуникационной среды как угрозу «мироцелостности», ведущую к формированию «эгоистического индивида, думающего только о самом себе», рациональная, целенаправленная деятельность которого «сведена к минимуму»³⁴⁵. Безусловно, **индивидуализация личности атомизирует общество, но одновременно с этим она создает гораздо более гомогенные основания для «мироцелостности»**, ослабляя существующие общественные, политические, этнические, религиозные и иные барьеры, разделяющие людей на основании своих базовых различий.

4. Отвергая «антропоцентристский» принцип организации общественной жизни³⁴⁶, присущий постмодернизму, А. В. Лубский в некоторой степени ослабляет основополагающий принцип общей теории систем, позволяющий ей делить системы на подсистемы (по Парсонсу в качестве подсистемы социальной системы могут выступить местная община, компания, школа, единица родства³⁴⁷), вплоть до уровня первоэлементов – субъектов социальных действий. Ясно, что **источником любой формы социальной коммуникации является человек, и антропоцентричность гуманитарного знания совершенно естественна и логична**: греч. *ἄνθρωπος* и лат. *Antropos* эквивалентны англ. *Human*.

5. Утверждение о том, что неоклассика предполагает наличие разных дискурсивных практик и когнитивных паттернов, сквозь призму которых можно смотреть на социальную реальность, можно признать отчасти; сказанное не может относиться к крайним дискурсам, которые скорее представляют идеологию, чем науку. Только к научным дискурсам можно отнести слова А. В. Лубского, что «паттерны

³⁴³ Вельш В. «Постмодерн». Генеалогия и значение одного спорного понятия // Путь. 1992. № 1. С. 129.

³⁴⁴ Гречко П. К. Концептуальные модели истории. С. 94.

³⁴⁵ Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. С. 207.

³⁴⁶ Там же. С. 206.

³⁴⁷ Парсонс Т. О социальных системах / под ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. М.: Академ. проект, 2002. С. 781.

равны, одинаково правомерны и самостоятельны <...> Разнообразие паттернов создает проблемное поле напряженности в социально-гуманитарных науках, порождая научные дискуссии как важнейшее условие их саморазвития»³⁴⁸.

Неоклассическая модель науки, которая только начинает зарождаться, поэтому внутренне не упорядочена в рамках единой системы, не ставит перед собой задачу согласовывать и тем более примирить между собой классические, неклассические и постнеклассические модели научного познания, хотя именно она завершила круговорот движения познавательных стратегий от классических основ до их современного неоклассического понимания.

Не решен также вопрос об отношении друг к другу неоклассических подходов, с одной стороны, неомодернизма и метамодернизма – с другой. Ясно, что они во многом близки, хотя и подходят к изучению предмета с разных сторон. В 2017 г. увидел свет сборник статей под редакцией Ван ден Аккера, А. Гиббонса и Т. Вермелена, посвященный метамодернизму и его историчности, который закрепил в историографии название метамодернизма как серьезной зарождающейся альтернативы постмодернизму³⁴⁹. Обозначая когнитивный маршрут современного метамодернистского культурного ландшафта, коллективное исследование опирается на аргументы Ф. Джеймсона об уменьшении историчности, о влиянии и глубине в постмодернистской культуре западных обществ в XX в. и пересматривает эти понятия в контексте XXI в. При этом оно доказывает, что сегодня человечество находится в переходной стадии от постмодерна к метамодернистскому пониманию истории и культуры.

Современная историческая наука исходит из аксиомы, что историк имеет дело только с завершившимся прошлым. Это действительно так, но с важной оговоркой, актуальной в востоковедении – исследователь должен изучать прошлое в общей перспективе, пусть и не вместе с настоящим и будущим, но с проекциями будущего в настоящем. Ориенталистов, занимающихся современной проблематикой, восточные общества редко интересуют сами по себе. Не отходя от своего предмета, историк-востоковед постоянно приходится помнить о незавершенности исторических процессов на Востоке, тем более что он сравнивает их с результатами эволюции подобных процессов на Западе.

Еще А. Бергсон, идеи которого развивал М. Бахтин, рассматривал «время-длительность как самодостаточный, целостный и одновременно незавершенный процесс – главное основание человеческого бытия, истории и культуры»³⁵⁰. Иначе говоря, субъект познания не может сидеть на заднем сиденье автомобиля и рассматривать в бинокль только то, что видит через его заднее стекло (т. е. иметь специфическое «туннельное зрение»). Отметка дороги, которую в данный момент проезжает автомобиль, не является конечным пунктом назначения; автомобиль может находиться в начале, середине или конце пути, но даже там, в конце пути,

³⁴⁸ Лубский А. В. Постнеклассическая рациональность и неоклассическая модель социально-гуманитарных исследований. С. 27.

³⁴⁹ Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism.

³⁵⁰ См.: Микешина Л. А. Значение идей Бахтина для современной эпистемологии // Философия науки. Вып. 5: Философия науки в поисках новых путей. М.: ИФ РАН, 1999. С. 221.

когда одна дорога кончается, начинается другая, и не одна. Как раз на этой основе и возникает неоклассическая модель исторического исследования.

Эту же мысль, полемизируя с Гегелем, высказал Э. Карр. По его мнению, Гегель совершил ошибку, когда «замаскировал свой абсолютизм в мистическую форму мирового духа», тем самым «завершив свой ход истории в настоящем и не проецируя его на будущее»³⁵¹. Иначе говоря, Гегель, по мнению Э. Карра, признавал социальную эволюцию в прошлом, но отказывал ей в будущем, точнее, исключал будущую эволюцию из процесса исторического развития, что может быть признано логичным только формально.

Наконец, схожей позиции придерживается и Н. Луман, представляющий постнеклассическую науку. Сравнивая теорию эволюции с теорией систем, он приходит к выводу, что в социальной эволюции необходимо признавать одновременное протекание несчетных операций («счет явился бы уже следующей операцией»), а также их продуцирование в настоящем, которые воспроизводят систему³⁵².

В данном случае сказанное означает, что **исторические феномены и социальные трансформации, динамически переходя друг в друга, продолжаются и в наше время, а также в той или иной форме продолжатся и в будущем. Социальные взаимодействия в них, оставаясь коммуникативными по характеру, в ходе исторического процесса меняются по своей форме и содержанию.** Любой социальный феномен, с которым исследователь сталкивается в реальности, представляет собой результат некоторого развития (эволюции, ко-эволюции), которое продолжится в будущем. Расширение предметного поля коммуникационного подхода может объединить методологию изучения исторических проблем с анализом актуальных современных проблем, с возможностью прогнозирования возможных сценариев их дальнейшего развития.

На основе счетных актов коммуникации можно обозначить границы только конкретного явления, но не всего процесса – общественного, политического, этнического или религиозного. В неоклассических моделях исторического познания, разделяющих метамодернистское понимание существенной незавершенности системы, процессы социогенеза, политогенеза, этногенеза и религиозного генеза также не рассматриваются как нечто застывшее, не развивающееся, полностью завершившееся; напротив, эти процессы все время динамичны, отчасти закономерно, а в некоторой степени непредсказуемо, поскольку содержат в себе элементы хаотического развития.

1.3.4. Рефлексивный коммуникативный рационализм как идеал неоклассической науки и основа многомерного подхода

Среди отличительных признаков научности исторического исследования в неоклассической науке А. В. Лубский не случайно поставил на первое место рациональность – категорию, введенную еще М. Вебером и развитую Г. Мар-

³⁵¹ Карр Э. Что такое история? С. 142.

³⁵² Луман Н. Эволюция. С. 91.

кузе, и лишь затем – стремление к истине³⁵³. Рациональность также характерна не только для системных интерпретаций постнеклассической науки³⁵⁴, но и для информационных и коммуникативных теорий. Понятно, что границы рациональности определяет не только и не столько здравый смысл, поскольку не всегда методы науки и результаты исследования кажутся нам соответствующими здравому смыслу, например, в квантовой физике они ему прямо противоречат, а философия, в случае с историей, вероятно – философия истории³⁵⁵. В цифровой истории и цифровых гуманитарных науках рациональность занимает, без преувеличения, центральное место – именно она составляет смысл современного «прагматического поворота». Однако это не простое возвращение к рационалистическим идеалам Декарта, Лейбница, Спинозы или даже К. Поппера. На место критического рационализма, основоположником которого был Поппер, приходит рационализм рефлексивный (=рефлексирующий), «чувствующий» партнера(ов) по коммуникации, ищущий свой собственный путь к пониманию ее смыслов.

Впервые рефлексивную рациональность, как представляется, обозначил Кант; во всяком случае, Ж.-П. Сартр отмечает, что Кант оличал *Je* («Я» как субъект действия) от *Moi* («Я» как конкретная психофизическая тотальность, «единство состояний и качеств»)³⁵⁶. Речь идет о том, что человек не только отличает свои действия от действий других, но и рефлексирует по этому поводу. Как раз эту единую когнитивную линию коммуникативного подхода отмечал Н. Луман, когда писал, что «мы натренированы на неокантианских основах, а также Ю. Хабермасом»³⁵⁷. Среди своих духовных предшественников Сартр ссылается на Гуссерля, его идеи чистой феноменологии³⁵⁸, когда подчеркивает, что «на нерелексированном уровне никакого *Я (Je)* не существует»³⁵⁹.

Сущностную идею коммуникативной теории Хабермаса выразили его ученики и единомышленники: **«Неразрушимый момент коммуникативной рациональности закреплён в социальной форме человеческой жизни»**³⁶⁰. Таким образом, осмысленная социальная коммуникация рациональна по своей природе, даже когда люди спорят друг с другом – человек вступает в коммуникацию с другим челове-

³⁵³ Другие признаки научности – проблемность, целеполагание, рефлексивность, предметность, эмпиризм, методологизм, новизна, контекстуальность. См.: Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. С. 18.

³⁵⁴ Стёпин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 15.

³⁵⁵ Подробнее об этом см.: Рациональность и ее границы / Rationality and its Limits: Материалы междунар. науч. конф. «Рациональность и ее границы» в рамках Междунардн. ин-та философии в Москве (15–18 сент. 2011 г.) / отв. ред. А. А. Гусейнов, В. А. Лекторский. М.: ИФ РАН, 2012.

³⁵⁶ Сартр Ж.-П. Трансцендентность эго. набросок феноменологического описания / пер с англ. Г. Хасина // Логос. 2003. 2(37). С. 86.

³⁵⁷ Luhmann, Niklas. Was ist Kommunikation? // Information Philosophie. März 1987. No. 1. S. 12.

³⁵⁸ См.: Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии.

³⁵⁹ Сартр Ж.-П. Трансцендентность эго. набросок феноменологического описания. С. 94.

³⁶⁰ Honneth, Axel; Joas, Hans. Introduction // Communicative Action: Essays on Jürgen Habermas's The Theory of Communicative Action / ed. by Axel Honneth and Hans Joas, transl. by Jeremy Gaines and Doris L. Jones. Cambridge MA: The MIT Press, 1991. P. 1.

ком, только если это имеет смысл. Впрочем, сказанное вовсе не исключает иррациональное начало некоторых коммуникативных действий, например, в религиозной сфере, где символы и символические образы имеют большое значение.

В «прагматическом повороте» рациональность коммуникации нельзя сводить только к поиску согласия. В этом плане трудно согласиться с той частью критики Лумана, в которой он считал эмпирически ошибочным рационалистическое обоснование коммуникативного подхода Хабермаса: «Можно вступить в коммуникацию, чтобы обозначить разногласия, можно начать спорить, и не существует никакого императивного основания считать поиск согласия более рациональным, нежели поиск разногласий»³⁶¹.

Луман дает уточняющее определение коммуникативной рациональности: **«рациональность может быть достигнута только через рефлекссию»**, требующую «ввода в систему различия системы и окружающего мира», но «при этом **не всякая рефлексия рациональна**»³⁶². В свою очередь, **под рефлексией Луман понимал «совпадение системной референции и самореференции»**³⁶³; «понятие рациональности обозначает лишь заключительный пункт логики самореферентных систем», которые, как правило, всегда испытывают дефицит рациональности³⁶⁴. Таким образом, выясняется, что **рефлексивная рациональность** гораздо лучше, чем критическая, отвечает реальности коммуникации.

Рефлексивная рациональная коммуникация у Лумана – это особая область человеческой деятельности, генерирующая системное научное знание и раздвигающая горизонты познания: самореференция (или «рефлексия») «ни в коем случае не является особым признаком мышления или сознания, а является весьма общим принципом образования систем с особыми следствиями в отношении построения сложности и эволюции»³⁶⁵. Для достижения большей объективности исследования познающее сознание нуждается в рефлексии, в том числе над собственной селективностью в подборе исторических фактов³⁶⁶, а также для адекватного понимания исторического времени³⁶⁷.

Рефлексивный коммуникативный рационализм лежит в основе многомерного подхода, он побуждает исследователя преодолевать парадигмальные противоречия через свои трансдисциплинарные, многофакторные и реляционные механизмы, чтобы выйти на уровень независимого от теорий конкретного фактического знания. Для этого многомерный подход совмещает не столько горизонты различных теорий, сколько сами парадигмальные основания в рамках общей объемной и многослойной системы интерпретаций, с выделенными плоскостями анализа для каждой парадигмы, в которой каждая интерпретация восходит не только к источ-

³⁶¹ Luhmann, Niklas. Was ist Kommunikation? S. 9.

³⁶² Луман Н. Социальные системы. С. 589.

³⁶³ Там же. С. 588.

³⁶⁴ Там же. С. 615.

³⁶⁵ Там же. С. 615.

³⁶⁶ Луман Н. Мировое время и история систем. С. 132.

³⁶⁷ Там же. С. 135.

нику, но и к интерпретатору, его времени и «жизненному миру». В многомерной модели данных это достигается с помощью **формализации исторического знания как верифицируемой информации, обладающей научной ценностью**, которая представляется в виде фактографических, статистических, хронологических, просопографических и иных данных. Факт и его интерпретация, эмпирика и его теоретическое осмысление рассматриваются отдельно друг от друга, но в общей системе, допускающей **методологический плюрализм**, избирательный и изначально согласованный. Система знания о конкретном факте становится от этого более сложной: по линии «факт – интерпретация» каждая парадигма представляет собственное непротиворечивое описание исторической реальности, которое по Луману и есть описание общественных самонаблюдений и самоописаний³⁶⁸.

Вместе с избирательным методологическим плюрализмом рефлексивный рационализм допускает **релятивизм в определенных пределах, обусловленный задачами исследования парадигмальный инструментализм**, который в данной работе выражается в опоре на общую теорию систем, но в ее адаптации к анализу социальных систем Т. Парсонсом и Н. Луманом, а также **возвращение к объективности и реализму, но ее пространственной, многомерной проекции**, которую мы рассмотрим отдельно, обсуждая проблему соотношения исторической правды и исторической истины.

1.4. УСЛОВИЯ, ПРЕДЕЛЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО И ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОГО СИНТЕЗА МЕТОДОЛОГИЙ

«Функциональный синтез методологий» – это первая из заявленных целей программного доклада Американской академии искусств и наук для создания современной среды научных исследований и инноваций в США (целостной экосистемы инноваций), для достижения которой в 2013 г. перед американской наукой была поставлена задача осуществить «переход от междисциплинарности к трансдисциплинарности»³⁶⁹. Собственно трансдисциплинарность и предполагает такой синтез, недоступный междисциплинарным исследованиям и нацеленный на разработку совершенно новых исследовательских концепций. Вторая цель научного метода – содействие сотрудничеству и синергетическому взаимодействию между академическим, государственным и частным секторами на протяжении всего процесса трансдисциплинарных исследований до достижения практического результата³⁷⁰.

Многомерная проекция истории позволяет совмещать различные дисциплинарные и мультидисциплинарные, как в востоковедении, подходы со стратегиями

³⁶⁸ Луман Н. Самоописания. С. 16.

³⁶⁹ ARISE2. Advancing Research in Science and Engineering. Unleashing America's Research & Innovation Enterprise. Cambridge, MA: American Academy of Arts and Sciences, 2013. P. 2, 18–19.

³⁷⁰ Ibid. P. 25

междисциплинарности и трансдисциплинарности. Не случайно некоторые исследователи **понимают многомерное знание как интеграцию дисциплинарного, междисциплинарного и трансдисциплинарного подходов**³⁷¹, что отчасти верно, поскольку такая схема наглядно передает структуру многомерности. Ценный материал для разностороннего анализа также дает синергетика, изучающая неравновесные системы, различные флуктуации и бифуркации. Отчасти синергетические методы вошли в арсенал социально-коммуникативных подходов благодаря интегральной теории общества П. Сорокина, одним из первых открыто признавшего интегрализм своей философией³⁷², а также теории социальных систем Н. Лумана. Наконец, надежной интегративной теоретико-методологической основой для изучения истории, в том числе истории восточных обществ, является сам формирующийся коммуникативный метадискурс.

1.4.1. О продолжающейся фрагментации исторической науки

Одной из основных проблем современного этапа развития исторической науки является продолжающийся процесс раздробления и расщепления предмета науки на составные части, сопровождающийся формированием новых научных дисциплин³⁷³. На основе трансдисциплинарности множится число новых областей научных исследований, или штудий (*Studies*), создающих новый ландшафт науки³⁷⁴. Таким образом, науки сами становятся многомерными. Многомерный подход в этих условиях выступает в качестве удобного интегратора различных научных дисциплин, воссоздающего единство распадающихся на части целостных наук, точки сборки системно сложного предмета науки.

Согласно М. Блоку, предложившему антропологическую, человекоцентричную модель исторического познания, «предметом истории является человек. Скажем точнее – люди»³⁷⁵. Добавим: человек и/или люди в историческом измерении. Факты, события и явления прошлого человечества исследуют не только собственно историческая наука и вспомогательные исторические дисциплины (археография, археология, архивоведение, дипломатика, историография, историческая география, сравнительно-историческое языкознание, источниковедение, текстология, кодикология, нумизматика, ономастика, сфрагистика, эпиграфика и др.), но и мно-

³⁷¹ López-Huertas, María J. Reflexions on Multidimensional Knowledge: Its Influence on the Foundation of Knowledge Organization // *Arqueologia Mexicana*. 2013. Vol. 40. No. 6. P. 400–407.

³⁷² Сорокин П. А. Моя философия – интегрализм // *Социологические исследования*. 1992. № 10. С. 134–139.

³⁷³ Проблема фрагментации научных дисциплин присуща не только истории, но и всей мировой науке, см.: Wiemann, John M.; Hawkins, Robert P.; Pingree, Susanne. Fragmentation in the Field and the Movement toward Integration in Communication Science // *Human Communication Research*. 1988. No. 15. P. 304–310. В. А. Ядов считает это объективным процессом: «Чем глубже наши представления об окружающем мире, тем выше потребность в членении науки на относительно самостоятельные области» (Ядов В. А. Размышления о предмете социологии // *Социологические исследования*. 1990. № 2. С. 3).

³⁷⁴ Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. С. 47.

³⁷⁵ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. С. 17.

гие другие гуманитарные науки в самом широком смысле этого слова (антропология, в том числе социальная и культурная, политология, этнология, культурология, религиоведение и др.). История непосредственно входит в предметное поле т. н. смежных дисциплин: этнической истории, военной истории, истории политических и правовых учений, истории религии, истории государства и права, истории международных отношений, истории этики, истории культуры, истории философии, истории экономики и др.

В зарубежной историографии смежные дисциплины истории (*Allied Disciplines*) прямо сопоставляются с социальными, т. е. общественными науками (*Social Sciences*)³⁷⁶, особо отмечаются их отличия от истории³⁷⁷. В отечественной науке в категорию общественных включаются не только науки собственно социальные (социология истории, или историческая социология³⁷⁸, социология религии³⁷⁹, социология культуры³⁸⁰, макро- и микросоциология и др.), но и философские (философия истории, философия религии, философия права, философия культуры). При этом признается, что «история по праву может называться матерью всех прочих общественных наук»³⁸¹.

В истории Востока также утвердилось разделение исторических дисциплин по многим критериям: тематическим, хронологическим (древняя история, средневековая история, новейшая история и др.), региональным (история стран Центральной Азии), страновым (история Афганистана, история Ирана, история Пакистана и др.), смешанным – хронологически-страновым (история Древнего Египта, история Древнего Китая, история Древней Японии и др.), этническо-страновым (история арабских стран), хронологически-этническим (история древних народов), хронологически-культурологическим (история древних цивилизаций), не говоря уже о сложившихся областях научной специализации (хеттология, кумранистика и др.).

После информационно-коммуникационной революции усилились тенденции раздробления исторических дисциплин, которые отличаются друг от друга даже не предметом изучения, а источниковедческой базой, постановкой конкретных проблем, методами их решения, масштабом анализа (микроистория, макроистория и т. д.). Причину бесконечной фрагментации научного знания одним из первых объяснил М. Вебер: «В основе деления наук лежат не “фактические” связи “вещей”, а “мысленные” связи проблем: там, где с помощью нового метода исследуется новая проблема и тем самым обнаруживаются истины, открывающие новые точки зре-

³⁷⁶ Sreedharan, *Elattuvalapil*. A Manual of Historical Research Methodology. P. 26.

³⁷⁷ Ibid. P. 25–26.

³⁷⁸ См.: Лашук Л. П. Введение в историческую социологию. М.: Праксис, 1977; Дробижева Л. М. История и социология. М.: Мысль, 1971; и др.

³⁷⁹ Davie, Grace. The Sociology of Religion: A Critical Agenda. Los Angeles – L. – New Dehli – Singapore – Washington, DC: Sage, 2013. P. 25–134.

³⁸⁰ Ионин Л. Г. Социология культуры: учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004.

³⁸¹ Дьюбек А. История на перекрестке гуманитарных наук. М.: Наука – Гл. ред. вост. лит-ры, 1970. С. 1.

ния, возникает новая “наука”»³⁸². Сказанное в той или иной степени характеризует такие тесно перекрещивающиеся друг с другом научные направления исторических знаний, как **аналитическая история**³⁸³, **теоретическая история**³⁸⁴, **концептуальная история**³⁸⁵, **интеллектуальная история**³⁸⁶, **антропологическая история** (то же, что и историческая антропология)³⁸⁷, **квантитативная история**³⁸⁸, **когнитивная история**³⁸⁹, **тотальная история**³⁹⁰, **универсальная (Universal History)**, или «**большая**» **история (Big History)**³⁹¹, **глобальная история**³⁹², **сравнительная история**³⁹³, **перекрестная история**, **локальная**, или **местная история**³⁹⁴, **транскультурная история**³⁹⁵, **история идей**, **история социальных практик**, «**новая культурная история**» и др. Еще ряд направлений исторического знания еще не получили признания в России, как, например, **история окружающей среды (Environmental History)**³⁹⁶.

³⁸² Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 364. Более детально об этой проблеме см.: Зидер Р. Что такое социальная история? С. 164.

³⁸³ Астахов М. В. Об академической традиции и соотношении аналитической истории и исторической информатики // Информатика и информационная культура в современной школе: сб. материалов I и II Всероссийских научно-практических конференций / под ред. Ю. В. Александрова, В. И. Пугача. Самара: СИПКРО, 1996. С. 114–117.

³⁸⁴ См.: Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. 2-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

³⁸⁵ Koselleck, Reinhart. The Practice of Conceptual History: Timing, History, Spacing Concepts. Stanford: Stranford Univ. Press, 2002.

³⁸⁶ LaCapra D. Rethinking Intellectual History: Texts, Contexts, Language. Ithaka–L.: Cornell Univ. Press, 1983.

³⁸⁷ См., например: Чеканцева З. А. Антропологическая история как междисциплинарное исследовательское поле: возможности и пределы // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 1–10.

³⁸⁸ См.: Бородкин Л. И. Квантитативная история на пороге XXI века: фазовый переход? // Новые информационные ресурсы и технологии в исторических исследованиях и образовании: сб. тезисов докл. и сообщ. всероссийской конференции / отв. ред. Л. И. Бородкин, В. Н. Владимиров, И. М. Гарскова, Ю. Ю. Юмашева. М.: МГУ, 2000. С. 5–15.

³⁸⁹ См.: Когнитивная история. Концепция – методы – исследовательские практики. Чтения памяти проф. О. М. Медушевской: [ст. и материалы] / отв. ред. М. Ф. Румянцева, Р. Б. Казаков. М.: РГГУ, 2011.

³⁹⁰ См.: Бочаров А. В. Подходы к пониманию тотальной истории [полного исторического исследования] // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 28. Томск, Изд-во ТГУ, 2007. С. 108–118.

³⁹¹ Christian, David. “Maps of Time”: An Introduction to “Big History”. Berkeley: Univ. of California Press, 2004; Christian, David. The Return of Universal History // History and Theory. 2010. Vol. 49. P. 6–27.

³⁹² Crossley, Pamela K. What is Global History? Cambridge: PolityPress, 2008; Конрад С. Что такое глобальная история?

³⁹³ См.: Black, Cyril. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. P. 35; см. также: Шидер Т. Возможности и границы сравнительных методов в исторических науках // Философия и методология истории: сб. ст. / под ред. И. С. Кона. М.: Прогресс, 1977. С. 143–167.

³⁹⁴ Гомаюнов С. А. Проблемы методологии местной истории. Киров: ВГПУ, 1996.

³⁹⁵ Herren, Madeleine; Rüesch, Martin; Sibille, Christiane. Transcultural History: Theories, Methods, Sources. Springer; 2012.

³⁹⁶ De Molina M. G., Toledo V. M. The Social Metabolism: A Socio-Ecological Theory of Historical Change. Cham – Heidelberg – N.Y. – Dordrecht – L.: Springer, 2014. P. 9–42.

При этом каждая из этих дисциплин пытается формировать собственную методологию, претендующую на оригинальность методов и подходов³⁹⁷.

Некоторые «истории» зарождаются прямо на глазах, и это тоже следствие цифровой революции, сделавшей мир взаимозависимым, прежде всего в технологическом смысле. Т. Веллер относит **«информационную историю»** (*Information History*) к новой области знания³⁹⁸. Пытаясь обозначить предмет **«международной истории»** (*International History*), Дж. Майоло пишет, что эта новая дисциплина «должна отличаться от **всеобщей и транснациональной истории** (*Global and Transnational History*), вырисовывая четкие, но открытые дисциплинарные границы»³⁹⁹.

В рамках нашего исследования особого внимания заслуживают такие формирующиеся исторические дисциплины, как **история повседневности** (нем. *Alltagsgeschichte*), сформировавшаяся в рамках **«новой истории»**, а также исторические дисциплины, связанные с коммуникацией: **история сопряжений** (*Entagled histories*), **история заимствований** (*Transfer histories*), **история связей и обменов** (*Connected histories*) и собственно **коммуникативная история**⁴⁰⁰. Сегодня историческая мысль развивается столь стремительно, что даже появились исследования по **истории коммуникативной истории**⁴⁰¹.

Внимание к когнитивным аспектам изучения истории привело к историографическому «повороту» в историописании конца XX в., который выразился в саморефлексии историков, появлении такого направления исследований, как **история истории**, нетождественного историографии. З. А. Чеканцева описывает «историю истории» как «сравнительно новый тип исторического знания, учитывающий не только исторические явления, но и их репрезентации в социуме»⁴⁰². Изучая вклад советских ученых в развитие отечественной исторической науки, А. В. Гордон создал **историю историков** – новый жанр историографической литературы⁴⁰³.

Несомненно, открытия, которые делаются на стыке гуманитарных наук, позволяют исследователям выявлять неизвестные грани и аспекты исторических событий, однако движение в этом направлении чаще оборачивается поиском новых «дискурсов» и нарративов, чем установлением научной истины. Эти дискурсы подаются, как правило, в качестве принципиально нового знания, хотя нередко новизна ограничивается обогащением эмпирической основы их аргументации теми или иными дополнительными идеологическими установками – политическими (либеральными, консервативными и др.), этническими, религиозными и т. д. С изменением угла зрения меняются интерпретации и оценки. Поэтому

³⁹⁷ Например, см.: Бибииков Г. Н., Бибиикова Л. В. Методология современной истории: историографический очерк. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011.

³⁹⁸ Weller, Tony. *Information History*. P. XIV.

³⁹⁹ Maiolo, Joseph A. *Systems and Boundaries in International History*. P. 576.

⁴⁰⁰ Pooley, Jefferson D.; Park, David W. *Communication Research*. P. 76–92.

⁴⁰¹ Simonson, Peter; Peck, Janice; Craig, Robert T.; Jackson, John P. *The History of Communication History* // *The Handbook of Communication History* / ed. by Peter Simonson, Janice Peck, Robert T. Craig, John P. Jackson. N.Y.: Routledge, 2013. P. 13–57.

⁴⁰² Чеканцева З. А. Антропологизация историографии и идентичность историка в XXI веке. С. 24.

⁴⁰³ Гордон А. В. *Историки железного века*. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2018.

неудивительно, что новейшие дискурсы неизбежно вступают друг с другом в жесткую конфронтацию, в которой оценка прошлого, связанная с реальностью настоящего, оказывается важнее научно обоснованного конструирования прошлого. Достижение объективного научного результата отходит на второй план.

Отдельного внимания заслуживает появление в структуре научного знания такой дисциплины, как теология, содержание которой перекликается с религиоведением и философией религии, но не полностью. Многочисленные востоковедческие дисциплины религиоведческого профиля, такие как гебраистика, исламоведение, буддология и др., формируются на стыке истории, филологии, философии и других наук и потому изначально оказываются трансдисциплинарными⁴⁰⁴. Еще более осложняют ситуацию различные теоретические школы, каждая из которых по-своему толкует историю⁴⁰⁵, не говоря уже о том, что существуют специфические толкования прошлого, предлагаемые религиозными традициями⁴⁰⁶.

Фрагментация предмета исторической науки, которую С. И. Посохов назвал историографическим диагнозом⁴⁰⁷, дает не только очевидный положительный эффект, выражающийся в том числе и в постоянном расширении тематики междисциплинарных исследований, но и некоторый негативный. Все чаще исследователи приходят к пониманию того, что один предмет должен изучаться одновременно многими науками, но в их тесном взаимодействии⁴⁰⁸, чего невозможно добиться без общей методологии и понятийного аппарата. В этих условиях даже подходы комплексных наук, таких как востоковедение, не всегда оказываются достаточными. Ратуя за возврат к классическим основам науки, но на новейшем этапе развития исторической науки, с учетом всех ее теоретических достижений, отвечающих требованиям историзма в его современном понимании (в чем, собственно, и состоит смысл «нового историзма»), многомерный подход выступает лишь против крайностей: там, где фрагментация предмета науки увеличивает познавательные возможности для исторического познания, она необходима, во всех остальных случаях бесполезна и даже контрпродуктивна.

Углубление предметной специализации исторической науки привело к тому, что анализ эмпирического материала истории выявляет в каждом аспекте проблемы новые грани, относящиеся к различным классам социальных феноменов, при изучении которых каждая дисциплина допускает невольные искажения объективной реальности из-за специфики «собственного» предмета. Погоня за спецификой исследуемого частного нередко приводит к тому, что упускается специфика единого целого, поскольку научные дисциплины, изучающие частные аспекты (напри-

⁴⁰⁴ См.: Аликберов А. К. Российское исламоведение, его предмет и место в системе гуманитарного знания. (По следам одной научной дискуссии) // *Ars Islamica*. В честь Станислава Михайловича Прозорова / под ред. М. Б. Пиотровского и А. К. Аликберова. М.: Наука – Вост. лит., 2016. С. 51–76.

⁴⁰⁵ Domanska, Ewa. *Encounters: Philosophy of History after Postmodernism*. Charlottesville – L.: Univ. Press of Virginia, 1998.

⁴⁰⁶ См.: Kess, Alexandra. *Johann Sleidan and the Protestant Vision of History*. Aldershot: Ashgate, 2008.

⁴⁰⁷ Посохов С. И. «Фрагментация» как историографический диагноз // *Профессия – историк: К юбилею Л. П. Репиной*. М.: Аквилон, 2017. С. 152–177.

⁴⁰⁸ См., например: Кедров Б. М. О современной классификации наук // *Вопросы философии*. 1980. № 9–10. С. 85–103.

мер, общественные, политические, этнические, религиозные, правовые и др.) единого целого (социального), методологически и предметно давно разобщены.

За пределами «познавательных «поворотов» развитие гуманитарной науки может пойти по пути формирования системных комплексов наук, центром притяжения которых будут крупные и разветвленные научные дисциплины, такие как история, философия и социология. О социальной, политической, религиозной, правовой и т. д. философии хорошо известно. Социология также позиционируется отдельно как историческая⁴⁰⁹, политическая⁴¹⁰ (или социология политики⁴¹¹), этническая (этносоциология)⁴¹², религиозная (она называется социологией религии⁴¹³), юридическая⁴¹⁴; кроме того, существуют социология искусства⁴¹⁵, социология этики и т. д. История как комплекс наук также создала вокруг себя целостное междисциплинарное поле знания, однако этот вопрос в силу его важности для темы исследования требует отдельного рассмотрения.

1.4.2. Междисциплинарное поле исторического знания и особое место истории в системе социогуманитарных наук

Понятие «поле знания» применительно к предмету научного исследования обосновал Ф. Цвикки⁴¹⁶. В условиях продолжающегося разделения предмета исторической науки на составные части особенно актуально определение междисциплинарного поля исторического знания, его значения и места в структуре научного знания. Прояснение этого вопроса поможет определить особое значение самой истории в системе гуманитарных наук.

Сегодня научные дисциплины все чаще пересекаются друг с другом. В этнологии развиваются направления на стыках наук: этнической истории (на стыке с исторической наукой), этносоциологии (на стыке с социологией), этнополитологии, этнолингвистики, этнопсихологии и т. д. Выступая на Научном совете по этничности и межнациональным отношениям РАН 19 декабря 2017 г., Л. А. Дробижева отчасти согласилась с тем, что многие оценки новых научных дисциплин уже успели устареть, и предложила определить предмет этносоциологии как

⁴⁰⁹ См. Journal of Historical Sociology.

⁴¹⁰ Кола Д. Политическая социология / пер. с фр. А. И. Кристаловского, Ю. А. Немешева, А. А. Тарасевича-Скрыльникова; предисл. А. Б. Гофмана. М.: Весь Мир, ИНФРА-М., 2001; Котляров И. В. Политическая социология: теория, история, методология, методика: в 2 ч. Минск: Изд-во МИУ, 2004.

⁴¹¹ Бурдьё П. Социология политики / пер. с фр.; сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. С. 336.

⁴¹² Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 1999.

⁴¹³ Гараджа В. И. Социология религии. М.: Наука, 1995.

⁴¹⁴ Карбонье Ж. Юридическая социология / пер. и вступ. ст. В. А. Туманова. М.: Прогресс, 1986. С. 177.

⁴¹⁵ Новожилова Л. И. Социология искусства (Из истории советской эстетики 20-х г.). Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1968.

⁴¹⁶ Zwicky, Fritz. Discovery, Invention, Research through the Morphological Approach / transl. from the German ed. Toronto: Collier-Macmillan Canada Ltd., 1969.

«этнически маркированного социального пространства». Подобные характеристики можно дать и другим смежным дисциплинам, например этнополитологии как «политической проекции этничности» (М. М. Мchedлова)⁴¹⁷.

Междисциплинарные связи между историей и связанными с ней гуманитарными и социальными науками невозможно выявить без логики конкретной науки, которая, как и философия, представляет универсальные основания науки. Философия и логика взаимодействуют друг с другом в самых разных формах, чем и обусловлено появление философской логики (логические выводы основываются на положениях философских дисциплин), логической философии (когда философия развивается исключительно логическими методами), философии логики (представляет собой исследование философских проблем логики как науки), логики философии (исследование логических аспектов философии как науки).

Особое значение имеет логика взаимных связей гуманитарных и социальных наук друг с другом в соответствии с тем, в каких логических связях находятся различные аспекты социальности, которые эти науки изучают. Чаще всего исследователи обращают внимание на диалог истории и социальной теории. П. Бёрк считает такой диалог неудовлетворительным, называя его «диалогом глухих»⁴¹⁸. К похожему выводу пришел и У. Сьюэлл-младший, известный своими исследованиями на стыке истории, обществознания, политологии и антропологии. Определяя место социальной теории между историей и социологией, он указывает на то, что историки и социологи давно уже вместе обсуждают общие для них проблемы, читают работы друг друга. Однако, сетует исследователь, серьезного диалога о социальной теории как не было, так и нет, хотя начинали его известные историки, создатели новой исторической школы «Анналов» М. Блок и Л. Февр⁴¹⁹. Между тем, социальная теория как раз и является тем самым мостом, который связывает историю и социальные науки. Во всяком случае коммуникативный подход к истории вырос как раз из одной из социальных теорий – теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса.

В теории информации все науки, а не только гуманитарные и социальные, связаны друг с другом определенной логикой взаимосвязи и взаимозависимости. Актуальные представления о структуре научного знания отражают классификаторы наук, которые постоянно обновляются и уточняются в процессе развития науки. История их создания восходит к Платону и Аристотелю, но одним из первых подробную классификацию наук как «совокупности всех знаний» представил И. Альстед в своем «Compendium Philosophicum» в 1620 г. Характерно, что в этом компендиуме, который затем был переработан автором и представлен им в виде энциклопедии знания, история была определена как «смесь наук»; кроме

⁴¹⁷ Схему взаимосвязей истории с другими науками еще больше осложнит выделение идеологии каждого из аспектов социальности в ее историческом измерении: ведь идеология может быть не только общественной, но и политической, этнической, религиозной, правовой, экономической, во всем своем многообразии она проявляется и в различных проявлениях культуры.

⁴¹⁸ Burke, Peter. History and Social Theory. P. 2. 2nd ed. Ithaca – N.Y.: Cornell Univ. Press, 2005.

⁴¹⁹ Sewell, William H. Jr. Logics of History: Social Theory and Social Transformation. Chicago – L.: The Univ. of Chicago Press, 2005. P. 1.

того, внимания удостоились и ненаучное знание, которое было обозначено как «лженауки»⁴²⁰.

Новейшие информационно-справочные системы по-разному описывают перекрестные связи наук. К примеру, в российском «Классификаторе областей науки в соответствии с отраслями науки», действовавшем в 2001–2020 гг., исторические науки (07.00.00) вместе с философскими (09.00.00) были включены в состав гуманитарных, а социологические (22.00.00) и политические (23.00.06) – в состав общественных. В соответствии с этим в общероссийском классификаторе специальностей по образованию от 2016 г. (ОК 009–2016) история и археология были включены в состав гуманитарных наук наряду с языкознанием и литературоведением, философией, этикой и религиоведением, теологией, а также физической культурой и спортом.

В новом классификаторе, принятом в 2021 г., науки систематизированы на порядок лучше, поскольку была введена дополнительная переменная – принадлежность к конкретной области знания. Например, история науки и техники отнесена не только к исторической науке, но и к ряду других. Компьютерные науки и информатика в общей группе естественных наук получили шифр 1.2 с разделением на 1.2.1 – искусственный интеллект и машинное обучение, 1.2.2 – математическое моделирование, численные методы и комплексы программ, 1.2.3 – теоретическая информатика и кибернетика. Социальные и гуманитарные науки совершенно справедливо объединены под шифром 5, в рамках которого исторические науки, социология, философия, политология, экономика, право, филология и теология выступают как равнозначные. Теология (5.11) разделена не по конфессиям, а по направлениям, с отдельными шифрами – на теоретическую, историческую и практическую.

Разрозненные ранее исторические науки получили общий шифр 5.6.2 в рамках всеобщей истории, исключение сделано только лишь для отечественной истории (5.6.1). Этнология, антропология и этнография сохранили свою принадлежность к историческим наукам, что в свете «антропологического поворота» истории, которого мы также придерживаемся, более чем объяснимо. В исторической информатике история соединяется с информатикой и создает прикладную научную дисциплину⁴²¹.

Многомерный подход позволяет построить систему сложных и перекрещивающихся взаимосвязей исторической науки с другими научными дисциплинами на основе логики их взаимных генетических связей. В предлагаемой нами ниже классификационной схеме показан универсальный характер связей истории с комплексом гуманитарных и социальных наук и их транзитное перерождение из одной дисциплины в другую. Логика конкретной науки обозначена в квадратных скобках, поскольку это пока гипотетическая, не вполне артикулированная дисциплина, в отличие от философского дискурса конкретной науки. Водораздел

⁴²⁰ Cole, Percival R. A Neglected Educator: Johann Heinrich Alsted. Sydney: W. A. Gullick, 1910. P. 23.

⁴²¹ В информационно-справочной системе, описывающей универсальную десятичную классификацию (УДК), история объединена с географией (общий код 433), но отделена от философии (общий код 740), политики (общий код 328), теории и методов общественных наук (общий код 428).

между историей и не-историей обозначен с помощью двух вертикальных параллельных линий:

Историческая наука – [логика истории] – теория и методология истории (теоретико-методологические аспекты истории) – философия истории || история философии – теория философии – [логика философии] – философия.

Историческая наука – [логика истории] – теория истории (общественное измерение истории) – социальная история || историческая социология – социальная философия – теория социологии – [логика общественных процессов] – социологическая наука (социология).

Историческая наука – [логика истории] – теория истории (политическое измерение истории) – политическая история / дипломатическая история, история международных отношений || история политологии – политическая философия – политическая теория – [логика политических процессов] – политическая наука (политология).

Историческая наука – [логика истории] – теория истории (этническое измерение истории) – этническая история || этнофилософия (философия этноса) – теория этнологии – [логика этнических процессов] – этнология, этнография, антропология.

Историческая наука – [логика истории] – теория истории (религиозное измерение истории) – религиозная история (история религии) || философия религии – теория религиоведения – [логика религии] – религиоведение, теология, габраистика, христология, исламоведение, буддология и др.

Историческая наука – [логика истории] – теория истории (правовое измерение истории) – правовая история || история права – философия права – теория права – [логика права] – правоведение (юриспруденция).

Историческая наука – [логика истории] – теория истории (культуральное измерение истории) – культуральная история || история культуры – философия культуры – теория культуры – [логика культуры] – культурология.

Историческая наука – [логика истории] – теория истории (экономическое измерение истории) – экономическая история || экономическая философия – экономическая теория – [логика экономических процессов] – экономическая наука (экономика).

Историческая наука – [логика истории] – теория истории (эстетическое измерение истории) – история архитектуры, музыкальная, художественная, театральная и др. история || история искусства – философия искусства – теория искусства – [логика искусства] – искусствоведение (художественное, изобразительное, театральное и др.).

Историческая наука – [логика истории] – теория истории (терминологические аспекты истории) – понятийный аппарат истории || история языка – философия языка⁴²² – теория языкознания – сравнительно-историческое языкознание (историческая грамматика и историческая фонетика) – [логика языка] – языкознание (лингвистика).

⁴²² Katz, Jerrold J. The Philosophy of Language. N.Y.: Harper & Row, 1966.

В предложенной схеме историческая наука в самом широком понимании может быть представлена не только как всеобщая (всемирная) история, но и «глобальная история» («новая мировая история», «транснациональная история» – поиск актуального коэксистенциального целого человечества как совокупность систем коммуникативных связей между изменяющимися культурно-историческими пространствами, сообществами, уникальными историческими локусами и есть целостность измерений социокультурной системы в общей многомерной системе координат.

Для доказательства генетических связей исторической науки с другими науками одной этой схемы, даже визуализированной, как нам представляется, недостаточно, и необходим конкретный анализ социального и социокультурного контекстов идей, методов, социальных функций исторической науки, но это выходит далеко за рамки темы и предмета настоящего исследования. Кроме того, такого доказательства и не требуется, поскольку оно для специалистов очевидно. Нам важно показать исторический фрагмент (локус) матрицы единой информационной системы знания, которая может иметь и совершенно другие формы репрезентации.

По своей логике каждый аспект социальности может раскрываться и через остальные, поэтому историоцентричная схема не является и не может являться единственно возможной: в центре каждой науки находится ее собственный предмет. Но при этом «стратегию историзации можно по праву назвать универсальным механизмом развития большинства социально-исторических наук, которые по-разному и на различных стадиях своего становления начинают отстаивать эпитет “исторический”»: историческая социология, историческая антропология, экономическая история и т. д.⁴²³

Особая роль истории в системе гуманитарного знания, как и философии, более чем очевидна – каждая наука включает в себя историю изучения собственного предмета, так же, как и сама история – историю историографии (историописания), точнее, историю исторического знания (Л. П. Репина). Кроме того, исторично все, что окружает человека – факты, события, процессы, связи, отношения, вещи, идеи, а не только отдельные науки.

Продолжение анализа темы в указанном направлении позволяет выявлять новые предметы исторической науки, которых сегодня еще нет, но которые могут возникнуть в недалеком будущем. Это означает, что предел раздробления предмета истории еще не наступил. Например, если попытаться проанализировать связь истории и этики, которая сегодня признается субдисциплиной философии, то классификационная схема выдаст этическую историю как отдельную дисциплину: история – [логика истории] – теория истории (этический аспект истории) – *этическая история* || история этики – философия этики – теория этики – [логика этики] – этика.

Принципиально важны *пересечения* историй народов (это как раз аспект глобальной истории), которые являются следствием их тесной коммуникации в прош-

⁴²³ Лукьянов Д. В. Исторические стратегии конструирования реальности современности // Вестник РГГУ. Серия: Политология. Социально-коммуникативные науки. 2013. № 1 (102).. С. 26–27.

лом. История Востока и история Африки пересекаются в истории стран Магриба. Историю стран Северной Америки и Латинской Америки после европейской колонизации этих континентов вообще невозможно рассматривать отдельно от истории Европы. Отечественная история и история Европы отчасти пересекаются в историях западных регионов и областей России, поскольку история России является составной частью не только всеобщей истории, но и историй европейских и азиатских народов, а отечественная история и история Востока – в историях восточных регионов и областей России. Эти пересечения находят отражение в своих локальных историях: истории Дагестана, Татарстана, Якутии, других этнокультурных областей.

Углубление цифровизации неизбежно отразится на развитии всей системы гуманитарного знания. В частности, это будет проявляться в процессе формирования новых научных дисциплин, связанных с обработкой метаданных, а также в разном позиционировании, в зависимости от предмета исследования. Так, в рамках социальных наук на первое место А. Блэк выдвигает **историю информационного общества и историю информации как социальную историю** с акцентом на важность неофициальных информационных сетей, а в рамках политических наук – **историю информационной политики**⁴²⁴. В рамках источниковедения выдвигается идея развития «**исторической информатики**» как «**науки об исторических данных**» (Historical Data Science)⁴²⁵. Методология «перекрестной истории» позволяет создавать объемный и многоуровневый исторический нарратив, в котором в информационном пространстве может быть возможность реализовать идеи полицентризма и мульти-перспективизма.

В связи с «цифровым поворотом» движение гуманитарных наук в сторону цифровизации ускоряется, в том числе и в России⁴²⁶. Здесь нас интересует **развитие коммуникативных форм исторического познания как наиболее емких и эффективных с точки зрения интеграции исторического знания в целом**. Понятно, что в силу информационного характера коммуникации такая интеграция прежде всего ожидаема в цифровой истории и в смежных с ней дисциплинах, которые активно используют информационные и коммуникативные методы и подходы.

1.4.3. От междисциплинарных стратегий к трансдисциплинарной перспективе

Междисциплинарные исследования считаются более продвинутыми и инновационными по сравнению с дисциплинарными, поскольку они требуют больше компетенций и условий, в частности выработки единых методологических подходов и общего языка описания (понятийного аппарата). Верно и то, что потенциал междисциплинарности огромен и далеко не до конца реализован. С этой страте-

⁴²⁴ Black, Alistair. Information History. P. 445.

⁴²⁵ Ассоциация «История и компьютер». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aik-hisc.ru>. Дата обращения: 11.10.2022.

⁴²⁶ Цифровые гуманитарные науки: хрестоматия / под ред. Дж. Найхан, М. Террас, Э. Ванхутт, И. Кижнер; пер. с англ. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017.

гией связана еще одна особенность: она нередко совершенно неправомерно отождествляется с комплексностью, мультидисциплинарностью и трансдисциплинарностью. До недавних пор работа востоковедов оценивалась в рамках категории междисциплинарной науки, к которой предъявляется больше требований, хотя доля таких исследований редко превышает 10%. Основная часть исследовательских работ в востоковедении выполняется в строгих дисциплинарных рамках отдельных наук – исторической (история Востока), экономической (экономика стран Востока), филологической (афро-азиатские языки) и т. д. На это указывают и дисциплинарно маркированные научные степени востоковедов (кандидаты и доктора исторических, филологических, экономических и других наук), а также принятые в системе ВАК паспорта специальности.

Однако наука давно ушла далеко вперед от простого совмещения разных наук. Л. П. Репина описывает современное развитие науки как «последовательный переход: от “интердисциплинарности” через содержательно неразличимые “полидисциплинарность/мультидисциплинарность” к “трансдисциплинарности”»⁴²⁷. Если междисциплинарность требует общего языка описания, то трансдисциплинарность в нем даже не нуждается, что снимает проблему метаязыка – эту проблему успешно решают также и человеко-машинные языки. **Будучи проблемно-ориентированной стратегией, трансдисциплинарность позволяет изучать межпредметные связи на уровне элементов системы, т. е. на уровне погружения, а не самой системы, у которой уже есть и свой язык описания, и свои системы координат.**

При этом трансдисциплинарность и сама является научным подходом, обеспечивающим интегративность знания⁴²⁸. Ж. Пиаже, который ввел это понятие в научный оборот, предлагает рассматривать трансдисциплинарность как новую область знаний «без строгих границ между дисциплинами», отличную от мультидисциплинарности и интердисциплинарности⁴²⁹. Учитывая мультидисциплинарный характер востоковедения и множество дисциплинарных пересечений, мультидисциплинарность той или иной области знания (в данном случае – востоковедения) можно рассматривать как необходимое условие использования трансдисциплинарных подходов, а интердисциплинарность (*interdisciplinarity*) – в качестве синонима междисциплинарности; на самом деле, это и есть прямой перевод этого понятия с английского.

Если важнейшим условием достижения подлинной междисциплинарности является наличие сильных, хорошо развитых научных дисциплин, то данное заключение в полной мере справедливо и по отношению к трансдисциплинарности, поскольку последняя ни в коем случае не пытается заменить собой междисциплинарность или тем более отменить дисциплинарные границы, покушаясь на эти дисциплины. Существуют различные формы трансдисциплинарности, более или

⁴²⁷ Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. С. 28–29.

⁴²⁸ Transdisciplinarity: reCreating Integrated Knowledge / ed. by Margaret A. Somerville, David J. Rapport. Oxford, UK: EOLSS Publishers Co. Ltd., 2000.

⁴²⁹ Piaget, Jean. L'épistémologie des relations interdisciplinaires // Léo Apostel et al. Interdisciplinarity Problems of Teaching and Research in Universities. OECD Publications Center, 1972. P. 144.

менее удовлетворительные, направленные на решение сложных **многофакторных** проблем XXI века. Многомерный подход интересует именно та концепция трансдисциплинарности, которая репрезентуется не как отдельная академическая дисциплина, а как способ существования. Она связана с «прагматическим поворотом» науки, развитием «более широкой дисциплины “науки об интеграции и внедрении”, к которой относится “практический” трансдисциплинарный режим»⁴³⁰.

На одном из симпозиумов по трансдисциплинарности понимание сути этого подхода и причин, обусловивших его появление, было закреплено следующим образом: «Мультидисциплинарный и междисциплинарный подходы не являются средствами эффективной защиты от продолжающейся в настоящее время фрагментации знаний, поскольку через простое сопоставление или сборку дисциплинарных подходов они не достигают той глубины “интеграции” фундаментального единства, лежащего в основе всех форм знания». Трансдисциплинарный подход как раз решает эту проблему⁴³¹.

Единая информационная система знания не может строиться на каких-либо иных основаниях, кроме как на трансдисциплинарных. Используя дополнительные источники информации из других сфер знания и информационную среду,истики смогут участвовать в создании более удобной для работы, комфортной для себя экосистемы цифровых исследований. Высказывалось мнение, что «методологии трансдисциплинарных исследований, предназначенные для изучения развитых стран, не могут быть просто воспроизведены и перенесены в контексты развивающихся стран»⁴³²; с этим можно согласиться только в контексте уровня цифровизации науки в той или иной стране, поскольку трансдисциплинарность без интерактивности и цифровой исследовательской среды мало что дает.

В цифровой среде анализ и синтез различных любых произвольных (т. е. выборочных, зависящих от воли и установок исследователя) единиц унифицированной и формализованной информации также дает возможность генерации нового знания на основе «больших данных». Это способ преодоления фрагментации научных дисциплин, открывающий перед ними огромное исследовательское поле для взаимодействия, которое до сих пор остается непаханным, взаимно усиливая каждую из них. Здесь достигается подлинная синергия, не требующая от исследователя особых междисциплинарных компетенций, знания методологии и методик другой дисциплины, поскольку фактические данные он получает уже в «очищенной» форме.

Патрик Мэннинг пишет о перспективах использования в исторической науке будущего «больших данных» вне времени и дисциплинарных границ⁴³³. Это озна-

⁴³⁰ *Rigolot, Cyrille*. Transdisciplinarity as a discipline and a way of being: complementarities and creative tensions // *Humanit. Soc. Sci. Commun.* 2020. 7, 100. [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.1057/s41599-020-00598-5>. Retrieved 27.01.2019.

⁴³¹ Transdisciplinarity: Stimulating Synergies, Integrating Knowledge. UNESCO: Division of Philosophy and Ethics, 1998. P. 37–38.

⁴³² *Van Breda, John; Swilling, Mark*. The Guiding Logics and Principles for Designing Emergent Transdisciplinary Research Processes: Learning Experiences and Reflections from a Transdisciplinary Urban Case Study in Enkanini Informal Settlement, South Africa // *Sustainability Science*. 2019. Vol. 14. P. 823.

⁴³³ *Manning, Patrick*. Big Data in History. L.: Palgrave Macmillan, 2013. P. 84–85.

чает, что востоковедение, в котором существенное место занимает история Востока, рано или поздно вынуждено будет пойти по этому же пути. Более того, для него это будет гораздо более органично в силу своей специфики. Кроме того, как подчеркивается в «Историческом манифесте», «использование вычислительных методов позволяет исследователям открывать новые аспекты работы с данными и **связывать исторические проблемы с современными**»⁴³⁴. Это также крайне актуально именно для востоковедения, в котором история Востока тесно переплетена с современными проблемами развития восточных обществ.

Однако здесь существуют свои проблемы, главной из которых является наличие общего подхода и системообразующей основы, способной органично интегрировать различные виды дисциплинарного знания, обеспечивая единство трансдисциплинарного исследования. Наличие системообразующей основы решает характерные проблемы, с которыми неизбежно сталкиваются трансдисциплинарные исследования: отсутствие согласованного исследовательского обоснования, трудности с интеграцией различных методов исследований в согласованный подход, строгих методов оценки исследования, инструментов измерения качества и применимости полученных знаний⁴³⁵. В системно-коммуникационном анализе такой основой является коммуникация.

В трансдисциплинарной стратегии многомерности нас привлекает признание разных уровней реальности, которое также заложено в многомерной системной социологии Дж. Александера, но гораздо в более широком анализе. Это позволяет изучать предмет, включая социальную и историческую реальность, во всей их сложности и многообразии, на разных плоскостях и уровнях, начиная с молекулярного и клеточного до индивидуального, группового и общественного. Для изучения прошлого такая стратегия используется преимущественно в мега-истории, которая начинается с Большого взрыва.

Важнейшая задача трансдисциплинарности – возвращение к целостности знания, исходящее из **понимания единства природы**⁴³⁶, а изначально – бейтсоновского понимания единства разума и природы⁴³⁷. Она преодолевает дисциплинарные границы для распознавания и постановки конкретных проблем, поиска их решений с выявлением необходимых знаний и компетенций во всех связанных дисциплинах и даже за пределами собственно науки. Это подход объединяет гуманитариев и негуманитариев, ученых и представителей других профессий, практиков, специалистов разного профиля, поскольку ориентирована на решение проблем, в которых могут быть востребованы разные компетенции.

В своем стремлении к целостности знания трансдисциплинарный подход не делит факты на исторические, археологические, социальные, психологические и другие, а воспринимает их как базовые элементы, первокирпичики практико-

⁴³⁴ Guldi, Jo; Armitage, David. The History Manifesto. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2014. P. 88.

⁴³⁵ Brandt, P.A.; Ernst, F.; Gralla, C.; Luedevitz, D.J.; Lang, J.; Newig, F. et al. Review of Transdisciplinary Research in Sustainability Science // Ecological Economics. 2013. Vol. 92. P. 1–15.

⁴³⁶ Von Weizsacker, Carl Friedrich F. The Unity of Nature. N.Y.: Farrar Straus Giroux, 1980.

⁴³⁷ Bateson, Gregory. Mind and Nature: A Necessary Unity.

ориентированного знания, которое должно быть очевидным образом полезно обществу – этот важнейший критерий определяет и состав привлекаемых к исследованию участников со стороны. Такое знание должно быть выработано с привлечением заинтересованных людей, нацеленных на решение конкретных задач и выступающих в качестве партнеров (здесь возникает проблема доверия, которая решается с течением времени в ходе совместной работы). Тем самым к строго дисциплинарному «надежному знанию» добавляется категория «социально надежного знания», имеющего прикладной характер. Создается единое трансдисциплинарное исследовательское поле, в котором нет внутренних барьеров и разделительных линий, и тестируются идеи и решения, предлагающие варианты синтеза в виде удачных сочетаний знаний, опыта и навыков в рамках заданного направления работы. В востоковедении это особенно актуально для организации экспертной работы в различных сферах, в том числе в области экономического развития восточных обществ, для перехода от традиционного изучения равновесных условий к инновационным исследованиям многоагентных миров.

Трансдисциплинарное знание использует цифровой инструментарий и потому часто интерактивно. Признавая объективную ограниченность эмпирических знаний, наличие в них множества неопределенностей, слепых зон, зависимости научных интерпретаций от контекста⁴³⁸, трансдисциплинарные исследования маркируют их в качестве «черных ящиков», чтобы обозначить проблемные зоны и уменьшить меру неопределенности везде, где это только возможно.

1.4.4. Комплексность и цифровые перспективы востоковедения

Открывая недавно в Санкт-Петербургском университете XXXII Международный научный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Россия и Восток», М. Б. Пиотровский назвал востоковедение «эстетикой и радостью различий», «удовольствием от изучения нового, непохожего»⁴³⁹. Востоковедение, будучи комплексной наукой, давно изучает Восток с использованием широкого набора коммуникативных инструментов и фактическим различием фундаментальных социальных измерений системы культуры. Так, благодаря исследованиям В. В. Наумкина мы можем разглядеть логику многомерности в арабских обозначениях политической, этнической и религиозной нации⁴⁴⁰. Различение С. М. Прозоровым единых нормативных принципов мусульманской религии, представляющих «столпы ислама» (*аркан ал-ислам*) и «корни веры» (*усул ад-дин*), с одной стороны, и всего многообразия форм реального бытования ислама, с дру-

⁴³⁸ Bateson, Gregory. *Mind and Nature: A Necessary Unity*.

⁴³⁹ Академик Михаил Пиотровский: «Востоковедение – это эстетика и радость различий». 28.04.2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.orient.spbu.ru/index.php/ru/novosti/vse-novosti/spisok-novostej/2497-akademik-mikhail-piotrovskij-vostokovedenie-eto-estetika-i-radost-razlichij>. Дата обращения: 02.05.2023.

⁴⁴⁰ Наумкин В. В. Современный конвергентный арабский национализм в зеркале исторической памяти // Полис. Политические исследования. 2021. № 6. С. 44.

гой стороны, позволило ему независимо от Джеффри Александера прийти к многоуровневому пониманию и изучению этноконфессиональных процессов в исламском мире⁴⁴¹.

К идеалу целостного знания о народах и культурах Востока, подразумевающему методологический синтез входящих в состав востоковедения гуманитарных (в широком смысле) наук, стремилось не одно поколение ориенталистов. Востоковедение отличается от других гуманитарных наук тем, что оно с самого начала формировалось как мультипредметная наука. Поэтому востоковеды в своих практических исследованиях в той или иной форме применяют выработанные ими самими объективно-предметные подходы. Однако, имея свой собственный предмет изучения, востоковедение не претендует на статус метаметодологии гуманитарного знания, и не только потому, что его предмет ограничивается Востоком⁴⁴².

Комплексность востоковедения

Востоковедение является именно целостной, но при этом комплексной наукой, а не просто комплексом разрозненных наук. В зависимости от области специализации того или иного исследователя эта комплексность понимается по-разному: как синоним системного подхода, как источниковедческий подход, как метод сопоставления и обобщения результатов исследований, проведенных методами разных наук⁴⁴³, а также как археологический метод⁴⁴⁴. В основе целостности науки лежит знание восточного языка, истории и культуры (включая религию) одного или нескольких восточных народов.

Большинство востоковедов сводят комплексность к мультидисциплинарности и многопредметности. Действительно, востоковедение включает в себя:

- 1) и гуманитарные, и социальные науки;
- 2) и теоретические, и практические (прикладные) исследования;
- 3) и исторические, и актуальные, нацеленные на современность;
- 4) и страновые, и региональные, и глобальные.

На основе комплексности востоковеды изучают не только историю, языки и литературу, но и религию, культуру, искусство, экономику, причем как вместе, так и отдельно, по странам, народам, историческим периодам, научным дисциплинам. Многие гуманитарные дисциплины развиваются почти исключительно в рамках востоковедения: история Древнего Востока, ассириология, семитология, арабистика, иранистика, тюркология, синология, монголоведение, индология, япо-

⁴⁴¹ Прозоров С. М. Ислам единый, ислам региональный // Ислам и проблемы межкультурных взаимодействий. М.: Об-во «Нур», 1994. С. 232–236.

⁴⁴² Подробнее об этом см.: Аликберов А. К. Комплексность востоковедения, его междисциплинарные и трансдисциплинарные перспективы // Ориенталистика. 2022. № 5 (4). С. 722–733.

⁴⁴³ Мельникова О. М. Комплексный подход // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 223.

⁴⁴⁴ Генинг В. Ф. Комплексный метод // Очерки по истории советской археологии. У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х годов. Киев: Наукова думка, 1982. С. 170–174.

новедение, шумерология, урартология, кореистика, малаистика и др., а из дисциплин религиоведческого профиля – гебраистика, библеистика, исламоведение, буддология и др. Тибетология, например, изучает не только язык, историю и культуру Тибета, но и религию, тибетскую буддийскую традицию. Некоторые научные направления продолжают появляться вследствие выдающихся научных открытий (например, кумранистика).

В силу комплексности востоковедения востоковеды гораздо острее ощущают потребность в общем междисциплинарном и даже трансдисциплинарном подходе, именно поэтому в ориенталистике используются преимущественно интегративные подходы⁴⁴⁵. Как писал В. Ф. Генинг, комплексность является самой популярной версией междисциплинарного подхода, при котором представитель одной науки самостоятельно «осваивает методологию другой науки»⁴⁴⁶. Комплексность по Н. Луману – это одно из правильных оснований науки, предполагающее переориентацию исследователя от интересов обоснования к интересу роста научного знания. Это понятие также парадоксально: в качестве единства оно обозначает то, что подразумевает в качестве множества⁴⁴⁷.

Вопреки господствующему мнению, востоковедение – не только комплексная, но и мультидисциплинарная и многопредметная наука. Широкое внедрение цифровых технологий в самые разные сферы цифрового востоковедения (компьютерной/цифровой лингвистики, цифрового источниковедения, цифровой археологии и др.), использование методов естественных наук (геоархеологических, палеоэкологических и др.) все больше усиливают его комплексность, порождая отдельные прикладные направления исследований, требующих своего трансдисциплинарного изучения.

С самого начала своего становления ориенталистика руководствовалась принципами работы, которые К. Поппер сформулировал как «надвременный принцип научной рациональности» – исследователи Востока совмещают интерес к прошлому с изучением настоящего и созданием сценариев развития тех или иных социальных процессов в восточных обществах в различных комплексных перспективах, легко преодолевая дисциплинарные рамки гуманитарных, социальных и общественных наук. Однако трансдисциплинарность не имеет ничего общего с междисциплинарностью, когда исследования ведутся на стыке наук, не покидая их дисциплинарные рамки.

В силу специфики науки, органичной встроенности востоковедческих дисциплин друг в друга (например, востоковедение – восточное источниковедение – восточная эпиграфика/нумизматика/сфрагистика и т. д.) ориенталисты одними из первых начали практиковать междисциплинарные и трансдисциплинарные исследования, совмещая горизонты истории, политологии, экономики, этнологии, социологии, религиоведения, конфликтологии, дипломатии и международ-

⁴⁴⁵ Аликберов А. К. Об интегративных подходах к гуманитарному знанию в востоковедении. С. 152–164.

⁴⁴⁶ Генинг В. Ф. Комплексный метод. С. 172.

⁴⁴⁷ Луман Н. Истина, знание, наука как система / вступит. статья и пер. А. Ю. Антоновского. М.: Логос, 2016. С. 278–279.

ных отношений. При этом часто раскрытие темы требует от исследователя совмещения подходов и эмпирического материала ряда дисциплин, а также компетенций из различных областей знания. Например, изучение древних библейских текстов – профессионального владения навыками текстолога, палеографа, знания арамейского и древнееврейского языков, глубокого погружения в историю Древнего Востока, в историю и теологию иудаизма и христианства.

Актуальные дискуссии о востоковедении

Чтобы определиться с местом востоковедения среди социогуманитарных наук, достаточно обратиться к двум важнейшим для этой науки дискуссиям, не потерявшим своей актуальности до сих пор. Первая относится к XX в. и касается образа востоковедения как колониальной науки. Зародившаяся в недрах западной христианской науки, ориенталистика для самого Востока, в частности мусульманских историографий, стала символом колониальной экспансии Запада. Поэтому в бинарной оппозиции «ориенталистика vs ориентализм» благодаря усилиям Э. Саида многие видят дихотомию «Запад – Восток». Оппозиция не вполне корректная по ряду причин:

1. Здесь не учитывается основное значение ориентализма – явления в западной культуре XVIII – начала XX вв., идеализирующего Восток. Это отражение культурой метрополии воображаемого образа восточных колоний, в этом смысле, безусловно, оно содержит определенный общественно-политический контекст и идеологические ориентиры своей эпохи. Но вместе с тем это явление художественной жизни и различных культурных практик, повлиявших на обе стороны межкультурной коммуникации.
2. Почти полностью игнорируется богатая и плюралистичная историография стран, которые находятся между двумя большими полюсами – Востоком и Западом – отчасти потому, что ситуация с изучением Востока в России, например, не вписывалась в критическую концепцию Э. Саида.

Движение деориентализации на Западе было направлено не против ориенталистики как таковой, а против самого этого названия, ассоциирующегося с колониальным контекстом освоения Востока в западных культурах. Это объективная ситуация: процессы культурного взаимодействия и синтеза шли рука об руку с колониальными завоеваниями. В рамках стратегий деколонизации в западных странах вместо ориенталистики стали появляться и развиваться направления азиатских исследований (*Asian Studies*), афроазиатских исследований (*Asian and African Studies*), евразийских исследований (*Eurasian Studies*), ближневосточных исследований (*Middle East Studies*) и др.

Однако в многомерной проекции истории ситуация гораздо сложнее, чем описывается в известных нарративах. Колониальный контекст (познавать, чтобы завоевать и управлять) в востоковедении также всегда присутствовал – в той степени, в какой достижения этой науки использовались при определении политики тех или иных колониальных держав на Востоке. Вместе с тем ориенталистами на Востоке была совершена большая часть выдающихся научных открытий, изменивших представление Востока о себе самом. Понятно, что имели место и жесткая,

местами даже враждебная критика, и неприятие, и отчуждение, но они уравнивались восторженными и комплиментарными оценками, и прозелитическими реверансами. С помощью коммуникации и методологии «перекрестной истории» многомерный подход преодолевает как европоцентризм, так и колониальный контекст.

Вторая масштабная дискуссия развернулась в России уже в наше время, когда в рамках реформирования науки и образования появилась потребность укрупнения специальностей, и тут возник вопрос – к какой укрупненной научной сфере отнести востоковедение? Каков у него предмет? Эта дискуссия проходила в несколько этапов и затронула прежде всего образовательные учреждения. В общероссийском классификаторе специальностей по образованию от 2016 г. востоковедение и африканистика (код 41.03.03) отделялись от зарубежного регионоведения (код 41.03.01) и регионоведения России (код 41.03.02). В результате долгих дискуссий самостоятельный статус востоковедения удалось отстоять.

Лишение отечественного востоковедения статуса укрупненной специальности и растворение его в дисциплинарных рамках мировой регионалистики не только контрпродуктивно, поскольку игнорируется целостность знания о конкретном восточном народе, его языке, культуре, традициях, проблемах его современного развития. Это также разрушительно для всей российской науки в целом, поскольку неизбежно приведет к негативным последствиям, которые могут быть необратимыми. Речь идет, прежде всего:

1. Об угрозе потери Россией жизненно важного для нее фокуса на зарубежный Восток, с которым у нее самая протяженная в мире граница – 16 823 км. В свете нынешнего стратегического поворота России на Восток особенно важно, что он включает в себя и Китай, эту новую «ось Азии» и формирующийся восточный полюс «новой биполярности», Индию, Юго-Восточную Азию.
2. Не меньшее значение для России имеет «ближнее зарубежье», прежде входившее в состав Российской империи и СССР, а также свой собственный «внутренний Восток» с его особым укладом жизни и специфическими проблемами, в том числе общественными, политическими, этническими и религиозными. Достаточно упомянуть исламский радикализм: востоковеды сделали очень много для снижения общего уровня экстремизма и террористической опасности в стране.
3. Растворение «Востоковедения и африканистики» в «Регионоведении» и «Международных отношениях» больше всего ударит по классическому циклу востоковедения и приведет к нарушению целостности востоковедческого знания – регионалистика является политологической наукой, но востоковедение не ограничивается изучением политики и международных отношений, его задача – развивать культуру через историю. Исследования истории Древнего Востока существенно расширили наши представления о культуре Древнего Египта, Передней Азии (Месопотамии, Ассирии, Вавилона и т. д.), Индии и Китая, тем самым обогатили и саму мировую культуру, придав ей необходимую глубину.

4. Исчезновение востоковедения из перечня укрупненных специальностей неизбежно приведет к девальвации специальности как таковой, уменьшению потоков абитуриентов на факультеты с востоковедческим профилем (а сейчас это одно из самых популярных направлений гуманитарного цикла, уступающее только истории) и, как следствие, к нарушению преемственности образовательной цепочки от бакалавра до аспиранта, затруднениям в наборе подготовленных выпускников в аспирантуру. В итоге академическое востоковедение будет лишено нормального кадрового воспроизводства и также существенно пострадает.
5. Вопреки ожиданиям, пострадает и экспертное востоковедение. Аналитические исследования лишены прогностической ценности, если они не опираются на глубокое знание истории, культуры, других особенностей изучаемых обществ, особенно понимания многомерности глобальных процессов. Утверждения о том, что академические учреждения закостенели, стали неповоротливыми, не в состоянии адаптироваться под меняющиеся потребности общества, основаны на незнании того, что действительно происходит в недрах науки.
6. Планы реформирования науки, которые рождены не внутри, а за пределами академического сообщества, повторяющие западный опыт, не всегда учитывают специфику развития даже западной науки, которая зародилась в университетах. Европейские университеты с самого начала были в равной мере и исследовательскими центрами, и образовательными. Наука в России с самого начала была разделена на академическую и университетскую, когда в 1724 г. Сенат по распоряжению Петра I учредил академию наук.

По всеобщему признанию, Восток является самой актуальной формой современного не-Запада. С динамическим развитием Китая, Индии, «азиатских тигров» это высказывание приобретает особый смысл, конфигурируя на долгую перспективу систему мировой политики и международных отношений, требуя также некоторого обновления образовательных программ востоковедения. Но это не означает разрушения всего, что не относится к изучению современного Востока: хотя бы потому, что без истории и языка (в том числе языка в его историческом развитии) понять современные общества на Востоке невозможно. Достаточно сказать, что язык Корана, как и язык других источников раннего и классического ислама, далеко не в полной мере понятен даже носителям современного арабского языка, но эти источники до сих пор определяют повседневную жизнь всего зарубежного мусульманского Востока.

История Востока является предметом не только востоковедения, но и всеобщей истории, однако подходы этих наук существенно различаются. Историки-всеобщники считают, что востоковеды относятся к всеобщей истории несколько отстраненно, не как к своему «жизненному миру» (И. Н. Ионов); имеется в виду, что «жизненным миром» востоковеда является лишь история Востока. За отстраненность принимается равноудаленность, непротивопоставление востоковедами истории другим наукам, изучающим Восток. История Востока, восточных обществ,

социальных институтов, культур, религий является основой любого востоковедческого знания.

Комплексность востоковедческой науки включает в себя **различение классического и современного циклов**. Это не простое деление направлений исследований – с одной стороны, фундаментальные научные исследования, с другой – аналитические разработки о современных процессах на Востоке, имеющие прикладной, практический характер; оба эти направления разрабатываются как фундаментальные академические исследования. В рамках классического цикла, например, изучаются дисциплины, связанные с отдельными науками: история Востока (часть всеобщей истории), восточные источники (часть источниковедения и текстологии), восточная археология (часть археологии), языки народов Востока (часть языкознания), восточная философия (часть философии), религиоведение (исламоведение, буддология, габраистика и др.), материальная культура и искусство народов Востока (искусство Китая, исламское искусство и др.) и т. д. Есть и промежуточные области исследований и дисциплины, их изучающие, например: историческая ономастика народов Востока – сравнительно-историческое языкознание. Собранные вместе в рамках востоковедения эти особые субдисциплины как раз и порождают целостность знания о Востоке.

В рамках современного цикла развития востоковедения политические процессы на современном Востоке изучает политология (мировая политика и международные отношения), а экономические – экономика (мировая экономика, международная торговля). Политика, экономика, религия, право стран современного Востока, являющиеся составной частью комплексного страноведения, уже вписаны в свои специальности, в том числе в страноведение и мировую регионалистику.

Перспективы цифрового востоковедения и цифровой гуманитаристики

В начавшуюся цифровую эпоху нас по понятным причинам больше всего привлекают перспективы **цифрового востоковедения и связанной с ним цифровой гуманитаристики**. Цифровая революция усилила трансдисциплинарные возможности востоковедения, позволив ему заниматься различного рода реконструкциями, реставрацией источников, освоением верифицируемых цифровых методов и с их помощью приобщиться к инструментарию точных наук.

Цифровая история Востока уже сегодня дает возможность производить генерацию перекрестных ссылок между фактами и событиями, визуализировать различные аспекты истории по ключевым словам, определять основные исторические тренды, опираясь на цифровой (частотный и др.) анализ исторических источников⁴⁴⁸. Наиболее актуальные проблемы истории Востока, восточного источниковедения, других исторических и востоковедческих дисциплин в рамках цифровизации науки переводятся в плоскость практического обсуждения, ведется работа

⁴⁴⁸ Например, см.: *Romanov, Maxim*. Digital Age, Digital Methods // *Ars Islamica*. В честь Станислава Михайловича Прозорова / под ред. М.Б. Пиотровского и А.К. Аликберова. М.: Наука – Вост. лит., 2016. Р. 129–156.

над техническими заданиями разработки методов и методик цифровой гуманитаристики, учитывающих потребности востоковедения, ведутся исследования в области формализации исторической информации, создания информационной системы научного знания, баз данных, электронных каталогов, новостных агрегаторов, экспертных систем, других профильных электронных ресурсов.

Блестящим примером восстановления навсегда, как считалось ранее, утраченных для науки древних текстов является реализация в 2000-х гг. масштабного международного проекта по электронной документации кавказских языков ARMAZI, поддержанного Фондом Фольксвагена. В 2004 г. при помощи специального оборудования в монастыре Св. Екатерины на Синае были сделаны ультрафиолетовые фотографии рукописей, которые позволили восстановить стертый кавказско-албанский текст, находившийся под грузинским текстом, в двух палимпсестах Лекционария – Sin. Geo. N13 и N55. Мультиспектральные фотоснимки всех листов манускриптов вместе с последующей расшифровкой текста и сопоставлением его с другими (греческим, сирийским, армянским, грузинским, удинским, русским, английским) переводами Библии были опубликованы отдельно⁴⁴⁹. Это событие открыло новую веху в изучении Кавказской Албании (Алуана) – древнейшего государства на Восточном Кавказе.

Работа по цифровизации источников ведется во всех востоковедческих центрах страны, в которых есть рукописные отделы – в Институте востоковедения РАН, Институте восточных рукописей РАН, Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, ведущих университетах и других институтах. Созданный в ИВ РАН Центр исламских рукописей принимает активное участие в создании электронного каталога исламских рукописей России «Manuscripta Islamica Rossica» (И. В. Зайцев, Т. А. Аникеева и др.)⁴⁵⁰.

В 2021 г. состоялась защита докторской диссертации О. С. Ринчинова, посвященной возможностям использования современных информационных технологий в изучении историко-культурного наследия Восточной и Центральной Азии. Работа выполнена на стыке цифровых методов и источниковедения и в некотором смысле является междисциплинарной. Исследователь представил широкий обзор развития и современное состояние цифровых методов, технологий и стандартов сохранения и представления письменного наследия. С глубоким погружением в тему дан анализ перспективных технологий и стандартов в области компьютерной поддержки азиатских письменностей (Юникод), цифровой обработки изображений (IIIF), разметки текстов (TEI), авторитетного контроля (авторитетные файлы OTDO, BDRC и пр.) геоинформационных систем и методов корпусной лингвистики, включая структурную и семантическую разметку текстов⁴⁵¹. Исследования Ринчинова являются частью большого научного проекта по цифровой трансформации письменного

⁴⁴⁹ The Caucasian Albanian Palimpsests of Mt. Sinai. Vol. II / ed. by J. Gippert, W. Schulze, Z. Alexidze, J.-P. Mahé. Turnhout; Brepols Publishers, 2008. P. I-2 – I-29.

⁴⁵⁰ Manuscripta Islamica Rossica. [Electronic resource]. URL: <http://manuscriptaislamica.ru>. Retrived: 12.11.2021.

⁴⁵¹ Ринчинов О. С. Информационные технологии в изучении историко-культурного наследия Восточной и Центральной Азии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН, 2021.

наследия тибетского буддизма, реализуемого Институтом монголоведения, буддологии и тибетоведения СО РАН под руководством Б. В. Базарова⁴⁵².

Дальнейшее развитие **компьютерного источниковедения** предполагает широкое использование машинного обучения как раздела искусственного интеллекта. Технология рукописного ввода уже сегодня позволяет приступить к практической реализации программы оптического распознавания арабографических (арабских, персидских, турецко-османских и др.) рукописей. Для реализации этой программы, в которой чрезвычайно важно понимание (т. е. корректное чтение и извлечение смысла текста и контекста источника), может быть востребована технология автоматического машинного перевода, основанная на алгоритмах обработки естественного языка. Один из успешных примеров классификации и генерации текста, которые успешно используются в технологии распознавания рукописного ввода, – это рекуррентные нейронные сети (англ. *Recurrent neural network*). Алгоритмы, разработанные в рамках данного направления исследований, могут быть использованы в эпиграфике, сфрагистике, нумизматике, в том числе для создания программы определения монет, а также в подводной археологии с использованием роботов (оптическое распознавание подводных археологических объектов), цифровой интерактивной библиотеке восточных рукописей, а также в интерактивных исторических картах.

Принципы и технологии программы оптического распознавания рукописей применимы и для создания инструментов изучения **восточной эпиграфики, нумизматики и сфрагистики**.

Цифровая лингвистика в области востоковедения сегодня развивается в следующих направлениях: 1) создание интерактивных «живых» словарей восточных языков; 2) изучение грамматики восточных языков с помощью программных средств; 3) разработка программ машинного перевода, в том числе с помощью алгоритмов машинного обучения.

Для изучения человеческих коммуникаций помимо лингвистики нас также интересует социолингвистика. Считая эмпирическим объектом социолингвистики актуальное использование языка в социальном контексте, Т.А. ван Дейк и В. Кинч сделали шаг к **цифровой социолингвистике**, предложив модели стратегической обработки связного текста с помощью знания психологии и алгоритмов машинного обучения⁴⁵³. Исследователи вводят понятия синтаксическо-семантического парсинга, амбивалентности, семантической единицы, когеренции (связности), структуры знаний, схематических суперструктур и др., а также применяют для анализа связных текстов различные стратегии: когнитивные, языковые, нарративные, грамматические, схематические, прагматические, дискурсивные и др. Процессуальная модель Кинча – ван Дейка, описывающая понимание связного текста, интересна тем, что в ней используются те же принципы, что и в информационном моделировании коммуникативных систем, а именно:

⁴⁵² Базаров Б. В., Ринчинов О. С., Базаров А. А. Цифровая трансформация письменного наследия тибетского буддизма: состояние и перспективы // *Oriental Studies*. 2022. 15 (4). С. 740–750.

⁴⁵³ Van Dijk, Teun A.; Kintsch, Walter. *Strategies of Discourse Comprehension*. L.: Academic Press, 1983. P. 3–4.

- 1) одновременно может существовать не одна, а множество моделей описания одного и того же явления;
- 2) «модели понимания для специфических, конкретных ситуаций могут и должны быть эксплицитными, полными и проверяемыми», но «общие характеристики <...> по необходимости должны оставаться нечеткими и недоопределенными», поскольку нечеткость и размытость свойственны самому термину «понимание»⁴⁵⁴.

Внедрение идей многомерного подхода по информационному моделированию коммуникативных систем позволит продвинуться вперед в технологиях, на основе которых развиваются цифровые гуманитарные науки. Среди них наиболее перспективной для изучения восточных обществ, помимо цифровой лингвистики, представляется **цифровая антропология**, которая позволяет максимально широко использовать возможности интерактивного социального моделирования в режиме реального времени.

Успешно развиваются и различные области **восточной археологии**. Проект *Million Image Database* Оксфордского института цифровой археологии позволил создать 3D-фотографии тысяч исторических памятников архитектуры в ряде стран Ближнего Востока, на основе которых они могут быть с высокой точностью воспроизведены в любом месте земного шара⁴⁵⁵. В частности, этот опыт может быть востребован для восстановления исторических памятников, разрушенных во время войн и конфликтов. В Институте востоковедения РАН осваиваются технологии 3D-сканирования, программы, упрощающие процесс фиксации этапов исследовательских работ на археологических раскопках, а также роботы в поисковых работах подводной археологии.

1.4.5. Формирование коммуникативного метадискурса и практики метаисследований

Совершенно очевидно, что процесс дробления гуманитарных наук продолжится в той мере, в какой он представляет собой объективную потребность (пусть и субъективно понимаемую) в развитии науки. С одной стороны, «фрагментированная история вызывает беспокойство разве что у философов, как традиционных “местоблюстителей истины” (Ю. Хабермас), которых не устраивает диссипация существующего историографического дискурса в различиях интерпретаций прошлого»⁴⁵⁶. С другой стороны, в условиях плюрализма исторических интерпретаций должны существовать и надежные инструменты объединения этих интерпретаций, а также результатов исследований различных наук в общей системе координат. Системная парадигма является естественной платформой общего анализа из-за своего исходного инструментализма, но одной ее недостаточно, необходим

⁴⁵⁴ Ibid. P. 346.

⁴⁵⁵ См.: The Institute for Digital Archeology. [Electronic resource]. URL: <http://digitalarchaeology.org.uk>. Retrived 12.12.2018.

⁴⁵⁶ Лукьянов Д. В. Исторические стратегии конструирования реальности современности. С. 25.

содержательный интегратор. В качестве одного из таких интеграторов выступает коммуникация. По крайней мере М. Моррис относил направление коммуникативных исследований к интегралистскому «коммуникативному повороту»⁴⁵⁷. В свою очередь, этот «поворот» породил новые вопросы – например, где проходит граница между интегративным дискурсом и метанарративом, в какой степени информационные и коммуникативные подходы годятся на роль интегратора?

Проблема общего нарратива

В узком смысле (классическом понимании) теория и методология истории направлены только на объективно-предметное осмысление истории, т. е. прошлого, а в широком смысле – осмысление всех проявлений социальности и культуры в историческом измерении. Единство социальной природы человека дает возможность видеть в сложном многообразии исторических событий закономерные повторения, общую логику развития, которые могли бы сделать историю источником для познания настоящего.

Широкий подход к теории и методологии иногда называют общей методологией гуманитарных/социальных наук⁴⁵⁸. Некоторые исследователи убеждены в том, что и в XXI в. сохраняется глубокая необходимость в метаметодологии⁴⁵⁹. Г. П. Щедровицкий определил метаметодологию как «слой работы, назначение которого состоит в том, чтобы осознать и систематизировать собственную организацию методологической работы в системной области»⁴⁶⁰. Битву за историю как науку, которая стремится «к синтезу, к охвату и объяснению всех сторон жизни в их единстве», продолжил Фернан Бродель, новый лидер «Анналов»⁴⁶¹. С его идеи «истории повседневности», собственно, и началась социальная история, а через нее – социокультурный и многомерный подходы.

Осознавая потребность в интегральных методах социальных наук, П. Сорокин говорил о метатеории⁴⁶², но одно дело – интегральный метод или подход, а другое – метатеория, вынужденная либо упрощать особенности частного в угоду целому, либо допускать единство многообразия. О плюрализме и субъективности

⁴⁵⁷ *Morris, Martin*. Rethinking the Communicative Turn. P. 3–8.

⁴⁵⁸ Об общей методологии гуманитарных наук см.: *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 361–373, 409–412. См. также: *Кареев Н.* Теория исторического знания. Ч. I. Теория исторического знания (Историка). СПб./Петроград: Тип. М. М. Стасюлевича, 1913; Ч. II. Историология. Теория исторического процесса. СПб./Петроград: Тип. М. М. Стасюлевича, 1915; Ч. III. О школьном преподавании истории. СПб. / Петроград: Тип. М. М. Стасюлевича, 1917.

⁴⁵⁹ *Bhaskar, Roy; Esbjörn-Hargens, Sean; Hedlund, Nicholas*. Introduction: On the Deep Need for Integrative Metatheory in the Twenty-First Century // *Metatheory for the Twenty-First Century: Critical Realism and Integral Theory in Dialogue (Ontological Explorations)* / ed. by Roy Bhaskar, Sean Esbjörn-Hargens, and Nicholas Hedlund. L.: Routledge, 2016. P. 1–34.

⁴⁶⁰ *Щедровицкий Г. П.* Избранные работы. М.: Шк. культ. полит., 1995. С. 106–107.

⁴⁶¹ *Афанасьев Ю. Н.* Фернан Бродель и его видение истории // Введение к кн.: Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. Т. 1 / пер. с фр. Л. Е. Куббеля; вступ. ст. и ред. Ю. Н. Афанасьева. М.: Прогресс, 1986. С. 5.

⁴⁶² *Jeffries, Vincent*. Pitirim A. Sorokin's Integralism and Public Sociology // *American Sociologist*, Fall / Winter, 2005. P. 66–87.

метатеорий в социогуманитарных науках сказано достаточно⁴⁶³, но существенным является то, что интегрализм, целостный взгляд на общество, является их важным преимуществом⁴⁶⁴. Э. Дюркгейм призывал к построению «интегральной науки», а школа «Анналов» – к преодолению издержек дисциплинарности исторического знания, борьбе «против ограничений и замкнутости, которые разделяют, искажают, изолируют историю»⁴⁶⁵.

Яркий представитель крайнего холизма⁴⁶⁶, автор «Великого синтеза» и создатель «интегральной теории всего»⁴⁶⁷, системный теоретик Эрвин Ласло ввел в научный оборот понятие «единого трансдисциплинарного поля», представляя свое видение контуров информационной системы знания будущего, которую он назвал «полем Акаши» или «А-полем»⁴⁶⁸.

В исторической науке на роль интегратора истории и актуальной современности претендуют мир-системная теория и различные антропологические подходы. Опираясь в том числе на броделевское понимание исторического времени, мир-системная теория рассматривает историческое время как циклическое и потому занята тем, что описывает циклы подъемов и спадов значимых социальных и культурных процессов (экономических, миграционных, демографических и др.). В рамках антропологии в самом широком смысле (как науки о человеке) выделяются отдельные дисциплины: историческая антропология, социальная антропология, политическая антропология, этническая антропология, религиозная антропология и т. д. Интегративное направление антропологии представляет антропосоциокультурный подход.

Негативное отношение к фрагментации наук, глубоко укоренившееся в академической среде, не разделяют постнеклассические подходы: постпозитивисты относятся к ней как к объективному процессу в развитии науки, а для постмодернистов фрагментация предмета исторической науки является способом преодоления познавательных заблуждений истории, обусловленных метафизической и идеологической нагруженностью «больших» теорий. Позиционируя себя как бескомпромиссный и ироничный метод критики метанарративов, постмодернизм при этом сам представляет собой парадигму социального познания и даже, по мнению С. Беста и Д. Кельнера, совокупность целого класса парадигм, составивших в итоге отдельный «постмодернистский поворот»⁴⁶⁹.

⁴⁶³ Contemporary Issues in Theory and Research: A Metatheoretical Perspective / ed. by William E. Snizek, Ellsworth R. Fuhrman, and Michael K. Miller. Westport, CT: Greenwood Press, 1979; Metatheory in Social Science: Pluralisms and Subjectivities / ed. by Donald W. Fiske, Richard A. Shweder. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1986.

⁴⁶⁴ Edwards, Mark G. Organizational Transformation for Sustainability: An Integral Metatheory. N.Y.: Routledge, 2010.

⁴⁶⁵ Цит. по: Ионов И. Н. Цивилизационное сознание и историческое знание. С. 383–384.

⁴⁶⁶ Laszlo, Ervin. The Systems View of the World: A Holistic Vision for Our Time. Hampton Press, 1996.

⁴⁶⁷ Laszlo, Ervin. Science and the Akashic Field: An Integral Theory of Everything. СПб.: Вест, 2011.

⁴⁶⁸ Акаша – санскритский и ведический термин для обозначения «пространства». См.: Laszlo, Ervin. The Interconnected Universe: Conceptual Foundations of Transdisciplinary Unified Field. New Jersey: World Scientific, 1993.

⁴⁶⁹ Best, Steven; Kellner, Douglas. The Postmodern Turn. N.Y. – L.: Guilford Press, 1997. P. 18.

Жан-Франсуа Лиотар определяет постмодернизм как «недоверие к метанарративам»⁴⁷⁰. На эпистемологические трудности при создании метатеории указывает и И. В. Следзевский⁴⁷¹. Согласно Войцеху Вжосеку, представление о возможности единого философского обоснования прошлого является не более чем иллюзией, поскольку прошлое не дано нам непосредственно в ощущении⁴⁷². Аллан Мегилл убежден, что за попытками преодоления дисциплинарной фрагментации стоит желание «продвинуть то или иное видение исторического синтеза <...> Давайте, однако, быть начеку: все призывы к синтезу – это попытки навязать интерпретацию»⁴⁷³.

Формирование коммуникативного метадискурса

Исследователи признают, что в конце XX в. произошел взрыв интереса к метатеоризации в социологии, он реализовывался главным образом в рамках диалоговых (т. е. коммуникативных) концепций⁴⁷⁴. В роли универсального основания теории коммуникационного подхода во всех аспектах истории выступает коммуникация, которая систематизируется на основании отдельных, сравнительно самостоятельных систем культуры – общественной, политической, этнической, религиозной и др. Но достижим ли идеал целостности исторического знания на основе универсализации коммуникации, учитывая, что социальность, перефразируя М. М. Бахтина, это и есть коммуникативность, которую историки изучают в своем историческом домене? Принципы трансдисциплинарности и транс-субъектности, объединяющие все формы познания, могли бы в перспективе стать одним из оснований для движения в этом направлении. Существует, однако, опасность, не всегда осознаваемая исследователями, что попытка трансдисциплинарного синтеза на основе коммуникации приведет к ее абсолютизации, фетишизации, и коммуникационная метатеория унаследует характерные недостатки «больших» мировоззренческих нарративов.

Поскольку мир все время меняется, то, по Хабермасу, вместе с ним **меняются и форматы коммуникативности, совместности и открытости** – как «в себе, так и в отношении к другим сферам общества как такового»⁴⁷⁵. Опираясь на достижения социальных наук, коммуникативные подходы предлагают исследователю как субъекту познания **не навязывать объекту познания собственный язык и понимание**, т. е. рефлекссию собственного мышления, а **относиться к нему с уваже-**

⁴⁷⁰ Liotard, Jean-Francois. The Postmodern Condition: A Report on Knowledge. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1984. P. XXIV.

⁴⁷¹ Следзевский И. В. Глобалистская метатеория: эпистемологические трудности // Цивилизации. Вып. 5. Проблемы глобалистики и глобальной истории. М.: Наука, 2002. С. 62–82.

⁴⁷² Wrzosek, Wojciech. O myśleniu historycznym. Bydgoszcz: Epigram, 2009.

⁴⁷³ Мегилл А. Историческая эпистемология. С. 257.

⁴⁷⁴ Fuhrman, Ellsworth R.; Snizek, William. Neither Proscience nor Antiscience: Metasociology as Dialogue // Sociological Forum. 1990. No. 5. P. 27.

⁴⁷⁵ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность: Московские лекции и интервью. М.: ИЦ Academia, 1995. С. 85, 131.

нием, быть открытым для диалога, коммуникации, сопереживания⁴⁷⁶. Это делает коммуникацию – а не эволюцию, как предлагает Э. Ласло, обосновывая свою теорию трансдисциплинарного А-поля – системообразующим фактором для коммуникативного метадискурса. Человеческая коммуникация, понимаемая не только как социальная интеракция, но и как взаимодействие человека с природой, предметами материального мира, создает историю, является источником всех социальных изменений.

Хабермасовский коммуникативный подход к изучению истории можно признать попыткой такого синтеза, но в равной степени он также является интерпретацией, вписанной в рамки социальной философии и теории. Во всяком случае, Хабермас не стал возражать Х.-П. Крюгеру, когда он назвал его философию «коммуникативного разума» «попыткой фундаментального синтеза в области философии и теории общества»⁴⁷⁷. Однако синтез может иметь задачу снятия внутренних противоречий, поиск новых оснований анализа. Одно дело – метанарратив, и совсем другое дело – общая логика научного объяснения, которую описал еще Карл Гемпель⁴⁷⁸. В наличии общей логики и единого основания – коммуникативного – этому «повороту» не откажешь.

Многомерный подход предлагает естественное совмещение различных взглядов, их непротиворечивое сведение в общую перспективу для получения объемного представления о сущности предмета изучения, изучения его со всех сторон с учетом всех внутренних взаимосвязей и взаимовлияний. Поэтому он представляет собой, с одной стороны, естественную реакцию на фрагментацию предмета исторической науки, а с другой стороны – логическое следствие нарастающей тенденции к цифровизации науки, требующей интеграции научного знания на новой, информационной основе. Выступая против гиперболизации какого-то одного из измерений социальности – общественного, культурного (цивилизационного), религиозного, или конкретных феноменов, в том числе коммуникации, он далек от претензий на метанарратив. Поэтому, скорее, это одна из версий коммуникативного метадискурса, адаптированных к системному историческому познанию, в условиях поразительных возможностей цифровой эпохи.

Коммуникация также может выступать в качестве основы синтеза методологий. Общественные классы, экономические макро- и микроструктуры, этнические и религиозные сообщества, культуры и цивилизации отличаются своими особыми типами коммуникаций и могут быть представлены (и соответственно изучаться) как сети коммуникаций. И этот факт открывает самые широкие перспективы для дальнейших исследований в области теории и практики многомерного подхода, с выходом на перекрестные трансдисциплинарные исследования.

⁴⁷⁶ Prigogine, Ilya; Stengers, Isabelle. La nouvelle alliance. P. 173, 296.

⁴⁷⁷ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. С. 79.

⁴⁷⁸ Hempel, Carl G. Aspects of Scientific Explanation: And Other Essays in the Philosophy of Science. Free Press, 1970.

Перспективы трансдисциплинарных метаисследований

Историко-культурное наследие не может быть механистично сведено к машиночитаемой форме, графическим и текстовым цифровым форматам представления исторических источников. На данном этапе цифровизации науки, когда не решена проблема формализации исторических знаний, такая задача и не стоит. Что касается второй части вопроса, то оцифровка исторических источников и перевод их в машиночитаемые данные являются лишь условием для использования цифровых методов, сама по себе оцифровка не представляет цифровые методы.

Зато на данном этапе развития науки в исследовательскую практику активно внедряется метаизучение (мета – «то, что стоит за»). В научных дисциплинах, связанных с обработкой «больших данных», все виды метаисследований, или исследований «второго порядка», различаются: метатеория, метаметоды и анализ метаданных⁴⁷⁹. Метатеория занимается анализом теорий, созданных на основе осмысления эмпирического материала, а метаметодология – соответственно методологий. **Одной из наиболее перспективных форм метаметодологии считается трансдисциплинарность**⁴⁸⁰.

В наибольшей степени потенциал нового информационного по сути подхода раскрывается при анализе не столько эмпирических данных, сколько «больших данных» и метаданных на основе коммуникативного метадискурса. Если исследования занимаются анализом необработанных данных, то предметом метаисследований, которые статистик Джин Гласс назвал «анализом анализов»⁴⁸¹, являются обработанные данные. Но это не означает достижение другого уровня абстракции и оторванность от эмпирики – скорее, другой уровень анализа. Теоретическое исследование, независимо от того, какого оно порядка, «в такой же степени является вопросом фактов, как и любое другое, подлежащее проверке тем же методом, что и наблюдение»⁴⁸².

Чжао Шаньян относится к метаисследованиям вообще и метатеории в частности не как к общему нарративу. Он сравнивает метаисследования с тем, что Харрис Купер называет «обзорами исследований»⁴⁸³, а в российской системе научной информации по общественным наукам известны как реферирование. Оба жанра работают с первичными исследованиями, причем отдельно в области теории, методологии или анализа эмпирического материала. Соответственно с этим, согласно Х. Куперу, различаются три типа обзоров: теоретический, методологический и интегративный⁴⁸⁴.

⁴⁷⁹ Shanyang, Zhao. Metatheory, Metamethod, Meta-Data-Analysis: What, Why, and How? // Sociological Perspectives. Vol. 34, No. 3. Recent Explorations in Sociological Metatheorizing. 1991. P. 377–378.

⁴⁸⁰ Transdisciplinarity: Stimulating Synergies, Integrating Knowledge Division of Philosophy and Ethics. P. 37–38.

⁴⁸¹ См.: Glass, Gene V. Primary, Secondary and Meta-Analysis of Research // Educational Researcher. 1976. No. 5. P. 3–8.

⁴⁸² Parsons, Talcott. The Structure of Social Action. N.Y.: The Free Press, [1937] 1968. P. 697.

⁴⁸³ Shanyang, Zhao. Metatheory, Metamethod, Meta-Data-Analysis. P. 378.

⁴⁸⁴ Cooper, Harris M. The Integrative Research Review: A Systematic Approach. Beverly Hills, CA: Sage, 1984. P. 11.

Метаисследования отличаются от обзоров исследований тем, что последние ориентированы на исследовательские проекты, в то время как метаизучение – на саму дисциплину, ее всестороннее понимание и развитие. Они более всеобъемлющи, чем обзоры исследований. Еще более существенной разницей является то, что обзоры, по определению Х. Купера, лишены существенного элемента рефлексивности. Их основная цель – подвести итоги того, что было сделано в конкретной области исследований по конкретному предмету. Метаизучение, представляющее собой новейший этап интегративных исследований, включает не только описание «того, что есть», но и рефлексивный поиск «того, что должно быть»⁴⁸⁵.

Генерация нарратива с помощью нейросетей

Нельзя игнорировать обширную сферу научных экспериментов, связанных с разработкой «кибернетического историка», или «гипотетического виртуального историка», в котором рассматриваются гипотезы, такие как языковые модели и (ро)боты, создающие исторические повествования и усваивающие методы количественного и качественного анализа⁴⁸⁶. Так, обработав с помощью ботов личную информацию около 50 млн американских пользователей социальной сети Facebook (запрещенной в России), компания Cambridge Analytica использовала методы психографического моделирования для создания политических профилей, предназначенных для влияния на избирателей во время президентской кампании США в 2016 г.

Идея исторического (ро)бота (ср. *historyianbot.org*) предполагает смещение технологии, изначально задуманной для отслеживания профилей потребителей, в направлении производства исторических знаний с помощью искусственного интеллекта, в том числе путем подачи роботу архива для обработки⁴⁸⁷. К числу цифровых методов, алгоритмов и программных средств, которые объединяются под определением цифровых инструментов, относят разнообразные информационно-коммуникационные технологии, связанные с обработкой цифровой информации, числовых данных, баз данных, изображений, а также геоинформационные системы, мультимедийные технологии и экспертные системы⁴⁸⁸.

Цифровые методы, как правило, являются системными, поскольку они работают на системных принципах и используют компьютерные технологии. Л. Н. Мазур подчеркивает, что методы систематизации исторических данных включают в себя текстовую модель данных, числовую модель данных, схемы и карты⁴⁸⁹, которые, вероятно, можно объединить в единую многослойную графическую модель виртуальных данных. В соответствии с поставленными целями и задачами исследования подбирается один или несколько конкретных цифровых методов

⁴⁸⁵ Shanyang, Zhao. Metatheory, Metamethod, Meta-Data-Analysis. P. 379.

⁴⁸⁶ См. Nicodemo, Thiago Lima; Cardoso, Oldimar. Metahistory for (Ro)bots: Historical Knowledge in the Artificial Intelligence Era // História da Historiografia. 2019. Vol. 12. No. 29. P. 17.

⁴⁸⁷ Ibid. P. 27.

⁴⁸⁸ Мазур Л. Н. Методы исторического исследования. С. 338–382.

⁴⁸⁹ Там же. С. 251–301.

из числа существующих, либо ставится задача адаптации существующего, или же разработки нового цифрового метода.

В ноябре 2022 г. компания OpenAI представила языковую модель искусственного интеллекта с открытым исходным кодом ChatGPT, которая может сгенерировать любой текст на основании запроса. Чат-бот использует алгоритм машинного обучения GPT-3, который обучался на миллиардах данных. 22 декабря 2022 г. я задал ей тему настоящей книги на английском языке: «The Human and History in the Digital Era» без дополнительных вводных данных. Алгоритм сразу же выдал небольшой по объему текст на английском языке, который Google Translator перевел следующим образом:

Цифровая эпоха сильно повлияла на то, как люди живут, работают и общаются. Она также оказала существенное влияние на изучение и понимание истории.

Одним из основных способов, которым цифровая эпоха влияет на изучение истории, является распространение цифровых источников и ресурсов. Многие исторические документы, записи и другие материалы теперь доступны онлайн, что упрощает изучение их учеными и широкой общественностью. Это также привело к разработке новых инструментов и методов для организации и анализа больших объемов цифровых данных, что помогает историкам получать новые взгляды на прошлое.

Цифровая эра также изменила способ преподавания и изучения истории. Благодаря широкому использованию технологий в образовании многие школы и университеты теперь используют цифровые инструменты и ресурсы для преподавания истории и других предметов. Это могут быть онлайн-лекции, видеоролики, симуляции и интерактивные учебные материалы, которые могут сделать изучение истории более увлекательным и доступным для студентов.

В целом цифровая эра оказала глубокое влияние на то, как изучают и понимают историю, и, вероятно, она продолжит формировать эту область в будущем.

18 июня 2023 г. в Телеграм-канале Chat GPT Free Bot был введен более корректный запрос, но уже на русском языке: «Напиши научный текст на тему: 'Человек и история в цифровую эпоху' до 750 слов». Программа произвольно выбрала объем 510 слов и выдала текст сразу на языке запроса:

Цифровая эпоха привела к значительному сдвигу парадигмы в том, как мы воспринимаем информацию и взаимодействуем с ней. С экспоненциальным ростом Интернета и широким распространением цифровых технологий мы сейчас живем в мире, где информация более доступна и обильна, чем когда-либо прежде. Это оказало глубокое влияние на то, как мы понимаем историю и взаимодействуем с ней.

Одним из наиболее заметных изменений, вызванных цифровым веком, является демократизация знаний. Благодаря Интернету любой человек, имеющий подключение к Интернету, может получить доступ к огромному количеству информации практически по любой теме. Это коренным образом изменило то, как мы изучаем историю, поскольку позволило людям исследовать темы, которые раньше могли быть для них недоступны. Например, люди, живущие в отдаленных или недостаточно обслуживаемых районах, теперь могут получить доступ к историческим ресурсам и артефактам в Интернете, что позволяет им заниматься историей способами, которые ранее были невозможны.

Более того, цифровые технологии позволили людям взаимодействовать с историей более интерактивным и захватывающим образом. Музеи и исторические памятники в настоящее время используют цифровые технологии, такие как виртуальная реальность и дополненная реальность, для создания более увлекательных и интерактивных впечатлений для посетителей. Это позволило людям воспринимать историю более осязаемым и интуитивным образом, сделав ее более доступной и привлекательной для более широкой аудитории.

Еще одним значительным влиянием цифровой эпохи на изучение истории является возможность сохранять и обмениваться историческими артефактами и документами. Цифровые технологии сделали возможным создание высококачественных цифровых копий исторических артефактов и документов, которыми могут делиться и получать к ним доступ люди во всем мире. Это помогло сохранить исторические артефакты, которые могли быть утеряны или повреждены из-за времени или стихийных бедствий. Кроме того, цифровые технологии позволили ученым сотрудничать и делиться своими исследованиями в режиме реального времени, что упрощает поиск новых идей и открытий.

Однако цифровая эпоха также породила новые проблемы и противоречия, когда речь идет об изучении и интерпретации истории. Например, Интернет изобилует дезинформацией и пропагандой, из-за чего отличить правду от вымысла становится все труднее. Более того, сам объем информации, доступной в Интернете, может быть ошеломляющим, из-за чего людям трудно понять, с чего начать, когда дело доходит до исследования исторических тем. Кроме того, использование цифровых технологий в исторических местах и музеях вызвало споры о подлинности и точности этих представлений истории.

Кроме того, цифровая эпоха также выдвинула новые этические соображения, когда речь идет об изучении и интерпретации истории. Например, были подняты вопросы о праве собственности и контроле над оцифрованными историческими артефактами и документами. Кроме того, были высказаны опасения по поводу использования технологии распознавания лиц в исторических исследованиях, поскольку это может потенциально нарушить неприкосновенность частной жизни и достоинство людей, изображенных на исторических фотографиях.

В заключение, цифровой век принес значительные изменения и возможности, когда дело доходит до изучения и интерпретации истории. Это сделало исторические ресурсы более доступными и интерактивными, позволяя людям взаимодействовать с историей более осязаемым и захватывающим образом. Однако это также вызвало новые проблемы и противоречия, такие как распространение дезинформации и этические соображения, связанные с использованием цифровых технологий в исторических исследованиях. По мере того, как мы продолжаем двигаться в эпоху цифровых технологий, важно сохранять бдительность и осознавать эти проблемы, а также использовать возможности, которые цифровые технологии предлагают нам, когда дело доходит до понимания нашей общей истории и участия в ней.

Некоторые общие выводы:

1. Алгоритм машинного обучения даже в бесплатных версиях программы способен создавать текст на достаточно высоком профессиональном уровне, по крайней мере на уровне профессиональной подготовки среднего выпускника вуза.

2. Сгенерированный текст является оригинальным, но содержательно банальным, содержит общеизвестные факты, самые общие сведения по заданной теме, которые тем не менее преподносятся в сбалансированном виде.
3. Объем и сложность текста, а также дискурс можно регулировать при постановке задачи, но однородная семантика, повторяемые закономерности дискурса и плотность текста выдают его искусственное происхождение.
4. Опыт в целом показал очень высокий уровень воспроизводимости результатов и хорошую корреляцию между вводимыми данными и полученными результатами.
5. Литературное качество текста как на английском языке, так и в переводе на русский язык достаточно высокое, в дополнительной редакции либо совсем не нуждается, либо требует минимальной корректуры.
6. Однако до полноценной замены человека еще далеко: на этом этапе программа пока допускает семантические ошибки, воспринимая предметные и собирательные слова как тождественные.
7. По мере развития алгоритма чат-бот получит возможность повышать качество и уровень сложности генерируемого текста – для проверки достаточно ввести *The Human and History in the Digital Era* в строку запроса чат-бота с определенной периодичностью, чтобы понимать, насколько быстро обучается нейросеть.

Алгоритм ChatGPT имеет открытый исходный код, поэтому специалисты в области машинного обучения и другие программисты могут тестировать его частями или целиком, приспосабливать и «кастомизировать» под свои задачи. Разные приложения на основе данной языковой модели уже используются в качестве цифрового секретаря, отвечающего на деловые письма, они ожидаемо используются в разных сферах деятельности, в том числе в программировании, в частности для преодоления этапа использования языка описания аппаратуры (HDL – *Hardware Description Language*) – специализированного компьютерного языка. Это ускорит работу и позволит уменьшить долю человеческого фактора, однако поставит этот трудозатратный человеческий навык в зависимость от программного обеспечения, электричества и сервера ChatGPT.

Отсюда возникает естественный вопрос: за какой период и в каких областях искусственный интеллект (ИИ) сможет заменить человека в гуманитарных науках и заменит ли он его вообще? Это гипотетический вопрос, который тем не менее заставляет нас задуматься о перспективах гуманитарных наук в цифровую эпоху по мере углубления и ускорения технологического прогресса.

Долгое время ключевым здесь оставался один существенный момент: ИИ работал только в рамках накопленного объема знания, он не был способен генерировать новое знание. Однако на новом этапе «кастомизации» алгоритмы можно использовать и для анализа «больших данных», в результате которого как раз генерируется новое знание. Это означает, что сферы научных исследований, связанных с трансляцией достижений одной культуры для другой культуры, а также с анализом доступных данных из открытых источников, будут постепенно замещаться ИИ-инструментами.

Со временем в этой схеме неизбежно появятся проблемы другого рода. Увеличение доли ИИ-контента в Интернете в конечном счете приведет к деградации моделей. Результаты использования ИИ-инструментов заполнят Интернет и окажутся в тренировочных датасетах новых моделей, с каждым разом все больше умножая степень искажения реальности. Поэтому большие языковые модели (LLM) должны обучаться только на верифицированном научном контенте.

* * *

Таким образом, по мере того как цифровая эпоха все более ощутимо и зримо вступает в свои права, информационные и коммуникативные подходы оказываются более востребованными в самых разных областях знания, в том числе в исторической науке, а обученные программы с искусственным интеллектом грозятся оставить часть исследователей без работы – по крайней мере тех из них, кто в основном занимается генерацией нового знания на основе анализа известных данных, опубликованных на других языках или языке собственной культуры. Это серьезный вызов, к которому готовиться необходимо прямо сейчас, начиная с системы вузовской подготовки профессиональных востоковедов.

Поскольку в настоящем исследовании я выступаю не столько в качестве представителя цифровой истории или цифрового востоковедения, сколько как историк-востоковед, живущий в условиях активной фазы цифровизации науки, то меня больше интересуют возможности использования новых информационных возможностей для изучения прошлого, **оставаясь в предметной области традиционной истории в рамках ее постнеклассических (прежде всего, неоклассического) подходов.** С каждым годом ИИ-инструменты, в том числе для многомерного и системно-коммуникационного анализа, становятся все более совершенными, и для их использования не нужны специальные компетенции в точных науках и программировании.

20 июня 2023 г. я загрузил в ChatGPT расширенную аннотацию этой книги и попросил нейросеть сформулировать ее название. Результат оказался более точным, поскольку во второй части названия бот предложил раскрыть содержание сформулированной темы: **«Многомерный подход к изучению истории и культуры: Интеграция пространственного, коммуникативного, информационного и других “поворотов” науки».** Нейросеть очень точно определила иерархию этих «поворотов» в контексте многомерного подхода: сначала – пространственный, а затем – коммуникативный и информационный, которые вместе составляют прагматический «поворот» науки. Цифровой «поворот», как и ожидалось, в название не вошел, поскольку это форма выражения коммуникативного и информационного «поворотов». Таким образом, для более точного подбора названия, например, статьи этот инструмент вполне пригоден, так же как и для первичных многомерных исследований данных историками, не владеющими математическим аппаратом.

Суммируя сказанное, можно прийти к следующим выводам:

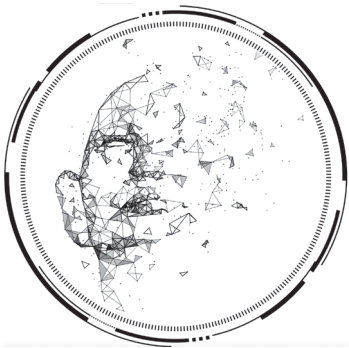
1. Наступившая цифровая эпоха, трансформируя социальную реальность, формы существования и репрезентации социальных систем и систем культуры, требует новых объяснительных теорий и концепций, более релевантных ей научных подходов, которые бы обеспечили более высокий, соответствующий цифре уровень точности, объективности, системности и тотальности описания. А. Павловский интерпретирует цифровой «поворот» еще жестче: цифровая эпоха не просто трансформирует социальную реальность, а цифровые технологии (наверное, прежде всего коммуникационные) внедряются в реальность, становясь неотъемлемой частью реальности. Именно в такой трактовке сегодня ведутся исследования по «истории памяти»⁴⁹⁰.
2. Компьютер, став рабочим инструментом исследователя, значительно расширил возможности и пределы его познавательной деятельности и на порядок увеличил коэффициент полезного действия, на много порядков сократив затраты времени на поиск и обработку информации.
3. Здесь очень важно поставить такой вопрос: как именно мы можем использовать успехи цифрового «поворота» – в сообществе есть консенсус по вопросу облегчения доступа к данным, но при этом нужны также новые методы и подходы, вроде *distant reading* в лингвистике.
4. С появлением специальных программных инструментов, прежде всего трехмерного сканирования исторических следов и их использования при визуализации прошлого, расширились не только возможности исторических реконструкций, но и исследовательское поле историка, а также требования к его профессиональной подготовке. Одновременно с этим технологии существенно усложняют возможности реконструкции прошлого, появляются новые требования к данным, их репрезентативности.
5. Новейшие познавательные «повороты» истории и культуре, обусловленные в том числе и развитием кибернетики, завершились коммуникативным и цифровым «поворотами», которые объединяются под общим названием «информационного поворота».
6. Цифровизация гуманитарных наук – не прихоть, а требование времени; она обусловлена цифровизацией нашей жизни, различных ее аспектов – социально-экономических, политических, бытовых.
7. На данном этапе развития науки возникает задача не опровержения существовавшего прежде знания, а его интеграции в общее информационное пространство, в котором будет создаваться познавательный потенциал нового типа, а также обеспечения этого пространства необходимым аналитическим инструментарием. Этот процесс очень тесно связан с датафикацией, т. е. подготовкой сведений исторических источников к машинному обучению, в частности к работе с gpt-моделями⁴⁹¹.

⁴⁹⁰ Павловский А. Цифровые рамки коллективной памяти: куда ведет цифровой поворот в memory studies? С. 7–12.

⁴⁹¹ Володин А. Ю. Между *data* и *capta*: проблемы датафикации исторических исследований. С. 137–145.

8. В условиях фрагментации наук именно трансдисциплинарный подход оказался той интегративной основой для различных наук, которая обеспечила их «единство через различия».
9. Универсалиями исторического знания цифровой эры выступают две сущности: сама информация и коммуникация, которая порождает информацию. К суждению об универсалиях исторического знания можно добавить размышление об историческом источнике как «акте коммуникации», причем часто этот акт состоялся в прошлом, а до нас доходят обрывки прошлого акта, но исследователю необходимо реконструировать именно сам акт.
10. Цифровые аналитические инструменты и человеко-машинные языки проникают во все научные дисциплины, создавая их цифровые версии и меняя ландшафт науки. Борис Орехов обратил внимание на то, что нейросети не воспринимают науку так же, как и гуманитарные ученые – через научные тексты. Для ChatGPT «наука – это систематический и организованный подход к изучению природы, общества и различных явлений, основанный на наблюдении, экспериментах и логическом анализе данных. Цель науки – расширение знаний и понимания мира, создание новых технологий и решение практических проблем»⁴⁹². Таким образом, ИИ-инструменты заостряют внимание именно на самом знании, а не на текстах, при том, что в гуманитарных науках эти два аспекта научной работы тесно связаны.
11. Адаптация огромного, накопленного человеком за столетия багажа классического знания к цифровой эре возможна в первую очередь через неоклассический подход – хотя бы потому, что этот подход заточен не на отрицание классического знания как такового, а на возвращение его великих достижений в обновленной и машиночитаемой форме. И тут мы должны продумать развилку: что мы отдаем на откуп алгоритмам, а что считаем необходимым проверять самим, так сказать, естественным интеллектом.
12. Необходимы инструменты дополнительного контроля над результатами неизбежного использования машинного обучения в анализе данных, для уменьшения доли искажений и фальсификаций. Собственно говоря, многомерный подход с его более высокими требованиями к верификации больших данных и системной логикой может стать одним из таких инструментов.

⁴⁹² Орехов Б. Текст и знание в гуманитарных науках в эпоху больших языковых моделей. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SVI9nSmrQWk>. Дата обращения: 22.06.2023.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ИСТОЧНИКИ МНОГОМЕРНОГО СИСТЕМНО-КОММУНИКАЦИОННОГО ПОДХОДА

В данной главе исследуются источники многомерного системно-коммуникационного подхода, на основе изучения которых уже в последующей главе будут сформулированы его теоретико-методологические основоположения. Эти источники можно разделить на четыре группы по числу параграфов, каждая из которых по своей сути представляет собой отдельный макротеоретический подход:

- 1) системные теории, в том числе теории социальных систем, и их новейшие модификации;
- 2) версии понимающей и интерпретативной социологии, многомерный культуральный анализ и социокультурный подход, рассматривающий человека, общество и культуру в их системном единстве;
- 3) коммуникативные теории, «коммуникативная история» и методы коммуникативного анализа, поскольку без коммуникации не может быть социальности, а без социальности – истории и культуры;
- 4) информационные теории, «информационная история» и методы многомерной статистики, поскольку многомерный подход по определению является информационным.

Каждая группа источников может выступать в качестве самостоятельной программы трансдисциплинарного синтеза, поскольку имеет под собой собственный интегративный принцип: системность, социологизм (точнее, культурсоциологизм, постулирующий единство социального и культурного), коммуникацию и информационность. Соединенные вместе на основе многофакторности и разностороннего анализа, эти интегративные принципы обеспечивают «функциональный син-

тез методологий» сразу в нескольких актуальных для цифровой эпохи областях теоретической мысли.

Для изучения особенностей афро-азиатских обществ востоковеды используют также теоретические знания и хорошо апробированный инструментарий своей науки, отточенный в комплексных исследованиях. Они не нуждаются в специальном представлении, поэтому используются в исследовании в качестве предпосылочного знания.

Любая интегративная теория, большая или среднего уровня, прикладная, частная, или интеграция познавательных «поворотов» не может строиться путем простого эклектического соединения положений различных теорий. Проблемное поле этих теорий никуда не исчезает – наоборот, оно концентрируется в фокусе нового подхода, но на основе существенно обновленных принципов системности и коммуникативности. Переосмысление этих принципов на совершенно иных, оригинальных теоретико-методологических основаниях, которое предпринято в одной из следующих глав, в настоящей главе предваряется критическим анализом основных источников, а не слепым следованием существующим историко-философским концепциям. По этой причине некоторое внимание попутно уделяется унификации системных и коммуникативных методов, их репрезентации в единой смысловой и семантической логике.

2.1. СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД, ЕГО КЛАССИЧЕСКИЕ И НОВЕЙШИЕ МЕТОДЫ. ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Системный подход обязан своим появлением трем исследователям: А. А. Богданову, поставившему перед собой цель «систематизации организованного опыта», Норберту Винеру и Людвигу фон Берталанфи. В своем фундаментальном трехтомном труде «Тектология», изданном в России накануне революции, А. А. Богданов, с которым любил полемизировать В. И. Ленин, предвосхитил многие идеи, которые позднее найдут свое развитие в «Кибернетике» Н. Винера и «Общей теории систем» Л. фон Берталанфи¹. Важнейшими источниками системного подхода (или, по другой классификации, системологии²) стали концепция «формальной системы», которая получила название «теории теорий», а также идеи исследователей XIX в., таких как Б. Бальцано и Э. Гуссерль³.

Создавший науку коммуникации в том виде, в каком она связана с живыми существами и машинами, Норберт Винер утверждал, что «в мире хаотической

¹ Берталанфи Л. фон. Общая теория систем: критический обзор // Исследования по общей теории систем: Сборник переводов. М.: Прогресс, 1969. С. 23–82.

² См.: Кононюк А. Е. Системология. Общая теория систем. Кн. 1. Начала. Киев: Освіта України, 2014. С. 53–60.

³ Centrone, Stefania. Logic and Philosophy of Mathematics in the Early Husserl. P. XII – XIII.

морали <...> наша первая обязанность состоит в том, чтобы устраивать произвольные островки порядка и системы»⁴. Таким образом, понятия коммуникации (включая важнейший для цифровой эпохи тип коммуникации человека и машины) и информации не могут иметь никакие иные основания, кроме как системные. В полной мере это касается и понятия многомерности.

Общая теория систем Людвиг фон Берталанфи исходит из аристотелевского «организмического принципа»: целое всегда больше суммы его частей, иначе говоря, любой живой организм всегда больше суммы его органов. Вслед за Дж. ван Гигом системный подход в данной работе рассматривается как инструмент общей теории систем, в которой система представляется как совокупность компонентов, взаимосвязанных между собой и образующих единое целое. Не случайно К. Боулдинг назвал общую теорию систем «скелетом науки»⁵. Это именно инструмент, а не объясняющая теория – системные методы ничего не объясняют, они позволяют анализировать сложные проблемы научного познания и выявлять новые аспекты этих проблем. Что объясняет, например, резец скульптора? Ровным образом ничего, кроме самой идеи инструмента, его отличительных особенностей. Но без этого инструмента нельзя высечь скульптурное произведение, которое как раз и содержит идею, отличную от идеи резца (инструмента) и мрамора (материала скульптуры). Таким образом, системные методы скорее являются «генератором вопросов», которые иначе, возможно, просто не возникли бы⁶.

Коммуникативный контекст в приведенном ниже изложении методов системного анализа возникает не сразу. В классических теориях его особенно и не было, он опосредованно присутствует в мир-системной теории и уже непосредственно – в синергетике, особенно в ее философских интерпретациях, усиливаясь в постнеклассических исследованиях. Для востоковедения этот контекст имеет исключительно важное значение в силу инклюзивности и некоторой закрытости восточных религий и глобальной включенности Востока в западоцентричную систему международных отношений.

К числу несомненных преимуществ общей теории систем, которую ее создатель Л. фон Берталанфи рассматривал как программу широкого междисциплинарного синтеза, относится его способность интегрировать разные другие научные подходы и методы исследования, а в данном случае – в рамках многомерного подхода. Например, структурный функционализм Парсонса, как и неофункционализм Александера, строились на системной основе, поэтому они хорошо интегрируются в любую системоцентричную методологию, изучающую общество в настоящем, а следовательно, и в прошлом.

⁴ Винер Н. Я – математик. М.: Наука, 1967. С. 311.

⁵ Boulding, Kenneth E. General Systems Theory: The Skeleton of Science // Management Science. 1956. No. 2 (3). P. 197–208.

⁶ Черчмен У. Предисловие к английскому изданию // Дж. ван Гиг. Прикладная общая теория систем. Т. 1. М.: Мир, 1981. С. 10.

2.1.1. Унификация системных методов исторического исследования

Систематизация классических системных методов исторического исследования осуществлялась не раз, в том числе в отечественной науке (И. Д. Ковальченко, Л. Н. Мазур, А. О. Чубарьян и др.). В соответствии с задачами настоящего исследования для анализа структуры и функций объектов истории, внутренних и внешних связей (морфологии), а также динамических изменений (генезиса), системные методы исторического исследования требуют своей системной унификации и упорядочивания, хотя бы в самом общем виде, с учетом впечатляющих достижений теорий социальных систем. Так, структурный функционализм, выработанный Т. Парсонсом и Р. Мертоном, а также неофункционализм Дж. Александера отчасти перекликаются с системно-структурным и системно-функциональным методами, которые могут быть существенно доработаны и представлены в общей базе конкретных системных методов. Интегративную подсистему, которую Т. Парсонс называл социетальной, можно исследовать с помощью системно-интеграционного метода. Метод коммуникативного анализа благодаря трудам Н. Лумана развился до самостоятельного и весьма влиятельного системно-коммуникативного подхода. В основе многомерного подхода, как мы покажем ниже, лежит метод системно-коммуникационного анализа. При кажущейся избыточности системных методов каждый из них имеет четко определенную сферу применения. Кратко опишем их в общей логике системно-логических инструментов.

Системно-исторический метод

Системно-исторический метод является адаптированной к теориям Хабермаса и Лумана версией классического **историко-системного метода**, который позволяет выяснить условия, причины и предпосылки возникновения исследуемой системы, пройденные ею этапы, современное состояние, а также возможные перспективы развития⁷. Наряду с системно-историческим, Л. Н. Мазур также выделяет **историко-сравнительный метод**⁸, который может использоваться также и в системно-коммуникационном анализе. Это основные методы исторического исследования, в которых реализованы принципы системного подхода. Оба метода направлены на изучение объектов и явлений прошлого как целостных исторических систем. Однако между ними существуют и некоторые различия, весьма значительные для системного анализа.

Историко-системный метод исходит из единства индивидуального (единичного), особенного и общего в объективной реальности, которое проявляется в общественно-исторических системах разного уровня⁹. В системно-историчес-

⁷ Мазур Л. Н. Системно-исторический метод // Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 156.

⁸ Мазур Л. Н. Методы исторического исследования. С. 455–475.

⁹ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. С. 183.

ком методе (по крайней мере, в той его интерпретации, в какой он используется в данном исследовании) нет такого разделения. Поскольку анализ проводится в каждом из аспектов истории, или системах культуры, выделяются только элементы и их связи на каждом уровне системы, начиная от элементарного (уровень первоэлементов). Здесь также нет разделения на общественные и общественно-исторические системы: любой факт или событие в отдельно выделенной системе культуры (политическая, религиозная и др.) становится историческим – иначе говоря, они попадают в анналы того или иного аспекта истории, как только оказываются логически завершенными.

Без системно-исторического метода трудно обойтись при исследовании исторических изменений любого социального явления, события, процесса и даже социальной функции или совокупности функций, относящихся к одному классу феноменов (социальному институту). Здесь недостаточно простой систематизации материала: каждая вложенная система может выступать в качестве частного и целого одновременно. В зависимости от выбранного критерия система может быть выделена в любом аспекте проблемы, связанном с историей. Это делает системно-исторический метод основным методом исторического исследования.

Системно-элементный метод

Системно-элементный метод обнаруживает много общего с более общим **аналитическим методом**, который дополняет более старый **описательный метод**. Однако аналитический метод более универсален. В исторических исследованиях системно-элементный метод можно разделить на три отдельных метода: элементарный (разложение явления на отдельные части без учета их связей и отношений – друг к другу и к целому), причинно-следственный (дифференциация явления с учетом его причинно-следственных отношений) и логический (учет всех логических связей и отношений между элементами системы и частных элементов системы к самой системе).

Любой научный анализ предполагает сначала поэлементное расчленение предмета исследования с помощью специального понятийного аппарата науки (в нашем случае – дистинкций и дифференциаций), и только затем – после выявления всех особенностей и связей каждого элемента – их обобщение (синтез). Поскольку исторической науке приходится иметь дело не только с фактами (материальными свидетельствами, документальными данными), но и с событиями, процессами и идеями, в историческом факте выделяют его компоненты, в событии или процессе – этапы или ступени, в содержании сознания – элементы, в каждом понятии – определенные признаки.

Иначе говоря, системно-элементный метод подразумевает абстрагирование и конкретизацию, например, коммуникативных актов при изучении социального взаимодействия в прошлом, выделение множества частного из единого целого, а затем, после получения и систематизации эмпирического материала, сведение множества частного в единое целое, но также в рамках общей системы. В данном случае сказанное означает признание того, что политические, этнические, конфессиональные и иные процессы представляют собой различные аспекты единого

общественного процесса. Для выявления какой-либо логики в общественных процессах необходимо разложить их на отдельные многозначные компоненты, или аспекты, и рассматривать их не только отдельно друг от друга, но и в их тесной логической взаимосвязи и взаимообусловленности. Это также базовое требование междисциплинарного комплексного подхода, который целиком и полностью основан на системном подходе.

Системно-структурный метод

Системно-структурный метод является важнейшим инструментом выявления внутренних связей и зависимостей между элементами исследуемой системы – социальной организации в ее отдельных аспектах или конкретной коммуникативной системы. Метод исходит из того, что структура сама по себе предполагает определенную взаимосвязь и взаиморасположение составных частей: она представляет определенным образом организованное строение системы, ее устройство.

В данном исследовании системно-структурному методу подчинены (на уровне общих принципов) все теории и концепции, апеллирующие к структуре социальной организации. Наиболее известными из них являются:

1. Теория структурализма – интеллектуальное движение, пришедшее на смену экзистенциализму в лице Ж.-П. Сартра. Начиналось оно в начале XX в. со структурной лингвистики: Ф. де Соссюр утверждал, что человеческая культура может быть понята только посредством структуры, моделируемой на основе языка¹⁰. Эта моделируемая структура отличается от конкретной действительности и от абстрактных идей – посредником между ними выступают как раз структуры языка. Труды К. Леви-Стросса по структурам родства положили начало структурной антропологии¹¹. Поэтому необходимо различать практическую имплементацию теории структурализма в культурологии, антропологии, с одной стороны, а с другой – в литературоведении, где она представлена определенным жанром, рядом интертекстуальных связей, моделью универсальной нарративной структуры или системой повторяющихся мотивов¹². Что касается структурной лингвистики, то методы диахронического (исторического) и синхронического (неисторического) анализа, разделенные де Соссюром в общей теории лингвистики, в системной теории оформились в виде системно-диахронного метода.

Проблематикой социальных структур занимается **теория структурного функционализма** (см. ниже).

2. «Постструктурализм». Теория определяется ее отношением к своему предшественнику, структурализму. Авторы постструктурализма представляют критику структурализма, но общие темы включают в себя отказ от принципа самодостаточ-

¹⁰ О принципах структурной лингвистики см.: *Соссюр Фердинанд де. Курс общей лингвистики* / пер. с фр. М.: Едиториал УРСС, 2004.

¹¹ *Lévi-Strauss C. Les structures élémentaires de l'apparenté. Paris, Presses Universitaires de France, 1949; Леви-Стросс К. Путь масок* / пер. с фр., сост., вступ. ст. и примеч. А. Б. Островского. М.: Республика, 2000; *его же. Структурная антропология* / пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.

¹² *Barry, Peter. Structuralism // Beginning Theory: An Introduction to Literary and Cultural Theory. Manchester: Manchester Univ. Press, 2002. P. 39–60.*

ности структур, который устанавливает структурализм, а также отказ от применения только бинарных оппозиций как основания структурного подхода. Безусловно положительно в этой теории отношение к структуре как к сложной целостности, в которой все взаимосвязано. К числу постструктуралистов относят прежде всего таких теоретиков, как Ж. Деррида, Ж. Делёз, М. Фуко, Дж. Батлер, Р. Барт, Ж. Бодрийяр, хотя многие из них отвергали это обозначение как неуместный ярлык.

Как и родственный ему постмодернизм, постструктурализм является наиболее популярной теорией современной академической науки, привлекающей к себе внимание особым интеллектуальным дискурсом. Несмотря на это, указанное научное направление, по крайней мере в русской научной традиции, пока предметно не определено. Делёз пытался решить этот вопрос в своей статье «Что такое структурализм?». Но он только обозначил критерии новой теории, которую стали называть постструктурализмом. Итоговый вывод заключается в том, что «реальное, воображаемое и их отношения всегда порождаются вторично благодаря функции структуры», которая содержит свои первичные свойства (Жиль Делёз назвал их «акциденциями») в себе самой¹³. Согласно Фуко, в теории структурализма элементы человеческой культуры должны пониматься с точки зрения их связей с более крупной, всеобъемлющей системой, которую можно назвать структурой¹⁴.

Многомерный подход использует понятие «система» вместо понятия «структура», различая системы на основании самых разных критериев. При этом каждая система отличается собственной структурой, характеризующей число и расположение элементов внутри системы, а также их внутренние и внешние связи и образующиеся на их базе отношения. Структуры выделяются только на основе общих для каждого типа категорий, разнотипные структуры не смешиваются и не сравниваются друг с другом, в каждой структуре выделяется структурообразующее ядро (тоже как элемент системы, или вложенной системы). С коммуникацией связано не всякое структурное изменение, а только изменение живой, самоорганизующейся системы, связанной с системой человека и социокультурной системой.

Системно-функциональный метод

Системно-функциональный метод предполагает выявление функций, для выполнения которых созданы и существуют соответствующие системы. В качестве систем здесь выступают структуры, поэтому системно-функциональный метод все время апеллирует к структуре социальной организации, поскольку структура и функция являются основными характеристиками любой организации, в том числе социальной.

В данном исследовании системно-функциональному методу подчинены все теории и концепции, апеллирующие к функциям социальной организации. Наиболее известными из них являются:

¹³ Deleuze, Gilles. A quoi reconnaît-on le structuralisme? // *L'île déserte et autres textes*. Paris: Minuit, 2002. P. 268.

¹⁴ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина и Н. С. Автономовой. СПб.: А-сad, 1994.

1. **Структурный функционализм.** В этом методологическом подходе к изучению общества и человека, изначально в развернутом виде разработанном Т. Парсонсом, общество рассматривается как система социального порядка, в которой структуры, выполняющие определенные функции, работают вместе, чтобы способствовать синхронизации, солидарности и стабильности. Определяя статус своей теории как методологии социологической науки¹⁵, он выделил в качестве структурных категорий систему ценностей, социальные нормы, типы общностей и роли их участников, а как функциональные – самосохранение, интеграцию, достижение цели и адаптацию¹⁶. При этом системные критерии измерения адаптации, а также действие ее механизмов в культурно-сложных социальных системах не были определены. У истоков структурного функционализма стоят Г. Спенсер и Э. Дюркгейм. Спенсер впервые попытался приспособить теорию Дарвина о естественном отборе к обществу. Ссылаясь при описании общества на строение человеческого тела, он считал, что подобно тому, как структурные части человеческого тела – скелет, мышцы и различные внутренние органы – функционируют независимо, чтобы помочь всему организму выжить, социальные структуры работают вместе, чтобы сохранить общество. Дюркгейм ввел важные понятия социального реализма и социального факта.
2. Ученики Парсонса создали свои версии этого подхода. Р. Мертон обогатил структурный функционализм дихотомией «функция – дисфункция». Дж. Александер развил **неофункционализм**, выделив различные уровни порядка – коллективный на макроуровне общества, и индивидуальный на микроуровне непосредственных человеческих коммуникаций.
3. Структурному функционализму иногда противопоставляется **функциональный структурализм**, который выводит структуру общества из функции, а не наоборот.
4. **Теория структурирования** – это социальная теория создания и воспроизводства социальных систем, основанная на анализе структуры и субъектов социальных действий. Между ними существует такая взаимосвязь: структуры являются «правилами и ресурсами», встроенными в следы памяти субъектов социальных действий¹⁷. В «Конституции общества» Э. Гидденс выделяет следы памяти трех видов: а) господство (власть), оно управляет ресурсами (авторитарными, ресурсами распределения и др.), б) значение (смысл), оно управляет процессами и в) легитимация (норма). Значение и легитимация представляют собой правила. Субъект социальных действий, т. е. человеческий индивид, использует эти запасы знаний через память, чтобы сообщить о внешнем контексте, условиях и потенциальных результатах действия.

¹⁵ Parsons, Talcott. Social Systems and the Evolution of Action Theory. N.Y.: The Free Press, 1975; Bourricaud, Francois. The Sociology of Talcott Parsons. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1981. P. 94.

¹⁶ Философский словарь: словарь / Адо А. В. и др.; под ред. И. Т. Фролова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Политиздат, 1991. С. 438–439.

¹⁷ Giddens, Anthony. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Cambridge, MA: Polity Press, 1984.

Системно-интеграционный метод

Системно-интеграционный метод определяет совокупность качественных свойств системы, обеспечивающих ее целостность и специфику этой целостности. Каждый из измерений социальности представляет собой систему, основанную на особом интегральном для данной системы феномене социальной природы человека: например, социальное измерение в узком смысле – на феномене человеческой взаимозависимости, политическое – на феномене доминирования и подчинения, религиозное – на феномене религиозности и т. д. Системно-интеграционный метод по-разному проявляет себя на эмпирическом и теоретическом уровнях исторического исследования, особенно когда он используется вместе с другими методами – так, например, системно-морфологический метод заставляет его апеллировать к интеграторам наивысшего для теории истории уровня обобщения, выше которого остается только философский уровень генерализации. В работе с эмпирическим материалом также учитываются многоуровневость таких интеграторов. Если в самом общем виде целостность религиозного измерения социокультурной системы обеспечивается религиозностью как таковой (на самом высоком, философском уровне генерализации), то в историческом исследовании актуальными являются принадлежность к той или иной религии (общественно-конфессиональный уровень обобщения), конкретной конфессии внутри религии (субконфессиональный уровень обобщения), религиозной школе или общине (религиозно-общинный уровень обобщения), а также с внутренней верой в Бога (индивидуальный уровень анализа). На всех этих уровнях обобщения основополагающим является фактор коммуникативной связи, поэтому коммуникацию можно считать наиболее универсальным интегративным основанием.

В многомерной системе координат социокультурная система представляет собой глубоко интегрированный на уровне элементов континуум коммуникации, в котором исследователь выделяет системы, компоненты систем (подсистемы), а также их наиболее сочетаемые и актуальные с точки зрения познавательного потенциала типы обособленной системной интеграции. В социальных измерениях истории – это социально-экономический, общественно-политический, военнополитический, этнополитический, этнокультурный, этнорелигиозный, этноконфессиональный аспекты.

Системно-типологический метод

Системно-типологический метод, как и другие системные методы, надо понимать в двух смыслах. В первом смысле он подразумевает подчинение системной теории всех использующихся в исторической науке методов, предназначенных для создания исторической типологии, в первую очередь хорошо зарекомендовавшего себя **историко-типологического метода**, обоснованного И. Д. Ковальченко¹⁸. Метод широко применяется для изучения массовых исторических объек-

¹⁸ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. С. 176–183.

тов и явлений для выявления и анализа социально-экономических и социально-культурных исторических типов¹⁹. Во втором смысле – это формирующийся научный метод, специально создающийся для работы в сложных системах. Принципы этого метода, в котором типы тесно связаны с функциями, изложены в исследовании А. Баштавенко, где они применяются для выделения многообразных психологических типов; у А. Баштавенко функция аналогична типу, как, например, автомобиль – идее автомобиля²⁰.

В отличие от системно-типологического, классический **типологический метод**, который давно используется историками, не является филогенетическим – с точки зрения теории систематики он основан на сходстве и различиях, независимо от способа их порождения²¹. Однако в реальной действительности между внешне непохожими друг на друга системами может быть гораздо больше общего, чем между формально схожими, но не имеющими друг с другом ничего общего.

Использование системно-типологического метода невозможно без выделения первоэлементов, образцов, архетипов конкретной системы культуры, или, по Веберу, «идеальных типов», конечно же, с учетом их комплексности и многопричинности, а также их абстрактного характера и сильной очищенности от фактуры²². Типология – это всегда морфологическое упрощение реального многообразия, имеющее целью выделить общие черты для взаимосвязанной группы элементов системы, которая сама образует некую систему. И чем ниже уровень такого упрощения (т. е. на уровне начальных подсистем, а не общей системы), тем точнее типология.

Системно-морфологический метод

Морфологический метод часто бесосновательно называют типологическим, поскольку в нем также используется типология, а типология, в свою очередь, основана на сравнительной морфологии²³. По сути дела, системное объяснение морфологического метода дал Ф. Цвикки – «увидеть перспективу полного “поля знаний” о предмете», включая «поле материальных объектов, поле явлений или поле отношений, концепций, идей или теорий»²⁴.

Для выделения основных, наиболее существенных процессов и явлений из всего бесчисленного многообразия исторической действительности, в том числе в системно выделенных аспектах (измерениях) истории, нами используется модификация этого научного инструмента, который мы называем системно-морфологическим методом.

¹⁹ См.: Головнев А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1993.

²⁰ Bashtavenko, Aleksey. Principles of Typology. Bloomington: Author House, 2008. P. 10.

²¹ Danser, Benedictus H. A Theory of Systematics. Leiden: E. J. Brill, 1950. P. 135.

²² Wood, Ellen M. Democracy against Capitalism. P. 146.

²³ Danser, Benedictus H. A Theory of Systematics. P. 135.

²⁴ Zwicky, Fritz. Discovery, Invention, Research through the Morphological Approach. P. 17.

Системно-генетический метод

Системно-генетический метод также выделен здесь условно, как и предыдущие системно-типологический и системно-морфологический. Это системная версия **историко-генетического метода**, представленного в арсенале основных методов исторического исследования. Как известно, историко-генетический метод нацелен на «последовательное раскрытие свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения, что позволяет в наибольшей степени приблизиться к воспроизведению реальной истории объекта». Отличительными чертами метода И. Д. Ковальченко, а вслед за ним и Л. Н. Мазур считают конкретность (фактографичность), описательность, субъективизм²⁵. По своему содержанию историко-генетический метод в наибольшей степени соответствует принципу историзма²⁶.

В чем преимущество системно-генетического метода перед историко-генетическим? В том, что он позволяет изучать каждый из социальных аспектов истории в его максимальной системной упорядоченности. Это означает, что исследование общественных процессов (в узком смысле социальности) должно иметь своим фундаментом систематизированный эмпирический материал, связанный с социогенезом; исследование политических процессов – знание о политогенезе; этнических процессов – знание об этногенезе; конфессиональных процессов – знание о религиогенезе, различных культурных процессов – знание о культурогенезе. В общей системе координат этапы генезиса каждого из аспектов истории укладываются в единую схему, указывающую на характер взаимосвязей и взаимозависимости между ними – как горизонтальных, так и вертикальных. Другой вопрос, что проблемы генезиса практически всех аспектов истории остаются наиболее сложными и не до конца решенными в исторической науке из-за отсутствия достаточного числа надежных эмпирических данных.

Системно-ресурсный метод

Системно-ресурсный метод нацелен на выявление ресурсов, явных или скрытых, или, говоря языком марксизма, базисных экономических факторов. Основным источником формирования ресурса в историческом процессе выступает экономика – от первобытного хозяйства, в основе которого лежали охота и собирательство, скотоводство и примитивное земледелие, до натурального хозяйства и обмена, разделения труда и мануфактурного производства, развитого финансового сектора, промышленного производства и транснациональной торговли.

Долгое время функции системно-ресурсного метода в историческом исследовании выполнял экономический детерминизм марксизма. В системно-ресурсном методе важны не только источники ресурсов, но и системы его накопления и распределения. Кроме того, ресурсы необязательно должны быть мате-

²⁵ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. С. 170–172. Мазур Л. Н. Методы исторического исследования. С. 476–487.

²⁶ Новейшую дискуссию об историзме в рамках новых дискуссий на эту тему см.: Анисимова А. Э. «Новый историзм»: Науковедческий анализ. С. 1–154.

риальными: внеэкономическое принуждение, административные компетенции и многое другое также создают «топливо» для работы ресурсных механизмов и приводных ремней системы.

Системно-динамический метод

Системно-динамический метод (точнее, совокупность системно-динамических методов) работает с подвижными явлениями и процессами в системной парадигме. В системном историческом познании он нацелен на комплексный анализ изменений во времени исторических объектов или процессов, подчиненных общим системным принципам. Из традиционных методов исторического исследования к нему ближе всего стоит **историко-динамический метод**, отвечающий требованиям массовости, однородности и вариативности²⁷.

Теоретическую основу историко-динамического метода составляет диалектический подход²⁸. Системно-динамический метод отличается от историко-динамического тем, что он подчинен принципам системной теории. Об отношении теории систем к диалектической традиции и возможном направлении дискуссии писал Н. Луман²⁹. Оба эти метода исследуют объекты как развивающиеся, но по-разному: первый дает возможность выделить системы и отслеживать их во времени в динамике изменения их связей и отношений, в то время как второй ограничивается сопоставлением разных этапов развития для выявления их тождества и различия³⁰.

Динамику социальных систем впервые описал Дж. Форрестер, возглавивший в 1947 г. Цифровую компьютерную лабораторию Массачусетского технологического института³¹. В 1968 г. он опубликовал свое исследование «Городская динамика»³², а затем – фундаментальный труд «Мировая динамика», в котором системно-динамический метод был использован для изучения экономической, социальной и экологической систем мира³³.

В противоположность синхроническому изучению предмета, **историко-диахронный метод** (или метод диахронического анализа)³⁴ рассматривает событие или явление в его движении. Как правило, этот метод используется при изучении массовых процессов и явлений. Технологии системно-динамического и диахронного методов, опирающихся на статистические методы анализа системной дина-

²⁷ См.: Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. С. 191. Подробнее об этом методе см.: Мазур Л. Н. Методы исторического исследования. С. 432–454.

²⁸ Оруджев З. М. Диалектика как система. М.: Политиздат, 1973.

²⁹ Луман Н. Социальные системы. С. 579.

³⁰ Философский словарь. 2-е изд., стер. / авт.-сост. С. Я. Подопригора, А. С. Подопригора. Ростов-н/Д: Феникс, 2013. С. 420–421.

³¹ Ghosh, Asish. Dynamic Systems for Everyone: Understanding How Our World works. 2nd ed. Springer, 2017. P. 45.

³² Forrester, Jay W. Urban Dynamics. Cambridge, MA: MIT Press, 1969.

³³ Подробнее об этом см.: Ghosh, Asish. Dynamic Systems for Everyone. P. 47.

³⁴ Мазур Л. Н. Методы исторического исследования. С. 432–454.

мики, детально описал, в частности, Ю. Рандерс, объединивший их под общим названием системно-динамических методов³⁵.

Системно-динамический метод нацелен на решение проблем, связанных с подъемом и упадком явлений культуры, централизацией и децентрализацией систем, в том числе политических, ростом и упадком отраслей экономики, поиском целей, сочетанием структурной и динамической сложности социальных систем, моделированием и симуляцией социальных процессов, и в этом смысле в настоящее время активно используется в рамках мир-системной теории.

2.1.2. Мир-системная теория

Основу мир-системной теории в 70–80 гг. XX в. заложил неомарксист Иммануил Валлерстайн, который соединил воедино достоинства системного анализа и эволюционной теории, критикуя одновременно все «большие теории» – формационную, цивилизационную и теорию модернизации³⁶. Убрав классовый конфликт из центра социальной теории, он тем не менее полностью от него не отказался, как и от многих других идей марксизма, школы «Анналов» (прежде всего, броделевского понимания социальных трансформаций в масштабе «длительной временной протяженности»), а также конструкций неомарксистской теории зависимостей, объясняющей обогащение ядра мировой системы («золотого миллиарда») за счет периферии («развивающихся» стран). В особых случаях Валлерстайн обращался и к цивилизационной теории, объясняя, что человек в древности не осознавал, что живет в цивилизации, а естественной цивилизацией является цивилизация капиталистическая, выросшая из феодальной³⁷. Пожалуй, только Д. Уилкинсон считал, что «миросистемы» могут сочетаться с теорией цивилизаций, имея в виду при этом «миросистемы» Ф. Броделя, а не Валлерстайна. Сегодня против такого совмещения выступает большинство исследователей, включая Андре Гундера Франка, который и ввел в научный оборот понятие «мир-системной теории»³⁸.

Полемизируя с «ортодоксальным» марксизмом, Валлерстайн тем не менее унаследовал материалистическое понимание истории, а вместе с ним и радикальный редукционизм Маркса (похоже, что в этом его даже превзошел), а также глобальный (всемирный) масштаб анализа. **Мир-империя** (мироимперия) является политической, а **Мир-экономика** (мирозэкономика) – экономической проекцией **Мир-системы** (миросистемы). Мирозэкономики (европейская, азиатская и др.) характеризуются как исторически нестабильные структуры, а мироимперии (Pax Britannica, Pax Americana и др.) по своей экономической форме – как пере-

³⁵ Randers, Jørgen. Elements of the System Dynamic Methods. Cambridge, MA: The MIT Press, 1980.

³⁶ Wallerstein, Immanuel. The Modern World-System. Vol. I–IV.

³⁷ Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация / пер. с англ. К. А. Фурсова. М.: Тов-во научн. изд. КМК, 2008.

³⁸ Frank, André G. On "New World History" // The New World History. A Teacher's Companion / ed. by Ross E. Dunn. Boston: Bedford / St. Martin's, 2000. [Electronic resource]. URL: http://rrojasdatabank.info/agfrank/on_world_history.html. Retrieved 03.06.2018.

распределительные³⁹. Андре Гундер Франк и Барри Гиллс объясняют, что множественность мир-систем обесмысливает само это понятие, и предлагают рассматривать «Мир-Систему» как явление, возникшее 5000 лет тому назад – имеется в виду период «писаной истории»⁴⁰, с ее циклами, кризисами и сменой гегемонии⁴¹. Если Франк считает, что феодализм, капитализм, социализм являются переходными идеологическими режимами⁴², то у Валлерстайна мир-экономика по своему определению является капиталистической, поскольку он распространяет ее только на последние 500 лет, когда мир капитала осознал свою связность: «Социализм предполагает создание нового типа миросистемы, которая не была бы ни перераспределительным миром-империей, ни капиталистическим миром-экономикой, но социалистическим миром-правительством»⁴³.

Феодализм и капитализм являются явлением мироэкономики, а не национальных государств. Это относится и к коммунизму, как его понимал Мао Цзэдун, для которого «социалистическое общество» было процессом, а не структурой: конфликт КПСС с КПК в 50-х гг. XX в. Валлерстайн объясняет приверженностью КПСС к идее «постепенного перехода к коммунизму» отдельных стран⁴⁴. Однако у этих явлений мироэкономики были и различия, поскольку и феодализм, и капитализм появились в результате естественного, эволюционного развития, а не революции.

Э. Балибар считает, что объяснительная модель Валлерстайна «позволяет одновременно рассматривать структуру всей системы как структуру всеобщей экономики, а процесс формирования государств, политики, направленной на господство, и классовых союзов – как текстуру этой экономики»⁴⁵. С. Конрад считает, что такая парадигма исторического описания исходит из сопряжения двух параллельных, но тесно взаимосвязанных друг с другом мир-систем: Мир-экономика стремится к интеграции мировой экономики, созданию общих рынков, зон свободной торговли, а Мир-империя обеспечивает необходимую для этого политическую интеграцию и глобализацию на максимально больших территориях мира⁴⁶. Такой подход фактически представляет двухмерный взгляд на Мир-систему как на целостность, в свою очередь, такой взгляд является простейшей версией многомерной проекции.

³⁹ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. С. 12.

⁴⁰ Frank, Andre Gunder; Gills, Barry K. The 5,000-Year World System: An interdisciplinary introduction // The World System. Five hundred years or five thousand? / ed. by Andre Gunder Frank and Barry K. Gills. L.: Routledge, 1992. P. 3–58.

⁴¹ Frank, Andre Gunder; Gills, Barry K. World System Cycles, Crises, And Hegemonic Shifts, 1700 BC to 1700 AD // The World System. Five hundred years or five thousand? / ed. by Andre Gunder Frank and Barry K. Gills. L.: Routledge, 1992. P. 143–199.

⁴² Frank, Andre Gunder. Transitional Ideological Modes: Feudalism, capitalism, socialism // The World System. Five hundred years or five thousand? / ed. by Andre Gunder Frank and Barry K. Gills. L.: Routledge, 1992. P. 200–220.

⁴³ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. С. 33.

⁴⁴ Там же. С. 16–17, 22.

⁴⁵ Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности / пер с фр. под. ред. О. Никифорова и П. Хицкого. М.: Логос-Альтера, Ессе Номо, 2003. С. 12.

⁴⁶ Конрад С. Что такое глобальная история? С. 72.

«Единицей анализа» социальной реальности в мир-системном подходе Валлерстайн считает «историческую систему»⁴⁷. Исторические системы относятся к категории сложных систем⁴⁸. Практически это изучение настоящего с помощью мир-системного анализа того, что уже произошло: это попытка осмыслить актуальные события как в геополитике, так и в макроэкономике на самом высоком, глобальном уровне. Ссылаясь на критику марксистских стадий развития, принятую Ф. Броделем, Валлерстайн отказывается от прогнозов будущего *a priori*, предлагая взамен предсказание прошлого *a posteriori*⁴⁹, однако на деле миросистемный инструментарий часто оказывается не столь совершенным.

У миросистемы есть центр и периферия, а также пространство между ними: к ее индустриальному центру были отнесены развитые страны Запада, а к периферии – развивающиеся страны. И СССР до 1991 г., и Россию Валлерстайн относил к полупериферийным странам, которые играют специфическую экономическую роль, не давая миросистеме поляризоваться – имеется в виду, что в пространстве между ядром и периферией миросистемы противоречия немного затухают, амортизируются. Изначально здесь не было особой политической ангажированности, как может показаться: после своего объединения Германия сумела стать страной сердцевины миросистемы, хотя до этого ее земли относились к числу периферийных и полупериферийных с точки зрения мироэкономики. К концу XIX в. полупериферийная Россия стала сползать в периферию из-за проникновения в промышленный сектор ее экономики иностранного капитала, Русская революция 1917 г., запустившая процессы четвертой стадии капиталистической миросистемы, не дала этому произойти⁵⁰.

Сегодня действительность опровергает многие прогнозы Валлерстайна, сделанные им 20 лет назад, как, например, этот: «Как Россия, так и Китай вряд ли смогут в среднесрочной перспективе достичь уровня ВВП, сравнимого с США / Европейским Союзом / Японией»⁵¹. По уровню ВВП Китай обошел Японию еще в 2011 г. Сегодня Китай – вторая экономика мира, бросающая вызов экономике США. Еще меньше реальности соответствуют сопоставления центра миросистемы с метрополией Запада, периферийных стран – с его колониальной системой, а полупериферии – с полуколониями, неважно, с какой концептуальной точки зрения рассматривается экономическое положение той или иной страны – теории классического колониализма или новомодных концепций неоколониализма и т. н. «нового» колониализма.

Несомненным преимуществом мир-системной теории является ее фокус на мир как на систему – фокус этот глобальный, фиксированный, а не свободно масштабируемый пользователем информации, он нацелен на изучение макро-

⁴⁷ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. С. 7.

⁴⁸ Валлерстайн И. Исторические системы как сложные системы // Философские перипетии. Вестник Харьковск. гос. ун-та. Сер.: Философия. 1998. № 409. С. 198–203.

⁴⁹ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. С. 10.

⁵⁰ Там же. С. 30.

⁵¹ Там же. С. 8.

истории. Это не только сближает эти два подхода, но и разделяет их. С одной стороны, не совсем понятно, с какого времени мир-системная теория может с необходимой степенью достоверности объяснять сложные явления и факты истории, поскольку важнейшим условием ее применения является взгляд на мир как целостную систему, а для такого взгляда на мир в древности и средневековье не всегда хватало репрезентативного источниковедческого материала.

С другой стороны, когда мы занимаемся всеобщей историей или историей Востока, не выходя за рамки национальных историографий, то получаем не совсем точную картину исторического прошлого, поскольку современные государства и исторические общества редко совпадают. Именно поэтому бессмысленно объединять и тем более включать востоковедение в состав страноведения: субъекты истории и границы современных государств – вещи несовместимые. Мир-системная теория как раз дает прививку от такого искусственного разделения национальных историй.

Мир-системную теорию также интересуют проблемы идентичности, но на глобальном уровне и в долговременной броделевской перспективе, поэтому она оперирует коллективными идентичностями, формирующими социальные общности. Раса, нация, класс рассматриваются как актуальные формы такой идентичности, которые в мир-системе понимаются как двусмысленные, хотя у понятия «нация», например, гораздо больше измерений, чем два (см. ниже). Двусмысленность также объясняется зависимостью от возможных контекстов, прежде всего политического, использования этих понятий⁵².

Методы многомерного подхода могут работать в обеих этих «мир-системах» – и политической, и экономической. Такие единицы анализа, как культура и даже государство, Валлерстайн не считал системами⁵³, из чего можно заключить, что система в мир-системном подходе – это не конструкт исследователя, его мыслительная операция, а реальность. Мы также придерживаемся гирцевского понимания системы культуры, исходя из которого коммуникативные связи и отношения можно анализировать во всех системах культуры, а не только политической и экономической, т. е. везде, где существует коммуникация. Конкретное информационное содержание коммуникативного акта имеет вторичное значение, первичным является сам факт коммуникации.

Вслед за общей теорией систем мы предпочитаем использовать язык социального описания, в котором вместо абстрактного понятия «мир» применяется практическое понятие «человеческий опыт»⁵⁴ – но не в широком философском смысле, а как эмпирический, конкретно-исторический опыт конкретного *Ego*. Поэтому и само понятие «мир» также используется трансперсонально, как коммуникативный мир индивида, в системе отношений *Ego* и *Alter*. Иначе говоря, речь идет о системе социальных (по содержанию – коммуникативных) связей каждого *Ego* – субъекта и объекта истории.

⁵² Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. С. 3.

⁵³ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. С. 13.

⁵⁴ Hanson, Barbara G. General Systems Theory: Beginning with Wholes. L. – N.Y.: Routledge, 2013. P. 123.

Хорошо представленная в отечественном востоковедении (Д. М. Бондаренко, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Н. Н. Крадин и др.), мир-системная теория пытается объяснить практические проблемы и сложные реалии современного Востока, показывая комплексную эволюцию социальных систем, а не отдельных социумов, в их сложном взаимодействии друг с другом. Однако одно дело хорошие объяснительные модели, а совершенно другое – наличие достаточного числа фактических данных, адаптированных для анализа в рамках этих моделей. Поэтому мир-системная теория лучше работает на современном материале: при изучении международных отношений, в политологии, экономике, а к исторической науке лучше применимы формационная и цивилизационная теории. В конечном счете использование методов и инструментов определяется той задачей, которую ставит перед собой исследователь.

Период безраздельного господства мир-системной теории после цифровой революции некоторые исследователи называют временем, «когда теории были эксплицитными, законы универсальными, подходы макроисторическими, методы точными, “нарративы большими”»⁵⁵. Действительно, избыточный сциентизм некоторых ранних версий мир-системной теории, изобиловавших количественными методами, но не эмпирикой, привел к усталости и разочарованию многих востоковедов от некритического увлечения системной теорией. Не все разделяли оторванность от микроисторического уровня анализа и игнорирование специфики исторического познания – прежде всего, из-за недостаточного внимания к человеку, мыслящему, саморефлексирующему и самоформирующемуся, о котором писал М. Фуко. И все же основной недостаток мир-системного подхода – проблема воспроизводства данных: разные исследователи, используя этот метод на том же эмпирическом материале, приходят к разным выводам и заключениям. Понятно, что это проблема полноты и качества данных, а не методологии, но это слабое утешение.

В развитие мир-системной теории мы расширяем понимание системности, выявляя системы в упорядоченных явлениях, характерных для каждого конкретного измерения истории. Кроме того, он выходит на макроуровень через множественные микроуровни, определяемые коммуникативными связями каждого конкретного Его, его общины, общества. Используя выборки, можно произвольно, по желанию исследователя менять масштабы анализа и формы репрезентации полученных результатов – от персонального до глобального: для этого достаточно задать нужные параметры анализа.

2.1.3. Синергетика, ее направления и некоторые неоклассические перспективы

Синергетика является междисциплинарной наукой, возникшей в естественно-научной среде и объясняющей формирование и самоорганизацию моделей и структур в открытых системах, далеких от термодинамического равновесия. Осо-

⁵⁵ Савельева И. М. История и теория: “Return to the Real”. С. 7.

бенностью синергетики считается то, что в ней объекты изучения рассматриваются как самоорганизующиеся системы. Кроме того, она наилучшим образом учитывает роль динамических колебаний (флуктуаций) в упорядочении диссипативных структур, как их называл лауреат Нобелевской премии, представитель Брюссельской школы физики И. Р. Пригожин⁵⁶, поэтому метод также называют теорией диссипативных структур, или динамической теорией информации⁵⁷. Особое внимание метод уделяет состоянию самоорганизующейся системы, в том числе будущему. Для этого используется категория «аттрактора» (привлекательной модели), которая притягивает, организует, формирует и изменяет состояние системы.

Поскольку идея самоорганизации является основополагающей и в социальных системах, в которых мы выделяем отдельные формы социальной (общественной, политической и др.) организации, синергетика стала применяться и в социогуманитарных науках, особенно после появления одноименной книги физика Германа Хакена в 1977 г. и ее перевода на русский язык спустя три года⁵⁸. С опорой на идеи Хакена и его предшественников синергетика в России была адаптирована к системному историческому познанию в качестве самостоятельной методологии⁵⁹. Она включала в себя такие направления исследований, как «**глобальный эволюционизм**», «**универсальная теория эволюции**», которые, в свою очередь, заложили основы **Большой Истории** (Big History), или **мегаистории**. Исследования в различных направлениях синергетики в разное время проводили В. И. Аршинов, Л. И. Бородин, В. Г. Буданов, В. Э. Войцехович, Ю. А. Данилов, С. П. Капица, Ю. Л. Климонтович, Е. Н. Князева, А. В. Коротаев, С. П. Курдюмов, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков, Н. Н. Моисеев, А. П. Назаретян, П. В. Турчин, Д. С. Чернавский, В. А. Шупер и др.

В универсальной теории эволюции социальная эволюция увязывается с биологической⁶⁰. Идея универсального эволюционизма привела Н. Н. Моисеева к концепции коэволюции человека и природы, которая перекликается с нашим пониманием коммуникации человека с природой в историческом процессе. Идея коэволюции, в свою очередь, породила такую область знания, как коэволюционная креативная коммуникация (М. Темпчик, Э. Ласло, Дж. Николис и др.). В эволюционной теории есть и другие интересные идеи, связанные с теорией истории⁶¹.

Нам также весьма близки, прежде всего в рамках трансдисциплинарных стратегий, вычислительные методы клиометрики (Л. И. Бородин) и связанной с ней

⁵⁶ Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах. От диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации. М.: Мир, 1979.

⁵⁷ См.: Чернавский Д. С. Синергетика и информация (динамическая теория информации). 2-е изд., испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2004.

⁵⁸ Хакен Г. Синергетика / пер. с англ. В. И. Емельянова; под ред. Ю. Л. Климонтовича, С. М. Осовца. М.: Мир, 1980.

⁵⁹ История и синергетика: методология исследования / отв. ред. С. Ю. Малков, А. В. Коротаев. М.: URSS, 2005.

⁶⁰ Коротаев А. В. Факторы социальной эволюции. М.: ИВ РАН, 1997; Коротаев А. В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М.: Вост. лит., 2003 и др.

⁶¹ Kenoun, Robert. A Proposition to Theory of History and Social Evolution. L.: Trafford Publishing, 2006.

клиодинамики (Л. И. Бородкин, А. В. Коротаев, П. Турчин и др.), предлагающих математическое моделирование социально-исторических процессов, поскольку они единственные из всех синергетических методов прямо ведут к исторической информатике, а через нее – в перспективе – к информационной истории. Краткое описание вычислительных методов, прежде всего многомерной статистики, приводится в главе об источниках данной книги – в разделе, посвященном информационным теориям и информационной истории. Они интегрированы в него в качестве инструментария, в частности для практической реализации объяснительных моделей этого подхода в информационной среде, в качестве продвинутой, но не обязательной опции.

Здесь необходима оговорка. Гуманитарные исследования в рамках синергетики часто ругают за излишний сциентизм⁶². Нельзя сказать, что совершенно беспочвенно, особенно с точки зрения «нового историзма»: некоторые исследования по клиометрике невозможно понять и тем более проверить без знания высшей математики. Острая дискуссия вокруг синергетических концепций не всегда дает возможность историку, не владеющему в достаточной мере математическим аппаратом, отличать в своей практической работе научные методы от псевдонаучных. Однако многомерная история – это **не описание прошлого методами математики, а реконструкция прошлого самими историками**, с возможностью и желательностью их научной кооперации и конструктивного диалога со специалистами из других областей знания. В нашем случае вычислительные методы являются **дополнительным инструментом**, расширяющим горизонты междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований в изучении исторических и современных сюжетов, связанных с развитием различных обществ.

Философские интерпретации синергетики связаны с осмыслением новейших открытий в физике, и особенно в квантовой физике, химии, биологии, кибернетике, других науках. Хотя они и опираются на те же источники, в том числе Лумана, но отсутствие жестких объективно-предметных рамок дает исследователям гораздо большую свободу для творчества. Настолько большую, что формируется новая дисциплина, условная **квантовая история**, которая пока еще не вышла за пределы синергетики (В. И. Аршинов и др.). Поскольку речь идет о близкой нам по содержанию тематике, остановимся на этом направлении творческих поисков подробнее.

Теоретики квантовой истории, прежде всего В. И. Аршинов и В. Г. Буданов, утверждают, что эта дисциплина основана на **квантово-синергетическом подходе**, методы которого используются для описания цифрового будущего⁶³, а также на **методологии сложно-сетового мышления**, ими же разработанной. Перспективу «синтеза квантовых и синергетических оснований холизма» исследователи видят в динамическом хаосе и «квантовых макро-корреляциях»⁶⁴. Предлага-

⁶² См.: Жилин В. И. Синергетический сциентизм: Критический анализ философско-методологических оснований. М.: Красанд, 2011.

⁶³ Буданов В. Г., Аршинов В. И. Большой антропологический переход: методология сложно-сетового мышления: монография / В. Г. Буданов, В. И. Аршинов. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2022. С. 2.

⁶⁴ Там же. С. 57.

мая методология призвана обосновать и понять «глобальный кризисный цивилизационный транзит XXI века – Большой антропологический переход»⁶⁵, вероятно, имея в виду трансформацию человека в пост-человека в свете развития биоинженерии и коэволюции человека и искусственного интеллекта. Утверждается, что «конструктивное мышление в сложности представлено как гетерогенная сеть концепций квантовой механики и семиотики Пирса, рассматриваемых онтогенетически в терминах процессуальности, темпоральности, становления, осмысленных в единстве киберсемиотической, синергетической и квантовомеханической перспективы»⁶⁶. В принципе, отдельно взятые фразы вполне понятны, но в чем же общий смысл утверждения, если природу квантовой механики, нарушающей законы известной нам физики, не до конца понимают даже сами физики?

Синергетика в работах В. И. Аршинова представлена как коммуникация⁶⁷, а познание – как «междисциплинарный, коэволюционный и коммуникативно-деятельностный процесс»⁶⁸. Основу синергетической интерпретации коммуникативной парадигмы составляет философская концепция эпистемологического пространства. Сопрягая коммуникацию с постмодернизмом (каким именно?), В. И. Аршинов вводит в эпистемологическое пространство новый, самоопределяющийся «синергетический» субъект, в котором «субъект не задан изначально, но становится, не утверждает, а утверждается в разнообразии самотрансценденций, разнообразии коммуникативных практик»⁶⁹. Здесь «квантовая механика встречается с синергетикой»⁷⁰: очевидно, это попытка перенести на человека как субъекта коммуникативного действия принцип суперпозиции, который является фундаментальным в квантовой механике.

Такую многообещающую, но пока еще слишком гипотетическую (поскольку коммуникация всегда связана с коммуникативным действием действующего субъекта и потому всегда конкретна) идею было бы легче принять, если бы мы хорошо понимали логику квантовой механики (Г. Биргоф, И. фон Нейман), особенно в ее эвереттовской многомерной (в смысле *многомирья*) версии, или хотя бы современную квантовую логику в широком («как обобщение классического пропозиционального исчисления») и узком («как некоторое пропозициональное исчисление, специфическое для той или иной квантовой теории») смыслах⁷¹. Однако, по признанию В. Л. Васюкова, одного из разработчиков квантовой логики, проблема состоит в том, что она еще не является логикой в строгом смысле этого слова, прежде всего из-за незавершенности разработки ее исчислений⁷². Захватывающие

⁶⁵ Там же. С. 4. Эдгар Морен применяет термин «сложность» как к физическому миру и человеческой культуре, так и к способам осмысления и мира, и культуры. См.: Морен Э. О сложности / пер. Я. И. Свирский; под ред. В. И. Аршенова. М.: Ин-т общегум. иссл., 2020.

⁶⁶ Буданов В. Г., Аршинов В. И. Большой антропологический переход. С. 4.

⁶⁷ Аршинов В. И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. М.: ИФ РАН, 1999. С. 7.

⁶⁸ Там же. С. 4.

⁶⁹ Там же. С. 152.

⁷⁰ Там же. С. 138.

⁷¹ Васюков В. Л. Квантовая логика. М.: PER SE, 2005. С. 22.

⁷² Там же. С. 23.

перспективы иных, доселе неизведанных аспектов изучения человеческой жизни, которые описываются в философии квантовой механики, особенно в ее исторической ретроспекции⁷³, остаются в области технократических утопий.

Для сведения синергетики к коммуникации используется очень широкое, абстрактное толкование понятия, исключаящее из него человека как источник действия. Например, в словосочетании «коммуникация философской традиции» это понятие само выступает как порождающее, активное начало. Передача информации (=традиции) – лишь одна из целей коммуникации, но не единственная. «Креативное, творческое начало хаоса» почему-то представлено как коммуникативная функция хаоса⁷⁴: неясно, как творческое начало (потенция, ресурс) чего-то может быть функцией чего-то, и при чем тут коммуникация? Единство коммуникации и деятельности синергетики видят в отдельных процессах, например в эксперименте⁷⁵, а между тем коммуникация и есть деятельность, коммуникативный акт есть акт деятельности.

В многомерном факторном анализе, исключаящем абсолютизацию какого-то одного проявления или явления социальности, под коммуникацией понимается реальное взаимодействие людей, создающее социальность. Процессы самоорганизации моделей и структур в открытых системах, которые изучает синергетика, конечно, невозможны без коммуникации, но только если мы говорим о социальных системах.

В. И. Аршинов артикулирует важную мысль, которая восходит к Илье Пригожину, о принципиальном характере отказа синергетики от универсализма⁷⁶, который, однако, в синергетических исследованиях далеко не всегда соблюдается. Критики универсалистских версий синергетики относятся к попыткам переложить теории из точных наук на социальные и исторические проблемы не только скептически, но и крайне негативно⁷⁷. Все «синергетические» опыты, кроме использования математического аппарата, известный российский биофизик Д. С. Чернавский предлагает отнести к псевдонаучным схоластическим спекуляциям⁷⁸. Критика необоснованно широких трактовок синергетики касается разных аспектов этого подхода, в том числе тезиса о нелинейности процессов, манипуляций со сложными системами.

Утверждается, что за синергетику нередко принимают совместное (кооперативное) действие разных факторов – как раз то, за что отвечают комплексные методы изучения. В некоторых случаях «синергетика» противоречит системным методам, когда ее пытаются применить к открытым системам, там, где нет и не может быть структуры: в частности, В. Б. Губин предлагает найти структуру при описа-

⁷³ Jammer, Max. The Philosophy of Quantum Mechanics: The Interpretations of Quantum Mechanics in Historical Perspective. N.Y.: J. Wiley, 1974.

⁷⁴ Буданов В. Г., Аршинов В. И. Большой антропологический переход. С. 57.

⁷⁵ Аршинов В. И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. С. 60.

⁷⁶ Там же. С. 6.

⁷⁷ Губин В. Б. Псевдосинергетика – новейшая лженаука // В защиту науки / отв. ред. Э. П. Кругляков. Комис. по борьбе с лженаукой и фальсификацией науч. исслед. РАН. Бюллетень 1. М.: Наука, 2006.

⁷⁸ Чернавский Д. С. Синергетика и информация. С. 82.

нии спокойного течения равнинной реки⁷⁹, а структура, как известно, – важнейшее свойство любой системы и любой организации, биологической или социальной. Конечно, на атомарном уровне любая материя имеет структуру, но речь здесь идет, вероятно, о структуре системы реки, а не о материи вообще, ее составляющей. По убеждению В. Б. Губина, нередко результаты исследований, полученные с помощью некоторых разновидностей синергетического метода, лишены логики⁸⁰.

Таким образом, синергетика не однородна, она представляет широкий спектр направлений, в разной степени связанных с историцизмом. Некоторые из них, использующие современные теории социальных систем, могут быть привлечены в рамках «нового историцизма» для междисциплинарного и трансдисциплинарного изучения истории и особенно современных процессов. Так, критика синергетических методов не всегда учитывает концептуальный уровень разработки самопроизвольного, спонтанного поведения систем (не обязательно в условиях хаоса) как условия их выживания в турбулентной среде, каковой однозначно является среда социальных систем.

Синергетический подход рассматривает хаос в качестве позитивного, создающего начала самоорганизации системы в ее кризисном, неравновесном состоянии. А. В. Лубский аргументированно относит такой подход к числу неоклассических, ограничивая само понятие хаоса. Действительно, по Луману, «многомиллиардное одновременное осуществление операций с имплицитной и эксплицитной самореференцией не следует понимать как хаос»⁸¹. Начало упорядочивания кажущегося хаоса Луман видит в переходе от достаточно случайных, выборочных самонаблюдений к фиксации текстов, совершенном еще в недрах эпических традиций устных культур: такие «тексты создаются для воспроизводимого распознавания и многократного использования»⁸².

В историческом познании теория хаоса связывается также с проблемой альтернативности истории⁸³. Наконец, в общей теории систем, а также основанных на ней концепциях социальных систем (например, у П. А. Сорокина) проблема хаоса учитывается прежде всего как выражение процессов аномии, саморазрушения культуры и нарастания отчуждения между людьми.

Из сказанного можно сделать следующие выводы:

1. Синергетические методы в своих базовых основаниях остаются системными, но их познавательная ценность ограничена известными трудностями адаптации методов естественных наук по отношению к гуманитарным наукам, многие из которых носят непреодолимый характер.
2. В синергетике системы выступают сами по себе, на очень высоком уровне абстракции и в некотором отчуждении от предмета изучения, в отличие

⁷⁹ Губин В. Б. Псевдосинергетика – новейшая лженаука. С. 112–113.

⁸⁰ Там же. С. 115.

⁸¹ Луман Н. Самоописания. С. 28.

⁸² Там же.

⁸³ Бородин Л. И. История, альтернативность и теория хаоса // Одиссей. Человек в истории. Альманах. 2000. М.: URSS, 2000. С. 21–27.

- от теорий социальных систем, это не всегда позволяет учитывать специфику предмета.
3. Только философские интерпретации синергетики, объясняющие современные и ожидаемые в ближайшем будущем технологии цифровой эпохи, допускают свою интеграцию с отдельными положениями и идеями теории коммуникации, в том числе системно-коммуникативной теории Н. Лумана. Однако одновременно с этим они пытаются включить в этот методологический синтез также логику квантовой механики с суперпозицией субъекта, а также постмодернизм с его «гештальтами». Это порождает методологическую эклектику, рассогласованность как парадигмальных оснований, так и отдельных теоретических положений.
 4. Методы синергетики, созданные для решения хаотично возрастающей социальной сложности, способны существенно усилить преимущества методов системного, коммуникативного и многомерного статистического, прежде всего факторного анализа. Они обладают огромным, не до конца раскрытым потенциалом для изучения самоорганизующихся коммуникативных (рациональных по своему содержанию) действий субъекта познавательной деятельности, а также субъекта действия в истории.

2.1.4. Системные основания социальных теорий

Цифровая революция породила устойчивый тренд на глубокую сциентизацию истории и социогуманитарных наук на основе общенаучной системной теории, которая привела к появлению целого ряда блестящих теорий социальных систем. Для нашей темы наиболее актуально обращение к проблематике сложности общества как проявлению системной сложности. Сложность становится одним из ключевых концептов, получающих разработку сначала в общей теории систем, теории иерархических многоуровневых систем⁸⁴ и в рамках синергетики (И. Пригожин, Г. Хакен, К. Майнцер и др.⁸⁵). Обе указанные исследовательские программы, которые в той или иной мере обусловили появление теорий социальных систем, в своем стремлении к продуктивной интеграции знания включают в себя анализ социальных объектов и характерных для них проявлений сложности.

В новейших концепциях теорий социальных систем все части системы связаны друг с другом прямо или косвенно; каждая система, как биологическая, так и социальная, имеет свои границы⁸⁶. Стадиальные особенности системы, которые также можно рассматривать в качестве систем, ограничены во времени и пространстве, хотя части системы не обязательно функционируют в одно и то же время и расположены в одном месте. Система может быть вложенной в другую систему или накладываться на нее; она автономна в достижении своей цели

⁸⁴ Месарович М., Мако Д., Такахара И. Теория иерархических многоуровневых систем. М.: Мир, 1973.

⁸⁵ Хакен Г. Синергетика; Николис Г., Пригожин И. Познавание сложного. Введение. М.: ЛКИ, 2008; Майнцер К. Динамика и самоорганизация в век глобализации // Синергетика. Антология. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. С. 157–184.

⁸⁶ Кононюк А. Е. Системология. С. 40–41.

и состоит из процессов, которые преобразуют входы в выходы; она представляет собой динамическое и сложное целое, взаимодействующее как структурированная функциональная единичная схема; она является сообществом в среде; наконец, системы состоят из сущностей, которые стремятся к равновесию, но могут проявлять закономерности, цикличность, колебания, хаотичность или экспоненциальное поведение⁸⁷.

Системные методы, которые разрабатывались для точных наук, нашли широкое применение и в гуманитарных науках, но системные принципы неживой природы, которые они представляли, не могли в достаточно полной степени описывать особенности систем в живой природе. Иными словами, нужна была доработка общей теории систем, учитывающая особенности гуманитарных и общественных наук. Такая доработка была успешно осуществлена в рамках изучения социальных систем Т. Парсонсом, Н. Луманом⁸⁸, К. Гирцем, Дж. Александером. До появления системных исследований Лумана теория Парсонса считалась наиболее влиятельной социальной теорией. Луман по-новому взглянул на познавательный потенциал системного подхода: «Системная теория, будучи структурой исследовательской системы, делает возможными в качестве структур систем, которые она тематизирует, другие проекты возможностей»⁸⁹.

В понимании У. Бакли, который известен своим удачным опытом интеграции общей теории систем Л. фон Берталанфи с социальной теорией, общество – это сложная адаптивная система, в которой в первую очередь важны сами социальные изменения⁹⁰ и методология контроля процессов, происходящих внутри социальных систем⁹¹. К числу развивающихся (в т. ч. эволюционных) систем исследователи причисляют не только системы социальной эволюции, но и биосоциальные системы и даже экосистемы⁹².

Сегодня для изучения динамической упорядоченности систем, в том числе «живых» систем, используются не только реляционные, но и корреляционные методы, фиксирующие корреляционные процессы на разных уровнях. Атомы, объединяясь в молекулы, сами существующие как динамически упорядоченные системы, образуют чрезвычайно сложные динамически упорядоченные живые клетки. Многоклеточные организмы, развиваясь как динамически упорядоченные системы, за время эволюции развили взаимосвязанные виды деятельности, образуя социальные общности.

⁸⁷ Weinberg, Gerald M. *An Introduction to General Systems Thinking*. N.Y.: Dorset House, 2001; *Skyttner, Lars. General Systems Theory: Problems, Perspective, Practice*. World Scientific Publishing Company, 2006; *Cabrera, Derek; Cabrera, Laura. Systems Thinking Made Simple: New Hope for Solving Wicked Problems*. Ithaca, NY: Odyssean Press, 2015; и др.

⁸⁸ Луман Н. Почему необходима «системная теория»? // Проблемы теоретической социологии. СПб.: Петрополис, 1994. С. 43–54.

⁸⁹ Луман Н. Мировое время и история систем. С. 155.

⁹⁰ Buckley, Walter F. *Society – a Complex Adaptive System*. P. 67–76.

⁹¹ Ibid. P. 173–240.

⁹² Vilmos, Csányi. *Evolutionary Systems and Society: A General Theory of Life, Mind, and Culture*. Durham–L.: Duke Univ. Press, 1989. P. 190–192.

В теориях социальных систем П. А. Сорокина, Т. Парсонса, Р. Мертон, Н. Лумана социальные системы могут быть открытыми и закрытыми, простыми и сложными, статичными и динамичными, и даже «целеустремленными»⁹³, т. е. саморазвивающимися, но все они обладают совокупностью свойств, важнейшими из которых являются структура и функция. Поэтому на начальном этапе разработка системных методов исследования преимущественно сводилась к структурному и функциональному анализам, которые были объединены в рамках метода структурно-функционального анализа. На практике этот общий метод был призван изучать не только строение, структуру и функции системы, но и ее развитие⁹⁴, т. е. он брал на себя функции системно-динамических методов.

В основание системного взгляда на общество и проявления социальности традиционно включалось одно из главных положений логико-дедуктивной теории Т. Парсонса о человеческом действии как особой самоорганизующейся системе, зависящей от символических и ценностных механизмов регуляции и от субъективных оценок ситуации. Однако на нынешнем уровне развития теории это положение заменено идеей Н. Лумана о возможности раздельного существования реальности и так называемых самореферентных систем, организующихся и воспроизводящих себя по принципу самообращенности, самоотношения, создания особых смыслов для согласования таких элементов систем, как действия, время, события. Эта идея, заимствованная из теории аутопоэзиса У. Матураны и Ф. Варелы, представляет собой новое направление общей теории систем⁹⁵.

Современные теории социальных систем ставят в центр исследования исторически развивающиеся, сложные и уникальные объекты, в которых ограничены повторяемость (копирование) исторических процессов и возможность эмпирических экспериментов, а познание (по существу, конструирование таких систем) оказывается неотрывно связано не только с познанием причин развития систем, но также, и прежде всего, с познанием целей – проектами их развития, а также с ценностными ориентациями и устремлениями самого познающего субъекта, который взаимодействует с этими системами. Такие системы уже не только хорошо известны, но становятся предметом напряженных научных и общественных дискуссий и активных практических действий и разработок в кибернетике, экологии, генетической инженерии, организационном проектировании, политологии.

Постнеклассическая наука актуализирует вопросы самодетерминации, саморазвития, конструирования человеком себя и своей картины мира, представляющей его восприятие окружающей реальности. Картина мира является одной из ключевых категорий во многих гуманитарных науках, в частности в психологии. Очевидно, что историописание, как и описание картины мира, содержит в себе не только проблему психической реальности, но и проблему объективной реальности как таковой, что, по-видимому, и обуславливает неослабевающий интерес исследователей к данному феномену.

⁹³ Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах / пер. с англ.; под ред. И. А. Ушакова. М.: Советское Радио, 1974.

⁹⁴ См.: Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. С. 165–166.

⁹⁵ Луман Н. Социальные системы. С. 66.

На основе понимания сложной живой природы самовоспроизводства систем и их взаимопроникновения друг в друга мы объединяем горизонты классической, неклассической и постнеклассической науки и выходим на методологический уровень неоклассической науки. Сложное многообразие реальной действительности окружающего мира можно познавать, если представить его в формате взаимодействия различных систем – простых (материальные объекты неживой природы), саморегулирующихся (взаимодействия человека и природы) и самоорганизующихся (объекты живой природы, включая самого человека). Если ограничиться исторической реальностью, то ее познание замыкается на *Ego* как субъекте познания и субъекте коммуникативного действия в истории, а также на их коммуникациях – с другими *Ego* (*Alter*), социальными общностями, материальным миром.

2.1.5. Социетальные системы Парсонса и самореферентные системы Лумана

Историку, как и социологу, не менее важно понимать, как общество функционирует как единое целое. Социальные теории, объясняющие этот вопрос, выступают как своего рода объяснительные схемы. В контексте предмета настоящего исследования важно понять, под каким углом зрения рассматривать то или иное общество в историческом процессе: как «простую совокупность людей», «социально-исторический организм», «систему социально-исторических организмов», «человеческое общество в целом», «общество вообще» или «особенное общество»?⁹⁶ Фрагментация социологической науки, как и других социогуманитарных наук, привела к тому, что «общество вообще» изучается социальной философией, «особенные общества» и местные общины – микросоциологией, «человеческое общество в целом» – макросоциологией⁹⁷. А. Тойнби видел в обществе прежде всего людей: «Общество не является видом или родом. Более того, оно не является организмом. Каждое общество – это представитель некоторого вида из рода обществ. Но род, к которому принадлежат люди, не является ни западным обществом, ни эллинским, ни каким-либо еще. Это род *Homo*»⁹⁸.

Социологическая системная теория (*Soziologische Systemtheorie*) становится все более популярной не только в немецкой социологии, где она получила прочную прописку, но и во всем мире. Речь идет о совокупности системных подходов к изучению общества. «Общество как социальная система» – именно так озаглавлен первый раздел «Теории общества» Н. Лумана, изданный в России отдельной книгой⁹⁹. В большей степени полемика Лумана и Хабермаса касалась вопроса

⁹⁶ Семенов Ю. И. Общество как целостная система // Социальная философия: Курс лекций: учебник / под ред. И. А. Гобозова. М.: Издатель Савин С. А., 2003. С. 61–79.

⁹⁷ Lenski G., Lenski J. Human Societies: An Introduction to Macrosociology. 2nd ed. N.Y.: McGraw-Hill, 1974.

⁹⁸ Тойнби А. Дж. Постигание истории. С. 305–306.

⁹⁹ Luhmann, Niklas. Theory of Society. Vol. 1 / transl. by Rhodes Barrett. Stanford: Stanford Univ. Press, 2012. P. 1; Луман Н. Общество как социальная система. С. 8.

о том, что именно изучают системные подходы – теорию общества или теорию социальных технологий¹⁰⁰.

Для воспроизводства системного взгляда на общество наибольшую методологическую ценность для данного исследования представляют противоречивые установки Толкотта Парсонса, основоположника структурного функционализма, и Никласа Лумана, наиболее известного современного социального мыслителя Германии. Установки Парсонса и Лумана фиксируют один и тот же предмет, но в разных измерениях: в первом случае общество выступает как сложная самоорганизующаяся и динамично меняющаяся система, во втором – как совокупность систем разного типа, взаимодействие которых порождает немислимое многообразие социальных систем, взаимопроникающих друг в друга, с учетом того, как «они в каждой операции относятся и к самим себе»¹⁰¹.

Т. Парсонс рассматривал общество как самодостаточную социетальную систему¹⁰², а Н. Луман – как совокупность «самореферентных социальных систем» (систем взаимодействия, систем организации и социетальных систем), действующих на основе принципов рациональности¹⁰³. По мнению Лумана, квинтэссенцией теории Парсонса является идея о том, что системой является коммуникативное действие¹⁰⁴. Ученики Парсонса существенно расширили это понятие: Гирц рассматривал в качестве системы здравый смысл¹⁰⁵, а Луман – саму науку, рекурсивную, гетерархическую, «автопоэтическую», рефлексивную, проектно-организованную, самореферентальную и самозамещающую¹⁰⁶, что немаловажно для нынешнего «прагматического поворота».

В свою очередь, источниками воззрений Парсонса и Лумана являются труды П. Сорокина и Р. Мертон, впервые широко применивших системный подход для изучения социальных процессов. П. А. Сорокин изучал социальную жизнь как сложную систему, состоящую из подсистем; он одним из первых последовательно выделил подсистемы, относящиеся к сфере экономики, политики, религии, этики, права, науки, искусства, предложив распространить системный подход на религиозную истину и даже эстетику искусства¹⁰⁷. Наш подход рассматривает эти подсистемы одновременно в различных формах: как системы культуры (политической, религиозной и т. д.) и как системы социальной организации,

¹⁰⁰ *Habermas J. & Luhmann N. Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie: Was leistet die Systemforschung? Theory – Discussion. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1971.*

¹⁰¹ *Луман Н. Социальные системы. С. 566.*

¹⁰² Термин «социетальный», введенный Парсонсом, происходит от лат. *societas* («общность») и подразумевает изучение связей и отношений людей на уровне всего общества. Подробнее об этом см.: *Парсонс Т. О социальных системах. С. 792.*

¹⁰³ *Луман Н. Социальные системы. С. 566–615.*

¹⁰⁴ *Луман Н. Введение в системную теорию. С. 17.*

¹⁰⁵ *Geertz, Clifford. Common Sense as a Cultural System. P. 5–26.*

¹⁰⁶ *Луман Н. Истина, знание, наука как система. С. 187–277.*

¹⁰⁷ *Sorokin, Pitirim A. Social and Cultural Dynamics: A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, Law and Social Relationships. Boston: Extending Horizons Books, Porter Sargent Publishers, 1957.*

а также соответствующие аспекты социальности, которые имеют историческое измерение.

Парсонс считал общество «особым видом социальной системы», которую он рассматривал как «одну из первичных подсистем системы человеческого действия, наряду с такими подсистемами, как организм, личность и культура»¹⁰⁸. Стремясь создать большую и всеобъемлющую теорию, которая бы охватила все социальные науки, Парсонс развил теорию социального действия, совместив функционализм Э. Дюркгейма, концепцию М. Вебера о социальном действии, общую теорию систем Берталанди, теорию информации и математическую теорию коммуникации К. Шеннона и У. Вивера с их категориями дискретных систем, непрерывной и продолжающейся информации¹⁰⁹, а также социальную кибернетику Н. Винера¹¹⁰. Теория общества как социальной системы является частью этой большой теории.

В «Социальной системе» Парсонс **объединяет системный взгляд на общество и его первоэлемент – личность, которые он представляет как саморазвивающиеся системы, тесно взаимодействующие друг с другом, вплоть до уровня взаимопроникновения: система личности органично включена в систему общества**¹¹¹. Здесь категория связи рассматривается в разных плоскостях: между «системой личности» и «системой организма» существует один тип связи, а между «системой организма» и физическим миром – другой¹¹².

Теория социетальной системы Т. Парсонса до сих пор остается наиболее сложной, а потому не до конца понятой и осмысленной исследователями. Между тем сложность теории является прямым следствием сложности систем, которые она описывает – чем сложнее теория, тем меньше в ней упрощений, искажающих сложную реальность. Луман не случайно считал «воззрения позднего Парсонса единственной общей теорией, достаточно сложной для создания базы нового социологического подхода, отражающего последние открытия в биологических и кибернетических системах»¹¹³.

Развивая теорию Парсонса, Луман сразу определяет, в чем он не согласен со своим учителем. Парсонс не признает самонаправленности системы общества, при том, что способность общества обращаться к себе является важной его характеристикой. Парсонс не учитывает фактор случайности, контингентности, внутренней неопределенности и свободных возможностей системы, исключая тем самым альтернативы развития. Парсонс сосредоточен на внутреннем порядке системы, не об-

¹⁰⁸ *Parsons, Talcott. The Concept of Society: The Components and Their Interrelations // Parsons T. Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1966. P. 5; Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения. С. 94.*

¹⁰⁹ *Shannon, Claude E., Weaver, Warren. The Mathematical Theory of Communication. Urbana, IL: Univ. of Illinois, 1949. P. 36, 81.*

¹¹⁰ *Wiener, Norbert. Cybernetics: Or Control and Communication in the Animal and the Machine. Paris: Hermann & Cie, 1948; 2nd ed. Cambridge, MA: The MIT Press, 1961. The Human Use of Human Beings. The Riverside Press-Houghton Mifflin Co., 1950.*

¹¹¹ *Parsons, Talcott. The social system. Free Press, 1951. 575 p.*

¹¹² *Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения. С. 107.*

¹¹³ *Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002. С. 219.*

ращая внимания на внешнюю среду, а Луман – на возможность социальных изменений в системе «общества обществ», совокупности систем, отличающейся, по его мнению, существенной гибкостью и наличием непредвиденных факторов, образующихся в процессе социального взаимодействия. При этом Луман воспринимает мир как единство системы и окружающей среды. Он не разделяет идею Парсонса об эволюционных универсалиях и универсальном пути социетального развития, поскольку такой телеологический подход игнорирует другие пути развития. Теория Парсонса имеет все недостатки структурного функционализма, который она представляет и возможности которого в объяснении динамики современного общества несколько ограничены, поскольку она рассматривает внутренний порядок системы как неизменный, заданный. Отсюда главное различие – у Парсонса противоречия системы приводят к конфликту, а в конечном счете к разрушению системы, у Лумана же противоречия и конфликты органично присущи сложным системам.

Социальная система выступает у Лумана в роли «машины выживания» коммуникационных смыслов в процессе эволюции. Критикуя современную социологию как необоснованно субъективную и неспособную с пользой описать реальность, он предлагает взгляд на общество как **систему саморазличающую и самообновляющуюся** в рамках последовательной структуры, которая основана на двух фундаментальных предположениях: **существует реальность и существуют системы**¹¹⁴. Реальность – это среда системы, она всегда сложнее самой системы. При этом системы существуют только в нашем сознании, а реальность – в материальном мире, независимо от нашего сознания.

Ключевым в теории системы Лумана является понятие аутопойезиса, которое можно передать как аутопойетические (автопозийные), т. е. самоорганизующиеся системы. По Луману, аутопойетические системы отличаются от обычных систем следующими характеристиками:

1. Аутопойетические системы сами создают свои базовые элементы: это можно понимать в том смысле, что человек и общество взаимно воспроизводят («достраивают») друг друга. При этом «системы выбирают не как множества предметов, а как аспекты порядка, в которых доступно отношение системы и окружающего мира»¹¹⁵.
2. Аутопойетические системы определяют свои границы и организуют свою структуру. Как самореферентная система общество ощущает свою уникальность, воспроизводит себя в собственных границах, создает свои собственные компоненты и организационные структуры, а также свои особые смыслы для согласования различных элементов систем (действия, времени, события)¹¹⁶.
3. Аутопойетические системы являются замкнутыми, закрытыми. Такая характеристика в полной мере применима к общественной, экономической, политической, этнической, религиозной и другим системам подоб-

¹¹⁴ Luhmann, Niklas. Social Systems. Stanford: Stanford University Press, 1995. P. 12.

¹¹⁵ Ibid. P. 191.

¹¹⁶ Об индивидуальности психических систем см.: Luhmann, Niklas. Social Systems. P. 255–277.

ного рода. Замкнутость не означает полную закрытость, отсутствие связей с другими системами. По Луману, для каждой системы все другие системы являются внешней средой, поэтому система имеет дело не с внешней средой, а со своими представлениями о ней, опосредованными через самое себя¹¹⁷.

4. Наконец, аутопойетические системы являются самонаправленными: у каждой системы свои правила и установки, которым индивид вынужден подчиняться, действуя в рамках этой системы.

Хотя реальные процессы и происходят в настоящем, динамика ее наблюдаема лишь во временном измерении, т. е. истории. В связи с этим Н. Луман объясняет, что «теория общественной эволюции не может быть теорией, каузально объясняющей протекание истории или даже хотя бы известных событий. Представление о времени должно лишь предуготовлять теоретическую схему для исторических исследований, которая при благоприятных обстоятельствах может приводить к ограничению возможных каузально-релевантных причин»¹¹⁸.

Лумановское представление о том, что система общества развивается благодаря нестабильности, увеличивающей энтропию (меру беспорядка и неопределенности), в принципе в своих базовых основаниях является верным, но вряд ли полным, исчерпывающим, поскольку нестабильность социальной системы является сначала следствием и лишь потом причиной. По нашему мнению, большее значение для понимания социальных процессов, в том числе исторических, имеет другое. Будучи культурно-сложной и адаптивной системой, общество приходит в нестабильное состояние из-за значительной, превышающей его адаптационные возможности, неравномерности развития логически взаимосвязанных аспектов (измерений) социальности (системных проявлений социальных факторов), а также их различных сочетаний – общественно-политического, социально-экономического, этнокультурного, этнорелигиозного и т. д.

На ряд других недостатков теории систем Лумана указывал сам Хабермас в ходе их известной полемики¹¹⁹. Ограничимся здесь важнейшими пунктами критики теории Лумана, которые приводит Дж. Ритцер:

1. Луман строит свою теорию на незыблемости принципа социальной эволюции, хотя не на всех этапах развитие социальных систем можно считать эволюционным, особенно в масштабе микроистории; часто имело место циклическое регрессивное движение, возвращение к старым, опробованным, но более архаичным моделям развития.

¹¹⁷ Более подробно об этом см.: Ритцер Дж. Современные социологические теории. С. 221–223.

¹¹⁸ Луман Н. Эволюция. С. 91.

¹¹⁹ Habermas, Jürgen. Vorbereitende Bemerkungen zu einer Theorie der kommunikativen Kompetenz // Habermas J. & Luhmann N. Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie: Was leistet die Systemforschung? Theorie – Diskussion. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1971. S. 101–141. См. также дискуссию на эту тему: Amelung, Knut. Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie – Was leistet die Systemforschung? Theorie – Diskussion by Jürgen Habermas, Niklas Luhmann // Archiv des öffentlichen Rechts. 1973. Vol. 98. No. 1. P. 138–143; González, Luis A. Teoría crítica versus teoría de sistemas: la confrontación Habermas-Luhmann // Realidad: Revista de Ciencias Sociales y Humanidades. 1994. No. 41. P. 785–811; и др.

2. Луман использует категорию дифференциации, с помощью которой описывает процесс растущего усложнения социальных систем из-за их взаимодействия с внешней средой. Однако в реальности усложнение происходит и на основе т. н. дедифференциации, стирающей границы между социальными системами (Ритцер приводит пример размывания границ между элитарной и массовой культурой, этот пример можно интерполировать на другие сферы социальной жизни), а также из-за взаимопроникновения систем, в том числе отдельных систем и системных элементов.
3. Критику вызывает положение о замкнутости систем, поскольку в результате взаимодействия они часто объединяются – полностью или частично, поэлементно – друг с другом, создавая новые системы и подсистемы (культуры и субкультуры).
4. Лумана упрекали в том, что он не выбрал единственную парадигму, а опирается на неиерархический релятивизм. Коммуникация сама выступает в качестве метадискурса, а теория социальных систем, в интерпретации Лумана, – в качестве сбалансированной версии парадигмального плюрализма. Не случайно Дж. Ритцер считает теорию систем Лумана одной из наиболее влиятельных социальных теорий современности¹²⁰.

2.1.6. Базовые концептуальные схемы теории системы Лумана

Общая теория систем, особенно в ее адаптации к теории самореферентных систем Н. Лумана, которую он называл «теорией системы», при некотором ее переосмыслении с учетом новейших разработок в этой области теоретико-методологического знания, позволяет решать если не большинство, то множество проблем исторического познания, которые без них решить было бы гораздо труднее. Из них наиболее важными для нас представляются следующие концептуальные схемы и дихотомии:

1. Соотношение между **целым** и его **частями**, а также между **спецификой целого** и **спецификой его частей**. Это основа основ системной теории: еще Аристотель отличал общее от частного, целое от его частей, элементов. По Луману, локальные сущности могут возникать безо всякого участия целого, из чего следует: **«разделение обоих уровней описания целого и частей требует признания того, что целое не может еще раз проявляться на уровне его частей»**¹²¹.

Достижением концептуальной схемы *целое/части* Луман видит разрешение парадоксальности емкого и содержательного определения единства многообразия (*unitas multiplex*), в котором одновременно уживаются

¹²⁰ Ритцер Дж. Современные социологические теории. С. 236.

¹²¹ Луман Н. Самоописания. С. 62.

многое и единое¹²². Рассматривая модели сложных системных взаимодействий, он предлагает говорить не о «декомпозиции некоего “целого” на “части” – ни в понятийном смысле (*divisio*), ни в смысле реального разделения (*partitio*)», а скорее о том, что «каждая частная система воспроизводит охватываемую систему, к которой она принадлежит, посредством собственного (специфического для частной системы) различения системы и окружающего мира»¹²³. Здесь как раз имеются в виду дифференциации. Проблема в том, что в такой универсалистской подаче схему *целое/часть* применить невозможно, поскольку «в этой схеме «будет отсутствовать определяющая точка»¹²⁴. В нашем подходе эта коллизия преодолевается тем, что определяющей точкой в познании целого и его частей посредством друг друга является *Его* как источник и центр коммуникационных интеракций.

2. Дилемма между **простотой** и **сложностью**, **элементом** (компонентом) и **системой**. Как раз «переключение анализа общества с концептуальной схемы *целое/часть* на схему *система / окружающий мир*, по Луману, позволяет «лучше понять морфогенез сложности» и «дает возможность улучшить координацию между системной теорией и теорией эволюции»¹²⁵. Для этого необходимо также различать отношения *система / окружающий мир* и *система/система*. Любая сложная система может быть разложена на множество простых систем, элементов, и так далее, с сохранением их внутренней иерархии и единства дифференциаций. При этом системы (исторические явления, процессы) могут быть в процессе динамических изменений: последовательно усложняющимися, или упрощающимися, или имеющими хаотическую динамику развития. Собственно, разделение целого – всеобщей (всемирной, мировой, глобальной) истории – на части, отдельные социальные измерения, определяющие его идентичность, имеет своей целью именно это – конструктивную редукцию сложности, не допускающую, однако, упрощения самих фактов, первоэлементов систем. Элемент системы тоже можно маркировать как целое, но это уже квантовая логика, которую мы в этой работе затрагивать не будем.
3. Отношения между **центром** и **периферией**, тенденциями к **централизации** и **децентрализации**. В каждой системе есть свой центр и своя периферия, которые при слиянии или разделении систем могут сдвигаться или трансформироваться. Такая дифференциация, дополняющая стратификационную, предполагает неравенство центра и периферии, сохраняющей сегментарную дифференциацию, обособление центра¹²⁶. В этой системе

¹²² Там же. С. 56.

¹²³ Луман Н. Дифференциация. С. 9–10.

¹²⁴ Там же. С. 9.

¹²⁵ Там же. С. 11.

¹²⁶ Там же. С. 27, 83.

«может существовать множество центров, один из которых осуществляет гегемонию над другими»¹²⁷.

4. **Субъект-объектные отношения**, от которых Н. Луман предлагает отказаться, поскольку основной чертой субъекта является его самореферентность, рациональная рефлексия: новая версия системного коммуникативного подхода, предлагаемая в данной работе, не только возвращается к субъекту и объекту в их парсонсовском понимании (каждый член социальной системы является как субъектом, актором, обладающим целями, идеями, установками, так и объектом ориентации – и для других акторов, и для самого себя¹²⁸), но и усиливает рациональную рефлексию, используя принцип транссубъектности, а также различая на этой основе логику субъекта коммуникации и субъекта познания этой коммуникации. Таким образом, элементами системы могут быть как **объекты**, так и **субъекты**, в том числе субъект познания, структуры, события/явления и процессы, а также **системные проявления социальности**, повседневной жизни и даже языка описания (**понятийная система**).
5. **Коммуникация «через системные границы» как дискретный информационный обмен, выявляющий точки пересечения систем**. Речь идет о границах общинных, политических, этнических, в т. ч. семейно-клановых, религиозных и иных сообществ, которые рассматриваются как соответствующие системы. В системном историческом познании различные формы коммуникации имеют свою специфику в зависимости от используемых в данных системах форм коммуникации, но еще больше – от ее содержания.
6. **Реальные механизмы развития системы** и динамика изменения (увеличения или уменьшения) ее **энтропии** (меры беспорядка) в лумановском понимании. Понимание этих механизмов чрезвычайно важно для анализа кризисов и точек бифуркации в историческом развитии, а также динамики социальных процессов на каждом из этапов истории.
7. **Растущая эволюционная сложность и комплексность систем**, связанная с их самореферентностью, внутренней дифференциацией (дроблением на новые системы) и когерентностью. У Лумана речь идет о собственной системной комплексности, которая необходима для охраны границ системы, а также о дифференциации систем, процессах кодирования и различения *Ego/Alter*¹²⁹.

Концептуальные схемы, разработанные в рамках теории систем на востоковедческом материале, приводятся в исследованиях К. Гирца, посвященных Индонезии.

¹²⁷ Луман Н. Дифференциация. С. 83.

¹²⁸ Парсонс Т. О социальных системах. С. 790.

¹²⁹ Луман Н. Общество как социальная система. С. 74.

2.2. ОТ СОЦИОЛОГИЗМА КАК КЛАССИЧЕСКОГО МЕТОДА ИСТОРИИ К МНОГОМЕРНОМУ КУЛЬТУРАЛЬНОМУ АНАЛИЗУ И СОЦИОКУЛЬТУРНОМУ ПОДХОДУ

Поскольку в этой книге социальная коммуникация рассматривается как один из системообразующих факторов пространственного понимания социальности, из очевидных приемов разработки и апробации такого подхода логично отдать приоритет **социологизму** как одному из главных и устоявшихся способов исторического познания. Тем более, что главным предназначением «наук о духе», объясняющих тесно переплетенные между собой «системы культуры», Вильгельм Дильтей видел «изучение общества и истории», а также «объяснение общества и руководство им»¹³⁰. И сегодня историки, как считает Н. В. Иллерицкая, «в своем большинстве понимают историю как специализированную науку о прошлой социальной реальности»¹³¹.

Социологический тип познания задается и в предметном аспекте исследования – интерпретации общества как целостной социальной реальности, и в выделении основных составляющих истории социальных систем, социальности как способа человеческого существования (общественная, политическая, этническая и религиозная составляющие), и в представлении об объективной закономерной взаимосвязи и взаимообусловленности явлений материального и духовного мира (социальный детерминизм), и в аспекте собственно методологическом – приоритете когнитивной стратегии номотетического типа, однако это скорее уже социокультурный подход, который отличается от классического социологизма Э. Дюркгейма пониманием (Вебер), интерпретативностью (Гирц, Латур) и системностью (Сорокин, Парсонс, Луман, Мертон, Александер). На уровне предпосылочного знания системная реконструкция прошлого связывается с теоретическим и эмпирическим знанием, вполне адекватным исторической действительности и свободным от оценочных, мировоззренческих и предвзятых идеологических суждений.

Мы также рассматриваем центральное положение неклассической социологии о **человеке как единственном источнике социальных действий, первичном элементе любого общества, одновременно субъекте и объекте истории как аксиому исторической науки и в целом гуманитарных дисциплин**. Этот общий постулат выступает в данном исследовании в качестве главного условия, по существу императива исторического познания.

Как исторический метод классический социологизм когнитивной стратегии в процессе ее реализации в современных исследованиях трансформировался в варианты неклассической и постнеклассической социологии – «понимающей» и интерпретативной, – выдвигающей на первый план значимые, смысловые эле-

¹³⁰ См: Дильтей В. Введение в науки о духе. С. 678.

¹³¹ Иллерицкая Н. В. Конструирование прошлого в контексте интеллектуального многообразия // Вестник РГГУ. Серия: Политология. Социально-коммуникативные науки. 2013. № 1 (102). С. 37.

менты социальной жизни и приемы их понимания, прямого постижения. Противопоставление историзма и социологизма здесь бессмысленно не только потому, что они относятся к разным доменам социокультуры – хронологическому и содержательному, ведь история есть не только хронология, но и ее содержание, а оно социально. Такое противопоставление некорректно еще и потому, что оно отменяет коммуникацию, без которой история невозможна, по крайней мере, была невозможна до цифровой эпохи. Факт становится историческим только в социальном контексте, когда о нем узнают в обществе.

Противопоставляя историю и теорию, П. Бурке подразумевал под последней именно социальные теории¹³²; не случайно история и обществоведение часто представляются как единое целое, во всяком случае в образовательном стандарте высшей школы. Из обществоведения в историю пришли сравнительные и количественные методы, модели и типы, а также «социальный микроскоп», не говоря о ключевых категориях исторических концепций – классы, общности, идентичности, социальные процессы и социальные роли и т.д.¹³³

2.2.1. Социологизм Дюркгейма и основные направления «понимающей» социологии

Классический социологизм, который Эмиль Дюркгейм в свое время обосновал как научный метод, является испытанным методом исторической науки для изучения социальных фактов и их связей. По Дюркгейму, «социальные факты нужно рассматривать как предметы (*des choses*)»¹³⁴: это положение классической социологии вызывает особые возражения со стороны постмодернизма, для которого все социальное, как правило, – это символическое и воображаемое, т. е. не вещи и предметы, а их образы. Информационный подход, в котором информация также является «вещью», признает, во-первых, что многое в социальном является исследовательскими конструктами, научными понятиями (абстракциями с определенным научным значением/значениями). Однако полное отрицание социального факта бессмысленно: например, А любит Б или Б ненавидит С. Поскольку исследователь не может определить, насколько истинно утверждение, что А любит Б или Б ненавидит С, он фиксирует информацию «как есть», с точки зрения А и Б, фиксируя их актуальные состояния на их собственном языке описания. При этом в цифровой истории обязательно отмечается, что это факт, установленный не самим исследователем, а со слов А и Б. Наконец, такой факт информационная система записывает точно так же, как она записывает факт предметный.

Социологизм ценен, в первую очередь, как признанный метод исторической науки, значение которого для изучения общественных процессов в истории трудно переоценить, но при этом он остается не только методом социальных наук,

¹³² Burke, Peter. History and Social Theory. P. 4–5.

¹³³ Подробнее об этом см.: Ibid. P. 22–60.

¹³⁴ Дюркгейм Э. Метод социологии // Западно-европейская социология XIX – начала XX века / под ред. В. И. Добренкова. М.: Межд. ун-т бизнеса и управления, 1996. С. 264.

но и логическим подходом к изучению социальных процессов¹³⁵. «Сближение между исторической наукой и социальными науками достигло такой степени, – отмечал Т. Шидер в 1970 г., – что уже обсуждается вопрос, нельзя ли объявить самое историю чисто социальной наукой и не следует ли ей расторгнуть традиционные связи – методические, академические, смысловые – с другими гуманитарными науками»¹³⁶. Р. Гофстедтер прогнозировал, что следующее поколение станет свидетелем появления нового типа истории, которая «будет смесью из традиционной истории и социальной науки. Она будет отличаться от описательной историографии прошлого тем, что главной ее целью будет анализ <...> Она будет принимать к сведению выводы социальных наук и в некоторых случаях пользоваться методами, разработанными этими науками»¹³⁷. Настоящее исследование отчасти подтверждает прогноз Р. Гофстедтера, но с существенной коррекцией: классические описательные подходы современной науки дополнились постклассическими, которые изменили и историческую науку, и социальные науки.

«Понимающая» социология, будучи неклассической, существенно отличается от классической: если Дюркгейм опредмечивал социальные факты, не видя разницы между изучением человека и природы, то Макс Вебер, находившийся под влиянием идей неокантианства, сосредоточился в русле инициированного В. Дильтейем «спора о методе» на смысловом характере деятельности и поведения человека, что позволило ему обосновать специфику социогуманитарного знания в противовес позитивистскому натурализму. П. Вен даже заметил, что между социологией Вебера и социологией Дюркгейма нет ничего общего¹³⁸. При этом Вен подчеркнул, что «социология провалилась в попытке сделать больше, чем делала и должна была делать история; поэтому она тем более интересна, чем менее социологична и более исторична, чем ближе она придерживается изложения событий»¹³⁹. Здесь важно отметить теснейшую связь истории и социологии, которые перекрестно перекрывают друг друга в исторической социологии и современной истории.

Основными вариантами «понимающей» социологии считаются: 1) **историко-философская социология М. Вебера**, который и предложил этот термин¹⁴⁰ с его универсализацией в формальной социологии Г. Зиммеля; 2) **феноменологическая социология Э. Гуссерля**, получившая развитие в трудах Н. Н. Бахтина, А. Шюца и Ж.-П. Сартра; 3) **герменевтическая социология М. Хайдеггера**, продолжившаяся в сильно обновленной форме в работах Г.-Х. Гадамера. Наконец, в области фило-

¹³⁵ Alexander, Jeffrey C. Theoretical Logic in Sociology. In 4 vols. Vol. II: The antinomies of classical thought: Marx and Durkheim, 1983.

¹³⁶ Шидер Т. Различия между историческим методом и методом социальных наук. М.: Наука – Глав. ред. вост. лит-ры, 1970.

¹³⁷ Geschichte und Geschichtsschreibung. Möglichkeiten, Aufgaben, Methoden. Texte von Voltaire bis zur Gegenwart. Hg. von Fritz Stern. München, 1966. S. 369.

¹³⁸ Вен Поль. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. Приложение. Фуко совершает переворот в истории. М.: Научный мир, 2003. С. 332.

¹³⁹ Вен Поль. Как пишут историю. С. 333.

¹⁴⁰ Подробнее об этом см.: Weber, Max. The Methodology of the Social Science / transl. and ed. by Edward A. Shus and Henry A. Finch with a foreword by Edward A. Shils. Glencoe, IL: The Free Press, 1949.

софии истории феноменологию с герменевтикой объединил П. Рикёр, назвавший свой подход «прививкой герменевтической проблематики к феноменологическому подходу»¹⁴¹. В отечественной историографии подробный историко-критический анализ этого научного направления осуществил Л. Г. Ионин¹⁴².

Макс Вебер впервые ввел в научный оборот понятие социального действия и понятие социальной рациональности, подхваченные затем Ю. Хабермасом, а также категории «понимающей социологии», которые используют два класса «идеальных типов» – чистые (культура, хозяйство) и генетические (феодализм и др.)¹⁴³. Его идеально-типический метод заключался в построении упрощенных гипотетических моделей социальных явлений с целью понимания их существенных характеристик и лежащей в их основе логики. Творческий поиск, направленный на понимание действий людей в конкретно-исторических условиях, а также субъективных значений, которые люди придают своим действиям и взаимодействиям, делают его сторонником историзма. Таким образом, человек, его действия, поведение, культура в широком смысле и религия в практическом смысле оказываются в центре его научных исследований.

Вебер посвятил специальные исследования не только протестантизму, точнее его этике, но и таким восточным религиям, как буддизм, даосизм, индуизм, иудаизм, конфуцианство, что позволило ему разглядеть особые формы взаимодействия людей, связанные с их верой в Бога. Искренне восхищаясь гениальными конструкциями Маркса, но при этом последовательно полемизируя с ним, Вебер ввел определение термина «социальный статус», объяснил иерархию социальных страт, которые образуют систему социальной стратификации¹⁴⁴, выделил типы власти, хозяйства, обмена, аграрного строя, фактически был первым, кто написал экономическую историю¹⁴⁵. Не случайно Вебер оказал огромное влияние не только на критическую теорию, но и на Т. Парсонса, К. Гирца, Н. Лумана, Дж. Александера.

Макс Вебер наделял социальные действия смыслом, противопоставляя их действиям в природе. Соответственно задачей истории является изучение последовательности осмысленных социальных действий, в то время как задачей социологии – интерпретация самого действия. В целом историко-философская социология Вебера по-прежнему оказывает значительное влияние на современную социологическую теорию, подчеркивая важность коммуникации, систематичности и многомерности социальных явлений.

Феноменология в лице Э. Гуссерля определенно следует за классической философией, считая человеческое общество «жизненным миром», построенным

¹⁴¹ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. И. С. Вдовиной. М.: Канон-пресс-Ц – Кучково поле, 2002. С. 33.

¹⁴² См.: Ионин Л. Г. Понимающая социология. Историко-критический анализ. М.: Наука, 1979.

¹⁴³ Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М. И. Левиной. С. 495–546.

¹⁴⁴ Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 169–183.

¹⁴⁵ Вебер М. История хозяйства: Очерк всеобщей социальной и экономической истории / Изд. по оставленным лекциям: С. Геллеман, проф. истории в Мюнхен. ун-те и М. Палий, доцент Высш. коммерч. шк. в Берлине; пер. под ред. проф. И. М. Гревса. Пг.: Наука и школа, 1923.

в соответствии с феноменологией сознания. В центре «жизненного мира» стоит *Его*, которое рассматривается как «аподиктическая очевидность»¹⁴⁶, «чистое Я»¹⁴⁷, или «*Его*, взятое в полной конкретности», «в текущем многообразии своей интенциональной жизни»¹⁴⁸. Следовательно, история – череда осознанных действий отдельных людей, в том числе в рамках различных социальных объединений.

Для герменевтики важнее всего понимание: по Мартину Хайдеггеру, общество представляет собой понимающее бытие-в-мире, формой бытия-в-мире вообще, которое является основоустройством присутствия¹⁴⁹. Само присутствие является пониманием, из которого следует толкование¹⁵⁰. Выделяя структуру, функции и нормы как три основных аспекта системности в социальной структуре, М. Хайдеггер подчеркивает многомерность социальной реальности, включая физический мир, психологические аспекты и социокультурные факторы. Само бытие-в-мире пространственно¹⁵¹. Он отмечает, что герменевтический подход позволяет лучше понимать социальные явления, так как исследователь учитывает смыслы и контексты.

На уровне микросистем коммуникативного взаимодействия «понимающую» социологию развивали Х. Гарфинкель и И. Гофман. Этнометодология Гарольда Гарфинкеля, который в свое время стажировался в Гарварде у Т. Парсонса, проявляет особый интерес к парсонсовской идее социального порядка, которую он развил и распространил на уровне локальных сообществ. Иначе говоря, упорядоченность социальной жизни создается на местах, на уровне первичного взаимодействия, ее создают люди, отличающиеся практической рациональностью, придавая смысл всему тому, что они делают в процессе коммуникации. Этот тезис перекликается с положением новейших системных теорий о самоорганизующихся живых системах. В многомерном подходе **упорядоченность создают принципиально различные измерения социальности, отличающиеся не только своей формой коммуникации, но и особым языком, символами, ценностями и ориентирами.**

Чистая (формальная) социология Георга Зиммеля, впервые поставившего проблему социальной дифференциации, отличается выделением «чистых» первичных формантов социальности, которые он называл формами социации (нем. *Formen der Vergesellschaftung*). Эти формы умозрительные, «ведь осязательно существуют лишь отдельные люди и их состояния и движения»¹⁵². Мы оцениваем их как социальные отношения, возникающие в коммуникациях: господства, подчинения, конкуренции, представительства и др. Важным основанием, придающим

¹⁴⁶ Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука, 2001. С. 264.

¹⁴⁷ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. М.: ДИК, 1999. С. 176.

¹⁴⁸ Гуссерль Э. Картезианские размышления. С. 155.

¹⁴⁹ Хайдеггер М. Бытие и время. С. 71.

¹⁵⁰ Там же. С. 73–74.

¹⁵¹ Там же. С. 127.

¹⁵² Зиммель Г. Социальная дифференциация: Социологические и психологические исследования / авториз. пер. с нем. Н. Н. Вокач и И. А. Ильина; под ред. и с предисл. Б. А. Кистяковского. М.: М. и С. Сабашниковы, 1909. С. 14.

социальным соединениям хотя бы относительно объективный характер, Зиммель называет взаимодействие частей¹⁵³. Общество образуют взаимодействия не только отдельных людей, но и социальных групп¹⁵⁴, причем чем проще реальные и идеальные силы, их скрепляющие, тем солидарнее социальная общность¹⁵⁵. Для своего адекватного понимания социальные процессы, типы и модели развития должны быть наполнены историческим содержанием. Социальная дифференциация и индивидуализация ослабляют коммуникативные связи в зоне ближнего круга, зато увеличивают периметр социальных контактов¹⁵⁶.

В «драматическом подходе» Ирвинга Гофмана, представляющем собой «понимающую» микросоциологию, а также феноменологию, развиваемую в рамках неокантианской методологии, раскрывается игровая природа социального взаимодействия и различные ролевые аспекты коммуникации. Эти аспекты связаны с психологией Еgo и его самоотождествлением как с конкретной ролью, определяющей его действия, так и с организацией или группой. Во втором случае такие самоотождествления порождают групповые идентичности¹⁵⁷. Выделение трех уровней абстракции с уровнем личности, взаимодействия и социальной структуры обнаруживает некоторую фундаментальную близость «драматического подхода» к Т. Парсонсу, но влияние социологического реализма Э. Дюркгейма, формальной социологии Г. Зиммеля, символического интеракционизма Дж. Мид и Г. Блумера, этнометодологии Х. Гарфинкеля существенно больше.

Социальная «жизнь соткана» из фреймов, которые позволяют интерпретировать поведение других людей¹⁵⁸. Человек является исполнителем своей социальной роли, которую он играет в своей повседневности и особых случаях с разным пафосом и вдохновением, но он также сценический персонаж-характер: «качества исполнителя и качества представляемого им характера – явления разного порядка»¹⁵⁹. Различные социальные роли могут ослаблять или усиливать друг друга, соответствовать характеру человека или не соответствовать, гармонизировать личность или порождать внутренние противоречия. Взаимно накладывающиеся друг на друга «фреймы» создают особые формы социальной сложности, которые можно разбирать лишь в многоуровневом и объемном пространстве знания, использующем **идеи понимания и согласия (полного, обоюдного, частичного) между сторонами коммуникативного взаимодействия в истории**, с учетом исторического «контекста», способов понимания, в том числе в рамках отдельных дисциплин.

¹⁵³ Зиммель Г. Социальная дифференциация. С. 18.

¹⁵⁴ Там же. С. 20.

¹⁵⁵ Там же. С. 32.

¹⁵⁶ Там же. С. 70.

¹⁵⁷ Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. С. 289.

¹⁵⁸ Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта / пер. Р. Бумагина, Ю. Данилова, А. Ковалева, О. Оберемко. М.: Ин-т социологии РАН, 2004.

¹⁵⁹ Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. С. 299.

2.2.2. Акторно-сетевая теория Латура и «пересборка социального»

Предложение Бруно Латура, развивающего критическую теорию, «выйти за рамки общественного», чтобы осуществить «пересборку социального», развивает неклассические (М. Вебер, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер) и постнеклассические (А. Шюц, К. Гирц) версии «понимающей» социологии. При этом он, как еще и постмодернист, выходит за рамки собственно социального.

В рамках своей теории Б. Латур также поставил проблему **проявлений системной сложности** обществ, опосредованной вещами, заложив тем самым основу для так называемого **материального «поворота»** наук о культуре. Речь идет о сложности человеческих отношений, которые обусловлены материальным миром. Для объяснения сложности человеческих взаимодействий Латур использует понятие фрейма – рамки, точнее рамок, поскольку в них фреймируются все окружающие объекты, каждый по-своему¹⁶⁰. Заполняя пространство коммуникации, вещи и сами становятся акторами повседневного взаимодействия. Как таковые они способны как увеличивать, так и упрощать сложность человеческой коммуникации.

Познавательная акторно-сетевая теория Б. Латура могла бы быть усилена с помощью драматического подхода И. Гофмана с его интересом к тому объективному содержанию, которое **скрывается за «вещами»**. Этих двух исследователей связывает как раз идея фреймов. Несмотря на прямую конфронтацию основных идей метода Латура с подходами Лумана и Гирца, некоторые его постулаты оказали влияние на формирование когнитивной стратегии настоящего исследования.

Признавая за «понимающей» социологией значительную познавательную ценность для своего времени, Латур идет дальше, раскрывая условность большинства понятий социальных наук как исследовательских конструктов, по поводу которых большинство исследователей, как правило, мало рефлексировать. Он подчеркивает, что **социальные группы существуют не реально, как вещь, а лишь собирательно**, как образ некоторой совокупности людей, связанных друг с другом определенным образом; поэтому он предпочитает использовать вместо понятия «группы» понятие «группообразование»¹⁶¹. Выделение нами особых типов системных образований во многом повторяет эту логику, а кросскультурный метод универсальных языковых эквивалентов учитывает собирательный характер понятий в системно-коммуникационном анализе.

Людей «ежеминутно побуждают включаться в группу, и зачастую более чем в одну»¹⁶². Следовательно, **выделение нами общественного, политического, этнического и религиозного аспектов социальности далеко не исчерпывает многообразие проявлений социального, это не более чем вынужденный редукционизм**: форм социальных проявлений, соответственно и форм социальной консолидации, на основе которых строится групповая идентичность, гораздо больше.

¹⁶⁰ См.: Латур Б. Об интеробъективности // Социология вещей. Сборник статей. М: Территория будущего, 2006. С. 175.

¹⁶¹ Латур Б. Пересборка социального. С. 42.

¹⁶² Там же. С. 43.

Акторно-сетевая теория Латура «просто не считает своим делом стабилизировать социальное от имени тех, кого она изучает. Эту обязанность следует целиком оставить “самим акторам”»¹⁶³. Данное правило актуально и в сетевом анализе восточных обществ: **коммуникативные связи могут быть сложившимися, «стабилизированными» и образующимися**. Информационный подход учитывает их в интерпретации самого актора, в соответствии с расставленными им самим приоритетами. Момент образования связи, факт непосредственного акта коммуникации гораздо важнее, чем факт наличия связи: акт коммуникации можно изучать по качественным и количественным параметрам (продолжительность, эмоциональная окраска, содержательная часть и др.), а «стабилизированные связи» остаются безмолвными и неинформативными (хотя они так же наблюдаемы в информационной системе исторического знания, как сложившиеся и образующиеся).

2.2.3. Интерпретативная социологическая антропология Гирца

Интерпретативные теории социологии представляют собой постнеклассические версии развития «понимающей» социологии. Коммуникативное взаимодействие людей осуществляется в рамках символических значений культуры, а не в вакууме. Этот аспект информационного подхода непосредственно связан с символично-интерпретативными исследованиями Клиффорда Гирца на материалах изучения восточных обществ и его семиотическим подходом к изучению восточной культуры.

Символично-интерпретативная антропология, или «интерпретативная» социология К. Гирца, исходит из того, что любая культура по своему характеру имеет символический характер. Поэтому анализом культуры должна заниматься не экспериментальная наука, занятая поисками законов, а наука интерпретативная, занятая поисками значений¹⁶⁴. Семиотическая концепция культуры, которой придерживается Гирц, представляет «исторически передаваемую систему значений, воплощенных в символах; систему унаследованных представлений, выраженных в символических формах, посредством которых люди передают, сохраняют и развивают свое знание о жизни и отношении к ней»¹⁶⁵.

В своем системном анализе культуры, основанной на опыте изучения Востока (Индонезии, Бирмы, Индии, Ливана, Марокко и др.), Гирц усилил идеи «понимающей» социологии Вебера, подчеркнув интерпретативную силу общего языка, философии и культуры в социальных науках, а также возможности своей **антропологической теории подробного, «насыщенного описания»** (*thick description*), отражающей сложность и нюансы культурных явлений и категоризирующей все проявления культуры и человеческого поведения¹⁶⁶. Г. Райл, у которого он заимство-

¹⁶³ Латур Б. Пересборка социального. С. 47.

¹⁶⁴ Гирц К. Интерпретация культур. С. 10.

¹⁶⁵ Там же. С. 105.

¹⁶⁶ Там же. С. 13–15.

вал эту идею, использовал «насыщенное описание» как самостоятельный антропологический метод, объясняющий с максимальной детализацией причину человеческих действий. С помощью «насыщенного описания» Гирц объясняет не только действия человека в той или иной ситуации, но и контекст этих действий, в результате которого **любое действие приобретает смысл, понятный для окружающих**¹⁶⁷. Это чрезвычайно важно для корректного использования предлагаемых в настоящей книге методов в исследованиях эволюции восточных обществ: коммуникация осуществляется не только вербально, но и с помощью невербальных средств. «Насыщенное описание» позволяет максимально выделить и зафиксировать нюансы и модальности человеческой коммуникации: как категория культуры, «ничего не значащее морганье <...> в такой же степени не подмигивание, в какой подмигивание является не морганьем»¹⁶⁸.

Таким образом, для Гирца важно **не только понимание, но и объяснение особенностей той или иной системы культуры**, которые конструируются из символов: в коммуникативной интеракции также важны и понимание, и объяснение – **понимание нужно для приема информации, а объяснение – для ее передачи**.

Полемизируя с теорией коммуникативного действия Ю. Хабермаса, Гирц подчеркивает, что человеческие действия неоднозначны, если рассматривать их вне соответствующих культурных практик. Поэтому для изучения обычаев и традиций конкретного народа в истории большое значение имеют социальные практики культуры этого народа.

Далее, отношения между символами в системе культуры Гирца **моделируют отношения между элементами реальной действительности**. Это не менее важный постулат. Информационный подход использует модели Гирца, «отражающие» модели чего-либо (*models of*), в данной работе – информационные модели общины и общества. Эти модели также используются во второй своей форме репрезентации, а именно – для чего-либо (*models for*), в нашем случае – для изучения социальных процессов в исторической ретроспективе и в их реальной динамике. Рационалистические основания коммуникативного подхода поддерживаются системой **здорового смысла**¹⁶⁹. **При этом системы значений**, которые воспроизводят культуру, принадлежат народу, их создавшему. Это означает, что системные образования выделяются там, где выявляются особые системные связи между элементами системы.

Подчеркивая, что «Гирц четко и настойчиво высказывался за идею человека, а не специфически социальной науки», Дж. Александер связывал появление интерпретативной социологии с философской позицией Вильгельма Дильтея, которая с легкой руки Фридриха Шлейермахера получила название герменевтики. Дильтей первым указал на то, что интерпретация имеет большее значение по сравнению с наблюдением¹⁷⁰. Отсюда понятна попытка Гирца **понять концепцию человека через концепцию культуры**, которая реализуется с помощью некоторой

¹⁶⁷ Geertz, Clifford. Thick Description: Towards an Interpretive Theory of Culture. P. 5.

¹⁶⁸ Гирц К. Интерпретация культур. С. 13.

¹⁶⁹ Geertz, Clifford. Common Sense as a Cultural System. P. 5–26.

¹⁷⁰ Alexander, Jeffrey C. Clifford Geertz and the Strong Program. P. 56.

редукции социальной сложности, такого ее упрощения, которое доступно ясному и убедительному пониманию.

Для нас также важны представления К. Гирца о многогранности культуры как паутины значений, где все взаимосвязано и неразрывно, которая не может быть сведена к простым измерениям. Культурный анализ требует интерпретации символов, значений и практик в их социальном контексте. Понимание культуры представляет собой непрерывный процесс интерпретации и переинтерпретации, подверженный изменениям с течением времени.

2.2.4. Многомерная культуральная социология Александра

Свою многомерную культуральную социологию (*Dimensial cultural sociology*) Джеффри Александер представлял как новую «теоретическую логику» и даже в качестве «сильной программы» в социологии, указывая на ее отличия от социологии культуры (*sociology of culture*). Это направление теоретической мысли, которое также можно выразить одним термином «культурсоциология» (*Kultursoziologie*), уже своим названием подчеркивает культурную обусловленность всех социальных явлений. Анализ теоретических подходов Дж. Александера выводит нас прежде всего на труды Т. Парсонса как на основной источник его творчества. После обращения к работам позднего Э. Дюркгейма многомерная социология обогатилась культурными системами, а глубокое ознакомление с трудами М. Вебера и К. Маркса усилило интерес к теоретической интеграции. Теория Александера формировалась не в последнюю очередь и в полемике с К. Гирцем¹⁷¹.

Под многомерностью Александер понимал множественность уровней культурально-социологического (для простоты – культурного) анализа. Это основное понимание многомерности, но не единственное, как, впрочем, и в нашем исследовании. Говоря об уровнях «интеллектуального континуума», он, тем не менее, выделяет микро- и макроконтинуум, которые представляют собой не что иное, как «индивидуальный» или «коллективный» уровень анализа¹⁷².

Каждый из уровней анализа характеризуется своим уровнем порядка, или системной упорядоченности. Как и в структурном функционализме Т. Парсонса, Александер уделяет особое внимание проблеме социального порядка, которая является одной из ключевых в его многомерной социологии. Упорядоченность в обществе создается на разных уровнях: коллективная на макроуровне и индивидуальная на микроуровне. Коллективный порядок порождается общественными явлениями, а индивидуальный – на основе личных договоренностей и других интернализованных факторов.

Вслед за Парсонсом социальный порядок уравнивается вниманием к социальному действию. В неофункционализме Александера всякое социальное дейст-

¹⁷¹ Alexander, Jeffrey C. Clifford Geertz and the Strong Program. P. 55–64.

¹⁷² Alexander, Jeffrey C. Theoretical Logic in Sociology. In 4 vols. Vol. I: Positivism, Presuppositions, and Current Controversies, 1982. P. 65, 93.

вие оценивается как материальное, инструментальное, рациональное и причинно обусловленное. Однако Парсонс рассматривал абстрактных действующих акторов как аналитические конструкты, в то время как для Александра действие – это движение конкретных, живых, дышащих людей, прокладывающих свой путь во времени и пространстве. В каждом действии можно выделить измерение свободы воли¹⁷³.

Идеи социального порядка и социального действия, заимствованные у Парсонса, в многомерной социологии находят новые смыслы. Социальные действия могут быть как рациональными, так и нерациональными, причинно обусловленными и хаотичными. Материалистическое объяснение действия дополняется идеалистическим, поскольку оно происходит в материалистически-идеалистическом континууме. Субъективизм индивидуальный дополняется пониманием того, что существует и коллективный уровень субъективности. Социальный порядок может нарушаться внутренним напряжением, порождающим радикализацию общества¹⁷⁴.

На основе многомерной социологии Дж. Александра развивается теория гражданской сферы, которая активно используется для изучения и понимания сложных социальных процессов в разных частях мира, в том числе и на Востоке. В частности, хороший анализ материала на примерах из Японии, Китая, Гонконга, Тайваня и Южной Кореи предпринят в недавно опубликованном коллективном исследовании, в котором Александр принимал непосредственное участие¹⁷⁵.

Таким образом, основываясь на трудах самого Александра, а также различных работах обзорного характера, посвященных его творчеству, неофункционализм можно свести к следующим основным положениям:

1. Общество состоит из элементов.
2. Элементы взаимодействуют друг с другом, образуя новые паттерны – структуры, характеристики, модели поведения.
3. Эти паттерны позволяют системе выделяться из окружающей среды.
4. Части системы символически связаны друг с другом.
5. Вместо строгого детерминизма предлагается открытый и плюралистичный.
6. Практически одинаковое внимание уделяется социальному порядку и действию.
7. Неофункционализм не ограничивается исключительно макроуровнем анализа источников порядка в социальных структурах и культуре (как в структурном функционализме).
8. Большее значение придается микроуровню паттернов действия.
9. Интеграция в социальных структурах и культуре не является завершающим фактом, это больше социальная возможность.
10. Отклонения и социальный контроль являются реальностями внутри социальных систем.

¹⁷³ Wallace, Ruth A.; Wolf, Alison. *Contemporary Sociological Theory*. 6th ed. New Jersey: Pearson Education, 2006. P. 59.

¹⁷⁴ Breaching the Civil Order: Radicalism and the Civil Sphere / ed. by Jeffrey C. Alexander, Trevor Stack, Farhad Khosrokhavar. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2019 (2020).

¹⁷⁵ The Civil Sphere in East Asia / ed. by Jeffrey C. Alexander, David A. Palmer, David Palmer, Sunwoong Park, Agnes Shuk-mei Ku. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2019.

11. Здесь важны социальные балансы.
12. Использует балансы как референцию для своего функционального анализа.
13. Неофункционализм признает парсонское разделение социетальных систем на системы личности, системы культуры и социальной системы.
14. Подчеркивается, что все эти три системы являются живыми.
15. Интерпретация этих систем порождает социальную напряженность.
16. Эта напряженность является непрерывным источником как социальных изменений, так и социального порядка.
17. Неофункционализм фокусирует свое внимание на процессы дифференциации в рамках систем личности, систем культуры и социальных систем.
18. Социальные изменения не являются продуктом конформизма и гармонии, скорее это «индивидуализация и институционализация напряжения»¹⁷⁶.
19. Неофункционализм «подразумевает обязательство независимости концептуализации и теоретизации на других уровнях теоретического анализа»¹⁷⁷.

2.2.5. Социокультурный подход

Опираясь на основные варианты «понимающей» и интерпретативной социологии, а также на системное понимание социальности, «социокультурный поворот» исторической науки позволил сформулировать новый методологический подход на базе системного – социокультурный подход (Сорокин, Парсонс, Мертон, Луман, Гирц, Александер и Хабермас). Этот подход, безусловно, можно с полным основанием считать историческим, так как он имеет дело с историческим материалом. Однако в гораздо большей степени это социологический подход, поскольку он формировался преимущественно в рамках социальных теорий. Кроме того, для изучения истории восточных обществ, в которых человек рассматривается в его единстве (неразрывной связи) с его непосредственной социальной средой, обществом, культурой (в т. ч. религией) и природой, социокультурный подход дает основательный, надежный фундамент.

Предшественник Т. Парсонса на посту главного социолога Гарвардского университета Питирим Сорокин в своей книге «Человек, цивилизация, общество» рассматривал личность, общество и культуру **как неразрывную триаду**, основные компоненты человеческого мира: «Структура социокультурного взаимодействия <...> имеет три аспекта, неотделимых друг от друга: 1) личность как субъект взаимодействия; 2) общество как совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами и 3) культура как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения. Ни один из членов этой неразделимой триады (личность, общество и культура) не может существовать без двух других»¹⁷⁸.

¹⁷⁶ Alexander, Jeffrey C. Theoretical Logic in Sociology. Vol. I. P. 93.

¹⁷⁷ Ibid.

¹⁷⁸ Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. С. 218.

Хабермас, на творчество которого заметно повлияло научное наследие Сорокина и Парсонса, а также Бахтина, также делит познаваемый мир на три части, но при этом вносит уточнения в триаду П. Сорокина: **объективный мир фактов (т. е. культура, цивилизация), социальный мир норм (социальность с точки зрения реальности) и субъективный мир внутренних переживаний**. А это как раз и есть описательная формула базисной антропологической триады антропосоциокультуры.

Согласно Н. И. Лапину, «специфика социокультурного подхода состоит в том, что он интегрирует три измерения человеческого бытия (человека в его соотношении с обществом, характер культуры, тип социальности) именно как фундаментальные, каждое из которых не сводится к другим и не выводится из них, но при этом все они взаимосвязаны и влияют друг на друга как важнейшие составляющие человеческих общностей»¹⁷⁹. Поэтому с точки зрения своего реального содержания этот подход стоило бы называть не социокультурным, а антропосоциокультурным, тем более что один из принципов этого метода в интерпретации Н. И. Лапина называется «принцип антропосоциетального соответствия»¹⁸⁰. Правда, некоторые теоретики идут еще дальше, антропоморфизируя объекты материального мира и выделяя их в качестве не-человеческих акторов, равноправных с человеческими акторами, как, например, Б. Латур в своей акторно-сетевой теории¹⁸¹.

В социетальной системе Т. Парсонса, в которой культура выступает одновременно и в качестве продукта социального взаимодействия, и как его детерминант, культура и социальность соединяются воедино в неразрывной, но делимой целостности¹⁸². Признание единства всего социального, в свою очередь, основано на том, что всю совокупность социальных связей, процессов и действий можно объединить в единое целое как совокупность коммуникации¹⁸³. Его как субъект действия, который является центром системы, Alter и даже социальная группа, рассматриваемая как единое целое, в системе координат действия Парсонса выступают в качестве социальных объектов. Культурными объектами Парсонс считал символические элементы культурной традиции. А «эмпирические сущности, не «взаимодействующие» и не «реагирующие» на «Я», представляют собой физические объекты»¹⁸⁴.

Социокультурный подход только выиграет, если он признает человека не только субъектом, но и объектом культуры, а также будет учитывать все возмож-

¹⁷⁹ Лапин Н. И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 3–12.

¹⁸⁰ Там же. С. 5.

¹⁸¹ Подробнее об этом см.: Ерофеева М. Акторно-сетевая теория и проблема социального действия // Социология власти. 2015. Т. 27. № 1. С. 29–30.

¹⁸² Парсонс Т. О социальных системах. С. 77.

¹⁸³ Луман Н. Социальные системы. С. 531. При этом Луман сводит совокупность коммуникации к понятию общества как общественной системы (см. там же), а мы – к понятию системы общественной организации как формы социальной организации.

¹⁸⁴ Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль: Тексты / под. ред. В. И. Добренькова. М.: Изд. Международного ун-та Бизнеса и Управления, 1996. С. 463.

ные варианты взаимовлияний и интеракций в триаде «личность – общество – культура». Антропосоциокультура, таким образом, выступает как система высшего порядка. Однако это вовсе не означает признания тождественности культурной и социальной систем – напротив, между ними существуют глубокие различия несмотря на то, что они характеризуются как взаимозависимые и взаимопроникающие. Т. Парсонс объяснял этот парадокс так: «Существенный момент состоит в том, что определенные аспекты культурных систем не могут быть поняты безотносительно к фактам социальных систем, и наоборот, социальные системы не могут анализироваться без отнесения к культуре. В этом смысле культурная и социальные системы не могут быть отделены друг от друга, однако они могут различаться и трактоваться как аналитически независимые»¹⁸⁵.

Критика Парсонса с точки зрения неклассических подходов вынудила его пересмотреть и развить в этом направлении некоторые из своих концепций. Так, в изучении механизмов социокультурных трансформаций, которые описываются как исторические изменения, имеющие очевидную направленность¹⁸⁶, появились аналогии с дарвиновской моделью случайного изменения и отбора¹⁸⁷. Развитие этих идей Парсонса привело к пониманию того, что без учета теории самоорганизации (синергетики) невозможно понять природу «согласованности процессов самоорганизации в сложных системах различной природы, в том числе социокультурных»¹⁸⁸. В системно-коммуникативной теории Лумана варьирование и отбор рассматриваются не иначе, как «внутренние движущие силы (*subdynamics*) комплексной системы»¹⁸⁹.

Не менее важны **системные характеристики социокультурного подхода**, в рамках которого культура может быть рассмотрена одновременно с разных непротиворечивых дискурсов (Парсонс, Луман, Гирц): это и система, т. е. единая и неделимая целостность, и совокупность систем, т. е. целостное единство многообразия: единство общей системы культуры, образованной из многообразия отдельных и самостоятельных систем культуры. Социокультурные системы не являются столь же жесткими, как системы в точных науках: они «мягкие» (по характеру), «живые» (по содержанию), «нечеткие» (по своим параметрам). Характеристика культуры как «всей совокупности внебиологических проявлений человека», данная российскими культурологами¹⁹⁰, заставляет относиться к ней как к важнейшему феномену социальности и тем самым легитимизирует социокультурный подход к истории.

Что касается различий, то если социокультурный подход предлагает «представление об обществе как целостной социокультурной системе», чтобы «четче

¹⁸⁵ Парсонс Т. О социальных системах. С. 763–764.

¹⁸⁶ См.: Einstein, Lewis. Historical Change. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1946.

¹⁸⁷ Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ. под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 166–167.

¹⁸⁸ Лапин Н. И. Социокультурный подход и социентально-функциональные структуры. С. 5.

¹⁸⁹ Луман Н. Эволюция. С. 14.

¹⁹⁰ См.: Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. М.: Языки русской культуры, 1998.

осмыслить проблемы социокультурной трансформации»¹⁹¹, то мы, выдвигая на первый план системность, говорим о **социокультурной системе** как системе высшего порядка, аналогичной «миросистеме» по Ф. Броделю или «мир-системе» по А. Франку. В антропологическом концепте антропосоциокультуры совершенно четко обозначена триада П. Сорокина «человек – общество – культура», которой придерживается социокультурный подход, но с небольшим различием: в многомерной проекции **человеческая социальность в широком смысле не сводится к обществу, которое является лишь одной из форм социальных систем. Социальное гораздо шире общественного (социетального по Парсонсу), дихотомически оно может быть противопоставлено лишь биологическому.**

Во-вторых, находясь на самом высоком макротеоретическом уровне обобщения исторического материала, многомерный подход поддерживает принцип «человека активного» (*Homo activus*), характерного для традиционных коммуникативных подходов, но лишь отчасти, поскольку рассматривает *Homo activus* лишь как одну из многочисленных форм представления «человека социального» в широком смысле (*Homo socialis*). При этом личность человека выступает не только как субъект действий, но и как его объект, пассивный наблюдатель: в этом принципе особенно ярко проявляется роль личности в истории. Признание многомерности человека актуализирует и все другие его социокультурные роли, в которых эта многомерность отчетливо проявляется: *Homo politicus*, *Homo ethnicus*, *Homo religious*, *Homo oeconomicus*, *Homo ethicus*, *Homo aestheticus* и другие, составляющие его идентичность.

В-третьих, полностью поддерживается важнейший принцип социокультурного подхода, утверждающий единство культуры и социальности, наличие и дифференциацию их проявлений в любой форме человеческой деятельности. В адаптации к системной теории речь идет о **принципе взаимопроникновения социальных систем и систем культуры в условиях их самоорганизации в различной (от идеально упорядоченной до абсолютно хаотической) коммуникативной среде.**

В цифровой системе развитие культуры можно представить как **информационный обмен на основе различных типов коммуникации.** Как показывают исследования по генезису культуры, зачатки культуры начали постепенно формироваться еще на стадии антропосоциогенеза. На этом этапе сложно различать социальные измерения человека, разве что религиозное, но каждое из них с самого начала одновременно формировало свою особую культуру. Вопрос о времени появления той или иной формы или архетипа культуры не является задачей данного исследования, для системно-коммуникационного анализа гораздо важнее зафиксировать неразрывную связь социальности и культуры, не отождествляя их друг с другом, поскольку именно феномен социальности и социальных коммуникаций обуславливает феномен культуры, а не наоборот.

Восточные культуры, которые, как правило, имеют глубокие корни, благодаря своей традиционности воспроизводят достаточно древние архетипы культуры. Наиболее известные архетипы ближневосточных и североафриканских культур

¹⁹¹ Лалин Н. И. Социокультурный подход и социентально-функциональные структуры. С. 9–12.

восходят к периоду зарождения авраамических религий – иудаизма, христианства и ислама, которые также сохранили в себе (в различной степени) и реликты домонотеистических традиций. Приложение социокультурного подхода к изучению истории Востока открывает новые возможности для понимания дихотомии «традиция/новация», особенно в мусульманских обществах, в которых ислам регламентирует практически все аспекты жизнедеятельности, в том числе отношение мусульман к недопустимым «новшествам» (*ал-бид'а*) в религии. В свою очередь, это порождает особую консервативную реакцию у части общества по отношению к любым реформам, реформаторству и реформации в самом исламе.

Таким образом, понятие «социокультурного поворота» не сводится к социологизму истории, оно гораздо шире: история рассматривается в единстве человека, социальности и культуры как всеобъемлющая история человечества. **Социальная коммуникация является условием культуры, а культура – плодом коммуникации.**

2.3. КОММУНИКАТИВНЫЕ ТЕОРИИ И «КОММУНИКАТИВНАЯ ИСТОРИЯ»

В социальных науках к основаниям, источникам коммуникативных подходов принято относить две теории – общую теорию бихевиоризма (Д. Уотсон) и теорию символического интеракционизма (Дж. Мид, Г. Блумер). В обеих теориях социальность и социальная структура рассматриваются как результат развития коммуникативных форм межличностного общения, т. е. в значении, близком пониманию роли социальных коммуникаций, предложенному в данной работе. Дж. Мид погружал символический знак в контекст коммуникативного действия, которое мыслилось как интерактивное, эту интерпретацию языкового символизма как раз и развил Ю. Хабермас, «универсальная прагматика» которого коррелирует с подходом К.-О. Апеля¹⁹². Г. Блумер подчеркивал, что к символическому интеракционизму он относится «не как к философской доктрине, а как к перспективе в эмпирической социальной науке»¹⁹³.

Что касается принципиально важных источников коммуникативных подходов к социальности, оказавших наибольшее влияние на наш подход, то на передний план выходит творческое наследие двух русских теоретиков: философа-феноменолога Н. Н. Бахтина и выдающегося социолога Питирима Сорокина.

Основным преимуществом философии поступка Н. Н. Бахтина, которую в сущности и развивает теория коммуникативного действия Хабермаса, является ее человекоцентричность. Составляя принципы архитектоники действительного мира, «не мыслимого, а переживаемого», Бахтин отталкивается от конкрет-

¹⁹² Назарчук А. В. Теория коммуникации в современной философии. М.: Прогресс–Традиция, 2009. С. 72.

¹⁹³ Blumer, Herbert. Symbolic Interactionism. P. 21.

ного, живого, неповторимого индивида, который целен, един и единствен, а не от абстрактного разума. В центре поступка (=коммуникативного действия) находится *Его*, у которого не только свое особое сознание, но и мышление, чувства, эмоции, ощущения. Далее, понятие рациональности действия, превратившееся у Хабермаса в коммуникативную рациональность, выводится из ответственности: «Поступок в его целостности более чем рационален, – он ответственен. Рациональность – только момент ответственности»¹⁹⁴. Концепция полифонизма Бахтина коррелирует с многомерностью, поскольку она выделяет многоголосие в литературном произведении, его многоаспектность и многофакторность.

Если бы не было Сорокина, наверняка не было бы и Парсонса – во всяком случае в том виде, в каком до нас дошло его творчество. Отсюда можно перекинуть мостик к творчеству всех учеников Парсонса, прежде всего Лумана. По признанию А. Ю. Антоновского и Р. Э. Бараш, «позитивную программу системно-коммуникативного подхода к исследованию общества, которая фактически реализовалась и тем самым верифицировалась лишь десятилетия спустя в рамках коммуникативной теории Никласа Лумана, впервые описал русско-американский социолог П. Сорокин»¹⁹⁵. В качестве аргумента исследователи сопоставляют сорокинское понятие взаимодействия как «минимального проявления» общества с современным понятием коммуникации¹⁹⁶.

В коммуникативных теориях и формирующейся науке «коммуникативной истории» исследователя восточных обществ привлекает осмысление перспективных возможностей получения «больших данных» о жизнедеятельности конкретных людей, объектов и субъектов истории с помощью информационно-коммуникационных средств. В основе этого осмысления лежит признание «новым историзмом» того очевидного факта, что история и сама представляет собой коммуникацию с прошлым (К. Гирц, А. Я. Гуревич).

2.3.1. Коммуникация как источник информации

Коммуникативные теории тесно связаны с информационными, являются их продолжением и развитием. У. Мартин, один из наиболее авторитетных представителей информационной теории, подчеркивает, что **«ключевым элементом» информационного общества является коммуникация**; при этом он определяет **коммуникацию как «трансформацию информации», а информацию – как продукт коммуникации**¹⁹⁷. Иначе говоря, коммуникация представляет собой исключительное условие существования социальности, а также **важнейший источник информации**.

¹⁹⁴ Бахтин М. М. К философии поступка. С. 110.

¹⁹⁵ Антоновский А. Ю., Бараш Р. Э. «Система социологии» Питирима Сорокина и системно-коммуникативный подход // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 528–548.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Martin, William J. The Global Information Society. L. – N.Y.: Routledge–Taylor and Francis Group, 2017. P. 26.

Теория коммуникации, основанная на математической теории коммуникации Шеннона и Вивера¹⁹⁸, также с самого начала являлась, с одной стороны, частью информационной теории, а с другой – системной теорией. Она изучает не только процесс человеческой коммуникации и технический процесс передачи информации от человека к человеку, но и характер коммуникации, социальное действие, которое ее обуславливает или которое она порождает, а также смысл этого действия. Все они вместе, по мнению Б. Пирса и В. Кронена, и создают социальную реальность¹⁹⁹.

Представители теоретической школы интерперсональной коммуникации Пало-Альто (Дж. Джексон, Г. Бейтсон, Дж. Бивин, Р. Бердвистел, Э. Холл, И. Гоффман, П. Вацлавик и др.) утверждали, что коммуникация в целом должна изучаться социальными науками, а не линейно, т. е. с учетом различных уровней сложности, многоплановых контекстов и циркулирующих систем²⁰⁰. Человеческая коммуникация прагматична, «с прагматической точки зрения, не существует значимых различий между интеракциями наций и интеракциями людей»²⁰¹, поэтому коммуникативные подходы пригодны и для изучения **истории международных отношений**.

К. Черри считал коммуникацию «в широком смысле» социальным объединением индивидов с помощью языка или знаков, установлением общезначимых наборов правил для различной целенаправленной деятельности²⁰². Поэтому особое значение для всех коммуникационных теорий имеет «лингвистический поворот», начиная от Фердинанда де Соссюра; в русской культуре этот «поворот» в сторону коммуникации и открытых систем осуществляли, помимо М. М. Бахтина, автор теории семиотической модели коммуникации Р. О. Якобсон, Ю. М. Лотман, представивший собственную семиотическую модель коммуникации, а также М. Л. Гаспаров²⁰³. Базовые описания социальных систем через категорию коммуникации содержатся в трудах Ч. Кули, Л. С. Выготского, Ю. Хабермаса, Н. Лумана, Р. Крэйга и многих других.

В настоящее время теорий, вписывающихся в различные модели коммуникации (лингвистические, семиотические, системные, когнитивные, герменевтические и др.), достаточно много; среди них выделяются конструктивистские, интеракционистские и синтетические информационно-коммуникативные подходы²⁰⁴.

¹⁹⁸ Shannon, Claude E.; Weaver, Warren. The Mathematical Theory of Communication.

¹⁹⁹ Pearce, W. Barnett; Cronen, Vernon E. Communication, Action, and Meaning: The Creation of Social Realities. N.Y.: Praeger, 1980.

²⁰⁰ Theories of Communication: A Short Introduction / ed. by A. Mattelart, M. Mettelart; transl. by S. G. Toponier, J. A. Cohen. L.: SAGE Publ., 2004. P. 51.

²⁰¹ Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций. Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия. М.: Апрель-Пресс, Эксмо-Пресс, 2000. С. 93.

²⁰² Черри К. Человек и информация. М.: Связь, 1972. С. 349.

²⁰³ Автономова Н. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. М.: РОССПЭН, 2009.

²⁰⁴ Craig, Robert T. Constructing Theories in Communication Research // Theories and Models of Communication / ed. by Paul Copley, Peter J. Schulz. De Gruyter Mouton, 2013. P. 39–58.

При этом сама теория коммуникации претендует на статус особой области знания²⁰⁵ и даже отдельной научной дисциплины – коммунологии²⁰⁶, хотя из-за отсутствия единых подходов к пониманию своего объекта и предмета она до сих пор остается в пространстве междисциплинарных исследований. Коммунология предлагает рассматривать коммуникацию не только как систему, в рамках которой осуществляется обмен информацией, но и сам процесс обмена информацией и способы взаимодействия, с помощью которых создается, передается и принимается информация.

2.3.2. Коммуникация как диалог: диалогические концепции Бубера, Бахтина, Библера

Межличностный диалог – самая распространенная форма коммуникации. Идею человеческой коммуникации в своем «Диалоге» впервые обозначил Платон, который пытался понять, могут ли имена служить познанию вещей. В качестве доказательства Платон привел аргумент о том, «что язык является органом человека, позволяющим ему сообщить другому человеку что-либо о вещах»²⁰⁷. Полагают, что основные идеи диалогизма в той или иной форме (в том числе симфонической философии) содержатся в трудах Канта, Гегеля, Шеллинга, Фейербаха, Кьеркегора, Ницше и др.²⁰⁸ Центральное место онтология диалога заняла в диалогической философии, которая обычно связывается с именами «трех Б»: Бубера, Бахтина и Библера. В различных формах межличностная коммуникация представлена и в трудах Ф. Розенцвейга, Г. Марселя, М. С. Кагана, Г. С. Померанца, О. Н. Астафьевой и др.

Говоря о диалогичности человеческого существования, Мартин Бубер первым высказал идею о двойственности мира для человека «в силу двойственности его соотношения с ним»; в свою очередь, двойственна также соотношенность человека «в силу двойственности основных слов, которые он может сказать»²⁰⁹. Основные слова Бубера составляют две оппозиции: Я-Ты и Я-Оно (с замещением Он или Она вместо Оно). И конечный вывод: «Таким образом, двойственно также и Я человека. Ибо Я основного слова Я-Ты отлично от Я основного слова Я-Оно»²¹⁰. Идея двойственности соотношения человека с миром нашла развитие в теории самореферентных систем Лумана в принципе двойной контингентности социальных систем.

²⁰⁵ Craig, Robert T. Communication Theory as a Field // Communication Theory. 1999. No. 9. P. 217–242.

²⁰⁶ Василии М. А. Наука о коммуникации или теория коммуникации? К проблеме теоретической идентификации // Актуальные проблемы теории коммуникации: сборник научных трудов. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. С. 4–11; см. также: Яковлев И. П. О коммунологии как науке о коммуникационных процессах // Вестник Московского университета. Серия 18. «Социология и политология». 1999. № 3. С. 64–69.

²⁰⁷ Bühler, Karl. Sprachtheorie: Die Darstellungsfunktion der Sprache. 2nd ed. Jena – Stuttgart: G. Fisher Verlag, 1982 [1934]. P. 13.

²⁰⁸ Лифинцева Т. П. Философия диалога Мартина Бубера. М.: ИФ РАН, 1999. С. 4–5.

²⁰⁹ Бубер М. Я и Ты // Бубер Мартин. Два образа веры / пер. В. В. Рынкевича. М.: АСТ, 1995. С. 16.

²¹⁰ Там же. С. 17.

Буберовский диалогизм онтологичен: один человек «может стать для другого человека Ты только потому, что существует Вечное Ты – Бог»²¹¹. Пространственный «поворот» объединяет различные онтологии: мы не можем игнорировать идею Бога, поскольку эта идея абсолютно реальна и субъектна для верующего человека. Но, будучи концепцией науки, многомерная история включает Бога в систему интрасубъектной, а не интерсубъектной коммуникации. На место идеи двойственности мира приходит концепция множественности реальностей: мир также многомерен, как и человек²¹².

Важнейшим источником теории коммуникативного действия Хабермаса стала концепция диалога М. М. Бахтина. Формулируя принципы диалогизма и полифонии, Бахтин также ставил диалог во главу угла: жить – значит общаться диалогично²¹³. При этом он объяснял социальную реальность как событие, немислимое без поступка, т. е. действия, и субъекта, т. е. человека²¹⁴. У Хабермаса эти два начала гармонично соединяются в субъекте коммуникативного действия, или, по Латуру – в акторе.

В понимании Ю. Кристевой человек у Бахтина выступает не как ось репрезентации в лице субъекта действия, инстанции «Я говорящий», а лишь в качестве субъекта обращения (*sujet d' une adresse* ²¹⁵). Вторая сторона диалога представляет «дискурс другого» (*discours de l'autre*), в анализе Бахтина – это сам автор, Ф. Достоевский²¹⁶. Таким образом, **Его в концепции диалога Бахтина еще не находится в центре коммуникативных связей, однако он впервые связывает Я и Другого посредством коммуникации**, пусть даже дискурсивной и диалогической. Но и в таком особом виде диалог, или диалогичность, – это общегуманитарный, системный принцип взаимодействия *Ego* и *Alter*, в котором наравне с внешним самостоятельно действует и внутренний голос – здесь прямая отсылка к интраперсональности коммуникации.

По мнению Г. В. Дьяконова, понимание диалога у Бахтина восходит к идее соборности в русской философии, в которой задействованы категории симфонии, интерсубъективности, плюрализма, многополярности: диалог выступает у него прежде всего как «универсальный способ человеческого бытия, двойственно-двуединая природа которого заключается в “нераздельности-неслиянности” Я и Другого, а также в органичной взаимосвязи и взаимодополнении внешней и внутренней интенциональности, внешнего и внутреннего диалога»²¹⁷. В многомерной интроспекции это не классические отношения **субъекта и объекта, а понимание**

²¹¹ Лифинцева Т. П. Философия диалога Мартина Бубера. С. 61.

²¹² Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 2. С. 3.

²¹³ Автономова Н. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. С. 122.

²¹⁴ Бахтин М. М. К философии поступка. С. 80–160.

²¹⁵ Kristeva J. Une poétique ruinée. Présentation // Bakhtine M. La poétique de Dostoïevski. Paris, 1070. P. 13.

²¹⁶ Подробнее об этом см.: Автономова Н. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. С. 125.

²¹⁷ Дьяконов Г. В. Концепция диалога М. М. Бахтина – основа экзистенциально-онтологической психологии // Соціальна психологія. 2006. № 5(19). С. 52.

другого через самого себя, через сочувствие, соучастие, сопереживание, комплексом чувств, обозначаемых в духовных практиках как совесть. Вторая часть этого слова этимологически восходит к одному корню с глаголом «ведать», как и сознание – «знать». В самонаблюдении соединяются **все формы возможной коммуникации, включая интраперсональную**.

Д. Бахманн-Медик полагает, что Бахтин сумел развить проблему, обозначенную «лингвистическим поворотом», заменив «концепцию языка как абстрактной лингвистической системы идеей языка как исторической практики»²¹⁸. Противоречия между Я и Другим, порождающие конфликт и выражающие инстанцию критического диалога, открыли путь высказываниям и действиям культурного сопротивления, которые, по признанию исследователей, затем привели гуманитарную науку от «перформативного поворота» к «постколониальному»²¹⁹.

По Бахтину, объективный познавательный анализ Его невозможен без ситуации «вне-находимости»²²⁰. Поэтому, подчеркивает В. А. Лекторский, межчеловеческая (интерсубъектная) коммуникация, или диалог, «не являются чем-то внешним для индивида, а относятся к глубинной структуре его индивидуальности, его сознания и его “Я” <...> Диалог – это не внешняя сеть, в которую попадает индивид, а единственная возможность самого существования индивидуальности <...> Коммуникация не предопределена и не запрограммирована»²²¹.

Концепция философской логики диалога культур философа и историка В. С. Библера также основана на идее диалогичности природы человеческого сознания²²². Диалектическая логика привела Библера к Гегелю, а диалогическая (диалогика) – к Платону, Канту, Бахтину, Выготскому. На противопоставлении диалектики и диалогии в творчестве В. С. Библера придется специально остановиться при репрезентации метода системно-логической верификации. Здесь достаточно сказать, что эта проблема затрагивает упоминавшуюся выше полемику между диалогической и трансцендентной философией. Для исторического познания концепция диалога культур Библера представляет большую ценность, поскольку она изначально строилась на эмпирическом материале средневековой истории. Представляя коммуникацию в широком культуральном смысле этого слова, концепция Библера стала одним из источников кросскультурного метода универсальных языковых эквивалентов.

Большую ценность диалогика Библера имеет для преодоления крайностей культурного релятивизма. По его мнению, «восточный спектр ценностей, западный спектр ценностей, средневековый христианский, нововременной, просвещенческий, возрожденческий смыслы бытия не уходят в прошлое, не распределяются по гегелевской лестнице снятия и восхождения, в которой одно – ниже, другое – выше, одно – ступенька к другому. Нет, эти культурные спектры одновременны,

²¹⁸ Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. С. 96.

²¹⁹ Там же.

²²⁰ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. С. 43–50.

²²¹ Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 46.

²²² Библер В. С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М.: Госполитиздат, 1991.

и они имеют смысл только друг по отношению к другу, в действительном диалогическом общении друг с другом, только в насущностной культуре для моего культурного бытия»²²³.

Диалогическая философия замещает классическую гносеологическую бинарность «субъект-объект» и еще более жесткую оппозицию «субъект-антисубъект» в актантной схеме А. Греймаса нейтральным взглядом со стороны, где «Я» и «Ты» выступают в качестве равноправных сторон диалога, отсюда как раз и возникает диалектика отношений.

2.3.3. Коммуникация как действие: теория коммуникативного действия Хабермаса

Теории коммуникативного действия Юргена Хабермаса, появившейся в рамках «лингвистического поворота», посвящено множество исследований как за рубежом (Д. Хорстер, М. Изер, Д. Штрекер, В. Аутвейт, В. Риз-Шефер и др.), так и в России (Н. В. Мотрошилова, И. П. Фарман, С. В. Шачин, А. В. Назарчук, Б. Н. Кусраев, Д. В. Твардовский и др.). М. В. Берберих, посвятившая этой теме диссертационную работу, отмечает отсутствие в исследованиях творчества Хабермаса четкой методологической проработанности и необходимой полноты²²⁴. В силу ряда известных причин мы не ставим такую задачу: здесь достаточно ограничиться отличительными чертами коммуникативной теории этого выдающегося философа, который сосредоточил свое внимание на коммуникативном действии и «**жизненном мире**» (*Lebenswelt*), в котором осуществляется эта коммуникация. «Жизненный мир», который оказывает непосредственное влияние на коммуникативное действие, как раз и понимается как пространство действия, общее для всех людей и осваиваемое ими в процессе их коммуникации. Сама коммуникация также является действием, поскольку ее субъекты оказывают воздействие друг на друга словом или делом.

Создавая свою теорию, Хабермас опирался на концепцию диалога М. М. Бахтина, определившего стороны коммуникативного взаимодействия как Я (*Ego*) и Другой (*Alter*). Но, в отличие от М. Бахтина, Хабермас рассматривает **коммуникативное действие как синтез рациональности социального действия и социального взаимодействия**. Многомерный подход по своему определению оперирует мерными, измеряемыми категориями, поэтому он предпочитает говорить об актах коммуникации, поскольку действие измерить существенно сложнее, чем акт коммуникации, у которого есть начало, конец, число участников, конкретное смысловое содержание и конкретное языковое выражение. Кроме того, действие предполагает некоторое целенаправленное или реактивное усилие, а коммуникативный акт, особенно односторонний, далеко не всегда отличается целенаправленностью и реактивностью.

Мы также используем ключевой элемент теории Ю. Хабермаса – понятие «жизненного мира», которое он также заимствовал у М. М. Бахтина, но включил

²²³ Библиер В. С. О сути диалогизма // Вопросы философии. 1989. № 7. С. 7.

²²⁴ Берберих М. В. Коммуникативный подход и историческая концепция Юргена Хабермаса. С. 4.

в это понятие личные отношения. В противоположность Хабермасу, мы не противопоставляем «жизненный мир» системному миру, состоящему из анонимных и деловых отношений. Во-первых, потому, что деловые отношения легко переходят в личные, а близкие отношения – в формальные. Кроме того, они изначально содержат в себе элементы друг друга. Во-вторых, в системном историческом познании все «миры» – жизненные, коммуникативные – представляются в виде систем. Иначе говоря, если Хабермас рассматривает общество одновременно с двух дискурсов: с точки зрения «системы» и «жизненного мира», «внешнего мира» и «внутреннего мира», то многомерность предлагает единый, человеко-размерный, но гораздо более системно-сложный и меняющийся под разными углами зрения фокус, позволяющий с разного расстояния анализировать «жизненный мир» *Его* и его включенность в другие «жизненные миры» / системы.

Точно так же искусственно выглядит противопоставление коммуникативной рациональности, присущей «жизненному миру», и инструментальной, характерной для мира системного – индивид коммуницирует со всем миром, используя, в том числе, весь доступный ему инструментарий. «Жизненный мир» *Его* охватывает всю систему его коммуникативных связей – от ближайших до случайных.

В отличие от М. М. Бахтина, Ю. Хабермас не признает интраперсональную коммуникацию, когда человек взывает к реальным для него образам в своем сознании (например, к Богу), или ведет диалог с самим собой (*Alter Ego*). В этом вопросе мы, пожалуй, возвращаемся к Бахтину. С другой стороны, факторный анализ позволяет анализировать «жизненный мир» человека, разложив все многообразие его коммуникативных действий (=жизнедеятельность) на системные измерения, которые сходятся на самом человеке. Таким образом, *Его* оказывается в центре всей системы его собственных коммуникаций – и реальных, и виртуальных, и внутренних, для него самого совершенно реальных или почти реальных, если человек сомневается в своей вере. Эта система коммуникаций, которая и представляет «жизненный мир» человека, обладает собственной целостностью и субъектностью, у которой есть, в свою очередь, различные социальные измерения и перспективы, если мы сделаем ее предметом исследования. Такой дискурс поддерживается идеей Хабермаса о необходимости учета **внутренней перспективы «жизненного мира»**.

Анализируя структурную трансформацию различных сфер общественной жизни («публичной сферы»), Ю. Хабермас предложил коммуникативный взгляд на социальную историю²²⁵. Его понимание истории общественной сферы представляет собой версию пространственной истории²²⁶. Критики Хабермаса утверждают, что роль общественности не следует излишне преувеличивать: обычные люди никогда не были сильно вовлечены в политический дискурс, а политический дискурс никогда не был настолько высоким²²⁷. Кроме того, анализ трансформа-

²²⁵ Habermas, Jürgen. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge, MA: MIT Press, 1989.

²²⁶ Nerone, John. *The Future of Communication History* // *Critical Studies in Media Communication*. August 2006. Vol. 23. No. 3. P. 257.

²²⁷ Schudson, Michael. *The Good Citizen: A History of American Civic Life*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1999.

ции публичной сферы должен осуществляться с учетом принципов культурного трансфера, выработанных гуманитарной наукой, когда элементы одной культурной среды переносились в другую, где и происходила в дальнейшем их специфическая трансформация (М. Эспань, М. Вернер). Это убедительно показала группа исследователей на примере истории Центральной Азии²²⁸.

2.3.4. Коммуникация в теориях Парсонса и Лумана

Понятие коммуникации обогатило социальную теорию, прежде всего, благодаря трудам Т. Парсонса и Н. Лумана. Т. Парсонс развил теорию коммуникативного действия Хабермаса, но предпочитал **ставить во главу угла своей теории не действие как таковое, а акт коммуникации**, который вычленяет социальную систему из ее окружения и отличает эту систему от всего, что не является коммуникацией (природы, сознания, жизни). Для количественных методов и многомерной статистики измеримость конкретных актов социального взаимодействия является важнейшим условием их применения. В работе «Социальные системы» Парсонс продолжил двигаться по пути разработки универсальной социальной теории. Этот же путь выбрал и Н. Луман, который максимизировал степень универсальности своей теории, рассматривая общество как сферу «чистой коммуникации».

Исключительное значение для выявления теоретических расхождений в коммуникативных подходах к изучению истории имеет памятная дискуссия, развернувшаяся между Ю. Хабермасом и Н. Луманом с разных позиций, диктуемых их различными подходами. В то время как теория Лумана больше связана с коммуникацией внутри социальных систем, теория Хабермаса фокусируется на коммуникации в жизни человека и общества. Луман утверждает, что социальные системы закрыты и могут взаимодействовать только посредством коммуникации, а Хабермас подчеркивает важность дискурса и диалога для общества и демократии. Теорию Лумана часто критикуют за недостаточное внимание к нормативным аспектам, а теорию Хабермаса – за излишний идеализм. Взаимная критика Луманом Хабермаса нами в полной мере учитывается, так же, как и критика Хабермасом радикального, как он считал, конструктивизма Лумана (например, в части отрицания субъекта и объекта). Сам Луман, оставаясь конструктивистом, дистанцировался от подобных обвинений²²⁹.

²²⁸ Мустафаев Ш., Эспань М., Горшенина С., Рапэн К., Бердимуратов А., Гренэ Ф. Теория «культурного трансфера» в приложении к Центральной Азии // Культурный трансфер на перекрестках Центральной Азии: до, во время и после Великого шелкового пути. Париж – Самарканд: МИЦАИ, 2013. С. 12.

²²⁹ Отказ от радикального конструктивизма отнюдь не означает, что нужно отказываться от конструктивизма вообще. Более того, конструктивизм в многомерной концепции истории выступает как антитеза деконструктивизма. Научное знание не может быть неконструктивным, скорее наоборот: трудно не согласиться с Луманом, утверждавшим, что знание также является конструкцией (см.: Luhmann, Niklas. Erkenntnis als Konstruktion. Bern: Benteli, 1988). Отчасти и поэтому постмодернистский концепт деконструкции в данной работе заменяется принципом деконцептуализации. Хабермас, ссылаясь на Г. Маркузе, относился к науке и технике как «идеологии»: «рациональность науки и техники имманентно уже является рациональностью распоряжения, рациональностью господства» (Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» / пер. с нем. М. Л. Хорькова. М.: Праксис, 2007. С. 56).

Многомерный подход находит свою точку опоры в теории социальных систем Н. Лумана, который говорил о коммуникации как о сущностной характеристике самого общества, подчеркивая, что **«человеческие отношения, да и сама общественная жизнь невозможны без коммуникации»**²³⁰. Иначе говоря, с точки зрения социокультурного подхода, **коммуникация – это любое взаимодействие личности человека с окружающим его миром или его собственным духовным миром, в результате которого он получает информацию** – более или менее объективную (правдивую) или ложную. По Луману, коммуникация возникает только в результате взаимодействия, но не всякая интеракция обеспечивает полноценную, эффективную коммуникацию, условием и средством ее является понимание. Поэтому все формы коммуникативного взаимодействия – «понимающая» и другие, описанные в исследовательской литературе, в рамках данной работы выступают в качестве важных научных категорий²³¹.

Что касается герменевтического подхода к социальным коммуникациям, развиваемого «понимающей» социологией и историей, то вряд ли его можно рассматривать в качестве лишь источника или прикладного метода новейшего коммуникационного подхода. По сути, это ядро, социологическое основание теории данного подхода. «Понимающее» (культурно-аналитическое) направление современной социологии сейчас уже имеет статус особого направления изучения социального мира в целом.

По мнению Э. Гиденса, в теории социальной системы Т. Парсонса именно язык считается основой социальной коммуникации²³². Рационально понимаемая коммуникация (Ю. Хабермас) не просто приспосабливается к социальным процессам, трансформируя информацию, а указывает на важнейшую цель intersubjectной коммуникации, а именно – достижение понимания и взаимопонимания. В любом случае анализ коммуникации нужно начинать с условий, в которых этот анализ проводится и которые обеспечиваются коммуникативными актами. Вопросы, связанные с практическим применением коммуникативных теорий к слову (как части языка и как онтологической сущности), а также к практикам социальных коммуникаций, рассматриваются в специальной литературе²³³.

Опираясь на отдельные положения теории социетальной системы Парсонса, переосмысленные Луманом, необходимо заострить внимание на тех положениях этих теорий, которые мы не разделяем. В этом можно опираться на критику Парсонса со стороны оппонентов функционализма. Например, Ч. Миллс утверждал, что теорию Парсонса «весьма нелегко понять, и может возникнуть подозрение, что

²³⁰ Luhmann, Niklas. Die Unwahrscheinlichkeit der Kommunikation // Soziologische Aufklärung 3. Soziales System, Gesellschaft, Organisation. 4. Aufl. Wiesbaden, 2005. S. 29–40; Луман Н. Невероятность коммуникации / пер. с нем. А. М. Ложеницина под ред. Н. А. Головина // Проблемы теоретической социологии. Вып. 3 / отв. ред. А. О. Бороноев. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2972>. Дата обращения: 28.05.2018.

²³¹ См.: Bangerter, Adrian; Mayor, Eric. Interaction Theories of Communication // Theories and Models of Communication / ed. by Paul Cobley, Peter J. Schulz. Berlin–Boston: De Gruyter Mouton, 2013. P. 257–272.

²³² См. также: Гидденс Э. Социология. М.: УРСС, 1999. С. 600.

²³³ Современные коммуникативные науки: социальные практики как совместность слова / отв. ред. А. П. Логунов. М.: URSS, 2014.

она вообще непостижима»²³⁴. В связи с этим Ч. Миллс задается вопросом, является ли «высокая теория» Парсонса «простым нагромождением слов или в ней все-таки содержится рациональное зерно», и сам же себе отвечает: «Думаю, рациональное зерно есть, но оно очень глубоко зарыто»²³⁵. Возможно, именно поэтому творчество Парсонса раздражало П. Сорокина, который обнаруживал в нем рациональное зерно своих идей; тем не менее, оно вдохновляло таких разных исследователей, как Луман, Гирц и Александер, которые работали в совершенно различных областях социогуманитарного знания.

Особенно важно мнение Лумана, который, в полной мере признавая достоинства социетальной теории Парсонса, указывал и на ее предметные недостатки. Так, социальное действие, которое складывается из элементов, у Парсонса выступает как целостная система, качества которой активизируются в системе социального взаимодействия (интеракции); при этом система взаимодействия, будучи производной от действия, является его подсистемой. Как заметил Луман, теория действий не может различать действие и опыт. Продолжая критику Парсонса, Луман уточняет, что на самом деле «коммуникация не имеет никакой цели» – это «тезис кольцевой, аутопойетической закрытости системы»²³⁶. Парсонс ограничился основными механизмами эволюции социальных систем – дифференциацией, адаптацией, интеграцией и ценностной генерализацией. В «Эволюции» Луман восполняет то, что было недостаточно проработано Парсонсом, а именно – аспекты развития обществ, их динамики, многофакторной социальной эволюции, в том числе через конфликты. Аспекты социетальной теории, связанные с влиянием конфликтов на социальную эволюцию, доработал Р. Мертон, другой ученик Парсонса.

Как представляется, Парсонс допустил по меньшей мере еще три упрощения:

1. **Упрощение первое:** в системе взаимодействия человек сводится к его действиям, которые являются следствием его воли. В таком отождествлении действия отчуждаются от намерений и слов (вербальных утверждений), имеющих не меньшее значение. В исламе, например, намерение (*ан-ниййа*) считается «половиной действия», а слово зачастую уравнивается с действием или даже заменяет его. Если «социальная система» Парсонса претендует на универсальность, она должна учитывать и другие, в том числе восточные культуры, а не только европейские.
2. **Упрощение второе:** социальная система у Парсонса сводится к обществу, а не к единству многообразия социальных систем внутри него, объединенных коммуникацией: Луман использует понятие самореферентных социальных систем вместо социальной системы, при этом само общество также является системой.
3. **Упрощение третье:** безгранично универсализируя коммуникацию, Парсонс при этом совершенно неоправданно ограничил функции социальных подсистем счетным числом. Общая система имеет четыре подсистемы.

²³⁴ См.: Миллс Ч. Р. Социологическое воображение / пер. с англ. О. А. Оберемко; под общ. ред. и с предисл. Г. С. Батыгина. М.: ИД NOTA BENE, 2001. С. 6.

²³⁵ Там же.

²³⁶ Luhmann, Niklas. Was ist Kommunikation? S. 12.

темы: 1) культурную, состоящую из символов, 2) социальную, состоящую из индивидов, 3) личностную, представляющую мотивационную структуру индивида, и 4) поведенческий организм. В свою очередь, каждая из подсистем имеет четыре свои подсистемы. Например, подсистемами социальной системы являются: 1) политическая подсистема, 2) подсистема социализации, 3) экономика и 4) социетальное сообщество.

Еще более принципиальны различия между многомерной историей и социологическим системно-коммуникативным подходом Лумана. Именно эти различия, наряду с различиями с коммуникативным подходом Хабермаса, определяют новизну и оригинальность нового подхода.

Луман **не рассматривает человеческую личность как фокус для понимания общества**, недвусмысленно заявляя, что человек не является составной частью общества. Это в высшей степени противоречивое утверждение начинает обретать смысл в рамках самой теории Лумана, в которой коммуникации порождают социальные системы, а не наоборот. В свою очередь, как утверждает Д. Хорстер, биограф Лумана, у него социальные системы «воспроизводят коммуникации, а не людей»²³⁷. По мнению самого Лумана, «только коммуникация может осуществлять коммуникацию и лишь в такой сети коммуникации производится то, что мы понимаем под «действием»»²³⁸. Люди относятся к обществу лишь в той мере, в какой они общаются с другими его членами. В представлении Лумана люди являются лишь локусами для социальной коммуникации.

Такой подход **отчуждает коммуникацию от человека, делая акт коммуникации самостоятельным элементом системы, не связанным с системой человека** – первоэлемента общества. Тем самым полностью игнорируется фундаментальная проекция на предмет исследования: человек воспринимает реальность так же, как и исследователь познает ее, только через проекцию собственного сознания, мировосприятия, мироощущения. Основная проблема здесь – в различном понимании акта коммуникации и возникающей при этом социальной связи. Луман оценивает такую связь как «выбор, выполняемый системой», «скоординированную избирательность»²³⁹. А между тем **социальная коммуникация – это любая форма социального взаимодействия людей, а социальная связь – новая реальность, возникающая в результате этого взаимодействия**. Это необязательно прямой контакт, непосредственное общение, фактическая реальность, иногда это односторонняя передача информации, виртуальная связь, которая также реальна, хотя и опосредована²⁴⁰ – не случайно радио, телевидение и интернет-медиа называются средствами массовой коммуникации.

Предлагаемый подход делает оригинальным и **ряд других принципиально важных различий** с теорией Лумана. В коммуникации, к которой Луман относится

²³⁷ Horster, Detlef. Niklas Luhmann. München: C. H. Beck, 2005. P. 98–102.

²³⁸ Ibid.

²³⁹ Luhmann, Niklas. Social Systems. P. 154.

²⁴⁰ Подробнее об этом см.: Плютто П. А. Исследование реальности социокультурного виртуального: Опыт анализа социокультурных иллюзий. М.: Прогресс-Традиция, 2014.

как к универсальному средству, придающему смысл и определенность социальным событиям, он выделяет три последовательные операции: сообщение, информацию и интерпретацию²⁴¹. В одном из своих докладов Луман уточнил, что речь идет о поэтапном рефлексивном выборе: «селекции информации, селекции сообщения этой информации и селективного понимания или непонимания этого сообщения и его информации»²⁴².

В соответствии с этим выделяются три уровня формирования социальных систем: интеракция, обеспечивающая непосредственное восприятие друг друга сторонами коммуникации, организация и общество. Более устойчивые, чем простые интеракции, коммуникативные связи образуют феномен организации (община является ее примером), а наиболее абстрактной формой организации, всеобъемлющей социальной системой является само общество²⁴³. При этом социальный конфликт, экономика, право, наука, религия и даже политика рассматриваются как автономизировавшиеся системы, которые самовоспроизводятся на основе специфических коммуникаций²⁴⁴. По крайней мере можно выделить пять положений теории самореферентных систем Лумана, которые существенно отличаются от нашего подхода. Наряду с другими, выделенными в начале данной работы, эти различия определяют новаторский характер нашего понимания многомерности.

1. В распределенном пространственном понимании коммуникации **системы выделяются не произвольно, на основе случайной выборки равноуровневых и многозначных социальных феноменов и процессов, а прежде всего в рамках важнейших измерений социальности, определяющих самосознание** (поскольку различие «Я» от «Другого», согласно теоретическому знанию, происходит именно на уровне самосознания). По этой причине на первый план выдвигаются четыре важнейших измерения социальности: общественный (определяет самосознание *Homo socialis*), политический (*Homo politicus*), этнический (*Homo ethnicus*) и религиозный (*Homo religious*). В теоретико-методологических основаниях нашего подхода эти измерения выделены как доминантные.
2. **Не все социальные процессы можно представить в виде систем, некоторые – только в виде системных образований** (ср. с различием социальной группы и группообразования у Латура). Например, политику как таковую, без оговорок, вряд ли можно рассматривать как систему, поскольку политика – это одновременно и процесс (совокупность коммуникативных действий), и результат этого процесса (определенных коммуникативных действий), и социальный феномен – по крайней мере в герменевтической интерпретации. В пространственном «повороте» в качестве системы может выступить политическое измерение системы социальной органи-

²⁴¹ Луман Н. Социальные системы. С. 197–199.

²⁴² Luhmann, Niklas. Was ist Kommunikation? S. 6.

²⁴³ Луман Н. Социальные системы. С. 513.

²⁴⁴ Там же. С. 509–514, 597.

- зации (наиболее абстрактное понятие), система политической организации общества (самое широкое понятие на уровне общества), политическая система общества (более узкое понятие), подсистемы политической системы конкретного общества, изучаемые как системы, а также специфические системы, например система политической культуры.
3. Если у Лумана элементы коммуникации соотнесены исключительно друг с другом, то у нас они **сравниваются с информационными (идеально-типическими) моделями коммуникативных связей**, которые могут быть изучены без каких-либо ограничений, налагаемых на них делением на самореферентные системы – т. е. и как коммуникативная община, и как группообразование по Латуру.
 4. Луман согласился с упреком Хабермаса, что он **недостаточно использует достижения лингвистики** в своих системных конструкциях (вероятно, имеются в виду достижения философско-лингвистического «поворота»). В качестве оправдания Луман приводит сложности с переводом определенного понятийного аппарата, когда «что-то превращается в банальность, а что-то вообще теряется»²⁴⁵. Для востоковедения игнорирование проблемы языка социального описания недопустимо, многомерный подход вводит для решения этой проблемы кросскультурный (по сути – также кросс-лингвистический) метод универсальных языковых эквивалентов.
 5. В каждом из **аспектов социальности коммуникация имеет свою особую специфику, связанную со спецификой предмета**. Кроме того, существует еще специфика, образующаяся вследствие их различных сочетаний друг с другом, а также специфика социальных целостностей, формирующихся на этой основе.
 6. Используя все формы субъектности, а также вводя в исследовательское поле понятие транссубъектности, мы не можем согласиться с точкой зрения Лумана о том, что **«понятия субъекта или индивидуума действуют лишь как пустая формула** для высоко сложного самого по себе положения дел, которое **относится к компетенции психологии** и более не интересует социологов»²⁴⁶. В связи с этим некоторые исследователи даже заинтересовались феноменом метафорической «смерти субъекта»²⁴⁷. В антропологической интерпретации пространственного «поворота» в центре внимания исторического исследования находится *личность* человека, которая естественным образом включает в себя и психологию личности.
 7. С помощью бинарного кода «коммуникация удваивает реальность» Луман предлагал репродуцируемый пониманием выбор из двух вариантов: варианта «да» и варианта «нет», тем самым «принуждая к селекции»²⁴⁸, т. е.

²⁴⁵ Луман Н. Введение в системную теорию. С. 292.

²⁴⁶ Luhmann, Niklas. Was ist Kommunikation? S. 11.

²⁴⁷ Фурс В. Социально-критическая философия после «смерти субъекта» / Сочинения: в 2 т. Т. 1. Вильнюс: ЕГУ, 2012.

²⁴⁸ Luhmann, Niklas. Was ist Kommunikation? S. 11.

принятию или отклонению. Апель и Хабермас в этой роли видели взаимосогласование. Однако не всегда рефлексивный выбор исчерпывается ответами «да» или «нет», компромисс всегда требует какого-то согласования – взаимного или одностороннего. Кроме того, далеко **не все сообщения требуют однозначного ответа, особенно информативные**. В системно-коммуникационном анализе реакция на коммуникацию гораздо более многообразна: не только «да» или «нет», но и «скорее да, чем нет» и наоборот, «неопределенный ответ», «особое мнение», «такая-то реакция» и т. д.

Развитие вышеприведенных идей применительно к проблематике данного исследования привело нас к следующим взаимосвязанным выводам:

1. Коммуникация является важнейшей формой передачи информации, а коммуникативность (способность к эффективной, понимающей коммуникации) – необходимым для этого условием и соответственно свойством социальности²⁴⁹.
2. Связи между людьми, независимо от типа их отношений между собой (отношений родства, свойства, дружбы, товарищества, знакомства и др.), осуществляются посредством коммуникативных актов, которые по своему содержанию являются информационными.
3. Любой акт коммуникации является фактом коммуникативной связи; совокупность таких связей формирует социальные отношения, которые также можно назвать коммуникативными (с акцентом на способ реализации отношений).

2.3.5. Системно-коммуникативный подход Лумана к изучению истории

Положения исторической методологии Лумана, опирающейся на его системно-коммуникативный подход, можно обнаружить и в различных его работах, одной из которых является «Мировое время и история систем»²⁵⁰. История у Лумана – не что иное, как **системное самоописание (т. е. описание обществом самого себя)**, причем понятие общества, как и понятие коммуникации, в социальных системах логично предстает как наиболее важная, всеобъемлющая категория, которой подчинены все остальные категории. Государство, этнос, личность рассматриваются внутри этой категории, а не наравне с ней. Большинство историков вряд ли согласится с подобной сугубо социологической постановкой проблемы. Поэтому, в отличие от методологии Лумана, в фокусе многомерной истории всегда находится человек – и как субъект познания, и как точка схождения (=объединения) всех измерений социального, и как источник коммуникаций в истории, выступающий в роли объекта познания; здесь конкретные люди занимаются генерацией нового знания об исторических событиях, в которых были задействованы

²⁴⁹ О специальных аспектах проблемы соотношения коммуникации и информации см.: *Ruben, Brent D. The Communication – Information Relationship in System-theoretic Perspective // Journal of the American Society for Information Science. 1992. No. 43 (1). P. 15–27.*

²⁵⁰ *Луман Н. Мировое время и история систем. С. 131–168.*

другие люди, такие же реальные, как и они сами, но в пределах исследовательских задач и информации, которую содержат первоисточники.

Особое значение в методологии истории Лумана занимает смысл коммуникации: «всякая коммуникация актуализирует определенный смысл, репродуцируется и социальная память»²⁵¹. В свою очередь, смысл выступает в качестве инструмента селекции, с помощью которого конституируется сама система и обеспечивается ее стабильность, одновременно с этим создавая возможности для новых актов коммуникации. **История реконструируется как раз в рамках временного измерения смысла, в котором время обозначается как *tempus*, в противоположность времени как вечности в смысле бесконечности и непрерывности (*aeternitas*)**²⁵². К понятию смысловой истории Луман относит «(всегда конституируемый в настоящем, проецируемый в прошлое) контраст между возможным и действительным»²⁵³.

В системном историческом познании время «мыслится как измеряемая дистанция, как датируемая линия, как темпорализированная комплексность, в которую можно внести много различного, если только оно размещается последовательно»²⁵⁴. Однако история, в отличие от линейного, нелинейного, «осевого» или иного хода времени, необязательно подразумевает последовательность: «Под историей не может пониматься просто фактическая последовательность событий, с точки зрения которой настоящее понимается как действие прошедших причин или как причина будущих событий. Особенность смыслового конституирования истории заключается в том, что оно делает возможным свободный доступ к смыслу прошедших и будущих событий, т. е. прерывание последовательности. **История возникает благодаря освобождению от последовательности**»²⁵⁵. Луман справедливо замечает, что история является «картой», а не «территорией», поэтому она – «всегда редукция полученной свободы доступа ко всему прошлому и всему будущему»²⁵⁶.

Решающее значение для исследования имеет лумановская концепция времени, момента, событийности, временного измерения коммуникации. Как условие возможности действия время являлось ключевым измерением еще у Т. Парсонса, учителя Лумана²⁵⁷. Во «Введении в системную теорию» Н. Луман посвятил понятию времени специальный раздел²⁵⁸, различая мировое время и системное²⁵⁹ и рассматривая его как измерение смысла²⁶⁰. По роду своей идеальности исто-

²⁵¹ Луман Н. Эволюция. С. 98.

²⁵² Луман Н. Самоописания. С. 43.

²⁵³ Луман Н. Мировое время и история систем. С. 134.

²⁵⁴ Луман Н. Самоописания. С. 160.

²⁵⁵ Luhmann, Niklas. Die Gesellschaft der Gesellschaft. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1997. S. 588.

²⁵⁶ Ibid.

²⁵⁷ Антоновский А. Аналитика времени: к трансформации «староевропейской семантики» в самоописаниях социальных систем // Луман Н. Самоописания / пер. с нем. А. Антоновского, Б. Скуратова, К. Тимофеева. М.: Логос / Гносис, 2009. С. 302–318. С. 304.

²⁵⁸ Луман Н. Введение в системную теорию. С. 203–228.

²⁵⁹ Там же. С. 204; Луман Н. Мировое время и история систем. С. 131–168.

²⁶⁰ Там же. С. 228.

рику приходится постоянно преодолевать противоречия, согласовывать различные смыслы, относящиеся к прошлому, соотнося их с наиболее вероятными контурами будущего. По Луману, «противоречивости приводятся к согласованности, получающей единство в виде “истории”»²⁶¹.

В «Эволюции» Луман специально выявляет три эволюционных механизма исторического процесса в рамках специального концепта социальной эволюции – варьирование (социальные мутации в структуре коммуникаций), селекция (отбор наиболее удачных коммуникаций), стабилизация (закрепление удачных коммуникаций в рамках квази-популяций, т. е. обособившихся функциональных систем)²⁶².

Ключевую роль в системном историческом познании имеет основанная на семантике времени **дифференциация**, т. е. различение, которое позволяет вычленять факты и их связи друг с другом, противопоставляя изучаемый период истории бесконечному пространственно-временному континууму. В каждую эпоху имело место свое понимание конкретного времени и вечности: «В древнем мире наличествовала возможность удостоверения этого различения прежде и после в горизонтах самого времени, а именно – с помощью различения мимолетного времени и вечности»²⁶³.

Для исторической науки принципиально важна демаркация прошлого от будущего, а также связанная с этим характеристика настоящего: «Настоящее как раз есть не что иное, как различение прошлого и будущего», «единство различения прошлого и будущего», «отличие прошлого от будущего»²⁶⁴. Прошлое и будущее как самостоятельные горизонты времени могут быть непрерывными, т. е. связанными с настоящим, или прерывными, не связанными с ним. Однако, «если связь наступающего и прошедшего в настоящий момент случайна, то будущее и прошлое, напротив, связаны необходимо»²⁶⁵. Избирательность историка в отборе фактов обусловлена в том числе «различной значимостью точек времени в системных историях»²⁶⁶. Однако прошлое само по себе не является историей, оно превращается в нее в процессе специального научного познания и историописания. Прошлое «отличается от настоящего самым радикальным образом, поскольку при его рассмотрении учитывают в те времена неизвестное (а ныне уже известное), будущее»²⁶⁷. Иными словами, **история реконструируется с учетом реальности настоящего и перспектив будущего.**

Ключ для конструирования взаимосвязи между социальными структурами и горизонтами времени, по мнению Лумана, заключается в понимании селективности исторических фактов: «История разворачивается как селекция горизонта возможного, а возможности предполагают в качестве условия возможности систем-

²⁶¹ Луман Н. Самоописания. С. 152.

²⁶² Луман Н. Эволюция. С. 27–50.

²⁶³ Там же. С. 93.

²⁶⁴ Луман Н. Самоописания. С. 152, 154, 156.

²⁶⁵ Луман Н. Мировое время и история систем. С. 141.

²⁶⁶ Там же.

²⁶⁷ Луман Н. Самоописания. С. 152.

ные образования»²⁶⁸. Далее он проводит четкое различие переживанием и действием, называя переживанием «доступный самонаблюдению процесс сознания, если его селективность соотносится не с системой селекции, а с ее средой»²⁶⁹. Эта проблема стала одним из предметов дискуссии между Луманом и Хабермасом²⁷⁰. Признавая переживание (вслед за Хабермасом) формой коммуникативного действия, непроизвольного или ожидаемого, мы соглашаемся с Луманом в том, что субъект познания должен осознавать тот второй уровень селекции, который как раз придает этому процессу его селективный характер. Речь идет о необходимости осознания и фиксации пределов рефлексии историка непосредственно в процессе его исследования. Подход Лумана предполагает «аналитический контроль над отношениями темпоральной рефлексивности»²⁷¹.

Понятие дифференциации, которое раскрывается через противопоставление *Ego* и *Alter*, «Своих» и «Других», Луман распространяет на всю историю, различения в которой имеют ориентировочно-практическое значение²⁷². В родовых обществах доминантными были отношения родства, поэтому терминология родства в них была чрезвычайно развита. Человек принадлежал к определенному роду и делил людей на «Своих» (родственников) и «Других» (не-родственников). В аристократических обществах «благородным» противопоставлялось «подлое», «мужицкое»²⁷³. Различение *знать/простонародье* в этих обществах приравнивалось к нетождественному различению *моральный/аморальный*²⁷⁴.

Луман выделяет в истории четыре формы системной дифференциации, использовавшие ранговые и иные различия между людьми, которые определяли тип общества: 1) **«сегментарную дифференциацию** неравенства частных общественных систем», где в качестве сегментов выступают домашние хозяйства; 2) **дифференциацию на центр и периферию**, с которой связан начальный этап формирования государственных образований, с доминированием центра, с которого начинается дифференциация, над периферией (с течением времени конкретное содержание этих понятий менялось); 3) **стратификационную дифференциацию**, в которой система аристократии отличается от системы народа (классический пример – монархии); 4) **функциональную дифференциацию**, в которой функциональные системы равны в своем неравенстве (соответствует современным государствам)²⁷⁵.

С помощью дифференциаций Луман предлагает получать «модальные генерализации различной ориентированности», необходимые при любом виде внутренней работы по селекции исторических фактов. На первом этапе дифференциация

²⁶⁸ Луман Н. Мировое время и история систем. С. 135.

²⁶⁹ Там же. С. 132.

²⁷⁰ См.: Habermas J. & Luhmann N. Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie: Was leistet die Systemforschung? S. 75, 202, 305.

²⁷¹ Луман Н. Мировое время и история систем. С. 155.

²⁷² Луман Н. Дифференциация. С. 174.

²⁷³ Там же. С. 18.

²⁷⁴ Там же. С. 107–108.

²⁷⁵ Там же. С. 27–28.

отделяет возможное от невозможного, затем дифференцируются различные виды возможного – «к примеру, политически возможное, экономически возможное, технически возможное», представляя их в виде системных структур²⁷⁶.

Схема периодизации истории общества, состоящая из четырех форм дифференциации, формирующих самостоятельные этапы эволюции, с **приматом той или иной формы дифференциации**, будет неполной без объяснения **«отдифференциации» функциональных систем, посредством которых разрушается «старый порядок вещей»**: «речь идет о возникновении формы общественной дифференциации нового типа, которая не опирается ни на сегментарные, ни на ранговые дифференциации (но, скорее, разрушает последние), и поэтому не может найти опору в обществе, где она возникает»²⁷⁷.

Луман показал, что отношения *патрон/клиент* представляют собой важный адаптационный механизм, когда «Чужие» становятся «Своими», с взаимовыгодным использованием ранговых различий²⁷⁸. Эта идея верифицируется нами в каждом из отдельно взятых измерений истории – общественном, политическом, этническом (от семейно-кланового, родового и племенного уровней до собственно этнического) и религиозном. Кроме того, подчеркивает Луман, общественной стратификации всегда сопутствует политический централизм: «переход к стратифицированным обществам в то же время служит подготовке к функциональному обособлению политической системы»²⁷⁹. Здесь прослеживается мысль, которая получила свое логическое развитие в неиерархическом релятивизме многомерного понимания истории – о взаимосвязи и взаимозависимости отдельных проявлений социальности в системном историческом познании.

Не менее важен вопрос о базовых основах стратификации в истории, в разных обществах они могли быть разными, особенно на Западе и на Востоке: «Сравнение с кастовой системой Индии проясняет, что происшедшая в Европе стратификация не основана на религиозно ритуализируемом понятии чистоты, но имела истоки этого понятия в землевладении, а в конечном счете едва ли не исключительно в правопорядке»²⁸⁰. Однако примеры Лумана, взятые из истории, нередко отличаются излишней генерализацией и категоричностью. Так, вряд ли можно согласиться с тем, что «отношения родства в Европе не развились в клановые структуры. Они остались на уровне индивидуальных семей»²⁸¹. Клановые системы Южной Италии, Ирландии, Шотландии, других стран демонстрируют примеры совершенно иного рода.

Говоря о роли памяти, Луман поясняет, что она «представляет себе мир так, как он есть, ведь такой способ воззрения на мир давно уже утвердился. Не имеет никакого значения маркирование первоначала или воспоминание о том, с какого

²⁷⁶ Луман Н. Мировое время и история систем. С. 135.

²⁷⁷ Луман Н. Дифференциация. С. 130.

²⁷⁸ Там же. С. 116.

²⁷⁹ Там же. С. 103.

²⁸⁰ Там же. С. 105.

²⁸¹ Там же. С. 121.

времени об этом известно. Достаточно уже того, что «это было всегда». Постольку и понятие природы относится к вещи. Разум раскрывается как природа внутри природы»²⁸². Наконец, обращаясь к вопросу о казуальности в истории, Луман не забывает и о роли случайностей, «которыми можно воспользоваться в данной исторической ситуации»²⁸³.

Недостатки исторической методологии Н. Лумана, которые являются зеркальным отражением или даже следствием несомненных достоинств его социальной теории, связаны с универсализмом его системно-коммуникативного подхода. Из всей критики лумановских концепций, разбиравшихся выше, в первую очередь, пожалуй, стоит отметить излишнюю абстрагированность истории от человека, который эту историю создает. При практическом использовании коммуникативного анализа Лумана отчуждение человека от системы смысловых коммуникаций, которые как бы существуют сами по себе, создает напряженное метафизическое поле для различных спекуляций.

2.3.6. Попытки использования системно-коммуникативной теории Лумана для сравнительного изучения цивилизаций Запада и Востока, Европы и Азии

Как известно, теория самореферентных систем Лумана, пусть и в меньшей мере по сравнению с социетальной теорией Парсонса, достаточно сложна для понимания и практического использования, тем более для сравнительного изучения цивилизаций. Это приводит к забавным курьезам, связанным с попытками ее применения в политических целях для «доказательства» заранее определенных целей и задач.

Крайне тенденциозная и политически ангажированная попытка применения теории Н. Лумана для выявления различий между западной и восточной цивилизациями, христианским и исламским мирами, европейской и евразийской культурными традициями, историческими путями России и Украины была предпринята в докторской диссертации В. Г. Космины, вынесенной на защиту в 2015 г. в Киеве через год после февральского переворота (т. н. «Революции достоинства») и последующего присоединения Крыма к России в результате референдума²⁸⁴. Понятно, что эти политические события сформировали сильный и устойчивый идеологический запрос на Украине на ее цивилизационное отмежевание от России и культурное отчуждение.

Противопоставляя западную и восточную модели развития, В. Г. Космина утверждает, что Украина тяготеет к Западу, а Россия – к Востоку. Попытка приме-

²⁸² Луман Н. Самоописания. С. 106.

²⁸³ Луман Н. Эволюция. С. 92.

²⁸⁴ Космина В. Г. Навсегда ли разошлись пути Украины и России? (Цивилизационное развитие Украины, России и Запада в системно-коммуникативном измерении). Ст. 1, 2 // Общественные науки и современность. 2015. № 4. С. 141–152; № 5. С. 128–142.

нить историческую методологию Лумана «в цивилизационном анализе исторического процесса», с заранее определенным тезисом о том, что пути Украины и России разошлись навсегда, привела автора к недопустимому парадигмальному смешению различных теорий (системной, цивилизационной и др.), не совпадающих друг с другом в своих концептуальных основах, и, как следствие, к некорректным умозаключениям. В их числе – рассмотрение «Западной цивилизации» (именно так, с большой буквы!) в качестве *постцивилизации*²⁸⁵, при том, что сама цивилизационная теория затрудняется однозначно определить понятие цивилизации²⁸⁶. Категорическое «навсегда» в выводе исследователя игнорирует лумановский тезис о существенной незавершенности системы: постсоветская трансформация украинского и российского обществ все еще не завершилась, так же, как и интеграционные процессы в Европе и Евразии, поэтому подобная категоричность в научном анализе совершенно неуместна.

Определение Лумана о том, что «под коммуникацией (как, в более узком смысле, и под операцией) понимается некое протекающее конкретно-исторически, а значит, зависимое от контекста событие», привело В. Г. Космину, в частности, к следующим выводам:

1. «Каждый исторический факт (конкретно-историческое событие) представляет собой коммуникацию, а каждая коммуникация является фактом»²⁸⁷. Этот вывод является следствием абсолютной универсализации Луманом понятия «коммуникация». В многомерном подходе исторический факт является порождением коммуникации, ее плодом, результатом. Иначе говоря, фактом может быть только акт коммуникации, а не сама коммуникация как неизмеримый процесс. Чтобы измерить коммуникацию, коммуникативный процесс придется сначала разложить на измеримые коммуникативные акты. Без такого рода различений метод науки теряет свою познавательную силу, он становится метафизическим, отвлеченным, обособленным от предмета исследования.
2. «Поскольку результативность коммуникации зависит от ее понимания реципиентом, то любой разговор, поступок, действие, произведение искусства, текст (научный, религиозный, художественный), демонстрация переживания (ценностей, любви), другие проявления человеческой активности, то есть любой факт действительности является коммуникацией, если умышленно или неумышленно становится для других людей сообщением, в той или иной степени для них понятным»²⁸⁸. Понимание действительно имеет значение в коммуникации, но не потому, что «именно от него зависит, будет ли (и как будет) продолжена коммуника-

²⁸⁵ Космина В. Г. Навсегда ли разошлись пути Украины и России? Ст. 1. С. 141–152.

²⁸⁶ Ключевое для цивилизационной теории предложение Н. Элиаса объяснять абсолютно все явления действительности в категориях «цивилизованного» и «нецивилизованного» (см.: Elias, Norbert. What is Sociology? L.: Hutchinson, 1978. P. 3) противоречит принципу культурного релятивизма, которого придерживается в том числе и Луман как представитель постнеклассической науки.

²⁸⁷ Космина В. Г. Навсегда ли разошлись пути Украины и России? Ст. 1. С. 143.

²⁸⁸ Там же.

ция»²⁸⁹. Понимание – одностороннее, двустороннее или многостороннее – является условием коммуникации, без него коммуникация просто невозможна.

География «евразийской цивилизации» у В. Г. Космины включает в себя «нынешние Украину, Белоруссию и Россию»²⁹⁰. Это значительное сужение рамок евразийства даже по сравнению с узкими концептами основоположников евразийства, видевших в его составе по меньшей мере также Центральную Азию и Кавказ. Крупнейшими после России евразийскими странами являются Казахстан (по территории) и Турция (по своему экономическому потенциалу). Но понятие Евразии существенно шире – оно включает в себя все страны этого крупнейшего в мире континента.

Противоречащее предыдущему утверждение о том, что доминирование в России «христианского смыслового наполнения коммуникаций диктует необходимость отнести ее к западной ветви цивилизаций»²⁹¹ не только не учитывает различий между восточным и западным христианством, но и глубоко ошибочно, поскольку отождествляет все христианство – восточную по происхождению религию – исключительно с Европой. В Западной Европе господствуют различные направления западного христианства, прежде всего католичество и протестантизм, возникший в недрах католичества в период Реформации. Православие, пришедшее из Византии, Восточно-Римской империи, является частью восточного христианства. В догматическом пространстве христианских коммуникаций внутриконфессиональный диалог важнее и актуальнее межрелигиозного, он имеет гораздо большее значение для судеб христианства, а это исторический диалог восточного и западного христианства, который восходит к античности и продолжается до сих пор, в рамках экуменического движения и межцерковного диалога. Косвенное подтверждение этой мысли мы находим в очередности расширения Евросоюза, который до сих пор остается союзом католиков и протестантов. Недавно в его состав была принята католическая Хорватия, а не православные Болгария и Румыния, несмотря на то, что румыны принадлежат к числу романских народов.

Космина пишет о «коммуникативных свойствах Европы и Азии, Запада и Востока» как о чем-то сущностном, определенном, не определяя при этом, в чем заключаются «существенные черты европейскости, особенно в культурной сфере»²⁹². На недостаточность такого подхода к изучению современных обществ, которые по преимуществу являются культурно-сложными, совершенно не учитывающего уровни анализа, указывает методология многомерной социологии, основанная на новейшей версии теории систем (Дж. Александер). Мысль о том, что «в исламской цивилизации такой же регламентирующий стиль религиозных коммуникаций, как и в других цивилизациях Востока»²⁹³, игнорирует чрезвычайно важ-

²⁸⁹ Там же.

²⁹⁰ Космина В. Г. Навсегда ли разошлись пути Украины и России? Ст. 2. С. 128.

²⁹¹ Там же. С. 128.

²⁹² Там же. С. 129.

²⁹³ Там же. Ст. 1. С. 147.

ные для ислама различия между монотеистическими и немонотеистическими традициями. А между тем системное различие – основа теории Лумана.

Чертами евразийской цивилизации, присущими России в большей степени, чем Украине, Космина считает патримониальный тип государственности и общинность, которые он объясняет близостью к Востоку²⁹⁴, забыв, вероятно, о классической германской общине. Говоря о «демократии европейского образца»²⁹⁵, которая, по его мнению, все решительнее отторгается российским обществом, автор не делает различий между страновыми моделями демократии в Европе, которые между собой разнятся больше, чем с некоторыми восточными моделями (например, израильской): опять не соблюдается логика различения Лумана. Европейская цивилизация не едина, в ней четко прослеживаются католические, протестантские и православные культурные архетипы, а концепция евразийской цивилизации является теоретическим конструктом евразийцев, которые к тому же по-разному ее трактовали.

Механистическое перенесение теоретических абстракций на уровень конкретного эмпирического материала, смешение понятий, некорректные отождествления и сравнения, оправдываемые политической целесообразностью текущего момента, создают особого рода сложности, связанные с «порядком абстракции» и «осознанием абстрагирования», о которых писал А. Коржибски в своей работе «Наука и здравомыслие»²⁹⁶. Как утверждается в этой работе, слово не есть обозначаемое им явление, поскольку оно многозначно; сложное явление также не обладает сущностной идентичностью. Это вынуждает исследователя обращаться для разрешения подобных ситуаций к семантическому ядру слов, передающих смысл или даже смыслы явления, особенно когда речь идет о системах смысловых коммуникаций. В пространственном «повороте» проблемы смысловых коммуникаций решаются с помощью кросскультурного метода универсальных языковых эквивалентов.

Вместе с тем Космина легко мог бы доказать один из основных тезисов своей концепции, опираясь на ту же коммуникативную теорию. Визуализация коммуникативных связей современной Украины и России, особенно после начала СВО, беспрецедентного разрыва связей России с Европой и ее стратегического поворота на Восток, безусловно, покажет, что коммуникативных связей у Европы с Украиной по плотности больше, чем с Россией. Да и географически Украина западнее России, а Россия восточнее Украины. В то же самое время такие коммуникативные методы, как дискурс-анализ и контент-анализ, легко докажут, что русская культура, как и украинская, по своим сущностным характеристикам являются европейскими, но с общими историческими корнями.

Методологическая ошибка в конструкциях Европа – Азия, Запад – Восток заключается в том, что сам тезис о том, что европейская культура по своему раз-

²⁹⁴ Космина В. Г. Навсегда ли разошлись пути Украины и России? Ст. 2. С. 129.

²⁹⁵ Там же. С. 135.

²⁹⁶ Korzybski, Alfred. Science and Sanity: An Introduction to Non-Aristotelian Systems and General Semantics / preface by Robert P. Pula. 5th ed. N.Y.: Institute of General Semantics, 1994.

витию превосходит восточную, глубоко ошибочен и неисторичен. Доминирование Запада в течение последних 500 лет в настоящее время подвергается сомнению в связи с опережающим экономическим, в том числе технологическим развитием таких стран, как Китай, Индия, Южная Корея, а также «азиатских тигров». И то имеется в виду только экономическое доминирование, повлекшее за собой геополитическое превосходство, но можно ли сводить цивилизацию исключительно к материальным аспектам культуры? Кроме того, хорошо известно, что все крупнейшие и древнейшие цивилизации зародились на Востоке – древнекитайская, древнеиндийская, переднеазиатская, древнеегипетская, как и все мировые и авраамические религии, заложившие основы современных цивилизаций. Голословные, оторванные от реальности рассуждения о моральном, духовном или культурном превосходстве одних народов над другими являются безосновательными и расистскими, особенно в свете гуманистических достижений постклассической науки.

Из этого вытекают не менее важные выводы. Очевидно, что надо проводить четкое различие между этнической и общественной культурами, например, русской и российской, которая синкретична по своему содержанию. Этнокультурное и конфессиональное многообразие России нельзя объяснять исключительно в категориях европейской цивилизации. С одной стороны, как недавно сказал М. Б. Пиотровский в своем интервью «Российской газете», Россия более европейская страна, чем некоторые страны даже Западной Европы. Если основным признаком «европейскости» является историческая связь с культурой Древней Греции, античной цивилизацией, подчеркнул он, то на территории России, а именно на Восточном Причерноморье, существовали греческие полисы, а в Скандинавии, например, их не было²⁹⁷. Древнерусское государство, общее для России и Украины, формировалось исключительно на территории европейской части континента. Даже тогда, когда Россия расширилась на Восток и стала империей, она продолжала самоопределять себя через свои отношения с европейскими государствами. История России остается европоцентричной до нашего времени, дискуссии на эту тему в России активизировались только недавно, особенно при обсуждении Концепции школьных учебников по истории.

С расширением границ государства и превращением в империю Россия включила в себя Восток, и с этого времени стала евразийской державой, самым крупным государством не только в Евразии, но и в мире. Это в полной мере континентальная страна, у которой территория в азиатской части (в некоторых исследованиях выделяется как Азиатская Россия) составляет около 74% от общей территории. Дихотомия Европа – Азия как нормативно-оценочное противопоставление развития и отсталости, добра и зла исчезает, как только мы говорим о России, у которой есть свои внутренние миры, и европейские, и азиатские. Если говорить о частях света, культурах, цивилизациях в терминах сосуществования, взаимного уважения и пользы, а не с помощью набора идеологических клише отчуждения, разделения и конфронтации, то исчезает сам предмет дискуссии, весь этот идео-

²⁹⁷ Почему необходимо быть со своей страной, когда она совершает исторический поворот и выбор. Отвечает Михаил Пиотровский. Елена Яковлева // Российская газета. 22.06.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/06/22/kartina-mira.html>. Дата обращения: 04.08.2022.

логический дискурс, представляющий ложный выбор, мотивированный исключительно политическими установками.

Говоря о Китае, развитие которого положит конец западному доминированию и приведет к рождению нового, более сбалансированного глобального порядка, Мартин Жак ввел в научный оборот понятие «государства-цивилизации» (*civilization-state*)²⁹⁸. В. В. Наумкин отметил, что помимо Китая это понятие можно отнести и к таким государствам, как Индия и Россия: феномены государства и цивилизации, обычно выступающие в роли отдельных, нередко антагонистических субъектов, по отношению к этим странам могут рассматриваться как единое целое²⁹⁹. Отдельные признаки «государств-цивилизаций» обнаруживаются и у других стран мира, например у Ирана и Турции³⁰⁰.

Утвердившись в качестве одного из центров полицентричного мира, Россия как государство-цивилизация заняла на континенте свою особую нишу – роль **оси Северной Евразии**. Концепция полюсов, отсылающая к объяснительным схемам монополярного, биполярного и многополярного мира, уступает схемам, в которых задействованы оси: полюса, как и вершины, безлюдны, а оси всегда являются центром притяжения всего, что находится в пределах поля их притяжения³⁰¹. В объемном и многоаспектном пространстве коммуникативных смыслов это действительно особая роль: быть **ближайшим, более понятным, «Своим» Западом для Востока**, альтернативным «Чужому», далекому Западу, и понятным, «Своим» **Востоком для Запада**, у которого тоже есть свои альтернативы.

2.3.7. «Коммуникативная история» и история коммуникаций

«**Коммуникативная история**» (*Communicative History*) предлагает изучение коммуникации как исторического процесса. Она представляет собой не только один из примеров междисциплинарного синтеза, но и метадискурс, который развивает Р. Крейг и его последователи. В их понимании коммуникативная история занимается практиками, идеями и областями коммуникации в прошлом, исследует широкий спектр опосредованных и личных форм символического обмена и распространения информации – от личных разговоров до глобальных сетевых коммуникаций во Всемирной паутине. Объектами коммуникативной истории являются не только торговые маршруты, транспортные (сухопутные, морские и воздушные) коммуникации в истории, но и такие более широкие явления, как устная и письменная культура, империя, государственное строительство, международные отношения, взаимоотношения общества и власти. Таким образом, ком-

²⁹⁸ Jacques, Martin. When China Rules the World: The End of the Western World and the Birth of a New Global Order. L.: Penguin Books, 2009.

²⁹⁹ Наумкин В. В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 91.

³⁰⁰ Там же. С. 85–87.

³⁰¹ Так, в российском китаеведении современный Китай определяется в системе современного миропорядка как «ось Азии». См.: Виноградов А. В. Китайская модель модернизации. С. 199.

муникативная история во многом пересекается с философией и теорией коммуникации³⁰².

В отличие от коммуникативной истории, **история коммуникаций** представляет собой узкий спектр изучения коммуникаций в узком смысле. Начиная с проблемы происхождения языка, она ставит в центр внимания первобытные наскальные рисунки, петроглифику, пиктограммы и идеограммы, историю письма и книгопечатания, вплоть до массовых коммуникаций и Интернета, с особым интересом к масс-медиа, информационной политике и консолидирующим (тоталитарным или демократическим) идеологиям³⁰³. Здесь история коммуникаций перекликается с предметом **истории письма, истории книги, истории идей и социальной истории знания** (П. Бурке).

Активно развивающейся субдисциплиной истории коммуникаций является **история европейских коммуникаций**, получающая подпитку в интеграционных процессах на территории Евросоюза и ассоциированных с ним стран. История европейских коммуникаций использует методологические принципы транснациональной истории и культурного трансфера. По убеждению М. Эспань, в изучении истории культуры современных европейских народов необходимо рассматривать Европу как «гетерогенное, но одновременно связанное воедино многочисленными “мостиками” трансферов культурное пространство»³⁰⁴.

Однако тут есть и свои важные различия. Если концепция культурного трансфера предлагает отказаться от понятий «нация» и «страна» во имя строящегося единого «культурного пространства», разделенного на культурные зоны – французскую, немецкую и др., то историк коммуникаций воспринимает «нацию» как фактическую категорию, а «транснациональное сообщество» (*trans-nation*) – как теоретическую. Европейское культурное пространство становится базовой категорией для истории европейской коммуникации, в то время как европейская идентичность сталкивается с двумя противоположными направлениями: известной территориальной разобщенностью в прошлом и неопределенной глобализацией в будущем.

На международных конференциях все отчетливее прослеживается тенденция к синтезу исследовательских практик в рамках объединенной **информационно-коммуникационной истории**³⁰⁵. Интеллектуальная история скрещивается с коммуникативной, в результате возникает **интеллектуальная история коммуникации** (*Intellectual History of Communication*). «Коммуникативная история снизу»

³⁰² Pooley, Jefferson D.; Park, David W. Communication Research. P. 76–92.

³⁰³ Poe, Marshall T. A History of Communications: Media and Society from the Evolution of Speech to the Internet. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011.

³⁰⁴ Минеева И. Н. Культурный трансфер: от истории идеи к методологии // Филологические исследования. 2016. Т. 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://academy.petrus.ru/journal/article.php?id=3006>

³⁰⁵ См., например: “Bridges and Boundaries: Theories, Concepts and Sources in Communication History”. ECREA Conference Programme. An International Conference in Venice, Italy September 16–18, 2015. Organizer: Communication History Section of the European Communication Research and Education Association (ECREA) // https://www.academia.edu/15241034/Bridges_and_Boundaries_Theories_Concepts_and_Sources_in_Communication_History_Conference_Programme?auto_download=true&email_work_card=view-paper (accessed 24.12.1916).

(*Communicative History from Below*), которая реконструируется на основе записок, писем, личных архивов обычных людей, а также их биографий, является частью как коммуникативной истории, так и **исторической биографии**³⁰⁶.

Отдельного внимания заслуживает децентрированная история Н. Земон Девис, в которой она проводит реконструкцию нравов раннего Нового времени, норм и предрассудков в обществе, основанную на анализе писем, автобиографий, мемуаров (т. н. *Ego*-документов) трех женщин, живших в XVII в.³⁰⁷ Н. Земон Девис также постулирует *пограничье* как объект исследования и изучает как реальные, так и возможные коммуникации; речь идет о социокультурном пограничье – феномене общественных трансформаций³⁰⁸. К данному направлению научного поиска относятся и **фронтирные исследования** (*Frontier Studies*), идея которых отражена в восточных источниках древности и Средневековья. По крайней мере Кавказ и особенно зона Дербента фигурировали в качестве особой «пограничной области» (الثغر *ас-сагр*, мн. ч. الثغور *ас-сугур*) не только в средневековой арабо-мусульманской историографии, начиная с IX в., но и в сасанидском историческом трактате «Наме-и Тансар», написанном в Иране между 557 и 570 гг.

Частью коммуникативной истории является **история сухопутных и морских, торговых и военных коммуникаций, перекрестной и множественных пересекающихся историй**, а также другие направления исследований, интересующихся контактными зонами, взаимосвязанностью культур («коннективный поворот» в истории по Э. Хоскинсу), трансграничностью и транслोकальностью, «мостами и перекрестками» цивилизаций. Это те области познания прошлого, в которых «мы сталкиваемся с исторической проекцией проблем коммуникации и межкультурного диалога»³⁰⁹.

Коммуникативная история объединяет людей, в то время как культурная память их обособляет и разъединяет. Глобализация и естественные интеграционные процессы размыкают культурную память в пользу коммуникативной (Я. Ассман). Это приводит к тому, что конфликтный потенциал коллективной памяти уменьшается, а диалогический растет³¹⁰.

2.3.8. Общие и специальные методы коммуникативного анализа

Поскольку в рамках «нового историзма» мы говорим об истории как о коммуникации, **методы коммуникативного анализа** становятся чрезвычайно важным инструментом для установления содержания и смысла социального взаимодей-

³⁰⁶ Дунаева Ю. В. Историческая биография: упадок или возрождение? // Современные подходы и методы исследования / отв. ред. Ю. В. Дунаева. М.: ИНИОН РАН, 2011. С. 8–34.

³⁰⁷ Земон Девис Н. Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века. М.: Нов. лит. обозр., 1999.

³⁰⁸ Следзевский И. В. «Пограничье без границ». Глобальная неопределенность мира и ее отражение в сознании и культуре // Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций. Междисциплинарное исследование. М.: URSS, 2008. С. 11–99.

³⁰⁹ Ионов И. Н. Мировая история в глобальный век: Новое историческое сознание. С. 306.

³¹⁰ Там же. С. 69.

ствия, тем более что они изначально разрабатывались для решения именно этих задач. Историки обычно используют социологический инструментарий только тогда, когда изучают социальные практики в прошлом.

Коммуникативные методы, обзор которых приводится в литературе³¹¹, помогают анализировать смысловые объекты коммуникации – широкий круг письменных текстов, прежде всего источников и литературы, аудиовидеоматериалы, другие данные, раскрывающие реальное содержание коммуникативных актов. К ним относятся, в частности, такие распространенные методы исследований, как **наблюдение, этнографический метод, опрос**. Некоторые из них появились благодаря различным познавательным поворотам науки, таким, как, например, **семиотический анализ**, который мы мельком затрагивали при описании лингвистического «поворота» исторической науки. Общие методы коммуникативного анализа имеют широкий диапазон возможностей, но при этом не обеспечивают необходимый уровень глубокого погружения в предмет исследования.

Особого внимания требуют **специальные методы коммуникативного анализа**, разработанные для изучения комплексных форм социальной сложности. Они получили признание в последнее время, прежде всего в рамках коммуникативных теорий. Во-первых, это лумановский **метод наблюдения первого и второго порядков**, настроенный для изучения многообразия коммуникативных отношений «Я» и «Другого», поэтому его также называют **методом самореференции и инореференции**. Метод включает в себя ряд последовательных операций:

- 1) выявление источников для изучения предмета исследования (конкретной коммуникативной ситуации в микроистории или макроистории, а также современной истории, например, этнополитического конфликта);
- 2) критический анализ источников наблюдения (коммуникаций) с целью выявления объектов наблюдения, с учетом их коммуникативных связей и отношений;
- 3) систематизация и упорядочивание выявленных в критическом анализе объектов наблюдения в различных системах коммуникативных отношений (центр/периферия, господство/подчинение и др.);
- 4) наблюдение в источниках наблюдения (коммуникациях) смысловых обращений к самому себе (самореференций);
- 5) наблюдение в источниках наблюдения (коммуникациях) смысловых отсылок к внешним системам (внешним по отношению к наблюдающей системе), Луман называет их инореференциями;
- 6) установление общего для всего процесса наблюдения системного кода различий (в соответствии с т. н. логикой различий), основанного на бинарном кодировании. Под кодом понимается «такая структура, которая для каждого произвольного элемента в пределах своей области релевантности может найти и упорядочить другой дополнительный элемент»³¹². Например, в системе науки процессы подчиняются оппозициям

³¹¹ Леонтович О. А. Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011.

³¹² Луман Н. Власть / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001. С. 54.

- «истина/не-истина», «наука/не-наука», «объективность/необъективность», «достоверность/недостоверность»;
- 7) внешнее наблюдение в пределах своих коммуникаций, включающих наблюдаемые процессы в окружающем мире, в том числе с помощью средств массовой коммуникации. Сам окружающий мир понимается в феноменологической интерпретации как горизонт, который остается недостижимым и недоступным для наблюдения и понимания;
 - 8) самонаблюдение и наблюдение второго порядка, связанное с парадоксом наблюдателя: для получения полной, разносторонней информации необходимо преодолеть этот парадокс с помощью другого наблюдателя.

Для изучения текста источника широкие возможности предоставляет **дискурс-анализ**, который придает особое значение формам и функциям конкретного языка социального описания³¹³. Он связан с **внутренним, человекоразмерным уровнем анализа коммуникации**.

Метод дискурс-анализа опирается на различные дискурсивные практики социального конструктивизма, адаптированные к теории коммуникации³¹⁴, а также их теоретическое осмысление в **теории дискурса** – синтетической постструктуралистской и во многом постмарксистской теории, согласно которой именно дискурс с помощью значений формирует социальный мир (Э. Лакло, Ш. Муфф³¹⁵). Идею дискурсивной теории гегемонии Лакло – Муффа развивают также Дж. Батлер и С. Жижек³¹⁶.

Основными источниками теории дискурса являются:

- 1) аналитическая философия, представленная школами неореализма (Мур, Рассел) и прагматизма (Пирс, Моррис), с опорой на опытное знание и здравый смысл, а также на философию сознания Декарта, логическую теорию отношений Лейбница, трансцендентальную аргументацию Канта;
- 2) феноменология и структурализм, близкий к постструктуралистским концепциям Фуко и Деррида;
- 3) философско-лингвистическая концепция Л. Витгенштейна (теория языковых игр);
- 4) постструктурализм в виде дискурсивных формаций Фуко, психоанализа Лакана, деконструкции Деррида и семиологии Барта.

Помимо дискурс-анализа различают **критический дискурс-анализ**, который не абсолютизирует дискурс, а исходит из того, что дискурс является одним из аспектов познания, но далеко не единственным (Н. Фейрклаф)³¹⁷. Такое понимание дискурса ближе к плюрализму неоклассической модели научного познания, которую представляет наш подход, а также к принципу неиерархического релятивизма, которого он придерживается.

³¹³ Brown, Gillian; Yule, George. Discourse Analysis. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983.

³¹⁴ Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. 2-е изд., испр. Хабаровск: Гуманитарный центр, 2008. С. 21.

³¹⁵ Laclau, Ernesto; Chantal Mouffe. Hegemony and Socialist Strategy. L.: Verso, 1985.

³¹⁶ Butler, Judith; Laclau, Ernesto; Žizek, Slavoj. Contingency, Hegemony, Universality. Contemporary Dialogues on the Left. L. – N.Y.: Verso, 2000. P. 7.

³¹⁷ Fairclough, Norman. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. L.: Routledge, 2003.

К числу «понимающих» методов из числа коммуникативных относится **контент-анализ**³¹⁸, дополняющий методы **тематического** и **нарративного анализа**³¹⁹. Современные ИКТ эволюционировали от машинного нарративного анализа до развития автоматического генератора нарратива, использующего алгоритмы машинного обучения (см. ниже). Экспериментальные исследования в этом направлении с использованием (ро)ботов могут быть востребованы в пограничных для науки сферах практикоориентированных коммуникативных разработок, действующих в информационном пространстве (например, разработки динамических моделей субкультурной, имиджевой или пропагандистской коммуникации).

Контент-анализ предназначен для углубленного изучения содержательных аспектов информации, в том числе с использованием цифровых технологий, статистического учета ее качественных (структурных) и количественных показателей, алгоритмов числовой обработки, оценки и интерпретации соотношения между содержанием сообщения и формой ее репрезентации. Из совокупности множества несистематизированных данных этот метод выделяет предмет анализа, выявляет источники, задает соответствующие параметры, ключевые слова, относящиеся именно к данной информации, их контекст и границы анализа.

Контент-анализ может иметь дело не только с письменными, но и с устными, знаковыми (изобразительными) и аудиовизуальными текстами, а также гипертекстами. О. Холсти объединяет все виды использования контент-анализа в три основные категории, которые требуют: 1) сделать выводы об истоках коммуникации; 2) описать и сделать выводы о характеристиках коммуникации; 3) сделать выводы об итогах коммуникации³²⁰.

Современная методология контент-анализа позволяет операционализировать знание, тестируя аналитические конструкторы языка как гипотетические³²¹; выбирать нужную информацию на основании отличий разного свойства: физических, синтаксических, категориальных, пропозиционных, тематических³²²; осуществлять не только систематические выборки, но и рандомные, произвольные, стратифицированные, кластерные, а также выборки по релевантности и с изменяющейся вероятностью³²³. Эти возможности метода контент-анализа в полной мере учитывались при разработке информационных (по сути – виртуальных) моделей коммуникативных систем.

Благодаря Р. Бейлсу, соавтору и единомышленнику Т. Парсонса³²⁴, а также Ю. Хабермасу, который тематизировал интерактивный модус коммуника-

³¹⁸ Berelson, Bernard. Content Analysis in Communication Research. N.Y.: Free Press, 1952.

³¹⁹ Почепцов Г. Г. Теория коммуникации / отв. ред. С. Л. Удовик. 2-е изд., стер. М.: Спарт Бук, 2009. С. 434–437.

³²⁰ Holsti, Ole R. Content Analysis for the Social Sciences and Humanities. Reading, MA: Addison-Wesley, 1969. P. 7.

³²¹ Krippendorff, Klaus. Content Analysis: An Introduction to Its Methodology. Thousand Oaks – L. – New Delhi: SAGE Publications, 2004. P. 90–91.

³²² Ibid. P. 103–108.

³²³ Ibid. P. 114–118.

³²⁴ Bales, Robert F. Interaction Process Analysis. A Method for the Study of Small Groups. Cambridge, MA: Addison-Wesley Press, 1950. P. 263.

ции как интерперсональное отношение, или намерение, **транзакционный анализ** стал методом изучения небольших социальных групп и в настоящее время успешно используется в социологии и экспериментальной социальной психологии. Метод разработан Э. Берном на основе феноменологии как альтернатива психоанализу З. Фрейда³²⁵. Как психоаналитическая теория и метод терапии, он позволяет менять состояния *Ego* с помощью социальных транзакций и анализировать их для понимания его поведения и решения внутренних эмоциональных проблем (скрытых страхов, тревоги, озабоченности, неопределенности, фрустрации), используется также для изучения жизненных сценариев конкретных индивидов³²⁶.

Различение транзакционного и интерактивного имеет место и в дискурс-анализе³²⁷. Функцию, которую язык использует для выражения «содержания» информации, дискурс-анализ описывает как транзакционную (*transactional*), а функцию, обозначающую социальные отношения и личное отношение человека к ним, – как интерактивную (*interactional*). Их различие в дискурс-анализе в целом соответствует функциональной дихотомии: репрезентативный – экспрессивный, реферативный – эмотивный, мыслительный – интерперсональный (Дж. Браун, Дж. Юл)³²⁸.

Метод транзакционного анализа используется преимущественно в компьютерной лингвистике, позволяя исследователю выявлять тональность семантики описания, в том числе точность оценки эмоциональных характеристик *Ego* самого себя и других *Ego* (*Alters*), с которыми он взаимодействует. Для нас этот метод интересен прежде всего для определения степени субъективности/объективности автора исторического источника (на первичном этапе обработки текста первоисточника) и конкретного историка, труд которого подвергается информационной обработке (как в интерпретации им текста источника, так и в случае вторичной интерпретации выводов коллег), в том числе с помощью сложных статистических алгоритмов (алгоритмов семантической близости и др.).

Развивающийся в отечественной науке как самостоятельный подход, **интент-анализ** предназначен для выявления скрытых намерений источника информации – субъекта коммуникации. В зарубежной историографии элементы интент-анализа применяются в стратегиях дискурсивного понимания, включающего в себя психологические интенции сторон коммуникативной интеракции, а также, отчасти, в контент-анализе. Он близок к гораздо более известному методу **мотивационного анализа**. С помощью анализа элементов текста дискурс интегрирует также новая **методика когнитивного картирования социальной сети**, которая представляет собой методику определения факторов, совокупность которых при-

³²⁵ Berne, Eric. *Games People Play. The Basic Handbook of Transactional Analysis*. N.Y.: Ballantine Books, 1964.

³²⁶ Steiner, Claude. *Scripts People Live: Transactional Analysis of Life Scripts*. N.Y.: Grove Press, 1990.

³²⁷ Brown, Gillian; Yule, George. *Discourse analysis*. P. 1.

³²⁸ Ibid.

вела к конкретному действию, принятию того или иного решения. В частности, эта методика апробирована на примере изучения американского взгляда на мировую политику³²⁹.

2.4. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕОРИИ И «ИНФОРМАЦИОННАЯ ИСТОРИЯ»

Обосновывая важность информационной истории, Т. Веллер подчеркивает, что «информация является ключевой частью коммуникативного процесса, которая создала цивилизацию, в результате чего она имеет динамичную и яркую историю для изучения»³³⁰. Многомерный подход с его системно-коммуникационным анализом по определению является информационным: во-первых, потому, что социальная коммуникация – это информационное измерение социального взаимодействия. Во-вторых, новый подход не только сближает гуманитарные и естественные науки, но и учитывает символическую интраперсональную информацию. Последнее имеет в восточных обществах чрезвычайно важное значение, учитывая исключительную роль ислама в ряде мусульманских стран, в том числе тех, в название которых включается определение «исламский». В-третьих, предлагаемый подход тяготеет к исторической информатике и цифровым гуманитарным наукам, которые являются вспомогательными дисциплинами, в рамках которых происходит адаптация цифровых методов к существующим наукам.

Семантическое определение информации включает в себя три аспекта: 1) информация – это значимые данные (о чем-то или о ком-то), имеющие смысл, которые были организованы и переданы и которые могут быть результатом систематического исследования; 2) неотъемлемой частью информации являются коммуникация и рецепция, т. е. восприятие информации; 3) информация оказывает влияние на социальные процессы, так или иначе обуславливая социальные изменения³³¹. В специальном исследовании П. Чекленда и С. Хотвелл раскрывается механизм того, как синтез информации и системы порождает такой важнейший для нашей темы рабочий инструмент, как информационная система³³².

В информационную эпоху информация становится своего рода «вещью», единицей обмена, поскольку она обладает ресурсной ценностью³³³. Эта ценность позволяет превратить ее в товар и оценивать с точки зрения ее реальной и потенциальной ценности. Польза, которую люди получают от информации, как от любой

³²⁹ Новое пространство мировой политики: взгляд из США / под общ. ред. В. М. Сергеева и Е. С. Алексеевской. М.: МГИМО–Университет, 2011. С. 7–121.

³³⁰ Weller, Toni. Information History. P. 1.

³³¹ Nath, Hiranya K. The Information Society // Space and Culture, India. 2017. Vol. 4. No. 3. P. 20.

³³² Checkland, Peter; Holwell, Sue. Information, Systems and Information Systems. Chichester, UK: Wiley, 1998.

³³³ Weller, Toni. Information History. P. 13.

другой вещи, наряду с влиянием, которое она оказывает на человека, составляет важную характеристику информации. Оценка полноты и достоверности информации, как и степени полезности научных подходов и программ для работы с ней, – сложная, но жизненно важная задача.

Отличительной особенностью информации является ее неосязаемость и неизмеримость. Соль, сахар тоже не измеримы, мы всегда понимаем, что это очень малая часть огромного целого – так и информация. Однако информацию может потреблять любое число людей одновременно, и ее меньше не станет, в отличие от физических ресурсов³³⁴.

Изучению информационных теорий посвящены специальные исследования³³⁵. Все они так или иначе исходят из того, что главным продуктом общественного производства в будущем станет информация. Речь идет в первую очередь о производстве, распространении и потреблении научного знания, «которое может быть передано от одного человека к другому, о знании, на основе которого можно конструировать новые технологии и типы коллективных практик, существующие в интересующей форме, прежде всего в виде текста (как книжного, так и компьютерного)»³³⁶.

2.4.1. От информационной теории Шеннона и социальной кибернетики Винера к теориям информационного общества

По всеобщему признанию, в своей информационной теории К. Шеннон продемонстрировал не только различные технологии технической коммуникации, но и существенное единство информационных средств³³⁷. Теория, которую он потом развил вместе с У. Вивером как математическую теорию коммуникации, задает базовые принципы передачи и хранения информации, с помощью опосредованных средств кодирования и моделирования. Типичная схема передачи и хранения информации объясняет действие виртуальной коммуникации, осуществляемой посредством компьютера и Интернета³³⁸.

Теория К. Шеннона «революционизировала» коммуникацию и породила множество коммуникативных исследований, определяемых как часть информацион-

³³⁴ Eaton, Julian J.; Bawden, David. What kind of resource is information? // *International Journal of Information Management*. 1991. 11(2). P. 156–165.

³³⁵ Lanigen, Richard L. *Information Theories // Theories and Models of Communication* / ed. by Paul Copley, Peter J. Schulz. Berlin – Boston: De Gruyter Mouton, 2013. P. 59–84.

³³⁶ Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. С. 6.

³³⁷ Например, см.: Aftab O., Cheung P., Kim A., Thakkar S., Yeddapanudi N. *Information Theory & The Digital Revolution*. P. 3.

³³⁸ Между источником информации (любым объектом, порождающим сообщения) и ее получателем находятся кодер источника и кодер канала, обеспечивающие преобразование сигнала электронного сообщения в адаптированную символическую форму, декодер канала и декодер источника, а между ними – модулятор, среда распространения или хранения информации, а также демодулятор. См.: Gallager, Robert G. *Information Theory and Reliable Communication*. N.Y. – Chichester – Brisbane – Toronto – Singapore: John Wiley & Sons, 1968. P. 2–3.

ной теории. В некоторых исследованиях определения «информационный» и «коммуникационный» используются как синонимы, поскольку технические коммуникационные системы предназначены для информационного обмена³³⁹. В социальные науки коммуникация вместе с идеями человекомашинных форм информационных взаимодействий пришла благодаря социальной кибернетике Н. Винера³⁴⁰.

Не совсем ясно, в какой степени механизмы практической реализации виртуальной коммуникации применимы к гуманитарным наукам и изучению реальной коммуникации в искусственно созданной информационной среде (закрытой виртуальной экосистеме), однако совершенно очевидно, что без некоторого опосредования, создания особых, «идеальных» условий познание реальной коммуникации невозможно. В пространственном анализе эту роль выполняют информационные модели коммуникативной общины, конкретного общества или всего человеческого сообщества как «системы систем» высшего порядка, с выделением политического, этнического или религиозного сообществ в качестве подсистем, т. е. всех вариантов (локального, регионального или глобального) понимания типов социальной организации. Изменение фокуса на определенный тип социальной организации и масштабирование процесса исследования обеспечиваются программными средствами с помощью соответствующих фильтров и выборов.

Другая принципиальная особенность информационной теории – ее меж-, мульти- и трансдисциплинарный характер: не имеет значения, какого рода информация фиксируется и предметом какой науки она является. Именно поэтому теория информации выступает как «волшебный ключ» к мультидисциплинарному пониманию³⁴¹. Любое практическое знание о природе, обществе или религии является информацией, религиозное знание – религиозной, а научное – научной информацией. Исследования религиозных систем на Востоке (не только на уровне конфессий, но и конфессиональных групп), всего того, что находится внутри них и вокруг них, показывают, что идеологическая парадигма в одной системе координат всегда подвергается сомнению в другой системе, какой бы отстраненной и абстрагированной она ни была. Все объективные процессы запускаются конкретными людьми, т. е. субъектами социальных отношений, и по своей природе они субъективны. Это относится не только к описательным, но и к аналитическим методам; при анализе предмета также важно учитывать исходный посыл, изначальную позицию исследователя.

Информационная среда в ее социальном, а не техническом значении в принципе не может быть нейтральной, поскольку коммуникационные взаимодействия между субъектами социокультурной деятельности с целью передачи или обмена информацией обязательно осуществляются посредством принятых в данной культуре знаковых систем, приемов и средств их использования. Уже поэтому они несут особую смысловую и ценностно-нормативную нагрузку. Соответственно речь идет только о том, что нейтральны не образы объективной социальной реальности,

³³⁹ *Gallager, Robert G. Information Theory and Reliable Communication. P. 1.*

³⁴⁰ *Wiener, Norbert. Cybernetics: Or Control and Communication in the Animal and the Machine.*

³⁴¹ *Aftab O., Cheung P., Kim A., Thakkar S., Yeddanapudi N. Information Theory & The Digital Revolution. P. 2.*

с которыми имеет дело исследователь, а система их фиксации, а также, по возможности, понятийный аппарат, обеспечивающий систему самоописания.

Как и в других коммуникативных подходах, мы используем познавательные понятия, заимствованные из теории информации. Одним из таких понятий является энтропия, о которой много писал Н. Луман применительно к описанию социальных процессов – это сумма произведений вероятностей различных состояний системы на логарифмы этих вероятностей, определяющая меру неопределенности в реконструкции фактов и событий прошлого. Понятно, что история Древнего Востока характеризуется гораздо большей энтропией, чем новейшая история Ближнего или Среднего Востока. По мере накопления исторических знаний, например, по мере цифровизации сведений арабо-мусульманских источников, энтропия истории ислама может быть уменьшена.

Информационная теория стала тем фундаментом, на котором выросли различные «теории» информационного общества³⁴². Одну из самых первых версий теории информационного общества предложили А. Турен и Д. Белл; она известна как теория постиндустриального общества (*Post-industrial Society*). В 1971 г. А. Турен описал постиндустриальный мир как программируемый³⁴³. Два года спустя Д. Белл предсказал совершенно иной мир, который будет опираться на экономику информации, в отличие от экономики товаров, существовавших до того времени. Точкой отсчета, «осевым возрастом» постиндустриального мира, когда информация и научное знание начнут играть определяющую роль в развитии технологий и связанных с этим социальных изменений, был выбран 1999 г.³⁴⁴

Д. Белл рассматривал информацию в виде знания в качестве «стратегического ресурса» постиндустриальной стадии, которая приходит на смену таким «решающим переменным» индустриальной стадии, как труд и капитал. Подчеркивая смысловой аспект информации, Белл понимал под ней упорядоченные особым образом данные «как последовательности событий», включая статистику: «Информация имеет смысл – новости, события и данные, – когда мы можем установить контекст, который показывает отношения между этими элементами и представляет их как организованные темы»³⁴⁵. Как заметил Ф. Адамс, объявивший «информационный поворот» в философии, нельзя путать информацию с понятием информационного содержания, во избежание путаницы вещи с мерой вещи³⁴⁶. В отличие от информации, фундаментальное научное знание имеет надежную опору на теорию.

Нам интересны прежде всего следующие положения теории постиндустриального общества, которые сформулировал Д. Белл: 1) новое общество не вытеснит старое, оно появится на основе старого, но станет доминировать над ним, так же как индустриальный сектор экономики продолжает сосуществовать с аграрным

³⁴² См.: Webster, Frank. *Theories of the Information Society*. Cambridge: Routledge, 2002.

³⁴³ Touraine, Alain. *The Post-Industrial Society. Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts and Culture in the Programmed Society* / transl. by L. F. Mayhew. N.Y.: Random House, 1971.

³⁴⁴ Bell, Daniel. *The Coming of Post-Industrial Society*. P. 3.

³⁴⁵ Ibid. P. 132.

³⁴⁶ Adams, Frederick. *The Informational Turn in Philosophy*. P. 474.

сектором; 2) проблема не в ускорении темпов перемен, а в изменении их масштаба, это «важная переменная, которая должна быть принята во внимание»; 3) технология не определяет социальные изменения, а лишь обеспечивает человека новыми инструментами и возможностями. Как раз «способы их использования включают в себя социальный выбор»³⁴⁷.

К числу недостатков теории постиндустриального общества относится то, что она чрезмерно западноцентрична. Все современные общества являются технократическими. При этом западные модели развития характеризуются как передовые «умные технократии», а незападные, по мере убывания – как «вульгарные», «тератодные» и даже «комические оперные технократии». Таким образом, идеи восточной или других альтернативных моделей переходного развития отвергаются, западная модель признается в качестве образцовой, к которой другие общества должны стремиться в своем общем движении в направлении технократий³⁴⁸. Критика этой теории и ее терминологии приводится в научной литературе³⁴⁹.

Понятие «информационное общество» (*Information Society*), которое гораздо шире понятия информационной экономики, было предложено для обозначения той стадии развития постиндустриального общества, когда информация начинает играть более важную роль, чем товар, т. е. производство товаров и услуг уступило место производству информации. Несмотря на обширную литературу по данной теме, до сих пор нет единого определения этого понятия или единого мнения по поводу его определяющих характеристик³⁵⁰.

Поскольку коммуникативные связи *Ego* в информационной модели общества воспроизводят типичную сетевую структуру, для пространственного анализа наибольший интерес представляют т. н. «сетевые» теории и концепции: «сетевого общества» (*Network Society*) М. Кастельса и Я. Ван Дейка, «сетевого города» (*Network City*) Б. Веллмана, «сетевой нации» Р. Хилтц и М. Турофа. Впоследствии эти «матричные» концепции позволили создать один из наиболее надежных информационных методов – метод сетевого анализа (см. об этом ниже).

По мнению представителя современного этапа критической теории Мануэля Кастельса, современный мир находится в самом начале информационной эры, которая изменит все аспекты жизнедеятельности человека, включая культуру, в рамках которой будут усиливаться и распространяться формы виртуальной культуры³⁵¹. Новое общество будет иметь черты «общества сетевых структур», что приведет к естественной реструктуризации традиционных коммуникативных связей и глобализации. Теория «сетевого общества», в котором сетевые системы (*Net*) противостоят личности (*Self*), рассматривает общество как сложные взаимодействия различных сетей – медийных (информационно-коммуникационных), поли-

³⁴⁷ Bell, Daniel. The Coming of Post-Industrial Society. P. 141–156.

³⁴⁸ См.: Targ, Harry R. Global Dominance and Dependence, Post-Industrialism, and International Relations Theory: A Review // *International Studies Quarterly*. 1976. Vol. 20. No. 3. P. 461–482.

³⁴⁹ Rose, Margaret A. The Postmodern and Postindustrial: A Critical Analysis. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991.

³⁵⁰ Nath, Hiranya K. The Information Society. P. 21.

³⁵¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

тических, финансовых и культурных, независимо друг от друга выполняющих свои конкретные программы³⁵², поэтому она делает упор на структурные особенности современного информационного общества, связанного кабельными и беспроводными сетями³⁵³.

Теория «сетевого общества» получила развитие в работах Я. Ван Дейка, который проработал идею сетей личной коммуникации. Персональные и социальные сети поддерживаются цифровыми технологиями и эффективно изучаются с помощью сетевого анализа (см. о нем ниже)³⁵⁴. База сетевого общества расширится по мере развития сети передачи данных, сетей массовой цифровой коммуникации, а также интегрированных, мультимедийных и широкополосных сетей³⁵⁵. В сетевом обществе изменится весь общественный порядок: изменения коснутся системы власти (Ван Дейк пишет об электронном правительстве и цифровой демократии), законодательства, социальных институтов, прав и свобод граждан.

Теория «открытого общества» (*Open society*) К. Поппера стала еще одним важным шагом, приблизившим информационную теорию Шеннона к теории истории³⁵⁶. Одни исследователи полагают, что теория «открытого общества» пришла на смену теории постиндустриального общества, другие считают теорию «информационного общества» продолжением и переосмыслением этой теории в новых условиях, создавшихся после информационной революции. Третьи рассматривают информационное общество как «развитое постиндустриальное», или «общество постмодерна», «общество услуг», «общество знаний», продолжительную исторически возможную фазу развития мировой цивилизации, на начальной стадии которой в настоящее время находятся наиболее развитые страны Запада³⁵⁷. В многочисленных публикациях на эту тему заговорили даже об информационной цивилизации³⁵⁸.

Информационное общество будущего, по Попперу, будет рациональным и «открытым»³⁵⁹. В. А. Лекторский достаточно детально описал причины, по которым Поппер в нашей стране воспринимается скорее негативно, чем позитивно. Антимарксистская позиция ученого, связанная с его научными поисками лишь отчасти, до сих пор воспринимается наблюдателями как чрезмерно либеральная³⁶⁰. На самом деле речь идет о современных развитых обществах как сложных открытых системах в противоположность закрытым, традиционным или локальным. Общее направление движения истории в теоретических конструкциях Поппера описыва-

³⁵² Кастельс М. Власть коммуникации. С. 466.

³⁵³ Подробнее об этом см.: Castells, Manuel. The Rise of Network Society. L.: Blackwell Publishers, 1996; Castells, Manuel. The Theory of the Network Society. Bodmin: Cornwall, 2006.

³⁵⁴ Van Dijk, Jan. The Network Society. Social Aspects of New Media. 2nd ed. L. – Thousand Oaks – New Delhi: Sage Publications, 2006. P. 28, 39.

³⁵⁵ Ibid. P. 46–57.

³⁵⁶ Поппер К. Открытое общество и его враги. С. 31–32, 39–41.

³⁵⁷ Webster F. Theories of the Information Society.

³⁵⁸ Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации / под ред. Е. С. Ивашкиной, В. Г. Детковой. М.: ВЛАДОС, 1994.

³⁵⁹ Поппер К. Открытое общество и его враги.

³⁶⁰ Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. С. 62–74.

ется как постепенный переход от закрытых систем к открытым. Теория информационного общества Поппера предполагает, что развитие информационных технологий и технических средств позволит в значительной степени поднять уровень социальных институтов и отношений на основе принципов гражданского общества.

Культурологические концепции информационного общества тесно связаны с информационной средой человека, расширением его коммуникативных возможностей и перспектив межкультурного взаимодействия³⁶¹. Социологические исследования обычно отводят первостепенную роль технологиям социальных изменений. Однако, постулируя тезис об информационном обществе, исследователи часто отделяют информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) от самого общества, рассматривая их как нечто самодостаточное, хотя они являются прямым продуктом, непосредственным порождением развития общества. Общество не просто реагирует на технологии, а развивает их в соответствии со своими потребностями. Технологические инновации также отражают социальные ценности. Проблема, однако, состоит в том, что теоретики информационного общества не описывают необходимую количественную и качественную меру цифровых технологий, не обозначают порог, когда общество может быть охарактеризовано как информационное, а без этого уязвимо само определение информационного общества³⁶².

Наряду с «западными версиями» теорий информационного общества в Японии, Южной Корее, Тайване, Сингапуре, Гонконге и Китае появились и их восточные версии, в которых индивидуалистским и прагматическим ценностям Запада противопоставляется «духовно обогащенное», ориентированное на собственную культуру и традиционный уклад жизни понимание социальных процессов в информационном обществе будущего, учитывающее коллективистскую природу восточных обществ, исторически сложившийся в них общий порядок, тесную связь государства и рынка, человека и природы. Р. Льюис характеризует японское общество как «общество-паутину»³⁶³ с жесткой взаимозависимостью людей друг от друга, строгой иерархией моральных и социальных обязанностей как по вертикали, так и по горизонтали, которую люди воспринимают как веками установленный порядок³⁶⁴. Эта характеристика, данная Р. Льюисом для японского общества, в большей или меньшей мере применима ко всем восточным обществам.

Стратегия развития информационного общества появилась и в России. Это официальный документ на перспективу до 2030-х гг., утвержденный Указом Президента РФ в 2017 г., целью которого заявлено «создание условий для формирования в Российской Федерации общества знания»³⁶⁵.

³⁶¹ Nath, Hiranya K. The Information Society. P. 26.

³⁶² Ibid. P. 22.

³⁶³ Ср. с «сетевым обществом» М. Кастельса и Я. Ван Дейка и «сетевой нацией» Р. Хилтц и М. Турофа.

³⁶⁴ Lewis, Richard D. When Cultures Collide: Leading Across Cultures. Boston – L.: Nicholas Brealey International, 2006. P. 18.

³⁶⁵ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203. С. 8. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919>. Дата обращения: 21.11.2021.

2.4.2. Прикладные версии информационных теорий

К числу прикладных версий информационной теории относится теория информационных систем, которая включает в себя не только социальную когнитивную теорию³⁶⁶, но и критический реализм, а также различные междисциплинарные подходы и нарративы³⁶⁷. В частности, теория информационных систем объясняет, как информационные технологии, инновации в области информации и коммуникации, от спутникового телевидения и персональных компьютеров до Интернета, стали повсеместно определять параметры новых общественных порядков, влиять на реальное существование миллионов людей, открывать народы и культуры друг другу, сближая их.

Э. Тоффлер считал стремительные процессы информатизации обществ третьей волной, сравнимой только с первой – неолитической и второй – промышленной. «Цивилизация первой волны» была «сельскохозяйственной»³⁶⁸, «цивилизация второй волны» – промышленной, она породила индустриального человека (*Industrial Man*)³⁶⁹. Однако век «индустриальной цивилизации» оказался недолгим, ей на смену пришла третья по счету «волна» – информационная³⁷⁰.

Опираясь на динамическую концепцию экономических циклов Й. Шумпетера и циклы Н. Кондратьева (согласно которым мировая экономика характеризуется последовательной сменой подъемов и спадов продолжительностью от 40 до 60 лет), некоторые исследователи утверждают, что инновации в области ИКТ являются предвестником новой эпохи³⁷¹. Информационный век должен стать зрелым в течение XXI в.³⁷² Поэтому неудивительно, что в отдельных исследованиях человек будущего уже сегодня представляется как *Homo informaticus*³⁷³.

Постмодернистские версии информационных теорий и понимания истории, обозначающие их дискурсивные перспективы, как правило, выступают с отрицанием неограниченного потенциала рациональности и самой возможности объективного познания. Согласно Ж. Бодрийяру, в мире дискурсов реальность представляется хаотической, лишенной причинно-следственных связей, универсальных для всех людей ценностных ориентиров и какой бы то ни было упорядоченности. Исторический опыт людей в этой реальности в достаточно высокой степени опосредован средствами массовой коммуникации, культура определя-

³⁶⁶ Information Systems Theory: Explaining and Predicting Our Digital Society. T. 2 / ed. by Yogesh K. Dwivedi, Michael R. Wade, Scott L. Schneberger. Springer, 2012. P. 211–280.

³⁶⁷ Ibid. P. 281–304, 349–386.

³⁶⁸ Toffler, Alvin. The Third Wave. N.Y.: Bantam Books, 1989. P. 71. О роли земли в семейной общине на Кавказе см.: Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

³⁶⁹ Ibid. P. 118.

³⁷⁰ Ibid. P. 228.

³⁷¹ Nath, Hiranya K. The Information Society. P. 22. Подробнее об этом см.: Полетаев А. В., Савельева И. М. «Циклы Кондратьева» в исторической ретроспективе. М.: Юстицинформ, 2009.

³⁷² Hall, Peter; Preston, Paschal. The Carrier Wave: New Information Technology and the Geography of Innovation, 1846–2003. Boston, MA: Unwin Hyman, 1988.

³⁷³ Абрамов М. Г. Человек и компьютер: от *Homo faber* к *Homo informaticus* // Человек. 2000. № 4. С. 127–134.

ется моделями – симуляциями, а значения соотносятся с символами, а не реальными вещами³⁷⁴.

«Исторический манифест» приводит инструментальные преимущества цифровых инструментов для собственно исторического исследования с участием профессиональных историков, появившихся во втором десятилетии XXI в.:

1. Гораздо более широкие и эффективные способы поиска информации по ключевым словам обеспечивают быстрое действие (раньше на поиск информации по теме уходили месяцы и годы, сейчас – считанные дни); полноту охвата материала и его первичную верификацию; экспресс-анализ (контент-анализ, сравнительный, дискурсивный и др.) по разным заданным параметрам и др. В рамках цифровых издательских проектов создаются программы с базами данных тысяч исторических первоисточников, способных выдать все варианты контекста употребления той или иной информации, по отдельным словам и их сочетаниям.
2. Создаются различные цифровые инструменты, методы, платформы и даже языки программирования, необходимые для анализа информации «сверхдокументированного двадцатого века»³⁷⁵; понятно, что для нынешнего столетия, в котором объем цифровой информации растет в геометрической прогрессии, проблема управления структурированной, неструктурированной и неопределенно структурированной информацией, или «арбитража данных» (*Data arbitration*), с помощью селективной ручной или сплошной машинной обработки «больших данных» станет гораздо актуальнее.
3. Информационное моделирование исторических данных и их визуализация дают важный инструмент, позволяющий значительно корректировать существующие теории и их методы³⁷⁶. Визуализация исторических данных, основанных на коммуникации, представляется одним из перспективных направлений развития не только цифровой истории, но и других гуманитарных наук³⁷⁷.

По мере усиления цифровизации и информатизации общества человек будет оставлять больше цифровых следов, осуществлять более доступную для изучения социальную коммуникацию в информационном пространстве. Личность человека будет все более транспарентна в различных своих социальных проявлениях, соответственно – открыта для изучения, в том числе в качестве элемента различных социальных систем (сообществ) – от локальных до глобальных.

³⁷⁴ Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1995.

³⁷⁵ Володин А. Ю. «Цифровая история»: ремесло историка в цифровую эпоху // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6. Вып. 8 (11). [Электронный ресурс]. URL: <http://history.jes.su/s207987840001228-9-1> (Доступ для зарегистрированных пользователей. Дата обращения: 12.01.2016).

³⁷⁶ Guldi, Jo; Armitage, David. The History Manifesto. P. 89–95.

³⁷⁷ В качестве примера визуализации коммуникативных связей Вольтера и Локка можно указать на сравнительную таблицу их переписки как между собой, так и с другими историческими персонами (в том числе Екатериной II), проливающей свет на духовные связи выдающихся мыслителей эпохи Просвещения. См.: Voltaire and the Enlightenment. [Electronic resource]. URL: <http://republicofletters.stanford.edu/casestudies/voltaire.html>. Retrived: 10.12.2018.

Информационные технологии расширяют горизонты применения исследовательских методов историка практически на всех этапах исторического исследования: 1) получения, или выявления данных, 2) документирования (включая мета-описание, курирование и гармонизацию), 3) обработки (включая агрегирование и майнинг, т. е. «добычу» данных), 4) анализа (в т. ч. для создания моделей и формулировки теорий); 5) визуализации (в частности, создание интерфейса для запросов и выдачи результатов обработки данных)³⁷⁸.

Цифровые методы ускоряют обработку громадных массивов информации, выявляя на основе их анализа важнейшие тенденции развития, достоверную статистику. На Западе серьезно обсуждаются возможности создания глобальной социальной информационной системы (*Big Social Data*)³⁷⁹. Формирующаяся цифровая история, интегрированная с другими видами гуманитарного и естественно-научного знания, позволяет сравнивать миллионы изображений, таблиц, текстов, связывать между собой людей, эпохи, народы, культуры и регионы с помощью удобной системы гиперссылок, выявлять в текстах противоречия и алогизмы, просматривая историю правок. Цифровая гуманитаристика, будучи тесно связана с ИКТ, уже сейчас предлагает свои специфические методы исследования в области гуманитарных наук, использующие в своей работе алгоритмы.

Согласно концепции технологической сингулярности, после широкого внедрения искусственного интеллекта, создающего искусственную социальность, а также обладающего относительной автономностью и собственной логикой действий³⁸⁰, технический прогресс может ускориться настолько, что окажется за пределами понимания человека.

По этой теме написаны горы литературы, как с предостережениями об угрозах со стороны искусственного интеллекта, способного к рекурсивному самосовершенствованию, так и с их критикой³⁸¹. Общим в этих исследованиях остается описание технологий настоящего, которые определенно указывают на то, что в течение нескольких ближайших десятилетий форматы и возможности коммуникационного взаимодействия людей кардинально изменятся. Эти изменения будет сложно оценивать в категориях «хорошо» или «плохо», но они будут объективными и направленными в сторону усиления интерактивности, индивидуализации личности, атомизации социумов и создания на этой основе в далекой перспективе гораздо более гомогенных постэтнических и постнациональных обществ.

Н. Луман отмечал связь идентичности наблюдателя с объективностью описания истории³⁸². Цифровые технологии, лишённые собственной идентичности, существенно уменьшают роль пресловутого человеческого фактора. Историк в ряде

³⁷⁸ См.: *Manning, Patrick*. Big Data in History. P. 5–8.

³⁷⁹ *Manovich, Lev*. Thending: The Promises and the Challenges of Big Social Data // *Debates in the Digital Humanities* / ed. by Matthew K. Gold. Minneapolis–L.: Univ. of Minnesota Press, 2012. P. 460–474.

³⁸⁰ *Резаев А. В., Трегубова Н. Д.* Эвристические возможности и пределы системной теории Никласа Лумана в исследовании онлайн-взаимодействий. // *Коммуникации. Медиа. Дизайн*. 2018. Т. 3. № 4. С. 11–12.

³⁸¹ Подробнее об этом см.: *Kurzweil, Ray*. The Singularity is Near. N.Y.: Penguin Group, 2005.

³⁸² *Антоновский А.* Аналитика времени. С. 303.

важных аспектов своей работы перестанет быть со-творцом истории, наравне с субъектами истории (в научной парадигме истории), или Богом (в религиозной парадигме истории), а значит – уменьшатся его возможности навязывания науке и обществу своих субъективных представлений о прошлом.

Технологии распознавания лиц, походки, других индивидуальных особенностей человека ускорят переход от бумажных документов к цифровым идентификаторам личности, будут совершенствоваться бесконтактные технологии, в том числе коммуникационные. Био- и нанотехнологии обеспечат усовершенствование биологических, физических и интеллектуальных возможностей человека, а квантовый Интернет – повсеместную и несравненно более надежную и скоростную коммуникацию между людьми.

Утверждается, что развитие технологий приведет к размыванию границ между технологическим, биологическим и экологическим. Миниатюризация персональных коммуникационных устройств дошла до молекулярного уровня, они могут быть имплантированы в организм человека вместе с обновляемой в реальном времени информацией. Человек будущего неизбежно начнет совершенствовать себя с помощью научных (прежде всего генных) и технических инноваций, научится справляться со многими болезнями и жить дольше, но в результате перестанет быть исключительно биологическим существом. И тогда якобы наступит конец человеческой истории³⁸³. Сторонники теории критического постгуманизма и идеологии трансгуманизма называют эту новую эру в истории человечества «постчеловеческой» (*post-Human*)³⁸⁴.

К сожалению, зависимость от высоких технологий, несущих миру не только прогресс, но и серьезные потенциальные угрозы, имеет и свои негативные стороны, в том числе и в смысле ограничения прав и личных свобод человека, опасности цифрового тоталитаризма, однако это свойство любого технологического прогресса. Коммуникативным подходам здесь интересны рационализация жизни конкретного человека и его научное познание с помощью растущих возможностей новейших ИКТ и учетом соблюдения «цифровой этики».

2.4.3. «Информационная история» и цифровая история

Опираясь на герменевтику и феноменологию, использующие системный подход и потому рассматривающие исторические явления как системы, «информационный поворот» открывает путь к новым междисциплинарным областям исторического знания, опирающимся на информационно-коммуникативные достижения цифровой эпохи. Эти новые подходы нашли свое отражение в дискуссии на круглом столе «Событие и время в исторических перспективах», орга-

³⁸³ О других концепциях конца истории см.: Аликберов А. К. Концепции начала и конца истории: историографический обзор // Россия и современный мир. 2018. № 4. С. 199–213.

³⁸⁴ Университет штата Пенсильвания с 2017 г. издает «Журнал постчеловеческих исследований» (*The Journal of Posthuman Studies*).

низованном Л. П. Репиной в рамках XXII Международного конгресса исторических наук, который состоялся в Китае в 2015 г.³⁸⁵

Информационная история (*Information History*) – это обозначение совокупности исторических дисциплин информационного характера, в состав которой Т. Веллер включает **цифровую историю** (*DHist*), **цифровые гуманитарные науки** (*DHum*) и **историческую информатику** (*Digital Information Science*³⁸⁶ или *Historical Information Science*³⁸⁷). По мнению А. Блэка, информационная история не должна ограничиваться цифровой историей, историей письменной культуры и книгопечатания, историей новейших информационных дисциплин и практик, но включать в себя **коммуникативную историю**³⁸⁸.

В отечественной историографии обозначения цифровой истории и исторической информатики нередко используются как синонимичные. Историческая информатика рассматривается как всеобъемлющая дисциплина, которая включает цифровую историю, цифровую археологию, количественные методы, историческую синергетику и др.³⁸⁹ Однако, по признанию Л. И. Бородкина, «формирование контуров цифровой истории за рубежом выявило заметные различия между содержанием цифровой истории и исторической информатики»³⁹⁰. Сближая цифровую историю с **цифровой публичной историей**, западные исследователи считают, что историческая информатика в большей степени представляет историю информатики, чем историю, поэтому противопоставляют ей информационную историю³⁹¹. Возможно, терминологические колебания здесь отражают глубинную неопределенность предмета и объекта одной или нескольких научных дисциплин, формирующихся в междисциплинарном поле исторического знания. В настоящее время логическую связь между исторической информатикой и исторической наукой обеспечивает единство информации в ее целостном движении от информатики к социальной информатике, а от нее – через множество ступеней трансдисциплинарных перерождений – к истории информации и информационной истории.

В некоторых исследованиях «**историю цифровой/информационной эпохи**» уже подразделяют на **аналоговую и цифровую**³⁹². В области исторической науки заявлено об основании **гипертекстуальной истории**, которая является цифровым воплощением идеи перекрестной истории в концепции Вернера и Циммерман.

³⁸⁵ Леонтьева О. Б., Репина Л. П., Чеканцева З. А. История и теория на XXII конгрессе МКИН: Круглый стол «Событие и время в исторических перспективах». С. 8–32.

³⁸⁶ Weller, Toni. *Information History*. P. 3–7.

³⁸⁷ McCrank, Lawrence J. *Historical Information Science: An Emergine Unidiscipline*. Medford, NJ: Information Today Press, 2002.

³⁸⁸ Black, Alistair. *Information History*. P. 445.

³⁸⁹ См.: Бородкин Л. И., Гарскова И. М. Историческая информатика: перезагрузка // Вестник Пермского ун-та. Серия: «История». 2011. № 16. С. 5–12

³⁹⁰ Бородкин Л. И. Историк и мир (больших) данных: вызовы цифрового поворота // Историческая информатика. 2019. № 3. С. 17.

³⁹¹ Weller, Toni. *Information History*. P. 3–7.

³⁹² Lawrence, Adrea. *Learning How to Write Analog and Digital History* // *Writing History in the Digital Age* / ed. by Jack Dougherty, Kristen Nawrotzki. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 2013. P. 110–120.

В области изучения обществ это **математическая социология**³⁹³, **социометрия** – цифровая наука, связанная с изучением социальных сетей.

В рамках собственно исторической науки информационная история гораздо шире цифровой, поскольку она включает в себя и нецифровую историю, предлагая методы информационной формализации материала и преодоления на этой основе противоречий между фактом и интерпретацией, парадигмами и подходами. Речь идет об особой системе архивирования исторических данных с помощью социальных протоколов, лежащих в основе когнитивных операций, которые создают, в терминах М. Фуко, «общую систему формирования и преобразования утверждений»³⁹⁴.

Историческая информатика, включающая в себя не только цифровую историю, но и все цифровые гуманитарные науки, ставит перед собой крайне амбициозную цель – создать всемирно-исторический архив, прослеживающий историческую динамику и изменения за последние четыре столетия, с привязкой локальных данных к глобальным шаблонам³⁹⁵.

В цифровой истории и гуманитарных науках коммуникация понимается как информационное взаимодействие³⁹⁶. Цифровая гуманитаристика шире цифровой истории, она включает в себя и цифровые направления вспомогательных исторических дисциплин, а также разных гуманитарных наук. Новые технологии позволяют исследователю выйти за рамки традиционного нарратива, стать соучастником воссоздания первоначального текста исторических источников или облика архитектурных памятников истории, создавать компьютерные модели для лингвистического анализа письменных источников³⁹⁷, использовать технологию гиперссылок в электронных изданиях исторических источников³⁹⁸. Этими направлениями исследований в рамках источниковедения занимается **цифровая текстология** (в отечественной историографии – «компьютерное источниковедение»³⁹⁹). По отношению к источникам различают цифровую историю, «основанную на текстах» (*text-based*) или первоисточниках (*primarily text-based*), и «не основанную на текстах» (*non-text-based*).

Сегодня без широкого применения возможностей информационно-коммуникационной революции невозможно представить себе ни развитие отдельных востоковедческих дисциплин, таких, например, как кумранистика, ни широкие исследо-

³⁹³ Klüver, Jürgen. The Dynamics and Evolution of Social Systems: New Foundations of a Mathematical Sociology. Dordrecht: Springer Science + Business Media, B.V., 2000. P. 25–78.

³⁹⁴ Foucault, Michel. La vie des hommes infâmes // Dits et Écrits. T. III. Texte 198. Paris: Gallimard, 1972. P. 130.

³⁹⁵ Ibid. P. 3.

³⁹⁶ Захарова У. С., Можаяева Г. В., Можаяева П. Н., Рожнева Ж. А. и др. Digital Humanities: гуманитарные науки в цифровую эпоху / под ред. Г. В. Можаяевой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. С. 51.

³⁹⁷ Xiaoling Hu. Sheffield Corpus of Chinese for Diachronic Linguistic Study // Literary and Linguistic Computing. 2005. Vol. 20. No. 3. P. 281–293.

³⁹⁸ См.: Carlquist, Jonas. Medieval Manuscripts, Hypertext and Reading: Visions of Digital Editions // Literary and Linguistic Computing. 2004. Vol. 19. No. 1. P. 105–118.

³⁹⁹ Подробнее об этом см.: Володин А. Ю. «Цифровая история»: ремесло историка в цифровую эпоху.

вания в области **цифровой лингвистики** (*Digital Linguistics*), ни анализ текстов восточных источников на основе различных критериев, с выявлением частотности упоминания тех или иных ключевых имен или событий во времени и пространстве⁴⁰⁰.

ИКТ открывают новые возможности в хранении и изучении архивных документов, в том числе из т. н. «темных архивов» (*Dark Archives*): в упоминавшемся «Историческом манифесте» так обозначены «архивы, которые не просто ждут посещения исследователя, а скорее должны быть построены путем реконструкции того, что было засекречено или удалено»⁴⁰¹. Если Википедия является проектом кросскультурной цифровой истории, то Викиликс можно считать примером **цифрового архива** (*Digital Archive*). Сегодня цифровые архивы являются важной частью **цифровых библиотек**, так же, как и оцифрованные рукописные тексты и изображения. В качестве структур подобного типа можно упомянуть *Internet Archive* и *Wayback Machine*, которые хранят более 800 млрд единиц информации из жизни Интернета.

Сохранение трехмерного изображения объекта в виде цифровых копий, виртуальную (визуальную) и физическую реконструкцию объектов историко-культурного наследия – с помощью технологии 3D печати – реализует **цифровая археология**.

В нумизматике внедряется оптическая система анализа и распознавания монет (*Optical System for Coin Analysis and Recognition*), которая выводит работу с хранением и идентификацией монет на качественно новый уровень и создает предпосылки к созданию **цифровой нумизматики**. Утверждается, что модификация системы позволит использовать ее и для работы с другими музейными артефактами⁴⁰².

Таким образом, цифровая история не ограничивается оцифровкой исторических текстов и визуальных источников, а включает в себя создание информационных систем (баз данных), визуализацию построенной виртуальной реконструкции, интерактивные презентации и картографию, моделирование гуманитарной информации, пространственный анализ, электронную текстологию и компьютерную лингвистику и др. Более того, появились даже исследования по **истории цифровой гуманитаристики**⁴⁰³.

Как показывает международный опыт работы с «большими данными» в гуманитарных областях знания, цифровая история развивается в направлении увеличения верифицируемости исторического знания и уменьшения степени исследовательского субъективизма. Частью «цифровой истории» становится не только информационная история, но и **цифровая публичная история** (*Digital Public History*), в развитие которой каждый интересующийся прошлым может внести свой посильный вклад (самый известный ее продукт – *Wikipedia*).

⁴⁰⁰ О разработке цифровых методов применительно к корпусу средневековых арабо-мусульманских источников см.: *Romanov, Maxim*. Digital Age, Digital Methods. P. 129–156.

⁴⁰¹ *Guldi, Jo; Armitage, David*. The History Manifesto. P. 100.

⁴⁰² Facial Recognition for Coins. [Electronic resource]. URL: <http://www.thehistoryblog.com/archives/54173>. Retired 19.11.2022.

⁴⁰³ *Le Deuff, Olivier*. Digital Humanities: History and Development (Information Systems, Web and Pervasive Computing – Intellectual Technologies). 1st ed. L. – Hoboken, NJ: ISTE – John Wiley & Sons, 2018.

Наряду с цифровой публичной историей также различают **«публичную историю»**, которая «целенаправленно преодолевает характерное для исторической науки XX века отчуждение от “непосвященных”, стремится восстановить интерес широкого потребителя к научной продукции историков, распространить профессиональные стандарты, исторические знания и понимание специфики “ремесла историка” в кругах непрофессионалов»⁴⁰⁴.

В рамках зарождающейся **«цифровой истории каждого»** (*Digital History of Mr. Everyone*), реконструируемой на основе персональных цифровых данных, прошлое предстанет как коммуникативный мир конкретного *Ego* в его сложном взаимодействии со всеми другими *Ego* (*Alters*)⁴⁰⁵. Информационная модель коммуникативной общины, разработанная в рамках многомерного подхода, представляется наилучшей моделью для осуществления такого человекоцентричного микроисторического уровня анализа. Бодрийяр и Адорно также предсказывали появление «фальшивого Я» – медийного двойника, который своим поведением и речью очень слабо напоминает реального человека. То есть при формировании «цифровой истории каждого» специалисты столкнутся с необходимостью фильтрации настоящего *Ego* от цифрового *Alters*.

На «краткое изучение истории каждого, кто когда-либо жил», претендуют также генетики, работающие над составлением генетической карты мира⁴⁰⁶. Исследованиями в этой области на основе анализа молекул ДНК занимается **генетическая история**, это тоже продукт цифровой революции, который значительно расширит горизонты возможностей этногенетического взгляда на историю⁴⁰⁷.

Развивающиеся страны Востока, стремящиеся к сохранению определенного контроля над обществом, ищут свои особые модели модернизации информационного общества, и с этой целью внимательно изучают возможности и пределы цифровизации в науках, в том числе гуманитарных.

Формирующаяся **информационная история**, развивающаяся сегодня в разных направлениях, по мнению ряда исследователей, характеризуется существенным повышением производительности работы историка; революцией в организации хранения, обработки и использования исторического знания, в том числе создавая многослойные и взаимосвязанные файлы; сравнением и сопоставлением громадных массивов исторических данных⁴⁰⁸; появлением немислимых прежде возможностей схематизации информации и моделирования процессов, в том числе с помощью систем трехмерной визуализации; созданием корпусов знаний с динамически меняющимися параметрами, релевантными реальности; внедрением информаци-

⁴⁰⁴ Репина Л. П. Наука и общество: публичная история в контексте исторической культуры эпохи глобализации // Ученые записки Казанского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. Кн. 3. С. 55.

⁴⁰⁵ Бородин Л. И. «Цифровой поворот» в исторических исследованиях. С. 121. В традиционной науке «цифровая история каждого» выступает как развитие персональной истории, см.: Репина Л. П. Персональная история: биография как средство исторического познания. С. 76–100.

⁴⁰⁶ Rutherford, Adam. A Brief History of Everyone Who Ever Lived: The Human Story Retold Through Our Genes. The Experiment, 2017.

⁴⁰⁷ См.: Кузеев Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М.: ИНИОН РАН, 1992.

⁴⁰⁸ Бородин Л. И. «Цифровой поворот» в исторических исследованиях. С. 121–125.

онной архитектуры, цифровых публикаций, открытого рецензирования; развитием новых технологий поиска и извлечения информации, библиометрии и наукометрии; развитием кибергеографии – интерактивных информационно насыщенных форм картографии и т. д. Технология гипертекста позволяет создавать глобальную историю из массы локальных, собрав максимальное число исторических свидетельств и их интерпретаций в разных культурах, в их тесной взаимосвязи друг с другом⁴⁰⁹.

Развитие **цифровых исторических музеев** основано на технологии цифровых 3D-двойников, которая позволяет создать полную и точную трехмерную виртуальную и пространственную модель любого помещения и выставленных в нем артефактов. То есть музеи могут создавать свои точные копии, а также могут выставлять в виртуальных экспозициях, которые затем будут функционировать как отдельные подразделения физического музея, экспонаты из хранилища. Кроме того, они также могут создавать уникальные манипуляции собственными экспонатами и генерировать совершенно новые методы презентации материалов, которые были бы недоступны в реальном физическом мире. Развитием этой темы является разработка туристических маршрутов по наиболее интересным памятным местам в странах Востока, с возможностью зайти внутрь памятников архитектуры, которые имеют общественный (публичный) статус.

2.4.4. Интегративные и прикладные информационно-коммуникативные подходы

Коммуникативные теории связаны, с одной стороны, с системными, а с другой – с информационными подходами. Более того, методы коммуникативного анализа (линейного, сетевого, транзакционного и др.) с самого начала разрабатывались на принципах системности. Однако вопрос об интеграции системного, коммуникативного и информационного подходов между собой, тем более в приложении к изучению истории, стоит особо, поскольку каждый из этих подходов формировался отдельно друг от друга, хотя и не без определенного взаимовлияния. В пространстве социологического знания наибольшего успеха в достижении такого методологического синтеза достиг, безусловно, Н. Луман.

В силу ряда обстоятельств, прежде всего детальной разработанности и теоретической согласованности, системно-коммуникативная теория Лумана, которую Дж. Ритцер выделил как наиболее выдающуюся среди всех современных ему социологических теорий, претендует на метанарратив. Многомерный подход с его системно-коммуникационным анализом, который нашел свое обоснование преимущественно на основе теории Лумана, напротив, не имеет таких претензий, поскольку исходит из принципа прагматичности: его методы, с одной стороны, не содержат в себе идеологических установок, даже в своих теоретических основаниях, с другой стороны, служат исключительно рациональной задаче фундаментального научного познания – поиску истины, генерации нового знания, верификации полученных данных на основе системной логики.

⁴⁰⁹ Cohen, Daniel J., Rosenzweig, Roy. *Digital History: A Guide to Gathering, Preserving, and Presenting the Past on the Web*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2006.

На основе информационных и коммуникативных теорий (трудов Д. Белла, П. Друкера, М. Кастельса, Ч. Кули, Л. С. Выготского, П. Сорокина, Т. Парсонса, Ю. Хабермаса, Н. Лумана, Р. Крэйга и др.) в востоковедении формируются различные версии интегративных и прикладных информационно-коммуникативных подходов⁴¹⁰. Многомерный подход принадлежит к числу таких версий – одновременно и интегративных (в рамках востоковедения как комплексной научной дисциплины), и прикладных (в востоковедении – предметно ориентированных на исследовательскую практику востоковеда-историка). С одной стороны, он пытается на основе социокультурного подхода привнести в анализ восточных обществ громадные достижения современной социальной теории, в том числе достижения не до конца оцененного по достоинству и понятого современниками Т. Парсонса, но не напрямую, а опосредованно через системную коммуникативную теорию Н. Лумана, нозму («новый историзм»), интерпретативность и «насыщенное описание» К. Гирца, и основанный на системности культурный анализ Дж. Александера, чтобы придать актуальным востоковедческим исследованиям новый импульс. С другой стороны, использование цифровых методов и программных инструментов, а также дальнейшая проработка информационных аспектов многомерного подхода, которая сегодня ограничена текущим уровнем состояния исследований в многообещающей области научного знания, безусловно, существенно увеличит познавательный потенциал этого подхода.

Для анализа коммуникативных актов и поведения субъектов коммуникации, помимо методов **коммуникативного анализа**, которые упоминаются выше, и **статистического многомерного анализа** (см. о них ниже), используются различные методы научного познания: **психологический, когнитивный, операционный, нарративный, ролевой, мотивационного анализа** и др. Они позволяют выделить соответствующие им коммуникативные модели. Так, в психоанализе широко известны модели коммуникации Фрейда, Юнга, Лакана, в мифологической коммуникации – Леви-Строса, Барта, Юнга, Малиновского⁴¹¹. Не менее важны прикладные модели коммуникации, которые применяются в истории и гуманитарных науках (модели А. Грамши, В. Шкловского, Н. Евреинова, Г. Шпета, В. Проппа, М. Бахтина, Ч. Морриса, Ц. Тодорова, П. Бурдьё, П. Грайса, П. Ершова, А. Пятигорского, М. Фуко и др.⁴¹²).

Для адекватного понимания коммуникации и метакommunikации в восточных культурах, для которых характерно внешнее подчинение светского духовному, прежде всего религиозному, важно вслед за школой Пало-Альто изучать структуру коммуникации, чтобы проводить различие между конкретным содержанием письменно зафиксированных в религиозных законах нормативных предписаний и реальной практикой их понимания и исполнения. Здесь, как и в ситуациях межкультурных и межконфессиональных взаимодействий, зарождаются социальные практики двойных посланий и даже двойных смыслов. По мнению И. Н. Ионовой,

⁴¹⁰ Прикладные коммуникативные подходы и методы развиваются в психологии, антропологии (Г. Бейтсон), системе образования, например, для преподавания иностранных языков, повышения компьютерной грамотности и др.

⁴¹¹ Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. С. 54–65, 81–90, 100–111.

⁴¹² Там же. С. 172–291.

в данном контексте можно говорить о соотношении когнитивной и идентификационной функций диалога⁴¹³.

Интеграцию информационных и коммуникативных подходов обеспечивают различные научные концепции и связанные с ними научные открытия. Концепция «одного соседства» С. Морзе, изобретателя одноименной азбуки, легла в основу идеи телеграфа. Концепция «большой деревни» М. Маклюэна и Б. Пауэrsa описывает информационное общество будущего как глобальное взаимосвязанное поселение, в которое превратится мир вследствие установления прямых и перекрестных коммуникативных связей между подавляющим большинством людей⁴¹⁴. Концепция складывающейся «общеевропейской общественности» Ю. Хабермаса легла в основу идеологии интеграционных процессов в рамках Европейского Союза. Идея информационной модели реального общества, изложенная в данном исследовании, с ее потенциальной возможностью превращения в действующую интерактивную систему «больших данных», представляет собой инструментализацию этих концепций с целью создания системы мониторинга (соответственно и оптимизации) социальных процессов в культурно-сложных обществах.

Лавинообразный рост информации приводит к необходимости эффективного управления – не только самой информацией, но и коммуникативными процессами в самых разных аспектах социальности, в том числе смешанных: социально-экономическом, общественно-политическом, социокультурном, этно-религиозном и т. д. Поэтому П. Друкер объявил о начале следующей информационной революции – революции концепций: «До сего дня, в течение уже пятидесяти лет, информационная революция была сосредоточена на данных – их сборе, хранении, передаче, анализе и представлении. Она сосредоточилась на букве “Т” в ИТ. Следующая же информационная революция задает иной вопрос: “Каков **смысл** информации, и в чем ее **назначение**?” Это приводит к переопределению задач, которые должны исполняться с помощью информации, а затем и к переопределению институтов, исполняющих эти задачи»⁴¹⁵.

Социальная коммуникация имеет свою цель – получение или обмен информацией, и свои особые основания – экономические, нормативные (правовые), лингвистические (языковые) и др. Поэтому некоторые исследователи выделяют в информационно-коммуникационном подходе такие аспекты, как информационно-знаковый, ценностно-нормативный и конструктивно-деятельностный⁴¹⁶. Как отмечал А. Б. Курлов, коммуникация может быть представлена и как «деятельность людей по деформации, реформации или трансформации общественных отношений, обусловленных характером материального и духовного производства и соб-

⁴¹³ См.: Ионов И. Н. Идентификационная, коммуникативная и когнитивная составляющие цивилизационных представлений // История и современность. 2007. № 2. С. 79–116.

⁴¹⁴ McLuhan, Marshall; Powers, Bruce. The Global Village: Transformations in the World Life and Media in the 21st Century. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1989. See also: Eriksson, Kai. Communication in Modern Social Ordering. History and Philosophy. N.Y.: Continuum, 2011. P. 1–2.

⁴¹⁵ Drucker, Peter F. The Next Information Revolution // Forbes ASAP, August 24, 1998. P. 1.

⁴¹⁶ Петрова Л. Р. Коммуникация как элемент системы общественных отношений: информационно-коммуникационный подход // European Social Science Journal. 2013. № 4(32). 2013. С. 260.

ственно процессом коммуникативных взаимодействий в обществе, таким образом, в структуре этой дефиниции выделяется субъектная деятельность, детерминированная потребностями личности в социальной коммуникации»⁴¹⁷.

В настоящее время в мировой науке ведется разработка принципов, условий и требований для дальнейшей инструментализации информационных и коммуникативных подходов. Пожалуй, наиболее масштабной, сложной и актуальной на сегодня остается проблема формализации и ранжирования информации, объективного различения рациональных и эмоциональных форм коммуникации, превращения исторических сведений в формат проверяемого исторического знания, системного представления его в цифровой форме «больших данных», с доступом к источнику информации не только на языке первоисточника, но и в виде его точного цифрового изображения высокого разрешения. Это одно из важнейших направлений работы межинститутского семинара на базе ИВ РАН «Теория и методология истории: информационные и коммуникативные аспекты», который объединяет историков (включая историков-востоковедов) и специалистов по ИКТ.

Для программируемого масштабирования фокусов анализа от микроистории до макроистории со всеми промежуточными градациями по выбору исследователя или пользователя определяются категории значимости исторического знания, которым в рамках ранжирования информации присвоены численные значения: «вселенского значения (сверх-важное, ранг 0); всемирно-исторического (очень важное, ранг 1); континентального значения (достаточно важное, ранг 2); регионального значения (важное, ранг 3); государственного значения (относительно важное, ранг 4); провинциального значения (средней важности, ранг 5); районного значения (маловажное, ранг 6); местного значения (достаточно неважное, ранг 7); группового значения (неважное, ранг 8) личного значения (ничтожное, ранг 9)»⁴¹⁸.

Для фиксации приблизительных датировок (например, полученных с помощью палеографического или радиоуглеродного методов) предлагается использование вероятностных методов алгебры интервалов с нечеткими границами, пространственных данных – точных географических координат, коммуникативных действий субъектов истории – вектора (пространственного интервала), на основе которого можно строить пространственные пути (маршруты) любой сложности.

Для верификации информации друг с другом сопоставляются данные всего круга синхронных (византийских, арабских, сирийских и др.) источников, эти данные критически перепроверяются, в том числе, на основании данных физической географии (ландшафта, климата, расстояний, караванных путей, горных проходов) и других доступных данных. Например, гипотетическая датировка описанного в источнике события о том, что «арабский флот захватил остров Лемнос» в 903 г. (А. А. Васильев) или весной 903 г. (Р. Дженкинс) оценивается как скорее достоверная (0,6), а вот гипотеза Р. Дженкинса о том, что византийский «император Лев VI послал Самону с тайной миссией к арабам» определяется как вполне недостоверная (0,2), поскольку она не поддерживается другими фактами византийско-араб-

⁴¹⁷ Курлов А. Б. Основы теории коммуникации: учеб. пособие. Уфа: РИО БашГУ, 2002. С. 8.

⁴¹⁸ Быстрицкий Н. И., Кузенков П. В. Подходы к формированию и анализу свода данных по истории Византии // Византийский временник. 2019. Т. 103. С. 22–23.

ских отношений того времени⁴¹⁹. Понятно, что перевод исторического знания в формат цифровой информации займет очень много времени и потребует усилий большого числа историков. Как представляется, в результате этого процесса формы репрезентации прошлого могут существенно трансформироваться.

Теоретические основоположения, методология и конкретные методы многомерного подхода, содержание которых раскрывается в следующих главах этой книги, категориально согласованы с общими и системными методами коммуникативного анализа и многомерного статистического анализа, а также цифровыми методами и инструментами; сегодня они применяются преимущественно только в экономической истории, квантитативной и коммуникативной истории, исторической информатике, цифровой истории и цифровых гуманитарных науках. Это именно те науки, которые обеспечивают высокую степень верифицируемости научных результатов, придерживаясь золотой середины между крайностями классического историзма и историцизма.

2.4.5. Методы многомерной статистики и их возможности в историческом исследовании

Количественные (математические) методы и прежде всего **многомерная статистика** используются сегодня не только в исторической информатике и в экономической истории, в моделировании сложных экономических систем, с упором на социально-экономические аспекты, а также на возникающие проблемные ситуации, но и в археологии, лингвистике, исторических реконструкциях для симуляции событий прошлого⁴²⁰. Только за последние годы появились исследования, в которых анализируется жизнеспособность различных системных теорий, в том числе теории самореферентных систем Лумана⁴²¹, высказываются критические замечания, относящиеся к различным проблемам системной теории, в том числе с точки зрения телеологии⁴²². С другой стороны, делаются попытки обеспечить когерентные средства описания всех систем, в том числе социальной и информационной⁴²³.

По мере усиления «цифрового поворота» в науках интерес к этим методам будет только усиливаться, несмотря на критику по поводу их чрезмерного сциентизма, потому что по мере цифровизации науки актуализируется также и **проблема повышения качества исследований**. На наш взгляд, на серьезное продвижение в этом направлении в ближайшее время рассчитывать не стоит. На существующем крайне неудовлетворительном уровне доступности и качества «больших данных» возможности приложения многомерной статистики к историческому исследова-

⁴¹⁹ Быстрицкий Н. И., Кузенков П. В. Подходы к формированию и анализу свода данных. С. 25–26.

⁴²⁰ Bellomo, Nicola; Marsan, Giulia A.; Tosin, Andrea. Complex Systems and Society: Modeling and Simulation. Springer, 2013. P. 11–32.

⁴²¹ Vermeer, Hans J. Luhmann's "Social Systems" Theory. P. 5.

⁴²² См., например: Critical Issues in Systems Theory and Practice / ed. by Keth Ellis, Amanda Gregory, Bridget Mears-Young, Gillian Ragsdell. N.Y.: Springer Science + Business Media, 2013. P. 265–268.

⁴²³ Observing Complexity: Systems Theory and Postmodernity / ed. by W. Rasch, C. Wolfe., Univ. of Minnesota Press, 2000.

нию довольно ограничены, хотя и имеют огромные перспективы в будущем. Ведь точность результатов исследования зависит не столько от самого факта использования количественных методов, сколько от корректности исходных данных, полноты или хотя бы достаточности и симметричности данных в рамках выборки, выбранного метода, конкретных моделей анализа. Выборки должны обеспечить надежную репрезентацию генеральных совокупностей данных. Возможно, именно поэтому на данном этапе усилия специалистов в области цифровой истории и цифрового востоковедения сконцентрированы в основном на двух аспектах: иллюстративном (например, через определение частотности отдельных ключевых слов в исторических источниках) и инструментальном (разработка различных программ) – все это, безусловно, важно, но имеет лишь вспомогательное значение, поскольку не сильно затрагивает наработанные механизмы генерации нового знания.

С другой стороны, количественные методы уже сегодня не только обеспечивают более убедительную трансляцию результатов исследования, подкрепляя выводы автора исследования проверяемыми числовыми данными и визуальным рядом, но и позволяют генерировать новое знание. Использование техники и технических средств для реконструкции фактов и событий прошлого в большей степени соответствует требованиям «перформативного поворота», усиливающим фундамент научной объективности в исторической науке.

Применение методов многомерной статистики потребует от исследователя получения дополнительных знаний и компетенций. Заслуженной наградой за освоение математических методов будет прогресс в области сбора данных, формализации знания и на этой основе существенное повышение степени достоверности научных результатов, особенно при изучении Новой и Новейшей истории, не говоря уже об актуальных проблемах современного развития. Это к вопросу об актуальности (валидности) результатов исследований, полученных в рамках междисциплинарности и трансдисциплинарности, особенно в сфере социогуманитарных наук. Цифровизация источников, архивов и литературы является лишь начальным этапом для дальнейшей работы по использованию цифрового инструментария, на следующих этапах необходимо извлекать новые данные из этих источников с помощью различных методов.

Методы многомерного статистического анализа могут быть весьма продуктивны в исторических исследованиях для изучения различных факторов, которые влияли на развитие событий или явлений в прошлом. Работа по их адаптации к социогуманитарным исследованиям продолжается (С. А. Айвазян, В. А. Бушенков, Г. К. Каменев, И. Г. Каменев, А. В. Лотов, О. Л. Черных и др.), это многообещающая область методологии. Особую ценность имеет использование многомерной статистики для изучения взаимосвязи между экономическими, политическими, религиозными и иными факторами, которые могут влиять на развитие общества в разные периоды истории. В многомерном системно-коммуникационном анализе эти факторы рассматриваются в рамках отдельных измерений истории, в каждом из которых могут быть свои сочетания различных факторов. Также многомерная статистика позволяет выявлять статистические закономерности в различных исторических источниках, таких как документы, хроники и архивы.

Не до конца использован потенциал методов многомерной статистики для симуляции исторических событий, а именно – для алгоритмов симуляции в качестве инструмента для моделирования и анализа взаимосвязей между различными переменными, чтобы сделать прогнозы или понять, какие изменения в одной переменной могут повлиять на другие переменные. Легче всего многомерному анализу поддаются археологические артефакты. Однако методы пригодны и для работы с системно-сложными социальными системами, в том числе с акцентом на источник социального действия – человека. Множество переменных могут включать в себя возраст, пол, социальное и семейное положение, гражданство и политические предпочтения, конфессию и систему индивидуальных религиозных воззрений, этническую принадлежность и культуру, финансовое состояние и состояние здоровья, уровень образования и другие признаки человека. На уровне взаимодействия людей возникают переменные, характеризующие социальные процессы в целом или в отдельных аспектах развития общества. Для описания исторического измерения социальных действий людей добавляются дополнительные переменные, в первую очередь хронология. Чтобы увидеть всю картину в целом, необходимо построить диаграмму рассеяния, а при наличии переменных больше двух без многомерной системы координат не обойтись.

Поскольку многомерный подход использует логику различения Лумана, которую он также называл дифференциацией, привлечение метода **линейного дискриминантного анализа** для изучения различных типов и форм коммуникаций совершенно органично. Метод используется в статистике, распознавании образов и машинном обучении для нахождения линейной комбинации признаков, которая характеризует или разделяет два или больше классов объектов или событий и, таким образом, отвечает за решение задач различения (дискриминации) объектов наблюдения по определенным признакам. В многомерном подходе может быть использован для классификации признаков на объективные и интерпретативные, надежные и ненадежные, правдивые и ложные.

Изучение совокупностей объектов и их признаков, в том числе бинарных и непрерывных – невозможно без **кластерного (таксономического) анализа**. Например, в информационной модели коммуникативного мира конкретного *Ego* будут четко видны отдельные скопления людей, связанные с ним и между собой наиболее тесными коммуникативными связями. Это кластер семьи и самых близких родственников, с которыми поддерживается коммуникация. Отдельный кластер составят коллеги или сослуживцы *Ego* – они будут отличаться тем, что помимо связей с ним лично они будут иметь связи еще и друг с другом. Кластеризации коммуникативных связей не избежать при создании моделей союзов сельских общин – визуализация покажет энное число слабо связанных друг с другом кластеров, имеющих плотные внутренние связи.

Многомерность часто путают с многофакторностью, что далеко не одно и то же (поскольку в одном онтологическом измерении можно выделить большое множество факторов), при этом по своему значению они достаточно близки. **Метод факторного анализа** направлен на поиск независимых скрытых переменных, используется в машинном обучении. Он имеет дело с ненаблюдаемыми внут-

ренными параметрами и свойствами, которые обнаруживаются по косвенным признакам. Метод, ориентированный на корреляцию, применяется для выявления структуры данных, скрытых конструктов или факторов (обозначаемых при создании алгоритмов машинного обучения как «черный ящик»), а также тогда, когда целью исследования является причинно-следственное моделирование.

Не все методы подходят для изучения социальных процессов в истории, некоторые из них могут использоваться для решения прикладных задач. **Корреляционный анализ** позволяет определить коэффициент корреляции, оценивающий взаимосвязь между переменными. Изменение одних переменных под влиянием других оценивает **многомерный дисперсионный** (ANOVA – Analysis of Variance / MANOVA – Multivariate Analysis of Variance) и **регрессионный анализ** (оценивает взаимосвязи между переменными). Для нелинейного уменьшения размерности, а также сравнения переменных используется **многомерное шкалирование**. Такое сравнение отличается от описательного сопоставления объектов изучения по отдельным выбранным признакам, поскольку мы получаем машиночитаемый результат, который можно проверить программными средствами.

Для изучения элементов (компонентов) систем используется **компонентный анализ** (PCA – Principal components analysis). Это многомерный статистический **метод снижения размерности**, применяемый для изучения взаимосвязей между значениями количественных переменных.

2.4.6. Инструменты многомерного моделирования

Современный инструментарий для построения многомерных моделей социальных систем достаточно обширен. Он включает в себя как методы, так и программные средства, которые постоянно обновляются. По мере появления новых технологий некоторые успевают устареть. Мы отобрали некоторые наиболее удобные и доступные инструменты, пригодные для построения моделей. Такие инструменты, как вычислительные модели социальных форм, предлагаемые теорией порождающих процессов⁴²⁴, мы оставляем за пределами внимания как мало-доступные и недостаточно апробированные в отечественной науке.

В гуманитарных науках хорошо зарекомендовал себя такой экспериментальный метод, как **социометрия**, которая была разработана Дж. Л. Морено для анализа политических ориентаций⁴²⁵. Познавательные возможности социометрии, которая специально была разработана для измерения переменных в социальных системах, могут быть расширены и распространены на все измерения социальности и культуры, а также использованы для моделирования системы коммуникаций *Ego* с учетом его неформальных и формальных связей и отношений, симпатий и антипатий, т. е. мотиваторов и демотиваторов социальных интеракций.

⁴²⁴ См.: Cederman, Lars-Erik. Computational Models of Social Forms: Advancing Generative Process Theory // American Journal of Sociology. 2005. Vol. 110. No. 4. P. 846–893.

⁴²⁵ Moreno, Jacob L. Sociometry, Experimental Method and the Science of Society: An Approach to a New Political Orientation. N.Y.: Beacon House, 1951.

На микротeorетическом уровне анализа социальных действий (поведения) конкретного индивида и его социальных связей используются **социограммы** различных классов, складывающихся в единую социальную матрицу (*sociomatrix*). В многомерной проекции социометрия позволяет устанавливать не только структуру, но и характер коммуникативных связей индивида, а также сложившиеся на их основе отношения. В этом смысле метод, объясняющий социальные конфликты несопадением микроструктуры круга общения индивида и макроструктуры общества, можно отнести к числу реляционных.

В историческом познании социометрия, как правило, системно не использовалась, хотя выявление лидеров социальных выступлений или движений, движущих сил истории, отношений между членами правящих династий, расстановка противоборствующих сил всегда были в центре внимания историков. Метод позволяет измерить, например, степень сплоченности племени, которую Ибн Халдун называл *عصبية* 'асабия ('социальная солидарность'), если известны факты о взаимоотношениях отдельных членов племени между собой: в этом смысле благодаря жизнеописаниям пророка Мухаммада и хадисам хорошо задокументирован период раннего ислама в Аравии.

Возрастание сложности «больших данных» за последние годы, обусловленное различными причинами, в первую очередь увеличением объемов производства больших данных, в частности, в связи с развитием социальных сетей, делает инструментом практической реализации коммуникативных моделей **метод сетевого анализа** (*Network analisys*), который относится к числу реляционных. Социальные структуры рассматриваются в качестве системы узлов (отдельных действующих лиц, людей или предметов в сети) и связей, отношений и взаимодействий, которые их связывают. Они визуализируются с помощью социограмм различного цвета, в которых узлы представлены в виде точек, а связи – в виде линий. Каждое измерение выделяется своим цветом.

Сетевой анализ включает в себя и **анализ социальных сетей**, а также **анализ исторических социальных сетей** (*HSNA – Historical social network analysis*). Метод давно и успешно используется в исторических исследованиях, в том числе и в отечественной историографии (Л. И. Бородкин, А. В. Владимирова и др.)⁴²⁶. Он относится к числу линейных статистических методов, нацеленных на поиск связей и отношений между разрозненными явлениями, фактами, объектами от масштаба микроуровня до макроуровня анализа. Метод использует реляционный подход к анализу материала, что позволяет получить более точную, адекватную реальности картину произошедшего. Ч. Уэзерелл сетует на то, что концептуальная ориентация специалистов, практикующих анализ исторических социальных сетей (*HSNA*), остается незнакомой большинству профессиональных историков. А между тем, несмотря на концептуальные, методологические и доказательные препятствия, такой анализ обладает реальным потенциалом для изучения истории⁴²⁷.

⁴²⁶ Бородкин Л. И. Сетевой анализ в исторических исследованиях: микро- и макроподходы // Историческая информатика. 2017. № 1. С. 110–124.

⁴²⁷ Wetherell, Charles. Historical Social Network Analysis // New Methods for Social History / ed. by Larry J. Griffin, Marcel van der Linden, Josepha Sherman. Cambridge, N.Y.: Press Syndicate, 1999. P. 125–144.

Для визуализации связей и отношений в коммуникативных системах сетевой анализ использует элементы и инструментарий **сетевой теории и теории сетей**, включая **теорию графов**, а также конкретные сетевые методы исследования. Так, разнопорядковые сети изучаются с помощью сетевых метрик и иерархических схем **кластеризации**. В настоящее время широко доступно программное обеспечение для хранения, обработки и анализа сетевых данных, прежде всего: UNISoN – инструмент для анализа социальных сетей, NetworkX – набор инструментов для создания, манипулирования, анализа и визуализации графиков; NetMiner – программа для анализа и визуализации больших сетевых данных, включая **семантический сетевой анализ** (*Semantic network analysis*) из семейства коммуникативных, с его помощью можно анализировать значительные массивы текстового материала; Gephi – интерактивная платформа визуализации и исследования для всех видов сетей и сложных систем, динамических и иерархических графов; GraphStream, Graph-tool и Graphviz – программные средства, из которых первое используется для создания статических и динамических графиков, второе – для их анализа, а третье – для визуализации результатов анализа; AllegroGraph – транзакционная база данных, позволяющая хранить связанные данные в формате RDF.

В моделировании коммуникативных систем большим потенциалом обладает также метод **линейного анализа**, позволяющий описывать направленные зависимости среди множества переменных и сопоставлять наблюдаемые данные с причинной моделью. При этом используются линейные модели, эквивалентные любой форме множественного анализа – регрессионного, факторного, линейного дискриминантного анализа, а также более общие семейства моделей в различных формах дисперсионного анализа и ковариационного анализа. Для моделирования, анализа и визуализации реляционных данных используются такие программные средства, как JUNG, NOESIS (сетевая ориентированная система исследования, моделирования и индукции) и др.

Познавательный потенциал методов **многомерного статистического анализа**, как и **коммуникативного анализа**, расширяется при использовании их на основе основоположений многомерного подхода и принципов системно-коммуникационного анализа. Во-первых, из-за нового понимания многомерности социальности и культуры, истории и человека. Во-вторых, из-за возможности использовать их для изучения и истории, и современных социальных процессов: в конце концов, если вернуться к социологизму Дюркгейма, история целиком состоит из свершившихся социальных фактов.

Отдельного внимания заслуживают возможности **алгоритмов машинного обучения** и особенно **инструментов нейролингвистического программирования** (NLP) для изучения наблюдаемой динамики социальных взаимодействий в многомерных моделях. Например, в 2020 г. были завершены продолжительные исследования в области социальных наук, которые выявили десять фундаментальных измерений разговоров и отношений, обеспечивающих концептуальные блоки для описания природы человеческих отношений. Инструменты NLP были обучены обнаруживать присутствие этих типов взаимодействия в разговорах затем применили их к многомиллионному массиву сообщений из БД Reddit, имевших гео-

графическую привязку, БД *Enron* и БД диалогов из фильмов. Система автоматически определяет, хотя и в самом общем виде, различные типы отношений между людьми (конфликтующие vs поддерживающие), а также различные типы реальных сообществ («процветающие», «доминирующие» vs «угнетенные», «зависимые»)⁴²⁸.

* * *

Разбор разнородных источников показывает, что по мере развития цифровых инструментов понятие многомерности постепенно смещается с периферии в центр внимания исследователей. Речь идет не только о совокупности методов статистического анализа и многомерного моделирования, роль и значение которых постепенно растут и в гуманитарных науках, но и об уровнях социокультурного анализа. При этом серьезных попыток обосновать многомерность как объективный и естественный интегратор различных методологий в рамках пространственного «поворота», и тем более как интегратор эпистемологических «поворотов» истории и других «наук о культуре» до сих пор не предпринималось.

Многомерность изначально опирается на принципы системности, без которых она теряет свой познавательный потенциал. В то время как в отечественной историографии системная теория получила свое дальнейшее развитие главным образом в рамках тех подходов, которые их оппоненты причисляют к историцизму – Мир-системе, синергетике, клиометрике, они показали впечатляющие результаты в западной социологии, антропологии и культурологии, позволив создать на основе концептуализации человеческой коммуникации целостные системные теории общества, учитывающие также и рациональную рефлексия человека. Однако западными по своему происхождению в полном смысле слова называть эти влиятельные социальные теории нельзя: без творческого наследия Питирима Сорокина, скорее всего, не было бы социетальной теории Толкотта Парсонса, а без культурологических идей Николая Бахтина – теории коммуникативного действия Юргена Хабермаса. Без А. А. Богданова не было бы Иммануила Валлерстайна. Фундаментальная наука, как и фундаментальные идеи человечества, не имеет границ.

При разработке любого макротеоретического подхода, нацеленного на понимание системной сложности формирующихся информационных обществ и их коммуникаций, помимо системных, особое значение имеют коммуникативные и информационные теории. В эпоху цифровых технологий и машинного перевода, стирающего барьеры между культурами, коммуникация оказывается в центре внимания. Понятия «информационная теория» и тем более «теория информации» являются слишком обширной областью науки, поэтому основное внимание было уделено тем информационным теориям, которые имеют прямое отношение к социальным коммуникациям в прошлом и настоящем, создающим историю и культуру.

⁴²⁸ Choi, Minje; Aiello, Luca M.; Varga, Krisztián Z.; Quercia, Daniele. Ten Social Dimensions of Conversations and Relationships // WWW '20: Proceedings of The Web Conference 2020. April 2020. P. 1514–1525.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВОПОЛОЖЕНИЯ МНОГОМЕРНОГО ПОДХОДА

Оригинальные теоретико-методологические основоположения как «точки сборки» нового интегративного подхода определяют его особенности и преимущества перед другими стратегиями исторического познания. Достижение принципиально важной задачи измеряемости и верифицируемости проявлений социальности и культуры в системно-коммуникационном анализе невозможно без выхода на многомерный (N-мерный) уровень теоретико-методологического осмысления непосредственных источников данного подхода – системных и информационно-коммуникационных. Теория в первую очередь есть объяснение, но такое объяснение, которое заставит методологию работать в сфере реальной практики исследований.

Оставаясь в предметной области исторической науки, основоположения научного подхода являются своего рода строительными блоками для создания качественно иной, пространственной объяснительной платформы, которая позволит обрабатывать любую научную информацию о прошлом с помощью проверенных методов многомерного и коммуникативного анализа, цифровых методов и программных средств. Взаимное согласование известных и самодостаточных теорий явно недостаточно для достижения поставленных целей; нужны такие теоретико-методологические основания, которые не только не противоречат, но и взаимно усиливают друг друга, создавая новое познавательное пространство для исторического исследования.

Теоретико-методологические основоположения многомерного подхода непосредственно вытекают из системного понимания многомерности человека, истории и социокультурной реальности, а также интерактивности, раскрывающей возможности транссубъективного познания реальности, мульти-, меж- и трансдисциплинарности, существенно расширяющих познавательные горизонты гуманитарной науки. Многомерность коммуникации раскрывается на разных плоскостях, которые определяются любым выбором взаимосвязанных социальных измерений, с помощью счетных и оцениваемых по определенной мерной шкале коммуникативных связей и специфических по содержанию (общественных, политических, этнических или религиозных) коммуникативных отношений, т. е. рассматриваемых в призме социальных измерений истории и человека. Перекрестный принцип истории обеспечивает многомерности множественный фокус анализа, а трансдисциплинарный принцип – возможность системной интеграции знания вне зависимости от дисциплинарных границ на первичном уровне элементов систем.

Использование принципа транссубъективности непосредственно вытекает из принципа многомерного понимания системного (социального) времени – познание внешнего опыта должно учитывать различия между системным, субъективно ощущаемым временем, связанным со средой, эпохой, культурой, и объективным астрономическим временем, особенно в кросскультурных исследованиях, в которых системное время субъекта познания и субъекта действия в истории (объекта познания) не совпадают. Это также требование «нового историзма».

3.1. КОММУНИКАТИВНЫЕ СВЯЗИ И ОТНОШЕНИЯ ВМЕСТО ДИАЛЕКТИЧЕСКИХ

Информационные подходы, к числу которых относится многомерный, с присущей им беспристрастностью требуют определенности предмета и объекта изучения, корректности данных для их классификации и хранения в единой информационной базе данных. Это актуализирует стремление к максимально возможной четкости границ предмета и объекта изучения, а также отдельных аспектов объекта, выделение мерных единиц научного анализа, в том числе социальности и культуры, обеспечение прозрачности устойчивых внутренних и внешних связей объекта изучения, в том числе путем визуализации и описания его системной сложности, установление трансдисциплинарных перспектив изучения предмета исследования с разных сторон, преодоление лакун и «черных ящиков» посредством анализа внешнего опыта с помощью транссубъективного включенного наблюдения, достижение объемности и верификации (и тем самым большей объективации) научного знания.

Ключевыми категориями изучения коммуникации как социального взаимодействия – источника культуры и соответственно истории, – являются **социальные связи и отношения**, которые можно представить как связи и отношения внутри общества как некоторой генеральной совокупности субъектов **коммуникативного действия**. По Хабермасу, коммуникативное действие людей как раз и создает культуру.

Долгое время историческая наука, отчасти и «Школа Анналов», находясь под влиянием исторического материализма, придавала большое значение производительным силам и производственным отношениям и использовала для их изучения категории диалектической связи и диалектических отношений. Коммуникативное действие шире действия производительных сил: не все социальные действия являются производительными. Категория диалектической связи является философской, так же как и категория диалектических отношений, они удобны для философского дискурса, но бесполезны в информационной системе знания, где требуется верификация больших данных. Диалектическая связь и тем более диалектические отношения неверифицируемы по определению. В условиях современного развития науки, когда еще не решена проблема формализации эмпирических данных, например совершенно реальных кровнородственных связей и отношений, перспективы формализации философского диалектического метода в качестве инструмента исторической информации или информационной истории выглядят утопическими. А между тем у нас есть идеальный инструментарий, который может быть использован для изучения социальных связей и отношений вместо диалектики – это категории **коммуникативной связи и коммуникативных отношений**.

Для того чтобы ввести в исследовательское поле исторического знания категории коммуникативной связи и коммуникативных отношений взамен философских категорий диалектической связи и диалектических отношений, необходимо завершить предметное разграничение философского уровня осмысления истории от собственно теоретического уровня самой исторической науки. С нашей точки зрения, наилучшим образом эту задачу решает фундаментальное различие диалектики и коммуникации.

3.1.1. Предметное отделение теории и методологии истории от философии истории как проблема исторической эпистемологии

Поскольку теория исторического познания разрабатывается и философией, и историей, по убеждению М. А. Барга, в ней следует различать два уровня – философский и предметно-теоретический¹. Этот кажущийся простым и понятным тезис, совершенно логичный и вполне очевидный, тем не менее долго утверждался в теории и философии истории. Барг сетовал на то, что разграничение этих двух уровней в зависимости от познавательных целей и задач все еще остается недостаточным, так же как и определение соотношения между ними². Разграничение философского и предметно-теоретического уровней рефлексии имеет принципиальное значение для замены абстрактных философских понятий диалектической и трансцендентальной связи на предметно-теоретическое понятие коммуникативной связи, ключевое для совершенно предметного и конкретного многомерного подхода.

¹ Барг М. А. Категории и методы исторической науки. С. 3.

² Там же. С. 8.

Безусловно, каждая наука имеет свое философское обоснование и соответственно цель и предназначение; по мнению В. С. Стёпина, это связано с включением научного знания в культуру³. При этом философия сама представляет собой рефлексию над основаниями культуры⁴. Философские основания гуманитарных наук нашли свое выражение в формировании самостоятельных научных дисциплин: философии права, философии математики и др. Свои философские основания имеет и сама философия, которую Г. Е. Струве вслед за Ф. Кёппеном назвал «философией философии»⁵, а Т. И. Ойзерман – метафилософией, или теорией философского знания⁶.

До первой половины XX в. разработкой методов научного, в том числе исторического познания занималась почти исключительно философия. Поэтому Марк Блок, фактически основавший с Люсьеном Февром «Школу Анналов», часто называл себя «ремесленником», не претендуя на высокий статус философа, именно в попытке отмежеваться от чрезмерно широких философских подходов истории⁷. Сегодня ситуация в корне изменилась: в процессе углубления предметной специализации теория и методология истории окончательно отделились от философии истории, хотя она и остается, по образному выражению Блока, «неким фрагментом всеобщего движения к знанию»⁸. Тем не менее родовые травмы теории истории, сохранившиеся у нее от продолжительных и крепких объятий философии истории, все еще дают о себе знать.

Философские и теоретико-методологические основания истории

Философия истории – это научная дисциплина, использующая субъективно-предметные, экзистенциальные методы для максимально широкого объяснения и понимания первоначал исторического бытия, которые являются и началами исторического сознания. Историки, привыкшие иметь дело с конкретными фактами, не всегда принимают как факты широкие философские обобщения. А. Хеллер даже задалась вопросом о соотношении смысла и исторической правды в истории и философии истории⁹. У философии истории, которую нередко отождествляют с историософией и даже совершенно некорректно – с исторической герменевтикой¹⁰, есть своя теория, отличная от теории истории¹¹.

³ Стёпин В. С. Философия науки. С. 204.

⁴ Там же. С. 207.

⁵ Струве Г. Введение в философию. Варшава, 1890.

⁶ Ойзерман Т. И. Метафилософия: Теория историко-философского процесса / Институт философии РАН. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009. С. 71.

⁷ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. С. 15.

⁸ Там же.

⁹ Heller, Agnes. A Theory of History. L. – N.Y.: Routledge, 2016. P. 121.

¹⁰ Рикёр П. Герменевтика, этика, политика / пер. с фр. М.: АО «KAMI», ИЦ «Academia», 1995. С. 3.

¹¹ Малинин В. А. Теория истории философии: учеб. пособие / Ун-т дружбы народов им. Патриса Лумумбы. Кафедра философии. М. [б. и.], 1976.

Среди философов истории, как, впрочем, и среди философов культуры, можно встретить не только собственно философов, но и историков, культурологов, представителей других наук. Некоторые из них благодаря своему выдающемуся вкладу в эти области знания воспринимаются вне дисциплинарных рамок как выдающиеся теоретики и историки-практики (К. Ясперс, А. Тойнби и др.)¹². В рамках философии истории, предмет и задачи которой каждый исследователь определяет по-своему¹³, наибольший интерес у историков вызывают вопросы, касающиеся онтологических и гносеологических оснований истории.

История имеет дело с историческими фактами, образами и проблемами, накопленными историками прошлого, с остатками прошлой жизнедеятельности людей (источниками), с арсеналом их анализа и интерпретаций, философия – с размышлениями, а религия – с верой. Б. Рассел, а вслед за ним и А. А. Гусейнов, определяют философию как ничейную землю, расположенную между наукой и религией¹⁴. Границы этой земли не всегда четко очерчены, поэтому философские дискурсы имеют не меньшее значение, чем научные или религиозные, за исключением, пожалуй, научных (прежде всего научно-технических) революций. К. Ясперс обосновал и ввел в общественные науки понятие «философской веры» (*der philosophische Glaube*)¹⁵, которое имеет самое прямое отношение к гносеологии – из-за невозможности эмпирически, или экспериментально (физически), а не экзистенциально, т. е. метафизически, решить основную проблему философии в ее материалистическом понимании. Если в Средние века философия была «служанкой богословия»¹⁶, то на исходе Нового времени она стала «служанкой науки». После Гегеля философия сама превратилась в науку. Сартр показал, почему это произошло: знание у Гегеля возведено «в наивысший ранг; оно не ограничивается рассмотрением бытия извне, а включает его и растворяет в себе: дух беспрестанно объективируется, отчуждает себя и возвращается к себе вновь, он осуществляет себя через свою собственную историю»¹⁷.

В наше время споры между наукой и религией несколько приутихли. Как отметил Б. Рассел, в целом они достигли видимого примирения по наиболее важным проблемам, волнующим человечество: «ученые скромно допускают существование областей, выходящих за пределы науки, а либеральные теологи признаются, что не рискнут отрицать доказанное наукой»¹⁸. Многомерный подход, будучи

¹² Sreedharan, Elattuvalapil. A Manual of Historical Research Methodology. С. 329.

¹³ См.: Данто А. Аналитическая философия истории; Семенов Ю. И. Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М.: Современные тетради, 2003; Ильин В. В. Философия истории. М.: Изд-во МГУ, 2003.

¹⁴ При этом философия остается для них непроницаемой зоной, «ее нельзя освоить ни средствами науки, то есть познать, ни средствами религии, то есть вымолить». См.: Гусейнов А. А. Философия – мысль и поступок: Статьи, доклады, лекции, интервью. СПб.: СПбГУП, 2012. С. 35.

¹⁵ Jaspers, Karl Th. Der philosophische Glaube angesichts der Offenbarung. Munich: R. Piper, 1962; Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. С. 443–445.

¹⁶ Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В. С. Стёпина. М.: Мысль, 2001.

¹⁷ Сартр Ж.-П. Проблемы метода. С. 9.

¹⁸ Подробнее об этом см.: Russell, Bertran. Religion and Science. Oxford: Oxford Univ. Press, 1961.

одной из прикладных информационных теорий постсекулярной цифровой эпохи, наряду с научным историческим знанием, в равной степени учитывает и религиозные представления об истории, религиозно-теологическое знание и науки, определяя для них разные ячейки в структуре информационной системы знания и обеспечивая взаимосвязь научного знания с религиозным и другими видами символического знания.

Начало развития философии истории связано с общими и частными философскими подходами, такими, например, как «история причины» Канта¹⁹, диалектическая теория истории Гегеля²⁰, исторический и диалектический материализм Маркса²¹; в целостном виде ее представил Гегель в своей «Философии истории». Соответственно круг тем этой научной дисциплины так или иначе был связан с философией – прежде всего с сущностью, природой и значением истории²², ее ценностями²³, идеализмом и онтологией в ее практике²⁴, идеей прогресса и цели истории²⁵, концептом исторического мышления²⁶. Новые философские подходы развивают понятия неоднозначности и дискурсивности истории²⁷, противопоставляют эпистемологическую философию истории нарративной²⁸. Аналитическая философия истории изучает влияние формы исторического сознания на его содержание²⁹. Особое место среди них занимает философия коммуникации, которая разрабатывается в Массачусетском технологическом институте – это не столько «философия языка», сколько амбициозная попытка философского осмысления фактора коммуникации в самих основаниях формирования социаль-

¹⁹ Yovel, Yirmiyahu. Kant and the History of Reason // Philosophy of History and Action: Papers Presented at the First Jerusalem Philosophical Encounter. December 1974 / ed. by Yirmiah Yovel. Dordrecht – Boston – L.: D. Reidel Publishing Company / The Magnes Press of the Hebrew Univ., 2012. P. 115–132.

²⁰ Becker, Winfried. Demokratie und die dialektische Theorie der Geschichte // Philosophy of History and Action Papers Presented at the First Jerusalem Philosophical Encounter. December 1974. P. 177–200.

²¹ D'Hondt, Jacques. Marx et les leçons de l'histoire // Philosophy of History and Action: Papers Presented at the First Jerusalem Philosophical Encounter. December 1974. P. 159–176.

²² Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. С. 4–67; Полторацкий Н. П. Бердяев и Россия: философия истории России у Н. А. Бердяева. Нью Йорк: Общество друзей русской культуры, 1967; Kissinger, Henri A. The Meaning of History: Reflections on Spengler, Toynbee and Kant. Boston: Harvard Univ. Press, 1951; Nash, Roderick H. The Meaning of History. Broadman & Holman, 1998; Hunter J. F. M. On Whether History has a Meaning // Objectivity, Method, and Point of View: Essays in the Philosophy of History / ed. by W.J. van der Dussen, Lionel Rubinoff. Leiden – N.Y. – København – Köln: E. J. Brill, 1991. P. 87–96 и др.

²³ Stern, Alfred. Philosophy of History and the Problem of Values. The Hague, Mouton, 1962; Pompa, Leon. Value and History // Objectivity, Method, and Point of View. P. 112–132.

²⁴ Krausz, Michael. Ideality and Ontology in the Practice of History // Objectivity, Method, and Point of View. P. 97–111.

²⁵ Бердяев Н. А. Смысл истории. С. 145–161.

²⁶ Rüsen, Jörn. Western Historical Thinking as Intellectual Discourse // Western Historical Thinking : An Intercultural Debate / ed. by Jörn Rüsen. N.Y. – Oxford: Berghahn Books, 2002. P. 1; Rubinoff L. Introduction: W. H. Dray and the Critique of Historical Thinking // Objectivity, Method, and Point of View. P. 1–11.

²⁷ Boucher, David. Ambiguity and Originality in the Context of Discursive Relations // Objectivity, Method, and Point of View. P. 22–46.

²⁸ Fell, A.P. 'Epistemological' and 'Narrativist' Philosophies of History // Objectivity, Method, and Point of View. P. 72–86.

²⁹ Данто А. Аналитическая философия истории.

ности и культуры, а также самой философии: философствовать означает коммуницировать по-философски³⁰.

Для историка каждый из разделов философии имеет разное значение, так же как и ее методы. Например, метод познания окружающего мира с помощью размышления, который практикует философия, в исторической науке совершенно неприемлем, в то время как историк не может обойтись без философии истории, все большедвигающейся от размышлений о конечном смысле человеческой истории в сторону философского обобщения исторических явлений. Однако при этом теория и методология самой истории как науки не должны смешиваться с философией истории и ее методологией. Здесь, очевидно, нам следует отказаться сразу от двух противоположных крайностей: с одной стороны, предметом дискуссий становилась сама возможность существования у истории собственной философии³¹, а с другой – высказывались сомнения в необходимости теории истории, отличной от философии истории. Так, говоря о методологических проблемах новейшей истории и истории современности, Л. К. Рябова прямо сводит теорию истории к ее философии³². А между тем М. М. Бахтин и вслед за ним Л. А. Микешина отличают теоретическую природу эпистемологии от собственно философской³³.

Границы между философией гуманитарной (в широком смысле) науки и ее теорией не всегда очень четкие, что часто ведет к некоторой путанице и некорректным отождествлениям. С другой стороны, много междисциплинарных исследований ведется на стыке философии и теории гуманитарной науки, поэтому они могут быть определены в рамках сразу нескольких дисциплин. Коммуникативные исследования обычно определяются как философские, находящиеся между герменевтикой и постмодернизмом³⁴, хотя ни коммуникативная история, ни история коммуникаций ничего общего с философией не имеют. Часто некорректные отождествления разных дисциплин связаны с междисциплинарным характером применяемого метода: коммуникативный подход, который Хабермас впервые приложил к истории, успешно используется в социологической науке, образовательном процессе, особенно для изучения иностранных языков, в компьютерных науках (в нейролингвистическом программировании). Исследования Лумана усилили социологические аспекты коммуникативных исследований. В цифровой истории также существуют свои коммуникативные методы преподавания истории, в том числе в дистанционном режиме.

Между теорией и методологией истории, с одной стороны, и философией истории – с другой, существует теснейшая связь – настолько тесная, что П. Г. Щед-

³⁰ Philosophy of Communication / ed. by Brian G. Chang, Garnet Butchart. Cambridge, MA: The MIT Press, 2012.

³¹ Panel discussion: Is a Philosophy of History Possible? // Philosophy of History and Action. P. 219–240.

³² Рябова Л. К. О методологических проблемах изучения новейшей истории и истории современности // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 8.

³³ Бахтин М. М. К философии поступка. С. 155. Микешина Л. А. Значение идей Бахтина для современной эпистемологии. С. 220.

³⁴ Алексеев П. В., Панин А. В. Философия: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Проспект, 2003. С. 136.

ровицкий, рассуждая о метаметодологии, прямо отождествил методологическое мышление с философским и противопоставил их предметному мышлению: «Предметное мышление может работать с чем-то одним, все остальное соподчиняя этому целому. А философское мышление и методологическое мышление (как одна из линий существования современного философского мышления) принципиально стремятся и пробуют работать с многообразием»³⁵. Философия истории, с тематикой которой неизбежно приходится иметь дело и историку, занимает среди гуманитарных дисциплин уникальное положение, особенно в том ее высоком значении, которое было заложено Гегелем. Используя в построении своих концепций экзистенциальные, т. е. непредметные, методы, зависящие от особенностей восприятия наблюдателя, она дает максимально абстрактные объяснения исторических закономерностей, дополняющие герменевтические интерпретации теории и методологии истории, оставаясь при этом частью философской науки. Однако эти дисциплины, занимающие различные места в классификаторе наук, далеко не тождественны между собой.

Различение теории и методологии

Вопрос о предметном отделении теории и методологии истории от философии истории логически связан также с различиями между теорией и методологией – прежде всего самой истории. Исследователи выделяют в теории систем три уровня: концептуальный, относящийся к теории конкретной науки, методологический и прикладной, представленный методами исследования³⁶. Если следовать этой логике, то теория истории представлена концепциями истории, методология – теоретическими условиями использования методов исследования, а также самими этими методами как прикладным инструментом научного познания прошлого.

Теория и методология представлены не только на общем, но и на отдельных частных уровнях осмысления исторического материала, в том числе на уровне научного подхода. В свою очередь, научный подход состоит из теоретических оснований, методологических принципов и конкретных методов исследования.

В современных исследованиях теория истории представляется и как теория реального исторического процесса, и как теория исторического знания. Эти две версии теории истории сейчас явно отделяются друг от друга: с 1960–1970-х гг. нарастает тенденция к превращению теории исторического знания в ядро методологии истории как особой дисциплины исторической науки; эта рефлексия дошла и до востоковедения. Теория истории продолжает специализироваться на изучении движущих сил и субъекта истории, а также на обосновании принципов изучения истории: выведении этих принципов из философских (мировоззренческих и эпистемологических аксиом) – философско-умозрительные теории исто-

³⁵ Щедровицкий П. Г. Лекция о метаметодологии проектирования // Проектирование. Крым, Новый Свет, июль 2001 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.shkp.ru/lib/archive/second/2001-1/4>. Дата обращения: 18.07.2017.

³⁶ Wilson, Brian. *Systems: Concepts, Methodologies, and Applications*. 2nd ed. N.Y.: John Wiley & Sons Ltd., 1990.

рии, или их обобщения исторического материала – собственно исторические теории истории. Исторический процесс относится к онтологии истории, а историческое знание – к ее гносеологии, соответственно в классической исторической науке теория занимается историческим процессом, а методология – историческим знанием.

Однако, если классическая наука воспринимает гносеологию и эпистемологию как синонимы, то для неклассической философии характерна тенденция к разграничению гносеологии как *теории познания*, изучающей отношение «субъект–объект», от эпистемологии как *теории научного познания*, нацеленной на отношение «объект–знание»³⁷. О методологически важной для темы исследования дистинкции между знанием (*knowledge*) и познанием (*knowing*) писал Т. Парсонс³⁸. В более полном виде его подходы отражены в специальном исследовании по социологии знания³⁹. Н. Луман также считал, что системная референция общества делает необходимым переосмысление понятий «познания» и «знания»⁴⁰. В этой системе координат и у исторического процесса, и у исторического знания могут быть свои собственные теоретико-методологические основания.

Теория истории отделяется от методологии истории, которая выступает как основа производства эффективного исторического знания – предпосылочного, аподиктического и знания дисциплинарного, прибавленного. Модели и парадигмы исторического знания, исторические теории и методы исторического исследования (например, перечень ключевых элементов – измерений социальности) включаются в методологию, но верификация методологических подходов осуществляется на примерах не только эмпирических, но и теоретических.

Теория истории – это системно-аналитический инструмент исторической науки, целостная система концепций, понятий, общих принципов и закономерностей истории, основанных на единой логике и методологических подходах. Это рациональное обобщение, объяснение и толкование того, что такое история с точки зрения исторической науки, отражение наиболее ценного опыта реальной практики исторических исследований. Будучи интегративным и диалогическим, многомерный подход связывает теорию зарождающейся цифровой истории с теориями других гуманитарных и социальных наук, а также с различными дискурсами исторического познания. Подобной интегративностью и диалогичностью обладает культуральная теория, поскольку понятие культуры, так же как социальности и коммуникации, универсально⁴¹. Однако коммуникация, в отличие от культуры, измерима, а это чрезвычайно важное различие, имеющее принципиальное значение.

³⁷ Новейший философский словарь / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. М.: Книжный Дом, 1999.

³⁸ Парсонс Т. О социальных системах. С. 765.

³⁹ Parsons, Talcott. An Approach to the Sociology of Knowledge // Transactions of the Forth World Congress of Sociology. Louvain: International Sociological Association, 1959. P. 25–48.

⁴⁰ Луман Н. Истина, знание, наука как система. С. 59.

⁴¹ См.: Zima, Peter V. What is Theory? Cultural Theory as Discourse and Dialogue. L.: Continuum, 2007.

Методология истории гораздо предметнее и конкретнее ее теории: первая определяет принципы и методы исторического исследования, а вторая выявляет самые общие закономерности в разрозненных фактах и событиях и использует их для выявления целостной картины исторической реальности. Методология разрабатывает, постоянно уточняет и совершенствует понятийный аппарат, четко разграничивая семантику каждого термина; формирует методики исторического исследования, которые наилучшим образом позволяют решать поставленные задачи; предлагает принципы критического подхода к источникам и т. д. В рамках востоковедения появляется потребность в интеграции теории и методологии истории с теоретико-методологическими принципами социологии, политологии, экономики, религиоведения, антропологии, других наук для комплексного анализа эмпирических данных с учетом специфики конкретной восточной культуры.

3.1.2. Неизмеримость философских понятий диалектической связи и диалектических отношений, их неверифицируемость для многомерного системно-коммуникационного анализа

Если диалектика, будучи философским методом, широко применяется в классической философии (прежде всего, в диалектическом материализме), то для объяснения эволюции восточных обществ диалектические законы представляются тотально общими и чрезмерно абстрактными. Особенно отчетливо это заметно при изучении исламских обществ, в которых коммуникативные действия конкретных людей и даже мотивация этих действий (намерения людей) четко артикулированы и регламентированы. По мнению Дж. Ритцера, «на самом общем уровне диалектический подход означает акцентирование внимания на социальной *тотальности*»⁴².

В то же время востоковедение, как и историческая наука, не может обойтись без философии истории и современного понимания диалектики, особенно многих ее системных наблюдений. Одним из них является вывод о том, что ни один компонент социальности не может изучаться отдельно, сам по себе, вне связи с другими компонентами. Когда Ж.-П. Сартр писал о диалектике исторического понимания⁴³, он представлял свое как раз философское понимание истории.

Поскольку востоковедение – наука прежде всего эмпирическая, имеющая дело с реальностью, использование абстрактного диалектического метода для анализа совершенно конкретных социальных коммуникаций в восточных обществах, а также их характеристики как диалектических, не позволяет исследователю использовать методы точного (статистического и др.) анализа. Диалектическому методу, действующему на самом высоком, философском уровне осмысления истории, точное описание социального взаимодействия в виде конкретных

⁴² Ритцер Дж. Современные социологические теории. С. 174.

⁴³ Flynn, Thomas R. Sartre, Foucault, and Historical Reason. Volume One: Toward an Existentialist Theory of History. Chicago – L.: The Univ. of Chicago Press, 1997. P. 45.

коммуникативных актов и не требуется, в отличие от гораздо более инструментального многомерного подхода.

Платон, впервые описавший диалектический метод, признавал, что природа этого метода не совсем понятна. Будучи убежденным, что «один лишь диалектический метод придерживается правильного пути: отбрасывая предположения, он подходит к первоначалу с целью его обосновать», Платон тем не менее считал, что «приемы эти (т. е. диалектические. – А.А.) не столь очевидны, как наука, хотя и более отчетливы, чем мнение»⁴⁴. Безусловно, платоновское представление о диалектике существенно отличается от гегелевского, марксистского и неоклассического (в том числе неомарксистского). Признавая, что диалектический метод в его научном понимании получил широкое признание благодаря усилиям Гегеля, особенно после того, как философия сама стала наукой, важно понимать различия между научным историческим познанием и философским познанием истории. О непроницаемости философии и науки в познавательном смысле пишет, в частности, А. А. Гусейнов⁴⁵.

Существует мнение, что принципы системности и историзма генетически связаны с диалектикой, что именно диалектический метод Гегеля позволил ему сформулировать их в своей «Феноменологии духа»⁴⁶. Гегель действительно одним из первых начал философски осмысливать важнейшие аспекты социальности – как общие (в «Философии истории»), так и отдельные (религиозные – в «Феноменологии духа», правовые – в «Философии права» и др.), он подошел к изучению социальности системно, но ведь системность является основой, базовым принципом науки!

В. А. Лекторский обратил мое внимание на то, что исторически именно диалектическое понимание целостности (в частности, идеи Гегеля и Маркса) повлияло на разработку системного подхода. Основоположник исследования сложно организованных неравновесных систем (а это современный этап развития системного подхода, повлиявший на становление синергетики) Нобелевский лауреат И. Пригожин писал о том, что большое влияние на его концепцию оказали идеи А. Уайтхеда, А. Бергсона и Ф. Энгельса (имеется в виду его «Диалектика природы»). Достаточно еще раз сказать, что и коммуникативные методы вышли из нового осмысления марксизма. Поэтому тезис о том, что многомерный подход отказывается от диалектики, в корне не верен – она сохраняется на философском уровне обобщения истории, философии истории. Но мы говорим об узкоспециальном исследовательском пространстве анализа.

Диалектический метод, особенно в его новейших интерпретациях, может быть востребован для философского осмысления истории. У Гегеля диалектика представлена как объективная (учение о бытии, где оно трактуется как «неопреде-

⁴⁴ Платон. Государство / пер. А. Н. Егунова // Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во СПбГУ; «Изд-во Олега Абышко», 2007. С. 375.

⁴⁵ Гусейнов А. А. Философия – мысль и поступок. С. 35.

⁴⁶ Мотрошилова Н. В. Путь Гегеля к «Науке логики»: формирование принципов системности и историзма. М.: Наука, 1984. С. 350.

ленное непосредственное», и учение о сущности) и субъективная логика (учение о понятии)⁴⁷, однако для изучения отдельных аспектов социального взаимодействия диалектика диалога М. М. Бахтина представляется более актуальной. Вероятно, именно поэтому диалектика особенно широко используется в социальной и политической философии⁴⁸.

Философия истории и теория истории часто приходят к общим выводам и заключениям, поскольку с разных методологических позиций изучают один и тот же предмет. Гегель пришел к принципу историзма с помощью диалектики, но теоретическое осмысление истории задолго до него привело историков к необходимости рассмотрения фактов, явлений и процессов в их историческом контексте и развитии. Впрочем, попытки найти компромисс между гегелевской диалектикой и историей все еще продолжают, в том числе и в западной науке⁴⁹.

В марксизме принципы диалектики легли в основу теории диалектического и исторического материализма⁵⁰, влияние которого на развитие научной мысли за последние десятилетия заметно снизилось. Ф. Энгельс был убежден, что методы материалистической диалектики могут быть востребованы во всех науках, от общественных до точных, поскольку они формализованы: «Для диалектической философии нет ничего раз и навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничего не может устоять перед ней, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему. Она сама является лишь простым отражением этого процесса в мыслящем мозгу»⁵¹. Признавая оригинальность способа определения социальной системы через сосуществование экономических элементов и отношений, который предложил К. Маркс, Л. Альтюссер считал диалектический метод иллюзией⁵².

В определении Энгельса явно смешиваются философский и теоретический уровни науки, которые в то время не очень различались. Марксизм предлагал свою философскую теорию в качестве методологии истории, отсюда философия истории нередко отождествляется с теорией и методологией истории. Однако даже в современной квалификации наук они представляют собой разные науки, а в системной теории – совершенно разные плоскости научного знания и в структурном, и в функциональном отношении.

Представители критической теории, прежде всего Адорно и Хоркхаймер, отказались от диалектического материализма Маркса и вернулись к гегелевской

⁴⁷ Georg Wilhelm Friedrich Hegel: The Science of Logic / transl. and ed. by George di Giovanni. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010.

⁴⁸ Поппер К. Что такое диалектика? // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 118–138.

⁴⁹ Butler, Clark. Hegel's Logic: Between Dialectic and History. Evanston, IL: Northwestern University Press, 1996.

⁵⁰ Розенталь М. М. Вопросы диалектики в «Капитале» Маркса. М.: Мысль, 1955.

⁵¹ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 21. М.: Госполитиздат, 1961. С. 292–293.

⁵² Althusser, Louis; Balibar, Étienne; Establet, Roger; Macherey, Pierre; Rancière, Jacques. Lire 'le Capital'. Vol. 1. Paris: François Maspero, 1965. P. 82.

диалектике, превратив ее адаптацию в конкретный метод исследования, известную как негативная диалектика. Гегель рассматривал объекты в совокупности с их эволюционными изменениями во времени. Если Маркс использовал диалектический анализ, чтобы выявить социальные противоречия в обществах, то Гегель рассматривал настоящее через призму истории, в которой социальные противоречия разрешались через рациональное «снятие» и синтез прошлых противоречий. Термин «снятие» (*Aufheben*), относящийся к диалектическому принципу отрицания отрицания, подразумевает, что тезис снимается антитезисом, а антитезис – синтезом. Карл Поппер назвал это трехтактным ритмом прогресса, который Гегель называл «диалектической триадой»⁵³. Этот путь принятия через отрицание, раскрывающий любое развитие как путь от полного и частичного отрицания нового и рационального и их последующего принятия в той или иной форме адаптации, означает, что исторический процесс представляет идею реализации человеческой свободы через рациональность. Коммуникативный подход Юргена Хабермаса, вышедший из критической теории, относится к социальной философии, а не к теории истории.

Говоря о том, что в многомерном анализе эмпирического материала целесообразно отказаться от диалектического метода и понятий диалектической связи и диалектических отношений и ввести вместо них понятия коммуникативной связи и коммуникативных отношений, мы имеем в виду следующее. Дело не только в том, что понятие диалектической связи является чрезмерно абстрактным для предметного анализа, с которым имеет дело наш подход. Это не противопоставление одних уровней абстракции другим. Сам по себе этот подход на высоком теоретическом уровне тоже достаточно абстрактен, и при его применении понятие «коммуникативной системы вообще» также может быть конкретизировано до уровня конкретных связей и отношений. Диалектические связи тоже могут быть конкретизированы: можно, например, говорить о диалектике конкретных «Я» и «Ты» в процессе коммуникации – такой диалектический способ анализа в данном случае добавляет нечто новое в понимание этого процесса.

Очевидно, что главная проблема в использовании диалектического подхода – в том, что результаты исследований, полученные с его помощью, на эмпирическом уровне не верифицируемы, только на логическом, и то не всегда. Природа диалектической связи в принципе непознаваема по объективным причинам: при очень широких философских обобщениях, оторванных от конкретно-исторического материала, субъект исследования отчужден от его объекта, а объект – от своих исторических изменений, поскольку рассматривается сам по себе, как некая абстракция, существующая без взаимосвязей и взаимодействий. Другое дело – обобщения коммуникативных актов и интеракций в реальном и виртуальном пространстве с помощью имитационных информационных моделей, с учетом особенностей различных форм коммуникации. Поэтому в системно-коммуникативном анализе гораздо более верифицируемой и измерительной альтернативой диалектической связи является интерсубъектная коммуникативная связь и возникающие на ее основе межличностные коммуникативные отношения.

⁵³ Поппер К. Открытое общество и его враги. С. 49.

3.1.3. Трансцендентализм или диалогичность вместо диалектики?

Историческая методология Н. Лумана делает особый упор на смысл информации, исторического сообщения, справедливо отмечая, что социальные или временные измерения смысла «при всякой коммуникации непрерывно сопереживаются и реактуализируются»⁵⁴. При этом смысл коммуникации может быть достигнут разными способами – диалектическим, трансцендентальным или диалогическим.

В коммуникационных исследованиях диалектика чаще всего противопоставляется теоретическо-трансцендентальной философии, восходящей к Канту и Фихте, причем трансцендентализм понимается в том числе и как обозначение теоретико-познавательной позиции⁵⁵. Теория самореферентных систем Лумана также различает трансцендентально-теоретическую и диалектическую традиции⁵⁶, которые, вероятно, следует понимать как философский и теоретический уровни самой философии, имея в виду дистинкцию между философией философии (метафилософией) и теорией философии. Во всяком случае И. Г. Фихте считал свое «наукоучение» – философское учение, обосновывающее индивидуализм человека, – методом научного познания, «по своему глубочайшему существу трансцендентальным»⁵⁷ (конечно, не следует смешивать наукоучение Фихте с научным знанием).

Коммуникативный подход Хабермаса к изучению истории в значительной степени опирается именно на теоретико-антропологическое течение трансцендентальной философии, которую, по оценке К.-О. Апеля, развивала феноменология и герменевтика в лице Гуссерля, Хайдеггера и Гадамера. Апель усилил это направление коммуникационных исследований идеями Ч. Пирса и Л. Витгенштейна. В поисках условий для «возможности и значимости диалогического взаимопонимания и понимания самого себя, а благодаря этому – понятийного мышления, предметного познания и осмысленного действия»⁵⁸, Апель дополнил трансцендентализм герменевтическим пониманием языка. С ним во многом солидарен и Ю. Хабермас, развивая «точку зрения трансцендентального прагматизма, который, однако, не следует объединять с представлением, будто успех инструментального действия является достаточным критерием истины высказываний»⁵⁹. Очевидно, сочетание «трансцендентального» и «прагматического» в приведенной цитате требует пояснения: предлагая свое понимание трансцендентальной

⁵⁴ Луман Н. Самоописание. С. 241.

⁵⁵ Круглов А. Н. Трансцендентальная философия. [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01a9e2fe81561f6f03da73a9>. Дата обращения: 07.10.2017.

⁵⁶ Луман Н. Социальные системы. С. 579.

⁵⁷ Фихте И. Г. Основы общего наукоучения / Фихте И. Г. Сочинения. Работы 1792–1801 гг. М.: Ладомир, 1995. С. 429. По этому поводу есть и другие мнения. Для Ф. Шлегеля выражение «трансцендентальная философия» является тавтологией, поскольку «всякая истинная философия является трансцендентальной». См.: Schlegel F. Transzendental philosophie // Neue philosophische Schriften. Frankfurt/M., 1935. S. 136.

⁵⁸ Апель К.-О. Трансцендентально-герменевтическое понятие языка // От Я к Другому. Сборник переводов по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога. Минск: [б.и.], 1997. С. 205.

⁵⁹ Habermas, Jürgen. Erkenntnis und Interesse. Frankfurt/M., 1973. С. 409.

философии Канта, и Апеля, и Хабермаса предпочитают говорить, по сути, о «квази-трансцендентальном», эта идея лучше всего выражена в хабермасовской концепции коммуникативной компетенции.

Трансцендентально-теоретическая и диалектическая традиции содержат в себе различную самореференцию, т. е. синхронное указание на *Ego* и *Alter*, с осознанием себя как отличного от «других». К трансцендентализму ведет установка на признание самореференции особенностью сознания. «Если, – пишет Н. Луман, – с учетом этого синхронного указания на себя и на другого интересуются единством, лежащим в основе (т. е. в конечном счете ориентируются на идентичность идентичности и различия, а не на различение идентичности и различия), то приходят к диалектике»⁶⁰.

По утверждению А. Локера, субъект «относится к объекту намеренно, а к сознанию – рефлексивно»⁶¹. Поскольку Луман, как уже говорилось, не признает субъект-объектные отношения, он считает трансцендентальную теорию «лишь ложной абсолютизацией системной референции (и в то же время хорошей моделью самореферентных теорий), а диалектику – слишком рискованной в ее ожиданиях идентичности»⁶².

В плоскости социологической науки оба эти направления философии – трансцендентально-теоретическое и диалектическое – Луман противопоставляет теории систем, которую он считает функциональной и единственно верной. С этим трудно не согласиться. По нашему убеждению, оправданием для такого противопоставления может быть в том числе различение предметных областей философии истории и теории истории. Сказанное вовсе не подразумевает полного согласия с Луманом. Обращение к сознанию необходимо подразумевает рефлексия, а вне сознания человека историческое познание невозможно.

Для возвращения к субъект-объектным отношениям, отвергаемым Луманом как испытанным позициям классической эпистемологии, приходится обращаться к новейшей, в частности, квантовой эпистемологии, в которой допускается суперпозиция⁶³, когда субъект одновременно может выступать и в роли объекта. В информационной истории и неоклассической модели научной рациональности и прагматизма для изучения конкретно-исторического материала, особенно его коммуникативных аспектов, в отличие от широких философских обобщений, понятие трансцендентальности должно быть ограничено рамками интрасубъектной коммуникации, а диалектическая связь как философское понятие заменено на измеримое понятие коммуникативной связи.

⁶⁰ Луман Н. Социальные системы. С. 579.

⁶¹ *Locker, Alfred. On the Ontological Foundations of the Theory of Systems // Unity Through Diversity: A Festschrift for Ludvig von Bertalanffy / ed. W. Gray, N. D. Rizzo. Vol. 1. N.Y.: Gordon and Breach, 1973. P. 573–574.*

⁶² Луман Н. Социальные системы. С. 579.

⁶³ Термин «суперпозиция», заимствованный из квантовой механики и эпистемологии, в данной работе используется не более как исследовательский конструкт, имеющий объяснительную силу. Информация в теории квантовой информации представляется в кубитах, которые могут находиться в состоянии, являющемся суперпозицией 0 и 1, в то время как в классической теории информации – в битах, принимающих значения строго 0 или 1. Подробнее об этом см.: Аршинов В. И. На пути к квантовой эпистемологии // Проблемы методологии постнеклассической науки. М.: ИФ РАН, 1992.

К.-О. Апель различает две формы понимания в теоретическо-трансцендентальной философии, которые он противопоставляет диалектическому: *трансцендентное* и *диалогическое*. В понятийном аппарате настоящего исследования им соответствуют *интрасубъектная* и *интерсубъектная* формы коммуникации. Под *Ego* Луман подразумевал «того, кто понимает коммуникацию, а под *Другим* – того, кому приписывается сообщение»⁶⁴. Наиболее содержательно противоречия между ними выражены в полемике, в которой трансцендентальная философия с ее основным объектом «Я», скорее подразумевающим монолог, сталкивается с диалогической философией с ее нацеленностью на диалог «Я – Ты». В социокультурной интерпретации межличностная коммуникация понимается как отношения Я (*Ego*) к Я (*Alter Ego*), Я к «Другому» (*Alter*), «Своему» и «Чужому» в разных формах (свой «Чужой», чужой «Свой») и Я к природе, окружающему материальному миру, с которым Я взаимодействует. Отсюда вытекает особая трактовка коммуникативной связи, которая чрезвычайно актуальна для понимания восточных обществ, построенных на семейных, клановых, племенных и религиозных связях.

3.1.4. Понятие коммуникативной связи

Если Питирим Сорокин выделял социальное взаимодействие как «минимальное проявление социальности», то в многомерном подходе минимальной единицей социальности является акт коммуникации, который, в отличие от аморфного и нечеткого определения социального взаимодействия, является мерной единицей. Акт коммуникации является конкретным проявлением коммуникативной связи.

Андре Франк, один из основоположников теории Мир-системы, утверждал, что на самом деле в мире существуют и исторически существовали «не цивилизации, общества, культуры, этнические группы и даже государства», поскольку «НЕТ таких эссенциалистских самодостаточных сущностей», есть «только связи и отношения внутри и среди таких предполагаемых цивилизаций»⁶⁵. Высказывание А. Франка, вступившего в частичную дискуссию с И. Валлерстайном, подчеркивает первичность коммуникативных связей и отношений конкретных *Ego* по отношению к системам социальной организации, которые находятся в прямой зависимости от них. Коммуникативная связь сначала создает отношения между людьми, а эти отношения, в свою очередь, образуют все остальные социальные явления.

Понятие коммуникативной связи близко к описанию социальной связи, которая в теории социальной связи Яна Щепаньского представляется как последовательное осуществление различных форм контакта: пространственного, психического и социального, которые ведут к взаимодействию и социальным отношениям, которые также являются формами контакта. Психический контакт предполагает взаимную заинтересованность, а социальный – совместную деятельность⁶⁶. Но есть

⁶⁴ Луман Н. Самоописание. С. 287.

⁶⁵ Frank, André G. On "New World History".

⁶⁶ Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии / пер. с польск. М.: Прогресс, 1969.

и отличия. Социальными являются любые взаимодействия, связанные с человеческой коммуникацией. А коммуникативной может быть и односторонняя связь, в том числе виртуальная, и внутренняя, например обращение человека к Богу.

Как правило, чем дальше от историка отстоит время, которое он изучает, и чем меньше в его распоряжении источников, позволяющих воссоздавать акты коммуникации в прошлом, тем больше он вынужден использовать категорию диалектической связи. Сфера применения многомерного подхода и вместе с ним категории коммуникативной связи очевидным образом будут расширяться по мере развития тотальных методов фиксации информации и других источников нового типа («цифровых следов») будущей науки исторической информации.

Отказ от диалектической и трансцендентальной связи в пользу коммуникативной, означающий не отвержение, а включение их как отдельные типы референций в систему коммуникации, решает еще одну важную научную проблему. Дело в том, что диалектика и особенно диалогика имеют дело с диалоговой формой коммуникации, в то время как коммуникация может быть направлена на предмет, который никак не реагирует на *Ego*. При этом *Ego* тем или иным образом связан с этим предметом, более того, фактически с этим предметом взаимодействует, используя его для своих нужд. Таким образом, понятие коммуникативной связи охватывает все возможные формы коммуникации.

Замена понятий диалектической и трансцендентальной связи на гораздо более определенное понятие коммуникативной связи усиливает движение исторической науки в направлении научных дисциплин, имеющих в своей основе точные верифицируемые данные (точные датировки – во временном измерении, точную локализацию факта или события – в пространственном измерении, точные характеристики каждой отдельной социальной связи – количественную, счетную и качественную, модальную). Остающаяся за пределами этих данных неточная и нечеткая информация не должна выходить за пределы допустимых в каждом конкретном случае значений.

В условиях теоретической неопределенности современной эпохи глобализации такая замена позволяет рефлексировать по поводу наиболее характерных реакций на вызовы «глобального», которые выделил Себастьян Конрад: «глобальная история 1) как “история всего”; 2) как история связей; 3) как история, основанная на понятии интеграции»⁶⁷. При этом исследователь утверждал, что именно «третий подход является самым многообещающим для “глобальных историков”, желающих идти дальше символических жестов к истинному пониманию взаимосвязей»⁶⁸.

Полная информационная модель коммуникативных связей всех *Ego* и есть «история всего»; соединение «цифровых историй каждого» неизбежно приведет к «цифровой истории всего», в которой наилучшим образом раскроются все взаимосвязи и взаимодействия людей. Совершенно очевидно, что в подлинном смысле «коммуникативная история» и есть история коммуникативных связей,

⁶⁷ Конрад С. Что такое глобальная история? С. 23.

⁶⁸ Там же.

создающих, в свою очередь, коммуникативные (социальные) отношения. В конечном счете эти связи и отношения как раз и образуют **человеческую сеть** (*Human Web*) – систему связей и взаимодействий в самых разных сферах человеческой жизнедеятельности, позволяющие изучать глобальную историю с «высоты птичьего полета»⁶⁹. Наконец, интеграция есть не что иное, как укрепление, усиление и уплотнение коммуникативных связей между людьми, создание между ними более прочных отношений на основе новых консолидирующих и мобилизирующих идей и стратегий.

3.1.5. Понятие коммуникативного отношения

В исследовательской литературе под коммуникативными отношениями понимают различные отношения, складывающиеся между объектами изучения (в классической парадигме) или субъектами коммуникативного действия (по Хабермасу). Для их различения обычно используется дихотомический подход, который близок к подходу Лумана (например, любовь/ненависть). Мы добавим в классификацию «коммуникативных отношений» третий промежуточный элемент, определяющий меру нейтральности между крайностями дихотомии, например: любовь – равнодушие – ненависть. Тем самым создается еще одно исследовательское пространство многомерности, в котором можно строить пространственные модели эмоциональных и чувственных отношений.

Отношения между людьми, или модели коммуникаций, на Востоке и Западе несколько различаются, что обусловлено различными традициями, обычаями, стилями культуры, хотя формально везде используются одинаковые модели. Возьмем, например, президентские выборы. В предвыборной кампании на Востоке будут в гораздо большей мере использоваться механизмы этнической консолидации, клиентелизма, религиозной мобилизации (пример: президентские выборы 2012 г. в Египте, когда победу одержал кандидат от братьев-мусульман М. Мурси). Односторонняя и опосредованная модель коммуникации, когда избиратель имеет дело с записью программы кандидата, или с видеотрансляцией его выступления, имеет меньшее значение, чем агитация имамом в мечети во время проповеди. Наличие диалогической, интересубъектной связи непосредственно с кандидатом оказывается важнее, только когда между аудиторией и кандидатом достигается взаимопонимание.

В подходе Хабермаса рациональность, определяющая смысл социальной коммуникации, служит рационализации структур «жизненного мира» – как человека, так и общины, социальных объединений, всего общества. Такая рационализация происходит прежде всего за счет самоорганизации общества как системы, где она утверждается на основе взаимопонимания, согласованности действий, стремления к достижению консенсуса. Луман придает особое значение самой коммуникации, отделяя социальные системы как «области менее комплекс-

⁶⁹ McNeill, John R.; McNeill, William H. *The Human Web: A Bird's-eye View of World History*. N.Y.: W. W. Norton, 2003.

ного» от «области более комплексного» – окружающей среды, т. е. социального от несоциального⁷⁰.

Вместе с тем Хабермас убежден, что коммуникативная рационализация жизни невозможна без «вовлечения Другого», когда «равное уважение к каждому распространяется не на себе подобных, но на личность другого в инаковости»⁷¹. Полемизируя с этой идеей, П. Бёрк предлагает изучать историю в ее реальной сложности, а не сводить ее к чрезмерно драматизированной конфронтации между «Своими и Чужими»⁷².

Как отметил В. И. Аршинов, «в постнеклассическом эпистемологическом пространстве <...> топология, мера близости и удаленности задается мерой близости и удаленности “Я” и “Другого”. В разных случаях для этой пары используются разные имена. Например – “субъект – субъект”, “Я – Ты”, “Я – Он”, “Я – Мы”, “Я – Она”. Соответственно будут иметься в виду разные типы коммуникативности, пространственности, символичности, телесности»⁷³.

Биномные оппозиции «Я – Другой», «Свой – Чужой» в системно-коммуникационном анализе – очень удобная концептуальная схема для понимания социальных процессов, отражающая всю сложность коммуникативных связей и отношений. М. М. Бахтин неоднократно отмечал, что диалог между *Ego* и *Alter* «предполагает целую систему внутренних диалогов, в том числе: между моим образом самого себя и тем образом меня, который, с моей точки зрения, имеется у другого человека»⁷⁴. Поэтому с точки зрения «тотальной истории» или «истории людей» более точным представляется препозиция «Я» (*Ego*) как субъекта истории и «Другого» (*Alter*) как ее объекта, с дополнительными характеристиками *Super-Ego* (эгоцентризм) и *Alter Ego* (внутренний «Я», совесть), относящимися к личности человека, а также со всем мыслимым многообразием коммуникативных отношений между людьми и человека с самим собой. Наблюдение Лумана о том, что «любой *Ego* функционирует еще как *Alter* своего *alter Ego*»⁷⁵, объясняющее двойную селективность коммуникативного выбора, здесь остается без должного внимания, поскольку на этапе репрезентации основ многомерного подхода оно не представляется существенно важным.

Согласно А. Шюцу, когда *Ego* конструирует «Другого» как отдельную от него самую личность, выступающую в роли исполнителя определенных социальных ролей и функций, но с которой он так или иначе взаимодействует, то развивается процесс самотипизации, в котором *Ego* выступает не как целостная личность, а в своей особой соответствующей ситуации социальной роли. В контексте социальных ролей место *Ego* выглядит следующим образом: «Определяя роль “Другого”,

⁷⁰ См.: Луман Н. Социальные системы. С. 51–58.

⁷¹ Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001. С. 48.

⁷² Burke, Peter. People's History or Total History // People's History and Socialist Theory / ed. by R. Samuel. L. – Boston, MA – Henley: Routledge & Kegan Paul, 1981. P. 8.

⁷³ Аршинов В. И. Событие и смысл в синергетическом измерении // Событие и смысл. Синергетический опыт языка. М.: ИФ РАН, 1999. С. 25–26.

⁷⁴ См.: Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. С. 46.

⁷⁵ Луман Н. Социальные системы. С. 190.

я принимаю и свою роль. Типизируя поведение “Другого”, я типизирую и свое собственное, связанное с ним поведение. Я превращаюсь в пассажира, потребителя, налогоплательщика, читателя, зеваку и т. д. Эта самотипизация лежит в основе выделения У. Джемсом и Дж. Мидом элементов, обозначаемых терминами “I” и “Me” в целостности социальной личности»⁷⁶.

Анализируя структуры повседневного мышления конкретного индивида, А. Шюц предлагает взгляд на Alter как на «другого Я», если этот «Другой» тесно связан с его жизненным миром. «Другие Я» – не просто другие люди, а «собратья», «субъективности, наделенные такой же активностью сознания, что и Я»⁷⁷. Это особый уровень коммуникативных отношений, который достигается в системах искусственного (политического, религиозного и т. д.) родства.

Коммуникативное взаимодействие, основанное на человеческих отношениях различного типа (семейных, общественных, политических, родовых/этнических, религиозных, профессиональных, культурных и др.), выступает в качестве главного источника социального и социокультурного. По своим базовым основаниям оно определяется широким рациональным по своему содержанию выбором конкретного Ego, в той форме, как он этот выбор понимает, и в рамках тех традиционных или нетрадиционных моделей рационального поведения, которые приняты в его обществе. Иррациональные действия, основанные на бессознательном или мистическом (религиозном), можно отнести к особым формам интуитивной рациональности. Антитезой рационального поведения в коммуникативных теориях (вследствие тесной связи рациональности и коммуникации как источника социальности) выступает асоциальное поведение.

Условия и механизм взаимосвязей и взаимозависимости коммуникативных взаимодействий, или актов коммуникации, раскрытый в теории интерактивного (интер «между» + акт «действие») взгляда Поля Вацлавика⁷⁸, в сжатом виде повторяет Э. Гриффин:

1. По своей природе человек не может не коммуницировать (*One Cannot Not Communicate*), а любая его коммуникация осуществляется с помощью интеракции – с другим человеком, природой или виртуальной реальностью.
2. Интерперсональная коммуникация есть сумма содержания и отношения: каждое сообщение в коммуникации имеет *содержательный* аспект и аспект *отношений*. Отношение классифицирует содержание сообщения. Содержание коммуникации шире простого значения слов, поскольку содержит и невербальную информацию.
3. Характер социальных отношений «актантов» зависит от их взаимной интерпретации коммуникативных актов, а также *пунктуации*, из-за которой интерпретации и их восприятие могут сильно различаться.

⁷⁶ Шюц А. О множественности реальностей. С. 135.

⁷⁷ Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2004. С. 182.. С. 185.

⁷⁸ Watzlawick, Paul; Weakland, John H. The Interactional View: Studies at the Mental Research Institute. N.Y.: W. W. Norton, Inc., 1977.

4. Интерперсональная коммуникация включает в себя как цифровые, так и аналоговые модальности.
5. Межличностные коммуникации могут быть либо симметричными (основанными на равенстве коммуникативных усилий сторон), либо комплиментарными и потому взаимодополняющимися (основанными на различиях в отношениях доминирования – подчинения)⁷⁹.
6. Коммуникационный акт может представлять собой закрытую систему, например ловушки взаимоисключающих ожиданий.
7. Характер коммуникации можно изменить, поменяв ее правила.
8. Критика является регулировочным инструментом коммуникации⁸⁰.

3.2. ПЕРЕКРЕСТНЫЙ АНАЛИЗ КАК ДОПОЛНЕНИЕ К СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ

Общие и специфические черты объекта выявляются при сравнении его с другим объектом, более или менее схожим с ним по морфологическим, генетическим или иным признакам. Эта понятная и универсальная идея лежит в основе метода сравнительного изучения (*Comparative Study*) – популярного метода классической науки, в том числе востоковедения, которая изначально развивалась как компаративная наука, изучающая одну культуру на языке другой культуры.

Однако наука не стоит на месте – постклассические исследования не удовлетворяются простыми сравнениями, они постепенно переходят от трансферов, переносов и скрещиваний к обсуждению сложных социокультурных взаимодействий, в которых существующие методы не работают. Как раз для изучения таких взаимодействий М. Вернер и Б. Циммерман разработали **методологию «перекрестной истории»** (*histoire croisée*), которая позволяет идти дальше простых сравнительных схем, используя одновременно как синхронический, так и диахронический анализ, недоступный в компаративистике. Ключевые элементы этой методологии – перекрестность и совмещение синхронической логики с диахронической – помогают преодолеть магию простых сравнительных схем и подняться до уровня изучения часто разнонаправленных системно-сложных социальных взаимодействий.

Перекрестный анализ через многообразие углов и точек зрения на предмет исследования предполагает достижение объемного, многомерного взгляда на возможные интерпретации фактов. М. Вернер и Б. Циммерман подчеркивают, что «*histoire croisée* принадлежит к семейству **“реляционных” подходов**, которые в манере сравнительных подходов и исследований трансферов (совсем недавно “связанной” и “общей истории”) исследуют связи между различными исторически сложившимися формациями»⁸¹. Таким образом, эта методология изначально

⁷⁹ Griffin, Em. A First Look at Communication Theory. P. 183–187.

⁸⁰ Ibid. P. 187–190.

⁸¹ Werner, Michael; Zimmermann, Bénédicte. Beyond Comparison. P. 31.

настроена для исследования разного рода пересечений, дисциплинарных и предметных. Если сравнительный метод и трансферы результативны в рамках междисциплинарного анализа, то сложные скрещивания и пересечения – не только различных дисциплин, но также научных фактов и их интерпретаций – осуществляются на основе принципов трансдисциплинарности.

3.2.1. Перекрестный анализ и методология перекрестной истории

В науке существует множество версий перекрестного анализа (*Cross-analysis*, *Cross-Case Analysis*): это и поперечное исследование (*Cross-sectional study*), когда внимание фокусируется на определенный срез события или явления, или перекрестный SWOT-анализ, выявляющий факторы внутренней и внешней среды. В социальных науках перекрестный анализ применяется для проведения согласованного качественного исследования, определяющего общие пересечения в разных научных темах⁸².

Выше мы уже говорили об очевидных преимуществах «перекрестных лучей прожектора», которые позволяют получить, во-первых, объемную и многомерную картину изучаемого объекта, чтобы избежать односторонности в интерпретации фактов и тем самым повысить уровень объективности исследования, а во-вторых – более полную картину прошлого. Фокусируя внимание на **«эмпирических пересечениях, совпадающих с объектом исследования, а также на операциях, с помощью которых сами исследователи пересекают шкалы, категории и точки зрения»**⁸³, *histoire croisée* позволяет исследователю добиваться единства и целостности исследования на фундаменте трансдисциплинарности. Особенно это важно для изучения коммуникативных отношений, их оценка не может строиться с какого-то одного угла зрения, тем более что это сфера наиболее субъективная.

Признавая, что в процессе скрещивания с присущими ему «сопротивлениями, инерциями, модификациями – в траектории, форме и содержании – и новыми комбинациями»⁸⁴ зарождаются новые сущности, практики, объекты, *histoire croisée* уходит от одномерной перспективы сравнительного метода и трансферных исследований, упрощающей социальную реальность, в пользу **«многомерного подхода, признающего множественность и сложные конфигурации, возникающие из нее»**. Помимо **реляционных** признаются также **интерактивные и ориентированные на процесс измерения подходы**, вместо статической аналитической модели – **модели живые и подвижные**.

Междисциплинарные подходы в истории и социогуманитарных науках появились именно в результате развития сравнительных методов. В 1958 г. был основан журнал «Comparative Studies in Society and History». Анализируя содержание

⁸² Ladany, Nicholas; Thompson, Barbara J.; Hill, Clara E. Cross-analysis // Consensual Qualitative Research: A Practical Resource for Investigating Social Science Phenomena / ed. by Clara E. Hill. Washington, DC: American Psychological Association, 2012. P. 117–134.

⁸³ Werner, Michael; Zimmermann, Bénédicte. Beyond Comparison. P. 32–33.

⁸⁴ Ibid. P. 38.

номеров этого журнала, П. Бёрк приходит к выводу, что опыт сравнительного изучения оказался особенно удачным в следующих областях знания: экономической истории, политической истории, интеллектуальной истории и социальной истории, т. е. в тех областях знания, которые являются общими и для истории, и для социальных наук. В качестве инструмента конструирования теории сравнительный метод использует и Н. Луман, сопоставляя функциональные системы. Тем не менее вопрос о возможностях и границах сравнительных методов в исторических науках остается предметом дискуссий.

Историческая компаративистика, выйдя за пределы собственно истории, долгое время успешно обеспечивала междисциплинарный синтез на разных уровнях исторического познания, в том числе методологическом. Сейчас совершенно очевидно, что междисциплинарность не является самоцелью, она скорее имеет прикладное значение: огромную важность представляет не до конца изученный познавательный потенциал пограничных сфер науки, особенно в областях их взаимопроникновения с другими науками, где формируется новое знание.

Однако на современном этапе развития науки с постоянно растущим удельным весом цифровых данных сравнительный метод, как и связанные с ним междисциплинарные исследования, не способны решать все возникающие проблемы, особенно в сфере обработки огромных массивов информации. Простых дихотомий и сопоставлений при изучении массового материала явно недостаточно. «Большие данные» имеют очень разнородный и широко распределенный характер. Как раз здесь и возникает **потребность в трансдисциплинарных исследованиях, систематизирующих материал на основе реляционных методов и перекрестного анализа.**

Сказанное ни в коем случае не означает, что сравнительный метод изжил себя – напротив, новый коммуникативный инструментарий решает другие, более сложные задачи с существенно большей точностью, дополняя возможности компаративистики за счет использования количественных, вычислительных и соответственно верифицируемых инструментов, или специальных программных инструментов, созданных для решения конкретных задач. Разработанные в рамках данного исследования методы **многомерного подхода**, работающие с социальными измерениями истории и человека непосредственно через изучение социальных связей и отношений, лишь расширяют возможности этих методов.

Опираясь во многом на теорию самореференции Лумана, *histoire croisée* указывает на методологический «тупик в дебатах между компаративистами и специалистами по трансферам» и, не умаляя при этом вклада этих двух подходов, на которых он в значительной степени опирается, предлагает обновленные рамки анализа, касающиеся **«шкал, категорий анализа, взаимосвязи между ними: диахрония и синхрония, режимов историчности и рефлексивности»⁸⁵.**

Вслед за «перекрестной историей» многомерная история предлагает заменить реляционными методами в первую очередь сравнительный метод, и во вторую – методологию трансферов. Это обеспечит более высокий уровень простран-

⁸⁵ Ibid. P. 32.

венного представления изучаемой реальности, большей объективности, точности и верифицируемости исторического и востоковедческого исследования. В «перекрестной истории» такая замена оправдывается следующими аргументами:

1. В использовании сравнительного метода существуют серьезные проблемы, связанные с использованием метода сравнения как когнитивной операции, использующей бинарные оппозиции между различиями и сходствами, по отношению к объекту изучения, состоящего из множества взаимопроникающих измерений.

1.1. **Положение наблюдателя** по отношению к объекту изучения как внешнего субъекта по отношению к объекту. Если сравниваются культуры, то наблюдатель, будучи сам погружен в одну культуру, изучает другую, а такое смещение точки обзора не обеспечивает симметричности анализа. Для корректного сравнения точка наблюдения должна быть статична, стабилизирована в пространстве и во времени, однако достичь этого на практике невозможно.

1.2. **Выбор масштаба сравнения.** Объекты для сравнения (регионы, страны, цивилизации) должны быть одинаковыми по своему масштабу, однако тут возникает проблема определения масштаба социального объекта, его шкал: «ни одна из этих шкал не является абсолютно однозначной или обобщаемой»⁸⁶. Сравнение культур и цивилизаций без учета масштаба неизбежно приводит либо к релятивизму, либо к еще большим искажениям реальности, опирающимся на идеологию, и отсюда – к некорректным выводам, имеющим ничтожную ценность в рамках науки.

1.3 **Определение объекта сравнения.** Основная проблема здесь заключается в том, что определение объекта сравнения никогда не бывает нейтральным, поскольку оно раскрывается с помощью исторически сложившихся в той или иной культуре категорий. Даже если попытаться сравнивать сравнительные очевидные явления, то даже там «аналитические сетки расходятся не только на основе выбранной шкалы, но и в зависимости от специфики областей поля, а также обозначений и исследовательских традиций, на которые опирается ученый»⁸⁷. По этой причине *histoire croisée* делает различия между исторической и ситуативной конституцией объектов сравнения. Кажущиеся естественными объекты выглядят по-другому в призме их историчности, а также признаков, оставленных такой историчностью на их характеристиках и их современном использовании. Это положение «перекрестной истории» находит свое дальнейшее развитие в методе языковых эквивалентов многомерного подхода.

1.4. **Историзация объектов и проблематики.** Одно дело, когда объекты изучения и связанная с ними проблематика исследуются в их живой и актуальной динамике, т. е. когда все происходит сейчас и одновременно, а дру-

⁸⁶ Werner, Michael; Zimmermann, Bénédicte. Beyond Comparison. P. 34.

⁸⁷ Ibid.

гое – когда исследователь пытается проанализировать их в историческом контексте. Здесь синхроническая логика вступает в конфликт с диахронической. Для сравнения объектов кампаративист вынужден искать синхронные сечения, останавливать («замораживать») динамические процессы, даже если речь идет о процессах кардинальной трансформации, когда динамику социальных изменений в сложных обществах невозможно поставить на паузу: они всегда будут неоднозначными и многофакторными. Это существенно снижает методологическую ценность сравнительного метода.

- 1.5. **Взаимодействие между объектами сравнения.** Одно дело – взаимосвязи, которые сравнительный метод хорошо отслеживает, а совсем другое – взаимодействие, взаимопроникновение и взаимовлияния, обусловленные коммуникацией, которые меняют объекты изучения, причем обе стороны коммуникации.

2. Методология *histoire croisée* признает, что большая часть обозначенных выше проблем преодолевается исследованиями трансферов, которые заостряют внимание на конкретно-исторических процессах, однако здесь возникают проблемы другого порядка. Если сравнительный метод может использовать только синхроническую перспективу, то трансферы – только диахроническую. Отсюда в исследованиях трансферов появляются «слепые пятна»:

- 2.1. **Фиксированная система отсчета.** Любой трансфер, обмен, передача, перенос предполагает фиксированную систему отсчета, включая точки отправления и прибытия, начало и конец процесса трансфера, только в рамках такое искусственное выделение делает возможной их интерпретацию. Речь идет не о выделении для анализа, основанном на различении, а о фиксации системы отсчета на национальных историографиях, каждая из которых при этом имеет свою специфику.
- 2.2. **Неизменность категорий анализа.** В анализе трансфера используются категории национальных историографий – немецкой, французской, американской, британской и т. д., вместе с концепциями, разработанными в их рамках, без учета их историчности и неустойчивости.
- 2.3. **Дефицит рефлексивности.** М. Вернер и Б. Циммерман видят дефицит рефлексивности в отсутствии контроля над важными самореференциальными циклами: «Поскольку исходные точки анализа не подвергаются сомнению как таковые, исследования переноса сопряжены с риском, присущим любому подходу, не учитывающему его **самореферентный** аспект: они только усиливают предрассудки, которые они стремятся подорвать»⁸⁸. Здесь прямая отсылка к теории Н. Лумана.
- 2.4. **Вопрос о взаимности и обратимости.** Эмпирические исследования трансферов ограничиваются простыми линейными процессами, в то время как социальная реальность – гораздо более сложный объект для изучения.

⁸⁸ Ibid. P. 37.

Методология «перекрестной истории» (*histoire croisée*) включает в себя не только перекрестное скрещивание, распространяющееся на объект исследования и формирующее пространство понимания, но также пересечения, происходящие «в точках обзора или способах взгляда на объект». Любое такое пересечение «может быть предусмотрено в терминах отношений **между наблюдателем и объектом**, тем самым затрагивая вопросы рефлексивности», а перекрестное скрещивание осуществляется как **«когнитивный процесс, связывающий объект, наблюдателя и окружающую среду»**.

На базе «перекрестной истории» наш подход решает практически все те научные проблемы, которые не решаются с помощью линейного анализа, трансферных и иных междисциплинарных исследований:

- 1) **пересечения, присущие объекту** – они находятся в центре внимания, позволяя исследователю сконцентрироваться на узловых проблемах, не упуская из виду предшествующие и предыдущие процессы и их взаимосвязи с точками пересечения. Цифровая адаптация *histoire croisée* дает возможность визуализировать схему таких пересечений. На полях пересечений создаются новые объекты исследования, которые трудно воспринимаются в рамках сравнительных и трансферных исследований;
- 2) **пересечение точек зрения**. Этот пункт дает возможность отразить все или важнейшие (это необходимо оговаривать заранее) точки зрения на проблему и тем самым уйти от одностороннего, соответственно необъективного освещения исторического события. Является важным элементом т. н. «совместной истории» (*Shared History*), которая создается как консенсусная. Вернер и Циммерман утверждают, что они имеют дело с **«областью пересекающихся полей, объектов и масштабов»**, а также с **конструированием объекта**, которое представлено «в веберовской перспективе как принятие одной или нескольких конкретных точек зрения на объект»⁸⁹. Со ссылкой на Э. Гидденса утверждается, что «обрамление объекта и позиционирование исследователя включают **«двойную герменевтику»**, в которой объекты и точки зрения создаются посредством перекрестных взаимодействий»⁹⁰. В свою очередь, **«двойная герменевтика»** перекликается с лумановской «двойной референцией»;
- 3) **отношения между наблюдателем и объектом**. Это ключевой пункт, который всесторонне анализируется в интерактивном методе включенного наблюдения. С одной стороны, у исследователя нет возможности интерактивно наблюдать за историческими процессами, кроме как в динамических информационных моделях, создаваемых на основе машинной обработки «больших данных». В такие модели исследователь может даже вмешиваться, чтобы увидеть наиболее вероятные сценарии развития событий.

⁸⁹ Werner, Michael; Zimmermann, Bénédicte. Beyond Comparison. P. 40. См. также: Weber, Max. On the Methodology of the Social Sciences.

⁹⁰ Ibid. P. 41. См. также: Giddens, Anthony. New Rules of Sociological Method. L.: Hutchinson, 1974.

3.2.2. Перекрестный характер трансдисциплинарных стратегий и реляционных методов

Трансдисциплинарные стратегии исследования, являющиеся составной частью многомерного подхода, работающей на дисциплинарных перекрестках, органично включают в себя перекрестный анализ, **обеспечивая слияние научных знаний с практическими знаниями и навыками в самых разных областях науки и взаимодействуя с перекрестно передаваемым и масштабируемым опытом**⁹¹. Сравнительный метод, незаменимый в междисциплинарных исследованиях, **в трансдисциплинарных исследованиях вытесняется реляционными, отношенческими, характерными для любых типов взаимодействий** и поднимающими анализ разнородного эмпирического материала до всеобщего информационного уровня. Это означает, что трансдисциплинарность является выходом из междисциплинарности на новый уровень интеграции знания, когда на передний план выходят не проблемы на стыке двух дисциплин, а **целостное и всеобъемлющее представление об объекте исследования в рамках общей системы научных знаний**. Такая целостность также обеспечивается перекрестным анализом, как и верификация исторической информации: данные источника из одной культурной среды должны подтверждаться сведениями источника, созданного в другой культурной среде, особенно если речь идет о важном историческом событии, затронувшем обе культуры.

В системно-коммуникационном анализе любого исторического или социального явления используется оптика коммуникативных связей и отношений. Для такого фокуса сравнительный метод гораздо менее продуктивен, чем **методы реляционные**, изучающие коммуникативные связи объектов исследования через их отношения (*relations*). При этом реляционные методы часто дополняются существенно усиливающими их интерактивными и измерительными методами. Как видно из их названия, реляционные методы являются отношенческими, т. е. они специально созданы для изучения отношений между объектами анализа, в том числе отношений между сторонами коммуникации.

Огромное **преимущество реляционных методов перед сравнительным** состоит в том, что они изначально разрабатывались для работы с «большими данными» (базами данных) с помощью цифровых инструментов. Данные в информационной системе представлены как раз в виде определенных отношений, которые образуют реляционные модели и базы данных (Э. Ф. Кодд, К. Дж. Дейт).

Реляционные методы также представляют собой убедительный методологический ответ на тенденцию чрезмерной концептуализации социальных исследований. Этот ответ заключается в анализе социальных процессов с помощью схематических пространств *отношений* объектов (таблиц, диаграмм, графов и др.), создаваемых для решения конкретных исследовательских задач, но в разных плоскостях, для лучшей дифференциации различных по содержанию систем. В познавательной сфере многомерного подхода эти пространства фиксируют реальные ком-

⁹¹ Renn, Ortwin. Transdisciplinarity: Synthesis towards a modular Approach // Futures. Vol. 130, June 2021, 102744. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0016328721000537>

муникативные связи и отношения конкретных *Ego*, являющихся объектами изучения, внутри различных типов социальных общностей. Использование интерактивных методов в виртуальном пространстве делает это схематическое пространство чрезвычайно подвижным и дает возможность наблюдать за ним в режиме реального времени. Взаимодействие и взаимовлияния участников коммуникации, коммуникативные акты и реакции на них со стороны, которые можно визуализировать, оценивать и даже измерить, показывают меняющуюся динамику самоорганизации и упорядочивания живых систем, позволяя проводить мощный систематический анализ коммуникативных процессов. Это лучший ответ редукционизму на эмпирическом уровне, эссенциалистским категориям, а также наивно реалистическим подходам к объяснению мира, не учитывающим большинство необходимых для анализа переменных⁹².

Выход на интегративный трансдисциплинарный уровень в системно-коммуникационном анализе обеспечивает переход от изучения межличностной коммуникации, на которой построены все существовавшие до многомерного подхода коммуникативные подходы, к исследованию **трансперсональной коммуникации**, в которой персона безлична, на месте этой персоны может быть и *Ego*, и *Alter*, и «Свой», и «Чужой». Аналитическое погружение позволяет перевести все объекты и субъекты в категорию объектов и тем самым уравнивать их в правах, обеспечив их равновеликость. **Мир состоит из объектов, а субъект появляется только в момент отношений.** Соответственно коммуникативные отношения, помимо коммуникативных связей, становятся важнейшим источником анализа, как раз для их изучения и используются реляционные методы. Это динамический момент, который обычно упускается в традиционных сравнительных исследованиях, где сопоставляются свойства и качества сравниваемых объектов, но редко – непрогнозируемая динамика развития самого объекта.

В информационных штудиях трансдисциплинарная позиция нахождения «за пределами дисциплин», создающая пространство для нового знания, подчеркивает важность субъекта, а не субъект-объектных отношений, предлагая в качестве онтологической аксиомы **уровни реальности**. Эта позиция не только близка к многомерному культуральному анализу Дж. Александера, но и в чем-то его дополняет. Речь идет не только о субъекте, но и об объекте, поскольку они взаимно переходят друг в друга⁹³. В любом диалоге необходимо сначала идентифицировать уровни восприятия реальности включенных в него субъектов, включая сам субъект познания, т. е. исследователя. Эту проблему трудно решить без цифровых помощников – специальных программ, тестирующих субъектов, в том числе субъекта познания, по строго определенным критериям и идентифицирующих их уровни реальности. Их критерии необходимо еще выработать, так же как и их различение, с учетом рациональной рефлексии субъектов действия (=объектов изучения) и саморефлек-

⁹² Подробнее об этом см.: *Dudley-Smith, Russell; Whiteman, Natasha. Diagramming the Social: Relational Method in Research. Routledge, 2020.*

⁹³ *Necolescu, Besarab. Natural Information and Spiritual Information as an Outcome of the Transdisciplinary Methodology // Information Studies and the Quest for Transdisciplinarity. Unity through Diversity / ed. Mark Burgin, Wolfgang Hofkirchner. L.: World Scientific, 2017. P. 310–311.*

сии субъекта познания. Структура всеобщности уровней реальности является комплексной, поскольку они существуют в одно и то же время⁹⁴.

Трансдисциплинарные исследования могут включать в себя и сами изучаемые объекты, особенно когда они переносятся в изучаемые регионы или к их реализации на различных этапах вовлекаются представители изучаемых культур для создания фокус-групп, информационных моделей коммуникативных сообществ (политических, этнических, религиозных), систем мониторинга социальных процессов. В таком случае исследователь должен быть готов к самокоррекции, самостоятельной работе по уточнению исходных данных из-за неизбежного влияния на себя со стороны объекта изучения, особенно на начальных этапах исследования: в процессе включенного наблюдения он и сам учится у тех, кого изучает, в реальных полевых условиях или интерактивно, для достижения объективного результата. На перекрестках трансдисциплинарных исследований нет ведущих и ведомых, учителей и учеников, экспертов и обычных людей: каждый дискурс правомочен и имеет свое особое значение, поскольку он отражает определенный групповой дискурс. Это в полной мере предполагает признание «Другого», его роли, ценности, образа мышления. Таким образом, практическое знание, получаемое от объекта исследования, обретает свою научную легитимность в рамках исследования.

Перекрестный анализ в трансдисциплинарных исследованиях используется как для выявления, так и для заполнения слепых зон и «черных ящиков». Для этого привлекаются все доступные данные об объекте исследования, которые дают другие дисциплины – помимо истории, также география, политика, экономика, лингвистика, философия, семиотика, психология, антропология и социология, педагогика и др. Это расширяет контекст исследования, чрезвычайно важный для анализа, выявляет новые связи и отношения, постоянно меняющуюся динамику объекта изучения, обеспечивает перекрестность множества дисциплинарных взглядов, которые сами по себе не являются достаточно широкими.

Например, в дисциплинарных рамках политической истории и тем более политологии исследователь в первую очередь изучает политические аспекты деятельности героя, содержание его трудов и выступлений, последствия его политических действий. В качестве источника выступают документы, которые подвергаются критическому анализу, в соответствии с требованиями науки. Иначе говоря, герой интересен прежде всего как политический деятель, *Homo politicus*. Остальные ипостаси персонажа затрагиваются ровно в той мере, в какой они связаны с этой его основной, находящейся в фокусе внимания функциональной ролью, например, этническое или религиозное происхождение политика, социальная и культурная среда, определившая его взгляды, отношение к нему со стороны различных слоев общества и т. д. Даже в биографическом жанре красной нитью выделяются те данные, которые раскрывают личность с той стороны, в которой она достигла наивысших результатов.

Такое по сути одномерное упрощение объекта, редукция его до одного из субъектов политики, искусственная иерархизация данных преодолеваются транс-

⁹⁴ Ibid. P. 311.

дисциплинарным анализом каждого акта коммуникации с участием героя, в которой значение имеет любая информация, касающаяся как самого героя, так и всех участников коммуникации, их мнений, представлений, чаяний, намерений, скрытых мотивов, наличия раздражителей, обстоятельств, индивидуальных особенностей, внешних условий, невербальных знаков и символов, обеспечивающих коммуникацию, уровень понимания и принятия информации. Нам важны все коммуникативные связи и отношения политика – не только непосредственно задействованные в акте коммуникации, но и опосредованные. Но не менее важны и политические процессы, вызванные конкретным политиком, коммуникативные реакции людей, так или иначе реагирующих на его политическую деятельность. Без такой обратной связи изучение политических коммуникаций в цифровом веке с его «большими данными» представляется явно недостаточным и даже в чем-то устаревшим.

Глубокое погружение в предмет исследования, обеспечивающее несравненно более «насыщенное описание», требует наличия у исследователя огромного массива разнородных данных, которые для отдаленных периодов истории в нужном объеме недоступны. Именно поэтому трансдисциплинарные перспективы, а вместе с ними и исчерпывающее раскрытие всего потенциала многомерного подхода неразрывно связаны с дальнейшим развитием цифровой индустрии, ее мощностей, технических средств и способов накопления «больших данных» с доступом к ним со стороны исследователя, а также программных средств для их обработки.

3.2.3. Цифровая адаптация «перекрестной истории»

Цифровая адаптация «перекрестной истории» подразумевает, что мы просто переносим сбалансированные принципы этой методологии в цифровую среду, в которой они гораздо более востребованы и продуктивны, адаптируем их к коммуникативным методам и тем самым расширяем «перекрестные» возможности многомерного подхода.

В системно-коммуникационном анализе сам человек является не только источником, но и перекрестком, узлом коммуникаций – когда все коммуникации рассматриваются в системе. Наиболее наглядно это демонстрирует теория графов, в которой графы позволяют визуализировать систему коммуникативных связей индивида. Человек – это вершина, точка схождения различных линий, обозначающих коммуникативные связи и отношения.

Histoire croisée идеально подходит для цифровой истории, особенно если расширить понимание перекрестности до гиперссылок, гипертекста, перекрестных ссылок и других форм электронной разметки. Гиперссылка (*hyperlink*), или ссылка (*link*), которая оформляется с помощью HTML-элемента «*a*» с атрибутом «*href*», позволяет простым нажатием перейти на любые размеченные данные – как на отдельное слово (термин) как элемент текста, сноску, так и на целое предложение (например, в оглавлениях книги, ведущих к заголовкам разделов, или в словосочетаниях в указателях), а также на большой фрагмент текста или кар-

тинку. Гиперссылки могут быть встроенными, якорными (привязанными к определенному документу), жирными («одна ко многим»), а также двунаправленными: по ним можно переходить в оба гипертекста, которые являются якорными. Гипертекстом (*hypertext*) называют любой электронный документ, содержащий гиперссылки, а гипертекстовая система – это сам Интернет.

В полной мере идея перекрестности воплощена в перекрестных ссылках (*cross-references*, сокращенно: *xref*), сложных схемах системы XLink, которые предлагают гораздо большую функциональность, чем те, которые предлагаются в HTML. Эти расширенные ссылки могут быть разнонаправленными, удалять ссылки из, внутри и между XML-документами. Эти ссылки описывают отношения «многих ко многим».

Самый масштабный и репрезентативный проект публичной цифровой истории, который реализуется в формате гипертекста – это Википедия (*Wikipedia*). В настоящее время насчитывает свыше 50 млн статей на более чем 300 языках, список которых расширяется с каждым годом, с возможностью переключения с языка на язык. Вместе с технологией машинного перевода, реализованной Гуглом, Яндексом, другими компаниями, это подразумевает ознакомление с различными подходами национальных историографий к одним и тем же темам. С учетом особых вики-разметок, набора облегченных языков разметки, обеспечивающих упрощенный синтаксис для связывания страниц в вики-страницах, Википедия создает массовую ситуацию кросс-культурной и мультиязычной перекрестности, а также широкого участия пользователей в создании текстов. В электронной энциклопедии любую статью может редактировать любой пользователь – как с профилем (зарегистрированный), так и без регистрации: изменения с привязкой к уникальному IP-адресу попадают сообществу и специальным программам на проверку. Сомнительная информация достаточно оперативно выявляется программами, просматривающими гипертекст и проверяющими гиперссылки («веб-пауками») и попадает в зону верификации. Ресурс требует ссылки на источник и с некоторых пор маркирует свое требование красным цветом или виртуальным вопросительным знаком, если ссылка неточная (страница источника не указана).

Таким образом, в проекте гипертекста «Википедия» впервые широко использует принцип проверяемости – вопреки сомнениям скептиков, что в гуманитарных науках верификация невозможна. В проекте в полной мере внедрены технологии перекрестных ссылок, упрощающих навигацию по теме и переход от одной связанной темы к другой, а также возможность самим ознакомиться с полным текстом источника, если он приводится в библиографии в виде гиперссылки – размеченного PDF-файла.

Как дальнейшее развитие публичной цифровой истории на профессиональной основе создается **гипертекстуальная история**, а также единое пространство знания, в котором исторические факты органично вплетены в общую ткань повествования.

Пересечение точек зрения достигается и в единой информационной системе знания, в которой информация может храниться в многослойном цифровом формате, с гиперссылками и перекрестными ссылками.

3.3. ПРИНЦИП ТРАНССУБЪЕКТНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ КАК ДОПОЛНЕНИЕ К ПРИНЦИПУ ИНТЕРСУБЪЕКТНОСТИ

Важнейшее преимущество и существенное отличие многомерного подхода от других меж-, мульти- и трансдисциплинарных подходов заключается в том, что он совмещает предметные знания с экзистенциальным опытом, знания объекта с самопознанием субъекта. Любой опыт – практический, интеллектуальный или духовный (религиозный), чувственный или эмоциональный, рациональный или интуитивный (мистический), собственный или чужой – представляет собой информацию, достоверную или искаженную, которая сохраняется в памяти *Ego* и оказывает определенное влияние на его жизнь. Традиции, составляющие культуру, – это закреплённый в устной (гласной или негласной) или письменной (официальной или неформальной) форме систематизированный опыт социокультурного взаимодействия индивидов. Общество представляет собой целостную систему социальных объектов (индивидов), существование которой, как и существование человека, экзистенциально. С другой стороны, социальная жизнь, или бытие, «не есть ни только субъект, ни только объект», оно «в расщеплении на субъект и объект присутствует и в том, и в другом»⁹⁵.

Объективность восприятия социальной действительности не безлична. Использование принципа транссубъектности внешнего опыта решает проблему объективности истории, поскольку актуализирует точку зрения субъекта коммуникативных связей в истории: он задает четкий критерий объективности как реальности, отражающейся в сознании субъекта истории, но существующей независимо от него. Изучение истории с фокусом на личность *Ego* ставит в центр внимания историка социальный «жизненный мир» и систему коммуникативных связей и отношений человека в истории, предлагая тем самым новый дискурс, обладающий несравненно большим эвристическим потенциалом, чем некоторые существующие дискурсы истории.

Если выразиться еще более предметно, то принцип транссубъективности основан на следующих базовых положениях, обеспечивающих большую объективность и историзм в реконструкциях прошлого:

1. В центре исторического исследования находится человек, его деяния, материальные следы. Это положение подкрепляет гуманитарный статус исторической науки.
2. Использование исчисляемой и измеряемой коммуникации на основе общенаучной системной теории делает процесс исторического познания строго научным и верифицируемым.
3. Исследователь смотрит на события глазами *Ego* того времени, его коммуникативного мира. Такая транссубъектность ведет к наиболее последовательному соблюдению принципов «нового историзма» в реконструкции фактов, событий и явлений прошлого.

⁹⁵ Ясперс К. Смысл и назначение истории. С. 443.

4. Информационный характер и формализация информации обеспечивают многомерному подходу бесстрастность в репрезентации исторических фактов и артефактов, представляя их как материальные следы реального прошлого отдельно от диапазона их первичных и вторичных интерпретаций в единой и структурированной информационной системе знания.

3.3.1. Герменевтика субъекта познания и субъекта коммуникативного действия в истории

В классической философии система субъекта (психология) была отделена от системы объекта (онтологии). Хотя философия в узком смысле слова, в частности гносеология или сенсология, и была опосредованием объекта субъектом, она исходила из посылок априорного рационализма – «чистого разума» (по Канту) и потому не учитывала психологическую специфику познания, особенности восприятия субъекта, живущего в той или иной культурной среде или исторических условиях⁹⁶. Широкое философское осмысление общественных процессов вплоть до В. Дильтея («вчувствование») либо было отчуждено от психологии, ментальности, духовных ценностей и ориентиров личности, т. е. всего того, что определялось самими общественными процессами, либо основывалось исключительно на психоанализе и социологии. Этим объясняется узкий прикладной характер концепций, построенных на анализе какого-то одного проявления человеческой сущности: его экономических потребностей и социальных интересов (К. Маркс), бессознательных инстинктов (З. Фрейд), осознанных социальных действий (М. Вебер), психологии (Э. Фромм, А. Адлер), коммуникативного действия (Ю. Хабермас) и т. д.

В критической теории отношения субъекта и объекта многоступенчаты. В отношениях «Я» – «Другой» субъектом является «Я», а объектом – «Другой», но при этом сознание «Я» относится к своему телу как субъект к объекту. Иначе говоря, человек является субъектом, только когда мыслит и действует⁹⁷. На этом зиждется основное отличие субъекта познания (самого историка) от субъекта коммуникативного действия в истории.

К герменевтике можно относиться не как к философской доктрине (Х. Г. Гадамер), а скорее придерживаться ее хабермасовского определения, восходящего к Гуссерлю, как «исследовательской парадигмы внутри социальных наук»⁹⁸, ведущей к интерпретативности исследования, рациональному объяснению исследовательских практик. Это определение заставляет более внимательно относиться к поиску адекватных значений и смыслов в коммуникации, которая, как уже отмечалось, не зависит от какого-то одного конкретного языка (поскольку коммуни-

⁹⁶ Подробнее об этом см.: Лекторский В. А. Субъект. Объект. Познание.

⁹⁷ Felluga, Dino F. Critical Theory: The Key Concepts. N.Y.: Routledge, 2015.

⁹⁸ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. С. 36.

кация может быть не только вербальной, но и невербальной и транскультурной, в которой используются разные языки⁹⁹); результаты этого поиска находят свое отражение в кросскультурном методе языковых эквивалентов.

Герменевтика субъекта

Герменевтику субъекта как «критической онтологии нас самих» на примерах античной философской мысли (прежде всего платоновского диалога *Алкивиад*) в своем курсе лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 гг., описал Мишель Фуко, которого П. Вен назвал философом и «совершенным историком»¹⁰⁰. Хабермас уточняет, что это был курс «Истории систем мысли»¹⁰¹. Выбор Фуко обусловлен не только тем, что он историк, а также тем вниманием, которым его удостоил Хабермас, но и системным изложением истории философской и духовной мысли. Подобно Хабермасу и Попперу, Фуко сделал теорию рациональности центральной в своей «объясняющей» философии. Кроме того, он продолжил традицию, восходящую к Канту и Фихте, а через них – к Гуссерлю и Хайдеггеру¹⁰².

Для нашей темы важна постановка вопроса о сущностной совмещенности познания себя и познания окружающего мира – субъект может познать себя, только когда он увидел природу в целом, познал ее в системе «не только ее общего порядка, но и деталей ее устройства»¹⁰³. Фуко вводит в научный оборот понятие субъекта философствования, мы же, перефразируя этого философа и историка, различаем субъекта познания, т. е. историка-исследователя, и субъекта коммуникативного действия в истории, что, в свою очередь, требует от исследователя «вхождения» в жизненный мир объекта исследования – человека в истории.

Комплексное познание общего и особенного включает в себя также убедительное интрасубъектное описание значения веры в Бога, пребывания субъекта в *consortium Dei* как высшей точке мира, где он может «**обозреть целое мира**» и при этом «**не упускать себя из виду**»¹⁰⁴. Это своеобразное и неожиданное объяснение цели многомерного взгляда на реальность – действительную или иллюзорную, реальную или виртуальную – попытаться видеть **одновременно специфику целого и частного в разных системах координат**, в том числе в лумановских концептуальных схемах *зримое/невидимое, мир/бог*. Действительно, «религия в ее теологической версии, с ее мощными способностями преодоления противоречий, гарантирует единое мирописание»¹⁰⁵. За пределами религиозного восприятия мира или без реконструкции моделей информационных систем в исто-

⁹⁹ О транскультурной коммуникации см.: *Широченко А. И.* Транскультурная коммуникация как предмет культурологического осмысления: возможности и интерпретации // *Креативная экономика и социальные инновации*. 2015. Т. 5. 1(10). С. 69–75.

¹⁰⁰ *Вен Поль*. Как пишут историю. С. 351.

¹⁰¹ *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. С. 249.

¹⁰² Там же. С. 269.

¹⁰³ *Фуко М.* Герменевтика субъекта. Курс лекций, прочитанных в Колледж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007. С. 305–306.

¹⁰⁴ Там же. С. 307.

¹⁰⁵ *Луман Н.* Самоописания. С. 66.

рии, учета реальности религиозной коммуникации для верующего человека сделать это чрезвычайно затруднительно.

Основной посыл герменевтики Фуко – субъект истории в большей степени учреждает сам себя, чем техники господства (власть) или дискурсивные техники (знание). Если «теорию политической власти как института обычно связывают с юридической трактовкой субъекта права», то анализ правления (власти как совокупности обратимых отношений), по мнению Фуко, прежде всего сопряжен с «этикой субъекта, определяемого своим отношением к себе»¹⁰⁶. Иначе говоря, здесь нет противопоставления субъекта и объекта, присущего классической науке: у Фуко «вещи существуют только через отношение», а «определение этого отношения является их объяснением»¹⁰⁷. Из-за невозможности «объять необъятное» мы сознательно исключили из дискурса правовое, этическое и особенно экономическое измерения истории, которые также чрезвычайно важны, поскольку они непосредственно связаны с системой личности и определяют ее «заботу о себе». Примечательно, что Фуко подчеркивает принципиальную важность самого субъекта истории, производность от него всех остальных, более широких общественных, политических и других процессов.

В герменевтике Фуко нас привлекает многомерное понимание истории, представляющее диапазон субъективных интерпретаций и утверждающее принципы его археологии знания: «Там, где душа утверждает себя, где Я обретает тождество, идентичность или когерентность, генеалогия пускается на поиски начала <...> Анализ происхождения ведет к растворению Я и оставляет на местах его пустого синтеза тысячу кишащих потерянными событиями»¹⁰⁸. Кажется, Хабермас понял данный принцип так, что субъект познания должен искать некие закономерности в истории, пусть и в виде «случайных начал формаций дискурса»; выявление и анализ различий призваны «преодолевать видимость тождества, а затем и полагаемое тождество, как и идентичность субъекта, пишущего историю»¹⁰⁹. Сам Фуко оправдывает свой подход тем, что историю нужно отделить от презентизма, «от тысячелетней коллективной памяти, которая <...> основывается на документах, чтобы вновь обрести свежесть воспоминаний»¹¹⁰. Пытаясь отделить историю от ее представления и коллективной памяти, Фуко, по мнению Хабермаса, «склоняется к подчиненности дискурсов практикам, лежащим в их основе»¹¹¹. А между тем социальные системы обладают собственной, групповой идентичностью, исходя из которой утверждается идентичность *Ego* (*Ich-Identität*)¹¹².

¹⁰⁶ Фуко М. Герменевтика субъекта. С. 278.

¹⁰⁷ Вен Поль. Как пишут историю. С. 377.

¹⁰⁸ Foucault, Michel. F. Nietzsche, die Genealogie, die Historie / transl. Walter Seitter // Foucault, Michel. Von der Subversion des Wissens. Munich: Hanser, 1974. S. 89.

¹⁰⁹ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. С. 260.

¹¹⁰ Foucault, Michel. Die Geburt der Klinik. Eine Archäologie des ärztlichen Blicks / aus dem Franz. von Walter Seitter. München: Hanser, 1973. S. 14 f.

¹¹¹ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. С. 280.

¹¹² Хабермас Ю. Проблема легитимизации позднего капитализма. С. 12.

Присущие постмодернизму дискурсы проникли и в неоклассические модели исторического исследования, однако их использование в этих двух различных парадигмах существенно различается.

1. Фуко не только противопоставляет внутренние подсистемы системы личности друг другу, но и делает одну из этих подсистем (частное) доминантной над общей системой (общим): «Не субъект играет со своей мыслью или мыслями, но мышление ведет свою игру с субъектом»¹¹³. Иначе говоря, мышление здесь не включается в систему субъекта, оно субъекту противопоставляется. Это противоречит логике системного подхода, в которой общая система представляет собой более высокий уровень репрезентации всех ее составных элементов (подсистем).
2. Многомерная система личности – единая биосоциальная целостность, которую можно делить на подсистемы, или системы меньшего порядка. Это и социальные измерения, и собственно подсистемы личности (психическая, физиологическая, или психофизиологическая, система мышления, духовная и т. д.). Но это разделение исключительно теоретическое, гипотетическое, конструктивное, но никак не практическое, поскольку в реальности они не способны существовать друг без друга. И только в своей целостной совокупности система личности является субъектом – и истории, и социального действия.
3. «Форму мысли, которая стремится определить условия и предельные возможности постижения истины субъектом», Фуко называет философией, а «тот поиск, ту практическую деятельность, тот опыт, посредством которых субъект осуществляет в самом себе преобразования, необходимые для постижения истины» – духовностью¹¹⁴. Здесь речь идет о Высшей истине, познание которой меняет познающего. В историческом познании такой существенной трансформации, которую стоило бы каждый раз рефлексировать, не происходит.
4. Фуко также обращает внимание на то, что познание истины происходит «исключительно в терминах познающего субъекта»¹¹⁵, очевидно намекая на сосюрровские различия между языком (*langage*) и словом (*parole*), «означающим» и «означаемым», смыслом и денотатом, хотя первым на это обратил внимание Г. Фреге¹¹⁶. Однако критерии научного анализа как раз и существуют для того, чтобы отличать номинативные значения от реальных. В многомерном подходе эту задачу успешно решает метод универсальных языковых эквивалентов.

¹¹³ Фуко М. Герменевтика субъекта. С. 386.

¹¹⁴ Там же. С. 311.

¹¹⁵ Там же. С. 41.

¹¹⁶ Frege, Gottlob. Über Sinn und Bedeutung // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. 1892. Bd 100. S. 26–50.

Субъект познания и субъект коммуникативного действия в истории

Обращение к дискурсивной герменевтике Фуко, или, еще раньше – к постпозитивистской герменевтике Шюца – вовсе не означает, что мы полностью разделяем все предлагаемые этими научными школами конструкции и идеи. Прежде всего потому, что они не всегда включают в себя систему личности (субъекта), особенно мышление и психологию личности, без учета которых понять мотивацию социального действия субъекта истории невозможно, а если и включают, то не ставят субъекта в центр событий. Предметом истории в постклассической науке выступают «реальные события, где действующим лицом является человек», но «ни суть, ни цели истории не зависят от присутствия этого персонажа, они зависят от выбора точки зрения»¹¹⁷, т. е. дискурса. Однако и дискурс трактуется постмодернистами по-разному – как историк, Фуко действительно предпочитает изучать практику познания через дискурс, а не наоборот, в отличие от Лакана и представителей семиотики, которых в «разгар структуралистской и лингвистической лихорадки» дискурс интересовал больше, чем познавательная практика¹¹⁸.

Вторая причина – на каждом этапе системного исследования цепь рассуждений должна быть основана на логике – не только смысловой, содержательной, но и по форме своей репрезентации. Как только смысл начинает ускользать – либо из-за математических или иных теорем, которые историк чаще всего не в состоянии лично проверить, либо из-за нагромождения многозначных понятий из разных областей знания – многомерность требует систематизации, системной типологизации, перекрестности и разносторонности наблюдения, разноуровневости анализа, а также максимально корректной и доказательной формы объяснения. Ясность и предметность изложения – одно из требований к историкам цифровой эпохи¹¹⁹, а также важнейшее условие предлагаемого нами метода универсальных языковых эквивалентов.

Завершение краткого анализа герменевтики субъекта требует противопоставления противоположных взглядов Фуко и Сартра на проблему исторического понимания. Здесь антагонизм двух философов истории проявляется наиболее ярко, как столкновение феноменологически-экзистенциалистской и постструктуралистской традиций. Сартр, в отличие от Фуко, был убежден в причинности истории¹²⁰. Если для Фуко история представляется «своего рода картой, сравнительной схемой структурных преобразований и перемещений», то для Сартра она – «своего рода дневник толкования моральных решений и рисков, вызванных критической необходимостью и требовательной реальностью»¹²¹. Понимание истории Сартр-

¹¹⁷ Вен Поль. Как пишут историю. С. 7.

¹¹⁸ Там же. С. 350.

¹¹⁹ См.: Pitkin, Hanna F. The Concept of Representation. Berkeley: Univ. of California Press, 1967.

¹²⁰ Galgano, Michael J.; Arndt, J. Chris; Hyser, Raymond M. Doing History: Research and Writing in the Digital Age. P. 90.

¹²¹ Flynn, Thomas R. Sartre, Foucault, and Historical Reason. Volume One: Toward an Existentialist Theory of History. P. 99.

ром, как рациональной истории отдельных жизней и их внутренних социальных миров, погруженной в биографию, гораздо ближе к нашему пониманию многомерности человека в истории.

У Лумана индивид отличается оперативной закрытостью и воспроизводством («самопродукцией») собственных переживаний¹²². Критикуя интроспекцию субъектной теории познания, Луман утверждает, что познанию всего множества субъектов «предпосылается единый, общий для всех наблюдаемый мир. Однако при этом становится невозможно замкнуть каждого отдельного субъекта как познающую систему, так как единый мир можно противопоставить только некоторому единому, «трансцендентальному» субъекту»¹²³.

3.3.2. Интерсубъективность и интерсубъектность

Если брать за основу социальное взаимодействие между людьми, то образующуюся в результате такого взаимодействия систему коммуникации можно назвать *интерсубъектной*. По Луману, классическая проблема интерсубъектности «отчасти понимается сама собой, отчасти требует своей разработки»¹²⁴. Этот термин, как однокоренное слово «интерсубъективность», до сих пор остается предметом дискуссии¹²⁵: Б. Латур даже назвал интерсубъективность «интеробъективностью»¹²⁶. Поэтому необходимо оговорить значение используемых нами терминов.

Интерсубъектная коммуникация (коммуникативное взаимодействие двух и более индивидов между собой) может быть выражена в различных препозициях: один к одному – это **двусторонняя форма коммуникации**, которую можно обозначить как **бисубъектность**, или субъект–субъектность¹²⁷; один к множеству, множество к одному, множество к множеству – все эти три формы коммуникации представляют собой интерсубъектность в многосторонней коммуникации, или **полисубъектность**, это понятие объясняется как социальное взаимодействие не одного, а многих субъектов¹²⁸.

Ключевым для многомерного подхода является гуссерлевское понимание «**интерсубъективности**» как структуры субъекта, отвечающей самому факту индивидуальной множественности субъектов, в котором Я удостоверяет себя через Другого. В коммуникации с другими людьми формируются различные идентич-

¹²² Luhmann, Niklas. Die Gesellschaft der Gesellschaft. S. 872.

¹²³ Назарчук А. В. Учение Никласа Лумана о коммуникации. С. 65.

¹²⁴ Луман Н. Самоописания. С. 15.

¹²⁵ См., например: Grathoff R., Waldenfels B. (Hrsg). Sozialität und Intersubjektivität: Phänomenologische Perspektiven der Sozialwissenschaften im Umkreis von Aron Gurwitsch und Alfred Schütz. München, 1983.

¹²⁶ Латур Б. Об интеробъективности. С. 169–198.

¹²⁷ См.: Осанов А. А. Интерсубъективность в контексте становления человеческого бытия // Смысл человеческого бытия. Владимир, 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://hpsy.ru/public/x2978.htm>. Дата обращения: 18.07.2018.

¹²⁸ Кемеров В. Е. Общество, социальность, полисубъектность / В. Е. Кемеров. М.: Академ. проект; Фонд «Мир», 2012.

ности человека¹²⁹. Коммуникативный климат влияет на отношения субъектов действия, отношения с друзьями, романтические отношения, которые приводят к рождению семьи, также являются коммуникативными¹³⁰. Поэтому определение «интерсубъективный» выражает отношение, но не субъектность коммуникации; Н. Луман также не выводил интерсубъективность из субъективности, поскольку исходил из внесубъектности коммуникации и надсубъектности социальности, которую эта коммуникация создает. Именно поэтому он считал интерсубъективность предпосылкой коммуникации: «Интерсубъективность ни дана, ни может быть создана... Ее нельзя свести ни к субъекту, ни к социальному априори, ни к “жизненному миру”, ни к “консенсусу” или еще чему-либо в смысле редукции, к чему-то, что всегда уже должно быть дано как предпосылка любой коммуникации»¹³¹. Интерсубъектность апеллирует к субъекту как активной стороне коммуникационного процесса, а интерсубъективность, судя по логике языка социального описания – к его сознанию.

Будучи системным по форме, информационным по содержанию и коммуникативным по назначению (т. е. специально предназначенным для анализа актов коммуникации, создающих социальные связи и отношения), многомерный подход отличается от системно-коммуникативной теории Лумана в том числе и тем, что рассматривает социальные объединения в истории (семью, род, общину и др.) в их динамически меняющейся и самопроизводящейся системной сложности, не вступая при этом в противоречие с их традиционными определениями. Этот подход подразумевает учет всех возможных параметров и характеристик социальных связей, осуществляемых путем прямой или опосредованной коммуникации, формализацию всего корпуса известной информации по единой схеме и их систематизацию в информационном пространстве. Основная ценность такого взгляда в том, что он учитывает не только объективные характеристики *Ego* и его социальных связей, но, что особенно важно, одновременно и его субъективные параметры, что позволяет дополнять объективные характеристики коммуникативных связей такими переменными факторами, как персональные и трансперсональные переживания и ощущения, личные оценки, симпатии и антипатии, другие ментальные особенности личного восприятия в их продолжительной динамике, которые также формируются коммуникацией¹³².

Ego – это не просто «Я» в обывательском смысле этого слова, это «Я», воспринимающее окружающий мир. Смысл *Ego* в понимании Гуссерля и Фрейда не совпадает. С обществом человек соотносится через *Super Ego*, которого нет у младенца, с семьей – как *Alter Ego*, особенно, если младенец рассматривает себя в единстве с матерью. Индивид смотрит на окружающий его мир своими глазами, оценивает других людей в свете накопленных им знаний и личного опыта,

¹²⁹ Wood, Julia T. Interpersonal Communication: Everyday Encounters. Belmont: Cengage Learning, 2002. P. 39.

¹³⁰ Ibid. P. 194, 249–297.

¹³¹ Luhman, Niklas. Erkenntnis als Konstruktion. S. 222.

¹³² См.: Wood, Julia T. Interpersonal Communication: Everyday Encounters. P. 63.

и потому воспринимает именно себя в центре социального континуума в качестве субъекта познания и коммуникативного действия. С точки зрения *Ego*, именно индивид является субъектом всех своих социальных связей и отношений. В качестве объекта его социальных связей выступает другой индивид, *Alter*, с которым он персонально взаимодействует. А поскольку каждый человек и есть *Ego* для себя самого, объектно-субъектные отношения образуют здесь единую и неразрывную «систему личности» (по Парсонсу), которая, в свою очередь, делится на системы меньшего порядка (физиологическую, психическую, ценностно-нормативную, систему мышления и др.).

В науке XX в. существует множество направлений исследования понятия интерсубъектности, которое оказывается очень подвижным и многоплановым. Интерсубъектность, безусловно, можно рассматривать и как дискурс себя, пределов своего Я, своих страхов, желаний и предубеждений (Ж. Делёз, Ж. Бодрийяр, М. Фуко), но в неоклассической модели научной рациональности важнее разграничение, определяемое между самосознанием и сознанием другого человека (М. М. Бахтин, М. Бубер, Э. Гуссерль)¹³³.

Классификацию смыслов и значений категории интерсубъективности предложил А. А. Осанов. Он выделил логическую интерсубъективность Э. Гуссерля и его окружения (Г. Шпет, М. Мерло-Понти), в которой царствует мир логики и идей; эмпирико-семантическую интерсубъективность в постструктурализме (М. Бахтин, Ж.-Л. Нанси, Ж. Деррида, Ж. Делёз, М. Турнье, М. Фуко) с его миром тел, вещей и слов; нормативную интерсубъективность в экзистенциализме (М. Хайдеггер, Э. Левинас, Г. Марсель, Ж.-П. Сартр), с миром ценностей и поступков. Эти и другие подходы в русском переводе приводятся в специальном сборнике, посвященном проблеме интерсубъектности в контексте коммуникации¹³⁴. Особого внимания заслуживает анализ темы П. Рикёром¹³⁵, Х.-Г. Гадамером, Л. Витгенштейном и Б. Латуром¹³⁶, а также понимание интерсубъектности А. Шюцом и К.-О. Апелем¹³⁷.

В коммуникационном анализе интерсубъектные отношения являются и субъектными, и в то же время объектными: субъектными – с точки зрения каждого участника взаимодействия по отношению к самому себе, с одной стороны, и объектными по отношению к другому – с другой. Теоретическое наложение систем субъекта и объекта в общей системе координат позволяет одновременно смотреть на систему коммуникативных связей *Ego* не только извне, как на объект исследования, но и изнутри, предлагая целостный экзистенциальный взгляд на человека как место сгущения коммуникативных связей.

¹³³ Осанов А. А. Бытие-с-другим: интерсубъективный уровень человеческого бытия // Сущность и структура человеческого бытия. Владимир: Владимирск. гос. пед. ун-т, 2001. С. 112–129.

¹³⁴ От Я к Другому: Сб. пер. по проблемам интерсубъективности, коммуникации диалога / под ред. А. А. Михайлова; сост. Т. В. Щитцова. Минск, 1997.

¹³⁵ Маркова Л. А. Интерсубъективность у Э. Гуссерля и П. Рикёра // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. 26. № 4. С. 204–218; Ее же. Плюрализм как основа интерсубъективности: от Э. Гуссерля к П. Рикёру // Интерсубъективность в науке и философии / отв. ред. Н. М. Смирнова. М.: Канон+, 2014. С. 70–83.

¹³⁶ Латур Б. Об интерсубъектности // Социологическое обозрение. Т. 6. № 2. 2007. С. 81–98.

¹³⁷ Апель К.-О. Трансформация философии. С. 214.

3.3.3. Интеробъективность и коммуникация человека с материальным миром

Постмодернистская идея интеробъективности, выдвинутая Бруно Латуром, основана на «Великом смешении» социального и материального, соответственно субъективного и объективного, в специально созданных лабораторных условиях, т. е. в исследовательских, познавательных целях. Говоря о том, что «речь не идет о полном противопоставлении субъективного и объективного», утверждается, что «именно в лаборатории (в широком смысле), благодаря, а не вопреки искусственности и ограниченности экспериментальной ситуации достигается величайшая степень близости между словами и вещами»¹³⁸. На основе отношений взаимного делегирования Латур «дислоцирует взаимодействие посредством ассоциации с не-человеком» и тем самым «выходит из тела», освобождается от него. Именно таким образом в процессе социального взаимодействия участвуют не только, например, социальные животные – тоже субъекты действия, обладающие иной структурой социальности по сравнению с человеком, но и материальные вещи.

Взаимное делегирование создает симметричность. Так, представляя себя на месте пастуха, Латур делегирует деревянному забору задачу удерживать стадо, пока он и его собака будут отдыхать. Поскольку удерживание – это акт действия, на этом основании он считает забор актантом, т. е. субъектом действия. Или другой пример: письменный текст обладает собственной онтологией, бытийностью, поэтому он симметричен читателю, говорит с ним, меняет его, так же, как и человек может его изменить, иначе говоря, выступает, как и человек, в качестве действующего актанта, опосредуя действия других людей. Делегирование субъектности объекту, порождающее симметричность взаимодействия, и называется интеробъективностью.

Однако объединение различных элементов для познавательных целей, где каждый элемент сохраняет свою автономность, функции и значение, и полное их смешение, ведущее к отождествлению, – две совершенно разные вещи. В марксизме понятие производительных сил также объединяет человека как рабочую силу со средствами производства, а также с ресурсами, материалами, сырьем, из которого производится товар.

В пространственном «повороте» коммуникация включает в себя взаимодействие человека с материальным миром, но они не уравниваются, поскольку в нем сохраняется человекоцентричность, необходимая для гуманитарных наук. Предметы материального мира, опосредованно участвующие в коммуникации, не наделяются субъектностью в смысле интеробъективности или в любом другом смысле, поскольку они не могут выступать в качестве самостоятельных источников действия. А «генерализованная симметрия» уравнивает в действиях субъекта и объекта, предлагая оригинальную, но, по большому счету, эпистемологически бесполезную оптику интеробъективности.

¹³⁸ Латур Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Социология вещей: Сборник статей. М.: Территория будущего, 2006. С. 351.

3.3.4. Интрасубъективность коммуникации

Для каждого человека существует свое восприятие многомерности. Религиозный человек, в отличие от, скажем, агностика, обладает по крайней мере одним дополнительным – духовным – измерением реальности, в котором он живет и в котором ведет свой диалог с Богом. Духовное измерение не тождественно религиозному, оно отличается от последнего тем, что выражает конкретно-религиозные аспекты неформальной веры. В рамках религиозного измерения человек просто определяет свое отношение к вере: суеверия – это дорелигиозные реликты религиозности, а атеизм – вера в то, что Бога не существует. Научный скептицизм также может быть определен как вера, например, вера в созидательную и познавательную силу научного метода, но вряд ли он относится к религиозному измерению, это отдельное измерение личности.

Коммуникация – это не только отношения двух или нескольких людей между собой, но и отношения субъекта с самим собой, которые в психологии выделяются как **внутренний диалог**. Как и внутренний монолог, внутренний диалог относится к сфере **интрасубъектной коммуникации**, но здесь есть адресат. Ее также называют интраперсональной коммуникацией¹³⁹. Внутренний монолог – это обращение к самому себе, *Alter Ego*, «другому Я», совести, т. е. рефлексия. В исламском сокровенном знании это понятие концептуализировано в ключевом суфийском термине *ал-хатиф* (мн. ч. *ал-хаватиф*)¹⁴⁰. Парсонс определял взаимодействие *Ego* и *Alter Ego* как самую элементарную форму социальной системы¹⁴¹. Внутренний диалог – это обращение верующего к Богу, к светлым образам в молитвах, помыслах, в религиозной и повседневной жизни, духовный разговор. Поэтому эта форма интрасубъектной коммуникации имеет особое значение для изучения религии, религиозных процессов и религиозного сознания.

Введение в научный оборот категории интрасубъектности позволяет нам учитывать максимальное число аспектов коммуникации. Изучение системы личности невозможно без изучения системы его мышления, психики, физиологии, эмоций, психофизических особенностей.

3.3.5. Понятия транссубъективности и транссубъектности

Понятие транссубъектности/транссубъективности возникает из различения еще одной формы существования субъектности/субъективности. Субъектность выражает себя не только через *интерсубъектность* и *интрасубъектность*, но и через *транссубъектность*, подобно тому, как *интерсубъектность* в реальности представляется как *бусубъектность* и *полисубъектность*.

¹³⁹ *Cunningham, Stanley B.* Intrapersonal Communication: A Review and Critique // *Communication Yearbook*. No.15. 1992. Newbury Park, CA: Sage Publications. P. 597–620.

¹⁴⁰ См.: Аликберов А. К. Эпоха классического ислама на Кавказе. С. 535–536.

¹⁴¹ *Towards a General Theory of Action* / ed. by T. Parsons, E. Shils. P. 5–6.

Транссубъективным считается то, что лежит по ту сторону субъекта, не зависит от него. С помощью интерактивного метода включенного наблюдения историк как субъект познания может смотреть на реальность недавнего (зафиксированного с помощью технических средств самим наблюдателем) прошлого глазами субъекта коммуникативного действия в истории. **Это познание (восприятие и осознание) внешнего опыта.** В этой ситуации возникает ситуация транссубъективного восприятия.

Принцип транссубъектности позволяет изучать социальные процессы и явления прошлого через индивидуальное восприятие своего времени (системного времени) каждым историческим *Ego*, насколько это позволяют делать источники. Иначе говоря, транссубъектный принцип отличается от интересубъектного тем, что первый апеллирует к внешнему опыту, ставя человека в истории в центр внимания и рассматривая любой акт коммуникации с его угла зрения, а второй – к социальной связи между индивидами, уводя, таким образом, острие внимания исследования от личности человека в сторону содержания его коммуникативных актов. Для многомерной истории интересубъектность не менее важна, чем транссубъектность, но при этом транссубъектность обеспечивает особый фокус данного подхода.

Проблема транссубъективности относится к числу недостаточно изученных в теоретическом смысле, чего нельзя сказать о практическом опыте исследования самого феномена. Н. Лосский, который одним из первых ввел понятие «транссубъективность», сетовал, что «**проблема транссубъективности** внешнего опыта осталась совсем не решенною, а важные открытия по вопросу об объективности были искажены примесью искусственных построений»¹⁴². Чтобы объяснить понятие транссубъективности, Н. Лосский предлагал обратиться к переживаниям, совершенно лишенным пространственных форм, они «живо чувствуются, как нечто транссубъективное»¹⁴³, но могут быть и более общие основания транссубъективности. Такой подход смешивает транссубъективность с интрасубъективностью: в первом случае переживание связано с восприятием человеком внешнего мира и его пониманием, а во втором – с внутренним миром *Ego*¹⁴⁴.

Исследуя проблему онтологического статуса пространства и времени, М. В. Мазарский пришел к выводу о необходимости рассматривать транссубъективность как инстинктивно воспринимаемую непрерывность человеческого существования¹⁴⁵. Речь идет об ощущении времени, его рефлексивном переживании, матрице его восприятия – текущего и исторического – в сознании наблюдателя, «стреле времени», соединяющей «представляемое прошлое и пережи-

¹⁴² Лосский Н. Обоснование интуитивизма. С.-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1906. С. 128.

¹⁴³ Там же. С. 141.

¹⁴⁴ Религиозный опыт, как и любой личный опыт, основанный на познании действительной или иллюзорной реальности, вполне может быть и транссубъективным, см.: Смелова Н. Е. Транссубъективный характер опыта молитвы (С. Булгаков и И. Ильин) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 374. С. 67. Однако в научном познании опыт молитвы, обращенной к Богу, остается интрасубъективным, хотя верующий человек искренне убежден в его транссубъективности: для него Бог – абсолютно реальная Высшая истина, находящаяся за пределами человеческого сознания.

¹⁴⁵ См.: Мазарский М. В. Интересубъективность и транссубъективность: Левинас, Пуанкаре, Бергсон, Пригожин // Философские науки. 2010. № 7. С. 57.

ваемое настоящее»¹⁴⁶. В своем исследовании М. В. Мазарский противопоставил интерессубъективности Э. Левинаса и А. Пуанкаре транссубъективность А. Бергсона и И. Пригожина.

В понимании Анри Бергсона, оказавшего значительное влияние на М. М. Бахтина, транссубъективность мироощущения предполагает **восприятие реальности как взаимной сопричастности, всеобщего и всепроникающего взаимодействия**¹⁴⁷. Транссубъективность относится к транссубъектности так же, как интерессубъективность к интерессубъектности. Интерессубъектное коммуникативное взаимодействие, маркирующее строго направленное действие, в соответствии с используемыми моделями коммуникации, позволяет выявлять внешние связи индивида, субъекта коммуникативного действия. Принцип, изучающий коммуникативные интеракции через восприятие наблюдателя (субъекта исторического познания) *внешнего опыта*, охватывающего все аспекты коммуникативного взаимодействия субъекта истории, называется **транссубъектным**.

Наблюдение И. Пригожина о «стреле времени» как внутреннем времени системы, связанное с неравномерностью развития Востока и Запада, выводит историка на проблемы межкультурной коммуникации и особенно социального возраста культуры, который остается крайне спорным и неоднозначным концептом, требующим рациональной рефлексии. М. М. Бахтин и Н. Луман прямо не говорят о транссубъектности, однако этот принцип является основополагающим в их размышлениях о времени. Хронотоп Бахтина предполагает конкретно-историческое видение времени в его неразрывном единстве с пространством. В исторической методологии Лумана время также рассматривается вместе с пространством¹⁴⁸, но в дополнение к этому он понимал под системным временем его субъективное восприятие конкретным человеком, в зависимости от его психологических и культурных predispositions, или, по Бурдье, габитуса.

Транссубъектность также подразумевает возможность наблюдения за всеми типами социальных процессов (общественными, политическими, этническими, религиозными, экономическими, правовыми и др.) не абстрактно, не оторванно от среды, а с точки зрения обобщенного участника этого процесса. В такой интерпретации применение принципа транссубъектности для изучения большинства исторических примеров, где впечатления свидетеля/участника описаны недостаточно полно или односторонне (например, в хрониках – с точки зрения автора хроники), имеет серьезные ограничения, но такой принцип необходим для выявления сущностных, актуальных для человеческой личности связей и отношений. В любом случае, это еще один новый дискурс, при учете которого иерархия и реальное значение социальных институтов и явлений, связанных с важнейшими аспектами истории, приобретают познавательное более ясные и четкие очертания.

¹⁴⁶ Мазарский М. В. Интерессубъективность и транссубъективность. С. 61.

¹⁴⁷ Бергсон А. Творческая эволюция / пер. с фр. В. Флеровой; вступ. ст. И. Блауберг. М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2001. С. 195. Мазарский М. В. Интерессубъективность и транссубъективность. С. 58.

¹⁴⁸ Аликберов А. К. Принцип транссубъективности в исторической методологии Н. Лумана // Вестник РУДН. Серия «Всеобщая история». № 2. 2019. С. 5–11.

Таким образом, историческая реальность, опосредованная личностью исторического человека, его сознанием (историческим сознанием) и мышлением (историческим мышлением), представляется как транссубъектная, для наблюдателя она представляет собой множество субъективных «жизненных миров» исторических Его.

По словам А. Шюца, под таким углом зрения особую ценность представляет феноменологическая философия Э. Гуссерля, претендующая на то, чтобы быть «философией человека, живущего в своем жизненном мире»¹⁴⁹. Сам Шюц вводит в научный оборот понятие «интерсубъективный мир», под которым он понимает «мир повседневной жизни», который «существовал задолго до нашего рождения, пережитый и проинтерпретированный другими, нашими предшественниками как организованный мир»¹⁵⁰. В отличие от «интерсубъективного мира», субъективный мир исторического Его неразрывно с ним связан, представляет его повседневную реальность, наполнен особыми, только ему известными смыслами и ценностями, которые выстраданы и осмыслены им к настоящему моменту.

Транссубъектность также учитывает полисубъектность. Поскольку в центре внимания гуманитарного исследования все время должен оставаться человек, субъект истории, то и взгляд историка должен проникать «сквозь» него, точнее, опосредованно через личность исторического Его. Если индивидуальные жизненные проекты Его формируются «в зависимости от интерсубъективно расчленившихся жизненных взаимосвязей»¹⁵¹, то конкретное содержание коммуникативных связей в анализе исследователя (внешнего наблюдателя) определяет транссубъектное отношение к ним. Транссубъектность сама по себе не обеспечивает полную сохранность и абсолютно точную передачу информации в процессе коммуникации, поскольку информация в любом случае пропускается через когнитивную и психическую системы сразу двух субъектов – сначала субъекта истории и опосредованно через него – субъекта познания. Информация передается в переосмысленной, но транссубъективно освоенной форме, что подразумевает сопричастность познающего сознания к процессу познания, оказывающему на него определенное влияние. Здесь значение и смысл соединяются по-новому, но с более высоким коэффициентом точности, чем во внешней для наблюдателя интерсубъектной коммуникации, имеющей символическую природу¹⁵².

Каждый из участников интерсубъектной коммуникации по-своему отражает этот процесс так, как он его видит, ощущает и оценивает, формируя собственное отношение к результатам диалогического взаимодействия. В акте интрасубъектной коммуникации субъект обращается к самому себе как к объекту, пытаясь понять себя, осознать свои цели и намерения. Транссубъектность позволяет изучать внешний опыт через сопричастие, сопереживание, интерактивную ком-

¹⁴⁹ Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. С. 182.

¹⁵⁰ Шюц А. О множественности реальностей. С. 4.

¹⁵¹ Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? М.: Весь мир, 2001. С. 12.

¹⁵² Percy, Walker. The Symbolic Structure of Interpersonal Process // Psychiatry. 1961. No. 24. P. 39–52.

муникацию. Коммуникация человека с природой также исследуется с помощью субъект-объектных отношений, в которых субъект меняет объект в соответствии со своими потребностями, но при этом и сам меняется по мере большего понимания природы объекта.

3.3.6. Различение субъективности и транссубъективности исторического познания

Мы уже говорили о том, что концепция социальной многомерности истории и культуры, которая легла в основу многомерного подхода, исходит из повседневного понимания реальности обычным человеком. По этому пути идут практически все неоклассические подходы, которые выступают против излишней категоричности, дискурсивности и искусственного усложнения простых истин со стороны некоторых течений постклассической науки, не упрощая при этом реальную сложность социальных процессов и событий прошлого и настоящего и не отвергая содержательные познавательные «повороты» постмодернизма. По выражению Л. Г. Ионина, «постмодерн возвращает человеку множество миров, но это его собственное множество миров, которое ему не навязано ни Богом, ни природой»¹⁵³.

Ориентация на познание относительной истины об отдельных исторических объектах не подразумевает единственно верного ответа на поставленный вопрос. Она допускает возможность сосуществования и взаимодействия нескольких конкретных теоретических описаний и определений одной и той же реальности, осознающей свою зависимость от применяемых средств и операций познавательной деятельности.

«Понимающая» социология М. Вебера считала конституирующим признаком социального субъективный смысл, подлежащий и доступный пониманию. Если для удобства анализа Э. Дюркгейм приравнивал социальные факты к вещам, то Вебер видел между социальным действием, которое он рассматривал в качестве эмпирического факта, и его эмпирической средой «прокладку» в виде субъективного смысла (интерпретации и понимания эмпирической реальности действия), считая этот субъективный смысл главным конституирующим фактором социального¹⁵⁴.

Философская онтология различает объективную реальность, существующую независимо от сознания человека, и реальность субъективную. Процесс исторического познания может быть как субъективным, так и транссубъективным, если он направлен на внешний опыт, непосредственно недоступный для познающего. На отличия между научным и реальным, «жизненным» мирами указывал Хабермас, ссылаясь на О. Хаксли: «Химик, физик и физиолог обитают, по сути, в совершенно ином мире – не в универсуме данных явлений, но в мире раскрытых, чрезвычайно рафинированных структур, не в мире переживания неповторимых структур и разнообразных свойств, но в мире изменяемых закономерностей»¹⁵⁵.

¹⁵³ Ионин Л. Г. Социология культуры. С. 212.

¹⁵⁴ Там же. С. 42.

¹⁵⁵ Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». С. 118.

Точно так же субъективно любое восприятие времени и объективной социальной реальности. Например, несколько человек смотрят на картину и потом описывают ее. Дальтоник видит черно-белое полотно, он так его и опишет, возможно, даже не затрагивая вопрос о цвете в общепринятом смысле; слабовидящий передаст самую общую идею изображения в красках, но без деталей, которые он не в состоянии различать. Человек необразованный или совершенно не знакомый с данной культурой обнаружит лишь бессмысленные образы, которые он не сможет объяснить. Соответственно для каждого *Ego* реальность такова, какой он ее воспринимает в своей физической и социокультурной реальности.

Человек, животные и насекомые видят и ощущают реальность по-разному не только из-за различного строения и возможностей органов чувств (зрения, обоняния, слуха и др.), но и вследствие разного восприятия времени и пространства. Это означает, что в системном историческом познании имеет значение лишь человеческое измерение реальности, бахтинское «человеческое видение». Далее, с помощью технических средств ученый видит, что тот или иной цвет возникает от сочетания определенных волн в электромагнитном спектре источника света, на атомарном уровне нет цвета, а конкретные предметы реального мира имеют совсем другую структуру и вид: под микроскопом гладкое оказывается негладким, неживое – живым, чистое – грязным, неподвижное – подвижным. Следовательно, о познании исторического опыта, внешнего для исследователя, так же как о познании объективной реальности окружающего мира, можно говорить только в рамках естественного восприятия и естественного измерения человеческого опыта.

Теперь вместе с Н. Луманом спустимся с философского уровня описания обычного человеческого восприятия на уровень собственно научного восприятия, посредством которого совершается контакт науки с реальностью. Луман считает, что даже в этом случае сохраняется проблема ложного восприятия, которая «может решаться исключительно в обращении к самореференциальности процесса познания»¹⁵⁶. Методы исторического познания, будучи методами науки, не могут ограничиваться естественным измерением человеческого опыта. Речь идет об использовании исследовательских конструктов – формальных, или аналитических, которые не претендуют на реальность своего существования. К этим конструктам относится почти весь понятийный аппарат науки, по крайней мере все собирательные понятия, включая понятия систем и коммуникации. Эти конструкты могут противоречить реальности в ее естественном измерении.

«Понимающее» научное познание также субъективно. Но одно дело – субъектность в точных науках, где она нивелируется универсальными стандартами научности, методологией, научными методами познания, а также точным, не допускающим разночтений предметом познания. Совсем другое дело – в сфере исторических интерпретаций прошлого и шире – в предметной сфере теории и методологии гуманитарных наук, так или иначе связанной с историческим познанием, где строгая сциентизация по образцу естествознания просто невозможна. Здесь возникает проблема, которую обозначил еще Ю. Хабермас: «каким обра-

¹⁵⁶ Луман Н. Истина, знание, наука как система. С. 150–151.

зом сегодня еще естественная связь между техническим прогрессом и социальным жизненным миром может быть подвергнута рефлексии и поставлена под контроль рациональной дискуссии»¹⁵⁷. Особенно с учетом «непостижимого ускорения» (Л. Февр) и историчности самого исторического сознания¹⁵⁸.

Исследователи различают историю как познание прошлого и историю как культуру, определяющую коллективную идентичность. Познание истории, будучи процессом интеллектуальным, имеет динамические характеристики. Историческое знание проникает в сознание историка и изменяет его: открытие одного факта влияет на понимание другого¹⁵⁹. Эволюция взглядов историка – одна из проблем историографии истории, которая классифицирует взгляды исследователей, ориентируясь на точки бифуркации, отделяя их «раннее» творчество от «позднего».

В системно-коммуникационном анализе большая объективность «понимающего» человеческого познания, в том числе в рамках отдельных научных дисциплин, складывается из симфонии целого множества наработанных аргументированных научных мнений, основанных на достоверных исторических источниках и исключающих ненаучные и ошибочные мнения. Это предполагает согласование друг с другом (на основе общих методологических принципов) различных, в том числе противоречащих друг другу, транссубъектных видений историка: историческое познание не может осуществляться вне сознания познающего субъекта. Согласно Т. Зелдину, историк может предложить читателям только личное видение прошлого, на основе этого читатель, руководствуясь собственными представлениями о прошлом, формирует свое видение события¹⁶⁰.

Транссубъектность исторического познания является основной причиной большей персонализации гуманитарного знания, чем это допускается в точных науках, и его большей интерпретативности. Утверждение о том, что наряду с деятелями истории историк тоже делает историю, предлагая тот или иной дискурс, выпячивая одни события и игнорируя другие, по своему усмотрению высвечивая те или иные факты, которые получают значение исторических¹⁶¹, относится к нарративной, а не к цифровой истории, которая по своему содержанию является информационной.

Э. Карр уверяет, что факты истории «не существуют и не могут существовать в чистом виде»¹⁶². Они не могут быть объективными, поскольку историк отбирает их субъективно, по своему усмотрению¹⁶³. По всей видимости, развитие этой мысли приводит к ошибочному мнению, что «функция историка сродни функции художника, а не фотоаппарата», нельзя «воспроизводить без разбора все, на чем

¹⁵⁷ Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». С. 121.

¹⁵⁸ Репина Л. П. Эффекты «непостижимого ускорения», или феномен презентизма в истории исторического сознания // Диалог со временем. 2018. № 65. С. 47.

¹⁵⁹ Дюбюк А. История на перекрестке гуманитарных наук. С. 2.

¹⁶⁰ Zeldin, Theodore. *Ourselves as We See Us* // Times Literary Supplement. 31 December 1982; цит. по: Тош Дж. Стремление к истине. С. 151.

¹⁶¹ Тош Дж. Стремление к истине. С. 7.

¹⁶² Карр Э. Что такое история? С. 29.

¹⁶³ Там же. С. 120.

задержался взгляд»¹⁶⁴ – в первую очередь, потому, что цифровая история имеет дело с тотальной фиксацией «цифровых следов». Поэтому высказывание Карра справедливо лишь по отношению к нецифровой истории, а не к исторической науке вообще.

Безусловно, историк является субъектом познания, а фотоаппарат – инструментом. История процессуальна, она имеет временное, темпоральное измерение, в то время как фотоаппарат фиксирует лишь статистические моменты застывшего времени. Художник опирается на воображение и образы, но и он не может запечатлеть момент застывшего времени – он увековечивает лишь свое видение этого момента, собственную субъективную интерпретацию. Историк опирается на реальные факты, имевшие место в прошлом. В чем-то скрупулезная работа историка над источником, последовательно и тщательно выявляющая детали минувших событий, действительно ближе к работе фотоаппарата, точнее, целого класса аппаратов, бесстрастно фиксирующих информацию – магнитофонов, видеокамер, диктофонов, регистраторов и др. Но, в отличие от технических средств, историк выявляет и воспроизводит картины прошлого с их понимающим объяснением, и не все «без разбору», сплошным потоком, а строго в соответствии с объектом и предметом своего исследования.

Избирательное отношение историков к фактам сегодня все еще является вынужденным, оно обусловлено объективной недостаточностью источников. Цифровая история по определению будет лишена этого недостатка, поскольку работает с массивом «больших данных» о жизнедеятельности каждого человека. В свою очередь, эти данные накапливаются благодаря тотальной цифровизации в условиях информационного общества. Фокус анализа естественным образом поворачивается от традиционного описания событий к «тотальной истории», в центре которой оказывается человек – не только исторический герой, но практически каждый пользователь цифрового мира, оставивший свой след в информационном пространстве. В таком случае личность даже самого «маленького» человека с его интересами и действиями приобретает важное значение для понимания более широких социальных процессов в истории.

Возможно, когда-нибудь нынешнюю избирательность историков в освещении отдельных фактов из нерасчлененной массы событий прошлого также назовут «произволом», как и *ad libita librarii* – «произволом переписчиков», ведь их «произвол» при создании списков манускриптов тоже был вынужденным. В цифровой истории субъективная роль историка минимизируется. История принадлежит только субъектам истории, а субъектам исторического познания принадлежит лишь предмет истории.

Историю общества и культуры нельзя представить без таких ситуаций, когда локальные комплексы ценностей и установок, действующие как информационно-коммуникационные фильтры, по каким-то причинам воспринимаются как универсальные и, как таковые, выходят за рамки собственной информационно-коммуникационной среды. Можно ли в подобной ситуации фиксировать информацию «как

¹⁶⁴ Namier, Lewis B. *Avenues of History*. Hamish Hamilton, 1952. P. 8.

есть», не погрузившись в экзистенциальный акт, иррациональный поток переживания новых культурных смыслов, т. е. не утратив, хотя бы на время, взгляд независимого, нейтрального наблюдателя? Очевидно, это не совсем возможно, если иметь в виду, что любое познание субъективно, а информация, проходящая через познающее сознание, неизбежно трансформируется.

* * *

Теоретико-методологические основоположения – это те столпы, которые образуют скелет многомерного подхода, делают его оригинальным: ни у Парсонса, ни у Лумана, ни у других теоретиков таких положений нет. Впервые коммуникативный по своему характеру инструментарий основан не на диалектической философии с ее диалектическими связями и отношениями, а на конкретных, совершенно реальных коммуникативных связях и отношениях. Коммуникативные отношения (*relations*), в свою очередь, открывают прямой путь к реляционным методам – несравненно более точным и проверяемым, чем общий сравнительный подход, оперирующий относительными категориями. Иначе говоря, коммуникативные связи и отношения приходят на место диалектических, поскольку первые можно идентифицировать (соответственно и верифицировать), а диалектические – нет. Это принципиально важно, когда мы говорим об идентификации знания, а информационная система знания невозможна без идентификации этого знания. Кроме того, в диалоговых конструкциях коммуникации основным является само идентифицирующее знание, которое, по определению П. Стросона, «известно или должно быть известно слушающему»¹⁶⁵. Он также отождествляет с идентифицирующим знанием референциальное знание, относящееся к конкретному человеку, что, в свою очередь, может быть сопоставлено с референцией и самореференцией в системно-коммуникативной теории Н. Лумана.

То же самое касается эпистемиологической проблемы субъекта. Если бы мы в рамках междисциплинарного исследования говорили о межличностной (интерсубъектной) коммуникации, то можно было бы обойтись принципом интерсубъектности. Однако мы пытаемся погрузиться на первичный уровень реальности, как того требует трансдисциплинарный подход. Поэтому акцент сделан на изучение внешнего опыта, который исследователь переживает как свой, отсюда возникают позиция транссубъектности и нарративы транссубъективности.

Мы также расширили понимание системности, включив в нее измерения истории как системы и системные проявления социальности в различных аспектах истории. Измерения истории сопоставляются с измерениями человека, выражающимися в его множественной идентичности. Это позволило наполнить реальным содержанием понятие многомерности истории. Если у человека его различные идентичности выражаются в аспектах социальности – этническом, религиозном, политическом, культурном и др., то именно эти аспекты должны быть представлены как измерения истории.

¹⁶⁵ Strawson, Peter F. Identifying Reference and Truth Values // *Theoria*. 1964. No. 30. P. 100.

Через анализ исторического времени мы выходим на проблемы стадийности развития и закономерностей исторических изменений, которые проявляются на различных этапах развития человечества. Это как возрастные градации, этапы роста, присущие всем живым организмам, а также характерные для каждого возраста поведение и навыки. Стадиальные преобразования культуры, в том числе общественной, политической, этнической и религиозной, имеют основное сходство, как констатировал Харольд Айзекс, независимо от того, происходят ли они в Литл-Роке или Кении, Вьетнаме или Пакистане, Бельгии или Биафра¹⁶⁶. Рассуждения о конце истории спекулятивны, пока живет человечество.

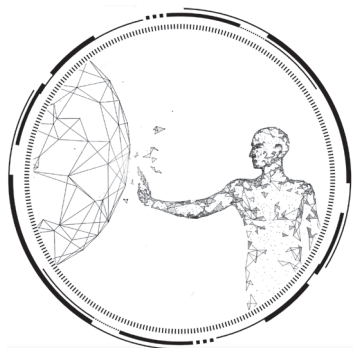
Таким образом, история представляет собой непрерывный, взаимосвязанный и многомерный процесс, в котором события одного периода подготавливаются в предшествующие периоды. В этой всеобщей или глобальной истории отдельно можно изучать истории народов и стран, а в рамках отечественной истории – истории краев и регионов, социальных групп и местных общин.

Стадийность не проявляется линейно для всех обществ (как сообществ всех людей), живущих в одно историческое время, одновременно, она растянута во времени, имеет различные локусы, обусловлена множеством факторов, проявляется в различных формах и измерениях, основными из которых могут быть признаны выделенные нами аспекты (измерения) истории – общественный, политический, этнический и религиозный. Возрастающая сложность исторических процессов не позволяет нам изучать их сразу, во-первых, в единстве и целостности, а во-вторых – в масштабе всемирной истории.

Познавательные возможности нового подхода раскрываются при отдельном исследовании исторических закономерностей в каждом из этих аспектов истории или даже их логических сочленениях – общественно-экономическом, социально-политическом, этнокультурном, религиозно-философском, нравственно-этическом, для конкретной исторической общности, народа. Картина многомерности воссоздается при объединении этих отдельных аспектов истории и их сочленений в один общий многослойный файл всеобщей истории.

При использовании коммуникативных методов в системном историческом познании исследователю следует помнить о непрерывности и связности исторического процесса; возрастании темпа истории: историческое время ускоряется, и чем дальше, тем больше; усложнении живых и неживых систем в процессе их развития. Системы и порождаемые ими процессы усложняются с каждой новой фазой развития. Сегодня в политическом лексиконе это усложнение скрывается под определением «гибридизация». Это означает, что будут усложняться и исторические процессы, что естественно потребует и нового, более совершенного инструментария для их изучения. В условиях экспоненциального роста цифровых источников, быстрого накопления больших данных появляется потребность в специфическом и разнообразном цифровом инструментарии для обработки огромных массивов цифровых данных, способном обеспечить надежный научный результат.

¹⁶⁶ Isaacs, Harold R. *Idols of the Tribe: Group Identity and Political Change*. N.Y.: Harper and Row, 1975. P. 43.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ МНОГОМЕРНОСТИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Концепция социальной многомерности истории и культуры, составляющая сердцевину многомерного подхода, дает пространственное объяснение системной сложности социокультурной реальности и множественной идентичности человека, а также необходимую глубину и дополнительные плоскости анализа, которые предназначены для объемной развертки исторических событий, социальных структур и связанных с ними процессов. Целью этой пространственной метрики является создание N-мерной и интегративной аналитической платформы исторического исследования для максимально корректного использования различных концептуальных схем, объяснительных и рабочих моделей, методов коммуникативного анализа и многомерной статистики.

О сложной природе социальных явлений говорил еще Макс Вебер, утверждавший, что они не могут быть сведены к одному измерению или объяснению. Мартин Хайдеггер писал о пространственности бытия-в-мире, пытаясь понять «бытие в пространстве» из способа бытия этого сущего¹. Предлагаемая концепция, интегрирующая общие идеи понимающей социологии М. Вебера, М. Хайдеггера, Э. Гуссерля, а также концептуальные положения теории системы Н. Лумана, интерпретативной антропологии К. Гирца и многомерного «культуросоциологического» анализа Дж. Александера, исходит из принципиального системно-логического различения **фундаментальных измерений социокультурной реальности, в том виде, как они рефлексированы в человеческом сознании, отражающем конкретное**

¹ Хайдеггер М. Бытие и время. С. 127.

бытие-в-мире. Потому они представляются нам совершенно реальными, относительно автономными и вполне определенными: «в повседневности присутствия они имеют свою собственную и сплошь понятную определенность»². За каждым из этих измерений стоит **особая форма идентичности человека**, а также **важнейшие универсальные типы человеческих сообществ**, которые образуют «народ» – **общественный** («общество», *демос*), **политический** (*нация*), **этнический** (*этнос*) и **религиозный** («*богоизбранный народ*», «*соборный народ*», «*Христовый народ*», «*мусульманский народ*», *умма*).

Фокус на систему личности, характерный для «нового историзма» в интерпретации К. Гирца, и человекомерность многомерного подхода, как она представлена у Дж. Александера, заставляют понимать реальность в ее человеческом восприятии, а не в абсолютном, идеальном, доведенном до абсурда дискурсе, существующем за пределами непосредственных физических ощущений: на атомарном или молекулярном уровнях реальность бытия выглядит совсем по-другому, чем на уровне повседневного восприятия. Именно к такой человеческой форме понимания социокультурной реальности применима концепция социальной многомерности.

В психологической науке высказывалось мнение, что социокультурная реальность, наряду с эмпирической и экзистенциальной, считается одним из трех базовых измерений многомерного мира человека³. В. В. Знаков подчеркивает, что она возникает в результате «объективации содержания индивидуального и группового сознания. В социальной среде взаимодействующие субъекты не отражают, а порождают, конструируют значения, смыслы и ценности»⁴. Это тонкая реальность коммуникации, процесса, движения, или, как выразился Петр Штомпка, она выражает «не статическое состояние, а динамический процесс, она происходит, а не существует, она состоит из событий, а не из объектов»⁵.

Для чистоты анализа и соблюдения однопорядковости критериев внутри одной системы различение фундаментальных измерений осуществляется **отдельно для социетальных систем общества и отдельно для культуры**. Фокус на всю социокультурную систему в целостности осложнит анализ отдельных измерений социокультурной реальности, по-разному проявляющихся в феноменах социальности и культуры. Далее, именно на этой основе мы рассматриваем **социальные измерения истории и самого человека** как системы личности.

Измерения социальности и культуры не являются произвольными, хотя и являются исследовательскими конструктами. Они объективно выделяются и различаются самим человеком и даже исторической наукой, будучи предметом отдельных научных дисциплин исторического профиля, и именно в этом качестве они имеют свой онтологический статус. Важно, что эти важнейшие измере-

² Там же. С. 128.

³ Знаков В. В. Многомерный мир человека: типы реальности, понимания и социального знания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2012. № 3. С. 18–29.

⁴ Там же. С. 19.

⁵ Штомпка П. Социология социальных изменений. С. 266.

ния человеческого бытия одновременно являются общими как для истории, так и для культуры, а также для самого человека, его множественной идентичности, его восприятия времени и событий во времени.

4.1. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МНОГОМЕРНОСТИ СИСТЕМНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ СОЦИАЛЬНОГО ЦЕЛОГО

Мы не можем начать анализ вопроса о социальной многомерности истории и культуры, пока не раскроем фундаментальный характер системных измерений человеческой социальности. В противоположность Парсонсу и особенно Луману, абсолютизовавшим феномен общества, **социальность здесь является порождающим феноменом для общества, а не его порождением**. Именно поэтому мы выделяем прежде всего социальность и через нее выходим на историю и человека. Не случайно исследователи называют **системные части социального целого именно измерениями (dimensions) социальности** в широком смысле этого слова⁶. Социальные измерения, или аспекты, выделяются в самых разных сферах человеческой деятельности, в том числе в научном знании⁷.

Принцип иерархичности многомерного подхода учитывает, что именно **феномен человеческой социальности посредством коммуникации создает культуру, а не наоборот**. Поэтому начнем исследование феномена многомерности с анализа фундаментальных измерений социальности, проявляющих себя в социальной коммуникации, социальном порядке, в системах социальной организации, а также в социальных системах, которые являются повседневными структурами социальности.

В строгом дисциплинарном исследовании принципиальное значение имеет определение предмета познания. Историю можно изучать в том числе с помощью других наук, но только до определенных пределов. Исторические события логически завершены, в то время как историческое познание в других науках так или иначе связано с современными процессами, которые и представляют предмет этих наук. Как только фокус изучения смещается, появляется предметная область другой науки. Так, смещение фокуса анализа в сторону социологии выдвигает **систему социального порядка и систему социальной организации** на передний план изучения как целостную совокупность систем собственно общественной, политической, этнической, религиозной организации. Изучением **исторического развития** этих систем занимается **историческая социология**.

Через исследование отдельных измерений истории в дисциплинарных рамках культурологии можно выйти непосредственно на анализ исторического измерения отдельных, относительно самостоятельных **систем культуры** (как подси-

⁶ Glynn, Jason; Howarth, David R.. Logics of Critical Explanation in Social and Political Theory. Routledge, 2007. P. 112.

⁷ Longino, Helen. The Social Dimensions of Scientific Knowledge // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2019 Edition) / ed. by Edward N. Zalta. [Electronic resource]. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2019/entries/scientific-knowledge-social>. Retrieved 22.10.2018.

стем системы культуры по Парсонсу) – общественной, политической, этнической, религиозной. Это предметные области **исторической культурологии**.

Изучение системы культуры в совокупности со знаковой (языковой) формой ее осмысления и трансляции выводит нас на понятие «**система лингвокультуры**». Обращение к лингвокультуре позволяет апеллировать к целостным и сравнительно самостоятельным системам языковых картин мира на уровне лингвокультурного сообщества, выявляя коммуникативные связи между ними. Эта особая категория коммуникативных связей и отношений, не тождественная ни этническим, ни национальным (в широком смысле) коммуникациям.

Для изучения социокультурной системы как целостности усилиями многих исследователей, от Питирима Сорокина до Парсонса и Хабермаса, былработан социокультурный подход. В немецкой историографии на стыке культурологии и социологии стала складываться новая область знаний, в наибольшей степени соответствующая социокультурному подходу – **культурсоциология**, с потенциальной возможностью отпочкования от нее **исторической культурсоциологии**. Собственно в рамках культурсоциологии и разрабатывалась **методология многомерного культурального анализа** Дж. Александера.

4.1.1. Разделение социального целого на измеряемые части (измерения) для системного многомерного анализа

В науке исследование сложных систем осуществляется по частям, путем их расчленения на некоторое число порядком меньших подсистем, на основе которых строятся топологические модели. Затем отдельно проводится анализ каждой из подсистем с целью получения частных решений, «общее решение получается путем сочленения полученных частных решений для подсистем»⁸. Поскольку социальное взаимодействие обеспечивается различными типами коммуникации, в системно-коммуникационном анализе различные аспекты социальности (как частное) выступают как формы выражения социальности вообще (как общего). Системное измерение исторического процесса несколько уже, конкретнее, поскольку затрагивает только прошлое социальных систем человечества во всем их многообразии. Оно позволяет изучать это прошлое со всех сторон, с учетом всевозможных факторов: не только в рамках отдельных аспектов истории – общественного, политического, этнического, религиозного, но и каждый из этих аспектов – с помощью специальных системных методов, а также методов других наук – социологии, политологии, этнологии, религиоведения.

Согласно Грегори Бейтсону, «деление воспринимаемого мира на части и целое удобно и, может быть, неизбежно, но ничто не вынуждает нас делать это каким-то одним определенным образом»⁹. Иначе говоря, таких способов может

⁸ Крон Г. Исследование сложных систем по частям – Диакоптика / пер. с англ. под ред. А. В. Баранова. М.: Наука – Гл. ред. Физико-мат. наук, 1972. С. 2.

⁹ Bateson, Gregory. Mind and Nature: A Necessary Unity. P. 38.

быть много. Многомерный подход отличается от других системных подходов тем, что он выделяет измерения (части) социальности (целого) как базовые, доминантные, первостепенные для анализа, в рамках которых изучаются уже другие, еще более частные проявления социальности. Такой иерархический аспекто-ориентированный подход позволяет исследовать каждое измерение истории не только в отдельности, с разных сторон, но и в их взаимодействии друг с другом, в том числе в различных комбинациях.

Одни исследователи предлагают видеть в системах целостный комплекс взаимосвязанных элементов (И. В. Блауберг, В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин)¹⁰; другие говорят о совокупности взаимодействующих объектов (ранний Л. фон Берталанфи), или совокупности сущностей и отношений (А. Д. Холл, Р. И. Фейджин, поздний Л. фон Берталанфи); для каждой из этих диспозиций разработаны свои методы многомерного статистического анализа. Множественность фокуса анализа, помимо многомерности в смысле многоуровневости (по Дж. Александеру), позволяет одновременно учитывать все эти комбинации, они все задействованы в различных аспектах исследования и визуализируются в информационной среде.

Под социальными аспектами истории Освальд Шпенглер понимал **особые формы реализации социальной природы человека**, которые он называл «модусами человеческого существования», или стилями культуры¹¹. В системной парадигме «модусы человеческого существования» – не стили в традиционном понимании этого слова, и не сферы общественной жизни, а различные стороны человеческой деятельности, вместе представляющие всю социокультурную систему. Их можно рассматривать и как специфические проявления социальности, но не в словарном или социологическом значении этого термина, а в его исходном смысле, восходящем к феномену социальности как таковому.

Дифференциация различных сфер человеческой деятельности характерна и для Макса Вебера, а также для Юргена Хабермаса, у которого они обозначены как **типы общественности, или публичные, «общественные сферы»**. Важно, что он воспринимает их в качестве нормативных¹²: политическую общественность¹³, правовую общественность¹⁴, гражданскую общественность¹⁵ и т. д. Такое разделение имеет свои познавательные преимущества, однако не в системном анализе, где важно

¹⁰ Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системный подход: предпосылки, проблемы, трудности. М.: Знание, 1969; Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973; Садовский В. Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М.: Наука, 1974; Садовский В. Н. Системный подход и общая теория систем: статус, основные проблемы и перспективы развития // Системные исследования. М.: Наука, 1980. С. 29–54.

¹¹ Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность. М.: Мысль, 1993. С. 187. По мнению Роберта Мертона, теории Шпенглера были предугаданы полвека назад Леонтьевым и Данилевским, см.: Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, Хранитель, 2006. С. 48.

¹² Habermas, Jürgen. The Structural Transformation of the Public Sphere. P. XVIII.

¹³ Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. С. 29; его же. Демократия. Разум. Нравственность. С. 73, 84.

¹⁴ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. С. 71.

¹⁵ Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. С. 121.

проводить более четкое различие между измерениями истории, определяющими идентичность человека, например между общественным и политическим. В истории понятие гражданства менялось, оно обозначало принадлежность как к городской общине, так и к государству как системе политической организации.

Для изучения современных социальных процессов (а это в том числе предмет изучения **современной истории**) хабермасовская категория «тип общественности» («общественная сфера») и категория Пьера Бурдьё «социальное поле» заменяется на категорию «**измерение социальности**», тем самым вместо политической, экономической или иной общественной сферы предлагается рассматривать политическое, экономическое, правовое и другие измерения социальности, формирующие идентичность человека как существа социального (*Homo socialis*). Таким образом, основное значение многомерности в нашем понимании – это системное единство измерений социальности, а поскольку социальный опыт человечества, как и культурный опыт, является предметом исторической науки, то мы говорим о многомерности истории.

Для адекватного изучения системно-сложной социальной реальности классические исследовательские методы уже явно недостаточны, а понимание цифровой реальности без разработки и применения цифровых методов тем более невозможно. Гораздо более сложные по сравнению с другими коммуникативные подходы с их бесконечными возможностями конструирования и моделирования – а история как наука предполагает реконструкцию событий и явлений прошлого – позволяют в большей мере, чем когда-либо прежде, размышлять над закономерностями исторических изменений, фиксируемых с помощью новейших средств коммуникации.

С многомерностью социального в истории также связан и вопрос о многофакторности исторического процесса. Описывая развитие эволюции, Х. Дж. Классен пришел к выводу, что «мнение, согласно которому эволюционный процесс следует рассматривать как определяемый взаимодействием нескольких факторов, а не одного-единственного фактора, разделяется все большим количеством ученых»¹⁶. С точки зрения множественности причинно-следственных отношений, социальный процесс, который накапливает в истории огромные слои связанных друг с другом событий, подобно кольцам времени, определяется взаимодействием всех социальных факторов, актуальных в свою эпоху. Измерения истории можно рассматривать как своего рода домены, внутри которых группируются факторы определенного стиля, системного содержания, и это прежде всего общественные, политические, этнические, религиозные, экономические и культурные (в узком смысле этого слова) факторы истории.

Измерения социальности и культуры представляют собой исследовательские модели, или конструкты: в реальности они чрезвычайно редко проявляют себя в «чистых» формах, «идеальных типах», гораздо чаще – в смешанном виде и в различных комбинациях. Отсюда – большое число двусложных понятийных определений, таких как «общественно-политический», «социально-экономический»,

¹⁶ Классен Х. Дж. М. Эволюция в развитии // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: сб. статей / под ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко и Н. Н. Крадина. Волгоград: Учитель, 2006. С. 45.

«этно-политический», «этно-конфессиональный», «этно-культурный», «религиозно-правовой» и т. д. С такими «кентаврами» сложнее работать, их некорректные смешения друг с другом порождают путаницу в определениях, оценках и интерпретациях, затрудняют анализ исторических или современных общественных процессов, затушевывают их специфику, не позволяя наблюдателю проникнуть в суть изучаемого явления.

Комплексный системно-коммуникационный анализ отдельных измерений социальности в истории позволяет выявить и сгруппировать определенным образом их системные проявления, рассматривая их в качестве **особых типов системных образований**. Системообразующим основанием в каждом случае является свой тип общественности (по Хабермасу), лежащий в основе измерения – общество, политика, экономика, народ, религия. Взаимодействие систем в каждом отдельном измерении социального, в том числе и в исторической ретроспекции, должно быть представлено в проекции многомерности, т. е. с их межлинейными системными связями с взаимодействием систем в других измерениях социальности. Это позволяет получить целостную картину **зарождения, формирования и становления в новой форме социального целого, распад социального целого на части и отпочкование из этих частей новых социальных и культурных, а также единых социокультурных феноменов**.

Используя понятия «живых систем» Джеймса Мюллера, «мягких» систем Питера Чекленда и Дж. ван Гига, можно перенести концептуальные схемы, стоящие за этими понятиями, на систему коммуникативных связей и отношений человека, которые разворачиваются в пространстве коммуникации: разрозненные проявления социального целого становятся системой именно в **процессе «достраивания», «доструктурирования» существующей реальности, включая сознание, абитус, знания, навыки, интересы и социальные действия каждого Ego**. Признание многомерности истории и культуры позволяет во многих отношениях дополнить и развить эти понятия на основе коммуникативных моделей социальных взаимодействий. Поскольку коммуникативные связи и отношения не могут быть четко определенными, строго очерченными, даже при непосредственном участии в процессе познания самих источников этих отношений, нам не обойтись без концепции «нечетких» систем Лютфи Заде, особенно без его теоретической попытки адаптировать эту концепцию к гуманитарным наукам¹⁷. Из отечественных авторов большой вклад в разработку концепции нечетких систем внес Ю. М. Плотинский¹⁸.

Чем многомерность истории и культуры отличается от их одномерности? Об одномерности и многомерности человека достаточно определенно высказался Герберт Маркузе, хотя мы придерживаемся совершенно иной концепции многомерности. Тем не менее подход Маркузе вполне применим и к истории, особенно к попыткам ее упрощения, сведения всего ее многообразия к классовой борьбе (К. Маркс) или к борьбе цивилизаций, которая закончится их столкновением (С. Хантингтон). Многомерность истории отвергает простую линейность

¹⁷ Zadeh, Lotfi A. Fuzzy Sets, Fuzzy Logic, and Fuzzy Systems: Selected Papers.

¹⁸ Плотинский Ю. М. Модели социальных процессов. М.: Логос, 2001.

исторического развития, существование осевого времени, которое представлялось Карлу Ясперсу единственной объяснительной конструкцией магистрального движения исторического развития, поскольку он не выходил за пределы западной картины мира. На магистралях всегда очень много разных машин, грузовых и легковых, дорогих и не очень, двигающихся в разных направлениях и с разной скоростью, потому что люди, управляющие этими машинами, живут своей обычной жизнью, выполняя повседневные дела. Такие же принципы наблюдаются и в истории общества, государства, народы, представляющие эти общества и государства, различные социальные группы внутри обществ и каждый человек творят свою историю, и с этой точки зрения всемирная история и есть генеральная совокупность историй всех людей и социальных объединений. Однако, как говорил еще Аристотель, целое не есть простая сумма частей: объединяясь друг с другом, люди и социальные общности создают новые онтологические сущности, которые можно представить в качестве отдельных систем. Чем больше создается таких сущностей и чем интенсивнее идет их фрагментация, тем больше возрастает сложность социальных систем.

Чем системно понимаемая многомерность человека и истории отличается от несистемной? Многомерность рассматривается как продолжение и развитие системности, она необходима для углубления нашего понимания внутренних связей и отношений, «черных ящиков», объемного представления социально-сложной проблематики, более тонкой настройки научного инструментария. Ключом для такого понимания является **человеческая коммуникация**, но не в традиционных социологических или лингвистических интерпретациях, а в ее системно-сложной многомерной проекции, раскрывающей разные стороны социокультурной сложности, позволяя одновременно зреть целое и его системные части, вложенные друг в друга в соответствии с системной логикой, обеспечивающей устойчивое взаимодействие людей и социальных систем. Системность отдельного измерения (как части целого) выражается в том, что проявления человеческой коммуникации, социальности, культуры и истории внутри этого измерения (как отдельного аспекта, плоскости многомерности) отражают **единый стиль, модус человеческого существования, который характеризует все системы внутри него**.

Системную сложность нашего понимания многомерности отражает тот факт, что помимо равнозначных в историческом познании измерений социальной, которые можно рассматривать в качестве однопорядковых систем, такую же структурную многомерность проявляют также и вложенные в них системы. Еще более анализ осложняют другие измерения социальной, которые выступают отдельно от других.

Принцип семантической определенности предлагаемого здесь подхода требует оговорить все значения ключевого для данного исследования понятия многомерности, которое по определению является многозначным. Оно подразумевает не только наличие различных измерений у социокультурной системы, у истории и у самого человека (основное значение понятия), но также **многофокусность, возможность переключения режимов, углов и точек освещения, дискурса, предмета и соответствующих ему методов изучения, и даже выбора нужной дисципли-**

линарной оптики. Именно это делает многомерный подход меж- и трансдисциплинарным. В этой книге понятие «измерение» используется и в других значениях, например для обозначения парадигмальности и дискурсивности (ср. «системное измерение»).

В дополнение к известным принципам системного подхода мы используем по меньшей мере две категории принципов системности, соответствующие требованиям «нового историзма», которые отличают наш подход от других:

- 1) принципы системно-динамического метода используются для понимания подвижных и разнонаправленных процессов в пространстве социальной многомерности: в соответствии с принципом иерархичности, на передний план выдвигаются те социальные измерения истории (выделяемые как особый тип системных образований), которые наилучшим образом определяют ситуативно меняющуюся иерархию множественной идентичности человека;
- 2) принцип многомерного понимания системного (социального) времени подразумевает существование различий во внутреннем восприятии конкретным человеком (*Ego*) обычного времени и исторического времени, а также последовательно стадийных (возрастных) градаций культуры в каждом из социальных измерений истории.

Мы отделяем измерения коммуникации не только для того, чтобы понимать не только сложную целостность коммуникации, но также и природу их взаимных связей, взаимодействий и взаимовлияний друг с другом. Это хорошо видно на примере, когда «религиозный компонент этнического сознания помогает преодолевать политические кризисы» (М. П. Мчедлов).

4.1.2. Равенство системных проявлений социального целого в научном познании

Вопрос о том, какое из проявлений социального является важнейшим в научном познании, а какие – второстепенными, получил в литературе множество противоречивых ответов. Т. Гоббс отмечал, что важнее всего право, закон, но «правовая сила закона состоит только в том, что он является приказом суверена»¹⁹. Это означает, что источником права в подавляющем большинстве обществ, по крайней мере стратифицированных, является власть как выражение политической воли господствующих сил. Основоположники марксизма еще более заострили эту мысль, уточнив, что «право по своей сущности есть возведенная в закон воля экономически господствующего класса, содержание которой определяется материальными условиями его жизни»²⁰.

¹⁹ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / пер. с лат. и англ. Н. А. Фёдорова и А. Гутермана; ред. пер. А. Ческис, Е. М. Вейцман // Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. / сост., ред. изд., авт. примеч. В. В. Соколов. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 214.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 443.

Р. Зидер также пишет о примате политического, определяющего все другие формы проявления социального²¹. Политическая власть может успешно управлять социальными процессами только тогда, когда она в достаточной степени учитывает интересы вовлеченных в них сообществ, не мешает их развитию, находит с ними взаимовыгодный компромисс. Очевидно, что именно благодаря этому обстоятельству наиболее распространенной теорией происхождения государства является теория общественного договора.

Анализируя связь культуры, мировоззрения и этики, А. Швейцер отдавал приоритет нравственности, которая, по его мнению, играет важнейшую роль в формировании социальной действительности²². Речь идет о нравственных принципах, возведенных в закон, нравственность через нормы закона влияет на историю.

Адекватное изучение всех проявлений социальности немислимо без их всеобъемлющей систематизации посредством общенаучных методов, прежде всего системных. Для решения этой проблемы необходимо в первую очередь определить систему взаимосвязей и взаимозависимости между основными измерениями социальности, культуры или истории как части культуры. В настоящее время историк вынужден выбирать между теориями, в которых одно из проявлений социальности предлагается в качестве основной и ведущей доминанты, а все остальные подчинены именно этой доминанте. Однако даже обоснованное преувеличение чего-то одного остается абсолютизацией, заставляющей теорию выпячивать выбранную доминанту во всех остальных своих аспектах. Соответственно практическое использование этих теорий приводит к перекосам в ту или иную сторону, к серьезным искажениям результатов исследований.

В формационной теории абсолютизация одного из проявлений социальности выражается в экономическом детерминизме и редукционизме марксизма. Детерминизм означает не любую, а однозначную, необходимую, закономерную причинную связь, причинную обусловленность не только последующих действий предшествующими (детерминация прошлым), но и действий в настоящем, целями и предполагаемыми результатами деятельности в будущем (детерминация будущим)²³. Тезис о том, что бытие определяет сознание, стал аксиомой, из которой следовало, что сознание не может определять бытие. В западной теоретической мысли одно время было модно противопоставлять экономическому детерминизму Маркса подходы Вебера о множественности причин, позволявшие ему отделять политику от идеологии²⁴. Однако Маркс не только европоцентричен, но еще и телеологичен – он был искренне убежден в том, что все в мире целесообразно, имеет конечные, целевые причины (целевая детерминация). Как раз эта философски обоснованная убежденность, практически недоказуемая посредством общенаучных мето-

²¹ Зидер Р. Что такое социальная история? С. 164.

²² Швейцер А. Философия и этика / рус. пер. Н. А. Захарченко, Г. В. Колшанского; общ. ред. и предисл. В. А. Карпушина. М.: Прогресс, 1973. С. 115.

²³ Кроник А. А., Ахмеров Р. А. Каузометрия: Методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. Вып. 4. М.: Смысл, 2003. С. 44.

²⁴ Wood, Ellen M. Democracy against Capitalism. P. 146.

дов, отчасти помогала марксизму вытеснять религию, поскольку сама содержала в себе элементы веры²⁵.

Редукционизм Маркса выражается в том, что он сводил все проявления сложнейших культурных и исторических процессов не только к одной причине (экономической), но и к одной-единственной линии исторического процесса. Марксизм если не игнорировал, то принижал значение всего многообразия противоречий – политических, этнических, религиозных (меж- и внутриконфессиональных), культурных и других, предлагая вместо них в качестве определяющей доминанты одну из форм социальных противоречий – классовую. Такая проблема присуща всем другим «большим» теориям. Так, для цивилизационной теории наиболее важным является цивилизация, или, в узком значении, культура. Все остальное, в том числе экономика, подчинено культуре и цивилизации как всеобщим идеям и ценностям, которые должны занимать в теории центральное место. Для модернизационной теории такой идеей является парадигма развития.

Принципы любой научной теории должны постоянно проверяться на конкретных эмпирических данных. В этом и заключается одно из важнейших отличий науки от религии: исследователь не вправе брать что-либо на веру, он скептически оценивает эмпирические данные, критически анализирует информацию и верифицирует полученное таким образом знание о прошлом, сопоставляя теоретические построения с историческими фактами.

Преувеличение одного из проявлений социальности в ущерб другим является основной проблемой «больших нарративов», которую они не в состоянии разрешить самостоятельно, потому что это краеугольный камень каждого из них. Претендуя на всеобщность и универсализм, существующие макроисторические методологические подходы – от марксистских до цивилизационных – выдвигают на передний план какое-либо одно из проявлений жизнедеятельности человека (способ производства, культура/цивилизация, уровень экономического развития общества и др.) и абсолютизируют его в ущерб всем остальным. Такие подходы не только вступают в противоречие между собой, но и предлагают преувеличенный взгляд на тот или иной аспект, элемент или явление общественного развития, искажая тем самым как реальные приоритеты и иерархию внутри обществ (структурные искажения), так и механизмы взаимодействия, цели и мотивации (функциональные искажения). Одно дело, когда такая гиперболизация оправдана в рамках исследования конкретной научной проблемы (как, например, коммуникация в нашем случае), и совершенно другое – в общей теории науки. Несовместимы с научными подходами также претензии на абсолютную истину – как раз это и отличает науку от религии, которая считает собственные доктрины единственно истинными, а значимость их для людей – всеобъемлющей. Чтобы избежать абсолютизации какого-то одного явления, методология истории не должна выделять в качестве доминанты какую-либо одну сторону или аспект социального явления или общественного процесса. Напротив, она должна рассматривать их в совокупности, единстве и равновесии взаимных связей и отношений.

²⁵ Подробнее об этом см. в разделе о философских основаниях исторической науки.

Обобщающее исследование Л. Б. Алаева сельской общины, предпринятое с марксистских позиций, завершается оригинальной периодизацией истории человечества, выполненной на основе цивилизационной теории²⁶. В завершающей части своей сводной работы исследователь призвал критически относиться к обеим теориям, предположив, что, возможно, **«представление о приоритете того или иного фактора (экономического, духовного и т. п.) следует, по крайней мере на время (курсив Л. Б. Алаева. – А.А.), отбросить и заменить его представлением о некоей степени корреляции между всеми сторонами и проявлениями социальности»**. Религиозная, правовая, политическая, экономическая история – каждая имеет свою логику, но имеется также и логика взаимообусловленности, прослеживаемая на больших исторических отрезках»²⁷.

Схожую мысль впервые высказал Питирим Сорокин в «Системе социологии», написанной еще в период его жизни в России. Рассматривая проявления социальности человека через категорию взаимодействия, он отмечал, что «различные разряды явлений взаимодействия, изучаемые отдельными науками, например **явления экономические, религиозные, правовые, эстетические и т. д., в действительной жизни не отделены друг от друга, а неразрывно связаны и влияют одни на другие»**²⁸.

В противовес подавляющему большинству теоретических подходов к истории, подчеркивающих приоритетное значение какого-то отдельного аспекта социальности, системный подход выступает за равнозначность всех систем, представляющих социальную организацию человечества, ее структуру и функции, в познавательном процессе, хотя иерархии могут появляться для решения отдельных исследовательских задач. Но, освещая отдельную систему или ее элемент лучом прожектора, размещая их таким образом в фокус внимания, мы, конечно же, не только понимаем, что рядом с ними находятся и другие более или менее связанные с ней системы – открытые или закрытые, пассивные или активные (самоорганизующиеся), но и учитываем эти связи и отношения: результат исследования складывается из суммы результатов, достигнутых на всем пути движения прожектора – не только линейного, но и перекрестного. Например, степень универсализма синергетического подхода, который обычно рассматривается как развитие системного подхода (что в принципе верно, но развитие системного подхода тоже не закончилось, как показали Луман и Гирц) очень высока, но он имеет свою предметную специализацию – изучение самоорганизации моделей и структур в открытых системах. Наш подход исследует все формы коммуникации, связи и отношения между отдельно субъектами, отдельно объектами и отдельно между субъектами и объектами, с учетом того, что они могут переходить друг в друга (сдвигаемый фокус, возможный только в цифровой среде).

²⁶ В качестве определяющих критериев стадильности в этой периодизации приводятся революции как качественные моменты эволюции, приведшие к широким цивилизационным изменениям.

²⁷ Л. Б. Алаев: община в его жизни. История нескольких научных идей в документах и материалах / сост. Л. Б. Алаев. М.: Восточная литература, 2000. С. 564.

²⁸ Сорокин П. А. Система социологии. Пг.: Колос, 1920. Т. 1. С. 33.

Идея равнозначности отдельных системных проявлений социальности в контексте многомерности исторического процесса обусловлена, во-первых, тем, что в системном историческом познании они все взаимосвязаны и взаимозависимы. Во-вторых, в каждый конкретный момент аспекты социального не равновелики: одни важнее других, поскольку многомерный анализ имеет дело с многозначными и динамически меняющимися социальными процессами и сложными по своему характеру социальными явлениями. В-третьих, значимость отдельных социальных измерений и явлений на разных этапах исторического развития и исторического познания (а это два независимых процесса) может меняться в ту или иную сторону. Наконец, в-четвертых, динамика совершившихся фактов, событий и процессов представлена в статике, в застывшем виде, как срез (кадр) события, за которым идет другой срез (кадр), это в значительной степени облегчает системное изучение причинно-следственных и иных связей на различных этапах.

С одной стороны, в реальности текущих процессов нет ничего статического. С другой стороны, понятия причинности и корреляции, которые в свое время ввел С. Райт для статистического анализа²⁹, имеют ключевое значение и в истории. Как говорит Луман, «все, что происходит, происходит (если наблюдать с позиций времени) одновременно», а «одновременные события не могут взаимно влиять друг на друга и взаимно друг друга контролировать; ведь причинность требует различия во времени между причинами и следствиями, т. е. перехода через временные границы одновременно-актуального»³⁰. Поэтому историк имеет дело с застывшими во времени моментами движения, плавающей иерархией социальной организации. Аспекты социальности равны только в историческом познании, хотя на разных этапах истории (стадиях развития) меняются их роль и значение, а также соотношение с другими проявлениями социальности. Значительными познавательными возможностями обладают и научные дисциплины, изучающие различные аспекты социальности, где каждая из них является всего лишь «фрагментом всеобщего движения к знанию»³¹.

Отказ от абсолютизации и фетишизации коммуникации позволяет многомерному подходу отойти и от чрезмерного преувеличения роли систем, которые представляются как познавательные проекции и проекции психологические – говоря языком постмодернизма, гештальт-образы целого. Луман отвергал традиционное представление о том, что «человек как социальное животное является частью общества <...>, таким образом, общество “состоит из людей”», резонно полагая, что исследователь с такой «гуманистической установкой должен стать противником универсалистских претензий теории систем»³². Компромисс, который Луман считает допустимым, заключается в том, что «индивиды не могут возникать и жить без социальных систем, справедливо и обратное»³³. В отличие от теории систем

²⁹ Wright, Sewall. Correlation and Causation // Journal of Agricultural Research. 1921. Vol. 20. P. 557–585.

³⁰ Луман Н. Дифференциация. С. 15.

³¹ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. С. 15.

³² Луман Н. Социальные системы. С. 97.

³³ Там же.

Лумана, многомерный взгляд на человека и его действия исходит из *Ego*-центрических установок и потому относится к системам не как к объективной реальности, а как к инструменту познания: системы существуют лишь в познающем сознании, оно их использует, когда пытается систематизировать эту реальность.

Есть еще один аргумент в пользу равноправия проявлений социальности в научном познании, он заключается в том, что все социальные аспекты истории, включая общественный, политический, этнический и религиозный, существуют не сами по себе, а только в форме социальной целостности, в тесной связи друг с другом. Более того, они взаимно обуславливают друг друга: общество, как и этнос, и нация – это тоже «народ» в его хабермасовском понимании; политика может быть национальной, социальной, этнокультурной, религиозной; общество не существует вне народа и религии; религия тесно связана с народами, исповедующими ее, является публичным социальным институтом и потому не может существовать отдельно от социума.

С равенством измерений социальности в системном историческом познании перекликается вопрос об универсальности человеческих действий и связанных с ними социальных явлениях. Такого рода универсальность обусловлена единством человеческой природы и потому не зависит от страны, народа или исторической эпохи.

Парадигма равноправия проявлений социальности – это неиерархический релятивистский подход, развивавшийся с конца XIX в. и достигший пика в философском постмодернизме – идее ризомы у Ж. Делёза и Ф. Гваттари. В нашем подходе это принцип многомерного неиерархического релятивизма, который не вполне совпадает с постнеклассическим. Отдельные положения этого принципа, особенно логика связей и системных референций, умозрительно выделенных частей социального целого, требуют дополнительных аргументов и доказательств, особенно в части эмпирических подтверждений, но это уже совсем другая задача, которая выходит за рамки темы настоящего исследования.

Вопрос об универсальных социальных явлениях также решается за пределами «больших» теорий. Например, утверждение о рабовладельческом строе как закономерной формации не выдерживает критики для ряда обществ, в то время как рабство как социальное явление имеет всеобщий характер. Так, Ю. М. Кобищанов представил довольно убедительную гипотезу о том, что полюдь, прежде считавшееся специфическим явлением русской истории, является явлением всемирно-историческим³⁴. То же самое относится к семье, роду, племени, народу, общине, обществу, государству, религии, культуре, праву, другим универсальным для человека социальным категориям – именно в смысле единства многообразия их реальных проявлений, а не определений, значений, смыслов или обозначений. Сказанное в полной мере относится и к категориям типов и форм, в которых проявляют себя социальные явления.

Принцип онтологического равенства распространяется не только на проявления социальности в научном познании, но и на сами субъекты социального дей-

³⁴ См.: Кобищанов Ю. М. Полюдь: Явление отечественной и всемирной истории. М.: РОССПЭН, 1995.

ствия – как в настоящем, так и в прошлом. Тема субъекта истории связана с ролью личности в истории. Т. Карлейль, живший в XIX в., считал, что «всемирная история есть биография великих людей»³⁵. Не углубляясь в продолжение темы, ее марксистские и неклассические интерпретации, отметим, что в фокусе пространственной интерпретации антропологического «поворота» и «нового историзма» особое значение имеет каждый Его как личность, но по-разному: чем больше масштаб личности в системе собственных коммуникационных связей и отношений, тем больше он интересен исследователю как «узел» связей. Субъектом социального действия в истории являются не отдельные, произвольно выбранные «исторические герои», а все источники социальной коммуникации. Поскольку в качестве источника социальной коммуникации выступает каждый человек с момента его рождения, в цифровой истории новый подход может выступать инструментом анализа **«истории каждого»**.

Практические выводы данного раздела исследования включают в себя следующие положения:

1. Выделение системных проявлений социальных измерений дает возможность анализировать различные их сочетания, что особенно важно для изучения системно-сложных и противоречивых социальных систем.
2. Идея многомерности истории подразумевает, что системное историческое познание также многомерно и многофакторно. Многомерный подход выделяет общественное, политическое, этническое, религиозное и другие измерения истории как базовые, основные. В соответствии с этим дифференцируются и измерения социальности в историческом познании.
3. Социальная организация, как и системные проявления социальности, сама может быть представлена в научном познании в виде системы – системы социальной (общественной, политической, этнической, религиозной) организации, поскольку «система – это совокупность частей или компонентов, связанных между собой организационно»³⁶.
4. Системные проявления социального целого обнаруживаются как в каждом из отдельных социальных измерений истории, так и в их целостном проявлении.
5. Не ограничиваясь необходимостью выявления внешних связей одной системы с множеством других, многосторонний взгляд также учитывает внутренние связи различных элементов системы как с однотипными, так и с разнотипными элементами другой системы (включая систему личности в ее парсонсовском понимании).
6. Признавая разновеликость социальных систем, мы исходим из равноправия проявлений социальности в системном историческом познании. Это позволяет преодолеть присущую «большим теориям» одномерность, которая выражается в абсолютизации одних проявлений социальности в ущерб другим.

³⁵ Карлейль Т. Теперь и прежде. Герои и героическое в истории. М.: Республика, 1994.

³⁶ См.: Ван Гиг Дж. Прикладная общая теория систем. Т. 1. М.: Мир, 1981. С. 17.

В восточных культурах проблема равнозначности проявлений социальности решается на основе религии, в авраамической традиции – через универсализирующую роль Творца, который сотворил всех равными и дал им свободу воли. Далее коммуникативные действия людей оцениваются в категориях добра и зла, дозволенного и порицаемого, праведного и греховного.

4.1.3. Коммуникация как источник социальности и культуры

Мы исходим из того, что **коммуникация порождает и социальность, и культуру**, будучи их онтологическим основанием, а коммуникативные интеракции людей как раз и представляют собой социальное взаимодействие, в котором П. Сорокин видел «минимальное проявление» социальности. В многомерной метрике пространственного «поворота» коммуникация представляется не только как источник, но и как сам процесс формирования социальности и культуры, причем неважно, какого качества и масштаба – всего человечества (на высшем уровне обобщения), конкретного общества, политического, этнического или религиозного сообщества, или небольшой социальной группы (на микроуровне анализа). И это всегда системный процесс – он всегда содержит явное или подсознательное намерение, четкую или расплывчатую мотивацию, выбор формы, способа и времени передачи информации, сам процесс передачи информации, заключительную рефлексию, в которой происходит проверка реакции реципиента на полученную информацию, часто дополняемая проверкой степени ее понимания.

Как известно, понятие «коммуникация» образовано от лат. *communico* – «делаю общим», «связываю», «общаюсь», или непосредственно от исходной формы *communis* – «делать общим». Как показали Парсонс и Луман, по своему содержанию оно обозначает не только социальное взаимодействие (интеракцию), общение между людьми, но и действие (социальные акты), влияние и взаимовлияние. Иначе говоря, коммуникация есть и процесс, и действие, которое обладает эффектами – влиянием и взаимовлиянием. Наконец, коммуникация создает социальные смыслы, создавая отдельные пространства рациональных и иррациональных смыслов культуры.

Поскольку используемая в гуманитарных науках социальная терминология имеет преимущественно латинское происхождение, кросскультурный метод универсальных языковых эквивалентов требует сначала вернуться к этимологическим значениям исходных латинских терминов и их производных, а потом изучать семантику связанных с ними заимствований в других языках.

По мнению А. В. Назарчука, «слова *κοινωνία*, *communio* означали общение, совместную жизнь и, можно сказать, издревле выражали самую суть понятия общества»³⁷. В английском языке *community* «община», «сообщество» и глагол *to communicate* «коммуницировать», «общаться», «связываться», «взаимодействовать» являются однокоренными и производными друг от друга. Многозначный термин

³⁷ Назарчук А. В. Учение Никласа Лумана о коммуникации. С. 5.

«коммуна», одно из значений которого подразумевает обобществление имущества и труда всех ее членов, как и «коммунизм», имеет общий корень с «коммуникацией». Французский термин *commune*, обозначающий и сельскую, и городскую общину, как и английское слово *community*, восходит к старофранцузскому термину *communité*, который, в свою очередь, является производным от двусложного латинского *communitas* (от *communus*, где *com* «с» или «вместе» и *munus* «дар»), образующего значение «круг соучеников или организованное общество»³⁸. Более того, некоторые словари дают значение *commune* для общины вообще, предлагая понимать под *community* систему связей и отношений, иначе говоря, замкнутую коммуникативную систему. Прилагательные *communicative* (коммуникативный) и *sociable* (общественный) в английской семиотике являются синонимами (ср. «коммуникабельный» и «общительный» в русском языке).

Метод универсальных языковых эквивалентов в других языках также обнаруживает аналогичную с романо-германскими языками взаимосвязь между различными типами общности (семейной, хозяйственной, политической или религиозной), социальной связью и коммуникацией. Например, если арабский термин *ал-джама'а* означает «общность», «община», «общество», то наречие *джами'ан*, образованное от того же корня *djm'*, переводится как «все вместе». К форме универсальной общности, основанной на действии, апеллирует и арабский глагол *джами'а* («собирать», «соединять», «связывать»), от которого образовано *ал-джама'а* «община», «общество» (в кавказских языках: *джамаат*).

Социальные связи и отношения у человека рождаются не иначе, как с помощью коммуникации. Различают разные типы коммуникаций – межличностный тип с ее особенностями субъективности и интерсубъективности³⁹, интраперсональный (монолог со своим внутренним голосом, совестью, *Alter Ego*)⁴⁰, групповой (взаимодействие социальных групп или прослоек), массовый (односторонняя коммуникация). П. Лазарсфельд также ввел в научный оборот понятие двухступенчатой коммуникации, разделив членов общины и общества на лидеров общественного мнения и их последователей⁴¹.

В русском языке слова «община», «общность» и «общение» являются однокоренными, слова «общительность» и «коммуникабельность» являются синонимами. Г. Бёль в своих «Франкфуртских чтениях» на немецком языке использовал слова «общительность», «община» и «общество» в одном семантическом ряду⁴². Русские значения общины и общества (устар. «общество») также апеллируют к общему,

³⁸ О концепции *communitas* и новейших толкованиях термина см.: *Esposito, Roberto. Communitas. The Origin and Destiny of Community / transl. by Timothy C. Campbell. Stanford: Stanford Univ. Press, 2010.*

³⁹ *Anton, Corey. Agency and Efficacy in Interpersonal Communication: Particularity as Once-Occurance and Noninterchangeability Subjectivity // Communicology: The New Science of Embodied Discourse / ed. by Debora Eicher and Isaak E. Catt. Madison-Teaneck: Fairleigh Dickinson Univ. Press, 2010. P. 81–101.*

⁴⁰ См.: *Macke, Frank J. Intrapersonal Communicology: Reflection, Reflexibility, and Relational Consciousness in Embodied Subjectivity // Communicology: The New Science of Embodied Discourse. P. 33–62.*

⁴¹ *Lazarsfeld, Paul F.; Berelson, Bernard; Gaudet, Hazel. The People's Choice: How the Voter Makes up his Mind in a Presidential Campaign. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1944. P. 151.*

⁴² Бёль Г. Франкфуртские чтения // Самосознание культуры и искусства. Западная Европа и США. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 380.

коллективному, в противоположность индивидуальному, частному. Именно всё общее – действия, интересы, имущество, хозяйство – создает отношения общности, порождает систему устойчивых связей между людьми.

Коммуникативные связи и отношения между людьми имеют различные характеристики: качественные (личные, производственные, деловые или иные, которые носят общественный характер), оценочные (товарищеские, дружеские и др.) и т. д. Если общение носит добровольный (друзья, приятели) или вынужденно добровольный (взаимодействие по необходимости) характер, обусловленный изначальным свободным (рациональным) выбором индивида, то и отношения в обществе должны быть дружелюбными, товарищескими, социальными, а не асоциальными. Это возвращает анализ к первоначальному смыслу исходного латинского слова *socius* (gen. plur. *socium*): «товарищ, друг, партнер, спутник, союзник», «имеющий общую связь» (*associate*), причем это последнее значение, по мнению составителей классического оксфордского словаря латинского языка, является наиболее частым⁴³. Согласно Апелю, члены коммуникативного сообщества являются партнерами по коммуникации⁴⁴: таким образом, понятия «товарищ, партнер» являются исходными для любой формы социальной общности.

Без социальной коммуникации, общения людей друг с другом, их взаимопонимания не может быть никакого социального взаимодействия – ни рационального, на котором настаивает Хабермас, говоря, что любая коммуникация рациональна по своей природе, ни иррационального или универсального, о котором писал Луман. Поэтому различение системных типов коммуникации становится важнейшим условием для изучения любых социальных интеракций. В своей повседневной жизни мы говорим на разных языках с ребенком и взрослым, со знакомым и незнакомцем, со «Своим» и «Чужим». Социальные (в узком смысле) измерения коммуникации раскрываются в социолингвистике как характеристики контекста, когда языковыми средствами люди выражают, например, социальную дистанцию, статус человека, используют различные модальности речи, степень формализма, отношение к говорящему. Однако для изучения сложных социальных процессов в истории гораздо большее значение имеют фундаментальные измерения социальности в широком смысле этого слова.

Многомерная проекция коммуникации предполагает кардинальный пересмотр теоретического инструментария для изучения коммуникации, согласования друг с другом конкретных исследовательских методов и языка описания исследования в соответствии с его методологией, предметом и объектом. Многомерный взгляд существенно углубляет наше понимание системной сложности социальных процессов и явлений, обеспечивает гораздо большую степень верифицируемости результатов эмпирических исследований, возможную на философском уровне только на логическом, а не фактологическом уровне.

⁴³ A Latin Dictionary. Founded on Andrews' edition of Freund's Latin dictionary. Revised, enlarged, and in great part rewritten by Charlton T. Lewis, Ph.D., and Charles Short, LL.D. Oxford: Clarendon Press, 1879.

⁴⁴ Апель К.-О. Трансформация философии. С. 324.

4.1.4. Системные измерения коммуникации

Человек совершенно четко и определенно **отличает язык любви от языка вражды и ненависти, дипломатические переговоры – от повседневного разговора, политические дебаты – от духовной беседы, общение на родном языке или диалекте – от разговора на иностранном языке.** В каждой форме коммуникации у человека меняется не только язык, но и интонации, артикуляция звуков, мимика, жестикуляция, психологическое состояние, настроение. Меняются также его социальные роли и функции.

Язык дружбы и сотрудничества, доминирования и подчинения, родства и отчуждения, духовных поисков и молений внутренне различается не только по форме выражения, но и по содержанию. Такое различие коммуникации выводит нас на ее особые измерения в общественной, политической, этнической и религиозной сферах, иначе говоря, на понимание **многомерности коммуникации.** Отсюда раскрывается диалогическая (т. е. коммуникативная) природа самого человека, его самовосприятие в бахтиновской симфонии диалога, поскольку **человек определяет свою идентичность в коммуникации** с другими людьми. Все формы идентичности человека складываются в процессе его жизни, история и традиция как часть культуры формируют разные по своей системной (в том числе культурной и идентификационной) сложности личности.

Для Лумана реальный смысл социальных действий основан на физическом восприятии жизни, которое отражается в сознании, но этот смысл также является частью последовательности, требующей понимания и осознания его другим. Как раз этот процесс и определяется коммуникацией⁴⁵. Вот почему важно включение системы личности в систему общества на основе концептуальных схем коммуникации, в том числе между единственным *Ego* и множеством *Alter* – без этого понять механизмы формирования тех или иных идей в сознании конкретного *Ego* невозможно.

Одна форма коммуникации неизбежно влияет на другую, поэтому отделить одну от другой не всегда просто. Осложняет ситуацию также терминологическая нечеткость, например, не совсем ясная, хоть и вполне понятная интерпретация хабермасовского «политического типа социальной сферы» (в нашей терминологии – политического измерения социальности) как «политического типа общественной сферы», которая далее трактуется как «политическая общественность» (М. В. Берберих). Она основана на многозначности таких ключевых для данного исследования понятий, как общество, народ, нация, которые понятны только в многомерной проекции. Так, «общественность», точнее **сообщество**, как и народ, может быть и политическим, и этническим, и религиозным, и каким угодно еще, в том числе в качестве некоммерческой общественно-политической организации (например, «Общество российско-китайской дружбы»), религиозной организации (Общество Иисуса = Орден иезуитов), группы социальной взаимопомощи (ср. общество анонимных алкоголиков), клуба по интересам (общество охотников), в том числе профессиональным, на общественных началах или юридически оформленным («Российское историческое общество», «Общество востоковедов»), и т. д.

⁴⁵ Луман Н. Социальные системы. С. 145–146.

Эта проблема в существенной мере решена в нашем подходе, работающем в многомерных системах, разделенных на отдельные измерения социальности. Каждая форма коммуникации актуализируется в своей особой социальной среде, имея определенные наборы знаков, символов и отношений для «Своих» и для «Чужих». Общественная коммуникация появляется в условиях актуализации именно общественных отношений, политическая – через отношение к власти в системе политической организации, этническая – в матрице отношений родства, религиозная опосредуется через отношения с Богом (правовая – через отношение к закону, этическая – к морально-этическому кодексу и т. д.).

Поскольку каждая система есть совокупность систем меньшего порядка, а социальное измерение есть не что иное, как особый тип системного образования, в каждом измерении социальности можно выделить свои внутренние измерения, или подтипы коммуникации. Общественная коммуникация может различаться как соседская, внутриобщинная, межобщинная, национальная в широком гражданском смысле и др., экономическая – как внешнеэкономическая, финансовая, торговая и т. д., политическая коммуникация – как внешнеполитическая, внутриполитическая, межпартийная, внутрипартийная и др., этническая коммуникация – как семейно-клановая, межклановая, межэтническая, религиозная коммуникация – как внутриконфессиональная, межрелигиозная и др. При изучении совершенных социальных действий коммуникативная оптика с ее особым фокусом на особенности коммуникативной среды обеспечивает несравненно большую точность анализа, поскольку сами коммуникативные акты, а в определенной степени и коммуникативные отношения являются измеряемыми.

Общественная коммуникация

Наиболее сложным измерением коммуникации можно признать, вероятно, общественную, поскольку общество имеет комплексную природу, оно включает в себя и политические, и этнические, и религиозные сообщества. Но это не значит, что общественная коммуникация является простой суммой всех других типов коммуникации, подобно тому, что общество – не просто сумма входящих в него других социальных систем. Существуют также и специфические формы общественной коммуникации, классическим примером являются отношения членов общины – сельской или городской, территориальной или экстратерриториальной. Столкновение различных типов коммуникации в разделенных или культурно-сложных обществах часто приводит к конфликтам. Наибольшую стабильность показывают более или менее гомогенные общества, у которых общественное единство поддерживается общей этнической, религиозной и культурной консолидацией.

По Хабермасу, каждая из «общественных сфер» отличалась тем, что на различных исторических этапах они подвергались серьезной трансформации, в ходе которой менялись их коммуникативные формы. Так, в эллинистической общественной сфере большинство населения составляли рабы, которые были выключены из свободного коммуникативного процесса. По мере продолжительной эволюции, считает философ, жители Европы сумели расширить сферу общественной коммуникации. Здесь под общественной коммуникацией подразумевается взаимодействие

свободных, а не бесправных членов общества, хотя отдельные рабы и их сообщества коммуницировали не только между собой, но и со свободными людьми. Все становится на свои места, если оговорить, что мы говорим о свободной общественной коммуникации, которая определяла основные тенденции развития общества. Так, крепостные в России были свободнее рабов, а рабочие при капитализме – свободнее крепостных, и это обстоятельство предопределяло степень и пределы возможностей их участия в общественно значимых исторических процессах.

Общественная коммуникация осуществляется в обществе, с использованием институтов и структур общества, социального статуса человека, его имущественного положения, личного авторитета, связей, занимаемой профессии. В определенном смысле профессиональные коммуникации, локальные взаимодействия, в том числе соседские, так же, как и экономические, хозяйственные, являются частью общественных, поскольку они представляют собой элементы системы общества.

Политическая коммуникация

Политическая коммуникация в «чистом» виде существенно отличается от этнической или религиозной, при том, что существуют сложные сочетания вроде этнической или религиозной политики, т. е. социальные измерения в каких-то выборочных сегментах могут быть совмещены для выполнения определенных социальных функций. В этом смысле чрезвычайно интересен теоретический анализ эмпирического материала, содержащего наиболее характерные примеры религиозно-политической и этнополитической коммуникации. Такой анализ позволяет выделять не только «чистые», идеальные (т. е. гипотетические) типы коммуникации, но и их смешанные формы. Тем самым мы получаем возможность выявить связи между различными «чистыми» типами коммуникации, чтобы исследовать их природу и механизмы взаимовлияния: не секрет, что они взаимосвязаны друг с другом до степени смешения, в подавляющем большинстве случаев представляя собой неразрывное единство⁴⁶.

Интерсубъектные особенности политической коммуникации более или менее изучены, в том числе благодаря концепции власти Парсонса, использующей построения историко-философского направления понимающей социологии Макса Вебера, а также информационно-коммуникативную концепцию власти Карла Дойча. По Парсонсу, власть как «институционализация влияния и ценностной системы» и «символически обобщенное генерализированное средство» может функционировать только в коммуникативном акте. К. Дойч выделяет непосредственную модель коммуникации, «лицом к лицу», и опосредованную, массовую⁴⁷.

Говоря об особенностях политической коммуникации, Б. Макнейр неразрывно связывает ее с обществом: эта связь объективная, но не исчерпываю-

⁴⁶ В «чистых», специфических формах различные типы коммуникации проявляют себя только в специальных условиях: религиозная – во время проповедей и религиозных церемоний, политическая – в избирательных кампаниях и т. д.

⁴⁷ Deutsch, Karl W. *The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control*. N.Y.: The Free Press, 1963. P. 3–4.

щая⁴⁸. По своему содержанию политическая коммуникация может быть очень разной, в том числе религиозной, если она осуществляется в религиозной среде (например, в теократической политической системе). Однако есть важный ориентир, отделяющий политические коммуникации от общественных: в первом случае они касаются власти, отношения к ней, ее действиям, ее поддержки или, наоборот, неприятия и критики ее политических действий, установок, оценок, ценностей.

Политическую окраску могут принять любые коммуникации, если в них затрагиваются вопросы господства и подчинения, политических целей, иерархии, идеологии. Поэтому общественные, этнические, религиозные и другие коммуникации легко переходят в политические и наоборот: собственную политику проводят практически все без исключения иерархические сообщества. Водоразделом является позиция «Свой» – «Чужие», проблема лояльности, верности, чести в этой позиции всегда выходит на передний план.

Поскольку война является продолжением политики другими средствами, военные коммуникации выступают в качестве особого подвида политических.

Этническая коммуникация

Под этнической коммуникацией мы подразумеваем коммуникативные аспекты общения и взаимодействия внутри этнических сообществ или с привлечением этнического фактора. Проявляя себя чаще всего как аутентичная, природная, исконно народная, она максимально использует общность языка, диалектов, базовых архетипов народной культуры, семейно-клановые связи, различные формы этнической солидарности. Особенности ее проявляются как в собственно этнической, так и в процессе межэтнической коммуникации. Здесь также важен как сам язык коммуникации, так и отсылки к базовым архетипам культуры, языковым особенностям, родовым, мифологическим корням и традициям. Межэтническая коммуникация предполагает избирательное (посредством медиаторов коммуникации) знание языков друг друга, или знание *lingua franca*, общего для всех языка межнационального общения.

Наблюдение за внутриэтнической коммуникацией у разделенных народов, у которых политическое обособление порождает в том числе языковые и культурные различия (осетины, лезгины, аварцы и др.), а также межэтнической коммуникацией исторически взаимосвязанных, но политически или административно обособленных этнических сообществ (Татарстан – Башкортостан), дает обильный материал для анализа. Особый опыт многомерной этнической коммуникации дает Дагестан, в котором четко различаются вложенные друг в друга, как матрешки, уровни коммуникации:

- 1) субэтнический, с отдельными бесписьменными языками (андийцы, чародинцы, чамалалы, бежтинцы и др.);
- 2) этнический, с разными литературными языками (аварцы, даргинцы, лакцы, лезгины и др.);

⁴⁸ McNair, Brian. An Introduction to Political Communication. 5th ed. L. – N.Y.: Routledge, 2011. P. 7.

3) территориальный суперэтнический (дагестанский), с языком *lingua franca*, до начала XX в. это были арабский и тюркский языки, после их вытеснил русский язык;

4) гражданский надэтнический (русский), с государственным языком.

Особую устойчивость внутриэтническая коммуникация демонстрирует в этноконфессиональных группах, в которых родовая общинная структура объединена с религиозной коммуникацией и сакрализована.

Принципы этнической коммуникации по-разному проявляются в моделях внутриэтнической и межэтнической коммуникации: в первом случае коммуникация реализуется в модели «Я» – «Другой» («Свой»), во втором – модели «Я» – «Другой» («Чужой»). Но в обоих случаях наблюдается приоритет этничности над другими типами общности, определяющими идентичность – общественным, политическим, религиозным. Вытеснение сознанием доминирующего этнопсихологического чувства (этнонегативизма, этнопозитивизма, этноцентризма и др.) другими приоритетами в силу объективной потребности меняет характер коммуникации, она теряет свой этнический характер.

Историю любого народа можно рассматривать как взаимосвязанную сумму частных историй людей, представляющих этот народ в любом из измерений социальности. Человек может быть инородцем, но быть частью общества и представлять это общество. Понятно, что в этом случае под народом нужно понимать демос. Для изучения этноса необходим учет только представителей именно этого этноса, имеющих не только кровнородственные, но и семейно-клановые связи внутри него, что уже создает достаточно широкие исключения, не только в виде явления примачества, но прежде всего экзогамии. В патриархальных системах женщина, выйдя замуж, становится частью большой семьи, при этом она может быть представителем другого этноса, не говоря уже о современных браках, в которых процент смешанных (межэтнических и даже межрасовых) браков с каждым годом растет, особенно среди народов, находящихся на перекрестках межкультурных коммуникаций.

Взаимодействия народов с глубокой древности можно изучать как межэтническую коммуникацию в широком смысле. Она проявляется в различных сферах социальности и может описываться различными способами – с помощью концепций выживания или территориальных приобретений, удержания или экспансии, завоевания или покорения, колонизации и освоения территорий. Но самой идеологически нейтральной из них является концепция коммуникаций, которые, конечно, могут быть и конфронтационными, но даже в этом случае факт самого взаимодействия, в котором всегда есть разные аспекты, в том числе конструктивные и позитивные, остается первичным. Возможно, именно поэтому эта концепция создает самое удобное, лишенное оценочных характеристик исследовательское пространство.

Религиозная коммуникация

Используя метод семантических эквивалентов многомерного подхода, мы выяснили, что в языках многих культур отсутствует эквивалентное значение для понятия религии, но есть понятия для обозначения возмездия, воздаяния, священ-

ной (неприкосновенной для чужаков) связи. Это может быть мистическая связь с предками, с силами Природы, различными божествами, наконец с Единым Богом. Вопрос о том, объективна эта связь или она существует только в сознании верующего, в данном случае вторичен. Первично то, что связь с Богом опирается на индивидуальную веру человека, которая совершенно реальна, поскольку это реально существующий, пусть и в сознании, социальный феномен. Точно так же совершенно реален и страх верующего перед божьей карой за грехи и преступления. Страх «познающего сердца» перед могуществом Бога, как и многие другие технические «слова Откровения» в суфизме – это особые «состояния» (*ал-ахвал*) и «стоянки» (*ал-макамат*) на пути мистического познания, формы связи мистика с Творцом. И в этом смысле, согласно Л. Гарде, арабское слово *ад-дин* «религия» вполне эквивалентно лат. *religio*, обозначающему нечто, связывающее человека и Бога⁴⁹ – «благочестие», «набожность», «святыня», «предмет культа»⁵⁰.

По вопросу о происхождении понятия «религия» высказывались и другие версии: от лат. *religere* «идти назад», «возвращаться», «снова читать», «обдумывать», «собирать», «созерцать», «бояться» (Цицерон), от *relegere* – «вновь собирать», «снова обсуждать», это значение использовал И. А. Ильин в «Аксиомах религиозного опыта», говоря об обостренном чувстве ответственности человека⁵¹; от *religare* «вязать», «связывать», «привязывать», «сковывать» (Лактанций)⁵².

Этимологию Лактанция оспаривает известный французский лингвист Эмиль Бенвенист, считая её «исторически неверной»⁵³. С другой стороны, это объяснение поддержала Церковь в лице Августина (хоть и на основе другого слова), который указал на возобновление временно утраченной после рождения «связи» человека с Богом: «Избирая (*eligentes*), а точнее – вторично избирая (*religentes*) Его (откуда, говорят, и происходит слово религия), мы стремимся к Нему любовью»⁵⁴. В объяснении религии ключевыми являются понятия единения, соединения, духовной связи с высшим, трансцендентным началом (ср. с суфийским термином *ал-висал*, обозначающим мистическую связь с Богом).

Таким образом, религия актуализирует особую форму коммуникации человека с Богом. Некоторые исследователи прямо рассматривают религию как форму коммуникации с Богом⁵⁵. Речь идет о возможностях общения верующего с Богом, обращений к Нему и вознесения молитв. Во многих мистических практиках, дающих опыт непосредственного соприкосновения с Богом, особенно в суфийских,

⁴⁹ Gardet, Louis. *Din* // The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Vol. II / ed. by B. Lewis, Ch. Pellat and J. Schacht. Leiden: E. J. Brill, 1991. P. 293.

⁵⁰ Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1983. С. 576.

⁵¹ Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М.: Папир, 1993. С. 55–57.

⁵² *Lactanti, Caeli Firmiani. Divinae Institutiones* // Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum. Editum consilio et impensis Academiae Litterarum Caesariae Vindobonensis. Vindobonae: Apud C. Geroldi Bibliopolam Academiae, MDCCCLXVI. P. 142–901.

⁵³ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 394.

⁵⁴ Августин Блаженный. О Граде Божием. М.: АСТ, 2000. С. 451.

⁵⁵ Pace, Enzo. Religion as Communication: God's Talk. Farnham: Ashgate Publishing Limited, 2011. P. 21–46.

мистическая связь с Богом совершенно реальна – по крайней мере для «познавших». Понятно, что с точки зрения науки речь может идти только об односторонней коммуникации. Как считает Ф. Макке, это особая форма **интраперсональной коммуникации**, когда человек имеет дело со своим внутренним миром, пытаясь связать его с созданными им образами внешнего трансцендентного мира⁵⁶. Интраперсональность указывает на один из важнейших аспектов транссубъектности религиозной коммуникации, как раз она и обеспечивает полную или частичную иллюзию реальности образов трансцендентного в сознании человека.

В системной теории религии Н. Луман дает картину дифференциации религиозной коммуникации, вписав ее в контекст своих социальных систем⁵⁷. Поскольку эта тема в научной литературе достаточно хорошо изучена, в том числе благодаря ученикам и последователям Лумана, перейдем к вопросу о том, каким образом религиозная коммуникация осуществляется в обществе, если рассматривать его через призму концепции коммуникативной общины.

Т. Парсонс определял системы религиозных убеждений как «неэмпирическую аналогию идеологических убеждений»⁵⁸; мы согласимся с этим определением лишь с одной существенной оговоркой: религиозные убеждения также являются идеологическими. Более четким основанием для такой дистинкции являются их субъект-объектные позиции: религиозные убеждения, в отличие от нерелигиозных, интрасубъектны, поскольку субъект коммуникации обращается к трансцендентным образам собственного сознания. Религиозная коммуникация имеет не только интерессубъектные, но и интраперсональные особенности, поэтому остановимся на них более подробно. Выдвигая в центр внимания уникальный духовный мир, многомерный взгляд на человека делает особый упор на природе и особенностях связи каждого *Ego* с Богом или сверхъестественными силами. Источником религии, таким образом, выступает известный социальный, точнее психофизический феномен религиозности, который у каждого человека проявляется индивидуально, по-разному.

4.1.5. Системные измерения социального порядка

Чтобы понять феномен **социального порядка**, необходимо обратиться к проблемам социогенеза и природы социальности. Классические подходы к изучению происхождения социальности изложены в исследовании Рене ван дер Вира⁵⁹. Представляя широкий круг постклассических концепций и школ по данной проблеме, социологи в наибольшей степени заостряют внимание на природе социальности, нежели на различиях между человеком и животными. Для философов-аналитиков, в частности Джона Остина, человеческое общество – это жизнь

⁵⁶ См.: Macke, Frank J. Intrapersonal Communicology: Reflection, Reflexibility, and Relational Consciousness in Embodied Subjectivity. P. 33–62.

⁵⁷ Luhmann, Niklas. Social Systems. P. 175.

⁵⁸ Парсонс Т. О социальных системах. С. 497.

⁵⁹ Van der Veer, René. The Concept of Sociogenesis in Cultural-Historical Theory // Sociogenesis Reexamined / ed. by Willibrord de Graaf and Robert Maier. N.Y. – Berlin – Heidelberg: Springer Verlag, 1994. P. 117–132.

людей согласно их речевым актам⁶⁰, а для постмодернизма – свободный практический и творческий выбор. По крайней мере такой точки зрения придерживается Мишель Фуко⁶¹, который вместе с Хабермасом признается теоретиком гражданского общества⁶².

Похоже, что попытки пересмотра некоторых подходов к проблеме социальной с точки зрения семиотики, теории систем, теории коммуникации и других теорий научное сообщество признало достаточно удачными. Исследуя эту проблему через отношения языка и мышления, К.-О. Апель пришел к выводу, что «конвенции («договоренности») необходимы именно для построения семантических систем, каковые, со своей стороны, делают возможным построение научно осмысленных предложений», поскольку «предельную предпосылку логики науки образует трансцендентальная прагматика intersубъективной коммуникации»⁶³. Джон Шоттер на основе логико-семантической концепции Людвиг Витгенштейна предложил начать изучение социогенеза с анализа двух основных типов социогенетических отношений теории и практики, а именно: отношений практики к теории и теории к практике⁶⁴.

По определению американского социолога Джона Марки, под социальным феноменом обычно понимают совокупность врожденных свойств, качеств и поведения, позволяющих человеку оказывать влияние на других или испытывать его на себе, в достаточной степени для того, чтобы реагировать друг на друга. Особую роль в этом процессе играют сознательные действия человека, основанные на его мышлении, языке, поведении, сознательном взаимодействии с другими людьми⁶⁵. Исходя из этого, исследователи выделяют социогенез языка и человеческого поведения⁶⁶, человеческого сознания⁶⁷, наконец, социогенез идиокультур – систем разделяемых знаний, ценностей, моделей поведения, которые служат критериями и основой взаимодействия для членов какой-либо отдельной группы⁶⁸.

Петер Бергер и Томас Лукман выразили убеждение в том, что социальная реальность конструируется в соответствии с объективными потребностями людей⁶⁹. В основе этих потребностей лежит человеческая взаимозависимость –

⁶⁰ Austin J. L. *How to Do Things with Words*. Second Edition. Oxford: Oxford Univ. Press, 1976.

⁶¹ См.: Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук

⁶² Фливиберг Б. Хабермас и Фуко: мыслители для гражданского общества // Вопросы философии. 2002. № 2. С. 137–157.

⁶³ Апель К.-О. Трансформация философии. С. 214.

⁶⁴ *Sociogenesis Reexamined* / ed. by Willibrord de Graaf and Robert Maier. N.Y. – Berlin – Heidelberg: Springer Verlag, 1994.

⁶⁵ Markey J. A Redefinition of Social Phenomena: Giving a Basis for Comparative Sociology // *American Journal of Sociology*. 1925–1926. Vol. 31. P. 733.

⁶⁶ *The Sociogenesis of Language and Human Conduct: A Multi-disciplinary Book of Readings* / ed. by Bruce Bain. Springer, 2013 (first edition; N.Y.: Plenum, 1983).

⁶⁷ Wentworth, William M. *Life upon Life: The Sociogenesis of Human Consciousness*. Courier Custom Publishing, Inc., 2002.

⁶⁸ Wilson, Deborah D. *The Sociogenesis of Idiocultures*. San Diego: Univ. of California Press, 2011. 298 p.

⁶⁹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности.

это не просто социальный феномен, а важнейшее условие социализации, которая необходима для существования человека как вида. Человек не способен жить вне общества, вне социальных связей и отношений, поскольку он по определению является социальным существом. Томас Салумец даже взял слова Норберта Элиаса в качестве эпиграфа к своей публикации: «Мы не “независимы” ... Мы полностью зависимы»⁷⁰. Центральную роль в этом феномене играет трансперсональное и непознаваемое извне *Ego*, которое Н. Элиас вслед за Гете и Вебером называл «человеком закрытым» – *Homo clausus*⁷¹.

Поэтому, раскрывая роль человека в истории и культуре, мы не должны впадать в другую крайность – переоценивать степень самостояния человека в современной жизни. На Востоке (и в меньшей мере на Западе) человек погружен в общественную среду (пространство коммуникаций), а ныне – также в технологическое коммуникационное пространство. И это обуславливает относительность его «самости», хотя и не может отменить его самобытность. Как писал Г. С. Кнабе, «культура как форма общественного сознания отражает это двуединство общества – всегда состоящего из индивидов, самовоспроизводящих себя в процессе повседневной практики, и из норм и представлений, основанных на обобщении этой практики и регулирующих поведение этих индивидов в процессе той же практики»⁷². При этом исследователь не учитывает разрыв поколений, которые погружены в разные пласты коммуникационного пространства. Отсюда и современный провал с самоидентификацией личности, общностей и общества.

Проблема социального порядка, упорядоченность социального бытия всегда волновали мыслителей. Не углубляясь в суть Гоббсовой проблемы, которую еще в 1651 г. обозначил Т. Гоббс, отметим, что социальный порядок является ключевой проблемой как в социальной онтологии, так и в социогуманитарных науках (социологии, конфликтологии, политологии, политической философии). Для ее изучения большую познавательную ценность имеют теория «идеальных типов» Макса Вебера (особенно типов социального действия и типов легитимного господства), теория микромотивов и макроповедения Томаса Шеллинга, теория разделения труда Адама Смита, теория эволюции сотрудничества Роберта Аксельрода, теория происхождения государства Фридриха Энгельса, теория сети групповых объединений Георга Зиммеля. Проблема социального порядка также занимает центральное место в теории социетальных систем Т. Парсонса и в культуральной социологии Дж. Александера.

Многомерный подход вносит в понимание социального порядка существенно большую ясность, поскольку рассматривает эту проблему не только на разных уровнях структуры общества и их социокультурного анализа, как Александер, но и в разных пространственных проекциях, плоскостях многомерного анализа, а главное – он выделяет **стадиальные изменения социального порядка** с векто-

⁷⁰ Norbert Elias and Human Interdependencies / ed. by Thomas Salumets. Monreal & Kingston – L. – Ithaca: McGill–Queen's Univ. Press, 2001. P. 3.

⁷¹ Подробнее об этом см.: Kemple, Thomas M. The Trials of Homo Clausus: Elias, Weber, and Goethe on the Sociogenesis of the Modern Self // Norbert Elias and Human Interdependencies. P. 137–148.

⁷² Кнабе Г. С. Древо познания и древо жизни. М.: РГГУ, 2006. С. 7.

ром социокультурных изменений от простого к сложному. Во-первых, формирование социального порядка необязательно происходит только на локальном уровне. Наоборот, в этот многоплановый процесс вовлечены люди и социальные структуры (прежде всего, институты) на всех уровнях структуры общества – от низового до верхнего, в зависимости от качества коммуникаций человека. Одни системы встроены в другие, большие (например, измерения социальности) или одного порядка, перекрываясь частично, возможно, одновременно в разные, и внутри них взаимодействуют еще с системами третьего и иных порядков. Во-вторых, порядок и упорядоченность – это тоже явления системного характера, без них не было бы и общества. Именно поэтому Парсонс и выдвинул структуру и функции социальных систем на передний план.

В социальном порядке, который может быть понят двояко, находит идеальное воплощение идея **самоорганизации** живых систем. В первом случае это система социальной организации, включающая в себя социальные структуры и институты, а во втором – это способность социальных структур и институтов к самоорганизации и саморазвитию, которая позволяет обществу избегать социального хаоса и беспорядков. И. Гофман доказывал, что социальный порядок формируется вследствие деятельной активности конкретных людей, обладающих практической рациональностью. В конечном счете социальный порядок, общественную стабильность и устойчивость обеспечивают люди, которые в соответствии с социальным положением выполняют свои социальные функции, а также право, которое эти функции легитимизирует. Однако для достижения устойчивости социального порядка в гомогенных и гетерогенных обществах нужны совершенно разные усилия и механизмы консолидации.

Возможно, многомерный взгляд на социальную упорядоченность делает систему общества еще более сложной для восприятия, но не для изучения, где каждая система оказывается искусственно оторвана от других, «препарирована» и хорошо наблюдаема, как на ладони. Достигнутое в процессе такого препарированного анализа понимание социальной сложности затем можно выразить более простым языком для ясности.

Право как свод правил не только легитимизирует сложившийся социальный порядок, но и регулирует его. Не случайно Никлас Луман выделял право как **отдельную социальную систему**⁷³. Под правом имеется в виду совокупность личных прав и обязанностей членов общества, которые оформлены в форме правил и законов, обязательных для исполнения всеми членами общества. Легитимность господства силы всегда подвергалась сомнению со стороны общества, в отличие от верховенства закона. Более того, в каждый исторический период формы приоритета силы или закона имели свои названия, понятийный аппарат, соответствующий образ власти, авторитет, а также свои особые политические отношения.

Зачатки права появляются еще в первобытном обществе, в котором в качестве социальных регуляторов выступали базовые правила и запреты (табу). Затем в каждом из важнейших измерений социальности формируются свои нормы права.

⁷³ Luhmann, Niklas. Law as a Social System. Transl. by Klaus A. Ziegert. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004.

1. В общественном измерении это прежде всего общинное право, включающее в себя правила сообщества, общины и общежития, т. е. правила поведения человека в общественной среде, с различием правильного (т. е. соответствующего правилам) поведения и неправильного (не соответствующего правилам), оскорбительного, нарушающего **общественный порядок**.
2. В политическом измерении это принятие политических правил, установленных правителем (тем, кто устанавливает правила в интересах создаваемой им политической системы), охраняющих **политический порядок**, устои политической системы. В исторической науке понятие «полития» (др.-греч. *πολιτεία/politeia*), изначально связанное с полисом, используется преимущественно для обозначения политического порядка любого типа⁷⁴, в том числе самоуправляемой родовой и сельской общины, племени, «войска», а также различных типов государства. Различные определения политии приводятся в научной литературе⁷⁵.

Этимологическая связь между словами «правитель», «право» и «правило» не случайная, она зафиксирована и в других языках, ср. англ. *ruler* «правитель» – *rule* «правило», *right* – «право» (в смысле «прав человека»), а также «правильность», «порядок», «правая сторона», «привилегия»; *order* – и «порядок», и «приказ», «распоряжение». Политические правила являются разными для самого политического класса (в монархической системе – аристократии, в республиканской системе – бюрократии) и остального населения. Для первой категории предписывается безусловное подчинение и исполнительность взамен делегирования части властных полномочий, личная преданность и поддержка, а для второй – признание легитимности власти, подчинение воле господствующих сил, поддержка политики. До определенной стадии исторического развития политической системы различия в правах (=социальное неравенство) у сословий не скрываются, напротив, они оформляются в особые права и привилегии для социальных верхов (аристократии, политической и военной элиты и др.), и частичное или полное поражение в правах для социальных низов.

3. В этническом измерении это принятие обычая как **порядка, установленного предками**. Народный обычай регламентирует отношения между соплеменниками, предписывает уважение к предкам, к старшим (прежде всего, родственникам и старейшинам), обычаям и традициям семьи, клана, рода, племени, представляет племенные ценности, «кодекс чести» как принципы морали и этики, племенную солидарность.
4. В религиозном измерении это сакрализированные правила, которые возводятся непосредственно от Бога как Творца и Высшей истины, защищающей **божественный порядок**. Бог выступает как источник божественного

⁷⁴ Бондаренко Д. М., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Альтернативы социальной эволюции // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Сборник статей / под ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко и Н. Н. Крадина. Волгоград: Учитель, 2006. С. 27.

⁷⁵ См., например: Гринин Л. Е. Зависимость между размерами общества и эволюционным типом политики // История и математика: Анализ и моделирование социально-исторических процессов / ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. М.: КомКнига, 2007. С. 263–303.

закона. Основанный на божественном откровении (Священном Писании и Священной Традиции), религиозный закон навязывается обществу свыше в виде единых и письменно зафиксированных установлений. Они делятся на правила теоретические (богослужения) и практические (религиозной жизни). Нормативные правила представлены в религиозных установлениях и предписаниях, а практические – в реальных формах бытования религии, повседневном разграничении допустимого и запретного.

Институционально право реализуется через законы – письменно зафиксированные нормативно-правовые акты, регулирующие общественные отношения, позволяя апеллировать к ним как к источнику для решения спорных вопросов. Важно, что закон устанавливает общие правила, правовую систему, создающую основу для социальных объединений.

1. В общественном измерении, т. е. в миру, правовую систему представляло копное право, реализуемое на мирских сходках (или сходах), это была форма народного (в смысле общины) самоуправления. В современной практике сохранилось как мировые судьи.
2. В политическом измерении правовую систему представляют государственные законы (Конституция как основной закон, действующее законодательство, реализуемое судебной системой).
3. В этническом измерении это законы обычая, основанные на обычном праве. Обычай формируется из повседневной практики, поэтому может различаться у разных народов. В мусульманских регионах обычное право обозначается единым арабским термином 'урф, но это не должно вводить в заблуждение, поскольку у каждого мусульманского народа архаическая часть обычного права совершенно разная, совпадающая лишь в своих базовых основаниях.
4. Религиозный закон реализуется в каноническом праве в христианстве и мусульманском праве (фикх) в исламе.

В реальности все формы права вступали друг с другом в сложные отношения, которые хорошо наблюдаемы в многомерной проекции. Отношения обычного и религиозного закона были, с одной стороны, антагонистическими, а с другой – они дополняли друг друга, сосуществуя в одних и тех же общественных условиях и социальной среде. Соотношение народных и религиозных традиций (обрядов, ритуалов, праздников и др.) в каждом конкретном случае – один из важнейших показателей глубины трансформации того или иного общества, длительности и глубины происходивших в нем конфессиональных процессов. Так, на пересечении обычного и мусульманского права в Дагестане появилось адатное право, которое в каждой сельской общине было своим. В этом смысле оно было также общинным правом, обеспечивавшим общественный порядок в сельской общине, и даже военным правом, поскольку все взрослые мужчины общины в случае опасности представляли собой войско (отсюда общее обозначение авар. бо как общины и войска).

После того как мы разграничили внутренние измерения социального порядка, необходимо понять, **как логика их взаимодействия, взаимовлияния и взаимообусловленности менялась на разных этапах исторического процесса.**

4.1.6. Измерения системы социальной организации

Социальный порядок находит свое выражение в системе социальной организации, которая представляет собой не только структурный, но и функциональный аспект социальности. Мы говорим о системе организации не с точки зрения организованности и управления, а прежде всего самоорганизации и саморазвития живых систем: здесь социальные структуры и функции взаимно порождают друг друга в соответствии с потребностями самоорганизации.

В свою очередь, система социальной организации имеет свои измерения, совпадающие с измерениями социального порядка. Общественное измерение социального порядка выступает как система общественной организации, политическое – как система политической организации, этническое – как система этнической организации, религиозное – как система религиозной организации и т. д. Еще более разветвленную иерархию и дробность социальной организации внутри измерений социальности мы увидим при разграничении стадийальных градаций каждой системы, с выявлением перекрестных межлинейных связей, которые хорошо анализируются с помощью системной логики.

Попытка представить всеобъемлющую характеристику самого человека как физического объекта с помощью бинарной оппозиции «атом – человек» довольно затруднительна, если не учитывать клетку – основу органической жизни, которая, собственно, и отличает сложноорганизованную живую природу от неодушевленной материи (ср. «атом – клетка – человек»). Похожим образом дело обстоит с обществом, государством, этносом или религией: для выявления их структурных и функциональных особенностей одного противопоставления с человеком («человек – общество», «человек – государство», «человек – этнос», «человек – религия») недостаточно. Необходим учет важнейших промежуточных звеньев, характеризующих не только природу сложного явления, но и место человека внутри него. Это предполагает анализ не с помощью бинарных оппозиций, дающих ложное представление о существовании в них неких противоположностей, а по меньшей мере на основе триад (даже на уровне макроанализа), но лучше всего – реального множества, отражающего все многообразие промежуточных элементов структуры или процесса (на уровне микроанализа): каждое новое звено делает связь между социальными явлениями более понятной и доказательной. Например, в своем физическом (структурном) отношении у человека как системы личности можно выделить гораздо больше уровней системной организации, чем триаду, например: атомарный, молекулярный, клеточный, органический (уровень отдельных органов) – физиологический (уровень всего организма).

Однако триады, с одной стороны, удобнее и проще, чем сложные и громоздкие схемы, а с другой стороны, они точнее, чем бинарная оппозиция, поскольку с ее помощью преодолевается противоположение и противопоставление: и то, и другое неизбежно возникает при различении. Здесь наш системно-коммуникационный анализ существенно отличается от подхода Лумана.

На макротеоретическом уровне именно человек как источник коммуникации является первоэлементом всех социальных систем, а промежуточной формой

между человеком и обществом выступает община. Как раз генеральная совокупность местных общин определяет конкретное содержание структурных и функциональных особенностей конкретного общества. Одновременно с этим община представляет собой также и формативный элемент системы общественной организации. В каждой из систем социальной организации можно найти такой промежуточный элемент, облегчающий понимание внутренних вертикальных и горизонтальных связей системы.

Современную систему социальной организации всего человечества или конкретного общества невозможно понимать без ее исторического развития, которое получило название социальной эволюции. Если дискурс социальной эволюции еще вызывает споры и дискуссии, то историчность любой системы социальной организации, прежде всего общественной, политической, этнической и религиозной, сомнений не вызывает. С историчностью связаны определенные закономерности развития системы социальной организации, а именно развитие через деление и усложнение.

Система общественной организации

Система общественной организации сама по себе имеет множество аспектов, но тип организации ее важнейших формантов – семьи как первичной ячейки общества (условно «клеточный уровень») и общины как первичной формы общественной структуры (условно «органический уровень»), является ее базовой характеристикой. Семья (нуклеарная или большая) считается ячейкой общества, что совершенно справедливо, если мы рассматриваем общество в широком лумановском смысле.

Общественный тип связей изначально появился как следствие природного притяжения полов, присущего и животному миру, а также в силу необходимости совместной защиты человека от внешних угроз и опасностей и потребности во взаимопомощи (на охоте, в хозяйстве). Союз двух людей, образующий семью, изначально является социальным, хотя одновременно с этим он обеспечивает биологическое воспроизводство человека как вида. Как источник отношений кровного родства семья предстает перед нами также как базовый элемент (подсистема) этнической системы, но именно как источник отношений свойства (=«быть своим»), важнейшей формы искусственного родства, эквивалентной кровнородственным отношениям, она является и кирпичиком общества. Более того, семейная пара – это минимальная и самая устойчивая единица социальности, меньшая, чем семья, включающая также детей. В паре супруги являются взаимодополняемой частью друг друга. Таким образом, общественная реальность семьи оказывается гораздо более сложной, чем это представляется в классической теории примордиализма.

Семью объединяют общие интересы и взаимная ответственность, хозяйственно-бытовая, психологическая и культурная общность. Утилитарное значение семьи – в обеспечении социальной устойчивости индивида в сложном и многообразном мире, которое достигается решением сразу нескольких проблем: естественного воспроизводства с последующим воспитанием детей, чувственной (в т. ч. эмоциональной) реализацией личности и обретения индивидом пожизненного парт-

нера, взаимодополняющего его в силу различий полов, духовных, психологических и иных возможностей и условий. Иначе говоря, во всех традиционных обществах семья и семейный клан – не только источник отношений родства, создающий основу для родового, племенного и этнического родства и солидарности, но и самый естественный фундамент для строительства базовых общественных и экономических союзов и объединений. В условиях постиндустриального развития эта общественная роль семьи (большой или малой) снижается, из-за чего мы не всегда можем адекватно оценивать эти аспекты семьи без многомерного анализа.

Изучение действия механизмов первоначальной социализации индивида, которая неразрывно связана с семьей и отличительными особенностями семейной коммуникации, имеет большое значение. Как показывают все известные случаи, связанные с т. н. «детьми-маугли», воспитание среди животных приводит к одичанию ребенка, который не только не приобретает социальные и культурные навыки, но теряет и врожденные, например речевые⁷⁶.

Разрастание семей приводит к образованию родовой общины. В древности человек жил именно в родовых общинах; это был единственный тип общественной организации, который полностью совпадал с системой этнической организации. После того как часть родовых общин объединилась с другими и образовались соседские общины, далее городские общины, система этнической организации отделилась от общественной.

Если поначалу родовые группы старались селиться компактно даже в городах, то в современных городах люди живут в условиях экстратерриториальных общин. Исследователи иногда выделяют местную общину (*local community*), имея в виду локализованный, привязанный к одному месту (т. е., по сути, территориальный) саморегулирующийся социальный организм, обладающий собственными ценностями и ориентирами, правовыми установками и своей особой субкультурой⁷⁷.

В многомерной проекции коммуникативных связей конкретный индивид одновременно является «узлом» не одного, а сразу многих социальных объединений, образованных на основе различных признаков (территориальных, возрастных, профессиональных и др.). Ни одно из этих объединений не тождественно обществу, которое является суммой множества таких общностей. Будучи членом общества, человек в действительности имеет социальные связи и отношения с гораздо меньшим числом людей, именно они и составляют круг его общения.

Отношения между человеком и обществом в целом носят не прямой, а многократно опосредованный характер, поэтому совокупность абсолютно всех коммуникативных связей индивида создает для каждого из них в отдельности неповторимую внешнюю среду – и реальную, и виртуальную, и непосредственную, и опосредованную, в различных их сочетаниях. И в комплексе (наборе), и по отдельности коммуникативные связи так же уникальны, как и индивиды или социаль-

⁷⁶ Более подробно о социализации в семье см.: *Parsons T., Bales R. F. Family, Socialization and Interaction Process*. L.: Routledge and Kegan Paul Ltd., 1955. P. 82–88.

⁷⁷ *McMillan, David W.; Chavis, David M. Sense of Community: A Definition and Theory // American Journal for Community and Psychology*. 1986. No. 4. P. 6–23.

ная среда, складывающаяся вокруг каждого индивида. Категория коммуникативной связи обозначает единственно возможный способ взаимодействия индивидов, первоэлементов общества. Имплементация этой категории обнаруживает, что у каждой коммуникативной связи есть свои особенности и характеристики, которые и в формальном, и в содержательном плане могут быть выражены и зафиксированы в виде определенной информации. Вопрос лишь в том, какой именно тип общественного объединения, отражающий реальную структуру многоуровневой системы общественной организации с точки зрения практической целесообразности имеет больше оснований для того, чтобы рассматривать его в качестве промежуточного звена между человеком и обществом.

Многомерность системы общественной организации отмечали и средневековые мусульманские мыслители. Так, в своем знаменитом «Трактате о взглядах жителей добродетельного города» ал-Фараби писал, что по своей природе человек нуждается в некоем сообществе людей, в котором он может достичь счастья с помощью добродетельных дел, делясь тем, что он может дать, и получая от каждого то, что ему недостает. Все полные общества он делил на три категории: 1) все человечество, которое он называл великим обществом – это «совокупность обществ всех людей, населяющих землю»; 2) собственно общество, которое он называл средним – это «общество, представленное одним каким-либо народом» и 3) община, которую он называл малым обществом, – это «общество, представленное жителями какого-либо города»⁷⁸. Неполные общества, по классификации ал-Фараби, представляют собой жителей улицы, квартала и т. д. Феномен социальной взаимозависимости на этом уровне социальной консолидации продуцирует отношения дружбы, товарищества и добрососедства.

Стадиальные градации системы общественной организации. Для наглядности стадиального дискурса общественной организации сосредоточимся не на эволюции форм социальных (производственных, классовых или иных) отношений, а на изменениях типов связей между членами общины, организации ее жизненного пространства, комплексов ее хозяйств и экономики. Обращает на себя внимание английское слово *enclosure*, которое в своем историческом значении обозначало «огораживание общинных земель»; в основе этого слова лежат глаголы *enclose* («огораживать») и *close* («закрывать»). Схожая ситуация и в русском языке, где слово «град», т. е. город, происходит от слова «ограждение», «оградить», или «отгородиться от чужаков». Более того, в древних скандинавских рунах Русь называлась не иначе как *Gardar*. По мнению специалистов, это название представляет собой форму множественного числа от слова *garðr* «огражденный хутор, двор»⁷⁹.

Общее направление эволюции общины в расширении ее жизненного пространства можно обозначить как стадиальное движение от изолированности

⁷⁸ Григорян С. Н. Из истории философии Средней Азии и Ирана VII–XII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 156–157.

⁷⁹ Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М., 2001. С. 70–74. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. Вып. V: Древнескандинавские источники / сост. частей VI, IX, X – Г. В. Глазырина; частей III, IV, V, VII, VIII, XI – Т. Н. Джаксон; частей I, II, XII – Е. А. Мельникова. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. С. 37.

к интеграции, которое наглядно выражено в историческом движении социальных общностей (родов, племен, этносов) от родовых связей и отношений к соседским, от села к городу. Качественные моменты этого общего движения можно понимать как исторические этапы урбанизации, которые демонстрируют стабильную динамику изменения в способах производства, экономических отношениях, наконец, изменения соотношения городских и сельских жителей.

Система политической организации

В системе политической организации социальный порядок обеспечивает государство, в большинстве своем представляющее самую распространенную и эффективную форму этой системы в лице политического господствующего класса, который опирается на право, закрепляющее социальную иерархию, и государственные институты принуждения. Легитимность власти является важнейшим условием существования политической системы. С точки зрения современного международного права лучшей моделью системы политической организации считается правовое государство (англ. *Legal State*, нем. *Rechtsstaat*)⁸⁰. Однако понятие права исторично, так же как и понятие государства.

Принципы политической организации. Все существующие в мире и существовавшие в нем прежде системы политического правления, отражающие уровень эволюции местных обществ, являются разновидностями двух основных типов: условно «демократического» и условно «аристократического». Кавычки использованы для того, чтобы не вкладывать в эти понятия их современное значение. Демократический тип правления восходит к общеродовому совету, совету общины, совету племени, когда несколько человек решают дела общины, советуясь между собой; аристократический тип правления подразумевает наличие единоличного на своем уровне центра власти, лидера, вождя, который естественно пользуется поддержкой своего окружения. Окружение лидера составляет определенную иерархию, в которой он сам является вершиной.

Предложенный нами ракурс позволяет видеть в демократических и аристократических моделях власти стадийные различия: вот почему западная модель демократии в чистом виде не может быть применима к восточным обществам и даже к России. И дело здесь вовсе не в том, что «мы не такие, как они» или «они другие», а в определенных стадийных различиях, которые должны быть преодолены, причем не только в политическом, но и во всех других аспектах социальной организации. Специфика нынешней российской демократии, соответствующей общему состоянию российского общества, которую многие наблюдатели называют «управляемой», не случайно скрывается под определением «суверенный», введенным в середине нулевых для концептуального обозначения нового политического курса⁸¹.

⁸⁰ The Legal Doctrines of the Rule of Law and the Legal State (*Rechtsstaat*) / ed. by James R. Silkenat, James E. Hickey Jr., Peter D. Barenboim. Cham – Heidelberg – N. Y. – Dordrecht – L.: Springer, 2014.

⁸¹ [Сурков В.] Наша российская модель демократии называется «суверенной демократией» // Единая Россия. Официальный сайт партии /<http://www.edinros.ru/news.html?id=114108>. 28.06.2006. Дата обращения: 22.02.2008.

Использование точно такого же определения в других странах наглядно показывает стадийные различия политической организации, а также то, какие исторические условия в разных странах соответствовали данной стадии; при этом, безусловно, мы должны учитывать и возможность семантической многозначности этого определения. Во Франции понятие *démocratie souveraine* использовалось со времен Французской буржуазной революции XVIII в.⁸² Оно ясно обозначало интересы крупной буржуазии в создании новой формы политической организации после крушения монархии. В России такая фаза наступила после Февральской революции, но была остановлена Октябрьской революцией и величайшим в истории человечества социальным экспериментом, продолжавшимся 70 лет. Если четко следовать указанной логике, то в США схожие с этим условия должны были наступить приблизительно в середине XIX в. Действительно, как раз накануне Гражданской войны Демократическая партия США, представлявшая консервативный Юг и доминировавшая на политической сцене несколько десятилетий подряд (с 1823 по 1960 г.), объявила курс на «суверенную демократию»⁸³. После Гражданской войны к власти приходят республиканцы, представлявшие Север, и демократы оказываются на обочине политики, откуда они сумели вернуться лишь в XX в., когда демократия нового, капиталистического типа, известная как электоральная, получила широкое распространение и стала транснациональной.

Как показывает сравнительный анализ, общества в историческом процессе получили опыт демократии в самых различных ее формах, которые можно рассматривать как ее исторические фазы. Термин «военная демократия», впервые введенный Льюисом Морганом для обозначения формы общественной власти древнегреческого общества в эпоху перехода от родовой демократии к аристократическому (сословно-классовому) строю, получил широкую известность благодаря трудам Маркса и Энгельса. В марксистской науке термин приобрел самостоятельное значение. Родовой тип демократии наследовали союзы родов (сельские общины) и союзы сельских общин, т. н. «вольные общества», которых Максим Ковалевский называл «демократическими республиками». Племенную демократию представляли советы племен, а на этапе этнархии – общенародные собрания, как, например, Новгородское вече. По Веберу, «плебисцитарная демократия», будучи важнейшим типом демократии вождя, «по своему истинному смыслу есть вид харизматического господства»⁸⁴. В монархиях на определенном этапе ее развития рождается парламентская демократия. Демократия политической нации, построившей республику, отличает разделение ветвей власти на исполнительную, законодательную и судебную, а также демократические принципы выборности органов власти. Западные исследователи предлагают более детализированную классифи-

⁸² Larbo C. Rousseau totalitaire contre Rousseau démocrate: enjeu et critique d'une polémique marginalisée dans l'exégèse rousseauiste des années soixante // Etudes J.-J. Rousseau, N° 18. Rugosité de Rousseau, 2010–2011. Siam-JJR Montmorency, 2011. P. 181–182.

⁸³ The Encyclopedia of American Political History / ed. by Paul Finkelman and Peter Wallenstein. N.Y.: CQ Press, 2001. P. 123.

⁸⁴ Вебер М. Избранные произведения. С. 564–465.

кацию современных демократий: тоталитарную⁸⁵, социалистическую, либеральную, прямую и др.⁸⁶

Схожие исторические фазы мы наблюдаем и в развитии аристократического принципа политической организации, который понимается в широком смысле, не только как «власть лучших», а как элитарный принцип организации политического процесса, в противоположность эгалитарному (уравнительному). Он начинает институционально реализовываться на стадии родового строя, когда появляется собственность и социальное неравенство. Вероятно, на этом этапе оба эти принципа действовали комплексно: выборный совет старейшин был безусловно демократическим институтом, но в глазах членов родовой общины старейшины были «лучшими людьми». Аристократический принцип начинает доминировать над демократическим, когда старейшины перестают избираться, а получают пожизненный статус, как, например, патриархи. Даже используя марксистские определения, мы увидим, что аристократия классического рабовладельческого общества серьезно отличается от аристократии феодального общества. Опираясь на аристократию, монархия может представлять собой власть «первого из равных» (европейские короли до абсолютизма) или «лучшего из лучших» (абсолютные монархи). Поэтому монархия рассматривается нами как форма реализации аристократического, элитарного принципа политической организации, а не отдельно от этого принципа.

Верховная власть не только участвует, но и руководит процессом создания лояльного ей политического класса, с помощью которого она осуществляет свои функции управления обществом. В демократических обществах этот класс избирается, в аристократических – формируется по наследственному признаку, с определенным распределением ролевых отношений (суверен – вассал/сюзерен), политических и военных обязательств сторон и материальных ресурсов государства.

Рассуждения об аристократическом характере одних народов и демократическом характере других справедливы лишь в определенных исторических рамках: политические процессы необходимо рассматривать в комплексе с процессами возвышения одних обществ над другими, их политического доминирования на определенных этапах, распространения отношений зависимости или подчинения на соседние народы, обусловленного потребностями политического соперничества и выживания. Поэтому лучше противопоставлять не аристократический и демократический типы организации политической системы, поскольку они взаимно встроены друг в друга, а политические принципы построения общества, которые можно выделить в сравнительно более «чистом» виде. В политической системе власть может быть основана как на эгалитарном (уравнительном), так и элитарном принципе построения общества.

Эгалитарный принцип построения общества был известен во всех эпохах: в древности это были племена, не знавшие власти вождей. В средневековье

⁸⁵ Talmon J. L. The Rise of Totalitarian Democracy. Boston: Beacon Press, 1952.

⁸⁶ Larbo C. Rousseau totalitaire contre Rousseau démocrate. P. 179–190.

делами государства ведали советы из выборных мужей (например, Новгородское вече). В Новое время – демократия «вольных обществ». Один из примеров новейшего времени – социалистический эксперимент, который не распространялся на политическую сферу, а только на сферу социальных отношений, производства и распределения материальных благ. Формы политического устройства в эгалитарных обществах – как правило, демократические по своим базовым принципам, но очень разные, от плебисцитной «вождистской демократии» до разнообразных форм «демократии без вождя».

Элитарный принцип построения общества предполагает опору власти на группу «достойнейших», на самом деле – влиятельных кланов, которые исторически делили власть на местном уровне. На основе этих кланов формируется господствующий класс – аристократия. Сам факт существования этого класса предполагает сегрегацию общества на классы; переход из одного из них в другой в условиях, когда аристократия представляла собой влиятельный политический класс, был всегда крайне затруднен.

К политической терминологии, связанной с принципами построения общества, необходимо подходить исторически, поскольку содержание этих терминов и понятий постоянно менялось. Если в наше время лучшей формой политической системы считается демократическая, то для Платона, например, самая справедливая власть в «идеальном государстве» заключалась в аристократии, или власти «лучших людей». Далее он указывал на тимократию, «власти благородных», затем – олигархию и демократию, «власти народа», а на последнее место он поставил тиранию, власть тирана⁸⁷. Аристотель же считал правильными государствами те, в которых верховная власть осуществляется в интересах народа: монархия, аристократия и полития. Неправильные – это те, в которых правители преследуют личную выгоду (тирания, олигархия, демократия).

Возникает вопрос, в какой степени современные демократические системы представляют «власть народа», учитывая, что система местного самоуправления, т. е. собственно «низовая демократия», является лишь частью, причем не самой определяющей, в политической системе современного мира. Кроме того, не существует единой модели демократии даже в западных странах, не говоря уже о российской модели «суверенной» демократии, в которой, как и в Евросоюзе, важнейшим политическим системообразующим классом выступает бюрократия, а не низовые звенья местного самоуправления.

Бюрократия является господствующим классом в той мере, в какой она закрыта для посторонних, имеет признаки касты, защищающей саму себя. Аристократия наследуется, а номенклатура, как правило, назначается по заслугам, но на ранних этапах нацистроительства она набирается по клановому или даже наследственному признаку, из числа представителей «достойных семей». Особенно такая ситуация очевидна на примере кадровой политики России в республиках Северного Кавказа. Исходя из этого, а также ряда других обстоятельств, некоторые наблюдатели считают бюрократию современной квазиаристократией.

⁸⁷ См.: Plato. *The Republic* / transl. by Tom Griffith. Cambridge, 2000. P. 282.

По этой причине демократия не всегда выступает как антипод аристократии, особенно если исходить из современного значения этих обозначений. Однако и в истории такого принципиального противопоставления не было. В качестве примера обратимся к нашумевшей в свое время работе М. М. Блиева, посвященной социальным истокам и сущности Кавказской войны⁸⁸. В этой работе исследователь разделил горские общества на две группы племен: “демократические”, существовавшие в виде “вольных обществ” (шапсуги, абадзехи, натухайцы, а также чеченцы, частично дагестанцы и др.), и “аристократические”, имевшие правителей и социальную элиту (кабардинцы, частично дагестанцы, бесленеевцы, бжедуги, хатукайцы и др.). М. М. Блиев назвал вольные общества протофеодальными, находящимися на этапе “военной демократии”. Они жили войной, и с появлением собственности война стала для них основным способом обогащения⁸⁹. Однако социальная организация общества не статична, а подвижна, подвержена динамичным изменениям и потому не может служить основанием для противопоставления одних народов другим. Кажется, через стадию “демократических” обществ в ходе своей продолжительной эволюции прошли все родовые объединения. На определенном этапе своего развития они пришли к “аристократическому” типу внутренней организации. Так, ал-Мас’уди в X в. приводит свой аргумент в пользу такого выбора, когда сообщает о том, что кашаки (адыгские племена Кавказа) – народ столь же многочисленный, что и аланы, но у них нет царя, которому они подчиняются, поэтому они и уступают аланам. Впоследствии ситуация изменится, и кабардинские князья распространят свое влияние также на соседей, прежде подчинявшихся аланам⁹⁰.

Типы политической организации. С точки зрения механизма взаимодействия власти и общества в истории Макс Вебер выделял три типа политической организации, которые он считал источниками власти. Первый основан на **насилии**, второй – на **авторитете**, третий – на **праве**. В соответствии с этими тремя типами реализуются и характерные для политических систем отношения господства и подчинения. Регулятором общественных отношений и взаимодействия социальных групп, направленных на реализацию их интересов, при первом типе выступает непосредственно сама власть в лице правителя и его репрессивного аппарата; при втором – авторитет власти, подкрепленный религиозной традицией, традицией правонаследования, харизмой личности; при третьем типе – право⁹¹. Для первого типа характерно совмещение всей полноты власти в одних руках, для второго – частичное или полное, но формальное, в большей степени декларативное (и декоративное) разделение властей, для третьего – полное и реальное разделение ветвей власти, как правило, на исполнительную, законодательную и судебную.

Под правом понимается совокупность личных прав и обязанностей членов общества, которые оформлены в форме законов, обязательных для испол-

⁸⁸ Блиев М. М. О социальных истоках и сущности Кавказской войны // История СССР. 1983. № 2. С. 54–76.

⁸⁹ Там же. С. 55.

⁹⁰ Аликберов А. К. Эпоха классического ислама на Кавказе. С. 418.

⁹¹ Вебер М. Политические работы, 1895–1919 / пер. с нем. Б. М. Скуратова; послесл. Т. А. Дмитриевой. М.: Практикс, 2003.

нения всеми членами общества. Легитимность господства силы всегда подвергалась сомнению со стороны общества, в отличие от верховенства закона. Более того, в каждый исторический период формы приоритета силы или закона имели свои названия, понятийный аппарат, соответствующий образ власти, авторитет, а также свои особые политические отношения. Так, например, в первом случае, когда государство основано на власти силы, для неограниченной наследственной власти в азиатском способе производства – переходном этапе от первобытно-общинного к рабовладельческому, используется термин «**деспотия**». В античном мире ей соответствует «**тирания**». К неограниченной монархии периода перехода от феодального к капиталистическому способу производства применяется «**абсолютизм**». В социализме такая власть называлась «**диктатурой**», а в капитализме используется термин «**автократия**». Определения типа «просвещенный абсолютизм» или «просвещенная автократия» лишь дополняют эту общую схему.

Авторитарный тип политической организации основан на власти и авторитете одного (автократия) или группы (олигархия) людей. По Энгельсу, авторитет означает навязывание чужой воли, а с другой стороны предполагает подчинение⁹². Господство авторитета занимает по своей легитимности промежуточное положение между диктатурой силы и диктатурой закона: Макс Вебер определял этот тип власти как «харизматический», поскольку он основан только на вере в особую святость, гениальность, героические и/или другие достоинства правителя и его власти. Находясь за гранью рационального, объяснял Вебер, харизма не подлежит точному определению или понятному объяснению.

В истории авторитарный тип политической системы оказывался востребованным главным образом в периоды болезненных трансформаций общества. В стабильном обществе с устойчивыми социальными системами используется система верховенства права, которая допускает несравненно большие возможности для саморегуляции общества как целостного политического организма: часть властных полномочий политического класса делегируется максимально широкому кругу граждан опосредованно через единые узаконенные стандарты социального поведения. Это придает системе большую устойчивость, уменьшая зависимость от конкретных личностей, снижая риски, связанные с человеческим фактором.

Многомерность системы политической организации проявляется по-разному, в том числе через сосуществование различных форм и типов политической организации. Наука знает множество типологий исторических форм политической организации. Одни из них вплетены в концепцию однолинейной эволюции, другие учитывают множественность ее направлений. Веберовская типология системы политической организации не является единственной. В стадийной периодизации Элмана Сервиса локальная группа переходит в племя, из племени возникает вождество, а из вождества рождается государство⁹³. С точки зрения системного

⁹² Энгельс Ф. Об авторитете // К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в трех томах. М., 1985. Т. 2. С. 406.

⁹³ Service, Elman R. Primitive Social Organization: An Evolutionary Perspective. N.Y.: Random House, 1962; Классен Х. Дж. М. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма // Альтернативные пути к цивилизации: Кол. монография. М.: Логос, 2000. С. 12.

подхода здесь налицо смешение разнопорядковых критериев: локальная группа может представлять собой любую общность, но если не оговаривается ее природа, то это общность социальная. Племя относится к системе этнической организации, а вождество и государство – к системе политической организации. В свою очередь, понятие «вождество» относится к системе управления, а «государство» – к политической.

В реальной действительности различные аспекты социальности действительно смешаны, но в каждом случае со своей логикой. Так, А. В. Коротаев утверждает, что «вообще существует очевидная эволюционная альтернатива развитию жестких надобщинных политических структур (вождество – сложное вождество – государство) в виде развития внутриобщинных структур одновременно с гибкими межобщинными системами, не отчуждающими общинного суверенитета (разнообразными конфедерациями, амфикиниями и т. д.)»⁹⁴.

Само определение «политический» происходит от др.-греч. *πολιτεία* («полития»), от которого образовался термин *πόλις* («полис»). В Древней Греции полис был и городом, и государством; оба смысла были в то время слиты воедино. Впоследствии значения «города» и «государства» стали дальше расходиться. В первом значении полис обозначал форму общественной организации, а во втором – собственно политической. В дальнейшем определение «политический» стало использоваться исключительно по отношению к государству.

Система этнической организации

Социальный порядок в системе этнической организации основан на отношениях родства, обеспечивающих базовый уровень семейно-клановой, родоплеменной и этнической солидарности и клановой структуры. Формирование многоуровневой системы этнической организации, включающей в себя клановые структуры, а также структуры элит – родоплеменной и/или этнической, непосредственно соотносится с развитием социальных процессов, тесно связанных с этносом и этничностью, развитием народа в его этническом смысле, который включает в себя не только язык и культуру, но также этническую политику и этническую (приспособленную к культуре и интересам этноса, с особыми народными формами бытования) религию.

Льюис Морган еще в XIX в. представил отношения кровного родства в форме двух систем – описательной и классификационной, а также исторических (латинской и др.) и этнических (английской и др.) систем взаимоотношений⁹⁵. В советской этнологии системный анализ применительно к этносу одним из первых применил В. В. Пименов, совместив его с экономическим детерминизмом марксизма, хотя сам исследователь называл свой метод компонентным анализом. Для В. В. Пименова этнос – «относительно автономная, исторически возникающая, динамическая, самовоспроизводящая и саморегулирующаяся **сложная социальная**

⁹⁴ Бондаренко Д. М., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Альтернативы социальной эволюции. С. 21.

⁹⁵ Morgan L. H. Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family / intr. by E. Tooker. Lincoln – L.: Univ. of Nebraska Press, 1870.

система»⁹⁶; компоненты этой системы – «демографическая, пространственно-географическая, экономическая, социальная, языковая, культурная, бытовая и психологическая – связаны отношениями числа, порядка, направления, интенсивности, координации и субординации⁹⁷. Г. М. Денисова и М.С Радовель на стыке этнологии и социологии предприняли попытку описать этнос как социальную систему⁹⁸, однако, на наш взгляд, не очень убедительную, поскольку не были выделены все специфически этнические системы и выявлены механизмы их взаимодействия. В силу ограниченности объема мы также не претендуем на решение такой амбициозной задачи. Отметим, что Фредрик Барт отдельно выделял полиэтническую систему⁹⁹, следовательно, ей должна предшествовать система моноэтническая.

С учетом исторически многослойной семантики исходного понятия «этнос» (греч. *ἔθνος*), обозначающего в античных источниках «стаю, род, племя, народ», речь идет о процессах различных форм социальной общности, имеющих в своей основе генетическое родство, но не сводящееся исключительно к нему. Прямое словарное значение термина «ген» (от греч. *génos*) – «род, происхождение», а научное биологическое – элементарная единица наследственности. С наследственностью в более широкой ретроспективе связано также расовое происхождение, антропологическое родство. Здесь ключевое значение имеет тот факт, что не только культура, но и гены, как справедливо выразился Ван ден Берге, способствуют адаптации человека¹⁰⁰.

Поскольку, как утверждает в большинстве теорий, человек является не биологическим, а биосоциальным существом, то и сообщества людей, возникающие на основе социальных связей, даже связанные исключительно отношениями родства, не должны считаться только биологическими. Противопоставление биологического и социального в некотором смысле условно и даже искусственно: факт биологического воспроизводства человека не обходится без союза людей, не связанных, за исключением редкой эндогамии, биологическим родством друг с другом. На самом высоком уровне социальных систем отношения биологического родства являются производными от социальных отношений. На уровне системы этнической культуры все выглядит с точностью до наоборот: только появившись на свет биологически, индивид становится объектом социальных отношений через различные фреймы, о которых писали И. Гофман и Б. Латур.

Мейер Фортес сделал вывод, что «социальные отношения и институты, условно сгруппированные под рубрикой родства и социальной организации, принадлежат одновременно к двум взаимодополняющим областям социальной структуры – семейной и политической», тут же сопоставив их со сферами лич-

⁹⁶ Пименов В. В. Удмурты: Опыт компонентного анализа этноса. С. 14.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Денисова Г. С., Радовель М. Р. Этносоциология. Ростов-на-Дону, 2000.

⁹⁹ Barth, Fredrik. Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference* / ed. by Fredrik Barth. Long Grove, IL: Waveland Press, Inc., 1998. P. 16.

¹⁰⁰ Van den Berghe, Pierre L. *Stranger in Their Midst*. Boulder: Col. Univ. of Colorado Press, 1989. P. 297.

ного и общественного¹⁰¹. Здесь мы отмечаем двойную неточность: институт родства имеет прямое отношение к институту семьи, воспроизводящей отношения родства, образующие, в свою очередь, систему родоплеменной и этнической организации, а не общественной или политической. Речь идет о типологической принадлежности к базовой системе социальной организации, а не о том, что институт родства не может иметь ничего общего с общественной или политической сферами. Напротив, этническая нация, например, является обществом, которое ведет свою этнонациональную политику, обычно националистическую в этническом смысле.

Семья, будучи ячейкой общества, с точки зрения измерений социальности прежде всего образует семейно-клановые структуры, затем родовые, и только затем соседские (сельские) общины. На этапе соседской общины система общественной организации подчиняет себе систему родоплеменной организации, которая тем не менее никуда не исчезает, а продолжает воспроизводить отношения родства.

Род, племя и этнос как надродовое сообщество представляют народ в этническом смысле, но в реальности внутри этноса многомерный подход отличает собственно этнические структуры от общественных, также относящихся к этническим. Иначе говоря, в любом народе-этноте есть существенные системные элементы народа-демаса, если общество этническое, говорящее на том же языке, участвующее в создании народной в этническом смысле культуры. Они возникают на уровне союзов различных племен, которые и являются основой этноса как надродовой структуры. Поэтому логично говорить об узком этническом понимании демаса, в котором общины формируются на соседских, а не родовых принципах, и его широком понимании, когда демас образуют представители разных этносов, живущих на основе принципов соседской общины на общей территории.

Многомерность системы этнической организации выражают уровни отношений родства, сочленение отношений родства с отношениями свойства, порождающими воспроизводство отношений родства, вложенностью различных структур этнической организации друг в друга: малая или большая семья (родные) – клан (родственники) – родовая община – субэтнос – этнос.

Отношения **биологического (кровного) родства**, образующие особую категорию коммуникативных связей, имеют иерархию, которая, в частности, до сих пор учитывается в наследственном праве всего мира. Кровное родство первой степени по прямой линии составляют родители и дети, второй степени – по восходящей – бабушки и дедушки, прабабушки и прадедушки, по нисходящей – внуки и правнуки. Боковые линии родства – двоюродные, троюродные и далее – N-юродные (дальние) родственники, вплоть до «седьмой воды на киселе».

Отношения **свойства**, связанные с кровнородственными опосредованно через общих детей и потому эквивалентные отношениям родства, также иерархичны, причем их структура подчинена отношениям кровного родства. Соединение узами брака эквивалентно понятию «породниться», чужой становится своим,

¹⁰¹ Fortes, Meyer. Kinship and Social Order: The Legacy of Lewis Henry Morgan. N.Y.: Routledge, 2006.

именно поэтому родство через брак называют словом «свойство» (от слова «свой»). Отношения свойства обеспечивают расширение границ родовой коммуникации и межродовое взаимодействие, укрепляя внутренние связи этнической и даже межэтнической (межрасовой) коммуникации.

Формализация отношений родства должна учитывать все актуальные формы коммуникативных отношений между родственниками и соплеменниками, которые не ограничиваются только отношениями кровного родства и свойства. Традиция приравнивает к ним также отношения внебиологического (искусственного) родства. Доля таких отношений в социальных связях индивида отличается от характера его коммуникативного мира. Если она преимущественно городская, экстра-территориальная, соответственно доля родовых связей в ней ничтожна и ограничивается семьей и близкими родственниками. Напротив, если человек живет в сельской общине, то доля родственных отношений в его социальных связях будет значительной.

Система религиозной организации

Система религиозной организации опосредовала коммуникацию человека с Богом, тем самым сделав возможным создание религиозных структур и организаций, иначе говоря, институционализацию идеи Бога, позволившую религии создать религиозную общность через механизмы социальной идентичности, работающие на принципах категоризации, идентификации «Свой»/«Чужой» и социального сравнения. Монотеистические религии сделали попытку создания единых общностей, основанных не на кровнородственных связях, а на единых духовных ценностях, используя при этом институты искусственного родства, копирующие кровное родство. Тем самым они создали новое пространство для консолидации родовых союзов, сельских общин и их объединений в племена и союзы племен, в то время как языческие культы разъединяли их, делили на группы. В недрах старой общественной системы произошли необратимые сдвиги в сторону консолидации громадных общественных массивов, и религия сыграла в этом процессе принципиально важную роль. Поэтому выражение о том, что религия создала народы, имеет под собой веские основания. Сказанное относится практически ко всем религиям, а не только религиям Откровения, хотя разные религии допускают различную степень межобщинной консолидации¹⁰².

Поскольку внутренняя вера человека всегда индивидуальна, даже в монотеистической традиции, процессы объединения и поляризации религиозных верований происходят под влиянием общих идей, зафиксированных в священных текстах. В авраамической традиции Единый Бог выступает как объединяющее начало. Монотеизм задает единые принципы и форматы, в том числе форму выражения той или иной идеи на практике, однако практика толкования и реального бытования религиозных идей во многом зависит от местных условий и представлений,

¹⁰² Степень этнической раздробленности Китая намного выше, чем, например, в России, которая благодаря монотеистической религии сумела ассимилировать даже антропологически чужеродные местные общества (финно-угры, тюрки-кочевники и др.).

и сформировавшихся на их основе традиций. Поэтому все крупные религиозные системы включают в себя множество учений, богословских школ и идейных течений, которые являются **способом их развития через деление и усложнение, в том числе их систем религиозной организации**. Это структурное многообразие также выражает многомерный характер системы религиозной организации.

Если мы выйдем за пределы монотеистической традиции, то обнаружим, что мир религиозной духовности настолько многообразен и синкретичен, что фактически не поддается общей классификации, даже в парадигме системной теории (именно по этой причине мы говорим о «диапазоне классификаций»). На примере многочисленных учений индуизма мы видим, что для изучения глубоко синкретических учений мало надежных инструментов исследования. Методы многомерной статистики, позволяющие изучать взаимопроникновение систем одновременно в разных плоскостях исследования, могут быть одним из таких инструментов.

Для создания своей особой системы социальной организации религия использовала принципы кровного (биологического) родства. Религиозная общность, вроде «храмовой общины», мистического ордена или монастырского братства, исламского джама'ата или иной религиозной общины, представляет собой не что иное, как социальное объединение, основанное на приоритете Творца над творениями, по сравнению с родовой общностью, основанной на приоритете кровного родства. Для придания своим общностям необходимого статуса конфессиональные объединения не случайно апеллируют именно к категориям кровного родства. Творец – это Отец, а человек – творение Его. В христианстве сыны Божьи – братья во Христе.

Сакрализация общественных отношений, основанных на вере, происходила на основе использования наиболее важных категорий родства. Религия использовала категории родства для создания религиозной иерархии, повышения статуса своих иерархов, приближения их к народу в положении, эквивалентном положению родного отца: не случайно неформальное обращение к старшему представителю церкви на местах почти во всех основных христианских конфессиях апеллирует к положению отца («отец», батюшка, Папа римский).

Для укрепления внутренних связей в системе религиозной организации религия использовала также и отношения внебиологического (искусственного) родства, основанные на особом типе религиозных связей: крёстный отец, крёстная мать, крёстный сын (крестник), крёстная дочь (крестница), кум, кума, крёстный дед, крёстный брат, крестовый брат (брат по кресту, брат названный, побратим церковный нарочный или случайный) и др., или связей, возникающих на основе отношений искусственного материнства: молочная мать (мамка, кормилица), молочный брат, молочная сестра и др.

Храмовая община могла охватывать весь город, если город был храмовым (например, Вавилон и другие шумерские города, согласно И. М. Дьяконову). Срастание храмовой общины с городской привело к образованию **гражданско-храмовой общины**, обладавшей двумя важнейшими признаками: гражданским самоуправлением и исключительно религиозной основой консолидации. Внутренняя структура и иерархия такой общины достаточно хорошо описана: она дели-

лась на две четко разграниченные группы – жрецов и нежреческой части общинников, которая включала в себя несколько десятков коллективов, которые назывались *бет-абот* («отцовский дом»). *Бет-абот* включал в себя множество семей численностью около тысячи мужчин, которые приходились друг другу родственниками по мужской линии – таким образом, система родства подкрепляла храмовую общину, которая на религиозных принципах объединяла совершенно различные по происхождению родовые сообщества. Исследователи отмечают, что «аналогичные коллективы встречаются в других гражданско-храмовых общинах, например в Уруке и других автономных городах Вавилонии, где родословия восходили вплоть до II тысячелетия до н. э.»¹⁰³.

В структурном отношении система религиозной организации представляет собой довольно разнообразный по своим организационным формам конгломерат сообществ даже внутри отдельных конфессий, а не только религий, но в данном случае важно отметить общность принципов, на которых зиждится эта система – принципы эти религиозные, они зафиксированы в Священных Писаниях, Священной Традиции, основных книгах того или иного учения.

4.2. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕРЕНИЙ СИСТЕМЫ КУЛЬТУРЫ

Понятие «**системы культуры**» введено Клиффордом Гирцем, поэтому оно идеально согласовано с его интерпретацией «нового историзма», восходящей к Э. Гуссерлю. Помимо этой системы, К. Гирц различал систему политики, систему экономики, систему здравого смысла. Однако выделенные Гирцем объекты системного анализа имеют разные критерии, они не разделены на основе общих принципов, не обособлены в теоретическом смысле, не ранжированы и не систематизированы в рамках общей системы координат. Как многомерную систему рассматривает культуру и С. Н. Гринченко, затрагивая информационно-кибернетические аспекты проблемы¹⁰⁴. В предлагаемом нами подходе принципы многомерности согласованы с принципами системности и коммуникативности по рецепции Н. Лумана, в соответствии с этим в системе культуры в качестве отдельных измерений мы выделяем **системы общественной, политической, этнической и религиозной культуры**. В рамках именно этих измерений культуры собственно и формируется множественная идентичность человека.

Когда мы говорим о гирцевской «системе культуры», подразумевается система социальной культуры в широком смысле, поскольку **общее измерение системы культуры** включает в себя все проявления социальности, в том числе исторические.

¹⁰³ См.: История Древнего мира. Т. 2. Расцвет Древних обществ. В 3 т. Издание второе / под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. М.: Наука, 1983. С. 348.2

¹⁰⁴ Гринченко С. Н. Культура как многомерная система: информатико-кибернетический аспект // Грани познания: наука, философия, культура в 21-м веке. Кн. 2. М.: Наука, 2007. С. 367–395.

Именно поэтому культурное измерение истории отдельно не выделяется, культурный компонент представлен во всех социальных измерениях истории. **История и сама является частью культуры**, так же, как исторический опыт – неразрывной частью культурного опыта человечества. Кроме общего измерения, различают также **социальную культуру в узком смысле**, как культуру взаимопонимания и взаимодействия людей, обеспечивающую выживание и развитие общества.

Культура сама по себе многомерна, имеет пространственное и временное содержание, аккумулирует прошлое и создает настоящее. Изменение фокуса с культуры как таковой на отдельные измерения культуры, которые изучаются не только специально, углубленно, но и в системной целостности, а также в неразрывном единстве с системными проявлениями социального, расширяет горизонты возможностей исследователя.

4.2.1. Многомерность системы культуры и внутренняя взаимосвязь ее стадийальных проявлений

Попытки классификации культуры неизбежно упираются в ее бесчисленные проявления в историческом процессе. Общие классификации культуры связаны не только с измерениями социальности, но и со стадиями их эволюции, а также хорошо различимыми системами. Вслед за Дж. Александером мы различаем **ряд уровней анализа системы культуры**. Верхний уровень представляет сама система культуры в целом. На втором уровне ее можно представить как целостную совокупность автономных систем **общественной культуры, политической культуры, этнической культуры, религиозной культуры, правовой культуры, экономической культуры** и т. д., которые как раз представляют базовые измерения культуры. Это подсистемы общей системы социальной культуры (в широком смысле), по умолчанию определение «социальный» как характеристику общего измерения системы культуры мы опускаем, поскольку культура не может не быть несоциальной: она является естественным продуктом феномена социальности.

На третьем, более глубоком уровне наблюдения уже сами подсистемы (вложенные системы) имеют свои внутренние измерения, которые свидетельствуют о многослойном характере культуры. Например, в научной литературе мобилизацию этничности не случайно характеризуют как **этническое измерение политической культуры**¹⁰⁵. Этническое измерение можно обнаружить и в явлениях **общественной и религиозной культуры, точно так же, как общественное, политическое, религиозное измерения** фиксируются во всех проявлениях культуры. В этом как раз и проявляются перекрестная взаимосвязь и взаимозависимость системно сложных социальных взаимодействий, характеризующихся дополнительными переменными в форме темпоральных (возрастных) и стадийальных градаций.

Репрезентация системной сложности культуры в пространственных моделях упрощает использование методов многомерного статистического анализа и фор-

¹⁰⁵ Ачкасов В. А., Бабаев С. А. «Мобилизованная этничность»: Этническое измерение политической культуры современной России. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургск. филос. общ-ва, 2002.

мализацию данных. Так, культуру можно классифицировать на основе разных критериев, различая, например, религиозную культуру как христианскую, исламскую, буддийскую и т. д., духовную и светскую, древнюю и современную, племенную и народную, а также этическую, языковую (лингвокультуру) и др. Высокая культура разительно отличается от культуры повседневности.

Об измерениях культуры и их связи с коллективными ценностями, которые не только их представляют, но и влияют на социальные институты, уже писали в научной литературе¹⁰⁶. Не меньшее значение имеют и другие, более узкие измерения культуры: локальные, в том числе географические (территориальные), цивилизационные (западная культура, восточная культура), а также специальные исторические измерения, например, археологическая культура («катакомбная культура», «кура-аракская культура», «культура боевых топоров» и т. д.).

Вероятно, отдельные деструктивные субкультуры, культуру ненависти, культуру отмены, культуру безнравственности и пограничные с ними формы культуры можно было отнести скорее к контркультуре, антикультуре, но даже и они органично вписываются в контекст социальных измерений истории: например, культура отмены – в политическое измерение, культура безнравственности – в этическое измерение как антипод этики. В свою очередь, и **этика** как явление культуры распространяется на все основные измерения истории: общественная этика, политическая этика, народная этика, религиозная этика.

Культура включает в себя также **политику** и **идеологию**, которые имеют свои измерения. Признавая, что «невозможно отделять политические структуры от их культурного контекста», Х. Классен рассматривает разнообразные формы политической организации в качестве подсистем «более всеобъемлющих целостных образований – культур»¹⁰⁷. Однако культура также делится на отдельные системы, причем таким образом, что в процессе анализа **системе политической организации** (структурный аспект) должна соответствовать **система политической культуры** (функциональный аспект): структура и функция тесно взаимосвязаны друг с другом не хаотично, в случайном порядке, а в рамках своих особых измерений социальности. Этот пример показывает, в чем именно наш теоретико-методологический подход, который отличается интегративностью, т. е. базовой согласованностью парадигмальных оснований на основе многомерности, системности и коммуникации, отличается от мир-системного подхода, пытающегося совместить парадигмы различных теорий (цивилизационной, эволюционной, неозволюционной и др.) непосредственно в ходе исследования.

Как система взглядов идеология характеризует каждое из основных измерений социальности в отдельности: **общественная идеология, политическая идеология, этническая идеология, религиозная идеология**. Каждому из этих измерений соответствуют свои правовые и этические установки, ценности и идеалы, формирующиеся отдельно друг от друга, но во взаимной согласованности (в социокультурном порядке) в пределах отдельных обществ.

¹⁰⁶ Klasing, Mariko J. Cultural Dimensions, Collective Values and their Importance for Institutions // Journal of Comparative Economics. 2013. Vol. 41. No. 2. P. 447–467.

¹⁰⁷ Классен Х. Дж.М. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма. С. 5.

Культура также определяет идентичность человека, но прежде всего через общественную, политическую, народную и духовную культуру. Существуют также и специфические формы культурной идентичности, которые не подпадают под эти четыре измерения, но также влияют на идентичность индивида. Например, если **этика** вместе с **правом** непосредственно определяют социальные отношения, образуя **этическое и правовое измерения культуры**, то **эстетика** представляет собой важнейшее основание культуры, относящееся к чувственному и зрительному восприятию образов реального бытия. Как таковая эстетика отличает прекрасное от безобразного, возвышенное от низменного, трагическое от комического не только в природе, точнее в нашем восприятии природы, но и в различных проявлениях человеческой деятельности, в том числе художественном творчестве и искусстве. Как выразительная форма, она дополняет глубокое этическое содержание культуры зрительными и слуховыми образами и стилями. Эстетические представления человека менялись от одной стадии культуры к другой, причем во всех сферах. Несмотря на свое системное многообразие, культура может существовать и в «чистых» формах, которые находят свое отражение в различных видах искусства, нередко взаимно перекрещивающихся: **кулинарное искусство, архитектурное, изобразительное, живописное, орнаментальное, ювелирное, камнерезное, музыкальное, театральное искусство** и др.

Большей частью различные виды искусства выражают **эстетическое измерение** культуры. Существует множество определений искусства, которые характеризуют его с разных сторон; одно из наиболее точных определений (по крайней мере с точки зрения используемой в этой работе информационно-коммуникационной парадигмы) принадлежит Л. Н. Толстому, назвавшему искусство «способом не прямой коммуникации между людьми»¹⁰⁸, дополним, еще и между человеком и Богом. Не случайно искусство называют третьей формой познания, наряду с религией и наукой; оно также используется в качестве инструмента познания как наукой, так и религией.

Эстетику культуры можно классифицировать в рамках **стилей искусства**, которые представляют собой самостоятельные явления культуры, как, например, омейядский или сельджукский стили в мусульманской культуре. Системный подход позволяет лучше понимать внутренние стадийные связи и отношения в различных аспектах социальности, включающих в себя различные виды искусства. Вне системного анализа эти вопросы также решаются, но не без их стадийных градаций, поскольку они остаются в тени. Например, каким именно образом романтизм связан с модернизмом, если эти категории различаются по своим базовым критериям?¹⁰⁹ Или каким образом национализм как идеология может найти свое отражение в музыке?¹¹⁰

Стилистическую взаимосвязь можно обнаружить не только в сфере имажативного искусства: можно говорить о некоторой степени корреляции между эстети-

¹⁰⁸ Levinson, Jerrold. The Oxford Handbook of Aesthetics. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003. P. 5.

¹⁰⁹ Dahlhaus, Carl. Between Romanticism and Modernism. Berkeley: Univ. of California Press, 1980.

¹¹⁰ См.: Brusatti, Otto. Nationalismus und Ideologie in der Musik. Tutzing: Hans Schneider, 1978.

кой визуальной и слуховой. Идея символической привязки стилей имагативного искусства, например, к музыке, появилась не сегодня. В XVII в. существовало такое понятие, как барочная музыка: его применяли для обозначения композиционно сложной музыки И. С. Баха. В XVIII в. у Моцарта и Бетховена появляется музыкальный классицизм с его четкими музыкальными формами. Нечто подобное мы видим и в рок-музыке: классический рок отличается от готического, рок-баллады представляют собой романтический стиль и т. д. Понятно, что эти стили не являются точным, аутентичным отражением предыдущих эпох, скорее, они выражают наши современные представления о них. Но даже в таких специфических формах здесь можно видеть признаки внутренней взаимосвязи стадиальных проявлений культуры.

Особого внимания заслуживает проблема наличия тесных внутренних взаимосвязей между социальными измерениями системы культуры, которые подвержены системной трансформации от одной эпохи к другой, порождая свои особые стили культуры. Когда Шпенглер, сравнивая такие разнопорядковые явления, как музыка и живопись, писал о том, что «между Вагнером и Мане существует глубокое сродство, мало кем ощущаемое»¹¹¹, он, очевидно, имел в виду ту единую эстетику, тот общий стиль культуры, который накладывает свой отпечаток на все ее проявления в общественной жизни, будь то в музыке, искусстве или архитектуре. И это наблюдение философа гораздо важнее вывода, который следует из него: подъем и упадок культуры – категории оценочные, необъективные. В данном случае ценно понимание единства модернизма, стиля решительного, коренного обновления, проявляющееся во всех сферах культуры. Подчеркивая соответствие модернистской живописи модернистской музыке, Шпенглер отмечал, что искусство импрессионистов заключалось в их способности широкими мазками красок утонченно «выколдовать в пространстве мир», а Вагнер делал то же самое, уплотняя целый мир души тремя тактами: «Краски звездной полуночи, тянущихся облаков, осени, жутко-унылых утренних сумерек, неожиданные виды залитых солнцем далей, мировой страх, близость рока, робость, порывы отчаяния, внезапные надежды, впечатления, которые ни один из прежних музыкантов не считал бы достижимыми, – все это он с совершенной ясностью живописует несколькими тонами одного мотива»¹¹².

Более того, Шпенглер ставит драматурга Генрика Ибсена, основоположника «новой драмы», и Фридриха Ницше, ниспровергателя традиционной академической философии, и даже мятежного просветителя Жан-Жака Руссо в один ряд с композитором-модернистом Рихардом Вагнером и художником-импрессионистом Эдуардом Мане. «Импрессионизм, – пишет он, – возвратился на земную поверхность из сфер бетховенской музыки и кантовских звездных пространств. Его пространство – факт интеллектуальный, не духовный; оно узвано, исчислено, но не пережито; Курбэ и Мане воплощают в своих пейзажах механический объект физики, а не прочувствованный мир пасторальной музыки»¹¹³. Здесь различ-

¹¹¹ Шпенглер О. Закат Европы. С. 78.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же. С. 405.

ные проявления одного из аспектов культуры, а именно – искусства, точнее, музыкального, изобразительного и театрального искусства, причудливо соединяются друг с другом в общих для них *стилях*, которые, в свою очередь, созвучны философии и науке.

Одни специалисты видят истоки западных подходов к театральному искусству в классических традициях античной Греции и Рима¹¹⁴. На примере Станиславского и его наследия исследователь различает реализм и натурализм актерской игры, в которых большое место отводится языку тела¹¹⁵. В противоположность реализму анализируется немецкий экспрессионизм¹¹⁶, а также футуризм и сюрреализм¹¹⁷. В других исследованиях утверждается, что романтизм со всей его глубиной представлен в постановках Шекспира¹¹⁸.

Продолжая поиски взаимозависимости стадийных проявлений культуры, нетрудно обнаружить, что танец и музыка были тесно связаны с ритуалами поклонения божествам, жертвоприношениями, магическими плясками шаманов. Связь танцевального искусства с религиозно-культовыми ритуалами, народными обрядами, историческими событиями, космологией и даже каллиграфией лучше всего исследована в китайском танце: «Космологические представления древности, связанные с культом неба – земли и точной пространственной ориентацией, получили эстетическую интерпретацию: танцевальная схема вписывалась в квадрат – символ земли и была ориентирована по сторонам света. Четкую пространственную ориентацию приобрели и отдельные движения. Доминантой хореографической композиции была не поза, как в индийском классическом танце, и не последовательное чередование скульптурных поз, а слияние движущихся фигур. В танце, как и в каллиграфии, приобретают значение комбинация линий, общий рисунок композиции. Одним из распространенных видов танцев ханьского периода, вошедших в танцевальное искусство более позднего времени, были построения, иероглифически изображавшие благопожелания: например, иероглифы «Благополучия (умиротворения) Поднебесной»¹¹⁹.

Движения танца непосредственно связаны, с одной стороны, с сакральными образами, а с другой – подвержены историческим изменениям, которые соответствуют этапам трансформации религии. Так, в ходе истории Китая танцы менялись вместе с ритуалами и обрядами: «Характер ритуальных танцев изменился, они перестали сопровождаться магическими заклинаниями, исступленными выкриками, характерными для танцев глубокой древности, и в соответствии со строго разработанным ритуалом вместе с музыкой подчеркивали величие и торжественность обряда»¹²⁰. Танец, сохранивший некоторые архаические элементы хореогра-

¹¹⁴ Meyer-Dinkgräfe, Daniel. Approaches to Acting: Past and Present. L. – N.Y.: Continuum, 2001. P. 8–12.

¹¹⁵ Ibid. P. 38.

¹¹⁶ Ibid. P. 54–57.

¹¹⁷ Ibid. P. 60–62.

¹¹⁸ Shakespeare and the Culture of Romanticism / ed. by Joseph M. Ortiz. Burlington, VT: Ashgate, 2013.

¹¹⁹ Серова С. А. Китайский классический танец // Балет. Энциклопедия. М.: СЭ, 1981. С. 251–252.

¹²⁰ Там же. С. 251.

фии, передает экспрессию народного танца (племенная стадия), и даже вызывающую состязательность молодых людей, характерную для мужских возрастных инициаций (родовая стадия). Элементы мужских возрастных инициаций сохранились и в джигитовке (от тюрк. «лихой», «храбрый») – особом способе верховой езды с акробатическими трюками и упражнениями, который возник и развивался у народов Центральной Азии и Кавказа, а затем и у казаков¹²¹.

Искусство связано не только с духовной жизнью народа, но и с его политической организацией, обрядами, образом жизни. Например, культура монархического строя отличается от культуры республиканской формы правления: разная степень личной свободы художника отражается и в его творчестве. Для восприятия и понимания культуры необходима не только свобода художника, но и такой же уровень свободы общества, а также наличие соответствующего общественного запроса и ожидания: волнующие воображение скульптуры Родена вряд ли были бы уместны в исламской культуре его времени.

Тесная взаимосвязь вокального, инструментального и танцевального искусств проявляется в разных формах. Например, в семантике названий музыкальных жанров отражаются характерные ритмические ощущения, связанные с определенной формой движения: *rock, roll, twist, swing, shake* и т. д. В песнях, в танцах и сценических образах, в свою очередь, отражаются особенности языка (в том числе его фонетического строя) конкретного народа, его темперамент, артикуляция, мимика, жестикация и общий стиль жизни.

Особенности культуры определяются также условиями жизни. Так, горловое пение позволяет северным народам петь с почти закрытым ртом, с сомкнутыми губами, что более чем актуально в субарктическом и умеренном климате, где почти круглый год очень холодно. Даже музыкальные инструменты напрямую или косвенно зависели от эпохи и местности, в которой они изготовлены. Так, звук духового инструмента *эвэр-бурээ* (Монголия), изготовленного из рога животного и используемого в т. н. фолк-музыке, – громкий и протяжный; это обусловлено степной местностью, в которой он используется (продолжительный свистяще-приглушенный звук распространяется на большие расстояния и соответственно лучше слышен издали).

Вильгельм Дильтей писал о взаимосвязи поэтических произведений того или иного народа с его духовной жизнью, и историчности конкретной поэтической техники: «различные типы поэзии, меняющиеся от народа к народу, от эпохи к эпохе», зависят от «историчности духовной жизни, выражающейся в конкретных системах создаваемого человечеством культуры»¹²².

¹²¹ Джигитовка обнаруживает типологическое родство с системой боевой подготовки всадника и лошади, которую она, вероятно, изначально и представляла. Во всяком случае, почти все основные элементы джигитовки воспроизводятся в военном искусстве (*'илм ал-фурусийа*), которое получило наибольшее распространение в мамлюкском Египте. См: *Alikberov A. K., Rezvan E. A. Ibn Abi Khazzam and his Kitab al-Makhzun: The Mamluk Military Manual // Manuscripta Orientalia. International Journal for Oriental Manuscript Research. Vol. 1. No. 1. St. Petersburg – Helsinki, 1995. P. 21–28.*

¹²² Дильтей В. Сила поэтического воображения. Начала поэтики // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. трактаты, статьи, эссе / ред. К. Г. Косиков. М.: Изд-во Моск. ун-в., 1987. С. 138.

4.2.2. Система общественной (социетальной) культуры

Выделение **системы общественной культуры** как отдельного измерения системы культуры характерно не только для нашего подхода. Переключаясь с хабермасовской общественной, или публичной сферой (*public sphere*), в западной историографии они дифференцируются как *public culture* и *social culture*. С легкой руки Т. Парсонса в науке утвердилось системное обозначение этого измерения как **социетальной культуры** (*Societal culture*) – речь идет как раз об особенностях культуры, свойственных обществу в целом. В русском языке, дающем исследователям дополнительные преимущества из-за своего богатства средств социального описания, есть весьма удобное различие социального и **общественного**. Определение «общественного», которое непосредственно переключается со значением однокоренного слова «общество», от которого оно и происходит, по значению ближе к социетальному, чем определение «публичного». В многомерной системе культуры общественная культура сосуществует с политической, народной (в этническом смысле), религиозной и другими формами культуры.

Г. Хофстеде признает, что общественные (социетальные), национальные и гендерные культуры гораздо глубже укоренены в человеческом сознании, чем **профессиональные культуры**, приобретенные в школе, или **организационные культуры**, приобретенные на работе, поскольку усваиваются с самого раннего детства¹²³. В нашей классификации профессиональные и организационные культуры (культура производства, культура управления и т. д.) по своему социальному содержанию относятся к числу общественных. Каждая из них обеспечивает свое внутреннее воспроизводство на основе социетальных принципов социальной организации: межличностного доверия, приверженности к коммуникации, стремления к общему благу, защиты коллективных интересов, контроля взаимности в коммуникации, отношений обмена и др.

Нашу точку зрения поддерживает ряд исследований, подчеркивающих, что в пределах каждого общества система социетальной культуры представляет собой сложную совокупность различных культур, имеющих общественную природу. Это обусловлено тем, что внутри общества каждое крупное системное образование, формировавшееся на основе общественных принципов, имеет собственные социетальные культурные характеристики. Они демонстрируют принципы коллективизма, социального единства, гораздо более низкие уровни дистанцированности от власти, чем в политической культуре, и более высокий по сравнению с ней уровень межличностного доверия между работниками¹²⁴.

Состав и характер системы общественной культуры невозможно определить, если мы не исследуем ее внутренние измерения. Начнем со стадийальных форм общественной культуры: в марксистской парадигме можно было сказать, что это

¹²³ Hofstede, Geert. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context // Online Readings in Psychology and Culture. Vol. 2 (1). The Berkeley Electronic Press, 2011. P. 3.

¹²⁴ Sriramesh, Krishnamurthy; White, Jon. Societal Culture and Public Relations. January 1992. С. 48. [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/247564609_Societal_culture_and_public_relations. Retrieved 12.09.2022.

ее **формационные измерения: первобытная культура, рабовладельческая культура, феодальная культура, капиталистическая культура, социалистическая культура.**

Исследователи отмечают такую важную особенность общественных культур традиционных обществ, как сильная ориентация на коммуникацию с формализацией ролей, открытостью, душевной взаимозависимостью, благосклонностью к «Другому», стремлением к гармонии, фатализмом и решимостью в отношениях¹²⁵. Ориентация на семью является характеристикой не только традиционных, но и индустриальных обществ, на этапе постиндустриального развития с индивидуализацией личности и растущей атомарностью общества такая ориентация ослабевает.

В противоположность Г. Хофстеде, к числу общественных культур мы относим и **национальную** (но только частично, потому что она в равной мере и форма **политической культуры**), а также **гендерную культуру** (целиком), которую исследователи (Н. И. Андреева, Г. В. Вержибок и др.) определяют как систему взглядов, установок, принципов, паттернов поведения, действующих в обществе и формирующих социокультурные аспекты пола. Эти аспекты включают в себя, в частности, гендерные роли, гендерные отношения, гендерные стереотипы и семейно-брачные установки.

В системе общественной культуры можно также выделить **экономическое измерение**, которое включает в себя различные формы культурных характеристик, служащие программированию общественных сообществ различных типов, от супружеской пары как минимальной единицы обществ (**культура ведения домашнего хозяйства**) до крупных бизнес-сообществ (**корпоративная культура**). В современной мировой экономике важнейшее значение имеет **предпринимательская культура**. В мировой науке – **научная культура**.

Каждый социум отличается господствующей в нем формой общественной культуры¹²⁶. У системы общественной культуры есть свои особенности, которые обусловлены влиянием на общество со стороны политики, религиозных традиций, а также этнической культуры всех народов, составляющих это общество. Господствующая форма общественной культуры во многом определяется **системой этнической культуры** доминирующего в обществе народа, она складывается под влиянием определенных **религиозных традиций**, но **политическая система** в лице государства неизбежно вносит свои коррективы, совершенствуя законодательство и на этой основе создавая соответствующую актуальным потребностям конкретного социума общую **систему правовой культуры**.

Наиболее рельефно многообразие институтов системы общественной культуры демонстрирует анализ социальных практик системы общественной культуры у разных народов, обеспечивающих их устойчивость и воспроизводство. Мы разработали метод языковых эквивалентов не на пустом месте: в разных национальных культурах существуют тождественные друг другу социальные практики,

¹²⁵ Ibid. P. 57.

¹²⁶ Ibid. P. 49.

которые называются по-разному, но выполняют одинаковые функции. Например, в **русской культуре** в роли социальной протекции выступают **блат**, **кумовство** – это термины, обозначающие факт наличия у человека нужных связей, социального капитала, особой системы доверия и взаимопомощи с другими людьми, которые он может использовать не только для повышения своего общественного статуса, но и для помощи другим. Практически в таком же значении в **китайской культуре** существует практика **гуаньцзы**, или **гуаньси** (*guānxi*), в **арабской культуре** – **васита** (*واسطة wāsiṭah*)¹²⁷ и т. д.

Общественная культура включает в себя негласные нормы и правила, которые позволяют представлять и воспринимать себя в обществе. определяют общественный статус человека через категории богатства, положения в обществе, наличия власти и престижа. В китайской культуре для обозначения этих категорий используется специальный термин – **мианцзы**, или **мианци**. Но **мианци** не является полноценным, если человек лишен моральных качеств и поведения (**лиан**, или **лян**). Когда человек теряет и то, и другое, он теряет «лицо», а это означает потерю общественной ценности человека, а также психологическую травму, снижение самооценки, веры в себя в отношении ожиданий и перспектив в будущем.

Наконец, глобализация системы культуры получила свое отражение в распространении идеологии **мультикультурализма**, которая из идеи культуры постепенно превращается в концепцию политики. Здесь мы наблюдаем момент перехода от программы-декларации новых культурных кодов к непосредственному программированию на их основе, преследующему цель корректировки направления развития самих обществ. Мультикультурализм представляет особый интерес для исследования с точки зрения системного расщепления и синтеза культурной идентичности, поскольку он тесно связан с политикой идентичности, которую проводят ведущие страны Запада. Поэтому можно сказать, что мультикультурализм сегодня представляет глобальное **политическое измерение** социетальной культуры.

4.2.3. Система политической культуры

Клиффорд Гирц отмечал, что одной из вещей, которые все знают, но никто не может понять, как это продемонстрировать, является то, как «политика страны отражает стиль ее культуры»¹²⁸. Но одно дело – отражение государственной политикой существующей в стране общественной культуры, и совершенно другое – влияние политической культуры на другие формы системы культуры.

Изучение системы политической культуры представляет особый интерес для политологии. Хорошо известные политологи Габриэль Алмонд и Сидней Верба выделяют **патриархальный**, **подданныческий** и **активистский типы политической культуры**, которые, по их мнению, являются гипотетическими моделями, поскольку они в чистом виде не встречаются. В этом ряду находится и смешанный тип поли-

¹²⁷ Hutchings, K.; Weir, D. Guanxi and Wasta: A Comparison // Thunderbird International Business Review. 2006. Vol. 48. No. 1. P. 141–156.

¹²⁸ Гирц К. Интерпретация культур. С. 311.

тической культуры, производное от перечисленных трех типов культур, которое исследователи назвали «**гражданской культурой**» (*civic culture*)¹²⁹.

Функциональный подход, который Г. Алмонд применил для выделения типов политической культуры, позволил ему рассматривать каждый из них в качестве самостоятельного психологического феномена. Это структурно-функциональный подход, основанный на феноменологии. Политическая система, считал исследователь, не может не быть включенной в «особый образец ориентаций на политические действия», который можно назвать «политической культурой». С. Верба расширил это определение политической культуры, указав на то, что она «состоит из системы эмпирических убеждений, экспрессивных символов и ценностей, определяющих ситуацию, в которой происходит политическое действие»¹³⁰. Политическая культура «формирует субъективную ориентацию на политику»¹³¹.

Многомерный подход, будучи историческим, позволяет разглядеть и системно изучать все **стадиальные градации культур, которые в реальности все еще сосуществуют друг с другом в различных формах** (реликтовой, смешанной, развивающейся, развитой). Системность здесь возникает при систематизации стадиальных градаций политической культуры в историческом процессе, в которой системно-диахронический метод используется вместе с системно-синхроническим: так мы можем увидеть и классифицировать проявления различных измерений системы культуры, в том числе архаичные, восходящие к прежним эпохам, сохранившиеся в условиях многоукладных обществ.

Активистский тип политической культуры Алмонда и Вербы в этой новой системе координат заменяется на общегражданскую культуру, мы маркируем ее как характерный тип политической культуры гражданской нации. Мы также выделяем отдельные системные типы политической культуры того же порядка, что и гражданский, которые последовательно сменяли друг друга в историческом процессе, с дифференциацией религиозных, культурных, сословно-классовых и других аспектов как политической культуры, так и ее субкультур. Выделение исторических типов системы политической культуры архиважно, поскольку их системные элементы в той или иной степени продолжают сосуществовать в современных политических культурах. Мы их вычленим в виде стадиальных градаций культуры, именно по этой причине их многомерное описание представляется наиболее оправданным и логичным.

Доисторический период, в котором собственно и формировались ростки культуры, в том числе политической, мы оставляем за пределами внимания. Достаточно сказать, что, с учетом бурных научных дискуссий о матриархате, в том числе отрицающих матриархат как этап в истории человечества, здесь возможен один из трех типов политической культуры: **матриархальный, патронимальный или смешанный**, или их различные сочетания в исторической динамике. Основ-

¹²⁹ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций / пер. Е. Г. Гендель. М.: Социум, 2020. С. 77.

¹³⁰ Verba, Sidney. *Comparative Political Culture*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1965. P. 513.

¹³¹ Ibid.

ной признак матриархальной политической культуры, если бы она существовала, – особое отношение к женщине-матери, игравшей консолидирующую роль в первобытной общине, как матриарху, праматери этой общины.

Патриархальный тип политической культуры. Алмонд и Верба описывают этот тип политической культуры с некоторым негативным оттенком, с точки зрения современного гражданского типа политической культуры, поэтому исследователи выделяют в нем такие черты, как семейственность и коррупция. Индивид, как правило, маловосприимчив к глобальной политической культуре и не выполняет конкретных политических ролей. По мнению исследователей, этот тип политической культуры характерен для молодых независимых государств, в которых политическая культура представлена наслоением местных субкультур.

Стадиальное понимание измерений истории требует отделять патриархальный тип политической культуры по меньшей мере от племенного, а также оценки этого типа культуры с совмещением горизонтов внешнего и внутреннего наблюдателя. Речь идет о необходимости учитывать внутреннюю логику клановых систем, в которых глава большой семьи и/или родовой патриарх является источником власти и права.

Племенной тип политической культуры. Тип культуры, который можно охарактеризовать как племенной, апеллирует не к родовому патриарху, а к вождю, «отцу народа». Это более высокий уровень политической организации, представляющий племенную политику. Поэтому он в наибольшей степени был характерен для кочевых и полукочевых в прошлом народов. В наше время этот тип политической культуры встречается у племенных групп, у которых процессы этногенеза (понимаемые в рамках теории этногенеза) все еще продолжают. Главным образом это коренные племенные группы в Африке и Азии (Индии, Индонезии, Океании и др.), а также в Америке.

Земляческий (территориальный) тип политической культуры предполагает опору на земляков как надежных «Своих», неоправданно высокое доверие к ним по факту общего места рождения и как к представителям своей народности. При земляческом типе политической культуры у человека преобладает территориальная идентичность над всеми остальными, поэтому он называет себя уроженцем города или села, определенной «земли».

Подданный тип политической культуры. Здесь человек является не гражданином страны (государства), а подданным государя, а также представителем своей «этнической» религии. Этот тип подробно описан Алмондом и Вербой, однако здесь необходимы некоторые уточнения. Институт подданничества связан не с монархией как таковой, а только с абсолютной (т. е. реальной) монархией, где монарх единолично принимал все важнейшие государственные решения, касающиеся каждого жителя страны. Это определенно не могут быть сеньориальные, парламентские или иные формы монархий, в которых власть монарха в той или иной степени ограничивалась вотчинным (территориальным) правом или парламентскими актами. Если выражаться еще более определенно, то такая постановка вопроса правомерна только для идеальных моделей. В реальной действительности подданный тип политической культуры, как и все другие, не встречается в чистом виде.

Поэтому степень «подданничества» в сложной и смешанной структуре политической культуры напрямую зависит от степени полномочий монарха, его места и значения в структуре политической иерархии конкретного государства.

Этнонациональный (гражданский) тип политической культуры. Описывая гражданский тип политической культуры как смешанный¹³², Алмонд и Верба допустили ряд упрощений, главное из которых заключается в неисторичности самого этого понятия. В широком смысле гражданским можно назвать любой тип политической культуры, начиная от полиса как раннего государства: жители полиса были одновременно и гражданами своей городской общины. Поэтому определение «гражданский» здесь мы употребляем в том смысле, в котором оно впервые в современном значении определено лозунгами французской революции. Этот тип культуры в наиболее полной форме постулирует принципы гражданского равенства, призванные преодолеть сословные разделительные линии, однако они остаются благопожеланиями: вместо сословного неравенства появляется классовое неравенство.

Этнонациональный гражданский тип политической культуры целиком и полностью опирается на идеи этнического национализма, проповедуемые зарождающейся буржуазией, а также идеи секуляризма, рационализма, освобождения от сдерживающих оков и условностей подданнического типа политической культуры, свободы личности, «выдавливании из себя рабов». В условиях моноэтничности культура основного народа становится господствующей, обязательной, а в полиэтнических – доминантной, отношения в обществе оформляются как союз народов.

Национальный (общегражданский) тип политической культуры. На этом этапе развития политической культуры формируется полноценный социальный институт гражданства, фактически исполняются принципы гражданского равноправия. Гражданское равенство признается недостижимым идеалом. В повседневной практике этот тип политической культуры характеризуется внеэтническим и внерелигиозным восприятием человека прежде всего как гражданина, с признанием этнического, конфессионального и культурного многообразия.

С общегражданским типом политической культуры связан концепт гражданского общества (*civil society*). Некоторые исследователи склонны отделять политическую культуру от гражданской, понимая под гражданским обществом «систему образцов социального поведения, где экономические и политические отношения создаются гражданами изнутри, а не предоставляются руководством государства явочным порядком»¹³³. Критикуя понимание Г. Алмондом и С. Вербой гражданской культуры как «совокупности специфических гражданских ориентаций на различные политические объекты, основным из которых является политическая система»¹³⁴, В. В. Ковалев отметил, что в основе предложенной ими теории гражданской культуры лежит «положение о смешанном характере гражданской

¹³² Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. 1992. № 4. С. 122–134.

¹³³ Ковалев В. В. Гражданская культура как базовый конструкт гражданского общества // Государственное и муниципальное управление. Уч. зап. СКАГС. 2014. № 1. С. 180.

¹³⁴ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. С. 77.

культуры, где граждане участвуют в принятии ключевых политических решений, но при этом играют роль подданных»¹³⁵. Однако Г. Алмонд и С. Верба правы в том, что гражданская культура является смешанной. Действительно, представляя общественное измерение, она характерна для всех политических систем. Очевидно, мы должны исходить из того, что общегражданский тип политической культуры, как и все другие типы, не является законченным конструктом, а будет постоянно развиваться, пока не трансформируется в нечто другое, постнациональное.

Постнациональный (космополитический) тип политической культуры. Формирующийся наднациональный тип политической культуры, который мы условно обозначаем как космополитический, подразумевает широкий разброс постнациональных установок, которые различаются по их отношению к национальному государству – прежде всего к собственному, но не только. Этот тип политической культуры наиболее распространен в Западной Европе, где он является частью европейского интеграционного политического дискурса, поэтому в европейской культуре он вполне легитимизирован. Другое дело – в России и других национальных государствах, где приоритет космополитического политического сознания над национальным часто воспринимается негативно. Но и здесь эта проблема политизируется, поэтому вызывает диаметрально противоположные политические оценки. Часто под космополитизмом скрывается неолиберализм или другая политическая идеология, обслуживающая интересы глобализации, и потому космополитизм обычно противопоставляется патриотизму, а иногда и национализму, который, в свою очередь, противопоставляется интернационализму: однако связь здесь гораздо более сложная и неоднозначная¹³⁶. Космополитические установки могут быть также и антиглобалистскими, анархическими: согласно идеологии «мирового гражданства», человек рождается свободным и волен выбирать себе не только профессию, но и место работы, язык коммуникации, идентичность, включающую религию и культуру, соответственно и место жительства, невзирая на существующие политические, культурные или языковые границы.

4.2.4. Система этнической (народной) культуры

Каждый народ обладает собственной системой этнической культуры, которую мы обычно называем **традиционной, народной или фольклорной** (от англ. *folk* «народ»). Обычно под этими обозначениями подразумевается культура доиндустриальных обществ, которая, с одной стороны, противопоставляется культуре индустриальных обществ, а с другой – более архаичным культурным нормам родовых или племенных обществ. Другая дихотомия связана с противопоставлением крупных городов и сельских поселений. Подразумевается, что народная культура создается анонимными и, как правило, непрофессиональными творцами из народа, в отличие от культуры индустриальных обществ, в которых в этой

¹³⁵ Ковалев В. В. Гражданская культура как базовый конструкт гражданского общества. С. 181.

¹³⁶ Bowden, Bret. Nationalism and Cosmopolitanism: Irreconcilable Differences or Possible Bedfellows? // National Identities. 2003. Vol. 5. No. 3. P. 235–249.

сфере происходит разделение труда и появляются новые профессии и авторство произведений культуры.

Народную культуру также сопоставляют с дописьменным периодом, или периодом, когда народ в подавляющем большинстве не владел письмом, поэтому нормы культуры передавались через традицию. В народных традициях принято выделять высокий уровень культуры, связанный с фольклором (легендами, преданиями, притчами, балладами, пословицами, стихами, сказками, эпосом, старинными песнопениями, танцами, обрядами посвящения и др.), и повседневный уровень, отраженный в обыденной культуре (поговорки, загадки, клятвы, шутки, благословения, матерные проклятия и др.). Неразрывной частью народной культуры является декоративно-прикладное искусство, народная кухня, другие явления культуры, сохранившие связь с традицией. Заговоры, магические заклинания, привороты, проклятия, связанные с участием высших сил, отчасти также будучи частью народной культуры, в большей степени относятся к религиозному измерению истории, соответствующей этнонациональной стадии развития общества.

Здесь также напрашиваются вопросы о соотношении народной и классической, европейской культур, культуры города и деревни, культуры верхов и низов, о превращении народной культуры в этническую. Это показатель изменчивой природы культуры, которая всегда точно отражает современное состояние общества – такова многослойность современной культуры глобального общества.

Предлагая искать определение этнической группы в треугольнике раса – культура – язык, Фредрик Барт подчеркивает, что этнос прежде всего является формой социальной организации, поэтому этничность надо определять через этническую культуру, подчеркивающую культурные различия с другими этносами. Поэтому в этничности важно изучать ее границы, в определенной степени произвольные, определяющие этническую общность в символическом и социальном смысле этого термина¹³⁷.

Клод Леви-Стросс предупреждал о недопустимости переноса критериев одной этнической культуры на другую. В случае если эти критерии различаются, легко можно стать жертвой собственных иллюзий¹³⁸. Фактически это один из принципов многомерной истории, который в своем системном различении внутренних типов культуры опирается на ее фундаментальные измерения. Система этнической культуры основана на критерии этничности.

Важнейшие системные параметры этнической культуры могут быть охарактеризованы следующим образом:

1. Каждая этническая (народная) культура уникальна, неповторима, является относительно самостоятельной системой, имеющей как внешние (интеркультурные), так и внутренние (интракультурные) отличия, а также свою особую специфику (характерные черты, отличительные признаки) на каждой из стадий исторического процесса. Так, роду соответствовала

¹³⁷ Barth, Fredrik. Introduction. P. 11–16.

¹³⁸ Леви-Стросс К. Путь масок. С. 337.

родовая культура, племени – племенная, этносу – этническая. На этапе национального (гражданского государства) государства формируется общая национальная культура. В свою очередь, похожие стадийные различия имеются у политической, религиозной, правовой, этической и других систем культуры.

2. Народная культура имеет свои особенности на индивидуальном, общинном и общественном уровнях своего восприятия, с точки зрения того, как народ осмысливает различные общественные, политические, религиозные, культурные, другие ценности и ориентиры. На индивидуальном и коллективном уровнях восприятия система этнической культуры проявляет себя по-разному.

В многомерной оптике хорошо видно, что кардинальные изменения в системе определенной этнической культуры приводят к ее исчезновению как целостности, но не к полной гибели. Элементы архаичной народной культуры продолжают существовать в рамках новой культуры или многих культур, адаптировавшись к новым условиям. Этнические культуры динамичны, но их динамика связана со стадийными проявлениями: каждой стадии соответствуют свои характерные проявления культуры, обнаруживающие общую логику взаимодействия между всеми другими измерениями социальности.

Нормы культуры одного народа не только могут влиять на другие культуры, они могут вызревать, пусть и со своими особенностями, и у других народов. То, что было чуждым, с течением времени становится своим. Но для этого необходимо, чтобы эти изменения происходили гармонично во всех системах культуры, а не избирательно в некоторых из них.

Считается, что культуру современных государств, даже тех, которые исторически были этническими (этнонациями), нельзя представлять в качестве этнических. Однако, когда мы переходим к вопросу о языке произведения культуры, а через язык – к его культурной принадлежности в более узком смысле, понятие этнической культуры возвращает нас к историческому контексту языка описания. Например, никому не придет в голову называть выдающихся русских писателей российскими, хотя не все они являются этническими русскими. **Важнейшим маркером этнической культуры выступает язык**, на котором создается произведение культуры, а не только кровное родство ее носителей. Этническая культура создается представителями данного этноса, но само понятие этноса включает в себя и всех тех людей, кто стал частью этноса, не будучи рожденным в нем, даже независимо от индивидуальной идентичности, прежде всего через институт брака, институты искусственного родства, а также механизмы языковой и культурной адаптации и ассимиляции.

4.2.5. Система религиозной культуры

Взгляд на религию как систему культуры впервые обосновал Клиффорд Гирц, найдя их «точку слиянности» в символах, общих и для религии, и для культуры: «Религия – это: (1) **система символов**, которая действует, чтобы (2) уста-

новить сильные, всепроникающие и длительные **настроения и мотивы в людях** посредством (3) формулирования **представлений об общем порядке существования** и (4) облечения этих представлений с такой **аурой фактичности**, что (5) **настроения и мотивы кажутся исключительно реалистичными**» (выделено нами. – А.А.)¹³⁹. Поскольку в работе «Религия как система культуры», которая позже вошла в состав книги «Интерпретация культуры», К. Гирц дает, возможно, самое четкое изложение своей «интерпретативной антропологии», приведем аргументы исследователя, раскрывающие содержание пронумерованных им смысловых единиц его собственного системного определения религии через культуру.

1. Системы символов – это шаблоны культуры, своего рода модели, которые являются источниками информации о том, как действовать в соответствии с интерпретацией символа: «темные тучи являются символическими предвестниками приближающегося дождя»¹⁴⁰. Символ может служить условным знаком. Ключевым в системной интерпретации религии через культуру и комплексы символов является то, что «акты культуры, создание, восприятие и использование символических форм – такие же социальные события, как и любые другие; они так же публичны, как брак, и так же доступны для наблюдения, как сельское хозяйство. Однако это не одно и то же; или, точнее, символическое измерение социальных событий, как и психологическое, само теоретически абстрагируется от этих событий как эмпирических тотальностей»¹⁴¹.
2. Понятия религиозных символов и символических систем взаимозаменяемы, первые являются моделью для чего-то, а вторые – моделью чего-то. Обе модели выражают космологию и формируют ее, «индуцируя у поклоняющегося определенный характерный набор диспозиций (тенденций, способностей, склонностей, умений, привычек, обязательств, предрасположенностей)», причем каждая «диспозиция описывает не действие или событие, а вероятность того, что действие будет выполнено или событие произойдет при определенных обстоятельствах»¹⁴².
3. Символы, вызывающие и определяющие религиозные чувства и настроения, и представляющие диспозицию, т. е. модель **для чего-то**, этос, и символы, помещающие эти настроения в космические рамки как модель **чего-то**, формируя религиозное мировоззрение, являются одними и теми же символами. Священные символы вызывают у людей предрасположенности и формулируют, «пусть косвенно, нечленораздельно или бессистемно, общие идеи порядка», иначе просто «не существовало бы эмпирической дифференциации религиозной деятельности или религиозного опыта»¹⁴³.

¹³⁹ Geertz, Clifford. The Interpretation of Cultures. P. 90.

¹⁴⁰ Ibid. P. 91.

¹⁴¹ Ibid.

¹⁴² Ibid. P. 94–95.

¹⁴³ Ibid. P. 98.

4. В ритуале как сакрализованном действии религиозные концепции воспринимаются как реальные. Ритуал символически сочетает в себе мировоззрение и дух, *этос* народа. Эти церемонии являются «культурными перформансами», представляющими собой «не только точку, в которой диспозиционные и концептуальные аспекты религиозной жизни сходятся для верующего, но также и точку, при которой взаимодействие между ними может быть наиболее легко изучено сторонним наблюдателем»¹⁴⁴.
5. Религиозные настроения и чувства переживаются только в опыте. Религия не описывает социальный порядок, она его формирует. Систему значений, воплощенных в символах, составляющих собственно религию, необходимо соотнести с социально-структурными и психологическими процессами¹⁴⁵.

Развивая идеи Клиффорда Гирца, концепция социальной многомерности истории и культуры рассматривает **систему религиозной культуры** в качестве одного из измерений **системы культуры**. В свою очередь, она дополняется **многомерностью самой религиозной культуры**, которая может выражаться в виде отдельных культур, создаваемых обществом, политическими и этническими системами в рамках определенной религиозной системы. В этом смысле выделяются христианская культура (с углублением системной классификации с учетом «вложенных» друг в друга по типу матрешки систем, например: христианская культура – православная культура – русская православная культура – культура русского старообрядчества – художественная культура старообрядческой иконописи), исламская культура, культура иудаизма, буддизма, индуизма, конфуцианства и т. д.

Историчность любой системы религиозной культуры проявляется в **существовании внутри нее различных реликтовых (исторических) элементов или даже подсистем** (в виде целостных обрядов и церемониалов) предыдущих религиозных систем. Ни одна система религиозной культуры не существует в «чистом» виде. Это всегда сложный и уникальный синтез древних и современных культов, обрядов и верований, оправдываемый практикой реального бытования религии на данной конкретной территории. Наиболее устойчивые элементы домонотеистических культов и верований были подчинены идее единобожия, перекодированы на новый лад и сакрализованы в рамках новых религиозных систем.

Простейшую и понятную дихотомию в системе религиозной культуры выражают **вера и суеверия**, которые образно противопоставлял английский писатель Г. Честертон, утверждавший, что если у человека есть суеверия, значит у него мало веры. Суеверия являются не чем иным, как проявлениями домонотеистических верований и культов, многие из которых, судя по их устойчивости, восходят к древнейшим пластам культуры. Индивидуальное, интуитивное и иррациональное восприятие Бога – через неосознанные страхи, ожидания и первобытную веру – является начальной стадией реализации такого социального явления, как феномен религиозности, сформировавшийся у человека, вероятно, еще на стадии антропогенеза.

¹⁴⁴ Geertz, Clifford. The Interpretation of Cultures. P. 113.

¹⁴⁵ Ibid. P. 125.

В обществах, воспринимающих человека в первую очередь через его религиозную идентичность, религиозное измерение социальности играет исключительно важную роль. Подобно тому, как отношения человека и общества раскрываются через промежуточные категории общины и территориальных объединений, между **культами** (почитанием и объектами почитания) и **религией** как системой также существует связка в виде **верований**: первобытные культы породили т. н. «языческие» (=«народные») верования, на основе которых в процессе исторического развития формировались религиозные системы.

Ни одна из категорий исторической триады **культ – верование – религия** не может быть понята сама по себе, без сопоставления их с другими категориями. Они не сводятся друг к другу, при этом все вместе они включаются в семантическое ядро собирательных названий социального феномена, которое на разных языках мира обозначает систему отношений человека с Богом. Особая предметно-тематическая важность этих категорий требует их специального семантического разграничения, которое бы учитывало исторические изменения в их содержании, начиная с элементарных форм религиозной жизни.

Верованиями в узком смысле принято считать несистемные и/или неинституциональные религиозные представления, не сформировавшиеся в целостную религию. Организационное и идейное оформление языческих верований в целостную систему превратило их в языческие религии. Более точная дефиниция верования представляется затруднительной, учитывая значительный семантический разброс его определений и то, что коннотация слов «вера» и «верование» в их словарном значении гораздо шире.

Религия как идеологическая система и система религиозной культуры – это принципиально разные системы, принадлежащие к **различным измерениям социальности** (религиозному и культурному), однако они не могут анализироваться в отрыве друг от друга, поскольку взаимно друг друга обуславливают, образуют свою спираль ДНК, так же как политика и система политической культуры или народ-этнос и народная культура. Иногда эти различия можно выразить семантически, например, понятие исламской культуры является обозначением системы религиозной культуры ислама, а понятие мусульманской культуры – системы общественной культуры в обществах, исповедующих ислам.

Общепризнанного определения религии нет и быть не может – слишком различны религиозные системы и слишком по-разному они определяют сами себя и свое место в системе человека и общества. В данной работе под религией понимается не столько особая форма мировосприятия, обусловленная верой в сверхъестественное, сколько идеологически целостная и институционально оформленная система догматических и морально-этических норм и категорий, взглядов, предписаний и установок, обрядов, ритуалов и культовых действий, культурных кодов и символов, обращенная к высшим силам и способная к самовоспроизводству и адаптации. Между религией и верой нередко ставят знак равенства, что не всегда правомерно, поскольку религия отличается от индивидуальных убеждений тем, что представляет собой публичный, т. е. общественный, аспект жизнедеятельности социума.

Религию как социальный институт, продуцирующий особые социальные практики – тоже часть культуры, невозможно понять без обращения к феномену религиозности человека. Культура отличает религию от веры, одновременно рассматривая религиозность как чрезвычайно сложный и многомерный феномен человеческого сознания, уникальный для каждого индивида. Соответственно содержательно различаются также понятия «человек религиозный» (относится к религии) и «человек верующий» (относится к вере в Бога). Имеет также смысл различать прилагательные «религиозный» и «псевдорелигиозный», или, по выражению Г. Шиммеля, «религиоидный» (т. е. похожий на религию, но не являющийся ею)¹⁴⁶. Д. Барретт использует для таких случаев определение «альтернативные религии»¹⁴⁷. Идея Бога-Творца объединяет человека и Вселенную в единую и взаимосвязанную систему. Механизм связи между человеком и Вселенной описал К. Гирц: «Религия согласует действия человека с определенным космическим порядком и проецирует образы космического порядка на плоскость человеческого опыта»¹⁴⁸.

В системе культуры любая развитая религиозная система отличается своей идеологической и духовной разветвленностью и практическим многообразием. У каждой из них есть **парные измерения, опирающиеся на взаимное дополнение разума и души – гносеологическое и духовное, теоретическое (теология или религиозное учение) и практическое, индивидуальное и публичное**. Однако систематизировать их в рамках общей системы координат невозможно: опыт, связанный с непосредственным переживанием идеи Бога в разных культурах, слишком индивидуален.

Многомерный подход опирается на теоретические положения **системной теории религии** Никласа Лумана, особенно в той части, что системная классификация религий невозможна без упрощений и выделения доминантных идей в религиозных учениях, которые сами по себе чаще всего глубоко синкретичны¹⁴⁹. Например, у всех религий Писания также существует и своя Священная Традиция, и священные культы, но здесь важны мировоззренческие, идеологические и духовные приоритеты, внутренняя иерархия, главенствующие, определяющие идеи.

В отечественной ориенталистике религию как идеологическую систему на исламском материале исследовал С. М. Прозоров¹⁵⁰. В методологическом подходе российского исламоведа особую ценность представляет взгляд на монотеистическую религию как на единство многообразия: общих нормативных принципов, зафиксированных в Священном Писании, и различных локальных (региональных)

¹⁴⁶ *Simmel G.* Beiträge zur Erkenntnistheorie der Religion // Aufsätze und Abhandlungen 1901–1908. Bd 1. Hg. von R. Kramme, A. Rammstedt und O. Rammstedt. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1995. S. 9–20.

¹⁴⁷ *Barrett, David V.* Sects, "Cults" and Alternative Religions: A World Survey and Sourcebook. L.: Blandford, 1996.

¹⁴⁸ *Гирц К.* Интерпретация культур. С. 107.

¹⁴⁹ *Luhmann, Niklas.* A Systems Theory of Religion (Cultural Memory in the Present) / ed. by André Kierseiling. Transl. by David A. Brenner with Adrian Hermann. Stanford, CA: Stanford Univ. Press, 2013.

¹⁵⁰ *Прозоров С. М.* Ислам как идеологическая система. Т. I. М.: Вост. лит., 2004. Т. II. М.: Наука – Вост. лит., 2016.

форм бытования. Такой методологический подход с некоторыми оговорками можно распространить и на другие (по крайней мере, монотеистические) религии.

Классификации религий и религиозных культур, в том числе на основе различных методов и критериев, посвящены специальные исследования¹⁵¹. Идея создания общей и всеобъемлющей классификации многим исследователям представляется интересной, но совершенно утопической, и небезосновательно: все монотеистические религии содержат в себе элементы древних домонотеистических верований, а те, в свою очередь, – еще более архаических культов. Ни одна из крупных религий не представляет собой идеологический монолит, это скорее совокупность множества учений и толкований. В разных культурах одни и те же религиозные идеи формируют различные локальные традиции, а в некоторых религиозных учениях границы между религиями сильно размыты. Во всех культурно-сложных обществах религиозный опыт имеет, как правило, эклектическую или синкретическую природу. Однако отношение к мировым религиям как совокупности дискретных и взаимоисключающих традиций не оправдывается, как только речь заходит о конкретном религиозном учении или традиции¹⁵².

Не менее сложной остается проблема соотнесения научных (религиоведческих, исторических, философских, культурологических, географических и др.) классификаций с собственно религиозными. Джозеф Вальсер полагает, что категории религии, которые ученые вводят в свои исследования, совершенно не соответствуют «народным» классификациям «той же» религии: «Чем точнее мы пытаемся определить религию, тем больше наша цель, похоже, ускользает от нашего понимания»¹⁵³. Конечно, можно рассматривать религии через призму жанровой теории на основе их «кажущейся однородности», как предлагает исследователь, но в этих поисках гораздо более продуктивной представляется идея о том, что в результате мы должны получить не единую классификацию, а «диапазон классификаций»¹⁵⁴.

Продолжая рассуждать в том же направлении, отметим, что самым коротким путем для обозначения контура «диапазона классификаций» религиозных систем как систем культуры является комплексное применение системных методов, которые как раз и созданы для систематизации, классификации и упорядочения сложных социальных явлений. Проблема, однако, состоит в том, что религия преимущественно изучается в рамках «больших теорий» (цивилизационной, формационной, модернизационной и др.), навязывающих свою систему координат и соответственно оценки. Искажают результаты исследований религии также субъективные подходы, дискурсы (биологические, когнитивные и др.), а также существующая фрагментация наук, изучающих религию с разных сторон. Религию изучают

¹⁵¹ См.: *James, Duren; Ward, Henderson*. The Classification of Religions: Different Methods, Their Advantages and Disadvantages (Classic Reprint). FB&C Limited, 2018 [1909]; *Parrish, Fred L*. The Classification of Religions: Its Relation to the History of Religions. Herald Press, 1941.

¹⁵² *Geaves, Ron*. The Borders between Religions: A Challenge to the World Religions Approach to Religious Education // *British Journal of Religious Education*. 1998. Vol. 21. No. 1. P. 20.

¹⁵³ *Walser, Joseph*. The Classification of Religions and Religious Classifications: a Genre Approach to the Origin of Religions // *Culture and Religion. An Interdisciplinary Journal*. 2015. Vol. 16. No 4. P. 345.

¹⁵⁴ Ibid.

религиоведы (общее и сравнительное религиоведение) и теологи (религиозные доктрины и учения) – светские и религиозные, востоковеды (буддология, гебраистика, исламоведение и др.), историки (история религии) и источниковеды (источниковедение и историография конкретной религии), философы (философия религии) и социологи (социология религии), антропологи (антропология религии), психологи (психология религии) и культурологи (религиозная культура).

Среди философов наибольший вклад в изучение религии внесли феноменологи, для которых она – не что иное, как феномен, в том числе и биологический¹⁵⁵. В антропологии, как это блестяще показал Талал Асад, религия представляет собой антропологическую категорию¹⁵⁶, и лишь в системной теории религии Н. Лумана и в «интерпретативной» антропологии К. Гирца – систему культуры.

Пространственный взгляд придает системам необходимую глубину, а коммуникация определяет рамки анализа. На такой основе можно попытаться сделать как общую морфологическую классификацию религий и религиозных культур, в которой друг с другом согласованы различные аспекты, критерии и классифицирующие основания, так и частные, основанные на группе важнейших критериев. Выбор какого-либо одного критерия, пусть и самого важного, например содержания религиозных концепций или, другими словами, объекта поклонения, С. А. Токарев не случайно считал ошибочным¹⁵⁷.

Одинарные критерии, связанные с сущностью, в новейших исследованиях сопоставлялись с бинарными оппозициями, опирающимися на дихотомическое понимание имманентности и трансцендентности, духовности и материализма, святости и профанности. Наряду с такими оппозициями в системном анализе в качестве познавательной альтернативы жесткой двоичности вслед за русским философом В. С. Соловьевым мы используем также и троичность. Кроме того, системная классификация религии, если мы говорим о «диапазоне», т. е. системе классификаций, должна коррелироваться и с религиозными определениями и оценками религии, не заменяя, а лишь дополняя научные определения¹⁵⁸. Это тем более важно, что теология не так давно получила в России паспорт научной специальности.

Используя одновременно различные критерии, многомерный подход позволяет на основе системности упорядочить всё многообразие религиозных систем в мире, тем самым кристаллизуя структуру научного знания о религии, например:

- **по объекту поклонения** религии можно условно разделить на три группы: религии Природы, религии Традиции, религии Откровения;
- **по источникам вероучения:** религии Священных Культов, религии Священного Предания и религии Священного Писания;

¹⁵⁵ Burkert, Walter. *Kulte des Altertums. Biologische Grundlagen der Religion*. 2. Auflage. München: C. H. Beck, 2009.

¹⁵⁶ Asad, Talal. *Genealogies of Religion. Discipline and Reasons of Power in Christianity and Islam*. Baltimore – L.: Johns Hopkins Univ., 1982. P. 42, 54. Его критику в адрес Гирца см. там же. С. 29–30.

¹⁵⁷ Tokarev, Sergei A. *Principles of the Morphological Classification of Religions (Part II)* // *Soviet Anthropology and Archeology*. 1966. Vol. 5. No. 1. P. 11–25.

¹⁵⁸ Walser, Joseph. *The Classification of Religions and Religious Classifications*. P. 346.

- **по способу получения информации:** пророческие (зороастризм, иудаизм, христианство, ислам и др.), непророческие (все религии Природы) и промежуточные между ними, в которых жрецы практикуют те же способы достижения истины, что и пророки, но не претендуя на пророческую миссию (ср. шаманизм).

Под религиями Традиции подразумеваются идеологические системы, которые невозможно отнести ни к религиям Природы, ни к религиям Откровения. Это, как правило, нерелигиозные поначалу этико-философские учения, показывающие человеку правильный «путь» в жизни, важные познавательные, эстетические и утилитарные ценности и ориентиры. С течением времени традиция этих учений была сакрализована ее последователями. Учение отцов-основателей, или Великих Учителей, превратилось в Священное Предание, основной источник вероучения.

Категория божественного Откровения обычно связывается с тремя основными догматическими религиями авраамической традиции – иудаизмом, христианством и исламом, которые являются монотеистическими. Марсель Гоше рассматривает монотеизм как высшую стадию развития идеи божественного¹⁵⁹. Е. А. Торчинов отличает догматические религии Откровения от всех остальных¹⁶⁰. В догматических религиях божественное Откровение – это и есть Священное Писание, ниспосланное Богом людям через ангелов и пророков в виде отдельных откровений. Религии Откровения являются также и пророческими, поскольку Слово божье (необязательно представляемое как Логос в христианстве или калам Аллах в исламе) было ниспослано одному или различным народам через пророков. Еще одно их название – авраамические религии – апеллирует к Аврааму/Ибрахиму, непосредственно заложившему эту традицию, хотя первопророком этой традиции был, как известно, Моисей/Муса.

Религии также различаются и по их отношению к природе сакрального, как божественного, так и небожественного. Тибетская традиция предлагает простую и ясную классификацию всех существующих религиозных культур, отличая **религии людей** от **религий богов**, представляющие разные культурные коды. Под первыми она понимает языческие верования, характеризующие отношения людей и окружающей природы, под вторыми – все религии, где в качестве высших сил выступают Единый Бог или разные божества.

Божественные религии могут быть монотеистическими, дуалистическими и политеистическими. В этом отношении религии Природы совпадают, но не полностью, с религиями многобожия (политеизмом), религии Традиции – с дуализмом, а религии Откровения – с монотеизмом. Культура монотеизма представляет особый интерес в связи с ее громадным мобилизационным и консолидирующим потенциалом.

Между религиями Откровения и монотеизмом существует прямая, но не абсолютная корреляция. Веды – древнейшие священные тексты индуизма, признаваясь традицией в качестве вечных богооткровенных писаний, не сотворённых чело-

¹⁵⁹ Gauchet, Marcel. The Disenchantment of the World: A Political History of Religion / transl. by O. Burge; with a Foreword by Charles Taylor. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1999. P. 23.

¹⁶⁰ Торчинов Е. А. Религии мира. Опыт запредельного. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998.

веком, слабо различают между мифом и логосом, иррациональным и рациональным, ритуальным и прагматическим¹⁶¹. Кришнаиты признают ведическую литературу текстами, «вдохновлёнными» многими божествами; основоположнику кришнаизма Чайтанье (XV в.) было откровение, что Бог един, но Он не отменяет множества божеств. Индуизм знает и другие монистические учения, имеющие скорее философский, чем религиозный характер (например, адвайта-веданта, созданная Шанкарой, а также некоторые течения шиваизма и вайшнавизма)¹⁶².

На основе критериев системности к религиям Откровения можно отнести также и зороастризм, поскольку Гаты – боговдохновенные песнопения, были ниспосланы пророку Заратуштре непосредственно от Бога, Ахура Мазды. В своей позднейшей адаптации зороастрийская традиция, сохранившаяся в общинах парсов – потомков иранских зороастрийцев, нашедших убежище в Гуджарате (Индия), настаивает на монотеистическом характере своей религии: Ахура Мазду парсы называют единственным Богом, все остальные персонажи священных песнопений, в том числе Веретрагна с его многочисленными воплощениями, признаются лишь ангелами¹⁶³. Однако исследователи не считают зороастризм монотеистической религией, поскольку он исповедует дуализм, борьбу Добра и Зла, Света и Тьмы¹⁶⁴. В религиях авраамической традиции этот дуализм также присутствует, но он подчинен Единому Творцу – в большей или меньшей степени. В исламе зло, персонафицированное в образах Иблиса, Шайтана или Даджжала, может проявить себя только по воле Аллаха, когда Он пожелает испытать человека.

Политеизм, или многобожие – более древняя система культуры, которую обычно связывают с наиболее архаической формой религиозности по сравнению с дуализмом и монотеизмом в силу многих причин, в том числе из-за того, что эти системы приходили на смену друг другу. На примере истории зороастризма и ислама в Иране мы видим, что монотеизм ислама вытеснял дуализм зороастризма так же успешно, как в свое время этот дуализм оказывался сильнее языческого политеизма. Однако такая картина представляется верной только в одномерном линейном концепте истории. В реальности все не так однозначно, учитывая широкое распространение дуалистических учений параллельно с монотеизмом, а также современные попытки реконструкции неоязычества, не имеющие прямой исторической преемственности с первородным язычеством.

По распространенности в мире и своему наднациональному статусу среди религиозных систем особо выделяются мировые религии, из которых две – христианство (на первом месте по числу верующих в мире) и ислам (второе место в мире по числу последователей), принадлежащие к монотеистической традиции,

¹⁶¹ Apte, Vaman Sh. The Practical Sanskrit Dictionary. 4th ed., revised & enlarged. Delhi: Motilal Banarsidass, 1965. P. 109.

¹⁶² Flood, Gavin. An Introduction to Hinduism. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996.

¹⁶³ Со слов Хоми Буржора Дхаллы, президента Всемирного Совета культурного наследия Заратуштры (Индия), в кулуарах IV Съезда лидеров мировых и традиционных религий «Мир и согласие как выбор человечества» (Астана, 30–31 мая 2012 г.), с его любезного согласия.

¹⁶⁴ Бойс М. Зороастрийцы. Вера и обычаи / пер. с англ.; 4-е изд., испр. и доп. СПб.: Азбука-классика, 2003.

представляют две основные мировые культуры, создавшие свои цивилизации – христианскую и исламскую. Третьей по численности мировой религией является буддизм, но буддийская культура также множественна. По большому счету это более широкие (собираательные) **идентификационные обозначения** более осязаемых культур, связанных с конкретными конфессиями внутри религий – католической, протестантской, православной и др. (с уточнением в рамках этнического измерения – греческое православие, русское православие, грузинское православие и т. д.), поскольку не существует христианства, ислама или буддизма как таковых без определенных конфессий, канонов, учений, социальных практик, т. е. более четких идентификационных маркеров. Когда Вебер писал о протестантской этике, он имел в виду как раз этот реальный идентификационный аспект системы религиозной культуры. Однако в многомерной культуральной социологии Джеффри Александера все уровни анализа реальны, просто они представляют разную степень приближения к объекту изучения.

С точки зрения реального содержания конкретных измерений коммуникации количественные показатели здесь не соответствуют качественным, т. к. за основу методики расчетов берется этническое происхождение людей, «привязывающее» их к той или иной религии, а не численность самих верующих. Поскольку вопрос о внутренней вере, будучи частью религии, тем не менее не относится к религии как к публичному социальному институту, методика расчетов должна учитывать численность практикующих религиозные обряды, коль скоро речь идет именно о религии, с определенными качественными параметрами.

Бесконечное многообразие религиозного опыта как части системы культуры чрезвычайно затрудняет его классификацию в общей системе координат, делая эту задачу почти невыполнимой. Однако, если свести воедино три основы – единство социальной природы человека, коммуникацию, без которой невозможно получение религиозного опыта, а также предлагаемый системной теорией религии Лумана взгляд на религии как социальные системы (которые, по Луману, характеризуются «взаимопроникновением»¹⁶⁵), – получение некоторого общего структурированного и упорядоченного представления о религиях не представляется чем-то совершенно невозможным.

4.3. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ МНОГОМЕРНОСТИ ИСТОРИИ

Идея социетальной (т. е. узкой общественной) многомерности истории как социокультурного опыта человечества, впервые масштабно обоснованная в теории социетальных систем Т. Парсонса, получила свое развитие в четвертом томе «Теоретической логики» Дж. Александера¹⁶⁶. Об измерениях истории писал также Томас

¹⁶⁵ Луман Н. Социальные системы. С. 285–287.

¹⁶⁶ Alexander, Jeffrey C. Theoretical Logic in Sociology. Vol. IV: The Modern Reconstruction of Classical Thought: Talcott Parsons. Berkeley: Univ. of California Press, 1984.

Гинзбург, акцентируя внимание на проблеме интерпретации в исторических исследованиях¹⁶⁷. В отечественной историографии проблему многомерности исторического развития развивал И. Д. Ковальченко¹⁶⁸. Сегодня, когда цифровые инструменты позволяют расширить репрезентацию археологических и исторических артефактов в трехмерной проекции (благодаря внедрению 3D сканирования и других технологий в практику исследований), объемный взгляд на историю приходит на смену упрощенному плоскому. Идея многомерности истории является основой социокультурного подхода – одного из источников данного подхода¹⁶⁹.

Из всего многообразия социальных (в широком смысле) измерений истории мы прежде всего выделяем общественное измерение (у Т. Парсонса это определение уточняется как социетальное, у Н. Лумана – как внутриобщественное¹⁷⁰), а также политическое, этническое и религиозное. Т. Парсонс предлагал изучать отдельные аспекты социальной структуры и процесса, начав с политического аспекта¹⁷¹. Системный анализ истории органично включает в себя и структуры (например, общество, государство, этнос и т. д.), и функции (общественная, политическая и др.), и соответствующие им процессы, зарождающиеся и развивающиеся в результате реализации этих функций.

Проблема, однако, состоит в том, что в различных теориях и дисциплинах многомерность истории понимается очень по-разному¹⁷². Это вполне объяснимо, поскольку до сих пор эту идею было трудно в полной мере инструментализировать как явление системного порядка: например, опыт применения методологии многомерного анализа редко выходит за пределы использования количественных методов в историческом исследовании.

В предлагаемой концепции и основанном на ней теоретико-методологическом подходе многомерность, напротив, – это центральная идея. Ее выражают не социетальные системы, как у Т. Парсонса (это социологический подход), и не уровни анализа, как у Дж. Александера (подход культурсоциологии), а социальные измерения истории и человека, которые выражены как в социальности, так и в культуре (исторический подход). Далее внутри этих измерений выделяются сравнительно автономные системы, отличающиеся своей особой упорядоченностью и предрасположенностями (или, по П. Бурдьё, *габитусом*). В нашей концепции социетальное (строго говоря, общественное) измерение является только частью социального (в широком смысле).

Предлагаемое нами разделение социального целого на четыре исторических измерения не является произвольным и случайным, хотя, безусловно, они представляют собой искусственные исследовательские конструкторы, необходимые для

¹⁶⁷ Guinsburg, Thomas N. The Dimensions of History. N.Y.: Rand McNally and Company, 1971.

¹⁶⁸ Ковальченко И. Д. Многомерность исторического развития. С. 77–86.

¹⁶⁹ Лапин Н. И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры. С. 4.

¹⁷⁰ Луман Н. Дифференциация. С. 18.

¹⁷¹ Parsons, Talcott. The Political Aspect of Social Structure and Process // Varieties of Political Theory / ed. by D. Easton. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1966. P. 71–112.

¹⁷² Ритцер Дж. Современные социологические теории. С. 422.

достижения поставленных познавательных целей. Они являются предметом изучения отдельных научных дисциплин. **История общества** фактически изучает исторические процессы, происходившие в общественном измерении истории, **политическая история** – в политическом измерении, **этническая история** – в этническом измерении, а **история религии** – в ее религиозном измерении.

Превратившись в познавательную стратегию, не только раскрывающую, но и объясняющую социальную сложность в историческом процессе, идея многомерности выступает как интегратор методологий ряда гуманитарных наук, в каком-то смысле возвращающий историческому знанию его системную цельность. Различные измерения социальности и культуры рассматриваются вместе, в единой многомерной системе, в общей системе координат – вот в этом главное достоинство этого подхода, преодолевающего фрагментацию исторического знания с помощью ключевых методов научного познания – анализа и синтеза.

В историческом познании, а не в религиозных размышлениях в свете творения, у каждого из важнейших социальных измерений истории есть свой **генезис**: у общественного измерения – **социогенез**, который подразумевает изучение происхождения социальности как таковой, феномен общества является частным, но важнейшим из проявлений социальности; у политического – **политогенез**; у этнического – **этногенез**; у религиозного – **религиогенез**; у культурного измерения, включающего в себя проблемы происхождения культуры – **культуругенез**.

За этими понятиями, фиксирующими временное, темпоральное измерение определенного типа социального (в широком смысле) процесса, стоят реальные институциональные сущности со своей структурой и функциями, которые изучаются историками во всей их динамике: общество, государство, этнос, религия. В свою очередь, каждая из них, которые могут рассматриваться как различные по структуре и функциям коммуникативные системы, обладает особой онтологической и субстанциальной природой, поэтому является предметом изучения не только истории, но и «своей» научной дисциплины – обществознания/социологии, политологии, этнологии, религиоведения. Областью пересечения исторической науки с этими научными дисциплинами как раз и являются истории отдельных онтологических сущностей: история общества, политическая история, этническая история и история религии.

Проблему времени, связанную с междисциплинарным полем исторического знания, оригинально решает Н. Луман. Он считал, что в самом времени, выделяемом с помощью «дистанционных» понятий *прошлое/настоящее/будущее*, заключено «примечательное средство нейтрализации парадоксальности такого различия, здесь разрешается парадокс единства различного, в выделенностях, которые оставляют впечатление некоторого упорядоченного мира, – в выделенностях, которые в остальном гармонируют с принципами инклюзии в общество, предусматривающими за каждым человеком определенное место в общественной дифференциации»¹⁷³.

¹⁷³ Луман Н. Самоописания. С. 44.

Концепция многомерности истории перекликается с идеей о многомерности реальностей – и социальной, и культурной, которую обосновал феноменолог А. Шюц¹⁷⁴. Отсюда идея о бесконечном множестве миров, столетиями формировавшая мировоззрение людей и выходящая на проблемы космогонии. Историю идеи раскрыл В. П. Визгин, начавший с учений древнегреческих философов Левкиппа и Демокрита¹⁷⁵ и детально разобравший творческое наследие Николая Кузанского и Джордано Бруно¹⁷⁶.

На мусульманском Востоке схожие идеи обсуждались по меньшей мере с XIII в. Известна полемика между философами и их оппонентами из лагеря исламских традиционалистов по данному вопросу. Так, Ибн Таймийа, оспаривая интерпретацию Фахр ад-дина ар-Рази, указывал на то, что слово «миры» в выражении رب العالمين *рабб ал-‘аламин* (производное от *عالم* ‘авалим «миры») в Коране упомянуто во множественном числе, поэтому в суре «Фатиха» имеются в виду все миры, сотворённые «Господом миров»: мир растений, мир животных, мир людей, мир джиннов, мир ангелов, а также сокрытые миры¹⁷⁷. Идея «множества миров» дополняется идеей многомерности мира человеческого разума, поскольку разум и ум (‘акл), как аргументирует свою позицию Ибн Таймийа со ссылкой на хадисы, – это самое высокое и почитаемое творение Аллаха¹⁷⁸. Проблема сопряженности идеи множественности мира с идеей многомерности социокультурной системы требует специального исследования; на востоковедческом материале эту идею проанализировал В. А. Кузнецов¹⁷⁹.

На Востоке, как и во всех традиционных обществах, в отличие от Запада, социальные измерения истории выступают в более фрагментированных и самостоятельных формах, поскольку сохранили свои стадийные различия, от архаичных форм до современных. Однако теоретически гораздо лучше осмыслен эмпирический материал европейской истории, особенно античного периода, не говоря об используемом нами по традиции сложившемся понятийном аппарате.

4.3.1. Общественное измерение истории

Традиционный в исторической науке взгляд на общину как родовую организацию, которая на определенном этапе своего развития превращается в соседскую, продуктивен только для изучения этнического измерения истории. Для изучения исторической эволюции самой общественной организации, которая на определен-

¹⁷⁴ Шюц А. О множественности реальностей. С. 3.

¹⁷⁵ Визгин В. П. Идея множественности миров. Очерки истории. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛКИ, 2007. С. 6–30.

¹⁷⁶ Там же. С. 116–189.

¹⁷⁷ Корбен А. История исламской философии / пер. с фр. А. А. Кузнецова. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 269.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Кузнецов В. А. Единство и множественность мира в арабо-мусульманских историко-политических дискурсах X–XV веков // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2010. С. 502–537.

ном этапе совпадала с родовой, но ни в коем случае не сводится только к ней, наиболее интересен **взгляд на общину как на первичный общественный организм, объединенный законом**. Появление такой общины ознаменовало собой рождение **общественного измерения истории**. В этом четко определенном смысле – не в политическом и не в этническом, а в узко понимаемом **общественном**, семантика общины может быть сопоставлена с одним из основных значений ключевых латинских терминов *societas* и *civitas*.

В большинстве романских языков слова, обозначающие «общество», «социум» (англ. *Society*, франц. *Société*, итал. *Società*, исп. *Sociedad* и т. д.), восходят к латинскому слову *societas*, образованному от *sōciūs*. Однокоренной с ним глагол *sōcio* (*āvi*, *ātum*, 1, v. a. id.) имеет значения «объединять», «соединять вместе». Обозначение *societas* изначально использовалось для описания связи и взаимодействия между сторонами, которые являются дружественными или, по крайней мере, согражданами¹⁸⁰.

Люис Морган принял две принципиально различные формы общины за «две основные формы управления: одна родовая и социальная, образующая общество (*societas*), другая политическая, образующая государство (*civitas*). Первая основывается на личностях и родовом начале, последняя – на территории и собственности»¹⁸¹. По мнению Уайта, под *societas* Морган понимал племенные общества, а под *civitas* – гражданские¹⁸². В этом смысле гораздо точнее выразился Фердинанд Тённис, который противопоставил два типа общинной организации как родовую и общинную, используя для этого немецкий термин *Gemeinschaft* для «общины», основанной на принципах родства, и *Gesellschaft* для «ассоциации», или «общества», основанного на общности места или верований. При этом исследователь вполне отдавал себе отчет в том, что ни одно из этих социальных объединений в чистом виде не встречается¹⁸³.

Община могла образоваться и на религиозной основе, что свидетельствует о многомерности уже самого определения общины в истории. Например, так называемая «храмовая община» представляет собой не что иное, как религиозное объединение, основанное на приоритете Творца над творениями, по сравнению с родовой общностью, основанной на приоритете кровного родства. Иосиф Флавий (*Iod.* XI) пишет о создании в VI в. до н. э. иудейской гражданско-храмовой общины в Иерусалиме, которая, по всей видимости, была первой в истории, во всяком случае в пределах авраамической традиции. Храмовая община могла охватывать весь город, если город был храмовым (например, Вавилон и другие шумерские города, согласно И. М. Дьяконову). Срастание храмовой общины с городской привело к образованию гражданско-храмовой общины, обладавшей двумя важней-

¹⁸⁰ Briggs, Asa. *The Age of Improvement, 1783–1867*. 2nd ed. Longman, 2000. P. 9.

¹⁸¹ Морган Л. Г. Древнее общество, или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации, пер. с англ. под ред. М. О. Косвена. 2-е изд. Л.: Изд-во Института народов Севера, 1935. С. 6–7.

¹⁸² Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры. С. 619.

¹⁸³ Tönnies, Ferdinand. *Gemeinschaft und Gesellschaft*. Berlin, 1887. P. 22. См. также: Tönnies, Ferdinand. *Community and Civil Society* / ed. Jose Harris. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001.

шими признаками: гражданским самоуправлением и исключительно религиозной основой консолидации.

Классическое определение *civitas* дал Цицерон, назвавший его «сообществом людей, объединенных **законом**» («*concilium coetusque hominum jure sociati*») (Cicero. *Somnium Scipionis*, 3). Закон определяет как обязанности каждого члена прежде всего городского сообщества, так и его права. В Риме термин подразумевал сообщество римских граждан, а за пределами Рима – любую общину как общественное объединение, члены которого связаны друг с другом определенными правовыми обязательствами. От др.-греч. «полития» (πολιτικά, букв. «дела городов»), синонима *civitas*, образовался термин πόλις («полис»), означающий как «город», так и «государство»¹⁸⁴. Полис, в свою очередь – это более ранний аналог римского *civitas*. Впервые вопросы управления полисом и общиной полиса стали объектом обсуждения в книге Аристотеля «Политика».

Термин *politicus*, являющийся латинизацией греческого слова πολιτικός (*politikos*), имеет множество значений, прежде всего:

- 1) нечто, связывающее граждан воедино: объединение (σύλλογος/*sýllogos*), дом (οἶκοι/*oíkoí*), общество (κοινωνία/*koínonía*), страна (χώρα/*chóra*) граждан; закон (νόμος/*nómos*) для граждан или связанный с гражданами (гене- тическую связь с этим значением слова обнаруживает термин «политес»/ πολιτής, означающий «вежливость»); место (τόπος/*tópos*);
- 2) «гражданский», принадлежащий к гражданству или государству, например равноправие (ἰσονομία/*isonomía*);
- 3) состоящий из граждан; живущий в [гражданской] общине¹⁸⁵.

Впоследствии в римских источниках семантика термина *civitas* в первом, общественном значении была расширена: он означал отдельный город как обособленную городскую общину (в качестве синонима *urbs*), город-государство, территорию племени или союза племен, а также главный город племени или племенного союза¹⁸⁶. Отсюда происходят обозначения города во многих языках, например, англ. *city*. По крайней мере, в современном французском языке термин *cité* продолжает использоваться в его исходном значении *civitas* для обозначения крупных городов или их древнейшей части, а также территории племенного союза или его административного центра¹⁸⁷.

В царской России сельская община соседского типа (соседская община) называлась «общество», «сельское общество», «крестьянская община», «мир», «круг»¹⁸⁸, на Кавказе за ней закрепилось название «вольное общество». В обоих случаях, в отличие от родовой, именно соседская община впервые получает статус обще-

¹⁸⁴ Frisk, Hjalmar. Griechisches Etymologisches Wörterbuch. Bd II. Kp-Q. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1970.

¹⁸⁵ Liddell, Henry G., Scott, Robert. A Greek-English Lexicon. Revised and augmented throughout by Sir Henry Stuart Jones, with the assistance of Roderick McKenzie. Oxford: Clarendon Press, 1940.

¹⁸⁶ Smith, William. A Dictionary of Greek and Roman Antiquities. L.: John Murray, 1875.

¹⁸⁷ Лебек С. Новая история средневековой Франции: в 2 т. / пер. В. Павлова. Т. 1: Происхождение франков. V – IX века. М.: Скарбей, 1993. С. 5–6.

¹⁸⁸ См.: Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М.: Гос. изд-во сельскохоз. лит-ры, 1956.

ства. Например, родовые хуторские поселения (подворья) никогда не назывались обществами, за исключением хуторских казачьих обществ, которые представляли собой соседскую, а не родовую общину. Не потому, что родовые объединения по своим морфологическим или топологическим признакам не обладали всеми признаками традиционного сельского общества, а потому, что внутри них законы, обычаи и традиции рода оказывались намного важнее надродовых регуляторов, с которых и начинается общество как социальный организм.

Соседскую общину нельзя сопоставлять с родовыми союзами, организованными по типу древнегреческих фратрий. Морган считал фратрию «второй ступенью организации в греческой социальной системе». Это была следующая, более высокая форма этнической, а не общественной организации, ибо «фратрия имела естественную основу в родственной связи, поскольку роды одной фратрии были, вероятно, подразделением одного начального рода, память о чем сохранялась преданием»¹⁸⁹. В современных исторических исследованиях фратрия считается формой социальной организации в Афинах и других греческих городах-государствах, промежуточной между родом и филой¹⁹⁰. Это действительно так, но само явление, которое греки обозначали этим термином, имело место не только в Греции, но и в других частях света. Тот же Морган не случайно посвятил целую главу своей книги ирокезской фратрии¹⁹¹.

Некоторые исследователи считают, что фратрия остается самым темным вопросом в истории Древней Греции¹⁹². Отчасти значение этого термина содержится в нем самом – др.-греч. *φράτηρ* (*phrâtēr*), обнаруживающий общую основу с санскритским *भ्रातृ* *bhrātṛ* (ср. рус. *брат*), сопоставляется с протоиндоевропейским **bʰréh₂tēr* и гораздо более поздним староангл. *brōþor* (англ. *brother*). Все эти слова имеют значение «брат», а др.-греч. *φ(ρ)ατρία* / *phratría* / *φρατρία*, соответственно – «братство», «родня».

Если фратрия действительно являлась объединением потомков родовых патриархов, которые при жизни приходились друг другу братьями, то тогда она представляла собой объединение патронимий, семейных кланов. Форма семейно-клановой и родовой общины с отдельным поселением (хутором) являлась оптимальной формой социальной организации в древности, но неблагоприятные внешние условия стимулировали межродовые союзы. Понятно, что в первую очередь объединялись родственные кланы, их родовые угодья, военные отряды, хозяйства, религиозные культы, создавались общие органы самоуправления.

Сельское общество в России управлялось сельскими сходами, избиравшими сельских старост. Оно имело право в любой момент перейти от общинного пользования землей к подворному, однако не исключался и обратный переход¹⁹³, пока

¹⁸⁹ Морган Л. Г. Древнее общество. С. 136–137.

¹⁹⁰ В этнографии фратрия имеет другое значение – под этим термином понимается экзогамная группа родов (тотемов), члены которой могут вступать в брак только с членами другой фратрии племени.

¹⁹¹ Морган Л. Г. Древнее общество. С. 52.

¹⁹² Nilsson, Martin P. *Cults, Myths, Oracles, and Politics in Ancient Greece. With Two Appendices: the Ionian Phylae, the Phratres*. Lund: Cooper Square Publishers, 1951.

¹⁹³ Леонтович В. В. История либерализма в России 1762–1914. М.: Русский путь, 1995. С. 169.

крестьяне не оказались зависимы от общины и «мира»¹⁹⁴. Прусский барон Август фон Гакстгаузен был убежден, что он обнаружил в России, проезжая через всю страну в 1843 г., древнюю поземельную общину – «мир, который когда-то существовал у германцев»¹⁹⁵. А. В. Тютковский справедливо отметил, что взгляды барона были впоследствии очень мифологизированы – сначала А. И. Герценом, признавшим, что «Гакстгаузен действительно уловил животворящий принцип русского народа»¹⁹⁶, затем российской и даже советской историографией, прочно уверовавшей в тезис о неизбывном коллективизме или общинности русского народа¹⁹⁷.

Вступив в заочную дискуссию с Гакстгаузеном и славянофилами, Т. Н. Грановский в своей статье «О родовом быте у древних германцев» показал, что «отрицать значение родового быта в истории каждого народа невозможно»¹⁹⁸. Конечно, можно сравнивать славянскую (русскую) общину с общиной германцев и найти у них типологически много общего, но «существование родового быта неизбежно у каждого народа. Это общемировой закон»¹⁹⁹.

По мнению исследователей дореволюционной российской общины, даже в условиях крепостного права традиционной формой общежития в России были **сельский мир и сложная община-волость**, которые выполняли важные функции самоорганизации²⁰⁰.

Для нас важно, что любая община – с точки зрения локации (европейская, восточная) и социальной организации (родовая, соседская), имела некоторые объединяющие их черты, которые включали в себя общую территорию, общий закон и общие интересы, проистекавшие от совместного проживания и хозяйственной деятельности в одном поселении. В общине прекрасно отслеживаются исторические изменения – как в структуре, так и в функциях, которые все время менялись, в соответствии с трансформацией обществ.

В систему общественной организации органично вписаны системы хозяйства, поэтому экономическое измерение (социально-экономическое в еще большей степени) мы изучаем в рамках именно общественного измерения истории. В нем различные коммуникативные сообщества, имеющие экономическое, политическое, этническое, религиозное и иное происхождение, могут выступать в качестве **«статусных групп»** внутри одного общества, создавая таким образом единство многообразия, вбирающее в себя все другие проявления социальности. Примерами таких статусных групп, имеющих как высокий, так и низкий общественный ста-

¹⁹⁴ Риттих А. А. Зависимость крестьян от общины и мира. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1903.

¹⁹⁵ Тютковский А. В. К вопросу об общинности русских крестьян // Этнокультурные процессы в прошлом и настоящем. К юбилею д. и. н., проф. К. И. Козловой. Серия Труды исторического факультета МГУ. Т. 57. С. 270.

¹⁹⁶ Герцен А. И. «Наши» и «не наши». Письма русского (сборник) / А. И. Герцен. Сост. и вступ. ст. А. А. Тесли. М.: Рипол Классик, 2017. С. 253.

¹⁹⁷ Тютковский А. В. К вопросу об общинности русских крестьян. С. 271.

¹⁹⁸ Грановский Т. Н. О родовом быте у древних германцев // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. М., 1855. Кн. 2. Ч. I. С. 143–170.

¹⁹⁹ Грановский Т. Н. Лекции по истории Средневековья. М.: Наука, 1987. С. 342.

²⁰⁰ См.: Александров В. А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М.: Наука, 1976.

тус, являются практически все социальные объединения: социальные слои и прослойки (рабочий класс, крестьянство, интеллигенция), высшие и низшие классы, богатые и бедные, бюрократия, профессиональные объединения, молодежные объединения, меньшинства разного рода, а также группы, принадлежащие к другим измерениям социальности: власть, политические партии, этнические группы, диаспоры, землячества, религиозные сообщества и др. Именно **эта особенность общества делает его «системой систем»**.

4.3.2. Политическое измерение истории

Попытка специального анализа политических аспектов истории как неразрывной части социальной истории, которая понимается расширительно, не нова²⁰¹. Здесь содержатся по меньшей мере два исходных посыла. Первый состоит в том, что по своему содержанию политические отношения, как и отношения господства (доминирования) и подчинения, были изначально связаны с иерархией социальной организации. Это означает, что политические отношения существовали и до возникновения государств (пусть и в ранней, зачаточной форме), появления политики как искусства, а также самих понятий «политика», «полития», «политическое», т. е. еще в первобытнообщинном обществе. Иерархия, обеспечивавшая физическое выживание первобытных людей, восходит к предыстории человечества²⁰².

Второй посыл заключается в том, что политическое измерение истории (как один из аспектов истории социальности) необходимо воспринимать как историю политических систем, или в форме социальной целостности – как историю системы политической культуры. Таким образом, речь идет об одной из важнейших и специфических форм выражения единой социокультурной реальности. Объясняя читателю, что он подразумевает под «культурой» в индонезийском политическом контексте, К. Гирц выразился по этому вопросу совершенно определенно: «Культура здесь – это не культы и обычаи, а структуры смысла, с помощью которых люди придают форму своему опыту, а политика – не перевороты и конституции, а одно из основных поприщ, на котором такие структуры публично раскрываются. Когда политика и культура рассматриваются с такой точки зрения, установление связи между ними становится вполне осуществимой, хотя и едва ли простой задачей»²⁰³.

С. Уитмер считает, что политические системы восходят к истокам древних цивилизаций, начинавших развиваться около 6 тыс. лет тому назад. Политикой можно назвать все то, посредством чего человек начинал организовывать социальную жизнь во всех ее проявлениях. Поэтому политика охватывает широкий круг вопросов, связанных с жилищем, безопасностью, транспортом, занято-

²⁰¹ См.: Wood, Ellen M. Citizens to Lords. P. 1–4.

²⁰² Подробнее об этом см.: Earle, Timothy K. How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory. Stanford: Stanford Univ. Press, 1997.

²⁰³ Гирц К. Интерпретация культур. С. 362.

стью, пищей, здоровьем и т. д. В каждом аспекте социальной жизни осуществлялась своя политика, направленная на приемлемую политическую организацию данного аспекта²⁰⁴. Отсюда возникают базовые функции политических систем: защита, порядок, социальная организация общества в границах государства, развитие ресурсов, а также обеспечение базового уровня человеческих потребностей²⁰⁵. Таким образом, при изучении политического аспекта истории на первый план выходит государство.

Метод универсальных языковых эквивалентов многомерного подхода требует вернуться к исходному смыслу комплекса терминов, обозначающих «государство» и «власть» в различных культурах. Большинство названий «государства» в романских и германских языках (итал. *stato*, исп. *estado*, ст. фр. *estat*, фр. *état*, нем. *Staat*, англ. *state* и др.) в конечном счете вытекают из латинского слова *status*, означающего «условия», «положение» или «статус»²⁰⁶. С возрождением римского права в средневековой Европе латинский термин *status regni* стал обозначать требование к правителю обеспечить стабильность и порядок в государстве, а *status civitatis* – юридическое положение людей и связанные с ним имущественные права и обязанности²⁰⁷. Прямая семантическая связь «государства» со «статусом» означает, что человек имеет статус и, следовательно, имущество; англ. *real estate* («недвижимое имущество») имеет непосредственную связь с этим «статусом».

Сопоставление романо-германских значений «государства» с арабским обозначением *المملكة* *ал-мамлака*^м «власть» (от *مَلَكَ* *малака* «владеть», имеющего также значение «право собственности», права владения, а также собственность, сами владения (ср. лат. *dominium*)) показывает, что арабское обозначение власти тесно связано с имуществом и правами на него. Если в обычном кросскультурном анализе достаточно сопоставления значения одного из терминов (или государства, или власти) в разных языках и культурах, то метод универсальных языковых эквивалентов имеет дело с разными терминами, которые являются семантическими эквивалентами друг для друга по своему исходному значению. В современном употреблении арабское слово *ал-мамлака*^м имеет также значение «царство», «королевство» (ср.: *ал-Мамлака ал-'Арабийя ас-Са'удийя* «Королевство Саудовская Аравия»); другое арабское слово *الدولة* *ад-даула*^м «государство», имеющее также значение «состояние», перешло в кавказские языки со значением «богатство», «состояние» (ср. лезг. *девлет*). Более того, и русский термин «власть» этимологически также связан с «владением, собственностью», «волостью» – территориальным владением (ср. с титутом «владетельный князь»).

Из проведенного анализа, который можно дополнить примерами из других культур, следует, что экономическое расслоение приводило к необходимости создания внеэкономических механизмов защиты и приумножения этого имуще-

²⁰⁴ Witmer, Scott. Political Systems. L.: Raintree, 2013. P. 6.

²⁰⁵ Ibid. P. 7.

²⁰⁶ Vincent, Andrew. Conceptions of the State // Encyclopedia of Government and Politics. Vol. 1 / ed. by M. E. Hawkesworth, Maurice Kogan. L. – N.Y.: Routledge, 1992. P. 43; Hay, Colin. State Theory // Routledge Encyclopedia of International Political Economy. Vol. 3 / ed. by R. J. Barry Jones. L. – N.Y.: Routledge, 2001. P. 1469.

²⁰⁷ Hay, Colin. State Theory. P. 1469.

ства, закрепления социального статуса, что способствовало формированию политической организации общества. Поэтому в научной литературе наиболее часто встречаются определения, в которых государство описывается как политическая организация с централизованной системой управления и аппаратом насилия, поддерживающая монополию на законное применение силы на определенной территории.

Государство так же исторично, как и полития. В процессах образования государства сложно выделить основные факторы, обусловившие их появление на свет, и тем более определить иерархию этих факторов. Будучи сложной социальной сущностью, а не только сущностью исключительно политической, государство формировалось с участием разных социальных факторов и причин. Это может быть социальная потребность в вожаке, как и у социальных животных. Можно говорить о стадийных трансформациях системы управления – от догосударственной – к ранним политическим образованиям, от них – к развитым политическим системам государства. Начало такой трансформации положено формированием отдельного политического класса, которое было связано с имущественным расслоением и выделением «благородного» класса людей, или сословия, имеющего отличный от земледельцев и ремесленников социальный статус. Их коммуникативные действия можно характеризовать как политические, хотя до образования государств было еще очень далеко.

По мнению Эдварда Саутхолла, «самые ранние государства были городами-государствами»²⁰⁸. Для подтверждения своего мнения Э. Саутхолл приводит убедительный пример с Уруком, первым городом Южной Месопотамии, который, в отличие от многих других шумерских городов, хорошо изучен²⁰⁹. Урук находился в окружении других городов-государств (Ур, Умма и Эриду, а также Лагаш, Ниппур, Киш), с которыми он составлял систему конструктивного взаимодействия, обмена и соответственно взаимозависимости. С течением времени он стал храмовым городом, а также политическим центром. Правитель города становился одновременно и главным распорядителем городского хозяйства, и посредником в вопросах распределения результатов труда земледельцев и скотоводов подвластной городу округи. Непосредственно правителю подчинялся верховный жрец, принимавший участие в религиозных обрядах²¹⁰. Одним из древнейших самоуправлявшихся городов был Вавилон, о жизни которого во II тыс. до н. э. нам известно благодаря исследованиям И. М. Дьяконова²¹¹.

Джорджо Бучеллати также подчеркивает особую роль процесса возникновения городов для социально-политической трансформации древних обществ,

²⁰⁸ Саутхолл Э. О возникновении государств // Альтернативные пути к цивилизации. Кол. монография. М.: Логос, 2000. С. 135.

²⁰⁹ О городе Урук и урукской культуре см.: Nissen, Hans J. The Early History of the Ancient Near East, 9000–2000 BC. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1988.

²¹⁰ Van De Mieroop, Marc. The Ancient Mesopotamian City. Revised edition. Oxford: Oxford Univ. Press, 1999. P. 32.

²¹¹ Дьяконов И. М. Проблемы вавилонского города II тыс. до н. э. (По материалам Ура) // Древний Восток. Города и торговля / под ред. Н. В. Арутюняна, И. М. Дьяконова, Г. Х. Саркисяна. Ереван, 1973. С. 31.

называя этот процесс революционным²¹². Большие поселения становятся центрами притяжения многих земледельцев, у которых появляются излишки продуктов сельского хозяйства и животноводства и потребность в обмене части этих продуктов на другие вещи, необходимые в хозяйстве. Исторический материал свидетельствует о важности города как политического центра. Около IX в. до н. э. в Ассирии появляется корона, которую носили, возможно, только правительницы, как об этом свидетельствует врезное изображение на городской стене²¹³.

По своей структуре граждане полиса, составлявшие единую политическую общность, могли представлять разные системы организации – аристократическую и вместе с тем аскетическую, как у спартанской «общины равных», основанной на вторичном комплексе т. н. Ликургова законодательства («малых ретрах») ²¹⁴, или демократичную, как в Афинской политике. Проблемы развития античного полиса хорошо описаны в научной литературе, в том числе отечественной²¹⁵.

Греческий полис был не только городской общиной, но и сообществом горожан/граждан, охраняемых законом и защитными стенами. *Civitas* в античных документах – это не просто коллективное сообщество всех граждан, а общественный договор, связывавший их всех вместе. С одной стороны, это обязательства горожан перед городской общиной, которая представляла собой политику, раннюю форму государства (полис). В словаре Уильяма Смита латинский *civitas* прямо отождествляется с политией (*πολιτεία*) и переводится как гражданство²¹⁶.

Город-государство как ранний тип государства восходит своими корнями к племенной политике, а она, в свою очередь, к вождеству, с которого начинается формирование племени. Поэтому «чифдом» и полис – это разные типы и этапы одной стадии, после которой следует территориальное государство²¹⁷.

Появление городов непосредственно связано с формированием государства, но эта связь не всегда была прямой. Например, скифы, мидийцы, персы, гунны, авары, тюркюты, сельджуки, османы, монголы и другие кочевые народы создавали свои государства, не имея городов. Этот пример требует пояснений с точки зрения коммуникативного мира конкретных *Ego*, живших в те эпохи. Во-первых, кочевники завоевывали обширные территории с развивавшимися на них городами и инфраструктурой, создавая на их основе симбиоз культур – оседлой и кочевой. Во-вторых, имперская политика, создаваемая кочевниками, не заменяла собой более актуальную и реальную территориальную политику: в период т. н. «татаро-монгольского ига» реальная и непосредственная власть для простого жителя

²¹² Buccellati, Giorgio. The "Urban Revolution" in a Socio-Political Perspective // *Mesopotamia* 12. Turin, 1977. P. 19–39.

²¹³ Van De Mieroop, Marc. The Ancient Mesopotamian City. P. 52.

²¹⁴ Зайков А. В. Общество древней Спарты: Основные категории социальной структуры: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2013. С. 41.

²¹⁵ См.: Античный полис / под ред. Э. Д. Фролова. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979.

²¹⁶ Smith, William. A Dictionary of Greek and Roman Antiquities. P. 291.

²¹⁷ Ferguson, Yale. From Chiefdoms to City-States: The Greek Experience // *Chiefdoms: Power, Economy, and Ideology* / ed. by T. Earle. Cambridge – N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1991. P. 169–192.

древнерусского города исходила не от монгольского хана, сидевшего в Сарае, а от своего князя.

При изучении исторических форм политий принципиально важно не рассматривать их как последовательно сменявшиеся системы политической организации, а учитывать возможность параллельного сосуществования двух и даже нескольких разноуровневых политий, выступавших в качестве актуальных форм политической организации разных уровней социальной консолидации. В политически децентрализованных империях древности и средневековья человек, живя в фактически независимом городе-государстве, не замыкался на нем, а считал себя частью гораздо более широкого политического сообщества, в данном случае империи, включавшей этот город в свой состав в большей или меньшей степени формально. С другой стороны, а это более важно, народом этот исторический человек считал только свое территориальное или этническое сообщество, а не все население империи. В этом смысле Джозеф Коломер совершенно прав, когда говорит о великих империях и малых народах, которые эти империи населяли²¹⁸.

Так, Эдесса в определенные периоды истории Византии была *de facto* независимым городом-государством, так же как и Баб ал-абваб при Хашимидах, когда он только номинально находился в составе Арабского халифата. В царской России крестьянин жил в миру, своей сельской общине, работал на помещика и одновременно считал себя и реально стал подданным государя только после того, как 1) сложилась абсолютная монархия и 2) было отменено крепостное право в 1861 г. До этого он находился в собственности своего господина. На Кавказе свободный человек выступал исключительно как член вольного общества только в том случае, если это вольное общество не входило в состав местных ханств, шамхальства или уцмийства или не находилось под покровительством (протекторатом) какой-либо одной или нескольких иностранных держав (Сефевидской, Османской или Российской империй). В противном случае имело место смешение сельской, ханской («раннефеодальной») и/или имперской политий.

В научной литературе выделяются различные исторические формы политий, в том числе **сельская полития** (*village polity*), которая отдельно была выделена Клиффордом Гирцом²¹⁹. По своему содержанию сельская полития могла быть родовой или соседской. На гораздо более высоком уровне социальной консолидации исследователи выделяют **племенную политию**. В литературе системы племенных политий сравнительно хорошо изучены на примере Африки и предколониальной Индии²²⁰. Политией считается как само племя, так и вождество, включая его варианты (сложное вождество). Племенная полития могла быть как субъектом политики, так и ее объектом, например когда она использовалась княжеской властью для организации сбора дани (полюдья). Бейли предложил обозначить ранне-

²¹⁸ Colomer, Josep M. Great Empires, Small Nations. The Uncertain Future of the Sovereign State. L. – N.Y.: Routledge, 2007.

²¹⁹ Geertz, Clifford. Negara. The Theatre State in Nineteenth-Century Bali. P. 45–53.

²²⁰ Sinha, Surajit. Tribal Politics and State Systems in Pre-Colonial Eastern and North Eastern India. Calcutta: K. P. Bagchi & Co., 1987.

политические системы как «параполитические», определяя их как системы, которые «частично регулируются, частично независимы»²²¹.

Полития **городов-государств** хорошо известна на примерах двух антагонистических политий – Афин и Спарты. Афинскую политику детально описал Аристотель²²², а Лакедемонскую – Ксенофонт²²³. По Аристотелю, которого впоследствии поддержал Фома Аквинский, наилучшей формой государственного правления является **монархия**, поскольку «наилучшим образом управляется то человеческое множество, которое управляется одним <...> Ибо провинции или города-государства, которыми управляет не один, одолеваемы раздорами и пребывают в волнении, не зная мира»²²⁴.

Особого внимания заслуживает т. н. **имперская полития**. Империи, представляя особые, более широкие формы политической организации, безусловно, представляют собой отдельную форму политии, вряд ли только современную, как об этом пишет С. В. Ткачев²²⁵. Империя – это способ консолидации одного или нескольких народов и обществ и их экономической глобализации на гораздо большей территории по сравнению с зоной традиционного обитания любого из входящих в его состав народов. Греки, римляне, гунны, монголы, японцы, европейские и другие народы, основав империи, неизменно начинали военно-политическую экспансию за пределы своих исконных территорий.

Империя объединяет разные по уровню развития народы, в том числе племена²²⁶, разные политические, религиозные, культурные идентичности, создает новые экономические условия, лишенные внутренних барьеров – административных, социальных, правовых, а также одинаковое положение для этнического, религиозного, культурного самовыражения, но на основе господствующей культуры. Изначально все монархические империи были, как правило, этноцентричны (т. е. они строились вокруг «титulyного», «имперского» народа), но в любом случае имперскому центру приходилось выстраивать особые отношения с провинциями, особенно если их населяли другие родоплеменные и этнические сообщества. Механизмы взаимодействия центра и провинции на примере Российской империи XVII в. показала Валери Кивельсон²²⁷.

²²¹ Baily, Frederick G. Parapolitical Systems // Local-Level Politics / ed. by Marc J. Swartz. Chicago: Aldine, 1968. P. 281.

²²² Аристотель. Политика / пер. С. А. Жебелева; под ред. А. И. Доватура / Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4 / ред. и вступ. ст. А. И. Доватура, Ф. Х. Кессиди. М.: Мысль, 1983.

²²³ Ксенофонт. Лакедемонская полития (пер. Г. А. Янчевецкого с исправлениями и примечаниями) // Зайков А. В. Общество древней Спарты: Основные категории социальной структуры. С. 178–194.

²²⁴ См. об этом: Рубаник В. Е., Рубаник С. Я. История политических и правовых учений. М.: Волтерс Клувер, 2011. С. 65.

²²⁵ Ткачев С. В. Империя как современная полития. М.: МГУ, 2007.

²²⁶ Роль племен в кочевых империях хорошо изучена, однако она была немаловажной и в земледельческих цивилизациях. Р. Палмер указывает на то, что особую роль в Римской империи на начальных этапах ее формирования играли три римских племена, из которых формировалось военное руководство. См.: Palmer, Robert E. A. The Archaic Community of the Romans. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1970. P. 82.

²²⁷ Kivelson, Valerie A. Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford, CA: Stanford Univ. Press, 1996.

Кроме того, отдельно выделяются **переходные типы политий**. Один из них обосновывается в теории перехода от феодализма к капитализму, второй – в концепциях перехода постсоветских стран от социализма к капитализму, которые преимущественно рассматриваются в рамках «транзитной» теории²²⁸. Исследователи отмечают сложные формы **безгосударственных политий**, приводя в качестве примера политику кельтов V–I вв. до н. э., исландскую политику «эпохи наводоправства», просуществовавшую вплоть до середины XIII в., или политику казаков, которая вплоть до конца XVII в. была известна под видом различных казачьих «войск»²²⁹.

Э. Саутхолл также выделяет «сегментарное государство» как особую **сегментарную политику**, в которой «сферы ритуального суверенитета и политического суверенитета не совпадают. Первый широко охватывает текучую, изменяющуюся периферию. Последний ограничивается центральной нуклеарной областью. Могут различаться несколько уровней пирамидально организованного соподчинения политических центров»²³⁰.

4.3.3. Этническое измерение истории

Исследователи первобытной истории относят реконструктивные возможности этнологии к эпохе верхнего палеолита²³¹. Это косвенное признание того, что понятие народа восходит к предыстории человечества. В современной российской этнологической науке понятие народа считается некатегориальным, слишком общим и нечетким, поэтому оно практически не используется, хотя Н. И. Конрад не только писал о народе, но и даже считал его одним из важнейших субъектов истории: «Каждый народ, большой или малый по своей численности...»²³².

В рамках своего этнического измерения история изучает этническую историю, начиная с процессов этногенеза. Этногенез (от греч. *ἔθνος*, «племя, народ» и *γένεσις*, «происхождение») объясняется как процесс формирования (т. е. зарождения и становления) этнической общности (этнуса), или его происхождение в самом широком смысле; некоторые антропологи стараются избегать термина «происхождение» из-за его статичности, тогда как этничность всегда подвижна²³³. Для большинства исследователей этногенез – это начальный этап этнической истории, но есть и те, кто доказывает, что этнические группы «всегда находятся в процессе становления»²³⁴.

²²⁸ Dilemmas of Transition in Post-Soviet Countries / ed. by Joel C. Moses. Chicago: Burnham Inc., Publishers, 2003.

²²⁹ Бондаренко Д. М., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Альтернативы социальной эволюции. С. 21–22.

²³⁰ Southall, Aidan. A Critique of the Typology of States and Political Systems // Political systems and the Distribution of Power / ed. by M. Banton. L.: Tavistock Publications, 1965. P. 126.

²³¹ Алексеев В. П., Першиц А. И. История первобытного общества. Изд. 6-е. М.: АСТ – Астрель, 2007. С. 43.

²³² Конрад Н. И. Запад и Восток / статьи. Изд. 2-е. М.: Наука, 1972. С. 454.

²³³ Hudson, Mark J. Ruins of Identity: Ethnogenesis in the Japanese Islands. Honolulu: Univ. of Hawai'i Press, 1999. P. vii.

²³⁴ Myres, John L. Who Were the Greeks? Berkeley: Univ. of California Press, 1930. P. 538.

В контексте большинства теорий этноса в России этногенез воспринимается как начальный этап этнической истории, предшествовавший образованию этносов; противоположные им подходы, преимущественно западные, доказывают, что этнические группы «всегда находятся в процессе становления»²³⁵. Поэтому в российской теории истории родовой и племенной этапы часто отделяются от этнического, а в западной – нет. В классическом марксизме процессы этногенеза возникают на определенном уровне консолидации племенных обществ и завершаются с формированием этнической нации. Такой концептуальный взгляд чрезвычайно удобен в историческом исследовании: разделение родоплеменных и этнических сообществ является признаком хорошего тона, и историки часто ругают археологов за их страсть к описаниям этногенеза с глубокой древности, – тогда, когда, с точки зрения марксистских подходов к проблемам этногенеза, никаких этносов не могло быть и в помине.

Существующие подходы к изучению этногенеза, этничности и этнической истории

На примере исследования этнополитических процессов на Японских островах М. Хадсон связывает разрушение прежней идентичности с появлением новой, более широкой²³⁶. Соответственно существенно отличаются и подходы к этничности.

В современных археологических исследованиях бронзового века термин «этногенез» обозначает формирование народов, этнических групп²³⁷, а не этносов в концептуальном смысле теории этноса. Этногенетические исследования доисторических обществ осуществляются в рамках концепции археологических культур как методологической категории²³⁸. Существует даже понятие «археологии этногенеза», исповедующей принцип «от артефактов – к этногенезу»²³⁹. При этом важнейшей остается проблема соотнесения этих археологических культур с народами – древними и тем более современными²⁴⁰. Кроме того, в археологии также актуальна проблема кооперации археологии с лингвистикой, выявления археологического соответствия делению языков²⁴¹.

Теории этногенеза и этноса приведены в ряде работ, прежде всего в специальном исследовании В. А. Тишкова²⁴². Основные аспекты проблем этногенеза

²³⁵ Myres, John L. Who Were the Greeks? P. 538.

²³⁶ Hudson, Mark J. Ruins of Identity: Ethnogenesis in the Japanese Islands. P. VII.

²³⁷ Kolb, Patricia J. Ethnogenesis: The Development of an Ethnic Group. Hispanic Americans / Diss. New York School for Social Research. N.Y., 1984. 764 p.

²³⁸ Kaljanac, Adnan. Archaeological Researches on the Processes of Ethnogenesis in the Western Balkan's Prehistory: Possibilities and Limitations // Godišnjak Centra za balkanološka ispitivanja. 2013. Vol. 42. P. 45–69.

²³⁹ Voss, Barbara L. The Archaeology of Ethnogenesis: Race and Sexuality in Colonial San Francisco. Berkeley – Los Angeles – L.: Univ. of California Press, 2008. P. 117.

²⁴⁰ О проблеме статуса, содержания и объема понятия археологической культуры см.: Клейн Л. С. Археологическая типология. Л.: Изд-во АН СССР, 1991.

²⁴¹ Клейн Л. С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. СПб.: [б.и.], 2007.

²⁴² Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. М., Русский мир, 1997.

и этничности отражены во множестве теоретических подходов. Основные из них приводятся, в частности, в исследовании В. М. Пивоева²⁴³:

- 1) примордиализм, или эссенциализм, а также их новейшие доработанные версии, в основе которых остается биологическое, природное начало этничности (М. Вебер, К. Гирц²⁴⁴, Г. Айзекс²⁴⁵, У. Коннор²⁴⁶, П. Ван ден Берге²⁴⁷ и др.)²⁴⁸;
- 2) социально-исторический эволюционизм марксизма (акад. Ю. В. Бромлей²⁴⁹);
- 3) социально-экономический детерминизм марксизма (С. А. Токарев²⁵⁰, В. В. Пименов²⁵¹);
- 4) географический детерминизм (С. М. Широкогоров²⁵²);
- 5) пассионарная теория этноса, не получившая достаточного признания в научной среде (Л. Н. Гумилев²⁵³);
- 6) функциональный аксиологизм (Э. Дюркгейм, С. В. Лурье, А. Р. Рэдклифф-Браун);
- 7) инструментализм (Ф. Барт²⁵⁴, Г. У. Солдатова);
- 8) философский и антропологический конструктивизм (П. Бергер, Т. Лукман, Д. Белл, М. Фишер, Б. Андерсон²⁵⁵, Р. Бурдьё, Э. Геллнер²⁵⁶, Э. Хобсбаум²⁵⁷, А. Хастингс²⁵⁸, В. А. Тишков²⁵⁹). Ряд исследователей считают, что конструк-

²⁴³ Пивоев В. М. Этнос и нация: проблемы идентификации. 2-е изд. М.: Директ-Медия, 2013. С. 14–41.

²⁴⁴ Geertz, Clifford. The Interpretation of Cultures.

²⁴⁵ Isaacs, Harold R. Idols of the Tribe.

²⁴⁶ Connor, Walker. Ethnonationalism: The Quest for Understanding. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1994. См. также о нем: Ethnonationalism in the Contemporary World: Walker Connor and the Study of Nationalism / ed. by Daniele Conversi. L. – N.Y.: Routledge, 2004.

²⁴⁷ Van den Berghe, Pierre L. The Ethnic Phenomenon. N.Y.: Elsevier, 1981.

²⁴⁸ См.: Барбашин М. Ю. Современный западный примордиализм: методологические проблемы в изучении этничности // Гуманитарный ежегодник. 2011. No. 10. С. 362–371. Критику эссенциализма см.: Geaves, Ronald. The Dangers of Essentialism: South Asian Communities in Britain and the 'World Religions' Approach to the Study of Religions // Contemporary South Asia. 2005. Vol. 14. No. 1. P. 75–90.

²⁴⁹ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.

²⁵⁰ Токарев С. А. К постановке проблем этногенеза // Советская этнография. 1949. № 3. С. 12–36.

²⁵¹ Пименов В. В. Удмурты: Опыт компонентного анализа этноса.

²⁵² Широкогоров С. М. Этнос: исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений / стереотип. изд. М.: URSS, 2022. См. также: Кузнецов А. М. Теория этноса С. М. Широкогорова // Этнографическое обозрение. 2006. No. 3. С. 57–71.

²⁵³ См.: Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли /под ред. В. С. Жекулина; [предисловие Р. Ф. Итса]. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.

²⁵⁴ Barth, Fredrik. Introduction. P. 9–38.

²⁵⁵ Anderson, Benedict. Imagined Communities. L.: Verso, 1991.

²⁵⁶ Gellner, Ernest. Nation and Nationalism. Ithaca – N.Y.: Cornell Univ. Press, 2008.

²⁵⁷ Hobsbawm, Eric J. Nations and Nationalism since 1780 – Programme, Myth, Reality. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994.

²⁵⁸ Hastings, Adrian. The Construction of Nationhood: Ethnicity, Religion and Nationalism. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997.

²⁵⁹ Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России.

тивистских подходов к этничности множество, они выходят за пределы собственно этничности, поскольку включают в научный дискурс также экономику и политику²⁶⁰, – я бы добавил, все социальные процессы, включая и конфессиональные;

9) информационная теория этноса, близкая к антропологическому конструктивизму (Н. Н. Чебоксаров, С. А. Арутюнов);

10) историко-антропологический подход, включающий в себя (этно)генетический и экзоантропологический методы исследования (В. П. Алексеев²⁶¹).

По Адриану Хастингсу, этничность наряду с религией и национализмом является основным компонентом нациестроительства²⁶². Стив Фентон приводит ключевые понятия, которые стали ядром ключевых концепций этничности или высветили те или иные ее аспекты: особенности исторической эпохи (Барбара Адам), проблемы рынка и потребления (Алан Алдридж), проблемы безопасности (Якоб Арнальди), психология этничности (Колин Барнс и Геоф Мерсер), этничность и сетевое общество (Дарин Барни), проблемы гендерных отношений (Харриет Брэдли), этничность и право (Гарри Бригхаус), этническое представительство (Моника Виера и Дэвид Рансимен), роль религии и религиозного фундаментализма в этнических процессах (Стив Брюс), этнос и народ (Маргарет Конаван), этнос и империя (Алехандро Колас), свобода и человеческие права (Михаэль Фримен), этническая культура (Фред Инглес), государство и суверенитет (Роберт Джексон), система власти и управления (Джон Скот), национализм как идеология нации (Энтони Смит), идея равенства как эгалитарный принцип этничности (Стюарт Уайт) и др.²⁶³ Одного этого перечисления достаточно, чтобы понять, что с этничностью связано множество теорий и концепций.

Общепризнанной дефиниции этноса не существует, как и единого представления о природе этноса и этничности. В отечественной этнологии эта ситуация нашла свое красноречивое отражение в названии монографии В. А. Тишкова: «Реквием по этносу»²⁶⁴. Если этнос не является надежной научной категорией, то нет смысла говорить и об этничности. С. В. Чешко в связи с этим пишет: «Этничность, вне всякого сомнения, имеет иррациональную природу, наука же, оперирующая сугубо рациональными методами познания (чем она отличается, например, от религии или искусства), ограничена в возможностях исследования иррационального. Поэтому «явление, которое обозначается термином “этничность”, едва ли можно, по крайней мере на современном этапе развития науки, выразить посредством какой-то точной дефиниции»²⁶⁵.

²⁶⁰ Chandra, Kanchan. Introduction // *Constructivist Theories of Ethnic Politics* / ed. by Kanchan Chandra. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012. P. 4.

²⁶¹ Алексеев В. П. Историческая антропология и этногенез. М.: Наука, 1989.

²⁶² Hastings, Adrian. *The Construction of Nationhood: Ethnicity, Religion and Nationalism*.

²⁶³ Fenton, Steve. *Ethnicity*. Cambridge: Polity Press, 2010. P. 1.

²⁶⁴ Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.

²⁶⁵ Чешко С. В. Человек и этничность // *Этнографическое обозрение*. 1994. № 6. С. 40.

С другой стороны, задача науки – поиск ответов на сложные вопросы, объяснение объективной социальной реальности теми способами и методами, которые ей доступны, с той или иной степенью удовлетворительности, которую от нее ждет общество, а то, что этничность как определение этноса объективно существует, как и сами этносы, ни у кого не вызывает сомнений. С точки зрения абсолютной рациональности религия как идеологическая система тоже может показаться иррациональной, тем более некоторые ее практики, но это не основание для отказа от научных определений религии. Тем более, когда с каждым годом появляются новые междисциплинарные подходы, поощряющие поиск нового научного инструментария, обновление языка социального описания. Одним из таких путей может быть системно-исторический анализ исторических форм этничности: по крайней мере реконструктивные возможности этого метода не только не противоречат, но и только дополняют возможности исторической этнологии²⁶⁶.

Стив Фентон доказывает, что к этничности нужно применять множественные дискурсы, включающие в себя не только страны, но и регионы²⁶⁷. Исследователи выделяют в ней такие категории, как моноэтничность и полиэтничность²⁶⁸. Классический биологический примордиализм, рассматривавший этнос как нечто раз и навсегда установленное, ныне активно переосмысливается: во всяком случае уже признается, что этничность, как и любая другая форма социальности в широком смысле, подвержена историческим изменениям²⁶⁹.

Многомерная проекция учитывает все аспекты проблемы этногенеза и этничности с учетом всех социальных связей – как примордиальных, так и персональных, сакральных, гражданских и др., в том числе конструктивистских²⁷⁰. В этих новых подходах наибольший интерес представляет примордиалистская концепция, доработанная Клиффордом Гирцем, из которой следуют три основные идеи: 1) примордиальные (изначальные, природные) идентичности являются естественными или заданными; 2) они не могут быть объяснены через социальное взаимодействие, но являются принудительными; 3) они в основном касаются чувств или привязанностей²⁷¹. В поддержку этого подхода можно привести пример с дагестанцами, которые уезжают в эмиграцию вместе с детьми. Не имеет значения, в какую страну они выезжают – западную или восточную, важно то, в каком возрасте это происходит. Если в младенческом и до 2–3 лет, дети вырастают с другой этнической идентичностью, прежняя сохраняется лишь на формальном уровне, если

²⁶⁶ Об этом направлении этнологии см.: Чеснов Я. В. Лекции по исторической этнологии. М.: Гардарики, 1998.

²⁶⁷ Fenton, Steve. Ethnicity. P. 34.

²⁶⁸ McNeill, William H. Polyethnicity and National Unity in World History. Buffalo, NY: Univ. of Toronto Press, 1985.

²⁶⁹ Bayar, Murat. Reconsidering Primordialism: an alternative approach to the study of ethnicity // Ethnic and Racial Studies, 2009. Vol. 32. No. 9. P. 1641.

²⁷⁰ Shils, Edward. Primordial, Personal, Sacred and Civil Ties // The British Journal of Sociology. 1957. Vol. 8. No. 2. P. 135–136.

²⁷¹ Geertz, Clifford. The Interpretation of Cultures; Llobera, Josep R. Recent Theories of Nationalism. Barcelona: Institut de Ciències Polítiques i Socials, 1999. P. 3.

после – то наоборот, прежняя идентичность с ее основным языком и ментальностью сохраняется. Такое понимание примордиализма не исключает конструктивизм, а вводит его в определенные рамки.

Интересные идеи конструктивизма представлены как в классических концепциях, так и в информационной теории этноса Н. Н. Чебоксарова, а также концепции этноса А. А. Сусоколова, но без характерного для них отождествления этноса и нации. Соотношение этих двух понятий показал Энтони Смит, раскрыв на обширном фактологическом материале этническое происхождение большинства наций²⁷². Информационный подход применяется и к этносу, и к нации, конструктивизм – так же, но к нации в большей степени, чем к этносу: процессы этнической ассимиляции и деэтнизации, хотя они и затрагивают самым непосредственным образом этнические общности, происходят в рамках процессов формирования наций-государств.

Этническое измерение истории невозможно изучать вне связи с другими измерениями истории – общественными, политическими, экономическими, географическими, религиозными. По Фентону, этничность может быть разной, в том числе политической, и даже символической²⁷³. С этим трудно не согласиться, но с оговоркой, что за этими социальными формами этничности стоят совершенно разные типы этносов. Для ясности сравним типы этносов с типами общин, которые также формируются на основе разных принципов – родовых и общественных. И в том, и в другом случае это общины, условные границы которых иногда могут почти полностью совпадать друг с другом (например, в родовом строе), но тем не менее мы их различаем по их базисным основаниям. Этнотыпы также могут формироваться на основе разных принципов, в том числе на основе территориальных и других принципов, в том числе и искусственного родства. Однако базисным, системообразующим критерием этничности остается кровное родство, **совершенно реальная генетическая связь**.

Историчность и многомерность этничности

Современные технологии этногенетических исследований и продолжающаяся каталогизация генетического разнообразия пока не способны помочь выявить происхождение каждого народа от реального общего предка (прародителя, этнического этнарха) и на этой основе осуществить **этногенетическое картирование каждого народа**. Это решило бы вопрос с историзацией народов, поскольку генетические связи имеют глубину, а также выявило бы коммуникативные связи между народами, которые имели место в ходе их исторического развития. Зато хорошо выделяются группы схожих гаплотипов, называемые гаплогруппами. На основании мутации, унаследованной потомками, гаплогруппа выводит исследователя на общего предка. Гипотетический вопрос о поисках генетической Праматери всего человечества (условной Евы) и его Праотца (условного Адама) оставим читателю для размышлений.

²⁷² Smith, Anthony D. *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford: Blackwell, 1986.

²⁷³ Fenton, Steve. *Ethnicity*. P. 45–66.

Многомерный анализ не ограничивается различением этнического измерения истории, выделения его от других, он идет дальше, дифференцируя уже само это измерение, и анализируя внутренние системные структуры этничности. При изучении этнических систем наряду с постэтничностью приходится иметь дело и с архаичными формами этничности. Будучи свойством особого типа социальной организации, связанной с общностью происхождения, этничность можно распространять не только на этнос, но и на другие, более архаичные формы этнической системы организации в историческом процессе. Такой подход позволяет не ограничиваться выделением подсистем в современных этнических системах и видеть в их развитии некоторую историческую динамику.

Процессы общественной трансформации с участием этнического фактора не всегда учитывают диффузию, запускающую старт новой этничности, когда обрывается преемственность исторической памяти, общая традиция и память об общих предках. Как правило, это всегда комплексный процесс, связанный с кардинальными переменами в одном или нескольких измерениях истории и поэтому требующий системного изучения. Например, изменение религиозной идентичности автоматически влияет на общественные, политические и этнические процессы, а также на культуру. Различные по содержанию исторические события разделяют и объединяют народы, запуская процессы разделения (дивергенции) или сближения (конвергенции) языков, культур, истории, хозяйства, уклада жизни.

Архаичные формы этничности необязательно ушли в историю, с некоторыми из них исследователю приходится сталкиваться и в наше время. Для их обозначения И. В. Следзевский предпочитает использовать термин «неоархаика». В российской науке этот дискурс применяется крайне фрагментарно, хотя хороший эмпирический материал можно было бы собрать на Кавказе. Тухумно-тейповая клановая система и входящие в нее системы крупных семей (фамилий) со старейшинами во главе, а также советами старейшин до сих пор сохранились в некоторых высокогорных анклавах Северного Кавказа. Для более глубокого вхождения в данную проблематику неоценимую помощь может оказать исследование Р. Г. Кузеева по этнической истории Среднего Поволжья и Южного Урала: там богатейший материал по всем затрагиваемым здесь сюжетам, местами перекликающийся в том числе и с кавказским²⁷⁴.

Клановая (семейно-родовая) этничность. Проблема т. н. «семейной этничности» (*family ethnicity*), как ее обозначают американские исследователи, а на самом деле – клановая идентичность, изучалась на примере этносемейных клановых групп афроамериканцев, американских индейцев²⁷⁵, азиато-американцев и американцев латинского или испанского происхождения. Цементирующая эти группы солидарность обусловлена не только их этничностью, но и расовыми призна-

²⁷⁴ Кузеев Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала.

²⁷⁵ Harjo, Suzan Sh. The American Indian Experience // *Family Ethnicity: Strength in Diversity* / ed. by Harriette P. McAdoo. 2nd ed. Thousand Oaks – L. – New Delhi: SAGE Publications, 1999. P. 63–71; Silvey, Le Anne E. Firstborn American Indian Daughters: Struggles to Reclaim Cultural and Self-Identity // *Family Ethnicity: Strength in Diversity* / ed. by Harriette P. McAdoo. 2nd ed. Thousand Oaks – L. – New Delhi: SAGE Publications, 1999 P. 72–88.

ками – цветом кожи, физическими различиями, акцентом речи, а также экономическим положением²⁷⁶. Даже в своих этнических и тем более расовых общностях они отличаются друг от друга культурной историей, клановыми связями с родственниками, локальностью жизни, «формами линиджа, межпоколенческими отношениями, социо-экономическими характеристиками и вектором институционализированных отношений и верований»²⁷⁷.

Племенная этничность. Греческий термин *ἔθνος* в античности употреблялся не только для обозначения цивилизованных народов, таких как, например, сами эллины, но и по отношению к «варварским» племенам. Исходя в том числе и из этого, а также из-за широкой семантической коннотации термина многие исследователи указывают на то, что этничность может быть и племенной²⁷⁸. Известный специалист по племенной этничности Шамбу Доши подчеркивает, что у «племенного общества, как и у любого общества, есть проблема “сохранения своей исторической и этнической идентичности”»²⁷⁹.

Тема трайбализма (трибализма) как **племенного этноцентризма и племенной этничности** (*tribal ethnicity*) поднимается прежде всего в западных научных школах для описания тех народов, которые считаются племенами, а не этносами в концептуальном смысле этого слова. В самих этих племенах или странах их обитания, например в Африке, трайбализм описывается в терминах этничности: «В большинстве африканских стран вы осознаете себя гражданином только на бумаге, а ваша основная идентичность – этническая. Например, на бумаге вы, возможно, руандийцы, но ваши преимущества или издержки определяются тем, являетесь вы хуту или тутси»²⁸⁰. Здесь гражданская нация противопоставляется двум этническим образованиям. Многомиллионные тутси и хуту являются народами, этносами, но народами племенными, на что неоднократно указывалось в специальной литературе²⁸¹. Это означает, что этническое образование – это не только этнонация, которой в Руанде в условиях жесткой конкуренции и разделяющей их истории взаимного геноцида быть не может, но и племя. Таким образом, если выйти за пределы теории этноса, то обнаруживается, что этничность может быть и племенной.

Несмотря на объявленный в Руанде курс на нациестроительство, в стране тем не менее возрождается трайбализм, основанный на племенных архетипах сознания и потому лишенный рационализма в терминах сегодняшней политиче-

²⁷⁶ McAdoo, Harriette P. Families of Colors: Strengths That Come from Diversity // Family Ethnicity: Strength in Diversity / ed. by Harriette P. McAdoo. 2nd ed. Thousand Oaks – L. – New Delhi: SAGE Publications, 1999. P. 14.

²⁷⁷ Wilkinson, Doris. Reframing Family Ethnicity in America // Family Ethnicity: Strength in Diversity / ed. by Harriette P. McAdoo. 2nd ed. Thousand Oaks – L. – New Delhi: SAGE Publications, 1999. P. 15.

²⁷⁸ Doshi, Shambhu L. Tribal Ethnicity, Class, and Integration. Rawat Publications, 1990.

²⁷⁹ Doshi, Shambhu L. Processes of Tribal Unification and Integration: A Case Study of the Bhils. Concept, 1978. P. 81.

²⁸⁰ Isabirye, Stephen. Tribalism in Africa. [Electronic resource]. URL: <http://www.hartford-hwp.com/archives/30/065.html>. Retrived 11.03.2017.

²⁸¹ Carney, Jay J. Beyond Tribalism: The Hutu-Tutsi Question and Catholic Rhetoric in Colonial Rwanda // Journal of Religion in Africa. 2012. Vol. 42. No. 2. P. 172–202.

ской реальности²⁸². Однако противопоставление растущего трайбализма у хуту и тутси и рационализации современного национального государства, предлагаемое Полом Джеймсом²⁸³, на мой взгляд, не учитывает самого главного: готовы ли сами хуту и тутси к строительству национального государства (а в терминах западной политической теории это постэтническое государство), если они еще не прошли стадии этнонации? Из-за двух геноцидов (а не этноцидов!) они не очень скоро смогут преодолеть эти внутренние, гораздо более важные границы.

Проблемы, связанные с **собственно этничностью и этнонациональными формами этничности**, представляют особый интерес для исследования, но они неизбежно уведут нас от фокуса нашей темы из-за своей многозначности и неразработанности множества теоретических проблем, в том числе в свете требований принципа деконцептуализации, о котором мы скажем отдельно. На данном этапе достаточно того, что **этнос и этнонация** – далеко не тождественные формы этничности. В. А. Тишков заметил, например, что процессы этногенеза на Северном Кавказе привели к формированию этносов, но не этнонаций²⁸⁴.

Определенные трудности изучения этничности вызывает рассмотрение ее в жестких рамках существующих теорий: теории этноса С. М. Широкогорова, который рассматривал этнос как особую разновидность человеческой интеграции на определенной территории, пассионарной теории этногенеза Л. Н. Гумилева, в которой этнос – это биологически обусловленное сообщество людей, дуалистической теории этноса Ю. В. Бромлей и др. Если следовать логике этих теорий, то не все народы можно называть этносами, а только те, у которых завершились процессы этногенеза. А между тем греческое слово *ἔθνος/ethnos*, от которого образован термин, означает любой «народ», в том числе древний.

Ю. В. Бромлей выделял в этносе его ядро, **этникос** (от латинизированного греческого слова *ethnicos* – «народный», «свойственный народу», в еkkлeзиастических текстах используется как прилагательное со значением «языческий», «идолопоклоннический»)²⁸⁵. Этникос, противопоставляемый всему этносоциальному организму, на всем протяжении истории сохраняет глубинные архетипы этнической культуры. В некотором смысле ядро народа можно с некоторой натяжкой сопоставить с определением «глубинного народа» в некоторых современных концепциях. Помимо этносов, Ю. В. Бромлей различал **этнические группы** и в качестве альтернативы этого названия – **этнические популяции**, которые объясняются как «группы людей со значительным числом общих поведенческих характеристик»²⁸⁶. В нашей системе координат этническая группа выступает как дифференцируемая часть этноса, подобно тому, как социальная группа является дифференцируемой на основе определенных критериев частью социума.

²⁸² James, Paul W. Relating Global Tensions: Modern Tribalism and Postmodern Nationalism // *Communal / Plural*. 2001. Vol. 9. No. 1. P. 11–31.

²⁸³ Ibid. P. 11.

²⁸⁴ Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России.

²⁸⁵ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. С. 8.

²⁸⁶ Там же. С. 15.

Все виды человеческой интеграции в рамках отдельных социальных измерений являются особыми. Этническое сообщество не может обуславливаться только биологическим родством, поскольку в самом процессе биологического воспроизводства участвуют небιологические факторы, а именно социальное партнерство двух людей.

4.3.4. Религиозное измерение истории

Религиозное измерение истории охватывает всю историю религиозности с древнейших времен до наших дней, хотя мы четко отделяем религии от дорелигиозных культов и верований. С. А. Токарев считал религиями все формы проявления религиозности, в том числе первобытные, поэтому он относил определение «дорелигиозный» к доисторическому периоду человечества, когда, по его мнению, не было никаких верований²⁸⁷. Б. Р. Маретт отдельно выделял первобытные религии, называя их преанимистическими, т. е. доанимистическими, или примитивными²⁸⁸. В западной литературе, исследуя первобытный, доисторический период религиозности, предпочитают говорить о нем только в контексте религиогенеза, т. е. происхождения религии²⁸⁹.

Исходя из узкого понимания термина «религия» как социального института, мы относим к дорелигиозным все первобытные верования, так и не ставшие религиями в период первобытного общества. Первобытные верования были свойственны родово-стадии первобытной общины, предшествовавшей родовому строю. Внешним институциональным признаком трансформации первобытных верований в религию является появление служителей культов, выделение особой касты (класса) в социальной структуре общества, которую называют жречеством.

Первобытные культы прошли через три последовательных этапа развития, которые можно охарактеризовать с помощью ключевых для нашей темы терминов: табу, тотем и ритуал²⁹⁰. Табу тесно связано с понятием священного, запретного, оно делало объект поклонения неприкосновенным, ограждая его от обычного обращения²⁹¹. С системы таких запретов начинается не только первобытная религия, но и первобытное право и этика, и даже, согласно Дж. Фрэзеру, политическая власть²⁹². Как показал опыт изучения системы табу у аборигенов Полинезии, верования из простейшей триады «табу – тотем – ритуал» превращаются в более

²⁸⁷ Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М.: Политиздат, 1964. С. 5–8.

²⁸⁸ Marett, Robert R. Faith, Hope and Charity in Primitive Religion. Oxford: Oxford Univ. Press, 1932.

²⁸⁹ Wightman, Gregory J. The Origins of Religion in the Paleolithic. Washington DC: Rowman & Littlefield, 2015.

²⁹⁰ Krech, Volkhard. Wissenschaft und Religion: Studien zur Geschichte der Religionsforschung in Deutschland 1871 bis 1933. Tübingen: Mohr Siebeck, 2002. S. 137–142.

²⁹¹ Steiner, Franz B. Selected Writings / ed. by J. Adler and R. Fardon. Vol. 1. Taboo, Truth and Religion. N.Y. – Oxford: Berghahn Books, 1999. P. 148–156.

²⁹² Frazer, James G. Lectures on the Early History of Kingship. L.: Macmillan, 1905.

сложную конструкцию «табу – истина – религия», включающую в систему запретов и ограничений вероубеждение и религиозную практику²⁹³.

Тотемный культ был идеологемой, тесно связанной с реальным существованием²⁹⁴; детальное исследование этого вопроса принадлежит К. Леви-Строссу²⁹⁵. Почти одновременно с тотемным культом складывается и ритуал поклонения²⁹⁶.

Анри Брейль сопоставлял первобытную наскальную живопись с ритуалами охотничьей магии²⁹⁷. Человеческие образы на таких рисунках чаще всего действительно изображают охотников, вооруженных копьями, а животные – мамонтов, бизонов, оленей, лосей и диких лошадей. На основании изучения обществ охотников и собирателей исследователи пришли к выводу о том, что эти рисунки оставлены палеолитическими шаманами – не только мужчинами, но и женщинами²⁹⁸. Изображение танцующего колдуна-шамана с рогами и хвостом сохранилось в пещере «Трех братьев» (*La grotte des Trois-Frères*) на юго-западе Франции. Доисторическая живопись на стенах этой пещеры насчитывает около 13–14 тыс. лет²⁹⁹.

Согласно археологическим данным, начало формирования религиозных верований, привязанных к культовому строительству, относится к мезолиту. В этот период появляются первые мегалитические сооружения, построенные из огромных каменных блоков, соединенных друг с другом без известкового раствора. По мнению исследователей, эти сооружения представляют собой древнейшие храмовые комплексы. Возраст самого раннего из них – Гёбекли-Тепе на юго-востоке Турции, который назван анатолийским Стоунхенджем, – составляет не менее 12 000 лет, он ориентировочно датируется серединой X тыс. до н. э.³⁰⁰ Этот памятник подтверждает правомерность выделения И. М. Дьяконовым первобытно-общинной стадии, начавшейся в мезолите, из первобытной (палеолит), когда не было ни разделения труда, ни имущественного неравенства³⁰¹.

После неолитической революции, которая была ознаменована переходом человеческих общин от примитивной экономики охотников и собирателей к земледелию и животноводству, численность характерных женских статуэток, по господствующему в науке мнению, богинь плодородия, значительно увеличивается. В Передней Азии она наступила раньше, между 9000 и 7000 гг. до н. э.³⁰² Возраст

²⁹³ Steiner, Franz B. Selected Writings. Vol. 1. Taboo, Truth and Religion. P. 148–156.

²⁹⁴ Krech, Volkhard. Wissenschaft und Religion. S. 143–144.

²⁹⁵ Levi-Strauss, Claude. Totemism / transl. by Rodney Needham. Boston: Beacon Press, 1963.

²⁹⁶ Krech, Volkhard. Wissenschaft und Religion. S. 145–146.

²⁹⁷ См.: Breuil, Henri. Quatre cents siècles d'art pariétal. Montignac: C.E.D.P., 1952.

²⁹⁸ Whitley, David S. Cave Paintings and the Human Spirit: The Origin of Creativity and Belief. N.Y.: Prometheus Books, 2009. P. 35.

²⁹⁹ Clottes, Jean; Lewis-Williams, David. Les chamanes de la préhistoire: transe et magie dans les grottes ornées. Paris: Seuil, 1996.

³⁰⁰ Linsmeier K.-D., Schmidt K. Ein Anatolisches Stonehenge // Moderne Archäologie. Heidelberg: Spektrum-der-Wissenschaft-Verlag, 2003. S. 10–15.

³⁰¹ Дьяконов И. М. Пути истории: от древнейшего человека до наших дней. Изд. 2-е, испр. М.: КомКнига, 2007. С. 18–26.

³⁰² Linsmeier K.-D., Schmidt K. Ein Anatolisches Stonehenge. S. 10–15.

дербентской мадонны, обнаруженной на вершине холма, на котором в VI в. была построена крепость Нарын-кала, 5000 лет.

С началом освоения бронзы появляются более или менее целостные языческие культы и религии, имеющие, как правило, узкое, семейно-родовое, а затем и племенное значение; они предлагали первобытным родовым общинам не только картину бытия, но и набор связанных с ней обрядов. В древнейших царствах на территории Передней Азии многие женские богини, которые продолжают воспроизводиться в форме глиняных статуэток, получают свои имена, в их честь строят храмы³⁰³.

Мистицизм как гностическое измерение религии

В первобытном искусстве мистицизм главным образом выражался в придании человеческому облику черт реальных или фантастических существ. Один из таких образов представлен колдуном-шаманом из пещеры «Трех братьев». Иезуитскому палеонтологу Пьеру Тейяру де Шардену удалось выявить несколько пещер на северо-западе Испании и первым полюбоваться некоторыми мистическими сюжетами доисторической пещерной живописи³⁰⁴. Кэтлин Даффи считает, что Тейяру удалось развить один из самых творческих подходов к изучению роли мистицизма в социальной эволюции³⁰⁵.

Большинство исследователей сходятся на том, что самой старой формой мистицизма является шаманизм. Шаман, или колдун – это центральная фигура в племени, владеющая техникой экстаза, способная установить контакт с «самым высоким жилищем на небесах»³⁰⁶. Бруно Борчер считает, что шаманизм связан с доисторической средой, восходящей к эпохе, когда континенты все еще соединялись³⁰⁷.

Мистическая вера в существование чего-то сверхъестественного, изначально упорядоченность Вселенной, природы или самой жизни, была присуща не только первобытным людям – она также характеризует многих наших современников, далеких от религии. Религиозной такая вера становится только в том случае, если высшие силы обожествляются. Религиозный мистицизм, таким образом, составляет гностическую основу индивидуальной веры.

Бертран Рассел выделял мистическое начало и в основе религии, отделяя его от духовного начала. Очевидно, здесь имеется в виду изначальный, первобытный мистицизм, который в специальной литературе знают как «премистицизм»: по мнению Рассела, и анимизм, и мистицизм сосуществовали друг с другом с самого начала, будучи связанными с феноменом религиозности. Мистицизм – это не только вера в существование потустороннего, сверхъестественного, но и ощущение

³⁰³ Ruether, Rosemary R. *Goddesses and the Divine Feminine: A Western Religious History*. Berkeley: Univ. of California Press, 2005. P. 74–75.

³⁰⁴ Duffy, Kathleen. *Teilhard's Mysticism: Seeing the Inner Face of Evolution*. Maryknoll, NY: Orbis Books, 2014.

³⁰⁵ Ibid. P. 6.

³⁰⁶ Borcher, Bruno. *Mysticism: Its History and Challenge*. York Beach, ME: S. Weiser, 1994. P. 69.

³⁰⁷ Ibid.

ние сакрального. Иначе говоря, это личный опыт, переживание, основанное на вере в существование сверхъестественного. Первый мистический опыт первобытных людей обусловлен теми же процессами, которые подпитывали первородный анимизм, прежде всего – переживание неизбежности смерти.

Во многих религиозных системах мистицизм противопоставляется религиозному фундаментализму как нечто противоположное ему. Это действительно так, если понимать под мистицизмом организационно и теоретически оформившиеся течения, характерные особенности которых во многом сформировались в борьбе с фундаментализмом. В исламе это противопоставление выражено особенно рельефно как противостояние суфизма и салафизма. Однако в своем исходном значении мистицизм (от др.-греч. *μυστικός* – «таинственный, скрытый, тайный») является основой религиозного сознания: это и вера в сверхъестественные силы, и опыт личного общения с Богом, и способ понимания и восприятия мира, основанный на эмоциях и интуиции. Мистицизм не соединялся с религией на определенном этапе ее развития, он находился в ней изначально. Это не отдельная религия, а гностическая основа религиозного мировосприятия.

Мистицизм по своему определению – это способ понимания и опыт личного ощущения сверхъестественного, иррационального и непостижимого. Такой опыт, осознанный или бессознательный, накапливается у любого человека, но в разной степени. До возникновения религиозных систем, по всей видимости, существовал как индивидуальный, так и коллективный мистический опыт, например, когда мужчины устраивали ритуальные танцы перед охотой. В определенном смысле именно первобытный мистицизм предоставил общий фундамент множеству разнообразных языческих верований вплоть до родовых и племенных культов. Мистическая вера в непостижимую Высшую силу была универсальной, так же как и анимизм, одухотворявший все вокруг. Вместе они позволили объединять на своей основе разнородные языческие представления, от поклонения деревьям до культа предков, создавая местные формы языческого синкретизма.

Первобытный мистицизм может быть частично отождествлен и с магией – верой в некую безличную сверхъестественную «силу». Согласно Б. Р. Маретту, самая древняя форма религии коренится в человеческих эмоциях и выражает опыт восприятия «сверхъестественного», и прежде всего это «чувство страха».³⁰⁸ человек всегда боится того, что ему неизвестно, что не вписывается в привычный образ его представлений. Но такое отождествление справедливо лишь в той части, в какой признается существование некоей сверхъестественной силы. Персональное психологическое переживание опыта соприкосновения с этой силой является мистическим, поскольку этот опыт невозможно объяснить рационально, он всегда иррационален. В таком случае можно допустить, что на уровне осознанной традиции первобытные верования основывались на анимизме и магии, которая представляет собой рациональную (прагматическую) попытку объяснить необъяснимое; мистическое выявляется лишь в эмоциональном восприятии и переживании этого магического, сверхъестественного.

³⁰⁸ Кабо В. Р. Происхождение религии: История проблемы. Канберра: Алчеринга, 2002. См. также: Marett, Robert R. *The Threshold of Religion*. L.: Kessinger Publ., 1909.

Официальная религия часто порицает мистицизм как веру в сверхъестественное, поскольку считает идею Бога абсолютно естественной. Но в религиозной жизни мистицизм сохраняется в той или иной форме, если даже он изгоняется из сферы догматики. Внутренняя вера, несмотря на максимально понятное, ясное изложение основ вероучения и детальную регламентацию, и сегодня остается индивидуальной. Духовник (реббе, пастырь, *шайх*) может объяснить, во что именно и как верить, но невозможно учитывать все особенности индивидуального восприятия образов сокровенного мира человеком. Вторая причина, по которой изначальный мистицизм неистребим, заключается в интуитивном характере познания бессознательного, а глубокая внутренняя вера всегда бессознательна, незыблема и несомненна, точнее достоверна с точки зрения верующего в той степени, в какой глубока его вера.

Распространение монотеистических идей трансформировало изначальный мистицизм, который приобрел различные формы и содержание. Выделим из этого два самых распространенных типа мистицизма, каждый из которых также чрезвычайно многообразен: 1) встроенный в религиозную систему, негласный и неформальный, тем не менее совершенно реальный, делающий религию живой; 2) специализированный, взаимодействующий и/или оппонирующий религиозному фундаментализму, претендующий на самостоятельную роль, с абсолютизацией мистических методов познания Бога. Для иллюстрации второго типа мистицизма достаточно назвать такие самодостаточные мистические течения, как кабала в иудаизме, исихазм в православии и суфизм в исламе.

Анимизм как духовное измерение религии

Дорелигиозный этап язычества, который Б. Р. Маретт называл аниматическим (от лат. *animatus* «одушевленный», первобытная вера в безличную одушевленность природы или отдельных ее частей) или преанимистическим (см. выше), совпадает с палеолитом и мезолитом. С палеолитом связаны такие важные явления в жизни первобытных людей, как изготовление каменных орудий труда, использование охры для наскальных рисунков, на которых изображались как отдельные животные, объекты охоты того времени, так и композиционно сложные сцены охоты.

На сакральный характер первобытных рисунков указывают сохранившиеся ритуалы у индейцев и других племен, неоднократно описываемые этнографами с конца Нового времени: охотники наносили изображения животных на песок и затем исполняли вокруг них ритуальные танцы, которые должны были принести удачу в охоте. Некоторые исследователи видят в ритуальных танцах репетицию охоты, подготовительные мероприятия к ней, допуская также некоторую сакральность этих ритуалов. И те и другие сходятся в том, что первобытные люди одухотворяли то, что стояло за символикой рисунка, а также природу вокруг себя. Вера в одушевленность природы, в то, что в живой природе абсолютно все имеет свою душу, получила название анимизма (от лат. *anima*, *animus* «душа» и «дух» соответственно). Английский этнограф и культуролог Эдуард Тэйлор не случайно был убежден в том, что анимизм представляет собой необходимый «минимум

религии»; очевидно, он имел в виду этот первородный анимизм, который можно назвать и преанимизмом или аниматизмом (по Маретту), а не более поздние развитые его формы. Под влиянием Э. Тэйлора или Г. Спенсера концепцию первобытного анимизма поддерживал и Фридрих Энгельс³⁰⁹. По определению Эдварда Клодда, анимизм является семенем религии, из которой она вырастает³¹⁰. Видимо, Бертран Рассел имел в виду именно этот первородный аниматизм, когда называл его одной из основ духовности религии.

Дополнительным источником для изучения первобытного анимизма выступает совокупность различных методов исследования, прежде всего структурный метод Клода Леви-Стросса, основанный на психоанализе, более конкретно – на общности природы подсознательного и бессознательного (Фрейд) и «коллективного бессознательного» (Юнг). Бессознательная умственная деятельность состоит в наделении содержания формой, считал Леви-Стросс, и «если эти формы в основном одинаковы для всех типов мышления, древнего и современного, первобытного и цивилизованного <...> – то необходимо и достаточно прийти к бессознательной структуре, лежащей в основе каждого социального установления или обычая, чтобы обрести принцип истолкования, действительный и для других установлений и обычаев <...>»³¹¹.

Объяснение неизвестных явлений с помощью скудных для того времени возможностей порождало мифы, но не все мифы можно отнести к верованиям. Попытка объяснить неизбежность смерти, вызывающая размышления о смысле жизни, представляла собой одно из первых мифологических объяснений, которое изначально приобрело религиозный характер, поскольку было сопряжено с предопределением, существованием высших сил и первородного порядка в живой природе. Эти попытки усилили и обогатили анимистические верования, дополнив их верой в жизнь после смерти в форме духов, заложив основу космологических представлений.

Стадиальные формы религий

Многомерный подход позволяет классифицировать религии в соответствии с их эволюцией от простых форм к более сложным на основе общих морфологических признаков. В этом смысле религии делятся, в частности, на четыре категории, не считая самой первой – категории дородовых архаических культов, которую можно отнести к доисторической и дорелигиозной:

- семейно-родовые культы и верования;
- племенные культы и верования;
- надплеменные домонотеистические пантеоны божеств;
- этнические религии;
- национальные религии.

³⁰⁹ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. С. 282.

³¹⁰ Clodd, Edward. Animism, the Seed of Religion. L.: Constable & Co., 1921.

³¹¹ Леви-Стросс К. Структурная антропология. С. 30.

Первые три типа можно отнести к категории «народных», или «языческих», а этнические и национальные религии здесь для удобства объединены под общим названием религиозных систем. «Народные» религии не случайно называются языческими: даже с этимологической точки зрения это название совершенно точно отражает их происхождение. Не только потому, что именно развитие языка сделало возможным формирование устной религиозной традиции, а потому, что в древнерусском языке под словом *ǫzъcy* понимали не только собственно языки, но и «народы». Поэтому языческие религии с полным основанием можно называть народными.

Язычник в русском языке стал бранным словом, так же как и *ал-джахил* (букв. «невежда») – в арабском. Синоним язычества – паганизм, который употребляется в других языках – обращает наше внимание на то, насколько термины одной культуры могут быть искажены последующей, пришедшей ей на смену в жесткой конфронтации и непрерывной борьбе. Согласно словарю Даля, погань является синонимом таких слов, как «гадость», «дрянь», «мерзость», «нечисть», «гнусь». Однако в др.-русск. и ст.-слав. языках *погань* не имеет такой отрицательной коннотации и переводится просто как «языческий». Этимологически это слово восходит к лат. *rāgānus* «сельский, языческий», при том что *rāgus* означал «округ». Примечательно, что ново-греч. *παγανός* переводится как «мужицкий».

Подчеркивая то, что христианские миссионеры использовали термин «паганизм» для обозначения местных верований американских индейцев, Уильям Янг отметил, что традиционное пониманием римского термина обозначало сельскую местность Римской империи, в которой города становились центрами распространения христианства³¹². Одни исследователи связывают *rāgānus* с римским обозначением «человека из этого места», «Своего», знающего и соблюдающего местные обычаи³¹³, а другие противопоставляют ему *alienus* – «человека откуда-то», «Чужого»³¹⁴.

В массовом сознании сложилось представление о язычестве как о примитивной стадии духовного развития народов; это справедливо лишь в той мере, в какой архаические верования отражали представления древних о природе и бытии. С научной точки зрения язычество – это опыт «чистого», несоциализированного общения человека с природой, которая рассматривалась нашими далекими предками как источник жизни. Соответственно языческая религия – это опыт духовного общения народа с Матерью-Природой, обеспечивавший гармоничное существование его в окружающей среде. В домонотеистический период это была мировая религия, имевшая свою собственную теологию³¹⁵, само существование которой в догматических религиях оспаривается.

³¹² Young, William A. The World's Religions: Worldviews and Contemporary No.s. Pearson Prentice Hall, 2005.

³¹³ Chuvín, Pierre. A Chronicle of the Last Pagans / transl. by B. A. Archer. Cambridge MA: Harvard Univ. Press, 1990.

³¹⁴ York, Michael. Pagan Theology: Paganism as a World Religion. N.Y. – L.: New York Univ. Press, 2003. P. 12.

³¹⁵ Ibid. P. 157–168.

Отличительной особенностью архаических народных религий является их узкая специализация, вследствие чего они всегда сосуществовали друг с другом в достаточно сложном взаимодействии. Пантеизм этих религий проявлялся не только в обожествлении многообразных сил природы, но и в существовании различных культов, охватывавших все сферы жизни. Повсеместно были распространены культ огня и культ воды, связанные, как считают, с астральными культами (солнца, луны, неба и др.) и культами природных сил (ветра, грома, молнии, града, тучи, тумана и др.). Группа хозяйственных культов включала в себя земледельческие (культы плодородия, дождя и др.), промысловые, культ животных (зоолатрия), культ растений и т. д.

С другой стороны, использование определения «этническая религия» для обозначения даже развитых форм язычества трудно считать корректным с точки зрения этнологии, принципиально различающей этносы и племена. К примеру, на Кавказе, как и в других регионах мира, процессы этногенеза были тесно связаны с распространением монотеистической религии (см. об этом ниже), поэтому языческие религии лучше называть не этническими, а племенными. Еще более точное определение для язычества – «народная религия», и для этого достаточно привести два аргумента. Во-первых, в указанном определении акцент делается не просто на племенной уровень религиозной системы, а на более высокий уровень консолидации по сравнению с родом: в русском языке слово «народ» не только является производным от обозначения рода, но и указывает на его надродовой статус. Во-вторых, обозначение «народный», в отличие от «племенной», включает в себя все формы над- или внеродовой (на + род) социальной организации.

Семейно-родовые культы. В патриархально-родовом обществе каждый семейный или родовой культ выполнял свою особую функцию. Это прежде всего домашние культы, охраняющие дом от злых духов. Функцию оберегов выполняли различные предметы, игравшие роль талисманов. Культы, связанные с рождением и смертью, были также разнообразны: основные из них, повторяющиеся в разных культурах – это культы рожениц и погребальные культы. Культ предков впоследствии трансформировался в культ личности, культ народного героя, а после образования государств был представлен как культ царя или императора.

По своему значению языческие культы подразделяются на семейные, патриархально-родовые и племенные. Учитывая факт существования во многих обществах большой патриархальной семьи, первые две категории достаточно сложно отделить друг от друга. Поэтому мы их условно объединяем в одну общую группу. Большой вклад в исследования семейно-родовых культов принадлежит А. М. Золотареву³¹⁶.

На примере народов Дагестана семейные и родовые/сельские культы описаны А. Г. Булатовой³¹⁷. На семейном уровне, как правило, действовали домашние культы (обереги, хранители домашнего очага и др.). Большинство семейных культов

³¹⁶ Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М.: Наука, 1964.

³¹⁷ Булатова А. Г. О некоторых семейных и общесельских обрядах народов горного Дагестана в XIX – начале XX в., связанных с весенне-летним календарным циклом // Семейный быт народов Дагестана в XIX–XX вв. Махачкала, 1980. С. 89–106.

в процессе расширения большой патриархальной семьи становились общеродовыми. Культ предков также зародился в семье, но он достаточно быстро стал родовым, поскольку обеспечивал единство рода. Племенные культы выросли из родовых, за исключением особых племенных культов, например тотемистических.

В родовых обществах каждый род имел своего покровителя, свой особый «замес» языческих представлений на основе анимизма и мистицизма, свои культы, родовых героев/предков, объекты для поклонения, будь то священные деревья, скалы или родовые святилища, даже если они представляли собой кучу из камней. В этот период родовые культы обеспечивали монолитность рода, его изоляцию, противопоставляя его другим родам. Переход из одного рода в другой был невозможен, в том числе и из-за различий в верованиях. Родовая вера еще не была религией в общепринятом смысле этого слова. Она не стала публичным институтом, а продолжала существовать в узком пространстве, запретном для инородцев. Более того, некоторые родовые культы были табуированы: имена божеств определенных категорий нельзя было произнести вслух, чтобы не привлекать их внимания. Некоторое представление об этом этапе родовых верований можно получить из анализа воззрений славянских (русских, украинских, польских, хорватских и др.) родноверов (или родоверов), имея в виду, что неоязычество (точнее, по В. А. Шнирельману, псевдоязычество) не может в точности повторить исторический опыт язычества – хотя бы потому, что современные общины существуют в совершенно иных общественных условиях, а их идеологические воззрения являются не столько воспроизведением домонотеистических языческих верований, сколько современными представлениями о них.

Трансформационный потенциал родовых культов был ничтожен, поскольку их основной целью было сохранение рода в условиях агрессивной внешней среды и внешних влияний, а вовсе не развитие его. Одновременно мобилизационный ресурс этих культов был чрезвычайно велик. На определенной стадии исторического развития родовые сообщества нуждались как раз в консолидации, а не в трансформации. Именно поэтому, когда началось разложение родового строя и появилась потребность в коренных общественных изменениях, родовые культы были сметены волной интеграционных процессов в масштабах племен. Родовые культы были адаптированы племенными культурами, в результате чего были частично утрачены, а частично сохранились в форме различных версий местных верований и реликтов монотеистических религий.

Племенные («языческие») культы и верования. Неолитическая земледельческая революция позволила человеку перейти на качественно новый уровень своего развития во всех сферах жизни, в том числе и в сфере социальной организации: именно в этот период возникает классовое неравенство, появляются раннеполитические образования. В духовной сфере подобные изменения привели к тому, что первобытные культы обзавелись системой обрядов и ритуалов, постепенно превращаясь в целостные языческие религии. Это было связано с тем, что в процессе слияния родов и образования племен появилась потребность в общей кодификации религиозной жизни и ее институциализации. Формирование племенной организации не могло происходить без религиозной организации вов-

леченных в нее людей. Этот процесс, безусловно, не был одномоментным, в разных регионах мира он имел разную динамику и хронологию. Однако не случайно церковнославянское понятие «язычество» в гуманитарных науках нередко заменяется термином «этническая религия»: язычество, будучи разнородной (персональной, родовой, племенной) системой верований, имело в тот период прочную родоплеменную основу.

Народные религии, как правило, глубоко синкретичны. Благодаря сочетанию родовых и общеплеменных культов, мифов и легенд, их тесному взаимопроникновению, язычество имело локальные школы, которые можно назвать народными. Сказанное вовсе не означает, что родоплеменная основа народной религии не позволяла религиозным идеям проникать в иные культуры. Напротив, взаимодействие народов всегда приводило к взаимообогащению культур. Поэтому генезис традиций одной религии часто обнаруживается в другой.

Племенные культы и верования укрепляли племенную идентичность – именно в этом в наибольшей степени заключается их социальное значение. Безусловно, формирование групповых, коллективных форм социальной идентичности происходило также под давлением политических изменений: речь идет прежде всего о процессе образования племени и подчинении его единому общеплеменному закону, в рамках которого легитимизировались и религиозные изменения. В свою очередь, как утверждает Гарольд Айзекс, эти изменения приводили к формированию новой народной культуры³¹⁸.

Мнение о том, что язычество – явление исключительно древнее, также не соответствует действительности, хотя хронологически оно действительно предвосхитило все другие религиозные системы, став для них формативной основой. Для сравнения, даже после долгого периода распространения христианства в Кавказской Албании, которая претендовала на апостольское происхождение (с IV в.), и распространения ислама (с VII в.) подавляющее большинство жителей Восточного и Северного Кавказа оставались язычниками.

Народные («языческие») пантеоны. Уровню союзов племен соответствуют, очевидно, пантеоны божеств. В них наблюдается отчетливая иерархия, в которой функции и предназначение каждого божества строго расписаны. Они складываются на начальном этапе объединения различных племен, у которых были свои божества. Из этих племенных божеств у каждого племенного союза и раннеполитического образования формировался свой пантеон. Именно по этой причине пантеоны божеств можно считать высшей формой развития язычества.

Верховное божество наделено несравненно большей силой и могуществом, как, например, Перун, который был предложен в этом качестве в ходе религиозной реформы князем Владимиром Красное Солнышко до официального принятия христианства. Появление иерархии языческих богов – явление, безусловно, историческое, так же как и их подчинение одному божеству. Однако принцип историзма требует более внимательного отношения к сложным причинно-следственным коррелятам этого явления.

³¹⁸ Isaacs, Harold R. Idols of the Tribe. P. 43.

Доминирующее положение в иерархии «языческих» божеств чаще всего занимали астральные божества, прежде всего божества Солнца и Луны. Как правило, они становились близкими помощниками верховного божества, а порой и сами играли эту роль. Это было связано с древнейшими формами сакрализации света, в которых солнце и луна выступают не просто как источники света, а как культовые объекты.

Один из древнейших храмов Луны был построен в шумерском городе Ур в XXI в. до н. э. Величественный зиккурат Этеменнигуру, сохранившийся до наших дней, посвящен богу Луны Нанна, или Сина, который в шумеро-аккадской мифологии выступает еще и как отец бога Солнца Уту³¹⁹. В древнегреческой мифологии Зевс (Юпитер) был верховным богом, Аполлон, сын Юпитера – богом Солнца, а Артемида – богиней Луны. Аполлон и Артемида заменили собой более древние образы Гелиоса (божества Солнца) и Селены (богини Луны), которые в представлениях древних греков были братом и сестрой. В иранской триаде вместе с верховным божеством Ахура Маздой выступают Митра (бог Солнца) и Анехита (богиня Луны).

Эту триаду под разными именами исследователи обнаруживают в разных частях периферии древнеиранского мира, в том числе и на Кавказе. Имена армянских богов Арамазда и Анаит переключаются с именами иранских божеств, в то время как в Западной Грузии зафиксированы греческие теонимы, в частности культ Селены³²⁰. Теистические представления о божествах Солнца и Луны как брата и сестры существовали и в Кавказской Албании.

Религия как целостная идеологическая система. Системные методы для изучения религии широко применяют представители различных научных школ и направлений: цивилизационных, марксистских, постмодернистских (в т. ч. постсекулярных), мир-системных и др. Часто под системными скрываются мир-системные подходы: в последние четверть века это было наиболее бурно развивающееся направление системного анализа. Клиффорд Гирц считает религию системой культуры³²¹. Крупные религии являются также важнейшими социальными институтами в своих обществах. С другой стороны, Гирц видит в религии также «систему символов», которая действует для установления мощных, повсеместных и долговременных настроений и мотивов в людях, формулируя концепции общего порядка существования и покрывая эти концепции такой аурой фактов, что настроения и мотивации кажутся однозначно реалистичными³²².

Опыт комплексного изучения религии с сочетанием онтологического и аналитического подходов содержится в системной теории религии Никласа Лумана. Преимуществом этой теории является использование им системно-коммуникативного подхода, который позволяет системным методам действовать без при-

³¹⁹ Вулли Леонард. Ур халдеев. М.: Изд-во вост. лит., 1961.

³²⁰ См.: Петросян А. Ю. Армянский эпос и мифология: Истоки. Миф и история. Ереван: НАН РА, 2002.

³²¹ Geertz, Clifford. Religion as a cultural system // The interpretation of cultures: selected essays. Fontana Press, 1993. P. 87–125.

³²² Ibid.

вязки к каким-либо большим мировоззренческим теориям³²³. Именно это обстоятельство заставляет нас относиться к системной теории религии Лумана как методологической основе, с учетом высказанных выше соображений, главное из которых – в центре любой системы социальных связей должна оставаться человеческая личность, поскольку речь идет о человеческой социальности.

С точки зрения социальных практик религия как идеологическая система имеет два аспекта своего практического выражения – идеальный, зафиксированный в форме предписаний и установок в Священном Писании и священной Традиции, и реальный, бытовой, реализуемый в повседневной жизни. Иначе говоря, всегда существует разница между письменно зафиксированной религиозной нормой и ее практическим выполнением. В своей специальной работе «Народная религия и христианство» Гегель как раз и противопоставляет практические формы наиболее распространенной монотеистической религии ее нормативным основам, иначе говоря, фундаменту. От слова «фундамент» как раз и происходит термин «фундаментализм», обозначающий обращение или возвращение к основам религии, ее корням. Историческая наука занимается обоими этими аспектами – как историей идей, так и историей религиозных практик.

4.4. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ МНОГОМЕРНОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

Многомерность человека находит свое отражение в различных формах его многослойной идентичности. Антропологический подход в соответствии с этимологией лат. *individuum* («неделимый») предлагает холистическое понимание единства индивида. Поэтому один из основателей «Школы Анналов» Марк Блок выступал против деления человека на *Homo religiosus*, *Homo economicus* (или *oeconomicus*) или *Homo politicus*, считая эти и подобные им манифестации различных идентичностей «призраками»: «они удобны, пока не становятся помехой»³²⁴. По его глубокому убеждению, история должна изучать человека «как существо из плоти и костей», в неразрывном единстве различных его социальных проявлений³²⁵. Как приверженцы традиций первых трех поколений «Школы Анналов», мы не можем не разделять этой позиции. Однако неоклассические модели научной рациональности используют все инструменты постклассической науки, по крайней мере те, которые работают. В защиту лумановской стратегии сущностного различения системно-сложных объектов можно привести ряд аргументов.

Аргумент первый: речь идет о разделении сложного единого целого на части в системном анализе в качестве исследовательских моделей, а не в реальности. Когда психотерапевт исследует нервную систему человека, или эндокринолог –

³²³ Luhmann, Niklas. A Systems Theory of Religion.

³²⁴ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. С. 83.

³²⁵ Там же.

эндокринную систему, они не отделяют их физически от тела, а концентрируют свое внимание на реально функционирующей по-своему целостной системе, мысленно абстрагируясь от всего, что не относится к предмету изучения. Мы не только не подвергаем сомнению единство и целостность человека, который находится в центре системно-коммуникационного анализа, но ставим своей задачей лучше познать эту целостность, глубже изучив ее части и их взаимодействие как друг с другом, так и с самой целостностью. Однако недостаточно того, чтобы понимать сложную целостность феномена человека, нас интересуют также социальные процессы, в которые он вовлечен, природа взаимных связей различных аспектов социальности, их взаимодействий и взаимовлияний в этих процессах.

Аргумент второй: целью умозрительного разделения «неделимого» индивидуума является последующая сборка (не пересборка!) всех его измерений, в ходе этих взаимосвязанных процессов раскрываются не только все аспекты личности, но и их внутренние связи, что, в свою очередь, добавляет понимание системной сложности человека. Личность как целостность и его множественная идентичность представляют собой гораздо более сложные сущности, чем сумма идентичностей, поскольку в системе личности они гармонизируются, образуя новые синкретические качества.

Аргумент третий: вопрос о многомерности человека невозможно изучать без учета его психологии. Человек – не только существо из плоти и костей, это существо думающее и чувствующее, сопереживающее и рефлексирующее, определяющее и учреждающее себя в своей собственной системе координат. В одной из своих психологических работ Парсонс показал важность различения более чем одного уровня идентификации (!) личности в продолжительном процессе ее социализации³²⁶. Фактически он подразумевал под этим различные измерения идентичности человека.

Аргумент четвертый: мы рассматриваем отдельно каждое измерение социальности и культуры и каждый фактор истории, формирующие человека, чтобы понимать всю многогранность, неповторимость и уникальность каждой личности. Через человека мы выходим на понимание Востока и неискаженное восприятие Востоком нас, а это главные функции коммуникации.

Другую крайность представляет постструктурализм, в котором весь социальный мир формируется дискурсом с помощью значений. Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф понимают субъект как «субъективную (подчиненную)» позицию в пределах дискурсивной структуры и поэтому фрагментируют его, разделяя на части. В качестве субъектных позиций понимаются социальные роли субъекта действия (на выборах субъект является избирателем, в библиотеке – читателем, дома – отцом или сыном, или одновременно и тем и другим).

Представитель Франкфуртской школы Г. Маркузе критиковал «одномерное общество» потребления как неототалитарную систему, порождающую «одномерное мышление»³²⁷, которому надо противопоставить «абсолютный отказ» от всего

³²⁶ Parsons, Talcott. Social Structure and the Development of Personality // Psychiatry. 1958. No. 4. P. 321–340.

³²⁷ Маркузе Г. М. Одномерный человек. С. 161.

того, что делает человека одномерным и отдаляет его от Природы, именно в этом он видел «катастрофу освобождения»³²⁸. Не оспаривая идею единства человека, социокультурный подход, который представлен в трудах Хабермаса, Парсонса и Лумана, исходит из **многомерности не только истории, но и человека**; по мнению Л. И. Лапина, этот подход выражен в теоретическом осмыслении социокультурных измерений жизнедеятельности человека³²⁹. Философский анализ онтологии многомерности человека подхватили и отечественные исследователи³³⁰.

Проблема идентичности не только чрезвычайно популярна, но и в значительной степени дискуссионна. Советские ученые предпочитали говорить о самосознании человека, однако идентичность не сводится только к самосознанию, обозначающему субъективное восприятие себя в этом мире. Наша концепция исходит из психосемантической парадигмы, что сознание человека также многомерно³³¹: оно по меньшей мере включает в себя системы элементов общественного, политического, этнического, религиозного сознания. Поэтому, развивая социокультурный подход, концепция более четко и предметно артикулирует именно социальные, порождающие культуру, измерения истории и человека, устанавливая внутренние связи между различными формами его идентичности³³².

Большинство современных исследователей сходятся на том, что идентичность (лат. *Identitas*) – это субъективное восприятие человеком всех форм выражения его «Я» («кто я есть») и социальных ролей, его собственное представление о принадлежности к тому или иному социальному (в широком значении) сообществу – от исконно родового, этнического до гражданского, политического. Как отмечал Марсель Гоше, общая идентичность и одинаковость (*sameness*) создают основу для объединения людей³³³. Поэтому идентичность может быть связана не только с этничностью и гражданством, но и с ландшафтом (горные и равнинные), религией, культурой, другими факторами³³⁴.

4.4.1. Социальные измерения человека

Многомерный подход объясняет разные идентичности человека как проекции различных измерений социальности на его личность, отражающие его принадлежность к соответствующим системам социальной организации. Они также

³²⁸ Там же. С. 295–323.

³²⁹ Лапин Н. И. Социокультурный подход и социентально-функциональные структуры. С. 4.

³³⁰ Юдин Б. Г. Многомерный образ человека. На пути к созданию единой науки о человеке. М.: Прогресс-Традиция, 2007; Лебедев С. А., Лазарев Ф. В. Многомерный человек. Онтология и методология исследования. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2010.

³³¹ Петренко В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2010.

³³² Зайцев И. В. Факторы политической идентичности // Вестник ВолГУ. Серия 7. Вып. 6. 2007. С. 104.

³³³ Gauchet, Marcel. The Disenchantment of the World: A Political History of Religion. P. 46.

³³⁴ См.: Kenneth, R. Olwig. Landscape, Monuments, and National Identity // Nations and Nationalism: A Global Historical Overview / ed. by Guntram H. Herb, David H. Kaplan. Santa Barbara, CA: ABC-CLIO, 2008. P. 59–60.

связаны с соответствующими типами коммуникации – общественной, политической, этнической, религиозной, культурной. Понятно, что это различные аспекты социального целого, но в случае с идентичностью социальное целое может быть непротиворечивым (гармоничным), противоречивым (что создает внутренний конфликт идентичностей) или смешанным. Поэтому в дополнение к списку идентичностей, против которых выступал Марк Блок, можно привести также и другие социальные измерения личности человека, зафиксированные в научной литературе: *Homo ethnicus*, *Homo ethicus*, *Homo aestheticus* и др.³³⁵ Норман Робертс описывает «информационного человека» (*Information Man*)³³⁶, а Дэвид Эллис сравнивает его с «экономическим человеком» (*Economic Man*)³³⁷.

В исследовании социальных аспектов истории помимо социокультурного подхода можно также опираться на классический социологизм, введенный Э. Дюркгеймом: как признанный метод исторического познания, он допускает изучение особенностей социального целого через особенности его различных ипостасей, а также его понимание именно в этом отдельно взятом контексте. Безусловно, в онтологическом смысле классические и неоклассические модели научного исследования во многом совпадают, поскольку они изучают только объективные по своей коммуникационной природе сущности, реальность которых подтверждается документально. Разделение единого целого на части, системы на составляющие его элементы является необходимым условием любого научного анализа, тем более системного, как раз это парадоксальным образом и связывает их в целостность³³⁸.

Социальные измерения личности реализуются индивидами или группами индивидов в процессе их коммуникативного взаимодействия с другими людьми, что и порождает феномен социальной организации. Они включают в себя социальную иерархию и отношения (господства и подчинения, сотрудничества и соперничества и т. д.), социальное положение (например, статус), социальные действия и многое другое, относящееся к проявлениям социальной природы человека. С точки зрения системного подхода история конкретного народа, общества или государства, древнего или современного, рассматривается как целостная совокупность этнической, духовной, политической, хозяйственной (социально-экономической), правовой историй этого народа, общества или государства. Такой подход решает одну важную проблему: что должны изучать востоковеды-историки – историю конкретного народа, страны, определенной территории или отдельных явлений культуры. Реконструкция полноценной картины прошлого требует учета всех аспектов социальности и социальной организации (структуры и функции) в историческом процессе.

³³⁵ Социальные измерения нельзя отождествлять с социальными ролями человека, которые описаны в акторно-сетевой теории Бруно Латура, см.: Латур Б. Пересборка социального. С. 68. Латур ссылается на Сартра, который показал, что социальная роль иногда может смешиваться с «подлинным Я», подробнее об этом см.: Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000.

³³⁶ Roberts, Norman. A Search for Information Man // Social Sciences Information Studies. 1982. No. 2. P. 97–98.

³³⁷ Ellis, David. Modeling the Information-Seeking Patterns of Academic Researchers: A Grounded Theory Approach // The Library Quarterly. 1993. Vol. 63. No. 4. P. 472.

³³⁸ Луман Н. Самоописания. С. 42.

Основой структуры социальной системы Т. Парсонс считал распределение типов ролей, которые с точки зрения теории личности «как бы локализованы в акторах»³³⁹. Парсонс выделяет систему ролей, статусов, внутри которой необходимо регулировать поток индивидов, но антропологический подход исходит из просопографического принципа первичности личности человека и вторичности систем, связанных с его коммуникативной деятельностью. Поэтому в системно-коммуникационном анализе аспектов истории каждый человек выступает со всей совокупностью своих социальных ролей (по Латуру³⁴⁰), но с выделением своей доминантной позиции / идентичности, благодаря которой он проявил себя в истории: царь, полководец, завоеватель – в политическом (или военно-политическом) аспекте истории (а также в системе политической культуры и в системе политической организации общества); ремесленник, торговец – в системе экономической организации общества, или системе экономической культуры; религиозный деятель или обычный верующий – в системе религиозной (духовной) культуры; поэт, писатель, музыкант, скульптор, художник – в специфических системах культуры (художественной, музыкальной, эстетической и др.) и т. д. Точно так же и общество можно разделить на особые модусы, по аналогии с методом Г. Шелдона, который выделял среди прочих «политическое сообщество» (*political society*)³⁴¹, добавим – этническое сообщество, религиозное сообщество.

Чтобы подчеркнуть религиозный статус духовного лица, историк может выделить его как *Homo religious*, так же как академического ученого, вслед за П. Бурдьё, – как *Homo academicus*. Здесь имеется в виду, что это доминантная форма социальной, в данном случае профессиональной, идентичности человека. Безусловно, подобные определения являются неполными, соответственно не совсем корректными, характеристиками личности человека, которые ведут к игнорированию других форм его идентичности. Тем более, идентичности человека чрезвычайно подвижны и изменчивы, в разных жизненных ситуациях актуализируется та или иная идентичность. Это скорее различные сферы его мировосприятия и восприятия своих социальных ролей и статусов в этом мире, а также восприятия его самого со стороны окружающего мира. В реальности абсолютно «чистых» форм социальных ролей не существует, как и «чистых» форм коммуникации.

Мы объясняем различные идентичности человека как проекции различных измерений социального целого на его личность, выражающие его принадлежность к соответствующим системам социальной организации – общественной, экономической, политической, этнической, религиозной, правовой, этической и т. д. Поэтому при постановке эмпирической проблемы учитывается не только аскрипция по родству, но и все формы локализации индивида – и «локализация по эксплицитному решению других членов, что обычно называют системой назначения», и «распределение как результат неуправляемого селективного процесса», когда

³³⁹ Парсонс Т. О социальных системах. С. 201.

³⁴⁰ Латур Б. Пересборка социального. С. 68.

³⁴¹ Sheldon, Garrett W. The History of Political Theory: Ancient Greece to Modern America. N.Y. – San Francisco – Bern – Baltimore – Frankfurt/M – Berlin – Wien – Paris: Peter Lang, 1993. P. 2–4, 18–19.

«повезло»³⁴². Признавая многообразие социальных ролей, статусов и связанных с ними идентичностей, можно рассматривать их строго в системе социальных измерений истории и даже всей социокультурной системы.

Homo oeconomicus – обозначение предпринимателя, посвятившего свою жизнь экономике, стремящегося к обогащению, а также умеющего быстро решать сложные экономические задачи. При этом вполне понятно, что «неэкономических» людей не бывает – так или иначе каждый человек вынужден в той или иной степени обеспечивать экономические основы своего существования. Под названием *Homo oeconomicus* существует социальная теория, а также известный журнал, который издается в Мюнхене и публикует материалы по экономической проблематике. В отдельных западных публикациях «экономический человек» фигурирует вместе с его религиозной принадлежностью: *Homo oeconomicus islamicus*³⁴³.

Homo politicus обозначает политическую ипостась индивида. Политическим животным человека впервые назвал Аристотель, имея в виду, что естественной средой человека является полис³⁴⁴. С. Липсет посвятил политическому человеку специальное исследование, созданное на стыке социологии и политологии³⁴⁵. Г. В. Пушкарева видит место и роль *Homo politicus* исключительно в конструировании политической реальности, обращаясь к таким ее свойствам, как интересу-б-ективность и символичность. По мнению исследователя, «*Homo politicus* – тот, кто участвует в создании мира политики как сложной системы отношений и взаимодействий, определяющей облик власти в каждом конкретном обществе. И это не только представители правящей элиты и активные оппоненты власти, но то самое множество индивидов, из субъективных представлений которых складывается общая картина политической культуры общества, из действий которых формируется сложная сеть политических отношений, институциональных практик, пространство политических процессов»³⁴⁶.

Рассматривая коммуникативные механизмы воспроизводства и развития политической реальности, в коммуникации можно видеть не только процесс рождения *Homo politicus*, но и способ существования самой этой реальности³⁴⁷. Это наблюдение можно распространить на все измерения социальной реальности, в том числе этической: *Homo ethicus* описывается как рациональное, ответственное социальное существо, способное нести в себе социальную гармонию. Он движим нравственным императивом, который постоянно ставит его перед выбором – что позволительно с точки зрения морали, а что нет³⁴⁸.

³⁴² Парсонс Т. О социальных системах. С. 201–202.

³⁴³ Hans, Josef. *Homo Oeconomicus Islamicus: Wirtschaftswandel und sozialer Aufbruch im Islam*. Klagensfurt: J. Leon sen, 1952.

³⁴⁴ Аристотель. Политика.

³⁴⁵ Lipset, Seymour M. *Political Man. The Social Bases of Politics*. N.Y.: Doubleday, 1960. P. 249.

³⁴⁶ Пушкарева Г. В. *Homo politicus: политическая реальность и политический дискурс* // *Общественные науки и современность*. 2013. № 5. С. 91.

³⁴⁷ Там же. С. 100.

³⁴⁸ Подробнее об этом см.: *Paolicchi, Piero. Homo ethicus: introduzione alla psicologia della morale*. Pisa: ETS, 1987.

В западной литературе модус «этнического человека» (*Homo ethnicus*) проявляет себя главным образом в описаниях, в которых фигурирует этническая идентичность человека, подчеркивается его этническое происхождение. В этом смысле, например, обобщенное обозначение «греческих по этническому происхождению мужчин» (*Greek ethnic men*) может выступать синонимом для греко-американских мужчин (*Greek American men*), если этничность используется для выделения национальных меньшинств³⁴⁹.

В изучении как «этнического», так и «племенного человека» (*Tribal man*) в литературе нередко встречаются некорректные отождествления, которые можно обнаружить только в системной многомерной парадигме. Так, говоря об «этническом человеке», Р. Смит сопоставил успешное использование мобилизационного ресурса этничности «англосаксонским американцем» Робертом Кеннеди и «афроамериканцем» Бараком Обамой³⁵⁰. Однако во втором случае в категорию этничности неправомерно включены общности или социальные группы, образующиеся по расовому признаку. Это особенно заметно, когда исследователь начинает говорить об «этнической черной политике» (*Ethnic black politics*), позиционируя Барака Обаму в этнической плоскости, хотя в его случае использовалась преимущественно расовая мобилизация³⁵¹.

4.4.2. Многомерность социальной идентичности человека

Почему из всего многообразия проявлений социальности и соответственно социальных измерений истории были отобраны только четыре: **общественное, политическое, этническое и религиозное**? Не ведет ли выбор указанных четырех измерений к неравноправию проявлений социальности в прошлом, игнорированию экономического, культурного, идеологического, правового, этического, эстетического и других измерений истории? Тем более, что Г. Маркузе, говоря об одномерном человеке и сетуя на наступление эпохи потребления, подразумевал прежде всего именно экономическое измерение человека.

Это связано с тем, что с учетом включения экономического измерения в состав общественного (через категории общественного статуса и социального положения) указанные измерения истории самым убедительным и непосредственным образом отражают сущность биосоциальной природы человека в социокультурной системе и в наибольшей степени определяют многоступенчатую и динамически иерархичную **идентичность человека**. Вопросы самосознания человека, относящиеся к психологии и социальной философии, естественным образом выпадают из поля зрения историков, хотя они всегда играли важную роль в исторических процессах.

³⁴⁹ Demos, Vasilikie; Segal, Marcia T. *Ethnic Women: A Multiple Status Reality*. N.Y.: General Hall, Inc., 1994. P. 90.

³⁵⁰ Smith, Robert C. John F. Kennedy, Barack Obama, and the Politics of Ethnic Incorporation and Avoidance. Albany. N.Y.: State Univ. of N.Y., 2013. P. 103–118.

³⁵¹ Ibid. P. 59.

В специальном исследовании М. Н. Губогло, посвященном идентификации идентичности, рассмотрены процессы формирования различных типов идентичностей человека: этнической, конфессиональной, гендерной, региональной, политической, профессиональной, имущественной и др.³⁵² Эти идентичности разного системного уровня: региональная (по месту рождения), имущественная (по социальному положению), профессиональная и гендерная (биологическая, но имеющая социальное измерение) идентичности в нашей классификации, согласованной с теорией Лумана, относятся к системе общества. Конфессиональная идентичность является частью религиозной, которая гораздо шире и в философском смысле характеризует всех людей, а не только верующих.

Специально отобранные в качестве наиболее важных четыре социальных измерения истории являются основными и в структуре идентичности человека, его самосознания, восприятия себя в этом мире. **Общественная идентичность** комплексна, как и система общества, многоступенчата, иерархически подвижна, она связана с осознанием своей принадлежности к конкретному социальному кругу, социальной (в том числе профессиональной) группе, прослойке, территории, всему обществу. Свою **политическую идентичность** человек определяет через отношение к власти, политике, политическим процессам и идеалам. Это самая подвижная форма идентичности, особенно на этапах общественной трансформации традиционных обществ, порождающих ситуации разрывов общего гражданского поля. **Этническая идентичность** связана с осознанием своей принадлежности к конкретному народу и его культуре. Обычно она формируется этнической средой с момента рождения, если, конечно, человек воспитывался в этой среде. А если нет, то в иноэтнической среде возникают смешанные формы этнической идентичности. **Религиозная идентичность** связана не только с верой в Бога, но и с отношением к идее Бога, не только с религиозным мировоззрением, но и с отношением к нему, сложившимися связями с религиозными институтами, осознанием своей сопричастности к определенной религиозной традиции. Как правило, ее актуальность динамично меняется, усиливаясь при определенных жизненных условиях, описанных, в частности, Альбером Камю, а также по мере приближения к старости.

Когда социальные измерения идентичности выражены опосредованно, с дополнительной переменной, выражающей биологические особенности человека, то получают новые идентификационные сущности, у которых на первое место выходит эта дополнительная переменная. Например, у гендерной идентичности, которая, как мы теперь хорошо знаем, не всегда зависит от половой принадлежности, есть свои социальные измерения – культурное (быть «настоящим» мужчиной), экономическое (быть «хорошей хозяйкой»), политическое («послушный мальчик»), как и у возрастной идентичности (дружелюбный старик, беспокойный младенец и др.).

Каждую из форм идентичности можно рассматривать и в рамках других измерений. Например, С. В. Рыжова рассматривает **этническую идентичность**

³⁵² Губогло М. Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003.

в общественном измерении³⁵³. У этнической идентичности может быть и религиозное измерение (ср. «этнический православный» или «этнический мусульманин»), и культурное измерение, выражаемое в кулинарных предпочтениях (аварский хинкал, армянский лаваш, осетинские пироги) или непосредственно в явлениях культуры, например, в танцах («акушинка», «грузинская лезгинка», полька, украинский гопак, русская кадрили). Точно так же есть свои внутренние измерения у политической или религиозной идентичности.

Измерения истории находят свое отражение не только в идентичностях, определенных персональной историей человека, но и в исторической памяти – чрезвычайно сложном и комплексном явлении. В системно-коммуникационном анализе, различающем разные типы коммуникаций, она расщепляется на элементы, укладываемые в измерения истории. Историческая память может актуализировать утерянные формы групповой идентичности. Например, среди данных всероссийской переписи появились кривичи, липчане, зафиксированы смешанные этнические идентичности (англо-итальянцы, турко-грузины и др.), некоторые российские граждане европейского происхождения предпочли вернуться к региональным (территориальным) формам идентичности – бретонцы, корсиканцы, лангедокцы, нормандцы вместо французов, лангобарды, сицилийцы, сардинцы, флорентийцы вместо итальянцев и др.

Чувство принадлежности к своей семье, народу, обществу, стране, цивилизации, профессиональному или религиозному сообществу накладывает на человека определенные обязательства соответствовать требованиям и ожиданиям, выдвигаемым этими разными по типу общностями по отношению к «Своим». Важнейшими из этих требований являются знание языка, обычаев, традиций, истории, культуры, религии, а также «правильное поведение», т. е. соблюдение обычаев, традиций, предписаний культуры, частью которой является и религия. Как раз в этом и заключаются исторические основания групповых идентичностей. Переход от преимущественной Я-идентичности к Мы-идентичности, когда индивидуальное самосознание подчиняется коллективному, обстоятельно описан в литературе (Н. Бердяев, Э. Мунье, Н. Элиас и др.).

Общественная идентичность

Общественная идентичность выражает принадлежность человека к народу-демосу, стране, а не государству, а также различным социальным структурам, создающим свою собственную узкую идентичность. Поэтому эта форма идентичности самая сложная и многосоставная: невозможно быть представителем только одной социальной группы или даже общества, человек неизбежно входит в различные общественные группы и ассоциации, которые по принципу матрешки встроены друг в друга, связаны друг с другом перекрестными коммуникативными отношениями. Например, в круг друзей, соседей, свой коммуникативный мир (здесь можно упрощенно понимать как круг общения), профессиональное сообщество,

³⁵³ Рыжова С. В. Этническая идентичность в общественном измерении // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 3. С. 165–181.

различные общественные институты и организации. Живя в городе или селе, т. е. будучи частью городской или сельской общины, человек не может находиться вне своего «малого общества» – улицы, села, города, «среднего общества» – «земли», территории, области (особенно в условиях культурно-сложных обществ федеративного типа) и «большого общества» (по ал-Фараби). Иерархия внутри общественной идентичности выстраивается, как правило, в зависимости от актуальных общественных приоритетов, которые периодически могут меняться.

Для более глубокого изучения вопроса об измерениях идентичности человека нам не обойтись без **теории социальной идентичности** (*Social Identity Theory*) Анри Тайфеля и Джона Тернера, которая, будучи противопоставлена **теории идентичности**³⁵⁴, является ключевой для данного раздела книги. Теория появилась на рубеже 70–80-х гг. XX в. Исследователи впервые предприняли попытку теоретически осмыслить процесс самоопределения человека в социальной среде, распознавания им «Своих» на основании сходства и далее – установления связей со Своими и совместных с ними действий. Формирование чувства принадлежности к сообществу связано с феноменом социализации, который, в свою очередь, выступает в качестве феномена социальной самоорганизации. И то, и другое представляет собой узкий общественный аспект идентичности, поэтому рассмотрим эти проблемы в данном разделе, хотя действие теории шире.

Теория социальной идентичности основана на трех принципах, которые, будучи отражением когнитивных процессов, могут быть применимы не только к социетальным (т. е. в строгом смысле общественным), но и к политическим, этническим и религиозным сообществам, хотя сами Тайфель и Тернер их отдельно не рассматривали.

1. Принцип социальной категоризации. Каждый человек пытается найти органичную для себя социальную среду, комфортную для взаимодействия, стать частью группы людей с похожими интересами, вкусами, предпочтениями, взглядами, профессиональными занятиями или увлечениями, чтобы чувствовать себя «в своем кругу», «в своей тарелке», «среди своих». Определяя свое место в обществе, человек невольно делит членов общества и даже отдельные социальные группы на категории, статусы, роли, давая им характеристики и оценки (хорошие, плохие). В процессе этой категоризации формируется и самооценка человека. Мы настаиваем на том, что различение социальных групп по основным признакам – общественным, политическим, этническим и религиозным – уже является начальной формой категоризации.
2. Принцип социальной идентификации. Процесс определения своего места в социальной структуре и иерархии включает в себя размежевание «Своих» и «Других», причем противопоставление «Мы» и «Они» не имеет определенных рамок, оно может продуцироваться затем и среди «Своих», выделяя из них «близких» и «самых близких» из «Своих». Очевидно, это

³⁵⁴ Stets, Jan E.; Burke, Peter J. Identity Theory and Social Identity Theory // *Social Psychology Quarterly*. 2000. Vol. 63. No. 3. P. 224–237.

базовый человеческий инстинкт, который помогает нам редуцировать системно-сложную социокультурную реальность до очевидной простоты, естественно, с огромными потерями точности. Этот инстинкт заставляет коммуникативные системы очерчивать свои границы, делиться, порождая новые системы. Люди даже маркируют выделяемые ментально социальные группы «Других» соответствующими собирательными именами: «они либералы», «они коммунисты», или «они узбеки», «они кавказцы», или «они мусульмане», «они кришнаиты» и т. д.

3. Принцип социального сравнения. Разделив людей на «Своих» и «Других», необязательно «Чужих», человек начинает сравнивать их друг с другом и, защищая свои интересы, отстаивать интересы своей группы. Потому что «мы за наших» и «наших бьют!». Отсюда – коммуникативные действия поддержки «Своих» и дискриминации «Других». Сходство приносит чувство принадлежности, создает прочную коммуникативную связь и помогает людям лучше вписаться в свои сообщества.

Групповая идентичность, которую А. Тайфель и Дж. Тернер называют социальной, противопоставляется индивидуальной. Такое противопоставление является достаточно распространенным, однако в нашей системе координат социальными являются все измерения истории и формы идентичности, включая индивидуальную, точнее сначала социальными, а затем и социокультурными. В «новом историзме» все формы идентичности являются индивидуальными, групповые идентичности формируются культурой на основе консолидации, упорядочения и закрепления в нормах и ориентирах определенных ценностей, имеющих общую социальную (общественную, политическую, этническую или религиозную) значимость.

Политическая идентичность

У подавляющей части советских людей, если верить официальной версии истории КПСС, была одна политическая идентичность – коммунистическая. На ее основе строилась новая историческая, социальная, интернациональная и гражданская общность – советский народ. Все, кто не разделял коммунистические идеалы, объявлялись вне закона. Тоталитарные политические системы через общую политическую идентичность добиваются большей консолидации общества, но это консолидация поверхностная, формальная. В демократических странах политическую идентичность человека формируют политические партии и движения, выражающие интересы различных политических сил, политическая пропаганда, программы и выступления, особенно в периоды предвыборных кампаний. Впрочем, факторы, формирующие политическую идентичность, хорошо известны. На материале Ближнего Востока влияние политики на формирование политических идентичностей показала И. Д. Звягельская³⁵⁵.

Рассматривая в политической плоскости политическую нацию, национальное государство и гражданскую идентичность, И. С. Семененко сопоставляет граж-

³⁵⁵ Звягельская И. Д. Ближний Восток: политика и идентичность. М.: Аспект-Пресс, 2020.

данскую идентичность с политической³⁵⁶. Вопреки расхожему мнению, гражданская идентичность действительно имеет отношение не только к государству, формально выдающему гражданство, но прежде всего к обществу, стране, поэтому оно так и называется: гражданство страны. Не случайно на разных языках у него общий корень с городом (град), ср. *citizenship*. То же самое касается национальности: во всех европейских культурах это эквивалент гражданства, а *Natio* является древнеримским богом рождения.

И. В. Зайцев выделяет четыре индивидуальных типа политической идентичности:

- 1) «идентичность включенного типа», которая характеризуется активной гражданской позицией, политическим активизмом;
- 2) «идентичность отчужденного типа», когда человек «далек от политики», не отождествляет себя с ней, считая политику уделом профессиональных политиков;
- 3) «идентичность конформистского типа» понимает политику как борьбу за власть, в которую включены все граждане, у которых есть конституционное право «выбирать и быть избранными»;
- 4) «идентичность идеалистического типа» определяет политику как особый вид профессиональной деятельности, «при желании доступный любому гражданину»³⁵⁷.

Помимо индивидуальных, выделяются также и групповые формы политической идентичности, которые, однако, также существуют в сознании конкретных людей. Групповой уровень идентичности формируется культурой, это коллективное творчество, а индивидуальный – личными убеждениями.

Необходимо также различать понятия «этническая политика», «религиозная политика» и др., связанные с государствами, с одной стороны, с политикой государства, этноса (в лице этнической элиты), религии (в лице религиозных иерархов) – с другой. Мы уже говорили, что каждая из социальных измерений представляет «свой» народ, который также можно называть нацией, поскольку с точки зрения универсальных языковых эквивалентов это синонимы. Есть политическая нация, этническая нация (этнонация), религиозная нация (умма). Политика идентичности в каждом из социальных измерений реализуется через свои специфические формы национализмов – собственно политический, экономический (является разновидностью общественного), этнический, религиозный, культурный.

Этническая идентичность

Homo ethnicus видит мир немного не так, как все остальные, у него особо обостренное восприятие этничности, через оптику которой он смотрит на весь мир, который является для него внешним по отношению к этносу. Любая попытка смены этнической картины мира на любую другую вызывает у него неприятие и оттор-

³⁵⁶ См.: Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / отв. ред. И. С. Семененко. М.: РОССПЭН, 2012. С. 41–71.

³⁵⁷ Зайцев И. В. Факторы политической идентичности. С. 105–106.

жение, поскольку воспринимается как угроза. Мир *Homo ethnicus* состоит из совокупностей этнических систем, родственных и враждебных, находящихся в сложном взаимодействии друг с другом, локализованных на территориях различных стран, но связанных со своими диаспорами за пределами «этнических территорий». Это свой мир, противостоящий всему чужому. Параллельно *Homo ethnicus* удерживает в своей голове мифологическую картину об исторической прародине или «этнических территориях», которые были гораздо обширнее нынешних, признанных или непризнанных, захваченных этническими врагами. И, конечно, успехи каждого соплеменника рассматриваются как собственные, а неудачи и противоречащее этническим обычаям и традициям поведение – как общий позор.

Этническая идентичность является приоритетной в тех обществах, которые основаны на этническом размежевании «Свой»–«Чужой». Пол Спилькар показал это на примере своего случайного разговора со стариком на базаре в небольшом оазисном городке Турпан, расположенном в пустыне Такла Макан у самых западных границ Китая. Старик знал только уйгурский язык и очень немного китайский.

- Так вы японец? – спросил он Спилькара.
- Нет, американец, – ответил исследователь.
- А что это такое? – был ответ.

И далее Спилькар объясняет, что старик уйгур знал только о существовании трех видов людей: 1) собственно людей, или народа («своих»), а это были уйгуры, со множеством племен и линий родства; 2) китайцев («чужих»), к которым он относился неприязненно, поскольку они заняли его страну, и 3) японцев, которые представляли в этих краях собирательный образ всех остальных людей на земле. Если человек не был ни уйгуром, ни китайцем, он автоматически воспринимался как японец³⁵⁸. Вывод Спилькара заключается в том, что в тот день в глазах старика-уйгура и на языке «расовой системы» Турпана он действительно был японцем.

Этот рассказ напомнил мне о собственном опыте такого же случайного разговора с пожилым марокканцем на центральном базаре Мараккеша в 2013 г. На традиционный вопрос «Откуда ты родом?» я, естественно, ответил, что из России. Торговец покачал головой и возразил, что на «русского ты не похож, они голубоглазые и светловолосые», – этнический стереотип, имеющий под собой, тем не менее, реальные основания. Мой шуточный ответ, что в действительности я японец, вызвал его веселый смех, потому что образ японца в его глазах проецировался на меня еще меньше. Пришлось использовать попперовскую методику постепенного приближения к истине: Россия крупнейшая страна мира, в ней вместе с русскими проживают и представители многих других народов, я представляю один из них. Поскольку о дагестанцах и тем более о лезгинах он ничего не слышал, даже о чеченцах (северо-западные соседи дагестанцев), грузинах (западные соседи) и азербайджанцах (южные соседи), я стал для него армянином.

В странах с этнически разнородным населением, как, например, Марокко, где различия между берберами и арабами принципиально важны, для человека определяющим остается его узкое этническое и даже родовое происхождение,

³⁵⁸ Spickard, Paul R. Thinking Comparatively about Ethnic Systems // Race and Nation: Ethnic Systems in the Modern World / ed. by Paul R. Spickard. N.Y. – L.: Routledge, 2005. P. 1.

а не широкое гражданское, стирающее этнические различия. На гаэльском (шотландско-кельтском) языке, отколовшемся от ирландского и распространенном в северной (горной) части Шотландии и на Гебридских островах, не существует вопроса «Откуда вы?», есть только вопрос «Чей вы?», указывающий на родовое происхождение³⁵⁹. Это обычный вопрос в горах Дагестана, ср. табас. *Увуз шлин баж я?* «Чьим сыном ты будешь?».

И наоборот, там, где этническая идентичность размыта и представляется личным делом гражданина, как и его религиозные воззрения (например, в Западной Европе), важнее гражданская, а не этническая принадлежность. В этом вопросе существует еще и расовое, неоднозначное в отечественной науке измерение: отсылка к кавказскому происхождению в США вызывает именно расовые, а отнюдь не этнические или территориальные ассоциации: кавказской называется индоевропейская в отечественной классификации раса, вероятно, из-за библейской истории о Всемирном потопе и ковчеге, из которого у гор Араратских вышел Ной и стал родоначальником народов (Быт. 7–9).

Во многих научных школах этнические системы рассматриваются в контексте более широкой категории расы, хотя в российской и отчасти европейской гуманитарной науке понятие расы не может избавиться от ассоциаций с печально известной расовой теорией. В отечественной этнологии понятие расы также отвергается – по объективной причине антропологического многообразия человека, которое невозможно свести к расовым признакам. Вместо расовых предлагается различать внешние фенотипические проявления у представителей различных народов, связанные с их формированием в определенных географических условиях³⁶⁰. На примере изучения басков и каталонцев в Испании был сделан вывод о том, что этничность похожа на расу³⁶¹. В этом выводе этничность некорректно отождествляется с этническим национализмом, свойственным не этносу, а этнонации.

В качестве элементов системы этничности могут выступать различные признаки этничности. В центре этой системы необязательно стоит *Homo ethnicus*, но каждый *Его*, даже если его этничность предельно размыта множественными актами межнациональных и межрасовых браков его предков, как это нередко бывает в крупных городских агломерациях. Если у человека полностью отсутствует этничность как одна из форм идентичности, в любом случае это одна из форм постэтничности, которой еще не придумали более точного определения³⁶². Однако постэтничность – это не обязательно полное отсутствие этнической идентично-

³⁵⁹ The Illustrated Gaelic-English Dictionary / ed. by Edward Dwelly. 5th ed. Glasgow: A. MacLaren & sons, 1949.

³⁶⁰ См.: Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Антропология: учебное пособие. 3-е изд. М.: Высшая школа, 1978. С. 341.

³⁶¹ *Conversi, Daniele*. The Basques, the Catalans and Spain: Alternative Routes to Nationalist Mobilization. Reno & Las Vegas: Univ. of Nevada Press, 2000. P. 134.

³⁶² Одно определение все же есть – «цифровые номады». Так называют людей, работающих дистанционно, легко перемещающихся по миру, владеющих несколькими языками, пребывающих в основном в системе цифровых коммуникаций, устанавливающих социальные связи исключительно по принципу сетевых симпатий и предпочтений.

сти: существуют сложные формы мультиэтнической идентичности, которые появляются в результате межэтнических браков и смешения кровей на протяжении поколений, когда человек не может однозначно определиться с приоритетами.

Религиозная идентичность

Вопреки ожиданиям нашего читателя, религиозная идентичность не обязательно требует глубокой веры в Бога, хотя с годами, по мере накопления экзистенциального опыта, она имеет свойство усиливаться именно в этом направлении. Можно вообще не быть религиозным, но определять себя через групповую идентичность – религиозную или культурную. Оба измерения культуры в данном случае – узкое (религиозная культура) и широкое (светская культура) – связаны с религией через историю.

В коммуникации важна не только собственная идентичность, но и то, как тебя идентифицируют другие, поскольку это тоже влияет на то, как человек себя воспринимает и определяет и какой набор символов используется им самим и другими по отношению к нему. Человека идентифицируют используемые им в коммуникации образы и символы культуры, которые он считает своими. Внешними идентификаторами личности также выступает персональная информация, «фреймирующая» человека определенным образом: фамилия, имя, отчество, если они имеют религиозное происхождение, актуальные праздники, традиции семьи, социальное поведение, принадлежность к языковой и/или этнической группе, исповедующей ту или иную религию. Отсюда – различие практикующих верующих и «этнических» христиан, мусульман, буддистов, представителей других религий.

Религиозная идентичность может быть представлена и в разных системных измерениях:

- 1) **во внешнем, публичном измерении**, определяемом в пределах **определенной религии**, а также за ее пределами, как принадлежность к социальной группе, определяющей свое отношение к Богу иным, нерелигиозным способом (через атеизм, агностицизм или приверженность недогматическим формам религиозности и т. д.);
- 2) **во внутреннем, индивидуальном измерении**, определяемом **личной верой**. В структуре индивидуальной веры центральную часть занимает область уверенного (несомненного) знания, основанного на вере, а периферию – бессознательные образы и представления, связанные со сложными духовными поисками не столько истины, сколько своего места в реальном мире, своей особой системы координат. И чем более человек религиозен, тем больше у него область уверенного знания, признающего им самим достоверным, и тем меньше область сомнений и суеверий.

Согласно Джеймсу Фрэзеру, триада «суеверия – вера – отрицание веры (атеизм)» выступала в качестве сущностей, которые господствовали на трех этапах истории: магической, теологической и научной (см. ниже)³⁶³. Отрицая веру, атеисты

³⁶³ Фрэзер Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / пер. с англ. М. К. Рыклина. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. С. 56.

зачастую подсознательно признают суеверия, приметы, заклинания (в т. ч. клятвы и ругательства как актуальная форма заклинаний) – реликты первобытных верований, уходящие в глубокую древность. Иначе говоря, атеизм – это вера, основанная на установленных наукой фактах, которые кажутся незыблемыми, в противовес вере, основанной на глубоком внутреннем убеждении о существовании Бога.

Научная стадия человечества вопреки классификации Фрэзера не стала веком всеобщего отрицания веры. Не подтвердились и прогнозы Огюста Конта, писавшего о религии как изживающей себя и больше не нужной в современных обществах идеологической системе, которая должна уступить место научному знанию³⁶⁴. Традиционалистской вере, основанной на неукоснительном следовании авторитетам, в парадигме религиозного знания успешно оппонирует вера рационалистическая, опирающаяся на разум. Религия никогда не уйдет из жизни человека, так же как и суеверия, поскольку они тесно связаны с феноменом религиозности и выполняют важные социальные функции. Вера человека исключительно индивидуальна, многообразна, синкретична и способна трансформироваться в соответствии с меняющейся картиной мира.

В отличие от религии – публичного социального института, закономерно возникавшего у каждого народа на определенном этапе его развития, вера представляет собой индивидуальное явление, связанное с феноменом религиозности человека. Это такой же социальный феномен, как и феномен человеческой взаимозависимости. Сказанное подразумевает, что вера человека гораздо древнее религии: не случайно именно от этого слова происходит верование как система взглядов и представлений. Однако верование, как и религия, также является публичной манифестацией веры. Оно возникает только тогда, когда первобытным людям понадобилось зафиксировать в устной культуре основные положения коллективной веры общины.

Таким образом, метрика многомерности позволяет разглядеть в феномене веры совершенно различные в содержательном отношении системы взглядов и представлений – от первобытных до монотеистических, пантеистических, атеистических вплоть до современного религиозного сциентизма. Верование – это некоторая совокупность взглядов и представлений, выраженных в общих нормативных принципах коллективной веры. Если эти взгляды допускают существование магических сил, сглаза, порчи, то такую веру называют суеверием, если они опираются на достижения науки, но включают в себя недоказательные положения, то говорят о философской вере.

Понятие **философской веры** в качестве официального термина (*der philosophische Glaube*) впервые ввел в научный оборот Карл Ясперс в своем специальном исследовании. Он назвал философскую веру эквивалентом **веры в коммуникацию**: «Ибо здесь имеют силу два положения: истина есть то, что нас соединяет, и в коммуникации заключены истоки истины. Человек находит в мире другого человека как единственную действительность, с которой он может объединиться в понимании и доверии. На всех ступенях объединения людей попутчики по судьбе, любя, нахо-

³⁶⁴ См. об этом подробнее: Гараджа В. И. Социология религии. С. 17–18.

дят путь к истине, который теряется в изоляции, в упрямстве и в своеволии, в замкнутом одиночестве»³⁶⁵. И далее: «Человек как предмет исследования и человек как свобода познаются нами из радикально отличающихся друг от друга источников. Первый становится содержанием знания, второй основной чертой нашей веры. Но если делается попытка превратить свободу, в свою очередь, в содержание знания и предмет исследования, то сразу же возникает особая форма суеверия»³⁶⁶.

Противопоставление разума (сознания) и души привело исследователей к разделению веры на две категории: неформальную и формальную. **Неформальная вера** была изначальной и часто бессознательной. Как отмечал Карл Юнг, очень многие из этих бессознательных процессов «возникают из косвенных побуждений сознания, но никогда из сознательного произвола; другие из этих процессов возникают спонтанно, то есть без узнаваемых и указующих на сознание причин»³⁶⁷. Понятно, что первобытная вера была как раз неформальной.

Формальная вера появляется в ходе эволюции религии как социального института. Согласно Юнгу, основная функция формализованной религии состоит в том, чтобы защищать людей от непосредственного переживания Бога: «Современному человеку религии больше не являются изнутри, как исходящее от души. Они стали для него принадлежностью внешнего мира. Надмировой дух не охватывает его своим внутренним откровением. Он пытается выбирать религии и убеждения, словно примеряя воскресный наряд, чтобы в конце концов снова сбросить их как поношенную одежду»³⁶⁸.

В интерпретации Юнга формальная вера связана с феноменом религиозности весьма условно: она скорее имеет отношение к религиозной идеологии или традиции культуры. Другое дело, что в чистом виде неформальная вера и формальная вера встречаются чрезвычайно редко – в действительности они образуют симбиоз, с различным удельным весом составляющих его компонентов.

М. М. Мчедлова совершенно справедливо различает религиозную и конфессиональную идентичность³⁶⁹. Это открывает перед нами новые актуальные измерения идентичности, учитывающие различия между религией и конфессией: в повседневности католическая, протестантская или православная идентичности актуальнее общехристианской, которая актуализируется только на межрелигиозном уровне коммуникации.

Многомерность **конфессиональной идентичности**, которую в системной классификации можно считать важнейшей формой религиозной, выражает иерархия уровней принадлежности к конкретным религиозным группам, входящим друг в друга, которые становятся доминантными при актуализации своего уровня рели-

³⁶⁵ Ясперс К. Смысл и назначение истории. С. 442.

³⁶⁶ Там же. С. 451.

³⁶⁷ Юнг К.-Г. Проблемы души нашего времени / пер. с нем. А. Боковинова. М.: Академ. проект, 2007. С. 326.

³⁶⁸ Там же. С. 326.

³⁶⁹ Мчедлова М. М. Религиозная и конфессиональная идентичность в контексте политических изменений современности // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / отв. ред. И. С. Семененко. М.: РОССПЭН, 2012. С. 132–154.

гиозной консолидации. Например, в мусульманской идентичности такая иерархия может выглядеть следующим образом: суннит – суннит ханафитского мазхаба – суфий – суфий накшбандийского тариката – последователь вирда накшбандийского шайха Саида-Афанди.

4.4.3. Внутренние механизмы и подвижные приоритеты множественной идентичности

Изучение внутренних механизмов множественной идентичности человека как ключевого элемента субъективной реальности требует философского и психологического осмысления внутреннего мира индивидов, но это задача философии и психологии. Самосознание человека неосознано и в полной мере недоступно для внешнего наблюдения, оно трудно поддается анализу из-за своей субъективности и нечетких границ, которые преодолеваются через групповые формы идентичности, где эти границы нормативно обозначены. П. Бергер и Т. Лукман предупреждали об обманчивости понятия «коллективной идентичности» и, чтобы не прибегать к «уникальности индивидуальной экзистенции как некоему *sub specie aeternitatis*», предложили диалектику³⁷⁰.

Мы решаем этот вопрос несколько по-другому: интерактивный метод включенного наблюдения, в отличие от обычного анкетирования, решает проблему субъективности через транссубъектность (см. ниже). В многомерной информационной модели групповые формы идентичности будут формироваться на основе визуализации индивидуальных форм идентичности, в том порядке, в каком их представляют сами представители того или иного коммуникативного сообщества. Это более точный и наглядный способ получить более полные результаты анализа, чем традиционное тестирование.

Все аспекты индивидуальной идентичности человека историчны, поскольку групповые формы самосознания складывались веками. Представление о последовательности смены одной приоритетной формы исторической идентичности на другую соответствует реальности, только если понимать, что полностью она не исчезает, а вытесняется на периферию самосознания. Осознание родовой (клановой, тухумной, тейповой) принадлежности в традиционных обществах представляет собой один из ранних исторических уровней общественной самоидентификации системы личности. Доминирование родовых отношений в коммуникативном мире заставляет индивида ощущать себя прежде всего представителем того или иного рода, или клана. Но осознание родовой принадлежности представляет собой лишь одну из ступеней его общественной самоидентификации.

Человек, мыслящий родовыми категориями, испытывает чувство гордости за принадлежность к своему роду, которая для него важнее этнической принадлежности, которую он также определяет через систему коммуникации своего родового сообщества. В условиях теократии, господства религиозной идеологии, например, он ощущает себя прежде всего частью единой конфессиональной общ-

³⁷⁰ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. С. 280.

ности, а потом уже представителем рода. Осознание религиозной исключительности отодвигает другие формы общности, в том числе родовой общности, на второй план. В период роста этнического самосознания большинство людей ощущают в первую очередь свою принадлежность к этнической общности. В условиях сильной национальной (государственной) идеологии усиливаются национальное самосознание и гражданский патриотизм, но исторические формы идентичности также сохраняются – у каждого человека в разных соотношениях.

Изменения приоритетов множественной идентичности конкретного индивида и больших социальных групп доступны в виде результатов анонимного тестирования пользователей сетей на специальных интернет-площадках, а также социологических исследований на основе анкетирования репрезентативных групп, представляющих разные общественные страты. Эти данные дают более или менее объективную картину изменения коллективной идентичности – обманчивость этого понятия исчезнет, как только мы оговоримся, что это собирательное название. Системный подход позволяет выделить приоритеты идентичности в каждой из систем, но нас больше интересует самая общая форма доминантной идентичности – гражданская (национальная), этническая (или этнонациональная), религиозная и родовая (клановая). Результаты анализа затем сопоставляются со стадийными характеристиками систем культуры в каждом из локальных обществ, к которому принадлежит индивид.

С другой стороны, нередко именно постулируемая индивидом идентичность и является первым признаком стадийной принадлежности его мировоззрения и культуры, и отчасти – идеологических и культурных приоритетов его коммуникативной общины. Доминирующую идентичность очень сложно скрыть, поскольку она, представляя *alter ego* человека и будучи предметом его особой гордости, неизменно проявляет себя в намерениях, высказываниях, действиях и поступках.

Традиционное общество зиждется, как правило, на устойчивых внутренних связях между его членами, закрепленных на уровне кровнородственных отношений, общей родовой психологии, ментальности, традициях. В отношениях с другими людьми человек выстраивает собственную иерархию ценностей и ориентиров, которая в основных своих чертах воспроизводится в его общине. Приоритетное значение в этих отношениях по-прежнему занимает семья. Близкую к классическим типам систему внутриродовых и межродовых взаимоотношений и связей кланы сохранили не только на Кавказе, но и в традиционных обществах других регионов. Чем традиционнее уклад местного общества, тем крепче в нем кровнородственные связи. Род и родовые кланы чаще всего являют здесь яркие примеры олигархического порядка: политическая власть одного клана неизменно обеспечивает его экономическое усиление, и наоборот.

Эти и другие вопросы, связанные с многомерностью человека, изучались нами на эмпирическом материале формирования общенациональной (русской) идентичности на Северном Кавказе³⁷¹. Народы Северного Кавказа, будучи сообществами

³⁷¹ Аликуберов А. Проблема формирования русской идентичности в культурно-сложных обществах Северного Кавказа (системно-коммуникационный дискурс) // Вестник Российской нации. 2019. № 1. С. 45–57.

народностей, образуют т. н. «национально-территориальные» субъекты в составе Российской Федерации. Из-за своих различных по статусу субъектов Федерации – областей, республик, краев, городов федерального значения, автономных округов и автономной области, РФ невозможно отнести ни к классическим территориальным, или земельным, федерациям (как, например, ФРГ), ни к этнофедерациям³⁷², она представляет собой смешанный тип федерализма.

Человек отождествляет себя с этнической группой, когда чувствует свою сопричастность к ней³⁷³. На Северном Кавказе этническая принадлежность чаще всего оказывается приоритетной, поскольку именно этничность представляет собой наиболее актуальную в регионе форму социальной солидарности. Она институционализована категорией титульных народов, этническим квотированием, языковым и этнокультурным размежеванием, географическими условиями, сложившимися хозяйственными связями, живучестью родовых связей и отношений, другими факторами.

Вероятно, вслед за Ренаном можно говорить об этничности как о наиболее актуальной, важнейшей для индивида форме социальной солидарности, но это справедливо только для сельской местности, где сохранился традиционный уклад жизни. В мегаполисах общенациональная идентичность актуальнее этнической. Понятно, что в условиях формирования множества разных местных идентичностей – родовой, этнической, территориальной, – для общенациональной идентичности остается не так много места. Однако тут важно учитывать то, о каком уровне идентичности мы говорим.

Многомерный анализ раскрывает сложную множественность каждой из форм идентичности. Так, идентичность *new age* является социокультурной в узком смысле, а не национальной, этнической или религиозной. Проявления идентичности связаны не с каким-то одним аспектом социальности, а со всеми ее проявлениями в их стадийной градации. При этом имеют место и перекрестные в рамках одной градации идентичности, что связано с приоритетами и формами демаркации и собственного понимания национальной лояльности и приверженности. Например, в правовой сфере один человек может идентифицировать себя с гражданской правовой системой, другой – с религиозной, или даже с архаичной родовой.

4.4.4. Конфликт идентичностей в многомерной проекции

Выводы классического конструктивизма, считающего, что этничность, политические убеждения, религиозная вера, культурные предпочтения и многое другое в значительной степени определяются идентичностью, справедливы преиму-

³⁷² См., например: Anderson, Liam D. Ethnofederalism: The Worst Form of Institutional Frangement...? // Quarterly Journal: International Security. Summer 2014. Vol. 39. No. 1. P. 165–204.

³⁷³ Hall, Stuart. Ethnicity: Identity and Difference // Becoming National – A Reader / ed. by Geoff Eley and Ronald Grigor Suny. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1996. P. 339–349.

щественно для современных полиэтнических сообществ, но в меньшей мере для архаических обществ с сильной племенной сплоченностью, у которых идентичность человека определялась по рождению. Изначальное определение «Своих» как людей, противопоставляющее их всем остальным «Чужим», фиксируют этимологии многих этнонимов (см. выше).

При комплексном разностороннем изучении этничности на передний план выходит не только этническое самосознание, но и осознанное отличие себя от «Других»³⁷⁴, которое способно даже изменить этническое самосознание. В этом смысле этническая идентичность как раз хорошо конструируется: исследователи приводят пример с русскоязычными жителями Эстонии, которые вместе с эстонским языком приобретают и эстонскую идентичность³⁷⁵. Изучая язык, они отличают себя от других русскоязычных, не желающих полностью адаптироваться к иной этнокультурной среде из-за опасений потерять свою исконную этническую идентичность. Еще один пример: государственная политика в Башкортостане, направленная на поддержку литературного башкирского языка, заставила многих башкир определить себя как аутентичных башкир, в то время как прежде они себя относили к «татароязычным» башкирам³⁷⁶. С другой стороны, в условиях этнических смешений и колебаний соотношения башкир и татар в Башкортостане некоторые башкиры выбирают татарскую идентичность³⁷⁷.

Зигмунд Бауман считает, что в современном мире происходит индивидуализация общества, но при этом социальная идентичность человека размывается, она становится лабильной, неустойчивой. Происходит индивидуализация без индивида, виртуализация культуры³⁷⁸. Это наблюдение целиком и полностью распространяется и на Северный Кавказ, где население принимает активное участие в новом витке виртуализации культуры. Трансформация традиционной культуры под влиянием новейших коммуникационных технологий – тема отдельного исследования, однако совершенно ясно, что у части молодежи этот процесс обусловил кризис идентичности, который выразился в конфликте различных форм самосознания, прежде всего гражданской, этнической и религиозной.

Кризис идентичности сыграл громадную роль в истории европейских этнических государств на стадии их становления³⁷⁹. Однако этот пример можно приложить к любым социальным системам: кризис любой идентичности, обусловлен-

³⁷⁴ Ibid.

³⁷⁵ Chandra, Kanchan. How Ethnic Identities Change // *Constructivist Theories of Ethnic Politics* / ed. by Kanchan Chandra. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 145.

³⁷⁶ Ibid.

³⁷⁷ Gorenburg, Dmitry. Identity Change in Bashkortostan: Tatars into Bashkirs and back // *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 22. No. 3. 1999. Published online: 07 Dec 2010. P. 557–558.

³⁷⁸ Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. С. 29.

³⁷⁹ Herwig, Wolfram. The Roman Empire and Its Germanic Peoples. Berkeley and Los Angeles: Univ. of California Press, 1997.

ный ее коррозией или даже разрушением, приводит к новым социальным потрясениям и зарождению новой идентичности³⁸⁰.

Исследователи отмечают, что «потребность в национальной идентичности сохраняется, поскольку ни одна альтернативная форма социальной сплоченности и принадлежности еще не доминировала в общественной жизни так, как это сделали светские нации-государства в двадцатом веке»³⁸¹. Это не совсем так, точнее совсем не так. В средние века религиозная сплоченность в центральных областях Халифата перевешивала все остальные формы консолидации, а в период возникновения этнонаций в Европе принадлежность к конкретному народу (этносу) являлась основным источником формирования национальной идентичности.

Особые преимущества в изучении проблемы идентичности системно-коммуникационный подход дает в культурно-сложных обществах, к которым с полным основанием можно отнести большую часть республик Северного Кавказа – из-за их этнической разнородности, историко-культурного и религиозного многообразия. Системно-коммуникационный анализ раскрывает сложную множественность каждой из форм идентичности, манифестация которой связана не с каким-то одним аспектом социальности, а со всеми ее проявлениями. При этом имеют место и перекрестные (смешанные) в рамках одной или разных стадий формы идентичности, что связано с приоритетами и формами демаркации и собственного понимания национальной, политической, этнической, религиозной, культурной и иных форм лояльности и приверженности.

Этническая идентичность подвержена трансформации и может меняться в течение жизни в рамках доминантной культуры. Ее можно направлять и корректировать с помощью политики, социальных практик. На примере исследования этнополитических процессов на Японских островах М. Хадсон раскрывает причины разрушения прежней идентичности и появления новой, более широкой³⁸². Идентичность всегда выступает в бинеоме с различиями: человек отождествляет себя с этнической группой, когда чувствует сопричастность к ней³⁸³. Этническая идентичность может быть связана с ландшафтом (горные и равнинные), гражданством (Швейцария), другими факторами, этническими не являющимися³⁸⁴.

Общественные трансформации, ломка традиционных ценностей почти всегда приводят к внутренним конфликтам у отдельных людей, оказавшихся на разломах времен. По сути они являются конфликтом различных идентичностей. Отсюда вытекают следующие основные выводы:

³⁸⁰ Более детально о проблеме этнической идентичности и ее социальной трансформации см.: Epstein, Arnold L. *Ethos and Identity: Three Studies in Ethnicity. With a New Introduction by Athena S. Leoussi*. New Brunswick – L.: Aldine Transaction, 2009; *Ethnic Identity: Problems and Prospects for the Twenty-first Century*. 4th ed. / ed. by Lola Romanucci-Ross, George A. De Vos, and Takeyuki Tsuda. Lanham – N.Y. – Toronto – Oxford: Altamira Press, 2006.

³⁸¹ Hofstee, Willem. *Family Matters: Community, Ethnicity, and Multiculturalism // Religious Origins of Nations? The Christian Communities of the Middle East* / ed. by Bas ter Haar Romeny. Leiden – Boston: E. J. Brill, 2010. (Special Issue of *Church History and Religious Culture* 89/1–3. 2009). P. 60.

³⁸² Hudson M. J. *Ruins of Identity: Ethnogenesis in the Japanese Islands*.

³⁸³ Hall, Stuart. *Ethnicity: Identity and Difference*.

³⁸⁴ См.: Kenneth, R. *Olwig*. *Landscape, Monuments, and National Identity*. P. 59–71.

1. Множественная идентичность не только иерархична, но и пластична, динамична: приоритетная форма идентичности может определяться ситуативно, в зависимости от типа коммуникаций, в которые вовлечен человек в данный момент времени.
2. Внутренний конфликт возникает тогда, когда одна форма идентичности человека вступает в серьезное противоречие с другой, не менее важной для него, и он не в состоянии выбрать одно или отказаться от другого. Это означает, что внутренний конфликт является конфликтом идентичностей.
3. Когда одна из форм идентичности не столь актуальна, как другая, то побеждает более приоритетная форма. Сомнения, тревога, беспокойство, возникающие в самосознании человека и подрывающие его уверенность в себе, преодолеваются тем легче, чем больше аргументов и мотивации для выбора того или иного пути внутреннего самоопределения.
4. Если внутренний конфликт имеет экзистенциальный и вместе с тем неразрешимый характер, он приводит к радикализации человека, которая, в свою очередь, в определенных условиях находит свой выход в экстремистских высказываниях или действиях. По своему содержанию это может быть политический, этнический или религиозный экстремизм.
5. Разрешение внутренних конфликтов требует длительной работы, которая прежде всего будет направлена на гармонизацию различных идентичностей личности, а также социальной в широком смысле адаптации к реальной действительности.

4.4.5. О многомерном характере коммуникации «Я» и «Другого», «Своих» и «Чужих»

Как показывает системно-коммуникационный анализ, в каждом из измерений истории противопоставление «Я» и «Другой», «Свой» и «Чужой» отличается особым содержанием, конфигурацией, нормативными и ценностными ориентирами. В общественной системе координат люди оценивают друг друга по своему социальному положению, в политической системе – по политическим убеждениям, в этнической – по принадлежности к тому или иному этносу (в традиционных обществах – с внутренними градациями принадлежности к тому или иному роду или клану), в религиозной системе – по вероубеждению, в правовой системе – правовым представлениям и ориентирам, и т. д.

Политический и гражданский аспекты социальности, которые связаны с нацией, часто неправомерно отождествляются друг с другом в общественно-политических дискуссиях. При этом в России нация чаще всего считается этнической категорией, а на Западе – политической. «Свой» и «Чужой» в гражданской (национальной) системе координат – содержательно не всегда и не совсем то же самое, что в общественной (общинник, «горожанин»), политической в широком смысле (как политическая идеология) или этнической системах координат.

Во всех социальных аспектах истории центральным является противопоставление «Своих» и «Чужих», борьба с «Чужими» на стороне «Своих», а также борьба

за превращение «Чужих» в «Своих» для собственного усиления и укрепления. Для этого активно используются механизмы искусственного родства. Системно-коммуникационный анализ социальной реальности учитывает многоаспектность процессов превращения «Чужих» в «Своих», оборотной стороной которых является изгнание недостойных «Своих» в категорию «Чужих» или в категорию недостойных «Своих».

В этническом сознании распознавание «Свой» – «Чужой» осуществляется на различных уровнях, начиная с семейного, где для ребенка «Своими» являются только члены семьи, ближайшие родственники и друзья семьи. Разделительные линии между ними формируются на основе родовой лексики, даже если на самом деле имеются в виду другие, более высокие уровни групповой солидарности: носители чужого языка, чуждых этнических и культурных традиций воспринимаются прежде всего как инородцы; их культура и нравы для конкретного индивида чужеродны. Они, как правило, не понимают родной для всех «Своих» язык.

Общественный «Чужой» – более сложная категория, поскольку включает в себя все другие диспозиции. Политический «Чужой» – это носитель не просто чуждых, но зачастую враждебных политических ориентиров и ценностей, хотя в этническом и культурном отношении он может быть и «Своим». Политический «Чужой» не поддерживает «правильные» стратегии будущего, и в этом его часто обвиняют: он вольно или невольно выступает на стороне врага/врагов, особенно, если их политические установки, даже направленные на разные цели, совпадают.

«Чужой» по культуре – это, как правило, «Чужой» и в этническом смысле, поскольку этнические (языковые) различия прежде всего отождествляются как культурные. Такой «Чужой», если даже он политически «Свой» (например, представитель *ал-мавали* – «клиентов» арабских племен эпохи раннего ислама), становится «Своим» по культуре только после его культурной ассимиляции. Культурные различия имеют гораздо больше нюансов и градаций, чем этнические, политические, религиозные или другие, они затрагивают в том числе и социальные статусы, поскольку уровень культурного развития часто связан с социальным положением.

Не все эти явления и проявления социальности одинаковы по своему весу, значению, роли, мобилизационным возможностям, способности к адаптации, трансформационному потенциалу. Например, ислам, несмотря на длительный период Могольского владычества на значительной территории современных Индии и Пакистана, не смог изжить кастовые различия, – это показывает, что социальный статус важнее религиозного.

Интеракция «Своих» и «Чужих», диктуемая коммуникативной рациональностью, действительно гораздо сложнее простых противопоставлений. В категорию «Своих» в истории входили и бывшие «Свои», если они не перешли на сторону «Чужих», или условно «Свои», которых «Свои» отвоевывали у «Чужих» и подчиняли себе, например рабы, а также свои «Чужие», которые «Своими» считались лишь формально, фактически оставаясь совершенно чуждыми³⁸⁵. Поэтому

³⁸⁵ Этический формализм такого может быть объяснен в терминах процедурной рациональности, см.: Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. С. 58.

можно выделить своих «Чужих» (пример инородцев в Российской империи)³⁸⁶ и чужих «Своих».

О живучести разделительных линий между фактическими и бывшими «Своими» и «Чужими», в том числе создаваемых процедурой изгнания из рода, или практикой набегов, связанных с захватом людей и превращением их в рабов, свидетельствует эмпирический материал со всего мира. Изгои оставались «Своими», но скатывались на самое дно социальной иерархии. Энтони Гидденс описывает далеких потомков жертв войн между местными правителями (территориями), которые лишались земли и становились изгоями и бродягами. Хотя эти люди, которых называют «итэ» и «барэкамин», физически не отличаются от остальных японцев, они до сих пор испытывают на себе враждебное или пренебрежительное отношение со стороны большинства жителей Японии: «Изгоев заставляли заниматься черной работой, исполнение которой считалось унижительным. По местным религиозным верованиям, многие из таких видов деятельности считались нечистыми, и этот взгляд впоследствии распространился на людей, которые эту работу исполняли»³⁸⁷.

Подобное положение в Индии занимают «неприкасаемые», которые находятся вне кастовой системы (outcast) и выполняют самую грязную работу. По наблюдению А. А. Куценкова, неприкасаемые, как и представители каст, обречены на выполнение возложенных на них социальных занятий и обязательств: «Постоянство образа жизни – предмет заботы не только самой касты, но и всего общества, ибо любая перемена в поведении любой группы воспринималась как незаконное покушение на права и привилегии других»³⁸⁸.

* * *

Объяснительный потенциал концепции социальной многомерности истории и культуры заключается в том, что она позволяет понимать множественность аспектов и факторов социальных взаимодействий, необходимых для выстраивания эффективных коммуникаций с «Другим» – как внутри общества, так и за его пределами, например в международных отношениях. Не только понимать, но и работать с каждым социальным измерением культуры отдельно, диагностируя проблему коммуникации и предлагая варианты ее решения.

Безусловно, нас в конечном счете интересуют не какие-либо отдельные аспекты личности человека или его интересов, сколько он сам в целостности и гармонии – не только с обществом, но и с самим собой. Но эту целостность и гармонию образуют «кирпичики», формирующие социокультурную реальность человека,

³⁸⁶ См., например: Бобровников В. О., Конев А. Ю. Свои «чужие»: инородцы и туземцы в Российской Империи // Ориентализм vs Ориенталистика / сост. Бобровников В. О., Мири С. Дж. М.: Садра, 2016. С. 167–206.

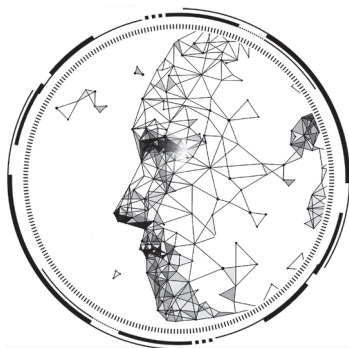
³⁸⁷ Гидденс Э. Социология. С. 233.

³⁸⁸ Куценков А. А. Эволюция индийской касты. М.: Вост. лит., 1983. С. 94.

а также общества как более сложной системы человеческих коммуникаций. Задача социального инжиниринга – изучить эти «кирпичики» вместе с составом связующего материала, чтобы определить основное направление движения, индивидуальную траекторию исследуемого объекта. В каждом конкретном случае мы увидим, что состав каждого такого материала, порождающего своего рода трудности, также не однороден, несмотря на кажущуюся внешне идеологическую целостность: любое целое состоит из элементов. Выбрав правильные и испытанные модели коммуникаций, можно тестировать в них реальные процессы или поведение объекта и на этой основе обосновать изменения в проекте дома, улучшающие его функционал и потребительские качества, вплоть до полной переделки проекта в случае необходимости.

Предвосхищая практически неизбежные, особенно со стороны постмодернистов, обвинения в конструктивизме, от которых совершенно напрасно, на мой взгляд, дистанцировались Н. Луман, В. А. Тишков и другие выдающиеся исследователи, должен заметить, что теория ради теории или научный подход ради себя самого никому, кроме автора, не нужны. Любая теория – это точка опоры, которая позволяет перевернуть мир – в данном случае ввести новые, более точные координаты исследования, с помощью которых исследователь принимает участие в трансформациях, включен в процесс и потому удачно совмещает взгляд со стороны со взглядом изнутри – это как раз опция многомерности.

Противоположностью конструктивизма является деконструкция, но это другой путь, возможно, не менее интересный и даже больше раскрывающий творческий потенциал человека, поскольку дает ему право на собственный дискурс, которого он, безусловно, заслуживает. Но мы говорим о научном методе, это скорее симфония, чем нестройный хор разноречивых и противоречащих друг другу мнений и суждений.

ГЛАВА ПЯТАЯ

МЕТОДЫ МНОГОМЕРНОГО ПОДХОДА

Считая теории программой сравнений и объяснений¹, Н. Луман называл методы, составляющие методологию, **программой «распределения истинности и ложности»**². Л. Н. Мазур определяет методологию истории как теоретическое выражение «практики конкретно-исторического исследования в виде системы научных исторических понятий, концептуальных схем и моделей, а также принципов и методов исследования. Следовательно, методология в качестве важнейшей составной части включает в себя учение о методах исторического исследования»³.

Представляемый в этой книге методологический подход относится к числу 1) **многомерных**, а это новейшая нелинейная парадигма, основанная на метрике пространственного «поворота»; 2) последовательно **системных**, поскольку здесь в качестве систем выступают не только феномены, но и логически завершенные процессы, и проявления социальности в пределах одного социального измерения культуры; 3) **коммуникативных**, поскольку только через коммуникацию можно измерять исторические проявления социальности и культуры; 4) следовательно, и **информационных**, поскольку основным продуктом коммуникации является информация; 5) это делает его также **интегративным**, 6) **синтетическим** и 7) **мультиметодным**. Объединяя принципы системности и коммуникативности, данный подход в полной мере использует все системные и коммуникативные методы, уже согласованные в рамках системно-коммуникативной теории

¹ Луман Н. Истина, знание, наука как система. С. 313–320.

² Там же. С. 321–325.

³ Мазур Л. Н. Методы исторического исследования. С. 11.

Н. Лумана, существенно уточнив контексты понятий системности и коммуникативности, поставив в центр анализа систему личности, *Ego*. Кроме того, опираясь на новые, вводимые им впервые в научный оборот эпистемологические основоположения, многомерный подход предлагает собственный набор согласованных друг с другом методов системного исторического познания, которые можно использовать и отдельно, независимо друг от друга.

Комплекс оригинальных и взаимосвязанных друг с другом методов исторического исследования включает в себя модели и концептуальные схемы, разработанные на основе изучения восточных обществ. Это не ограничивает возможности их более широкого применения, в том числе для уменьшения интерпретативности (субъективности) знания за счет увеличения его объективности и верифицируемости, «распределение истины и ложности» с обозначением заранее обозначенных (оговоренных) допустимых значений в важнейших аспектах коммуникативного подхода к изучению истории.

Как и в точных науках, конкретный выбор методов для осуществления исторического исследования всегда эвристичен: сначала определяется задача, затем из арсенала средств подбираются необходимые для ее решения инструменты, и только потом полученные результаты теоретически осмысливаются. Объективная согласованность результатов, полученных с помощью сбалансированного применения различных методов, обеспечивается их комплексным использованием в рамках того или иного методологического подхода.

Методы многомерного подхода дополняют существующие методы коммуникативного анализа. При этом их объединяет особое внимание к достоверности источника, объективности информации источника с особым интересом не только к тексту и контексту источника, но и к «жизненному миру» его автора, различение собственно информации источника и ее интерпретации, проверка непротиворечивости теоретических и эмпирических (фактических) данных, источников и интерпретаций, внутренняя и внешняя, осуществляемая с помощью системной логики. Сравнения и объяснения предполагают использование образов, конструкторов, подобно тому, как географию проще изучать по картам, хотя, наверное, лучше было бы изучать ее, путешествуя по миру. Но у историков нет машины времени, им приходится реконструировать прошлое, оставаясь в настоящем, а без теоретического конструктивизма это невозможно.

5.1. МЕТОД МНОГОМЕРНОГО СИСТЕМНО-КОММУНИКАЦИОННОГО АНАЛИЗА

Исследователь системогенеза в физиологии П. К. Анохин критиковал методологию общей теории систем за игнорирование ею основной проблемы системологии – раскрытия системообразующего фактора, справедливо полагая, что именно это обстоятельство не позволяет системной теории стать самодостаточ-

ным инструментом конкретного научного исследования⁴. Многомерный подход и особенно его важнейший метод многомерного системно-коммуникационного анализа уже в своем названии содержат **прямое указание сразу на три важнейшие и поддерживающие друг друга системообразующие основы – многомерность, системность и коммуникацию**. Первый фактор задает пространственную форму, второй – структуру внутренних и внешних связей, а третий – их природу.

Многомерность в данном исследовании представляется как онтологический способ существования социальных систем, имеющих множество своих естественных измерений, а также нашего сознания, его способности воспринимать мир во всей его сложности и многогранности. Системность, будучи важнейшим принципом и способом упорядочивания и систематизации изучаемого материала, в максимальной степени раскрывает свои возможности только вместе с коммуникацией, которая не только обеспечивает социальное взаимодействие, но и формирует многомерные социальные системы, создает социальную реальность в том виде, в каком мы ее знаем и воспринимаем.

По этой причине коммуникация рассматривается нами как единственная форма социального взаимодействия (индивидов между собой, человека с другими живыми – аутопойетическими – системами), а также взаимодействия человека с природой. Первая часть этого утверждения практически совпадает с лумановским пониманием коммуникации, но с важной поправкой: коммуникация не вытесняет собой субъекта истории, не заслоняет его, отодвигая на второй план. Во второй части утверждения человек вступает в коммуникативное взаимодействие с предметами материального мира, как, например, скульптор посредством инструмента (резца) – с материалом (мрамором). В таком онтологическом смысле коммуникация – единственный источник социальности и культуры: без коммуникации не было бы ни того, ни другого.

5.1.1. Системно-коммуникационный анализ как основной инструмент методологии многомерного подхода

В некотором смысле системно-коммуникационный анализ можно принять за разновидность социологического, социокультурного и особенно системно-коммуникативного анализа, предлагаемого Н. Луманом, однако это справедливо лишь в строго определенных рамках, когда они предметно совпадают. Базовый метод многомерного подхода прежде всего имеет дело с системно понимаемой коммуникацией, но в многомерной проекции: здесь коммуникативный, в том числе системно-коммуникативный анализ соединяется с многомерной статистикой в виде факторного и другого анализа и дополняется инструментарием многомерного подхода, в том числе его системной логикой. Операционная среда этого метода – не только умозрительное мыслительное пространство, но прежде

⁴ Анохин П. К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем. М.: Директ-Медиа, 1971.

всего виртуальное, цифровое, именно там разворачиваются и проверяются идеи, зарождающиеся в пространстве мысли.

Системно-коммуникационный анализ, в отличие от коммуникативного, всегда многомерен, даже если он ограничивает себя в выделении систем. Рассматривая первоэлементы системы вне системы, сам дискурс также перестает быть системным. Многомерный анализ мог бы быть шире и обходиться без строго артикулированного коммуникативного дискурса, однако мы различаем понятия подхода и анализа. Системно-коммуникационный анализ оперирует коммуникативными актами в качестве единиц своего анализа на основе системной логики, используемой вместо линейной (формальной) и диалектической логики.

Отличительными особенностями метода системно-коммуникационного анализа многомерного подхода являются интегративность, технологичность, интерактивность, измерительность и верифицируемость.

Интегративность метода кроется в синтетичности самого многомерного подхода с его невероятной способностью соединять несоединимое как в парадигмальном, так и в дисциплинарном отношении на основе принципа трансдисциплинарности, преодолевающего границы: притягивающиеся друг к другу элементы одного системного порядка и социального измерения кластеризуются на отдельной плоскости анализа, связанной с кластерами на других плоскостях анализа. Многомерная метрика, в отличие от одномерной, линейной, позволяет непротиворечиво встроить известные теории и концепции, относящиеся к различным аспектам социальности и культуры, в принципиально новые, пространственные структуры исторического и шире – социогуманитарного знания. Например, теория общественной идентичности вписывается в общественное измерение идентичности концепции социальной многомерности истории и культуры, а все теории культурных измерений от Хофстеде до Тромпенаарса – в логику метода стадийных измерений системы культуры этой же концепции.

То же самое касается «больших нарративов». Классический марксизм и его теория формаций находят свое место в системе многомерного знания через концентрированное изучение общественных процессов и стадийных градаций социальности и культуры в историческом процессе, неомарксизм и близкие к нему направления теоретической мысли – через критическую теорию, историко-философскую традицию Макса Вебера, «Школу Анналов», «Новую историческую науку», мир-системный подход, синергетику, клиометрику, экономическую историю. Цивилизационная теория откликается на вопросы идентичности через идентификационное знание, которое в значительной степени включается в проблематику многомерности истории и культуры. Теория модернизации тоже не стоит в стороне: переключки с дискурсами постмодернизма привела нас к коммуникативному метадискурсу, в котором было создано направление многомерности коммуникации, близкое к неомодерну, цифровому модерну и метамодерну. Более того, создавая свои коммуникативные теории, Т. Парсонс и Ю. Хабермас совершенно отчетливо артикулировали свой интерес к переосмыслению модерна. И даже постмодернистская деконструкция Ж. Дерриды и идея «пересборки социального» Б. Латура находят свое отражение в принципе деконцептуализации. Наконец, мы также попытались собрать тра-

диции, разошедшиеся от Т. Парсонса в разные стороны, воедино: системно-коммуникативная теория Н. Лумана, интерпретативная антропология К. Гирца и многомерная культурсоциология Дж. Александера, наполненные глубоким социокультурным содержанием, заиграли новыми гранями своих возможностей, но уже в общей, пространственной метрике социальных измерений истории и культуры.

Метод системно-коммуникационного анализа достаточно универсален, особенно в рамках пространственной метрики: с одной стороны, его можно использовать для работы с эмпирическим материалом, причем в самых разных областях исторической науки и вообще социогуманитарных наук. С другой стороны, он в высокой степени настроен на работу с цифровыми технологиями – существующими и перспективными, т. е. изначально **технологичен**. Во-первых, в силу своей пространственной разверстки с выделением отдельных плоскостей N-мерного анализа. Во-вторых, из-за транссубъективных возможностей многомерного подхода, присущих интерактивному методу включенного наблюдения, позволяющего исследовать и измерять чужой опыт как свой собственный. В-третьих, вследствие того, что конструирование многомерной познавательной среды происходило одновременно с ее адаптацией к существующим методам коммуникативного анализа и многомерной статистики. Наконец, в-четвертых, этот метод предназначен для работы с «большими данными», а генерация данных уже сегодня происходит без участия человека (в частности, в Интернете вещей). Это означает, что потребуются релевантные методы обработки этих данных в определенных целях, которые нами отчасти здесь обозначены.

Многомерный подход не пытается во что бы ни стало сциентифицировать изучение истории, что невозможно в силу субъективности познающего познания, на которой мы уже подробно останавливались ранее. Он также не отделяет научное знание от технологического, поскольку современные технологии рождаются в недрах науки, и не всегда научное знание является сугубо теоретическим, особенно в рамках научного конструктивизма. Мы различаем технологическое знание как сегмент научного, исследующего искусственные объекты, созданные человеком – технологические средства, материалы, методы. Новейшее технологическое знание в целом, как и подавляющее большинство современных технологий, по своему происхождению трансдисциплинарно и потому технически хорошо вписывается в нашу концепцию социальной многомерности.

Многообразие цифровых форматов, позволяющее сохранять информацию вместе с сопутствующими данными (метаданными), дает возможность создавать в информационной системе научного знания многослойный файл, который может храниться как исторический факт/артефакт (описание, высокоточное изображение, датировка, оценка и др.) отдельно от всех его интерпретаций и критики (как слои изображения в графических редакторах). Отделение информационного содержания исторического факта и его физических характеристик (т. н. «чистого описания») от объемного видения этого факта историками позволяет решить еще одну важную задачу – обращаться к разным аспектам источников и литературы, делать анализ более предметным и узкоспециализированным, по необходимости масштабируя фокусы и уровни анализа.

Две важные характеристики системно-коммуникационного анализа делают полученные на его основе научные результаты более верифицируемыми по сравнению со многими другими: интерактивность и измерительность. **Интерактивность** (*interactivity*) имеет много разных значений, одно из них – возможность двустороннего или многостороннего социального взаимодействия (*interaction*) в сети – в социальной сети, блогах, форумах, или, как в нашем случае, интерактивные коммуникации в специальных Интернет-платформах. Интерактивные коммуникации допускают гораздо большую степень свободы взаимодействия между субъектом или субъектами и объектами исследования в информационном пространстве. Примечательно, что в таком взаимодействии исследователь имеет возможность фиксировать не только коммуникативные связи и отношения внутри изучаемого сообщества, но и все измеряемые элементы самого коммуникативного процесса, включая собственные интеракции с объектами исследования. Предполагая одновременное наблюдение субъекта познания за объектом, а также субъекта за процессом познания, включающим в себя и процесс самонаблюдения, интерактивность предусматривает активное соучастие и сопереживание субъекта, поскольку он наблюдает ситуацию хоть и со стороны, но в режиме реального времени, получая такую же информационную и психологическую нагрузку, что и объект. В определенном смысле наблюдатель испытывает почти такие же эмоциональные состояния, что и наблюдаемый, но при этом, оставаясь в стороне, не будучи непосредственным участником, у него есть возможность трезво оценивать эмпирические данные, которые имеют информационную ценность: прежде всего содержание, характер, число участников, локацию, продолжительность и модальности коммуникации, а также трудно улавливаемые в опосредованном изучении невербальные знаки и эмоциональные характеристики коммуникации.

Отсюда вытекает важнейшая особенность системно-коммуникационного анализа – его **измерительные возможности**, без которых достижение более точных результатов исторического и социогуманитарного исследования невозможно. Они нашли отражение в методе стадийных измерений культуры (см. ниже). А там, где появляются измеряемые сущности, возникают возможности все новых измерений, подтверждающих или опровергающих полученные результаты анкетирования или интерактивного исследования – здесь как раз мы говорим о **верификации**. Однако это не просто верификация – повторение измерений через некоторое время может дать и другие результаты, если культура изучается в активный период ее трансформации – так мы обнаружим динамику процесса трансформации.

5.1.2. Акт коммуникации как мерный (исчисляемый) элемент коммуникативного действия и единица системно-коммуникационного анализа

Устойчивая коммуникативная связь порождает не только отношения, но и повторяющиеся акты коммуникации, которые формируют эти отношения. Технологическая модель коммуникации, которую впервые описал Г. Лассвел (коммуни-

катор – сообщение – средство/канал – получатель – эффект)⁵, может быть непосредственной и даже опосредованной. Считается, что человеческая коммуникация может реализоваться только в рамках трех моделей: 1) односторонняя модель (монолог и интраперсональный «внутренний монолог»); 2) двусторонняя модель (интерперсональный диалог и интраперсональный «внутренний диалог» как «молчаливый диалог», внесловесное общение); 3) многосторонняя модель, полилог (вариант диалога, когда многие могут одновременно общаться со многими).

Указанная схема не учитывает коммуникации человека с природой, что является важнейшим условием социокультурного подхода. Кроме того, в философско-лингвистическом направлении коммуникационных исследований важность интерсубъектной (межличностной) коммуникации часто чрезвычайно преувеличена, в то время как виртуальным и опосредованным формам коммуникации придается гораздо меньшее значение. Тут необходимо решить, что для нас важнее – сам факт непосредственной коммуникации людей или ее смысл, реальное содержание, которое может быть разным – не только передача или получение и освоение информации, но и достижение определенных чувств и эмоций. Это первое отличие системно-коммуникационного анализа от системно-коммуникативного – расширительное понимание коммуникации, позволяющее изучать все формы деятельности человека.

Второе отличие заключается в способности метода расчленить коммуникацию на мерные (исчисляемые) единицы анализа. Современные коммуникативные теории, за исключением собственно социальных теорий (Парсонс, Луман, Хабермас), имеют, как правило, тенденцию избегать социального и культурного контекста коммуникативных актов, которые М. Вендланд называет «натуралистическим подходом к коммуникации»⁶. А между тем коммуникативный акт является формой манифестации коммуникативной связи и отдельным фактом коммуникативного действия, его исчисляемой единицей. Именно поэтому коммуникативная связь совершенно конкретна, измеряема и наблюдаема, ее можно с точностью описать: акты коммуникации имеют количественные параметры (их число можно с точностью сосчитать, а продолжительность каждого такого акта – с точностью измерить), качественные характеристики (интенсивность, надежность, правдивость, аргументированность также поддаются верификации), эмоциональные и оценочные характеристики, измеряемые во всей их совокупности с помощью сентимент-анализа (определяет соотношение в категориях «хороший – плохой», «сильный – слабый», «большой – маленький», «веселый – грустный», «дружеский – враждебный», «уважительный – неуважительный», «счастливый – несчастный», «доверительный – недоверчивый», «легкий – тяжелый» «заинтересованный – равнодушный», «быстрый – медленный», пусть и в субъективных координатах конкретного индивида). Эти фиксируемые техническими средствами и специальными протоколами параметры, которые можно дополнить из творческого наследия Парсонса, осо-

⁵ Lasswell, Harold D. The Structure and Function of Communication in Society // The Communication of Ideas: A Series of Addresses / ed. by Lyman Bryson. N.Y.: Harper and Brothers, 1948. P. 37–51.

⁶ Wendland M. Pojęcie komunikacji w poznawskiej szkole metodologicznej // Filo-Sofija. 2012. Vol. 18. No. 3. S. 91.

бенно в части его дифференциации социетальной системы, которую затем Луман развил в своей исторической методологии, позволяют исследователю получить несравненно более точную и верифицируемую информацию.

Например, деловую встречу или политические переговоры можно изучать в качестве акта многосторонней коммуникации. Коммуникативный анализ с помощью различных своих методов (контент-анализа, интент-анализа и др.) выявит содержание коммуникации с позиций каждого участника процесса, частотность различных ключевых слов, число заданных вопросов и полученных ответов, выявит степень открытости или закрытости актантов. Имеют значение и сами личности актантов, их положение, социальные роли, исторический и культурный бэкграунд, определяющий содержание и результаты встречи, характер и направленность дискуссии. Все эти данные в качестве переменных можно загрузить в специально созданную для симуляций модель коммуникации и прогнозировать характер дискуссий на следующих раундах переговоров, добиваясь наилучших для себя результатов с помощью выборки нужных переменных.

Счетность коммуникативного акта естественным образом подразумевает его **идентификационность**, что является основой как для многомерного изучения различных измерений подвижной идентичности человека, так и для применения реляционных методов, без которых коммуникативные отношения изучать невозможно.

Акт коммуникации может быть фактом некоторого числа коммуникативных действий, например встреча, но может быть также и завершенной совокупностью большого числа направленных коммуникативных действий, растянутых на месяцы и годы. В этом смысле исторический источник также выступает в качестве отдельного акта коммуникации.

5.1.3. Масштабируемость и множественность фокусов системно-коммуникационного анализа, их одновременная Его-центричность и социоцентричность

Если в «перекрестной истории» масштаб «зависит как от конкретных ситуаций, присущих изучаемым объектам, так и от интеллектуального выбора»⁷, поскольку эмпирические объекты, как правило, «относятся одновременно к нескольким шкалам и не поддаются одному фокусному расстоянию»⁸, то многомерная проекция позволяет наблюдать за всеми фокусами анализа, направленными на всю социальную систему целиком, ее измерениями, внутренними системами и, наконец, элементами систем одновременно. Это возможно только в информационной среде, желательно на специально созданных для конкретного исследования моделях. Иначе говоря, как в квантовой запутанности, фокус анализа зависит от наблюдателя, у которого есть возможность переходить от одного фокуса анализа к другому с помощью программных средств, по своему выбору, в зависимости от потребностей исследования. Ему также доступны (в рамках максимальных и минималь-

⁷ Werner, Michael; Zimmermann, Bénédicte. Beyond Comparison. P. 43.

⁸ Ibid.

ных значений) масштабируемые результаты анализа, которые в традиционных исследованиях исследователь может получать только в соответствии с выбранным им уровнем анализа. Возможность изменения фокуса в рамках конкретного исследования позволяет освободиться от зависимости, накладываемой конкретными ситуациями или интеллектуальным выбором, который всегда произволен.

Множественность фокусов многомерного анализа заключается как раз в том, что сознание социальной реальности в нем *Ego*-центрично и одновременно социоцентрично и даже больше: есть *Ego* и есть внешняя среда, в которой он существует, т. е. весь остальной мир – социальный и несоциальный (природный, материальный), отражающийся в сознании этого конкретного *Ego*. Речь идет не об эгоцентризме в психологическом смысле, в его негативной «эгоистической» коннотации (*egocentric, egoistic, selfish*), а в историософском (*self-centered*) – для различения этих значений обозначим его с помощью дефиса как *Ego*-центризм. Такой антропоцентрический подход, соответствующий «антропологическому повороту», не ограничивается особым вниманием к субъекту познавательной деятельности, которому в неокантианской методологии истории, сводившей предмет истории к культуре, придавалось большое значение (Г. Риккерт)⁹. То есть *Ego* – не только Я как субъект познания, а Я для каждого субъекта действия, для каждого человека в его собственной системе координат, в которой он сам выступает центром своего собственного коммуникативного мира. Кроме того, этот подход возвращает неоклассическую модель истории к прагматичному пониманию классического высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что «деятельность действительного человечества есть не что иное, как деятельность массы человеческих индивидуумов»¹⁰.

Важнейшая задача человекоцентричного микроисторического подхода к изучению глобального – индивидуализация и персонификация истории, установление максимального числа разнообразных коммуникативных связей между субъектами социального действия в истории¹¹. *Ego*-центризм позволяет смотреть на мир опосредованно через человека того времени: в центре «жизненного мира», коммуникационных связей и отношений каждого *Ego* находится он сам, и никто другой. В этом смысле проекция многомерности больше антропоцентрична, чем социоцентрична, хотя она и подпитывается теорией социокультурного подхода.

Данное утверждение требует объяснения. Здесь не имеется в виду онтологический идеал антропоцентризма, противоречащий коэволюции, совместной эволюции природы и человечества: отношения между ними, вслед за Н. Н. Моисеевым и В. А. Лекторским, могут быть истолкованы как отношения «равноправных партнеров, если угодно, собеседников в незапрограммированном диалоге»¹². Имеется

⁹ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. СПб.: Книгоиздательство «Образование», 1911. С. 52–53, 120.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или Критика критической критики против Бруно Бауэра и компании // Собрание сочинений. Т. 2. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 103.

¹¹ Кром М. М. Антропологический подход к изучению русского средневековья (заметки о новом направлении в американской историографии) // Отечественная история. 1999. № 6. С. 92.

¹² Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. С. 47.

в виду как раз совсем другое: при всем многообразии фактов и событий исторического процесса или явлений культуры, неважно, где – на Востоке или на Западе, **в центре внимания исторической науки и вообще всех гуманитарных дисциплин находится единственный источник всех социальных действий – человек, который одновременно является и субъектом, и объектом истории.** Исторический взгляд на человека должен учитывать все его коммуникативные связи и отношения, создающие «жизнь сообща», права и обязанности, в том числе обязательства, которые накладывались на него другими людьми, его роль и значение, а также память о нем в исторических источниках.

В историческом процессе ничего не происходило без участия человека, вне его социальных (по сути, коммуникативных) связей и отношений, вне рамок общества. Любой акт, событие или явление в человеческом обществе – результат осознанного или бессознательного социального действия конкретного индивида. Следовательно, взаимодействие социальных аспектов истории необходимо рассматривать с учетом взглядов, интересов, мотивов, намерений, действий и акцидентов каждого индивида – источника социального взаимодействия.

Различные проявления коммуникативных связей и отношений тесно переплетены друг с другом не только структурно (статический аспект), но и функционально (динамический аспект). Оба эти аспекта объединены в феномене организации, которая является неотъемлемым свойством реальной действительности. Существуют различные виды организации (физическая, биологическая и др.), социальная – одна из них¹³. Лесли Уайт, один из основоположников культурологии, считал социальную организацию общей категорией, для которой человеческая социальная организация – лишь частный случай¹⁴.

Из сказанного следуют два вывода. Первый, функциональный: **базовые принципы, необходимые для понимания функционирования человеческой социальной организации (частное), должны быть общими для всех социальных систем (общее).** Второй, структурный: **основу методологии изучения общества, социальных институтов, общественно-политических, экономических, культурных, этнических и религиозных (конфессиональных) процессов должны составлять стержневые элементы конструкции самой социальной организации, а не явления или процессы, вторичные по отношению к ней, составляющие ее причинно-следственные связи или даже обуславливающие ее изменения (способ производства, архетип культуры и др.).** **Источником и первоэлементом социальной организации является конкретный индивид, человек, а ее наиболее полной организационной формой – человеческое общество.** Тогда в качестве промежуточной формы, в которой коммуникативные связи изучаются непосредственно, во всех препозициях «Я – Ты – Он (Она) – Они», выступает коммуникативная община.

Информационные модели, создаваемые на основе эмпирических данных (сведениях о реальных Его, зарегистрированных в системе), позволят не только анали-

¹³ О проблеме социальной организации см.: Lukács, György. History and Class Consciousness: Studies in Marxist Dialectics / transl. by Rodney Livingstone. Cambridge, MA: The MIT Press, 1968. P. 295–342.

¹⁴ Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры. С. 609.

зировать различные аспекты коммуникативных связей (в том числе конфликтные, которые в рамках теории Лумана не изучаемы в необходимой мере в силу закрытости самореферентных систем), в том числе с учетом взаимовлияний различных типов коммуникаций друг на друга, но и участвовать в них исследователю.

Объектом изучения в персональной истории является прежде всего личность человека, его субъектность, поэтому для его изучения используются самые различные приемы и методики гуманитарных наук (психологии, этнографии, антропологии, лингвистики и др.). Здесь может быть интересен опыт «насыщенного описания» Гирца, но с определением пределов допустимых интерпретаций, которые задаются исследователем на основе предельных возможностей используемых исторических источников. Такой массовый и постоянно возобновляемый источник, как «цифровой след» человека, позволяет максимально детализировать изучение конкретного *Его* и на этой основе исследовать действие более широких и противоречивых процессов – от микроисторических до макроисторических (при условии, что исследование в необходимой степени обеспечено «большими данными»).

В системно-коммуникационном анализе «человекоразмерный» масштаб задают также и макроисторические подходы. Взгляд на мировую историю с высоты птичьего полета предложили Дж. Макнейл и У. Макнейл. Они показали, что ключевым компонентом мировой истории являются «человеческие сети», коммуникационная интеракция происходит в моделях взаимодействия и обмена, сотрудничества и конкуренции, начиная с древнейших времен вплоть до сегодняшнего дня, с каждой эпохой она интенсифицируется. Человеческие сети, которые могут быть как локальными, так и глобальными, обеспечивали благоприятные условия для движения идей, товаров, власти и денег внутри и между культурами, обществами и народами¹⁵. Это уровень коммуникативного «мира» *Его*, в котором он взаимодействует со «Своими» и «Чужими» – в общественном, политическом, этническом, религиозном и иных измерениях социального. Диалоговая конструкция коммуникативных методов делает ее удобным инструментом для изучения различных культур и цивилизаций, рассматривая их как сеть коммуникативных связей и отношений, лишенных единого начала, допускающих различные формы взаимозависимости – не только культурные, но также политические, экономические. Цивилизационная идентичность *Его* освобождает его от локальной ограниченности конкретного общества («Школа Анналов», Д. Уиллкинсон).

Неоклассические модели исторического познания пытаются изучать локальные культуры в условиях глобального их взаимодействия с учетом тенденций к глобализации и локализации¹⁶. Культуры не являются дискретными социокультурными единицами, они взаимно влияют друг на друга, устанавливая взаимосвязи между «локализмом» и «глобализмом».

¹⁵ McNeill, John R.; McNeill, William H. The Human Web. P. 3–9.

¹⁶ Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. С. 314.

5.2. МЕТОД МНОГОМЕРНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ СИСТЕМ

Многомерное моделирование, как и любое другое, подразумевает сознательное упрощение исследователем социальной и исторической реальности, ее схематизацию и визуализацию для того, чтобы было легче добиться поставленных познавательных целей, используя различные научные методы, прежде всего инструменты многомерной статистики и коммуникативного анализа. Благодаря развитию IT-технологий использование ситуационных конкретно-исторических и глобальных моделей, а также имитационного моделирования социальных процессов современной истории для прояснения сценариев ближайшего будущего стало одним из признанных методов научного познания, важных исследовательских программ, позволяющих лучше понять всю сложность многомерного и полицентрического мира¹⁷. Вероятно, это обусловлено тем, что человеческая культура сама является «приобретенной моделью поведения»¹⁸.

Джеффри Александер подчеркивал, что «нашей целью должна оставаться обобщенная наука, способная устанавливать модели. Эта глубоко оригинальная и противоречивая позиция Дильтея так и не была систематически принята в современных социальных науках, несмотря на двойственные усилия некоторых веберианцев и парсоnianцев сохранить ее. Вместо этого развился раскол внутри гуманитарных наук, раскол, который породил большой каньон между гуманитарными и социальными науками, через который мы смотрим сегодня»¹⁹. Как отметил Д. В. Лукьянов, «современная историографическая ситуация характеризуется сознательным исследовательским поиском именно “модельных отношений” с историческим развитием и построением интеллектуальных моделей исторического процесса»²⁰.

Хотя история лишена возможности активного моделирования, тем не менее в разных сферах исторического познания широко применяется статистическое моделирование, в том числе с использованием различных математических моделей (К. В. Хвостова²¹ и др.). На пересечении экономической истории и исторической информатики наибольший интерес представляют исследования Л. И. Бородинкина, использующего новейшие достижения климетрики, клиодинамики, синергетики для построения моделей различного типа: от компьютерных моделей эволюции средневековых исторических текстов и виртуальной реконструкции объектов историко-культурного наследия с использованием трехмерных моделей до моде-

¹⁷ Jannidis, Fotis. Modeling in the Digital Humanities: a Research Program? // Historical Social Research. 2018. Suppl. 31. S. 96–100; McCarty, Willard. Modelling What There Is: Ontologising in a Multidimensional World // Historical Social Research. 2018. Supplement 31. P. 33–45.

¹⁸ Гирц К. Интерпретация культур. С. 12.

¹⁹ Alexander, Jeffrey C. Clifford Geertz and the Strong Program. P. 56.

²⁰ Лукьянов Д. В. Исторические стратегии конструирования реальности современности. С. 29.

²¹ Хвостова К. В. Математические методы в исторических исследованиях и современная эпистемология истории // Новая и новейшая история. 2007. № 3. С. 66–78.

лирования глобальных процессов исторического развития²². Большой опыт моделирования накоплен в военной истории²³, в том числе с помощью компьютерных программ (*Lanchester v3.0* и др.). Изучение прошлого через способы самореализации субъектов действия в истории также получило дополнительные возможности. Так, на примере обработки корпуса сведений об Аделаиде Савонской (ум. в 1118 г.), графине Сицилии и королеве Иерусалима, с помощью просопографического подхода можно получить информацию отдельно об этапах ее жизни, родственных связях и отношениях, а также нарративах, в которых она упоминается²⁴.

Существует множество различных классификаций и типов моделей, с помощью которых может быть описан один и тот же социальный объект или исторический факт, явление, процесс. В познавательном плане наиболее интересны прикладные **социокультурные модели коммуникации**, построенные на основе анализа социальных систем Т. Парсонса, различавшего структуру объектной ситуации, функциональный фокус структурирования социальной системы и фокус отобранных альтернатив для структурирования ролевых ожиданий (переменные модели).

5.2.1. Методологический конструктивизм: использование идеально-типических и реально-типических конструкторов (моделей)

Как правило, наука изучает то, что реально существует – либо в виде физических объектов или реальных феноменов, либо как их реальное отражение в человеческом сознании, образы и символы. Для этого она часто использует теоретические модели, исследовательские конструкторы, которые являются концептуальными инструментами понимания, обеспечивающими необходимые условия для описания и объяснения событий или явлений окружающего мира. В современной науке такие модели являются одним из основных инструментов научного познания. Не случайно Р. Крэйг утверждал, что теоретическая модель является лучшей формой репрезентации реального явления²⁵.

Конструктивизм информационных и коммуникативных подходов проявляется в использовании информационных моделей – по сути, исследовательских конструкторов, позволяющих воссоздать, реконструировать образы исторических явлений, событий, социальных процессов²⁶. В качестве моделей могут выступать как

²² Бородин Л. И. Моделирование исторических процессов: от реконструкции реальности к анализу альтернатив. СПб.: Алетей, 2016.

²³ Митюков Н. В., Юртиков Р. А., Мокроусов С. А. Применение математического моделирования для исследований военной истории // Вестник Томск. гос. ун-та. Сер. История. 2009. № 1 (5). С. 90–94.

²⁴ Prosopography of the Byzantine World. [Electronic resource]. URL: <https://pbw2016.kdl.kcl.ac.uk/person/156152>. Retrieved: 24.07.2019.

²⁵ Craig, Robert T. Constructing Theories in Communication Research. P. 46.

²⁶ См., например: Merckx, Gilbert W. Constructal Models in Social Processes // *Constructal Theory of Social Dynamics* / ed. by Adrian Bejan, Gilbert W. Merckx. N.Y.: Springer, 2007. P. 35–50; Зотов В. В., Лысенко В. А. Коммуникативные практики как теоретический конструктор изучения общества // Теория и практика общественного развития. 2010. № 3. [Электронный ресурс]. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2010/3/sociologiya/zotov-lysenko.pdf. Дата обращения: 26.05.2016.

физические, «материальные модели», так и вымышленные объекты, существующие лишь в сознании исследователя. Поэтому следует различать идеально-типические конструкторы, которых в действительности не существует (например, «мнимые числа», или «прямая», которая существует лишь локально, а не физически: в глобальном рассмотрении самая прямая вещь в мире – движение фотона в прямом солнечном луче – искажается под действием гравитации и в реальности оказывается кривой), и конструкторы реально-типические (в ядерной физике – модель атома, в генетике – модель двойной спирали ДНК и др.). В социальных науках широко используются пришедшие из биологии различные эволюционные модели, а в системном историческом познании – теоретические модели (например, в экономике – модели устойчивого развития, модели общего равновесия рынков и т. д.), структуры или описания, или комбинации некоторых из них.

Информационное моделирование предполагает наблюдение и формализацию максимально возможных (реальных и альтернативных как потенциальных), но семантически и категориально различимых форм коммуникации между людьми в системе отношений *Ego* и множества *Alter* как первоэлементов систем более высокого порядка – от коллектива (социальной группы, общины) до общества. С одной стороны, информационные модели сложных коммуникативных систем можно представлять в качестве «идеальных типов» по Веберу, с учетом тех оговорок, которые сделаны выше в специальном разделе. С другой стороны, это существенно уменьшенные и содержательно редуцированные цифровые «слежки» социальных систем, действующие как виртуальные модели, которые в информационной среде могут быть представлены в виде своего рода **цифровых навигаторов, интерактивных карт истории**. Для этого они должны по возможности максимально полно отражать реальность коммуникации, комплекс существующих в информационном пространстве прямых и перекрестных коммуникативных связей, и отношений между людьми²⁷. Такие информационные карты биологических (родственных) и социальных (вне родственных) связей могут, очевидно, строиться по типу генеалогических, поэтому на каком-то этапе накопления источниковедческого материала они приобретут достаточную историческую глубину (пока хотя бы в рамках отдельных формирующихся дисциплин – персональной, информационной, коммуникативной, экономической, современной истории), тем самым органично дополняя базы данных физического, этнического, языкового, культурного, религиозного, генетического и иного картографирования²⁸.

Поскольку речь идет не о статистическом (математическом) и даже не об алгоритмическом моделировании (это отдельная и активно развивающаяся область социального моделирования), а о замкнутых (но не закрытых в лумановском значении) моделях коммуникативных систем, конкретно-исторических или глобальных, имитационных или реальных информационных моделях коммуникации, непосредственно связанных с субъектами коммуникации, то метод моделирования спосо-

²⁷ Eriksson, Kai. Communication in Modern Social Ordering. P. 1–2.

²⁸ Branch, Jordan. Mapping the Sovereign State: Cartographic Technology, Political Authority, and Systemic Change // International Organization. Winter 2011. Vol. 65. No. 1. P. 1–36.

бен благодаря своему интерактивному инструментарию отслеживать адаптивные изменения в системах как в режиме реального времени, так и в исторической динамике – в зависимости от объема и глубины оцифрованных источников и возможностей их обработки и использования. Помимо фиксации коммуникативных связей и отношений внутри социальных групп и сообществ, метод интегрирует в себе различные социометрические инструменты.

Информационное моделирование коммуникативных систем предназначено для создания многослойных и многомерных моделей, объединяющих в общую систему различные «социальные миры», или типы социальных систем – общественный, политический, этнический, религиозный. Поскольку каждая из них представляет собой систему коммуникативных связей и отношений строго определенного типа, учитывающих специфику общественной, политической, этнической или религиозной коммуникации, наложение этих систем друг на друга позволяет получить общую модель культурно-сложного социального целого, с возможностью фокусирования внимания исследователя (или внешнего наблюдателя) на любой из элементов этой коммуникативной системы, т. е. на конкретный субъект действия в истории, находящийся в центре его собственных коммуникативных связей и отношений. Для исторического исследования коммуникативные связи и отношения конкретного человека имеют особое значение в первую очередь из-за их реального информационного содержания – интеллектуального, духовного и эмоционального, сознательного и бессознательного, рационального и иррационального, обеспечивающего смысл социальной коммуникации.

Идеально-типические конструкторы, выросшие из «идеальных типов» М. Вебера, имеют существенную познавательную ценность, когда речь идет об описании культуры и истории (в смысле историописания) как части культуры. В науке существуют различные версии представления описательных моделей²⁹, поскольку любой исторический нарратив, который намного сложнее математической модели, предназначен именно для обозначения неоднозначностей и репрезентации прошлого.

Информационные модели реального общества как реально-типические конструкторы, исследование которых позволяет получать информацию о закрытых (в лумановском значении) системах, имеют большую познавательную силу, чем модели идеального общества (города), которые, например, предлагал Августин или ал-Фараби. Для представления объяснительных моделей подобного рода обычно используется когнитивный подход³⁰, для которого они не являются вымыслом, фикцией, поскольку в информационной системе они отражают реальность коммуникации³¹. Информационные модели дополняют существующие социокультурные и семиотические модели коммуникации, достаточно хорошо описанные в историографии.

²⁹ Suppe, Frederick. *The Semantic View of Theories and Scientific Realism*. Urbana – Chicago: Univ. of Illinois Press, 1989.

³⁰ Giere, Ronald. *Explaining Science: A Cognitive Approach*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1988. P. 81.

³¹ См.: Magnani, Lorenzo. *Scientific Models are not Fictions: Model-Based Science as Epistemic Warfare* // *Philosophy and Cognitive Science: Western and Eastern Studies* / ed. by L. Magnani and P. Li. Heidelberg. – Berlin: Springer, 2012. P. 1–38.

При изучении системно-сложных восточных обществ многомерная методология подразумевает направленное абстрагирование исследовательских конструкторов от многих деталей исторической действительности, доведение до предельного уровня значимости тех признаков и черт многообразных исторических проявлений социальности, которые представляют их системную связь на разных стадиях развития человеческого общества. Здесь предлагается скорее прием концептуальной деятельности, нежели простое отвлечение от бесконечного множества свойств организации (организаций) общества – идеализация мысленных образов социального, прежде всего самой коммуникации. Подобное конструирование моделей учитывает не только противоречивость и неоднозначность прошлого, но и его нереализованные альтернативы.

Указанный прием уже используется в изложении описательной модели «идеального общества»: поднимающаяся до уровня утопии идеализация сложных многофакторных систем, особенно социальных, дает возможность преобразования подобных утопий в идеальные научные модели, которые конструируются в информационной среде. Идеализация предметов действительности выступает как способ познавательной деятельности. Эта позиция отличается от позиции эмпирической, индуктивно-статистической типологии, на которую опираются сторонники принципов классического социологизма. Обоснование и сама логика этого подхода сближают его постулаты с одним из главных теоретических вариантов понимающей социологии – концепцией идеальных типов М. Вебера, в ней выделяются «традиционные» и «рационализированные» типы, которые использовал не только Т. Парсонс, но и К. Гирц³². Современная информационно-виртуальная среда и программные возможности позволяют реализовать концепцию «идеальных типов» на практике, создавая информационные модели реально существующих социальных систем.

Идеальный тип как способ познания, по Веберу, не является описанием действительности, он нацелен исключительно на выработку средств, которые позволяют упорядочить многообразие исторического материала, на этой основе осмыслить и описать его и сравнить значимые аспекты социально-исторической реальности для выявления в ней существенного. Соответственно критерием научности идеального типа становится его исследовательская продуктивность, а установка на объективность и истинность исторического знания начинает выводиться из признания субъективности исторического исследования и отождествляться с общезначимостью его результатов.

Для методологии многомерного подхода сказанное означает смысловой и концептуальный акцент на проблематичность существования самого по себе общества как онтологического целого, признание познающего субъекта в качестве неотъемлемого и притом важнейшего компонента социальной системы, который организует и достраивает мир вокруг себя. Следствием и прямым выражением этой системно ориентированной деятельности в сфере познания, согласно данной концепции, становится не утверждение в системе знания одной – «истинной» – теории, полностью исчерпывающей предмет познания, а существование, пере-

³² Гирц К. Интерпретация культур. С. 201.

сечение нескольких идеально-типических конструкций, конкурирующих между собой за изменение (возвышение до своего уровня) социальной действительности, в результате чего соплагаются, достраиваются обе стороны этого системного процесса – и его объект, и субъект.

На уровне исследовательских методов и их концептуально-теоретической репрезентации однозначно связать методологию исследования с концепцией идеальных (конструируемых) типов возможно лишь при условии, что используемые и развиваемые концепты социальной организации в ее историческом развитии рассматриваются как преходящие, релятивные, как того требует концепция М. Вебера. Идеализация системных свойств социальной действительности в их историческом измерении не может рассматриваться только как продолжение и дальнейшее развитие классической теоретической традиции социологии, прежде всего принципа социального детерминизма. Всеобщая взаимосвязь и взаимообусловленность социальных явлений как аксиома исторического познания не отрицает движения в направлении понимающей социологии, постулатов и методов концепции идеальных (конструируемых) типов, поскольку общество и различные социальные системы являются порождением самого человека: только *Его* является источником человеческой социальности и культуры. Поэтому крайне важным и закономерным в этом случае становится **включение в теорию социальных систем смысловых и культурно-языковых взаимосвязей (структур), обеспечивающих идентичность и самоотжественность социального целого.**

5.2.2. Фокус персональной истории (биографика): модель «жизненного мира» субъекта истории как система его личных коммуникаций

Благодаря «Школе Анналов» интерес к персональной истории породил богатую биографическую литературу, которая затронула не только людей, отличившихся своим вкладом в историю или культуру. Впервые в центре пристального научного внимания оказывается сфера частной жизни обычного человека³³. В цифровой истории действия, высказывания, интересы и предпочтения любого человека, независимо от его положения в обществе, могут стать предметом исследования. Особое значение в условиях всеобщей стандартизации имеет принадлежность человека к **референтной группе**. Это понятие, введенное Р. Мертоном, оказалось очень удобным для выделения самых малых, первичных форм социальных групп (коллективов), формирующих у индивида стандарты поведения и ценностные ориентиры.

Согласно Парсонсу, структура объектной ситуации (как входящая в определения ролевых ожиданий) состоит из организмов (личностей *Ego* и *Alter*) и коллективов: здесь гуманитарный посыл соединяется с социологическим. Функци-

³³ Репина Л. П. Выделение сферы частной жизни как методологическая и историографическая проблема // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / под ред. Ю. Л. Бессмертного. М.: Наука, 1996. С. 20–32.

ональный фокус включает в себя локационный и интегративный фокусы. Первый отвечает за распределение ролевых типов по содержанию, распределение людей между ролями, распределение вознаграждений между ролями и актерами, а второй – за субколлективную солидарность и солидарность общества в широком смысле. Фокус отобранных альтернатив для структурирования ролевых ожиданий представляет первичные релеванты для моделирования статусной структуры, установок-ориентаций в ролях и интеграции коллектива³⁴. Эта схема, состоящая из разнопорядковых систем (систем личности и систем общества, которые, в свою очередь, состоят из систем личности, но при этом порождают явления более высокого, коллективного порядка) не только сложна, но, возможно, не так уж безупречна: одни и те же системы личности (*Ego* и *Alter*, независимо от их диспозиции) одновременно выступают в разных ролях, нарушая свой внутренний системный порядок. Кроме того, на коллективном уровне источником коммуникации все равно остается *Ego*, человек, от этого никуда не уйти.

Теперь рассмотрим эту ситуацию в многомерной проекции. В системе личных коммуникаций человека существуют различные и по содержанию, и по степени близости коммуникативные связи – с родными, близкими, родственниками, земляками-соплеменниками (в этническом измерении социальности), друзьями, партнерами, товарищами, коллегами по работе (общественное измерение), единомышленниками, идейными оппонентами (политическое измерение), духовными учителями и наставниками, единоверцами (религиозное измерение). Они нераздельны вследствие единства социальной природы человека, хотя мы их различаем, и неслиянны, поскольку порождены различными по содержанию и хорошо различимыми в социальной среде коммуникативными отношениями – кровного, духовного или идейного родства, свойства, любви, дружбы, товарищества, партнерства, сотрудничества.

Отношения между *Ego* и множеством *Alter* носят не только прямой, но и опосредованный характер, поэтому совокупность абсолютно всех личных связей индивида создает для каждого из них в отдельности неповторимую социальную среду – и реальную, и виртуальную, и воображаемую, кажущуюся, непосредственную и опосредованную в различных их сочетаниях. Это «жизненный мир» человека в его новом, более полном понимании, который мы называем коммуникативным. Противопоставление реального и виртуального здесь довольно условно: виртуальная и дополненная реальность – это тоже форма реальности, пусть и искусственная, иллюзорная, такая же реальная, как вера в Бога для верующего человека или вера в судьбу для фаталиста. Виртуальная реальность может превращаться в реальность актуальную, соотношение между ними определяется референцией³⁵.

И в комплексе (наборе), и по отдельности личные коммуникативные связи и отношения так же уникальны, как и индивиды или социальная среда, складывающаяся вокруг каждого индивида. Категория коммуникативной связи обозначает единственно возможный способ взаимодействия индивидов. У каждой такой соци-

³⁴ Парсонс Т. О социальных системах. С. 223.

³⁵ Ионин Л. Г. Социология культуры. С. 210–211.

альной связи есть свои особенности и характеристики, которые и в формальном, и в содержательном плане могут быть выражены и зафиксированы в виде определенной информации.

Понятие «жизненного мира», которое Хабермас справедливо признает субъективным, а в терминологии данного исследования, если поместить в центр внимания жизненный опыт самого человека (как того требуют гуманитарные науки), внешний для наблюдателя, – транссубъектно познаваемым, транссубъективным, не отождествляется с системой общества. Коммуникативный мир конкретного субъекта действий в истории имеет границы, совпадающие не только с системой его действий (размышлений, высказываний и поступков), но и с системой коммуникативных связей и отношений, которые и определяют эти границы. Границы общества, состоящего из генеральной совокупности множества *Ego*, гораздо шире.

Проекция на «жизненный мир» человека, который является *Ego*-центричным, отчасти переключается с идеей **Эго-сетей (личных сетей)**, однако, в отличие от последних, она совмещена со всем коммуникативным пространством человека, включающим в себя не только реальные личные связи (из-за широкого толкования понятия коммуникации), но и виртуальные, односторонние, в том числе воображаемые.

Выделение коммуникации как базового, элементарного критерия персонального для каждого *Ego* уровня социальной организации (поскольку *Ego* является первоэлементом любой системы социальной организации) учитывает все формы коммуникативной связи – вербальной, зрительной, мимической, психологической, когнитивной, подсознательной и т. д. Оно также заставляет рассматривать и отношения в бинOME коммуникативных и некоммуникативных способов социального взаимодействия. Некоммуникативные способы являются односторонними, обратная связь в них отсутствует физически, но существует в опосредованной форме как культурное и психологическое воздействие, более или менее значимое для индивида. Сказанное относится, например, к перформансному виду коммуникации, в том числе отношениям фанатов к их кумирам: для фаната поведение его кумира нередко является примером для подражания, но не только. Выделяются также и другие виды коммуникаций, такие как мифологический и художественный³⁶. Влияние, оказываемое в таком опосредованном взаимодействии, предопределяет культурные предпочтения личности в течение определенного периода его жизни.

Другими словами, определение «жизненного мира» включает в себя как непосредственные типы личных связей индивида: биологические (отношения родства различной степени) и социальные (соседские, профессиональные и др.), так и опосредованные, которым присущи такие черты, как одностороннее влияние и отсутствие обратной связи, но лишь видимой: здесь задействованы другие механизмы обратной передачи информации. Подобная связь характерна, например, для взаимоотношений власти и общества.

Опосредованные связи, будучи заочными, различаются по продолжительности, интенсивности (частоте), качеству, индивидуальной чувственной и эмоцио-

³⁶ Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. С. 339–355.

нальной оценке, другим характеристикам. Особую важность имеют новые формы заочной коммуникации, появившиеся вместе с Интернетом. Речь идет о **виртуальных** связях, которые являются **информационными** в чистом виде, пока они не превратились в реальные. Вопрос о том, социальны ли виртуальные связи, абсолютно очевиден и не требует ответа. Так, Г. Рейнгольд определил виртуальную общность как социальное объединение людей, пытающихся «сформировать систему личных отношений в киберпространстве»³⁷.

В большинстве коммуникативных исследований под коммуникацией понимают то, как человек использует семиотическую систему, особенно язык, для выражения своих мыслей, разговоров, языка жестов и других практик, связанных с культурой, а также всю совокупность невербальных методов общения³⁸. По мнению Апеля, общение с Богом можно представить как акт «трансцендентальной языковой игры», которая предполагает «коммуникацию человека, ставящего мир под сомнение, с Богом, не принадлежащим миру и мир создающим»³⁹. Это акт односторонней коммуникации с трансцендентной, недоступной для непосредственного контакта сущностью, который, однако, религиозному человеку представляется как двусторонний: вопрос о реальности восприятия иллюзорной действительности в религиоведении достаточно хорошо изучен. Такие типы связей учитываются в модели информационного общества, но не в коммуникативной общине (см. об этом ниже).

Поиск информации соответствующего профильного характера для гуманитарного исследования также может осуществляться с помощью моделирования, соответствующего измерениям идентичности человека. Речь идет о различиях базовых моделей поведения человека, например, информационного или экономического поведения⁴⁰.

5.2.3. Фокус микроистории: модель коммуникативной общины

Микроисторический подход, чрезвычайно важный для изучения общинных по своей природе восточных обществ, применяется также для создания теоретической модели коммуникативной общины. Разработка этого подхода связана с именами Э. Гренди, Дж. Леви и К. Гинзбурга.

В связи с этим возникает ряд вопросов:

1. В какой степени система коммуникативных связей и отношений *Ego*, его коммуникативный «мир» можно считать коммуникативной общиной конкретного индивида?

³⁷ Rheingold, Howard. The Virtual Community. P. 3.

³⁸ Подробнее о вербальных и невербальных способах коммуникации см.: Lanigan, Richard L. The Verbal and Nonverbal Codes of Communiloy: The Foundation of Interpersonal Agency and Afficacy // Communicology: The New Science of Embodied Discourse. P. 102–130.

³⁹ Апель К.-О. Трансформация философии. С. 297.

⁴⁰ Ellis, David. Modeling the Information-Seeking Patterns of Academic Researchers. P. 472.

2. Каким образом коммуникативная община конкретного человека соотносится с исторически зафиксированными типами общины – родовой (кровнородственной), соседской/сельской (территориальной), городской (экстратерриториальной), «местной» или какой-нибудь другой?
3. Какой из типов общины рассматривать в качестве промежуточного звена между человеком и обществом – родовой и соседский, относящиеся к территориальному типу общин, городской, представляющий, как правило, экстратерриториальный тип общины, или коммуникативный – информационный тип общины, включающий в себя и территориальный, и экстратерриториальный типы общин?

Смещение внимания с особенностей индивида на специфику развития социальной организации, начиная с общины (*community*), позволяет выделить больше промежуточных элементов, например между общиной и обществом, показывая исторические этапы расширения пределов коммуникационного «мира» исторического *Ego*.

Община находится в центре дискуссий многих современных теорий и концепций, начиная от американского коммунитаризма до теории коммуникационного действия Хабермаса и французской деконструкции в работах Ж. Деррида, Ж.-Л. Нэнси⁴¹ и некоторых других философов⁴². Р. Эспозито рассматривает первичную человеческую общность с точки зрения оригинального этимологического значения *communitas* (сообщество)⁴³. Объединение некоторых содержательных положений теорий Сорокина, Парсонса, Лумана, Хабермаса, Гирца, Гидденса дает возможность даже на материалах хорошо известной классической истории сформулировать ключевую для данной работы концепцию коммуникативной общины.

Для создания теоретической модели коммуникативной общины особое значение имеет не только теория коммуникативного действия Хабермаса, но и концепция коммуникативного сообщества К.-О. Апеля. В концепции Хабермаса чрезвычайно важно совмещение самого факта коммуникативной связи индивида, а также социальных отношений, возникающих как следствие/результат коммуникативных связей, с «жизненным миром», связанным с «системой действий». Общество, согласно Хабермасу, есть одновременно и система, и «жизненный мир», точнее, неразделенное единство различных типов общественности. Система является объективным миром, она состоит из фактов (элементы системы), социальный мир – из норм и ценностей, а «жизненный мир», будучи субъективным – из восприятия социальных действий и отношений. Однако в нашей версии многомерной истории совмещение коммуникативной общины с «жизненным» миром также понимается через коммуникацию (см. коммуникативный мир).

⁴¹ Nancy, Jean-Luc. *The Creation of the World or Globalization*. Translated and with an Introduction by François Raffoul and David Pettigrew. Albany, N.Y.: State Univ. of New York Press, 2007.

⁴² См.: *Luszczynska, Ana M.* *The Ethics of Community: Nancy, Derrida, Morrison, and Menendez*. N.Y.: Continuum, 2012.

⁴³ *Esposito, Roberto.* *Communitas. The Origin and Destiny of Community*.

В новейших отечественных разработках коммуникативной теории системы отношений делятся на непосредственные, коммуникативные, требующие анализа *отношений между объектами* (или, в интерсубъектной характеристике – между двумя субъектами), и опосредованные, интеллектуальные, которые относятся скорее к отражению реальности познающим сознанием. Это уже более высокий аналитический уровень, который требует анализа *отношений между отношениями*, каковыми является, например, борьба между добром и злом: «Добро – категория отношения, зло – тоже»⁴⁴.

К.-О. Апель включает в коммуникативное сообщество «все мыслящие существа»⁴⁵, связанные между собой коммуникацией – реальной и виртуальной, и рассматривает его в качестве трансцендентальной предпосылки социальных наук, с особым упором на язык как основное средство коммуникации⁴⁶; в этой концепции особый интерес представляет взгляд на общество как «субъект-объект критической социальной науки»⁴⁷. Развитие идеи транссубъектного анализа социальных систем, прежде всего коммуникативной общины как совокупности всех социальных связей каждого *Его*, приводит к тому, что главным субъектом истории становится именно личность, а не класс, общество, народ или государство. Восточная община, как и восточные общества, изучается через коммуникации конкретных людей.

Община как коммуникативная система и общество как целостная совокупность коммуникативных систем и институтов существуют исключительно благодаря социальному взаимодействию, которое так или иначе обеспечивается коммуникацией – вербальной, письменной, невербальной. Основные типы коммуникации – вербальная и письменная – связаны с языком. В коммуникативной общине, в отличие от «жизненного мира», имеющего один источник социального действия и проекцию его сознания на материальный мир, важны также горизонтальные связи между людьми, входящими в систему коммуникации. Иначе говоря, в коммуникативной общине, в которой люди связаны друг с другом коммуникативными взаимоотношениями и взаимозависимостью – не столько индивидуальной, сколько коллективной – нет места виртуальным коммуникациям, а только реальным, в том числе опосредованным. Собственно именно этим она и отличается от «жизненного мира».

Социальное объединение представляет собой совокупность множества вертикальных и горизонтальных личных связей, образующих более или менее устойчивые системы и подсистемы, с разной степенью продолжительности, темпами жизнедеятельности, интенсивностью, устойчивостью и актуальностью отношений, в которых определенную роль играет и фактор случайности. Из-за этих особенностей возникает проблема исходной точки, точки опоры, базиса для воссоздания объективной картины совокупности всех типов связей индивида, образующих

⁴⁴ Митюгов В. В. Познание и вера // Вопросы философии. 1996. № 6. С. 64. Подробнее об этом см.: Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. С. 55.

⁴⁵ Апель К.-О. Трансформация философии. С. 324.

⁴⁶ Apel, Karl-Otto. Sprache als Thema und Medium der transzendentalen Reflexion // Man and World. 1971. No. 3. S. 323–337.

⁴⁷ Апель К.-О. Трансформация философии. С. 217.

его общину. Информационный подход позволяет учитывать все типы связей, в том числе случайные, а не только закономерные, ожидаемые и причинно обусловленные. Именно поэтому **исходной единицей, первоэлементом, основным звеном социальной общности может быть признан сам индивид, а базовой характеристикой его социальных связей – коммуникативность**. До появления цифровых инструментов было невозможно совместить фокус на человека с одновременным фокусом на общину и общество – смотреть на целое и видеть в нем также частное и наоборот.

Коммуникация определяет не только качество социальных связей, но и их осмысление в понятиях социального языка, а также форму передачи осмысленной информации от одного человека к другому или определенной совокупности людей. Более того, она имеет прямое отношение и к ощущению сакрального, священного. Эта мысль лучше всего выражена у Карла Ясперса в «Философской вере», которую он также называл «верой в коммуникацию»: разум как «связь всех модулов объемлющего <...> требует беспредельной коммуникации, он сам – тотальная воля к коммуникации. Поскольку во времени мы не можем объективно обладать истиной как единой и вечной и поскольку наличное бытие возможно только наряду с другим наличным бытием, экзистенция постигает себя лишь в сообществе с другой экзистенцией, коммуникация являет собой образ открытия истины во времени»⁴⁸. Поясняя свою мысль, философ говорит: «Истина есть то, что нас соединяет, и в коммуникации заключены истоки истины. Человек находит в мире другого человека как единственную действительность, с которой он может объединиться в понимании и доверии»⁴⁹.

Рассматриваемая в логическом единстве своих внешних и внутренних признаков, коммуникативная община представляет собой всю совокупность связей и отношений человека с другими субъектами/объектами: отношений биологического родства и свойства, а также всех социальных связей – и реальных, и виртуальных, двусторонних, многосторонних и односторонних, и даже опосредованных (заочных) и потенциальных. Поэтому в определении коммуникативной общины важен конкретный человек, его место в системе коммуникации, его личные связи и отношения – как настоящие, так и прошлые.

Коммуникативная община – это персонифицированная информационная модель социальной общности, представляющая собой целостную и сравнительно автономную систему совокупных человеческих коммуникаций. Поскольку мы можем произвольно менять фокус анализа от одного *Его* к другому, получается еще одно пространство многомерности, в котором историк может изучать прошлое, исходя из транссубъективного опыта любого члена общины. Таким образом, удастся определить радиус коммуникативных связей каждого *Его*: наиболее устойчивое – в ближнем круге, менее стабильное – на периферии социального взаимодействия. В *Его*-сетях используется более динамичная шкала радиуса связей (*k*), которая является одним из двух оснований сетей наряду с количеством разрешен-

⁴⁸ Ясперс К. Смысл и назначение истории. С. 443.

⁴⁹ Там же.

ных выборов (N). В нашем случае такая шкала также может быть полезна, но мало что дает, поскольку упрощает и уравнивает разнородные по своим характеристикам коммуникативные связи в трансперсональной системе коммуникаций. Характер и содержание коммуникативных связей определяются множеством факторов, в том числе таких важных, как исторические условия, среда обитания, личные качества индивида, принадлежность его к определенной этнической, конфессиональной, экономической, политической, культурной или иной общности.

В коммуникативном подходе каждый человек является центром, ядром собственной общины, таким образом, он сам и его социальные партнеры персонализированы, а не обезличены, а также имеют свои характеристики, пусть и в собственной системе координат конкретного *Его*. При оценке значимости и приоритетности связей и отношений индивида учитываются не только их внешние параметры, но и личные оценки самого индивида, обусловленные его происхождением, взглядами, культурой, образованием и воспитанием, материальным положением и социальным статусом, личными предпочтениями. Это методологически совершенно другое отношение к процессу познания: исследователь не считает себя единственным объективным и непогрешимым источником оценки. Он сужает расплывчатые горизонты своих субъективных оценок компетентным мнением миллионов персоналий, составляющих коммуникативную общину, каждый из которых лучше, чем кто-либо, знает об особенностях своей личности и своих внутренних приоритетах, определяющих все его идентичности.

В рамках философии праксиса Освальд Швеммер сопоставлял коммуникативное сообщество с «интерпретативным», отмечая, что формирование общности мнения и интерпретации необходимо как для построения знания, так и для установления понимания, поскольку «знание и понимание суть две части единого целого, которые выражаются в теории и ее объяснении, т. е. герменевтике»⁵⁰. С коммуникативной общиной вопрос обстоит точно таким же образом: взгляд на общину как на коммуникативную систему практически не меняет сложившиеся представления о родовой, соседской или городской, территориальной или экстра-территориальной общинах. Напротив, он позволяет системно понимать различия между ними, формализуя известный материал, объясняя при этом исключения из правил, а также все оговорки и отступления.

5.2.4. Фокус «микроистории глобального» в модели «системы систем»

Микроисторический уровень анализа коммуникаций генеральной совокупности *Его* в масштабе всего общества, в том числе объединенных в кластеры (коммуникативные общины), позволяет на основе многомерного статистического анализа «больших данных» делать широкие макротеоретические выводы. Себастьян

⁵⁰ Schwemmer, Oswald. Philosophie der Praxis: Versuch zur Grundlegung einer Lehre vom moralischen Argumentieren in Verbindung mit einer Interpretation der praktischen Philosophie Kants. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1971. S. 125.

Конрад назвал такой подход «**микроисторией глобального**», или глобальной микроисторией, дающей истории необходимую глубину⁵¹.

Дж. Александер считал фокус микроистории более важным, чем фокус макроистории, и он, конечно, по-своему прав, особенно в рамках традиционной истории. Но широкие сравнения редко бывают полностью корректными. Если создавать конструкции макроистории не на основе гипотез или упрощенного обобщения общих тенденций, а исключительно на основе верифицируемых больших данных, восходящих к конкретному человеку, то, во-первых, макроистория становится не менее надежным источником знания. Во-вторых, такое знание является сущностным, обобщенным, но не упрощенным и, так как это общее знание, у него есть неоспоримое преимущество перед знанием частным – оно имеет несравненно большую практическую ценность для общества.

Концепция коммуникативной общины ставит человека в центр его собственной системы коммуникации, представляя общество, этнос или религиозную общность не только как относительно самостоятельные, условно замкнутые на себя системы, но и как воображаемую целостность множества коммуникативных общин, предлагая тем самым максимально понятную схему «микроистории глобального». Система личной коммуникации индивида и коммуникативная община – не совсем одно и то же. Первое представляет собой систему связей, второе – связей и отношений. Коммуникативная община открыта для всех, кто с ней взаимодействует, но закрыта для всех, кому она недоступна в силу объективных причин. В связи с этим ключевыми для данного исследования оказываются категории социальной связи и социальных отношений, которые в терминах многомерного подхода обозначены как коммуникативные связи и отношения.

Традиционные системные подходы позволяют рассматривать любую социальную общность в качестве отдельной системы. Если в качестве системы выделяется сельская община, то число коммуникативных общин должно быть тождественно числу сел на данной территории. Число родовых общин на этой же территории будет гораздо больше – каждое крупное село насчитывает не одну, а несколько родовых общностей, идентичность которых в ареалах наиболее интенсивного социального взаимодействия в значительной степени размыта. Тем не менее и родовая, и сельская общины являются реальными элементами системы общества.

Однако как только дело касается городов, система подсчетов на основании традиционных критериев общины дает сбой: категория экстратерриториальных городских общин в современных крупных городах, не имеющих традиционного разделения на кварталы типа восточного *махалли*, не является такой же важной социальной реальностью, как родовая или сельская община. Это во многом исследовательский конструкт: реальные локальные общины в крупных городах исторически формировались на основе совершенно иных критериев – профессиональных, религиозных, расовых и т. д.

В современных индустриальных городах и мегаполисах происходит индивидуализация общественного пространства: человек общается преимущественно

⁵¹ Конрад С. Что такое глобальная история? С. 168, 184.

с теми, с кем связан более или менее устойчивыми социальными связями, их число и персональный состав зависят от места человека в системе социальных связей общества и от его индивидуальных ценностных предпочтений, не обязательно определяемых этим местом. Следовательно, система общины в традиционных ее толкованиях не может служить «кирпичиком», элементом системы общества, в отличие от коммуникативной общины, которая представляет собой систему коммуникации каждого отдельно взятого индивида.

Количество первичных коммуникативных систем в обществе тождественно численности членов общества, способных устанавливать социальные связи и поддерживать социальные отношения. Предлагаемый коммуникативный подход, во-первых, возвращает личность, или *Ego*, в центр общественных отношений, что совершенно оправданно: именно человек и является первоисточником социальных отношений. Во-вторых, здесь наилучшим образом совмещается системный взгляд на общество и на человека, предлагаемый Парсонсом.

В качестве основных элементов общества как системы выделяются социальные группы, классы и слои, этнические общности, целевые общности, формальные и неформальные группы, малые группы, первичные и вторичные группы, референтные группы, семьи и даже виртуальные общности. Понятие целевых общностей можно конкретизировать, включив в него религиозные группы, политические партии, профессиональные сообщества, научную, литературную, культурную, художественную, музыкальную, театральную, спортивную и любую другую общественность. Иначе говоря, отдельные подсистемы (системы меньшего порядка) общества представляют собой все *типы общественности* (по Хабермасу), или «социальные миры» (С. Л. Стар, А. Кларк, Дж. Фудзимуро, Э. Джерсон, К. Гаррети). Разделяя в исследовательских целях аспекты социальности как отдельные системы, важно не отчуждать их друг от друга, а помнить о логике их внутренней взаимосвязи, которая определяет их социальную целостность.

Не менее важной характеристикой формирующихся сложных социальных систем, складывающихся из подсистем различного порядка, является их комплексность – организационная, структурная. Для системного понимания организованной сложности большое методологическое значение имеет наблюдение Н. Лумана о том, что «смысл, самореференция, аутопойетическое воспроизводство и операционная закрытость вместе с монополизацией собственного типа операций, т. е. коммуникации, выражаются в том, что система общества выстраивает свою собственную структурную комплексность и организует благодаря этому собственный аутопойезис»⁵². При этом важно также учитывать градиенты комплексности между системами и окружающим их миром⁵³ и тенденцию к превращению системы в «гиперкомплексную», предполагающую широкую вариативность понимания ею своей «комплексности»⁵⁴.

⁵² Луман Н. Общество как социальная система. С. 74.

⁵³ Луман Н. Социальные системы. С. 240–241.

⁵⁴ Луман Н. Самоописания. С. 15.

В историческом познании системную комплексность социального целого можно разделить на комплексность социального частного. Многомерный подход предлагает для этого опираться на конструкт измерений истории: общественные, экономические, политические, этнические, религиозные измерения как самостоятельные аспекты общей системы социального целого легко различаются между собой. Тот же самый подход можно распространить на системную комплексность культурного целого: в этом случае концептуальная схема познания прошлого должна помочь в изучении исторических измерений систем общественной, экономической, политической, этнической, религиозной, правовой и т. д. культуры.

5.2.5. Фокус макроистории: цифровая модель реального общества вместо гипотетической модели «идеального общества»

Как известно, идеальное существует лишь как идея конкретного объекта, а не как сам объект, например идеальная линия, представляющая в действительности бесконечное множество точек (квантов, волн), выстроенных в ряд. В многомерных системах идеал существует только в сознании как образ, но не в реальности, например «идеальная пара». Если взять другой аспект проблемы, а именно гипотетическое описание идеального общества, обнаружится, что категория «идеального» зависит от идеологических убеждений. Например, в платоновском описании «идеального государства» аристократия как «власть лучших людей» и олигархия названы более справедливыми формами управления государством, чем демократия – «власть народа»⁵⁵; в современных неолиберальных концепциях эта роль отводится западной модели (моделям) демократии. В культурах Востока идеально-типические конструкты идеального общества органично включают в себя описания хороших отношений людей друг с другом, при этом ссылаются на реально-типический конструкт. Например, ал-Фараби, рассказывая о «взглядах жителей добродетельного города», берет пример с Медины – образа идеального города-государства, в котором справедливо правил пророк Мухаммад⁵⁶. В других своих книгах ал-Фараби раскрывает коммуникативные аспекты социального общежития в таком идеальном государстве, каковым ему представлялось раннемусульманское государство, созданное Мухаммадом – справедливая политика по отношению к гражданам, их «добродетельные нравы», достижение счастья.

Будучи сложнейшей социальной системой, общество требует своего многоуровневого системного анализа с выявлением всех возможных, а главное – доступных для описания, связей и отношений, всех типов коммуникации человека. Такой анализ возможен на основе создания «идеального», в смысле – *максимально*

⁵⁵ См.: Платон. Государство. С. 282.

⁵⁶ Al-Farabi on the Perfect State: Abū Naṣr Al-Fārābī's Mabādī' Ārā' Ahl Al-Madīna Al-Fāḍila / A Revised Text and comment. by Richard Walzer. Oxford: Clarendon Press, 1985.

точного цифрового слепка реального общества, его информационной модели, формализующей в виртуальном пространстве структуру и функции социальной коммуникации⁵⁷.

Каждую секунду в мире рождается и умирает определенное число людей. Хотя абсолютное количество (физическое число) людей на свете в данную конкретную секунду пока еще не поддается точному исчислению, оно тем не менее конечно. Соответственно ограничено (т. е. имеет конкретное или нечеткое числовое значение) и количество связей между ними, что позволяет говорить о теоретической возможности создания информационной модели общества. С другой стороны, в течение жизни индивида периметр его социальных связей все время меняется, расширяется и сужается. Такие динамичные изменения можно фиксировать только с помощью самого индивида, благодаря интерактивным средствам Интернета. Поэтому наиболее благоприятной средой для создания и функционирования информационной модели общества является цифровое пространство.

В рамках изучения современной истории на основе «цифровых следов» коммуникационные связи и отношения информационной модели общества способны обеспечить высочайшую точность реконструкции истории конкретных людей, социальных групп, идей или идейных движений. Для древности и Средневековья воссоздаются выборочные, фрагментарные информационные модели общества, которые можно использовать как концептуальные (интерпретативные) схемы.

Создание информационной модели отдельного общества или, гипотетически, всего человечества, предполагает воспроизводство (фиксацию) в виртуальном пространстве всех по возможности реально существующих социальных систем и людей во всем многообразии их персонифицированных коммуникативных связей и отношений. В центре внимания этой схемы оказывается конкретный индивид. Отдельные элементы информационной модели общества отчасти реализованы в социальных сетях, единых информационных базах данных системы госуправления, их используют налоговые службы, кредитные организации. Пока действующая модель такого типа не будет создана, идея остается мысленным экспериментом.

Для практической реализации информационной модели общества необходимо решить множество проблем, в том числе правового и методологического характера. Классический процесс моделирования включает в себя три элемента: субъект моделирования (исследователь), объект моделирования (моделируемое сообщество) и саму модель, отражающую отношения познающего субъекта и познаваемого объекта. В данном случае ставится задача фиксации не только людей, но и их связей и отношений, через которые раскрывается личность конкретного *Его*. Для этого используется информационно-коммуникативная дихотомия субъекта и объекта, изложенная в разделе о коммуникативной общине. По этой методике исследователь не может и не должен оценивать чужие связи. Собственные связи оценивает сам *Его*, каждый «атом» общества. Таким образом, актуальные оценки и ценностные суждения оказываются субъективными по своей природе, но объектив-

⁵⁷ См. об этом: *Lasswell, Harold D. The Structure and Function of Communication in Society. P. 37–51.*

ными с точки зрения исследователя: они объективны именно своей субъективностью. Что касается неизбежного субъективизма самого историка, во-первых, его сфера применения значительно сужается (поскольку актуализируются транссубъективные оценки субъектов истории), а во-вторых, как утверждал Л. фон Мизес, он второстепенен относительно подлинных задач истории: исследователь прошлого тоже может выступать «как индивид, судящий с точки зрения своих личных оценок, а не как историк»⁵⁸.

Субъективные оценки могут меняться, поскольку человеческие отношения все время развиваются. Соответственно информационная модель общества должна иметь живой интерактивный характер, и человек теоретически должен иметь возможность скорректировать введенные им ранее данные в режиме реального времени, фиксируя тем самым наиболее значимые динамические изменения своей биографии.

На начальном этапе разработки информационной модели реального общества задача исследователя сводится к выбору принципов формализации социальных связей и отношений и созданию на этой основе единых образцов анкет и информационных полей, в необходимой мере отражающих все значимые параметры. Эти поля заполняются не в произвольном порядке, а путем самостоятельного персонального выбора каждым пользователем соответствующих формализованных пунктов, с возможностью представления информации на всех существующих языках. Система выбора должна быть достаточно детализированной для того, чтобы обеспечивать необходимый результат, но дробность вопросов не может быть бесконечной. В процессе создания технического задания и биологические, и социальные, и виртуальные связи индивида должны быть описаны с помощью общих идентификаторов, условных обозначений, основных и вспомогательных атрибутов сущности, функций и алгоритмов.

Попытку формализации отношений между индивидами в социальной системе предприняли российские математики. Используя аппарат общей алгебры, предметной областью которого являются в том числе множества с совокупностью определенных на них отношений, М. А. Шулепов и Д. А. Шульга предложили такие математически формализованные описания, которые могут быть полезными для характеристики как стержневых, так и ассоциативных сущностей, в которых множества как совокупности некоторых объектов определенной природы являются первичным, неопределяемым обозначением. Эти описания также учитывают отношения «один ко многим» и «много к одному», чрезвычайно важные для понимания природы взаимоотношений человека и общества. Формализованное описание отношений внутри общества «достигается благодаря отождествлению абстрактных математических понятий с соответствующими реалиями в социальной системе, а именно: множество – с обществом, бинарное отношение – с взаимоотношениями между людьми или группами людей, алгебраическая операция – с актом сопоставления одного человека (или группы людей) с некоторым человеком (или груп-

⁵⁸ Мизес Л. фон. Теория и история. Интерпретация социально-экономической эволюции / пер. с англ. А.В. Куряева. М. – Челябинск: Социум, 1913. С. 17.

пой людей), обладающим заданным свойством»⁵⁹. Предложенную математическую модель отношений можно развить и усложнить на основе более дробной иерархии родства и социальной общности, обогатив ее графической и символической формализацией, которые являются гораздо более наглядными и потому более понятными для коллективной работы. Исследователи считают кровнородственные отношения симметричными и рефлексивными, а отношения свойства – эквивалентными (просто родственными), но для построения информационной модели общества, близкой к реальности, эта схема требует значительной детализации.

Для сравнительно более точного описания отношений между объектами информационной модели любой коммуникативной общности как системы взаимоотношений *Ego* и *Alter* можно использовать классификацию Т. Парсонса, предлагавшего два фокуса индивидуального уровня анализа и два – коллективного. Первый фокус позволяет осуществить типологизацию участников коммуникации по классификационным (пол, возраст, физические и личностные черты) и другим (биологическое положение, пространственное и временное положение, членство в коллективе и др.) признакам, а также установить их способности к деятельности на основе классификационных параметров. Второй фокус, помимо способностей к деятельности коллектива, учитывает его аскриптивные качества: и классификационные (размер, состав, типы ориентационных ролей, общие черты коллективной единицы), и реляциональные (центр территориального размещения – центральное или периферийное, временное размещение, включенность в другие коллективы)⁶⁰. Те же самые фокусы анализа Парсонс предлагает для классификации типов ролевых ориентаций (ориентация на себя, ориентация на другого, коллективные обязательства, частные интересы) баланс инструментальных и экспрессивных ориентаций, систему культурной ориентации (система убеждений и система символов) и интегративные структуры⁶¹, справедливо указывая, что «это достаточно сложная классификация, однако если ее упростить, она не будет соответствовать сложности самого предмета»⁶².

Связи и отношения внутри коммуникативной общины определяются культурной средой, религией и многими другими факторами, поэтому любая схема, комплексно не учитывающая все аспекты социальности человека, будет неполной. С целью уменьшения возможных искажений общей картины типы связей не оцениваются, а фиксируются. Для учета особенностей личного восприятия индивида должны быть введены дополнительные переменные факторы.

Трансляция представляет собой одностороннюю форму коммуникации, а трансмутация – качественное изменение информации в процессе ее передачи из-за особенностей восприятия. Для максимального снижения (до уровня приемлемых значений) неизбежной трансмутации вводимой информации необхо-

⁵⁹ Шулепов М. А., Шульга Д. А. Аппарат общей алгебры для формализации описания взаимодействия в социальной системе. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusnauka.narod.ru/lib/physic/chaos/2>. Дата обращения: 27.04.2016.

⁶⁰ Парсонс Т. О социальных системах. С. 228–230.

⁶¹ Там же. С. 230–239.

⁶² Там же. С. 230.

димо устанавливать строгие параметры достоверности, основанные на формализованном языке описания. Информацию о себе вводит сам индивид, а не внешний наблюдатель (исследователь), что позволяет представить совокупность всех его связей и отношений «как есть» (или «как он сам видит»), т. е. без искажений со стороны интерпретатора. Эта особенность информационной модели коммуникативных сообществ обуславливает ее динамичный характер. Другая особенность информационной модели – в том, что она способна выдавать избирательную информацию, превращаясь по запросу пользователя в информационную модель политической, этнической или религиозной общности.

5.2.6. Интеграция фокусов персональной истории, микроистории и макроистории

Многомерный подход обеспечивает интеграцию различных фокусов анализа программными средствами, способными произвольно, по желанию исследователя менять фокус и масштаб анализа. В этом направлении идет и мегаистория, или «большая история» (*Big History*). Рассматривая социальную эволюцию в мире, прежде всего на Востоке и Западе, как вершину глобальной эволюции, А. В. Коротаев и Л. Е. Гринин в своей новой монографии «Восток и социальная эволюция» изначально задают масштаб мегаистории, в которой социальной эволюции предшествуют «более древние фазы эволюции»: биологическая и космическая. Тем самым социальная эволюция включается в единый процесс глобального эволюционизма, который начинается с Большого взрыва. Такой подход интересен для моделирования предыстории «нашей писаной истории» (по Энгельсу), которой не больше 5 тыс. лет, однако гипотетичность многих концепций доисторических периодов макроэволюции, начиная с гипотетического момента начала всех начал – появления Вселенной, усиливают неверифицируемые аспекты исследования в ущерб верифицируемому. Например, в описаниях космической эволюции исследователь вынужден иметь дело не с самой эволюцией, а с макроэволюционными теориями и концепциями, фактически это история идей. Связь с эмпирическим материалом выстраивается на самом высоком уровне обобщения, что также соответствует глобальной системе координат мегаистории.

Учет многомерности в работе над первоисточниками, цифровыми, письменными и материальными, позволяет системно группировать наблюдаемые факты истории и ранжировать их в порядке эволюционного развития (стадиальных градаций). В логике различения Лумана общественная история может быть представлена как процесс последовательного (в морфологическом смысле) и системного усложнения социокультурной реальности, допускающий ее редукцию лишь в целях объяснения.

Для объяснения современной социальной реальности Луман вводит дихотомию *глобализация/регионализация*⁶³. В новейших исследованиях современный мир характеризуется как *Global Modernities*: в этом «микрокосмическом» определении

⁶³ Луман Н. Дифференциация. С. 239–245.

«пространственного поворота» глобальное парадоксально сочетается с локальными «модернизмами» – моделями развития отдельных стран, объясняющими сложные процессы глобализации в условиях меняющегося мира как гибридизацию⁶⁴.

В наибольшей степени гибридизация проявляется в таком феномене современной истории, как глокализация. Образованное путем соединения глобального и локального, это понятие подразумевает взаимодополняемость макро- и микро-процессов развития, их большой потенциал и внутренние противоречия, ведущие к системной нестабильности. По мнению О. А. Митрошенкова, глокализация, закономерно усиливающая межкультурную коммуникацию во всем мире, является одним из важнейших признаков метамодернизма⁶⁵. Таким образом, если реальная действительность объединяет глобальное и локальное, то и научные подходы должны предлагать необходимые для познания этой сложной взаимодополняемой реальности инструменты.

О проблемах синтеза микро- и макротеоретических подходов в научном познании прошлого и настоящего написано достаточно много⁶⁶. Основные концепции, которые могут быть использованы как основания для такого синтеза, связаны с именем Н. Элиаса⁶⁷, который оказал большое влияние на понимание Дж. Ритцером отношений между микроуровневыми способами действий и макроуровневым состоянием⁶⁸, а также Дж. Александером, создавшим на основе логической интерпретации наследия Т. Парсонса, как мы уже говорили, «многомерную социологию» с ее моделью различных уровней анализа – от индивидуального (микро) до коллективного (макро)⁶⁹. Дж. Ритцер развивает эту модель, выделяя в ней четыре уровня анализа социального: макросубъективный, макрообъективный, микросубъективный и микрообъективный⁷⁰. Затем он подчеркивает, что эти уровни являются основными⁷¹, очевидно, подразумевая под этим, что есть и другие, неосновные уровни анализа. В отечественной историографии о поиске синтеза микро- и макроподходов писала Л. П. Репина⁷².

Мы говорим не столько о синтезе, сколько о совместном использовании микроистории и макроистории, на основе общей теории систем, которая, как показал У. Бакли, сама «имеет многоуровневый характер и может одинаково применяться

⁶⁴ Global Modernities / ed. by Mike Featherstone, Scott Lash, Roland Robertson. L.: SAGE Publications Ltd, 1995. О системном измерении социальных изменений в условиях множества модернизмов см.: Bánáthy, Béla H. Designing Social Systems in a Changing World (Contemporary Systems Thinking). N.Y.: Springer, 1996.

⁶⁵ Митрошенков О. А. Метамодерн. [Электронный ресурс]. URL: <http://metamodernizm.ru/chto-pri-det-na-smenu-postmodernizmu>. Дата обращения: 12.11.2018.

⁶⁶ Ритцер Дж. Современные социологические теории. С. 100–103.

⁶⁷ Elias, Norbert. The Civilizing Process. Oxford: Blackwell, 1939.

⁶⁸ Ритцер Дж. Современные социологические теории. С. 100.

⁶⁹ Alexander, Jeffrey C. Theoretical Logic in Sociology.

⁷⁰ Подробнее об этом см.: Ritzer, George. Toward an Integrated Sociological Paradigm: The Search for an Exemplar and an Image of the Subject Matter. Boston: Allynand Bacon, 1981.

⁷¹ Ритцер Дж. Современные социологические теории. С. 100.

⁷² Репина Л. П. Новые исследовательские стратегии в российской и мировой историографии: Препринт WP6/2008/06. М.: ГУ ВШЭ, 2008. С. 7.

как к самым крупномасштабным, так и к самым маломасштабным, как к наиболее объективным, так и к наиболее субъективным аспектам социального мира»⁷³.

Приближая эту простую и познавательно понятную схему к сложной социальной действительности, в том числе исторической, приходится согласиться с Дж. Ритцером, что в реальности исследователь имеет дело не с дихотомией двух крайних подходов, а с неким континуумом между ними⁷⁴. Это тем более актуально в цифровой истории, в которой масштабирование фокуса исследования осуществляется программными средствами, и оно зависит от поставленной задачи и поискового запроса. Поэтому выделенные исследователем четыре уровня анализа можно признавать не только основными, но и пригодными для изучения лишь определенных уровней микро- и макроанализа. В других разделах данного исследования выделен гораздо более широкий и меняющийся диапазон фокусов анализа.

В социальных системах Лумана **микроисторические подходы к истории интегрируются с макроисторическими через коммуникацию, поскольку любая коммуникация принимает форму противоречия**⁷⁵. Создавая самореферентные системы, коммуникация способна отделять сами эти системы от внешней среды, природы. Источником коммуникации является человек. На основе этой теории макроисторию можно представить как совокупность некоторого числа микроисторий – не только человека, но и семьи, деревни, общины, города⁷⁶. Такой подход особенно удобен для изучения сегментированных восточных обществ. В системной теории микроистория выступает как подсистема макроистории, элемент системной мозаики. На первичном подсистемном уровне анализа, персональном, в центре внимания оказывается «цифровая история каждого», а на глобальном уровне массовый материал микроистории выступает как эмпирический фундамент для широких макроисторических обобщений.

Метод моделирования требует создавать для изучения любого объекта или события его максимально точную, но редуцированную, в значительной мере схематическую «цифровую копию» – реальную, с помощью программных средств, либо умозрительную, в качестве «чистой» теоретической модели. Если это будет «цифровой слепок» персонифицированной модели коммуникативной общины *Его*, это означает, что метод использует микроисторический подход. Если моделирование социальной жизни (процессов, событий, прогнозов, анализа предпочтений и др.) будет осуществляться в масштабах общества в целом, с гораздо большей схематизацией описания, то это будет уже масштаб макроистории. Транссубъектность анализа исторического материала позволяет оценивать и малое, и глобаль-

⁷³ Buckley, Walter. *Sociology and Modern Systems Theory*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1967; цит. по: Ритцер Дж. *Современные социологические теории*. С. 215.

⁷⁴ Ритцер Дж. *Современные социологические теории*. С. 416.

⁷⁵ Луман Н. *Социальные системы*. С. 493.

⁷⁶ Подробнее об историографии проблемы сочетания микротейоретических и макротейоретических подходов в историческом познании см.: Могильницкий Б. Г. Макро- и микроподходы в историческом исследовании (историографический ракурс) // Вестник Томского государственного университета. История. 2009. № 2(6). С. 14–21.

ное с точки зрения по крайней мере двух *Ego* – субъекта социального действия в истории (реконструкция исторического мышления) и стоящего за ним субъекта исторического познания (реконструкция истории).

Рис. 5.1. Схема информационного моделирования исторического события и формализации его описания

Интегрируя различные фокусы – от микроисторических (шире – микротеоретических) до макроисторических (макротеоретических), метод моделирования коммуникативных систем:

- 1) рассматривает все общества как культурно-сложные адаптивные системы, состоящие из организованного и неорганизованного числа отдельных *Ego* и социальных групп (некоторого числа взаимосвязанных сообществ *Ego*), которые **с высокой точностью и детализацией могут быть воспроизведены в информационной среде**. Такой взгляд логически ведет к концепции сложных адаптивных систем, заимствованной из точных наук, в которой различаются организованная и неорганизованная сложность, централизованные и децентрализованные системы;
- 2) на основе «цифровых следов» изучает повседневную жизнедеятельность каждого человека, а через него – функционирование социальных групп и всего общества (или его адресной выборки) одновременно в разных измерениях, или аспектах истории: общественном, экономическом, политическом, этническом, религиозном, правовом, культурном и т. д.
- 3) предлагает в качестве **особых типов системных образований** не только **взаимосвязанные проявления социальных аспектов истории**, но и **сложные системные идеи**, отражающие эту историческую реальность, а также **результаты системного** (в данном случае – системно-коммуникационного) **анализа этих идей**, упорядочивающего информацию в соответствии с заданными задачами и сценариями (протоколами);
- 4) позволяет создавать информационные модели объекта изучения и с помощью программных инструментов заниматься **моделированием социальной жизни в истории** – не только статистическим, но и алгоритмическим, с описанием функций и значений максимального числа возможных переменных факторов: данный аспект темы здесь только обозначен, но не развит. Достаточно сказать, что в этом направлении проведено множество специальных исследований;

- 5) заостряет внимание исследователя на **моменте возникновения системы**, а также на **моменте возникновения коммуникативной ситуации**. Согласно теории возникновения, оно является одной из сложных системных идей⁷⁷;
- 6) ставит качество коммуникативных связей и основанных на них отношений **в прямую зависимость от динамически меняющегося содержания актов коммуникации**. Метод не только фиксирует динамику изменений коммуникативных отношений, но и связывает их с конкретными коммуникативными событиями (конфликт, согласие и т. д.). Все эти изменения в той или иной форме отражаются в действующей информационной модели системы (общества или социальной группы);
- 7) решает вопрос с **рациональностью и избирательностью коммуникации**: коммуникация может быть и случайной, даже во многом бессмысленной, но наиважнейшее значение имеет именно осознанная и избирательная коммуникация, направленная на рациональное коммуникативное действие и содержащая в себе рациональный смысл;
- 8) различает **элементы системы**, отделяя **агентов** (активные элементы) от **компонентов** (пассивные элементы). Самореферентность системы как ее рефлексия, рациональность и избирательность коммуникации имеет отношение к агентам, а не компонентам системы. В лице субъекта коммуникативного действия эти агенты выступают как акторы;
- 9) в системе коммуникативных связей и отношений метод в одинаковой степени признает оба типа связей: непосредственные, реальные, объединяющие взаимодействующих агентов, они обеспечивают микросвязи, и опосредованные, виртуальные, абстрактные, например агента (Ego) с внешней системой, которая может выступать как персонифицированно (например, президент), так и абстрактно (система власти, политическая система);
- 10) при моделировании информационных систем метод имеет в виду конечность вариантов коммуникационных связей, объединяющих двух разных людей через их промежуточные связи.

5.3. МЕТОД СИСТЕМНО-ЛОГИЧЕСКОЙ ВЕРИФИКАЦИИ (СИСТЕМНАЯ ЛОГИКА)

С точки зрения многомерного подхода не всякая информация является знанием, и не всякое знание – научным. Современная историческая наука развивается в том числе и в направлении формирующейся цифровой истории с ее перспективами накопления огромных массивов структурированной и неструктурированной информации, которую она будет эффективно обрабатывать с помощью не только цифровых методов и программ, но и логики. Цифровая, информационная и ком-

⁷⁷ Miller, John H.; Page, Scott E. Complex Adaptive Systems An Introduction to Computational Models of Social Life. Princeton – Oxford: Princeton Univ. Press, 2007. P. 46.

муникативная история не только допускает верификацию, но и относит ее к числу важнейших инструментов оценки объективности и научности знания⁷⁸.

Метод системно-логической верификации (для упрощения – системная логика), необходимый для изучения многомерных систем, интересен прежде всего в его изначальном методологическом, т. е. инструментальном, значении, приспособленном к потребностям самого многомерного подхода – такого же инструментария науки. У Аристотеля логика представляет собой инструмент познания и способ аргументации, поэтому его фундаментальный труд по логике соответственно так и назывался – *Органон* (др.-греч. *ὄργανον* «инструмент», «метод»)⁷⁹. Средневековые арабо-мусульманские авторы также называли логику (*ал-мантик*) «инструментальной наукой» (*ал-‘илм ал-‘али*), и на этом основании отделяли ее от философии (*ал-фалсафа*). Так, у Абу Насра ал-Фараби, продолжателя идей Платона и Аристотеля, логика представлена как отдельная наука, а не как часть философии, в которую он включал физику, математику и метафизику. Таким образом, он считал *ал-мантик* методом мышления и критерием его правильности, т. е. инструментом анализа и верификации результатов анализа. Именно поэтому логика представлялась мусульманским мыслителям не служанкой наук (*хадим ал-‘улум*), а их Предводителем (*ра’ис ал-‘улум*)⁸⁰. В этом смысле весьма примечательным представляется точка зрения одного из основоположников теории множеств Б. Больцано, называвшего логику вслед за Фихте «наукоучением»⁸¹. Без надежных инструментов логической верификации, к числу которых можно отнести этот метод, сложно рассчитывать на высокую степень объективности в изучении противоречивых культурно-сложных и тем более идеологически разделенных обществ (коммуникативных систем).

5.3.1. Системная логика и ее источники

Прежде чем войти в упорядоченный мир «предводителя наук», отметим, что, вопреки распространенному мнению, логика не всегда может быть одна – либо она есть, либо нет. Возможно, упрощенная конструкция «логично/нелогично» и вписывается в систему лумановских бинарных дихотомий, но она не годится для характеристики многообразных систем логики, где каждая система обладает своими модальностями. На первичное разделение практической и формальной логики, разделение, впрочем, не всегда очевидное, обратил внимание Пьер Бурдьё: «Поскольку формальная логика, построенная на противостоянии практической логике, в некотором роде является нашей интеллектуальной гордостью, мы отказываемся видеть настоящую логику наших действий, никогда не являющуюся

⁷⁸ Ср. с принципами и механизмами верификации в «Википедии», которая является продуктом «публичной цифровой истории» (*Public Digital History*).

⁷⁹ Аристотель. *Органон* // Сочинения: в 4 т. Т. 2 / ред. и вступ. ст. З. Н. Микеладзе. М.: Мысль, 1978. С. 51–593.

⁸⁰ Rescher, Nicholas. Al-Farabi on Logical Tradition // *Journal of the History of Ideas*. 1963. Vol. 24. No. 1. P. 127–132.

⁸¹ Больцано Б. *Учение о науке*. СПб.: Наука, 2003. С. 55.

полностью логичной, никогда полностью нелогичной»⁸². В повседневной жизни человек использует именно эту практическую логику, более сложную и неоднозначную, оставляя формальную для особых случаев, когда появляется потребность в повышении степени убедительности и доказательности определенной позиции – построении системы аргументации в ходе проведения научного исследования, судебного или служебного расследования, квалификационной экспертизы, при защите своей точки зрения в интеллектуальных спорах. Для упорядочивания своего «жизненного мира» люди как раз используют такие принципы классификации практической логики, как «мужской и женский, сухой и влажный, верх и низ, или Восток и Запад»⁸³.

Системная логика как логика многомерных систем, или логика сложного целого, состоящего из отдельных частей, представленная в данной работе в качестве метода системно-логической верификации, не ограничивается только выстраиванием непротиворечивой линии рассуждений в различных измерениях истории или социокультурных систем. Для понимания общего и частного в системном историческом познании недостаточно установить особенности «общего» и особенности «частного». Не менее важно понять, что скрывается под союзом «и». В континууме смыслов научного текста своего логического обоснования требует не только общее и особенное в последовательности исторических событий (на основе причинно-следственных связей), но и их общая взаимосвязь и взаимозависимость (логика событий), внутренние связи и отношения (внутренняя логика события). И тогда изучение даже какого-то незначительного локального явления позволит увидеть особенности частного, не упуская при этом специфики общего.

Очевидно, что взаимосвязь и взаимозависимость исторических фактов, событий, явлений и процессов не совсем корректно определять как логику «круговой поруки», формализованную диалектическую логику (А. А. Денисов)⁸⁴, или, как это сделал Н. Луман, – как логику различения. В многомерности и противоречивости системного исторического познания, в котором причудливо соединяются каузальное и казуальное, повторяющееся (закономерное) и неповторимое (случайное), направленное (когерентное) и хаотическое (дискретное), гораздо важнее искать логику смысла – прежде всего в ее системном понимании. Как отмечал Антон фон Веберн, «взаимосвязь – это, пожалуй, то, что никак не может отсутствовать там, где должен быть смысл. Взаимосвязь в самом общем понимании означает наличие максимально тесных отношений между всеми компонентами»⁸⁵. Смысловая связь именно поэтому считается основным конструктивным элементом знания.

⁸² Bourdieu, Pierre. *Le Sens pratique*. P. 37.

⁸³ Ibid.

⁸⁴ В рамках своей теории информационного поля закон всеобщей взаимосвязи и взаимозависимости явлений А. А. Денисов сформулировал как шестой закон формализованной диалектической логики. См.: Денисов А. А. *Современные проблемы системного анализа: Информационные основы*. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2003.

⁸⁵ Веберн А. *Лекции о музыке. Письма // Звучащие смыслы. Альманах*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 461.

В основе любой теории или метода науки должна лежать логически объясненная эмпирика. В системном историческом познании этот очевидный факт актуализирует системную интерпретацию логического метода. Формальная логика, в силу своей статичности, бивалентности, т. е. наличия закона исключенного третьего (*tertium non datur*), не всегда применима для анализа многомерных исторических процессов, противоречивых элементов, нечетких границ, многозначного языка, энтропии (информационной неопределенности) и развивающихся систем. Информацию о прошлом можно интерпретировать различными способами, которые хорошо различаются в сознании человека, на основе таких нечетких категорий, как степени сходства, уровни интенсивности, уровни неопределенности и степени предпочтения⁸⁶.

Источниками метода системно-логической верификации являются: 1) формальная логика, а также ее прикладные версии, работающие в различных модальностях и условиях (темпоральная, нечеткая, вероятностная и др.); 2) символическая логика, особенно ее раздел логики высказываний, изучающий сложные языковые конструкции, образованные из простых, и их взаимоотношения; 3) математическая логика «второго порядка» (*Second-order logic*), работающая с моделями, содержащими пустые области, которая вместе с теорией вычислимости (*Computability theory*) стала незаменимым инструментом в теоретической информатике, включая искусственный интеллект⁸⁷; 4) «законы формы» Дж. Спенсера-Брауна, которые называют логикой исчислений, или системой логических исчислений; 5) логика различений Н. Лумана: по сути, это его собственная интерпретация логики исчислений Дж. Спенсера-Брауна, у которого различение является множественной операцией, с помощью которой человеку дается окружающий мир⁸⁸. Метод системно-логической верификации, адаптированный для изучения различных по масштабам и содержанию коммуникативных систем отдельно в каждом из измерений истории, для простоты называется также системной логикой⁸⁹: это название заимствовано из кибернетики, где оно используется наряду с матричной логикой в архитектуре компьютерных систем⁹⁰.

Системный логический подход одним из первых в своей книге «Законы формы» разработал Дж. Спенсер-Браун, на которого большое влияние оказали Бертран Рассел, Людвиг Витгенштейн, Чарльз Пирс и др. Работа Спенсера-Брауна, представляющая собой, по его собственному выражению, алгебру логики, стала настоящей «библией конструктивизма». Н. Луман прямо говорит о том, что при разработке логики различения он опирался на математику и логику Спенсера-Брауна,

⁸⁶ Dubois, Didier; Esteve, Francesc; Godo, Lluís; Prade, Henri. Fuzzy-Set Based Logics. An History-Oriented Presentation of Their Main Developments / Handbook of the History of Logic. Vol. 8 / ed. by Dov M. Gabbay and John Woods. Elsevier, 2007. P. 1.

⁸⁷ Mendelson, Elliott. Introduction to Mathematical Logic. N.Y.: Van Nostrand, 1979.

⁸⁸ Боброва А. С. Идеи Дж. Спенсера-Брауна в интерпретации Н. Лумана // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2013. № 11 (112). С. 105.

⁸⁹ Аликберов А. К. Системная логика как инструмент системного подхода к истории. С. 15–25.

⁹⁰ См., например: Stern, August. Matrix Logic: Theory and Applications. Amsterdam – N.Y. – Oxford – Tokio: North-Holland, 2014. P. 203.

хотя исследователи отмечают расхождения в понимании ими таких базовых концептов, как «различение» (дистинкция), «форма», «повторное вхождение»⁹¹. В подходе Лумана особое значение имеет двузначная логика коммуникативных различений, соответствующая двойной самореференции социальных систем. Кроме того, Луман использует и логику социальных систем, разработанную Альфредом Куном на основе дедукции и системного подхода⁹².

Поскольку многомерный подход отличается от лумановской теории систем, это требует дополнительной адаптации логических подходов Дж. Спенсера-Брауна и А. Куна в интерпретации Лумана к системному историческому познанию, которая обеспечила бы надежную верификацию эмпирических обобщений, проверяя их истинность сначала в каждом из выделяемых измерений истории, а затем и вместе, в их единстве и целостности. В свою очередь, измерения истории выступают в качестве относительно самостоятельных систем, условно выделяемых, но неделимых частей единой и целостной исторической реальности.

В современной науке различают множество типов логики. Основными из них считаются формальная логика, которая восходит к Аристотелю (ее также называют математической, или линейной), и диалектическая, которая считается философским методом. Существует предубеждение, что логика либо есть, либо ее нет, и никакой другой логики, кроме формальной, не существует. Отчасти это действительно так, поскольку формальная логика лежит в основе всех остальных модификаций логических методов. Однако логика как наука не стоит на месте, специфика предмета исследования требует более точного инструмента.

История логики, в том числе в ее системной интерпретации, хорошо изучена⁹³. Одним из первых попытку изложить систему логики в рамках эмпирических принципов предпринял Дж. Милль, сформулировавший в 1843 г. пять принципов индуктивного рассуждения, получивших известность как «методы Милля»⁹⁴. Для изучения сложных систем принципы индуктивного рассуждения не всегда оказываются достаточными, поскольку чаще всего приходится идти от общего к частному. Линейный характер формальной логики в классическом понимании также ограничивает сферу ее применения.

Как «предводитель наук», на уровне выводного, метафизического знания логика выполняет важнейшую интегративную функцию, обеспечивая целостную взаимосвязь элементов системы и другие необходимые условия существования любой научной теории. В научном познании она играет системообразующую роль: если системные методы изучают каждый аспект социальности, представляющий собой предмет определенной науки, отдельно и самостоятельно, на основе выделенного для него критерия (критериев), то логика нацелена на выявление харак-

⁹¹ Боброва А. С. Идеи Дж. Спенсера-Брауна в интерпретации Н. Лумана. С. 102–110.

⁹² Kuhn A. The Logic of Social Systems: A Unified, Deductive, System-Based Approach to Social Science.

⁹³ См.: Ueberweg, Friedrich. System of Logic and History of Logical Doctrines / transl. from the German, with notes and appendices, by T. M. Lindsay. L.: Longmans, Green, and Co., 1871.

⁹⁴ Mill, John S. A System of Logic. Ratiocinative and Inductive Presenting a Connected View of the Principles of Evidence and the Methods of Scientific Investigation. Honolulu: Univ. Press of the Pacific, 2002. P. 53–60.

тера связей между этими аспектами. Если анализируется не одна, а множество систем в их единстве и целостности, или сложность систем перманентно возрастает, то для анализа связей между ними используется системный логический подход, который как раз и представляет метод системно-логической верификации. Его можно применить на различных уровнях научного анализа, вплоть до уровня взаимодействия между элементами каждой из систем.

Системную логику нельзя смешивать ни с системой логики, ни с системой диалектики: любую законченную теорию или учение можно представить как отдельную систему, но здесь речь идет не о логике как таковой, а о логическом методе с расширением возможностей межлинейной верификации. Существует также понятие системной логики науки, выступающей с теоретической наукой логики в полном единстве. При этом у логики, как и у любой другой науки, существует и философский уровень осмысления⁹⁵. Это означает, что формальную логику нельзя смешивать с философией, представляющей диалектику⁹⁶.

Метод системно-логической верификации основан на формальной, математической логике, даже представляет ее, но не однолинейно, а в системе всех связей и отношений, разделяя категории целого и частного, которые являются различными для разных систем. Философию и логику математики одним из первых обосновал Эдмунд Гуссерль в «*Philosophie der Arithmetik*» в самом начале своего восхождения на вершину феноменологической мысли⁹⁷. Собственно он и осуществил глубокую теоретическую систематизацию формальной логики, основываясь на трудах Бернарда Больцано, а также на современной ему концепции «формальной системы» («теории теорий»)⁹⁸, которая в конечном счете развилась до общей теории систем. В этой системе множество рассматривается как единое целое, впервые вводится понятие коллективной связи (*kollektive Verbindung*), рассматриваются символические аспекты системы⁹⁹.

Подчеркивая формальный характер логики, Гуссерль оперировал категориями формальной математики, формальной онтологии и формальной апофании¹⁰⁰. Формализация знания – важнейшее условие информационного подхода, позволяющее получить «чистое», объективное знание, – основана на системном под-

⁹⁵ См.: *Philosophical Problems of Logic* / ed. by K. Lambert. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1970.

⁹⁶ В современной классификации наук разные виды логики являются разделами философии и математики, хотя изначально это была отдельная наука. Тот факт, что отдельно существуют логика философии и философия логики, так же, как и логика истории и история логики, достаточен для признания ее как самостоятельной науки, иначе, например, понятие «философия логики» теряет всякий смысл: философия философии? (См.: *Read, Stephen. Thinking About Logic: An Introduction to the Philosophy of Logic*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1994.) В структуре научного знания между логикой и философией науки лежит теория этой науки, ср.: история – логика истории – теория и методология истории – философия истории – история философии – теория философии – логика философии – философия.

⁹⁷ *Husserl, Edmund G. Philosophie der Arithmetik Psychologische und logische untersuchungen*. 1 Band. Stuttgart: Kröner, 1891.

⁹⁸ *Centrone, Stefania. Logic and Philosophy of Mathematics in the Early Husserl*. P. XII–XIII.

⁹⁹ *Ibid.* P. 6–9, 40–42.

¹⁰⁰ *Husserl, Edmund G. Formal and Transcendental Logic* / transl. by D. Cairns. The Hague: Martinus Nijhoff, 1969. P. 29–30.

ходе. Гуссерль считал, что формальная математика идентична логической аналитике¹⁰¹, а формальная логика, являющаяся формальной онтологией (формальной теорией предметов вообще), – апофантической аналитике (логике категорий знания – понятий и умозаключений)¹⁰². Кроме того, он предложил опираться на дедуктивные системы в дополнение к индуктивным, считая высшей формой формальной логики теорию множеств, или теорию дедуктивных систем, с которой связаны формализованные упрощения (редукции) в абстрактных, или номологических науках¹⁰³. Принцип множества также используется в системной теории.

Другое важное преимущество логики Гуссерля, которое учитывается в методе системно-логической верификации, – это множественная корреляция, основанная на «дедуктивной», или «номологической» определенности¹⁰⁴. Определенность достигается прояснением, а прояснение, в свою очередь, – совмещением обеих сторон формальной логики: формально-апофантической и формально-онтологической¹⁰⁵. Прояснение позволяет выявить и устранить противоречия, а непротиворечивость теоретических рассуждений является основным условием достижения объективной истины¹⁰⁶.

В системной теории логика также обозначает границы системы путем исключения из нее нелогических и логически несущественных связей. В точных науках такие системы называются нечеткими, для их изучения разработана теория нечетких систем, в которой с математической точки зрения нечеткими оказываются язык, логика, рассуждения, отношения, меры контроля и даже алгоритмы¹⁰⁷. Лютфи Заде еще в 1996 г. адаптировал эту теорию для анализа гуманитарных систем¹⁰⁸; современные исследователи считают, что нечеткая логика лучше всего описывает исторические, экономические и политические процессы¹⁰⁹. С точки зрения точных наук любая социальная система с ее размытыми границами по определению является нечеткой. И чем жестче системные требования и уже эти значения, тем точнее научный результат. Правда, использование математических методов в истории требует особого операционного контроля, который реализуется с помощью промежуточной верификации полученных результатов на каждом этапе исследования.

¹⁰¹ Ibid. P. 99–100.

¹⁰² *Bachelard, Suzanne*. A Study of Husserl's Formal and Transcendental Logic. Evanston, IL: Northwestern Univ. Press, 1968. P. 3–24.

¹⁰³ Ibid. P. 90–92.

¹⁰⁴ *Husserl, Edmund G.* Formal and Transcendental Logic. P. 94.

¹⁰⁵ *Bachelard, Suzanne*. A Study of Husserl's Formal and Transcendental Logic. P. 43–64.

¹⁰⁶ *Husserl, Edmund G.* Formal and Transcendental Logic. P. 65–66.

¹⁰⁷ *Zadeh L. A.* Fuzzy Sets, Fuzzy Logic, and Fuzzy Systems. P. 26.

¹⁰⁸ В теории нечетких систем гуманитарные системы делятся на социо-экономическую, транспортную, продовольственную, образовательную, правоохранительную, а также системы здравоохранения, распространения информации, контроля окружающей среды и т. д. См.: *Zadeh L. A.* Fuzzy Sets, Fuzzy Logic, and Fuzzy Systems. P. 464–480.

¹⁰⁹ *Belohlávek R., Dauben J.W., Klir G. J.* Fuzzy Logic and Mathematics: A Historical Perspective. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 390–398.

Кроме того, при изучении текстов исторических источников метод системно-логической верификации учитывает также преимущества многозначной логики (*Multiple-valued Logics*), адаптированной к решению задач гуманитарных наук. Это обозначение, обязанное своим происхождением концепту тройной, или трехзначной, логики Клина, связано с нечеткой логикой¹¹⁰. Среди версий многозначной логики¹¹¹ есть и такие, где она рассматривается отдельно от нечеткой¹¹².

5.3.2. Основные принципы метода

Метод системно-логической верификации, используя формальную логику в каждом отдельно взятом аспекте социальности, которые рассматриваются вместе, в их целостности, определяет принципы, пути и способы «правильного рассуждения», ведущего к научной истине, но делает это, что принципиально важно, системно, многомерно, отслеживая отношения между всеми компонентами системы (подсистемами), добиваясь непротиворечивого соединения всех логических цепочек одновременно во всех анализируемых аспектах (измерениях) истории. Вопрос о противоречивых интерпретациях в новейших философских подходах к истории часто пытаются разрешить через дискурсивность¹¹³, однако дискурсы могут иметь разные категориальные основания. Это делает достижение непротиворечивого единства, внутренней согласованности и цельности в интерпретациях системной сложности невозможным в принципе. Неполная согласованность наиболее заметных и видимых аспектов вкупе с ситуативной убедительностью могут создать впечатление разрешения противоречий, однако такое впечатление, удобное для манипуляций, обманчиво.

Если для системной реконструкции социального многообразия прошлого применяются общенаучные системные методы, то и логические подходы вместе с ними должны использоваться системно. Метод системно-логической верификации представляет собой логический подход к системному историческому познанию, он предназначен для анализа сложных систем с учетом действующих в них сил, причинно-следственных связей между элементами, а также для взаимодействия с другими системами. Разработка метода ведется в рамках системной теории логики, которая изначально согласована с общей теорией систем¹¹⁴, а также в качестве одного из логических подходов к теории информационных систем. Во втором случае основной упор делается на адаптацию основных концепций теории систем к проектированию информационных систем, структуру системной

¹¹⁰ Belohlávek R., Dauben J.W., Klir G. J. Fuzzy Logic and Mathematics: A Historical Perspective. P. 390–398.

¹¹¹ См., например: Miller, Michael D., Thornton, Mitchell A. Multiple Valued Logic: Concepts and Representations. L.: Morgan & Claypool Publishers, 2008.

¹¹² Dubois, Didier; Prade, Henri; Klement, Erich P. Introduction: Bridning the Gap between Multiple-valued Logics, Fuzzy Logic, Uncertain Reasoning and Reasoning about Knowledge // Fuzzy Sets, Logics and Reasoning about Knowledge / ed. by Didier Dubois, Henri Prade, Erich Peter Klement. Dordrecht – Boston – L.: Kluwer Academic Publishers, 1999. P. 1–6.

¹¹³ Boucher, David. Ambiguity and Originality in the Context of Discursive Relations. P. 28.

¹¹⁴ См., например: Ланьков А. Ф. Теория развития систем и системная теория логики. М.: Книга, 1993.

модели (позволяет отличать модели систем от их структур), морфизм, иерархию и свойства системы¹¹⁵.

Системные методы способны регулировать пределы допустимых значений в научном анализе неисчислимых вероятностей и альтернатив, пусть и в рамках нечетких систем. Эти пределы должны быть обязательно артикулированы, хотя бы для обозначения границ поля исследования и условий, в которых исторический факт достоверен. Подобный подход также оправдан во всех случаях, не имеющих достоверных в глазах историка документальных подтверждений. Например, утверждение о том, что «Гагарин совершил первый полет в космос с космодрома Байконур», менее корректно, чем это же утверждение, но с оговоркой: «Согласно официальной версии, Гагарин совершил первый полет в космос с космодрома Байконур». Второе утверждение, в отличие от первого, будет истинным и при условии, если в действительности космический корабль с Гагариным на борту отправился в космос совсем с другого космодрома, но по каким-то особым причинам (например, по соображениям секретности) была обнаружена именно такая версия события.

Вне пределов допустимых значений, когда величина допустимого значения критически уменьшается, не позволяя исследователю осуществлять проверку утверждения, полученного аналитическим путем, вместо системной логики может использоваться вероятностная логика, в развитие которой большой вклад внесли, в частности, Р. Карнап и Ч. Пирс. Критику вероятностной логики, используемой в доказательстве вероятных гипотез и вероятных событий, приводит К. Поппер¹¹⁶, оставляя за ней сферу логической формулировки обоснованных научных предположений; такие предположения не фальсифицируемы, поскольку они исходно не претендуют на статус достоверного факта¹¹⁷.

Инструменты системно-логической верификации в многомерном анализе пригодны не только при первичных обобщениях исторических данных в самых разных дисциплинах – источниковедении, истории, но и на уровне ее теории и даже, с известными оговорками, философии истории. Но для уровня философских обобщений концепция многомерности допускает и другие прикладные версии формальной логики, в том числе диалектическую логику. Здесь необходимы некоторые пояснения.

Ряд современных философов вслед за К. Поппером¹¹⁸ считают, что диалектической логики, в отличие от диалектики, просто не существует, что это псевдологика¹¹⁹. В самой критической оценке диалектическая логика названа формой политической демагогии, «европеизированной разновидностью чучхе», которая возникла на базе нежизнеспособной идеи Гегеля о существовании высшей логики,

¹¹⁵ Takahashi, Shingo; Takahara, Yasuhiko. Logical Approach to Systems Theory. Berlin: Springer, 1995.

¹¹⁶ Popper, Karl R. The Logic of Scientific Discovery. L. – N.Y.: Routledge, 2002. P. 252.

¹¹⁷ Ibid. P. 183.

¹¹⁸ Поппер К. Что такое диалектика? С. 118–138.

¹¹⁹ Смирнов В. А. К. Поппер прав: диалектическая логика невозможна // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 148–151.

подчиняющей себе «метафизику»¹²⁰. Однако, во-первых, диалектическая логика в неклассической и постнеклассической моделях науки совсем не то же самое, что в классической. Во-вторых, философия нуждается в особом типе логики для обозначения непознаваемых по своей природе социальных связей и отношений, которые объединяет лишь то, что они подчиняются определенным логическим законам. Такую логику, вероятно, можно называть диалектической.

По свидетельству П. Лафарга, Маркс именно в высшей математике находил «диалектическое движение в его наиболее логичной и в то же время простейшей форме»¹²¹. Поэтому материалистическую диалектику Маркса как развитие идеалистической диалектики Гегеля нельзя считать неточной, скорее, ее лучше называть общей логикой, как это отметил Э. В. Ильенков. Исследуя природу взаимодействия целого и его частей, исследователь пришел к выводу, что живой организм, например сам человек, возникает «не путем сложения частей в целое, а, наоборот, путем возникновения, порождения частей (органов) из некоторого вначале недифференцированного целого. Здесь целое предшествует своим собственным частям, выступает по отношению к ним как некоторая цель, которой все они служат. Здесь каждую часть можно понять только по ее роли и функции в составе целого, вне которого она просто не существует, во всяком случае как таковая»¹²². Без такого общего понимания диалектики общего и частного когнитивные усилия в плоскости системного изучения целого и его частей бесплодны. Живые динамические системы зарождаются и развиваются совсем не так, как неживые, соответственно и ведут себя совершенно иначе.

Диалектическая логика, как и формальная, является бинарной, двоичной, дуалистической. Не случайно дуалистичны и известные законы диалектики: закон единства и борьбы противоположностей, закон перехода количественных изменений в качественные и обратно, закон отрицания отрицания. А. А. Денисов полагал, что классическая (формальная) логика является логикой абсолютной истины, а диалектическая – логикой относительной истины, которая рассматривает не только ее крайние состояния: абсолютной истины и абсолютной лжи, но и промежуточные степени между этими крайностями¹²³.

Метод системно-логической верификации является бинарным (истинно-ложно) лишь в отдельных аспектах социальности, но для изучения социального целого это все же комплексный логический инструмент, т. е. он может использоваться и для изучения сложных и даже динамично усложняющихся систем. Кроме того, на основе принципа пределов допустимых значений и нечеткой логики в каждом из аспектов истории вводятся коэффициенты в определении истина/ложь с учетом транссубъектности: если действия субъекта истории определялись ложными с точки зрения исторического прогресса, или субъекта познания,

¹²⁰ Свинцов В. И. Существует ли диалектическая логика? // *Общественные науки и современность*. 1995. № 2. С. 99–109.

¹²¹ Лафарг Поль. Воспоминания о Марксе. М.: Политиздат, 1967. С. 11.

¹²² Ильенков Э. В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1974.

¹²³ Денисов А. А. Современные проблемы системного анализа.

но истинными с точки зрения религиозных или иных убеждений субъекта истории, мотивами, необходимо дополнительно фиксировать эти различия в качестве отдельных переменных.

Как уже отмечалось, философский характер диалектической логики несколько ограничивает сферу ее применения в теории предметных наук, прежде всего в информационно-коммуникационном анализе исторического материала, требующего верификации. По этой причине новый подход замещает в системном историческом познании субъективные экзистенциальные методы исследования конкретно-предметными, превращая сложную диалектику социальной связи в исчислимые и оцениваемые акты коммуникации, поддающиеся строгим количественным и качественным измерениям и научному анализу.

Помимо сказанного, метод системно-логической верификации должен выступать с системными методами исторического исследования в неразрывном единстве. Для этого в системно-коммуникационном анализе вместо диалектического метода предлагаются функционально схожие, но несравненно более конкретные системно-динамические методы, которые вместо диалектики исследуют объект в соотношении его статики и движения, т. е. не только в состоянии волнения, возмущения и турбулентности, но и покоя и равновесия¹²⁴; из них диахронический метод позволяет преодолеть закон исключенного третьего, не прибегая к диалектике.

Метод системно-логической верификации позволяет видеть и оценивать объект изучения в его исторической динамике, но через призму логических категорий и манипуляций ими. Для сравнения: классическая формальная логика является статичной, это линейная логика стоп-кадра, которая рассматривает объект в одном и том же месте, в одно и то же время, в одних и тех же отношениях. Динамические изменения развития событий, процессов, явлений, а также их связей и отношений хорошо отслеживаются с помощью темпоральной логики¹²⁵, применяемой в рамках выделенной системы, на всех этапах их изучения, в то время как диалектикой чаще всего объясняется абсолютно все, что не совсем ясно, чаще всего – характер и природа связей и отношений.

Многомерный подход исходит из того, что общественные, политические, этнические, конфессиональные и иные процессы представляют собой различные измерения социальных процессов, а также прямое отражение одноименных систем культуры. Для выявления и изучения внутренних связей в общественных процессах информационно-коммуникационный анализ, логическим инструментом которого, помимо формальной логики, является метод системно-логической верификации, пытается разложить их на отдельные многозначные компоненты, или аспекты, и рассматривает их не только отдельно друг от друга, но и в их тесной взаимосвязи и взаимообусловленности. Логические связи внутри каждой

¹²⁴ Поскольку в общей теории систем нет статического метода, существующего в кибернетике, его функции выполняет системно-динамический метод. В антропологии движения динамика и статика представляют собой диалектическое единство, см.: Головнев А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; Волот, 2009. С. 112–113.

¹²⁵ Øhrstrøm, Peter; Hasle, Per F. V. Temporal Logic. From Ancient Ideas to Artificial Intelligence. Studies in Linguistics and Philosophy. Vol. 57. Dordrecht – Boston – L.: Kluwer Academic Publishers, 1995.

системы представляются более понятными по мере увеличения степени дробности составляющих ее подсистем (элементов системы). Иначе говоря, в определенной категориальной системе **детальный анализ наибольшего числа отдельных специфических феноменов культуры, составляющих систему, дает лучшее представление о самой системе как целостном явлении культуры более высокого порядка.**

Сравнивая диалогическую и диалектическую формы понимания смысла, В. С. Библер писал: «Диалогика – логика диалога двух и более логик. Предполагается, что всеобщее множественно, и каждая из логик актуализирует одну из возможностей бесконечно возможного бытия. Диалектика же предполагает развитие одной, данной логики – самотождественной. Причем диалектика подразумевает, что эта единственная, самотождественная логика носит характер бесконечного саморазвития, – именно замкнутое в себе, в бесконечность идущее движение и развитие»¹²⁶. Понятно, что в коммуникативных подходах к изучению истории, особенно в его межкультурных и транскультурных аспектах, диалогика как взаимодействие разных логик (языка, мышления и др.), в большей или меньшей степени не совпадающих друг с другом в некоторых своих основаниях, востребована гораздо больше, чем диалектика с ее атрибутивными, категориальными определениями.

Поскольку системы выделяются не только в аспектах культуры, но и во всем многообразии проявлений социальности, метод системно-логической верификации, как и диалогика, учитывает все логические подходы и системы внутренних связей и отношений, присущие человеку в его коммуникативных действиях и социальной организации. Отдельного внимания при этом заслуживают особым образом структурированные феномены или процессы, которые в собственном смысле этого слова логикой не являются¹²⁷: логика мышления (учет степени субъективности исторического познания)¹²⁸; логика языка (язык социального описания, понятийный аппарат науки)¹²⁹ и связанная с ней логика письма¹³⁰; логика смысла¹³¹ и связанная с ней логика правды¹³². Освальд Шпенглер противопоставляет органическую логику как логику жизни логике неорганического, застывшего¹³³. Гер-

¹²⁶ Библер В. С. Диалектика и диалогика // Ежегодник культурологического семинара «Архэ». Вып. 3. М. [б.и.], 1998. С. 14–15.

¹²⁷ К. А. Павлов назвал выделение этих условных логик, обусловленных «уловкой языка», «крайностью объективистской позиции». См.: Павлов К. А. О концепциях логики и смысле моделирования «логических рассуждений» // Философский журнал. 2008. № 3. С. 99.

¹²⁸ Nelson, Raymond J. The Logic of Mind. Reidel, 1982.

¹²⁹ Seuren, Pieter A. M. The Logic of Language. Oxford: Oxford Univ. Press, 2009.

¹³⁰ См.: Goody, Jack. The Logic of Writing and the Organization of Society. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1986.

¹³¹ Deleuze, Gilles. The Logic of Sense. Transl. by M. Lester with Ch. Stivale / ed. by C. V. Boundas. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1990; см. также: Holt J. A Logic of Sense, Nonsense, and Sacrament: Gilles Deleuze and a Transfiguration of the Commonplace / Dissertation. Graduate Theological Union, 2002. Согласно А. В. Смирнову, каждая культура обладает собственной логикой смысла. См.: Смирнов А. В. Логика смысла: теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры. М.: Языки славянской культуры, 2001.

¹³² Bachelard, Suzanne. A Study of Husserl's Formal and Transcendental Logic. P. 80.

¹³³ Шпенглер О. Закат Европы. С. 194.

ман Лотце дополнительно выделяет логику научного исследования и знания как его результата¹³⁴, а Карл Поппер – логику научного открытия, которая начинается с введения в логику науки¹³⁵. В литературе также отмечают логику научного познания¹³⁶ и даже логику критического анализа социальных теорий¹³⁷. К истории прямое отношение имеют логика истории¹³⁸, логика развития исторического процесса, логика исторического объяснения¹³⁹, логика памяти¹⁴⁰, логика времени с ее темпоральной онтологией и дискурсом¹⁴¹, логика диалога (диалогика), Язык информационного описания, построенный на алгоритмах, демонстрирует свою техническую логику¹⁴². Речь идет об объективной логике природы, включающей в себя логику причинно-следственных связей источника и приемника информации (в теории информационного поля А. А. Денисова), или логические аспекты транссубъективного восприятия реальности сторонами коммуникации (в информационно-коммуникационном анализе).

Наряду с этим существуют прикладные версии логики как науки, со своими законами и особыми условиями. Согласно Франклину Анкерсмит, для описательной истории (историописания) хорошо подходит нарративная логика¹⁴³. Для изучения динамических процессов А. В. Смирнов предложил использовать процессуальную логику¹⁴⁴. Для изучения религии, правда, только в специфическом феноменологическом ключе, предлагается трансцендентная логика, основанная на методе апофатической теологии¹⁴⁵. В таком случае логику эпохи, или истории, должен представлять принцип историзма. Что касается логики развития исторического процесса, то, вероятно, речь может идти не о законах, которых у истории, по Канту, не может быть, а о ее закономерностях, не важно, в какой (однолинейной, мультилинейной, «кустовой» или «осевой») интерпретации. Все эти логики не имеют отношения к методу системно-логической верификации, который не отрицает их, а предлагает специфический инструмент для работы в особых условиях информационно-коммуникационного анализа.

¹³⁴ Lotze's System of Philosophy: Logic – Of Thought, of Investigation, and of Knowledge. Hermann Lotze. Bel Air, CA: Read Books, 2006.

¹³⁵ *Popper, Karl R.* The Logic of Scientific Discovery. P. 3.

¹³⁶ Петров Ю. А., Никифоров А. Л. Логика и методология научного познания. М.: МГУ, 1982.

¹³⁷ *Glynos, Jason; Howarth, David R.* Logics of Critical Explanation in Social and Political Theory.

¹³⁸ *Sewell, William H. Jr.* Logics of History.

¹³⁹ *Roberts, Clayton.* The Logic of Historical Explanation. Pennsylvania State Univ. Press, 1996.

¹⁴⁰ Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. С. 450.

¹⁴¹ *Van Benthem, Johan.* The Logic of Time. A Model-Theoretic Investigation into the Varieties of Temporal Ontology and Temporal Discourse. 2nd ed. Dordrecht – Boston – L.: Kluwer Academic Publishers, 1983.

¹⁴² *Miller, Vincent.* Understanding Digital Culture. L.: Sage Publications Ltd., 2011. P. 122.

¹⁴³ Анкерсмит Ф. Нарративная логика: Семантический анализ языка историка / пер. с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова; под науч. ред. Л. Б. Макеевой. М.: Идея-Пресс, 2003.

¹⁴⁴ Смирнов А. В. Процессуальная логика и ее обоснование // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 5–17.

¹⁴⁵ *Husserl, Edmund G.* Formal and Transcendental Logic. P. 149–289.

5.3.3. Возможности межлинейной верификации многомерной истории

Исходя из реальности структурированных феноменов и процессов, специфику каждого социального явления или процесса в рациональном анализе можно формализовать в своей особой **логике – общественной, политической, этнической, религиозной** и др. Понятно, что это не логика как инструмент правильного рассуждения, а общая логика социального процесса, или практики, которая выражается конструкцией «логика чего-то»¹⁴⁶. Но это также одна из особенностей метода системно-логической верификации. Так, социальная логика (точнее, логика социального) позволяет характеризовать социальные практики в своих особых доменах, как, например, практику потребления и распределения в системе экономической организации¹⁴⁷. Политическая логика исследует политическое измерение социальных отношений¹⁴⁸. Законотворчество также является нормативной социальной практикой: оно направляет поведение человека в определенные рамки, которые устраивают общество. Попытка объяснить этот нормативный, рассудочный аспект права является одной из основных задач общей юриспруденции. Религия, этика и другие социальные системы представляют свои практики функционирования и свои особые логики, которые определяются ценностными принципами и установками, метод системно-логической верификации позволяет улавливать специфику и различать информацию, связанную с системами: как системами культуры (социальной, политической, экономической, религиозной и др.), так и другими системами, в том числе ценностно-смысловыми, институциональными (наука, религия, этика, право и др.; политика, экономика, культура и др.), с учетом логики связей как между элементами системы, так и между самими системами.

Если формальная логика обеспечивает линейную непротиворечивость рассуждений, то метод системно-логической верификации – одновременно и линейную (в каждом из аспектов социальности), и межлинейную – между стадийными проявлениями различных аспектов социальности. Иначе говоря, если в одном из измерений истории или социокультурной системы исследователь приходит к выводу о кризисе, в других (параллельных) системах соответствующей стадийной градации должны обнаруживаться факты, подтверждающие этот кризис. Только в таком случае рассуждение будет истинным. Если факты в каждом из взаимосвязанных измерений истории не подтверждаются – значит, ход рассуждения в линейной логике одного или нескольких аспектов исследования содержит ошибку – семантическую, онтологическую или иную. Тем самым осуществляется дополнительная верификация истинности цепи рассуждений.

Иначе говоря, метод системно-логической верификации позволяет видеть реальность во всей ее гармоничной и непротиворечивой сложности, которая за пределами системного анализа представляется противоречивой и непонятной.

¹⁴⁶ Glynos J, Howarth D. R. Logics of Critical Explanation in Social and Political Theory. P. 134–135.

¹⁴⁷ Ibid. P. 133.

¹⁴⁸ Ibid. P. 141.

Например, в формальной логике А может быть или Б, или не-Б: политик может быть или консерватором, или либералом. Использование темпоральных логик позволяет расширить возможности формальной логики: А может быть и Б и не-Б, если рассматривать человека в динамике эволюции его взглядов: в начале своей карьеры политик мог быть либералом, но, оказавшись в системе власти, превратился в консерватора (или мимикрировал под него). В нечеткой логике А в основном может быть Б и немного не-Б, или наоборот: по всем основным вопросам политик может придерживаться либеральных взглядов, и только по вопросам семьи и брака выступать как консерватор.

Наконец, в системной логике А в основном может быть Б и немного не-Б в одном аспекте социальности, немного Б и в основном не-Б – в другом аспекте, только Б – в третьем, не-Б – в четвертом, и т. д. Возвращаясь к вышеприведенному примеру, это означает, что политик не является исключительно *Noto politicus*; у него не единственная его ипостась, а существуют и другие социальные роли (см. об этом ниже). Как человек религиозный, в вопросах религиозной политики он в основном может выступать с консервативных позиций (или как человек нерелигиозный – с либеральных), но иногда, в зависимости от характера вопроса или ситуации, – с либеральных или наоборот. По вопросам национальной политики – как консерватор или либерал, в зависимости от этнических взглядов и предпочтений, по вопросам социальной политики – в зависимости от экономических интересов, которые он представляет, и т. д.

Метод системно-логической верификации также учитывает уровни восприятия и отражения реальности социальным существом в каждом из аспектов социальности, прежде всего на уровне диалогичности. Например, будучи в душе либералом, политик на индивидуальном уровне может категорически не воспринимать консервативные ценности, а на общественном уровне выступать за них в силу самых разных обстоятельств. Таким образом, адекватное и всестороннее, иначе говоря объективное, понимание намерений (скрытых интенций), слов (политических деклараций) и действий (практической деятельности) человека (в данном случае – политика) возможно лишь при их системном анализе, для осуществления которого системная логика представляется чрезвычайно полезным инструментом.

Есть и более общий вопрос, относящийся к соотношению исторического и логического, точнее, логики субъекта, действующего в истории, вовлеченного в реальный исторический процесс, и логики субъекта исторического познания, т. е. логики подлинно исторического и логики системного конструирования исторического в теории. Этот вопрос касается соотношения, взаимодействия обеих форм отображения истории в системной логике, занимающей центральное место в инструментарии данного исследования.

Логика действий субъекта истории и системная логика исторического познания могут отчасти совпадать, если субъект истории, например правитель или военачальник, действовал системно, через подвластные ему государственные или общественные структуры, представляемые в информационно-коммуникационном анализе в виде относительно самостоятельных систем. В обычной жизни

человек обходится формальной логикой, хотя и учитывает разные аспекты своей деятельности. Эпистемологические барьеры, обусловленные принадлежностью этих субъектов к разным культурно-цивилизационным мирам, в значительной степени нивелируются транссубъектным подходом, когда субъект познания ставит себя на место субъекта истории и рассматривает историческую реальность с его точки зрения.

Иначе говоря, логика субъекта истории – это логика повседневности, она зависит от конкретного индивида, насколько он логичен в своих высказываниях и социальных (коммуникационных) действиях и поступках. В обычной жизни человек может быть логичен или алогичен. Системная логика субъекта исторического познания – это научный логический подход к различным аспектам истории, используемый на основе методологии многомерного подхода. Субъект истории может использовать как обычную житейскую, так и строгую математическую логику в момент планирования и совершения своего действия, а субъект системного исторического познания, имеющий дело только с совершившимися событиями, где все логические связи и отношения предстают в законченном виде, – формальную логику, а также различные неклассические логики, адаптированные под решение конкретных исследовательских задач.

В теории системного исторического познания субъект исторического познания может опираться на логику социального познания, предложенную Юргеном Хабермасом¹⁴⁹, а также на решения эпистемической логики, которая в классической науке обозначается с помощью формул «А знает Р», или «А знает, что Р», «А верит в Р», или «А верит, что Р». К. Поппер утверждает, что «всё это не имеет ничего общего с научным знанием, потому что ученый (я буду обозначать его S) и не знает, и не верит. Что же он в действительности делает? Я приведу самый краткий список вариантов ответа на этот вопрос: «S пытается понять Р», «S пытается думать об альтернативах Р», «S пытается думать о критических оценках Р», «S предлагает экспериментальную проверку Р», «S пытается аксиоматизировать Р», «S пытается вывести Р из Q», «S пытается показать, что Р невыводимо из Q», «S предлагает новую проблему X, возникающую из Р», «S предлагает новое решение проблемы, возникающей из Р», «S критикует свое последнее решение проблемы X»¹⁵⁰. Этот ряд можно продолжить, здесь самое главное – идея несводимости множества вариантов решений научной проблемы в эпистемологии к простым формулам и системам.

Если субъект научного познания принадлежит к другой культуре, то для понимания им смысла причинно-следственных и системных связей исторических событий используется кросскультурный метод универсальных языковых эквивалентов. Понятно, что историческое знание, будучи частью культуры, опосредовано различными ценностями и идеалами, но принцип эквивалентности кросскультурного метода позволяет обращаться к образам и символам, которые являются эквивалентами по смыслу и реальному значению, а не по форме их выражения – куль-

¹⁴⁹ Habermas, Jürgen. Zur Logik der Sozialwissenschaften. 2nd ed. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1971.

¹⁵⁰ Popper, Karl R. Epistemology without a Knowing Subject. P. 142.

турной (в широком смысле), социальной (в узком значении), идеологической, языковой. Поэтому в таких случаях логика языка вытесняется логикой смысла, в том числе и в ее постклассическом делёзовском понимании.

Метод системно-логической верификации – один из наиболее действенных методов многомерного подхода, который позволяет более эффективно использовать в системном анализе то, что в классической модели исторического исследования называлось учетом многофакторности.

Нельзя сказать, что межлинейная проверка данных, которую осуществляет системная логика в многомерном анализе, невозможна другими способами: просто здесь такая проверка осуществляется не по желанию исследователя, ее реализует сама система. То же самое касается системного понимания социальных изменений, рассмотрения социального явления в историческом процессе как целостной совокупности его частей. Похожие результаты достигаются и с помощью факторного анализа, а также многоуровневого анализа, однако только в многомерном подходе логическое объяснение социально-сложной реальности систематизировано и упорядочено.

5.4. КРОССКУЛЬТУРНЫЙ МЕТОД УНИВЕРСАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ЭКВИВАЛЕНТОВ

Кросскультурный метод универсальных языковых эквивалентов возник из наблюдения К.-О. Апеля, который полагал, что «сегодня **восточноазиатские и европейские языки**, несмотря на значительные системные различия, могут выражать в **практически эквивалентной по своему значению языковой форме существенные идеи** научно-технической цивилизации»¹⁵¹. С проблемами поиска универсальных языковых эквивалентов в восточных языках при адаптации заимствований из европейских языков сталкивались Япония, Китай, Египет и многие другие страны Востока на этапах их модернизации. Выяснилось, что это серьезная проблема конвергенции культур, которую каждая страна решает по-своему и которая все время требует особого к себе внимания: мировые языки научных технологий не стоят на месте, как и языки программирования.

Проблема взаимопонимания, актуальность которой многократно возросла из-за углубляющейся культурной глобализации, преодолевается различными способами – через универсализацию знаний, перекрестную историю, создание единых баз данных по специальностям с возможностью их трансдисциплинарной интеграции в общей системе информационного знания и с возможностью автоматического перевода информации на определенный язык, обращение к языковым эквивалентам, сближение языков социального описания науки и культуры, создание «живых» и интерактивных электронных словарей и программ машинного перевода.

¹⁵¹ Апель К.-О. Трансформация философии. С. 255.

5.4.1. Цель метода

Одни и те же по смыслу слова, но сказанные на разных языках и отражающие разные культуры, вызывают у человека разную коммуникативную реакцию. Например, когда мусульманин восхваляет Аллаха, говоря: «Аллаху акбар» (Аллах велик), мы представляем себе мусульманского Бога и никак не Бога христианского или иудейского. Однако у арабов-христиан Бог тоже Аллах – это просто арабское слово, эквивалент русского слова «Бог», имеющего общеславянское происхождение <*bogъ¹⁵². В древнейших списках кумранских свитков Бог именуется 'dwny 'lwhym (Аденай Элохим) «Господь Бог» (Ис. 61:11 1QIsa^a). Но и в Коране Аллах – не только Бог мусульман, это Творец всего сущего.

Информационные взаимодействия в мире, понимаемые как коммуникации, осуществляются между носителями не только одной культуры, но и разных культур, поэтому и языковые инструменты, необходимые для описания этих коммуникаций, должны учитывать их межкультурную природу и искать точки схождения. В логическом подходе к **смыслу**, выступающему в многомерном подходе в качестве важнейшего критерия рациональности, важно не только адекватное объяснение, но и не менее адекватное понимание. Проблему уравнивания роли объяснения и понимания в стратегии сравнительного познания «нашего» и «не нашего» миров решает концепция **логики смысла** Ж. Делёза, в которой объясняющие и понимающие интерпретации связанности исторических событий сопутствуют друг другу: причинно-следственная интерпретация событий относится к «внутреннему» ходу истории, а их не причинная рядоположенность – к «внешнему»¹⁵³. Концепция Ж. Делёза позволяет отделять смысл от значения, в то время как в одноименной концепции А. В. Смирнова речь идет о возможности установления логики смысла всей арабо-мусульманской культуры на основе анализа закономерностей классической арабской философии и описывающего ее классического арабского языка¹⁵⁴.

Считается, что разработка очищенного и открытого для всех культур мета-языка гуманитарной науки на данном уровне развития невозможна. Роль специальных языков успешно выполняют основные языки программирования (Python и др.): они формализованы и стандартизированы для всего мира. Естественные и искусственные языки пока непроницаемы друг для друга, для освоения и тех, и других требуется длительное время.

Существующее положение с языками социального описания вряд ли можно считать удовлетворительным, когда речь заходит об использовании верифицируемых научных подходов. Системный подход к проблеме и понимание ее коммуни-

¹⁵² Существует мнение о родстве этого слова иранскому *baga* и санскритскому *bhagas* – «Податель благ». См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва; под ред. Б. А. Ларина. Т. I. М.: Прогресс, 1986. С. 181–182.

¹⁵³ Делёз Ж. Логика смысла // Делёз Ж. Логика смысла. Фуко М. *Theatrum Philosophicum*. Екатеринбург: Раритет, 1998. С. 225–226, 232–233; см. также: Ионов И. Н. Мировая история в глобальный век: Новое историческое сознание. С. 118.

¹⁵⁴ Смирнов А. В. Логика смысла. Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры.

кативных механизмов вынуждает специалистов, занятых трансдисциплинарными исследованиями, обращать особое внимание на понятийный аппарат исследования, определять возможные пути для выработки принципов общего для различных историографий языка социального описания, преодоления некоторых антагонистических различий в языковых традициях разных культур и в конечном счете лучшего понимания процессов в культурном анализе.

Предлагаемый метод фиксирует не только логические связи Г. Фреге между значением и смыслом¹⁵⁵, но и различия между знаком и означаемым в традиционной семиотике, отражая тем самым важнейшие дискуссии «лингвистического поворота». Кроме того, он идет еще дальше: 1) друг другу противопоставляются объем понятия и его денотативное значение, в которых, в свою очередь, различаются семантическое ядро и периферийные значения; 2) обозначаются интеркультурные (внешние) и интракультурные (внутренние) различия между содержательно общими явлениями и обозначающими их понятиями, а также те пределы, в каких культуры (в том числе и история как культура) объективны, а в каких – относительны; 3) рефлексивный рационализм неоклассической теории, в рамках которой разрабатывается концепция многомерности истории и человека, учитывает не только буквальное значение устного выражения или письменного текста, его контекст, интертекстуальные значения, но и интенции, невысказанные смыслы, так как они ощущаются рефлексирующим сознанием, коммуникативный («жизненный») мир, или информационную среду, в которой прозвучало сообщение или создавался письменный источник.

Цель предлагаемого метода, по своему содержанию историко-лингвистического, – рационализация, инструментализация и семантическое «приземление» понятийного аппарата информационно-коммуникационного анализа, что подразумевает отделение реального значения каждого понятия от номинального, последовательное соотнесение каждого понятия с реальностью. На практике это означает не изобретение новых метафор взамен существующих понятий, а учет реального содержания понятий «как было» и «как есть сейчас» в их **рефлексивной форме взаимного понимания**, интерпретацию достоверно установленных фактов и явлений через **смещение горизонтов разных культур и языков**, их выражающих, с учетом индивидуального (транссубъективного) восприятия реальности.

Более широкая цель метода языковых эквивалентов – попытка сформулировать принципы исследования, имеющие практический характер, которые должны повысить степень однозначности и точности используемого языка социального описания.

Кросскультурный метод универсальных языковых эквивалентов может развивать идеи, заложенные в методе семиотического анализа. Один из коммуникативных методов, опирающихся на философско-лингвистическое (семиотическое) направление теории коммуникации, его отдельные элементы содержатся в теории дискурса. Особенно интересны те аспекты этого метода, которые связаны с изуче-

¹⁵⁵ Фреге Г. Логика и логическая семантика: Сб. трудов / пер. с нем. Б. В. Бирюкова. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 230.

нием моделирующей роли языка социального описания в процессе исторического познания (М. М. Бахтин, Г. А. Гуковский, Ю. М. Лотман, Л. С. Выготский, В. Я. Пропп, Р. О. Якобсон, У. Эко и др.).

5.4.2. Источники метода

Будучи трансдисциплинарным, метод универсальных языковых эквивалентов опирается на надежные источники, в качестве которых выступают методы, концепции и правила, апробированные в науке: кросскультурный метод¹⁵⁶, эквивалентный и этимологический методы, методология перекрестной истории М. Вернера и Б. Циммерман¹⁵⁷, концепция «естественного семантического метаязыка» А. Вежбицкой¹⁵⁸, правило логической эквивалентности в математической «логике второго порядка» и «законах формы» Дж. Спенсера-Брауна, а также аксиома универсальности В. А. Воеводского, постулирующая равенство объектов, между которыми может быть установлена эквивалентность. В теории перевода эквивалентный метод, сопоставляющий значение и смысл каждого термина и понятия, уже давно используется¹⁵⁹, в том числе в системной парадигме, в которой язык рассматривается как система¹⁶⁰.

Сам кросскультурный метод, пришедший из компаративистики и семиотики культуры и в наибольшей степени учитывающий особенности межкультурной коммуникации¹⁶¹, активно применяется в гуманитарных науках, в том числе в истории и востоковедении¹⁶². Автор собственной модели кросскультурной коммуникации, названной его именем (*The Lewis Model of Cross-Cultural Communication*), Р. Д. Льюис разделил все культуры на три категории: 1) моноактивные, ориентированные на дело (*Task-oriented*) – как правило, это общества, разделяющие протестантскую этику капитализма (около 600 млн чел.); 2) полиактивные, ориентированные на людей и диалог с ними (*People-oriented*) – это самый распространенный

¹⁵⁶ Этот метод используется прежде всего для перекрестного изучения различных этнических культур, см.: Olufson, Loreen C. An Investigation of Ethnocentrism, Its Elements, Factors Affecting Its Intensity, and Implications for Cross-cultural Activities. Oregon State Univ., 1988.

¹⁵⁷ Werner, Michael; Zimmermann, Bénédicte. Beyond Comparison. P. 30–50.

¹⁵⁸ Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999.

¹⁵⁹ Мельников Г. П. О сохранении эквивалентности значений и эквивалентности смыслов при переводе научной и технической литературы // Пятый семинар по вопросам теории и практики перевода научной и технической литературы. М. – Ярославль: НТО, 1971. С. 16–19.

¹⁶⁰ Мельников Г. П., Кубрякова Е. С. О понятиях языковой системы и структуры языка // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М.: Наука, 1972. С. 8–91.

¹⁶¹ Подробнее об использовании этого метода см.: Понимание в кросс-культурной коммуникации / отв. ред. И. Т. Касавин. М.: ИФ РАН, 2014.

¹⁶² Так, на основе этого метода Н. Н. Крадин пришел к выводу о том, что универсальных признаков государственности и цивилизации не существует: общества с развитой классовой стратификацией могут не иметь государственной иерархии, а общества с развитой политической иерархией – не отличаться развитой классовой структурой. См.: Крадин Н. Н. Археологические признаки цивилизации // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: сборник статей / под ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко и Н. Н. Крадина. Волгоград: Учитель, 2006. С. 196.

тип культуры (около 3300 млн чел.); 3) реактивные, «слушающие» культуры, ориентированные на общественное мнение, послушание, уважение в обществе (*Respect-oriented listeners*) (около 1700 млн чел.)¹⁶³. У каждой категории культуры – своя концепция времени, понимание его ценности, особое его восприятие¹⁶⁴.

Восточные культуры Р. Льюис частично относит к полиактивным (арабская, иранская, турецкая, африканские культуры), частично они гибридные, совмещают в себе черты полиактивных и реактивных культур (Индонезия, Филиппины – около 290 млн чел.), но в большинстве своем они реактивны. В реактивных культурах человек формулирует свою позицию с оглядкой на общественное мнение, а не на основе чистого прагматизма. В восточных обществах Льюис выделяет группу стран, в которых культуры в значительной степени реактивны: Япония, Китай, Тайвань, Сингапур, Гонконг, Корея, Турция, Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Малайзия и др.¹⁶⁵ Однако выводы о том, что восточные культуры не ориентированы на дело, а многоактивные и реактивные культуры не ориентированы на диалог, являются по меньшей мере некорректными: это как раз тот случай, когда обобщения не учитывают многомерности систем культуры и в своем анализе выделяют только то, что в данный момент и в данных условиях кажется ситуативно убедительным.

Этимологический метод, который здесь представлен как один из принципов, часто используется историками и особенно специалистами по сравнительно-историческому языкознанию, для которых это один из основных методов познания. Социальные концепции до сих пор практически не рассматривались с точки зрения оригинального этимологического значения, на основе соединения концептуального и лексического анализа; первый такой опыт принадлежит Роберто Эспозито¹⁶⁶. Методологическая концепция «естественного семантического метаязыка» А. Вежбицкой, нацеленная на поиск семантических универсалий в разных языках, получила мощную поддержку в цифровой технологии обработки естественных языков (*Natural Language Processing*). Безусловно, новый синтетический метод также опирается на достижения семиотики и результаты всего «лингвистического поворота», частью которого является постклассический кросскультурный метод¹⁶⁷.

5.4.3. Сущность метода

Метод универсальных языковых эквивалентов непосредственно апеллирует к сущности социальных явлений в различных культурах, сущностным идеям реальных «вещей» чувственного мира, а не их формальным обозначениям, основываясь на их общих в разных культурах семантических значениях. Он исходит из рефлексии здравого смысла А. Коржибски, который утверждал, что «имя не есть назван-

¹⁶³ Lewis, Richard D. When Cultures Collide: Leading Across Cultures. P. 29–37.

¹⁶⁴ Ibid. P. 53.

¹⁶⁵ Ibid. P. 38.

¹⁶⁶ См.: Esposito, Roberto. *Communitas. The Origin and Destiny of Community*.

¹⁶⁷ Dobrovol'skij, Dmitrij D.; Piirainen, Elisabeth. *Figurative Language: Cross-cultural and Cross-linguistic Perspectives*. Emerald Group Publishing, 2005.

ный им предмет»; семантическая реакция, принятие значения, выделение важного в пространстве смыслов является фундаментальной в коммуникации¹⁶⁸. Неслучайно др.-греч. *Σημαντικός*/*sēmantikós*, от которого произошло слово «семантика», означает «значимый, важный». При этом человеческий язык устроен таким образом, что в нем слишком много перекрещивающихся символов и значений, способствующих отождествлению абстракций различного онтологического порядка.

Если Хабермас заложил основы теории коммуникативной компетенции¹⁶⁹, то развил эту теорию К.-О. Апель: «Человек на любом языке в принципе способен **рефлексивно тематизировать также различия языков и преодолевать их основополагающим образом в прагматическом результате**»¹⁷⁰. На этой идее как раз и зиждется кросскультурный метод универсальных языковых эквивалентов, основной смысл которого заключается в прямом обращении к семантическому ядру используемых терминов и понятий.

Работа по выявлению семантических эквивалентов в разных культурах направлена на отличие нормативных (т. е. «правильных») смыслов от «неправильных», ошибочных или намеренно искаженных. Ошибки как раз обнаруживаются «благодаря их распознаванию в качестве отклонения от правильного смысла»¹⁷¹. По Луману, историописание («самонаблюдение системы») характеризуется преимущественной событийностью и ее неизбежной разрозненностью, поскольку тотально описывать последовательность всех событий средствами нецифровой истории невозможно. Это преодолевается посредством отекстовления и нормативизации¹⁷².

Историописание невозможно без опоры на смысловые паттерны, обладающие собственной семантикой и определяющие описываемую культуру. Луман понимал семантику в качестве «культурного запаса понятий»¹⁷³, который периодически воспроизводится и уточняется. Благодаря выбору семантики «система облегчает себе самореферирование в зачастую весьма гетерогенных ситуациях»¹⁷⁴. Эта семантика «может потом использоваться правильно или ложно – генерируя дальнейшее различение»¹⁷⁵.

В свою очередь, Хабермас также придает особое значение семантическому различению понятий и категорий¹⁷⁶, рассуждает о семантическом потенциале социальных явлений¹⁷⁷, о «семантике освоения мира» в «комплексных, сложных

¹⁶⁸ *Korzybski, Alfred.* Science and Sanity: An Introduction to Non-Aristotelian Systems and General Semantics. P. 19.

¹⁶⁹ *Habermas, Jürgen.* Vorbereitende Bemerkungen zu einer Theorie der kommunikativen Kompetenz. S. 101–141.

¹⁷⁰ Апель К.-О. Трансформация философии. С. 256.

¹⁷¹ Луман Н. Самоописания. С. 28.

¹⁷² Там же. С. 29.

¹⁷³ Антоновский А. Аналитика времени. С. 305.

¹⁷⁴ Луман Н. Самоописания. С. 28.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. С. 126.

¹⁷⁷ Там же. С. 127.

в своей целостности общества», в которых одним культурам приходится отстаивать себя перед лицом других культур¹⁷⁸.

Луман в полной мере осознавал тот факт, что в условиях культурно-сложных и дифференцированных обществ необходимо справиться с некоторой избирательностью методов самоописания и вместо этого искать новые формы социального описания¹⁷⁹. Предлагаемая версия кросскультурного метода по-своему решает эту двоякую задачу. С одной стороны, она предлагает описывать каждую систему тем языком социального описания, который эта система использует для самой себя, выявляя в каждом случае объективное содержание повседневного мышления конкретного исторического *Ego*. С другой стороны, одновременно с этим она позволяет внести в языки социального описания большую интерпретативную определенность и ясность, основанную на семантической конкретизации понятийного аппарата. Эти два аспекта метода позволяют решить сложную по своему характеру двуединую задачу: сохраняя подлинные (объективные) смыслы каждой аутентичной культуры, описывать их общим и одинаково равноудаленным от них, независимо от языковой формы, языком семантических эквивалентов в разных культурах. Решение этой задачи будет актуализироваться по мере распространения технологий автоматического перевода, которые существенно снизят значение конкретной формы языка в социальной коммуникации.

Множество искажений историописания связано с использованием одной культурой, в рамках которой проводится историческое исследование, языка социального описания другой. Обусловлено это разными причинами, в том числе объективной европоцентричностью большинства теорий и концепций истории, которые применимы для изучения европейских, но не восточных культур. В силу богатства русского языка в отечественной науке возникают дополнительные коннотации (в том числе с разделением на научную и религиозную интерпретации), которых лишена западная наука. Для прояснения этого вопроса достаточно обратить внимание на смысловые различия между социальным и общественным (*social*), секулярным и светским (*secular*), сакральным и священным (*sacral*), правдой и истиной (*truth*).

Понятно, что вне культуры и вне языка понятия не существует. В процессе познания исследователь также привносит в смысл понятия свои манифестацию и целеполагание. Поэтому анализ смысла понятий требует герменевтического подхода (Х.-Г. Гадамер) или феноменологической герменевтики (П. Рикёр). Постмодернисты предлагают сравнивать смыслы как более или менее полезные в познавательном отношении (ср. с идеей «насыщенного описания» у К. Гирца).

¹⁷⁸ Там же. С. 12–13.

¹⁷⁹ Luhmann, Niklas. Social Systems. P. XVI. Сам Луман решил эту проблему, обратившись к упорядоченной системе понятий Хайнца фон Ферстера, в которой особое значение придается рекурсивности – обращению к результатам предшествующих операций как к основанию последующих: «“Собственные значения” в социальном и биологическом поведении в каком-то смысле аналогичны так называемым “собственным значениям” в математике или физике» (Антоновский А. Никлас Луман: Эпистемологические основания и источники социологического конструктивизма // Луман Н. Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновского. М.: Логос, 2004. С. 107).

Язык науки или отдельных дисциплин представляет собой «очищенный» условный метаязык второго порядка, основанный на языке первого порядка – этнического (английского, русского, немецкого и др.)¹⁸⁰. По мнению ряда теоретиков, в силу особенностей современного развития науки он уже не может функционировать в качестве теоретического, поэтому чаще всего говорят об объективной потребности гуманитарных наук в разработке нового языка социального описания, адекватного реальности¹⁸¹. Считается, что этот язык должен быть общим не только для исторического, но и для всякого социального описания, современного и будущего, соответствовать необходимым критериям терминологической четкости и семантической точности. В этом направлении в науке велась и ведется активная дискуссия, в которой наиболее заметны Ф. де Соссюр, Л. Витгенштейн, К.-О. Апель, Р. Карнап, Г. П. Щедровицкий, Г. П. Мельников и др. Однако мета-научный язык, предлагаемый «лингвистическим поворотом», необязательно означает отказ от «Лейбницевой надежды» на замену трудностей взаимопонимания, возникающих в обыденном языке, на абсолютное взаимопонимание, опосредованное искусственным языком, как об этом писал К.-О. Апель, надеясь на разрешение этой дилеммы с помощью «прямого» метода языковой реконструкции Эрлангенской школы¹⁸².

Особый язык науки (или язык второго порядка) называется понятийным аппаратом; чем он совершеннее, тем точнее научный результат и тем надежнее полученные данные. Самым точным понятийным аппаратом обладает математика, «царица всех наук» (К. Гаусс), которая поэтому и называется точной наукой. Как следует из воспоминаний П. Лафарга, Маркс считал, что «наука только тогда достигает совершенства, когда ей удастся пользоваться математикой. В высшей математике он находил диалектическое движение в его наиболее логичной и в то же время простейшей форме»¹⁸³. Здесь прямая отсылка к кантовской оценке математической логики и точности как меры истины для любой науки.

Однако математику и историю разделяет эпистемологический барьер. Поэтому логические модели и семантические эквиваленты, взявшие за основу математику (Э. Гуссерль, В. А. Воеводский), прямо применить к истории нельзя, в том числе, как указывает В. С. Стёпин, из-за опасности «утраты эмпирического смысла величин»¹⁸⁴, поэтому здесь нужны промежуточные интерпретации. Недаром в социологию Гуссерль пришел через А. Шюца, который в корне переосмыслил процедуру феноменологической редукции, найдя предмет исследования в том, что Гуссерль хотел устранить в самом начале, – содержании «жизненного мира», множественно-

¹⁸⁰ Карасев О. В. Семиотика. Краткая история становления: учеб. пособие. Пятигорск: ПГЛУ, 2014. С. 123.

¹⁸¹ Пути России. Новые языки социального описания. С. 3–7.

¹⁸² Апель К.-О. Трансформация философии. С. 215. Дискуссию на эту тему см.: Kamlah, Wilhelm; Lorenzen, Paul. Logische Propädeutik: Vorschule des vernünftigen Redens. Mannheim: Wissenschaftsverlag, 1967; Lorenz, Kuno. Elemente der Sprachkritik: eine Alternative zum Dogmatismus und Skeptizismus in der Analytischen Philosophie. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1970.

¹⁸³ Лафарг Поль. Воспоминания о Марксе. С. 11.

¹⁸⁴ Стёпин В. С. Философия науки. С. 260.

сти реальности повседневной жизни¹⁸⁵. Как показал П. Рикёр, семантический эквивалент без герменевтики, конкретной рефлексии, выхода за пределы объекта как отрицание отрицания, недостижим¹⁸⁶. Поэтому, говоря о равенстве объектов исторического познания, необходимо обратиться к равенству формального (т. е. объективного) содержания исторических понятий и категорий в разных культурах.

В исторической науке математическая точность возможна прежде всего в датах, статистике и даже в конкретных описаниях¹⁸⁷, но в широких исторических обобщениях она достижима только **на основе формальной логики и в пределах допустимых значений**, т. е. в пределах выводного знания. Эти пределы должны быть достаточно узкими, чтобы исключить характерную для сциентизма и историзма **проблему воспроизводимости результатов исторического исследования**. Иными словами, если другой исследователь, используя тот же научный метод, приходит к совершенно другим результатам, чем его предшественник, при изучении той же темы, то, естественно, возникают сомнения в научности метода.

В формализованном языке многомерного подхода, в котором язык выступает как коммуникативный инструмент познания¹⁸⁸, могут быть востребованы гораздо более определенные семантические эквиваленты, апеллирующие к мыслительным образам коммуникации, либо сложившиеся в понятийном аппарате науки абстракции, значение которых заранее ограничено необходимыми и известными пределами (в рамках заданных параметров), с определением предельных значений. В условиях мировой интеграции науки установление семантических эквивалентов не только чрезвычайно важно, но и возможно, например на основе равенства объектов, постулируемого аксиомой унивалантности В. А. Воеводского¹⁸⁹, и **объективностью содержания мышления** (К. Поппер), т. е. со смыслом, который определяется не столько языком (который их лишь выражает), сколько мыслеформами.

Адекватное понимание смысла сообщения в коммуникативном акте связано с полнотой и точностью передачи информации со стороны *Ego*, а также полнотой и точностью его восприятия со стороны *Alter*. В языке как основном средстве коммуникации каждое слово является символом определенной вещи: на другом языке это слово может обозначать совсем другой предмет. Это означает, что семантика (смысл) символического обозначения важнее его конкретной формы в конкретном языке. В научном познании между словом как символом и обозначаемым им предметом (референтом, вещью) возникает понятие – обобщенный образ, существующий, как правило, только в сознании. Это промежуточное звено принято называть денотатом.

¹⁸⁵ Шюц А. О множественности реальностей. С. 3–34.

¹⁸⁶ Рикёр П. История и истина / пер. с фр. И. С. Вдовиной, А. И. Мачульской. СПб.: Алетей, 2002. С. 381–382.

¹⁸⁷ Точность в истории связана и с ее масштабом – для глубокой древности датировка в пределах года считается точной, а для современной истории важна точность до конкретного дня, а иногда и часа.

¹⁸⁸ Кононюк А. Е. Системология. С. 424–441.

¹⁸⁹ Voevodsky, Vladimir. Univalent Foundations of Mathematics Heidelberg Laureate Forum. [Electronic resource]. URL: <https://www.heidelberg-laureate-forum.org/video/lecture-univalent-foundations-of-mathematics.html>. Retrieved 28.02.2020.

Для выделения семантического компонента понятия, абстрагированного от различных смысловых оттенков (коннотаций), необходимо обращаться к его денотативным значениям, выделяющим в широком и многозначном объеме слова-понятия, т. е. в некоторой совокупности (множества) обозначаемых им предметов, семантическое ядро значения, через которое можно выйти на **общий семантический эквивалент для разных культур**. Соотношение между содержанием (т. е. коннотацией) слова-понятия и его объемом определяют парные категории интенционала и экстенционала (денотации) логического позитивизма Р. Карнапа¹⁹⁰. Соотношение между лингвистическим и когнитивным аспектами проблемы показывает разграничение К. Льюисом интенционала (коннотации), с одной стороны, как языкового, а с другой – как смыслового значения¹⁹¹.

Метод универсальных языковых эквивалентов, основы которого заложены в трудах представителей семиотики, может иметь большие перспективы для решения практических задач интерсубъектной коммуникации. Речь идет не только о технологиях машинного перевода, связанных с обработкой естественных языков, где эта проблема стоит крайне остро, но и об обычной межкультурной коммуникации, когда сторонами коммуникации выступают представители разных культур.

5.4.4. Основные принципы

Метод опирается на следующие базовые принципы: принцип семантической эквивалентности, принцип иерархической определенности, этимологический принцип и принцип деконцептуализации, который является важнейшим условием формализации информации. Эти принципы позволяют очистить применяемые в историческом анализе понятия от концептуальной или иной смысловой нагрузки, сопоставляя их базовые значения в разных культурах, и по возможности вернуться к их изначальному смыслу, или хотя бы не потерять с ним связь. Тем самым достигается сравнительно большая семантическая определенность понятийного аппарата историописания, которая должна повысить точность исследования: смысл даже таких ключевых для настоящей работы понятий, как «общество», «политика», «этнос», «религия», до сих пор остается крайне сложным, нагруженным и дискуссионным, прежде всего в силу отсутствия общего для гуманитарных наук языка социального описания.

Принцип семантической эквивалентности

Принцип семантической эквивалентности имеет исключительно важное значение в научных дисциплинах, связанных с языками различных культур, сравнительными исследованиями обществ и культур Запада и Востока, Севера и Юга. Особенно это касается востоковедения – науки, которая ставит своей целью адекватное описание и объяснение восточных (афроазиатских) культур на европейских

¹⁹⁰ Карнап Р. Значение и необходимость. М.: Наука, 1959.

¹⁹¹ Льюис К. Виды значения // Семиотика / сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 211–224.

языках. Восточное источниковедение и текстология по определению предполагают работу востоковеда с восточными языками, с учетом общественно-политической, философской, религиозной или иной специфики текста источника.

Эквивалентность значения совсем не означает идентичности понимания одних и тех же явлений в разных культурах, для этого необходимы алгоритмы интерпретации. Апель допускал возможность двусторонней (взаимной) интерпретации «с трудом постигаемых сокровенных областей различных культур или форм жизни благодаря углубленному знанию о различных структурах»¹⁹², подчеркивая, что взаимопонимание может быть достигнуто в отдельных практических аспектах, по крайней мере политическом и этническом, дополним еще – общественном и религиозном.

«Вхождение» исследователя в другую культуру невозможно без поиска эквивалентов в собственной культуре, однако эти эквиваленты должны быть глубоко осмысленными. В российском исламоведении до сих пор сохраняется проблема точной смысловой передачи широко распространенных сакральных мусульманских формул с арабского языка на русский. Так, обязательная после упоминания имени пророка Мухаммада формула *صلى الله عليه وسلم* *ṣallā 'l-Lāhu 'alayhi wa-sallama* повсеместно переводится как «да благословит его Аллах и приветствует». Как подчеркнул В. В. Наумкин, этот общеупотребительный вариант перевода превратился в устойчивый штамп, создающий «диссонанс между арабским выражением и его русским эквивалентом. Этот диссонанс будет все больше усиливаться по мере увеличения в российской мусульманской общине числа ученых, одинаково хорошо владеющих обоими этими языками»¹⁹³. Аллах как высшая трансцендентная сущность не может приветствовать человека, каким является Его пророк, на этом основании В. В. Наумкин считает вызывающе антропоморфный перевод «да приветствует его Бог/Аллах» абсолютно неприемлемым. Не может Аллах пожелать Своему пророку и мира – а это второе значение слова *sallama* – поскольку это по определению в Его власти. Поэтому исследователь предлагает семантически эквивалентный перевод в соответствии с подлинным религиозным значением арабских слов: «да снизойдут на него (т. е. Пророка) благословение и благодать Аллаха» или «да благословит и спасет (обезопасит) его Аллах»¹⁹⁴.

С одной стороны, введение заимствований из других языков для закрепления исконного значения понятия создает ложное представление об особой специфике этого понятия, которой на самом деле может и не существовать. Показательный пример – представление об Аллахе как о «мусульманском Боге», которое отражено в дискуссии С. М. Прозорова и Т. К. Ибрагима о том, как правильно переводить это имя – Бог или Аллах¹⁹⁵. С доктринальной точки зрения речь в исламе идет об арабском обозначении Единого для всей авраамической традиции Бога:

¹⁹² Апель К.-О. Трансформация философии. С. 255.

¹⁹³ Наумкин В. В. Еще раз к вопросу о точном переводе сакральной благопожелательной формулы *ṣallā allāhu 'alayhi wa-sallama* на русский язык // *Ars Islamica*. В честь Станислава Михайловича Прозорова / сост. и отв. ред. М. Б. Пиотровский, А. К. Аликберов. М.: Наука – Вост. лит., 2016. С. 371–381.

¹⁹⁴ Апель К.-О. Трансформация философии. С. 378.

¹⁹⁵ Прозоров С. М., Тауфик Ибрахим. Аллах или Бог? // *Минарет*. 2006. № 1 (008). С. 8–15.

сирийские христиане, как, впрочем, и православные гагаузы, своего Бога также называют Аллахом. По этой причине Г. С. Саблуков в переводе Корана в качестве эквивалентного значения для арабского слова **الله** (Аллах) использовал слово «Бог», но с большой буквы. В этом случае слово «бог» со строчной буквы может быть эквивалентно для обозначения домонотеистического («языческого») божества – **اله** (илахи). С 2018 г. система машинного перевода *Google translate* уже учитывает эти важные семантические различия, для верификации достаточно поменять заглавную букву на строчную, и арабский перевод слова Бог даст разные значения.

С другой стороны, механическое сведение понятия в одной культуре к эквивалентному по смыслу понятию в другой культуре чревато потерей содержательной специфики, имеющей в данной культуре принципиально важное значение. В исламе религиозная группа, образовавшаяся из-за идейных разногласий с преобладающим большинством верующих, называется *фирка*. Вряд ли понятие «фирка» является эквивалентом для понятия «секта», хотя они и обозначают схожие явления – прежде всего потому, что у них различное содержание, принципы, статус, организационная структура, религиозные практики. Общим эквивалентом для этих терминов может стать понятие «религиозное течение».

Таким образом, кросскультурный метод универсальных языковых эквивалентов работает по принципу не схожести, а только полной идентичности смысла, пусть и на более высоком уровне абстракции, для которого обозначения кросскультурного анализа будут корректными. Семантический эквивалент понятия выявляется с помощью различения его объема и семантического ядра, последующего выявления эквивалентных значений этого понятия в других культурах с учетом особенностей своего времени, т. е. исторической семантики.

Принцип иерархической определенности

Метод универсальных языковых эквивалентов не ограничивается поиском кросскультурных соответствий и универсальных феноменов в семиотике культуры. Будучи транскультурным инструментом научного познания, он также учитывает фундаментальную категорию иерархии живых систем, присущую любым формам социальной организации, используя принцип иерархической определенности. Этот принцип устанавливает универсальные отношения господства (доминирования), подчинения (соподчиненности) и равенства, которые также рассматриваются в многомерной проекции – в рамках общественного, политического, этнического, религиозного и других аспектов истории.

В дифференциации *целое/часть* уже заложена иерархия, которую описывал еще Аристотель, когда говорил, что во всем целом, состоящем из частей, «сказывается властвующее начало и начало подчиненное» (P01. 1254a 28–31)¹⁹⁶. В исторической методологии Лумана дифференциация *целое/часть* раскрывается и интерпретируется с помощью различения *верх/низ*, также указывающего на иерархию¹⁹⁷. Системно-коммуникационный анализ учитывает не просто иерархические (вер-

¹⁹⁶ Луман Н. Самоописания. С. 60–61.

¹⁹⁷ Там же. С. 61.

тикальные) отношения, но и выделяет в каждой из референтных групп доминантные, дополняя их отношениями равенства (т. е. горизонтальными отношениями), расположенными как наверху, так и внизу. Коммуникативные действия в рамках этих отношений Луман объяснял с помощью понятий *репрезентации* (представления) и *партиципации* (соучастия): «Одно понятие ориентирует мышление сверху вниз, другое – снизу вверх»¹⁹⁸. Речь идет о важности учета особенностей мышления не только познающего субъекта, но не в меньшей степени и познаваемых им субъектов коммуникаций в истории. Как они сами определяли свои приоритеты и ценности, как видели и оценивали собственный «жизненный мир»?

Каждый язык по-своему передает семантику жизненных приоритетов и ценностей, так же как и иерархических отношений, в различных сферах социокультурной системы: общественной, политической, этнической (в т. ч. актуальной на Востоке семейно-клановой и родоплеменной) и религиозной. Культуры, использующие эту семантику, имеют свои отличительные особенности, но они не могут служить помехой для выявления общих семантических эквивалентов, обесценивающих кросскультурную коммуникацию.

Отношения внутри культур, как и между культурами, имеют в своей основе различные дифференциации, в том числе дифференциацию *центр/периферия*. В информационно-коммуникационном анализе принцип иерархической определенности позволяет прояснить немаловажный вопрос о том, какой тип социальной системы (в ряду других систем данного семантического ряда) в тот или иной исторический период доминировал над остальными, чтобы адекватно описать вытекающую из этого факта иерархию коммуникативных связей и отношений.

Как показал Луман, на различных этапах истории менялись отношения не только *старого/нового, традиции/новации*¹⁹⁹, но и *господства/подчинения*: «При условии стратификации и/или дифференциации *центр/периферия* можно было исходить из того, что **“господствует” и снабжается соответствующими ресурсами наисильнейшая система** (даже если с реалистической точки зрения вполне возможным было регрессивное развитие по направлению к родовым отношениям, поскольку в сельской местности все еще в значительной степени господствовали архаические отношения). В функционально дифференцированных обществах действует, скорее, противоположный порядок: **доминирует система** с высочайшей долей отказа, потому что если выходит из строя одно из специфических функциональных условий, то это невозможно нигде компенсировать и к этому повсюду тяжело приспособляться»²⁰⁰.

Ключевое для изучения общественной, политической и экономической иерархии понятие *доминантности* основано на значениях исторического термина *Dominium* – это и домен, т. е. владение (в Средние века – владения короля или феодала), и индивидуальная собственность, и правление (ср.: *Dominium regale* «королевское правление»). Общий с ними по происхождению термин

¹⁹⁸ Там же. С. 63.

¹⁹⁹ Подробнее об этом см.: Луман Н. Истина, знание, наука как система. С. 207–209.

²⁰⁰ Луман Н. Дифференциация. С. 190.

«доминат» (лат. *dominātus*), имеющий значение «господство» (отсюда – *dominus* «господин, хозяин»), обозначал форму правления в Древнем Риме, пришедшую на смену принципату. Поскольку режим домината нельзя еще называть классической (по крайней мере, наследственной) монархией, термин «доминат», выражающий ранние формы реального политического доминирования, а также иерархию отношений доминирования – подчинения, чрезвычайно удобен для обозначения режимов власти на начальных этапах формирования государственных образований²⁰¹.

В изучении социокультурной системы принцип иерархической определенности требует первоочередного учета господствующих норм культуры и подчинения им всех остальных нормативных установок внутри данного конкретного общества, прежде всего коммуникативного «мира» *Ego*, а в изучении социальных процессов в прошлом – первоочередного учета доминантных форм социальности. Речь идет об определении доминантной формы социальных связей и отношений для каждого *Ego*, жившего в конкретное время и в конкретной местности, учитывая не формальную, номинальную, а фактическую иерархию, реальные отношения соподчиненности в конкретном обществе. Важнейшим источником для определения доминантных коммуникативных (общественных, политических, этнических, религиозных или других) связей и отношений являются актуальные для изучаемого периода правовые документы, регулирующие «жизненный мир» человека того времени.

Этимологический принцип

Метод универсальных языковых эквивалентов использует этимологизм для возвращения к исходному смыслу комплекса терминов: Исидор Севильский, предлагавший разграничивать («дифференцировать») слова и понятия, сотворенное (*creatio*) и его форму (*formatio*), еще в древности назвал этимологию учением об «истинном» значении слова²⁰².

Однако не всегда возвращение к исходному смыслу и даже его выявление возможно: нередко лексические единицы «уходят» далеко от своих первоначальных значений, приобретая в ходе их употребления в разных исторических условиях комплексность и многозначность. Н. Луман пришел к выводу о том, что «коммуницирование в этих условиях ведет к выстраиванию исторической реальности, т. е. к некому морфогенезу, который может постигаться лишь в зависимости от его собственной истории», «после некоторого более длительного развития в выстраивании комплексности <...> системы способны к самоописаниям (если вообще на это способны), лишь интегрируя в него свою историю»²⁰³. Изменение конкретного содержания ключевых терминов социального описания, таких как «народ»,

²⁰¹ Указывая на различия в развитии Китая и Европы, Луман пишет о распаде в средневековой Европе единства *imperium* и *dominium* – власти, опирающейся на приказы, и землевладения. См.: Луман Н. Дифференциация. С. 133.

²⁰² *Isidore de Seville. Le Livre des nombres. Liber Numeromm / ed. par J.-Y. Guillaumin. Paris: Les belles lettres. 2006.*

²⁰³ Луман Н. Истина, знание, наука как система. С. 159.

«нация», «государство», «гражданство», происходит в точках бифуркации, медиумом этих изменений выступает истина²⁰⁴ – в каждую эпоху слово имеет свой особый смысл, истинный в рамках этой конкретной эпохи.

Для адекватного понимания сущности явления важно понимать, когда и почему менялись значения того или иного обозначения этого явления: точки бифуркации, в которых менялся язык социального описания, будут границами исторических эпох. Поэтому «если для всякой секвенциональной переработки коммуникаций необходимы достаточно отчетливые различения и обозначения, дальнейшая коммуникация развивается (если не возникает прерываний, перерывов постепенности и новых начал) в зависимости от исходных различий»²⁰⁵. Это основная идея этимологического принципа: историк не возвращается к первоначальному значению термина, что в принципе невозможно (иначе придется игнорировать историографию и различные исторические контексты), а осуществляет кросскультурный анализ универсальных языковых эквивалентов, оглядываясь на исходное значение и исходные различия. Такого рода различия актуальны прежде всего именно в кросскультурном анализе; в рамках сравнительно обособленных локальных культур такой потребности, как правило, не возникает.

Выше мы уже показывали на различных примерах, как работает этот метод. Например, была показана связь названий государства в романских и германских языках (итал. *stato*, исп. *estado*, ст. фр. *estat*, фр. *état*, нем. *Staat*, англ. *state* и др.) с лат. *status*, означающим «условия», «положение» или «статус», отсюда – с властью, правом собственности (владения), а также с самой собственностью (владениями). Через языковые эквиваленты метод обеспечивает адекватное кросскультурное понимание социокультурных феноменов в различных культурах.

Принцип деконцептуализации

Если две наиболее интересные идеи постмодернизма – идея **деконструкции**, которую сформулировал Ж. Деррида, и идея «**пересборки** социального» Ж. Лакана, предлагают полностью разобрать понятие гуманитарной науки и обратить внимание на его менее артикулированные смыслы, то стратегия деконцептуализации выполняет гораздо более скромную роль – она возвращается к первоначальному, или наиболее распространенному в прошлом, значению понятия, преодолевая его позднейшую концептуальную коннотацию. Луман предпочитает говорить о **декомпозиции**, имея в виду понятийное (*divisio*) и смысловое (*partitio*) разделение целого на части²⁰⁶. Вводимая многомерным подходом **деконцептуализация** обеспечивается последовательным возвращением к историческим смыслам понятия в разных культурах, к их эволюции в разные исторические периоды, обращением к значению того или иного понятия для «системного», исторического времени (*tempus*), исторического мышления, конкретного *Ego*, на основе реляционного анализа и выявления семантических эквивалентов ключевых понятий. Она

²⁰⁴ Там же. С. 160.

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Луман Н. Дифференциация. С. 9–10.

подразумевает очищение понятий от позднейших концептуальных и теоретических наслоений, обнажение истинного, первоначального смысла. Изучение предмета «против шерсти» теории имеет цель двигаться к истине без помех, создающихся теоретическими (обобщающими, а потому неточными, не адекватными предмету) предпосылками. Кроме того, деконцептуализация создает корректные условия для формализации информации в рамках трансдисциплинарного подхода, «перекрестной истории» и кросскультурных перспектив – а это важнейшее требование информационных подходов, в том числе многомерного.

Когда реконструкция исторической реальности заводит историка в тупик, он в первую очередь ищет логические нестыковки в историографии, а затем вновь обращается к историческим первоисточникам. Известный лозунг «Назад, к источникам!» ни в коей мере не подразумевает отказа от многочисленных интерпретаций и реинтерпретаций источников, осуществлявшихся многими поколениями историков со ссылками друг на друга. Но на фоне разноголосицы противоречивых мнений и аргументов исходная информация источника в чистом виде вновь становится чрезвычайно актуальной.

По существу, принцип деконцептуализации *de facto* применяют археологи, когда они описывают родоплеменные процессы, имевшие место в древности, в категориях этничности: исходное обозначение этноса в древнегреческом языке, апеллирующее к народу и народности, свободно от позднейшей концептуальной нагрузки²⁰⁷. Большинство историков вслед за этнологами используют определение «этнический», как правило, только для описания народов, прошедших стадию этногенеза, как этого и требует теория этноса. И в том, и в другом случае принцип деконцептуализации применим, если оговаривать его условия. К осознанию необходимости деконцептуализации в гуманитарных науках привела, в частности, актуальная, но малопродуктивная дискуссия о природе нации, которая завершилась ожидаемым призывом к «спасению истории от нации»²⁰⁸.

Деконцептуализация понятий возможна только при условии выполнения следующих последовательных действий:

- 1) установление этимологии понятия вместе с совокупностью его исходных значений;
- 2) выяснение природы понятия и его социальной сущности;
- 3) поиск сущностных эквивалентов этого понятия в исторических источниках, других эпохах и культурах, прежде всего в сакральных текстах;
- 4) проведение кросскультурного лингвистического анализа с целью уточнения названий и значения этого понятия в исторических и современных контекстах.

²⁰⁷ А. В. Лубский справедливо рассматривает аксиологически нагруженные концепты как неполные или противоречивые модели социальной реальности, которые «в процессе коммуникации отчуждаются от их производителей и усваиваются индивидуальным сознанием потребителей этих знаний, что является основой виртуализации этой реальности», см.: Лубский А. В. Постнеклассическая рациональность и неоклассическая модель социально-гуманитарных исследований. С. 28.

²⁰⁸ Duara, Prasenjit. *Rescuing History from the Nation. Questioning Narratives of Modern China*. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1995.

Принципы кросскультурного метода универсальных языковых эквивалентов позволяют в рамках коммуникативного анализа сложных и противоречивых событий, неоднозначных явлений различных культур (восточных, русской или западных) выйти за пределы идеологических рамок какой-либо определенной традиции и вести научный диалог, направленный на достижение взаимопонимания общей заинтересованности в получении достоверного знания по конкретной теме. В цифровых гуманитарных науках они имеют сугубо утилитарное, практическое значение, прежде всего в области обработки естественного языка, машинного перевода, понимания языка, распознавания текста и речи, машинного воспроизводства речи, автоматического анализа «больших данных» с помощью методов коммуникативного анализа, автоматического реферирования и аннотирования, генерации нарратива.

5.5. ИНТЕРАКТИВНЫЙ МЕТОД ВКЛЮЧЕННОГО НАБЛЮДЕНИЯ

Интерактивный метод включенного наблюдения основан на том, что социальность невозможна без коммуникативного взаимодействия, которое, по Луману, представляет собой интеракцию автономной (но не закрытой) системы и ее окружения (внешней среды). Развитие цифровых технологий после Лумана позволяет нам рассматривать в качестве автономной системы не только социальное взаимодействие, но и любую интеракцию человека как автономной системы личности с внешней средой (его окружением), в том числе материальным миром, посредством человеко-машинных коммуникаций, опосредованных искусственным интеллектом.

В системном историческом познании интерактивный метод включенного наблюдения может использоваться в самых разных условиях, в частности: 1) при доступе исследователя к потоку специальных цифровых данных; 2) в специально созданных для решения научной проблемы информационных моделях, в которых историческое взаимодействие симулируется; 3) в метаисследованиях, а также в различных моделях метавселенной, с цифровыми двойниками реальных *Ego* и т. д. Опосредованное (виртуальное) и непосредственное участие в этом процессе субъекта познания, а также виртуальной «включенности» в него объекта познания делает интерактивный метод системного исторического познания включенным: сам Луман также считал, что «наблюдатель должен участвовать в бытии («партиципироваться»), ведь в ином случае он вообще бы не смог участвовать в бытии»²⁰⁹. В дополнение к Луману мы различаем включенность исследователя как наблюдателя и субъекта познания и включенность объектов исследования.

²⁰⁹ Луман Н. Самоописания. С. 40.

5.5.1. Источники, основания и сущность интерактивного метода

Интерактивный метод включенного наблюдения имеет три основных источника. Прежде всего, это известный **метод включенного наблюдения**. Под включенностью исследователя в процесс наблюдения обычно понимается 1) прямое наблюдение, когда он принимает непосредственное участие в исследуемом процессе, открыто или скрытно, 2) опосредованное наблюдение, когда он участвует косвенно, наблюдая за объектами наблюдения со стороны, 3) самонаблюдение (наблюдение за процессом через рефлексию собственного сознания) и 4) их сочетание.

Мы усиливаем возможности метода включенного наблюдения, опираясь на **метод наблюдения Н. Лумана**, который он сам считал самым важным и универсальным из всех методов своей системно-коммуникативной теории. У Лумана наблюдение есть и познание, и вид операций системы, т. е. метод познания. Это один из основных методов изучения коммуникативных интеракций – вербальных и невербальных, поскольку он позволяет **наблюдать** и максимально точно **описывать социальную реальность**. Н. Луман считал мир социального описания неотъемлемой частью социальной реальности²¹⁰. Наблюдение позволяет «дигитализировать» происходящее, отделяя одно событие от другого, тогда как «время остается континуумом трансформации»: события во времени происходят в аналоговой форме²¹¹. Наблюдение является необходимым условием понимания, из которого, в свою очередь, развивается интерпретация.

Вторая группа важнейших источников метода – это различные коммуникативные теории, имеющие в своем фокусе коммуникативные интеракции и их понимание. Здесь ключевыми для нас являются **феноменология Э. Гуссерля**, **герменевтика Х.-Г. Гадамера** и **концепция символического интеракционизма Дж. Мида**, они в достаточной мере раскрыты на страницах этого исследования.

Третьим источником метода стал **интерактивный метод и интерактивные возможности цифровой эпохи**, которые позволяют допустить к процессу исследования коммуникативных связей социальной системы сам объект, систему личности, предварительно обеспечив для этого все необходимые условия. Теоретическим основанием метода стала **теория интерактивного взгляда П. Вацлавика**, согласно которому человек может быть интерактивен не только по отношению к другому человеку, но и с материальным и виртуальным мирами. Цифровые модальности интерактивности отделяются от аналоговых²¹². Это соответствует нашему пониманию коммуникации в самом широком понимании этого слова. Многомерное восприятие человека, максимально персонифицируя объект и формализуя исходящую от него информацию, ставит его в центр внимания, делая его активным участником познавательного процесса, т. е. субъектом, пусть и в рам-

²¹⁰ Назарчук А. В. Учение Никласа Лумана о коммуникации. С. 64.

²¹¹ Луман Н. Самоописания. С. 27.

²¹² Watzlawick, Paul; Weakland, John H. The Interactional View: Studies at the Mental Research Institute.

ках коммуникативных связей объекта познания, который одновременно является действующим субъектом коммуникативного действия.

Преимуществом метода является создание горизонтальных связей между субъектом познания и объектами анализа, также выступающими как равноправные субъекты – вместо традиционных отношений между исследователем и объектом исследования. Интерактивность обуславливает изменение психологических установок всех участников исследования, смены доминантных установок исследователя на нейтральные. Кроме того, интерактивный цифровой нарратив учитывает семиотическую перспективу, обеспечивая повествованию смысловую определенность, использует в исследовании алгоритмы машинного обучения, чтобы минимизировать искажения информации и избежать повторения ошибок.

Основная цель интерактивного метода включенного наблюдения – объективное отражение объектно-субъектных препозиций экзистенциального опыта – как интересубъектных (интерперсональных), так и транссубъектных, которые тесно связаны с объективно-субъективными характеристиками этого опыта. Метод дает возможность изучения внешнего опыта человека, а также его индивидуальных особенностей (интеллектуальных, психологических, психофизиологических, чувственных, эмоциональных) на основе цифровых данных, полученных в результате тотальной фиксации его коммуникативных действий, с помощью различных познавательных моделей.

Несомненно, проблемы доступа к цифровым массивам данных, способов их хранения и обработки, а также цифровой этики, завтра станут еще более актуальными, чем сегодня. Поэтому на начальном этапе цифровой эпохи мы можем использовать интерактивный метод включенного наблюдения в скромных пределах тех объективных заградительных ограничений, которые накладываются на массивы персонифицируемой информации действующим законодательством. Но как только эти ограничения будут сняты, хотя бы в специальных научных целях, исследователь, очевидно, сможет познавать транссубъективный внешний опыт.

Принципы интерактивности сегодня активно применяются в различного рода коллаборациях и коворкингах – от образовательных до научных. Это всегда активные взаимодействия, в нашем случае – субъекта/субъектов познания и изучаемых им/ими объектов, точнее, субъектов коммуникативного действия. В моделях ролевых интеракций или в интерактивных симуляциях, когда исследователи создают модели поведения своих «героев» на основании собранных данных, соединяются различные интересы участников исследования, а также характеристики коммуникации – исследовательские, познавательные, проблемные, поисковые, объяснительные, психологические, иллюстративные и др. Если используется реальная модель включенного наблюдения с элементами интерактивности, исследователь может быть вовлечен в процесс познания непосредственно. Здесь классические препозиции субъекта и объекта не работают: исследователь также становится частью процесса, активно влияющего на него, и наоборот.

В симуляциях цифровые двойники действуют в условиях тех информационных моделей, которые создаются специально в соответствии с целями иссле-

дования. Например, мы изучаем открытое или закрытое сообщество или группу сообществ, например враждующие кланы или местные общины. Нейросеть программирует поведение каждого участника сообщества на основе данных, которые доступны исследователю. В зависимости от полноты и содержательности заданных параметров и информации, а также корректности постановки задач исследователем нейросеть сможет прогнозировать поведение людей и их взаимодействия в различных коммуникативных ситуациях.

Фокус интерактивного анализа меняется в зависимости от позиции, которую занимает исследователь. Данные о себе, которые исследователь вводит анонимно, под ником, с вымышленными характеристиками своей личности, или под собственным именем, в качестве своего цифрового двойника – например, в метавселенной или информационной модели реального сообщества, окажут влияние на точность результатов анализа. Чем меньше будет вымышленных участников интеракции и строже критерии информационного обмена, тем точность окажется выше. Общим итогом такого анализа может стать интерактивное цифровое повествование (*Interactive Digital Narrative*) современной истории, объединяющее гуманитарные и вычислительные перспективы.

5.5.2. Понимание, предпонимание и символизм в коммуникативной интеракции

Интерактивный метод не только сконцентрирован на изучении интеракций, т. е. коммуникативных взаимодействий, но и решает вопрос о том, как поставить субъект исторического познания на место субъекта исторического действия, не игнорируя при этом собственную историческую обусловленность. Х.-Г. Гадамер в противовес Ф. Шлейермахеру и В. Дильтею предлагал для этого сдвинуть «горизонты» исторических ситуаций того и другого, рассматривая понимание исторических и социальных взаимодействий как процесс слияния различных горизонтов на основе предпонимания.

В свою очередь, герменевтика Гадамера прямо сопоставляет предпонимание с предрассудком в его позитивной коннотации, которое соотносится с рассудком так же, как предпонимание соотносится с пониманием. Негативная коннотация предрассудка исторична, подчеркивает Гадамер, она появилась только благодаря Просвещению, которое боролось с религией. В реальности предрассудок означает лишь предварительное мнение, суждение о предмете, предпосылочное знание, которое нуждается в дальнейшем изучении и проверке, чтобы подтвердить его правоту или опровергнуть²¹³.

Другими словами, исследователь должен понимать и себя, и историческую ситуацию, в которой сам находится, и субъект истории. При этом он должен «вживаться» в другую историческую ситуацию, насколько это возможно, осознавая при этом естественные ограничения, и реконструировать события прошлого,

²¹³ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / пер. с нем., общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. С. 322–323.

ведя постоянный диалог с миром (текстом, контекстом) источника, собственным миром и миром истории.

Источником герменевтического толкования предпонимания, по Гадамеру, являются труды Хайдеггера, раскрывшего «предструктуру понимания в онтологической перспективе»²¹⁴, а также символический интеракционизм, базовый принцип которого Герберт Блумер сформулировал еще в 1937 г.: особенность символического взаимодействия заключается в том, что 1) люди вкладывают в вещи тот смысл и значение, которые эти вещи имеют для них; 2) реальный смысл вещей познается в социальном взаимодействии людей; 3) люди определяют действия друг друга, а не просто реагируют на них, в процессе интерпретации этих действий²¹⁵.

В отечественной историографии исследование по данной теме представила Е. Н. Шульга, рассмотревшая проблему предпонимания в связи с обоснованием концепции смысла в интерактивной герменевтике и проблемой интерпретации в интерактивном дискурсе (концепция самого себя, концепция роли, рациональность диалога и проблема социального порядка), а само предпонимание – как трансцендентальную основу коммуникации²¹⁶. Более того, особо подчеркивается, что современная наука движется от феноменологического понимания коммуникативной интеракции к интерактивной герменевтике²¹⁷.

Поскольку коммуникативная интеракция в истории обусловлена не только пониманием, но и предпониманием, предпосылочным знанием, оно реализуется с помощью языка как символической системы, письменных знаков или других культурных символов. В таком случае логично, что и метод ее изучения должен учитывать интерактивность и даже сам представлять ее в том или ином виде. Это приводит нас к символическому интеракционизму, который в наиболее цельной форме был изложен Джорджем Мидом, но с некоторыми дополнениями и уточнениями:

1. Коммуникативное действие, которое совершает один человек, отличается от коммуникативной интеракции, в которой задействованы двое или больше людей, поскольку социальность возникает во взаимодействии людей (ср. с теорией коммуникативного действия Ю. Хабермаса). Интерактивный характер метода включенного наблюдения позволяет исследователю отойти на любое расстояние от объекта исследования, чтобы видеть взаимосвязи, или максимально приблизиться к нему, чтобы постичь смысл коммуникативного действия.
2. Согласно символическому интеракционизму, любая рациональная коммуникация, или общение, осуществляется с помощью символов, выработанных культурой – прежде всего, языка как источника всех значений, мимики, интонаций, жестов, телодвижений. Именно символы, продуцируемые в ходе коммуникации, посредством которых осмысливается реальность,

²¹⁴ Там же. С. 317.

²¹⁵ *Blumer, Herbert. Symbolic Interactionism. P. 2–5.*

²¹⁶ Шульга Е. Н. Проблематика предпонимания в герменевтике, феноменологии и социологии. С. 48–56.

²¹⁷ Там же. С. 110.

- необходимо правильно интерпретировать, чтобы получить неискаженную информацию. Через понимание этих символов люди определяют не только действия друг друга, но и самих себя. Но интерактивный метод может определять разные уровни понимания в коммуникации, в зависимости от которых будет определяться степень социальной, интеллектуальной, политической, этнической или духовной близости субъекта коммуникативного действия как «Своего», или распознавания его как «Чужого». Уровень понимания определяется не только знанием кодов культуры, которые позволяют раскодировать информацию, полученную посредством символической интеракции, но и уровнем образования, глубиной погружения в культуру.
3. В символическом интеракционизме основной единицей познания является интеракция, а в системно-коммуникационном анализе – акт коммуникации, поскольку интеракция представляет собой довольно неопределенный, хоть и кратный процесс взаимодействия, а коммуникативный акт имеет четкие мерные характеристики.
 4. Для того чтобы состоялась коммуникативная интеракция, необходимо, чтобы значение чего-либо было идентифицировано. Здесь как раз и рождается смысл коммуникации. В системно-коммуникационном анализе идентифицирующее знание определяет идентичность человека в каждом из измерений социальности. А интерактивный метод позволяет эту множественную и иерархическую идентичность изучать в многомерной системе координат.
 5. Язык является не смыслом коммуникации (Г. Блумер), а основным коммуникативным средством, обозначающим, выражающим и сохраняющим смыслы, позволяющим с помощью речи и системы фиксации, в том числе письменной, передавать их от одного человека другому.
 6. Дж. Ритцер критиковал интеракционистов также за то, что, говоря о свободе коммуникативного действия, они обращают мало внимания на социальные ограничения, оказывающие сдерживающее влияние на действующего субъекта. Символический интеракционизм подвергся критике за пренебрежение такими психологическими факторами, как эмоции, чувства, потребности, мотивы, намерения и стремления²¹⁸. Интерактивный метод включенного наблюдения специально создан для измерения чувственных и эмоциональных характеристик личности на основе общих тестов, которые предлагаются в ходе исследования.

5.5.3. Транссубъективные возможности интерактивного метода включенного наблюдения

Между интерактивным методом и методом включенного наблюдения, который используется в социологии, этнологии, журналистике, других областях для изучения предмета исследования «изнутри», в его естественной среде и в повсе-

²¹⁸ Ритцер Дж. Современные социологические теории. С. 557.

дневности, можно выделить как общие, так и различающие их черты. Во-первых, возможности интерактивности связаны с цифровой средой, поэтому интерактивный метод можно рассматривать как модернизацию, качественное обновление классического метода включенного наблюдения, его адаптацию к цифровой эпохе. Модернизированная версия позволяет выйти за пределы обычной сферы использования метода преимущественно в полевых исследованиях.

В этнологии и антропологии исследователь «входит» в среду изучения для того, чтобы уменьшить меру субъективности, обусловленной шаблонами и стереотипами познающего сознания, в попытке лучше понять потаенные, скрытые от стороннего наблюдателя объективные смыслы коммуникации, в идеале, на том самом местном языке (вербальном и невербальном), на котором эта коммуникация осуществляется. Для этого ему иногда приходится очень долго жить в среде, изучать язык, традиции, обычаи, правовые и этические нормы, правила поведения. Пьер Бурдьё вводит свои уточнения в социологический метод «включенного наблюдения», говоря об «объективации объективных или включенных структур, что предполагает дистанцирование, основанное на использовании техник объективации»²¹⁹. По его мнению, такая двойная объективация выходит за рамки объективизма, неизбежного момента (символизируемого в работах Леви-Стросса) и субъективизма (представленного в ограниченной форме Сартром и его последователями).

В социологическом методе включенного наблюдения исследователь имитирует вхождение в определенную социальную среду²²⁰. Цифровой инструментарий, включая нейросети, позволяет добиться приемлемой глубины погружения без долгих лет жизни в среде и без имитации такого вхождения. Специалист может добиться соучастия в самом процессе познания, анализа событий или феноменов «изнутри», инструментализации и адаптации идей, изучения пределов допустимого и возможного (обсуждения, критики, уважительности, терпимости). В цифровой интеракции соучастие исследователя допускается в самых разных формах, в соответствии с целями исследования.

Интерактивный метод включенного наблюдения идет еще дальше: он не ограничивается сопереживанием, ведь никакое сопереживание не сравнится с самим переживанием. Благодаря возможностям виртуальной реальности принцип транс-субъектности позволяет соединить в процессе научного познания наблюдателя и наблюдаемого в экосистему вместе с уникальными измерениями внешнего опыта с помощью специальных программных инструментов. Тем самым непосредственно оценивается именно **переживание субъекта социального действия**, а не его **отражение в сознании познающего субъекта**, что, в свою очередь, существенно уменьшает коэффициент искажения данных.

Исследователи, работающие в полевых условиях, обычно пренебрегают расхожим мнением, что только рожденный в данной среде способен по-настоящему, на интуитивном уровне постигать ее истины. С одной стороны, профессиональный

²¹⁹ Bourdieu, Pierre. Le Sens pratique. P. 51.

²²⁰ Добренъков В. И., Кравченко А. И. Методы социологического исследования. М.: Инфра-М, 2004.

взгляд со стороны действительно нередко оказывается гораздо глубже и познавательнее, поскольку он изначально включает методы сравнения и сопоставления. С другой стороны, чтобы понимать некоторые вещи, исконные, подлинные и аутентичные, так, как этого требует автохтонная среда, необходимо познавать их с самого рождения.

Но можно ли понять чужую прежде коммуникационную среду, стать в ней «своим человеком» без практики «вживания», «вчувствования» в заключенный в ней «жизненный мир», культурно-коммуникативной компетентности участников коммуникации, а значит, – без отнюдь не нейтральных образцов восприятия и передачи осмысленной информации? После М. М. Бахтина говорят обычно не о «вживании», а о субъект-субъектном диалоге, хотя М. Л. Гаспаров имел по этому вопросу собственную точку зрения, в которой особое внимание уделялось культурной памяти²²¹. Субъект-субъектный диалог рассматривает социальное взаимодействие как коммуникацию двух *Ego*, а транссубъектность ставит в центр внимания исследования систему личности конкретного *Ego*, взаимодействующего со всеми другими. *Alter* – это второй из двух, первым является сам *Ego*, в терминах референции Лумана – обозначение индивида в контексте его различения от другого индивида, «Иного»²²². Но коммуникация, в отличие от диалога – это не только взаимодействие двоих, это вообще любая форма социального взаимодействия, в том числе интраперсональная.

Для максимально точного воспроизведения коммуникативных связей и отношений между объектами исследователь должен вживаться в их образ, но восприятие исследователя при этом не перестает оставаться субъективным. Отстраненное, высокомерное отношение субъекта исследования к объекту не позволяет видеть всю совокупность внутренних связей объекта: часть таких связей остается за пределами внимания. Другую крайность представляет местечковый взгляд: он либо игнорирует значительную часть внешних связей и влияний, либо искажает их природу, считая все социально значимые духовные и культурные ценности в данной местности оригинальными, уникальными и аутентичными.

Как отмечал Т. С. Элиот, чтобы понять культуру, нужно понять народ, однако «нельзя пребывать вовне и внутри одновременно»²²³. Однако в цифровую эпоху по мере появления и развития тонких инструментов измерения человеческих ощущений и состояний это становится все более возможным. Одним из вариантов решения проблемы как раз является **совмещение системы субъекта с системой объекта** на основе **категории транссубъективности**. Фокус транссубъектного анализа внешнего опыта в многомерной проекции позволяет выявить все возможные подходы к изучению объекта, в том числе и с учетом знаний объекта о самом себе и его представлений о «Своих» и «Чужих»/«Других». Требование объективности общей картины требует опоры не на селективные представления отдельных *Ego*,

²²¹ См.: Гаспаров М. Л. Метр и смысл: об одном из механизмов культурной памяти. М.: РГГУ, 1999.

²²² Луман Н. Социальные системы. С. 569.

²²³ Элиот Т. С. К определению понятия культура // Звучащие смыслы. Альманах. Изд-во СПбГУ, 2007. С. 27.

а на диапазон представлений их целостного множества, образующего социальную общность (общину, народ). Такой подход, во многом еще гипотетический, реализуемый только в информационно-коммуникационных моделях, способствует выявлению всей полноты сложной и противоречивой реальной сущности объекта.

* * *

Для глубокого понимания многомерности истории и человека с учетом различного понимания многомерности разными научными школами могут быть разработаны и другие методы исследования. Что касается приведенных базовых методов нового подхода, по мере развития информационных технологий и распространения принципов трансдисциплинарности они будут неизбежно дорабатываться, дополняться и уточняться. В информационной среде одни и те же идеи могут найти разное воплощение и решения, в зависимости от использованной метрики.

Метод системно-коммуникационного анализа, будучи основным инструментом предлагаемой (системно-коммуникационной) версии многомерного подхода, позволяет через коммуникацию, которая и создает социальность и культуру, выходить на изучение всего комплекса социокультурных проблем, как исторических, так и современных, причем именно в аналитическом ключе, с разделением социокультурной сложности на более простые и доступные для анализа системы и системные элементы.

Метод моделирования коммуникативных систем с динамически меняющимся фокусом анализа – от уровня личности и микроистории до глобальных процессов макроистории – и транссубъектным взглядом на историю представляет собой системное и информационное направление коммуникационных исследований.

Метод системно-логической (межлинейной) верификации обеспечивает более высокий уровень объективности результатов исторического исследования, особенно в части исторических коммуникаций, взаимодействий, учитывая максимальное число факторов, их взаимосвязей и взаимовлияний.

Метод универсальных языковых эквивалентов усиливает философско-лингвистическое направление коммуникативных исследований, что особенно актуально на разломах континуальности (определение Лумана), которые происходят в периоды трансформаций, когда старые традиции прерываются, складываются новые, а прежние понятия оказываются недостаточно точными для адекватного понимания новой социальной реальности.

Наконец, интерактивный метод включенного наблюдения позволяет исследователю реализовать принцип транссубъектности в исторических исследованиях в большей степени, чем в других случаях, сопереживая вместе с изучаемым персонифицированным субъектом коммуникативного действия.

Большие перспективы для многомерного системно-коммуникационного анализа, так же как и для многомерного статистического и коммуникативного анализа, открываются в свете квантовой метрики и квантовой логики, в которой субъект одновременно является и объектом, а объект – субъектом. Однако пока кван-

товая метрика нам недоступна, как и квантовый компьютер. Это означает, что мы понимаем временность теоретико-методологических решений в рамках данной версии интегративного подхода к изучению прошлого. Тем не менее в рамках этого многообещающего пространственного «поворота» она уже сейчас имеет существенный и нереализованный познавательный потенциал, который способен усилить позиции гуманитарных наук, не прибегая при этом к крайностям историзма и сциентизма, с их проблемами в части воспроизводства научных результатов, полноты репрезентации фактического материала истории, с учетом роли и значения субъективности познающего сознания.

Научные методы должны не только играть роль познавательных ориентиров для исследователя, но и быть конкретными и продуктивными. У информационных моделей коммуникативной общины и даже общества есть все шансы выйти за рамки концептуальных схем и мысленного эксперимента, если определить цель, сформулировать задачу и составить техническое задание. И мы получим систему постоянно действующего и автоматизированного социального мониторинга, который будет служить в качестве своего рода социального радара и одновременно навигатора человеческих коммуникаций с поразительными возможностями масштабирования, тонкой настройки, конкретизации и обратной связи.

Системная логика, будучи комплексной, позволяет видеть события в их сложности, легче находить не только внутренние противоречия, сопоставляя различные переменные (факты и факторы) внутри отдельного социального измерения, но и системные противоречия, затрагивающие сразу несколько измерений. Отсюда главное преимущество системной логики – возможность не только линейной, осевой, но и межлинейной, многомерной верификации данных.

Принципы метода языковых эквивалентов применимы в любых исследованиях, в том числе эмпирических, но особенно ценны они в работах теоретических, в которых цена ошибки особенно высока. Можно сказать, это заземленные, практические принципы, которые вытекают из философских дискуссий лингвистического «поворота», но не только. Принцип деконцептуализации, который мы сопоставляли и с концепцией Ж. Дерриды, и с концепцией «пересборки социального» Б. Латура, прежде всего является инструментом адаптации методологии многомерного подхода к трансдисциплинарности, требующей погружения на первичный уровень реальности и анализа эмпирики на уровне глубокого погружения в проблематику.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ МНОГОМЕРНОГО ПОДХОДА

Практическое значение многомерного подхода заключается в его пространственном, нелинейном и объемном понимании истории и культуры. Такое понимание представляет собой особую форму комплексности, многофакторности, всесторонности и всеохватности, представленную в системном порядке. Это действительно принципиально другая метрика, позволяющая лучше понимать социально-сложные феномены и их внутренние взаимосвязи как в прошлом, так и в настоящем, прокладывая путь к наиболее вероятным сценариям будущего.

Как подчеркивал Н. Луман, «всякая теория истории ведет к новой организации потребности в данных. Эта потребность поначалу является независимой от состояния источников, ведь она вытекает из самой теории»¹. Отдельные принципы концепции многомерной истории были внедрены в исследовательскую практику информационной и цифровой истории на основе анализа потребностей востоковедения в цифровых методах и программных инструментах. Полученный опыт позволил определить задачи в области усовершенствования интерактивной системы «рабочее место историка», разрабатываемой в рамках проекта «Информационные методы и информационные ресурсы исторических исследований», в которой объекты реальности и элементы знания о них (факты/артефакты и интерпретации) формально отделены друг от друга, хотя сохраняют связи в виде перекрестных ссылок². Были также уточнены некоторые принципы формализации

¹ Луман Н. Эволюция. С. 94.

² Быстрицкий Н. И. Суперкомпьютерные технологии и история // Суперкомпьютерные технологии в науке, образовании и промышленности / под ред. В. А. Садовниченко, Г. И. Савина, Вл. В. Воеводина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. С. 81–87.

и стандартизации информации, фиксирующей информацию «как есть» с субъективной точки зрения ее источника, субъекта истории, с учетом интересубъективных и трансубъективных особенностей получения информации источником и дальнейшей ее передачи с помощью фото-, аудио-, видео-, других коммуникационных (в том числе медийных) способов документирования.

Позволяя с большей или меньшей степенью точности замерять культуры, многомерный подход не ограничивается фиксацией реального состояния социокультурных процессов в данном сообществе, что само по себе представляет научный интерес, поскольку государство и общество получают возможность учитывать особенности конкретных сообществ и корректировать свою политику. Иначе говоря, с помощью многомерного подхода можно не только изучать общество, но и менять его в интересах самого общества. В этом как раз и заключается конструктивизм этого научного подхода. Повторение замеров в аналогичных условиях через определенные промежутки времени откроет новые горизонты понимания, показывающие, в каком направлении и с какой скоростью идут процессы общественной трансформации.

6.1. НОВАЯ ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МЕТРИКА ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Я впервые столкнулся с пространственной метрикой изучения истории и культуры в самом начале 1992 г., когда присоединился к Группе компьютерных исследований Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН (ныне – Институт восточных рукописей РАН) во главе с Е. А. Резваном. В рамках совместного проекта с египетской компанией ал-‘Аламия члены Группы создавали программу оптического распознавания печатных арабских текстов. Первая арабская «распознавалка» в мире была создана с участием именно этой Группы.

Апробация и инструментализация отдельных теоретических положений многомерного подхода осуществлялась в Институте востоковедения РАН в 2019–2022 гг. в рамках нового направления научной работы: «Теория и методология истории Востока: информационные и коммуникационные аспекты», а также одноименного межинститутского научного семинара. Практические исследования по теме проводятся на базе Лаборатории комплексных цифровых технологий Института востоковедения РАН, перед которой стоит сугубо утилитарная, прагматическая цель: разработка и внедрение в исследовательскую практику цифрового инструментария для расширения возможностей исторических и востоковедческих исследований, а также практическая реализация цифровых проектов. Одновременно с этим в институте был создан Центр цифровой лингвистики, продолживший исследования Отдела языков в области создания живых электронных словарей и машинного перевода.

С 2019 г. Институт востоковедения РАН совместно с Государственным академическим университетом гуманитарных наук (ГАУГН) издает электронный науч-

ный журнал «Цифровое востоковедение» (*Digital Orientalia*). Задачами журнала являются публикация материалов по компьютерному источниковедению, цифровой лингвистике, восточной нумизматике, теории и методологии истории, анализ существующих и перспективных методов исследований, развитие трансдисциплинарного методологического синтеза, распространение опыта передовых pilotных исследований с применением новых методов и техник, уточнение понятийного аппарата истории, востоковедения, других гуманитарных наук, систематизация и популяризация цифровых инструментов исследователя, проведение открытых дискуссий, публикация обзоров и рецензий на наиболее интересные зарубежные и отечественные разработки по данной проблематике.

6.1.1. Многомерная аналитическая платформа для использования цифровых инструментов в историческом познании

Проекция многомерности, которую с некоторыми оговорками можно рассматривать как парадигмальную, обеспечивает исторической науке наилучшее аналитическое основание для использования цифровых методов и программных инструментов, поскольку она предоставляет этим инструментам необходимую пространственную перспективу и поразительные возможности информационной среды. Непротиворечивое соединение различных теоретических, в том числе дисциплинарных подходов на общей многомерной платформе, преодолевающее парадигмальные конфликты и открывающее путь к меж- и трансдисциплинарности, позволяет новому подходу стать по-настоящему мультиметодным инструментом исторического познания. Мы говорим о пересечениях теории, методологии и философии истории, всеобщей истории и востоковедения (истории Востока), а также исторической социологии с исторической информатикой, цифровой историей, цифровой лингвистикой, цифровой археологией, другими цифровыми дисциплинами, а через них, опираясь на принципы трансдисциплинарного подхода, – со всеми другими науками и технологиями.

IT-технологии, используемые для создания многомерного исследовательского пространства, связаны с теорией информации, математической статистикой, фактографией, иначе говоря, с обработкой информационного материала, представленного в виде **статистических, хронологических, фактографических, просопографических и иных исторических и неисторических данных**. Поэтому новый подход выступает как теоретико-методологический базис для практического применения существующих коммуникативных методов, прежде всего сетевого анализа, контент-анализа, реляционных методов; более того, он делает их использование более продуктивным, поскольку предоставляет надежные условия для верификации эмпирических данных – с помощью своих теоретических основоположений.

Введение понятий коммуникативной связи и отношения позволило заменить понятие неизмеримых диалектических связей счетными коммуникативными. Переход от междисциплинарного уровня на трансдисциплинарный открывает перспективы более широкого применения реляционных методов, изучение которых

прежде было ограничено более абстрактным и менее четким (для анализа конкретных эмпирических данных, а не философских обобщений!) диалектическим подходом. Формирующаяся экосистема виртуальной и дополненной реальности позволяет дополнить интерсубъектный способ коммуникации транссубъектным. Разделение системного целого на системные части, вплоть до элементов систем, что является условием трансдисциплинарности, дает возможность использовать коммуникативные методы в каждом отдельно взятом измерении истории и потом объединить все изучаемые факторы, чтобы получить объемное представление о предмете исследования.

Что касается информационных технологий, то необходимо выделить две их категории: существующие программные решения, которые можно использовать на основе принципов нового подхода, и создание (разработка и внедрение) на этой основе совершенно новых программных инструментов для гуманитариев с дружелюбным для них интерфейсом. Можно выделить еще ряд многообещающих областей исследования для системно-коммуникационного анализа, ограничимся лишь несколькими примерами.

Первый пример связан с **моделями коммуникаций на основе Его-сетей**. Модели коммуникативных общин можно достраивать на основе изучения коммуникаций в Его-сетях. Пользовательская сеть виртуальных контактов визуализируется с помощью существующих программных инструментов, ее усеченную версию можно уже сегодня построить в социальных сетях, выгружая из них списки друзей любого участника сети. Программные средства для сбора данных вроде Netvizz, графовой базы данных Neo4j и приложения Linkurious позволяют осуществлять анализ данных на основе открытых источников (*open-source intelligence*), фиксируя перекрестные связи друзей любого пользователя соцсети между собой и визуализируя их в виде таблицы. Его (здесь – пользователь) окажется в центре системы коммуникативных связей своих реальных и виртуальных «друзей», но только тех, кто имеет профили в той же социальной сети.

Второй пример раскрывает перспективы **изучения коммуникаций с помощью трекинга, биллинга и других цифровых инструментов**. Для более эффективного изучения коммуникативных интеракций в цифровом мире необходимо отслеживать социальные взаимодействия в реальном мире. Это потребует дальнейшего развития трекинг-технологий и уменьшения размеров аппаратных средств до размеров наночипов. Технология развилась до такой степени, что речь идет о размерах крошечных устройств меньше миллиметра, буквально с пылинку (технология «умная пыль», в которой все пылинки, будучи беспроводными устройствами, работают как единая система), на молекулярном и даже атомарном уровне.

Наглядное изображение элемента информационной модели системы общества отдаленно напоминает визуализацию путей интернет-маршрутизации, где вместо сообщества некоторого числа конкретных Его фигурируют их IP-адреса. Программа Lostcircles (букв.: «Потерянные круги») позволяет визуализировать скрытую структуру некоторых популярных социальных сетей.

Дородовое первобытное сообщество, очевидно, мало отличалось от первобытного стада, члены которого строго охраняют свою территорию и стараются

не выходить за ее пределы. Это хорошо иллюстрирует визуализация схемы передвижений (трекинг) волков, которые сбились в шесть стай, в одном из национальных парков США. С помощью технических средств были заданы параметры, чтобы движения волков одной стаи выделялись одним цветом. В результате исследования была получена визуализация маршрутов волков каждой стаи, из которой наглядно видно, что волки заходили на чужую территорию в крайне редких случаях, вероятно, только когда преследовали добычу (*Voyageurs Wolf Project*).

Теперь представим себе, что мы используем этот инструментарий для изучения общины, или конкретнее – вполне определенных общественных, политических, этнических или религиозных групп или небольших сообществ, вроде мусульманского *джама'ата*. Понятно, что схемы визуализации маршрутов и динамики движения членов этих социальных групп будут совершенно разными. А данные билинга визуализируют реальные коммуникации. Впрочем, такая практика уже применялась некоторыми странами для ограничения социальных контактов в период пандемии коронавируса и выявления путей заражения вирусом людей в качестве важнейших мер локализации инфекции.

6.1.2. Условия для расширения возможностей многомерного подхода. Проблемы датафикации на основе коммуникации

Датафикация как процесс фиксации и накопления *Big Data*, пригодных для исторического и гуманитарного познания, идет двумя путями. Первый путь, адресный, историкам более привычен и понятен: цифровизируются письменные источники, не только изданные тексты, но также рукописи и эпиграфика, археологические материалы, различного рода музейные артефакты, наконец, научная литература. Второй путь, более массовый, связанный с фиксацией коммуникативных действий человека, пока историками не вполне оценен в качестве источника. Этот путь связан с естественным нарастанием объема данных в социальных сетях, электронном документообороте, безналичных расчетах, записях камер и других систем по сбору и хранению информации. Любая форма датафикации требует ресурсов, объемных накопителей для хранения данных и серьезных вычислительных возможностей, однако в первом случае она более затратна как по ресурсам, так и по времени, в то время как второй путь подразумевает естественный процесс масштабного и сегментированно-тотального накопления «больших данных» в изначально цифровой форме.

Материалы в создаваемых сегодня цифровых архивах пока крайне фрагментарны, равномерно не распределены ни по эпохам, ни по регионам, ни по культурам, собираются несистемно и нецентрализованно, что часто ведет к неоправданному дублированию работы. Достаточно сказать, что некоторые популярные книги цифровизируются многократно разными учреждениями и с разным разрешением, размывая силы и столь необходимые для работы средства. Однако это не самый главный ограничитель для полноценного использования многомерного подхода в историческом познании.

Согласно теории “VVV” классификация «больших данных» включает в себя **объём** (*volume*), **скорость** (*velocity*), **многообразие** (*variety*) обрабатываемых данных. В версии ‘4V’ в этот список добавляется **достоверность** (*veracity*), в версии ‘5V’ – **жизнеспособность** (*viability*), в версии ‘7V’ – **переменчивость** (*variability*) и **визуализация** (*visualization*)³. Я бы добавил в этот ряд также **ценность** информации (*value*), ее **применимость** (*validity*) и **верификацию** (*verification*), имея в виду возможности проверки данных, придя таким образом к формуле ‘10V’. Все классификации начинаются с объема данных – это один из важнейших показателей, формирующих технические требования к компьютеру. Однако объем данных можно рассматривать не только как вес файла, но и как его многослойность, возможность выделения и обработки отдельных аспектов информации. Многослойность информации – также форма ее многомерности.

Важными ограничителями многомерного анализа в рамках исторического познания на сегодняшний день являются:

- 1) проблема защиты цифровых данных и связанный с ней вопрос о порядке получения согласия пользователей на сбор и обработку персональных данных: большинство стран законодательно ограничивают использование личных данных, поскольку нарушение конфиденциальности часто приводит к их неправомерному использованию злоумышленниками с ущербом для владельцев;
- 2) проблема форматов и формализации данных: сведения источников, книжные знания о прошлом или результаты эмпирических наблюдений должны быть формализованы и представлены в информационных форматах, доступных для машинной обработки;
- 3) проблема масштаба данных: требуется качественный скачок в накоплении и систематизации информации, что означает создание баз «больших данных» в различных областях исторического знания и смежных с ними дисциплин;
- 4) проблема уровней квалифицированного доступа к информации в рамках определенных условий: в связи с вышесказанным актуализируется вопрос если не об открытости данных, то об их доступности для исследователя в рамках его исследовательских задач;
- 5) проблема анонимизации информации: для получения результатов машинного анализа должны быть разработаны различные протоколы для доступа к персональным данным, обработанным с помощью методов обезличивания, а также методов анонимизации с невозможностью обратной персонификации;
- 6) проблема разработки специализированных программных средств: например, для накопления больших данных по источниковедению нужны программы оптического распознавания эпиграфических и рукописных текстов, принадлежащих различным культурам, языкам и эпохам;

³ Менщиков А. А., Перфильев В. Э., Федосенко М. Ю., Фабзиев И. Р. Основные проблемы использования больших данных в современных информационных системах // Столыпинский вестник. 2022. № 1. С. 318.

- 7) проблема совместимости «больших данных» в различных научных дисциплинах, что еще больше актуализирует трансдисциплинарный подход, а также преодоления различий в политике регулирования данных в разных странах. Каждая научная дисциплина разрабатывает свои стандарты хранения и обработки «больших данных». Проблема, однако, в том, что не всегда эти форматы совместимы. Пока данные используются в границах «своей» дисциплины, с обработкой информации особых проблем не возникает. Проблемы возникают, как только пересекаются дисциплинарные границы;
- 8) проблема полноты и структурированности информации;
- 9) проблема длительности хранения информации на одной платформе, переноса данных между платформами и экосистемами;
- 10) проблема полноты наблюдения: важно понимать, а лучше – научиться определять (оценивать) соотношение видимого спектра анализируемых данных и невидимого, недоступного для наблюдателя, чтобы еще больше повысить релевантность результатов исследования;
- 11) проблема правового регулирования: технологии быстро развиваются, а регулятивные механизмы законодательства конкретных стран, как правило, запаздывают с реакцией на изменения, что приводит к возникновению новых проблем, связанных с использованием данных. Для полноценного использования возможностей многомерного подхода в цифровой истории необходимо совершенствовать правовые вопросы, связанные с цифровизацией (проблема защиты персональных данных, личной переписки, режима конфиденциальности коммерческой информации и др.), а также формирующуюся цифровую этику.

Проблема сбора «больших данных»,
существующих только в цифровой форме,
и их доступности для исследователя

Для того чтобы с большой точностью анализировать информацию, ее необходимо сначала собрать. Массовая цифровизация исторических источников, артефактов, архивов и литературы глобально проблему не решает: на фоне нарастающих в геометрической прогрессии массивов цифровых данных оцифрованные материалы кажутся каплей в море. Вторая часть проблемы связана как раз с обработкой этих массивов данных: если в первую очередь оцифровываются только те материалы, которые имеют ценность для исторической науки, то цифровые источники представляют собой информационные завалы, требующие своего отбора и систематизации.

Развитие технологий делает наш мир все более интерактивным. Фрагментарные данные о жизнедеятельности человека, которые мы сегодня получаем из разных источников, скоро могут стать тотальными. Государственные сервисы вроде Госуслуг собирают конфиденциальную информацию о персональных данных. Эти данные, так же как и данные о перемещениях человека и его действиях в Интернете, находятся под защитой закона и недоступны исследователям. Система глобального позиционирования через средства мобильной связи дает достаточно

точную информацию о маршрутах передвижений и точках пересечений людей в связке с пространственными и временными характеристиками. Это тоже закрытая информация, хотя из-за сбоев сети или злонамеренных действий хакеров периодически происходят утечки баз данных клиентов различных технологических компаний, в том числе компаний мобильной связи.

С помощью QR-кодов, связанных с индивидуальным профилем в электронной системе, а также по геолокации мобильных телефонов собиралась важная эмпирическая информация, отслеживались физические перемещения людей, их прямые и опосредованные контакты с другими людьми. Анонимность пользователей сети перестала быть тайной, нарушители законодательства стали выявляться по их IP-адресам и другим цифровым «следам». Домашняя и персональная цифровая техника вроде смарт-телевизоров или смартфонов и виртуальные ассистенты вроде «Алисы» негласно собирают, отсылают на серверы и там обрабатывают голосовую информацию из внешней среды даже в выключенном состоянии, вторгаясь в частную жизнь под предлогом совершенствования цифровых сервисов. Смарт-очки дают владельцу возможности дополненной реальности, но имеют функцию негласной для остальных людей непрерывной аудиовидеофиксации высокого качества непосредственно в «облако». Интерактивные системы со встроенными функциями, которыми управляет искусственный интеллект, фиксируют отдельные моменты нашей жизнедеятельности, но данные также аккумулируются в разных компаниях, не связанных друг с другом, гарантирующих конфиденциальность информации. При этом алгоритмы машинного обучения, похоже, позволяют поисковым машинам выдавать релевантную рекламу на основании данных фоновой прослушки.

На государственном уровне разрабатываются проекты «умных» городов и автономных экосистем с колоссальными возможностями оптимизации процессов эксплуатации. Саудовская Аравия начала реализацию футуристического проекта NEOM (сокр. от нео-мустакбал, букв.: «новое будущее»), включающего в себя в том числе проект *The Line* – строительство умного города будущего вдоль Красного моря протяженностью 460 км; на очереди – проект роботизации рынка труда. Повсеместно внедряются системы видеонаблюдения и автоматического распознавания лиц. Китай не только лидирует в области развития ключевых цифровых технологий, таких как технология связи шестого поколения (6G), но и использует цифровые данные для государственной цифровой системы социального кредита, которая называется системой социального доверия, тем самым создавая новые измерения социальности и культуры.

По существу, речь идет о появлении нового типа цифровых источников, которые могут в перспективе использоваться и гуманитариями. У исторической антропологии появляются качественно иные цифровые перспективы, существенно усиливающие эвристические возможности социогуманитарных наук, особенно в области изучения **реальных обществ в режиме реального времени**. Современный человек благодаря его персонализации в цифровом пространстве сам становится источником информации о себе самом, коммуникациях, взглядах и предпочтениях, предрасположенностях, передвижениях, и информация от первого лица изначально верифицируется им самим.

Проблема формализации знания

С помощью инструментов формализации информационно-коммуникативные подходы уравнивают научную информацию, независимо от содержания, оценивая ее по общей шкале истинно/ложно и предлагая универсальные методы для работы по ее систематизации, хранению и обработке. Разработка принципов формализации и представления исторической информации преследует цель создания формализованного свода исторической информации (базы данных исторического знания) и выработки его объективных критериев. При обработке «больших данных» без формализации информации не обойтись.

В историческом познании процесс формализации информации в значительной степени затруднен из-за высокой меры неопределенности в истории. Поэтому далеко не любое историческое знание можно перевести в категорию научной информации. Данный вопрос нуждается в дополнительной проработке, предлагаются различные решения, но консенсус пока достигнут только в области метаописания. Что касается различных информационных подходов, то в их рамках предлагаются особые способы формализованного описания⁴.

В результате формализации историческое знание, конечно, не превращается в «чистую» (т. е. идеологически нейтральную) информацию, поскольку это невозможно по объективным причинам: на данном этапе развития цифровой истории субъекта исторического познания невозможно полностью убрать из самого процесса познания, да такая задача и не ставится. Однако можно существенно уменьшить его субъективное влияние. Это достигается отделением фактов от их интерпретаций, а также максимально возможным плюрализмом научных интерпретаций (открытые информационные системы), что обеспечивает исторической информации большую объективность⁵.

Проблема хранения «больших данных» и их обработки

Массив данных, существующих только в цифровой форме, с каждым годом растет в геометрической прогрессии, в то время как цифровизация рукописных источников, архивов и печатных текстов (как нарративных источников, так и научной литературы) сильно запаздывает в силу ряда объективных причин. Для практического решения проблемы не обойтись без программных средств. Нейронные сети уже распознают рукописный ввод, на основе таких же алгоритмов работают программы оптического распознавания эпиграфических и рукописных текстов. Так, группа европейских исследователей разработала программный код *Akkademia* (от названия аккадского языка – одного из древнейших письменных языков Передней Азии), который можно использовать для чтения ассирийских

⁴ Подробнее об этом см.: Моисеев Н. Н. Человек. Среда. Общество. Проблемы формализованного описания. М.: Наука, 1982.

⁵ В новейшей историографии пример такого плюрализма приводится при освещении одного и того же исторического события – взятия арабами в июле 1917 г. Акабы, последнего османского порта на Красном море, с участием Лоуренса Аравийского, см.: The Taking of Akaba. [Electronic resource]. URL: <https://www.cliohistory.org/thomas-lawrence/akaba>. Дата обращения: 19.08.2022.

клинописей с помощью специального веб-приложения, пакета языка программирования Python и репозитория Github. Это цифровой метод автоматической транслитерации и сегментации клинописных глифов Unicode с использованием методов обработки естественного языка (NLP). Разработчики использовали модели, основанные на алгоритмах машинного обучения, таких как рекуррентные нейронные сети (RNN), которые обеспечивают автоматическую транслитерацию и сегментацию стандартных клинописных глифов в слова с точностью до 97%. Этот метод репрезентуется как новый шаг к созданию человеко-машинного интерфейса для создания оцифрованных изданий⁶.

Каждая более или менее крупная культура в истории Востока и даже каждая ее эпоха (с древности до позднего средневековья) требует создания отдельной программы распознавания рукописных и эпиграфических текстов. Хотя общие принципы работы подобных программ являются едиными, они имеют дело с совершенно различным по форме и содержанию исходным материалом: языками, диалектными формами, графическими системами, палеографией, историческим контекстом и др. Лучшей альтернативы этого направления перспективных исследований не существует – программа существенно упрощает самую трудоемкую часть работы источниковеда, обеспечивая его удобным инструментарием для чтения текста, внесения необходимых конъектур, выявления внутренних связей между семантическими единицами текста, а также его перевода.

6.1.3. От «больших данных» к цифровым анналам истории (многомерной модели данных)

«Большие данные» могут быть как реальными, так и виртуальными (*virtual BD*), созданными искусственным интеллектом. Поэтому отличают «аналитику людей» (*People Analytics*), которая уходит корнями в научную область анализа данных и статистики и которая развивалась вместе со своими пользователями, от проблематики «человеческих ресурсов» (*Human Resources*), которую считают предметом социальной науки.

Хранятся «большие данные» в репозиториях – хранилищах данных, которые имеют вид реляционной базы данных. На примере данных, применяемых в социально-экономической истории, А. Ю. Володин проследил эволюцию представления данных в репозиториях и выделил несколько поколений репозиториях исторических данных. Они представлены различными по объему хранилищами – от «малых данных» (конкретно-исторических таблиц) до «средних данных» (взаимосвязанных и подробно описанных и размеченных SQL-таблиц с возможностью как выгрузки данных, так и онлайн-анализа)⁷.

⁶ Gordin S., Gutherz G., Elazary A. et al. Reading Akkadian cuneiform using natural language processing. PLoS ONE15(10) 2020: e0240511. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0240511>

⁷ Володин А. Ю. Онлайн-репозитории статистических данных по социально-экономической истории: возможности и перспективы // Отечественные архивы. 2019. № 3. С. 34–42.

Накопление реальных «больших данных» закономерно приведет к созданию глобальных архивов цифровых данных, в виде открытых и особым образом структурированных **цифровых анналов истории**. Очевидно, в последнем случае в качестве базовой для хранения информации они будут иметь структуру **многомерной модели данных**. Она подразумевает многомерное логическое представление структуры информации, которую можно анализировать на различных уровнях обобщения, с различных точек зрения, меняя фокус анализа, с возможностью изменения выборки и временных интервалов.

Под определение коммуникации подпадает практически любое информационное взаимодействие, связанное с жизнедеятельностью человека, в том числе воспроизводящее цифровые «следы», из которых складываются «большие данные». Текст также может выступать в качестве упорядоченного набора данных: понятие *Text as Data* артикулирует интерес исследователей к языку и слову в рамках цифровой революции, особенно для обработки естественного языка (*Natural Language Processing*), создания систем автоматического перевода и контент-анализа, текстового майнинга источников, литературы, сайтов, социальных сетей и т. д. для качественного анализа данных (*Qualitative Data Analysis*). Объектами количественного анализа научных и метанаучных концепций уже сегодня стали библиографические базы данных и архивы журналов⁸. Тотальная цифровизация и сбор данных позволят исследователю оперировать огромными массивами информации, выявляя в них закономерные связи и объективные явления, в том числе исторические.

Многомерная модель данных позволяет отделять факты от интерпретаций, размещая факты в таблице фактов. Это центральная таблица, многокомпонентный ключ в модели данных, который объединяет первичные уникальные ключи таблиц измерений. Субъективные интерпретации (аргументированные мнения, заключения, выводы) как данные описательного характера размещаются в таблицы измерений, связанные с таблицей фактов своими ключами⁹.

Помимо оцифрованных данных, большое значение имеют источники о социальных действиях человека, зародившиеся исключительно в цифровой форме (*Born-Digital*). Инструментализация информационной модели реального общества позволит исследователю, работающему с «большими данными», наблюдать за текущими социальными процессами в обществе в режиме 24/7. С течением времени цифровой «слепок» общества получит необходимую глубину и будет использоваться не только как объективизированная база данных информационного общества, но и в качестве его навигационной карты, а с течением времени – составной части цифровых анналов истории. П. Мэннинг называет такие анналы **«всеобъем-**

⁸ Chumtong, Jason; Kaldewey, David. Beyond the Google Ngram Viewer: Bibliographic Databases and Journal Archives as Tools for the Quantitative Analysis of Scientific and Meta-scientific Concepts. FIW Working Paper No. 08. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2017. [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/319313734_Beyond_the_Google_Ngram_Viewer_Bibliographic_Databases_and_Journal_Archives_as_Tools_for_the_Quantitative_Analysis_of_Scientific_and_Meta-Scientific_Concepts. Retrieved 28.02.2018.

⁹ Kimball, Ralf; Ross, Margy. The Data Warehouse Toolkit: The Definitive Guide to Dimensional Modeling. 3d ed. Wiley Publ., 2013. P. 564.

лющим историческим архивом» (*Comprehensive Historical Archive*), «объединенным историческим архивом» (*Unified Historical Archive*)¹⁰; речь здесь идет о глобализации архивных данных, сначала в рамках отдельных стран, с различными уровнями доступа, но интегрированных в общую систему. Правда, на сегодняшний день инструменты для обработки *Big Data*, существующих только в цифровой форме, пока находятся в зачаточном состоянии¹¹.

Виртуальные «большие данные» могут иметь в цифровых анналах истории второстепенное значение. Они создаются с помощью программ симуляции реальной действительности, в которых реальные люди выступают от лица своих цифровых двойников. Идея информационной модели общества прямо коррелирует с захватывающей концепцией метавселенной, или метавселенных (*metaverse(s)*), по крайней мере по принципам своей организации, а также по существу проблем, связанных с созданием практических (действующих) моделей. Метавселенная – это формирующаяся на наших глазах экосистема информационного будущего, подразумевающая качественный скачок в развитии глобальных сетей, в котором виртуальные, несуществующие в реальности объекты, сливаясь с физическими вещами и событиями, зададут принципиально новые стандарты цифрового мира. Человек получит беспрецедентные за всю свою историю возможности для проведения научных исследований, ведения бизнеса, организации учебы или отдыха благодаря технологиям виртуальной и дополненной реальности, распространению искусственного интеллекта, появлению цифрового двойника самого человека (аватара) и цифровых двойников реальных вещей – трехмерных двойников предметов искусства, недвижимости и связанных с ними инвестиций, деятельности, различного рода услуг (Интернет вещей). Фактически это тоже живая информационная модель, которую можно изучать как экосистему, анализируя постоянно обновляющийся поток «больших данных». Но в случае с информационной моделью общества мы говорим об исследовательской экосистеме, которая позволяет моделировать процессы, используя не только поведение цифровых двойников людей в метавселенной, но и коммуникативные действия самих людей на основе всей совокупности их цифровых следов.

Основная проблема в реализации концепции метавселенной, над которой работают практически все лидеры мирового информационного рынка (*Horizon Worlds, Ceek city, Baidu Xi Rang, Metaverse / метавселенная Facebook*^{12*}, *Decentraland, Arcona, Roblox, Hutton* и др.), заключается в отсутствии нужных для этого уровня аппаратных возможностей и, соответственно, вычислительной эффективности, которые должны быть во много раз действеннее по сравнению с сегодняшним уровнем техники. Операции в системе должны преодолевать рамки народов и государств, быть стойкими, постоянными, масштабируемыми и доступ-

¹⁰ Manning, Patrick. *Big Data in History*. P. 61.

¹¹ Carroll, Laura; Farr, Erika; Hornsby, Peter; Ranker, Ben. *A Comprehensive Approach to Born-Digital Archives* // *Archivaria*. 2011. No. 72. P. 91.

¹² *Принадлежит «Мета», деятельность которой запрещена на территории РФ с 2022 г.

ными миллиардам людей во всем мире в режиме реального времени. Невозможность сегодня достичь нужного для выполнения этой задачи масштаба объясняется и другими причинами: растущей фрагментацией глобальной сети, в том числе политически обусловленной из-за существующих противоречий между различными политическими системами, отсутствием достаточной инфраструктуры не только для аппаратного, но и для программного обеспечения. Успешному продвижению в этом направлении мешают патентные ограничения, монополизм в разработке платформ, отсутствие общих принципов и четких стандартов управления. Одновременно с этим возникают проблемы с конфиденциальностью информации, утечкой персональных данных, негласным сбором информации компаниями, производящими технику и программные средства, использованием личной информации в коммерческих целях.

Эти проблемы в полной мере относятся и к информационной модели общества, которая может развиваться по меньшей мере как исследовательский сегмент метавселенной и использоваться для проведения исследований по динамике социальных процессов, общественных настроений, политических тенденций, потребительских предпочтений и т. д. А если так, то информационная модель общества должна обладать теми же основными чертами, что и метавселенная, но с особыми оговорками:

- 1) непрерывное и бесконечное существование: эта модель как «живая» цифровая копия общества функционирует как важнейшая система информационного общества, с ее помощью происходит идентификация личности, а также учет его коммуникативных действий (высказываний, поступков, передвижений);
- 2) работает в реальном времени и не зависит от внешних факторов;
- 3) система должна включать в себя максимально возможное число членов общества, поэтому она должна быть интегрирована не только с пользователями сети, но и со всеми информационными ресурсами государства (вроде Госуслуг), общественными институтами и организациями, социальными службами (ЗАГС и др.), профессиональными союзами и т. д.;
- 4) если информационная модель общества будет элементом метавселенной, то необходима совместимость данных, передаваемых между цифровыми мирами.

Какие перспективы ждут историков в условиях все более усложняющейся и разделяющейся реальности? Одна перспектива очевидна: серьезно изменятся форматы и содержание работы, используемые методы и инструменты. История будет писаться буквально всеми доступными коммуникационными средствами. Плотность информации в масштабе каждого человека неизмеримо возрастет, это сделает возможным проведение качественного анализа квантитативных данных, в том числе с использованием реляционных методов. Поскольку неотъемлемой частью информации станут цифровые следы (сопутствующие метаданные), любую информацию можно будет верифицировать с очень высокой точностью. В исследованиях, связанных с изучением «больших данных», наконец исчезнет проблема воспроизводства данных.

На последующих этапах развития цифровых технологий, вероятно, можно будет получить цифровую полную аудио-видеозапись жизни человека начиная с его рождения, снятую с вживленных наноразмерных слуховых, зрительных, тактильных и других микродатчиков; это позволит исследователю с помощью алгоритмов отбирать любую интересующую его информацию, смотреть на события глазами его героя, сопереживать его чувствам, в полной мере применять обозначенный здесь транссубъективный подход. Однако этот пугающий своей безысходной тотальностью футуризм вряд ли будет иметь отношение к истории как науке. Скорее наступит время неизвестного для нас формата постистории, описывающей кибернетически модернизированного постчеловека. Но это уже проблема конца истории в ее традиционном понимании как истории человека.

6.1.4. Изучение сложных социокультурных явлений с помощью многомерного моделирования

В многомерном подходе субъектом социального действия является *Ego*, соответственно в качестве объекта истории выступает *другой* человек, *Alter*, точнее, некоторое исчисляемое или бессчетное (абстрактное, периферийное) множество «Других» – «Своих» и «Чужих». А. Ю. Антоновский характеризует различия наблюдательных перспектив *Ego*-центрированного наблюдения Т. Браге и *Alter*-центрированного наблюдения И. Кеплера, обуславливающие недопонимание, как парадигмальные¹³. Мы, в сущности, легко преодолеваем эти различия: в многомерном виртуальном пространстве можно построить информационные модели различных социальных (экономических, политических, религиозных и др.) систем, позволяющие изучать их с дискурса каждого отдельно взятого *Ego* – «узлов» схождения коммуникативных связей, центральных элементов по-своему уникальных «жизненных миров» конкретного индивида. В интерактивном анализе коммуникативных связей и различных моделей отношений в этих информационных системах любой *Alter* по желанию исследователя (наблюдателя) может выступать в роли *Ego*, если он сместит фокус анализа.

Для изучения культурно-сложной социальной реальности необходим сравнительный и перекрестный системно-коммуникационный анализ совокупных социальных (в широком смысле) данных, которые мы должны рассматривать сначала отдельно друг от друга для получения более ясной картины. Это позволит исследователю воссоздать поэлементно, фрагментарно или целиком (с нечеткими границами) информационную модель той коммуникативной системы, которую он исследует целенаправленно или выделяет как среду для раскрытия другой темы.

Огромную перспективу в социальном инжиниринге имеет социальное моделирование – не просто определенных выделенных системных процессов, например международной внешней торговли, но и целых коммуникативных сообществ, имеющих общественную, политическую, этническую или религиозную природу.

¹³ Антоновский А. Ю. Коммуникативная философия знания: от теории коммуникативных систем к социальной философии науки. М.: ИФ РАН, 2015. С. 160.

Для того чтобы изучать предмет в целостности, необходимо **многомерное моделирование, объединяющее все социальные измерения в общей системе**, сохраняя их самостоятельность на своей плоскости анализа. Помимо базовых **моделей коммуникативных систем**, больше напоминающих схемы связей определенного типа, имеет смысл попытаться совместить в модели связи (как переменные) и их отношения по отношению друг к другу, с фиксацией особенностей каждой переменной. Модели разворачиваются в информационной среде на основе графов, имеют четыре измерения, т. е. длину, высоту, ширину, а также временные характеристики. Каждая модель будет отличаться от другой, поскольку политическая коммуникация, с ее приоритетом смысловых аспектов, отличается от этнической, определяющейся отношениями родства и этнической солидарности, а также от религиозной, в которой интересубъектная коммуникация дополняется интрасубъектной.

В печатном виде многомерные модели человеческой коммуникации выглядят как плоскостное линейное или двумерное отражение нелинейных трехмерных пространств. Объемные пространственные модели, отражающие всю сложность коммуникативных связей и отношений, а также межлинейные связи и отношения между измерениями коммуникации можно создавать только в информационной среде, например в отдельном сегменте метавселенной, с помощью совмещения узлов связи – цифровых двойников реальных людей. В упрощенном виде многомерные модели можно получить путем совмещения одномерных моделей, полученных отдельно в каждом измерении коммуникации, в таком случае межлинейные связи и отношения придется дать описательно. Совмещение пространственных или одномерных моделей общественной, политической, этнической и религиозной коммуникации в общей системе создает совсем иную, наиболее прагматичную для наших целей многомерность. И в этой системе как раз появляется возможность в режиме реального времени отслеживать живую историю как ускользающее настоящее, в том числе коммуникативные действия отдельных людей.

Поскольку общество является «системой систем» (по Луману), **модели общественной** (на разных уровнях общественной консолидации), **политической, этнической и религиозной коммуникации** могут быть затем совмещены в **единой социальной** (в широком смысле) **модели коммуникации**. Это позволит нам увидеть сочетания факторов, имеющих разное происхождение, например социальных (в узком смысле) и экономических, общественных и политических, этнических и политических, этнических и религиозных и т. д. Можно также создать ситуативные **модели политической коммуникации** с симуляцией важных политических событий, например, межгосударственных переговоров на высшем уровне. Однако изучение статистических моделей, хотя и познавательно для понимания природы феноменов социальности и культуры, но не имеет непосредственной преобразующей силы, корректирующей социальные процессы в конструктивном русле. Поэтому гораздо интереснее проблема перехода от статических моделей коммуникации к динамическим, в том числе действующим интерактивным, максимально отражающим реальность. Рассмотрим этот кейс на примере двух моделей коммуникации – этнической и религиозной.

Многомерные модели социетальных систем

Будучи по Луману «системой систем», общество включает в себя все другие системы и в определенном смысле может представлять собой обобщенную информационную модель системы общества как социальной целостности, суммы всех других коммуникативных систем. О такой гипотетической макромодели достаточно много сказано в предыдущем разделе, поэтому не будем на этом останавливаться.

Однако наряду с мысленным конструктом для анализа общественных процессов могут понадобиться прикладные многомерные модели **социетальных систем**. Они проявляют себя в качестве разнотипных структур, образующихся на основе социальных в узком смысле связей: экономических групп и объединений (сюда входят различные бизнес-структуры: корпорации, партнерства, картели и др.), профессиональных сообществ, общественных организаций и их ассоциаций, клубов по интересам, т. е. практически всех форм общности, помимо уже выделенных выше. Выявив иерархии и объективное содержание максимально возможного числа коммуникативных связей и отношений между субъектами действия, исследователь получает мощный инструмент моделирования поведения тех или иных социальных систем в различных условиях и ситуациях.

Информационные модели политических систем

Модель политической коммуникации и контроля (хотя контроль тоже есть форма коммуникации) впервые была предложена Карлом Дойчем, который понимал коммуникацию в узком смысле как процесс получения информации, необходимой для принятия решений, и доведения управленческих решений (информации) до членов общества. Дойч структурировал политические коммуникативные процессы в виде последовательно расположенных subprocesses управления обществом:

- 1) прием потоков информации, поступающих от самых различных источников из внешней и внутренней среды, ее отбор и кодирование;
- 2) анализ информации в реальных контекстах ее практического применения, классификация информации в соответствии с предпочитаемыми целями, сопоставление полученных данных с доминирующими в государстве ценностями, традициями и нормами;
- 3) соотнесение информации с предпочтительными сценариями развития, корректировка, анализ потенциальных рисков и ожиданий. Подготовка проектов решений и передача их в центр принятия решения. Обнародование (публикация) решения;
- 4) передача решения исполнителям, исполнение решения, получение обратной связи¹⁴.

В широком понимании коммуникации можно строить любые информационные модели политических систем и их подсистем, имеющие познавательное значение.

¹⁴ Deutsch, Karl W. The Nerves of Government.

От статических моделей этнической коммуникации к динамическим

В многомерной модели этнической коммуникации мир можно представить в виде огромного числа этнических систем, образующих отдельные кластеры на территории одной, двух или нескольких стран. Они коммуникативно связаны друг с другом через коммуникации конкретных *Ego*, представляющих разные этнические сообщества. Официальные переписи населения, которые учитывают этническую принадлежность человека, недостаточно точны и не всегда верифицируемы, поэтому здесь для получения данных необходимы надежные цифровые источники. Но в наше время при всех своих погрешностях, связанных с несовершенством методик сбора данных, статистика, которую дают переписи, представляется практически единственным, самым приближенным к реальности источником. Каждое этническое сообщество или даже группу можно представить в виде отдельной системы или части системы (например, в случае разделенных народов). Следующей задачей является установление коммуникационных взаимосвязей этнических систем, разделенных политическими границами.

Наиболее точной информационной модель этнической системы может быть только если мы будем учитывать этническую идентичность каждого *Ego*. Понятно, что на сегодня это пока гипотетическая описательная модель, которая, тем не менее, может быть отчасти выполнена на основе информационных технологий. Для чистоты эксперимента можно также выйти из матрицы наций-государств и изучать этнические системы и их взаимодействие отдельно, опираясь на классификации народов по антропологическим признакам (расам), языкам, материальной и духовной культуре, генетическим признакам и т. д. Или можно пойти более простым путем, взяв за основу актуальные языки коммуникации, имея в виду, что язык является самым понятным маркером этничности.

По определенным, в том числе языковым маркерам можно определить различные уровни родства и соответственно этнической коммуникации:

- 1) первичный (непосредственный, родовой) уровень родства включает в себя ближайших и дальних родственников и их родственников, в том числе с использованием достоверно установленных генеалогических данных (придает глубину информационной системе и доказывает, что народ представляют не только ныне живущие люди, но и память об ушедших поколениях, сохранившаяся у ныне живущих);
- 2) промежуточный (опосредственный, субэтнический) уровень родства, соответствующий племенному: включает в себя земляков и соплеменников, говорящих на родном диалекте (говоре, наречии) конкретного индивида;
- 3) самый высокий (этнический) уровень родства: включает в себя представителей всего народа (народности или этноса), говорящих на родном языке индивида.

На основании уровней коммуникации можно построить различные информационные модели, иерархично встраиваемые друг в друга:

- 1) непосредственные родственники – ближайшие и дальние, вместе с их родственниками, большинство из которых составляют коммуникатив-

- ную общину индивида. Это важнейший социальный организм в системе коммуникативного мира *Ego*, составляющий его основу, представляющий эго-центрированную вложенную модель структуры семьи и рода – вместе или раздельно;
- 2) земляки и соплеменники, говорящие на родном диалекте индивида (говоре, наречии) (модель структуры племени/народности);
 - 3) соплеменники, представители народа/этноса, говорящие на родном языке индивида (модель структуры этноса).

Формальное описание систем родственных связей – родовых (клановых), племенных (субэтнических) и этнических – представлено в генеалогиях и родословных. Лучше всего изучены династийные, а также еврейские генеалогии; о важности этнических генеалогий писал Энтони Смит¹⁵. С помощью таких генеалогий информационная модель этноса позволяет увидеть историческую глубину социальных связей и отношений. Возможности включения генеалогий для описания современных социальных сообществ хорошо изучены¹⁶. Не случайно Л. С. Клейн связывает проблемы этногенеза с моделями генеалогического древа¹⁷.

Идея создания информационной модели этнической коммуникации, связывающей друг с другом все вертикальные и горизонтальные коммуникативные связи в пределах этнической общности, с обозначением их связей с другими этническими сообществами, не является чем-то совершенно новым в области системного изучения этничности. Отчасти она заявлена в попытке создания «математической или иной модели этнического сознания»¹⁸. Выступая против «модного ныне направления по построению системы этноса», Е. П. Шульга подчеркивает, что «не этнос, а его этническое сознание (или наоборот сознание и его этнос) есть система со своими законами развития, а это два принципиально различных подхода»¹⁹. Такая мысль, безусловно, достаточно эвристична, однако она не вполне применима к многомерному подходу. Мы исходим из того, что сознание человека, в том числе этническое, исключительно субъективно и чрезвычайно индивидуализировано. Без транссубъектного анализа реальных коммуникаций, реализуемого в искусственно созданных лабораторных условиях (интерактивной системе), надеяться на получение достаточных для исследования данных не приходится. Кроме того, историки не всегда обладают всей полнотой информации, чтобы оценивать «этническое сознание» прошлых поколений. А линии родства и этнические связи совершенно объективны и имеют надежную источниковедческую базу (церковные и метрические записи, генеалогии и др.), которая в цифровой век станет более доступной и востребованной.

¹⁵ Smith, Anthony D. *The Nation in History: Historiographical Debates about Ethnicity and Nationalism* (The Menahem Stern Jerusalem Lectures). Univ. Press of New England, 2000. P. 52.

¹⁶ James, Paul W. *Globalism, Nationalism, Tribalism: Bringing Theory Back In*. L.: SAGE Publications, 2006. P. 126.

¹⁷ Клейн Л. С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов.

¹⁸ Шульга Е. П. *Модель этнического сознания*. М.: Директ-Медиа, 2013. С. 1.

¹⁹ Там же. С. 12.

В моделях этнической коммуникации субэтнические группы будут составлять отдельные подсистемы (системы более низкого порядка). Структура модели покажет специфику взаимодействия между различными субэтническими группами, которое осуществляется, как правило, через основной этнос или центральную этническую группу, язык которого становится литературной нормой для всех остальных. Субэтнические группы этноса не всегда могут быть родственны основному этносу, особенно если он имеет сложную природу.

Модели этнической коммуникации должны отражать максимально подробную систему родства, но учитывать в ней лишь те отношения, которые являются актуальными в данном сообществе, в том числе отношения между свойственниками. Основные параметры отношений родства были формализованы еще Альфредом Крёбером, который ввел в систему отсчетов родства *Ego* как исходную точку отсчета. Он выделил объективные различия, которые имеют важное значение во всех системах родства:

- 1) различия отношений родства и свойства, т. е. родства по браку;
- 2) различия отношений прямого и бокового родства, т. е. между отцом и братом отца, родным братом и двоюродным, а также их потомками;
- 3) различия поколенческих отношений (дед и отец, отец и *Ego*, *Ego* и его сын, в боковом родстве – дядя и племянник);
- 4) возрастные различия внутри одного поколения (старший брат и младший брат, старшая сестра и младшая сестра, старший брат отца / младший брат отца и др.);
- 5) учет половой принадлежности родственника (брат и сестра, дядя и тетя, кузен и кузина, сын и дочь);
- 6) пол *Ego*, поскольку родственники женщины называются иначе, чем соответствующие родственники мужчины²⁰.

Для корректного описания отношений между объектами **статической модели этнической коммуникации** необходимо выявление иерархии родственных связей в каждом конкретном обществе. Для этого выделяется основа отношений родства, универсальная для всех обществ, а их особенности отмечаются в виде переменных значений. Для построения модели необходимо решить проблему математической формализации родственных отношений. Одним из вариантов решений может быть графическое и символическое выделение атрибутов (свойств) коммуникативных связей и отношений, например, разными цветами и толщиной линий, с максимальным количеством характеристик, присущих этим связям. Периодичность актов коммуникации и их интенсивность могут выделяться большей или меньшей прозрачностью линии. Постоянные связи отмечаются сплошной линией, непостоянные и случайные – прерывистой, с разной длиной прерывистости. Для выделения чувственных или эмоциональных характеристик этих связей могут использоваться более или менее насыщенные оттенки данного цвета в купе с сочетанием разных типов линий. Необходи-

²⁰ Kroeber A. L. Classificatory Systems of Relationship // Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. Vol.39. 1909. P. 59–64.

мые данные вводятся путем заполнения электронных анкет, в которых должны быть зафиксированы частота, продолжительность, значимость и другие важные характеристики.

1. Кровнородственные отношения – одним цветом, с определенной толщиной линий для каждой степени родства.
2. Отношения свойства – другим цветом, также с различной толщиной линий для разных ступеней.
3. Социальные связи – разными линиями:
 - a) частые, нечастые и единичные;
 - b) жизненно важные (сплошная линия), актуальные в разной степени вплоть до случайных (прерывистость линии уменьшается вплоть до точек);
 - c) социально значимые, малозначимые и незначимые (лучше в цифрах от 0 до 100);
 - d) реальные и виртуальные;
 - e) непосредственные и опосредованные;
 - f) односторонние, двусторонние и многосторонние;
 - g) доминирующие, равные, подчиненные;
 - h) эмоционально окрашенные (в различной степени, от 100) и неокрашенные (до 0).

Отношения родства или социальной общности внутри коммуникативной общины определяются культурной средой, религией и многими другими факторами, поэтому любая модель, основанная на чем-то одном без учета другого, *a priori* не универсальна. С целью уменьшения возможных искажений общей картины типы связей не оцениваются, а фиксируются. Для учета особенностей личного восприятия индивида должны быть введены дополнительные переменные; оценивать эти особенности должны специальные тесты.

Через отношения свойства коммуникативные связи устанавливаются за пределами семейно-клановых, племенных и даже этнических сообществ, поэтому говорить о «кровной чистоте» рода не приходится. Для этого к исследованию может быть привлечен набирающий популярность генетический анализ, однако он пока оперирует не вполне совершенными методиками и инструментарием.

Динамическая модель этнической коммуникации в самой простой форме существует в интерактивных социальных сетях на национальных языках. Однако обычный пользователь не наблюдает всю картину в целом, поэтому не сможет оценить интенсивность реальной коммуникации. Реально действующие модели коммуникации – в метавселенной. Речь идет не только об интерактивной этнической карте, которая может быть и даже должна со временем быть сопряжена с генетической картой, а также историческими атласами языков. Это в большей степени многофункциональный этнический навигатор, который, благодаря генеалогиям, архивным записям и цифровой фиксации жизнедеятельности каждого современного человека, будет иметь историческую глубину своих метаданных.

Информационные модели религиозных систем.
От статических моделей религиозной коммуникации
к динамическим

Графическое изображение различных типов религиозной коммуникации Его в плоской проекции позволит создать **статические модели религиозной коммуникации**. Начнем с «языческих» верований Природы, политеизма, который отличается от пантеизма. Но и для политеиста тоже картина может быть разной в зависимости от системы его верований – обожествляет ли он всю природу вокруг себя или ее отдельные явления, верит ли он в отдельные божества и демонов (рис. 6.1) или в определенный пантеон божеств (рис. 6.2).

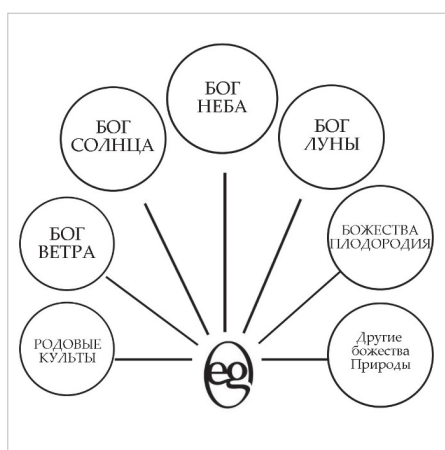

Рис. 6.1. Схема интрасубъектной коммуникации в политеизме

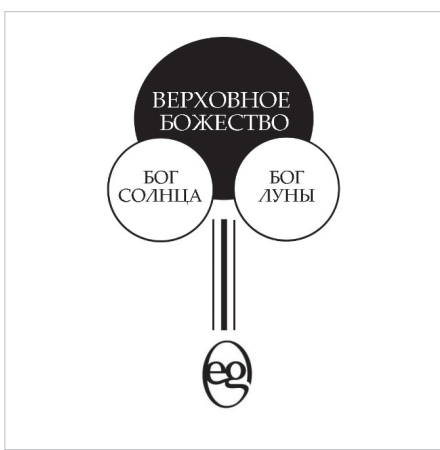

Рис. 6.2. Схема интрасубъектной коммуникации в иерархическом политеизме (с пантеоном божеств)

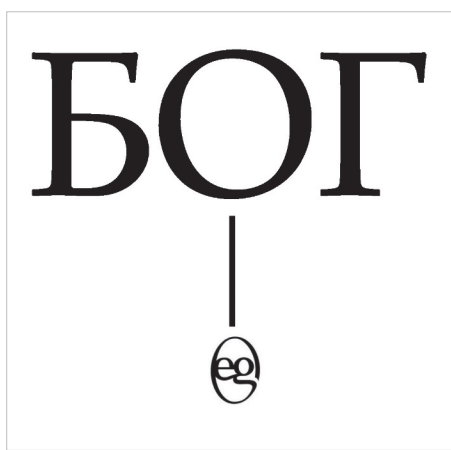

Рис. 6.3. Схема интрасубъектной коммуникации в монотеизме

В монотеистической традиции коммуникативная связь *Ego* с Богом строго вертикальна: Бог как Высший Абсолют размещается наверху, а верующий в Единого Бога *Ego* – внизу (рис. 6.3). Система личности *Ego* через свою психическую систему обращается к Богу, образ Которого отражается в его сознании, и даже получает ответы, если этот образ реален (т. е. индивидуальная вера неформальна).

В многоаспектном системно-коммуникационном анализе религиозная коммуникация существует не сама по себе, а в совокупности с другими формами коммуникации: она рассматривается как часть единого целого, т. е. социальной коммуникации как таковой. Более того, вне религиозной практики религиозная коммуникация редко существует в своих «чистых формах», она обычно выступает вместе с другими формами социальной коммуникации (общественной, политической, этнической, культурной и др.). Иными словами, социальная коммуникация может менять свою содержательную, эмоциональную, психологическую или иную окраску в зависимости от того, с чем имеет дело – религией, обществом, этничностью, политической идеологией, т. е. всем тем, что мы можем рассматривать как систему. Это обстоятельство позволяет отдельно учитывать в системной классификации религий различные социальные факторы, а также смешанные аспекты религиозной жизни, прежде всего религиозно-политический, этно-религиозный, конфессионально-государственный и социокультурный (в узком смысле социальнойности).

Создание в исследовательских целях **интерактивной (динамической) модели религиозной коммуникации** может позволить исследователю:

- 1) индивидуализировать религиозное восприятие каждого человека (метод анкетирования и тестирования в информационной системе общества;
- 2) рассматривать веру и суеверия в единой системе познавательных координат;
- 3) определить тип личной веры (культовая, языческая, религиозная, философская, научная) и степень религиозности личности (глубокая, символическая, поверхностная и др.) по специальным критериям и параметрам;
- 4) поместить индивидуальную веру каждого *Ego* в центр системы его реальных и виртуальных коммуникативных связей;
- 5) выявить иерархию духовных ценностей и ориентиров, и религиозные идеологические приоритеты;
- 6) определить структуру внутренней веры, ее содержательную основу – религиозные убеждения, и периферию – проекцию этих убеждений на земную жизнь.

От коммуникативного анализа социальных сетей
к многомерному системно-коммуникационному

Одним из важнейших методов коммуникативного анализа в системном изучении современной истории стран Востока является сетевой анализ. Этот метод относится к числу не только системных, но и реляционных, хотя сетевые модели данных, как и иерархические, являются альтернативами собственно реляционных моделей данных. Анализ социальных сетей (*Social network analysis*) предполагает

привнесение комплекса математических и программных инструментов исследования сетей в область изучения социальных явлений. Он позволяет качественно реализовывать изучение механизмов формирования и функционирования разнообразных коммуникативных связей и структур, формирующихся во многих областях человеческой деятельности. В научном понимании социальная сеть – модель социальных явлений, отражающая совокупность социальных объектов, представленных в виде набора узлов, и социальных взаимоотношений – связей и взаимодействий между ними.

Многомерное исследование сетей предоставляет новый набор объяснительных моделей и аналитических инструментальных средств, которые находятся вне рамок обычных количественных методов. Системно-коммуникационный анализ обеспечивает одновременно кластерное и нераспределенное, нишевое и многоуровневое, локальное (региональное), смешанное глокальное и глобальное изучение системных и несистемных социальных общностей (например, толпы), сетей коммуникации, рынков, физических и нематериальных объектов (например, идей), в том числе с точки зрения всеобщей взаимосвязанности мира²¹. Если добавить сюда возможности многомерной статистики, то ее развитый математический аппарат, позволяющий строить весьма сложные модели коммуникаций, описывающие социальные системы различного типа, легко приспосабливается для изучения социальных измерений коммуникации. Продуктивность анализа социальных сетей следует из важной предпосылки, что общество в основном обусловлено характером коммуникаций между ее членами. Анализ социальных сетей фактически есть способ репрезентации данных о коммуникации *Его*.

В системно-коммуникационном анализе сеть представляется совокупностью различных *Его* (актантами по Парсонсу, в акторно-сетевой теории Б. Латура они называются акторами), коммуникативных связей и отношений между ними. Несомненно, на основе одной и той же совокупности акторов можно строить различные конфигурации сетей, составляя их из разных видов коммуникации: политических, этнических и религиозных²². Сети, составленные на основе одного вида связей, являются одноконтекстными, двух – двуконтекстными, и более – мультikonтекстными сетями. В целом сетевые структуры могут анализироваться на уровне центральных акторов, уровне диад и триад, уровне подгрупп с повышенной сетевой плотностью (кластеров) и общесетевом уровне.

Результатом анализа сети является определение ряда сетевых показателей. Так, показатель центральности указывает на статус, влияние и местоположение актора и дает понимание его возможной роли в социальной коммуникации: лидер,

²¹ Easley, David; Kleinberg, Jon. Networks, Crowds, and Markets: Reasoning About a Highly Connected World. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010; Kadushin, Charles. Understanding Social Networks: Theories, Concepts, and Findings. Oxford: Oxford Univ. Press, 2011; Быстрицкий Н. И. Исследования сетей в исторической науке // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 3. С. 39–51.

²² См., например: Кончаков Р. Б., Стрекалова Н. В. К проблеме изучения сетевых связей государственных служащих в провинциальном городе начала XX в. методами SNA // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2012. № 38. С. 111–112; Забаев И. В., Пруцкова Е. В. Социальная сеть православной приходской общины: возможности применения анализа социальных сетей в социологии религии // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. 2013. № 4 (48). С. 120–136.

советник, эксперт, распространитель, связной, медиатор, отшельник и др.²³ Показатель силы связи может характеризовать различные аспекты межличностной коммуникации: продолжительность, интенсивность, близость, уровень взаимного доверия и пр. Показатель размера сети используется при измерениях величины исследуемых социальных групп; сетевая плотность (сплоченность сети) оценивает концентрацию связей в сети, чем их больше, тем активнее осуществляется взаимодействие; показатель централизации сети является мерой неравенства и демонстрирует степень иерархизированности общества. Тщательное построение сетевой модели и комплексная оценка сетевых параметров позволяют исследователю увидеть проблему с иного ракурса, выявить коренные, в том числе скрытые, факторы изучаемых общественных явлений, понять, каким образом конкретные коммуникативные ситуации влияют на сознание и поведение людей.

Многомерный системно-коммуникационный анализ экстремистских текстов, аудио- и видеоматериалов в любой виртуальной среде, в том числе кибер-исламской, позволит отделить религиозный лексикон от этнического, а внутри него – экстремистский контент от нормативного, усиливая возможности других методов коммуникативного анализа (контент-анализа, дискурс-анализа, сентимент-анализа, интент-анализа).

6.2. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ МНОГОМЕРНОГО ПОДХОДА В НЕЦИФРОВОЙ ИСТОРИИ

Для современной исторической науки, которая на данном этапе развития по преимуществу остается нецифровой (по выражению А. Лауренса – «аналоговой»²⁴), не менее важно то, что нового и эвристически ценного многомерный подход дает на практике, особенно для изучения и переосмысления актуальных исторических сюжетов и проблем, выявления новых аспектов в освещении фактов, факторов и событий прошлого, систематизации существующего знания. Методы многомерного подхода и системной логики как его составной части могут дать серьезные практические результаты для решения ряда актуальных научных проблем современной жизни восточных и не только обществ, опираясь на концептуальные схемы и объяснительные модели, имеющие существенную познавательную силу. О перспективах **многомерного моделирования коммуникативных систем** с их возможностями мониторинга социальных в широком смысле процессов на разных уровнях жизни мы уже писали в предыдущей главе. В нецифровой науке могут быть использованы лишь главным образом гипотетические статистические модели – статические и динамические модели, а действующие модели с цифро-

²³ Губанов Д. А., Новиков Д. А., Чхартисвили А. Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства. М.: Изд-во физико-матем. лит-ры, 2010.

²⁴ Lawrence, Adrea. Learning How to Write Analog and Digital History. P. 110.

выми двойниками реальных людей, работающие в режиме реального времени, требуют огромных вычислительных ресурсов.

Очевидно, что для изучения древности и средневековья разные исторические методы имеют разное значение. Системная логика универсальна, ее можно применять для межлинейной верификации многофакторных процессов любой эпохи. Возможности моделирования и интерактивного наблюдения в древности весьма ограничены, это наблюдение не в действительной, а в дополненной реальности, созданной на основе изучения источников и артефактов. Недостаточность источников не позволит даже визуализировать исторические реконструкции.

Если в цифровой истории допустима гипотетическая онтологическая суперпозиция, когда субъект познания одновременно может выступать и в качестве объекта исследования благодаря особенностям информационной среды и возможностям тотального самоописания общества, или субъект познания способен изучать явления и события через призму сознания их непосредственных участников, объектов исследования (благодаря тому, что интерактивная среда позволяет им самим оценивать свои транссубъективные ощущения и впечатления), то в нецифровой, традиционной науке такая позиция имеет скорее конструктивистское значение: предлагаемые в рамках подхода концептуальные схемы могут выступать лишь в качестве интерпретативных моделей. Однако эти модели имеют большую познавательную ценность по нескольким причинам:

- 1) поскольку речь идет об объяснительных моделях, которые отчасти верифицируются на материалах современной и цифровой истории, они в достаточной степени надежны и потому применимы и к изучению более ранних периодов истории, если, конечно, историк считает событийный ряд истории непрерывным процессом;
- 2) с помощью исследовательских моделей прошлое связывается с настоящим и вероятностными сценариями будущего, т. е. они имеют также и существенную прогностическую ценность.

6.2.1. Системно-коммуникативный анализ социальных связей и отношений в истории Востока

В рамках данного исследования конструирование прошлого восточных обществ подразумевает производство научного конкретно-исторического знания, отделенного от мифологического, философского и литературного²⁵, кропотливую и послойную исследовательскую работу по воссозданию последовательности исторических событий на Востоке, а не визуальные исторические реконструкции. Поскольку речь идет о моделировании событий прошлого на основе анализа коммуникативных актов, связей и отношений, с целью лучшего понимания внутренних механизмов социального взаимодействия (мотивов и интенций участников коммуникации), здесь не обойтись без информационных (коммуникативных)

²⁵ Подробнее об этом см.: Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: Теория и история: в 2 т. Т. 1: Конструирование прошлого. СПб.: Наука, 2003. Т. 2. Конструирование времени. СПб.: Наука, 2006.

моделей. Применение метода системно-коммуникационного анализа, в котором используются различные коммуникативные модели (прежде всего, **модели отношений, модели передачи информации и агентные модели**), позволяет тематизировать и перекодировать в коммуникационный формат любую проблему истории, связанную с социальными фактами, событиями, движениями и процессами. При этом любые социальные организмы – от семьи, школьного класса, социальной группы, местной общины, политической партии, профессионального сообщества, социальной прослойки до целого народа и общества могут рассматриваться в качестве особых коммуникативных систем.

Качественное изучение социальной жизни на основе выборочных информационных моделей в прошлом и настоящем требует симуляции типичных социальных действий и динамики развития процессов, рассмотрения функционирования социальных структур в различных условиях, основываясь на заранее известных или установленных переменных. Поскольку в информационных моделях коммуникативных систем источником действия являются *Ego* (акторы, агенты, актанты), для изучения и предсказания поведения сложных социальных систем, имеющих вложенную иерархическую структуру, можно использовать **агентные модели**. Этот полезный инструмент, в свою очередь, включает в себя методы Монте-Карло, теории игр, сложных систем, техники мультиагентных систем и эволюционного программирования.

Агентная модель может представлять реальный социум в виде некоторого нечеткого числа разнообразных и активных подсистем, называемых агентами (автономных объектов, целенаправленно функционирующих в конкретной среде по определенному набору правил, взаимодействующих друг с другом и адаптирующихся в процессе функционирования). В основе моделей лежит набор агентов, из коммуникации которых рождается обобщенное поведение системы²⁶. Результаты моделирования не могут быть спрогнозированы априори из-за сложности, многомерности и запутанности (при существенном возрастании числа переменных) информационной модели, а также из-за учета эмерджентных свойств модели. В ходе исследования агентное моделирование помогает анализировать различные формы идентичности (политическую, этническую, национальную и др.)²⁷, понять природу сложных социальных явлений, включая такие пограничные формы социального, как этнополитические конфликты, проявления религиозного экстремизма и т.д.²⁸

²⁶ Макаров В. Л., Бахтизин А. Р. Социальное моделирование – новый компьютерный прорыв (агент-ориентированные модели). М.: Экономика, 2013; Дергачев Д. А. Распространение культурных норм и ценностей: агентное моделирование // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2016. № 1. С. 141–152.

²⁷ Lustick, Ian S. Agent-based Modeling of Collective Identity: Testing Constructivist Theory // Journal of Artificial Societies and Social Simulation. 2000. № 3 (1). P. 1–24.

²⁸ Клаус Н. Г. Применение агентного моделирования в анализе социальных конфликтов. Модель «Две этнические группировки. Предотвращение геноцида» // Методология, теория и история социологии: сборник научных статей: в 3 т. / под ред. В. И. Филоненко. Ростов на Дону: Изд-во ЮФУ, 2012. Т. 2. С. 57–65; Deffuant, Guillaume; Amblard, Frederic; Weisbuch, Gérard; Faure T. How Can Extremism Prevail? A Study Based on the Relative Agreement Interaction Model // Journal of Artificial Societies and Social Simulation. 2002. Vol. 5, No. 4. [Electronic resource]. URL: <http://jasss.soc.surrey.ac.uk/5/4/1.html>. Retrieved 11.12.2018; Тростянский С. Н. Имитационное моделирование информационных процессов, определяющих психологию толпы // Проблемы управления рисками в техносфере. 2011. № 2. С. 67–72.

Интеграция рассматриваемых моделей дает возможность создания надежного исследовательского инструмента для более глубокого и всестороннего анализа выбранного предмета исследования.

Если использовать агентные модели для изучения этнополитических и внутриконфессиональных конфликтов 1990-х гг. в Чечне и Дагестане, связанных с социальными противоречиями в локальных обществах в период постсоветской трансформации, расколом мусульманских общин, противоборством суфийских *тарикатов* и т. н. «ваххабитов» (салафитов), то становится очевидным, что эти процессы возникали не на пустом месте. Анализ дагестанских арабских и арабографических источников показывает, что практически идентичные по своему богословскому содержанию дискуссии в местном исламе происходили и в первой четверти XX в. в период гражданской войны. Но и тогда, как и сегодня, драматические события в исламе представляли собой неразрывную часть процессов многомерной трансформации местных мусульманских обществ, затронувшей все сферы жизнедеятельности людей²⁹.

На этом основании можно составить информационные модели коммуникативных систем внутри ислама – суфийских структур, где каждое братство (*тарикат*) и его ответвление (*вирд*) могут быть представлены в виде коммуникативных систем и подсистем, с одной стороны, и организационных структур исламских фундаменталистов, с другой стороны. Описанные методы сетевого анализа, включающие выявление максимального числа коммуникативных связей каждого *Его*, оценку качества этих связей, а также основанных на них коммуникативных отношений, позволят установить более сложную картину событий, определить пути распространения экстремистских идей, оценить способы противодействия, структурные особенности, движущие силы и социальную базу различных движений, смысл и значение intersubъектной коммуникации, ее влияние на интрасубъектную коммуникацию отдельных людей.

В качестве примера использования **моделей отношений** обратимся к опыту изучения суфийских структур на Северо-Восточном Кавказе, их эволюции³⁰. Этот пример показателен в связи с тем, что суфийская практика требует получения письменного разрешения (*иджазы*) учеником (*муридом*) от наставника (*шайха*) на передачу суфийских знаний, для этого наставник сам должен быть вправе передавать информацию своим ученикам. Различные модели отношений ученика и учителя фиксируют строгую корреляцию между ключевыми терминами коммуникации и точностью передачи информации.

Особенности передачи сокровенного знания в классическом исламе показаны на примере суфийской традиции ал-Кушайрийа (XI–XII вв.) по материалам сочинений «ар-Рисала» Абу-л-Касима ал-Кушайри (ум. в 1072 г.), «Салват ал-‘арифин» Абу Халафа ат-Табари (ум. после 1098 г.) и «Райхан ал-хака’ик» Абу Бакра ад-Дар-

²⁹ Более детально о процессах трансформации на Кавказе и их влиянии на современный суфизм см.: Alikberov, Alikber. *Vitalità e influenza delle confraternite e del sufismo nella regione del Caucaso // Sufismo e confraternite nell’islam contemporaneo. Il difficile equilibrio tra mistica e politica. A cura di Marietta Stepanyants. Torino: Centro di studi religiosi comparati Edoardo Agnelli, 2003. P. 161–180.*

³⁰ Аликберов А. К., Шихалиев Ш. Ш. Суфийские тарикаты на Кавказе: опыт системно-коммуникационного анализа культурно-сложных обществ // Восток (Oriens). 2019. № 6. С. 138–148.

банди (ум. в 1145 г.). Ценность этих сочинений заключается в том, что они представляют собой непрерывную преемственность классической суфийской традиции от наставника к ученику: Абу Халаф ат-Табари был одним из ближайших учеников ал-Кушайри, а ад-Дарбанди – учеником Абу Халафа ат-Табари: ссылки на него с формулой непосредственного обучения *ахбарани ахбарани аш-шайх ал-имам ат-Табари би-кира'ати 'ала-ш-шайх* зафиксированы в «Райхан ал-хака'ик» ад-Дарбанди больше всего – 23 раза³¹.

Основные **модели передачи информации** в традиции ал-Кушайрийи переданы с помощью ключевых терминов религиозной коммуникации в классическом исламе:

- АХБАРАНИ – «**Мне сообщил** [шайх]»
- АХБАРАНА – «**Нам сообщил** [шайх]»
- ХАДДАСАНИ – «**Мне рассказал (передал)** [шайх]»
- ХАДДАСАНА – «**Нам рассказал (передал)** [шайх]»
- САМИ'ТУ – «**Я слушал** [шайха]»

Приведенные арабские термины системы классического исламского образования не являются случайными, поскольку они употребляются в передаче мусульманских преданий, восходящих, как правило, к пророку Мухаммаду, в рамках науки о *хадисах* ('илм ал-хадис), в которой традиция соблюдалась последовательно и очень строго, по крайней мере в рассматриваемый период³². *Хадис* обязательно состоит из двух частей – содержательной части (*матн*) и цепи передатчиков информации (*иснад*). При этом АХБАРАНИ подразумевает самую точную форму передачи информации. Формула АХБАРАНИ дополняется традиционной фразой *би-кира'ати 'ала-ш-шайх* («я записывал под диктовку шайха»), когда учитель лично сообщает информацию ученику, ученик записывает ее под диктовку учителя и потом зачитывает ему записанный текст. Данный способ передачи информации считается самым надежным, он используется для *иджазы* (письменного разрешения шайха ученику на передачу сокровенного знания). Форма неформальной передачи информации передается формулой КАЛА ЛИ – «**Сказал мне** [шайх]», а в случае цитирования информации, когда источник информации лично не знаком с автором, используется формула КАЛА – «**Сказал** [шайх]».

Таким образом, коммуникационный процесс в суфизме строго регламентирован и даже легитимизирован: наставник, не получивший такого разрешения, считается *муташайхом*, т. е. «ложным шайхом». Более того, все *шайхи*, духовная генеалогия (*силсила*) которых в качестве передаточного звена включает в себя имя хоть одного такого ненадежного источника информации, объявляются ложными. Более того, в науке о *хадисах* существует библиографический жанр *ар-риджал*

³¹ Аликберов А. К. Особенности передачи сокровенного знания в классическом исламе на примере традиции ал-Кушайрийи (по материалам системно-коммуникационного анализа «ар-Рисала» Абу-л-Касима ал-Кушайри, «Салват ал-'арифин» Абу Халафа ат-Табари и «Райхан ал-хака'ик» Абу Бакра ад-Дарбанди) // *Minbar. Islamic Studies*. 2019. Т. 12. № 4. С. 895–905.

³² С. М. Прозоров обратил мое внимание на то, что формы *ахбарани/ахрабана* и *хаддасани/хаддасана* стали маркерами передачи хадисов в суннизме и ахбаров в шиитском исламе, однако на рубеже XI–XII вв. такого явного различия еще не было: большинство наставников Абу Бакра ад-Дарбанди, включая его самого, называли себя «людьми сунны и согласия», т. е. суннитами.

(букв. «люди, мужчины»), в которых анализируются биографии передатчиков хадисов с их ранжированием на более или менее надежных.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что информационно-коммуникационный анализ подразумевает **изучение не только текста и контекста источника, но и информационной среды, в которой появился текст, коммуникативного [«жизненного»] мира каждого автора (передатчика информации).**

6.2.2. Примеры использования системной логики в истории, востоковедении и источниковедении

Принципы системной логики формировались при изучении нами сложных тем истории народов Востока, особенно на стыке Азии с Европой. Здесь всегда обращала на себя внимание источниковедов крайняя запутанность исторической ономастики: древние и средневековые письменные источники самого различного происхождения последовательно смешивали одни этнические названия с другими. Ограничимся двумя примерами, которые нашли отражение в серии наших публикаций, в том числе с участием одного из наиболее известных специалистов по сравнительно-исторической лингвистике О. А. Мудрака. Первый кейс касается алуанов (албанов) и аланов, второй – гуннов, тюркотов и хазар. Все эти народы, придя с Востока, образовали государственные образования на территории Восточной Европы: Западнотюркский (или просто Тюркский) каганат, раннеполитическое государственное образование гунно-савиров на Северо-Западном Прикаспии и обширный Хазарский каганат, который был побежден Древней Русью. В сферу влияния Кавказской Албании входила территория современного Дагестана, по некоторым данным, вплоть до реки Сулак, а Дербент определенно был одним из важных городских центров албанской конфедерации.

В дополнение к квантативному и реляционному многомерный подход расширяет возможности использования цифровых методов в источниковедении, делая особый упор на форму передачи информации, изменение семантики слов при передаче информации, эволюцию идей и концепций, изучение коммуникативных связей и отношений, через которые передавалась информация, с учетом различных параметров этих связей и отношений, другие счетные характеристики информации, которую можно надежно верифицировать. Эти его возможности показаны также на примере изучения классической суфийской традиции ал-Кушайрийа³³.

Этимологизация исторических названий
на основе комплексных данных: алуаны и аланы

Метод системно-логической верификации фактически использован в источниковедческом анализе исторических названий Албания, Алуанк (Алуан) и Алан в пространстве кросскультурной коммуникации, проведенном нами совместно с известным лингвистом О. А. Мудраком с привлечением греко-римских, древне-

³³ Аликберов А. К. Особенности передачи сокровенного знания в классическом исламе на примере традиции ал-Кушайрийа.

армянских, кавказско-албанских, сирийских, византийских и арабо-мусульманских источников, а также обширного материала по сравнительно-историческому языкознанию. Сопоставление вариантов собственного названия Кавказской Албании в разных культурах, которое является требованием кросскультурного метода универсальных языковых эквивалентов, позволило нам установить исходную форму этого названия **ālèw-*, которая восходит к прасеверокавказскому корню **’āle-* ‘князь, царь, правитель, хозяин, господин’, от которого образовано прилагательное **’āle-w-* ‘великий, благородный, высокородный’ > ‘кроткого нрава’, первоначально – «княжеский, царский». От этой формы произошли названия Алуан (др.-арм. *Ալուան* *Aluan-k*, совр. арм. *Агванк*, др.-греч. *Ἀλβανία* > лат. *Albania*, др.-рус. *олъвани*, *альвань*) и Алан (арм. *Аланк*)³⁴.

Первые фиксации данного корня приходятся на хурритский и урартский языки, т. е., как минимум, на XIII–VIII в. до н. э. Вопрос о родстве хурритского и урартского языка с северокавказскими решен с привлечением большого лексического материала в книге И. М. Дьяконова и С. А. Старостина³⁵.

Термин **𐎶𐎵𐎶** *alye* (pl. *alyeōr*) со значениями ‘old, elder; ruler, leader; старший; правитель’, выявленный нами в албанском палимпсесте³⁶, который был, в свою очередь, расшифрован международной группой исследователей с помощью цифровых методов³⁷, позволил документально подтвердить интересную версию происхождения исторических названий Албания/Алвания, Алуанк и Алан, которую в свое время выдвинули А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто и Л. В. Черепнин³⁸.

Отправной точкой для проверки этой гипотезы стало то, что в разных языках исторический ономастикон, связанный с Кавказской Албанией и аланами, воспроизводит именно этот корень, ср.: др.-арм. политоним *Ալուան* (*Aluan-k*) Алуанк, представляющий собой мн. ч. от основы *aluan-*: это Албанские и Аланские ворота (букв. «Царские ворота»), гидроним Алванд (перс.) на территории расселения албанского племени каспиев, от которых происходит название Каспийских ворот; хороним Ал-бурз «Царь-гора», который в виде кальки повторяется в названиях Шах-даг («Шах-гора»), Шалбуздаг (по А. Бакиханову – *Шах ал-бурз даг*, букв. перс.-огуз. «Шах – Царь-гора – гора»), *Шах кух* (букв. «Шах-гора»), *Кух-и Шах* («Гора царя»), Эльбрус (Ал-бурз) на территории Алании, сел. Альвани (груз.) в Эрети, Албанские и Аланские ворота, Дарьяльский (Дар-и Ал) проход и др. Системно-логическая верификация этих данных привела к выводу о том, что для др.-греч. *Ἀλβανία*, от которого произошло лат. *Albania*, допустимо чтение со спирантом как «Алвания», отсюда – древнерусские формы *Сѡлвани* [Ипатьевская летопись, л. 3] и *Альвань* [Лаврентьевская летопись, л. 2] в «Повести временных лет» для обозначения этого государства.

³⁴ Аликберов А. К., Мудрак О. А. Исторические названия Албания, Алуанк и Алан в пространстве кросскультурной коммуникации // Вопросы ономастики. 2019. № 2. С. 213–231.

³⁵ Diakonoff, I. M., Starostin, S. A. Hurro-Urartian as an Eastern Caucasian language. München, 1986.

³⁶ Аликберов А. К., Мудрак О. А. Исторические названия Албания, Алуанк и Алан в пространстве кросскультурной коммуникации. С. 217.

³⁷ The Caucasian Albanian Palimpsests of Mt. Sinai. Vol. I. P. IV-5.

³⁸ Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М.: Наука, 1972. С. 38–39.

Любое гипотетическое допущение требует своей верификации на конкретно-историческом материале, зафиксированном в источниках. Ключевыми в данном случае являются эпиграфический текст трехязычной (греко-парфяно-среднеперсидской) надписи Шапура I (241–272) на скале Ка'ба-йи Зардушт (ŠKZ) близ Персеполя (Иран), в котором отдельно приводятся названия Албании (др.-греч. *Ἀλβανία*, парф. 'rd'n [Arđan или Arđan] и ср.-перс. Arran) и Аланских ворот, а также эпиграфический текст на греческом языке с названием *Ἀλβανία*, который был выявлен на территории Кавказской Албании: В. В. Латышев, обследовавший эту надпись в окрестностях села Биукдекен Нухинского района Азербайджана, предположительно датировал ее в пределах II века н. э.³⁹

Не менее важно то, что была подтверждена аутентичность прежде оспариваемых исследователями сообщений древних и средневековых источников о происхождении этого названия: армянский историк Мовсес Хоренаци (V в.), современник албан, утверждал, что оно происходит от слова алу, что означает «кроткий», а албанский историк Каланкатуаци (X в.) – от слова «мягкий»: «из-за мягкого нрава [этноарха Арана] звали его Алу»⁴⁰. Этот анализ можно продолжить с помощью кросскультурного метода универсальных языковых эквивалентов, сопоставив указанные значения с семантикой англ. слова *gentleman* («мягкий, кроткий, обходительный человек»), обозначающего аристократию. Также становится понятным и смысл высказывания Аммиана Марцеллина, отмечавшего, что название алан происходит от названий их гор.

Продолжение анализа исторической ономастики Кавказа в рамках системной логики вскрыло еще более интересные факты. Так, в нартском эпосе упоминается загадочная страна *Lwan-i zäxx*, которая называется еще *Mäličči zäxx* 'Страна малика', где *mälikk* – 'князь, правитель'. Это два разных обозначения «царской земли». Другой сказитель дает такие пояснения: «*Lwan* – это страна алдара (т. е. «князя, правителя») ... находится она на востоке, от Кизляра в сторону гор...»⁴¹. Корень **äle-* выявлен также в термине Алдар (царь, верховный князь), топонимы Алвани (город в Кахетии), Алаверди (название монастыря в Грузии), Алазань (река в Кахетии)⁴².

Установленные факты позволили надежно локализовать Каспийский проход как *Sär-därrə* между Малым Кавказским хребтом и Табаристанскими горами. А «Каспийские ворота» – лишь другое название Албанских или Аланских, т. е. «царских ворот», которые вели из Мидии в Албанию. Это единственное место в этой части мира с наибольшей концентрацией «царских» по происхождению топонимов: «ворот» в страну Алуан, заградительного вала *садд-и Искандар* («стена Александра»), другое название – Кызыл-Алан), горной системы Ал-бурз и реки Альванд.

³⁹ Латышев В. В. Заметки о кавказских надписях // Изв. Импер. археол. комиссии. СПб., 1904. Вып. 10. С. 103–105.

⁴⁰ Каланкатуаци М. История страны Алуанк / пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Ш. В. Смбатяна. Ереван: Матенадаран, 1984. С. 24.

⁴¹ Дзицойты Ю. А. Нарты и их соседи. Географические и этнические названия в нартском эпосе. Владикавказ: Алания, 1992. С. 126–127.

⁴² Аликберов А. К., Мудрак О. А. Царские эпитеты в исторической ономастике Кавказа // Восток (Oriens). 2022. № 6. С. 191–200.

Верификация сведений источников и выявление фальсификаций, основанных на ошибочных интерпретациях: гунны (гунно-савиры)

Пример с гуннами касается использования метода системно-логической верификации исторических источников для опровержения необоснованных гипотез в исторической науке. Для такого анализа показательна гипотеза дагестанского археолога М. Г. Магомедова о существовании на Восточном Кавказе в эпоху арабо-хазарских войн (VII–IX вв.) царства Джидан⁴³. По мнению исследователя, это царство было основано тюркским племенем джидан, связанным с хазарами⁴⁴. Системно-логическая верификация источников позволила установить, что данная интерпретация возникла в результате использования исследователем русского перевода В. Ф. Минорского фрагментов арабского текста «Мурудж аз-захаб» ал-Мас'уди, в котором Джидан упоминается как одно из наиболее сильных местных «царств»⁴⁵. При этом сам В. Ф. Минорский считал Джидан ошибочным написанием Хайдака⁴⁶. Более того, многие исследователи, включая М. И. Артамонова, интерпретируя тот же самый исторический факт, отождествляли Джидан с Хайдаком, Шинданом и Кайтагом⁴⁷.

Как явствует из комментариев, В. Ф. Минорский имел дело не с рукописями «Мурудж аз-захаб» ал-Мас'уди, а с критическим изданием арабского текста этого сочинения, подготовленным французским арабистом де Гье на основе парижского и булакского списков. Де Гье предложил форму Джидан, опираясь на написание этого топонима в одной из рукописей, – а именно, в булакском списке, хотя в парижском списке приводится совсем иная форма топонима⁴⁸. К исследованию было привлечено шесть списков «Мурудж аз-захаб» ал-Мас'уди, хранящихся в Институте восточных рукописей РАН и рукописном фонде университета ал-Азхар в Каире. В результате сравнительного текстологического анализа было установлено, что различные рукописи сочинения ал-Мас'уди приводят разные формы этого топонима: список D176, датируемый в пределах XVIII в. – Хидан или Хайдан, список D175, датированный 1123 г. х. (1711 г.) – форму Хизан или Хайзан, а петербургская рукопись E980 – форму Хунзан. И только одна из этих шести не привлекавшихся ранее к исследованию рукописей, а именно – список D157, переписанный в 1148 г. х. (1735 г.), воспроизводит форму «Джидан» (л. 46а). Корректная конъектура, соответствующая данным других источников, – Хунзан. Без учета произвольных диакритических точек и огласовок графическая основа большинства написаний этого топонима в рукописных текстах различных списков «Мурудж аз-захаб»

⁴³ Магомедов М. Г. Хазары на Кавказе. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1994. С. 153–161.

⁴⁴ Магомедов М. Г. Живая связь эпох и культур (Страна Берсилия, Хазарский каганат, царство Джидан). Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1990.

⁴⁵ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков / прилож. III. Баку: Элм, 1963. С. 189–221.

⁴⁶ Там же. С. 126–127.

⁴⁷ Подробнее об этом см.: Аликберов А. К. Эпоха классического ислама на Кавказе. С. 150–151.

⁴⁸ См. также: Maçoudi. Les Prairies d'Or. Texte et Traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. 1–9. Paris: Impr. Impériale, 1861–1877.

ал-Мас'уди практически идентична, поскольку они связаны общим фонетическим значением:

جيدان Джидан (Djīdān) (MS D157)		
خيدان Хайдан (Khaidān) (MS D176)		
حيدان Хайзан (Haizān) (MS B602)	→	خندان Хунзан (Khunzān)
خيدان Хидан (Khīdān) (MS D176)		
خيزان Хизан (Khīzān) (MS D175)		
خندان Х.нзан (Kh.nzān) (MS E980)		

Совершенно другой синхронный источник – анонимная персидская география X в. «Худуд ал-'алам» – также содержит этот топоним в форме خندان Х.ндан, который легко переправляется на خندان Х.нзан⁴⁹. Даже когда издатель сочинения ат-Табари «Та'рих» предлагает форму خيلان Хайлан⁵⁰, в ней без труда угадывается тот же خندان Хунзан. Зайн ал-Абидин Ширвани приводит графически более определенный, с тем же фонетическим значением и долгим -у- топоним خونز х'унз (мн. ч. خونزان Khūnzān), утверждая, что «хунзы <...> называли Дербенд Дамир-капы»⁵¹.

Таким образом, на основе одной-единственной некорректной конъектуры была выстроена целая гипотеза, которая с самого начала была ошибочной. На самом деле речь идет о ранних хазарах, т.н. гунно-савирах Северо-Западного Прикаспия, создавших «царство Хунзан, народ которого входит в состав земель хазарских царей»⁵². Армянские и кавказско-албанские источники (Егише, Хоренаци, Каланкатуаци) называли их хонами, а их страну – страной хонов (Ашхар^x Хон-к), византийские источники – «гуннами, так называемыми савирами»⁵³. При этом ал-Мас'уди утверждал, что «тюрки называли хазар савирами»⁵⁴.

Критический анализ источников: тюркюты и хазары

Метод системно-логической верификации может быть использован не только при изучении комплексных проблем исторической науки, связанных с ее многомерностью, но и в критическом источниковедческом анализе, без которого объективные исторические реконструкции просто невозможны. Особенно это касается распространенных ситуаций, когда данные источников фрагментарны, недостаточны и противоречат друг другу, даже если они являются синхронными. Отдельные элементы метода широко используются в источниковедении истории и тек-

⁴⁹ *Hudūd al-'Ālam*. 'The Regions of the World'. A Persian Geography (372 A.H. – 982 A.D.) / transl. and explained by V. Minorsky; with a preface by V.V. Barthold, transl. from the Russian. L., 1937. P. 161.

⁵⁰ *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari* / ed. M.J. de Goeje. I–IV. Leiden: E.J. Brill, 1879–1901.

⁵¹ Ни'матуллахи, Зайн ал-'Абидин б. Искандар Ширвани. Бустан ас-сийахат. Рук. ПНС 131 из Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). Л. 926.

⁵² *Kitāb at-tanbīh wa'l-ischrāf auctore al-Masūdī* / ed. M. J. de Goeje. Leiden: E. J. Brill, 1967. C. 192.

⁵³ См.: Прокопий Кесарийский. Война с персами, кн. 1, XV, 1. Текст приводится по изданию: Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. 2-е изд., испр. и доп. Пер. с греч., вступит. статья, коммент. А. А. Чекаловой. СПб., 2001. С. 9–144. Правда, Прокопий Кесарийский поясняет, что массагетов ныне также «называют гуннами» (см. Прокопий Кесарийский. Война с вандалами, кн. 1, IX, 9).

⁵⁴ *Kitāb at-tanbīh wa'l-ischrāf auctore al-Masūdī*. C. 83.

стологии при сведении воедино различных списков источника в процессе подготовки его критического издания, системной проверки правильности интерпретации сведений источников. Системно-логическую верификацию источниковедческого материала на самом высоком уровне теоретического абстрагирования удобнее проводить с учетом взаимосвязей системных проявлений социальности в отдельных аспектах истории. Однако главное преимущество подхода – в его возможностях критического анализа материала источников на основе системной логики.

Наиболее показательны, на наш взгляд, примеры практического использования метода при анализе исторических источников по истории хазар. Первый из них связан с возможностью выдвижения научных гипотез, основываясь исключительно на системной логике, в том случае, если картина прошлого, основанная на противоречивых фактах, неубедительна. В частности, именно на основе принципов метода системно-логической верификации, использованных для анализа сведений разноязычных источников, было установлено, что в истории хазар необходимо выделить два периода: ранний (до 652/653 г.) и поздний (после 652/653 г.). В свою очередь, этот вывод позволил нам выдвинуть гипотезу о том, что в 640–657 гг. Западнотюркский каганат как государство не распался в результате межплеменных войн и династийной междоусобицы, династия Ашина продолжала править и позже, но в период т.н. арабо-хазарских войн это государство получило название Хазарского каганата. Именно поэтому археологический материал не подтверждает никаких изменений в археологических культурах на этой обширной территории⁵⁵.

Состояние письменных источников по истории хазар таково, что объяснить многочисленные противоречия и логические нестыковки в них без дополнительных свидетельств невозможно даже на основе археологического материала. Метод системно-логической верификации позволил проанализировать в определенной системе весь комплекс прямых и косвенных данных: источниковедческих аспектов темы, результатов сравнительного изучения сведений разнородных источников, включая кросскультурный анализ сасанидских, арабских, византийских и других источников.

Исследователи традиционно объясняли нестыковки сведений источников о хазарах как анахронизмы, ошибки переписчиков, намеренные искажения, поздние вставки. Однако такому мнению противоречит тот факт, что все другие народы, с которыми контактировали хазары, те же самые источники описывают гораздо более определенно. По отношению к хазарам нестыковки источников носят повторяющийся, системный характер. Поэтому их источниковедческий анализ также осуществлялся системно, отдельно в каждом из аспектов истории, для применения межлинейной верификации. Для чистоты анализа ограничимся синхронными источниками, созданными в течение X в., который можно охарактеризовать как период наивысшего могущества Хазарии.

⁵⁵ Подробнее об этом см.: Аликберов А. К. Ранние хазары (до 652/3 г.), тюрки и Хазарский каганат // Хазары: Миф и история / ред.: А. К. Аликберов, Т. М. Калинина, Т. М. Мастюгина, В. В. Наумкин, Е. Э. Носенко-Штейн (ред.-сост.), В. Я. Петрухин (ред.-сост.), В. С. Флёров, Р. Я. Эмануилов. Иерусалим – М.: Гешарим; Мосты культуры, 2010. С. 42–65.

1. В политическом аспекте истории можно рассматривать сообщения источников о существовании у хазар двух каганов, один из них был сильно ограничен в своих действиях. Кроме каганов, у хазар был также царь (*шад*), который правил; Ибн Руста (X в.) связывал титул *шад* с тюрками⁵⁶. Кроме того, ссылаясь на сасанидский источник (предположительно «Кар-намак Ануширван»), Ибн Мискавайх (X в.) упоминает о «четырех подразделениях хазар», «каждое со своим царем» (*sic!*)⁵⁷. В «Армянской географии» VII в. правитель гуннов Алп Илитвер назван царем, а у албанского автора Мовсеса Каланкатуаци (X в.) – вассалом хазарского кагана и его зятем⁵⁸.
2. В этническом аспекте истории выделяется ряд противоречивых вопросов:
 - а) вопрос о происхождении хазар: в анонимной персидской хронике X в. «Худуд ал-'алам» указывается на то, что хазарский каган происходит из рода Ашина (в тексте – *Ansa*)⁵⁹, к которому, как известно, принадлежала династия правителей тюркютов;
 - б) вопрос об этнической принадлежности хазар: один и тот же источник, а именно «Мурудж аз-захаб» ал-Мас'уди (X в.), в одном месте сообщает, что хазары – это тюрки. В другом месте он же пишет о том, что хазары отличаются не только от тюрков, но и от булгар⁶⁰;
 - в) вопрос о языке хазар: Ибн Хаукал (X в.) сообщает, что хазарский язык отличается от тюркского⁶¹, но через несколько страниц того же самого сочинения он пишет о том, что язык булгар подобен языку хазар⁶²; ал-Истахри (X в.) приводит эту информацию в иной редакции: хазарский язык отличается и от тюркского, и от персидского⁶³.
3. В религиозном аспекте истории: ал-Истахри описывает обряд, регламентирующий продолжительность правления хазарского кагана⁶⁴, которого П. Голден считал сакральной главой, вроде высшего религиозного иерарха⁶⁵. Этот обряд идентичен тюркютскому.
4. В правовом аспекте истории: описывая семейно-брачные правила хазар, Ибн Фадлан (X в.) отмечал, что хазарский царь практиковал обычай: «[Еще]

⁵⁶ Kitāb al-a'lāk an-nafīsa auctore Abū Alī Ahmed ibn Omar Ibn Rusteh / ed. M.J. de Goeje. Leiden: E.J. Brill, 1967.

⁵⁷ Подробнее об этом см.: Колесников А. И. Иран в начале VII в. (источники, внутренняя и внешняя политика, вопросы административного деления) / Палестинский сборник. Вып. 22 [85]. Ленинград, 1970. С. 80–81.

⁵⁸ Каланкатуаци Мовсес. История страны Алуанк. С. 128–129.

⁵⁹ Hudūd al-'Ālam. 'The Regions of the World'. P. 161.

⁶⁰ Ал-Мас'уди. Мурудж аз-захаб ва-ма'адин ал-джаухар. Рук. D 175 из коллекции СПбФ ИВ РАН. Л. 49а.

⁶¹ Ibn Haukal. Kitāb sūrat al-ard. Secundum textum et imagines codicis Constantinopolitani edidit J.H. Kramers. Fasc. II. Leyden: E.J. Brill, 1939. P. 393.

⁶² Ibid. P. 396.

⁶³ Kitāb al-masālik auctore al-Istakhri / ed. M. J. de Goeje. Leiden: E.J. Brill, 1970. P. 222.

⁶⁴ Ibid. P. 226.

⁶⁵ Golden, Peter B. Irano – Turcica: The Khazar Sacral Kingship Revisted // Acta Orientalia. 2007. Vol. 60. No. 2. P. 161–194.

обычай царя хазар [тот], что у него двадцать пять жен, [причем] каждая из этих жен – дочь кого-либо из царей, соседствующих с ним, которых он берет себе волей или неволей»⁶⁶. Этот обычай, по сути, также является тюркютским.

Если отдельные факты не вписываются в создаваемую на основе интерпретаций схему исторического события, историки видят в противоречиях и нестыковках источников, как правило, фальсификации или непреднамеренные ошибки, появившиеся *ad libita librarii*⁶⁷. На самом деле, часто в письменных источниках гораздо меньше противоречий, чем это представляется при гиперкритическом, выстроенном на интерпретациях отношении к текстам. Причина некоторых кажущихся нестыковок фактических данных может заключаться в игнорировании исторического контекста, недостаточности перекрестной верификации информации источников, созданных в одни и те же исторические периоды на разных языках и в разных культурах.

Данный пример актуализирует проблему создания корпусов комментированных источников на основе различных критериев, а также – выделим это особо – цифровых процедур их анализа. Корпус сведений о хазарах и тюрках (тюркютах), с комментариями и различием хазар и тюркютов, в принципе позволяет прояснить контекст связанных с ними исторических событий. Однако в полной мере метод системно-логической верификации может быть востребован только в цифровой истории и цифровых гуманитарных науках.

Источниковедческий анализ «Таджариб ал-умам» Ибн Мискавайха дал нам ключ к различению гунно-савилов, аланов и других «подразделений хазар» от тюркютов, создавших Западнотюркский каганат, которые действительно происходят из династии Ашина⁶⁸. Это различие позволило автору выдвинуть на Втором Международном коллоквиуме по хазарам, проходившем в феврале 2002 г. в Москве в рамках IX Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике, рабочую гипотезу о том, что необходимо разделить ранних хазар и поздних, на которых перешло это название. Силой, остановившей продвижение арабов на север, были не столько хазары, охранявшие кавказские горные проходы, сколько западные тюрки, или тюркюты, появившиеся в регионе в VI в., на которых арабо-персидские источники перенесли название хазар. Немаловажно то, что эту гипотезу подтверждает также археологический материал. Археологи действительно не находят особых изменений в материальной культуре на территории двух каганатов – Западнотюркского и Хазарского, хотя, как известно, гуннские захоронения существенно отличаются от тюркютских.

⁶⁶ Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956 / пер. А. П. Ковалевского. Харьков, 1956. С. 147.

⁶⁷ «По произволу переписчика» (лат.).

⁶⁸ The *Tajārib al-umam*, or History of Ibn Miskawayh (Abu 'Alī Ahmad b. Muhammad) ob. A.H. 421. Reproduced in facsimile from the MS at Constantinople in the *Āyā Sūfiyya Library*. With a preface and summary by Leone Caetani. Vol.1. Leyden, 1909. Аликберов А. К. Ранние хазары (до 652/3 г.), тюрки и Хазарский каганат. С. 43–44.

Завоевание арабами Сасанидского Ирана должно было заставить гунно-савилов искать покровительства у тюркютов, особенно после того, как в 32 г. х. (652/653 г.) арабская экспедиция под предводительством 'Абд ар-Рахмана б. Раби'а, сподвижника пророка Мухаммада, и его брата Салмана б. Раби'а ал-Бахили направилась на север, имея целью подчинить себе хазар. Письменные источники также должны были зафиксировать такой союз, имевший большое значение для хазарской истории.

Целенаправленный поиск недостающего звена в логической цепи информации в источниках дал ожидаемый результат: «Та'рих ал-каmil» Ибн ал-Асира (XIII в.) содержит важную информацию о заключении военного союза между хазарами и тюрками (тюркютами) во время первой арабской экспедиции, направленной против хазар. Эта информация подтвердила рабочую гипотезу, которая прежде основывалась только на логических предположениях: «В этом, 32 (652/653) году хазары и тюрки одержали победу над мусульманами. Дело в том, что, когда участились походы против них, хазары стали совещаться и говорить: "Раньше никто не мог противостоять нам, пока не появился этот немногочисленный народ, а теперь мы не можем устоять против него". "Эти люди не подвержены смерти", – говорили некоторые из хазар, ибо никто из них не пострадал во время их походов. Действительно, хотя до этого похода мусульмане совершали еще несколько походов (против хазар), однако никто из них не был убит, и поэтому они (хазары) подумали, что они (мусульмане) не умирают <...>. Тем временем тюрки объединились с хазарами и вступили с мусульманами в кровопролитную войну, в которой был убит 'Абд ар-Рахман <...>»⁶⁹.

Если до 652/653 г. в арабо-мусульманских источниках хазары и тюрки упоминаются раздельно, а хазарами назывались отряды, охранявшие горные проходы в интересах Сасанидов (со второй половины VI в. их основную массу составляли гунно-савиры), то после указанной даты и образования Великой Хазарии названия хазаров и тюрков используются как синонимы: т. е. они упоминаются либо как хазары, либо как тюрки. После неудачи мусульман под Баланджаром арабо-хазарские войны продолжались еще около трех сотен лет, но без особого успеха для обеих сторон: граница между Арабским халифатом и Хазарским каганатом, проходившая в районе севернее Дербента, в этот период практически не сдвигалась.

6.2.3. Области применения метода универсальных языковых эквивалентов

Если логика различения Лумана апеллирует к семантическим сущностям понятий, то метод универсальных языковых эквивалентов предполагает распространение этой логики на все пространство кросскультурных коммуникаций для преодоления границ теорий, национальных историографий, сложившихся тра-

⁶⁹ *Ibn-El-Athiri. Chronicon quod perfectissimum inscribitur. Volumn tertium. Annos H. 21–59 continens, ad fidem codicum Londinensium et Parisinorum. Edidit Carlos Johannes Tornberg. Leiden: E. J. Brill, 1869. P. 102–103.*

диций историописания. Это позволяет взглянуть на предмет изучения со стороны и вникнуть в суть вещей – исторического события или явления, независимо от того, какой язык историописания использует исследователь.

Помимо языка, труднопреодолимую проблему для адекватного и общего объяснения и понимания истории в пространстве кросскультурной коммуникации представляет идеология, точнее идеологические различия в интерпретации исторических фактов. Вопрос о необходимости разделения науки и идеологии ставился не раз: достаточно обратиться к советской концепции партийной науки и бурной дискуссии в СССР в середине XX в.⁷⁰ Суть вопроса с тех пор не сильно изменилась, поскольку одной из важнейших функций исторической науки остается функция воспитания. Задача, требующая своего решения, заключается в процессуальном разделении различных функций истории по времени, для того чтобы история как наука обеспечивала общество максимально достоверной информацией о событиях прошлого и при этом полученные объективные данные выполняли воспитательную функцию. Для получения объективного знания отделение внешней идеологии (но не идеологии исследования) от научного анализа жизненно необходимо.

Третий фактор связан с объективной сложностью традиций историописания, различной степенью многозначности и абстрактности научных понятий в разных науках: если философия как субъективно-предметная наука допускает высокий уровень абстракций, то история как объективно-предметная наука нуждается в более точном и конкретном понятийном аппарате. Многие термины и определения, которыми пользуются историки при изучении общества, государства, религии, например «христианский», «исламский», являются собирательными: они обретают реальный смысл только на самом высоком уровне теоретического обобщения. В реальной жизни важнее оказывается актуальная, приоритетная характеристика, в том числе и конфессиональная: например, в христианстве – католическая, православная, протестантская, еще конкретнее – лютеранская, кальвинистская и др.; в исламе – суннитская или шиитская, суфийская или салафитская и т. д. Еще больше усложняет эту ситуацию исторический опыт взаимодействия культур.

Характерный пример некорректного словоупотребления, с которым российские востоковеды чаще всего имеют дело, – это когда явления и процессы в исламе описываются с помощью христианской терминологии. Применение при изучении исламской проблематики христианских по происхождению понятий «секта», «ересь» и др. по отношению к типологически сходным, но содержательно различным явлениям нивелирует специфику этих явлений в исламе или другой религии, – например, в исламе вследствие особенностей этой религии не может быть ни ереси в христианском понимании, ни сект. Этот аспект проблемы последовательно отстаивает в своих работах С. М. Прозоров⁷¹.

⁷⁰ Касьян А. А. Идеология и наука: дискуссии советских ученых середины XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2008.

⁷¹ Прозоров С. М. Ислам как идеологическая система.

В этих условиях особенно актуальны следующие области приложения кросс-культурного метода универсальных языковых эквивалентов, в рамках которых выстраивается более точная система терминологии, адекватная задачам исследования: 1) проблема конкретизации абстрактных понятий; 2) проблема преодоления полисемантической и неопределенности понятий; 3) проблема замены декларативных понятий категориальными, основанными на четких критериях; 4) проблема искажения понятий из-за их чрезмерной теоретической (концептуальной) нагруженности; 5) проблема национальных, религиозных и иных коннотаций, включая крайне чувствительные для востоковедения темы взаимосвязи европоцентризма и ориентализма, а также проблема крайностей и предубеждений в восточных обществах по поводу европоцентризма и ориентализма.

Проблема конкретизации абстрактных понятий

Большинство собирательных понятий являются исследовательскими конструктами, обозначающие не столько реальные, сколько идентификационные образы, но они необходимы для анализа и обобщения эмпирического материала. В любой из академических дисциплин эти конструкты могут быть образованы на основе различных критериев. Например, в научном познании ислам классифицируется на основе конфессиональной (суннитский ислам, шиитский ислам) и внутриконфессиональной (суфийский ислам) принадлежности, этнической принадлежности (арабский ислам, татарский ислам), страновой (российский ислам, индийский ислам) и региональной (северокавказский ислам) принадлежности, по политическому содержанию (политический ислам, радикальный ислам), по отношению к общественным ценностям, традиции и здравому смыслу (традиционалистский, рационалистический ислам) и т. д.

Когда система опирается на абстрактные понятия, то она и сама становится абстрактной. По мнению Р. Акофа, «система называется абстрактной, если ее элементы являются понятиями. Систему относят к конкретным, если по крайней мере два ее элемента являются объектами»⁷². Кросскультурный метод универсальных языковых эквивалентов уменьшает меру абстрактности понятия посредством уточнения его реального содержания (сути) и этимологии названия (номинатива), предельно конкретизируя информацию из исторического источника на основе наблюдения за совершенно конкретным историческим лицом, через личность которого исследователь изучает ту или иную эпоху. Иначе говоря, в специальном исследовании конфессиональных процессов недостаточно оперировать собирательными названиями высшего порядка вроде мусульман или суннитов, необходимо характеризовать каждого человека в многомерной проекции его множественной и взаимосвязанной идентичности. Связка религии с конкретным местным обществом, политической системой, этническими процессами и культурой выводит анализ совсем на другой уровень, открывая новые горизонты для исследования.

⁷² Акоф Р. Л. Общая теория систем и исследование систем как противоположные концепции науки о системах // Общая теория систем / пер. с англ. В. Я. Алтаева и Э. Л. Наппельбаума. М.: Мир, 1966. С. 66–80.

Проблема полисемантической и неопределенности понятий

Историки прекрасно осознают полисемантическую, недостаточную строгость и однозначность исторических терминов и понятий, которые связаны с многоликостью самой исторической действительности. Речь идет о терминах и понятиях, которые зарождались в разные исторические эпохи, испытывали на себе различные влияния и по этой причине их содержание многозначно.

Часто полисеманτικότητα возникает при переводе сложной терминологии с одного языка на другой. Дж. А. Коэн обратил внимание на то, что за ключевым немецким термином *Produktivkräfte* в марксизме закрепилось значение «производительные силы» (*productive forces*), хотя в теории говорится о «производительных ресурсах» (*productive powers*). Выбор менее точного термина был, очевидно, обусловлен тем, что в своей французской работе Маркс сам перевел его как *forces productives* вместо *pouvoirs productives*⁷³. Ни орудие производства, ни сырье, подчеркивает Коэн, не являются производственными ресурсами. Скорее, у каждого из них есть свой ресурс, который дает им возможность производить или превращаться в продукцию⁷⁴. Различение не очень понятное, если не учитывать разность в потенциалах орудия и сырья в ту или иную сторону. И то, и другое нужно приобрести, но орудие используется многократно (у него неизмеримо больший ресурс, который списывается в виде амортизации), а сырье – только один раз, когда производится товар.

Л. Б. Алаев пришел к выводу о том, что фактически ключевое понятие *Produktivkräfte* в трудах Маркса и Энгельса используется в двух совершенно различных значениях: по отношению к орудиям труда, т. е. технике, что особенно наглядно в обозначении «материальные производительные силы», и к рабочей силе, человеку, которого иногда называют «главной производительной силой»⁷⁵. Однако в логике языка производственные ресурсы включают в себя все природные, технические, организационные, интеллектуальные и научные возможности, включая новейшие технологии, имеющиеся в распоряжении у собственника производства и позволяющие ему производить товар.

В системном анализе стадийного развития систем культуры особенно важно то, что каждой стадии соответствует не только свое понимание культуры, но и собственная система ценностей, которая как раз и определяет это понимание. Оценка культуры, характерной для одной стадии, на основе ценностей другой стадии лишена объективности.

Проблема декларативных понятий

Вопрос о декларативности многих терминов и понятий истории, а также давно назревшая потребность замены их категориальными, приобретает особую

⁷³ Cohen, Gerald A. Karl Marx's Theory of History: A Defence. Expanded edition. Princeton: Princeton Univ. Press, 2000. P. 37.

⁷⁴ Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 149, 196.

⁷⁵ Алаев Л. Б. Основные ошибки Маркса как политэконома // Новейшая история Центральной Азии: проблемы теории и методологии / под ред. А. К. Аликберова, М. А. Рахимова. М.: ИВ РАН, 2018. С. 31–41.

остроту при изучении традиционных восточных (точнее, афроазиатских) обществ, использующих западную по происхождению терминологию. Имеется в виду не совсем точное соответствие исходной семантики понятия реальным названиям, использующимся для обозначения схожих политических и иных структур, институтов, явлений, но не отвечающим необходимым для этого критериям. Иначе говоря, имитация явления отождествляется с самим явлением. Наиболее характерный пример – понятие «республика», которое используется для обозначения различных по содержанию политических субъектов, в том числе тех, которые не обладают хотя бы основными признаками республиканской системы управления. Тот факт, что та или другая страна представляет собой республику, в подавляющем большинстве исследований даже не подвергается сомнению, потому что она 1) сама себя так официально именует; 2) все другие страны так ее называют; 3) эти названия легитимизированы во всех правовых документах как на местном уровне, так и на международном. При этом для одних объектов исследования одно и то же понятие может быть реальным и адекватным (истинным), а для других – совершенно декларативным (неистинным по своей сути).

Обратная сторона этой проблемы – декларативность понятий и обозначений, заимствованных восточными культурами под влиянием Запада. Например, все государства Центральной Азии и Южного Кавказа, кроме Туркменистана, официально именуются республиками. Авторитарная КНДР называет себя «народно-демократической республикой», в то время как демократическая Великобритания – королевством, хотя она представляет собой развитую модель республики с реальным разделением исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти. Таким образом, декларативность понятий – проблема не только Востока, но и Запада. Указание на монархическую сущность Великобритании в ее полном наименовании является не более чем данью традиции, поскольку монархия в ней сохраняется лишь в качестве политической декорации, монарх является лишь политическим символом, номинальным главой Британского содружества. Для получения адекватных научных результатов историческая наука должна изучать реальные, а не формальные сущности, которые когда-то были реальными, выделять доминирующие аспекты социальности, опираться на ведущие, определяющие тенденции в конкретно взятом времени и пространстве.

Проблема преодоления искажений понятий из-за их теоретической нагруженности

В исторической науке традиционно сильно влияние «больших теорий» и связанных с ними концепций истории на ее понятийный аппарат – отчасти потому, что многие термины пришли в историю вместе со своей концептуальной нагрузкой. Например, понятие этноса, введенное в 1923 г. С. М. Широкогоровым, тесно связано с теориями этногенеза. Поэтому часто для переосмысления того или иного понятия приходится начинать с его деконцептуализации.

Обозначения, имеющие вполне определенный, явный или негласный исторический контекст, такие как «верховная власть», «политическая элита», «демократическая форма правления», «гражданское общество», становятся своего рода

«троянскими конями», как только их начинают применять в обобщениях без учета специфики конкретного явления или предмета.

Часто одним и тем же концептуальным термином обозначаются аналогичные, но не тождественные явления истории и культуры. Речь идет даже не о том, устарели или нет определения типа «феодализм» в формационной теории, а также о различных ее версиях и модификациях, а о том, насколько они точны, имея в виду специфику каждого конкретного общества, как, например, разницу между ленными владениями (феодами) в средневековой Европе с одной стороны и похожими институтами *‘икта* и *джагиров* на Востоке – с другой. Для сравнения: *джагирдар* в основном получал право сбора ренты и налога – сам он часто даже не жил на этой территории⁷⁶. Корректно ли отождествлять эти два принципиально разных феномена по некоторым их общим признакам, учитывая большое многообразие даннической практики на Востоке⁷⁷? И в какой степени правомочны описания исторических типов социальной организации с помощью терминов, содержащих современную семантику и потому не вполне учитывающих ее продолжительную социальную историю?

Проблема преодоления национальных, религиозных и иных коннотаций

История с самого начала и до сих пор изучается в рамках определенных научно-исторических школ и направлений, которые, в свою очередь, имеют еще одно разделение в виде национальных историографий. К. Шарль так описывает эту проблему: «Каждая национальная историография обзавелась известным набором концепций, понятий, ключевых слов, тематических и проблемных конструкций, тесно связанных с интеллектуальной жизнью каждой отдельно взятой страны и со злободневными политическими дискуссиями, которые влияют на то, каким именно образом историки изображают историю своей страны. Этот последний фактор особенно важен в тех случаях, когда речь идет о новейшей истории и об истории современности»⁷⁸.

Искажения понятийного аппарата также обусловлены этноцентрическими и религиозными концепциями истории, но, поскольку большинство из них выходят за пределы научной традиции, рассмотрение их в рамках данной работы лишено смысла. Этническая или религиозная мифологизация преодолевается методом системно-логической верификации.

⁷⁶ Ашрафян К. З. Аграрный строй Северной Индии (XIII – середина XVIII в.). М.: Вост. лит., 1965. С. 142–155.

⁷⁷ Ср.: *Misra, Sanghamitra*. *Becoming a Borderland: The Politics of Space and Identity of Colonial Northeastern India*. Delhi: Routledge, 2011. P. 25–26; *Ванина Е. Ю.* «Шах шахов» или «шах Индии»? Территориальность и власть в империи Великих Моголов (XVI – первая половина XVIII в.) // Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность. Геополитическое конструирование и субъектность восприятия обитаемых пространств / отв. ред. А. В. Бочковская. М.: Наука – Вост. лит., 2016. С. 180–182.

⁷⁸ Шарль К. Интеллектуалы во Франции: вторая половина XIX века / пер. с фр.; под ред. С. Л. Козлова. М.: Новое издательство, 2005. С. 20; см. также: *Рябова Л. К.* О методологических проблемах изучения новейшей истории и истории современности. С. 13.

6.3. ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО, ПОЛИТИЧЕСКОГО, ЭТНИЧЕСКОГО И РЕЛИГИОЗНОГО ИЗМЕРЕНИЙ ИСТОРИИ

Многомерное изучение истории имеет огромное практическое значение для понимания современных процессов. Взаимосвязь политического, этнического и религиозного измерений Новой и Новейшей, а также современной истории показана на примере трансформации обществ в Центральной Азии и на Кавказе⁷⁹, а также взаимодействия России со странами Юга, включая Ближний Восток⁸⁰. Концепция российского ислама позволила российским мусульманам очертить границы своих исторических духовных традиций, создав таким образом заслон от деструктивных внешних влияний с претензиями на «истинную» веру.

По нашему глубокому убеждению, программы экономической модернизации, которые реализовывались в постсоветских странах, в том числе в России в 2008–2012 гг., не могли быть реализованы в полной мере, как они изначально задумывались, поскольку были избирательными, выборочными, а не системными и комплексными в методологическом смысле, они не были увязаны с программами общественной и политической модернизации, а между тем все аспекты социальности тесно связаны друг с другом логикой взаимосвязи и взаимозависимости⁸¹. В то же время отказ от «классических» рецептов и моделей развития в пользу адаптивных решений привел к усилению интеграционных процессов на постсоветском пространстве и созданию в 2014 г. Евразийского экономического союза⁸².

Данный раздел исследования посвящен опыту применения многомерного подхода для решения отдельных злободневных исторических проблем, рассматриваемых в рамках важнейших измерений истории: проблема изучения общины – в общественном измерении истории, проблема типологии ранних форм государственных образований – в политическом измерении, проблема нации и нациестроительства – в этническом, наконец, актуальная в настоящее время проблема строительства российской модели ислама – в религиозном измерении истории.

6.3.1. Общественное измерение истории: к проблеме изучения общины

Изучение общины относилось к числу приоритетных направлений советской (шире – марксистской) истории и обществоведения, что было обусловлено той особой ролью, которую община играла в системе коммунистических, общинных

⁷⁹ Alikberov, Alikber, Seifert, Arne C. Religion und Transformation in Zentralasien und Südkaukasus.

⁸⁰ Abashin S., Alikberov A., Naumkin V., Skakov A. The Southern Vector (the Southern Caucasus, Central Asia, the Caspian–Black Sea Region, and the Greater Middle East // Russia in a Polycentric World. Section 3.2. М.: IMEMO RAN, 2015. P. 407–419.

⁸¹ Alikberov, Alikber. The Russian Perspective of Post-Soviet Transformation: Some Dimensions and Problems // Post-Soviet States. Two Decades of Transition & Transformation. Editors Ajay Patnaik and Tulsi-ram. New Delhi, 2012. P. 51–58.

⁸² См.: Alikberov, Alikber. Eurasian Union (EAU) as a Strategic Prospect // Two Decades of Re-emerging Russia: Challenges and Prospects / ed. by Sanjay Deshpande. New Delhi: KW Publishers Pvt Ltd., 2015. P. 11–23.

по своей природе, воззрений. Особенно эта проблема интересовала востоковедов и африканистов (Л. Б. Алаев, Н. А. Бутинов, И. М. Дьяконов, С. Д. Зак, Ю. М. Кобищанов, М. М. Ковалевский, А. А. Куценков, Ю. В. Маретин, А. Л. Рябинин, И. В. Следзевский, В. В. Струве и др.)⁸³, в том числе в рамках дискуссии об Азиатском способе производства. При всем многообразии мнений по данной проблематике их отличал общий методологический подход – классовый, по крайней мере до конца 1980-х гг., когда начали возобладать критические подходы к изучению темы⁸⁴. Особое внимание уделялось установлению типов хозяйствования, в зависимости от которых исследователи выделяли общину доземледельческую (общину собирателей и охотников), земледельческую, кочевую и др. Поиск четких, объективных критериев определения общины традиционно затрагивал широкий круг проблем, начиная от отношений полов в общине (экзогамия, эндогамия, полигамия и др.) и кончая ее внутренней иерархией. Классические западные определения общины делают основной акцент на системе социальных отношений между ее членами, степени изолированности ее от остального мира⁸⁵.

В развитии общины как исторической категории большинство исследователей выделяют родовую (кровнородственную) и соседскую/сельскую (территориальную) общины. В некоторых исследованиях на основе рода выделяются раннеродовая, зрелая родовая и поздняя родовая общины, а «первобытно-соседская» община рассматривается отдельно от соседской общины классового общества. Ю. В. Маретин приводит более дробную градацию типов общины или этапов в ее развитии: раннеродовая, собственно родовая, соседско-родовая, соседско-большесемейная и собственно соседская⁸⁶. В. Р. Кабо, как впоследствии и И. М. Дьяконов, высказал мысль о вероятности существования дородовой общины, отметив, что «известны первобытные доземельные общества, где вообще нет родовой организации, – она или исчезла, или еще не сложилась <...> Ведь прежде чем возникла родовая организация, уже должна была существовать община <...>»⁸⁷. Отсутствие поземельных отношений, однако, не всегда свидетельствует об архаичности общественных отношений, а заключение о родовой организации как

⁸³ Алаев Л. Б. Сельская община в Северной Индии: Основные этапы эволюции. М.: Наука, 1981; Бутинов Н. А. Папуасы Новой Гвинеи (Хозяйство, общественный строй). М.: Наука, 1968. С. 179; Дьяконов И. М. Община на древнем Востоке в работах советских исследователей // Вестник древней истории. 1963. № 1. С. 16–34; Зак С. Д. Методологические проблемы развития сельской поземельной общины // Социальная организация народов Азии и Африки. М.: Наука, 1975. С. 265–272; Ковалевский М. М. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. Ч. 1. М.: тип. Ф. Б. Миллера, 1879; Куценков А. А. Эволюция индийской касты; Маретин Ю. В. Община и ее типы в Индонезии. М.: Наука, 1964; Община в Африке: проблемы типологии / под ред. С. А. Токарева и Ю. М. Кобищанова. М.: Наука, 1978; Следзевский И. В. Земледельческая община в Западной Африке // Община в Африке: проблемы типологии. М.: Наука, 1978. С. 61–132; Струве В. В. Очерки социально-экономической истории древнего Востока. М. – Л.: ОГИЗ – Госсозэкгиз, 1954; и др.

⁸⁴ См.: Алаев Л. Б. Сельская община: «Роман, вставленный в историю». Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе. М.: URSS, 2016.

⁸⁵ Маурер Г. Л. Введение в историю общинного, подворного, сельского и городского устройства и общественной власти / пер. с нем. М.: Наука, 1880.

⁸⁶ См.: Л. Б. Алаев: община в его жизни. С. 164.

⁸⁷ Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986. С. 14.

структуре, появляющейся на определенной стадии развития общины, порождает вопрос: не первобытное ли стадо подразумевается под породовой общиной?

Для характеристики первобытнообщинного строя К. Маркс и Ф. Энгельс использовали наблюдения европейских антропологов над «дикими» (с точки зрения европейца) племенами, жившими в XVIII–XIX вв. Описания Нового времени были перенесены на много тысячелетий вперед (или назад, в зависимости от временной точки отсчета), и все современные им народы, обнаруживавшие признаки архаического общественно-хозяйственного уклада тех племен, автоматически переводились в разряд первобытных. При этом род и родовая община считались формой общественной организации, свойственной развитому первобытнообщинному строю⁸⁸.

Советские исследователи общины в целом разделяли марксистское положение о том, что соседская община является неизбежным явлением и неотъемлемой частью общественной структуры на докапиталистических стадиях развития. Развитие капитализма разлагает ее, приводит к ее исчезновению, поэтому индустриальные общества, в которых родовые отношения в значительной мере ослаблены, противопоставляются традиционным обществам, в которых в гораздо большей степени сохранился общинный уклад жизни.

В крупных городах общины якобы не существует, однако такая постановка вопроса порождает массу поризводных вопросов, особенно когда речь заходит о восточных городах, разделенных на кварталы – *махалла*, а это по сути своей достаточно обособленные друг от друга общины – чаще всего профессиональные. У коренных земледельческих народов на Востоке, в том числе и на Кавказе, исследователи выделяли «восточные общины», а у кочевых народов – «кочевые общины»; в контексте обозначенной темы интересны исследования по семейной, большесемейной и «номовой общине»⁸⁹.

По традиции российские исследователи продолжают называть территориальной только соседскую, сельскую общину, противопоставляя ее, с одной стороны, родовой общине, а с другой – экстратерриториальной городской. Однако общность территории является признаком также и родовой общины. Эти два типа территориальной общины отличаются друг от друга своими основаниями – родовой имеет в своем основании отношения родства и свойства, а соседский – социальные отношения, основанные на принципах общинного права. По мнению В. Кларка, «хотя патрилинейное происхождение – идеологическая основа родовой общины, но более достоверный критерий – резиденция в пределах одной территории»⁹⁰. Поэтому и родовую, и сельскую общины следовало бы объединить в рамках территориальной, а для характеристики социальных общностей общинного типа в крупных городах и мегаполисах выделить городскую (экстратерриториальную) общину.

⁸⁸ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 21. М.: Госполитиздат, 1961. С. 23–178; ср.: Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности / пер. с фр.; изд. стереотип. М.: URSS, 2019.

⁸⁹ Ямпольский З. И. Древняя Албания. III – I вв. до н. э. Баку: Изд-во Акад. наук АзССР, 1962. С. 21.

⁹⁰ Цитируется по изданию: Бутинов Н. А. Папуасы Новой Гвинеи. С. 179.

Определяя сельскую общину как «место сгущения социальных связей, окруженное зоной относительно разреженных социальных связей», Л. Б. Алаев выделил восемь ее характерных признаков, указав на то, что все ее члены должны быть связаны друг с другом взаимными личностными отношениями. По классификации исследователя признаки сельской общины таковы: 1) наличие личных взаимоотношений между ее членами; 2) наличие топографической близости членов общины как локальной группы; 3) способность общины к воспроизводству, физическому и материальному; 4) постоянство существования общины, которое определяется ее самовоспроизводством и воспринимается ее членами как извечность; 5) значительная теснота и интенсивность связей между членами общины; 6) наличие разнообразных производственных, фискальных и иных функций, которые дополняются функцией культурного общения; 7) наличие самоуправления; 8) наличие общей цели – сохранение статус-кво, поддержание традиции и собственных устоев⁹¹. Не менее важную роль общины, если не самую важную, исследователь видит в функции культурного общения. Совокупность выделенных им на северо-индийском материале признаков совершенно точно характеризует общину, но не всякую, а только вполне определенную – соседскую.

Известные классификации и определения родовой и соседской общины фиксируют качественные моменты ее эволюции и трансформации в едином историческом процессе, и в этом смысле они очень ценны. Проблема, однако, состоит в другом. Во-первых, **родовые, соседские или городские, т. е. территориальные или экстратерриториальные общины никогда не существовали и не существуют в чистом виде**. Ни одна родовая община не может быть абсолютно родовой, иначе неизбежен инцест и вырождение. Женщины из других родов до самой смерти сохраняли связь с собственной родней, а также свою родовую идентичность. Восточные города, как правило, не обходились без родовых кварталов (*махалла*), их обитатели фактически жили в условиях территориальной общины. Это означает, что существующие определения общины, отражающие наиболее существенные ее черты и потому пригодные для описаний в рамках классической истории, для многомерного подхода, требующего максимально точного описания коммуникативных связей и отношений каждого члена общины, недостаточно корректны. Во-вторых, подобная дифференциация **не позволяет в полной мере учитывать переходные формы общины**.

В рамках существующих методологических подходов у подобной задачи практически нет решения, и не только из-за отсутствия четко прописанных критериев и необходимых классифицирующих признаков. Каждая община в реальности, по самой своей сути уникальна: она обладает совокупностью особых характеристик, отличающих ее от других общин. Эта уникальность предопределяется неповторимостью каждой индивидуальности, из совокупности которых состоит община. Поэтому для адекватного изучения особенностей частного в единстве целого нужна совершенно иная система координат, другой ракурс, лишенный не только идеологических, но и функциональных ограничений.

⁹¹ Алаев Л. Б. Сельская община в Северной Индии. С. 8–10.

Указанный недостаток отчасти преодолен концепцией **местной общины** (*local community*), которая в полной мере используется сейчас и в отечественной науке. Взяв за основу потребности развития конкретных обществ, исследователи пришли к тому, что членам общины важнее не только и не столько их родовое происхождение, сколько актуальность и полезность социальных связей внутри нее. Местная община характеризуется как группа взаимосвязанных и взаимодействующих друг с другом людей, семей, социальных групп, живущих и работающих в одном и том же месте (*location*). Это может быть любая социальная общность, которая шире семьи: род, сельская община, этнос, вся страна или даже больший регион мира, в котором общие ценности и устремления людей сопряжены с их социальной сплоченностью в пределах единого географического пространства. Чувство солидарности в местной общине базируется на человеческих представлениях о взаимосвязи и взаимозависимости, общей ответственности и общих целях⁹². Такой взгляд на общину в большей степени учитывает намерения ее участников, личную веру, материальные возможности, предпочтения и потребности, риски и другие условия, в том числе и степень их взаимной согласованности в рамках общины.

Взгляд на первичную социальную организацию человека как на местную общину освобождает исследователя от необходимости объединять все ее особенности в одном определении, что дает ему возможность сосредоточиться на изучении самой общины. Но и такой подход не лишен недостатков. Во-первых, потому, что в нем сказывается специфика именно того общества, в котором и зародился этот подход, в данном случае американского – т. е. общества, в котором **самоорганизация**, **самодеятельность** и **самоответственность** образуют совокупность глубоко укорененных ценностей и норм. Если перенести все сказанное о местной общине на Тропическую Африку, например, вряд ли можно приложить концепт местной общины без его существенных корректировок. Иными словами, в различных типологиях и определениях общины неожиданным образом сказывается влияние той общинной традиции, которая характерна для места социализации самого исследователя общины.

Во-вторых, из поля зрения исследователя по-прежнему выпадает множество значимых социальных связей индивида. В крупных родовых объединениях (родовых общинах) или больших селах (соседских общинах) человек не всегда общается со всеми членами местной общины, он не связан с ними всеми личными связями. Более того, он может совершенно не догадываться о существовании многих из них, например престарелых или слишком юных членов. Таким образом, первый и самый важный признак общины, который выделяют исследователи – наличие личных взаимосвязей между всеми ее членами – существует лишь в мелких поселениях, в том числе и разнородных в родовом отношении, да и то не в полной мере, учитывая возрастные характеристики членов общины, например младенцев. В крупных населенных пунктах это условие тем более не соблюдается.

⁹² McMillan, David W.; Chavis, David M. Sense of Community. P. 6; Chavis, David M.; Wandersman A. Sense of Community in the Urban Environment: A Catalyst for Participation and Community Development // American Journal for Community and Psychology. 1990. No. 18. P. 55.

Указанное противоречие обнажает основной недостаток всех существующих определений общины. Исследователи смотрели на общину сверху, отстраненно, как на обезличенный социальный организм, некую объективную данность, имеющую объективные границы и особую специфику. Разнородные (экономические, социальные и др.) связи общины рассматривались только в совокупности, в общей взаимосвязи их друг с другом. Это позволяло объединять под определением общины самые разные типы социальных объединений, в том числе конфессиональные общности и даже коллективы предприятий и организаций, которые, строго говоря, в подавляющем большинстве случаев общинами не являются⁹³.

В природе не существует абсолютно гомогенных общин. С одной стороны, благодаря отношениям свойства, закрепленным институтом брака, а также другим формам внеродовых отношений, члены общины обязательно несут в себе разнобразный генетический материал. С другой стороны, члены любой общины, где бы они не находились, представляют собой разные индивидуальности, обладающие совокупностью различных характеристик. Если смотреть на общину не извне, абстрактно, а как на многомерный социальный организм отдельно взятых *Его*, то в центре внимания в изучении общины окажется не просто человек с его социальными связями и отношениями, как это было до сих пор, а конкретный индивид с его особыми проблемами и заботами, симпатиями и привязанностями, иначе говоря, уникальными свойствами (качествами) личности.

Предлагаемый в данной работе взгляд на общину как на систему наиболее устойчивых коммуникативных связей и отношений конкретного индивида обеспечивает гораздо большую познавательную точность, чем традиционные концепции общины. Дело в том, что многомерный подход принимает во внимание коммуникативные связи всех людей, в том числе и новорожденных, поскольку у них существует невербальная коммуникация с матерью, и безнадежно больных, возможности коммуникации которых сведены к минимуму, вплоть до их физической смерти. Кроме того, информационная история в рамках изучения общины не допускает игнорирования виртуальных, односторонних, интраперсональных и опосредованных, но реальных связей человека. Создавая уникальные для каждого конкретного *Его* информационные модели коммуникативной общины, современные технологии и методы позволяют более эффективно и системно изучать ее внутренние связи и отношения, определяя векторы взаимовлияния, личные приоритеты и предпочтения индивида. В информационной среде можно изучать взаимосвязи одной коммуникативной общины с другими и таким образом выйти на уровень «микроистории глобального» и уровень собственно глобальной истории, не потеряв в ней человека.

⁹³ В качестве исключения, подтверждающего это правило, можно указать на маоистский Китай, в котором коллектив мог выступать и в роли общины – в индустриальных центрах, где соблюдался принцип: человек должен жить непосредственно там, где он работает.

6.3.2. Политическое измерение истории: системно-коммуникационный анализ ранних форм государственных образований

Имплементация принципа иерархической определенности к историческому материалу, определяемая реальными отношениями доминирования (господства) и подчинения, позволяет переосмыслить ряд глубоко укоренившихся в исторической литературе взглядов и мнений. При изучении ранних форм государственных образований классическая наука часто оперирует концептуальными категориями типа «раннефеодальное государство», заимствованными из марксизма, а пост-классическая – как описательными категориями типа «зачаточное государство», «переходное раннее государство», «типичное государство» (Г. Классен, П. Скальник)⁹⁴, «протогосударство», «предгосударство» (Г. Классен, П. ван де Вельде, Дж. Остен и др.)⁹⁵, так и концептуальными – «сословная монархия» (*Ständestaat*), «сеньориальная монархия», «сегментарное государство»⁹⁶. Из этого списка только понятие сегментарного государства как следствие сегментарной дифференциации на самом начальном этапе государствогенеза связано с коммуникативным подходом Лумана⁹⁷.

Отчасти соглашаясь с критикой Э. Саутхолла существующей типологии государств и политических систем⁹⁸ и стремясь при этом уменьшить до приемлемого уровня неопределенность семантического поля абстрактных понятий, многомерный подход исходит исключительно из доминантных (т. е. реальных, а не номинальных) форм коммуникативных связей и их отношений, в том числе используя концептуальные схемы Лумана. При таком подходе в качестве монархий можно признавать лишь те политические системы, в которых власть монарха является доминантной, преобладающей над всеми другими формами политического доминирования в рамках определенной политической системы, а это только абсолютная монархия. Все предшествовавшие ей формы монархии («раннефеодальные», «сословные», «сеньориальные» и др.) подпадают под категорию территориального государства. Идентичность человека в таких государствах была тесно связана с его родной «землей».

Многомерный анализ феномена территориального (в смысле «земского») государства (англ. *Territorial State*, нем. *Territorialstaat*), который изначально восходит к племенной территории – «земле» (*Terra*), которая со временем становится раннегосударственным образованием – владением, учитывает доминантные формы политических (по сути – тоже коммуникативных) связей и отношений

⁹⁴ Claessen, Henri J. M.; Skalnik, Petr. The Early State: Theories and Hypotheses // The Early State / ed. by Henri J. M. Claessen and Peter Skalnik. The Hague: Mouton, 1978. P. 22–23.

⁹⁵ Подробнее об этом см.: Early State Dynamics / ed. by Henri J. M. Claessen and P. van de Velde. Leiden: E. J. Brill, 1987; Ideology and the Formation of Early States / ed. by Henri J. M. Claessen and J. G. Oosten. Leiden: E. J. Brill, 1996.

⁹⁶ Southall, Aidan. The Segmentary State in Africa and Asia. P. 52–82.

⁹⁷ Луман Н. Дифференциация. С. 27–28.

⁹⁸ Southall, Aidan. A Critique of the Typology of States and Political Systems. P. 112–140.

для каждого *Его*, жившего в конкретное время и в конкретной местности. В качестве важнейших источников исследования данной проблемы выступают правовые документы, регулирующие «жизненный мир» человека того времени – местные правовые установления, в том числе т. н. «земское право» (ср. *Landrecht*).

На основе эмпирического материала по истории Востока (Месопотамии, Сасанидского Ирана, Арабского халифата, средневекового Кавказа, Золотой Орды, империи Великих Моголов и др.), Запада (Древней Греции, Римской империи, европейского Средневековья и Нового времени) и России (Древней Руси и Российской империи) была выявлена тесная этимологическая связь между понятиями «земля» и «страна», которая обнаруживает свои эквивалентные значения в разных культурах (*стан, остан, улус, land* и др.).

Исследуя исторические события и явления с точки зрения конкретного человека того времени, субъекта действия в истории, «землю», или территориальное государство, можно рассматривать как особую, пусть и разнородную в структурном и функциональном отношении форму политической организации, которая предшествовала классической монархии. Государствогенез, который Луман предлагает изучать на основе концептуальной схемы *центр/периферия*⁹⁹, осуществлялся разными путями, прежде всего из союзов общин и союзов волостей, и не обязательно города-государства развивались в более крупное государство, скорее они становились ядрами его нуклеарной системы, важнейшими узлами общественно-политических, социально-экономических и культурных коммуникаций, центрами притяжения для населения окрестных территорий. Луман выделяет крупные населенные пункты (города) в качестве центров своей округи, а затем – множество таких центров с их перифериями¹⁰⁰.

Дифференциация на *центр* и *периферию* начинается с формирования **союзов общин**, в которых, как объясняет М. Ф. Владимирский-Буданов, «старшая община правит другими общинами»: это начало земского, или территориального государства¹⁰¹, которое еще находится на стадии формирования племенного образования. «Союзы общин» М. Ф. Владимирского-Буданова можно сопоставить с северокавказскими «вольными обществами», которые представляли собой союз двух и более родовых или сельских общин, тяготеющих к наиболее крупному в своей округе населенному пункту, на основе обычного права его общины. На следующем этапе дифференциации эти союзы общин трансформировались в союзы вольных обществ и далее – в более широкие территориальные объединения. Например, в Южном Дагестане, на территории исторического Лакза, сельская община селения Ахты по принципу клиентелизма покровительствовала ближайшим к нему поселениям. Как результат этого покровительства в начале XVII в. появился классический союз сельских общин Ахты-пара, включавший в себя десяток поселений¹⁰².

⁹⁹ Луман Н. Дифференциация. С. 79.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права / 6-е изд. СПб. – Киев: Лито-тип. Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1909. С. 285.

¹⁰² Памятная книжка Дагестанской области / сост. Е. И. Козубский. Темир-Хан-Шура: Русская типография В. М. Сорокина, 1895. С. 280–283.

В свою очередь, «вольное общество» Ахты-пара вместе с другими подобными ему «вольными обществами» Алты-парой, Докуз-парой и Рутулом на следующем этапе политогенеза сформировало более широкий союз – Самурские вольные общества, которые включали в себя Ахты-пару, Алты-пару, Докуз-пару, Рутул, Мискинджу, но объединенные территориально (географически) – долиной реки Самур и общей дорогой. Это было уже территориальное образование, в том смысле, что оно включало в себя территорию расселения трех разных народов – лезгин, рутулов и цахуров. М. Ф. Владимирский-Буданов называет такие образования «земским» государством.

В 1728 г. Иоганн Гербер описывал Самурские вольные общества как союз уездов: «Из сих пяти уездов каждой состоит в нескольких деревнях, которые все между горами, несколько вместе, а несколько между долинами разсыпно лежат <...> Хотя всякая деревня своего старшину имеет, которые территориально вместе содержатся, однакож обыватели оным мало послушны бывают, ибо всяк сам собою господином <...> Сии пять уездов крепко заедино стоят, и что одному учинится, то и другие так, как себе учинено почитают»¹⁰³. В Древней Руси уездом называлась округа крупного города или тяготевавшая к городу группа волостей: согласно энциклопедии Брокгауза и Ефрона, уезд – это «совокупность всех волостей, прилегающая к известному пункту – городу или селу» (ср. с коннотацией названия «волость», от которого произошло русское слово «власть»)¹⁰⁴.

На определенной стадии развития «земские» государства появлялись во всех уголках мира, а не только в средневековой Европе, в каждом регионе этот процесс имел свою хронологию. Мы подразумеваем под территориальным государством не столько княжества (удельные владения, вотчины), сколько именно «земскую» политику: на одной «земле» могло быть несколько крупных и самостоятельных городов или отдельных владений, где правили разные князья.

В процессе развития союзов сельских обществ во главе с главным населенным пунктом и возникает понятие политической власти, а также понятие общества (не случайно сельская община на Руси называлась «общество» и «мир»). На Руси вместе с волостями часто упоминаются и *станы*: первые отличались общинным устройством, а вторые – более крупной единицей, объединявшей разные волости. Наиболее распространенная точка зрения объясняет этимологию слова *стан* как остановку в пути следования князя в определенных местах, которые впоследствии становились местопребыванием его наместника, центрами уезда или даже княжества¹⁰⁵. Здесь фиксируется переход к лумановской **стратификационной дифференциации**. Выделение аристократии связано с расширением владений города-государства за счет территориальных завоеваний. Этот процесс хорошо задокумен-

¹⁰³ Гербер И. Г. Известия о находящихся на западном берегу Каспийского моря, между Астраханью и рекою Кура народах и землях и об их состоянии в 1728 году // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы / под ред. М. О. Косвена, Х.-М. Хашаева. М.: Вост. лит., 1958. С. 77–78.

¹⁰⁴ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Санкт-Петербург, 1890–1907. Т. 34. 1902. С. 650.

¹⁰⁵ Аверьянов К. А. Московские станы и волости XIV–XVI вв. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987. М., 1989. С. 114–122.

тирован не только в истории Древней Греции, но и в Месопотамии. Один из разделов многотомной «Истории Востока», написанный И. М. Дьяконовым, так и называется: «Переход к территориальному государству в Месопотамии»¹⁰⁶.

Ядром нуклеарной структуры формирования территориального государства становился город-государство. О территориальном (земельном) характере военной агрессии, исходящей из греческих полисов, писали Геродот (I. 66), Павсаний (III. 3.1–2, 3.5, 7.3, 7.5–6) и Страбон (VIII. 4.4, 5.4). Наиболее ярко императив завоевания и подчинения себе прилегающих земель выражен в образе аристократической Спарты. Субъектами территориальной экспансии Спарты становился не только царь, но и лакедемоняне, спартанцы (спартиаты), дорийцы. Как отмечает А. В. Зайков, расширение влияния полиса имело следствием доризации общин в соседних со Спартой территориях, например в Лаконике¹⁰⁷. Одной из важнейших функций спартанского полиса «в архаическую эпоху было осуществление перманентной территориальной экспансии по отношению к соседям»¹⁰⁸.

Расширение сферы влияния города-государства на новые территории сопровождалось распространением на эти территории закона этого города-государства, изначально общинного, характеризовавшегося «полисной замкнутостью, архаичностью, неразвитостью и сакральным характером основных институтов», по крайней мере для древнейшего периода римского права (VI – сер. III в. до н. э.)¹⁰⁹. Римская республика распространила римское право (первоначально – закон города Рим) сначала на Италию, затем на завоеванные территории за пределами Италии. Римское гражданство (лат. *Civitas Romana*), дававшее высший социальный и юридический статус римской античности, долгое время распространялось только на жителей Рима, независимо от их социального положения, т. е. принадлежности к патрициям или плебеям. Только римляне имели возможность пользоваться всей полнотой юридических прав, предоставляемых римским гражданским законодательством, которое оставалось совокупностью вложенных друг в друга правовых установлений городской общины. Разделение на социальные классы (квириты, т. е. собственно *Civitas Romana*; латиняне – жители итальянских территорий, завоеванных римлянами; перегрины – неграждане, жители колоний; детиции, «сдавшиеся», жители покоренных племен, управлявшихся напрямую наместниками) также было связано с различиями в юридическом статусе человека. Для нас важно, что римского гражданства можно было лишиться, переехав на территорию, где вместо римского действовало латинское право. Таким образом, понятие римского гражданства было связано, с одной стороны, с Римом как городом, а с другой – с определенной территорией и законом, действовавшим на этой территории.

Вероятно, союзы городов можно считать переходным этапом между племенной политией и территориальным государством, как, например, Ахейский союз,

¹⁰⁶ Дьяконов И. М. Переход к территориальному государству в Месопотамии // История Востока: В 6 т. Т. 1. Восток в древности / под ред. В. А. Якобсона. М.: Вост. лит., 2000. С. 57–66.

¹⁰⁷ Зайков А. В. Общество древней Спарты. С. 30.

¹⁰⁸ Там же. С. 37.

¹⁰⁹ История государства и права зарубежных стран: учебник для вузов. В 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. О. А. Жидкова и Н. А. Крашенинниковой. 2-е изд. М.: Норма, 2004. С. 199.

который С. К. Сизов назвал «древнегреческим федеративным государством»¹¹⁰. Ахейский союз возник на отдельной территории (полуострове Пелопоннес) на основе возрождения племенного союза ахейских городов в 279 г до н. э. и просуществовал вплоть до его римского завоевания в 146 г. до н. э. Возникший в XII в. Ганзейский союз, хотя формально он и был союзом городов, фактически же с самого начала представлял собой торговую лигу (ср. *Liga Hanseatica*), союз купеческих гильдий и товариществ («Готландское товарищество» и др.), и только в конце XIII в. стал «Ганзой городов»¹¹¹. Несмотря на то что ганзейские города создали собственную правовую систему и даже армии для взаимной защиты и помощи, убежден М. Хансон, эта «организация не была государством и не могла быть названа конфедерацией городов-государств; только очень небольшое число городов в пределах лиги пользовались автономией и свободами, сопоставимыми со свободами вольного имперского города»¹¹². Информационно-коммуникационный подход, выделяющий различные формы политической коммуникации, позволяет рассматривать Ганзейский союз как особую форму организации территориального государства, так же, как и отдельные «свободные города» на территории Священной Римской империи – в качестве поздних форм политики городов-государств, поскольку их существование определялось непосредственной и безусловной преданностью императору и при этом де-факто политической самостоятельностью.

Пока не совсем ясно, можно ли отнести к переходной форме политики полюдь, которое нашло свое теоретическое обоснование в трудах Ю. М. Кобищанова¹¹³, или это все еще племенная полития. Красочное описание полюдья на Руси в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей» относится к середине X в.: «Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты (князья) выходят со всеми росами из Киава и отправляются в полюдия, что именуется «кружением» (круговой обход), а именно в Славинии вервианов (древлян), другувитов (дреговичей), кривичей, северян и прочих славян, которые являются пактиотами (данниками) росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киав»¹¹⁴. Здесь племенные территории еще не обозначены как земли, хотя в некоторых переводах Славиния переводится по смыслу как славянские земли.

Территориальные государства – это первые крупные государственные образования, которые в современной научной литературе чаще всего маркируются определением «раннефеодальных монархий»; в эту категорию также включаются

¹¹⁰ Сизов С. К. Ахейский союз. История древнегреческого федеративного государства (281–221 гг. до н. э.). М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1989.

¹¹¹ Сокин А. А. Ганзейский союз в отечественной историографии (постановка проблемы) // Якуб А. В., Корзун В. П. Исторический ежегодник. 2005: сборник статей / ред. колл. Омск: Омский гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского, 2006. С. 58–63.

¹¹² Hansen, Mogens H. A Comparative Study of Thirty City-State Cultures: an Investigation. Royal Danish Academy of Sciences & Letters: Copenhagen Polis Centre, 2000. P. 305.

¹¹³ Кобищанов Ю. М. Полюдь: Явление отечественной и всемирной истории.

¹¹⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: Наука, 1991. С. 51.

и многочисленные государства-поместья Западной Европы, отличавшиеся крайней степенью экономической и политической децентрализации, которые в IX–XIII вв. приняли форму «сеньориальной монархии»¹¹⁵. В периодизации типов монархии соединение воедино различных типов политической организации только на основе общего внешнего, иногда формальных признаков – наличие монарха во главе и аристократической системы политической организации – не совсем оправданно. Так, Перри Андерсон убежден, что средневековый монарх «представлял собой сочетание феодального сюзерена и помазанного короля»¹¹⁶. Однако отнюдь не формальной системой подчинения и сбором налогов определяется доминирующая политика для каждого *Его*, жившего в конкретное время и в конкретной местности, а реальной, фактической. Историки признают, что «в IX–XII вв. в условиях политической децентрализации, приведшей к глубокой территориальной раздробленности, королевская власть утратила свое бывшее значение. Король рассматривался феодалами как «первый среди равных» (*primus inter pares*). Фактически власть короля распространялась лишь на территорию его домена, но и там ему приходилось вести упорную борьбу с непокорными вассалами. Вне пределов королевского домена власть принадлежала крупным землевладельцам (герцогам Бургундии и Нормандии, графам Фландрии, Тулузы, Шампани и др.)»¹¹⁷.

В какой степени территориальные государства «раннего и развитого феодализма» можно назвать монархиями – «раннефеодальными» или, в немарксистских классификациях, «сеньориальными», если власть монарха была номинальной, а реальная политическая, экономическая и правовая власть была сосредоточена в территориальных образованиях? И в какой степени можно назвать феодальными абсолютистские монархии XVI–XVII вв., когда власть феодалов в них была сведена к минимуму и все вопросы решал монарх единолично?

Эту проблему надежно решает многомерный подход: «жизненный мир» *Его* как система социальных (по сути – коммуникативных) связей и отношений средневекового человека, жившего на территории своей «земли», ограничивался этой территорией. В системе коммуникативных связей *Его* актуальны его отношения с сеньором, местным князьком, а не с монархом. Тем более что в феодальной (ленной) системе отношений существовала строгая политическая иерархия и господствовал принцип «Вассал моего вассала – не мой вассал».

Мы ставим на первый план самый актуальный, объективно наиболее доминантный тип политических связей и отношений и подчиняем ему все остальные. Такой подход требует отделять монархии с сильной центральной властью (абсолютизм) от предшествовавших им «сеньориальных» и других территориальных (т. е. «земских») образований, которые по своей сути также являются ранними государствами, хотя и с ограниченным суверенитетом (княжества, герцогства, графства и др.). В определенный исторический период времени разрозненные раннегосудар-

¹¹⁵ История государства и права зарубежных стран. С. 246–247.

¹¹⁶ Андерсон П. Родословная абсолютистского государства / пер. с англ. Ивана Курилы. М.: ИД «Территория будущего», 2010. С. 41.

¹¹⁷ Там же. С. 287.

ственные (по сути территориальные) образования образуют общее государство, когда центр тяжести реальной власти переходит из рук множества местных правителей к монарху, который становится полновластным правителем всех земель.

В Европе классические «территориальные государства» появляются как результат завоевательных походов норманнов в Западную и Восточную Европу в IX–X вв., и особенно – с началом Крестовых походов на рубеже XI–XII вв. и более поздними религиозными войнами. К концу X в., когда норманны создали на севере Франции герцогство Нормандия, страна была практически полностью раздроблена на два десятка графств и герцогств, а королевская власть была чисто номинальной. В 1071–1078 гг. норманны завоевали Апулию, Калабрию, Сицилию, Амальфи, Салерно на территории Италии и образовали герцогство Апулия и Калабрия и графство Сицилия. В 1130 г. они объединились в составе королевства Сицилия. Папская Область также включала в себя ряд герцогств (Беневенто, Сполето)¹¹⁸. Италия знала и другие формы территориальных государств, в том числе княжества, графства, герцогства, маркизаты и марки, предусматривавшие право чеканить собственную валюту. При этом на севере и в центральной части Италии сохранялись города-государства (Флоренция, Милан, Венеция), которые активно воевали между собой. В Европе существовали и другие формы политики, в том числе религиозные, например епископаты, которые по своей сути также были территориальными государствами¹¹⁹.

Период т. н. «феодалной раздробленности» Франции завершился лишь во второй половине XV в., во времена Людовика XI (1461–1483), превратившего страну в абсолютную монархию. Англия прошла через стадию централизованной сеньориальной монархии в XI–XII вв., а в XIII в. вступила в период гражданских войн за ограничение королевской власти. Абсолютная монархия в Англии установилась только в XVI в. В. Н. Ерохин датирует становление английской нации в пределах XVI–XVII вв., когда произошел разрыв церковно-административных связей страны с римско-католической церковью и начался процесс формирования национальной церкви¹²⁰. Р. Джонс доказывает, что для объяснения процессов усиления централизованной власти (распространения английской системы управления на Уэльс, Шотландию и др.) необходимо изучать взаимодействие системы государственных акторов и территориального государственного аппарата, государственных образований и системы территорий; не меньшее значение имеет и территориальная идентичность, сохраняющаяся и поныне¹²¹.

В рамках многомерного подхода относительно самостоятельные имперские города, в которых доминировала не власть верховного правителя империи

¹¹⁸ Страны и народы. Научно-популярное географо-этнографическое издание в 20 томах / редкол.: В. П. Максаковский, С. А. Токарев. М.: Мысль, 1983. С. 152–224.

¹¹⁹ Lennarz, Albert. Der Territorialstaat des Erzbischofs von Trier um 1220 nach dem Liber annalium iurium archiepiscopi et ecclesie Trevirensis: erster Theil. Universitäts-Buchdruckerei von Carl Georgi, 1900.

¹²⁰ Ерохин В. Н. Становление нации. Религиозно-политическая история Англии XVI – первой половины XVII в. в современной британской исторической науке. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.

¹²¹ Jones, Rhys. People / States / Territories: The Political Geographies of British State Transformation. Oxford: Blackwell Publishers, 2007.

(кагана, шаханшаха, халифа, хана), а местная княжеская власть (города-«княжества» на территории Халифата, например, Баб ал-абваб во главе с *амиром*), следует рассматривать, прежде всего, в качестве поздних форм городов-государств, поскольку их существование определялось непосредственной и безусловной преданностью верховной власти лишь номинально, де-факто они обладали политической самостоятельностью.

Империя, если она по типу своей политической организации не являлась абсолютистской монархией, представляется в кросскультурном информационно-коммуникационном анализе как централизованная система взаимодействия различных территориальных политий, но никак не доминировавшая полития. Вслед за Луманом, развитие империй можно объяснить, как «возрастание сложности коммуникации»: «Возникновение форм территориальной дифференциации» объективно ведет к «контролю над процессами по ту сторону границ, т. е. к тенденции расширения территориального господства»¹²². Почти все древние и средневековые империи, прежде всего кочевые, уступали роль главенствующего источника политической силы лидерам («вождям») местных территориальных образований, которые, по сути, и олицетворяли для местного населения реальную власть.

Актуализация «земской» политики в пределах империи происходила при ее политической децентрализации, а имперской – при ослаблении роли местных правителей и полном подчинении их центральной власти. Этот принцип взаимодействия территориальной власти с имперским центром, похоже, был общим для различных эпох и разных регионов мира.

Иерархия власти для исторического *Ego*, жившего в конкретное время и в конкретной местности, определялась не формальной системой подчинения и сбором налогов в той или иной местности, а реальной властью и ее правом, определявшим принципы и нормы поведения людей на данной территории. «Жизненный мир» *Ego* как система социальных (по сути – коммуникативных) связей и отношений средневекового человека, жившего на территории своей «земли», ограничивался этой территорией. В системе коммуникативных связей *Ego* актуальны его отношения с сеньором, местным князьком, а не с верховным правителем. Поэтому, например, житель любой русской «земли», входившей в состав Золотой Орды, в случае необходимости обращался с челобитной не к золотоордынскому хану, а непосредственно к своему князю.

Жизнь конкретного человека, жившего в территориальном государстве, на «земле», регламентировалась местными правовыми обычаями, «**земским** правом», которое нашло свое отражение в «княжых зеркалах» (*Mirrors for Princes*). Как показывает кросскультурный метод, подобный жанр существовал и в восточных культурах, например в древнеперсидской и средневековой арабо-мусульманской¹²³. Самым известным памятником жанра «княжых зеркал» в исламском

¹²² Луман Н. Дифференциация. С. 87.

¹²³ Светильник благонравия, или как обрести похвальные нравы и избавиться от порицаемых. Практические советы, почерпнутые в средневековых арабо-исламских «княжых зеркалах» / сост., введ., пер. и коммент. А. А. Игнатенко // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. 1991 / общ. ред. А. А. Гусейнова. М.: Республика, 1992. С. 98–111.

мире исследователи считают «Шах-наме» Фирдоуси, составленный в X в. по заказу представителей династии Бувайхидов¹²⁴, отчасти это сочинение и его многочисленные репликации и подражания перекликаются с жанром сасанидской литературы «Кар-намак», описывающим деяния конкретных шаханшахов («царя царей», букв. «шах шахов») Ирана, которому подчинялись многие правители (в сасанидской номенклатуре – *шахи*) на территории империи, в том числе на Кавказе. В VI в., когда Ануширван легитимизировал власть местных правителей в общей иерархии сасанидского управления, Армения, Грузия и Кавказская Албания (Арран), управлявшиеся местными династиями Аршакидов, имевшими парфянские корни, не были включены в состав Сасанидского государства, как, например, владения правителей (шахов) Луристана, Гилана, Кирмана, Джурджана и др.

В Сасанидском Иране административные области также называются استان *ostān* «земля», «страна», «государство» (ср. Белуджистан «страна белуджей», Луристан «страна луров», Курдистан «страна курдов», Хузестан «страна хузов» и др.). Первоначально территориальное «государство» со своим народом, языком, а иногда и письменностью, остан в настоящее время используется как обозначение провинции, поскольку местные территориальные образования стали частью единого государства. Останы делятся на *шахрастаны* (شهرستان), на административные единицы во главе с центральным городом (شهر *шахр*), что совершенно ясно указывает на соотношение города-государства и территориального государства, а также их иерархию. Обозначение *шахрастан* служит наглядной смычкой между городом-государством, территориальным государством «земского» типа и административной областью империи или государства современного типа, которые сами также являются территориальными политическими образованиями, и это явление достаточно универсальное. В свою очередь, иранские *шахрастаны* делятся на районы (بخش *бахши*) – а это, как правило, уровень «вольных обществ» и их союзов. Подобную иерархию мы наблюдаем не только в Иране, но и на Кавказе, на который также распространяется это деление, в том числе и в иранской картине мира, ср.: Армения /Арменистан (Восточная Армения), Грузия/Гурджистан (Восточная Грузия) и др. Сегодня Дагестан, Башкортостан, Татарстан и еще 19 «этнических» территорий с «титულными» народами стали субъектами Российской Федерации, но с особым республиканским статусом, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан в настоящее время – независимые государства.

Исторически доминировавший тип политических отношений в восточных обществах фиксирует, как правило, титулатура правителей. В трактате «Наме-и Тансар», составленном на среднеперсидском языке между 557–570 гг. и сохранившемся в переработанной форме в сочинении «Та'рих Табаристан» Ибн Исфандийара (XIII в.), отдельно упоминаются вассальные «цари народов», сравнительно более самостоятельные «цари пограничной области» (т. е. Кавказа), а также «царь царей» (*шаханшах*) как их верховный сюзерен.

¹²⁴ Askari, Nasrin. The Medieval Reception of the Shāhnāma as a Mirror for Princes / Studies in Persian Cultural History. Leiden: E. J. Brill, 2016.

Средневековые арабо-мусульманские источники довольно точно различали различные области Халифата, которые были провинциями бывшего Сасанидского Ирана, с одной стороны, и отдельные страны и города-государства (*балад*) на Северо-Восточном Кавказе: «*амал ал-Джибал*», «*амал Табаристан*», но «*балад ал-Баб*», «*балад Табарсаран*», «*балад ал-Лакз*» и др.¹²⁵. За общим обозначением *балад* арабских источников XI–XVIII вв. стояли местные формы «земской» политики: не только фактический город-государство Баб ал-абваб, который назывался *амират* (причем наследного *амира* жители ал-Баба могли сместить в пользу других членов правящей династии), но и бывшие «шахства» (например, Лакз как владение хирсан-шаха), а также более поздние формы политической организации, как уникальные (шамхальство, уцмийство, майсумство, владение кадиев, имамат Шамиля и др.), так и широко распространенные на Востоке (ханства, султанаты, бекства и др.)¹²⁶.

Различия между «землей» и удельными владениями на ней можно показать на примере средневековых политических образований на Кавказе. Так, после арабского завоевания Восточного Кавказа в VII–VIII вв. равнинная часть Лакза вместе с его столицей Билистаном оказалась в составе Халифата. Правитель Лакза, некий Арбис б. Басбас, предки которого во времена Хосрова I Ануширвана получили статус шахов (и титул хирсан-шах), бежал в горы. Очевидно, ослабление центральной власти обусловило ускорение процессов дивергенции лезгинских языков и образование местных политий в границах отдельных лезгинских народностей: в XII в. Йакут ал-Хамави пишет уже о «царях Лакза» (*мулук ал-Лакз*)¹²⁷. С другой стороны, когда эти «цари» обращались к кому-нибудь за пределами Лакза, они неизменно выступали от имени всей земли – Лакза, а не отдельных владений на этой территории (см. переписку Мас'уда б. Намдара, секретаря ширван-шаха Фарибурза, к лакзам и гумикам)¹²⁸. Специфика горской политики – тема особая, требующая отдельного рассмотрения, но именно раскрытие этой темы позволит глубже понять механизмы различных по характеру социальных взаимодействий на определенном этапе исторического развития.

Что касается Арабского халифата, то вплоть до сельджукских завоеваний большая часть кавказских «земель» (Ширван, Арран) и городов-государств (Баб ал-абваб и др.), вместе с небольшими удельными владениями сохраняли свою независимость. Сельджукская империя тоже просуществовала сравнительно недолго: после смерти Санджара б. Мухаммада в середине XII в. она распалась на множество территориальных владений, просуществовавших до XIV в.

Если рассматривать кавказские политии в рамках феодальной концепции истории, то никаких феодалов на Кавказе мы, конечно, не обнаружим. Известны

¹²⁵ Мас'уд б. Намдар. Сборник рассказов, писем и стихов. Факсимиле текста / предисл. и указ. В. М. Бейлиса. М., 1970. Л. 1226, 2196.

¹²⁶ Для описания поселений в Коране зафиксировано три термина: *мадина* (собственно город), *кайа* (село) и *балад*, значение которого, как пишет О. Г. Большаков, не совсем ясно, см.: Большаков О. Г. Средневековый город Ближнего Востока, VII–XII вв. С. 48.

¹²⁷ Yacut's geographisches Wörterbuch aus den Handschriften zu Berlin, St. Petersburg und Paris (in Arabic and German) / ed. Ferdinand Wüstenfeld. Vol. 21. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1866. S. 405.

¹²⁸ Мас'уд б. Намдар. Сборник рассказов, писем и стихов. Л. 1216–124а.

случаи 'икта, но очень редкие и не повсеместные: так, гулам Сельджукидов Саутегин получил в свое владение Дербент, когда он отвоевал его у Хашимидов в 468/1075 г. и приказал читать хутбу от имени сельджукского султана и своего имени¹²⁹. Зато территориальные государства «земского» типа были распространены повсеместно.

Актуализация «земской» политики в пределах империи происходила при ее политической децентрализации, а имперской – при ослаблении роли местных правителей и полном подчинении их центральной власти. Этот принцип взаимодействия территориальной власти с имперским центром, похоже, был общим для разных регионов мира. В империи Великих Моголов территориальные образования часто брали верх над центральной властью. Так, Е. Ю. Ванина ставит вопрос о «шахе шахов» или «шахе Индии» применительно к империи Великих Моголов, в которой часто территориальные образования брали верх над центральной властью, возвращая себе реальную политическую власть на своей территории, и в качестве ответа приводит слова французского путешественника Ф. Бернье, жившего в Индии в 1656–1668 гг.: «Империя Великого Могола включает несколько наций, над коими он не является абсолютным владыкой. Большинство из них сохраняют своих особых вождей или суверенов, которые подчиняются Моголу и платят дань ему по принуждению»¹³⁰. Поэтому Е. Ю. Ванина совершенно справедливо ставит вопрос: кем был могольский император, носивший титул *шаханшах* (букв.: «Шах шахов») и *джахангир* («Повелитель вселенной»). И приходит к обоснованному выводу: он «скорее был *шаханшахом*, царем царей, чем *шахом* Индии»¹³¹.

Анализируя различия в статусе великих и удельных княжеств Руси, историки спорят о том, что представляли собой все русские земли в монгольском государстве – составляли ли они отдельный улус Золотой Орды или это были разные улусы (букв.: «земли») ¹³². В информационно-коммуникационном анализе достаточно того, что *Яса* (или *Ясса*), «закон великой власти» Чингисхана, который после его смерти постоянно обновлялся, распространялся только на золотоордынские владения, в которых обитали сами монголы, но не на русские земли. Согласно этому закону, монголы должны были сохранять кочевой образ жизни, а степное право не могло распространяться на города¹³³. Это универсальное явление, когда правовые установления городов и подвластных им «земель» продолжали определять жизнь местного населения и после их включения (как правило, в результате

¹²⁹ Minorsky V. A History of Sharvan and Darband in the 10th – 11th centuries. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1958, § 46 (прилож. на араб. яз.); Аликберов А. К. Эпоха классического ислама на Кавказе. С. 227.

¹³⁰ Ванина Е. Ю. «Шах шахов» или «шах Индии»? Территориальность и власть в империи Великих Моголов (XVI – первая половина XVIII в.). С. 182.

¹³¹ Там же.

¹³² Подробнее об этом см.: Аликберов А. К. «Земля» как территориальное государство: кросскультурный анализ ранних форм государственных образований. // Восток (Oriens). 2019. № 1. С. 24–38.

¹³³ Ayalon, David. The Great Yasa of Chingiz Khan: a Re-Examination // Studia Islamica. 1971. Vol. 33. P. 97–140.

завоеваний) в состав империй, позволяет в корне пересматривать политическую карту древности и средневековья, заставляя обращать больше внимания на автономные, фактически самостоятельные политические системы на территориях гораздо более обширных государственных образований имперского типа.

Иначе говоря, если историк пытается объективно воссоздать историческую реальность, он должен опираться на реальные отношения господства и подчинения в изучаемом обществе, систему реальной власти, ее идеологию, политическую иерархию, политические, экономические и иные коммуникации конкретных людей той эпохи, с учетом действовавших в данном конкретном обществе принципов и норм права, а также восприятия образа власти и границ общества со стороны члена этого общества. И тогда многие эмоционально окрашенные, но не вполне корректные и не вполне содержательно точные исследовательские конструкты, более поздние и внешние обозначения, идеологические клише, вроде «монголо-татарского/татаро-монгольского ига», являющиеся сегодня камнем преткновения между различными школами отечественной историографии, отойдут на второй план, уступив место более объективным критериям кросскультурного (политического, экономического, межэтнического, межрелигиозного) взаимодействия, коммуникации и обмена.

6.3.3. Этническое измерение истории: к вопросу о «различении "наций"» и многомерности категории «народа»

Изучение этничности как одного из фундаментальных измерений социальной реальности необходимо не только само по себе, но и для целостного восприятия более сложных социальных сущностей, которые образуются на основе этничности и с ее участием. Одним из таких системно-сложных понятий является «нация» и производные от нее «национальный» и «национальность».

Наш язык социального описания, как правило, представляет этничность как синоним национальности. В некоторых определениях (например, «национальная школа») это еще и маркер этнических меньшинств, хотя параллельно постулируется и общегражданское значение этого определения (национальная команда, национальный гимн, национальный банк). В западных научных школах «нация» и «национализм» не являются «категориями этнического дискурса»¹³⁴. Считается, что эти (национальные) категории ближе к политическому аспекту социальной реальности, чем этническому, даже если речь идет об этнической нации: это способ политической организации народа как этноса. Дэвид МакКрон заметил, «настолько успешно эти две идеи были привиты друг другу, что [нация] обычно является синонимом государства»¹³⁵. По мнению К. Колхауна, использовать нацию исключительно в качестве термина, обозначающего конкретное политическое сообщество государства, значит игнорировать качество идеи нации как «принципиально оспариваемой концепции»,

¹³⁴ Кокшаров Н. В. Этничность. Этнос. Нация. Национализм // CREDO NEW: теоретич. журнал. 2002. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://credonew.ru/content/view/305/27>. Дата обращения: 23.03.2015.

¹³⁵ McCrone, David. *The Sociology of Nationalism*. N.Y.: Routledge, 1998. P. 7.

при которой особое определение часто благоприятствует одной группе (с точки зрения интересов и идентичностей) за счет требований другой стороны¹³⁶.

Выбор данной темы для изучения этнического аспекта истории не случаен: Н. Луман посвятил различению «наций» (именно так, в кавычках!) отдельную главу своей книги «Самоописания»¹³⁷, раскрывая свою точку зрения о системной сложности этого понятия. Многомерный подход рассматривает нацию как социально сложный организм, соединяющий в себе общественный, политический, этнический и даже религиозный компонент. Роль народа, в том числе этнически определяемого (как гомогенный этнос или братский союз народов – например, многонациональный народ России), крайне важна, как и роль религии: ведь именно доминирующая религия создает народ как духовную общность.

Вопрос об определении нации относится к числу наиболее дискуссионных и неоднозначных, и не только из-за сложной проблематики нациестроительства¹³⁸, чрезвычайно актуальной также в новейшей истории стран Востока¹³⁹. Исследователи, представляющие различные науки – этнологи, социологи, культурологи и др., также признают, что в отношении значения понятия «нация», а также всех производных от него понятий, таких как «национальный», «национальность», «национализм», «этнонационализм» и др., существует много путаницы¹⁴⁰. Питирим Сорокин пришел к заключению, что ни одна из современных ему социологических теорий не знает ответа на вопрос, что такое нация и национальность¹⁴¹.

По классическому определению Эрнеста Ренана, нация является «духовным принципом» и «крупномасштабной солидарностью», которая подтверждается в «ежедневном плебисците»¹⁴². Бенедикт Андерсон описал нацию как «воображаемое сообщество»¹⁴³ – в том смысле, что существуют материальные условия для представления расширенных и общих связей. Энтони Смит, подтверждая мысль о нации как воображаемом сообществе, подчеркивает особую роль и значение изобретения национальных традиций в формировании нации¹⁴⁴. Вслед за Андерсоном «абстрактным сообществом» называет нацию и Пол Джеймс: «Нация явля-

¹³⁶ Calhoun, Craig. Nationalism. Minneapolis, MN: Univ. of Minnesota Press, 1997. P. 98.

¹³⁷ Луман Н. Самоописания. С. 196–206.

¹³⁸ Robinson, William I. Beyond Nation-State Paradigms: Globalization, Sociology, and the Challenge of Transnational Studies // Sociological Forum. 1998. Vol. 13. No. 4. P. 561.

¹³⁹ См., например: Наумкин В. В. Кризис государств-наций на Ближнем Востоке // Международные процессы. Т. 15. № 2 (49). 2017. С. 27–43.

¹⁴⁰ Yun, Ma Shu. Ethnonationalism, Ethnic Nationalism, and Mini-Nationalism: A Comparison of Connor, Smith and Snyder // Ethnic and Racial Studies. 1990. Vol. 13. No. 43. P. 527–541.

¹⁴¹ Sorokin, Pitirim A. Contemporary Sociological Theories. N.Y.: Harper & Brothers, 1928; Сорокин П. Общедоступный учебник социологии. М.: Наука, 1994.

¹⁴² Renan, Ernest. Qu'est-ce qu'une nation? Toronto: Tapir Press, 1996; Chadbourne, Richard M. Ernest Renan. N.Y.: Irvington Pub., 1968. P. 101.

¹⁴³ Anderson, Benedict. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L. – N.Y.: Verso, 1991.

¹⁴⁴ Smith, Anthony D. The Nation in History. P. 53. Более общие оценки Э. Смита теорий нации и национализмов см.: Smith, Anthony D. Theories of Nationalism – Alternative Models of Nation Formation // Asian Nationalism / ed. by Michael Leifer. L.: Routledge, 2000. P. 1–20.

ется одновременно объективно абстрактным обществом незнакомых людей (*strangers*), которое связано государством, и субъективно воплощенным сообществом, члены которого ощущают себя как объединенная группа соотечественников»¹⁴⁵. Это абстрактное сообщество в том смысле, что оно объективно безлично, даже если каждый индивидуум в стране субъективно ощущает себя неотъемлемой частью воплощенного единства с другими. По большей части члены нации остаются чужими друг другу и вряд ли будут встречаться¹⁴⁶.

Одни исследователи называют нацию социальным конструктом¹⁴⁷, другие – «аморфным словом»¹⁴⁸ или даже мифом¹⁴⁹. Третьи высказывают сомнения в том, что дефиниции нации и национализма когда-либо будут выработаны, несмотря на то что национализм является реальностью¹⁵⁰. Четвертые объясняют, что это вызвано неопределенностью самого национализма, исключающей его точную дефиницию¹⁵¹. Д. М. Бондаренко указывает на то, что фундаментальные определения нации могут меняться в зависимости от пространства и времени: современное постколониальное понятие нации в Африке, появившееся в процессе деколонизации, отличается от более ранней западной ее трактовки как общности людей одной культуры¹⁵². Э. Гидденс отделил свое определение нации от «какой-либо конкретной характеристики национализма», так что «нация» в его трактовке «существует только тогда, когда есть единый административный охват территории, на которую претендует его суверенитет»¹⁵³.

Опираясь на концепцию «фигурного мира нации», Ван ден Берг понимает термин «нация» как ментальную конструкцию, уделяя особое внимание формированию национальной идентичности как динамического, спорного исторического процесса социального строительства. Здесь важное значение имеет субъективное, коллективное восприятие «объективной», виртуальной реальности нации, которое (ре)конституируется и обсуждается с помощью социальных практик¹⁵⁴.

¹⁴⁵ James, Paul W. *Nation Formation: Towards a Theory of Abstract Community*. L.: SAGE Publications, 1996. P. 34.

¹⁴⁶ James, Paul W. *Globalism, Nationalism, Tribalism*.

¹⁴⁷ Ting, Helen. *Social Construction of Nation – A Theoretical Exploration* // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2008. Vol. 14. No. 3. P. 453–482.

¹⁴⁸ Ibid. P. 453.

¹⁴⁹ Geary, Patrick J. *The Myth of Nations: The Medieval Origins of Europe*. Princeton and Oxford: Princeton Univ. Press, 2002; *National Myths: Constructed Pasts, Contested Presents* / ed. by Gérard Bouchard. N.Y. – L.: Routledge, 2013.

¹⁵⁰ Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М.: РГГУ, 2000. С. 24.

¹⁵¹ Seton-Watson, Hugh. *Nations and States: An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism*. Westview Press, 1977. P. 123.

¹⁵² Бондаренко Д. М. Постколониальные нации в историко-культурном контексте. М.: Изд. дом ЯСК, 2022. С. 211.

¹⁵³ Giddens, Anthony. *A Contemporary Critique of Historical Materialism*. Vol. I: Power, Property and the State. L. – Basingstoke, UK: The Macmillan Press, 1981. P. 13; Vol. II: The Nation-State and Violence. Cambridge, MA: Polity Press, 1985. P. 119–121.

¹⁵⁴ Van Benthem van den Bergh, G. *Symbol and Integration Process. Two Meanings of the Concept "Nation"* // Norbert Elias and Human Interdependencies. P. 191–212.

Чтобы избежать концептуальной нечеткости термина, Ч. Тилли и Э. Гидденс рассматривали нацию как политическое сообщество национального государства. В коллективном проекте исследования государств Западной Европы социолог Ч. Тилли выразил предположение, что «процессы формирования государства и формирования нации взаимозависимы», но впоследствии европейцы отказались от темы «государственного строительства» и сосредоточились на развитии государств. Тилли объясняет это тем, что нация «остаётся одним из самых загадочных и тенденциозных элементов в политическом лексиконе»¹⁵⁵.

Тем не менее концепции нации в мировой гуманитарной науке до сих пор пересекаются с теориями национального государства и конструктивистских концепций нациостроительства (*nation-building*), которые понимаются как последовательное укрепление властью институтов государства. Предполагается, что государство – это в первую очередь политический и даже геополитический конструкт, подверженный очень сильной трансформации от эпохи к эпохе, а нация – этническая и культурная общность, имеющая исторические корни. Взаимосвязь политического, культурного и этнического – еще одно важное сопряжение, возникающее при анализе проблемы нации и национального государства, и его крайней формой является отождествление или, наоборот, противопоставление этнического и национального.

По мнению К. Гирца, этническое и национальное имеют своим источником «данности» социального бытия, изначальные привязанности – родственные и соседские связи, общий диалект, религиозная община, общественные обычаи, «совпадения по крови, языку, обычаю»¹⁵⁶. Национализм рождается «в противопоставлении густой смеси культурных, расовых, территориальных и языковых категорий самоидентификации и социальной принадлежности, стихийно возникших в ходе исторического процесса, простой, отвлеченной, искусственно созданной и почти до боли осознанной концепции политической этничности – собственно «национальности» в современном смысле слова¹⁵⁷. Э. Смит пишет об этнических основах наций¹⁵⁸, или их этническом происхождении¹⁵⁹.

У В. А. Тишкова субъектами нации выступают государство и этническое образование, которые борются за свою исключительную собственность¹⁶⁰. Назвав ситуацию с использованием терминов «нация» и «национализм», сложившуюся в теории и политической практике, «большим провалом и ментальным болотом», исследователь имел в виду не только традиционные подходы, но и позднейшие исследования национализма¹⁶¹. Согласившись с господствующим в гуманитарной науке мне-

¹⁵⁵ Tilly, Charles. Reflections on the History of European State-Making // The Formation of National States in Western Europe / ed. by Charles Tilly. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1975. P. 6.

¹⁵⁶ Гирц К. Интерпретация культур. С. 297.

¹⁵⁷ Там же. С. 273.

¹⁵⁸ Smith, Anthony D. The Nation in History. P. 69.

¹⁵⁹ Smith, Anthony D. The Ethnic Origins of Nations.

¹⁶⁰ Tishkov, Valery A. Forget the 'Nation': Post-Nationalist Understanding of Nationalism // Ethnic and Racial Studies. 2000. Vol. 23. No. 4. P. 625.

¹⁶¹ Ibid.

нием о нации, В. А. Тишков назвал ее «мощной метафорой», «призрачным словом», переросшим до уровня метакатегории. Поэтому он предложил отказаться от этого понятия вообще, чтобы не усиливать путаницу в академической науке: «Процесс демонтажа нерабочей категории следует начинать с интеллектуального мужества, чтобы забыть нацию как академическое определение и распространить эту логику на область политики и повседневного дискурса»¹⁶². В «Реквиеме по этносу» эта идея получила свое дальнейшее развитие¹⁶³. Однако в своих поздних работах, выполненных в рамках теории культурно-сложных обществ, В. А. Тишков в рамках социологического позитивизма использует «реалистичный подход». Известный ученый отходит от жесткого неприятия примордиализма, делая уступку неопримордиализму, рассматривающему нацию как «согражданство»¹⁶⁴.

Представители мир-системной теории считают двусмысленными не только нацию, но и другие сложные социальные категории, такие как раса и класс, поскольку они являются «объективными» конструктами, иначе говоря, аналитическими категориями¹⁶⁵; при этом идентичность, которую продуцируют эти категории, также многозначна, поскольку вопрос об идентичности, как утверждает И. Валлерстайн, порождает «широкий спектр ответов»¹⁶⁶. Часто проблемы интерпретации нации связаны с тем, что они анализируются на глобальном уровне, тогда как уровень региональный и даже общинный игнорируется¹⁶⁷. Другая сложность в изучении нации – ее непрерывная динамичность. Одна нация с течением времени становится частью другой, причем даже после того, как она сформирована, продолжает развиваться и меняться¹⁶⁸. Кроме того, границы нации проходят не только по периметру ее границ, но и в головах ее граждан – ведь это также и проблема идентичности¹⁶⁹. По этому поводу Э. Коэн справедливо связывает границы национального сознания с проблемой осознания этих границ¹⁷⁰.

Н. Луман согласен с тем, что семантика наций является «перехватывающей», настроенной не на функциональную, а на сегментарную дифференциацию. Ответ на вопрос кроется в региональной, языковой, культурной дифференциациях Европы, в которой это понятие использовалось в разных исторических условиях¹⁷¹. Но вряд ли в «воспрепятствовании образованию религиозно-политической импе-

¹⁶² Tishkov V. A. Forget the 'Nation'. P. 625.

¹⁶³ Тишков В. А. Реквием по этносу.

¹⁶⁴ Тишков В. А. Усложняющееся разнообразие: как его понимать и упорядочить // Культурная сложность обществ современных наций / отв. ред. В. А. Тишков, Е. И. Филиппова. М.: Полит. энцикл., 2016. С. 15.

¹⁶⁵ Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. С. 111.

¹⁶⁶ Там же. С. 83.

¹⁶⁷ Smith, Antony D. Nations and Nationalism in a Global Era. Cambridge: Polity Press, 2013.

¹⁶⁸ Becoming National / ed. by Geof Eley, Ronald Grigor Suny. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1996.

¹⁶⁹ Smith, Anthony D. National Identity. Harmondsworth UK: Penguin, 1991.

¹⁷⁰ Cohen, Anthony P. Boundaries of Consciousness, Consciousness of Boundaries: Critical Questions for Anthropology // The Anthropology of Ethnicity: Beyond "Ethnic Groups and Boundaries" / ed. by Hans Vermeulen and Cora Govers. Amsterdam: Het Spinhuis Publishers, 1996. P. 60.

¹⁷¹ Луман Н. Самоописания. С. 196.

рии» заключается смысл такой дифференциации, как полагает Луман – нации могли быть как локальными (субэтническими или этническими), так и надэтническими, в том числе имперскими. Тем более что далее он сам также признает, что «существовало понятие *patio* для обозначения происхождения находящихся за границей (например, студентов или участников Вселенских Соборов), необходимое в случаях, когда где-нибудь встречались представители нескольких наций, и потому было недостаточным говорить попросту о «ломбардцах» (в Лондоне) или о «генуэзцах» (в Португалии)»¹⁷².

Многомерному подходу ближе такое понимание феномена нации, которое раскрывается в рамках теории сложных адаптивных систем. Это не только понимание согражданства неопримордиалиста К. Гирца, но и понимание П. Сорокина, который утверждал, что это может быть социальное объединение, которое «по своим социальным функциям или социальной роли представляет нечто единое, когда его части действуют в одном направлении и представляют единое целое»¹⁷³. Возможно, в идее социальной целостности, понимаемой как единство многообразия (*unitas multiplex*), как раз и лежит ключ к научному объяснению категории нации.

Другой вопрос, что для анализа одновременно и целого, и частного в этой категории без смешения их особенностей, взаимных связей и отношений, лучше всего подходит именно многомерное понимание нации как системно-сложного конструкта с исторически менявшимся содержанием. Во-первых, оно позволяет отдельно выделить общественный, политический, этнический, религиозный, правовой, культурный и другие компоненты этой социальной целостности в качестве самостоятельных аспектов истории нации. Во-вторых, с помощью метода моделирования можно визуализировать эти разные компоненты в виде специфических коммуникативных систем, накладывающихся друг на друга и осуществляющих присущий только им тип коммуникации (общественный, политический, этнический, религиозный, правовой, культурный и др.). В-третьих, целое (в данном случае нация) оказывается больше суммы его частей: в совокупности нация обладает большими характеристиками, чем только социальные, политические, этнические или религиозные, которые предопределяют ее отличительные особенности. Наконец, к нации как к системе промежуточного типа, располагающегося между микросистемами первичных социальных общностей и макросистемой всего человечества, в полной мере применимо определение Лумана, которое он дал для общества. Имеется в виду отличительная особенность интерпретации самого конструкта нации, как и конструкта общества, – «быть одновременно и частью, и целым: с одной стороны, в качестве *homme universel*, а затем и как трансцендентального субъекта, он воплощает общечеловеческое; а с другой стороны, он представляет собой нечто в высшей мере индивидуальное и тем самым – единственное в своем роде. И это удвоение воспроизводится в процессуально-временной перспективе, т. е. и в перспективе воспитания»¹⁷⁴.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Сорокин П. Общедоступный учебник социологии.

¹⁷⁴ Луман Н. Самоописания. С. 67.

Использование этимологического принципа метода универсальных языковых эквивалентов показывает, что при анализе понятия нация необходимо выходить за пределы семантики старой Европы. В античной культуре латинское слово *Natio* использовалось как имя богини рождения, что подразумевает не только факт кровного родства, но и прямую связь с конкретной территорией, *местом рождения*. По территориальному признаку формируются прежде всего общественные коммуникации.

История социального, всеобщая, или глобальная история органично включает в себя человеческий опыт во всех социальных измерениях системы культуры. Гражданские (разных стадийных форм), экономические (страновые, корпоративные и др.), политические (либеральный, неолиберальный и др.), этнические (родоплеменные, этнонациональные и постнациональные), религиозные (христианский, мусульманский и др.) и культурные национализмы включены в национальный дискурс народа и общества¹⁷⁵. Луи Снайдер выделяет также мини-национализм, отражающий общинные интересы народа: сюда также могут быть отнесены реликты кланового и родоплеменного национализма¹⁷⁶. Идеологические нормы разного происхождения, возникшие в разное время, часто противоречащие друг другу, актуализируются по мере их общественной потребности.

Наконец, мы вплотную подошли к категории «народ», который в русском языке имеет общий корень не только со словами «родиться», «народиться», но и с понятием «родина», связывая тем самым представителей одного народа не только общим местом рождения и обитания, но и общей судьбой. Описывая немецкую семантику этих слов в исторической динамике, Луман отмечает, что «понятие “нация” перенимает у понятия “народ” (*peuple, people*) фоновое значение нижней прослойки, дает основание для деаристократизации политической системы и делает возможным в начале XIX в. новое введение понятия “народ” как специфически политического»¹⁷⁷. Таким образом, понятия «нация» и «народ» во многих отношениях являются семантическими эквивалентами (не случайно англ. *nation* буквально переводится на русский язык как «народ»), но при этом они глубоко историчны и потому многозначны.

Обращает на себя внимание значение понятия «народ» как исконных жителей на данной территории. В «Новом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой слово «исконный» переводится как «изначальный, коренной»¹⁷⁸. В своем исходном значении русское обозначение «народ» апеллирует к исконному надродовому сообществу, связанному единством общеродового происхождения. Понятие народа существует во всех культурах, причем в виде не одного, а множества терминов. В латинских источниках многозначность понятия «народ» выражается разными обозна-

¹⁷⁵ Armstrong, John A. Nations before Nationalism. Chapel Hill: The Univ. of Carolina Press, 1982

¹⁷⁶ Yun, Ma Shu. Ethnonationalism, Ethnic Nationalism, and Mini-Nationalism. P. 527–541.

¹⁷⁷ Там же. С. 200. По мнению Н. Лумана, в немецкой политической литературе термины *populus, popolo, peuple, people* по большей части подразумевают только независимых собственников домохозяйств, см.: Луман Н. Дифференциация. С. 117.

¹⁷⁸ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. М.: Русский язык, 2000.

чениями: родоплеменной «народ» обозначается термином *gens*, народ как «наши люди» (первоначальное самоназвание многих народов) – *populus*. В арабском языке коррелирующий с ним термин *джинс* обозначает «род, племя», «род, вид или родовой класс, включающий в себя несколько видов или сортов». Согласно Э. Лейну, в средневековых арабо-мусульманских источниках термин использовался для обозначения родственников по отцовской линии¹⁷⁹. Более известны такие латинские обозначения народа, как «этнос» (*ethnos*, от греч. *ἔθνος*), «демос» (*demos*) и «нацию» (*natio*), которые используются для фиксации этнического, общественного и национального аспектов социальной целостности. Малоизвестны термины, сопоставляющие социальную общность народ с греческим *Λαός* (*laos*) – народом, общиной и войском в одном лице (ср. с авар. *бо* – «община», «народ», «войско»), характерным для продолжительного переходного периода от родовой к соседской общине. Например, аккадское слово *умман* прямо сопоставляется с *laos* и *бо*, при том что арабский термин *умма* имеет множество значений – от общины до народа и нации (исламской, арабской и т. д.). Наконец, важно учитывать этимологическую связь *умман* и *уммы* с общесемитским термином *умм* – «мать».

Источники сохранили также термины, обозначающие «донародные», т. е. родовые формы сообществ, появившиеся еще до формирования чувства сопричастности к народу. Например, древнегреческое слово *οἶκος/oikos* (мн. ч. *οἴκοι*) относится к патриархальной семье, семейной собственности и дому (сегментарной дифференциации по Луману), а с течением времени – с началом дифференциации на центр и периферию – значение этого слова расширилось, но так и не дошло до значения «народ»¹⁸⁰. Этнографический материал М. О. Косвена позволяет сопоставить стадияльно схожие процессы образования народов на Кавказе, где они происходили гораздо позже¹⁸¹. По Р. Дженкинсу, существуют различные формы человеческих сообществ, которые по-разному осмысливаются, но тем не менее каждая из них имеет свое особое значение и смысл¹⁸².

В системно-многомерной интерпретации нация представляется в форме сложной, многозначной, нечеткой и адаптивной (подвижной) системы, первоэлементы которой – конкретные *Его* – обладают различными по своему содержанию и иерархии множественными идентичностями (политическими, этническими, религиозными, культурными и др.), с теми же свойствами, что и у самой системы. Даже формальная принадлежность к нации как к народу (в общенациональном, гражданском смысле – российскому, а также одновременно и в этническом смысле – к русскому, татарскому и др.), и тем более ощущение личной сопричаст-

¹⁷⁹ Lane, Edward W. An Arabic-English Lexicon. In 8 parts. Part 2. Beirut: Librairie du Liban, 1968. P. 470.

¹⁸⁰ Macdowell, Douglas M. The Oikos in Athenian Law // The Classical Quarterly. 1989. Vol. 39. No. 1. P. 15. Более подробно об *ойкосе* см.: Bryant, Joseph M. Moral Codes and Social Structure in Ancient Greece: A Sociology of Greek Ethics from Homer to the Epicureans and Stoics. Albany, N.Y.: State Univ. of New York Press, 1996.

¹⁸¹ Косвен М. О. Этнография и история Кавказа: исследования и материалы. М.: Наука – Вост. лит., 1961.

¹⁸² Jenkins, Richard. Different Societies? Different Cultures? What are Human Collectivities? // Making Sense of Collectivity: Ethnicity, Nationalism and Globalisation / ed. by Siniša Malešević & Mark Haugaard. L.: Pluto Press, 2002. P. 12–32.

ности к ней, придают человеку особую, национальную идентичность. Луман пишет о коммуникационно-практическом преимуществе различения наций, у которых «есть собственные имена, и поэтому люди не попадают в запутанные ситуации, когда необходимо объяснять, что имеется в виду, когда речь идет об Испании, Венгрии, Польше и т. д.»¹⁸³.

Системно-коммуникационный анализ нации требует комплексного изучения всех феноменов, связанных с понятием «нация», без которых нация не может существовать. Одним из таких феноменов является национальный язык, который, по Луману, возникает лишь вместе с книгопечатанием: «Посредством письменной фиксации основополагающих текстов <...> появляется неколебимая семантическая стабильность»¹⁸⁴. В концептуальной схеме периодизации истории на основе информационных критериев, приведенной ниже (см. раздел 6.5), прослеживается эволюция этого понятия на разных этапах развития письменной культуры – рукописной и печатной, и связь ее с трансформацией понятия «нация» в сравнительно более развитых информационных обществах.

В информационно-коммуникационном анализе важно умозрительно отделять друг от друга различные аспекты нации: общественный, политический, гражданский (как системное единство общественного и политического), этнический, религиозный (в тех обществах, в которых религиозное не отделено от общественного, политического или этнического). В такой концептуальной схеме нация представляется как социальная целостность этнического, политического и общественного, отчасти и религиозного типов, с различным соотношением этих компонентов на разных стадиях развития понятия национального. Безусловно, понятие нации исторично, в определенные исторические периоды многие этносы одновременно были и нациями. По Луману, переходные состояния между стадиями развития конкретных типов наций делают это понятие амбивалентным: «региональное общество представляет собой нацию и должно быть таковой еще и политически»¹⁸⁵.

Поначалу нацией назывались племена и даже жители самостоятельных городов вроде Генуи или Венеции, а также выходцы и землячества из них (например, *natio di Venezia*) в других городах. Даже трайбализм африканских племен описывается в терминах этничности, что отчасти оправданно, поскольку племя можно рассматривать как одну из форм этничности (см. выше).

Мы исходим из того, что любой выделяемый в литературе конкретный тип нации – племенной, территориальный, этнический или политический – является идеальным конструктом в том смысле, что он в «чистом виде» никогда не существует: «чистоту» типа, или соотношение доминантных и вторичных типов отношений в каждой из реально существующих наций показывает их информационное моделирование на основе характера коммуникативных связей и отношений в системе нации. Информационная модель, даже самая репрезентативная, является вынужденной редукцией многообразной социальной реальности, поэтому

¹⁸³ Луман Н. Самоописания. С. 197.

¹⁸⁴ Луман Н. Дифференциация. С. 91.

¹⁸⁵ Луман Н. Самоописания. С. 198.

результат анализа даст лишь более или менее общее представление. Точность такого анализа можно повысить только в рамках информационной и коммуникативной истории.

Сущность этнической нации проявляется в общественно-политических процессах, которые определенно маркируются как этнические. Это процессы этнической ассимиляции с одной стороны, с противоположной стороны – деэтнизации, с потерей одной этнической идентичности и приобретением другой, этнической консолидации с использованием этнического мобилизационного ресурса, этнической инкорпорации, этнического отчуждения и т. д. В культурно-сложной полиэтнической нации указанные процессы происходят во всех этнических сообществах, ее составляющих. Но в обоих случаях – этническом и полиэтническом – это прежде всего политические сообщества, единое «политическое тело» (выражение А. А. Тесля) народов, родственных между собой или исторически взаимосвязанных, даже когда в основе консолидации нации лежит неважно какая – этническая или религиозная – идея. Например, когда Мухаммад в VII в. под знаменем ислама создавал Халифат, он вместе с ним *де-факто* создал и средневековую арабскую нацию. По крайней мере тогда она сама себя так именовала, хотя и в терминах религиозного единства: *умма* в некоторых переводах и сегодня переводится как «исламская нация», «исламский народ». Однако являются ли современные арабы единой нацией? Очевидно, такая постановка вопроса имеет смысл только в рамках теоретических концептов 'уруба – арабизма, «арабства», арабской *уммы*, «единой арабской нации» (*умма 'арабийя вахида*), наконец, панарабизма¹⁸⁶. А в реальности Арабский мир разделен на множество отдельных национальных государств, иначе говоря, наций-государств, развивающихся в рамках концептов *ал-ватанийя* и *даула^m ал-муватана*¹⁸⁷.

Постэтническую нацию условно называют политической или гражданской. Условно – потому, что не может быть неполитических и негражданских наций. В случае с Россией используется также определение «историческая нация». Действительно, «нация определяется через свою историю, но история еще должна быть написана»¹⁸⁸.

Как адаптивная социальная целостность, обеспечивающая собственную инклюзию, территориальную консолидацию и единство граждан, нация проявляет себя практически во всех сферах своего существования. Эта новая сущность формируется и легитимизируется на основе более широкого и прогрессивного по сравнению с предыдущим права; она рождается и отчетливо выражается в широких общественных процессах, национально-освободительных движениях и движениях национального возрождения, которые представляют собой деятельность масс людей, направленную к достижению определенных, прежде всего политических целей. Следовательно, каждое перерождение нации, ее обновление, в соот-

¹⁸⁶ Наумкин В. В. Современный конвергентный арабский национализм в зеркале исторической памяти. С. 44.

¹⁸⁷ Там же. С. 53.

¹⁸⁸ Луман Н. Самоописания. С. 198.

ветствии с общественными чаяниями и потребностями развития, исторично. Так, Япония стала новой нацией после Реставрации, или Революции Мэйдзи (1868–1889 гг.), когда в результате комплексных реформ страна превратилась из отсталой аграрной страны в индустриализирующееся государство. Исследователи отмечают, что именно после этих реформ в Японии было установлено национальное государство, точнее «нация-государство» (*nation-state*)¹⁸⁹, поскольку не может быть ненациональных государств.

6.3.4. Религиозное измерение истории: конструирование российской модели ислама

Проблеме строительства российской модели ислама, ориентированной на продолжительную историю России, а также духовные ценности и религиозные традиции российских мусульман, формировавшихся в едином пространстве кросскультурных коммуникаций, посвящен ряд исследований автора¹⁹⁰. Речь идет не столько о деконструкции, сколько о реконцептуализации самого понятия «истинного» ислама, выделении в этом качестве традиционных (локальных), адаптированных к местным условиям форм реального бытования этой религии, имеющих устойчивую гражданскую платформу, прочную привязку к конкретной стране и проводимой ею национальной и религиозной политике. Российское мусульманское сообщество, представляющее верующих из числа разных народов, придерживающихся различных богословских и религиозно-правовых школ, само по себе представляет собой сложную систему, в которой сунниты взаимодействуют с шиитами; и те, и другие дифференцируют себя как отдельные коммуникативные общности внутри ислама. По религиозно-правовым взглядам российские сунниты делятся, как правило, на ханафитов и шафитов, по богословским взглядам – на суфиев (в том числе аш'аритов) и салафитов. Эти разделительные линии маркируют отдельные коммуникативные пространства, внутри которых верующие воспринимают друг друга как единомышленников и даже «братьев (араб. *ахи*) по вере». Во взаимодействии с другими народами России мусульманские по культуре народы, в составе которых можно различать верующих (т. н. «практикующих мусульман») и нерелигиозных (т. н. «этнических мусульман»), образуют весьма значительную (по различным оценкам, от 10 до 20%) часть российского общества, которая и сама является примером культурно-сложной системы.

Этническое многообразие российского ислама дополняется также ее конфессиональным, практическим и культурным многообразием. С одной стороны, будучи единым на уровне нормативных принципов, «столпов ислама» (*аркан ал-ислам*) и «корней веры» (*усул ад-дин*), он отличается поразительным много-

¹⁸⁹ Schleicher, Klaus. Education and Nationalism // Nations and Nationalism: A Global Historical Overview. Vol. 1. 1770–1880 / ed. by Guntram H. Hebb, David H. Kaplan. ABC–CLIO, 2008. P. 40.

¹⁹⁰ Аликберов А. К., Бобровников В. О., Бустанов А. К. Российский ислам: Очерки истории и культуры. М.: ИВ РАН, 2018; Аликберов А. Исламизм vs исламской традиции: О проблемах строительства российской модели ислама // Азия и Африка сегодня. 2018. № 10. С. 2–7.

образом на уровне не только всего мусульманского мира, но даже отдельной страны, в том числе нашей. Мир российского ислама крайне многообразен, в нем огромное множество различных школ и течений, выделяемых на основе разных критериев: конфессионального (суннитский и шиитский ислам), религиозно-богословского (а'шаритская школа, школа *матуридийа*), религиозно-правового (ханафитский, шафи'итский, имамитский ислам и др.), регионального (сеveroкавказский, волго-уральский и др.). Особого внимания заслуживают народные традиции реального бытования ислама, нагляднее всего раскрывшиеся в суфизме, который и сам представляет собой единство многообразия. Подробнее проблема соотношения единых нормативных принципов ислама и многообразия его региональных форм бытования раскрыта в специальном исследовании С. М. Прозорова¹⁹¹. С другой стороны, выделение странового измерения ислама как единства многообразия, под которым мы понимаем «традиционный ислам в России», представляется нам удивительно удобным теоретическим конструктом.

Концепция российского ислама, впервые представленная нами в 2018 г. в коллективной монографии «Российский ислам: Очерки истории и культуры»¹⁹², появилась не на пустом месте. Она формировалась как логический ответ на серию геополитических изменений, которые стали результатом распада СССР в декабре 1991 г. и последующего крушения биполярной системы мироустройства. На волне бурных и противоречивых процессов этнического и религиозного возрождения в мусульманские регионы страны в конце 80-х – начале 90-х гг. хлынул неконтролируемый поток религиозных миссионеров из разных мусульманских стран. Они довольно жестко критиковали местные исламские традиции и обычаи, в которых шариатские предписания тесно переплелись с нормами обычая (*ал-'адат*) и обычного права (*ал-'урф*), проявляли нетерпимость к политическим порядкам, обвиняли оппонентов в неверии и вероотступничестве, вели активную раскольническую деятельность, направляя недовольство неблагоприятной экономической ситуацией в русло политического недовольства и противостояния.

Характерно, что первыми на острие салафитской критики оказалась государственная власть, ее представители на местах, вся политическая система, против которых и были выстроены стратегии борьбы, основанные на крайне воинственных, ультрарадикальных интерпретациях идеи *джихада* – священной войны за веру. Более того, именно в такой интерпретации *джихад* предлагался в качестве нормативного принципа ислама, священной обязанности каждого мусульманина. Взамен иностранные миссионеры предлагали свой «настоящий», «истинный» ислам, под которым скрывались политически ангажированные, радикальные идеи исламского фундаментализма/салафизма, порождавшие смуту и конфликты в местных обществах.

Проблема правоты в исламе имеет ключевое, принципиально важное значение. Согласно *хадису*, который передавал Абу Хурайра, пророк Мухаммад говорил, что иудеи разделяются на семьдесят одно течение, а христиане – на семьде-

¹⁹¹ Прозоров С. М. Ислам единый, ислам региональный. С. 232–236.

¹⁹² Аликберов А. К., Бобровников В. О., Бустанов А. К. Российский ислам.

сят два, а мусульманская община – на семьдесят три течения, из которых спасется только одно – «приверженцы сунны и согласия» (*ахл ас-сунна ва-л-джама'а*, по другой версии – *ал-джама'а*) («Ал-Муснад» Ахмада б. Ханбала, 4/102, «Сунан» Абу Да'уда, 2/503, «Сунан» ат-Тирмизи, 3/367, «Сунан» Ибн Маджи, 2/479). Поэтому в силу отсутствия в стране полноценного исламского образования российская мусульманская молодежь поверила носителям «истинной веры» – многие отправились за «подлинным», «настоящим» исламским знанием в заграничные образовательные центры. Поскольку арабский язык является сакральным языком Корана, российские мусульмане воспринимали салафитские идеи как важную и составную часть «истинной веры».

А между тем в самих арабских странах политический ислам, получивший ярлык «революционного ислама», все чаще оказывается на обочине легитимных политических процессов. Фактически исламистская идеология имела мало общего с самим исламом как целостной религиозной системой. Она была направлена не на укрепление особой связи человека с Богом, не на постижение Бога, что она должна была делать, если бы была исламской, а на достижение вполне утилитарных практических целей актуальной политической повестки. Иначе говоря, исламизм на деле представлял собой политические концепты, только внешне облаченные в тонкую исламскую обертку.

В конечном счете дальнейшее развитие исламистской идеологии привело к созданию террористических групп на Ближнем Востоке, в других регионах мира. Подобные террористические ячейки и анклавы появились и на территории России, прежде всего в республиках Северного Кавказа, в которых болезненная постсоветская трансформация все время сталкивалась с серьезными социально-экономическими трудностями, общественно-политическими вызовами и проблемами.

Параллельно с религиозными противоречиями со стороны третьих сил активно подпитывались и этнические противоречия, которые обострялись в том числе из-за шоковой терапии и связанных с ней проблем общественно-экономической трансформации. Драматические события в Чечне, начавшиеся с распадом СССР и продолжавшиеся в течение долгого времени, оказались в центре внимания мировых средств массовой информации. «Повстанцы» не только получили мощную информационную поддержку со стороны Запада, но и практически обеспечивались оружием и деньгами.

В 2009 г. Россия начала масштабную борьбу с терроризмом на Северном Кавказе, продолжавшуюся с перерывами до 2017 г. Вопрос о российской модели ислама со всей своей остротой встал после начала Сирийского конфликта весной 2011 г. В условиях обострившихся дискуссий об экспорте идей исламского халифата на территорию Кавказа, России и Центральной Азии как раз и появилась потребность обозначить границы традиционного ислама, нуждавшегося в защите от нападков радикалов. Это было также вопросом интеллектуальной и духовной суверенизации страны, отрыва ее от деструктивных внешних влияний.

Если мы посмотрим на Россию в многомерной оптике, то обнаружим, что она является не только крупнейшей в мире православной страной. Это многонациональная и поликонфессиональная страна, множественная идентичность кото-

рой включает в себя и другие религии. Из них четыре получили официальный статус традиционных религий – православие, ислам, буддизм и иудаизм (перечисляются в соответствии с численностью последователей). Ислам в России исповедуют более 20 млн человек, он является неотъемлемой частью российской культуры, истории и самобытности. На этом основании Россия является наблюдателем в Организации исламского сотрудничества.

Концептуальное рождение идеи российского ислама связано с объявлением государством курса на возрождение отечественной богословской школы ислама в России 22 октября 2013 г. Цель курса была обозначена как эффективное противостояние деструктивному влиянию радикальной исламистской идеологии¹⁹³. Это был поворотный момент в истории ислама в России, начало ее нового этапа. Согласно Конституции, «Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»¹⁹⁴. Однако не религия, а «религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом»¹⁹⁵. В постсекулярном мире религиозные объединения отделены от государства, но не от общества, науки и образования.

Вторым шагом на пути к реализации намеченной цели стала разработка в рамках Программы содействия трехуровневой системе отечественного исламского образования в 2014–2015 гг. «Концепции подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама», предусматривающей создание инклюзивной и конкурентоспособной образовательной системы на основе традиционных для страны форм ислама. Важная задача концепции – обеспечение доступного и качественного мусульманского образования, удовлетворение потребности в изучении ислама, просвещение мусульманского сообщества, укрепление общегражданского российского самосознания мусульман, формирование у них чувства гордости за принадлежность не только к своей религиозной общине, но и к государству, а также к обществу в целом.

«Концепция подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама», которая до сих пор остается рабочим документом, предполагает не только возрождение, но и качественное обновление традиционного духовного наследия российских мусульман, а также глубокую модернизацию системы исламского образования в стране. Реализация этих задач должна дать сильный импульс дерадикализации мусульманской молодежи и гармонизации различных ее идентичностей, прежде всего религиозно-политической, этнической и гражданской. Как показала практика, деструктивное влияние исламистских идей трудно преодолеть одними запретами, без аргументированных дискуссий внутри ислама, без модернизации исламской мысли на основе гуманистических принципов, без возрождения на качественно новом уровне традиций некогда существовавших здесь богословских школ.

¹⁹³ Заседание Совета по межнациональным отношениям. [Электронный ресурс]. URL: <http://krem-lin.ru/events/president/news/19475>. Дата обращения: 22.02.2018.

¹⁹⁴ Конституция РФ. Статья 4, пункт 1.

¹⁹⁵ Там же.

Чтобы действительно противостоять разрушительным внешним влияниям, размывающим ценности традиционного ислама, необходимо обозначить его границы, выделить собственные традиции, определить богословские основы. Отечественная школа исламского богословия создает дополнительные возможности для консолидации мусульман перед лицом внешних угроз, последующей «суверенизации» и «национализации» традиционного ислама.

Задача строительства российской модели ислама решается на основе различных типов коммуникативных взаимодействий, важнейшими из них являются: 1) коммуникация государства и муфтиятов. Система муфтиятов доказала свою эффективность в деле координации политики государства по отношению к мусульманским общинам. Сегодня такая коммуникация осуществляется в рамках государственно-конфессиональных взаимоотношений; 2) коммуникация ведущих светских и исламских вузов России на разных уровнях взаимодействия: студенческом, научном, религиозном (через систему переподготовки имамов). Студенты, обучающиеся в светских вузах по исламской программе, получили возможность сопоставить светский и религиозный подходы к изучению предмета, расширить свои познания, изучая предметы общеобразовательного стандарта; 3) коммуникация светских ученых-исламоведов и исламской интеллектуальной элиты, которая осуществляется в формате научных форумов (конференций, конгрессов), научно-практических совещаний, межрелигиозного и внутриконфессионального диалога, дискуссий на различных площадках, совместной работы по созданию учебной и просветительской литературы, подготовки профессиональных кадров по углубленному знанию истории и культуры ислама, исламоведению, исламской теологии.

Нельзя сказать, что страновое измерение той или иной религии является чем-то уникальным и особенным, в том числе для самих мусульманских стран. И здесь весьма показателен опыт Алжира, в котором после многопартийных выборов в декабре 1991 г. и последовавшего за ними запрета Исламского фронта спасения против сторонников светской власти исламистами была развязана крупномасштабная гражданская война. Она продолжалась около 10 лет и унесла жизни свыше 100 тыс. человек, включая президента страны Мухаммада Будиафа. Для противодействия засилью фундаменталистов в мечетях в 1999 г. была создана Алжирская лига имамов и 'улама', а в 2013 г. – Союз имамов. В связи с этим были приняты следующие важные решения:

1. Все имамы должны быть народными. Поскольку традиционной религиозно-правовой школой ислама в Алжире является маликитский мазхаб, имамам других мазхабов было запрещено проповедовать в мечетях.
2. Объявлялось верховенство алжирского государственного законодательства над установлениями исламского права. Фетвы, обеспечивающие единство страны, были признаны приоритетными, даже если они противоречили маликитскому праву¹⁹⁶.

¹⁹⁶ Roberts, Hugh. The Battlefield – Algeria, 1988–2002. Studies in a Broken Polity. London: Verso Books, 2003.

Некоторые ведущие европейские страны, столкнувшиеся с проблемой радикального исламизма, также пошли по пути мусульманского просвещения, создания собственных кадров по исламской теологии. Федеральное министерство образования научных исследований Германии по рекомендации Научного совета Германии в 2010 г. одобрило создание в стране Центра исламской теологии, что сделало возможным ее преподавание в нескольких государственных университетах, финансируемых из федерального бюджета¹⁹⁷. В Тюбингенском университете создан Институт исламского богословия (Ma'had 'ulum al-islamiyya), который реализует немецкую образовательную программу по исламской теологии для подготовки специалистов для местных мусульманских общин. Определенная деятельность в этом направлении осуществляется также в Великобритании и Франции.

В России подобная практика реализуется на базе ведущих вузов страны – Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова и Санкт-Петербургского государственного университета. Разница заключается в том, что немецкие университеты готовят будущих теологов-мусульман, а МГУ и СПбГУ – светских специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама. Из государственных вузов программы по исламской теологии реализуются в Казанском, Башкирском и Пятигорском университетах, а также в Горном университете в Екатеринбурге.

Похожие процессы формирования концепции национального ислама шли и в Европе, и в США. В связи с принятием устава Французского совета мусульманского культа исследователи заговорили о политическом признании «французского ислама» (*Islam français*)¹⁹⁸. В Великобритании ведется борьба за очищение «британского ислама» (*British Islam*) от влияния экстремистских идеологий¹⁹⁹. По тематике национального ислама в Европе проводятся ежегодные конференции «The British Islam Conference» в Великобритании и «Deutsche Islam Konferenz» в Германии. Об «американском исламе» написано множество работ не только в США²⁰⁰: достаточно упомянуть о специальных изданиях Оксфорда²⁰¹ и Кембриджа²⁰² по этой теме.

Россия имеет свою особую историю взаимоотношений с исламом, которая восходит к периоду формирования российской государственности. Обозначение «российский ислам» используется нами исключительно как исследовательский конструкт, связывающий воедино гражданскую и религиозную принадлежность российских мусульман²⁰³.

¹⁹⁷ Мирошникова Е. М. Теология в системе религиозного образования в ФРГ // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2016. № 1. С. 129–142.

¹⁹⁸ Zeghal, Malika. La constitution du Conseil Français du Culte Musulman: reconnaissance politique d'un Islam français? // Archives de sciences sociales des religions. 2005. No. 129. P. 97–113.

¹⁹⁹ The Battle for British Islam: Reclaiming Muslim Identity from Extremism / Sara Khan: with Tony McMahon. L.: Saqi Books, 2016.

²⁰⁰ Barrett Paul M. American Islam: The Struggle for the Soul of a Religion. N.Y.: Picador, 2007.

²⁰¹ The Oxford Handbook of American Islam / ed. by Yvonne Yazbeck Haddad, Jane I. Smith. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014.

²⁰² The Cambridge Companion to American Islam / ed. by Juliane Hammer and Omid Safi. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013.

²⁰³ Аликберов А. К., Бобровников В. О., Бустанов А. К. Российский ислам. С. 9–11.

Очевидно, что без серьезного теоретического переосмысления местных исламских традиций воссоздание отечественной богословской школы невозможно. Вероятно, сегодня российский ислам находится на пороге своего очередного обновления. Некоторые российские богословы, не интегрированные в структуру суфийских *тарикатов*, справедливо замечают, что не везде традиционный ислам в России является суфийским. У части российских мусульман, особенно молодежи, понятие «суфизм» также вызывает отторжение, причем не меньшее, чем исламизм. Примечательно, что даже в период наивысшего расцвета суфийской традиции на Кавказе в XI–XII вв. сами авторы сочинений по суфизму не называли себя суфиями, предпочитая оставаться в пределах общего определения суннизма *ахл ас-сунна ва-л-джамат*²⁰⁴ – определения, которым не так давно пытались обозначить себя кавказские салафиты.

Вместе с тем многолетний опыт исследований убеждает нас в том, что в основании даже межрелигиозной коммуникации должна лежать не только и не столько религиозная, сколько общенациональная гражданская повестка, объединяющая все религии и конфессии.

6.4. ПОВЫШЕНИЕ СТЕПЕНИ ОБЪЕКТИВНОСТИ И ВЕРИФИЦИРУЕМОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В РАМКАХ «НОВОГО ИСТОРИЗМА»

Критикуя историцизм, Карл Поппер предпочитал говорить о «знании и познании в объективном смысле»²⁰⁵. Он считал требование парадигмального согласования Томаса Куна логической и философской ошибкой, называя его «мифом концептуального каркаса»²⁰⁶. Современное развитие историцизма в клиометрии и синергетике дополняет реальные факты конструируемыми фактами источника, которые были введены еще Ф. Броделем.

В системно-коммуникационном анализе важны все факты жизни каждого индивида в прошлом, в контексте его «жизненного мира», всей совокупности коммуникативных связей и отношений. Многомерный подход использует такие качества информационных источников, как их многослойность, семантическая гибридность и неисчерпаемость, поэтому с помощью своих методов пытается получить новую информацию, недоступную с помощью традиционных методов. Учет внеисточниковоего знания (Ежи Топольски), каждого даже самого малозначительного факта в статистическом анализе, а также информации, которую дают *источниковедческие аспекты* (т.е. косвенные данные источников, используемые в комплексном источниковедческом анализе), включая пока малодоступные для исследова-

²⁰⁴ Аликберов А. К. Эпоха классического ислама на Кавказе. С. 332.

²⁰⁵ Popper Karl R. Epistemology without a Knowing Subject. P. 133.

²⁰⁶ Popper, Karl R. Normal Science and its Dangers. P. 55.

теля и потому совершенно недооцененные источниковедческие аспекты цифровых источников, даст сравнительно более полную, адекватную реальности, следовательно, и более объективную картину повседневной жизни человека.

В единой информационной системе знания не может быть более или менее ценной информации, ее истинная ценность определяется в совокупности с другой информацией и только в момент ее актуализации.

6.4.1. О понимании «нового историзма» в неоклассической науке

Неоклассическая модель научной рациональности предлагает новое, более глубокое, комплексное понимание принципа «нового историзма» в рамках многомерной истории. Он включает в себя следующие основные моменты:

- 1) принцип «нового историзма» впервые применяется по отношению к самой истории, а не только к филологии и литературоведению (Гринблатт), или антропологии и социологии (Гирц). Как один из принципов неоклассической науки, системный историзм основан не только на интерпретативных рецепциях К. Гирца, но и на двойной референции «теории системы» Н. Лумана. К их пониманию истории также близок рациональный историзм П. Бурдьё;
- 2) «новый историзм» впервые рассматривается в многомерной проекции человека и истории, через методологию перекрестной истории;
- 3) принцип «нового историзма» впервые использует системную логику и тем самым обеспечивает верификацию историчности события в различных измерениях истории.

Чем неоклассическое понимание «нового историзма» отличается от классического историзма? Вначале обозначим различия в толковании исторического факта в классической и неоклассической традициях. Согласно представителю классической науки Л. фон Ранке, факт – это то, что реально имело место. У части историков-классиков реальным признается исторический факт, полученный из источника и описанный «как есть», без влияния на него со стороны творческого мышления историка (Б. Нибур, Л. фон Ранке). Классический социологизм К. Дюркгейма включает в категорию исторических также и социальные факты. Представители историцизма приравнивают к ним конструируемый историком факт источника, в том числе количественные данные. Третью категорию составляет научный исторический факт как результат умозаключения. Наконец, расширительное понимание исторического факта представлено «новой исторической наукой», в которой принцип историзма распространяется и на историю повседневности.

В «новом историзме» признаются прямо или косвенно верифицируемые либо перекрестно объясненные (с учетом всех существующих мнений) факты, независимо от их масштаба и значения. Это любая полезная информация о прошлом, даже самая малозначимая, если только она получена на основе надежных технических средств и потому верифицируема. В рамках анализа «больших данных» такая

информация объясняет и прогнозирует большие тренды и в этом качестве имеет свою особую ценность.

По мнению В. А. Лекторского, «то, что 12 апреля 1961 г. Юрий Гагарин впервые совершил полет в космос – это, бесспорно, важный факт и в истории нашей страны, и в истории человечества. А вот тот факт, что я в этот день ходил в прачечную и долго стоял там в очереди, историческим не является»²⁰⁷. Здесь исторический факт противопоставляется обыденному. А если в такой очереди человек познакомится со своим будущим спутником жизни, станет ли поход в прачечную для него историческим событием, хотя бы в масштабе его личной биографии? Безусловно, станет. А если знакомство в такой очереди сделает человека всемирно известным?

В классической науке историк отбирает только те факты, которые он сам считает историческими, т. е. отсюда рождается проблема избирательности классической истории, которая мешает ей превратиться в историю тотальную, цельную, неразрывную. Такая избирательность, обусловленная объективной недостаточностью источников, касается не только фактов, но и сюжетов, нарратива, она приводит к однобокости и неравномерности изучения предмета и, как следствие, к множеству «белых» пятен, несоизмеримо превосходящих весь объем писаной истории.

Луман предлагал анализировать историческое мышление с помощью сравнения системного времени с мировым, и раскрывать историю с помощью коммуникативных операций самонаблюдения и самоописания, которые реализуются «лишь в рамках событийной связи системы»²⁰⁸. В системном историописании любая система, как и любой предмет или явление, исторична, в ней имеют значение все факты, даже единичные, неполные, и даже те, которые на данный момент не востребованы. Система фиксирует их в больших объемах, загружает в базы данных и связывает воедино с другими фактами. На основе этих связей на определенном уровне обобщения генерируются новые факты. Система устанавливает оценку полученных данных, определяя иерархию значений: личное, семейное, общинное/локальное, региональное, народное/страновое, всемирно-историческое.

С категорией историчности связана и категория **временной последовательности** коммуникативных операций (действий субъекта истории), т. е. последовательность исторических событий во времени и в коммуникативных межсобытийных связях, которые, в свою очередь, отличаются необратимостью²⁰⁹. Поэтому рефлексия в историописании, или самоописание, представляет собой «результат результата» (т. е. описание описания)²¹⁰. Описание может относиться как к самому историческому факту, так и к его толкованию. Луман использует три измерения, в которых он предлагает «описывать» все коммуникативно-значимые события в прошлом и будущем: предметное, временное и социальное. В качестве гра-

²⁰⁷ Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. С. 242.

²⁰⁸ Луман Н. Самоописание. С. 24.

²⁰⁹ Там же. С. 25.

²¹⁰ Там же.

ницы между прошлым и будущим выступает современность²¹¹. Все, что происходит, происходит не вчера или завтра, а сейчас, в настоящий момент, одновременно и моментально, просто это настоящее «иногда получает индексы прошлого и будущего»²¹². Различая идентификацию как селективную деятельность и самоидентификацию как «субъект» переживания²¹³, Луман предлагает сложное понимание времени, делающее его самостоятельным, объективируемым и рефлексивным. В этом случае «историзм нашего общества, относящийся к эпохе нового времени, можно назвать отражением его будущего»²¹⁴.

Помимо характеристики историописания как «описания описания», в темпоральной рефлексивности историка имеет место двойная самореференция: «Возникающее вместе с проблемой рефлексии осложнение можно устранить в рамках понятийного языка (и только тут), который вторично соотносит переживание и действие, т. е. позволяет говорить о переживании переживания, переживании действия, о разработке переживаний»²¹⁵.

С принципом Н. Лумана о **двойной самореференции** социальных систем коррелирует концепция «двойной историзации» (или двойного структурирования) П. Бурдьё, которую он применил к изучению обществ в своем стремлении избежать исторического релятивизма – на том основании, что социальные науки суть продукт исторических существ, но при условии, что они смогут подвергнуть историзации самих себя²¹⁶. Согласно концепции, социальную действительность структурируют не только сами социальные отношения, объективированные в системах распределения различных материальных и нематериальных ресурсов, но и представления людей об этих отношениях и окружающем мире, оказывая обратное воздействие на эти отношения. Луман объясняет историзацию времени как процесс темпорализации прошлого, который выявляет в обоих временных горизонтах настоящего «новые настоящие со своими временными горизонтами, а именно будущими и прошлыми, и так далее, – с итеративными (повторяющимися – А.А.) возможностями, ограниченными не логикой, а только вопросами объема и интересов исследования»²¹⁷. В отличие от Лумана, Бурдьё оперирует философским понятием диалектики для обозначения отношений структур и действий, которые характеризуют любое практическое действие²¹⁸.

Методология *histoire croisée* поднимает вопрос о своей историчности «через **тройной процесс историзации**: через объект, исследователя и категории объекта», предоставляя «набор инструментов, который, помимо исторических наук, может быть применен в ряде других дисциплин, сочетающих прошлые и настоя-

²¹¹ Антоновский А. Аналитика времени. С. 306.

²¹² Там же. С. 314.

²¹³ Луман Н. Мировое время и история систем. С. 158.

²¹⁴ Там же. С. 157.

²¹⁵ Там же. С. 158.

²¹⁶ Антоновский А. Аналитика времени. С. 20.

²¹⁷ Луман Н. Мировое время и история систем. С. 143.

²¹⁸ Bourdieu, Pierre. Le Sens pratique. P. 70.

шие перспективы», в первую очередь в востоковедении²¹⁹. В сущности это и есть **неоклассическая рецепция «нового историзма»**, прямое продолжение его понимания К. Гирцем.

Важно, что совмещение интерпретаций факта в «новом историзме» сопровождается возвращением к первоисточнику: текст источника является основой конструкции, «стволом древа», а интерпретации – его разными ветвями. Э. Эрикссон считает, что в исторической науке цифровой эпохи информация должна оставаться в контексте ее источника происхождения, при этом необходимо отличать материал источника от его интерпретации²²⁰. По этой причине многомерное видение совмещает, но не смешивает сам факт с его интерпретацией, описание с нарративом и рассматривает их в совокупности всех возможных исторических свидетельств – как первичных, так и вторичных, различных контекстов и аспектов (источниковедческих аспектов, контекста первоисточника, контекста вторичного источника, контекста всей историографии и т. д.), а также, что наиболее важно, в контексте «жизненного мира» автора источника.

Таким образом, неоклассическое понимание «нового историзма» также предполагает:

1. Отделение фактов от интерпретаций, исторических свидетельств (данных письменных источников, артефактов, памятников истории и др.) от их объяснения, в том числе «понимающего». Значение имеют только научно аргументированные выводы и заключения, с обязательной фиксацией степени достоверности источников, на которые они ссылаются (критический подход к источникам). Интерпретации должны быть представлены в форме перекрестной истории, но могут приводиться и в определенной иерархии, если имеются верифицирующие их основания, с учетом коэффициентов верифицируемости. Для электронных текстовых документов метатараметка, гипертекст, возможность переходить на различные интерпретации обязательны. Это можно сделать в информационной системе знания, устроенной, например, в виде многомерной базы данных (см. ниже), с возможностью перекрестной верификации: например, связь с идеологией должна работать на понижение степени достоверности, а надежные способы анализа вроде методов палеоархеологии, материаловедения или радиоуглеродного датирования – повышать доверие к информации.
2. У исторического факта (или артефакта) могут быть дополнительные специфические коннотации и интерпретации – социологические, антропологические, культурологические и другие, если данный конкретный факт (или артефакт, предмет) представляет информационную ценность и для других областей знания. Например, каменное орудие труда представляет один вид информации для археолога и совершенно другой – для геолога. Поэтому информация об этом артефакте может быть определена, описана

²¹⁹ Werner, Michael; Zimmermann, Bénédicte. Beyond Comparison. P. 33.

²²⁰ Erickson, Ansley T. Historical Research and the Problem of Categories: Reflections on 10,000 Digital Note Cards // Writing History in the Digital Age / ed. by Jack Dougherty, Kristen Nawrotzki. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 2013. P. 134.

и представлена в информационных системах различных областей знания, имеющих к ней отношение, в данном случае – археологии и геологии²²¹. У каждой науки существует собственное представление об информативности тех или иных видов источников информации²²², не говоря уже о теоретическом знании.

3. Использование принципа «Назад, к источникам!». Скептицизм исследователей распространяется не только на источники знаний (в истории – письменные первоисточники и археологические данные), но и на сами методы исследования, понятийный аппарат, теории и концепции. И здесь, очевидно, действует тот же принцип, что и в точных науках: каждое новое объяснение объяснения, а не первоисточника, увеличивает долю неисчислимого вероятного, усложняя поиск объективной истины, но создавая в то же время удобную, пусть и сфальсифицированную, историографическую реальность.
4. Цифровая история идет по пути уточнения базовых интерпретаций, при необходимости – их пересмотра, особенно если появляются новые, более совершенные технические средства для информационного анализа, в том числе перекрестного.

Представители точных наук, так же как и историки, оперируют не только несомненными (т. е. достоверными) данными, но и обоснованными предположениями. Поэтому область наиболее вероятной исторической реальности в истории может быть сопоставлена с областью вероятных значений в математике – в обоих случаях используется моделирование, выдвигаются гипотезы и концепции, призванные объяснить взаимосвязи между разрозненными фактами в единой системе координат²²³. Важно лишь установить пределы этих значений и учитывать установленный коэффициент вероятности при конструировании событий прошлого.

Накопление фактических данных (количественные характеристики) за счет новых открытий приводит к расширению периметра знания, в котором одни теории и концепции опровергаются другими (качественные характеристики) на основе не только эмпирических данных, но и логики, в случае с многомерным подходом – системной.

6.4.2. Исторические типы знаний о прошлом: мифологический – идеологический – научный

Люди, живущие в одно время и в одной стране, принадлежащие к разным культурам или даже различным укладам одной культуры, очень по-разному оценивают и передают события, современниками которых им довелось оказаться. Но еще сложнее описывать события, происходившие совсем в другое время. Эта

²²¹ Hjørland, Birger. Information Seeking and Subject Representation: An Activity-Theoretical Approach to Information Science. Westport CT: Greenwood, 1997. P. 111.

²²² Ibid.

²²³ Sreedharan, Elattuvalapil. A Manual of Historical Research Methodology. P. 20–23.

разделенность системного времени осложняет проблему достоверности историописания. Логика мышления и сознания определялась эпохой, ее внешними и внутренними условиями, характерными для нее проявлениями социальности в политической, этнической, религиозной и других сферах. В соответствии с выделенными выше историческими стадиями, или макроисторическими периодами – древностью, средневековьем, Новым и Новейшим временем, необходимо дифференцировать и смыслополагающие основы исторического знания, которые занимали доминирующее положение в свое время. Они могут быть представлены как разные уровни развития знаний и представлений о прошлом: мифологический, идеологический, научный.

Мифы (в первую очередь, героические: эпос, былины) опираются на образы сознания и подосознательное, идеология – на идеи и убеждения (отсюда и готовность отстаивать свои убеждения во что бы то ни стало, без оглядки на аргументы), а наука – на достоверные факты и научные аргументы. Эти различные типы исторического знания (точнее, перцепции прошлого) взаимно проникают друг в друга, потому нужны инструменты, отделяющие мифы и идеологию (они часто выступают вместе, история мифологизируется в угоду политическим (=идеологическим) интересам отдельных социальных групп или обществ.

К. Г. Юнг писал, что в архаических системах политика формировалась через рефлексию погружения в прошлое²²⁴. Основополагающим компонентом религиозной идеологии являлась «священная история». В качестве таковой в домонотеистических обществах выступал героический эпос, повествующий о великих свершениях народных героев, живших во времена праотцов. Политика христианского государства строилась на апелляции к священной библейской истории. Протестантское отрицание Священного Предания отражало десакрализационную тенденцию европейской государственности. Наряду с этим необходимо отдельно выделить демифологизацию, которая вместе с десакрализацией была оборотной стороной секуляризации обществ после буржуазных революций²²⁵. Здесь мы ясно видим **стадиальные изменения как самого способа «погружения в прошлое», так и «священной истории» как формы донаучной репрезентации представлений о прошлом.**

Мифологический тип представлений о прошлом

Мифический способ представления знания в Европе задолго до возникновения науки описан Вильгельмом Дильтейем, который связывал его с «огромной и темной эпохой», когда «ни метафизика, ни наука еще не существовали»²²⁶. До появления и до широкого и массового распространения письменности, на стадии доминирования устной культуры и устной истории, мифы, легенды, эпические и народные (фольклорные) предания оставались основной формой бытова-

²²⁴ См.: *Odajnyk, V. W. Jung and Politics. The Political and Social Ideas of C. G. Jung. N.Y.: New York Univ. Press, 1976.*

²²⁵ *Hanson, Sharon. The Secularization Thesis: Talking at Cross Purposes // Journal of Contemporary Religion. 1997. Vol. 12. No. 2. P. 159.*

²²⁶ См.: *Дильтей В. Введение в науки о духе. С. 415.*

ния знаний о прошлом. Большая часть мифологии (космология, демонология и др.) относилась к области религиозных верований; к области знаний о жизни и деяниях великих предков имели отношение именно героические мифы, включавшие в себя предания о народных героях, их подвигах, героической жизни, моральных устоях и добродетелях.

Каждая культурно-языковая среда воспроизводила свои особые интеллектуальные реальности, и в этом смысле исторические исследования на всех этапах развития ремесла историка также были подвержены мифологизации, мистификации и фальсификации, в том числе в силу идеологических потребностей конкретных социальных систем. Мифологизация истории – это также органичное свойство устной истории как памяти о прошлом, оно связано с субъективностью психологического восприятия и осмысления исторического опыта²²⁷. Мифы с самого начала вплетались в ткань истории, выступая посредником между реальностью и ее религиозным отражением, в роли искаженной, «околдованной» реальности²²⁸. С распространением письменной культуры часть мифов перекочевала из устной истории в письменную.

Мифы не исчезли полностью из общественного пространства и сегодня, это важный элемент коллективной памяти. В. Феллер по этому поводу очень точно писал: «Посредством политического ритуала, представляющего собой не что иное, как инсценировку содержания мифа, общественный организм устанавливает связь со своими историческими первоисточниками, поддерживая тем самым непрерывное функционирование коллективной памяти»²²⁹.

Идеологический тип исторического знания

Вильгельм Дильтей относит к завершающему этапу мифологических представлений о прошлом метафизический, т. е. религиозный тип исторического знания. Мы различаем религиозные мифы и религиозные идеологии, поэтому находим в религии как мифологический, так и идеологический типы исторического знания. Отчасти на это указывает сам Дильтей, различая миф и религию²³⁰: «Религиозная жизнь – это явление, одинаково связанное как с мифологическими представлениями, так и с метафизикой и самоосмыслением»²³¹. И далее, еще более определенно: «Мифологический способ представления обнаруживает в сравнении с религиозной жизнью относительную самостоятельность»²³².

²²⁷ См., например: *Alikberov, Alikber. History and Legend: Mythologizing the Image of a Saint in Islamic Tradition (the Case of Ibrāhīm b. Adham) // Manuscripta Orientalia. International Journal for Oriental Manuscript Research. Vol. 23. No. 1. June 2017. Theza, St. Petersburg. P. 3–9.*

²²⁸ Мосейко А. Н. Околдованная реальность: мир африканской ментальности / под ред. И. В. Следзевского. М.: Вост. лит. РАН, 1994.

²²⁹ Феллер В. Введение в историческую антропологию. Часть четвертая. Интеллектуальная история просвещения (взгляд на историю XVI – XX столетий с вершины 1750–1850 гг.). [Электронный ресурс]. URL: <http://vf.narod.ru/istant/partIV/gl9.htm>. Дата обращения: 02.11.2023. С. 56.

²³⁰ Дильтей В. Введение в науку о духе. С. 416.

²³¹ Там же. С. 417.

²³² Там же. С. 422.

Поразительные мифологизация и мистификация реальных исторических событий скифского времени исследованы автором на примере библейского рассказа о Гоге и Магоге, коранического сюжета о праведнике Зу-л-Карнайне и нечестивых народах Йа'джуджа и Ма'джуджа²³³. Не менее удивительную, хотя и не столь масштабную трансформацию исторической традиции на Кавказе демонстрирует могильник Кырхляр в Дербенте, связанный с периодом арабского завоевания города в VII в., в котором, согласно «Истории» ат-Табари, участвовали некоторые сподвижники пророка Мухаммада (Абу Хурайра, Салман ал-Фариси, 'Амр б. 'Утба, 'Абд ар-Рахман ал-Бахили), последующей продолжительной арабо-хазарской войной, а также с сельджукской эпохой (XI–XII вв.) и даже периодом развития Сефевидского Ирана (XV–XVIII вв.)²³⁴. Однако внимательное изучение каждого примера показывает, что в каждом случае миф использовался в идеологических целях: христианская и исламская эсхатология объективно использовалась и продолжает использоваться для укрепления веры, в случае с могильником Кырхляр идеологические причины не менее очевидны, они тесно связаны с политическими интересами различных завоевателей. Определенно можно сказать лишь то, что историческая мысль средневековья и даже Нового времени была по преимуществу идеологической: исторические труды создавались по заказу правителей и обслуживали их интересы.

История во многом формирует идентичность человека, не только индивидуальную, но и коллективную, обеспечивая консолидацию общества, и потому совершенно естественно, что она задействована в различных идеологических конструктах. Использование истории в идеологии может быть как продуктивным, так и контрпродуктивным, поскольку без строгих рамок научной методологии способно порождать нереалистичные цели и задачи; все же политика – это искусство возможного. П. Бергер и Т. Лукман солидарны с К. Маннгеймом, утверждая, что, «когда частное определение реальности соединяется с конкретным властным интересом, его можно назвать идеологией»²³⁵.

С распространением научного понимания прошлого идеологический тип исторических знаний не ушел в прошлое. Отчетливо выделяются две группы современных идеологических версий истории. Первая связана с текущими интересами власти, ее политическим запросом. Например, беспрецедентный уровень политизации отмечается в национальных историографиях Азербайджана и Армении, особенно в их исследованиях истории Кавказской Албании, из-за проблемы этнокультурного наследия этого древнего государства, а также из-за проблемы исторической принадлежности территории Нагорного Карабаха.

Вторая версия идеологизированной истории порождена самой наукой. Претензии на универсальность и всеобщность «больших» научных теорий имеют

²³³ Аликберов А. К. К источникам и историческим основаниям коранического рассказа о Йа'джудже, Ма'джудже и Зу-л-Карнайне // *Ars Islamica*. В честь Станислава Михайловича Прозорова / сост. и отв. ред. М. Б. Пиотровский, А. К. Аликберов. М.: Наука – Вост. лит-ра, 2016. С. 279–356.

²³⁴ Аликберов А. К. Средневековый культовый комплекс Кырхляр в Дербенте: устные предания и письменные источники о сорока «мучениках за веру» // *Исследования по Аравии и исламу: сб. статей в честь 70-летия со дня рождения М. Б. Пиотровского* / отв. ред. А. В. Седов. М.: ГМБ, 2014. С. 368–389.

²³⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. С. 201.

и свою оборотную сторону. Универсализируя теоретико-методологические основания гуманитарной науки, метатеории неизбежно превращают ее в идеологию. Поэтому каждая из теорий обзавелась собственной версией истории – консервативной, либеральной, националистической, религиозной; все они так или иначе связаны с политическими задачами определенной социальной общности²³⁶.

В идеологии и идеологических (в том числе политических) дискурсах нет ничего плохого, кроме того, что они генерируют не знание о прошлом, а сами эти дискурсы. Для изучения восточных обществ как систем смысловых коммуникаций эти дискурсы могут быть востребованы в лучшем случае в экспертном сообществе, но не в академическом востоковедении. Такие дискурсы могут быть востребованы также и в государственной политике, которая исходит из конъюнктурных соображений текущей политической целесообразности, а не долговременной стратегической перспективы, где необходим прочный научный фундамент. В таких случаях научная доказательность, требующая веских аргументов и опоры на достоверные источники, подменяется ситуативной убедительностью, которая мотивируется политической конъюнктурой или убеждениями.

В качестве идеологии выступает и антипод метанарративов – постмодернизм с его релятивизмом и постулатом постправды, который он успешно развивает с помощью концептуальных понятий своего сверхсложного языка, предлагающих отход от строгих принципов объективизма в пользу условности научной истины в гуманитарных науках. Такая постановка вопроса в историософии постмодернизма, которую многие исследователи классической и неоклассической школ классифицируют как идеологию, возвращает нас к вопросу о разграничении исторической правды и исторической истины.

Поиск дискурса ради самого дискурса, выпячивание второстепенных смыслов в ущерб основным, бесконечный релятивизм, отрицание объективности как более позднего конструкта науки, а не ее основы, другие спорные и часто бездоказательные, но ситуативно убедительные и идеологически хорошо артикулированные положения, присущие радикальным постмодернистским концепциям (Ж. Бодрийяр и др.), девальвируют научный статус истории и само понятие научной объективности. Ссылаясь на мнение К. Кумара, Дж. Ритцер пишет: «Поскольку знание, которое создается постмодернистами, нельзя считать совокупностью научных идей, постмодернистскую социальную теорию, может быть, лучше рассматривать в качестве идеологии»²³⁷.

Вывод Дж. Ритцера, не умаляющий достоинства и некоторую свою особую пользу постмодернизма, позволяющую ему успешно решать практические проблемы отношения к различным дискурсам, подтверждается и другими исследователями. В частности, в феминистской версии постмодернизма, в которой женщин учат, что женская интуиция – это «более безопасный и плодотворный подход к истине», чем логика и анализ, которые являются инструментами господства

²³⁶ Савельева И. М., Полетаев Д. В. Социология знания о прошлом. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 269.

²³⁷ См.: Ритцер Дж. Современные социологические теории. С. 557.

мужчин. «Стандартные нормы и методы научных исследований являются сексистскими, потому что они несовместимы с “женскими способами познания” (*women's ways of knowing*)»²³⁸. Это идеологический подход, гиперболизирующий гендерные различия, чтобы добиваться своих целей, он не имеет ничего общего с наукой.

Научный тип исторического знания

Процессы секуляризации и демифологизации общественной жизни, которые, в свою очередь, запустили процессы рационализации и прагматической модернизации обществ, не случайно получили обозначение «расколдовывания мира». Процесс возникновения вследствие этого современных структур сознания и рационального миропонимания раскрывает Хабермас, отсылая нас к Макс Веберу²³⁹.

Водораздел между идеологическим и научным типами исторического знания определяется целями и задачами самой науки – обеспечить общество достоверным и содержательным знанием о прошлом. Воспитательная функция истории подчиняется этой основной задаче, является ее следствием, а не основной целью. Продолжающаяся дискуссия об объективности истории, которой мы посвятили заключительный раздел первой главы данного исследования, косвенно указывает на то, что в разное время понятие научности оценивалось по-разному. С точки зрения приверженцев точных методов, научный тип исторического знания по-настоящему прокладывает себе дорогу только на пороге цифровой эры. Классический опыт исторических исследований, ранее представлявшийся в качестве образцово научного, на фоне новейших достижений исторической науки кажется относящимся к начальному этапу научного осмысления прошлого. Для этого этапа был характерен самый простой и для того времени весьма надежный инструментарий научного познания.

Даже в строго научных исследованиях, рассчитанных на специалистов, практически невозможно добиться полной верифицируемости, если это историческое исследование. Поэтому многомерный подход предлагает различение между объективными и субъективными данными внутри исследования. К категории объективных данных относятся исторические факты, поддающиеся верификации (проверке), а к категории субъективных – аргументированные мнения и интерпретации этих фактов. В рамках научного знания информационный подход не только понимает/различает, но и определяет пределы объективности и субъективности (интерпретативности) данных, имеющихся для проведения исследования.

Сложный вопрос – как оценивать воспитательную функцию истории, которая заставляет одних историков приукрасить или принизить значение тех или иных событий в угоду принятой в соответствии с национальными интересами политической концепции, а других – выступать против любой формы политизации истории, не только потому, что любая политизация противоречит объективности,

²³⁸ Dawkins, Richard. Hall of Mirrors // Richard's News. [Electronic resource]. URL: <https://richarddawkins.net/2000/10/hall-of-mirrors> Oct 2, 2000. Retrieved 06.02.2019.

²³⁹ Хабермас Ю. Расколдовывание религиозно-метафизических картин мира и возникновение современных структур сознания // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 1. С. 48.

искажая достоверную картину прошлого, но и из-за того, что локальные интерпретации не вписываются в глобальные контексты. Здесь явно выделяются два лагеря: историки-консерваторы против историков-модернистов и постмодернистов. Второй лагерь отказывает представителям первого лагеря в научности, а первый лагерь по отношению к представителям второго лагеря – в патриотичности. И ключевое значение обретает вопрос о том, что отвечает национальным интересам страны и общества – всеобъемлющая объективная картина прошлого, позволяющая не игнорировать ошибки прошлого, или выборочная, раскрывающая героические страницы истории, великие достижения народа, трудности, которые были успешно преодолены, вызывающие гордость за страну и воспитывающие патриотизм. Как нам кажется, это совсем разные жанры: воспитательные функции истории могут быть с наибольшей эффективностью реализованы на уровне школьных учебников, а специализированная научная литература не может не быть объективной, иначе она не может называться научной.

Второй лагерь, назовем его строго научным, также не лишен идеологической рефлексии. Обозначив современных российских историков как «локалистов-модернистов» и «глобалистов-постмодернистов», М. Соколов отметил наличие идеологического раскола между ними. Несмотря на противостояние, оба лагеря «единодушно настаивают на сохранении статуса истории как беспристрастного изучения того, “как оно было”»²⁴⁰.

Наукометрическое исследование, проведенное в элите российских историков (которая отбиралась на основании наукометрических показателей по истории России и всеобщей истории сразу по двум выборкам: вклад в историческую науку и вклад в собственную область знания), показало, что «подавляющее большинство (80,7%) полностью согласны с тем, что народ, не изучающий своей истории, теряет национальную идентичность (этот вопрос намеренно оставлял неясным, считали ли они, что это возлагает на историков обязанность поддерживать таковую). При этом большинство (56%) также категорически не согласны с тем, что историки не должны разоблачать исторические мифы, если вера в эти мифы имеет политически желательные последствия, а доля согласных с тем, что, проводя исследования, историки должны служить интересам своей страны и государства, меньше доли несогласных. Отводя себе важнейшую роль в воспроизводстве национальной идентичности, историки тем не менее не согласны взять на себя политическую ответственность за ее поддержание и не предполагают, что это обязывает их принять какую-либо версию правого (так в цитируемом тексте. – А.А.) постмодернизма»²⁴¹.

М. Соколов также заметил, что историки-всеобщники больше ориентированы на глобальную науку, а историки-античники не поддерживают модернистские подходы к своей дисциплине²⁴². Примечательно, с историей Востока дело обстоит с точностью до наоборот. Поскольку историки-востоковеды изучают чужие культуры и напрямую не зависят от политической конъюнктуры в изучаемых ими стра-

²⁴⁰ Соколов М. Российские историки. Портрет академической профессии. СПб.: ЦИАНО ЕУСПб, 2023. С. 26.

²⁴¹ Там же. С. 21.

²⁴² Там же. С. 26.

нах, они гораздо в большей степени свободны в своих высказываниях и оценках. Совершенно другая ситуация с отечественной историей, определяющей идентичность, в том числе политическую. При этом именно специалисты по Древней истории Востока лучше всего вписаны в международные научные коммуникации, а политические установки в интересах страны в большей степени присутствуют в работах по современной истории восточных обществ.

6.4.3. Историческая правда и историческая истина в многомерной проекции «нового историзма»

Достоверность различных исторических исследований может оцениваться по общей шкале и регулироваться настройками между двумя более или менее устойчивыми оценочными конструктами: историческая правда и историческая истина. Различение между ориентированным на внутреннюю аудиторию «правильным» историческим дискурсом, формирующим идентичность, с одной стороны, и строго (насколько это возможно) объективной глобальной историей, обращенной к миру и верифицируемой в том числе с помощью перекрестного совмещения различных национальных историографий, с другой стороны, в многомерной системе координат можно выразить с помощью оппозиции именно этих конструктов. Такая оценка не решает проблему идеологического противостояния среди историков, но позволит определить индекс правдивости каждого конкретного исторического исследования на основе системно-коммуникационного анализа, распределяя количественные характеристики по шкале «историческая правда – историческая истина».

Мы также видим перспективу в надежных рецепциях «нового историзма», поскольку они в наибольшей степени обеспечивают системную верификацию не только эмпирических, но и теоретических данных, не скатываясь при этом в пуристический сциентизм, игнорирующий особую специфику гуманитарной науки – человек все же не бездушная машина, это постоянно развивающийся, индивидуальный, а потому и наиболее сложный для изучения объект, познание которого неисчерпаемо.

Вопрос об объективности истории позитивисты, марксисты с их классовым подходом, презентисты, выдвигающие на первый план метанарративы, понимают по-разному, отсюда и различное понимание **историзма**. При этом все метанарративы выдают свою историческую правду за абсолютную истину. Противоположный подход представляют постмодернисты, выступающие против метанарративов и противопоставляющие историзму радикальный **релятивизм**: историческая правда относительна, все зависит от выбранного дискурса. Критикуя культурный релятивизм за отрицание абсолютной правды, которая является не чем иным, как актом личной веры исследователя в науку, которая может быть впоследствии опровергнута, Р. Докинз объясняет, что это «ветвь недолговечной философии», которая игнорирует очевидный факт того, что «наука приносит результаты». Не все кажущиеся истины – всего лишь приближения, которым суждено быть опровергнутыми: «Это просто правда, что солнце горячее, чем земля, правда, что письменный стол,

на котором я пишу, сделан из дерева. Это не гипотезы, ожидающие фальсификации, не временные приближения к вечно неуловимой истине, не местные истины, которые могут быть отвергнуты в другой культуре. Они просто правда»²⁴³. Диагноз, который ставит Докинз: «Мы потерялись в когнитивном зале зеркал, никогда не сможем избежать отражения, чтобы увидеть реальный мир»²⁴⁴.

Очевидно, абсолютная истина в философско-мировоззренческом смысле в принципе невозможна: даже самая что ни на есть абсолютная и универсальная идея Бога имеет бесчисленное множество толкований в каждой из монотеистических религий. Следовательно, теория и методология истории должны избегать мировоззренческих установок и довольствоваться установками инструментальными – только они могут быть универсальными.

В качестве примера возьмем одно из самых первых орудий человека – нож, сначала каменный (кремневый), затем медный, бронзовый, железный, наконец, стальной. Можно долго спорить о том, чем является нож для человека – инструментом созидания или разрушения, орудием труда или оружием, однако этот спор не имеет однозначного решения, если не оговорены условия и не обозначены критерии. Здесь могут быть верны все предположения или какое-либо одно из них, в зависимости от конкретных обстоятельств, времени и места. Однако если мы будем рассматривать нож в качестве инструментария, необходимого в нашей практической деятельности, с точки зрения его функциональных свойств и качеств, то окажется, что у ножа есть общие свойства, которые можно использовать в самых разных сферах человеческой жизнедеятельности. Понятно, что это будут разные ножи (боевые, охотничьи, кухонные, хирургические и др.), но для нас важно, что все они выполняют одинаковые функции – колоть и резать.

Точно так же использование общенаучных инструментальных, а не мировоззренческих и/или идеологических методов позволит получить объективную научную истину (пусть и относительную, релевантную только в определенных рамках) в каждой системе координат. При всей своей относительности такая истина будет объективной при изучении различных аспектов предмета истории: соответствовать практике (материалистическая философия), чувственному опыту (сенсуализм), требованиям ясности и отчетливости (рационализм), согласованности (конвенционализм и когерентные подходы) и эффективности (прагматизм). Научная истина в большинстве теорий, кроме постмодернистских, всегда воспринимается и представляется как **объективная** (не зависящая от желаний и настроений человека), **конкретная** (не бывает истины «вообще», вне четких условий) и **процессуальная** (находящаяся в процессе постоянного развития).

К. Поппер и вслед за ним ряд исследователей, поддерживающих информационные подходы к изучению истории, предпочитают **отказаться от представления об истине как высшей эпистемологической добродетели, ограничиваясь его «человеческим» эквивалентом правдивости**²⁴⁵. Это «антропоцентристская» интер-

²⁴³ Dawkins, Richard. Hall of Mirrors.

²⁴⁴ Ibid.

²⁴⁵ См.: Никифоров А. Л. Философия науки: история и методология. М.: ИНФРА-М, 2018.

претация научной истины. Возможно, в англоязычной трактовке «правдивость» и звучит приемлемо, но в русском языке она выглядит просторечием и носит крайне субъективный характер. По этой причине мы предлагаем заменить понятие «истины» на понятие «достоверности» как антропогенной оценки истинности. Такая позиция является промежуточной между классическими и постнеклассическими подходами: между истинностной гносеологией, уверенной в достижении «абсолютной истины», с одной стороны, и отрицанием универсального идеала правдивости – с другой.

В философии различия между истиной и правдивостью выражаются с помощью понятий абсолютной и относительной истины – ключевых категорий классической теории истины, которую признавал и Ю. Хабермас. В подходе Хабермаса истина является частью коммуникации: «Идея истины указывает в конечном счете на форму взаимодействия, свободную от всех искажающих влияний. “Хорошая и правдивая жизнь”, ставшая целью критической теории, присуща представлениям истины; она прогнозируется в каждом речевом акте»²⁴⁶. Н. Луман рассматривает истину как функцию когнитивных ожиданий²⁴⁷, «некоторое обозначение, развиваемое в коммуникации для целей коммуникации»²⁴⁸, и анализирует ее в рамках познавательных схем *известное/неизвестное, когнитивное/нормативное, переживание/действие*.

В неоклассической модели исторического исследования, придерживающейся мультидискурсивности и плюрализма, учета точек зрения всех наблюдателей, их транссубъективного восприятия реальности, «человеческую истину» можно сопоставить с относительной, а божественную – с абсолютной истиной. Человеческая правда многогранна, но одномерна, она зависит от позиции наблюдателя, поэтому правд может быть много (сколько людей, столько и мнений). Как известно, точка зрения во многом зависит от точки сидения: это хорошо доказывает метафора М. Блока о направленном свете прожектора. В многомерной проекции эта метафора раскрывает больше аспектов, особенно если свет падает на трехмерный объект (метафора многоаспектной проблемы): свет на цилиндр с правой стороны на левую плоскость даст квадратное отражение тени, с левой стороны на правую плоскость – круглое отражение. С верхнего или нижнего угла на противоположный угол этот свет отразится на трех плоскостях внутреннего угла, и так далее. То есть в реальности проекций больше, дискурс как взгляд на проблему возможен с любой точки пространства.

Таким образом, у каждого методологического подхода свои начальные координаты и на разные плоскости падают разные проекции, точка зрения будет зависеть от точки сидения (т. е. наблюдения). И это будет по-своему правдивая информация, основанная на определенной позиции статичного наблюдателя. Ценность этой информации стремится к нулю, если изначально не обозначать реальную методологическую позицию, которую занимает исследователь.

²⁴⁶ McCarthy, Thomas. The Critical Theory of Jurgen Habermas. Cambridge, MA: MIT Press, 1982. P. 308.

²⁴⁷ Луман Н. Истина, знание, наука как система. С. 143–144.

²⁴⁸ Там же. С. 109.

Если же мы направим свет на фигуру одновременно с разных позиций, то получим и прямоугольник, и квадрат, и круг и эллипс, в зависимости от угла освещения. Иначе говоря, для получения более правдивой (=объективной) информации исследователь должен изучать процесс 1) со всех сторон, 2) в целом и 3) в динамике. Тогда он увидит, что его условный эллипс на самом деле является отражением части проекции, а не всей проекции, и что угол зрения искажает его проекцию. И только общая картина, полученная путем совмещения всех возможных проекций, даст объективный результат в виде объемного изображения цилиндра, который имеет физические характеристики. Это и будет истиной (рис. 6.4). Иначе говоря, истина не зависит от конкретного наблюдателя, а скорее является суммой различных проекций, поэтому, как правило, многомерна и объемна.

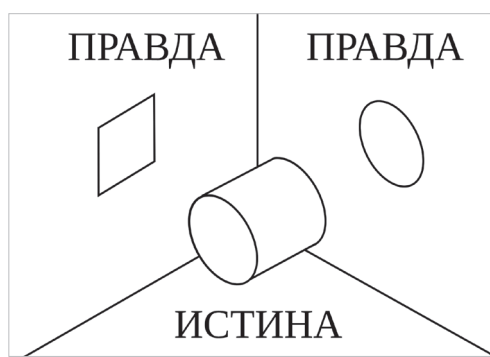

Рис. 6.4 Разные «правды» и одна истина, которая всегда многомерна

Вопрос лишь в том, чем должны заниматься профессиональные историки – доказывать историческую правду, наиболее пригодную для интересов общества, для усиления воспитательной функции истории, выявлять историческую истину, как это было «на самом деле» (Л. Ранке) или устанавливать «свою» правду, исходя из профессионального понимания прошлого? Это не такой простой вопрос, как кажется. Иногда культура устанавливает свои критерии истинности, основываясь на переосмыслении истории на переломных этапах от одной эпохи к другой. Достаточно привести один пример. В период арабских завоеваний Дагестана, начавшихся с 644 г., мусульмане встретили ожесточенное сопротивление со стороны местных жителей, которые примкнули к хазарам. Арабо-хазарские войны продолжались около 300 лет, горцы были вытеснены в горы, а хазары – далеко на север от Дербента. Этот пограничный город, ставший опорным пунктом исламизации, был усеян могилами различных завоевателей, не только арабских, но и сельджукских газиев, воевавших «на пути Аллаха». Сегодня в глазах местного населения эти могилы являются священными, а могильник Кырхляр, где похоронены 40 «мучеников за веру», стал объектом поклонения среди местного населения²⁴⁹. Религиозный факт истории оказался важнее этнического.

²⁴⁹ Аликберов А. К. Средневековый культовый комплекс Кырхляр в Дербенте: устные предания и письменные источники о сорока «мучениках за веру». С. 368–389.

Принцип партийности, ныне благополучно забытый, но еще недавно злободневный, хорошо приживается на почве этноцентристских и религиозных историографий развивающихся стран. Нам ближе плюрализм методологии перекрестной истории, в которой учитываются все точки зрения. Постмодернистские отговорки о том, что «автор так видит» или «каждый человек имеет право на собственное мнение», могут быть оправданы лишь в идеологическом дискурсе, но отнюдь не в научном. Неоклассический подход требует научной аргументации и верификации, для этого все проекции света на конкретную фигуру должны сопровождаться точными данными о расположении этой фигуры в системе координат, источников освещения, их удаленности от объекта, силе света, его фокусировке и т. д.

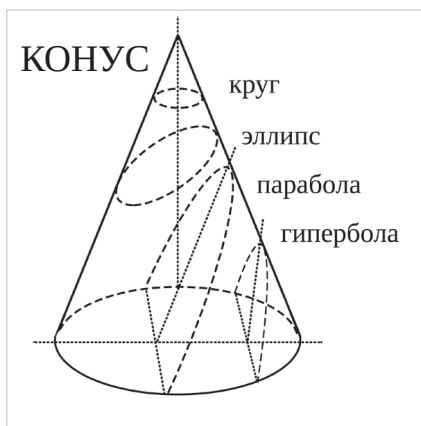

Рис. 6.5. Истинность – это целостность всего частного

Правдивость как истинность в человеческом понимании выступает в качестве достаточно полного, но не абсолютного соответствия содержания научного знания объекту исследования. Этот компромисс основан на языке социального описания: русский язык в этом плане дает исследователю больше возможностей, чем английский, в котором и истина, и правда выражаются одним словом – *truth*; дополнительный семантический оттенок передается прилагательным *divine* «божественный». А между тем различие между «правдой» и «истиной» в русском языке заключается не в «обозначении истины как факта и истины как ценности; правда есть человеческая истина в обоих смыслах, истина – божественная правда в обоих смыслах – истина о Боге и истина, раскрываемая Богом»²⁵⁰.

Если неоклассическая наука признает необходимость изучения исторической реальности посредством идеальных моделей, для опосредования взаимодействия субъекта и предмета исторического исследования, то трудно не признать избыточность категории абсолютной истины, которая мыслилась как «совершенная истина» только в классической науке²⁵¹. Исследователи называют подобного рода

²⁵⁰ См.: Карп Е. Что такое история? С. 153.

²⁵¹ Луман Н. Истина, знание, наука как система. С. 139.

когнитивные «фильтры» «предпосылочным знанием»²⁵². Это знание, находящееся вне источников, своего рода паттерны, представляющие собой «синкретическое единство конструктивного и концептуального»²⁵³. Другой вопрос – противопоставление объективного и субъективного (интерпретативного) по содержанию научного знания, в реальности исследователь имеет дело с континуумом между ними, их различными сочетаниями друг с другом, в которых включенность наблюдателя в процесс познания может как увеличить интерпретативность, так и уменьшить ее. Иначе говоря, лумановское различие *истинное/ложное* необходимо дополнить различием уровней *объективности/субъективности* (интерпретативности) в рамках как истинного, так и ложного знания: последнее также может опираться на объективные факты.

Метрика многомерности хороша тем, что она позволяет совместить разные «правды» в одной общей системе, представляя истиной не одну из точек зрения, а генеральную совокупность этих локальных «правд», каждая из которых имеет своим источником конкретного человека, субъект истории. Отсюда мы восстанавливаем сбитую ангажированной и потому не вполне объективной политкорректностью оптику адекватного и всестороннего понимания каждого субъекта коммуникативных действий в истории.

6.4.4. Введение коэффициента объективности исторического исследования. Определение соотношения между объективностью и интерпретативностью

Для решения проблемы объективности истории логические позитивисты (Х. Рейхенбах, Р. Карнап и др.) предложили устанавливать *степень подтверждения*, или *достоверности* полученных результатов научного исследования, исходя из количественных критериев оценки. Это позволяет говорить о большей или меньшей вероятности гипотезы. Х. Рейхенбах заменил понятие «истинности» на понятие «вероятности» с предельными значениями вероятности – от абсолютной «истины» (1) до абсолютной «лжи» (0), такой подход дает надежные критерии для формализованного описания степени объективности и/или субъективности той или иной теории, или аргументированного научного заключения. Формулируя свой принцип верификации, исследователь допустил, что отдельные утверждения, принадлежащие теории, могут не проверяться, но при этом сама теория должна быть проверяемой²⁵⁴.

В отличие от концепций, оценивающих истинность самого знания, феноменология ставит в центр внимания знание и мировосприятие конкретного *Его* как субъекта коммуникативного действия и пытается связать истину не со знанием как

²⁵² Хвостова К. В., Финн В. К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки. М.: Наука, 1995. С. 74.

²⁵³ Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. С. 38.

²⁵⁴ Murzi, Mauro. Hans Reichenbach (1891–1953) // Internet Encyclopedia of Philosophy. A Peer-Reviewed Academic Resource. [Electronic resource]. URL: <https://www.iep.utm.edu/reichenb>. Retrieved 12.03.2019.

таковым, а с его пониманием и «чувствованием», поскольку именно это требуется для рациональной рефлексии. Понимая задачи науки как производство знания и герменевтическое толкование традиций, Хабермас тем самым невольно разделяет их, обозначая пределы необходимой рефлексии: «она простирается на применение средств в исторических ситуациях, объективные условия которых (потенциал, институты, интересы) каждый раз интерпретируются в рамках определенного традицией самопонимания»²⁵⁵.

Н. Луман идет еще дальше, отвергая не только онтологию, но и гносеологию, предпочитая ей эпистемологию. Будучи системой, изучающей окружение системы, познание не является отражением реальности – ни действительной, ни системной, считает исследователь. Наблюдение как вид системных операций создает мир описания, который является составной частью реальности, одной из его систем. Заменяя теорию познания теорией наблюдения и отказываясь от субъект-объектных отношений, Луман, по мнению ряда исследователей, выступает как представитель радикального конструктивизма²⁵⁶. А. Ю. Антоновский, напротив, не согласен с такой оценкой, как и сам Луман, который демонстративно дистанцировался от этого ярлыка, упрекая «радикальный конструктивизм» в тривиальности. Свою методологию он называл «операциональным конструктивизмом». Все конструируется наблюдателем из «операций»: коммуникаций в системах общества и переживаний в системах сознания.

В постклассической науке любое историческое познание, как и любое другое познание, субъективно, персонифицировано, опосредовано через сознание конкретного историка. Более того, история как наука также рассматривается как «социальный конструкт»: постпозитивист Томас Кун предложил взгляд на науку как на культурно опосредованную и коллективную форму деятельности, агентами которой выступают не отдельные исследователи, а научные сообщества. В этой системе координат неизбежно возникают сомнения в том, может ли история претендовать на статус объективной науки в строгом смысле этого слова.

Иначе говоря, классическая наука считает объективность, обеспечивающую истинность научного знания, его необходимым условием, а постмодернизм – конструктом, возникшим уже после появления науки, поэтому для нее необязательным (П. Галисон, Л. Дастон)²⁵⁷. Ю. Хабермас вслед за М. Фуко называл крайние формы сциентизма беспросветным объективизмом, а «движение исторического угасания субъекта» в гуманитарных науках – беспросветным субъективизмом²⁵⁸.

Неоклассическая модель научной рациональности занимает между этими двумя крайностями компромиссную, можно даже сказать, примирительную позицию, ратуя за переосмысление объективизма с учетом некоторых важнейших субъективных дискурсов, но не отказываясь при этом от объективности как основы науки. Такой компромисс опирается на философские понятия абсолютной и отно-

²⁵⁵ Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». С. 122.

²⁵⁶ Назарчук А. В. Учение Никласа Лумана о коммуникации. С. 64.

²⁵⁷ Галисон П., Дастон Л. Объективность.

²⁵⁸ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. С. 288.

сительной истины, в которой абсолютная истина представляется как совокупность бесконечного числа относительных истин, связанных с субъектами познания. Кроме того, он исходит из того, что науки и научные теории могут быть в различной степени объективными и субъективными (интерпретативными) – как по своему предмету, методам исследования и источникам, так и по способам их трансляции и применения.

В исторической науке степень объективности познания может быть существенно повышена методами и подходами цифровой науки (истории, востоковедения, гуманитаристики), а также усилением общенаучных способов и исследовательских стратегий: информатизацией знания, использованием информационных систем, совмещением аргументированных мнений субъектов анализа (историков) отдельно в каждом из аспектов социальности, а затем – их совмещением друг с другом в системном логическом анализе.

С помощью своего метода системно-логической верификации и принципа транссубъектности можно определять пропорции объективного и субъективного в каждой теории – разумеется, в рамках предельных значений вероятности Х. Рейхенбаха – от максимальной объективности до максимальной субъективности, что, конечно, не всегда тождественно лжи, поскольку речь идет о научных теориях. Кроме того, далеко не все науки являются исключительно объективными или исключительно субъективными: сегодня гуманитарные науки успешно проникают в сферу точных наук, а методы точных наук давно используются в истории (клиометрия, синергетика и др.). Поэтому правильнее говорить о соотношении объективного и субъективного в каждой из теорий.

Отчасти эту идею реализовал Э. Гриффин, предложивший разместить все научные теории на общей шкале, имеющей пять промежуточных, переходных градаций между двумя крайними полюсами: объективностью и интерпретативностью²⁵⁹. Понятно, что увеличение дробности переходных градаций, имеющих в своем основании одинаковый набор сквозных критериев, позволит дать более точную оценку.

Среди коммуникативных теорий и подходов математическая теория коммуникации Шеннона и Вивера, полностью реализованная на практике, должна находиться в крайне левом, максимально объективном (5/5 объективности) сегменте этой шкалы. Именно сюда Гриффин поместил все теории точных наук (теорию редукции неопределенности и др.). Полностью интерпретативны (и объективны только на 1/5) такие коммуникативные теории, как теория относительной диалектики (*Relational Dialectics*), теория интерактивного взгляда и др. Понятно, что в крайне правом сегменте окажутся все дискурсивные (по своей природе интерпретативные) подходы постмодернизма, за исключением концепций, имеющих практическое значение. Концепции, представляющие крайний релятивизм, могут выпасть из этой шкалы.

Так, если считать 5/5 за 100%, то 1/5 – это 20%. Подразумевается, что в историческом познании в силу его специфики объективность не может быть установ-

²⁵⁹ Griffin, Em. A First Look at Communication Theory. P. 21.

лена вне субъективности, и наоборот. Интерпретативные оценки также не могут игнорировать объективность, поскольку в основе любой интерпретации лежит объективный факт, пусть даже в многократно опосредованной форме (рис. 6.6).

Математическая теория коммуникации Теория редукции неопределенности				
ОБЪЕКТИВНОСТЬ		Конструктивизм	Теория символической конвергенции	
5/5	4/5	3/5	2/5	1/5
1/5	2/5	3/5	4/5	5/5
Символический интеракционизм Семиотика			ИНТЕРПРЕТАТИВНОСТЬ	
			Теория относительной диалектики Теория интерактивного взгляда Интерпретативная социология	

Рис. 6.6. Шкала соотношения объективности и интерпретативности в системе научных идей на примере некоторых коммуникативных теорий. Составлена автором на основе развития идей Э. Гриффина

Основная часть теорий располагается между крайними полюсами, предельными значениями вероятности. Так, теория символической конвергенции занимает средний третий сегмент между полюсами, т. е. она на 3/5 объективна и ровно настолько же интерпретативна. Семиотику и теорию символического интеракционизма Гриффин разместил в четвертом сегменте, соседнем с пятым, максимально интерпретативном, следовательно, эти теории объективны на 2/5 и интерпретативны на 4/5. Конструктивизм, напротив, на 4/5 – объективная теория, и только на 2/5 – интерпретативная²⁶⁰.

По всей вероятности, по такой же динамической шкале необходимо оценивать не только теории, но также и их релевантность по отношению к предмету исследования. Например, использование методов многомерного подхода для изучения цифровой истории, оперирующей непрерывными и точными данными «цифровых следов», позволит получить гораздо более объективный научный результат, близкий к 5/5 по объективности, чем их же использование для анализа нецифровой истории. В последнем случае необходимо создавать специальную информационную (точнее, программную) среду, вводить в нее переменные, взяв за основу совершенно объективные данные приборов, составлять алгоритмы. Моделирование истории и симуляция социальных процессов в прошлом без необходимого числа точных фактических и при этом достаточно репрезентативных статистических данных увеличивает неопределенность результатов анализа, но здесь тоже существуют разные возможности.

Если взять сюжет из новой и новейшей истории, например фрагмент истории жизни условного государственного деятеля, каждый день которого детально запротоколирован и данные о его жизнедеятельности сохранились в архивах, то можно добиться высокого результата объективности, равного 50–60%. Если

²⁶⁰ Griffin, Em. A First Look at Communication Theory. P. 22.

обращаться к средневековью или древности, при изучении которых недостаточность письменных источников часто компенсируется авторитетными мнениями исследователей, то интерпретативность выводов и заключений может достигать показателей, близких к 5/5 по субъективности (100% субъективности, соответствующей 20% объективности). В зависимости от источниковедческой базы исторического исследования можно получить результаты от максимально объективных до максимально интерпретативных. Но в любом случае это не будет абсолютно объективный результат.

Н. И. Быстрицкий и П. В. Кузенков предложили развернутую, более дробную систему определения достоверности исторической информации, в которой предельным значениям вероятности Х. Рейхенбаха и шкале объективности/интерпретативности Э. Гриффина присвоены численные значения (коэффициенты) достоверности знания: «абсолютно достоверное (1); крайне достоверное (0,9); высокодостоверное (0,8); умеренно достоверное (0,7); скорее достоверное (0,6); полудостоверное (0,5); квазидостоверное, скорее недостоверное (0,4); малодостоверное, почти (практически) недостоверное (0,3); вполне недостоверное (0,2); крайне недостоверное (0,1); ложное, абсолютно недостоверное (0)»²⁶¹. Дальнейшее развитие методик оценки может обеспечить точность в сотых и тысячных долях, как в программе «Антиплагиат», с достаточной детализацией, определяющей степень оригинальности исследования. Однако даже эта программа несовершенна: она принимает за плагиат цитаты, корректно оформленные соответствующими ссылками.

Очевидно, вслед за Гирцем мы должны проводить различие между субъективностью и интерпретативностью, хотя обе они выступают в качестве оппозиции объективности. Субъективность как антитеза объективности в строгом смысле слова обусловлена такими факторами, как зависимость от меганарративов, больших теорий и концепций, установок национальной историографии или научной школы, к которой принадлежит исследователь, а также идеологическими воззрениями исследователя, его общественными, политическими, этническими, культурными, религиозными и иными ориентирами, ценностями и предпочтениями. У Гирца интерпретативность – это форма описания, основанная на анализе имеющейся информации, которую он считает объективной.

6.4.5. Культурный релятивизм в системной логике многомерного подхода

Различные варианты решения проблемы культурного релятивизма представлены в трудах последователей Т. Парсонса, развивавших его теорию социальных систем, прежде всего Н. Лумана, Дж. Александера и К. Гирца. Идею кросскультурной коммуникации поддерживает методология перекрестной истории.

Ключевым для многомерного подхода с его вектором движения к объективному знанию является вопрос о том, каким может быть реальное условие между

²⁶¹ Быстрицкий Н. И., Кузенков П. В. Подходы к формированию и анализу свода данных по истории Византии. С. 23.

«релятивизмом» и «правдой» (нерелятивизмом, или анти-релятивизмом). Однако то, что в одной культуре кажется хаосом и беспорядком, в другой культуре олицетворяет установленный социальный порядок. Поэтому К. Гирц, очевидно, во многом был прав, когда утверждал, что хаос – это прежде всего «беспорядочность явлений, не только не интерпретированных, но и не поддающихся интерпретации»²⁶². Эта беспорядочность явлений «угрожает охватить человека: границы его аналитических способностей, границы его выносливости и границы его нравственных представлений»²⁶³.

В культуральном анализе Дж. Александера, который рассматривал культуры как относительно самостоятельные феномены, релятивизм не абсолютизируется²⁶⁴. Еще дальше по пути решения проблемы продвинулся представитель «нового историзма» К. Гирц. Он пришел к заключению, что в любых условиях необходимо придерживаться идеи равноправия культур, но без ее абсолютизации, одновременно выступая против антирелятивизма. Поэтому исследователь предложил **не оказывать безусловную поддержку всякому культурному релятивизму, не абсолютизировать идею равноправия культур, но при этом отвергать антирелятивизм**²⁶⁵. Здесь использован гегелевский принцип отрицания отрицания, который является частью диалектического подхода.

Идея отрицания равноправия культур, как и отрицание равноправия человека, реакционна, она неприемлема для современного культурного человека, рефлексизирующего, сопереживающего и открытого миру. Речь идет, конечно же, именно о равноправии прежде всего в научном познании, а не об их абсолютном равенстве: идеал равенства, будучи идеальной категорией, в реальной жизни недостижим ни по отношению к человеку, ни по отношению к культурам.

Усиливая позиции культурного анализа, «нового историзма» и вообще научных школ, восходящих к Т. Парсонсу, многомерный подход в качестве одной из основ теории неоклассической науки предлагает **принцип равноправия проявлений единой социальной природы человека в системном историческом познании**. С одной стороны, это принцип неиерхического релятивизма, в котором релятивизм не абсолютизируется, как и во всем современном культуральном анализе. С другой стороны, он представляет собой отказ от абсолютизма, присущего метанарративам. И в этом смысле неоклассика выступает как своего рода оппонент классической науки, так же как и неомарксизм оппонирует марксизму, а неомодернизм – теории модернизации и постмодернизму, продолжая развиваться в рамках своей традиции, использующей собственный язык социального описания (общий понятийный аппарат).

Как уже было сказано, проблема культурного релятивизма, основанная на совершенно очевидной, казалось бы, идее равноправия культур (отсюда тезис

²⁶² Гирц К. Интерпретация культур. С. 117.

²⁶³ Там же.

²⁶⁴ Александер Дж. С. Аналитические дебаты: Понимание относительной автономии культуры. С. 18–19.

²⁶⁵ Geertz, Clifford. Anti-Anti-Relativism // American Anthropologist. 1984. Vol. 86 (2). P. 263–278.

о самооценности каждой культуры), признается неразрешимой, поскольку такая идея оправдывает все, в том числе укорененные в отдельных культурах проявления бесчеловечности: ведь каждую культуру также отличает и своя особая мера гуманизма.

Сама такая постановка проблемы, не говоря о попытке ее решения, содержит в себе неустранимое внутреннее противоречие, поскольку речь идет о двух взаимоисключающих друг друга противоположностях. Только диалектический подход допускает единство противоположностей, но здесь диалектикой не обойтись, коль скоро мы говорим об инструментарии научного познания. Но даже если и оставаться на философском уровне рассуждений по вопросу культурного релятивизма, необходимо установить пределы допустимых значений: что считать приемлемым, а что – неприемлемой крайностью.

Проблема культурного релятивизма неразрешима в общей, представляющей в качестве универсальной, системе координат. Реальный мир, пусть и глобализирующийся, представляет собой не единое универсальное пространство культуры, по Э. Ласло, некое Акаша-поле (квантовый вакуум), а некоторое условно воспринимаемое наблюдателем общечеловеческое единство живого, системно-сложного и динамично меняющегося культурного разнообразия. В информационном пространстве такое условное единство, как и реальное многообразие, можно легко представить в виде объемных **визуальных моделей, масштабируемых до уровня коммуникаций каждого конкретного человека**, участника коммуникации.

Совмещение горизонтов методологии «перекрестной истории» с концепциями кросскультурной коммуникации позволяет переопределять информационные принципы сосуществования культур. Любой перекресток подразумевает единые для всех правила его пересечения (базовые общечеловеческие ценности), поскольку их рамки задаются самими задействованными в коммуникации культурами (участниками коммуникации). Принцип общий: кто начинает движение, на перекрестке совершает маневр **по общим правилам**, но двигается по своему маршруту **по собственным правилам**. Общие правила – это своего рода общественный договор, основанный на универсальных общечеловеческих ценностях, здравом смысле и принципах рациональности.

Постановка проблемы культурного релятивизма в пространственной метрике позволяет учитывать дополнительные переменные. Важнейшими из них являются следующие:

1. Многомерность человека предполагает, что его культурное развитие многостороннее. Различные по содержанию компетенции не могут быть одинаково развиты, а мы различаем политическую культуру человека, его этническую и языковую культуру, религиозную, эстетическую, этическую культуру и т. д. Это значит, что культурный релятивизм необходимо начинать изучать с носителя культуры, конкретного *его*.
2. В особом внимании нуждаются обычно игнорируемые различия в понимании одной и той же культуры разными представителями этой же культуры, которые отражают внутренние дискуссии в определенной культур-

- ной среде по линии традиция – новация, религиозное – светское, общественное – политическое, простонародное – элитарное и пр.;
3. Многомерного изучения требуют и системно-сложный состав каждой культуры, архаичные нормы, отвергаемые большей частью представителей этой культуры;
 4. Важно отличать саму культуру от внешних влияний и порождаемых ими противоречий;
 5. В связи с этим возникает непростой вопрос: с какого времени новация (или элемент внешнего влияния) становится традицией, частью местной культуры, когда в процессе синтеза различных культур снимаются противоречия?

Попытки определить архетипы культуры с неуловимой логикой обнажает ту же самую проблему, с которой мы сталкиваемся в историческом познании: индивидуальное восприятие культуры так же субъективно и специфично, как и все, что опосредовано человеческим сознанием. Мир в проектах визуализации культур гораздо более сложен, чем это представляется в его аналоговых проекциях. Это даже не мозаика, а непрерывно меняющийся калейдоскоп образов, в котором, однако, можно периодически выделять чередующиеся сочетания одного цвета, образующие группы (общности), потом эти общности смешиваются, образуя новые/старые общности, но в другой внешней оболочке.

Большие надежды на преодоление культурного релятивизма и понимание культурных различий народов возлагаются на информационные трансдисциплинарные подходы, которые используют совершенно иную метрику анализа данных, основанную на диалоге и сотрудничестве специалистов из самых разных областей знания. Так, авторы недавно изданного научного сборника по трансдисциплинарности обозначили целостность этого подхода как «единство через различия»²⁶⁶.

6.5. ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ НА ОСНОВЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ КРИТЕРИЕВ

Познавательная ценность любого нового научного подхода заключается в его способности если не решать, то хотя бы ставить актуальные научные проблемы, которые в рамках других существующих подходов интерпретировались однобоко и потому не вполне удовлетворительно. Для этого каждый подход вырабатывает собственные концептуальные схемы и объяснительные модели. К числу важнейших концептуальных схем истории относится ее периодизация, упорядочивающая структуру научного знания о прошлом в соответствии с этапами его развития.

Будучи концептуальной схемой, картой, а не детальным описанием физического ландшафта, любая периодизация истории и культуры является редукцией,

²⁶⁶ Information Studies and the Quest for Transdisciplinarity. Unity through Diversity / ed. Mark Burgin, Wolfgang Hofkirchner. L.: World Scientific, 2017.

вынужденным упрощением системной сложности событий и явлений прошлого. Периодизация на основе определенных критериев является выборочной редукцией, поэтому ее познавательные возможности имеют свои ограничители. Задача теории и методологии любого научного подхода – дать системное объяснение факта или явления (феномена), которое приводит к их системному пониманию. Исходя из логики данной работы, периодизация истории и ее предыстории была предложена на основе надпарадигмального информационного подхода. Каждая из стадий начинается с величайших изобретений человечества, имевших всемирно-историческое значение (поскольку они изменили ход истории) и при этом абсолютно достоверных, которые можно проверить по историческим следам – такие, как изобретение письменности, книгопечатания или компьютера. В соответствии с принципом «нового историзма», уравнивающего следы прошлого, по которым мы реконструируем историю, мы получили концептуальную схему, которая также является объяснительной.

Если рассматривать всеобщую историю, составной частью которой является история Востока, как организованную и упорядоченную **систему информации о прошлом**, то для ее общей периодизации в многомерной проекции в качестве базовых могут использоваться только **информационные и коммуникативные критерии**. В системно-коммуникационном анализе логично представить критерии выделения стадии исторического процесса в виде информационных типов коммуникации, определяющих **способы и формы передачи информации**, а также ее **носитель (материал)**. Как уже говорилось, акт коммуникации, непосредственный или виртуальный, является самым главным, если не единственным, условием социальной связи, а передача той или иной информации – главной целью коммуникации. Без коммуникации – общественной, политической, экономической, религиозной, культурной и т. д., осуществляемой вербально или невербально, социальная связь невозможна в принципе.

6.5.1. Устная и письменная стадии развития культуры как основание для периодизации истории

Периодизация истории и культуры в качестве концептуальной схемы в рамках системных, информационных и коммуникативных подходов должна, во-первых, быть вписана в периодизацию культуры, частью которой она является, а во-вторых, отвечать по меньшей мере двум условиям: 1) опираться исключительно на информационные и коммуникативные критерии; 2) иметь всеобщий характер и потому не допускать исключений из правил; 3) опираться только на общепризнанные исторические факты; 4) коррелировать с научными специальностями, в той или иной степени отражающими существующую структуру исторической науки на современном этапе.

В состав исторической науки входят также вспомогательные исторические дисциплины, описывающие развитие информационных технологий с древности: **история технологий, история письменности, история книги, или книжной культуры** и др. История технологий является известной областью специализации исто-

риков и представителей других общественных наук. Идея социального конструирования технологии затрагивает различные сферы социальности, от культуры и религии до политики и экономики. **История книги**, представленная работами социальных историков, работающих в стиле «Анналов», историков письма, социологов, культурологов, библиографов и литературоведов, подчеркивает материальные аспекты культуры, в том числе духовной²⁶⁷.

Первый критерий для информационной периодизации истории – **развитие письменности** как важнейшего средства коммуникации. Изобретение письменности (точнее, различных систем письма) позволило фиксировать важную информацию, распространять религиозные и научные знания. Однако «рукописное знание было редким и сокровенным»²⁶⁸, а многомиллионные тиражи печатных книг сделали их самым доступным и практичным источником информации. «Печатный капитализм», согласно Бенедикту Андерсону, открыл для «быстро растущего числа людей возможность осознать самих себя и связать себя с другими людьми принципиально новыми способами»²⁶⁹. Наконец, возникновение Интернета сделало возможным включение в глобальную систему коммуникации всех людей, у которых есть доступ в сеть.

Второй из основных критериев – **материал письма**, если рассматривать его в качестве носителя и хранилища информации. Человечество начинало писать петроглифами, иероглифами, развившимися в клинописное письмо, затем слоговыми и буквенными знаками. В Египте изобрели алебастр, а в Передней Азии делали глиняные таблички и цилиндры, потому что писать на них было существенно легче, а потом обжигать: так они приобретали керамическую твердость и становились надежным носителем информации. Начальный этап в развитии письменной культуры можно обозначить как монументальный: как известно, с эпиграфики, собственно, и начиналась культура письма. Пергамент, изготовленный из телячьей кожи, а также папирус оказались еще более удобным материалом, из них можно было делать книги и свитки. В палимпсестах восстановлению поддаются даже стертые тексты, даже если сверху написан другой текст. Распространение бумаги, когда она стала более доступным материалом, совершило переворот в книжном деле и развитии СМИ. На наших глазах настоящую революцию произвело изобретение, а затем широкое распространение электронных носителей информации. За два последних десятилетия объем памяти этих носителей не просто с каждым годом увеличивается, но и продолжает расти в геометрической прогрессии. Эволюция письменной культуры человека, зародившейся в Месопотамии, Древнем Египте, Китае и Индии, хорошо описана, в том числе с учетом истории материала для письма²⁷⁰.

В зависимости от когнитивных задач исследования и выбранных критериев информационные подходы могут предложить различные схемы периодизации

²⁶⁷ Nerone, John. The Future of Communication History. P. 255–257.

²⁶⁸ Anderson, Benedict. Imagined Communities. С. 33.

²⁶⁹ Там же.

²⁷⁰ Семеновкер Б. А. Эволюция информационной деятельности. Рукописная информация. Ч. 1. М.: Пашков дом, 2009.

истории и культуры. Самым первым на этом пути оказался Маршалл Маклюэн, который в своей «Галактике Гутенберга» предложил выделить четыре эпохи в истории культуры: 1) культура дописьменного трайбализма; 2) рукописная культура; 3) печатная культура; 4) электронный век²⁷¹.

Общие принципы периодизации истории с точки зрения широкого коммуникативного подхода приводятся к книге Никласа Лумана «Дифференциация». Основная идея работы – в дифференцировании, т.е. различении, разных форм и типов исторического развития. История в исторической методологии Лумана предстает как переход от сегментарных обществ к стратифицированным, а от них – к функционально-дифференцированным. В этом смысле высокоразвитые «формы» Зиммеля и Вебера также воспринимаются как корреляты дифференциации²⁷². В «Самоописаниях» периодизация истории получила свое дальнейшее развитие. Говоря об эволюции коммуникаций, Луман подчеркивает значение памяти для дописьменного периода развития коммуникативных систем²⁷³. Эволюцию идей и письменных коммуникаций Луман рассматривал в неразрывной связи с эволюцией общественных подсистем²⁷⁴. В отличие от Т. Парсонса, он включил в периодизацию истории не только период письменной культуры, но и предшествовавший ему период устной культуры.

Периодизация истории на основе информационных критериев рефлексирована и в отечественной историографии²⁷⁵. Так, анализируя исторические корни современной информационной среды, Е. В. Петрова выделяет четыре доминировавших в тот или иной период способа передачи и хранения информации: устный, письменный, печатный, электронный²⁷⁶. Л. Н. Мазур выделяет три этапа эволюции информационной среды общества – древнейший (2,4 млн лет – 5500 лет до н.э.), цивилизационный (4 тыс. до н.э. – XX в. н.э.) и информационный (вторая половина XX в. – XXI в.), с переходными этапами в виде продолжительных информационных революций. Первая революция, начавшаяся пять с лишним тысяч лет тому назад с переходом человека от пиктографии к алфавиту, связана с появлением письменности, вторая, растянувшаяся на полтора столетия, – с изобретением электричества и компьютера²⁷⁷.

С точки зрения развития коммуникации, способов хранения, материала как носителя информации и способов передачи информации вслед за М. Маклюэ-

²⁷¹ McLuhan, Marshall. The Gutenberg Galaxy: the Making of Typographic Man. Toronto: Univ. of Toronto Press, 1962.

²⁷² Луман Н. Дифференциация. С. 8.

²⁷³ Luhmann, Niklas. Was ist Kommunikation? S. 13.

²⁷⁴ Луман Н. Эволюция. С. 73–89.

²⁷⁵ Так, анализируя исторические корни современной информационной среды, Е. В. Петрова выделяет четыре доминировавших в тот или иной период способа передачи и хранения информации: устный, письменный, печатный, электронный. См.: Петрова Е. В. Человек в информационной среде: социокультурный аспект. М.: ИФ РАН, 2014.

²⁷⁶ Петрова Е. В. Человек в информационной среде: социокультурный аспект. М.: ИФ РАН, 2014.

²⁷⁷ Мазур Л. Н. Историческая наука в условиях «цифрового поворота»: этапы и проблемы (на примере изучения бюджетных обследований крестьянских хозяйств в XX веке) // Историческая информатика. 2019. № 3. С. 79–80.

ном и Н. Луманом можно выделить две исторические стадии развития культуры: 1) **стадию устной культуры**, охватывающую весь продолжительный бесписьменный период истории, и 2) **стадию письменной культуры**, насчитывающую последние 5000 с небольшим лет.

Отталкиваясь от этой периодизации культуры, мы идем дальше, предлагая разделить стадию письменной культуры на основе информационных критериев на четыре периода в соответствии с хорошо выделяемыми доминантами письменной коммуникации, при этом цифровая коммуникация является не только письменной, но и аудиовизуальной и интерактивной:

- 1) **период монументальной культуры** (от возникновения протописма в виде пиктограмм и идеографики, а затем и собственно письменности до появления рукописного письма на пергаменте, папирусе или бумаге);
- 2) **период рукописной культуры** (от появления рукописных текстов до изобретения книгопечатания);
- 3) **период книгопечатной культуры** (от изобретения книгопечатания и научно-технического прогресса, наступившего после промышленной революции, до появления компьютера);
- 4) **период цифровой/информационной культуры** (начался во второй половине XX в. с революции в области компьютерных и электронных технологий и изобретения Интернета).

Стадия устной культуры несравненно продолжительнее стадии письменной культуры. Она насчитывает десятки тысяч лет и не завершается с изобретением письменности, поскольку устная культура оставалась доминирующей у большей части человечества. Устные формы передачи информации господствовали на начальной стадии истории. Существует мнение, согласно которому речь стала появляться по мере необходимости обозначения предметов, вещей и явлений окружающего мира. Большинство исследователей, однако, предпочитает отличать язык как когнитивную способность человека, средство коммуникации, от речи как одной из форм коммуникации, которая развилась много позже языка. Развитие речи как важнейшего способа вербальной коммуникации обусловило, в свою очередь, возникновение первобытного общества, ознаменовав собой начало стадии устной культуры.

Частью устной культуры является «устное право» (*oral law*) – система изустных правил, предписаний и указаний, регулирующих отношения внутри общины, которое впоследствии оформилось в обычное право. Неразрывной частью обычного права является кодекс поведения, используемый в конкретных общинах, который включает в себя моральный кодекс и кодекс чести. Среди естественных в тех условиях регуляторов общественной жизни важное место занимал обычай (на Северном Кавказе – *адат*), основанный либо на кодексе чести (например, обычай кровной мести), либо на моральном кодексе (обычай примирения и др.). Категория неписаного права шире, поскольку она охватывает не только обычное право, но и предшествующий ему период формирования обычая.

Рут Финнеган понимает «устное право» еще шире, как кодекс или руководство, используемое в отношении культурных, религиозных и общественных

предписаний²⁷⁸. Поскольку общественные модусы человеческого существования условно подразделяются на составные части, мы выделяем культурные, религиозные и правовые компоненты общественных процессов в виде отдельных категорий, хотя в реальной жизни в отдельных своих аспектах они взаимосвязаны и взаимозависимы вплоть до степени взаимозаменяемости. Помимо устной культуры, истории и права, следуя этой логике, мы различаем устную дореligиозную и языческую духовную традицию, поскольку языческие правовые установки вплетены в живую ткань обычая.

Стадия письменной культуры целиком является предметом исторической науки: в классификации Энгельса «наша **писаная история**» соотносится со стадией письменной культуры так же, как «доисторическая основа истории» – со стадией устной культуры²⁷⁹. Поскольку история есть нарратив, а не точное, буквальное воспроизведение реальных событий прошлого – подобно тому, как карта не является точной копией реального мира²⁸⁰, то и историописание не является историей, а лишь ее описанием, фрагментарным слепком событий прошлого. Развитие истории как профессионального занятия связано с развитием письменной культуры²⁸¹. По мере развития письменности устная культура постепенно сдавала свои позиции. Сегодня ее представляют мемуары, дневники, интервью и воспоминания участников событий, где основным источником информации выступает память.

Прохождение каждой из этих стадий, с одной стороны, представляло собой длительный исторический процесс, который характеризовался господством разных укладов жизни, типов хозяйствования, особых форм социальных отношений. С другой стороны, мы также видим, что различные общества развивались по-разному: одни раньше, другие позже открывали для себя новые коммуникационные возможности, затем переживали схожие процессы, поскольку развивались изолированно друг от друга. И язык, и письменность, и современные технические способы фиксации звуков, символов и изображений представляют собой знаково-символьные системы, служащие целям социальной коммуникации. С каждой новой стадией коммуникационные возможности отдельных обществ неизмеримо возрастали и усиливались, так же как и характер информационных связей между ними.

ПЕРЕФРАЗИРУЯ М. МАКЛЮЭНА, отметим, что ребенок в школе проходит через все обозначенные этапы, когда он: 1) заучивает материал наизусть с первого класса, развивая память (развивает навыки устной культуры); 2) запоминает буквы, обращаясь к картинкам в букваре (через образы, идеи и символы заучивает алфавит); 3) осваивает чистописание (в дореволюционной России практиковалась каллиграфия, а в Китае, Японии, Индии и мусульманских странах до сих пор практикуется); 4) обучается работать с книгой после начальной школы (овладевает культу-

²⁷⁸ Finnegan, Ruth H. A Note on Oral Tradition and Historical Evidence // *History and Theory*. 1970. No. 10. P. 195–201.

²⁷⁹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 8–9.

²⁸⁰ Известное выражение Альфреда Коржибски «Карта не есть территория», которое любил повторять Грегори Бейтсон, разрабатывавший свой коммуникативный подход в антропологии, выражает соотношение между символом и объектом.

²⁸¹ Vansina, Jan. *Oral tradition as History*. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1985.

рой книгочтения); 5) изучает информатику в старших классах (осваивается в цифровой среде).

Периодизация истории и культуры на основе информационных критериев удивительно коррелируется с современной классификацией основных и вспомогательных дисциплин исторической науки, изучающих события прошлого на материалах исторического фольклора, древних надписей на камнях, средневековых рукописей и историографии вплоть до цифровых источников нашего времени.

6.5.2. Период устной истории

[исторический фольклор / история первобытного общества]

В дописьменный период истории человечества знания о прошлом сохранялись в устной форме, которую вполне можно назвать историей¹. Стадии устной культуры в нашей периодизации соответствует **устная история** (*Oral History*), сохранившаяся в виде *исторического фольклора*, или *историко-фольклорного материала*. Он включает в себя исторические песни, баллады, былины и сказки, эпические произведения, описывающие «деяний царей» и героев («Шах-нама»), а также другие памятники исторического фольклора. Былины – это передававшиеся изустно рассказы о героях/богатырях и совершенных ими подвигах или добрых делах: похожий устный жанр существует и в восточных традициях.

Устная история отражает самый продолжительный дописьменный период исторического процесса, который имеет прямое отношение к зарождению практически всех основных социальных институтов. Наряду с языком, народными обычаями, культовыми обрядами, правовыми нормами и представлениями устная история является бесценным источником для изучения стадии устной культуры – начального бесписьменного периода в истории каждого народа. Устную культуру правомерно начинать с завершения процессов антропогенеза и возникновения языка, а главное – с осознания прошлого опыта. Язык как важнейшее средство коммуникации обеспечивает человеку возможность общения с себе подобными. Будучи системой вербальных кодов, символов и языковых знаков, он с древнейших времен выполнял основную роль в процессе коммуникации людей и в настоящее время продолжает развиваться благодаря объективным потребностям коммуникации. Согласно Фридриху Энгельсу, труд создал человека, одновременно с этим в процессе развития общения возник и язык. В свою очередь, исторически общение обусловлено объективными потребностями социального взаимодействия²⁸².

Монотеистические религии настаивают на божественном происхождении языка. В Ветхом Завете происхождение языка увязано с происхождением самого человеческого рода: «И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым» (Быт. 2, 15–22)». Согласно Корану, Аллах сотворил пер-

²⁸² Ф. Энгельс указывал на внутреннюю связь между развитием трудовой деятельности первобытного человеческого коллектива, развитием сознания (и вообще психики) и развитием форм и способов общения. См.: Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Соч. 2 изд. Т. 20. С. 490.

вого человека из праха и «звучащей глины»; научив человека именам всех вещей, Аллах тем самым «возвысил его над ангелами» (Коран, II:29).

Проблема генезиса языка относится к числу наиболее сложных в науке²⁸³. В 1866 г. Лингвистическое общество Парижа даже наложило запрет на дискуссии по этой проблеме, сочтя их бессмысленными, и этот запрет соблюдался в западной науке больше столетия²⁸⁴. В настоящее время изучение глоттогенеза находится за пределами лингвистики/языкознания, а в науке возобладал комплексный взгляд на вербальные и невербальные средства общения. **Паралингвистика**, изучающая жесты, изначально формировалась как отдельная дисциплина языкознания. С легкой руки социального антрополога Роя Раппапорта в западной науке получило широкое признание мнение, согласно которому нельзя говорить о языке как отдельном феномене, поскольку он является одним из аспектов более широкой человеческой т. н. «символьной культуры» (*Symbolic Culture*)²⁸⁵.

На начальной стадии истории господствовали устные формы передачи информации. Первобытные люди использовали для этого голос, что способствовало появлению членораздельной речи. Существует мнение, согласно которому речь стала появляться по мере необходимости обозначения предметов, вещей и явлений окружающего мира. Большинство исследователей, однако, предпочитают различать язык как когнитивную способность человека, средство коммуникации, и речь как одну из форм коммуникации, которая развилась много позже языка. Развитие речи как важнейшего способа вербальной коммуникации привело к возникновению первобытного общества и о знаменовало собой начало стадии устной культуры в истории.

Для нас принципиальна мысль о том, что формирование языка связано не только с развитием/эволюцией самого человека, но и с происхождением общества как коммуникативной общности языка или языков. Исследователи не случайно говорят о величайшем коммуникационном значении языка и его культурных корнях²⁸⁶. В настоящее время лингвисты пришли к заключению о том, что «происхождение языка связано с гораздо более архаичными формами взаимоотношения людей и относится ко времени возникновения общества. Кроме того, язык как средство общения вообще мог возникнуть лишь как следствие появления определенных социальных функций общения»²⁸⁷.

Что касается происхождения конкретных языков, то до появления письменности, как признают В. П. Алексеев и А. И. Першиц, «языковая информация практи-

²⁸³ Christiansen, Morten H.; Kirby, Simon. Language Evolution: The Hardest Problem in Science? // *Language Evolution* / ed. by M. H. Christiansen and S. Kirby. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003. P. 1–15.

²⁸⁴ Stam, James H. *Inquiries into the Origins of Language*. N.Y.: Harper and Row, 1976.

²⁸⁵ Rappaport, Roy A. *Ecology, Meaning and Religion*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1979. P. 210–211; Knight, Chris. *The Origins of Symbolic Culture* // *Homo Novus – A Human without Illusions* / ed. by Ulrich J. Frey, Charlotte Störmer and Kai P. Willfuhr. Berlin – Heidelberg: Springer-Verlag, 2010. P. 193–211.

²⁸⁶ Tomasello, Michael. *The Cultural Roots of Language* // *Communicating Meaning. The Evolution and Development of Language* / ed. by B. M. Velichkovsky and D. M. Rumbaugh. Mahwah, NJ: Erlbaum, 1996. P. 275–307.

²⁸⁷ Леонтьев А. А. Происхождение языка // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Наука, 1990. С. 400–401.

чески отсутствует, и мы имеем здесь не более чем правдоподобные гипотезы»²⁸⁸. Сравнительно-историческая лингвистика, опираясь на методики глоттохронологии, тем не менее предлагает свои предположения, создавая исторические атласы языков и описывая схемы их дивергенции, связывая языковые процессы с историческими.

Устной истории предшествовал этап устных свидетельств (*Oral Evidence*)²⁸⁹, который очень условно можно назвать первобытной историей. В категорию устных свидетельств, по разным оценкам, входят:

- 1) новости, передаваемые непосредственно свидетелем, который воочию наблюдал за событием, или передача новости со слов свидетеля; чем больше людей в цепочке передачи, тем больше новость теряет в своей объективности. Если новость была коллективной и имела общественный резонанс, то у нее есть шанс сохранить черты объективности и превратиться в народную молву. А это уже основа устной истории;
- 2) интерпретация опыта: реминисценции, смутные воспоминания, отголоски; комментарии, устное народное творчество.

Устная история является частью устной народной традиции, которая включает в себя также пословицы и поговорки, народные песни, баллады, сказки, все наследие устной духовной культуры, передаваемой из поколения в поколение, однако этим ее реальное содержание далеко не исчерпывается. Устная культура в самом широком смысле охватывает все аспекты нематериальной жизнедеятельности дописменного общества и делает основной упор на сохранение духовных ценностей, наиболее важных для практического существования конкретного общества. Помимо устной истории, устная народная традиция включает в себя и другие аспекты культуры, например неписаное (обычное) право, или обычай.

Изучение устной истории включает в себя концептуализацию проблемы, сбор историко-фольклорного материала с помощью полевых исследований, методов интервьюирования, транскрипции и архивации данных²⁹⁰. В категорию устной истории входят воспоминания очевидцев; передаваемые из поколения в поколение речи в исторически важных обстоятельствах; исторические сплетни; коллективное мифотворчество, в том числе эпические повествования и героические рассказы.

П. Томпсон считает, что некоторую часть устной истории составляли мистические видения, вещие сновидения, галлюцинации, однако системный подход заставляет нас отделять реальный исторический опыт от трансцендентного религиозного и не включать в устную историю религиозный опыт человека.

Древнейшие очаги археологических культур локализуются в Анатолии, Месопотамии, Египте, долине Инда, Китае, на Балканах и Кавказе. В энеолите появля-

²⁸⁸ Алексеев В. П., Першиц А. И. История первобытного общества. С. 37.

²⁸⁹ Grele, Ronald J. *Oral History as Evidence* // *History of Oral History: Foundations and Methodology* / ed. by Thomas L. Charlton, Lois E. Myers, Rebecca Sharpless. Lanham – N.Y. – Toronto – Plymouth, UK: AltaMira Press, 2007. P. 38.

²⁹⁰ Charlton, Thomas L.; Myers, Lois E.; Sharpless, Rebecca. Introduction // *History of Oral History: Foundations and Methodology* / ed. by Thomas L. Charlton, Lois E. Myers, Rebecca Sharpless. Lanham – N.Y. – Toronto – Plymouth, UK: AltaMira Press, 2007. P. 3.

ется петроглифика, протописьмо, на основе которого в течение последующих эпох, по-разному в различных географических ареалах, одновременно с появлением общественных классов, бюрократии и политических структур как раз и возникает письменность. На место устной истории постепенно приходит история письменная, историописание.

Периодом устной истории занимается субдисциплина исторической науки – **история дописьменных обществ**, ее вспомогательные дисциплины, прежде всего археология и архивоведение (в части изучения воспоминаний участников событий, документальных кино- и фотодокументов), а также фольклористика, эпосоведение, **сравнительно-историческая лингвистика**, мемуаристика и др.

6.5.3. Период монументального письма [пиктографика, эпиграфика]

Письменность представляет собой качественно новую форму существования человеческого языка, она характеризуется несравненно бóльшим уровнем формализации речевой информации для ее последующей передачи вне времени и пространства. Это знаковая система другого, более высокого уровня, чем сам язык, поскольку является формой фиксации информации как осмысленного потока слов-мыслеформ на конкретном языке и на конкретном материале (папирусе, камне, бычьих шкурах, ткани, бумаге и др.) с помощью специальных графических символов или буквенных знаков. Как отмечала О. А. Добиаш-Рождественская, периоду книжной культуры предшествовал продолжительный **период монументального письма**²⁹¹.

Пиктографический этап монументального письма. Древнейшей формой письменности, точнее ее праобразом в том виде, как мы понимаем письменность, было пиктографическое письмо. Оно передавало единицы смысла напрямую, без посредничества языка описания. Значения предметов, явлений и действий фиксировались с помощью рисунков, графически намекающих на эти предметы и действия. Пиктограммы типологически выполняли те же функции, что и жесты, будучи выражением языка намеков: они оба представляют собой систему символов, обеспечивающих невербальный тип коммуникации. Пиктографическое протописьмо апеллировало к мыслеформам, образам, целым предложениям, а не к их словесным формам. Как утверждают специалисты, самые ранние пиктограммы, обнаруженные в Месопотамии, датируются 35–32 вв. до н. э., а в Египте – 40 в. до н. э. Изучением пиктографического письма занимается **пиктографика**.

Эпиграфический этап монументального письма. Развитие и формализация пиктографического письма, которое приобрело множественные значения, привело к появлению **идеографического письма**, прежде всего **иероглифики**. Первоначально она также не была связана с произношением слова, т. е. конкретным

²⁹¹ Добиаш-Рождественская О. А. История письма в Средние Века. Руководство к изучению латинской палеографии. Л.: Наука, 1936. С. 7.

языком. Самые ранние египетские иероглифы относятся к 3200 г. до н. э., но затем иероглифическое письмо было дополнено фонетическими знаками²⁹².

Недостаток идеограмм и иероглифов был преодолен слоговым (**силлабическим**) письмом. Самым древним слоговым письмом считается шумерская **клинопись** (XXX в. до н. э.), которая позже была приспособлена под фонетические особенности эламитского, хаттского, хурритского, урартского и других древних языков²⁹³.

Из силлабического письма развилось **алфавитное фонетическое письмо**, первое из которых – финикийское, было консонантным, как древнееврейское (арамейское) или современное арабское, т. е. в нем не было буквенных знаков для передачи гласных. Греческая письменность, развившаяся в конце IX или начале VIII в. до н. э. из финикийского, стала, как предполагают лингвисты, первым полностью фонетическим (т. н. консонантно-вокалическим) письмом. В свою очередь, оно продуцировало большую часть алфавитов современного человечества.

Первоначально пиктография и древние письменные тексты, прежде всего иероглифические и клинописные, были эпиграфическими, они вырезались, высекались или наносились с помощью специальных инструментов (резцов) на твердый материал – камень, штукко, глиняные таблички. Эти тексты больше служили целям хранения информации, ее фиксации, чем коммуникации. Поэтому во всех древних письменных культурах выделяются преимущественно три вида эпиграфики: 1) исторические хроники – монументальные надписи, фиксировавшие важные исторические победы древних царей; 2) хозяйственные тексты (обычно на глиняных таблицах); 3) записи священных текстов (и те, и другие – обычно на скалах или высеченных из камня монументах). Сакральная эпиграфика нашла свое применение в монументальных надписях на культовых строениях (на камне, штукко, изразцах) и эпитафиях на надмогильных памятниках. Надписи-хроники, которые прежде были доступны только царям (на Востоке) и патрициям (в Римской империи), стали появляться даже в самых мелких селах, где жили образованные люди; эти тексты фиксировали важные вехи в истории села. В арабской эпиграфике надписи-хроники называются «*та'рих*» (букв.: «история»).

Этот древнейший период письменной культуры берет свое начало с момента возникновения и распространения письменности, у каждого народа обретение письменности имеет свою собственную хронологию, поэтому периодизация культуры и истории как ее части не может быть тотальной или универсальной. Появление письменности позволило местным обществам фиксировать важную информацию, прежде всего хозяйственную и правовую, а также оставить потомкам память о великих победах царей и вельмож. Важное отличие эпиграфического письма от рукописного – в нем текст составлял один человек, а вырезал на твердом материале (камне, дереве, металле) другой – резчик. Даже если эти две разные операции совершал один и тот же человек, трудно назвать эпиграфические тексты рукописными, скорее рукотворными: в конечном счете текст наносится не пером

²⁹² Mattessich, Richard. The Oldest Writings, and Inventory Tags of Egypt // Accounting Historians Journal. 2002. 29 (1). P. 195–208.

²⁹³ Daniels, Peter T. Ancient Near Eastern Writing Systems // The World's Writing Systems / ed. by Peter T. Daniels, William Bright. N.Y. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1996. P. 146.

и чернилами, а специальным инструментом, причем далеко не всегда по рукописному шаблону.

Переходный этап от эпиграфического к рукописному. На этом этапе материал письма все еще остается эпиграфическим, а само письмо становится рукописным: по крайней мере процесс создания памятников письменности обходится без посредников в лице резчиков по твердому материалу. Поскольку материал нетвердый, например глина, которая использовалась для древнейшей из известных систем письма – клинописной, тексты писали люди, владевшие письменностью. Но в клинописи буквенные знаки, представлявшие определенные конфигурации «клиньев», не писались, а выдавливались на глине.

Памятниками монументального письма занимаются вспомогательные исторические дисциплины – **эпиграфика, сфрагистика, нумизматика**, а самим периодом зарождения письменности и развития монументального письма – **история Древнего мира**, включающая в себя **историю Древнего Востока**.

6.5.4. Период рукописной истории [нарративные источники / источниковедение]

Периоду рукописной культуры соответствует **рукописная, или летописная история**. Тексты на бамбуке, пеньке, шелке, деревянных дощечках, берестяных грамотах, которые писались уже самими писцами без посредничества резчиков, означали не только переход от периода эпиграфической истории к рукописной, но и к использованию чернил. Появление кириллицы, которое одни исследователи связывают с деятельностью Кирилла и Мефодия в середине IX в., другие – с потребностями Первой Булгарской империи в течение X в.²⁹⁴, совпало по времени с началом развития рукописной культуры.

Изначально излюбленным материалом для рукописных текстов были папирус, производимый из тростника, и пергамент, выделяемый из бычьих и телячьих шкур. В связи с распространением религий (иудаизма, христианства, ислама, других религий) появляются сакральные и иные тексты на свитках из пергамента, а также книги из того же материала.

Потребность в письменной фиксации информации появилась по мере ее накопления, в связи с политическими, экономическими и иными потребностями формирующихся государственных образований, их хозяйственными нуждами, но не только: более важное значение для освящения авторитета власти имело сакральное значение письменного слова. Поэтому письменность была изначально связана с религией. Более того, хранителями письменной культуры, как и устной традиции, были жречество, служители культов, затем церковь, монашество, религиозные образовательные институты²⁹⁵.

²⁹⁴ Cubberley, Paul. The Slavic Alphabets // The World's Writing Systems / ed. by Peter T. Daniels, William Bright. N.Y. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1996. P. 346–355.

²⁹⁵ Jensen, Hans. Sign Symbol and Script: An account of man's efforts to write. L.: George Allen and Unwin Ltd, 1970.

Распространение монотеистических идей сопровождалось также и культурной экспансией той или иной религии. Первые рукописи представляли собой священные тексты, записанные на пергаменте, однако в связи с этим эпиграфика не исчезла, а стала развиваться параллельно. События более крупного масштаба записывались на бумаге, так же как и памятные записи местного масштаба в виде глосс на полях рукописей. Личная переписка, появившаяся еще в ранний, эпиграфический период (надписи на тканях, коре дерева, черенках и др.), а также хозяйственные, административные и деловые документы перестают быть эпиграфическими.

После появления письменности изменились характер и способы коммуникации между людьми. Если на первых порах гонцы все еще продолжали передавать сообщения в устной форме, то очень скоро потребность в постоянном обмене информацией привела к возникновению почтовой связи. Не случайно историю почты называют летописью цивилизации: развитие почты непосредственно связано с возникновением и развитием древних государств. Почтовые службы появились во всех крупных государствах древнего мира, сначала в Ассирии, Вавилоне и Египте, где на папирусах передавалась в том числе и хозяйственная информация. Геродот (Hist. VII: 98) упоминал принципы организации почтовой службы в древней Персии: «На протяжении всего пути у них расставлены лошади и люди, так что на каждый день пути приходится особая лошадь и человек. Ни снег, ни ливень, ни зной, ни даже ночная пора не могут помешать каждому всаднику проскакать во весь опор назначенный отрезок пути. Первый гонец передает известие второму, а тот третьему. И так весть переходит из рук в руки, пока не достигнет цели <...>». Речь идет о почтовых станциях, установленных на важнейших дорогах, которые были удалены друг от друга на расстоянии дневного пробега лошади. Этот принцип впоследствии стал использоваться повсеместно, в том числе в Римской империи, в которой государственная почта (*cursus publicus*), созданная Гаем Юлием Цезарем, осуществляла коммуникационную связь различных частей обширной империи как по суше (конная почта), так и по морю. Регулярная почтовая служба, существовавшая в Арабском халифате, использовала караванные пути и караван-сарай для отдыха. Почтовые традиции монголов, с одной стороны, и европейских народов – с другой, привели к появлению почтовой службы и в России.

Изобретение бумаги в Китае в начале нашей эры и ее распространение по миру сделали переворот в рукописной книжной культуре. Технология производства бумаги была достаточно простой, соответственно и цена на нее была существенно более низкой по сравнению с другими материалами. Характерно, что название бумаги в романских и германских языках происходит от того же корня, что и папирус (англ. *the paper*, фр. *le papier*, нем. *das papier*). Благодаря расширению географии грамотности и доступности материалов для письма (бумаги и чернил) появляются повествовательные источники, а также различного рода государственные, дипломатические, хозяйственные и иные документы, по которым историки изучают прошлое. Как правило, эти рукописные документы обеспечивали потребности не только религии, но и государства и общества, прежде всего в сферах управления, дипломатии, судопроизводства, хозяйства и торговли.

Рукописная книжная традиция господствовала в течение всего средневековья: она сохранилась в виде различных по размерам фолиантов рукописных книг, свитков, других письменных источников, которые доступны узкому кругу источниковедов в рукописных коллекциях и фондах по всему миру.

Противопоставляя рукописную культуру «галактике Гутенберга», как он называл культуру печатной эпохи, М. Маклюэн отмечает, что первая, в отличие от второй, «была не способна стабилизировать язык или превратить его в унифицирующее средство общенационального общения <...> В средние века словарь латинского языка был невозможен, поскольку средневековый автор был совершенно свободен в определении своих терминов, соотнося их лишь с меняющимся живым контекстом. Ему бы попросту не пришло в голову, что значение слова может быть закреплено с помощью какого-нибудь лексикона»²⁹⁶.

Памятники письма, сохранившиеся от этой стадии, принято считать **письменными источниками**. Сюда относятся не только рукописные, но и эпиграфические памятники – в обоих случаях это было рукотворное письмо, где каждая буква выписывалась на пергаменте, бумаге или высекалась на камне. Рукописными источниками занимается **источниковедение истории**. А содержанием периода рукописной истории и культуры занимается **история Средних веков и история Раннего Нового времени** (включая средневековую историю Востока).

6.5.5. Период книгопечатной истории [историческая наука / историография истории]

Изобретение технологии книгопечатания и ее широкое распространение сделали возможным появление периода **книгопечатной культуры**²⁹⁷. Влияние печатного станка на европейскую культуру и человеческое сознание неизмеримо. Если «рукописное знание было редким и сокровенным»²⁹⁸, то книгопечатание, ставшее важной приметой Просвещения и Нового времени, сделало книгу еще более доступной.

Первые печатные книги были изготовлены с помощью техники ксилографии на Востоке – сначала в Китае и Корее, затем в Японии, Вьетнаме, других странах. Это основной метод печати на ткани и бумаге, который сделал возможным распространение сакральных текстов восточных религий, прежде всего буддийских и конфуцианских.

В середине XV в. Иоганн Гутенберг разработал печатные шрифты, догадавшись изготовить зеркальные рельефы отдельных букв из металла и затем набирать из них строки и целые страницы. Скорость тиражирования письменной зафиксированной информации с изобретением книгопечатания неизмеримо выросла. Кни-

²⁹⁶ McLuhan, Marshall. The Gutenberg Galaxy: the Making of Typographic Man. P. 159.

²⁹⁷ Подробнее об этом см.: Eisenstein, Elizabeth L. The Printing Press as an Agent of Change: Communications and Cultural Transformations in Early Modern Europe. Cambridge, UK – N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1979.

²⁹⁸ Anderson, Benedict. Imagined Communities. P. 33.

гопечатание в Европе можно признать лишь знаковым событием новой исторической стадии, но не более того: основная причина очередного коммуникационного скачка заключается в серии технологических революций, которые позволили максимально использовать это изобретение в целях коммуникации. Научно-техническая революция, обусловившая бурное развитие промышленности в Нидерландах, Англии, Германии, Франции, других странах Европы, на порядок повысила производительность труда в этих странах и привела к формированию массовой культуры и появлению общества массового потребления²⁹⁹.

Развитие научно-технического прогресса поставило книгопечатание на промышленные рельсы и привело к соответствующим изменениям в институциональной сфере. Книги становятся более доступными и массовыми, появляются средства массовой информации (СМИ) – газеты, журналы, информационные бюллетени, различные периодические издания. Материалы, служившие в качестве носителей информации, прежде всего бумага, становятся гораздо более доступными, а средства и технологии книгопечатания – более совершенными.

Согласно М. Маклюэну, возникновение технологии книгопечатания совершило переворот в разных областях общественной жизни на Западе, стало причиной появления весьма значимых явлений Нового времени, таких как индивидуализм, демократия, протестантизм, капитализм и национализм. По его мнению, все эти социальные феномены как бы отражают принцип печатной технологии – принцип «сегментации действий, функций и ролей распространяется повсюду, где только возможно»³⁰⁰.

С зарождением капитализма возникла необходимость организации регулярной и быстрой почтовой связи как внутри стран, так и между странами, которая обеспечивала доставку печатной продукции. В XIX в. коренной переворот в почтовом деле был вызван распространением железных дорог и пароходства. Появление в начале XIX в. паровоза и парохода, а в начале XX в. авиации значительно увеличило скорость пересылки почтовых отправок. Почтовая связь стала общегосударственной и начала обслуживать всё население. Сочетание железнодорожных и пароходных линий дало возможность установления регулярных почтовых сообщений между самыми отдаленными странами. Б. Андерсон писал по этому поводу, что «печатный капитализм» открыл для «быстро растущего числа людей возможность осознать самих себя и связать себя с другими людьми принципиально новыми способами»³⁰¹.

С периодом книгопечатной культуры связано формирование собственно **исторической науки**, которая развивалась на основе исторических фактов, прежде всего письменных источников. Труды, созданные историками, стали распространяться

²⁹⁹ Теоретик постиндустриализма Дэниел Белл выделял две технологические революции этого периода, обусловившие развитие промышленности: изобретение паровой машины в XVIII в. и достижения в области электричества и химии в XIX в. См.: *Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting; Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Академия, 1999. С. 112–116.*

³⁰⁰ *McLuhan, Marshall. The Gutenberg Galaxy: the Making of Typographic Man. P. 110.*

³⁰¹ *Ibid. P. 33.*

в виде печатных книг, сегодня они составляют основу **историографии истории**. В структуре российского гуманитарного знания историография и источниковедение объединены в паспорте научной специальности «Историография, источниковедение и методы исторического исследования». Содержательной частью периода книжной истории и культуры занимается **история Нового времени (XVII–XIX вв.)**. Переход на преимущественно электронное книгоиздание может состояться в течение ближайших 10–15 лет, а в научной периодике – еще раньше. Уже сегодня платные скачивания статей в рейтинговых журналах приносят больше денег, чем традиционные почтовые подписки на бумажные номера.

6.5.6. Период цифровой истории [история информационного общества]

Научно-технический прогресс, наступивший после изобретения электричества и промышленной революции Новейшего времени, появления телеграфа, телефона и компьютера, к чему человечество шло в XX в., привело к рождению **цифровой печати**. Книга все еще печатается на бумаге, но верстается в компьютере с помощью специальных издательских программ и печатается с помощью цифрового оборудования, которое заменило примитивную литографию, трудоемкую наборную печать или более прогрессивную офсетную печать, возникшую в начале XX в. Офсетная печать уже ознаменовала собой переход на новую стадию развития печатного дела, особенно с переходом на **цифровую офсетную печать**. М. Маклюэн противопоставляет «галактике Гутенберга» «галактику Маркони», медиасферу с ее «расширяющими» человека возможностями коммуникации, появившимися больше века назад, когда электричество пришло в повседневную жизнь.

После появления компьютеров появились цифровые книги и журналы, которые делятся на две категории. Первая категория включает в себя цифровую форму репрезентации издания – помимо бумажной версии можно покупать и скачивать более бюджетные цифровые копии книги, журнала или отдельной статьи. Цифровизация библиотек расширяет коллекции цифровых книг. Вторая категория издается исключительно в электронном формате и доступна для чтения только на электронных устройствах – специальном ридере (планшете), телефоне, ПК и др. Наиболее известны из таких журналов Электронный научно-образовательный журнал «История» и «Цифровое востоковедение». Преимуществом цифровых изданий является их доступность в любой точке мира, при условии подключения к Интернету, возможность записи их на жесткий диск, а также расширенный машинный поиск информации (особенно, если цифровизация осуществлена с индексацией).

Первой частью этого периода книжной истории и культуры занимается **история Новейшего времени (XX–XXI вв.)**, включая **современную историю**. Хотя на данном этапе книги в печатном виде все еще численно доминируют над электронными изданиями, происходит постепенный отток читателей из традиционных библиотек в цифровые.

Что касается второй части этого периода, обращенной в будущее, то предугадать ее содержание несколько сложнее. Дальнейшая цифровизация науки неизбежно повлияет на развитие истории, некоторые признаки позволяют определить контуры вероятной трансформации, по крайней мере в обозримом будущем формирующегося информационного общества. Здесь не имеется в виду «**постистория**»³⁰², определяемая постмодернистами в рамках более общей категории «**постнауки**»³⁰³. Возможно, это будет что-то вроде «**всеобъемлющего исторического архива**» (*Comprehensive Historical Archive*) или «**объединенного** (хотя бы в рамках страны) **исторического архива**» (*Unified Historical Archive*), как это видит П. Мэннинг³⁰⁴. Другие исследователи называют историческую науку будущего «**информационной историей**» (*Information History*)³⁰⁵, «**коммуникативной историей**» и «**информационно-коммуникативной историей**», с особым упором на верифицируемость и научность исторической информации³⁰⁶. Скорее всего, это будет развитием традиционной истории в направлении цифровизации, использования цифровых инструментов и ее постепенным сближением с исторической информатикой и «**цифровой историей**»³⁰⁷.

В обобщающей литературе (например, уже начиная с «*A New Companion to Digital Humanities*», 2016) бытует мнение, что приставка «цифровые» станет избыточной в ближайшие 20 лет, потому что все гуманитарные исследования станут цифровыми в современном смысле этого слова. Поэтому мы предпочитаем называть цифровую науку о прошлом **историей информационного общества**. Она может быть организована в форме информационной системы исторического знания как многомерной и иерархической модели данных.

* * *

Многомерный подход формировался на основе конкретных методов, которые, в свою очередь, выросли из практики, постепенно вырабатывались при анализе эмпирического материала, и только потом определились его цифровые перспективы. Поэтому пришлось отдельно показать возможности нового подхода

³⁰² Niethammer, Lutz. Posthistoire. Ist die Geschichte zu Ende? Reinbek. Hamburg: Rowohlt Verlag, 1989; Flusser, Vilém. Post-History. Transl. by Rodrigo Maltez Novaes. Univ. of Minnesota Press, 2013.

³⁰³ С помощью «археологии знания» Мишеля Фуко «постистория» предугадала основную черту истории будущего, которая заключается в накоплении и систематизации фактического знания о прошлом, уменьшении элемента свободного творчества историка (соответственно и допустимых пределов интерпретации). На археологию исторического знания, которая понимается как систематическое описание дискурса-объекта, дискурса как памятника, ложится основная нагрузка в объяснении прошлого. См.: Фуко М. Археология знания. / пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. С. 139–140.

³⁰⁴ Manning, Patrick. Big Data in History. P. 61.

³⁰⁵ Weller, Toni. Information History. P. 47–49.

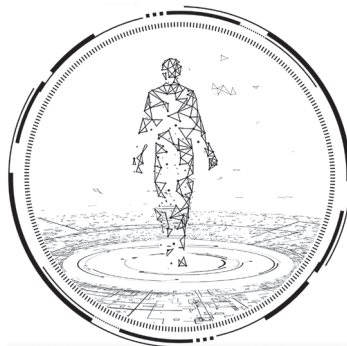
³⁰⁶ McCrank, Lawrence J. Historical Information Science: An Emergine Unidiscipline. P. 4–7.

³⁰⁷ Ayers, Edward L. The Pasts and Futures of Digital History // History News. 2001. Vol. 56. No. 4. P. 5–9.

в цифровой и нецифровой истории, причем в последнем случае – как в различных дисциплинах (философии истории, истории общества, источниковедении истории, политической истории, этнической истории, исторической культурологии, сравнительно-исторической лингвистике, исторической ономастике и др.), так и в отдельно взятых измерениях всеобщей (глобальной, всемирной) истории – общественном, политическом, этническом и религиозном. Для каждого из этих случаев были представлены один или несколько конкретных примеров из практики исследований самого автора, не связанных друг с другом, из-за чего они довольно фрагментарно иллюстрируют практическое значение методов многомерного подхода. С самого начала оптика многомерной парадигмы и системной логики была настроена на определение логики взаимосвязей и взаимозависимости различных системных проявлений измерений социальности в общем процессе исторического развития.

Вторая не менее важная проблема – не столько преодоление избыточной описательности исторических исследований, сколько повышение их объективности, определение соотношения объективности и интерпретативности, в которой присутствует большая доля субъективизма. Это можно сделать только за пределами субъект-объектных отношений, когда у каждого пользователя как самостоятельного наблюдателя будет возможность знакомиться с объективными данными (с историческими артефактами, оцифрованными первоисточниками – на языке оригинала – и их критическим анализом, в котором уже появляется элемент интерпретативности). Информационная система сама должна определить, в какой степени вводимые данные репрезентативны и в какой степени они верифицированы. Иначе говоря, степень объективности данных определяет не только профессиональное сообщество, но и созданная им совокупность специальных методов, цифровых инструментов и программных средств.

Нейросеть **не различает действительную и виртуальную реальность**, поэтому **не может отличать истину от лжи, допустимое (этическое) от недопустимого (неэтического), законное от незаконного**. Контрольная, регулятивная и охранительная функции всегда останутся за человеком – источником гуманизма, гуманитарного права, всего человеческого, даже в эпоху постгуманизма/трансгуманизма. И для этого как раз и нужны специальные познавательные инструменты, по типу многомерного подхода и системной логики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Акцентируя внимание на невозможности охватить все стороны исследования, порождаемые многофокусной и гибко настраиваемой оптикой многомерности, я вынужден признать, что многие познавательные аспекты темы остались в тени – отчасти и потому, что они выходили за пределы моих научных интересов и профессиональных компетенций. Это значит, что настоящая книга является не только репрезентацией основ многомерного подхода, который будет и дальше дорабатываться и корректироваться, но и своеобразным приглашением к продолжению теоретико-методологических поисков в этом перспективном направлении.

Совершенно очевидно, что курс на «возвращение к реальному» в истории, имеющее целью повышение объективности исторических исследований, вряд ли может состояться без учета новейших достижений постклассической науки, которой многие современные историки не находят альтернативы. Как показывают исследования В. С. Стёпина, В. А. Лекторского, И. В. Следзевского, Л. А. Микешиной, Л. П. Репиной, А. В. Лубского, П. К. Гречко, Д. В. Полетаева, И. М. Савельевой, И. Н. Ионова, З. П. Чеканцевой, А. И. Яковлева, других историков и теоретиков, новейшие, в том числе постклассические и неоклассические модели научной рациональности представляют собой реальную и серьезную альтернативу «постмодернистскому вызову». Призыв «вернуться к реальному», к классическим основам науки, но на современном уровне научного знания, можно назвать квинтэссенцией этого нового мощного движения науки, которое уже успело доказать свою высокую эффективность при анализе кризисных явлений в мировой экономике – там, где без здравого смысла, научной рациональности, трезвого прагматизма и конструктивных решений обойтись невозможно¹. Неоклассическая теория позво-

¹ Mirowski, Philip; Nik-Khah, Edward. The Knowledge We Have Lost in Information: The History of Information in Modern Economics. Oxford: Oxford Univ. Press, 2017. P. 1–30.

ляет анализировать макроэкономические проблемы с помощью микроэкономики², изучать экономику на основе информационных и эмпирических макро- и микромоделей, а также рационального подхода к информации³. Новый подход использует микротейоретический инструментарий для анализа программно масштабируемых микротейоретических проблем, именно таким образом он интегрирует горизонты микроистории и макроистории, преодолевая с помощью информационных технологий разрыв в способах анализа и репрезентации прошлого.

Представляет также немалый интерес протекавший с древнейших времен процесс постепенного расширения коммуникационных возможностей субъекта истории, который привел современные общества к «глобализации» науки и жизни (К. Кумар предлагает понимать под глобализацией формирование «информационного общества»⁴). Этот процесс не только увеличивает социальное пространство личности человека, масштаб его «жизненного мира», но и одновременно делает мир коммуникации каждого *Ego* все более тесным, взаимосвязанным, актуализируя прагматику межкультурного взаимодействия и кросскультурных перспектив, с их неизбежной проекцией на накопленный исторический опыт. В отличие от классической исторической науки, неоклассическая модель научной рациональности в современной исторической науке исходит из взаимосвязанности человека, общества и природы и рассматривает прошлое как неразрывное единство социальной жизни и технологий. Другая важная задача неоклассической науки – не потерять смысл и значение самого знания в море информации, использовать информацию во всей ее полноте и целостности⁵.

Отвечая требованиям прагматического «поворота», многомерный подход затрагивает классическую тему единства и фрагментации науки, однако, в отличие от постмодернистского вектора движения от метода к метафоре⁶, предлагает отказаться от крайностей как релятивизма, так и холизма. Этот подход возвращает востоковедов к таким важнейшим принципам исторической науки, как историчность, объективность и научная достоверность.

«Новому историзму» близок методологический конструктивизм, нерадикальный, сбалансированный, основанный на рациональной рефлексии. Вслед за П. Бьюкененом конструктивизм можно назвать «отрицательной реакцией на наивный реализм»⁷, а также на релятивистский нигилизм и радикальный историзм, который воспринимается как «оскорбление философского величества»⁸. Это

² Himmelweit, Susan; Simonetti, Roberto; Trigg, Andrew. *Microeconomics: Neoclassical and Institutionalist Perspectives on Economic Behaviour*. L.: Thomson – The Open Univ., 2001. P. 4.

³ См., например: Broer, D. Peter. *Neoclassical Theory and Empirical Models of Aggregate Firm Behaviour*. Dordrecht: Martinus Nijhof Publishers, 1987. P. 10–11.

⁴ Kumar, Krishan. *From Post-Industrial to Post-Modern Society: New Theories of the Contemporary World*. 2nd ed. Oxford: Blackwell Publ., 2005. P. 7.

⁵ Mirowski, Philip; Nik-Khah, Edward. *The Knowledge We Have Lost in Information*. P. 101–123.

⁶ Coyne, Richard. *Designing Information Technology in the Postmodern Age: From Method to Metaphor*. Cambridge, MA – L.: The MIT Press, 1995.

⁷ Бьюкенен П. Дж. *Смерть Запада*. М.: АСТ, 2003.

⁸ Бурдьё П. *За рационалистический историзм*. С. 14.

и мировоззрение, и научный подход к объяснению социальной реальности – как исторической, так и современной.

Завершая свое концептуальное исследование, посвященное «культуральной истории», П. Бёрк констатировал, что в любом случае он не утверждает и сам не верит в то, что культуральная история – лучшая форма истории: «Она – просто необходимая часть коллективного исторического проекта»⁹. Такой вывод напрашивается и в отношении многомерной истории, которая не претендует «на монопольное обладание научной истиной»¹⁰ даже в рамках коммуникативного метадискурса. Однако, определяя содержание истинности через категорию достоверности, а объективности – в ее соотношении с интерпретативностью, она позволяет получить, как нам представляется, более сбалансированное, объемное, разностороннее и многофакторное видение предмета изучения.

Принцип историчности обеспечивается принципом транссубъектности, реализуемым в интерактивном включенном наблюдении, а принцип достоверности – целым комплексом исследовательских стратегий, которые включают в себя:

- 1) совмещение скоординированных друг с другом парадигмальных, эпистемологических, логических и инструментальных (прежде всего системных) подходов к информации, прежде всего в рамках определенных мультиметодных подходов к научному познанию;
- 2) упрощение проблемы путем деления целого на части: сложные системы делятся на подсистемы, вплоть до простых элементов, с фиксацией их внутренних связей и отношений;
- 3) выявление семантического (смыслового) ядра информации и ее периферийных значений и апелляция в кросскультурных коммуникациях именно к этому семантическому ядру;
- 4) определение коэффициента искажения информации в зависимости от источников информации, с фиксацией степени зависимости этих интерпретаций от идеологических, национальных, религиозных и других факторов, влияющих на научное знание (с помощью системно-логической верификации);
- 5) использование алгоритмов машинного обучения для обработки информации, поскольку технические средства бесстрастны по своей природе;
- 6) хранение исторического знания в специальной информационной системе, отделяющей исторические данные (артефакты, сведения письменных источников, «цифровые следы») от их первичных, вторичных и так далее интерпретаций, в виде многослойных файлов, взаимосвязанных друг с другом с помощью разноуровневых гиперссылок. Важнейшим преимуществом этой системы должны стать ее неразрывная связь с нарастающим потоком цифровых «больших данных», открытый доступ к громадному массиву исторических материалов из любой точки мира и возможность их самостоятельной обработки, в том числе с помощью интегрированных (общедоступных) программных инструментов.

⁹ Бёрк П. Культуральная история. С. 195.

¹⁰ Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. С. 83.

В рамках неоклассической науки исследователь вынужден признавать определенные ограничения, которые налагает на него специфика исторического познания. Если сами коммуникации и даже вероятности в истории поддаются измерениям, то измерения причинно-следственных связей и отношений пока, к сожалению, невозможны. По этой причине приходится признать, что такие фундаментальные ценности, как абсолютная истина и абсолютная объективность в их классическом понимании, в истории недостижимы, по крайней мере пока наука, изучающая прошлое, не будет релевантна на всех уровнях анализа, начиная с персональной истории (в том числе в рамках персонального нарратива и персонального времени). Эта проблема не решена и в цифровой истории, что доказывается опытом анализа «больших данных» в истории. В качестве рецепта решения П. Мэннинг предлагает следующие операции: 1) осознание необходимости знания глобального (общего) прошлого человечества; 2) определение миссии и структуры сотрудничества историков; 3) осуществление глобального сбора данных; 4) создание единого исторического архива; 5) анализ данных на общемировом уровне; 6) пересмотр уже созданных коллекций исторических данных¹¹. Тем не менее историческая информатика уже сегодня демонстрирует гораздо большую степень верифицируемости. Очевидно, цифровая история будет развиваться в сторону увеличения доли объективности, соответственно уменьшения доли интерпретативности в историописании.

В отличие от универалистских коммуникативных подходов Ю. Хабермаса и Н. Лумана, многомерная история гораздо более конкретна, ориентирована на практику исторических исследований. Отказ от высокого философского статуса, обусловленный заменой диалектических связей и отношений на измеряемые коммуникативные, приближает решение проблемы более четкого методологического разграничения философского и предметно-теоретического уровней осмысления истории, на недостаточную проработанность которой в свое время указывал М. А. Барг¹².

Сегодня сама жизнь корректирует подходы историков к научному осмыслению прошлого, вынуждая их искать новые инструменты, соответствующие уровню задач, стоящих перед современной наукой. Следуя за установками «новой исторической науки», парадигма многомерности возвращает личность человека в центр исторического исследования, поднимая тем самым вопросы репрезентации не только информационной, цифровой или коммуникативной истории, но и исторического пространства и времени, «глобализации» исторического времени и переосмысления настоящего (*present*), исторического события и его интерпретации, реальности и научной объективности в цифровую эпоху. Фокус на «исторически действительного» человека, который является важнейшим признаком гуманитарной науки, постановка его в центр «новой архитектоники познания» Л. А. Микешина неслучайно считает основанием эпистемологии XXI в.¹³ Этот фокус неизбежно дол-

¹¹ Manning, Patrick. Big Data in History. P. 24.

¹² Барг М. А. Категории и методы исторической науки. С. 8. См. также: Кукарцева М. А. Философия истории и историческая наука. М.: ИТК «Дашков и К», 2018.

¹³ Микешина Л. А. Значение идей Бахтина для современной эпистемологии. С. 224.

жен распространяться и на другие, более древние периоды истории, вне зависимости от объекта изучения – истории народа, общества или государства.

Идеи возвращения к человеческому пониманию реальности и объективизма – не абстрактным, метафизическим понятиям, а совершенно конкретным и реальным (в той степени, в какой реальна наша жизнь), характеризующим человека во всем многообразии его социальных связей и отношений, действий и намерений, языка и мышления, наконец, рациональной рефлексии, включают в себя информационный, коммуникативный, цифровой, антропологический, социокультурный, пространственный, прагматический и некоторые другие познавательные «повороты» современной науки. Для повышения степени объективности и достоверности исследований по истории Востока многомерный подход дает дополнительные инструменты (методы) научного познания, обладающие немалым познавательным потенциалом, пусть и в достаточно узком направлении коммуникативных штудий: собственно коммуникативный инструментарий нового подхода (метод моделирования коммуникативных систем), логический (метод системно-логической верификации) и понятийный (кросскультурный метод универсальных языковых эквивалентов).

Поиск инструментов для повышения степени объективности исторических исследований, формирование историзма, решение других фундаментальных проблем исторического познания Г. Иггерс, Э. Ван и С. Мукерджи совершенно справедливо рассматривают как результат совместных усилий историков, представляющих разные культуры – не только западные, но и восточные (китайскую, арабомусульманскую, индийскую и др.)¹⁴. При этом глобальная историография признается формой перекрестной истории. Для создания глобальной историографии необходимо тесное международное сотрудничество историков, принадлежащих к разным культурам, и их конструктивный диалог. Возможно, именно в поиске такого диалога – не только через научную, но и простую человеческую, максимально широкую гуманитарную коммуникацию – и заключается мировоззренческое значение многомерного подхода с его методологией системно-коммуникационного анализа и трансдисциплинарности. По крайней мере, упоминаемая об ответе профессионального сообщества историков на вызов «диалога цивилизаций», который изначально был «голым проектом» начала XXI в., И. Н. Ионов подчеркивает, что, разрабатывая «систему пространственно-временного взаимодействия смысловых полей в процессе диалога, систему постоянного контроля за предпосылочным знанием, обеспечивающим коммуникацию, и особенно за его идентификационной составляющей», историки вводят в историческое сознание и тем самым в культуру диалог как механизм с обратной связью¹⁵.

¹⁴ Iggers, Georg G.; Wang, Edward; Mukherjee, Supriya. *Global History of Modern Historiography*. N.Y.: Routledge, 2010. См. также: Ионов И. Н. *Мировая история в глобальный век: Новое историческое сознание*. С. 388.

¹⁵ Ионов И. Н. *Мировая история в глобальный век: Новое историческое сознание*. С. 320.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ, ФИЛОСОФСКИЕ, ПРАВОВЫЕ И БОГОСЛОВСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Средневековые рукописи, факсимильные и критические издания текстов на восточных языках

1. Мас'уд б. Намдар. Сборник рассказов, писем и стихов. Факсимиле текста / предисл. и указ. В. М. Бейлиса. М., 1970 (прилож. на араб. яз.).
2. Ал-Мас'уди. Мурудж аз-захаб ва-ма'адин ал-джаухар. Рук. D175 из коллекции СПбФ ИВ РАН (на араб. яз.).
3. Ал-Мас'уди. Мурудж аз-захаб ва-ма'адин ал-джаухар. Рук. D157 из коллекции СПбФ ИВ РАН (на араб. яз.).
4. Ни'матуллахи, Зайн ал-'Абидин б. Искандар Ширвани. Бустан ас-сийахат. Рук. ПНС 131 из Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург) (на араб. яз.).
5. Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari / ed. M.J. de Goeje. I–IV. Leiden: E. J. Brill, 1879–1901 (на араб. яз.).
6. The Caucasian Albanian Palimpsests of Mt. Sinai. Vol. I–II / ed. by J. Gippert, W. Schulze, Z. Alexidze, J.-P. Mahé. Turnhout; Brepols Publishers, 2008 (на кавказско-албанск. яз.).
7. Hudūd al-'Ālam. 'The Regions of the World'. A Persian Geography (372 A.H. – 982 A.D.) / transl. and explained by V. Minorsky; with a preface by V. V. Barthold, transl. from the Russian. L., 1937 (на перс. яз.).
8. Ibn-El-Athiri. Chronicon quod perfectissimum inscribitur. Volumn tertium. Annos H. 21–59 continens, ad fidem codicum Londinensium et Parisinorum. Edidit Carlos Johannes Tornberg. Leiden: Lughuni Batavorum, E. J. Brill, 1869. P. 102–103 (на араб. яз.).
9. Ibn Haucal. Kitāb sūrat al-ard. Secundum textum et imagines codicis Constantino-politani edidit J. H. Kramers. Fasc. II. Leyden: E. J. Brill, 1939 (на араб. яз.).
10. Kitāb al-a'lāk an-nafisa auctore Abū Alī Ahmed ibn Omar Ibn Rusteh. Ed. M. J. de Goeje. Leiden: E. J. Brill, 1967 (на араб. яз.).
11. Kitāb al-masālik auctore al-Istakhri / ed. M. J. de Goeje. Leiden: E. J. Brill, 1970 (на араб. яз.).
12. Kitāb at-tanbīh wa'l-ischrāf auctore al-Masūdī / ed. M. J. de Goeje. Leiden: E. J. Brill, 1967 (на араб. яз.).
13. The Tajārib al-umam, or History of Ibn Miskawayh (Abu 'Ali Ahmad b. Muhammad) ob. A.H. 421. Reproduced in facsimile from the MS at Constantinople in the Āyā Sūfiyya Library. With a preface and summary by Leone Caetani. Vol. 1. Leyden: E. J. Brill, 1909 (на араб. яз.).

14. Jacut's geographisches Wörterbuch aus den Handschriften zu Berlin, St. Petersburg und Paris (in Arabic and German) / ed. Ferdinand Wüstenfeld. Vol. 1. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1866.

15. Maçoudi. Les Prairies d'Or. Texte et Traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. 1–9. Paris: Impr. Impériale, 1861–1877 (на араб. яз.).

16. Minorsky V. A History of Sharvan and Darband in the 10th – 11th centuries. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1958 (прилож. на араб. яз.).

ИЗДАНИЯ ИСТОЧНИКОВ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Августин. О Граде Божиим / Блаженный Августин. М.: АСТ, 2000. 1296 с.

2. Аристотель. Метафизика / Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 1 / под ред В. Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1976. С. 63–367.

3. Аристотель. Органон / Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 2 / ред. и вступ. ст. З. Н. Микеладзе. М.: Мысль, 1978. С. 51–593.

4. Аристотель. Политика / пер. С. А. Жебелева; под ред. А. И. Доватура / Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4 / ред. и вступ. ст. А. И. Доватура, Ф. Х. Кессиди. М.: Мысль, 1983. С. 576–644.

5. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности / пер. с фр. под. ред. О. Никифорова и П. Хицкого. М.: Логос-Альтера, Ессе Номо, 2003. 288 с.

6. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худ. лит., 1975. С. 234–407.

7. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 445 с.

8. Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984–1985. М.: Наука, 1986. С. 80–160.

9. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Academia-Центр, Медиум, 1995. 265 с.

10. Бергсон А. Творческая эволюция / пер. с фр. В. Флеровой; вступ. ст. И. Блауберг. М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2001. 384 с.

11. Бердяев Н. А. Царство духа и царство кесаря / Н. А. Бердяев. М.: Республика, 1995. 384 с.

12. Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 176 с.

13. Берталанфи Л. фон. Общая теория систем: критический обзор // Исследования по общей теории систем: Сборник переводов. М.: Прогресс, 1969. С. 23–82.

14. Бёрк П. Культуральная история / пер. с англ. И. Полонской. М.: Изд-во ВШЭ, 2015. 231 с.

15. Библер В. С. О сути диалогизма // Вопросы философии. 1989. № 7. С. 7–8.

16. Библер В. С. Диалектика и диалогика // Архэ. Ежегодник культурологического семинара. Вып. 3. М. [б.и.], 1998. С. 14–15.

17. Библер В. С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М.: Госполитиздат, 1991. 413 с.

18. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1995. 224 с.

19. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / пер. Н. В. Суслова. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2000. 98 с.
20. Больцано Б. Учение о науке. СПб.: Наука, 2003. 520 с.
21. Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. Т. 1 / пер. с фр. Л. Е. Куббеля; вступ. ст. и ред. Ю. Н. Афанасьева. М.: Прогресс, 1986. 624 с.
22. Бубер М. Я и Ты. Пер. В. В. Рынкевича // Бубер Мартин. Два образа веры. М.: АСТ, 1995. С. 16–92.
23. Бурдьё П. Социология политики / пер. с фр.; сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
24. Бурдьё П. За рационалистический историзм // Социо-Логос постмодернизма'97. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии РАН. М.: Ин-т экспериментальной социологии, 1997. С. 9–29.
25. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с фр.; сост., общ. ред., пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.
26. Валлерстайн И. Исторические системы как сложные системы // Философские перипетии. Вестник Харьковск. гос. ун-та. Сер.: Философия. 1998. № 409. С. 198–203.
27. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. П. М. Кудюкина; под общ. ред. Б. Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с.
28. Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация / пер. с англ. К. А. Фурсова. М.: Тов-во научн. изд. КМК, 2008. 176 с.
29. Вебер М. История хозяйства: Очерк всеобщей социальной и экономической истории / Изд. по оставленным лекциям: С. Геллеман, проф. истории в Мюнхен. ун-те и М. Палий, доцент Высш. коммерч. шк. в Берлине; пер. под ред. проф. И. М. Гревса. Пг.: Наука и школа, 1923. 240 с.
30. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М. И. Левиной. М.: Прогресс, 1990. С. 495–546.
31. Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 169–183.
32. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990. 805 с.
33. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990. С. 60–272.
34. Вебер М. Город // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. и общ. ред. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 309–446.
35. Вебер М. Основные социологические понятия («Хозяйство и общество, гл. 1) [1921] // Теоретическая социология. Антология / ред. С. П. Баньковская. В 2 ч. М.: Университет, 2002. Ч. 1. С. 70–146.
36. Вебер М. Политические работы, 1895–1919 / пер. с нем. Б. М. Скуратова; послесл. Т. А. Дмитриевой. М.: Праксис, 2003. 424 с.
37. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер; пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 700 с.
38. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории / Г. В. Ф. Гегель; пер. с нем. СПб.: Наука, 1993. 480 с.

39. Гегель Г. В. Ф. *Философия права* / Г. В. Ф. Гегель. М.: Мысль, 1990. 528 с.
40. Гербер И. Г. Известия о находящихся на западном берегу Каспийского моря, между Астраханью и рекою Кура народах и землях и об их состоянии в 1728 году // *История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы* / под ред. М. О. Косвена, Х.–М. Хашаева. М.: Вост. лит., 1958. С. 31–78.
41. Герцен А. И. «Наши» и «не наши». Письма русского (сборник) / сост. и вступ. ст. А. А. Тесли. М.: Рипол Классик, 2017. 596 с.
42. Гидденс Э. *Социология*. М.: УРСС, 1999. 632 с.
43. Гириц К. *Интерпретация культур* / пер. с англ. М.: РОСПЭН, 2004. 560 с.
44. Гоббс Т. *Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского* / пер. с лат. и англ. Н. А. Фёдорова и А. Гутермана; ред. пер. А. Ческис, Е. М. Вейцман // *Гоббс Т. Сочинения: в 2 т.* / сост., ред. изд., авт. примеч. В. В. Соколов. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 3–545.
45. Греймас А. *Структурная семантика. Поиск метода* / пер. Л. Зиминой. М.: Академ. проект, 2004. 368 с.
46. Гуссерль Э. *Картезианские размышления* / Э. Гуссерль. СПб.: Наука, 2001. 320 с.
47. Гуссерль Э. *Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии*. М.: Академ. проект, 2009. 496 с.
48. Делез Ж. *Логика смысла* // Делез Ж. *Логика смысла*. Фуко М. *Theatrum Philosophicum*. Екатеринбург: Раритет, 1998. 474 с.
49. Дильтей В. *Введение в науку о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории* / пер. с нем. под ред. В. С. Малахова // *Дильтей В. Собрание сочинений в 6 т.* / под ред. А. В. Михайлова и Н. С. Плотникова. Т. 1. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 270–730.
50. Дройзен И. Г. *Очерк истории [1858]* // Дройзен И. Г. *Историка*. СПб.: Владимир Даль, 2004. С. 449–501.
51. Дюркгейм Э. *Метод социологии* // *Западно-европейская социология XIX – начала XX веков* / под ред. В. И. Добренёва. М.: Межд. ун-т бизнеса и управления, 1996. С. 256–309.
52. Каланкатуаци М. *История страны Алуанк* / пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Ш. В. Смбатяна. Ереван: Матенадаран, 1984. 272 с.
53. Карр Э. *Что такое история? Рассуждения о теории истории и роли историка*. Алматы: Жеті жарғы, 1997. 208 с.
54. Кассирер Э. *Философия символических форм* / пер. с нем. С. А. Ромашко. В 3 т. Т. 1: *Язык*. М. – СПб.: Университетская книга, 2001. 271 с.
55. Кагельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество, культура*. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
56. Кагельс М. *Власть коммуникации* / пер. с англ. И. М. Тылевич; по науч. ред. А. И. Черных. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
57. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. / пер. А. П. Ковалевского. Харьков, 1956. 227 с.
58. Коллингвуд Р. Дж. *Идея истории. Автобиография* / пер. и коммент. Ю. А. Асеева. М.: Наука, 1980. 486 с.
59. Конт О. *Дух позитивной философии* / пер. с фр. И. А. Шапиро. Ростов-н/Д., 2003. 82 с.

60. Ксенофонт. Лакедемонская полития / пер. Г. А. Янчевецкого с исправлениями и примечаниями // Зайков А. В. Общество древней Спарты: Основные категории социальной структуры. Екатеринбург: Изд. Уральского ун-та, 2013. С. 178–194.

61. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. сост. В. Ю. Кузнецов. М.: АСТ, 2003. 320 с.

62. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медум, 1995. 384 с.

63. Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / пер. с фр. Д. Я. Калугина; науч. ред. О. В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. 240 с.

64. Латур Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Социология вещей: Сборник статей. М.: Территория будущего, 2006. С. 342–362.

65. Латур Б. Об интеробъективности // Социология вещей: Сборник статей. М.: Территория будущего, 2006. С. 169–198.

66. Латур Б. Об интересубъектности // Социологическое обозрение. Т. 6. № 2. 2007. С. 81–98.

67. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: ИД ВШЭ, 2014. 384 с.

68. Лосский Н. Обоснование интуитивизма. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1906. 372 с.

69. Луман Н. Почему необходима «системная теория»? // Проблемы теоретической социологии. СПб.: Петрополис, 1994. С. 43–54.

70. Луман Н. Что такое коммуникация? / пер. с нем. Д. В. Озирченко // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 114–125.

71. Луман Н. Невероятность коммуникации / пер. с нем. А. М. Ложеницина под ред. Н. А. Головина // Проблемы теоретической социологии. Вып. 3 / отв. ред. А. О. Бороноев. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2972>. Дата обращения: 28.05.2018.

72. Луман Н. Решения в «информационном обществе» // Проблемы теоретической социологии. Вып. 3 / отв. ред. А. О. Бороноев. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.

73. Луман Н. Власть / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001. 256 с.

74. Луман Н. Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновского. М.: Логос, 2004. 232 с.

75. Луман Н. Мировое время и история систем. Об отношениях между временными горизонтами и социальными структурами общественных систем // Логос. № 5 (44). 2004. С. 131–168.

76. Луман Н. Эволюция / пер. с нем. А. Антоновского. М.: Логос, 2005. 256 с.

77. Луман Н. Дифференциация / пер. с нем. Б. Скуратова. М.: Логос, 2006. 320 с.

78. Луман Н. Введение в системную теорию / пер. с нем. К. Тимофеевой; под ред. Дирка Беккера. М.: Логос, 2007. 360 с.

79. Луман Н. Социальные системы: Очерк общей теории / пер. с нем. И. Д. Газиева; под ред. Н. А. Головина. СПб.: Наука, 2007. 648 с.

80. Луман Н. Самоописания / пер. с нем. А. Антоновского, Б. Скуратова, К. Тимофеевой. М.: Логос/Гносис, 2009. 320 с.

81. Луман Н. Истина, знание, наука как система / вступит. статья и пер. А. Ю. Антоновского. М.: Логос, 2016. 410 с.
82. Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 65–185.
83. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 13. М.: Госполитиздат, 1959. 805 с.
84. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 419–459.
85. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или критика критической критики против Бруно Бауэра и компании // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 2. М.: Директ-Медиа, 2014. 685 с.
86. Маркузе, Г. М. Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества / пер. с англ. М.: REFL-book, 1994. 368 с.
87. Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. Баку: Элм, 1963. 534 с.
88. Монтескье Ш. Л. Избранные произведения / под ред. М. П. Баскина. М.: Госполитиздат, 1955. 800 с.
89. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / пер. Н. Л. Поляковой // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 94–122.
90. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль: Тексты / под ред. В. И. Добренькова. М.: Изд. Международного ун-та бизнеса и управления, 1996. С. 462–478.
91. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академ. проект, 2000. 880 с.
92. Парсонс Т. О социальных системах / под ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. М.: Академ. проект, 2002. 832 с.
93. Платон. Государство / пер. А. Н. Егунова // Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. С. 97–494.
94. Проконий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. 2-е изд., испр. и доп.; пер. с греч., вступит. статья, коммент. А. А. Чекаловой. СПб., 2001. С. 9–144.
95. Рикёр П. Герменевтика, этика, политика / пер. с фр. М.: АО «КАМІ», ИЦ «Academia», 1995. 160 с.
96. Рикёр П. История и истина / пер. с фр. И. С. Вдовиной, А. И. Мачульской. СПб.: Алетейя, 2002. 400 с.
97. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. И. С. Вдовиной. М.: Канон-пресс-Ц – Кучково поле, 2002. 416 с.
98. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. СПб.: Книгоиздательство «Образование», 1911. 196 с.
99. Сартр Ж.-П. Проблемы метода / пер. с фр. М.: Прогресс, 1993. 240 с.
100. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / М.: Республика, 2000. 928 с.
101. Сартр Ж.-П. Трансцендентность эго: набросок феноменологического описания / пер. с фр. // Логос. 2003. № 2(37). С. 87–120.

102. Сорокин П. А. Система социологии. Пг: Колос, 1920. Т. 1–2.
103. Сорокин П. Человек, цивилизация, общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Союмонов; пер. с англ. С. А. Сидоренко. М.: Политиздат, 1992. 544 с.
104. Сорокин П. А. Моя философия – интегрализм // Социологические исследования. 1992. № 10. С. 134–139.
105. Сорокин П. Общедоступный учебник социологии. М.: Наука, 1994. 560 с.
106. Сорокин П. Общие принципы цивилизационной теории и ее критика // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / сост. Б. С. Ерасов. М.: Аспект пресс, 1999. С. 47–54.
107. Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры / пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. 1064 с.
108. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания // Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. С. 125–467.
109. Фергюсон Н. Цивилизация. Чем Запад отличается от остального мира / пер. К. Бандуровского, И. Кригера. М.: Corpus – АСТ, 2014.
110. Фихте И. Г. Основы общего наукоучения / Фихте И. Г. Сочинения. Работы 1792–1801 гг. М.: Ладомир, 1995. С. 275–473.
111. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М.: ИЦ Academia, 1995. 260 с.
112. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. под ред. Д. В. Скляднева. СПб.: Наука, 2001. 380 с.
113. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. 417 с.
114. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? М.: Весь мир, 2001. 144 с.
115. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» / пер. с нем. М. Л. Хорькова. М.: Праксис, 2007. 208 с.
116. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций / пер. с нем.; научн. ред. и автор послесловия Е. Л. Петренко. М.: Весь мир, 2008. 416 с.
117. Хабермас Ю. Расколдовывание религиозно-метафизических картин мира и возникновение современных структур сознания // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 1. С. 27–52.
118. Хабермас Ю. Проблема легитимизации позднего капитализма / пер. с нем. Л. В. Воропай; общ. ред. и вступит. ст. О. В. Кильдюшов; прим. и указ. Т. А. Дмитриев. М.: Праксис, 2010. 264 с.
119. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.
120. Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М.: Шк. Культ. Полит., 1995. 759 с.
121. Щедровицкий П. Г. Лекция о метаметодологии проектирования // Проектирование. Крым, Новый Свет, июль 2001 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.shkp.ru/lib/archive/second/2001-1/4>. Дата обращения: 18.07.2017.
122. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность. М.: Мысль, 1993. 672 с.
123. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. М.: Попурри, 1999. 720 с.

124. Шюц А. Структура повседневного мышления / пер. с англ. Е. Д. Руткевич // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129–137.

125. Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 2. С. 3–34.

126. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. М.: Рос. Полит. Энцикл. (РОССПЭН), 2004. 1056 с.

127. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / пер. с англ. А. В. Гордона; под ред. Б. С. Ерасова. М.: Аспект-пресс, 1999. 416 с.

128. Элиот Т. С. К определению понятия культура // Звучащие смыслы. Альманах. Изд-во СПбГУ, 2007. С. 7–62.

129. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 21. М.: Госполитиздат, 1961. С. 23–178.

130. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 21. М.: Госполитиздат, 1961. С. 269–317.

131. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М.: Прогресс, 1996. 344 с.

132. Юнг К.-Г. Проблемы души нашего времени / К.-Г. Юнг; пер. с нем. А. Боковой. М.: Акад. Проект, 2007. 336 с.

133. Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

ИЗДАНИЯ ИСТОЧНИКОВ НА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Alexander, Jeffrey C. Theoretical Logic in Sociology. In 4 vols. Vol. I: Positivism, Pre-suppositions, and Current Controversies, 1982. XVI, 234 p. Vol. II: The Antinomies of Classical Thought: Marx and Durkheim, 1983. XXI, 564 p. Vol. III: The Classical Attempt at Theoretical Synthesis: Max Weber, 1983. XX, 240 p. Vol. IV: The Modern Reconstruction of Classical Thought: Talcott Parsons, 1984. XXV, 530 p. Berkeley: Univ. of California Press, 1982–1984.

2. Alexander, Jeffrey C. Clifford Geertz and the Strong Program: The Human Sciences and Cultural Sociology // Interpreting Clifford Geertz: Cultural Investigation in the Social Sciences. Palgrave Macmillan, 2011. P. 55–64.

3. Apel, Karl-Otto. Sprache als Thema und Medium der transzendentalen Reflexion // Man and World. 1971. Vol. 3. S. 323–337.

4. Bateson, Gregory. Mind and Nature: A Necessary Unity (Advances in Systems Theory, Complexity, and the Human Sciences). Hampton Press, 1979. 220 p.

5. Bertalanffy L. von. General System Theory: Foundations, Development, Applications. N.Y.: George Braziller, 1969. 296 p.

6. Braudel, Fernand. Histoire et science sociale: La longue durée // Annales. 1958. 13/4. P. 725–753.

7. Braudel, Fernand. On History / transl. by Sarah Matthews. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980. ix, 226 p.

8. Dilthey, Wilhelm. Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften. Vandenhoeck & Ruprecht, 1992. 380 p.

9. Durkheim, Émil. *The Elementary Forms of the Religious Life*. N.Y.: Free Press, 1965. 464 p.
10. Elias, Norbert. *The Civilizing Process*. Oxford: Blackwel, 1939. 576 p.
11. Elias, Norbert. *What is Sociology?* L.: Hutchinson, 1978. 208 p.
12. Febvre, Lucien. *A New Kind of History: from the Writings of Febvre* / ed. by Peter Burke; transl. by K. Folca. Routledge and Kegan Paul, 1973. 275 p.
13. Foucault, Michel. *La vie des hommes infâmes // Dits et Écrits. Tome III. Texte 198*. Paris: Gallimard, 1972.
14. Foucault, Michel. *Die Geburt der Klinik. Eine Archäologie des ärztlichen Blicks* / aus dem Franz. von Walter Seitter. München: Hanser, 1973. 219 S.
15. Foucault, Michel. *F. Nietzsche, die Genealogie, die Historie* / aus dem Franz. von Walter Seitter // Foucault, Michel. *Von der Subversion des Wissens*. Munich: Hanser, 1974. S. 83–109.
16. Frank, André Gunder. *On "New World History"* // *The New World History. A Teacher's Companion* / ed. by Ross E. Dunn. Boston: Bedford / St. Martin's, 2000. [Electronic resource]. URL: http://rrojasdatabank.info/agfrank/on_world_history.html. Retrieved 03.06.2018.
17. Frank, Andre Gunder; Gills, Barry K. *The 5,000-Year World System: An interdisciplinary introduction* // *The World System. Five hundred years or five thousand?* / ed. by Andre Gander Frank and Barry K. Gills. L.: Routledge, 1992. P. 3–58.
18. Frank, Andre Gunder; Gills, Barry K. *World System Cycles, Crises, And Hegemonic Shifts, 1700 BC to 1700 AD* // *The World System. Five hundred years or five thousand?* / ed. by Andre Gander Frank and Barry K. Gills. L.: Routledge, 1992. P. 143–199.
19. Frank, Andre Gunder. *Transitional Ideological Modes: Feudalism, capitalism, socialism* // *The World System. Five hundred years or five thousand?* / ed. by Andre Gander Frank and Barry K. Gills. L.: Routledge, 1992. P. 200–220.
20. Frege, Gottlob. *Über Sinn und Bedeutung* // *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*. 1892. Bd 100. S. 26–50.
21. Georg Wilhelm Friedrich Hegel: *The Science of Logic* / transl. and ed. by George di Giovanni. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010. 866 p.
22. Geertz, Clifford. *The Impact of the Concept of Culture on the Concept of Man* // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 1966. Vol. 22. No. 4. P. 2–8.
23. Geertz, Clifford. *The Interpretation of Cultures. Selected Essays*. N.Y.: Basic Books, 1977. 576 p.
24. Geertz, Clifford. *Common Sense as a Cultural System* // *The Antioch Review*. Spring, 1975. Vol. 33. No. 1. P. 5–26.
25. Geertz, Clifford. *Thick Description: Towards an Interpretive Theory of Culture*. N.Y.: Basic Books, 1973. 470 p.
26. Geertz, Clifford. *Art as a Cultural System* // *MLN*. Dec. 1976. Vol. 91. No. 6. *Comparative Literature* P. 1473–1499.
27. Geertz, Clifford. *Negara. The Theatre State in Nineteenth-Century Bali*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1980.
28. Geertz, Clifford. *Anti-Anti-Relativism* // *American Anthropologist*. 1984. Vol. 86 (2). P. 263–278.

29. Geertz, Clifford. Religion as a cultural system // The interpretation of cultures: selected essays. Fontana Press, 1993. P. 87–125.

30. Habermas J. & Luhmann N. Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie: Was leistet die Systemforschung? Theory – Discussion. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1971. 405 S.

31. Habermas, Jürgen. Zur Logik der Sozialwissenschaften, 2nd ed. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1971. 606 S.

32. Habermas, Jürgen. Vorbereitende Bemerkungen zu einer Theorie der kommunikativen Kompetenz // Habermas J. & Luhmann N. Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie: Was leistet die Systemforschung? Theory – Discussion. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1971. S. 101–141.

33. Habermas, Jürgen. Erkenntnis und Interesse. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1973. 231 S.

34. Habermas, Jürgen. The Theory of Communicative Action. Vol. 1. Reason and the Rationalization of Society. Boston: Beacon Press, 1984; Vol. 2. Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason. Boston: Beacon Press, 1987. 512 p.

35. Habermas, Jürgen. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge, MA: MIT Press, 1989. 328 p.

36. Habermas, Jürgen. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1990.

37. Habermas, Jürgen. Die postnationale Konstellation: Politische Essays. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1998. 36 p.

38. Habermas, Jürgen. Secularism's Crisis of Faith: Notes on Post-Secular Society // New Perspectives Quarterly. 2008. Vol. 25. P. 17–29.

39. Habermas, Jürgen. A Berlin Republic: Writings on Germany / transl. by Steven Rendall. Intr. By Peter Uwe Hohendahl. Frankfurt/M.: Polity Press, 2015. 187 p.

40. Hegel G. W. F. Philosophy of Right / transl. by S. W. Dyde. Kitchener: Batoche Books, 2001. 272 p.

41. Husserl, Edmund G. Formal and Transcendental Logic / transl. by D. Cairns. The Hague: Martinus Nijhoff, 1969. 340 p.

42. Husserl, Edmund G. Philosophie der Arithmetik Psychologische und logische untersuchungen. 1 Band. Stuttgart: Kröner, 1891. 324 p.

43. Isidore de Seville. Le Livre des nombres. Liber Numeromm / ed. par J.-Y. Guillaumin. Paris: Les belles lettres, 2006. 234 p.

44. Kroeber A. L. Classificatory Systems of Relationship // Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. Vol. 39. 1909.

45. Lactanti, Caeli Firmiani. Divinae Institutiones // Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum. Vol. 19. Editum consilio et impensis Academiae Litterarum Caesaris Vindobonensis. Vindobonae: Apud C. Geroldi Bibliopolam Academiae, MDCCCLXVI. P. 142–901.

46. The Legal Doctrines of the Rule of Law and the Legal State (Rechtsstaat) / ed. by James R. Silkenat, James E. Hickey Jr., Peter D. Barenboim. Cham – Heidelberg – N. Y. – Dordrecht – L.: Springer, 2014. 379 p.

47. Labro, Catherine. Rousseau totalitaire contre Rousseau démocrate: enjeu et critique d'une polémique marginalisée dans l'exégèse rousseauiste des années soixante // Etudes J.-J. Rousseau, No. 18. Rugosité de Rousseau, 2010–2011. Siam-JJR Montmorency, 2011. P. 179–190.

48. Luckmann, Thomas. Life-World and Social Realities. Heinemann Educational Books, 1983. 335 p.
49. Luckmann, Thomas. Theorie des Sozialen Handelns. Berlin – N.Y.: de Gruyter, 1992. 186 p.
50. Luhmann, Niklas. Was ist Kommunikation? // Information Philosophie. März 1987. No. 1. S. 4–16.
51. Luhmann, Niklas. Erkenntnis als Konstruktion. Bern: Benteli, 1988.
52. Luhmann, Niklas. Social systems. Stanford: Stanford University Press, 1995.
53. Luhmann, Niklas. Die Gesellschaft der Gesellschaft. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1997. 1164 S.
54. Luhmann, Niklas. Law as a Social System / transl. by Klaus A. Ziegert. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004. 498 p.
55. Luhmann, Niklas. Die Unwahrscheinlichkeit der Kommunikation // Soziologische Aufklärung 3. Soziales System, Gesellschaft, Organisation. 4 Aufl. Wiesbaden, 2005. S. 29–40.
56. Luhmann, Niklas. Theory of Society. Vol. 1 / transl. by Rhodes Barrett. Stanford: Stanford Univ. Press, 2012. 486 p.
57. Luhmann, Niklas. A Systems Theory of Religion (Cultural Memory in the Present) / ed. by André Kieserling; transl. by David A. Brenner with Adrian Hermann. Stanford, CA: Stanford Univ. Press, 2013. 320 p.
58. Parsons, Talcott. Social Structure and the Development of Personality // Psychiatry. November, 1958. Vol. 4. P. 321–340.
59. Parsons, Talcott. An Approach to the Sociology of Knowledge // Transactions of the Forth World Congress of Sociology. Louvain: International Sociological Association, 1959. P. 25–48.
60. Parsons, Talcott. The Political Aspect of Social Structure and Process // Varieties of Political Theory / ed. by D. Easton. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1966. P. 71–112.
61. Parsons, Talcott. The Concept of Society: The Components and Their Interrelations // Parsons T. Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1966. P. 5–29.
62. Parsons, Talcott. The Structure of Social Action. N.Y.: The Free Press, [1937] 1968. 838 p.
63. Parsons, Talcott. Social Systems and the Evolution of Action Theory. Free Press, 1977. 420 p.
64. Parsons, Talcott; Bales R. F. Family, Socialization and Interaction Process. L.: Routledge and Kegan Paul Ltd., 1955. 422 p.
65. Schopenhauer Arthur. Über die Grundlage der Moral. Berlin, 1840. 216 p.
66. Schlegel Friedrich. Transzendentalphilosophie // Neue philosophische Schriften. Frankfurt/M., 1935.
67. Spengler Oswald. Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. 2 Bd. Welthistorische Perspektiven. 31–42. Aufl. (51–70 Tausend). München: Oskar Beck, 1920.
68. Talcott Parsons on Institutions and Social Evolution: Selected Writings (Heritage of Sociology Series) / ed. by Leon H. Mayhew. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1985. 356 p.

СЛОВАРИ, ЭНЦИКЛОПЕДИИ, АНТОЛОГИИ, ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ, СТАТИСТИКА, МЕМУАРЫ

1. Антология мировой философии: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1970.
2. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс-Универс, 1995. 456 с.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. М.: Русс. яз., 1989–1991.
4. Джерри Д., Джерри Дж. Большой толковый социологический словарь (Collins). В 2 т. Т. 1 (А–О) / пер. с англ. М.: Вече – АСТ, 1999.
5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. М.: Русский язык, 2000.
6. Заседание Совета по межнациональным отношениям. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19475>. Дата обращения: 22.02.2018.
7. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В. С. Стёпина. М.: Мысль, 2001.
8. Социальная история // Фонд знаний «Ломоносов». Энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:01412: article>. Дата обращения: 02.11.2017.
9. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: ИВИ РАН, 2014. 543 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. О. Н. Трубачева; под ред. и предисл. Б. А. Ларина. В 4 т. Изд. 2-е. Т. I–IV. М.: Прогресс, 1986–1987.
11. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. Энцикл., 1983. 576 с.
12. Философский словарь: словарь / Адо А. В. и др. / под ред. И. Т. Фролова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Политиздат, 1991. 560 с.
13. Философский словарь / авт.-сост. С. Я. Подопригора, А. С. Подопригора. 2-е изд. Ростов-н/Д.: Феникс, 2013. 562 с.
14. Apte, Vaman Sh. The Practical Sanskrit Dictionary. 4th ed., revised & enlarged. Delhi: Motilal Banarsidass, 1965. 1048 p.
15. The Encyclopedia of American Political History / ed. by Paul Finkelman and Peter Wallenstein. N.Y.: CQ Press, 2001. 555 p.
16. The Illustrated Gaelic-English Dictionary / ed. by Edward Dwelly. 5th ed. Glasgow: A. MacLaren & sons, 1949.
17. Al-Farabi on the Perfect State: Abū Naṣr Al-Fārābī's Mabādī' Ārā' Ahl Al-Madīna Al-Fāḍila / A Revised Text and comment. by Richard Walzer. Oxford: Clarendon Press, 1985. VIII, 569 p.
18. Lane, Edward W. An Arabic-English Lexicon. In 8 parts. Part 2. Beirut: Librairie du Liban, 1968.
19. A Latin Dictionary. Founded on Andrews' edition of Freund's Latin dictionary. Revised, enlarged, and in great part rewritten by Charlton T. Lewis, Ph.D., and Charles Short, LL.D. Oxford: Clarendon Press, 1879.
20. Liddell, Henry G., Scott, Robert. A Greek-English Lexicon. Revised and augmented throughout by Sir Henry Stuart Jones, with the assistance of Roderick McKenzie. Oxford: Clarendon Press, 1940, 1705 p.
21. Smith, William. A Dictionary of Greek and Roman Antiquities. L.: John Murray, 1875.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литература на русском языке

1. Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации / Ред. Е. С. Ивашкина, В. Г. Деткова. М.: ВЛАДОС, 1994. 336 с.
2. Абрамов М. Г. Человек и компьютер: от *Homo faber* к *Homo informaticus* // Человечество. 2000. № 4. С. 127–134.
3. Аверьянов А. Н. Системное познание мира. Методологические проблемы. М.: Политиздат, 1985. 263 с.
4. Аверьянов К. А. Московские станы и волости XIV–XVI вв. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987. М., 1989. С. 114–122.
5. Автономова Н. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. М.: РОССПЭН, 2009. 503 с.
6. Агирре Рохас К. А. «Анналы» и марксизм / пер. с исп. И. Л. Замойской // Французский ежегодник. Левые во Франции. М., 2009. С. 367–389.
7. Академик Михаил Пиотровский: «Востоковедение – это эстетика и радость различий». 28.04.2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.orient.spbu.ru/index.php/ru/novosti/vse-novosti/spisok-novostej/2497-akademik-mikhail-piotrovskij-vostokovedenie-eto-estetika-i-radost-razlichij>. Дата обращения: 02.05.2023.
8. Акимов А. В., Яковлев А. И. Цивилизации в XXI веке: проблемы и перспективы развития. М.: ИВ РАН, 2012. 248 с.
9. Акоф Р. Л. Общая теория систем и исследование систем как противоположные концепции науки о системах // Общая теория систем / пер. с англ. В. Я. Алтаева и Э. Л. Наппельбаума. М.: Мир, 1966. С. 66–80.
10. Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах / пер. с англ. под ред. И. А. Ушакова. М.: Советское Радио, 1974. 272 с.
11. Алаев Л. Б. Сельская община в Северной Индии: Основные этапы эволюции. М.: Наука, 1981. 304 с.
12. Алаев Л. Б. Станет ли цивилизационный подход научным методом? // Восток (Oriens). 2013. № 3. С. 5–14.
13. Алаев Л. Б. Основные ошибки Маркса как политэконома // Новейшая история Центральной Азии: проблемы теории и методологии / под ред. А. К. Аликберова, М. А. Рахимова. М.: ИВ РАН, 2018. С. 31–41.
14. Алаев Л. Б. Сельская община: «Роман, вставленный в историю»: Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе. М.: URSS, 2016. 480 с.
15. Александер Дж. С. Аналитические дебаты: Понимание относительной автономии культуры // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 1. С. 17–37.
16. Александров В. А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М.: Наука, 1976. 323 с.
17. Александров Ю. Г. Синтетическая концепция стоимости. М.: Сам Полиграфист, 2011. 306 с.
18. Алексеев В. П. Историческая антропология и этногенез. М.: Наука, 1989. 448 с.

19. Алексеев В. П., Перишц А. И. История первобытного общества. Изд. 6-е. М.: АСТ – Астрель, 2007. 350 с.
20. Алексеев П. В., Панин А. В. Философия: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Проспект, 2003. 608 с.
21. Аликберов А. К. Эпоха классического ислама на Кавказе. Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI–XII вв.). М.: Вост. лит. РАН, 2003. 847 с., илл.
22. Аликберов А. К. Роль ислама в трансформации местных обществ: методологический аспект // Трансформация Центральноазиатских обществ и региональная безопасность / ред. Т. М. Мاستюгина, Л. С. Перепелкин. М.: Центр страт. и полит. иссл., Фонд Розы Люксембург, 2005. С. 66–81.
23. Аликберов А. К. Ранние хазары (до 652/3 г.), тюрки и Хазарский каганат // Хазары: Миф и история / ред. А. К. Аликберов, Т. М. Калинина, Т. М. Мастюгина, В. В. Наумкин, Е. Э. Носенко-Штейн (ред.-сост.), В. Я. Петрухин (ред.-сост.), В. С. Флёров, Р. Я. Эмануилов. Иерусалим – М.: Гешарим – Мосты культуры, 2010. С. 42–65.
24. Аликберов А. К. Средневековый культовый комплекс Кырхляр в Дербенте: устные предания и письменные источники о сорока «мучениках за веру» // Исследования по Аравии и исламу: сб. статей в честь 70-летия со дня рождения М. Б. Пиотровского / отв. ред. А. В. Седов. М.: ГМБ, 2014. С. 368–389.
25. Аликберов А. К. К источникам и историческим основаниям коранического рассказа о Йа'джудже, Ма'джудже и Зу-л-Карнайне // *Ars Islamica*. В честь Станислава Михайловича Прозорова / сост. и отв. ред. М. Б. Пиотровский, А. К. Аликберов. М.: Наука – Вост. лит.-ра, 2016. С. 279–356.
26. Аликберов А. К. Российское исламоведение, его предмет и место в системе гумунитарного знания (По следам одной научной дискуссии) // *Ars Islamica*. В честь Станислава Михайловича Прозорова / под ред. М. Б. Пиотровского и А. К. Аликберова. М.: Наука – Вост. лит., 2016. С. 51–76.
27. Аликберов А. К. Исторические изменения социальных функций религии (индивидуальный аспект) // *Ислам в современном мире*. 2017. Т. 13. № 1. С. 147–166.
28. Аликберов А. К. Концепции начала и конца истории: историографический обзор // *Россия и современный мир*. 2018. № 4. С. 199–213.
29. Аликберов А. К. Общество и религия в фокусе истории. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. 244 с.
30. Аликберов А. К. Проблемы системной классификации религий // *Ислам в современном мире*. 2018. Т. 14. № 3. С. 181–196.
31. Аликберов А. К. К вопросу о периодизации истории в парадигме информационного подхода // *Вестник РУДН. Серия «Всеобщая история»*. 2018. Т. 10. № 1. С. 7–16.
32. Аликберов А. Исламизм vs исламской традиции: О проблемах строительства российской модели ислама // *Азия и Африка сегодня*. 2018. № 10. С. 2–7.
33. Аликберов А. К. Об актуальных проблемах методологии новейшей истории // *Новейшая история Центральной Азии: проблемы теории и методологии* / под ред. А. К. Аликберова, М. А. Рахимова. М.: ИВ РАН, 2018. С. 3–9.
34. Аликберов А. К. Нация-государство как территориальное измерение нации-народа: опыт кросскультурного анализа // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. Т. 9. Вып. 8 (72) / ред. В. С. Мирзеханов, А. Б. Ларин, М. В. Ковалев. Империи и нации-государства Нового и новейшего времени: власть, общество, идентичность. Дата публикации 28.09.2018. DOI: 10.18254/S0002468-3-1

35. Аликберов А. К. Системная логика как инструмент системного подхода к истории // Вопросы философии. 2018. № 2. С. 15–25.
36. Аликберов А. К. Об интегративных подходах к гуманитарному знанию в востоковедении // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2018 / отв. ред. В. А. Тишков; [сост. Н. В. Тарасова]. М.: Наука, 2019. С. 152–164.
37. Аликберов А. К. «Земля» как территориальное государство: кросскультурный анализ ранних форм государственных образований // Восток (Oriens). 2019. № 1. С. 24–38.
38. Аликберов А. К. Исторические формы национализма в системно-коммуникационном анализе // Вопросы истории. 2019. № 9. С. 11–23.
39. Аликберов А. Проблема формирования российской идентичности в культурно-сложных обществах Северного Кавказа (системно-коммуникационный дискурс) // Вестник Российской нации. 2019. № 1. С. 45–57.
40. Аликберов А. К. Роль коммуникации в религиозной метаморфозе инаковости: исторический аспект // Minbar. Islamic Studies. 2019. 1 (2). С. 364–372.
41. Аликберов А. К. Принцип транссубъективности в исторической методологии Лумана // Вестник РУДН. Серия «Всеобщая история». 2019. Т. 11. № 2. С. 172–178.
42. Аликберов А. К. К изучению политического аспекта истории. Классификация исторических типов политической культуры на основе системно-коммуникационного подхода // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 7 (81).
43. Аликберов А. К. Особенности передачи сокровенного знания в классическом исламе на примере традиции ал-Кушайрия (по материалам системно-коммуникационного анализа «ар-Рисала» Абу-л-Касима ал-Кушайри, «Салват ал-‘арифин» Абу Халафа ат-Табари и «Райхан ал-хака’ик» Абу Бакра ад-Дарбанди) // Minbar. Islamic Studies. 2019. Т. 12. № 4. С. 895–905.
44. Аликберов А. К. Комплексность востоковедения, его междисциплинарные и трансдисциплинарные перспективы // Ориенталистика. 2022. № 5 (4). С. 722–733.
45. Аликберов А. К., Бобовников В. О., Бустанов А. К. Российский ислам: Очерки истории и культуры. М.: ИВ РАН, 2018. 456 с.
46. Аликберов А. К., Мудрак О. А. Исторические названия Албания, Алуанк и Алан в пространстве кросскультурной коммуникации // Вопросы ономастики. 2019. № 2. С. 213–231.
47. Аликберов А. К., Мудрак О. А. Царские эпитеты в исторической ономастике Кавказа // Восток (Oriens). 2022. № 6. С. 191–200.
48. Аликберов А. К., Шихалиев Ш. Ш. Суфийские тарикаты на Кавказе: опыт системно-коммуникационного анализа культурно-сложных обществ // Восток (Oriens). 2019. № 6. С. 138–148.
49. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций / пер. Е. Г. Гендель. М.: Социум, 2020. 502 с.
50. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. 1992. № 4. С. 122–134.
51. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М.: РГГУ, 2000. 368 с.
52. Андерсон П. Родословная абсолютистского государства / пер. с англ. И. Курилы. М.: ИД «Территория будущего», 2010.
53. Андреева Л. А., Горохов С. А., Дмитриев Р. В. и др. Трансформации глобального конфессионального геопространства: феномен «параллельных» обществ в системе

международно-политических отношений: коллективная монография / науч. ред. Л. А. Андреева, И. В. Следзевский, М. Ю. Смирнов. СПб.: Владимир Даль, 2021. 549 с.

54. Анисимова А. Э. «Новый историзм»: Наукоевческий анализ / Отв. ред. А. И. Ракиов. М.: Директ-Медиа, 2010. 154 с.

55. Анкерсмит Ф. Нарративная логика: Семантический анализ языка историка / пер. с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова; под науч. ред. Л. Б. Макеевой. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.

56. Анохин П. К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем. М.: Директ-Медиа, 1971. 256 с.

57. Античный полис / под ред. Э. Д. Фролова. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. 266 с.

58. Антоновский А. Никлас Луман: Эпистемологические основания и источники социологического конструктивизма // Луман Н. Л. Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновского. М.: Логос, 2004. С. 104–118.

59. Антоновский А. Ю. Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем. М.: ИФ РАН, 2007. 135 с.

60. Антоновский А. Аналитика времени: к трансформации «староевропейской семантики» в самоописаниях социальных систем // Луман Н. Самоописания / пер. с нем. А. Антоновского, Б. Скуратова, К. Тимофеева. М.: Логос / Гносис, 2009. С. 302–318.

61. Антоновский А. Ю. Коммуникативная философия знания: от теории коммуникативных систем к социальной философии науки. М.: ИФ РАН, 2015.

62. Антоновский А. Ю., Бараиш Р. Э. «Система социологии» Питирима Сорокина и системно-коммуникативный подход // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 528–548.

63. Апель К.-О. Трансцендентально-герменевтическое понятие языка // Апель К.-О. От Я к Другому. Сборник переводов по проблемам intersубъективности, коммуникации, диалога. Минск: [б.и.], 1997. С. 202–220.

64. Апель К.-О. Трансформация философии / пер. с нем. В. Куренной, Б. Скуратова. М.: Логос, 2001. 344 с.

65. Арнаутова Ю. А. Культура воспоминания и история памяти // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. С. 47–55.

66. Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 1999. 271 с.

67. Архестова М. З. Информационно-коммуникативная концепция локальной цивилизации: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Нальчик, 2011. 156 с.: ил. РГБ ОД, 61 12–9/49.

68. Аршинов В. И. На пути к квантовой эпистемологии // Проблемы методологии постнеклассической науки. М.: ИФ РАН, 1992. 199 с.

69. Аршинов В. И. Событие и смысл в синергетическом измерении // Событие и смысл. Синергетический опыт языка. М.: ИФ РАН, 1999. С. 11–37.

70. Аршинов В. И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. М.: ИФ РАН, 1999. 203 с.

71. Астахов М. В. Об академической традиции и соотношении аналитической истории и исторической информатики // Информатика и информационная культура в современной школе. Сб. материалов I и II Всероссийских научно-практических конференций / под ред. Ю. В. Александрова, В. И. Пугача. Самара: СИПКРО, 1996. С. 114–117.

72. Афанасьев Ю. Н. Французская историческая школа «Анналов» в современной буржуазной историографии. 1929–1979: критический анализ эволюции теоретико-методологических основ: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. М., 1980. 378 с.

73. Афанасьев Ю. Н. Фернан Бродель и его видение истории // Введение к кн.: Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. Т. 1 / пер. с франц. Л. Е. Куббеля; вступ. ст. и ред. Ю. Н. Афанасьева. М.: Прогресс, 1986. С. 5–28.

74. Ачкасов В. А., Бабаев С. А. «Мобилизованная этничность»: Этническое измерение политической культуры современной России. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургск. филос. общ-ва, 2002. 145 с.

75. Ашрафян К. З. Аграрный строй Северной Индии (XIII – середина XVIII в.). М.: Вост. лит., 1965. С. 142–155.

76. Базаров Б. В., Ринчинов О. С., Базаров А. А. Цифровая трансформация письменного наследия тибетского буддизма: состояние и перспективы // Oriental Studies. 2022. № 15 (4). С. 740–750.

77. Барбашин М. Ю. Современный западный примордиализм: методологические проблемы в изучении этничности // Гуманитарный ежегодник. 2011. № 10. С. 362–371.

78. Барз М. А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1984. 344 с.

79. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. 390 с.

80. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты: Новые ориентиры в науках о культуре / пер. с нем. С. Ташкенова. М.: Нов. лит. обзор., 2017. 504 с.

81. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма: Новая всемирно-политическая экономия / пер. с нем. А. Б. Григорьева, В. Д. Седелника. М.: Прогресс-традиция, 2007. 464 с.

82. Белков П. Л. Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / под ред. В. А. Попова. М.: Вост. лит. РАН, 1995. С. 178–182.

83. Бёльз Г. Франкфуртские чтения // Самосознание культуры и искусства. Западная Европа и США. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 379–444.

84. Берберих М. В. Коммуникативный подход и историческая концепция Юргена Хабермаса / автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования / Берберих Марина Владимировна [науч. рук. С. П. Рамазанов]; [ВолГУ]. Волгоград, 2011. 26 с.

85. Бибииков Г. Н., Бибиикова Л. В. Методология современной истории: Историографический очерк. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. 208 с.

86. Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. 271 с.

87. Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системный подход: предпосылки, проблемы, трудности. М.: Знание, 1969. 64 с.

88. Блиев М. М. О социальных истоках и сущности Кавказской войны // История СССР. 1983. № 2. С. 54–76.

89. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / пер. Е. М. Лысенко; примеч. А. Я. Гуревича. М.: Наука, 1973. 232 с.

90. Бобкова М. С., Мереминский С. Г. Терминология исторической науки. Историописание. М., 2010.

91. Боброва А. С. Идеи Дж. Спенсера-Брауна в интерпретации Н. Лумана // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2013. № 11 (112). С. 102–110.
92. Бобровников В. О. Конев А. Ю. Свои «чужие»: инородцы и туземцы в Российской Империи // Ориентализм vs Ориенталистика // сост. В. О. Бобровников, С. Дж. Мири. М.: Садр, 2016. С. 167–206.
93. Богомолов А. С., Ойзерман Т. И. Основы теории историко-философского процесса. М.: Наука, 1983. 288 с.
94. Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи / пер. с англ.; 4-е изд., испр. и доп. СПб.: Азбука-классика, 2003. 352 с.
95. Большаков О. Г. Средневековый город Ближнего Востока. VII – середина XIII в. Социально-экономические отношения. М.: Наука – Глав ред. вост. лит-ры, 1984. 344 с.
96. Бондаренко Д. М. Постколониальные нации в историко-культурном контексте. М.: Изд. Дом ЯСК, 2022. 397 с.
97. Бондаренко Д. М., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Альтернативы социальной эволюции // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сборник статей / под ред. Л. Е. Гринина, Д. М. Бондаренко и Н. Н. Крадиной. Волгоград: Учитель, 2006. С. 15–36.
98. Бородкин Л. И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М.: МГУ, 1986. 188 с.
99. Бородкин Л. И. Квантитативная история на пороге XXI века: фазовый переход? // Новые информационные ресурсы и технологии в исторических исследованиях и образовании. Сб. тезисов докл. и сообщ. Всероссийской конференции / отв. ред. Л. И. Бородкин, В. Н. Владимиров, И. М. Гарскова, Ю. Ю. Юмашева. М.: МГУ, 2000. С. 5–15.
100. Бородкин Л. И. История, альтернативность и теория хаоса // Одиссей. Человек в истории. Альманах. М.: URSS, 2000. С. 21–27.
101. Бородкин Л. И. Моделирование исторических процессов: от реконструкции реальности к анализу альтернатив. СПб.: Алетейя, 2016. 304 с.
102. Бородкин Л. И. «Цифровой поворот» в исторических исследованиях: новая информационная среда или новая парадигма? // Профессия – историк (к юбилею Л. П. Репиной) / отв. ред. О. В. Воробьева. М.: Аквилон, 2017. С. 114–133.
103. Бородкин Л. И. Сетевой анализ в исторических исследованиях: микро- и макроподходы // Историческая информатика. 2017. № 1. С. 110–124.
104. Бородкин Л. И. Историк и мир (больших) данных: вызовы цифрового поворота // Историческая информатика. 2019. № 3. С. 14–30.
105. Бородкин Л. И., Гарскова И. М. Историческая информатика: перезагрузка // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2011. № 16. С. 5–12.
106. Бочаров А. В. Подходы к пониманию тотальной истории [полного исторического исследования] // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 28. Томск: Изд-во ТГУ, 2007. С. 108–118.
107. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 416 с.
108. Бромлей Н. Я. К вопросу о соотношении понятий «цивилизация» и «формация» (Пolemические записки) // Цивилизации. Вып. 1. М.: Наука, 1993. С. 225–228.
109. Буданов В. Г., Аршинов В. И. Большой антропологический переход: методология сложностно-сетевого мышления: монография / В. Г. Буданов, В. И. Аршинов. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2022. 129 с.

110. Булатова А. Г. О некоторых семейных и общесельских обрядах народов горного Дагестана в XIX – начале XX в., связанных с весенне-летним календарным циклом // Семейный быт народов Дагестана в XIX–XX вв. Махачкала, 1980. С. 89–106.
111. Бунак В. В. Речь и интеллект, стадии их развития в антропогенезе // Ископаемые гоминиды и происхождение человека. М.: Наука, 1966. С. 498–499.
112. Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. М.: Юрист, 1996. 591 с.
113. Бутинов Н. А. Папуасы Новой Гвинеи (Хозяйство, общественный строй). М.: Наука, 1968. 256 с.
114. Быстрицкий Н. И. Суперкомпьютерные технологии и история // Суперкомпьютерные технологии в науке, образовании и промышленности / под ред. В. А. Садовниченко, Г. И. Савина, Вл. В. Воеводина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. С. 81–87.
115. Быстрицкий Н. И. Исследования сетей в исторической науке // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 3. С. 39–51.
116. Быстрицкий Н. И., Кузенков П. В. Подходы к формированию и анализу свода данных по истории Византии // Византийский временник. 2019. Т. 103. С. 13–31.
117. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М.: АСТ, 2003. 444 с.
118. Бэлл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Академия, 1999. 956 с.
119. Вайнштейн О. Л. Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX–XX вв. / под ред. В. И. Рутенбурга. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. 272 с.
120. Вальц М. П. Рецепция идей немецких ученых в работе А. С. Лаппо-Данилевского «Методология истории»: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М.: РГГУ, 2016.
121. Ван Гиг Дж. Прикладная общая теория систем. В 2 книгах / пер. с англ. под ред. Б. Г. Сушкова, В. С. Тютютина. Т. 1. М.: Мир, 1981. 336 с.
122. Ван Дейк, Теун А. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ.; сост. В. В. Петрова; под ред. В. И. Герасимова; вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. 308 с.
123. Ванина Е. Ю. «Шах шахов» или «шах Индии»? Территориальность и власть в империи Великих Моголов (XVI – первая половина XVIII в.) // Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность. Геополитическое конструирование и субъектность восприятия обитаемых пространств / отв. ред. А. В. Бочковская. М.: Наука – Вост. лит-ра, 2016. С. 175–201.
124. Василик М. А. Наука о коммуникации или теория коммуникации? К проблеме теоретической идентификации // Актуальные проблемы теории коммуникации. Сборник научных трудов. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. С. 4–11.
125. Васильев Л. С. Что такое «азиатский» способ производства? // Народы Азии и Африки. 1988. № 3. С. 65–75.
126. Васюков В. Л. Квантовая логика. М.: PER SE, 2005. 192 с.
127. Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций. Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия. М.: Апрель-Пресс, Эксмо-Пресс, 2000. 320 с.
128. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999. 783 с.
129. Вейле К., Шрадер О. Культура «бескультурных» народов. Индо-европейцы. СПб.: Издательство П. П. Сойкина, 1913. 312 с.

130. Вельш В. «Постмодерн». Генеалогия и значение одного спорного понятия // Путь. 1992. № 1. С. 109–136.

131. Вен Поль. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. Приложение. Фуко совершает переворот в истории. М.: Научный мир, 2003. 394 с.

132. Вечтомов Е. М. Философия математики. Киров: Радуга-Пресс, 2013. 316 с.

133. Визгин В. П. Идея множественности миров. Очерки истории. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛКИ, 2007. 336 с.

134. Визгин В. П. На пути к другому: От школы подозрения к философии доверия. М.: Языки славянской культуры, 2004. 800 с.

135. Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. М.: Советское радио, 1968. 325 с.

136. Винер Н. Я – математик. М.: Наука, 1967. 353 с.

137. Виноградов А. В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. Изд. второе, испр. и доп. М.: НОФМО, 2008. 364 с.

138. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / сост. И. С. Добронравов, Д. Г. Лахути и В. Н. Садовский; пер. И. С. Добронравова и Д. Г. Лахути. М.: КАНОН+, 2008. 288 с.

139. Владимирова А. В. Измерения «асеаноцентричности»: сетевой анализ внешнеторговых связей Азиатско-Тихоокеанского региона // Теоретическая и прикладная экономика. 2017. № 2. С. 1–9.

140. Владимирова А. В. Сетевой анализ и верификация данных: асимметрия в показателях статистики внешней торговли стран Азиатско-Тихоокеанского региона // Альманах «Казачество». 2018. № 36. С. 35–47.

141. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права / 6-е изд. СПб. – Киев: Лито-тип. Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко., 1909. 699 с.

142. Володин А. Ю. «Цифровая история»: ремесло историка в цифровую эпоху // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6. Вып. 8 (11). [Электронный ресурс]. URL: <http://history.jes.su/s207987840001228-9-1>. Доступ для зарегистрированных пользователей. Дата обращения: 12.01.2016.

143. Володин А. Ю. Онлайн-репозитории статистических данных по социально-экономической истории: возможности и перспективы // Отечественные архивы. 2019. № 3. С. 34–42.

144. Володин А. Ю. Между *data* и *capta*: проблемы датафикации исторических исследований // Вестник Пермск. ун-та. Сер. История. 2019. Вып. 3 (46). С. 137–145.

145. Вулли Леонард. Ур халдеев. М.: Изд-во вост. лит., 1961. 256 с.

146. Вульф К. Антропология: история, культура, философия. СПб.: ГУ, 2007. 270 с.

147. Галисон П., Дастон Л. Объективность. М.: Нов. лит. обзор., 2018. 584 с.

148. Гараджа В. И. Социология религии. М.: Наука, 1995. 239 с.

149. Гарскова И. М. Информационные технологии и информационный подход в исторической науке // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2011. № 4. С. 110–124.

150. Гарскова И. М. Источник в цифровом формате: концепции исторической информатики // Идеи академика И. Д. Ковальченко в XXI веке. Материалы IV научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова. 10 декабря 2008 г. / отв. ред. С. П. Карпов. М.: МГУ, 2009. С. 140–153.

151. Гарскова И. М. Историческая информатика: методологические и историографические аспекты развития: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.: МГУ, 2018.
152. Гаспаров М. Л. Метр и смысл: об одном из механизмов культурной памяти. М.: РГГУ, 1999. 416 с.
153. Генинг В. Ф. Комплексный метод // Очерки по истории советской археологии. У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х годов. Киев: Наукова думка, 1982. С. 170–174.
154. Герасимов Г. И. Историческое время // Философия и культура. 2018. № 4. С. 28–38.
155. Головнев А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; Волот, 2009. 496 с.
156. Гомаюнов С. А. Проблемы методологии местной истории. Киров: ВГПУ, 1996. 456 с.
157. Гордон А. В. Историки железного века. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 448 с.
158. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. ст. А. Д. Ковалева. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. 304 с.
159. Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта / пер. Р. Бумагина, Ю. Данилова, А. Ковалева, О. Оберемко. М.: Ин-т социологии РАН, 2004. 752 с.
160. Граница, рубеж, переход: социокультурное пограничье в глобальном и региональном аспектах / отв. ред. И. В. Следзевский. М.: Ин-т Африки РАН, 2005.
161. Грановский Т. Н. О родовом быте у древних германцев // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. М., 1855. Кн. 2. Ч. I. С. 143–170.
162. Грановский Т. Н. Лекции по истории Средневековья. М.: Наука, 1987. 432 с.
163. Грачев М. Н. Политическая коммуникация: Теоретические концепции, модели, векторы развития. М.: Прометей, 2004. 328 с.
164. Гречко П. К. Концептуальные модели истории. М.: Логос, 1995. 141 с.
165. Григорян С. Н. Из истории философии Средней Азии и Ирана VII–XII вв. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 330 с.
166. Гринин Л. Е. Философия, социология и теория истории. М.: КомКнига, 2006. 352 с.
167. Гринин Л. Б. О стадиях эволюции государства. Проблемы теории // История и современность. № 1. Март 2006. С. 3–45.
168. Гринченко С. Н. Культура как многомерная система: информатико-кибернетический аспект // Грани познания: наука, философия, культура в 21-м веке. Кн. 2. М.: Наука, 2007. С. 367–395.
169. Губанов Д. А., Новиков Д. А., Чхартишвили А. Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства. М.: Изд-во физико-матем. лит-ры, 2010. 228 с.
170. Губогло М. Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. 768 с.
171. Губин В. Б. Псевдосинергетика – новейшая лженаука // В защиту науки / отв. ред. Э. П. Кругляков. Комис. по борьбе с лженаукой и фальсификацией научн. исслед. РАН. Бюллетень 1. М.: Наука, 2006. С. 110–119.

172. Губман Б. Л. Ю. Хабермас: история и коммуникация // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2019. 3 (49). С. 171–183.
173. Губогло М. Н. Антропология повседневности. М.: Языки славянской культуры, 2013.
174. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1984. 352 с.
175. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 396 с.
176. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли /под ред. В. С. Жекулина; [предисл. Р. Ф. Итса]. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 236 с.
177. Гусейнов А. А. Философия – мысль и поступок: Статьи, доклады, лекции, интервью. СПб.: СПбГУП, 2012. 848 с.
178. Данто А. Аналитическая философия истории / пер. с англ. А. Л. Никифорова, О. В. Гавришиной; под ред. Л. Б. Макеевой. М: Идея-Пресс, 2002. 292 с.
179. Де Либера А. Средневековое мышление. М.: Праксис, 2004. 368 с.
180. Дегтерев Д. А. Распространение культурных норм и ценностей: агентное моделирование // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2016. № 1. С. 141–152.
181. Денисов А. А. Современные проблемы системного анализа: Информационные основы. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2003. 310 с.
182. Денисова Г. С., Радовель М. Р. Этносоциология. Ростов-н/Д., 2000. 280 с.
183. Дзицойты Ю. А. Нарты и их соседи. Географические и этнические названия в нартском эпосе. Владикавказ: Алания, 1992. 279 с.
184. Дильтей В. Сила поэтического воображения. Начала поэтики // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX – XX вв. трактаты, статьи, эссе / ред. К. Г. Косиков. М.: Изд-во Моск. унив., 1987. 510 с.
185. Добиаш-Рождественская О. А. История письма в Средние Века. Руководство к изучению латинской палеографии. Л.: Наука, 1936. 227 с.
186. Добренков В. И., Кравченко А. И. Методы социологического исследования. М.: Инфра-М, 2004. 768 с.
187. Дробизева Л. М. История и социология. М.: Мысль, 1971.
188. Дунаева Ю. В. Историческая биография: упадок или возрождение? // Современные подходы и методы исследования / отв. ред. Ю. В. Дунаева. М.: ИНИОН РАН, 2011. С. 8–34.
189. Дьяконов Г. В. Концепция диалога М. М. Бахтина – основа экзистенциально-онтологической психологии // Соціальна психологія. 2006. № 5 (19). С. 45–55.
190. Дьяконов И. М. Община на древнем Востоке в работах советских исследователей // Вестник древней истории. 1963. № 1. С. 16–34.
191. Дьяконов И. М. Проблемы вавилонского города 11 тыс. до н. э. (По материалам Ура) // Древний Восток. Города и торговля / под ред. Н. В. Арутюняна, И. М. Дьяконова, Г. Х. Саркисяна. Ереван, 1973. С. 30–64.
192. Дьяконов И. М. Переход к территориальному государству в Месопотамии // История Востока: В 6 т. Т. 1. Восток в древности / под ред. В. А. Яковсона. М.: Вост. лит., 2000. С. 57–66.
193. Дьяконов И. М. Пути истории: От древнейшего человека до наших дней. Изд. 2-е, испр. М.: КомКнига, 2007. 384 с.

194. Дюбюк А. История на перекрестке гуманитарных наук. М.: Наука – Гл. ред. вост. лит-ры, 1970.
195. Ерасов Б. Культура, религия и цивилизация на Востоке. М.: Наука – Гл. ред. вост. лит-ры, 1990. 207 с.
196. Ерасов Б. С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. М.: Наука – Гл. ред. вост. лит-ры, 2002. 524 с.
197. Ерасов Б. С. Цивилизация как сеть отношений // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / сост. Б. С. Ерасов. М.: Аспект пресс, 1999. С. 115–117.
198. Ерофеева М. Акторно-сетевая теория и проблема социального действия // Социология власти. Т. 27. № 1. 2015. С. 17–36.
199. Ерохин В. Н. Становление нации. Религиозно-политическая история Англии XVI – первой половины XVII в. в современной британской исторической науке. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
200. Жижек Славой. Возвышенный Объект Идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. 234 с.
201. Жилин В. И. Синергетический сциентизм: Критический анализ философско-методологических оснований. М.: Красанд, 2011. 190 с.
202. Забаев И. В., Пруцкова Е. В. Социальная сеть православной приходской общины: возможности применения анализа социальных сетей в социологии религии // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. 2013. № 4 (48). С. 120–136.
203. Зайков А. В. Общество древней Спарты: Основные категории социальной структуры: учебное пособие. Екатеринбург: Изд. Уральского ун-та, 2013. 196 с.
204. Зайцев И. В. Факторы политической идентичности // Вестник ВолГУ. Серия 7. 2007. Вып. 6. С. 104–109.
205. Зак С. Д. Методологические проблемы развития сельской поземельной общины // Социальная организация народов Азии и Африки. М.: Наука, 1975. С. 233–311.
206. Захарова У. С., Можаяева Г. В., Можаяева П. Н., Рожнева Ж. А., Сербин В. А., Хаминова А. А. Digital Humanities: гуманитарные науки в цифровую эпоху / под ред. Г. В. Можаяевой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 120 с.
207. Зборовский Г. Е. Метопарадигмальная модель теоретической социологии // Социологические исследования. 2008. № 4. С. 6–8.
208. Звягельская И. Д. Ближний Восток: политика и идентичность. М.: Аспект-Пресс, 2020. 336 с.
209. Зелдин Т. Социальная история как история всеобъемлющая [1976] // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 1. С. 154–162.
210. Земон Д. Н. Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века. М.: Нов. лит. обозр., 1999. 400 с.
211. Зенкин С. Небожественное сакральное: Теория и художественная практика. М.: РГГУ, 2012. 538 с.
212. Зидер Р. Что такое социальная история? Разрывы и преемственность в основании социального» // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 1. С. 163–181.
213. Зиммель Г. Социальная дифференциация: Социологические и психологические исследования / авториз. пер. с нем. Н. Н. Вокач и И. А. Ильина; под ред. и с предисл. Б. А. Кистяковского. М.: М. и С. Сабашниковы, 1909. X, 323 с.
214. Зиновьев А. А. Русская трагедия. М.: Алгоритм, 2007. 680 с.

215. Знаков В. В. Многомерный мир человека: типы реальности, понимания и социального знания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2012. № 3. С. 18–29.
216. Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М.: Наука, 1964. 328 с.
217. Зотов В. В., Лысенко В. А. Коммуникативные практики как теоретический конструкт изучения общества // Теория и практика общественного развития. 2010. № 3. [Электронный ресурс]. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2010/3/sociologiya/zotov-lysenko.pdf. Дата обращения: 26.05.2016.
218. Ивахненко Е. Н. В поисках стратегии построения социальной теории // Личность. Культура. Общество. 2015. Т. XVII. Вып. 3–4 (№ 87–88). С. 54–66.
219. Иллерицкая Н. В. Что нас ждет за «поворотами» историографии? // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2012. № 4. С. 276–288.
220. Иллерицкая Н. В. Конструирование прошлого в контексте интеллектуального многообразия // Вестник РГГУ. Серия: Политология. Социально-коммуникативные науки. 2013. № 1 (102). С. 36–48.
221. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
222. Ильенков Э. В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1974. 271 с.
223. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М.: Рарог, 1993. 448 с.
224. Ильин В. В. Философия истории. М.: Изд-во МГУ, 2003. 380 с.
225. Ильин М. В. Политический дискурс: Государство // Полис. 1994. № 1. С. 127–140.
226. Ильин М. В. Слова и смысл: Полития. Республика. Конституция. Отечество // Полис. 1994. № 4. С. 49–56.
227. Илюшечкин В. П. Теория стадийного развития общества: История и проблемы. М.: Вост. лит., 1996. 406 с.
228. Ионин Л. Г. Понимающая социология. Историко-критический анализ. М.: Наука, 1979. 208 с.
229. Ионин Л. Г. Социология культуры: Учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. 427 с.
230. Ионов И. Н. Теория цивилизаций и эволюция научного знания // Общественные науки и современность. 1997. № 6. С. 118–135.
231. Ионов И. Н. Идентификационная, коммуникативная и когнитивная составляющие цивилизационных представлений // История и современность. 2007. № 2. С. 79–116.
232. Ионов И. Н. Цивилизационное сознание и историческое знание. Проблемы взаимодействия. М.: Наука, 2007. 499 с.
233. Ионов И. Н. Мировая история в глобальный век: Новое историческое сознание. М.: Аквилон, 2015. 464 с.
234. Исаев И. А. Господство. Очерки политической философии. М.: Норма, 2008. 352 с.
235. История государства и права зарубежных стран: учебник для вузов. В 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. О. А. Жидкова и Н. А. Крашенинниковой. 2-е изд. М.: Норма, 2004.
236. История и синергетика: методология исследования / отв. ред. С. Ю. Малков, А. В. Коротаев. М.: URSS, 2005. 184 с.
237. Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. 2-е изд., испр. Хабаровск: Гуманитарный центр, 2008. 352 с.

238. Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986. 303 с.
239. Кабо В. Р. Происхождение религии: История проблемы. Канберра: Алчеринга, 2002. 149 р.
240. Казанова Х. Размышляя о постсекулярном: три значения «секулярного» и три возможности выхода за его пределы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 4. С. 143–174.
241. Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. Изд. 2-е. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 288 с.
242. Каптерев А. И. Изучение виртуальной коммуникации // Информатизация социокультурного пространства. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. 399 с.
243. Карасев О. В. Семиотика. Краткая история становления: учеб. пособие. Пятигорск: ПГЛУ, 2014. 137 с.
244. Карбонье Ж. Юридическая социология / пер. и вступ. статья В. А. Туманова. М.: Прогресс, 1986. 351 с.
245. Кареев Н. И. Из лекций по общей теории истории. Ч. I. Теория исторического знания (Историка). СПб. / Петроград: Тип. М. М. Стасюлевича, 1913; Ч. II. Историология. Теория исторического процесса. СПб. / Петроград: Тип. М. М. Стасюлевича, 1915; Ч. III. О школьном преподавании истории. СПб. / Петроград: Тип. М. М. Стасюлевича, 1917.
246. Кареев Н. И. Общие основы социологии. М.: URSS, 2010. 248 с.
247. Карлейль Т. Теперь и прежде. Герои и героическое в истории. М.: Республика, 1994. 590 с.
248. Карнап Р. Значение и необходимость. М.: Наука, 1959. 384 с.
249. Касьян А. А. Идеология и наука: дискуссии советских ученых середины XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 288 с.
250. Кедров Б. М. О современной классификации наук // Вопросы философии. 1980. № 9–10. С. 85–103.
251. Кемеров В. Е. Общество, социальность, полисубъектность. М.: Академ. проект; Фонд «Мир», 2012. 252 с.
252. Классен Х. Дж. М. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма // Альтернативные пути к цивилизации: кол. монография. М.: Логос, 2000. С. 6–23.
253. Классен Х. Дж. М. Эволюция в развитии // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: сборник статей / под ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко и Н. Н. Крадина. Волгоград: Учитель, 2006. С. 45.
254. Клаус Н. Г. Применение агентного моделирования в анализе социальных конфликтов. Модель «Две этнические группировки. Предотвращение геноцида» // Методология, теория и история социологии: сб. науч. статей: в 3 т. / под ред. В. И. Филоненко. Т. 2. Ростов-н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2012.
255. Клейн Л. С. Археологическая типология. Л.: Изд-во АН СССР, 1991. 448 с.
256. Клейн Л. С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. СПб.: [б.и.], 2007. 226 с.
257. Клейн Л. С. История антропологических учений. СПб.: СПбГУ, 2012. 442 с.
258. Ключевский В. О. Методология русской истории // Цивилизация: прошлое, настоящее и будущее человека. М.: ИФ АН СССР, 1988. С. 142–220.
259. Кнабе Г. С. Древо познания и древо жизни. М.: РГГУ, 2006. 752 с.

260. Кобищанов Ю. М. Теория большой феодальной формации // Вопросы истории. 1992. № 4–5. С. 57–72.
261. Кобищанов Ю. М. Полудье: Явление отечественной и всемирной истории. М.: РОССПЭН, 1995. 319 с.
262. Ковалев В. В. Гражданская культура как базовый конструкт гражданского общества // Государственное и муниципальное управление. Уч. зап. СКАГС. 2014. № 1. С. 179–184.
263. Ковалевский М. М. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. Ч. 1. М.: тип. Ф. Б. Миллера, 1879. 248 с.
264. Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности / пер. с фр. изд. стереотип. М.: URSS, 2019. 152 с.
265. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 440 с.
266. Ковальченко И. Д. Многомерность исторического развития / И. Д. Ковальченко // Свободная мысль. 1995. № 10. С. 77–86.
267. Когнитивная история. Концепция – методы – исследовательские практики. Чтения памяти проф. О. М. Медушевской: [ст. и материалы] / отв. ред. М. Ф. Румянцев, Р. Б. Казаков. М.: РГГУ, 2011. 506 с.: ил.
268. Козлов В. П. От преодоления мифов истории к поискам реалий прошлого // Новая и новейшая история. 2009. № 1. С. 3–9.
269. Кокка Ю. Социальная история между структурной и эмпирической историей // THESIS. Весна 1993. Т. 1. Вып. 1. С. 174–189.
270. Кокшаров Н. В. Этничность. Этнос. Нация. Национализм // CREDO NEW: теоретич. журнал. 2002. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://credonew.ru/content/view/305/27>. Дата обращения: 23.03.2015.
271. Кола Д. Политическая социология / пер. с фр. А. И. Кристаловского, Ю. А. Немешева, А. А. Тарасевича-Скрыльникова; предисл. А. Б. Гофмана. М.: Весь мир, ИНФРА-М, 2001. 406 с.
272. Колесников А. И. Иран в начале VII в. (источники, внутренняя и внешняя политика, вопросы административного деления) / Палестинский сборник. Вып. 22 [85]. Л., 1970. 144 с.
273. Кондратьев Н. Д. Большие циклы экономической конъюнктуры: Доклад // Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989. С. 172–226.
274. Кононюк А. Е. Системология. Общая теория систем. Книга 1. Начала. Киев: Освіта України, 2014. 558 с.
275. Конрад Н. И. Запад и Восток / статьи. Изд. 2-е. М.: Наука, 1972. 496 с.
276. Конрад С. Что такое глобальная история? / пер. с англ. А. Степанова; научн. ред. и предисл. А. Семенова. М.: Новое лит. обозр., 2018. 312 с.
277. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: Наука, 1991. 493 с.
278. Кончаков Р. Б., Стрекалова Н. В. К проблеме изучения сетевых связей государственных служащих в провинциальном городе начала XX в. методами SNA // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2012. № 38. С. 111–112.
279. Корбен А. История исламской философии / пер. с фр. А. А. Кузнецова. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 356 с.
280. Коротаев А. В. Факторы социальной эволюции. М.: ИВ РАН, 1997. 363 с.
281. Коротаев А. В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М.: Вост. лит., 2003. 287 с.

282. Коротаев А. В., Комарова Н. Л., Халтурина Д. А. Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны. 2-е изд. М.: УРСС, 2007. 256 с.
283. Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Малков А. С., Зинькина Ю. В. Законы истории: Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития. Изд. 3-е, сущ. перераб. и доп. М.: URSS, 2010. 224 с.
284. Косач Г. Г. Арабский национализм или арабские национализмы: доктрина, этноним, варианты дискурса // отв. ред. Тишков В. А., Шнирельман В. А. Национализм в мировой истории. М.: ИЭА РАН, 2007.
285. Косвен М. О. Этнография и история Кавказа: исследования и материалы. М.: Наука – Вост. лит., 1961. 260 с.
286. Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 219 с.
287. Космина В. Г. Навсегда ли разошлись пути Украины и России? (Цивилизационное развитие Украины, России и Запада в системно-коммуникативном измерении). Ст. 1, 2 // Общественные науки и современность. 2015. № 4. С. 141–152; № 5. С. 128–142.
288. Котляров И. В. Политическая социология: теория, история, методология, методика. В 2 ч. Минск: Изд-во МИУ, 2004. Т. 1–286 с. Т. 2–284 с.
289. Крадин Н. Н. Кочевые общества (проблема формационной характеристики). Владивосток: Дальнаука, 1992. 240 с.
290. Крадин Н. Н. Политическая антропология: Учебник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Логос, 2004. 272 с.
291. Кром М. М. Антропологический подход к изучению русского средневековья (заметки о новом направлении в американской историографии) // Отечественная история. 1999. № 6. С. 90–106.
292. Крон Г. Исследование сложных систем по частям – Диакоптика / пер. с англ. под ред. А. В. Баранова. М.: Наука – Гл. ред. Физико-мат. наук, 1972. 544 с.
293. Кроник А. А., Ахмеров Р. А. Каузометрия: Методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. Вып. 4. М.: Смысл, 2003. 284 с.
294. Кроче Б. Теория и история историографии / пер. с итал. И. М. Заславской. М.: Языки русской культуры, 1998. 192 с.
295. Круглов А. Н. Трансцендентальная философия. [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01a9e2fe-81561f6f03da73a9>. Дата обращения: 07.10.2017.
296. Кузеев Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М.: ИНИОН РАН, 1992. 352 с.
297. Кузнецов А. М. Теория этноса С. М. Широкогорова // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 57–71.
298. Кузнецов В. А. Единство и множественность мира в арабо-мусульманских историко-политических дискурсах X–XV веков // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / под ред. Л. П. Репиной. М.: Круг, 2010. С. 502–537.
299. Кузнецов В. Г. Научное наследие Женевской лингвистической школы. М.: Знак, 2010. 368 с.
300. Кукарцева М. А. Философия истории и историческая наука. М.: ИТК «Дашков и Ко.», 2018. 256 с.
301. Курлов А. Б. Основы теории коммуникации: учеб. пособие. Уфа: РИО БашГУ, 2002. 124 с.

302. Куценков А. А. Эволюция индийской касты. М.: ГРВЛ – Наука, 1983. 326 с.
303. Л. Б. Алаев: община в его жизни. История нескольких научных идей в документах и материалах / сост. Л. Б. Алаев. М.: Вост. лит., 2000. 584 с.
304. Латин Н. И. Социокультурный подход и социентально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 3–12.
305. Латышев В. В. Заметки о кавказских надписях // Изв. Импер. Археол. Комиссии. СПб., 1904. Вып. 10. С. 103–105.
306. Лафарг Поль. Воспоминания о Марксе. М.: Политиздат, 1967. 32 с.
307. Лащук Л. П. Введение в историческую социологию. М.: Праксис, 2010. 384 с.
308. Лебедев С. А., Лазарев Ф. В. Многомерный человек. Онтология и методология исследования. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. 96 с.
309. Лебек С. Новая история средневековой Франции: в 2 т. / пер. В. Павлова. Т. 1: Происхождение франков. V – IX века. М.: Скарабей, 1993. 352 с.
310. Леви-Стросс К. Путь масок / пер. с фр., сост., вступ. ст. и примеч. А. Б. Островского. М.: Республика, 2000. 399 с: ил.
311. Леви-Стросс К. Структурная антропология / пер. с фр. Вяч.Вс. Иванова. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
312. Лекторский В. А. Субъект. Объект. Познание. М.: Наука, 1980. 360 с.
313. Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.
314. Леонтович В. В. История либерализма в России 1762–1914. М.: Русский путь, 1995. 444 с.
315. Леонтович О. А. Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011. 224 с.
316. Леонтьев А. А. Происхождение языка // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Наука, 1990. С. 400–401.
317. Леонтьева О. Б., Репина Л. П., Чеканцева З. А. История и теория на XXII конгрессе МКИН: Круглый стол «Событие и время в исторических перспективах» / вступ. ст., сост. и общ. ред. Л. П. Репиной // Диалог со временем. 2015. № 52. С. 8–32.
318. Лифинцева Т. П. Философия диалога Мартина Бубера. М.: ИФ РАН, 1999. 134 с.
319. Лоскутникова В. М. Хабермас и Луман: два подхода к исследованию процессов коммуникации в современном обществе // Гуманитарная информатика. 2004. № 1. С. 81–96.
320. Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования / отв. ред. Ю. Г. Волков. М.: Социально-гуманитарные знания, 2005. 352 с.
321. Лубский А. В. Неоклассическая модель исторического исследования в культурно-эпистемологическом контексте XXI века // Общественные науки и современность. 2009. № 3. С. 90–100.
322. Лубский А. В. Постнеклассическая рациональность и неоклассическая модель социально-гуманитарных исследований // Научная мысль Кавказа. 2015. № 1. С. 21–30.
323. Лубский А. В. Цивилизационный дискурс в условиях глокализации // Философия права. 2016. № 2 (75). С. 65–69.
324. Лукьянов Д. В. Исторические стратегии конструирования реальности современности // Вестник РГГУ. Серия: Политология. Социально-коммуникативные науки. 2013. № 1 (102). С. 22–35.

325. Льюис К. Виды значения // Семиотика / сост., вступ. статья и общ. ред. Ю. С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 211–224.
326. Магомедов М. Г. Живая связь эпох и культур (Страна Берсилия, Хазарский каганат, царство Джидан). Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1990. 132 с.
327. Магомедов М. Г. Хазары на Кавказе. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1994. 168 с.
328. Мазарский М. В. Интерсубъективность и транссубъективность: Левинас, Пуанкаре, Бергсон, Пригожин // Философские науки. 2010. № 7. С. 50–64.
329. Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: Учеб. пособие. 2-е изд. Екатеринбург: Изд. Урал. ун-та, 2010. 608 с.
330. Мазур Л. Н. Системно-исторический метод // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 156–157.
331. Мазур Л. Н. Историческая наука в условиях «цифрового поворота»: этапы и проблемы (на примере изучения бюджетных обследований крестьянских хозяйств в XX веке) // Историческая информатика. 2019. № 3. С. 76–89.
332. Макаров В. Л., Бахтизин А. Р. Социальное моделирование – новый компьютерный прорыв (агент-ориентированные модели). М.: Экономика, 2013. 295 с.
333. Малиновский Б. Научные принципы и методы исследования культурного изменения // Антология исследований культуры. Интерпретации культуры. 2-е изд. М. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 371–384.
334. Малинин В. А. Теория истории философии: учеб. пособие / Ун-т дружбы народов им. Патриса Лумумбы. Кафедра философии. М. [б. и.], 1976. 249 с.
335. Маретин Ю. В. Община и ее типы в Индонезии. М.: Наука, 1964. 380 с.
336. Маркова Л. А. Интерсубъективность у Э. Гуссерля и П. Рикёра // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. 26. № 4. С. 204–218.
337. Маркова Л. А. Плюрализм как основа интерсубъективности: от Э. Гуссерля к П. Рикёру // Интерсубъективность в науке и философии / отв. ред. Н. М. Смирнова. М.: Канон+, 2014. С. 70–83.
338. Марченко Г. И. Этнополитология как наука // Вестник Московского университета. Серия 12. Социально-политические исследования. 1994. № 3. С. 62–79.
339. Маурер Г. Л. Введение в историю общинного, подворного, сельского и городского устройства и общественной власти / пер. с нем. М.: Наука, 1880. 368 с.
340. Мегилл А. Историческая эпистемология / пер. с англ. М. Кукарцевой, В. Кашаева, В. Тимонина. М.: Канон+, 2007. 480 с.
341. Медушевская О. М. Методология истории как строгой науки // Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты. Тез. докл. и сообщ. М.: РГГУ, 1999. С. 27–46.
342. Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 358 с.
343. Межуев В. М. Культура и история. М.: Политиздат, 1977. 200 с.
344. Мельников Г. П. О сохранении эквивалентности значений и эквивалентности смыслов при переводе научной и технической литературы // Пятый семинар по вопросам теории и практики перевода научной и технической литературы. М. – Ярославль: НТО, 1971. С. 16–19.

345. Мельников Г. П., Кубрякова Е. С. О понятиях языковой системы и структуры языка // *Общее языкознание. Внутренняя структура языка*. М.: Наука, 1972. С. 8–91.

346. Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М., 2001. С. 70–74. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. Вып. V: Древнескандинавские источники / сост. частей VI, IX, X – Г. В. Глазырина; частей III, IV, V, VII, VIII, XI – Т. Н. Джаксон; частей I, II, XII – Е. А. Мельникова. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. С. 37.

347. Мельникова О. М. Комплексный подход // *Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь* / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 576 с.

348. Менициков А. А., Перфильев В. Э., Федосенко М. Ю., Фабзиев И. Р. Основные проблемы использования больших данных в современных информационных системах // *Столыпинский вестник*. 2022. № 1. С. 316–329.

349. Мердок Дж. П. Социальная структура / пер. с англ. А. В. Коротаева. М.: ОГИ, 2003. 608 с.

350. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, Хранитель, 2006. 873 с.

351. Месарович М., Мако Д., Такахара И. Теория иерархических многоуровневых систем. М.: Мир, 1973. 344 с.

352. Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы / под ред. Б. Г. Могильницкого, И. Ю. Николаевой. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2002. 204 с.

353. Методологический синтез в истории и социальные науки: теория, историография и практика конкретных исследований / под ред. Б. Г. Могильницкого, Л. П. Репиной, И. Ю. Новиковой. М.: Наука, 2004.

354. Микешина Л. А. Значение идей Бахтина для современной эпистемологии // *Философия науки*. Вып. 5: Философия науки в поисках новых путей. М.: ИФ РАН, 1999. С. 205–224.

355. Миллс Ч. Р. Социологическое воображение / пер. с англ. О. А. Оберемко; под общ. ред. и с предисл. Г. С. Батыгина. М.: ИД NOTA BENE, 2001. 264 с.

356. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х т. 3-е изд. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. xi, 548 + 583 с.

357. Мирошникова Е. М. Теология в системе религиозного образования в ФРГ // *Вестник Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина*. 2016. № 1. С. 129–142.

358. Митюгов В. В. Познание и вера // *Вопросы философии*. 1996. № 6. С. 64.

359. Митюков Н. В., Юртиков Р. А., Мокроусов С. А. Применение математического моделирования для исследований военной истории // *Вестник Томского гос. ун-та. Сер. История*. 2009. № 1 (5). С. 90–94.

360. Могильницкий Б. Г. Введение в методологию истории. М.: Высшая школа, 1989. 175 с.

361. Могильницкий Б. Г. Макро- и микроподходы в историческом исследовании (историографический ракурс) // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2009. № 2 (6). С. 14–21.

362. Моисеев Н. Н. Человек. Среда. Общество. Проблемы формализованного описания. М.: Наука, 1982. 240 с.

363. Морган Л. Г. Древнее общество, или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации / пер. с англ. под ред. М. О. Косвена. 2-е изд. Л.: Изд-во ин-та народов Севера, 1935. 360 с.
364. Морен Э. О сложности / пер. Я. И. Свирский; под ред. В. И. Аршинова. М.: Ин-т общегум. иссл., 2020. 272 с.
365. Мосейко А. Н. Околдованная реальность: мир африканской ментальности / под ред. И. В. Следзевского. М.: Вост. лит. РАН, 1994. 191 с.
366. Мостепаненко В. М. Философия и методы научного познания. Л.: Лениздат, 1972. 264 с.
367. Мотрошилова Н. В. Путь Гегеля к «Науке логики»: формирование принципов системности и историзма. М.: Наука, 1984. 352 с.
368. Мустафаев Ш., Эспань М., Горшенина С., Рапэн К., Бердимуратов А., Гренэ Ф. Теория «культурного трансфера» в приложении к Центральной Азии // Культурный трансфер на перекрестках Центральной Азии: до, во время и после Великого шелкового пути. Париж – Самарканд: МИЦАИ, 2013. С. 11–15.
369. Мчедлова М. М. Религиозная и конфессиональная идентичность в контексте политических изменений современности // Политическая идентичность и политика идентичности. В 2 т. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / отв. ред. И. С. Семенов. М.: РОССПЭН, 2012. С. 132–154.
370. Назарчук А. В. Теория коммуникации в современной философии. М.: Прогресс – Традиция, 2009. 320 с.
371. Назарчук А. В. Учение Никласа Лумана о коммуникации. М.: Весь Мир, 2012. 248 с.
372. Найдых В. М. Проблема цивилизации в научной мысли Нового времени // Человек. 1998. № 2. С. 6–23.
373. Наумкин В. В. Еще раз к вопросу о точном переводе сакральной благожелательной формулы Ṣallā allāhu ‘alayhi wa-sallama на русский язык // Ars Islamica. В честь Станислава Михайловича Прозорова / сост. и отв. ред. М. Б. Пиотровский, А. К. Аликберов. М.: Наука – Вост. лит., 2016. С. 371–381.
374. Наумкин В. В. Кризис государств-наций на Ближнем Востоке // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 2 (49). С. 27–43.
375. Наумкин В. В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 78–93.
376. Наумкин В. В. Современный конвергентный арабский национализм в зеркале исторической памяти // Полис. Политические исследования. 2021. № 6. С. 42–59.
377. Немировский В. Г. Теоретическая социология: нетрадиционные подходы: Учеб. пособие. Красноярск: Горница, 1997. 252 с.
378. Никифоров А. Л. Философия науки: история и методология. М.: ИНФРА-М, 2018. 176 с.
379. Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах: От диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации. М.: Мир, 1979. 512 с.
380. Новое пространство мировой политики: взгляд из США / под общ. ред. В. М. Сергеева и Е. С. Алексеенковой. М.: МГИМО–Университет, 2011. 130 с.
381. Новейшая история Центральной Азии: Проблемы теории и методологии / отв. ред. и сост. А. К. Аликберов, М. А. Рахимов. М.: ИВ РАН, 2018. 310 с.

382. Новожилова Л. И. Социология искусства (Из истории советской эстетики 20-х гг.). Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1968. 128 с.

383. Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М.: Наука, 1972. 338 с.

384. Нуреев Р. М. Азиатский способ производства и социализм // Вопросы экономики. 1990. № 3. С. 47–55.

385. Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / под ред. Л. П. Репиной. М.: Круг, 2010. 960 с.

386. Община в Африке: проблемы типологии / под ред. С. А. Токарева и Ю. М. Кобищанова. М.: Наука, 1978. 291 с.

387. Ойзерман Т. И. Метафилософия: Теория историко-философского процесса. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009. 440 с.

388. Орехов Б. Текст и знание в гуманитарных науках в эпоху больших языковых моделей. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SVI9nSmrQWk>. Дата обращения: 22.06.2023.

389. Оруджев З. М. Диалектика как система. М.: Политиздат, 1973. 352 с.

390. Осанов А. А. Бытие-с-другим: интерсубъективный уровень человеческого бытия // Сущность и структура человеческого бытия. Владимир: Влад. гос. пед. ун-т, 2001. С. 112–129.

391. Осанов А. А. Интерсубъективность в контексте становления человеческого бытия // Смысл человеческого бытия. Владимир, 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://hpsy.ru/public/x2978.htm>. Дата обращения: 18.07.2018.

392. От Я к Другому: Сб. пер. по проблемам интерсубъективности, коммуникации диалога / под ред. А. А. Михайлова; сост. Т. В. Щитцова. Минск, 1997. 227 с.

393. Павлов К. А. О концепциях логики и смысле моделирования «логических рассуждений» // Философский журнал. 2008. № 3. С. 93–117.

394. Павловский А. Цифровые рамки коллективной памяти: куда ведет цифровой поворот в memory studies? // Память в сети: цифровой поворот в memory studies / под ред. Алексея Миллера, Алексея Павловского. Европ. гум. ун-т, 2003. С. 7–12.

395. Памятная книжка Дагестанской области / сост. Е. И. Козубский. Темир-Хан-Шура: Русская типография В. М. Сорокина, 1895. 729 с.

396. Панарин С. А. О некоторых возможностях междисциплинарного синтеза в востоковедении // Народы Азии и Африки. 1989. № 3. С. 78–86.

397. Паньков А. Ф. Теория развития систем и системная теория логики. М.: Книга, 1993. 196 с.

398. Пелитенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. М.: Языки русской культуры, 1998. 376 с.

399. Петренко В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2010. 440 с.

400. Петров Ю. А., Никифоров А. Л. Логика и методология научного познания. М.: МГУ, 1982. 320 с.

401. Петрова Л. Р. Коммуникация как элемент системы общественных отношений: информационно-коммуникационный подход // European Social Science Journal. 2013. № 4 (32). С. 251–261.

402. Петрова Е. В. Человек в информационной среде: социокультурный аспект. М.: ИФ РАН, 2014. 137 с.
403. Петросян А. Ю. Армянский эпос и мифология: Истоки. Миф и история. Ереван: НАН РА, 2002. 232 с.
404. Пивоев В. М. Этнос и нация: проблемы идентификации. 2-е изд. М.: Директ-Медия, 2013. 113 с.
405. Пименов В. В. Удмурты: Опыт компонентного анализа этноса. Л.: Наука, 1977. 264 с.
406. Плотинский Ю. М. Модели социальных процессов. М.: Логос, 2001. 296 с.
407. Плюто П. А. Исследование реальности социокультурного виртуального: Опыт анализа социокультурных иллюзий. М.: Прогресс-Традиция, 2014. 368 с.
408. Полетаев А. В., Савельева И. М. «Циклы Кондратьева» в исторической ретроспективе. М.: Юстицинформ, 2009. 272 с.
409. Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации / отв. ред. В. В. Алексеев. М.: РОССПЭН, 2006. 240 с.
410. Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / отв. ред. И. С. Семененко. М.: РОССПЭН, 2012. 470 с.
411. Полторацкий Н. П. Бердяев и Россия: философия истории России у Н. А. Бердяева. Нью-Йорк: Общество друзей русской культуры, 1967. 258 с.
412. Понимание в кросс-культурной коммуникации / отв. ред. И. Т. Касавин. М.: ИФ РАН, 2014. 199 с.
413. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. М.: Феникс, 1992. 528 с.
414. Поппер К. Нищета историцизма / пер. с англ. М.: Прогресс, 1993. 188 с.
415. Поппер К. Что такое диалектика? // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 118–138.
416. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход / пер. с англ. Д. Г. Лахути; отв. ред. В. Н. Садовский. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 384 с.
417. Поселягин Н. Антропологический поворот в российских гуманитарных науках // Новое литературное обозрение. 2012. № 113. 1. С. 27–36.
418. Посохов С. И. «Фрагментация» как историографический диагноз // Профессия – историк. К юбилею Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2017. С. 152–177.
419. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации / отв. ред. С. Л. Удовик. 2-е изд., стер. М.: Сمارт Бук, 2009. 651 с.
420. Проблемы субъектов в постнеклассической науке / препринт под ред. В. И. Аршинова и В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2007. 176 с.
421. Прозоров С. М. Ислам единый, ислам региональный // Ислам и проблемы межкультурных взаимодействий. М.: Об-во «Нур», 1994. С. 232–236.
422. Прозоров С. М. Ислам как идеологическая система. Т. I. М.: Вост. лит., 2004. 471 л.; Т. II. М.: Наука – Вост. лит., 2016. 365 с.
423. Прозоров С. М., Тауфик Ибрахим. Аллах или Бог? // Минарет. 2006. № 1 (008). С. 8–15.
424. Пути России. Новые языки социального описания: сб. статей. Т. XIX / под ред. М. Г. Пугачева, В. П. Жаркова. М.: Нов. лит. обозр., 2014.

425. Пушкарева Г. В. Homo politicus: политическая реальность и политический дискурс // *Общественные науки и современность*. 2013. № 5. С. 90–100.

426. Ракитов А. И. Философские проблемы науки: системный подход. М.: Мысль, 1977. 270 с.

427. Рациональность и ее границы / Rationality and its Limits: Материалы международного науч. конф. «Рациональность и ее границы» в рамках Международн. Ин-та философии в Москве (15–18 сент. 2011 г.) / отв. ред. А. А. Гусейнов, В. А. Лекторский. М.: ИФ РАН, 2012. 233 с.

428. Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Коммуникация и общение в системной теории Никласа Лумана // *Социологические исследования*. 2015. № 11. С. 148–155.

429. Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Эвристические возможности и пределы системной теории Никласа Лумана в исследовании онлайн-взаимодействий // *Коммуникации. Медиа. Дизайн*. 2018. Т. 3. № 4. С. 4–21.

430. Рейснер Л. И. Историческое общество как единство формационного и цивилизационного начал // *Цивилизации*. Вып. 1. М.: Наука, 1993. С. 59–60.

431. Репина Л. П. Город, общество, цивилизация: Историческая урбанизация в поисках синтеза // *Город как социо-культурное явление исторического процесса* / отв. ред. Э. В. Сайко. М.: Наука, 1995. С. 32–38.

432. Репина Л. П. Выделение сферы частной жизни как методологическая и историографическая проблема // *Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени* / под ред. Ю. Л. Бессмертного. М.: Наука, 1996. С. 20–32.

433. Репина Л. П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // *Одиссей. Человек в истории*. Альманах. М.: URSS, 1996. С. 25–38.

434. Репина Л. П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории [Ч. II] // *Социальная история. Ежегодник. 1998–1999*. М.: РОССПЭН, 1999. С. 7–38.

435. Репина Л. П. Персональная история: биография как средство исторического познания // *Казус: индивидуальное и уникальное в истории*. Вып. 2 (1999) / под ред. Ю. Л. Бессмертного, М. А. Бойцова. М.: РГГУ, 1999. С. 76–100.

436. Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки): Препринт WP6/2003/07. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.

437. Репина Л. П. Новые исследовательские стратегии в российской и мировой историографии: Препринт WP6/2008/06. М.: ГУ ВШЭ, 2008. 32 с.

438. Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: URSS, 2009. 316 с.

439. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.

440. Репина Л. П. Наука и общество: публичная история в контексте исторической культуры эпохи глобализации // *Ученые записки Казанского ун-та. Серия: Гуманитарные науки*. 2015. Т. 157. Кн. 3. С. 55–67.

441. Репина Л. П. Эффекты «непостижимого ускорения», или феномен презентизма в истории исторического сознания // *Диалог со временем*. 2018. № 65. С. 47–58.

442. Ринчинов О. С. Информационные технологии в изучении историко-культурного наследия Восточной и Центральной Азии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН, 2021.

443. Риттих А. А. Зависимость крестьян от общины и мира. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1903. 217 с.
444. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002. 688 с.
445. Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Антропология: учеб. пособие. 3-е изд. М.: Высшая школа, 1978. 528 с.
446. Ромадина Т. И. Компаративный метод в контексте междисциплинарного синтеза: опыт исследований М. Блока // Известия ИГЭА. 2007. № 2 (52). С. 132–135.
447. Розенталь М. М. Вопросы диалектики в «Капитале» Маркса. М.: Мысль, 1955. 596 с.
448. Романовский Н. В. Теоретическая социология в России – рамочные условия // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 6–12.
449. Рубаник В. Е., Рубаник С. Я. История политических и правовых учений: Учеб. пособие. М.: Волтерс Клувер, 2011. 396 с.
450. Румянцев А. М. Возникновение и развитие первобытного способа производства. М.: Наука, 1981.
451. Рыжова С. В. Этническая идентичность в общественном измерении // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 3. С. 165–181.
452. Рябова Л. К. О методологических проблемах изучения новейшей истории и истории современности // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 8–18.
453. Рядинская М. В. Ю. Хабермас и коммуникативный подход как новая методология исторического познания // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2010. № 2. С. 159–165.
454. Садовский В. Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М.: Наука, 1974. 280 с.
455. Садовский В. Н. Системный подход и общая теория систем: статус, основные проблемы и перспективы развития // Системные исследования. М.: Наука, 1980. С. 29–54.
456. Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: Теория и история: в 2 т. Т. 1: Конструирование прошлого. СПб.: Наука, 2003. 632 с.; Т. 2. Конструирование времени. СПб.: Наука, 2006. 751 с.
457. Савельева И. М., Полетаев Д. В. Социология знания о прошлом. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005.
458. Савельева И. М., Полетаев А. В. Становление исторического метода: Ранке, Маркс, Дройзен // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 18. М.: УРСС, 2007. С. 68–96.
459. Савельева И. М., Полетаев А. В. Возведение истории в ранг науки (к юбилею Иоганна Густава Дройзена) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2008. Вып. 25/1. С. 26–54.
460. Савельева И. М. История и теория: “Return to the Real” // Диалог со временем. 2018. 63. С. 7–26.
461. Садовский В. Н. Основа общей теории систем. М.: Наука, 1974.
462. Светильник благонравия, или как обрести похвальные нравы и избавиться от порицаемых. Практические советы, почерпнутые в средневековых арабо-исламских «княжеских зеркалах» / сост., введ., пер. и коммент. А. А. Игнатенко // Этическая мысль:

Научно-публицистические чтения. 1991 / под общ. ред. А. А. Гусейнова. М.: Республика, 1992. С. 98–111.

463. Свинцов В. И. Существует ли диалектическая логика? // Общественные науки и современность. 1995. № 2. С. 99–109.

464. Семенов Ю. И. Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М.: Современные тетради, 2003. 776 с.

465. Семенов Ю. И. Общество как целостная система // Социальная философия. Курс лекций. Учебник / под ред. И. А. Гобозова. М.: Издатель Савин С. А., 2003. С. 61–79.

466. Семенов Ю. И. Политарный («Азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России: философско-исторические очерки. М.: УРСС, 2014. 375 с.

467. Семеновкер Б. А. Эволюция информационной деятельности. Рукописная информация. Ч. 1. М.: Пашков дом, 2009. 248 с.

468. Серова С. А. Китайский классический танец // Балет. Энциклопедия. М.: СЭ, 1981. С. 251–252.

469. Следзевский И. В. Земледельческая община в Западной Африке // Община в Африке: проблемы типологии. М.: Наука, 1978. С. 61–132.

470. Следзевский И. В. Глобалистская метатеория: эпистемологические трудности // Цивилизации. Вып. 5. Проблемы глобалистики и глобальной истории. М.: Наука, 2002. С. 62–82.

471. Следзевский И. В. «Чужие идут...». Архетипический мотив границы как источник иррациональной ксенофобии и фактор ее преодоления // «Чужие» здесь не ходят. Радикальная ксенофобия и политический экстремизм в социокультурном пространстве современной России. М.: Институт Африки РАН, 2004. С. 23–38.

472. Следзевский И. В. «Пограничье без границ». Глобальная неопределенность мира и ее отражение в сознании и культуре // Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций. Междисциплинарное исследование. М.: URSS, 2008. С. 11–99.

473. Смелова Н. Е. Трансубъективный характер опыта молитвы (С. Булгаков и И. Ильин) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 374. С. 64–67.

474. Смирнов А. В. Логика смысла: теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры. М.: Языки славянской культуры, 2001. 504 с.

475. Смирнов А. В. Процессуальная логика и ее обоснование // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 5–17.

476. Смирнов В. А. К. Поппер прав: диалектическая логика невозможна // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 148–151.

477. Современные коммуникативные науки: социальные практики как совместность слова / отв. ред. А. П. Логунов. М.: URSS, 2014.

478. Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика философии постмодерна / пер. с англ. А. Костиковой и Д. Кралечкина; предисл. С. П. Капицы. М.: Дом интеллект. книги, 2002. 248 с.

479. Соколов А. В. Идеальное: проблемы и гипотезы // Вопросы философии. 1987. № 9. С. 93–102.

480. Соколов М. Российские историки. Портрет академической профессии. СПб.: ЦИАНО ЕУСПб, 2023. 31 с.

481. Соловьев В. С. Кризис западной философии. По поводу «Философии бессознательного» Гартмана (Статья первая). М.: Ред. Православного обозрения, 1874. 39 с.
482. Соловьева Д. Ю. Новый историзм и репрезентации истории в цифровой среде // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2018. № 4. С. 26–54.
483. Де Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 698 с.
484. Де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / пер. с фр. М.: Едиториал УРСС, 2004. 304 с.
485. Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям. М.: Институт психологии РАН, 2009. 510 с.
486. Спорные вопросы методологии истории (дискуссия об общественных формированиях) / под ред. Г. Зайделя [и др.]. Харьков: Пролетарий, 1930. С. 158.
487. Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия / сост. Б. С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 1998. 556 с.
488. Стёпин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 5–17.
489. Стёпин В. С. Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006. 384 с.
490. Стёпин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура: Коллективная монография / отв. ред. Л. П. Киященко и В. С. Стёпин. СПб.: ИД «Мир», 2009. С. 249–295.
491. Струве В. В. Очерки социально-экономической истории древнего Востока. М. – Л.: ОГИЗ – Госсосэкиз, 1954.
492. Струве Г. Введение в философию. Варшава, 1890. 410 с.
493. Судас Г. Л. Постмодернизм и постнеклассическая наука. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chem.msu.ru/rus/teaching/sociology/7.html>. Дата обращения: 07.08.2019.
494. Тарнас Р. История западного мышления. М.: Крон-Пресс, 1995. 442 с.
495. Терборн Й. От марксизма к постмарксизму? М.: Изд. Дом ВШЭ, 2021. 256 с.
496. Терилев Г. В. Общественно-экономическая формация. М.: ВПШ, 1963. 103 с.
497. Тимофеева О. Дискуссия об антропологическом повороте в российских гуманитарных науках. От редактора // Новое литературное обозрение. 2012. № 113. 1. С. 3–6.
498. Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997. 530 с.
499. Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
500. Тишков В. А. Национальная идентичность и духовно-культурные ценности российского народа. СПб.: СПбГУП, 2010. 36 с.
501. Тишков В. А. Усложняющееся разнообразие: как его понимать и упорядочить // Культурная сложность обществ современных наций / отв. ред. В. А. Тишков, Е. И. Филиппова. М.: Полит. энцикл., 2016. С. 7–18.
502. Ткачев С. В. Империя как современная полития. М.: МГУ, 2007. 212 с.
503. Токарев С. А. К постановке проблем этногенеза // Советская этнография. 1949. № 3. С. 12–36.
504. Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М.: Политиздат, 1964. 576 с.
505. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М.: Neoclassic, АСТ, Астрель, 1995. 246 с.

506. Тойнби А. Постигание истории. М.: Айрис-Пресс, 2004. 736 с.
507. Торчинов Е. А. Религии мира. Опыт запредельного. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. 303 с.
508. Топычканов А. В. История повседневности в немецкоязычной историографической традиции // Краеведение в России: история, современное состояние, перспективы развития: Материалы II Всероссийского семинара краеведов «Любовь к малой родине основа патриотизма» (Воронеж, 31 января – Москва, 1 февраля 2005 г.) / гл. ред. С. О. Шмидт. М.: Ключ-С, 2006. С. 309–321.
509. Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / пер. с англ. М.: Весь мир, 2000. 296 с.
510. Трансформация и конфликты в Центральной Азии и на Кавказе / под ред. А. Аликберова, И. Звягельской. М.: ИВ РАН, 2013.
511. Тростянский С. Н. Имитационное моделирование информационных процессов, определяющих психологию толпы // Проблемы управления рисками в техносфере. 2011. № 2. С. 67–72.
512. Тютюрский А. В. К вопросу об общинности русских крестьян // Этнокультурные процессы в прошлом и настоящем. К юбилею д. и. н., проф. К. И. Козловой. Серия Труды исторического факультета МГУ. Т. 57. С. 470–479.
513. Тхагапсоев Х. Г., Идрисова М. З. Концепция локальной цивилизации в методологии этнической историографии // Научная мысль Кавказа. 2008. № 1. С. 9.
514. Уваров П. Ю. Между «Ежами» и «Лисами». Заметки об историках. М.: Нов. лит. обозр., 2015. 280 с.
515. Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978. 272 с.
516. Феллер В. Введение в историческую антропологию. Часть четвертая. Интеллектуальная история просвещения (взгляд на историю XVI – XX столетий с вершины 1750–1850 гг.). [Электронный ресурс]. URL: <http://vf.narod.ru/istant/partIV/gl9.htm>. Дата обращения: 02.11.2023.
517. Философия и методология науки: Учеб. пособие / под ред. В. И. Купцова. М.: Аспект Пресс, 1996. 551 с.
518. Филюшкин А. И. Смертельные судороги или родовые муки? Споры о конце исторической науки в начале XXI века // Россия XXI. 2002. № 4. С. 64–99.
519. Фливиберг Б. Хабермас и Фуко: мыслители для гражданского общества // Вопросы философии. 2002. № 2. С. 137–157.
520. Фон Мизес Л. Теория и история. Интерпретация социально-экономической эволюции / пер. с англ. А. В. Куряева. М. – Челябинск: Социум, 1913. xvi. 368 с.
521. Фреге Г. Логика и логическая семантика: Сб. трудов. / пер. с нем. Б. В. Бирюкова. М.: Аспект Пресс, 2000. 512 с.
522. Фрэзер Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / пер. с англ. М. К. Рыклина. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. 528 с.
523. Фуко М. Герменевтика субъекта. Курс лекций, прочитанных в Колледж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007. 677 с.
524. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина и Н. С. Автономовой. СПб.: А-сад, 1994. 408 с.
525. Фурс В. Н. Социальная философия в непопулярном изложении. Вильнюс: ЕГУ, 2006. 184 с.

526. Фурс В. Социально-критическая философия после «смерти субъекта» / Сочинения. В 2 т. Т. 1. Вильнюс: ЕГУ, 2012. 434 с.
527. Хакен Г. Синергетика / пер. с англ. В. И. Емельянова; под ред. Ю. Л. Климонтовича, С. М. Осовца. М.: Мир, 1980. 405 с.
528. Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. С. 18.
529. Хаттон П. История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль, 2004. 424 с.
530. Хвостова К. В. Математические методы в исторических исследованиях и современная эпистемология истории // Новая и новейшая история. 2007. № 3. С. 66–78.
531. Хвостова К. В., Финн В. К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки. М.: Наука, 1995. 176 с.
532. Хут Л. Р. «История неслучившегося», или проблема альтернативности исторического развития: историографический аспект // Гуманитарная мысль Юга России. 2006. № 1. С. 60–78.
533. Хут Л. Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. М.: Прометей, 2010. 702 с.
534. Цель истории – история / отв. ред. Н. И. Басовская. М.: РГГУ, 2002. 535 с.
535. Центральная Евразия: Территория межкультурных коммуникаций: колл. монография / отв. ред. и сост. А. К. Аликберов. М.: ИВ РАН, 2020. 264 с.
536. Цифровые гуманитарные науки: хрестоматия / под ред. Дж. Найхан, М. Террас, Э. Ванхутт, И. Кижнер; пер. с англ. Красноярск: Сиб. Федер. ун-т, 2017. 352 с.
537. Чеканцева З. А. Антропологическая история как междисциплинарное исследовательское поле: возможности и пределы // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 1–10.
538. Чеканцева З. А. Антропологизация историографии и идентичность историка в XXI веке // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 8 (72). [Электронный ресурс]. URL: <http://history.jes.su/s207987840002438-0-1>. Дата обращения: 13.12.2018.
539. Чернавский Д. С. Синергетика и информация (динамическая теория информации). 2-е изд., испр. и доп. М.: URSS, 2004. 304 с.
540. Черри К. Человек и информация. М.: Связь, 1972. 368 с.
541. Чеснов Я. В. Лекции по исторической этнологии. М.: Гардарики, 1998. 400 с.
542. Чешко С. В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение. 1997. № 3. С. 21–31.
543. Чубарьян А. О. Историческая наука в России к началу XXI века // Новая и новейшая история. 2003. № 3. С. 12–16.
544. Шарков Ф. И. Основы теории коммуникации. М.: Перспектива, 2002. 488 с.
545. Шарль К. Интеллектуалы во Франции: вторая половина XIX века / пер. с фр.; под ред. С. Л. Козлова. М.: Новое издательство, 2005. 328 с.
546. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 208 с.
547. Швейцер А. Философия и этика / рус. пер. Н. А. Захарченко, Г. В. Колшанского; общ. ред. и предисл. В. А. Карпушина. М.: Прогресс, 1973. 313 с.
548. Шидер Т. Различия между историческим методом и методом социальных наук. М.: Наука – Глав. ред. вост. лит.-ры, 1970. 22 с.

549. Шидер Т. Возможности и границы сравнительных методов в исторических науках // Т. Шидер. Философия и методология истории: Сб. ст. / под ред. И. С. Кона. М.: Прогресс, 1977. С. 143–167.

550. Широков Г. К. Запад-Восток: эволюция форм собственности в XX веке // Россия и совр. мир. 2002. № 2 (35). С. 137–153.

551. Широкогоров С. М. Этнос: исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений / изд. стереотип. М.: URSS, 2022. 136 с.

552. Широченко А. И. Транскультурная коммуникация как предмет культурологического осмысления: возможности и интерпретации // Креативная экономика и социальные инновации. 2015. Т. 5. 1 (10). С. 69–75.

553. Шлыков В. Память прошлых других как трансцендентальная экспликация историчности: к онтологии исторического сознания. Севастополь: СевНТУ, 2005. 340 с.

554. Шулепов М. А., Шульга Д. А. Аппарат общей алгебры для формализации описания взаимодействия в социальной системе. [Электронный ресурс]. URL: <http://www/rusnauka.narod.ru/lib/phisic/chaos/2>. Дата обращения: 27.04.2016.

555. Шульга Е. П. Модель этнического сознания. М.: Директ-Медиа, 2013. 80 с.

556. Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ. под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.

557. Шульга Е. Н. Проблематика предпонимания в герменевтике, феноменологии и социологии. М.: ИФРАН, 2004. 173 с.

558. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии / пер. с польск. М.: Прогресс, 1969. 240 с.

559. Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М.: Гос. изд-во сельскохозяйств. лит-ры, 1956. 725 с.

560. Юдин Б. Г. Многомерный образ человека. На пути к созданию единой науки о человеке. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 368 с.

561. Ядов В. А. Размышления о предмете социологии // Социологические исследования. 1990. № 2. С. 3–16.

562. Яковлев А. И. Очерки модернизации стран Востока и Запада в XIX–XX веках. М.: Леланд, 2010. 504 с.

563. Яковлев И. П. О коммуникологии как науке о коммуникационных процессах // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 1999. № 3. С. 64–69.

564. Ямполский З. И. Древняя Албания. III–I вв. до н. э. Баку: Изд-во Акад. наук АзССР, 1962. 394 с.

Литература на иностранных языках

1. Abashin S., Alikberov A., Naumkin V., Skakov A. The Southern Vector (the Southern Caucasus, Central Asia, the Caspian–Black Sea Region, and the Greater Middle East // Russia in a Polycentric World. Section 3.2. М.: IMEMO RAN, 2015. P. 407–419.

2. Adams, Frederick. The Informational Turn in Philosophy // Minds and Machines. 2003. No. 13. P. 471–501.

3. Adams, Robert Mc C. The Evolution of Urban Society. Chicago, 1966.

4. Adorno, Theodor W.; Frenkel-Brunswick, Else; Levinson, Daniel J.; Sanford, Nevitt. *The Authoritarian Personality*. N.Y.: Norton, 1950. 990 p.
5. Aftab O., Cheung P., Kim A., Thakkar S., Yeddnapudi N. *Information Theory & The Digital Revolution. Project History* // Massachusetts Institute of Technology. [Electronic resource]. URL: <http://web.mit.edu/6.933/www/Fall2001/Shannon2.pdf>. Retrieved 27.01.2019.
6. *After Postmodernism: An Introduction to Critical Realism* / ed. by Garry Potter and Jose Lopez. L.: The Athlone Press, 2001. 288 p.
7. Alikberov, Alikber. *Vitalità e influenza delle confraternite e del sufismo nella regione del Caucaso* // *Sufismo e confraternite nell'islam contemporaneo. Il difficile equilibrio tra mistica e politica*. A cura di Marietta Stepanyants. Torino: Centro di studi religiosi comparati Edoardo Agnelli, 2003. P. 161-180.
8. Alikberov, Alikber. *The Russian Perspective of Post-Soviet Transformation: Some Dimensions and Problems* // *Post-Soviet States. Two Decades of Transition & Transformation*. Editors Ajay Patnaik and Tulsiram. New Delhi, 2012. P. 51-58.
9. Alikberov, Alikber. *Eurasian Union (EAU) as a Strategic Prospect* // *Two Decades of Re-emerging Russia: Challenges and Prospects* / ed. by Sanjay Deshpande. New Delhi: KW Publishers Pvt Ltd., 2015. P. 11-23.
10. Alikberov, Alikber. *History and Legend: Mythologizing the Image of a Saint in Islamic Tradition (the Case of Ibrāhīm b. Adham)* // *Manuscripta Orientalia. International Journal for Oriental Manuscript Research*. June 2017. Vol. 23. No. 1. Theza, St. Petersburg. P. 3-9.
11. Alikberov A. K., Rezvan E. A. *Ibn Abi Khazzam and his Kitab al-Makhzun: The Mamluk Military Manual* // *Manuscripta Orientalia. International Journal for Oriental Manuscript Research*. Vol. 1. No. 1. St. Petersburg – Helsinki, 1995. P. 21-28.
12. Alikberov, Alikber; Seifert, Arne. *Religion und Transformation in Zentralasien und Südkaukasus*. RLS-Papers. Berlin, 2014. [Electronic resource]. URL: https://www.rosalux.de/fileadmin/rls_uploads/pdfs/rls_papers/RLS-Papers_Religion_Kaukasus.pdf. Retrieved 27.07.2017.
13. Althusser, Louis; Balibar, Étienne; Establet, Roger; Macherey, Pierre; Rancière, Jacques. *Lire 'le Capital'*. Vol. 1. Paris: François Maspero, 1965. 663 p.
14. Amelung, Knut. *Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie – Was leistet die Systemforschung? Theorie – Diskussion* by Jürgen Habermas, Niklas Luhmann // *Archiv des öffentlichen Rechts*. 1973. Vol. 98. No. 1. P. 138-143.
15. Anderson, Benedict. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. L. – N.Y.: Verso, 1991. 256 p.
16. Anderson, Brian C. *Freedom and the City* // *Liberty and Civilization: The Western Heritage* / ed. by Roger Scruton. N.Y. – L.: Encounter Books, 2010. P. 127-172.
17. Anderson, Liam D. *Ethnofederalism: The Worst Form of Institutional Frangement...?* // *Quarterly Journal: International Security*. Summer 2014. Vol. 39. No. 1. P. 165-204.
18. Andrain, Charles F. *Comparative Political Systems: Policy Performance and Social Change*. Armonk – N.Y. – L.: M. E. Sharpe, 1994. 245 p.
19. Anton, Corey. *Agency and Efficacy in Interpersonal Communication: Particularity as Once-Occurance and Noninterchangeability Subjectivity* // *Communicology: The New Science of Embodied Discourse* / ed. by Debora Eicher and Isaak E. Catt. Madison – Teaneck: Fairleigh Dickinson Univ. Press, 2010. P. 81-101.
20. *Arise 2. Advancing Research in Science and Engineering. Unleashing America's Research & Innovation Enterprise*. Cambridge, MA: American Academy of Arts and Sciences, 2013. 72 p.

21. *Armstrong, John A.* Nations before Nationalism. Chapel Hill: The Univ. of Carolina Press, 1982. 447 p.
22. *Ars Islamica.* В честь Станислава Михайловича Прозорова / под ред. М. Б. Пиотровского и А. К. Аликберова. М.: Наука – Вост. лит., 2016. 871 с.; ил.
23. *Asad, Talal.* Genealogies of Religion. Discipline and Reasons of Power in Christianity and Islam. Baltimore – L.: Johns Hopkins Univ., 1982. 344 p.
24. *Askari, Nasrin.* The Medieval Reception of the Shāhnāma as a Mirror for Princes / Studies in Persian Cultural History. Leiden: E. J. Brill, 2016. 404 p.
25. *Austin J. L.* How to Do Things with Words. Second Edition. Oxford: Oxford Univ. Press, 1976. 192 p.
26. *Ayalon, David.* The Great Yasa of Chingiz Khan: a Re-Examination // *Studia Islamica.* 1971. Vol. 33. P. 97–140.
27. *Ayers, Edward L.* The Pasts and Futures of Digital History // *History News.* 2001. Vol. 56. No. 4. P. 5–9.
28. *Baecker, Dirk.* Systemic Theories of communication // *Theories and Models of Communication* / ed. by Paul Cobley, Peter J. Schulz. Berlin – Boston: De Gruyter Mouton, 2013. P. 85–100.
29. *Bachelard, Suzanne.* A Study of Husserl's Formal and Transcendental Logic. Evanston, IL: Northwestern Univ. Press, 1968. 227 p.
30. *Baily, Frederick G.* Parapolitical Systems // *Local-Level Politics* / ed. by Marc J. Swartz. Chicago: Aldine, 1968. P. 271–281.
31. *Bales, Robert F.* Interaction Process Analysis. A Method for the Study of Small Groups. Cambridge, MA: Addison-Wesley Press, 1950. xi, 203 p.
32. *Bangerter, Adrian; Mayor, Eric.* Interaction Theories of Communication // *Theories and Models of Communication* / ed. by Paul Cobley, Peter J. Schulz. Berlin – Boston: De Gruyter Mouton, 2013. P. 257–272.
33. *Bánáthy, Béla H.* Designing Social Systems in a Changing World (Contemporary Systems Thinking). N.Y.: Springer, 1996. 372 p.
34. *Barrett, David V.* Sects, “Cults” and Alternative Religions: A World Survey and Sourcebook. L.: Blandford, 1996. 552 p.
35. *Barrett, Paul M.* American Islam: The Struggle for the Soul of a Religion. N.Y.: Pica-dor, 2007. 324 p.
36. *Barry, Peter.* Structuralism // *Beginning Theory: an Introduction to Literary and Cultural Theory.* Manchester: Manchester Univ. Press, 2002. P. 39–60.
37. *Barth, Fredrik.* Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference* / ed. by Fredrik Barth. Long Grove, IL: Waveland Press, Inc., 1998. P. 9–38.
38. *Barton, Bonnie.* The Creation of Centrality // *Annals of the Association of American Geographers.* March 1978. Vol. 68. Issue 1. P. 34–44.
39. *Baruch, Marc O.* Servir l'État français. L'administration en France de 1940 à 1944. Paris: Fayard, 1997. 737 p.
40. *Bashtavenko, Aleksey.* Principles of Typology. Bloomington: Author House, 2008. 280 p.
41. *The Battle for British Islam: Reclaiming Muslim Identity from Extremism* / Sara Khan: with Tony McMahon. L.: Saqi Books, 2016. 256 p.

42. Bayar, Murat. Reconsidering Primordialism: an alternative approach to the study of ethnicity // *Ethnic and Racial Studies*, 2009. Vol. 32. No. 9. P. 1639–1657.
43. Becker, Winfried. *Demokratie und die dialektische Theorie der Geschichte* // *Philosophy of History and Action: Papers Presented at the First Jerusalem Philosophical Encounter. December 1974* / ed. by Yirmiahu Yovel. Dordrecht – Boston – L.: D. Reidel Publishing Company / The Magnes Press of the Hebrew Univ., 2012. P. 177–200.
44. *Becoming National* / ed. by Geof Eley, Ronald Grigor Suny. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1996. 528 p.
45. Beiser, Frederick C. *The German Historicist Tradition*. Oxford – N.Y.: Oxford Univ. Press, 2011. 608 p.
46. Bell, Daniel. *The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting*. N.Y.: Harper Colophon Books, 1974. 618 p.
47. Bellomo, Nicola; Marsan, Giulia A.; Tosin, Andrea. *Complex Systems and Society: Modeling and Simulation*. Springer, 2013. 104 p.
48. Belohlávek R., Dauben J. W., Klir G. J. *Fuzzy Logic and Mathematics: A Historical Perspective*. Oxford: Oxford University Press, 2017. 531 p.
49. Benveniste, Emile. *Problèmes de linguistique générale*. Paris: Gallimard, 1974. 286 p.
50. Berelson, Bernard. *Content Analysis in Communication Research*. N.Y.: Free Press, 1952. 220 p.
51. Berne, Eric. *Games People Play. The Basic Handbook of Transactional Analysis*. N.Y.: Ballantine Books, 1964. 216 p.
52. Berry, David M. *The Computational Turn: Thinking about the Digital Humanities* // *Culture Machine*. 2011. Vol. 12. P. 1–22.
53. Best, Steven; Kellner, Douglas. *The Postmodern Turn*. N.Y. – L.: Guilford Press, 1997. 253 p.
54. *Beyond the Cultural Turn: New Directions in the Study of Society and. Culture* / ed. by Victoria E. Bonnell and Lynn Hunt. Berkeley: Univ. of California Press, 1999. 361 p.
55. Bhaskar, Roy; Esbjörn-Hargens, Sean; Hedlund, Nicholas. *Introduction: On the Deep Need for Integrative Metatheory in the Twenty-First Century* // *Metatheory for the Twenty-First Century: Critical Realism and Integral Theory in Dialogue (Ontological Explorations)* / ed. by Roy Bhaskar, Sean Esbjörn-Hargens, and Nicholas Hedlund. L.: Routledge, 2016. P. 1–34.
56. Black, Alistair. *Information History* // *Annual Review of Information Science and Technology*. 2006. No. 40. P. 441–473.
57. Black, Cyril. *The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History*. N.Y.: Harper and Row, 1966. 207 p.
58. Blackledge, Paul. *Reflections on the Marxist Theory of History*. Manchester – N.Y.: Manchester Univ. Press, 2006. 232 p.
59. Blackmore, Susan. *The Meme Machine*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000. 288 p.
60. Bluhm, William Theodore. *Theories of the Political System: Classics of Political Thought & Modern Political Analysis*. Prentice-Hall, 1971. 562 p.
61. Blumer, Herbert. *Symbolic Interactionism. Perspective and Method*. Berkeley – Los Angeles – L.: Univ. of California Press, 1969. 208 p.
62. Boesler, Matthew. Bank of America: 'Long Robots, Short Human Beings'. Jan. 16, 2014. [Electronic resource]. URL: <http://www.businessinsider.com/bofa-long-robots-short-human-beings-2014-1>. Retrieved 20.02.2017.

63. Bollens, Scott A. The City, Substate Nationalism, and European Governance // Nationalism and Ethnic Politics. 2008. Vol. 14. No. 2. P. 189–222.

64. Boorstin, Daniel J. Democracy and Its Discontents: Reflections on Everyday America. N.Y.: Random House, 1974. 136 p.

65. Borchert, Bruno. Mysticism: Its History and Challenge. York Beach, ME: S. Weiser, 1994. 456 p.

66. Boucher, David. Ambiguity and Originality in the Context of Discursive Relations // Objectivity, Method, and Point of View: Essays in the Philosophy of History / ed. by W.J. van der Dussen, Lionel Rubinoff. Leiden – N.Y. – København – Köln: E.J. Brill, 1991. P. 22–46.

67. Boulding, Kenneth E. General Systems Theory: The Skeleton of Science // Management Science. April 1956. 2 (3). P. 197–208.

68. Bourdieu, Pierre. Habitus and Field: General Sociology. Vol. 2. Lectures at the Collège de France, 1982–1983 / ed. by Patrick Champagne, Julien Duval; transl. Peter Collier. Polity Press, 2020. 410 p.

69. Bourdieu, Pierre. Le Sens pratique. Paris: Ed. de Minuit, 1980. 480 p.

70. Bourricaud, Francois. The Sociology of Talcott Parsons. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1981. 326 p.

71. Bowden, Bret. Nationalism and Cosmopolitanism: Irreconcilable Differences or Possible Bedfellows? // National Identities. 2003. Vol. 5. No. 3. P. 235–249.

72. Branch, Jordan. Mapping the Sovereign State: Cartographic Technology, Political Authority, and Systemic Change // International Organization. Winter 2011. Vol. 65. No. 1. P. 1–36.

73. Brandt, P.A.; Ernst, F.; Gralla, C.; Luederitz, D.J.; Lang, J.; Newig, F. et al. A Review of Transdisciplinary Research in Sustainability Science // Ecological Economics. 2013. Vol. 92. P. 1–15.

74. Brannigan, John. New Historicism and Cultural Materialism. N.Y.: St. Martin's Press, 1998. 260 p.

75. Breaching the Civil Order: Radicalism and the Civil Sphere / ed. by Jeffrey C. Alexander, Trevor Stack, Farhad Khosrokhavar. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2019 (2020). 688 p.

76. Breuil, Henri. Quatre cents siècles d'art pariétal. Montignac: C.E.D.P., 1952. 413 p.

77. Briggs, Asa. The Age of Improvement, 1783–1867. 2nd ed. Longman, 2000. 486 p.

78. Broer, D. Peter. Neoclassical Theory and Empirical Models of Aggregate Firm Behaviour. Dordrecht: Martinus Nijhof Publishers, 1987. 356 p.

79. Brooks, Christopher K. Defining the Postcontemporary Moment // Beyond Postmodernism: Onto the Postcontemporary / ed. by Christopher K. Brooks. Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 134–151.

80. Brown, Gillian; Yule, George. Discourse analysis. Cambridge – N.Y. – New Rochelle – Melbourne – Sydney: Cambridge Univ. Press, 1983. XII, 288 p.

81. Bruner, Jerome S. Acts of Meaning. Cambridge, MA – L.: Harvard Univ. Press, 1990. 208 p.

82. Brusatti, Otto. Nationalismus und Ideologie in der Musik. Tutzing: Hans Schneider, 1978. 154 p.

83. Bryant, Joseph M. Moral Codes and Social Structure in Ancient Greece: A Sociology of Greek Ethics from Homer to the Epicureans and Stoics. Albany, N.Y.: State Univ. of New York Press, 1996. 575 p.

84. Buccellati, Giorgio. The "Urban Revolution" in a Socio-Political Perspective // *Mesopotamia* 12. Turin, 1977. P. 19–39.
85. Buckley, Walter. *Sociology and Modern Systems Theory*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1967. 277 p.
86. Buckley, Walter F. *Society – a Complex Adaptive System: Essays in Social Theory*. Amsterdam: Gordon and Breach, 1998. 312 p.
87. Bühler, Karl. *Sprachtheorie: Die Darstellungsfunktion der Sprache*. 2nd ed. Jena – Stuttgart: G. Fisher Verlag, 1982 [1934]. 468 S.
88. Bunt, Gary R. *Islam in the Digital Age: E-Jihad, Online Fatwas and Cyber Islamic Environments*. L. and Sterling, VA: Pluto Press, 2003. 248 p.
89. Bunt, Gary R. *Hashtag Islam: How Cyber-Islamic Environments are Transforming Religious Authority (Islamic Civilization and Muslim Networks)*. The Univ. of North Carolina Press, 2018. 232 p.
90. Burke, Peter. *People's History or Total History* // *People's History and Socialist Theory* / ed. by R. Samuel. L. – Boston, MA – Henley: Routledge & Kegan Paul, 1981. P. 4–9.
91. Burke, Peter. *History and Social Theory*. 2nd ed. Ithaca – N.Y.: Cornell Univ. Press, 2005. 240 p.
92. Burkert, Walter. *Kulte des Altertums. Biologische Grundlagen der Religion*. 2. Auflage. München: C. H. Beck, 2009. 279 p.
93. Butler, Clark. *Hegel's Logic: Between Dialectic and History*. Evanston, IL: Northwestern University Press, 1996. 349 p.
94. Butler, Judith; Laclau, Ernesto; Žižek, Slavoj. *Contingency, Hegemony, Universality. Contemporary Dialogues on the Left*. L. – N.Y.: Verso, 2000. 330 p.
95. Cabrera, Derek; Cabrera, Laura. *Systems Thinking Made Simple: New Hope for Solving Wicked Problems*. Ithaca, NY: Odyssean Press, 2015. 244 p.
96. Calhoun, Craig. *Nationalism*. Minneapolis, MN: Univ. of Minnesota Press, 1997. 176 p.
97. *The Cambridge Companion to American Islam*. Ed. by Juliane Hammer and Omid Safi. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013. 392 p.
98. Carey, James W. *Communication as Culture: Essays on Media and Society*. N.Y. – L.: Routledge, 1992. 234 p.
99. Carlquist, Jonas. *Medieval Manuscripts, Hypertext and Reading: Visions of Digital Editions* // *Literary and Linguistic Computing*. 2004. Vol. 19. No. 1. P. 105–118.
100. Carney, Jay J. *Beyond Tribalism: The Hutu-Tutsi Question and Catholic Rhetoric in Colonial Rwanda* // *Journal of Religion in Africa*. 2012. Vol. 42. No. 2. P. 172–202.
101. Carpo, Mario. *The Second Digital Turn: Design beyond Intelligence*. Cambridge, MA – L.: The MIT Press, 2017. 240 p.
102. Carr, Edward H. *What is History?* 2nd ed. / ed. by R. W. Davies. Unbooks, 1982. 155 p.
103. Carroll, Laura; Farr, Erika; Hornsby, Peter; Ranker, Ben. *A Comprehensive Approach to Born-Digital Archives* // *Archivaria*. 2011. No. 72. P. 61–92.
104. Castells, Manuel. *The Rise of Network Society*. L.: Blackwell Publishers, 1996. 594 p.
105. Castells, Manuel. *The Theory of the Network Society*. Bodmin: Cornwall, 2006. 266 p.
106. Cavallo, Roger E. *The Role of Systems Methodology for Social Science Research*. Boston – The Hague – L.: Martinus Nijhoff Publishing, 1979. 202 p.

107. *Cederman, Lars-Erik*. Computational Models of Social Forms: Advancing Generative Process Theory // *American Journal of Sociology*. 2005. Vol. 110. No. 4. P. 846–893.
108. *Centrone, Stefania*. Logic and Philosophy of Mathematics in the Early Husserl. Dordrecht – Heidelberg – L. – N.Y.: Springer, 2010. XXII, 232 p.
109. *Chadbourne, Richard M.* Ernest Renan. N.Y.: Irvington Publ., 1968. 264 p.
110. *Chandra, Kanchan*. Introduction // *Constructivist Theories of Ethnic Politics* / ed. by Kanchan Chandra. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012. P. 1–48.
111. *Chandra, Kanchan*. How Ethnic Identities Change // *Constructivist Theories of Ethnic Politics* / ed. by Kanchan Chandra. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 132–178.
112. *Charlton, Thomas L.; Myers, Lois E.; Sharpless, Rebecca*. Introduction // *History of Oral History: Foundations and Methodology* / ed. by Thomas L. Charlton, Lois E. Myers, Rebecca Sharpless. Lanham – N.Y. – Toronto – Plymouth, UK: AltaMira Press, 2007. 330 p.
113. *Chavis, David M.; Wandersman A.* Sense of Community in the Urban Environment: A Catalyst for Participation and Community Development // *American Journal for Community and Psychology*. 1990. Vol. 18. P. 55–81.
114. *Checkland, Peter; Holwell, Sue*. Information, Systems and Information Systems. Chichester, UK: Wiley, 1998. 278 p.
115. *Checkland, Peter B.* Towards a System-Based Methodology for Real World Problem Solving // *Journal of Systems Engineering*. 1972. Vol. 3 (2). P. 87–116.
116. China's Robot Revolution May Affect the Global Economy. [Electronic resource]. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-08-22/china-s-robot-revolution-may-weigh-on-global-rebalancing?utm_source=yahoo&utm_medium=bd&utm_campaign=headline&cmpid=yahoo.headline&yptr=yahoo. Retrieved 22.02.2017.
117. *Chitnis, Krishnaji N.* Research Methodology in History. New Delhi: Atlantic Publishers & Dist, 2006. 151 p.
118. *Choi, Minje; Aiello, Luca M.; Varga, Krisztián Z.; Quercia, Daniele*. Ten Social Dimensions of Conversations and Relationships // WWW'20: Proceedings of The Web Conference 2020. April 2020. P. 1514–1525.
119. *Christian, David*. “Maps of Time”: An Introduction to “Big History”. Berkeley: Univ. of California Press, 2004. 672 p.
120. *Christian, David*. The Return of Universal History // *History and Theory*. 2010. Vol. 49. December. P. 6–27.
121. *Christiansen, Morten H.; Kirby, Simon*. Language Evolution: The Hardest Problem in Science? // *Language Evolution* / ed. by M. H. Christiansen and S. Kirby. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003. P. 1–15.
122. *Chumtong, Jason; Kaldewey, David*. Beyond the Google Ngram Viewer: Bibliographic Databases and Journal Archives as Tools for the Quantitative Analysis of Scientific and Meta-scientific Concepts. FIW Working Paper No. 08. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2017. [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/319313734_Beyond_the_Google_Ngram_Viewer_Bibliographic_Databases_and_Journal_Archives_as_Tools_for_the_Quantitative_Analysis_of_Scientific_and_Meta-Scientific_Concepts. Retrieved 28.02.2018.
123. *Chuvín, Pierre*. A Chronicle of the Last Pagans / transl. by B. A. Archer. Cambridge MA: Harvard Univ. Press, 1990. xi, 188 p.
124. *Claessen, Henri J. M.; Skalník, Petr*. The Early State: Theories and Hypotheses // *The Early State* / ed. by Henri J. M. Claessen and Peter Skalník. The Hague: Mouton, 1978. P. 22–23.

125. Clodd, Edward. Animism, the Seed of Religion. L.: Constable & Co., 1921. 108 p.
126. Clottes, Jean; Lewis-Williams, David. Les chamanes de la préhistoire: transe et magie dans les grottes ornées. Paris: Seuil, 1996. 119 p.
127. Cognitive History: Mind, Space, and Time / ed. by David Dunér, Christer Ahlberger. Oldenbourg: De Gruyter, 2019. vii, 185 p.
128. Cohen, Anthony P. Boundaries of Consciousness, Consciousness of Boundaries: Critical Questions for Anthropology // The Anthropology of Ethnicity: Beyond "Ethnic Groups and Boundaries" / ed. by Hans Vermeulen and Cora Govers. Amsterdam: Het Spinhuis Publ., 1996. P. 59–80.
129. Cohen, Daniel J.; Rosenzweig, Roy. Digital History: A Guide to Gathering, Preserving, and Presenting the Past on the Web. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2006. 316 p.
130. Cohen, Gerald A. Karl Marx's Theory of History: A Defence. Expanded edition. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 2000. 444 p.
131. Cole, Percival R. A Neglected Educator: Johann Heinrich Alsted. Sydney: W.A. Gullick, 1910. 26 p.
132. Coleman, Stephen. Measurement and Analysis of Political Systems: A Science of Social Behavior. N.Y. – L. – Sydney – Toronto: John Wiley & Sons, Inc., 1975. 219 p.
133. Collingwood R. G. The Idea of History. Oxford: Oxford Univ. Press, 1994 (Reprint. Orig. 1946). 576 p.
134. Colomer, Josep M. Great Empires, Small Nations. The Uncertain Future of the Sovereign State. L. – N.Y.: Routledge, 2007. 114 p.
135. Connor, Walker. Ethnonationalism. The Quest for Understanding. Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press, 1994. 236 p.
136. Contemporary Issues in Theory and Research: A Metatheoretical Perspective / ed. by William E. Snizek, Ellsworth R. Fuhrman and Michael K. Miller. Westport, CT: Greenwood Press, 1979. 298 p.
137. Conversi, Daniele. The Basques, the Catalans and Spain: Alternative Routes to Nationalist Mobilization. Reno & Las Vegas: Univ. of Nevada Press, 2000. 312 p.
138. Cooper, Harris M. The Integrative Research Review: A Systematic Approach. Beverly Hills, CA: Sage, 1984. 143 p.
139. Cornwall M., Albrecht S. L., Cunningham P. H., Pitcher B. L. The Dimensions of Religiosity: A Conceptual Model with an Empirical Test // Review of Religious Research. 1986. No. 27. P. 226–244.
140. Craig, Robert T. Communication Theory as a Field // Communication Theory. 1999. No. 9. P. 217–242.
141. Craig, Robert T. Meta-Discourse // The International Encyclopedia of Communication Vol. II / ed. by W. Donsbach. Blackwell Publishing, 2008. P. 3707–3709.
142. Craig, Robert T. Constructing Theories in Communication Research // Theories and Models of Communication / ed. by Paul Copley, Peter J. Schulz. Berlin – Boston: De Gruyter Mouton, 2013. P. 39–58.
143. Crises in Continental Philosophy / ed. by A. B. Dallery, Ch. E. Scott, P. H. Roberts. Albany, N.Y.: State Univ. of N. Y. Press, 1990.
144. Critical Issues in Systems Theory and Practice / ed. by Keith Ellis, Amanda Gregory, Bridget R. Mears-Young, Gillian Ragsdell. N.Y.: Springer Science + Business Media, 2013. 712 p.

145. Crossley, Pamela K. What is Global History? Cambridge: Polity Press, 2008. 312 p.
146. Cubberley, Paul. The Slavic Alphabets // The World's Writing Systems / ed. by Peter T. Daniels, William Bright. N.Y. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1996. P. 346–355.
147. Cunningham, Stanley B. Intrapersonal Communication: A Review and Critique // Communication Yearbook. 1992. No.15. Newbury Park, CA: Sage Publications. P. 597–620.
148. Dahlhaus, Carl. Between Romanticism and Modernism. Berkeley: Univ. of California Press, 1980. 129 p.
149. Daniels, Peter T. Ancient Near Eastern Writing Systems // The World's Writing Systems / ed. by Peter T. Daniels, William Bright. N.Y. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1996. P. 19–138.
150. Danser, Benedictus H. A Theory of Systematics. Leiden: E. J. Brill, 1950. 181 p.
151. Davie, Grace. The Sociology of Religion: A Critical Agenda. Los Angeles – L. – New Dehli – Singapore – Washington, DC: Sage, 2013. P. 25–134.
152. Dawkins, Richard. Postmodernism Disrobed // Nature. 9 July 1998. Vol. 394. P. 141–143.
153. Dawkins, Richard. Hall of Mirrors // Richard's News. [Electronic resource]. URL: <https://richarddawkins.net/2000/10/hall-of-mirrors>. Oct 2, 2000. Retrieved 06.02.2019.
154. De Molina, M. G.; Toledo, V. M. The Social Metabolism: A Socio-Ecological Theory of Historical Change. Cham – Heidelberg – N.Y. – Dordrecht – L.: Springer, 2014. 355 p.
155. Debates in the Digital Humanities / ed. by Matthew K. Gold. Minneapolis – L.: Univ. of Minnesota Press, 2012. 516 p.
156. Deffuant, Guillaume; Amblard, Frederic; Weisbuch, Gérard; Faure T. How Can Extremism Prevail? A Study Based on the Relative Agreement Interaction Model // Journal of Artificial Societies and Social Simulation. 2002. Vol. 5. No. 4. [Electronic resource]. URL: <http://jasss.soc.surrey.ac.uk/5/4/1.html>. Retrieved 11.12.2018.
157. Deleuze, Gilles. A quoi reconnait-on le structuralisme? // L'île déserte et autres textes. Paris: Minuit, 2002. P. 238–269.
158. Deleuze, Gilles. The Logic of Sense / transl. by M. Lester with Ch. Stivale; ed. by C. V. Boundas. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1990. 393 p.
159. Demos, Vasilikie; Segal, Marcia T. Ethnic Women: A Multiple Status Reality. N.Y.: General Hall, Inc., 1994. 296 p.
160. Der Veer, René van. The Concept of Sociogenesis in Cultural-Historical Theory // Sociogenesis Reexamined / ed. by Willibrord de Graaf and Robert Maier. N.Y. – Berlin – Heidelberg: Springer Verlag, 1994. 309 p.
161. Deutsch, Karl W. The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. N.Y.: The Free Press, 1963. xviii, 316 p.
162. De-Westernizing Communication Research: Altering Questions and Changing Frameworks / ed. by Georgette Wang. N.Y.: Routledge, 2011. 306 p.
163. Diakonoff, I. M., Starostin, S. A. Hurro-Urartian as an Eastern Caucasian language. München, 1986. 103 p.
164. Dilemmas of Transition in Post-Soviet Countries / ed. by Joel C. Moses. Chicago: Burnham Inc., Publishers, 2003. 202 p.
165. Dobrovolskiĭ, Dmitriĭ D.; Piirainen, Elisabeth. Figurative Language: Cross-cultural and Cross-linguistic Perspectives. Emerald Group Publishing, 2005. 419 p.
166. Domanska, Ewa. Encounters: Philosophy of History after Postmodernism. Charlottesville and L.: Univ. Press of Virginia, 1998. 293 p.

167. Doshi, Shambhu L. Tribal Ethnicity, Class, and Integration. Rawat Publications, 1990. 259 p.
168. Doshi, Shambhu L. Processes of Tribal Unification and Integration: A Case Study of the Bhils. Concept, 1978. 170 p.
169. Doueihi, Milad. Digital Cultures. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 2011. 208 p.
170. Dray, William H. Laws and Explanation in History. 3rd ed. Oxford: Oxford Univ. Press, 1964. 174 p.
171. Duan, Zhongqiao. Marx's Theory of the Social Formation. Aldershot: Avebury, 1995. viii, 131 p.
172. Duara, Prasenjit. Rescuing History from the Nation. Questioning Narratives of Modern China. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1995. 275 p.
173. Dubois, Didier; Prade, Henri; Klement, Erich P. Introduction: Bridging the Gap between Multiple-valued Logics, Fuzzy Logic, Uncertain Reasoning and Reasoning about Knowledge // Fuzzy Sets, Logics and Reasoning about Knowledge / ed. by Didier Dubois, Henri Prade, Erich Peter Klement. Dordrecht – Boston – L.: Kluwer Academic Publishers, 1999. P. 1–6.
174. Dubois, Didier; Esteva, Francesc; Godo, Lluís; Prade, Henri. Fuzzy-Set Based Logics. An History-Oriented Presentation of Their Main Developments / Handbook of the History of Logic. Vol. 8 / ed. by Dov M. Gabbay and John Woods. Elsevier, 2007. P. 1–128.
175. Dudley-Smith, Russell; Whiteman, Natasha. Diagramming the Social: Relational Method in Research. Routledge, 2020. 204 p.
176. Duffy, Kathleen. Teilhard's Mysticism: Seeing the Inner Face of Evolution. Maryknoll, NY: Orbis Books, 2014. 160 p.
177. Earle, Timothy K. How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory. Stanford: Stanford Univ. Press, 1997. 270 p.
178. Early State Dynamics / ed. by J. M. Henri. Claessen and P. vande Velde. Leiden: E. J. Brill, 1987. 216 p.
179. Easley, David; Kleinberg, Jon. Networks, Crowds, and Markets: Reasoning About a Highly Connected World. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010. 744 p.
180. Eaton, Julian J.; Bawden, David. What kind of resource is information? // International Journal of Information Management. 1991. 11(2). P. 156–165.
181. Edwards, Mark G. Organizational Transformation for Sustainability: An Integral Metatheory. N.Y.: Routledge, 2010. 272 p.
182. Einstein, Lewis. Historical Change. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1946. 135 p.
183. Eisenstein, Elizabeth L. The Printing Press as an Agent of Change: Communications and Cultural Transformations in Early Modern Europe. Cambridge, UK – N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1979. 818 p.
184. Eisinger, Clara. To Be Born Is to Die: A Critical Overview of The Satanic Verses and Global Modernism // Beyond Postmodernism: Onto the Postcontemporary / ed. by Christopher K. Brooks. Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 1–17.
185. Eley, Geoff; Suny, Ronald G. Becoming National. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1996.
186. Ellis, David. Modeling the Information-Seeking Patterns of Academic Researchers: A Grounded Theory Approach // The Library Quarterly. 1993. Vol. 63. No. 4. P. 469–486.
187. Epstein, Arnold L. Ethos and Identity: Three Studies in Ethnicity. With a New Introduction by Athena S. Leoussi. New Brunswick – L.: Aldine Transaction, 2009. 181 p.

188. Erickson, Ansley T. Historical Research and the Problem of Categories: Reflections on 10,000 Digital Note Cards // *Writing History in the Digital Age* / ed. by Jack Dougherty, Kristen Nawrotzki. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 2013. P. 133–145.

189. Eriksson, Kai. Communication in Modern Social Ordering. History and Philosophy. N.Y.: Continuum, 2011. 222 p.

190. Esposito, Roberto. *Communitas. The Origin and Destiny of Community* / transl. by Timothy C. Campbell. Stanford: Stanford Univ. Press, 2010. 192 p.

191. Ethnic Identity: Problems and Prospects for the Twenty-first Century. 4th ed. / ed. by Lola Romanucci-Ross, George A. De Vos, and Takeyuki Tsuda. Lanham – N.Y. – Toronto – Oxford: Altamira Press, 2006. 417 p.

192. Ethnonationalism in the Contemporary World: Walker Connor and the Study of Nationalism / ed. by Daniele Conversi. L. – N.Y.: Routledge, 2004. 302 p.

193. Facial Recognition for Coins. [Electronic resource]. URL: <http://www.thehistory-blog.com/archives/54173>. Retrived 19.11.2022.

194. Fairclough, Norman. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. L.: Routledge, 2003. 288 p.

195. Fell, A.P. 'Epistemological' and 'Narrativist' Philosophies of History // *Objectivity, Method, and Point of View: Essays in the Philosophy of History* / ed. by W.J. van der Dussen, Lionel Rubinoff. Leiden – N.Y. – København – Köln: E. J. Brill, 1991. P. 72–86.

196. Felluga, Dino F. *Critical Theory: The Key Concepts*. N.Y.: Routledge, 2015. 400 p.

197. Fenton, Steve. *Ethnicity*. Cambridge: Polity Press, 2010. 232 p.

198. Ferguson, Adam. *An Essay on the History of Civil Society (1747)* / ed. by Fania Oz-Saltberger. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995. 322 p.

199. Ferguson, Niall. *Empire: The Rise and Demise of the British World Order and the Lessons for Global Power*. N.Y.: Basic Books, 2004. 400 p.

200. Ferguson, Yale. *From Chiefdoms to City-States: The Greek Experience* // *Chiefdoms: Power, Economy, and Ideology* / ed. by T. Earle. Cambridge – N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1991. P. 169–192.

201. Feyerabend, Paul K. *Against Method: Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge*. L.: New Left Books, 1975. 399 p.

202. *Philosophy of Communication* / ed. by Briankle G. Chang, Garnet Butchart. Cambridge, MA: The MIT Press, 2012. 674 p.

203. Finnegan, Ruth H. A Note on Oral Tradition and Historical Evidence // *History and Theory*. 1970. No. 10. P. 195–201.

204. Flood, Gavin. *An Introduction to Hinduism*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996. 341 p.

205. Flusser, Vilém. *Post-History* / transl. by Rodrigo Maltez Novaes. Univ. of Minnesota Press, 2013. 170 p.

206. Flynn, Thomas R. *Sartre, Foucault, and Historical Reason. Volume One: Toward an Existentialist Theory of History*. Chicago – L.: The Univ. of Chicago Press, 1997. 340 p.

207. Forrester, Jay W. *World Dynamics*. Cambridge, MA: Wriht-Allen Press, 1971. 144 p.

208. Fortes, Meyer. *Kinship and Social Order. The Legacy of Lewis Henry Morgan*. N.Y.: Routledge, 2006. 362 p.

209. Frazer, James G. *Lectures on the Early History of Kingship*. L.: Macmillan, 1905. 309 p.

210. Frege, Gottlob. *Über Sinn und Bedeutung* // *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*. 1892. Bd 100. S. 26–50.
211. Frisk, Hjalmar. *Griechisches Etymologisches Wörterbuch*. Bd II. Kp-Q. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1970. 1154 p.
212. Fuchs, Christian. *Transnational Space and the “Network Society”* // *21st Century Society*. 2007. Vol. 2. No. 1. P. 49–78.
213. Fuhrman, Ellsworth R.; Snizek, William. *Neither Proscience nor Antiscience: Metasociology as Dialogue* // *Sociological Forum*. 1990. No. 5. P. 17–36.
214. Galgano, Michael J.; Arndt, J. Chris; Hyser, Raymond M. *Doing History: Research and Writing in the Digital Age*. 2nd ed. Boston, MA: Wadsworth Cengage Learning, 2013. 208 p.
215. Gallagher, Catherine; Greenblatt, Stephen. *Practicing New Historicism*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2000. 260 p.
216. Gallager, Robert G. *Information Theory and Reliable Communication*. N.Y. – Chichester – Brisbane – Toronto – Singapore: John Wiley & Sons, 1968. 588 p.
217. Gardet, Louis. *Dīn* // *The Encyclopaedia of Islam*. New Edition. Vol. II / ed. by B. Lewis, Ch. Pellat and J. Schacht. Leiden: E. J. Brill, 1991. P. 293–296.
218. Garfoot, Alan P. *The Dawn of Neo-Modern: Art, Humanism & the Meme*. Lulu.com, 2010. 196 p.
219. Gauchet, Marcel. *The Disenchantment of the World: A Political History of Religion* / transl. by O. Burge. With a Foreword by Charles Taylor. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1999. 272 p.
220. Geary, Patrick J. *The Myth of Nations: The Medieval Origins of Europe*. Princeton and Oxford: Princeton Univ. Press, 2002. 199 p.
221. Geaves, Ron. *The Borders between Religions: A Challenge to the World Religions Approach to Religious Education* // *British Journal of Religious Education*. 1998. Vol. 21. No. 1. P. 20–31.
222. Geaves, Ronald. *The Dangers of Essentialism: South Asian Communities in Britain and the ‘World Religions’ Approach to the Study of Religions* // *Contemporary South Asia*. 2005. Vol. 14. No. 1. P. 75–90.
223. Gellner, Ernest. *Nation and Nationalism*. Ithaca – N.Y.: Cornell Univ. Press, 2008. 150 p.
224. George, Frankl. *The Unknown Self*. L.: Open Gate Press, 1990. 245 p.
225. Geruson, Richard T.; McGrath, Dennis. *Cities and Urbanization*. N.Y., 1977. 233 p.
226. *Geschichte und Geschichtsschreibung. Möglichkeiten, Aufgaben, Methoden. Texte von Voltaire bis zur Gegenwart*. Hg. von Fritz Stern. München, 1966. 558 S.
227. Geuss, Raymond. *The Idea of a Critical Theory: Habermas and the Frankfurt school*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1981. 100 p.
228. Ghosh, Asish. *Dynamic Systems for Everyone: Understanding How Our World works*. 2nd ed. Springer, 2017. 293 p.
229. Giddens, Anthony. *New Rules of Sociological Method*. L.: Hutchinson, 1974. 196 p.
230. Giddens, Anthony. *A Contemporary Critique of Historical Materialism*. Vol. I: *Power, Property and the State*. L. & Basingstoke, UK: The Macmillan Press, 1981; Vol. II: *The Nation-State and Violence*. Cambridge, MA: Polity Press, 1985.

231. Giddens, Anthony. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge, MA: Polity Press, 1984. 385 p.
232. Giere, Ronald. *Explaining Science: A Cognitive Approach*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1988. 321 p.
233. Glass, Gene V. Primary, Secondary and Meta-Analysis of Research // *Educational Researcher*. 1976. No. 5. P. 3–8.
234. *Global Modernities* / ed. by Mike Featherstone, Scott Lash, Roland Robertson. L.: SAGE Publications Ltd, 1995. 292 p.
235. *Global Social Change: Historical and Comparative Perspectives* / ed. by Christopher Chase-Dunn, Salvatore J. Babones. Baltimore: The John Hopkins Univ. Press, 2006. 371 p.
236. Glynos, Jason; Howarth, David R. *Logics of Critical Explanation in Social and Political Theory*. Routledge, 2007. 264 p.
237. Golden, Peter B. Irano – Turcica: The Khazar Sacral Kingship Revisted // *Acta Orientalia*. 2007. Vol. 60. No. 2. P. 161–194.
238. Goldstein, Leon J. *The What and the Why of History: Philosophical Essays*. Leiden – N.Y. – Köln: Brill, 1996. 351 p.
239. González, Luis A. Teoría crítica versus teoría de sistemas: la confrontación Habermas-Luhmann // *Realidad: Revista de Ciencias Sociales y Humanidades*. 1994. No. 41. P. 785–811.
240. Goody, Jack. *The Logic of Writing and the Organization of Society*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1986. 213 p.
241. Gordin S., Gutherz G., Elazary A. et al. Reading Akkadian cuneiform using natural language processing. *PLoS ONE*15(10) 2020: e0240511. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0240511>
242. Gorenburg, Dmitry. Identity Change in Bashkortostan: Tatars into Bashkirs and back // *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 22. No. 3. 1999. Published online: 07 Dec 2010. P. 557–558.
243. Grele, Ronald J. *Oral History as Evidence* // *History of Oral History: Foundations and Methodology* / ed. by Thomas L. Charlton, Lois E. Myers, Rebecca Sharpless. Lanham – N.Y. – Toronto – Plymouth, UK: AltaMira Press, 2007. P. 33–94.
244. Greverus, Ina-Maria. *Der Territoriale Mensch. Ein literaturanthropologisches Versuch zum Heimatphänomen*. Frankfurt/M.: Athenäum, 1972. 464 S.
245. Griffin, Em. *A First Look at Communication Theory*. 8th ed. N.Y.: McGraw-Hill Education, 2012. 563 p.
246. Gross, Feliks. *The Civic and the Tribal State: The State, Ethnicity, and the Multiethnic State*. Westport CT: Greenwood Press, 1998. 232 p.
247. Gross, Paul R.; Levitt, Norman. *Higher Superstition: The Academic Left and Its Quarrels with Science*. New Delhi: JHU Press, 1997. 348 p.
248. Guinsburg, Thomas N. *The Dimensions of History*. N.Y.: Rand McNally and Company, 1971. 271 p.
249. Guldi, Jo. What is the Spatial Turn? // *Spatial Humanities: A Project of the Institute for Enabling Geospatial Scholarship*. Scholars Lab – University of Virginia Library, 2011. [Electronic resource]. URL: <https://spatial.scholarslab.org/spatial-turn/what-is-the-spatial-turn>. Retrieved 09.02.2016.
250. Guldi, Jo; Armitage, David. *The History Manifesto*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2014. 165 p.

251. Hall, Peter; Preston, Paschal. *The Carrier Wave: New Information Technology and the Geography of Innovation, 1846–2003*. Boston, MA: Unwin Hyman, 1988. xiii, 305 p.
252. Hall, Stuart. *Ethnicity: Identity and Difference // Becoming National – A Reader* / ed. by Geoff Eley and Ronald Grigor Suny. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1996. P. 339–349.
253. Hans, Josef. *Homo Oeconomicus Islamicus: Wirtschaftswandel und sozialer Aufbruch im Islam*. Klagenfurt: J. Leon sen., 1952. 113 p.
254. Hansen, Mogens H. *A Comparative Study of Thirty City-state Cultures: An Investigation*. Royal Danish Academy of Sciences & Letters. Copenhagen Polis Centre, 2000. 636 p.
255. Hanson, Barbara G. *General Systems Theory: Beginning with Wholes*. L. – N.Y.: Routledge, 2013. 161 p.
256. Hanson, Sharon. *The Secularization Thesis: Talking at Cross Purposes // Journal of Contemporary Religion*. 1997. Vol. 12. No. 2. P. 159–179.
257. Harder, Peter. *Meaning in Mind and Society: A Functional Contribution to the Social Turn in Cognitive Linguistics*. Berlin – N.Y.: Walter de Gruyter, 2010. 516 p.
258. Harjo, Suzan Sh. *The American Indian Experience // Family Ethnicity: Strength in Diversity* / ed. by Harriette P. McAdoo. 2nd ed. Thousand Oaks – L. – New Delhi: SAGE Publications, 1999. P. 63–71.
259. Hastings, Adrian. *The Construction of Nationhood: Ethnicity, Religion and Nationalism*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997. 235 p.
260. Hay, Colin. *State Theory // Routledge Encyclopedia of International Political Economy*. Vol. 3 / ed. by R. J. Barry Jones. L. – N.Y.: Routledge, 2001. P. 1469–1475.
261. Hedrick, Todd. *Rawls and Habermas: Reason, Pluralism, and the Claims of Political Philosophy*. Stanford: Stanford Univ. Press, 2010. 256 p.
262. Held, David. *Introduction to Critical Theory: Horkheimer to Habermas*. Berkeley and Los Angeles: Univ. of California Press, 1980. 520 p.
263. Heller, Agnes. *A Theory of History*. L. – N.Y.: Routledge, 2016. 336 p.
264. Hempel, Carl G. *Aspects of Scientific Explanation: And Other Essays in the Philosophy of Science*. Free Press, 1970. 504 p.
265. Herren, Madeleine; Rüesch, Martin; Sibille, Christiane. *Transcultural History: Theories, Methods, Sources*. Springer; 2012. 174 p.
266. Herwig, Wolfram. *The Roman Empire and Its Germanic Peoples*. Berkeley and Los Angeles: Univ. of California Press, 1997. 361 p.
267. Himmelweit, Susan; Simonetti, Roberto; Trigg, Andrew. *Microeconomics: Neoclassical and Institutional Perspectives on Economic Behaviour*. L.: Thomson – The Open Univ. Press, 2001. 580 p.
268. Hjørland, Birger. *Information Seeking and Subject Representation: An Activity-Theoretical Approach to Information Science*. Westport, CT: Greenwood, 1997. 224 p.
269. Hobsbawm, Eric J. *Nations and Nationalism since 1780 – Programme, Myth, Reality*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994. 191 p.
270. Hobson, John M. *The Eurocentric Conception of World Politics: Western International Theory, 1760–2010*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2012. 406 p.
271. Hofstee, Willem. *Family Matters: Community, Ethnicity, and Multiculturalism // Religious Origins of Nations? The Christian Communities of the Middle East* / ed. by Baster Haar Romeny. Leiden – Boston: E. J. Brill, 2010. (Special Issue of *Church History and Religious Culture* 89/1–3. 2009). P. 53–63.

272. *Hofstede, Geert*. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. Beverly Hills, CA: Sage, 1984. 328 p.

273. *Hofstede, Geert*. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context // Online Readings in Psychology and Culture. Vol. 2 (1). The Berkeley Electronic Press, 2011.

274. *Holsti, Ole R*. Content Analysis for the Social Sciences and Humanities. Reading, MA: Addison-Wesley, 1969. 236 p.

275. *Holt J*. A Logic of Sense, Nonsense, and Sacrament: Gilles Deleuze and a Transfiguration of the Commonplace / Dissertation. Graduate Theological Union, 2002. 204 p.

276. *D'Hondt, Jacques*. Marx et les leçons de l'histoire // Philosophy of History and Action: Papers Presented at the First Jerusalem Philosophical Encounter. December 1974 / ed. by Yirmiah Yovel. Dordrecht – Boston – L.: D. Reidel Publishing Company / The Magnes Press of the Hebrew Univ., 2012. P. 159–176.

277. *Honneth, Axel; Joas, Hans*. Introduction // Communicative Action: Essays on Jürgen Habermas's The Theory of Communicative Action / ed. by Axel Honneth and Hans Joas; transl. by Jeremy Gaines and Doris L. Jones. Cambridge, MA: The MIT Press, 1991. P. 1–6.

278. *Horster, Detlef; Niklas Luhmann*. München: C. H. Beck, 2005. 224 p.

279. *Hudson, Mark J*. Ruins of Identity: Ethnogenesis in the Japanese Islands. Honolulu: Univ. of Hawai'i Press, 1999. vii, 327 p.

280. *Hunter, J.F.M.* On Whether History has a Meaning // Objectivity, Method, and Point of View: Essays in the Philosophy of History / ed. by W.J. van der Dussen, Lionel Rubinoff. Leiden – N.Y. – København – Köln: E. J. Brill, 1991. P. 87–96.

281. *Huntington, Samuel P*. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. No. 3. P. 22–49.

282. *Hutchings, K.; Weir, D*. Guanxi and Wasta: A Comparison // Thunderbird International Business Review. 2006. Vol. 48. No. 1. P. 141–156.

283. Ideology and the Formation of Early States / ed. by Henri J. M. Claessen and J. G. Oosten. Leiden: E. J. Brill, 1996. 447 p.

284. *Iggers, Georg G.; Wang, Edward; Mukherjee, Supriya*. Global History of Modern Historiography. N.Y.: Routledge, 2010. 448 p.

285. Information Systems Theory: Explaining and Predicting Our Digital Society. T. 2 / ed. by Yogesh K. Dwivedi, Michael R. Wade, Scott L. Schneberger. Springer, 2012. 446 p.

286. Information Studies and the Quest for Transdisciplinarity. Unity through Diversity / ed. Mark Burgin, Wolfgang Hofkirchner. L.: World Scientific, 2017. 547 p.

287. *Inglehart, Ronald*. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1990. 484 p.

288. *Inglehart, Ronald*. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1997. 453 p.

289. *Inglehart, Ronald*. Cultural Evolution: People's Motivations Are Changing, and Reshaping the World. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2018. 288 p.

290. The Institute for Digital Archeology. [Electronic resource]. URL: <http://digital-archaeology.org.uk>. Retrived 12.12.2018.

291. *Isaacs, Harold R*. Idols of the Tribe: Group Identity and Political Change. N.Y.: Harper and Row, 1975. 242 p.

292. *Isabirye, Stephen*. Tribalism in Africa. [Electronic resource]. URL: <http://www.hartford-hwp.com/archives/30/065.html>. Retrived 11.03.2017.

293. *Jacques, Martin*. When China Rules the World: The End of the Western World and the Birth of a New Global Order. L.: Penguin Books, 2009. 848 p.
294. *James, Paul W.* Nation Formation: Towards a Theory of Abstract Community. L.: SAGE Publications, 1996.
295. *James, Paul W.* Relating Global Tensions: Modern Tribalism and Postmodern Nationalism // *Communal / Plural*. 2001. Vol. 9. No. 1. P. 11–31.
296. *James, Paul W.* Globalism, Nationalism, Tribalism: Bringing Theory Back In. L.: SAGE Publications, 2006. 392 p.
297. *James, Duren; Ward, Henderson*. The Classification of Religions: Different Methods, Their Advantages and Disadvantages (Classic Reprint). FB&C Limited, 2018 [1909]. 84 p.
298. *Jammer, Max*. The Philosophy of Quantum Mechanics: The Interpretations of Quantum Mechanics in Historical Perspective. N.Y.: J. Wiley, 1974. 536 p.
299. *Jannidis, Fotis*. Modeling in the Digital Humanities: a Research Program? // *Historical Social Research*. 2018. Suppl. 31. S. 96–100.
300. *Jaspers, Karl Th.* Der philosophische Glaube angesichts der Offenbarung. Munich: R. Piper, 1962. 539 S.
301. *Jenkins, Richard*. Different Societies? Different Cultures? What are Human Collectivities? // *Making Sense of Collectivity: Ethnicity, Nationalism and Globalisation* / ed. by Siniša Malešević & Mark Haugaard. L.: Pluto Press, 2002. P. 12–32.
302. *Jensen, Hans*. Sign Symbol and Script: An account of man's efforts to write. L.: George Allen and Unwin Ltd., 1970. 613 p.
303. *Jeffries, Vincent*. Pitirim A. Sorokin's Integralism and Public Sociology // *American Sociologist*. Fall/Winter, 2005. P. 66–87.
304. *Johnson, Paul*. Individual Liberty and Private Property // *Liberty and Civilization: The Western Heritage* / ed. by Roger Skruton. N.Y. – L.: Encounter Books, 2010. P. 19–32.
305. *Jones, Rhys*. People / States / Territories: The Political Geographies of British State Transformation. Oxford: Blackwell Publishers, 2007. 232 p.
306. *Kadushin, Charles*. Understanding Social Networks: Theories, Concepts, and Findings. Oxford: Oxford Univ. Press, 2011. 264 p.
307. *Kalaman, Sefer; Süslü, Bilal*. Media and Digital Modernism: New Communication Environments. Lang: Peter GmbH, 2018. 212 p.
308. *Kaljanac, Adnan*. Archaeological Researches on the Processes of Ethnogenesis in the Western Balkan's Prehistory: Possibilities and Limitations // *Godišnjak Centra za balkanološka ispitivanja*. 2013. Vol. 42. P. 45–69.
309. *Kamlah, Wilhelm; Lorenzen, Paul*. Logische Propädeutik: Vorschule des vernünftigen Redens. Mannheim: Wissenschaftsverlag, 1967.
310. *Karl Marx's Economics: Critical Assessments* / ed. by J. C. Wood. Vol. 1–2. L. – N.Y.: Routledge, 1991.
311. *Katz, Jerrold J.* The Philosophy of Language. N.Y.: Harper & Row, 1966. 311 p.
312. *Kelsen, Hans*. General Theory of Law and State / transl. by Anders Wedberg. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1945. 516 p.
313. *Kempe, Thomas M.* The Trials of Homo Clausus: Elias, Weber, and Goethe on the Sociogenesis of the Modern Self // *Norbert Elias and Human Interdependencies* / ed. by Thomas Salumets. Monreal & Kingston – L. – Ithaca: McGill–Queen's Univ. Press, 2001. P. 137–148.

314. *Kenneth, R. Olwig. Landscape, Monuments, and National Identity // Nations and Nationalism: A Global Historical Overview / ed. by Guntram H. Herb, David H. Kaplan. Santa Barbara, CA: ABC-CLIO, 2008. P. 59–71.*
315. *Kennick W.E. Art and Philosophy: Readings in Aesthetics. N.Y.: St. Martin's Press, 1979. 729 p.*
316. *Kenoun, Robert. A Proposition to Theory of History and Social Evolution. L.: Trafford Publishing, 2006. 243 p.*
317. *Kess, Alexandra. Johann Sleidan and the Protestant Vision of History. Aldershot: Ashgate, 2008. 245 p.*
318. *Kester, Grant. Conversation Pieces: Communication and Community in Modern Art. Berkeley, CA: Univ. of California Press, 2004. 239 p.*
319. *Kimball, Ralf; Ross, Margy. The Data Warehouse Toolkit: The Definitive Guide to Dimensional Modeling. 3d ed. Wiley Publ., 2013. 600 p.*
320. *Kirby, Alan. The Death of Postmodernism and Beyond // Philosophy Now: A Magazine of Ideas. No. 58. [Electronic resource]. URL: https://philosophynow.org/issues/58/The_Death_of_Postmodernism_And_Beyond. Retrieved 11.05.2019.*
321. *Kirby, Alan. Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure our Culture. N.Y. – L.: Continuum, 2009. vi, 282 p.*
322. *Kissinger, Henri A. The Meaning of History: Reflections on Spengler, Toynbee and Kant. Boston: Harvard Univ. Press, 1951. 388 p.*
323. *Kivelson, Valerie A. Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford, CA: Stanford Univ. Press, 1996. 372 p.*
324. *Klasing, Mariko J. Cultural Dimensions, Collective Values and their Importance for Institutions // Journal of Comparative Economics. 2013. Vol. 41. No. 2. P. 447–467.*
325. *Klüver, Jürgen. The Dynamics and Evolution of Social Systems: New Foundations of a Mathematical Sociology. Dordrecht: Springer Science + Business Media, B.V., 2000. 302 p.*
326. *Kneller, George F. Introduction to the Philosophy of Education. N.Y.: J. Wiley, 1964. 128 p.*
327. *Knight, Chris. The Origins of Symbolic Culture // Homo Novus – A Human Without Illusions / ed. by Ulrich J. Frey, Charlotte Störmer and Kai P. Willfuhr. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 2010. P. 193–212.*
328. *Knysh, Alexander. Islam and Arabic as the Rhetoric of Insurgency: The Case of the Caucasus Emirate // Studies in Conflict & Terrorism. 2012. 35: 4. P. 315–337.*
329. *Kocka Jürgen. Sozialgeschichte. Begriff – Entwicklung – Probleme // Kleine Vandenhoeck-Reihe. No. 1434. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht Verlag, 1977. 173 p.*
330. *Kolb, Patricia J. Ethnogenesis: The Development of an Ethnic Group. Hispanic Americans / Diss. New York School for Social Research. N.Y., 1984. 764 p.*
331. *Korzybski, Alfred. Science and Sanity: An Introduction to Non-Aristotelian Systems and General Semantics / Preface by Robert P. Pula. Institute of General Semantics, 1994. 927 p.*
332. *Koselleck, Reinhart. The Practice of Conceptual History: Timing, History, Spacing Concepts. Stanford: Stanford Univ. Press, 2002. 380 p.*
333. *Krausz, Michael. Ideality and Ontology in the Practice of History // Objectivity, Method, and Point of View: Essays in the Philosophy of History / ed. by W.J. van der Dussen, Lionel Rubinoff. Leiden – N.Y. – København – Köln: E.J. Brill, 1991. P. 97–111.*

334. *Krech, Volkhard*. Wissenschaft und Religion: Studien zur Geschichte der Religionsforschung in Deutschland 1871 bis 1933. Tübingen: Mohr Siebeck, 2002. xi, 377 S.
335. *Krieger, Leonard*. Ranke: The Meaning of History. Chicago, IL: Univ. of Chicago Press, 1977. 402 p.
336. *Krippendorff, Klaus*. Content Analysis: An Introduction to Its Methodology. Thousand Oaks – L. – New Delhi: SAGE Publications, 2004. 472 p.
337. *Kristeva J.* Une poétique ruinée. Présentation // *Bakhtine M.* La poétique de Dostoïevski. Paris, 1070.
338. *Kuhn A.* The Logic of Social Systems: A Unified, Deductive, System-Based Approach to Social Science. San-Francisco, 1974. 534 p.
339. *Kulczycki, Emanuel*. Communication History and Its Research Subject // *Annals of the University of Craiova. Philosophy Series*. 2014. Vol. 33 (1). P. 132–155.
340. *Kulczycki, Emanuel*. Dwa aspekty komunikacji. Założenia komunikologii historycznej. Poznań: Wydawnictwo naukowe, 2015. 285 p.
341. *Kumar, Krishan*. From Post-Industrial to Post-Modern Society: New Theories of the Contemporary World. 2nd ed. Oxford: Blackwell Publishing, 2005. 289 p.
342. *Kurzweil, Ray*. The Singularity is Near. N.Y.: Penguin Group, 2005. 652 p.
343. *Kuznar, Lawrence A.* Reclaiming a Scientific Anthropology. Walnut Creek, Calif.: AltaMira Press, 1997. 266 p.
344. *LaCapra D.* Rethinking Intellectual History: Texts, Contexts, Language. Ithaca – L.: Cornell Univ. Press, 1983. 350 p.
345. *Laclau, Ernesto; Mouffe, Chantal*. Hegemony and Socialist Strategy. L.: Verso, 1985. 197 p.
346. *Ladany, Nicholas; Thompson, Barbara J.; Hill, Clara E.* Cross-analysis // *Consensual Qualitative Research: A Practical Resource for Investigating Social Science Phenomena* / ed. by Clara E. Hill. Washington, DC: American Psychological Association, 2012. P. 117–134.
347. *Lanigen, Richard L.* Information Theories // *Theories and Models of Communication* / ed. by Paul Cobley, Peter J. Schulz. Berlin – Boston: De Gruyter Mouton, 2013. P. 59–84.
348. *Lanigan, Richard L.* The Verbal and Nonverbal Codes of Communology: The Foundation of Interpersonal Agency and Afficacy // *Communicology: The New Science of Embodied Discourse* / ed. by Debora Eicher and Isaak E. Catt. Madison – Teaneck: Fairleigh Dickinson Univ. Press, 2010. P. 102–130.
349. *Larsen J. A. O.* Representative Government in Greek and Roman History. Berkeley, 1955. 247 p.
350. *Laszlo, Ervin*. The Interconnected Universe: Conceptual Foundations of Transdisciplinary Unified Field. New Jersey: World Scientific, 1993. 189 p.
351. *Laszlo, Ervin*. The Systems View of the World: A Holistic Vision for Our Time (*Advances in Systems Theory, Complexity, and the Human Sciences*). 2nd ed. Hampton Press, 1996. 103 p.
352. *Laszlo, Ervin*. Science and the Akashic Field: An Integral Theory of Everything. СПб.: Весь, 2011. 160 c.
353. *Lasswell, Harold D.* The Structure and Function of Communication in Society // *The Communication of Ideas: A Series of Addresses* / ed. by Lyman Bryson. N.Y.: Harper and Brothers, 1948. P. 37–51.

354. Lateiner D. The Historical Method of Herodotus. Toronto – Buffalo – L.: Univ. of Toronto Press, 1989. 319 p.
355. Latour, Bruno. When Things Strike back: a possible contribution of Science studies to the Social sciences // British Journal of Sociology. January/March, 2000. Vol. 51. No. 1. P. 107–123.
356. Lawrence, Adrea. Learning How to Write Analog and Digital History // Writing History in the Digital Age / ed. by Jack Dougherty, Kristen Nawrotzki. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 2013. P. 110–120.
357. Lazarsfeld, Paul F.; Berelson, Bernard; Gaudet, Hazel. The People's Choice: How the Voter Makes up his Mind in a Presidential Campaign. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1944. 178 p.
358. Le Deuff, Olivier. Digital Humanities: History and Development (Information Systems, Web and Pervasive Computing – Intellectual Technologies). 1st ed. L. – Hoboken, NJ: ISTE – John Willey & Sons, 2018. 176 p.
359. Lechner, Frank J.; Boli, John. World Culture Origins and Consequences. Malden, UK: Blackwell Publishing, 2005. 280 p.
360. The Legal Doctrines of the Rule of Law and the Legal State (*Rechtsstaat*) / ed. by James R. Silkenat, James E. Hickey Jr., Peter D. Barenboim. Cham – Heidelberg – N.Y. – Dordrecht – L.: Springer, 2014. 367 p.
361. Leopold von Ranke and the Shaping of the Historical Discipline / ed. by George G. Iggers and James M. Powell. Syracuse, 1990. 223 p.
362. Levi-Strauss, Claude. Totemism / transl. by Rodney Needham. Boston: Beacon Press, 1963. 128 p.
363. Levinson, Jerrold. The Oxford Handbook of Aesthetics. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003. 848 p.
364. Lewis, Richard D. When Cultures Collide: Leading Across Cultures. Boston – L.: Nicholas Brealey International, 2006. 593 p.
365. Linsmeier K.-D., Schmidt K. Ein Anatolisches Stonehenge // Moderne Archäologie. Heidelberg: Spektrum-der-Wissenschaft-Verlag, 2003. S. 10–15.
366. Liotard, Jean-Francois. The Postmodern Condition: A Report on Knowledge. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1984. 110 p.
367. Lipset, Seymour M. Political Man: The Social Bases of Politics. N.Y.: Doubleday, 1960. 608 p.
368. Llobera, Josep R. Recent Theories of Nationalism. Barcelona: Institut de Ciències Politiques i Socials, 1999. 78 p.
369. Lloyd, Albert L.; Lühr, Rosemarie; Springer, Otto. Etymologisches Wörterbuch des Althochdeutschen, Band II. Vandenhoeck & Ruprecht, 1998. 597 p.
370. Locker, Alfred. On the Ontological Foundations of the Theory of Systems // Unity Through Diversity: A Festschrift for Ludvig von Bertalanffy / ed. W. Gray, N. D. Rizzo. Vol. 1. N.Y.: Gordon and Breach, 1973. P. 573–574.
371. Longino, Helen. The Social Dimensions of Scientific Knowledge // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2019 Edition). Edward N. Zalta (ed.). [Electronic resource]. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2019/entries/scientific-knowledge-social>. Retrieved 22.10.2018.
372. López-Huertas, Maria J. Reflexions on Multidimensional Knowledge: Its Influence on the Foundation of Knowledge Organization // Arqueologia Mexicana. 2013. Vol. 40. No. 6. P. 400–407.

373. Lorenz, Kuno. *Elemente der Sprachkritik: eine Alternative zum Dogmatismus und Skeptizismus in der Analytischen Philosophie*. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1970. 267 S.
374. Löwith, Karl. *The Human and History* / transl. by J. Goesser Assaiane, S. Montgomery Ewegen // *Journal of Continental Philosophy. The Meanings of History*. 2021. Vol. 2. No. 1. P. 33–60.
375. Lukács, György. *History and Class Consciousness: Studies in Marxist Dialectics* / Transl. by Rodney Livingstone. Cambridge, MA: The MIT Press, 1968. P. 295–342.
376. Luntley, Michael. *What's doing? Activity, naming and Wittgenstein's response to Augustine* // *Wittgenstein's Philosophical Investigations: A Critical Guide* / ed. Arif Ahmed. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010. P. 30–48.
377. Lustick, Ian S. *Agent-based Modeling of Collective Identity: Testing Constructivist Theory* // *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*. 2000. № 3 (1). P. 1–24.
378. Luszczynska, Ana M. *The Ethics of Community: Nancy, Derrida, Morrison, and Menendez*. N.Y.: Continuum, 2012. 192 p.
379. Macdowell, Douglas M. *The Oikos in Athenian Law* // *The Classical Quarterly*. 1989. Vol. 39. No. 1. P. 10–21.
380. Macke, Frank J. *Intrapersonal Communicology: Reflection, Reflexibility, and Relational Consciousness in Embodied Subjectivity* // *Communicology: The New Science of Embodied Discourse* / ed. by Debora Eicher and Isaak E. Catt. Madison – Teaneck: Fairleigh Dickinson Univ. Press, 2010. P. 33–62.
381. Magnani, Lorenzo. *Scientific Models Are Not Fictions: Model-Based Science as Epistemic Warfare* // *Philosophy and Cognitive Science: Western and Eastern Studies* / ed. by L. Magnani and P. Li. Heidelberg – Berlin: Springer, 2012. P. 1–38.
382. Maiolo, Joseph A. *Systems and Boundaries in International History* // *The International History Review*. 2018. Vol. 40. No. 3. P. 576–591.
383. Manning, Patrick. *Big Data in History*. L.: Palgrave Macmillan, 2013. viii, 119 p.
384. Manovich, Lev. *Thending: The Promises and the Challenges of Big Social Data* // *Debates in the Digital Humanities* / ed. by Matthew K. Gold. Minneapolis – L.: Univ. of Minnesota Press, 2012. P. 460–474.
385. Marett, Robert R. *Faith, Hope and Charity in Primitive Religion*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1932. 252 p.
386. Marett, Robert R. *The Threshold of Religion*. L.: Kessinger Publ., 1909. 196 p.
387. Markey J. *A Redefinition of Social Phenomena: Giving a Basis for Comparative Sociology* // *American Journal of Sociology*. 1925–1926. Vol. 31. P. 733.
388. Martin, William J. *The Global Information Society*. L. – N.Y.: Routledge – Taylor and Francis Group, 2017. 238 p.
389. Maryanski, Alexandra; Turner, Jonathan H. *The Social Cage. Human Nature and the Evolution of Society*. Stanford: Stanford Univ. Press, 1992. 213 p.
390. Mattessich, Richard. *The Oldest Writings, and Inventory Tags of Egypt* // *Accounting Historians Journal*. 2002. 29 (1). P. 195–208.
391. McAdoo, Harriette P. *Families of Colors: Strengths That Come from Diversity* // *Family Ethnicity: Strength in Diversity* / ed. by Harriette P. McAdoo. 2nd ed. Thousand Oaks – L. – New Delhi: SAGE Publications, 1999. P. 3–14.
392. McCarthy, Michael H. *The Crisis of Philosophy: Emerson in the Twenty-first Century*. Albany, N.Y.: State Univ. of New York Press, 1990. 408 p.

393. McCarthy, Thomas. *The Critical Theory of Jurgen Habermas*. Cambridge, MA: MIT Press, 1982. 466 p.
394. McCarty, Willard. *Modelling What There Is: Ontologising in a Multidimensional World* // *Historical Social Research*. 2018, Supplement 31. S. 33–45.
395. McCrank, Lawrence J. *Historical Information Science: An Emergent Unidiscipline*. Medford, NJ: Information Today Press, 2002. 1192 p.
396. McCrone, David. *The Sociology of Nationalism*. N.Y.: Routledge, 1998. 218 p.
397. McLuhan, Marshall. *The Gutenberg Galaxy: the Making of Typographic Man*. Toronto: Univ. of Toronto Press, 1962. 293 p.
398. McLuhan, Marshall; Powers, Bruce. *The Global Village: Transformations in the World Life and Media in the 21st Century*. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1989. 240 p.
399. McLuhan, Marshall H. *Understanding Media: The Extensions of Man*. L.: Routledge, 1964.
400. McMillan, David W.; Chavis, David M. *Sense of Community: A Definition and Theory* // *American Journal for Community and Psychology*. 1986. Vol. 14. P. 6–23.
401. McNair, Brian. *An Introduction to Political Communication*. 5th ed. L. – N.Y.: Routledge, 2011. 226 p.
402. McNairn B. *The Method and Theory of V. Gordon Childe*. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 1980. VII, 184 p.
403. McNeill, John R.; McNeill, William H. *The Human Web: A Bird's-eye View of World History*. N.Y.: W. W. Norton, 2003. 368 p.
404. McNeill, William H. *Polyethnicity and National Unity in World History*. Buffalo, NY: Univ. of Toronto Press, 1985. VII, 85 p.
405. McWhorter, Ladelle. *Episteme* // *The Edinburgh Dictionary of Continental Philosophy* / ed. by John Protevi. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2005. P. 176–177
406. Medvedev, Ilya; Ustyuzhanin, Vadim; Zinkina, Julia; Korotayev, Andrey. *Machine Learning for Ranking Factors of Global and Regional Protest Destabilization with a Special Focus on Afrasian Instability Macrozone* // *Comparative Sociology*. 2022. No. 21. P. 604–645.
407. Meinecke, Friedrich. *Zur Theorie und Philosophie der Geschichte*. Hrsg. und eingeleitet von Eberhard Kessel. Bd 4 der Werke, hrsg. von Hans Herzfeld, Carl Hinrichs und Walther Hofer. 2. Auflage. Stuttgart: K. F. Koehler Verlag, 1965. 437 S.
408. Mendelson, Elliott. *Introduction to Mathematical Logic*. N.Y.: Van Nostrand, 1979. VIII, 328 p.
409. Merckx, Gilbert W. *Constructal Models in Social Processes* // *Constructal Theory of Social Dynamics* / ed. by Adrian Bejan, Gilbert W. Merckx. N.Y.: Springer, 2007. P. 35–50.
410. *Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism* / ed. by Robin van den Akker, Alison Gibbons and Timotheus Vermeulen. L. – N.Y.: Rowman & Littlefield International, 2017. xiii, 245 p.
411. *Metatheory in Social Science: Pluralisms and Subjectivities* / ed. by Donald W. Fiske, Richard A. Shweder. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1986. 400 p.
412. *Methodology and Method in History. A Bibliography* / ed. by L. D. Parker; O. F. Graves. Abingdon: Routledge, 2014. 264 p.
413. Meyer-Dinkgräfe, Daniel. *Approaches to Acting: Past and Present*. L. – N.Y.: Continuum, 2001. 225 p.

414. Mill, John S. *A System of Logic. Ratiocinative and Inductive Presenting a Connected View of the Principles of Evidence and the Methods of Scientific Investigation*. Honolulu: Univ. Press of the Pacific, 2002 [1843]. 622 p.
415. Miller, Michael D.; Thornton, Mitchell A. *Multiple Valued Logic: Concepts and Representations*. Morgan & Claypool Publishers, 2008. 127 p.
416. Miller, John H.; Scott E. Page. *Complex Adaptive Systems. An Introduction to Computational Models of Social Life*. Princeton – Oxford: Princeton Univ. Press, 2007. 288 p.
417. Miller, Vincent. *Understanding Digital Culture*. L.: SAGE Publications Ltd., 2011. 264 p.
418. Mirowski, Philip; Nik-Khah, Edward. *The Knowledge We Have Lost in Information: The History of Information in Modern Economics*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2017. 256 p.
419. Misra, Sanghamitra. *Becoming a Borderland: The Politics of Space and Identity of Colonial Northeastern India*. Delhi: Routledge, 2011. 248 p.
420. Manyika, James, Michael Chui, Mehdi Miremadi, Jacques Bughin, Katy George, Paul Willmott, Martin Dewhurst. *A Future that Works: AI, Automation, Employment, and Productivity* // McKinsey Global Institute Research. Technical Report. 2017. Vol. 60. P. 1–135.
421. Morgan L. H. *Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family* / intr. by E. Tooker. Lincoln – L.: Univ. of Nebraska Press, 1870.
422. Moreno, Jacob L. *Sociometry, Experimental Method and the Science of Society: An Approach to a New Political Orientation*. N.Y.: Beacon House, 1951. 220 p.
423. Morris, Martin. *Rethinking the Communicative Turn: Adorno, Habermas, and the Problem of Communicative Freedom*. N.Y.: State Univ. of New York Press, 2001. 247 p.
424. Mumby, Dennis K. *Modernism, Postmodernism, and Communication Studies: A Rereading of an Ongoing Debate* // *Communication Theory*. 1997. No. 7. P. 1–28.
425. Murzi, Mauro. *Hans Reichenbach (1891–1953)* // *Internet Encyclopedia of Philosophy. A Peer-Reviewed Academic Resource*. [Electronic resource]. URL: <https://www.iep.utm.edu/reichenb>. Retrieved 12.03.2019.
426. Myres, John L. *Who Were the Greeks?* Berkeley: Univ. of California Press, 1930. 634 p.
427. Namier, Lewis B. *Avenues of History*. Hamish Hamilton, 1952. 202 p.
428. Nancy, Jean-Luc. *The Creation of the World or Globalization* / transl. and with an introduction by François Raffoul and David Pettigrew. Albany – N.Y.: State Univ. of New York Press, 2007. 137 p.
429. Nash, Roderick H. *The Meaning of History*. Broadman & Holman, 1998. 192 p.
430. Nath, Hiranya K. *The Information Society* // *Space and Culture, India*. 2017. Vol 4. No. 3. P. 19–28.
431. *National Myths: Constructed Pasts, Contested Presents* / ed. by Gérard Bouchard. N.Y. – L.: Routledge, 2013. 320 p.
432. Nealon, Jeffrey T. *Post-Postmodernism, or, The Logic of Just-in-Time Capitalism*. Stanford, CA: Stanford Univ. Press, 2012. 241 p.
433. Necolescu, Besarab. *Natural Information and Spiritual Information as an Outcome of the Transdisciplinary Methodology* // *Information Studies and the Quest for Transdisciplinarity. Unity through Diversity* / ed. Mark Burgin, Wolfgang Hofkirchner. L.: World Scientific, 2017. P. 307–324.

434. Nelson, Raymond J. *The Logic of Mind*. Reidel, 1982. 414 p.
435. Nerone, John. *The Future of Communication History* // *Critical Studies in Media Communication*. August 2006. Vol. 23. No. 3. P. 254–262.
436. Neuhaus, Helmut. *Konfessionalisierung und Territorialstaat* // *Handbuch der Geschichte der Evangelischen Kirche in Bayern*. Gerhard Müller, Horst Weigelt, Wolfgang Zorn (Hrsg.). Band 1. St. Ottilien, 2002. S. 343–361.
437. Nicodemo, Thiago Lima; Cardoso, Oldimar. *Metahistory for (Ro)bots: Historical Knowledge in the Artificial Intelligence Era* // *História da Historiografia*. 2019. Vol. 12. No. 29. P. 17–52.
438. Niethammer, Lutz. *Posthistoire. Ist die Geschichte zu Ende?* Reinbek bei Hamburg, 1989. 189 S.
439. Nilsson, Martin P. *Cults, Myths, Oracles, and Politics in Ancient Greece*. With Two Appendices: the Ionian Phylae, the Phratries. Lund: Cooper Square Publishers, 1951. 179 p.
440. Nissen, Hans J. *The Early History of the Ancient Near East, 9000–2000 BC*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1988. xiv, 215 p.
441. Norbert Elias and *Human Interdependencies* / ed. by Thomas Salumets. Monreal & Kingston – L. – Ithaca: McGill–Queen's Univ. Press, 2001. 272 p.
442. *La Nouvelle Histoire*. Sous le direction de Jaques Le Goff. Paris: Editions Complexe, 1988. 333 p.
443. Oberhauser, Otto. *Digitale Langzeitarchivierung als Thema internationaler Institutionen und Organisationen: Ein bibliotheksorientierter Überblick* // *Zeitschrift für Bibliothekswesen und Bibliographie*. Frankfurt/M.: Verein Dt. Bibliothekare, 2003. No. 6. S. 303–314.
444. *Observing Complexity: Systems Theory and Postmodernity* / ed. by W. Rasch, C. Wolfe. Univ. of Minnesota Press, 2000. 277 p.
445. Odajnyk, V. W. *Jung and Politics. The Political and Social Ideas of C. G. Jung*. N.Y.: New York Univ. Press, 1976. 208 p.
446. Øhrstrøm, Peter; Hasle, Per F. V. *Temporal Logic. From Ancient Ideas to Artificial Intelligence*. *Studies in Linguistics and Philosophy*. Vol. 57. Dordrecht – Boston – L.: Kluwer Academic Publishers, 1995. viii, 413 p.
447. Olufson, Loreen C. *An Investigation of Ethnocentrism, Its Elements, Factors Affecting Its Intensity, and Implications for Cross-Cultural Activities*. Eugene: Oregon State Univ., 1988.
448. *The Oxford Handbook of American Islam* / ed. by Yvonne Yazbeck Haddad, Jane I. Smith. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014. 576 p.
449. Pace, Enzo. *Religion as Communication: God's Talk*. Farnham: Ashgate Publishing Ltd., 2011. 180 p.
450. Palmer, Robert E. A. *The Archaic Community of the Romans*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1970. 328 p.
451. *Panel discussion: Is a Philosophy of History Possible?* // *Philosophy of History and Action: Papers Presented at the First Jerusalem Philosophical Encounter*. December 1974 / ed. by Yirmiahu Yovel. Dordrecht – Boston – L.: D. Reidel Publishing Company / The Magnes Press of the Hebrew Univ., 2012. P. 219–240.
452. Paolicchi, Piero. *Homo ethicus: introduzione alla psicologia della morale*. Pisa: ETS, 1987. 332 p.

453. Parrish, Fred L. The Classification of Religions: Its Relation to the History of Religions. Herald Press, 1941.
454. Pearce, W. Barnett; Cronen, Vernon E. Communication, Action, and Meaning: The Creation of Social Realities. N.Y.: Praeger, 1980.
455. Percy, Walker. The Symbolic Structure of Interpersonal Process // Psychiatry. 1961. No. 24. P. 39–52.
456. Phillips, Donald. Post-National Patriotism and the Feasibility of Post-National Community in United Germany. Westport: Praeger, 2000. 224 p.
457. Philosophical Problems of Logic / ed. by K. Lambert. Dordrecht: D. Reidel Publ. Co., 1970. 183 p.
458. Piaget, Jean. L'épistémologie des relations interdisciplinaires // Léo Apostel et al. Interdisciplinary Problems of Teaching and Research in Universities. OECD Publications Center, 1972. 323 p.
459. Piketty, Thomas. Capital in the Twenty-First Century: A Multidimensional Approach to the History of Capital and Social Classes // British Journal of Sociology. 2014. Vol. 65. No. 4. P. 736–747.
460. Pitkin, Hanna F. The Concept of Representation. Berkeley: Univ. of California Press, 1967. 332 p.
461. Pluckrose, Helen. The Problem with Truth and Reason in a Post-Truth Society // Post-Truth Initiative. [Electronic resource]. URL: <https://posttruthinitiative.org/truth-and-reason-helen-pluckrose>. Retrived 17.10.2018.
462. Poe, Marshall T. A History of Communications: Media and Society from the Evolution of Speech to the Internet. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011. 350 p.
463. Pompa, Leon. Value and History // Objectivity, Method, and Point of View: Essays in the Philosophy of History / ed. by W.J. van der Dussen, Lionel Rubinoff. Leiden – N.Y. – København – Köln: E.J. Brill, 1991. P. 112–132.
464. Pooley, Jefferson D.; Park, David W. Communication Research // The Handbook of Communication History / ed. by Peter Simonson, Janice Peck, Robert T. Craig, John P. Jackson. N.Y.: Routledge, 2013. P. 76–92.
465. Popper, Karl R. Normal Science and its Dangers // Criticism and the Growth of Knowledge. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1970. P. 51–58.
466. Popper, Karl R. Conjectures and Refutations. The Growth of Scientific Knowledge. L. – Henley: Routledge – Kegan Paul, 1972. 412 p.
467. Popper, Karl R. Epistemology without a Knowing Subject // Popper, Karl R. Objective Knowledge. An Evolutionary Approach. Oxford, Clarendon Press, 1979. P. 106–152.
468. Popper, Karl R. The Myth of the Framework: In Defence of Science and Rationality. L. – N.Y.: Routledge, 1994. 248 p.
469. Popper, Karl R. The Logic of Scientific Discovery. L. – N.Y.: Routledge, 2002. 544 p.
470. Preston, John. Feyerabend: Philosophy, Science and Society. Cambridge: Polity Press, 1997. 248 p.
471. Prigogine, Ilya; Stengers, Isabelle. La nouvelle alliance: Metamorphose de la science. Paris: Gallimard, 1979.
472. Al-Qaradawi, Yusuf. Islamic Awakening Between Rejection and Extremism. Islamic Book Trust, 2010. 177 p.

473. *Randers, Jørgen*. Elements of the System Dynamic Methods. Cambridge, MA: The MIT Press, 1980. 344 p.
474. *Ranke, Leopold*. Geschichten der romanischen und germanischen von 1494 bis 1535. Leipzig – Berlin: Reimer, 1924. 482 S.
475. *Rappaport, Roy A*. Ecology, Meaning and Religion. Cambridge Univ. Press, 1979. P. 210–211.
476. *Rassel, Bertran*. Religion and Science. Oxford: Oxford Univ. Press, 1961. 272 p.
477. *Read, Stephen*. Thinking About Logic: An Introduction to the Philosophy of Logic. Oxford: Oxford Univ. Press, 1994. 262 p.
478. *Reddish, Mitchell G*. An Introduction to The Gospels. Nashville: Abingdon Press, 2011. 257 p.
479. *Redman, Charles L*. The Rise of Civilization. San Francisco: W. H. Freeman, 1978. 367 p.
480. *Reich, John J.; Cunningham, Lawrence*. Culture and Values: A Survey of the Humanities, 8th ed. Belmont, CA: Andover, 2013. 880 p.
481. *Renan, Ernest*. Qu'est-ce qu'une nation? Toronto: Tapir Press, 1996. 48 p.
482. *Renfrew, Colin*. Prehistory: The Making of the Human Mind. L.: Weidenfeld & Nicolson, 2007. XIV, 254 p.
483. *Renn, Ortwin*. Transdisciplinarity: Synthesis towards a modular Approach // *Futures*. June 2021. Vol. 130. 102744. [Electronic resource]. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0016328721000537>. Retrieved 12.03.2019.
484. *Renteln, Alison*. Relativism and the Search for Human Rights // *American Anthropologist*. 1988. Vol. 90(1). P. 56–72.
485. *Rescher, Nicholas*. Al-Farabi on Logical Tradition // *Journal of the History of Ideas*. Jan. – Mar., 1963. Vol. 24. No. 1. P. 127–132.
486. *Rheingold, Howard*. The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier. Reading, MA: Addison-Wesley, 1993. 325 p.
487. *Rigolot, Cyrille*. Transdisciplinarity as a discipline and a way of being: complementarities and creative tensions. *Humanit. Soc. Sci. Commun*. 2020. Vol. 7, 100. [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.1057/s41599-020-00598-5>. Retrieved 27.01.2019.
488. *Ritzer, George*. Toward an Integrated Sociological Paradigm: The Search for an Exemplar and an Image of the Subject Matter. Boston: Aliyn and Bacon, 1981. 255 p.
489. *Roberts, Clayton*. The Logic of Historical Explanation. Pennsylvania State Univ. Press, 1996. 332 p.
490. *Roberts, Hugh*. The Battlefield – Algeria, 1988–2002. Studies in a Broken Polity. L.: Verso Books, 2003. XIX, 402 p.
491. *Robets, Norman*. A Search for Information Man // *Social Sciences Information Studies*. 1982. No. 2. P. 93–104.
492. *Robinson, William I*. Beyond Nation-State Paradigms: Globalization, Sociology, and the Challenge of Transnational Studies // *Sociological Forum*. 1998. Vol. 13. No. 4. P. 561–594.
493. *Romanov, Maxim*. Digital Age, Digital Methods // *Ars Islamica*. В честь Станислава Михайловича Прозорова / под ред. М. Б. Пиотровского и А. К. Аликберова. М.: Наука – Вост. лит., 2016. С. 129–156.

494. Rorty, Richard. Wittgenstein and the Linguistic Turn // Wittgenstein's Philosophical Investigations: A Critical Guide / ed. by Arif Ahmed. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010. P. 129–144.
495. Rose, Margaret A. The Post-Modern and Post-Industrial: A Critical Analyses. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991. 331 p.
496. Rostow, Walt W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. 3d ed. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991. 322 p.
497. Rozeňnal, Robert. Cyber-Sufis. L.: Oneworld Pub., 2019.
498. Ruben, Brent D. The Communication-Information Relationship in System-theoretic Perspective // Journal of the American Society for Information Science. 1992. No. 43 (1). P. 15–27.
499. Rubinoff, Lionel. Introduction: W. H. Dray and the Critique of Historical Thinking // Objectivity, Method, and Point of View: Essays in the Philosophy of History / ed. by W. J. van der Dussen, Lionel Rubinoff. Leiden – N.Y. – København – Köln: E. J. Brill, 1991. P. 1–11.
500. Ruether, Rosemary R. Goddesses and the Divine Feminine: A Western Religious History. Berkeley: Univ. of California Press, 2005. 310 p.
501. Rüsen, Jörn. Western Historical Thinking as Intellectual Discourse // Western Historical Thinking: An Intercultural Debate / ed. by Jörn Rüsen. N.Y. – Oxford: Berghahn Books, 2002. P. 1–14.
502. Rüsen, Jörn. History: Narration – Interpretation – Orientation. N.Y. – Oxford: Berghahn Books, 2005. 236 p.
503. Sack, Robert D. Human Territoriality: Its Theory and History. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1986. 272 p.
504. Said, Edward W. Orientalism. N.Y.: Vintage Books, 1979. 369 p.
505. Salvemini, Gaetano. Historian and Scientist: An Essay on the Nature of History and the Social Sciences. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1939. 203 p.
506. Schellhammer, Kurt. Familienrecht nach Anspruchsgrundlagen: samt Verfahren in Familien-, Kindschafts- und Betreuungssachen. C. F. Müller GmbH, 2006. 797 p.
507. Schiller, Dan. Theorizing Communication: A History. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1996. 274 p.
508. Schleicher, Klaus. Education and Nationalism // Nations and Nationalism: A Global Historical Overview. Vol. 1. 1770–1880 / ed. by Guntram H. Hebb, David H. Kaplan. ABC-CLIO, 2008. P. 29–42.
509. Schulze, Winfried. Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikro-Historie: eine Diskussion. Göttingen: Erscheinungsjahr, 1994. 82 S.
510. Schwemmer, Oswald. Philosophie der Praxis: Versuch zur Grundlegung einer Lehre vom moralischen Argumentieren in Verbindung mit einer Interpretation der praktischen Philosophie Kants. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1971. 278 S.
511. Seton-Watson, Hugh. Nations and States: An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism. Westview Press. 1977. xv, 563 p.
512. Service, Elman R. Primitive Social Organization: An Evolutionary Perspective. N.Y.: Random House, 1962. 211 p.
513. Seuren, Pieter A. M. The Logic of Language. Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. 448 p.

514. Sewell, William H., Jr. *Logics of History: Social Theory and Social Transformation*. Chicago – L.: The Univ. of Chicago Press, 2005. 376 p.
515. *Shakespeare and the Culture of Romanticism* / ed. by Joseph M. Ortiz. Burlington, VT: Ashgate, 2013. 294 p.
516. Shanyang, Zhao. *Metatheory, Metamethod, Meta-Data-Analysis: What, Why, and How? // Sociological Perspectives*. 1991. Vol. 34. No. 3. Recent Explorations in Sociological Metatheorizing. P. 377–390.
517. Shannon, Claude E., Weaver, Warren. *The Mathematical Theory of Communication*. Urbana, IL: Univ. of Illinois, 1949. 144 p.
518. Sharpless, Rebecca. *History of Oral History // History of Oral History: Foundations and Methodology* / ed. by Thomas L. Charlton, Lois E. Myers, Rebecca Sharpless. Lanham – N.Y. – Toronto – Plymouth, UK: AltaMira Press, 2007. P. 9–32.
519. Sheldon, Garrett W. *The History of Political Theory: Ancient Greece to Modern America*. N.Y. – San Francisco – Bern – Baltimore – Frankfurt/M – Berlin – Wien – Paris: Peter Lang, 1993. 254 p.
520. Scheler, Max. *Mensch und Geschichte*. Zürich: Verlag der Neuen Schweizer Rundschau, 1929. 60 S.
521. Shils, Edward. *Primordial, Personal, Sacred and Civil Ties // The British Journal of Sociology*. 1957. Vol. 8. No. 2. P. 130–145.
522. Silvey, Le Anne E. *Firstborn American Indian Daughters: Struggles to Reclaim Cultural and Self-Identity // Family Ethnicity: Strength in Diversity* / ed. by Harriette P. McAdoo. 2nd ed. Thousand Oaks – L. – New Delhi: SAGE Publications, 1999. P. 72–88.
523. Simmel, G. *Beiträge zur Erkenntnistheorie der Religion // Aufsätze und Abhandlungen 1901–1908*. Bd 1. Hg. von R. Kramme, A. Rammstedt und O. Rammstedt. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1995. S. 9–20.
524. Simonson, Peter; Peck, Janice; Craig, Robert T., Jackson, John P. *The History of Communication History // The Handbook of Communication History* / ed. by Peter Simonson, Janice Peck, Robert T. Craig, John P. Jackson. N.Y.: Routledge, 2013. P. 13–57.
525. Sinha, Surajit. *Tribal Politics and State Systems in Pre-Colonial Eastern and North Eastern India*. Calcutta: K. P. Bagchi & Co., 1987. 366 p.
526. Skyttner, Lars. *General Systems Theory: Problems, Perspective, Practice*. World Sci. Publ. Comp., 2006. 536 p.
527. Smith, Anthony D. *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford: Blackwell, 1986. 329 p.
528. Smith, Anthony D. *National Identity*. Harmondsworth UK: Penguin, 1991. 269 p.
529. Smith, Anthony D. *The Nation in History: Historiographical Debates about Ethnicity and Nationalism (The Menahem Stern Jerusalem Lectures)*. Univ. Press of New England, 2000. 106 p.
530. Smith, Antony D. *Nations and Nationalism in a Global Era*. Cambridge: Polity Press, 2013. 216 p.
531. Smith, Page. *The Historian and History*. N.Y.: Alfred A. Knopf Publishers, 1964. VIII, 261 p.
532. Smith, Robert C. *John F. Kennedy, Barack Obama, and the Politics of Ethnic Incorporation and Avoidance*. Albany. N.Y.: State Univ. of N.Y., 2013. 274 p.
533. Smuts, Jan Ch. *Holism and Evolution*. L.: Macmillan, 1926. 362 p.

534. Snooks, Graeme D. The Laws of History. L. – N.Y.: Routledge Taylor & Francis Group, 1998. 312 p.
535. Sorokin, Pitirim A. Contemporary Sociological Theories. N.Y.: Harper & Brothers, 1928. 783 p.
536. Sorokin, Pitirim A. Social and Cultural Dynamics: A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, Law and Social Relationships. Boston: Extending Horizons Books, Porter Sargent Publishers, 1957. 720 p.
537. Southall, Aidan. A Critique of the Typology of States and Political Systems // Political systems and the Distribution of Power / ed. by M. Banton. L.: Tavistock Publications, 1965. P. 112–140.
538. Southall, Aidan. The Segmentary State in Africa and Asia // Comparative Studies in Society and History. January 1988. XXX, I. P. 52–82.
539. Spickard, Paul R. Thinking Comparatively about Ethnic Systems // Race and Nation: Ethnic Systems in the Modern World / ed. by Paul R. Spickard. N.Y. – L.: Routledge, 2005. P. 1–32.
540. Spinner, Helmut F. Theoretischer Pluralismus // Sozialtheorie und soziale Praxis. Festschrift für Eduard Baumgarten / hrg. v. Hans Albert. Meisenheim am Glan, 1971. 211 S.
541. Sreedharan, Elattuvalapil. A Manual of Historical Research Methodology. Kerala: SBPress, 2007. 374 p.
542. Sriramesh, Krishnamurthy; White, Jon. Societal Culture and Public Relations. January 1992. C. 48. [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/247564609_Societal_culture_and_public_relations. Retrieved 12.09.20220.
543. Stam, James H. Inquiries into the Origins of Language. N.Y.: Harper and Row, 1976. 307 p.
544. Steiner, Claude. Scripts People Live: Transactional Analysis of Life Scripts. N.Y.: Grove Press, 1990. 352 p.
545. Steiner, Franz B. Selected Writings / ed. by J. Adler and R. Fardon. Vol. 1. Taboo, Truth and Religion. N.Y. – Oxford: Berghahn Books, 1999. 239 p.
546. Stern, Alfred. Philosophy of History and the Problem of Values. The Hague: Mouton, 1962. 248 p.
547. Stern, August. Matrix Logic: Theory and Applications. Amsterdam – N.Y. – Oxford – Tokio: North-Holland, 1988. 214 p.
548. Stets, Jan E.; Burke, Peter J. Identity Theory and Social Identity Theory // Social Psychology Quarterly. 2000. Vol. 63. No. 3. P. 224–237.
549. Stone, Lawrence. The Past and Present. Oxford: Oxford Univ. Press, 1981. 286 p.
550. Strawson, Peter F. Identifying Reference and Truth Values // Theoria. 1964. No. 30. P. 96–118.
551. Suppe, Frederick. The Semantic View of Theories and Scientific Realism. Urbana – Chicago: Univ. of Illinois Press, 1989. 475 p.
552. Takahashi, Shingo; Takahara, Yasuhiko. Logical Approach to Systems Theory. Berlin: Springer, 1995. 176 p.
553. Tamm, Marek; Burke, Peter. Debating New Approaches to History. L. – N.Y. – Sydney – Delhi: Bloomsbury Publishing, 2018. 392 p.

554. *Theories of Communication: A Short Introduction* / ed. by A. Mattelart, M. Mettelart; transl. by S. G. Toponier, J. A. Cohen. L.: SAGE Publ., 2004. 192 p.

555. *Theorizing Communication: Readings Across Traditions* / ed. by Robert T. Craig and Heidi L. Muller. Los Angeles: Sage, 2007. 544 p.

556. *The Science Wars: Debating Scientific Knowledge and Technology* / ed. by Keith Parsons. Prometheus Books, 2003.

557. *Thompson, E. P. The Making of the English Working Class*. L.: Penguin Classics, 2013. 848 p.

558. *Thompson, Klein J. Interdisciplining Digital Humanities: Boundary Work in an Emerging Field*. Ann Arbor, MI: Univ. of Michigan Press, 2014. 838 p.

559. *Tilly, Charles. Reflections on the History of European State-Making // The Formation of National States in Western Europe* / ed. by Charles Tilly. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1975. P. 84–163.

560. *Ting, Helen. Social Construction of Nation – A Theoretical Exploration // Nationalism and Ethnic Politics*. 2008. Vol. 14. No. 3. P. 453–482.

561. *Tishkov, Valery A. Forget the 'Nation': Post-Nationalist Understanding of Nationalism // Ethnic and Racial Studies*. 2000. Vol. 23. No. 4. P. 625–650.

562. *Todorov, Tzvetan. Symbolism and Interpretation* / transl. by Catherine Porter. Ithaca – N.Y.: Cornell Univ. Press, 1986. 176 p.

563. *Toffler, Alvin. The Third Wave*. N.Y.: Bantam Books, 1989. 518 p.

564. *Tokarev, Sergei A. Principles of the Morphological Classification of Religions (Part II) // Soviet Anthropology and Archeology*. 1966. Vol. 5. No. 1. P. 11–25.

565. *Tomasello, Michael. The Cultural Roots of Language // Communicating Meaning. The Evolution and Development of Language* / ed. by B. M. Velichkovsky and D. M. Rumbaugh. Mahwah, NJ: Erlbaum, 1996. P. 275–307.

566. *Tönnies, Ferdinand. Gemeinschaft und Gesellschaft*. Berlin, 1887. 270 S.

567. *Tönnies, Ferdinand. Community and Civil Society* / ed. Jose Harris. Cambridge Univ. Press, 2001. 320 p.

568. *Touraine, Alain. The Post-Industrial Society. Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts and Culture in the Programmed Society* / transl. by L. F. Mayhew. N.Y.: Random House, 1971. 244 p.

569. *Towards a General Theory of Action* / ed. by T. Parsons, E. Shils. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1951. 306 p.

570. *Transdisciplinarity: Stimulating Synergies, Integrating Knowledge Division of Philosophy and Ethics*. UNESCO: Division of Philosophy and Ethics, 1998. 80 p.

571. *Transdisciplinarity: reCreating Integrated Knowledge* / ed. by Margaret A. Somerville, David J. Rapport. Oxford, UK: EOLSS Publishers Co. Ltd., 2000. 271 p.

572. *Trompenaars, Fons; Hampden-Turner, Charles. Riding the Waves Culture: Understanding Cultural Diversity in Business*. L.: N. Brealy Publ., 1993. x, 266 p.

573. *Turner, Luke. The Metamodernist Manifesto*. 2011. [Electronic resource]. URL: <https://www.metamodernism.org>. Retrieved 21.01.2019.

574. *Ueberweg, Friedrich. System of Logic and History of Logical Doctrines* / transl. from the German, with notes and appendices, by T. M. Lindsay. L.: Longmans, Green, and Co., 1871. 649 p.

575. Van Benthem, Johan. The Logic of Time. A Model-Theoretic Investigation into the Varieties of Temporal Ontology and Temporal Discourse. 2nd ed. Dordrecht – Boston – L.: Kluwer Academic Publishers, 1983. 290 p.
576. Van Benthem van den Bergh, G. Symbol and Integration Process. Two Meanings of the Concept “Nation” // Norbert Elias and Human Interdependencies / ed. by Thomas Salumets. Montreal: McGill-Queen’s Univ. Press, 2001. P. 191–212.
577. Van Breda, John; Swilling, Mark. The Guiding Logics and Principles for Designing Emergent Transdisciplinary Research Processes: Learning Experiences and Reflections from a Transdisciplinary Urban Case Study in Enkanini Informal Settlement, South Africa // Sustainability Science. 2019. Vol. 14. P. 823–841.
578. Van den Berghe, Pierre L. The Ethnic Phenomenon. N.Y.: Elsevier, 1981. 301 p.
579. Van den Berghe, Pierre L. Stranger in Their Midst. Boulder: Col. Univ. of Colorado Press, 1989. 320 p.
580. Van De Mieroop, Marc. The Ancient Mesopotamian City. Revised edition. Oxford: Oxford Univ. Press, 1999. 288 p.
581. Van Dijk, Jan. The Network Society. Social Aspects of New Media. 2nd ed. L. – Thousand Oaks – New Delhi: Sage Publications, 2006. 304 p.
582. Van Dijk, Teun A.; Kintsch, Walter. Strategies of Discourse Comprehension. L.: Academic Press, 1983. 418 p.
583. Vansina, Jan. Oral Tradition as History. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1985. 258 p.
584. Verba, Sidney. Comparative Political Culture. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1965. xi, 562 p.
585. Vermeer, Hans J. Luhmann’s “Social Systems” Theory: Preliminary Fragments for a Theory of Translation. Berlin: Frank&Timme, 2006. 142 p.
586. Vermeulen, Timotheus; Akker, Robin van den. Notes on Metamodernism // Journal of Aesthetics & Culture. 2010. Vol. 2. No. 1. [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.3402/jac.v2i0.5677>. Retrieved 21.09.2018.
587. Vilmos, Csányi. Evolutionary Systems and Society: A General Theory of Life, Mind, and Culture. Durham – L.: Duke Univ. Press, 1989. 304 p.
588. Vincent, Andrew. Conceptions of the State // Encyclopedia of Government and Politics. Vol. 1 / ed. by M. E. Hawkesworth, Maurice Kogan. L. – N.Y.: Routledge, 1992. P. 43–55.
589. Vinogradoff, Paul. Village Communities // Encyclopædia Britannica. Vol. 28 (11th ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1911. P. 68–73.
590. Vladimirova, Alina V. Exploring Evolution of International Trade Networks: Overview of Data Preprocessing Issues // Исторические исследования в контексте науки о данных: информационные ресурсы, аналитические методы и цифровые технологии. Материалы международной конференции. Москва, 4–6 декабря 2020 г. М.: МАКС Пресс, 2020. С. 209–217.
591. Von Weizsäcker, Carl Friedrich F. The Unity of Nature. N.Y.: Farrar Straus Giroux, 1980. 406 p.
592. Voss, Barbara L. The Archaeology of Ethnogenesis: Race and Sexuality in Colonial San Francisco. Berkeley – Los Angeles – L.: Univ. of California Press, 2008. 432 p.
593. Wallace, Ruth A.; Wolf, Alison. Contemporary Sociological Theory. 6th ed. New Jersey, Pearson Education, 2006. 466 p.

594. Wallerstein, Immanuel. The Modern World-System. Vol. I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. N.Y. – L.: Academic Press, 1974; Vol. II: Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750. N.Y.: Academic Press, 1980; Vol. III: The Second Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730–1840's. San Diego: Academic Press, 1989; Vol. IV: Centrist Liberalism Triumphant, 1789–1914. Berkeley: Univ. of California Press, 2011.

595. Walser, Joseph. The Classification of Religions and Religious Classifications: a Genre Approach to the Origin of Religions // Culture and Religion. An Interdisciplinary Journal. 2015. Vol. 16. No 4. P. 345–371.

596. Watzlawick, Paul; Weakland, John H. The Interactional View: Studies at the Mental Research Institute. N.Y.: W. W. Norton, Inc., 1977. 424 p.

597. Weber, Max. The Methodology of the Social Science / transl. and ed. by Edward A. Shus and Henry A. Finch with a foreword by Edward A. Shils. Glencoe, IL: The Free Press, 1949. 256 p.

598. Weber, Max. Class, Status, and Power // From Max Weber. Essays in Sociology / ed. by H. H. Gerth and C. Wright Mills. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1958. P. 180–195.

599. Weber, Max. The Theory of Social and Economic Organization. NewYork: Free Press, 1947. 450 p.

600. Weber, Max. On the Methodology of the Social Sciences. Glencoe, IL: Free Press, 1949. 81 p.

601. Weber, Max. Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der verstehende Soziologie. Tübingen: Mohr, 1980. 948 p.

602. Webster, Frank. Theories of the Information Society. Cambridge: Routledge, 2002. 404 p.

603. Weinberg, Gerald M. An Introduction to General Systems Thinking. N.Y.: Dorset House, 2001. 279 p.

604. Wendland M. Pojęcie komunikacji w poznawczej szkole metodologicznej // Filo-Sofija. 2012. Vol. 18. No. 3. S. 91.

605. Wentworth, William M. Life upon Life: The Sociogenesis of Human Consciousness. Courier Custom Publishing, Inc., 2002.

606. Weller, Toni. Information History – An Introduction: Exploring an Emergent Field. Oxford, UK: Chandos Pub., 2008. 147 p.

607. Werner, Michael; Zimmermann, Bénédicte. Beyond Comparison. Histoire Croisée and the Challenge of Reflexivity // History and Theory. 2006. No. 45. P. 30–50.

608. Wetherell, Charles. Historical Social Network Analysis // New Methods for Social History / ed. by Larry J. Griffin, Marcel van der Linden, Josepha Sherman. Cambridge, N.Y.: Press Syndicate, 1999. P. 125–144.

609. Wiemann, John M.; Hawkins, Robert P.; Pingree, Susanne. Fragmentation in the Field and the Movement toward Integration in Communication Science // Human Communication Research. 1988. No. 15. P. 304–310.

610. Wiener, Norbert. Cybernetics: Or Control and Communication in the Animal and the Machine. Paris: Hermann & Cie / The MIT Press, 1948; 2nd ed. 1961. 212 p.

611. Wightman, Gregory J. The Origins of Religion in the Paleolithic. Washington DC: Rowman & Littlefield, 2015. IX, 292 p.

612. Wilkin, Holley A.; Stringer, Kimberly A.; O'Quin, Karen; Montgomery, Shannon A.; Hunt, Kimberly. Using Communication Infrastructure Theory to Formulate a Strategy to Locate "Hard-to-Reach" Research Participants // *Journal of Applied Communication Research*. 2011. Vol. 39. No. 2. P. 201–213.
613. Wilkinson, Doris. Reframing Family Ethnicity in America // *Family Ethnicity: Strength in Diversity* / ed. by Harriette P. McAdoo. 2nd ed. Thousand Oaks – L. – New Delhi: SAGE Publications, 1999. P. 15–62.
614. Wilson, Brian R. *Systems: Concepts, Methodologies, and Applications*. 2nd ed. N.Y.: John Wiley & Sons Ltd, 1990. 399 p.
615. Wilson, Deborah D. *The Sociogenesis of Idiocultures*. San Diego: Univ. of California Press, 2011. 298 p.
616. Witmer, Scott. *Political Systems*. L.: Raintree, 2013. 64 p.
617. Whitley, David S. *Cave Paintings and the Human Spirit: The Origin of Creativity and Belief*. N.Y.: Prometheus Books, 2009. 322 p.
618. Wolff, Robert S. The Historian's Craft, Popular Memory, and Wikipedia // *Writing History in the Digital Age* / ed. by Jack Dougherty, Kristen Nawrotzki. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 2013. P. 64–74.
619. Wood, Ellen M. *Democracy against Capitalism: Renewing Historical Materialism*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995. 320 p.
620. Wood, Ellen M. *Citizens to Lords: A Social History of Western Political Thought from Antiquity to the Late Middle Ages*. L. – N.Y.: Verso, 2011. 256 p.
621. Wood, Julia T. *Interpersonal Communication: Everyday Encounters*. Belmont: Cengage Learning, 2002. 384 p.
622. Woolgar, Steve. The Turn to Technology in Social Studies of Science // *Science, Technology, & Human Values*. 1991. Vol. 16. No. 1. P. 20–50.
623. Wright, Sewall. Correlation and Causation // *Journal of Agricultural Research*. 1921. Vol. 20. P. 557–585.
624. Wrzosek, Wojciech. O myśleniu historycznym. Bydgoszcz: Epigram, 2009. 144 s.
625. Xiaoling, Hu. Sheffield Corpus of Chinese for Diachronic Linguistic Study // *Literary and Linguistic Computing*. 2005. Vol. 20. No. 3. P. 281–293.
626. York, Michael. *Pagan Theology: Paganism as a World Religion*. N.Y. – L.: New York Univ. Press, 2003. 239 p.
627. Young, William A. *The World's Religious: Worldviews and Contemporary No.s*. Pearson Prentice Hall, 2005. 413 p.
628. Yovel, Yirmiyahu. Kant and the History of Reason // *Philosophy of History and Action: Papers Presented at the First Jerusalem Philosophical Encounter. December 1974* / ed. by Yirmiah Yovel. Dordrecht – Boston – L.: D. Reidel Publishing Company / The Magnes Press of the Hebrew Univ., 2012. P. 115–132.
629. Yun, Ma Shu. Ethnonationalism, Ethnic Nationalism, and Mini-Nationalism: A Comparison of Connor, Smith and Snyder // *Ethnic and Racial Studies*. 1990. Vol. 13. No. 43. P. 527–541.
630. Zadeh, Lutfi A. *Fuzzy Sets, Fuzzy Logic, and Fuzzy Systems: Selected Papers* / ed. by George J. Klir & Bo Yuan. Singapore – New Jersey – L. – Hong Kong: World Scientific, 1996. 826 p.

631. *Zeghal, Malika*. La constitution du Conseil Français du Culte Musulman: reconnaissance politique d'un Islam français? // *Archives de sciences sociales des religions*. 2005. No. 129. P. 97–113.

632. *Ziewe, Jurgen*. Multidimensional Man. Lulu, 2008. [Electronic resource]. URL: www.multidimensionalman.com. Retrieved 17.06.2022.

633. *Zima, Peter V*. What is Theory? Cultural Theory as Discourse and Dialogue. L.: Continuum, 2007. 304 p.

634. *Zwicky, Fritz*. Discovery, Invention, Research through the Morphological Approach / transl. from the German edition (Munich, 1966). Toronto: Collier–Macmillan Canada Ltd., 1969. 276 p.

ОБ АВТОРЕ

АЛИКБЕРОВ АЛИКБЕР КАЛАБЕКОВИЧ – доктор исторических наук, директор Института востоковедения РАН (с 2020 г. по настоящее время). Автор свыше 170 научных работ по средневековой истории Востока, теории и методологии истории, восточному источниковедению и исламоведению. Монография «Эпоха классического ислама на Кавказе» вошла в отчетный доклад Президиума Российской академии наук в 2004 г. как фундаментальное научное исследование по востоковедению.

Главный редактор научного журнала «Ориенталистика». Заместитель главного редактора академических журналов «Цифровое востоковедение» и «Евразийский Ежегодник».

Эксперт РАН. Заместитель председателя Научного совета РАН по комплексным проблемам востоковедения. Член научных советов РАН по этничности и межнациональным отношениям и комплексным проблемам новейшей истории и культуры Евразии. Заместитель председателя Экспертного совета при Федеральном агентстве по делам национальностей РФ. Один из сопредседателей Ассоциации экспертов России, Китая и Монголии.

Почетный работник науки и высоких технологий Российской Федерации (2021 г.).

Научное издание

АЛИКБЕРОВ Аликбер Калабекович

**ЧЕЛОВЕК И ИСТОРИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ:
Многомерный подход**

Монография

Редактор *Л. В. Филиппова*
Верстальщик *Н. В. Макеева*
Оформитель *П. А. Трошина*
Корректор *Н. В. Макеева*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 15.12.2023 г. Формат 70×100/16
Усл. печ. л. 59,6. Уч.-изд. л. 54,3. Тираж 500 экз. Заказ №

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН)
Научно-издательский центр, заведующий *А. О. Захаров*
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте <https://book.ivran.ru>

Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах,
изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

ФБГУ Издательство «Наука» (Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6 стр. 1
E-mail: info@naukaran.com. <https://naukapublishers.ru>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
АО «Первая Образцовая типография»
115054, г. Москва, улица Валовая, 28
Тел.: +7 495 641-51-70. E-mail: office2@primepress.ru